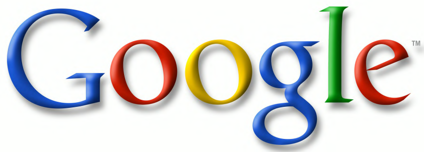

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ,

издаваемый подъ редакціей

Н. И. КАРѢЕВА.

(1894 г.).

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1894.

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ,

издаваемый подъ редакціей

Н. И. КАРѢЕВА.

(1894 г.).

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1894.

2185

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

Приложеніе.

ОТДѢЛЪ I.

Седьмой томъ „Историческаго Обозрѣнія“ выпускается въ свѣтъ безъ обзоровъ исторической литературы и безъ исторической хроники, которые пришлось отложить до восьмого тома, предназначеннаго къ выпуску осенью 1894 г. Значительная часть настоящаго тома была набрана, когда оказалось, что средства Историческаго Общества не дозволяютъ ему издавать свое „Обозрѣніе“ два раза въ годъ, какъ прежде, книжками въ 20 — 25 листовъ, и потому на этотъ разъ въ виду того, что на будущее время придется выпускать книжки листовъ по 15, а седьмой томъ достигъ уже этой нормы, Редакція „Историческаго Обозрѣнія“ и рѣшила перенести предназначенные для седьмого тома обзоры и хронику въ слѣдующій восьмой томъ.

Сенъ-Жюстъ.

Н. Мировичъ.

Между всѣми яркими индивидуальностями, которыми такъ богата эпоха французской революціи, выдѣляется своеобразная личность молодого человѣка, почти юноши, своей кратковременной политической дѣятельностью оставившаго глубокое впечатлѣніе на всѣхъ современниковъ. Выдвинувшись въ 1793 году въ Комитетѣ Общественнаго Спасенія, въ качествѣ сторонника и друга Робеспьера, Сенъ-Жюстъ возбуждалъ въ окружающихъ чувство суевѣрнаго страха, къ которому примѣшивалось недоумѣніе. Одни называли его порожденіемъ Робеспьера, членомъ революціоннаго тріумвирата; другіе—святымъ; третьи — сфинксомъ, апокалипсическимъ чудовищемъ [1]). Смѣшанности и неясности впечатлѣній не мало способствовали внѣшній образъ и пріемы Сенъ-Жюста. Мягкія, почти женскія черты лица; низкій лобъ, почти закрытый ниспадавшими на него волосами; свѣтлые, прозрачные глаза, глядѣвшіе прямо передъ собой,—такъ описываютъ его современники. И эти внѣшнія черты такъ же мало гармонировали съ суровымъ обращеніемъ его, рѣзкимъ голосомъ, отрывистой, сухой дикціей, какъ неумолимые, безпощадные доклады его, равнявшіеся смертнымъ приговорамъ, съ сентиментально-филантропическимъ характеромъ его поэтическихъ произведеній.

„Ничто не можетъ быть ужаснѣе,—замѣчаетъ одинъ современникъ, встрѣтившій С.-Жюста въ 1793 году въ Страсбургѣ,—ничто не можетъ быть ужаснѣе лаконичной, сжатой формы этихъ проскрипцій, нерѣдко представлявшихъ смертный приговоръ для цѣлаго класса гражданъ... Я какъ бы слышу еще ихъ въ краткой, звучной дикціи

[1]) Avenel, „Anarharsis Cloots", éd. 1865, t. 2 p. 374.

этого красиваго юноши, созданнаго природой для любви и поэзіи"... И между тѣмъ, тотъ же современникъ и очевидецъ прибавляетъ: „Странное дѣло! неутомимая жажда справедливости, страстная любовь къ человѣчеству господствовали минутами въ этой суровой душѣ, не отрѣшившейся отъ всякаго чувства справедливости и гуманности" [2]). „Одинъ изъ младшихъ членовъ Конвента,—замѣчаетъ другой современникъ,—С.-Жюстъ, быть можетъ, болѣе другихъ съ экзальтированнымъ энтузіазмомъ соединялъ вѣрный и быстрый глазомѣръ, непоколебимо-твердую волю и въ высшей степени организаторскій умъ" [3]).

Но тѣ же поклонники С.-Жюста, преклонявшіеся передъ его сильной волей, энергіей, преданностью идеямъ революціи,—тѣ же друзья и поклонники указываютъ на одну характерную черту его, отражавшуюся на его наружности, обращеніи и придававшую особенный отпечатокъ его внѣшнимъ пріемамъ. Увлеченіе его абстрактными принципами, простиравшееся до фанатизма, было сухое, холодное, разсудочное. Чувство едва ли играло въ немъ какую-либо роль; заглушенное и подавленное разсудкомъ, оно не участвовало въ его образѣ мыслей, также какъ и въ образѣ дѣйствій. И въ этомъ отношеніи С.-Жюстъ является крайнимъ, типичнымъ представителемъ своей эпохи и въ частности своей партіи. Во всемъ его духовномъ существѣ преобладающимъ является разсудокъ,—тотъ искаженный, сухой разсудокъ, который воцарился въ XVIII вѣкѣ, деспотически властвуя подъ другими духовными свойствами человѣка, обращая его въ бездушный механизмъ, дѣйствующій во имя отвлеченныхъ теорій и принциповъ. „Въ священной любви къ отечеству, говорилъ самъ С.-Жюстъ, есть нечто ужасное. Любовь эта такъ исключительна, что все сокрушаетъ во имя общаго интереса безъ состраданія, безъ страха, безъ уваженія къ человѣческой личности". И принципъ этотъ онъ проводилъ на практикѣ послѣдовательно, безжалостно, жестоко, не щадя своихъ ближнихъ, слѣдуя отвлеченному догмату, воодушевляясь идеалами Рима и Спарты, примѣрами Катона, Брута и другихъ представителей древняго міра, образъ которыхъ не покидалъ его и имена которыхъ постоянно возвращались въ его рѣчахъ. Эта фанатическая преданность отвлеченному принципу проглядываетъ въ каждомъ его дѣйствіи, также какъ въ каждомъ изреченіи. „Если тщеславіе, говорилъ онъ, приводитъ людей къ эшафоту, къ кладбищу, къ небытію,—это не важно, лишь бы сохранилась свобода...

[2]) Charles Nodier, „Souvenirs et portraits de la Révolution, éd. 1841, p. 50.
[3]) Mémoires de Levasseur, t. II, p. 324, 325.

Республика создается съ неумолимою суровостью, безпощадной ко всѣмъ измѣнникамъ" [4]).

Суровый, мрачный обликъ С.-Жюста производилъ впечатлѣніе на всѣхъ, кому приходилось сталкиваться съ этою личностью. При различіи въ оцѣнкѣ его нравственной личности, какъ друзья, такъ и враги равно признавали въ немъ одно характерное качество, яркой полосой проходившее во всей его дѣятельности,—непоколебимую, твердую волю, презиравшую всякія преграды, неуклонно слѣдовавшую по намѣченному пути. Свойство это выражалось и въ его наружности,—въ общемъ очертаніи всей фигуры. Сухой и неподвижный, какъ автоматъ, затянутый въ накрахмаленный галстукъ, съ головой слегка закинутой назадъ и взоромъ устремленнымъ прямо передъ собою,—С.-Жюстъ походилъ на существо особаго рода, чуждое человѣческихъ слабостей, являвшееся въ эпоху революціи воплощеніемъ правительства террора, неумолимаго и жестокаго, безпощадно творившаго судъ и расправу.

Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о ранней юности С.-Жюста, до революціи 1789 года,—весьма скудны и неполны, хотя въ нравственномъ отношеніи довольно характерны. С.-Жюстъ родился 25 августа 1767 года въ Дэсизъ, небольшомъ городкѣ Нивернэ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Суасонѣ, въ коллежѣ св. Николая. Уже здѣсь онъ обратилъ на себя вниманіе свойствами своего характера—заносчиваго, болѣзненно-самолюбиваго. Черты эти онъ унаслѣдовалъ, повидимому, отъ отца, выслужившагося офицера стараго режима, который съ раздраженіемъ относился къ соціальному неравенству, помѣшавшему ему выдвинуться въ общественной дѣятельности. Вѣроятно, отъ матери онъ воспринялъ наклонность къ мечтательности и сентиментальности, представлявшую такой странный контрастъ съ свойственными ему рѣзкостью и жестокостью. Свѣдѣнія, сохранившіеся о раннемъ періодѣ жизни С.-Жюста, представляютъ намъ его, далѣе, одинокимъ, чуждающимся общества товарищей, неохотно подчиняющимся дисциплинѣ учебнаго заведенія. Въ то же время онъ обращалъ на себя вниманіе недюжинными способностями. „Это лучшій нашъ ученикъ",—говорили о немъ учителя. Разсказываютъ, что одинъ изъ нихъ, въ минуту пророческой дивинаціи, предсказалъ, что онъ будетъ въ послѣдствіи или великимъ человѣкомъ, или великимъ злодѣемъ.

По окончаніи курса въ коллежѣ, С-Жюстъ занимался нѣкоторое время изученіемъ права въ Реймсѣ. Здѣсь, если вѣрить преданію онъ обилъ спальную свою чернымъ сукномъ съ бѣлыми разводами, и

[4]) Докладъ С.-Жюста конвенту, 11 жерминаля II года.

цѣлые часы проводилъ въ этомъ склепѣ, мысленно переносясь въ иной міръ, населенный героями древности, и повторяя слова: „Міръ сталъ пусть послѣ римлянъ".

Образъ жизни С.-Жюста въ ранней юности въ общемъ мало извѣстенъ. По сохранившимся смутнымъ преданіямъ, подобно большинству сверстниковъ, онъ велъ въ юности жизнь безпорядочную; разсказываютъ даже, что однажды онъ укралъ у матери серебро и драгоцѣнныя вещи, послѣ чего былъ заключенъ въ продолженіе полугода въ исправительномъ домѣ. Но всѣ эти разсказы нельзя выдавать за непреложные факты. Достовѣрно извѣстно лишь то, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ бросался отъ одного рода дѣятельности къ другому; обратившись сначала къ изученію права, онъ не кончилъ курса; затѣмъ перешелъ къ литературнымъ занятіямъ, мечтая въ то же время вступить въ гвардію графа Артуа.

Въ сохранившемся отъ этого времени литературномъ произведеніи его „Organt" отражается безпорядочное воображеніе, вышедшее изъ границъ, не подчиняющееся никакой нравственной уздѣ. Но рядомъ съ тривіальными общими мѣстами, цинично-грубыми или сентиментально-пошлыми,—выдаются строки не лишенныя поэтической красоты, сравненія довольно удачныя и мѣткія, въ которыхъ проглядываютъ сатирическія способности автора. Сатира эта, очевидно, внушена просвѣтительными писателями XVIII вѣка,—Дидро, Вольтеромъ, Руссо, Монтескьё. Такъ, въ отрицательномъ изображеніи Карла Великаго и его борьбы съ саксами описываются современныя политическія личности — Людовикъ XVI, Марія Антуанета и др. [5]). Намеки на современныя политическія лица и ихъ образъ дѣйствій, перемѣшанные съ сентиментальными воззваніями къ природѣ, къ блаженной эпохѣ, когда на землѣ царствовала одна добродѣтель и хвалебные гимны свободѣ и равенству наполняютъ поэму, отражая на себѣ броженіе эпохи.

Начало революціи для С.-Жюста, какъ и для многихъ его современниковъ, было знаменательно. Революція являлась исходомъ для всѣхъ смутныхъ, неопредѣленныхъ стремленій, въ которыхъ честолюбіе, жажда славы и широкой дѣятельности,—соединялись съ увлеченіемъ абстрактными, филантропическими идеями. Съ началомъ революціи совпадаетъ и первое появленіе С.-Жюста на политическомъ

---

[5]) „Par des tyrans la France est gouvernée,
„L'Etat faiblit, et les lois sans vigueur
„Respectent l'or du coupable en faveur.
„Dans ses écarts, la reine forcenée
„Foule, mon fils, d'un pied indifférent
„Et la nature, et tout le peuple Franc". etc.

поприщѣ. Въ концѣ 1789 года С.-Жюстъ пріѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь онъ видѣлся съ Камиллемъ Демуленомъ, былъ на засѣданіяхъ Національнаго Собранія и якобинскаго клуба, и возвратился въ Блеранкуръ [6]) ревностнымъ сторонникомъ новаго движенія, и съ этихъ поръ судьба его была неразрывно связана съ судьбой революціи. Въ продолженіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ, 1790—91 гг., личная жизнь его исчезаетъ за общественной дѣятельностью. Мы видимъ его попеременно то въ роли агитатора-проповѣдника среди своихъ согражданъ, то въ качествѣ избирателя—составителемъ адресовъ Національному Собранію. Въ апрѣлѣ 1790 года, по вопросу, поднятому Національнымъ Собраніемъ о томъ, который изъ двухъ городовъ—Ланъ (Laon) или Суасонъ—долженъ стать главнымъ городомъ департамента Энъ,—С.-Жюстъ выступилъ защитникомъ интересовъ послѣдняго. Адвокатура его не увѣнчалась успѣхомъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ сдѣлался предметомъ оваціи со стороны своихъ согражданъ. Около того же времени, онъ выдвигается на первый планъ во время демонстраціи со стороны Блеранкурскаго муниципалитета,—демонстраціи, вызванной протестомъ нѣсколькихъ членовъ Національнаго Собранія противъ декрета о свободѣ совѣсти. По этому поводу, 15-го мая 1790 года, муниципалитетъ собрался для выраженія своего негодованія въ адресѣ Національному Собранію. „При этомъ,—гласитъ протоколъ Блеранкурскаго муниципалитета,—С.-Жюстъ простеръ руку къ пламени, которому предали пасквиль, и поклялся умереть за отечество и Національное Собраніе и скорѣе погибнуть черезъ огонь, уничтожившій пасквиль, чѣмъ нарушить свою клятву“. Эта театральная сцена, въ духѣ времени, гдѣ С.-Жюстъ вспомнилъ, вѣроятно, о подвигѣ Муція Сцеволы,—произвела сенсацію въ средѣ зрителей. „Мэръ Блеранкура,—читаемъ мы въ протоколѣ,—въ свою очередь простеръ руку къ пламени и повторилъ клятву вмѣстѣ съ другими муниципальными чиновниками; затѣмъ, поздравивши С.-Жюста, сказалъ: „Молодой человѣкъ, я зналъ вашего отца, дѣда и прадѣда, вы достойны ихъ. Продолжайте, какъ начали, и мы увидимъ васъ въ Національномъ Собраніи“.

По мѣрѣ того, какъ С.-Жюстъ выдвигался въ революціонной дѣятельности, мы видимъ, какъ постепенно утрачивается въ немъ умственное и нравственное равновѣсіе. „Революціонная лихорадка“ встрѣчаетъ въ немъ благодарную почву. Тщеславіе, безмѣрное самолюбіе, раздраженное соціальнымъ неравенствомъ, жажда славы, въ соединеніи съ фанатическимъ увлеченіемъ идеями вѣка,—всѣ эти различныя влеченія и страсти, развиваясь при благопріятныхъ усло-

[6]) Отецъ С.-Жюста въ 1773 году переселился съ семьей въ г. Блеранкуръ.

ніяхъ политическихъ безпорядковъ, достигаютъ крайнихъ предѣловъ. Содержаніе, какъ и форма рѣчей, писемъ, трактатовъ С.-Жюста поражаютъ преувеличенностью представленій, обиліемъ метафоръ и гиперболъ. „Вы, чтб поддерживаете колеблющееся отечество противъ потока деспотизма и интриги,—писалъ онъ Робеспьеру, защищая коммерческіе интересы Блеранкура,—вы, котораго я знаю, какъ Бога, лишь по сотвореннымъ вами чудесамъ,—обращаюсь къ вамъ съ просьбой спасти мой несчастный край... Я васъ не знаю, но вы великій человѣкъ. Вы депутатъ не только провинцій, но человѣчества и республики“ [5]).

Еще болѣе ярко отразилось умственное и нравственное настроеніе С.-Жюста въ первомъ его сочиненіи, которое послужило первой ступенью къ его славѣ. Въ 1791 г. онъ изложилъ свое общественное и политическое credo въ трактатѣ, озаглавленномъ: „Духъ революціи и конституціи Франціи“ (Esprit de la Révolution et de la Constitution de France“). Школьническое упражненіе и, въ то-же время, политическое profession de foi, произведеніе это отличается пестротой содержанія. Самые разнообразные вопросы и теоріи затрогиваются здѣсь,—о государственномъ договорѣ, о преимуществѣ первобытной жизни дикарей, о значеніи воспитанія и т. д.,—въ перемежку съ парадоксальными сентенціями. „Спокойствіе—душа тиранніи, страсть—душа свободы; первое—огонь тлѣющій; вторая—огонь снѣдающій...“ „Древо преступленія твердо, корень его мягокъ; сдѣлайте людей лучшими и не душите ихъ“. Мысли автора, безъ всякой послѣдовательности и системы, безпорядочно перебѣгаютъ отъ одного предмета къ другому,—отъ абстрактныхъ декламацій въ духѣ Руссо къ разсужденіямъ о событіяхъ и дѣятеляхъ революціи, пересыпаннымъ метафорами и лирическими тирадами. „Государство, покрытое правами человѣка, какъ обильными жатвами, повсемѣстно представляетъ свободу рядомъ съ народомъ, равенство рядомъ съ богатымъ, справедливость рядомъ съ слабымъ... Среди народовъ, дѣйствительно свободныхъ, женщины свободны и обожаемы и ведутъ счастливую жизнь, какъ того заслуживаетъ ихъ интересная слабость... О, законодатели! Дайте намъ законы, которые заставили бы насъ полюбить ихъ; равнодушіе къ отечеству и любовь къ самому себѣ—источникъ всякаго зла; равнодушіе къ самому себѣ и любовь къ отечеству—источникъ всякаго блага“ [6]). Во всѣхъ разсужденіяхъ С.-Жюста о соціальной и государственной организаціи преобладаютъ раціоналистическіе взгляды Руссо на общественный договоръ—вѣра въ безграничное могущество отвлеченныхъ

[5]) Ernest Hamel. „Histoire de St.-Just“.
[6]) St.-Just, „Esprit de la Révolution“.

теорій и законовъ. „Всякое благо проистекаетъ отъ хорошихъ законовъ, всякое зло—отъ ихъ испорченности... Хорошій законъ лучше всѣхъ людей; страсть увлекаетъ ихъ или слабость останавливаетъ; все прозябаетъ или быстро разрушается". Подобно своему учителю, С.-Жюстъ превозноситъ, въ то-же время, первобытное состояніе человѣческой жизни, т.-е. отсутствіе порядка и закона; жизнь дикарей приводитъ его въ умиленіе и, описывая ее, онъ впадаетъ въ сентиментальной паѳосъ. „Дикари имѣютъ одну лишь политическую добродѣтель—войну. Удовольствія ихъ не страсти,—они наслаждаются простотой природы; танцы—выраженіе ихъ невинной радости и чувства... Да простятъ мнѣ эти размышленія о дикаряхъ; счастливая страна, ты далека отъ очей моихъ, но близка моему сердцу..."

Ревностный послѣдователь Руссо, будущій политическій реформаторъ, которому предстояло въ скоромъ времени практически проводить въ жизнь свои теоріи—С.-Жюстъ въ эпоху 1791 г. еще далекъ былъ отъ тѣхъ крайнихъ выводовъ безпощаднаго догматизма, которые дали направленіе его политической дѣятельности. Такъ, преклоняясь передъ Руссо, онъ вступаетъ съ нимъ въ горячую полемику по вопросу о правѣ казни, оспаривая это право съ гуманной точки зрѣнія. „Какое благоговѣніе ни внушаетъ мнѣ авторитетъ Руссо,—говоритъ онъ,—я не прощаю тебѣ, о великій человѣкъ!—что ты оправдалъ право смертнаго приговора... Казнь есть политическое преступленіе,—уничтоженіе законовъ. Что это за правительство, которое утратило цѣломудріе эшафота? И подобными звѣрствами восхищаются! Сколько варварства въ европейской цивилизаціи"! Высокопарную свою рѣчь С. Жюстъ кончаетъ пророческимъ изреченіемъ, которому суждено было роковымъ образомъ осуществиться въ его собственной судьбѣ: „Законы, господствующіе при посредствѣ палача,—писалъ онъ,—гибнутъ въ крови и безчестіи... Горе правительству, которое не можетъ обойтись безъ представленія о пыткѣ и позорѣ".

Филантропическія разсужденія эти, звучащія глубокой ироніей въ устахъ будущаго террориста, не составляютъ основного фона въ его трактатѣ. Эксурсіи его въ область пастушескихъ идиллій являются какъ бы лирическими отступленіями,—въ духѣ той эпохи, когда въ смертныхъ приговорахъ прорывались сентиментальныя фразы, и безпощадная жестокость шла рука объ руку съ наивной чувствительностью. Общій тонъ трактата С.-Жюста—резонерскій, сухой, догматичный. Въ немъ уже проглядывалъ неумолимый фанатикъ, всецѣло преданный отвлеченнымъ теоріямъ, который въ людяхъ видѣлъ лишь математическія цифры.

Отуманенный успѣхомъ начала своей политической карьеры, С.-Жюстъ явился въ 1791 г. кандидатомъ въ депутаты Законода-

тельнаго Собранія. Ему было тогда всего 24 года,—возрастъ, по закону не допускавшій избранія въ члены собранія. Но онъ былъ авторъ „Духа революціи", т. е. политическаго трактата, достойнаго, въ его глазахъ, сдѣлать его предметомъ исключенія. Ожиданія эти не оправдались,—онъ былъ забалотированъ. Этотъ ударъ самолюбію, подѣйствовавшій на него ошеломляющимъ образомъ, въ еще бо́льшей степени пошатнулъ равновѣсіе его духовныхъ силъ. Письмо С.-Жюста къ другу его Добиньи, въ іюлѣ 1792 г., поражаетъ отсутствіемъ здраваго смысла, преувеличенностью представленій и несоразмѣрностью ихъ. Въ то-же время, оно изобличаетъ состояніе напряженнаго возбужденія, которое минутами доходитъ до изступленія и граничитъ съ помѣшательствомъ. „Съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь,—говоритъ онъ въ этомъ письмѣ, начинающемся въ дружескомъ тонѣ,—меня преслѣдуетъ республиканская горячка, которая снѣдаетъ и пожираетъ меня... Какое несчастье, что я не могу остаться въ Парижѣ; я чувствую, что могъ бы прославиться въ этомъ вѣкѣ... Всѣ вы подлецы, что не оцѣнили меня. Но моя пальма возвысится и, быть можетъ, затемнитъ васъ. Подлецы,—я плутъ, негодяй, потому что не имѣю денегъ, чтобы дать вамъ. Вырвите у меня сердце и поглотите его,—вы станете тѣмъ, чѣмъ не можете быть сами по себѣ: великими..." Безсвязная филиппика эта заключается характерными строками: „О, Боже! Ужели Брутъ долженъ прозабать вдали отъ Рима! Но рѣшеніе мое твердо: если Брутъ не убьетъ другихъ, онъ убьетъ самъ себя".

И слова эти въ устахъ 24-хъ-лѣтняго юноши не были пустымъ звукомъ,—риторической фразой, красивой позой. Въ нихъ звучитъ искреннее убѣжденіе,—вѣра въ свое духовное превосходство и проистекающую изъ него миссію великаго преобразователя. Безграничное честолюбіе, зачатки котораго гнѣздились въ самой глубинѣ его существа, постепенно превращалось въ манію величія. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше общее благо, въ глазахъ С.-Жюста, сливалось и отождествлялось съ его собственнымъ величіемъ. Отсюда то глубокое презрѣніе его къ чужимъ мнѣніямъ, расходившимся съ его собственными,—и непоколебимая увѣренность въ собственныхъ словахъ и дѣйствіяхъ,—увѣренность, не знавшая ни сомнѣній, ни колебаній; отсюда то невозмутимое олимпійское спокойствіе, отражавшееся въ въ самыхъ чертахъ его лица, спокойныхъ и правильныхъ, и во взглядѣ, холодномъ и ясномъ, какъ ледяная поверхность застывшаго озера; отсюда—тотъ рѣзкій, авторитетный, докторальный тонъ его рѣчей, нерѣдко уподоблявшій каждое слово его удару молота: „Революція—въ народѣ, не въ репутаціи нѣсколькихъ лицъ..." „Республика образуется при полномъ уничтоженіи всего, что́ противно ей". „Монархія—не король, она—преступленіе. Республика—не сенатъ, она—

добродѣтель; кто щадитъ преступленіе, тотъ хочетъ возстановить монархію и уничтожить свободу...“ Въ этомъ властномъ повелительномъ тонѣ не заключалось противорѣчія съ той проповѣдью свободы, которая такъ часто возвращается въ его политическихъ трактатахъ. Необходимое условіе народной воли—справедливость ея „съ точки зрѣнія высшаго разума“,—формула отвлеченная, открывающая широкое поле для личнаго произвола. „Общее правило, читаемъ мы въ „Esprit de la Révolution“,—всякая воля, даже верховная, клонящаяся къ разврату,—недѣйствительна. Руссо не все сказалъ, характеризуя волю неотчуждаемую, вѣчную. Она должна быть также справедливой и разумной... Свобода дурного народа есть общее вѣроломство,.... попирающее природу, которую она собой представляетъ“ 7).

Свобода и равенство рядомъ съ деспотизмомъ во имя разума и справедливости являются девизомъ и политической дѣятельности С.-Жюста. Избранный въ 1792 г. членомъ Конвента С.-Жюстъ дебютировалъ въ Собраніи обвинительной рѣчью противъ Людовика XVI,—рѣчью, гдѣ онъ доказывалъ, что король стоитъ внѣ всякихъ человѣческихъ законовъ. „Всякій король—мятежникъ и узурпаторъ... Ничто въ мірѣ не можетъ оправдать этой узурпаціи... Король не можетъ быть судимъ по законамъ страны... Самъ народъ не можетъ изгладить преступленіе тиранніи: право людей противъ тиранніи—право личное“. Рѣчь С.-Жюста была наполнена историческими ссылками, сравненіями Людовика XVI съ Тарквиніемъ Гордымъ, съ Цезаремъ, съ Катилиной и т. п.—„Въ этой рѣчи,—писалъ Бриссо (въ газетѣ „Patriote“),—высказывается талантъ, который дѣлаетъ честь Франціи, хотя,—прибавляетъ онъ, — нѣкоторыя идеи ея слишкомъ преувеличены, что объясняется чрезвычайною молодостью оратора“.

На политической сценѣ Парижа,—обширной аренѣ, гдѣ сталкивались и разгорались столь разнообразныя страсти, С.-Жюстъ съ первыхъ шаговъ своихъ занялъ выдающееся положеніе. Весь внѣшній обликъ его, представлявшій рѣзкую противуположность съ большинствомъ его товарищей, долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на массу. „Народъ,—замѣчаетъ біографъ С.-Жюста и его поклонникъ,—народъ провидѣлъ въ немъ геній революціи и сдѣлалъ его своимъ героемъ“ 8). Въ дѣйствительности, С.-Жюстъ былъ типическимъ представителемъ лишь извѣстныхъ элементовъ революціи,—элементовъ, выбитыхъ изъ колеи и лишившихся духовнаго равновѣсія, благодаря охватившему ихъ потоку новыхъ идей и понятій.

Характерно и ярко проявляются эти элементы въ политическихъ

---

7) St.-Just. „Esprit de la Revoluiton“, p. 164.
8) Ernest Hamel. „Histoire de St.-Just“, p. 136.

и общественныхъ взглядахъ С.-Жюста—въ его проектѣ конституціи и нѣкоторыхъ замѣткахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „Республиканскія учрежденія“ (Partitutions républicaines). „Настанетъ день, когда дорогá будетъ память друга человѣчества, говоритъ С.-Жюстъ въ своемъ предисловіи къ „Республиканскимъ учрежденіямъ“. Человѣкъ, принужденный изолироваться отъ міра и отъ самого себя, бросаетъ якорь въ будущемъ и прижимаетъ къ своему сердцу потомство, неповинное въ бѣдствіяхъ настоящаго“. Въ этихъ немногихъ строкахъ сказывается уже не юный фантазеръ-мечтатель, но будущій реформаторъ человѣческаго рода. Во имя счастья грядущихъ поколѣній С.-Жюстъ предлагаетъ „ясно установить вопросъ объ общемъ благѣ, такъ, чтобы всѣ думали, дѣйствовали и говорили согласно установленному порядку“. Все человѣческое общество представляется ему въ видѣ сложнаго искусственнаго механизма, функціонирующаго неправильно, благодаря лишь отсутствію регулятора. Такимъ регуляторомъ должны быть законы. Отъ законодателя зависитъ дать ему извѣстное направленіе, установить „нравы мягкіе и неумолимые“, въ то-же время обезпечить добродѣтель и справедливость посредствомъ строгихъ законовъ. Законъ—это догматъ отвлеченный и, вмѣстѣ съ тѣмъ,—всемогущій, контролирующій личную инициативу, подчиняющій семейное начало — началу государственному, деспотически властвующій надъ личностью. Такъ же, какъ въ древней Спартѣ, дѣти, начиная съ пяти лѣтъ, принадлежатъ государству,—республикѣ, систематически вырабатывающей изъ нихъ будущихъ гражданъ: отъ 5 до 10 лѣтъ дѣти обучаются преподавателями, избранными изъ среды старцевъ не моложе 60-ти лѣтъ. Отъ 10 до 16 лѣтъ—они обучаются земледѣлію и военному дѣлу; отъ 16 до 21 лѣтъ юноши избираютъ извѣстную профессію, земледѣльческую или торговую; отъ 21 до 25 они солдаты, если не занимаютъ государственной должности. Но и по достиженіи зрѣлаго возраста, личность не освобождается отъ государственной опеки. „Каждый земледѣлецъ, не занимающійся ремесломъ и не отправляющій никакой общественной должности, обязанъ обрабатывать землю до 50-ти лѣтъ. Каждый, подъ страхомъ лишиться гражданскихъ правъ, ежегодно обязанъ содержать по четыре барана на каждую десятину своей земли. Каждый ежегодно обязанъ отдавать отчетъ въ храмѣ объ употребленіи своего состоянія“ и т. д. Вмѣшательство государства простирается и до мельчайшихъ подробностей интимной жизни частнаго лица: „Каждый, начиная съ возраста 21 года, долженъ ежегодно объявлять въ храмѣ, кто его другъ. Если же кто оставитъ своего друга, тотъ долженъ выяснить мотивы этого передъ лицомъ народа, въ храмѣ; въ случаѣ отказа, виновный подвергается изгнанію... Подвергается также изгнанію и тотъ, кто

говоритъ, что не вѣритъ въ дружбу или кто не имѣетъ друзей"... Въ основѣ государственнаго идеала С.-Жюста проглядываетъ даже коммунистическій принципъ. Чтобы преобразовать нравы, читаемъ мы въ „Республиканскихъ Учрежденіяхъ"—надо начать съ обезпеченія неимущихъ; надо всѣмъ раздать земель... Несчастный стоитъ выше правительства и всѣхъ земныхъ властей; онъ долженъ говорить съ ними, какъ господинъ.

Весь этотъ политическій трактатъ С.-Жюста представляетъ странную амальгаму самыхъ разнородныхъ идей. „Общественный договоръ" Руссо, „Духъ законовъ" Монтескьё, „Республика" Платона, легендарные законы царя Миноса и Ликурга,—всѣ эти пестрые, хаотическіе элементы, не образовавши стройнаго, единаго цѣлаго, способствовали порожденію политической дактрины, представлявшей собой бредъ разстроенной фантазіи. „Можно подумать, замѣчаетъ современный писатель, говоря о „Республиканскихъ учрежденіяхъ" С.-Жюста,—можно подумать, что этотъ членъ Комитета Общественнаго Спасенія замечтался и задремалъ въ гротѣ Эпименида".

Но мечты эти, несмотря на случайное отступленіе, носятъ на себѣ слѣды мрачной фантазіи автора. „То, что производитъ общее благо, всегда ужасно,—или же кажется ужаснымъ когда приступаютъ къ дѣлу слишкомъ рано... Принципъ республиканскаго правительства—добродѣтель, или же терроръ. Чего хотятъ тѣ, которые не желаютъ ни добродѣтели, ни террора?" Въ то же время, въ удивительномъ смѣшеніи различныхъ идей, характеризующихъ трактатъ С.-Жюста, сказывается утопистъ, мечтающій о грядущемъ золотомъ вѣкѣ, объ общественной свободѣ и народномъ счастьѣ. Съ присущей ему склонностью къ метафорамъ, онъ говоритъ о дѣятеляхъ революціи: „Революція окаменѣла, всѣ принципы ослабли, остались лишь красныя шапки на главѣ интриги. Дѣйствіе террора притупило преступленіе, какъ крѣпкіе напитки притупляютъ нёбо". С.-Жюстъ нигдѣ однако ясно не развиваетъ принципы соціальной организаціи, которая должна была замѣнить всѣ прежнія традиціи и обезпечить людямъ земной рай. Подобно другимъ представителямъ своей секты, С.-Жюстъ стоитъ, главнымъ образомъ, на почвѣ простого отрицанія стараго порядка. Положительныя стороны соціальныхъ и политическихъ его идеаловъ были не болѣе, какъ туманныя мечты.

Политическая карьера С.-Жюста ясно обозначается уже въ началѣ 1793 года. Въ процессѣ жирондистовъ онъ впервые является въ той роли, къ которой предназначали его всѣ природныя наклонности,—въ роли великаго инквизитора. Выступая обвинителемъ жирондистовъ, онъ ставитъ виновность ихъ внѣ сомнѣнія, заранѣе предрѣ-

шая гибель ихъ. Враги монтаньяровъ, они являются препятствіемъ въ проведеніи его государственнаго идеала, и онъ, не задумываясь, объявляетъ ихъ измѣнниками. „Заговоръ открытъ наконецъ, говоритъ онъ въ своемъ докладѣ 8-го іюля. Мнѣ нечего обличать людей этихъ, они уже обличены... Республика не входитъ въ компромиссъ съ монархическою властью... Вы видѣли, какъ эти люди, которые хотѣли спасти короля, все дѣлали, чтобы погубить республику... Приведенъ уже въ исполненіе преступный проектъ ввести въ заблужденіе Францію, вооружить французовъ противъ французовъ и возстановить у насъ монархію среди волненій возстанія". И при этомъ онъ высказываетъ мысль, бросающую свѣтъ на отношеніе его къ людямъ и къ ихъ поступкамъ. „Общественное спасеніе—единственное соображеніе, достойное тронуть васъ. Настоящее положеніе Франціи, разложеніе ея политической организаціи... все доказываетъ, что вы никого не должны щадить. Республика не считается съ слабостями и преступными увлеченіями; *всѣ виновны,* когда отечество въ опасности".

Въ сравненіи съ безстрастной, холодной рѣчью С.-Жюста блѣднѣютъ и теряются безконечныя филиппики Робеспьера, пересыпанныя періодами и повтореніями,—монотонныя, безсодержательныя и однообразныя, также какъ блѣднѣетъ и стушевывается передъ С.-Жюстомъ и самый внѣшній образъ Робеспьера. Эти два человѣка, столь сходные по фанатическому увлеченію отвлеченными идеалами, по равнодушному презрѣнію къ жизненнымъ фактамъ и къ живымъ людямъ,—въ дѣйствительности представляли собой различные характеры и темпераменты. При всей сухости Робеспьера ему ствойственны были нѣкоторыя человѣческія слабости. Проявленія робости, страха, досады, гнѣва нерѣдко искажали выраженіе лица его, измѣняли интонацію его голоса, прерывали мѣрное теченіе его рѣчей, нарушая силу производимаго ими впечатлѣнія. Всѣ эти психологическія ощущенія были чужды С.-Жюсту: съ перваго появленія на политической сценѣ и до финальной катастрофы, онъ сохраняетъ тотъ-же внѣшній обликъ, безучастный, спокойный и холодно-безстрастный, повергавшій въ трепетъ всѣхъ тѣхъ, кому приходилось видѣть его и слышать его обвинительные приговоры. И Робеспьеръ, такъ ревниво охранявшій авторитетъ своей власти признаетъ дарованіе своего ученика и уступаетъ ему первое мѣсто каждый разъ, когда нужно смѣлымъ ударомъ сокрушить политическихъ противниковъ.

Между этими двумя людьми, посвятившими себя одному общему культу, устанавливаются своеобразныя отношенія. С.-Жюстъ, стремившійся къ общему нивелированію, нетерпимо относившійся къ преобладанію всякой аристократіи—интеллигенціи, таланта или добродѣтели,—С.-Жюстъ преклоняется передъ Робеспьеромъ, признаетъ

его первенство, дѣлается его сподвижникамъ, ревностно содѣйствующимъ ему всѣми своими способностями, — смѣлостью, энергіей, непреклонной волей. Не зная его лично, онъ уже обращался къ нему, какъ къ божеству, называя его „великимъ человѣкомъ", депутатомъ „не только одного департамента, но всей республики—всего міра". Робеспьеръ, въ его глазахъ, являлся живымъ воплощеніемъ „Общественнаго договора",—представителемъ свободы и равенства на землѣ, простоты нравовъ, проповѣдуемыхъ Руссо.

Въ проведеніи общественнаго идеала, и тотъ, и другой обращаются къ тому же образу дѣйствій,—къ насилію, къ деспотическому подчиненію чужой воли. Въ цѣломъ рядѣ докладовъ и рѣчей С.-Жюста къ Конвенту выражается политическій и соціальный символъ вѣры революціоннаго правительства: главныя положенія его уже заранѣе были намѣчены въ „Республиканскихъ учрежденіяхъ". На первомъ планѣ—разрушеніе всего прежняго общественнаго строя и утвержденіе новаго, представляющаго выраженіе верховной воли народа. „Республика будетъ основана лишь тогда, когда верховная воля сдержитъ монархическое меньшинство и утвердитъ свое господство по праву завоеванія 10)". Верховная воля, въ свою очередь, подчиняется законамъ, которые являются ея выраженіемъ. „Есть политическіе нравы, говорилъ С.-Жюстъ, которые народъ воспринимаетъ въ тотъ самый день, какъ получаетъ законы... Благосостояніе и миръ, общественная добродѣтель, побѣда—все въ силѣ законовъ: внѣ законовъ все безплодно и мертво".

Всѣ эти отдѣльные афоризмы, изъ догматическаго трактата перенесенные на трибуну конвента, должны были войти теперь въ плоть и въ кровь новаго созидающагося государственнаго механизма. Въ знаменитомъ докладѣ 10-го октября 1793 г. С.-Жюстъ указывалъ причины, задерживавшія утвержденіе новаго порядка, парализовавшія дѣйствія и правительства: военныя неудачи, голодъ, общественная неурядица,—всѣ эти бѣдствія являлись слѣдствіемъ нерадивости чиновниковъ, измѣны аристократовъ, заговора враговъ отечества. При этомъ С.-Жюстъ выдвигалъ основы будущей диктатуры и произносилъ смертный приговоръ надъ всѣми элементами, не отвѣчавшими намѣченнымъ требованіямъ и цѣлямъ. „Народъ, говорилъ онъ, имѣетъ лишь одного опаснаго врага, и это—правительство его... Правительство есть іерархія заблужденій и покушеній... Оно представляетъ вѣчный заговоръ противъ настоящаго порядка"... И вотъ для утвержденія золотого вѣка, какъ переходная стадія, предписывается терроръ. „Мечъ закона, говорилъ С.-Жюстъ въ докладѣ 10-го октября,—дол-

---

10) Докладъ С.-Жюста Конвенту 10-го Октября 1793 года.

женъ пронестись повсемѣстно... Революціонные законы не могутъ быть исполнены, если само правительство не организовано революціонно... Необходимо побороть сопротивленіе однихъ, лѣность другихъ, суевѣрное отношеніе къ разрушенной власти, честолюбіе и лицемѣріе".. Какъ средство для этого, С.-Жюстъ предлагалъ установленіе во Франціи временного революціоннаго правительства,—диктатуру Комитета Общественнаго Спасенія, уполномоченныхъ представителей, революціонныхъ комитетовъ и народныхъ обществъ. То было начало осуществленія одного изъ принциповъ политическаго трактата С.-Жюста [11]): „Принципъ республиканскаго правительства—добродѣтель или же терроръ... То, что производитъ общее благо, всегда ужасно".

„Правительства Рима и Египта,—говорилъ С.-Жюстъ въ томъ же знаменитомъ докладѣ конвенту 10-го октября, — обходились безъ канцелярій: тогда думали много, писали мало. Многословіе корреспонденцій и указовъ правительства—доказательство безсилія его; управлять безъ лаконизма невозможно... Бюро замѣнили монархическую власть; стремленіе писать подрываетъ наши силы, правительство бездѣйствуетъ". Слова эти были какъ бы прологомъ административной дѣятельности С.-Жюста. Назначенный въ началѣ ноября 1793 года чрезвычайнымъ уполномоченнымъ (représentant en mission) въ прирейнской арміи, онъ является здѣсь облеченнымъ неограниченною властью. Сентенція догматическаго писателя, ораторскія импровизаціи—принимаютъ теперь форму приказовъ и приговоровъ, столь же рѣзкихъ, неумолимыхъ, безапелляціонныхъ, потрясающихъ своимъ лаконизмомъ. „4 ноября,—читаемъ мы въ современной газетѣ, всегда слѣдовавшей господствовавшему теченію,—4-го ноября (1793 года) Бареръ читалъ (въ конвентѣ) отчетъ о дѣятельности С.-Жюста и Леба,—проконсуловъ прирейнской арміи. Они привлекали къ суду аристократовъ; они никого не щадили и отвѣчали на предложеніе непріятеля, какъ истинные варвары [12])...

Въ рядахъ войска и среди жителей Страсбурга, осажденнаго непріятелемъ, С.-Жюстъ явился ангеломъ-разрушителемъ. Учрежденіе революціоннаго трибунала и революціонной арміи; приказъ буржуазіи Страсбурга внести 9 милліоновъ въ теченіе 24 часовъ; при-

---

[11]) „Institutions républicaines".

[12]) По прибытіи въ Эльзасъ, одно изъ первыхъ проявленій власти С. Жюста было учрежденіе революціоннаго трибуна, освобожденнаго отъ всякихъ юридическихъ формальностей. Одинъ изъ товарищей его (Левассёръ) возражая противъ отмѣны оффиціальныхъ защитниковъ, замѣтилъ ему: „Вы были бы правы, еслибъ трибуналъ вашъ состоялъ изъ ангеловъ; но это только люди". С. Жюстъ невозмутимо отвѣчалъ на это: „Всѣ присяжные—патріоты" (Mémoires de Levasseur).

казъ муниципальнымъ чиновникамъ въ 12 часовъ поставить обувь на 10000 солдатъ и въ 24 часа—2 тысячи кроватей въ госпитали; приказъ въ 24 часа арестовать всѣхъ бывшихъ аристократовъ въ 4-хъ департаментахъ,—всѣ эти мѣры, непрерывно слѣдовавшія одна за другой, распространяли чувство паническаго ужаса среди массы населенія,—ужаса который усиливался заявленіями самого С.-Жюста. „Состраданіе къ преступленію,—говорилъ онъ, обращаясь къ народному обществу,—свойственно лишь злоумышленникамъ. Мы имѣемъ право быть подозрительными, долгъ нашъ—оставаться непоколебимыми въ принципахъ". И вся практическая его дѣятельность была выраженіемъ этого взгляда. „Терроръ на очереди,—писалъ одинъ изъ поклонниковъ его (Гюйарденъ, членъ конвента),—аристократія ниспровержена... Богатые, эгоисты и стяжатели, отказывающіеся повиноваться благодѣтельному закону о максимумѣ, несутъ заслуженную кару. Гильотина въ непрерывномъ дѣйствіи; народъ санкюлотовъ пробуждается, и пробужденіе его будетъ ужасно. Пришлите намъ колонію монтаньяровъ изъ Парижа, чтобы распространять здѣсь пламенную любовь къ республикѣ"... „С.-Жюстъ,—говорилъ другой его послѣдователь, — С.-Жюстъ все оживилъ, преобразовалъ, возстановилъ, и чтобы докончить дѣло, на помощь къ намъ со всѣхъ сторонъ стекаются революціонные апостолы, надежные санкюлоты. Святая гильотина въ блестящемъ дѣйствіи, и благодѣтельный терроръ творитъ здѣсь чудеса, которыхъ отъ разума и философіи пришлось бы ждать цѣлый вѣкъ [13]).

Мрачный энтузіазмъ свой С.-Жюстъ сообщалъ окружающимъ. „Когда С.-Жюстъ и я зажигали баттареи Виссембурга,—насъ превозносили,—разсказываетъ его товарищъ;—но намъ это ничего не стоило: мы знали, что пули не посмѣютъ коснуться насъ [14])". И тотъ же современникъ и свидѣтель замѣчаетъ: „Люди имѣютъ горячку въ продолженіе 24 часовъ; я же имѣлъ ее въ теченіе 12 лѣтъ".

Но элементъ страстнаго увлеченія, характеризовавшій большинство дѣятелей 1793—94 гг., былъ вполнѣ чуждъ С.-Жюсту. Неумолимый, какъ самъ рокъ, онъ безстрастно творилъ судъ и расправу. „Никогда, говоритъ въ своихъ мемуарахъ Левассёръ, нельзя было измѣнить его взгляды; никогда нельзя было поколебать его рѣшеніе; видя передъ собой лишь цѣль, къ которой стремился, онъ не разбиралъ средства: самыя вѣрныя всегда казались ему самыми лучшими.

---

[13]) Hamel. „Histoire de St.-Just, p. 73.—Письмо административнаго чиновника Гатто къ другу его Добиньи. Barante. „Histoire de la Convention Nationale, t. 4, p. 188.

[14]) Taine. „La Conquête Jacobine, p. 68.

Чтобы основать республику, о которой онъ давно мечталъ, онъ готовъ былъ пожертвовать своей жизнью, но и также сотней тысячъ другихъ жизней 15)".

Облеченный неограниченной властью въ арміи и въ четырехъ департаментахъ, С.-Жюстъ все болѣе приближался къ той точкѣ, гдѣ разумъ граничитъ съ помѣшательствомъ. Всѣ отвлеченныя формулы, къ которымъ онъ стремился, постепенно сливались въ его глазахъ съ его собственнымъ *я*. Носитель высшей справедливости и истины на землѣ, онъ съ глубокимъ презрѣніемъ относился къ ближнимъ. Мысленному взору его человѣческій родъ представлялся раздѣленнымъ на двѣ категоріи: заговорщиковъ, враговъ отечества, достойныхъ смерти, и обманутыхъ ими жертвъ, заслуживавшихъ одного презрѣнія. Исключеніемъ являлась лишь небольшая группа его единомышленниковъ. Когда однажды Карно представилъ Комитету Общественнаго Спасенія доказательства расхищеній, совершенныхъ въ сѣверной арміи, С.-Жюстъ гнѣвно замѣтилъ: „Одинъ только врагъ республики можетъ обвинить сослуживцевъ своихъ въ расхищеніяхъ,—какъ будто все по праву не принадлежитъ патріотамъ 16)".

Въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ повторявшихся командировокъ С.-Жюста въ прирейнскую и сѣверную арміи, дѣятельность его оставила неизгладимое впечатлѣніе какъ на массѣ, такъ и на окружающихъ его лицахъ. „Одно воспоминаніе о немъ, говорилъ Водо много лѣтъ по смерти С.-Жюста,—одно воспоминаніе о немъ заставляетъ меня содрогаться".

Съ возвращеніемъ С.-Жюста въ Парижъ въ февралѣ 1794 года наступаетъ самая важная эпоха его политической дѣятельности. Избранный президентомъ конвента, онъ высказываетъ въ рѣчи 26-го февраля главныя положенія своей политической программы, въ которой мы узнаемъ автора „Республиканскихъ Учрежденій". Съ свойственной ему безстрашной послѣдовательностью онъ провозглашаетъ повсемѣстное утвержденіе террора. „Вы захотѣли учредить республику... Она обусловливается полнымъ уничтоженіемъ всего, что противорѣчитъ ей. Жалуются на революціонныя мѣры; но мы умѣренные сравнительно со всѣми другими правительствами". Цѣль правительства, по взглядамъ С.-Жюста, „созданіе такого порядка вещей, при которомъ всѣ партіи однимъ ударомъ были бы брошены на эшафотъ, и мужественная энергія направляла бы духъ націи къ справедливости". Практическое средство осуществленія послѣдней онъ видитъ въ конфискаціи имущества враговъ отечества,—аристократіи и интригановъ:

---

15) Mémoires de Levasseur.

16) Mémoires de Carnot, p. 281.

„Уничтожьте нищенство... Собственность патріотовъ священна; но имущество заговорщиковъ принадлежитъ всѣмъ несчастнымъ". И при этомъ С.-Жюстъ почти дословно повторяетъ изреченіе „Республиканскихъ учрежденій": „Несчастные—владыки міра; они имѣютъ право говорить, какъ повелители, съ правительствомъ, которое пренебрегаетъ ими"...

„Не будемъ щадить аристократовъ,—говорилъ С.-Жюстъ на трибунѣ Конвента. — Побольше смѣлости! слово это заключаетъ въ себѣ всю политику революціи. Подавимъ несогласія, конфискуя собственность нашихъ враговъ и ихъ сторонниковъ; уничтожьте партію мятежниковъ... Поставьте на очереди здравый смыслъ и скромность. Не потерпите, чтобы остался нищій или несчастный въ государствѣ". И, какъ практическое слѣдствіе этой проповѣди, онъ вноситъ декретъ, въ силу котораго всѣ „подозрительные" оставлялись подъ арестомъ до заключенія мира, имущества же ихъ отбирались въ пользу бѣдныхъ.

Въ политическомъ міросозерцаніи С.-Жюста идеи XVIII в. смѣшивались съ идеалами, заимствованными изъ античнаго міра,—и послѣдніе нерѣдко являлись преобладающими. Во всѣ рѣшительные моменты жизни, въ воображеніи С.-Жюста возстаютъ образы героевъ древняго міра,—Брута, Сократа и Фокіона, царя Кодра и т. д. Онъ вдохновлялся жизнью ихъ и еще болѣе геройской смертью во имя идеи долга и любви къ отечеству. „Не ждите иной награды, кромѣ безсмертія, — говорилъ онъ, обращаясь къ Конвенту (26 февраля 1794 года)... Тѣ, что стремились къ благу, нерѣдко погибали: Кодръ умеръ, низвергнутый въ пропасть... Фокіонъ и Сократъ должны были испить чашу съ ядомъ". И еще ранѣе онъ говорилъ: „Въ тотъ день, когда я убѣждусь въ невозможности дать французскому народу добрые нравы, энергичные и неумолимые къ тираніи, я покончу съ собой". Слова эти были не пустой фразой: въ нихъ звучитъ глубокое, искреннее убѣжденіе. Жестокій и несправедливый къ политическимъ своимъ врагамъ, неумолимый въ преслѣдованіи цѣли, С.-Жюстъ никогда не руководился личными, эгоистическими мотивами. Всѣ помыслы его и стремленія были далеки отъ окружающаго міра: духовнымъ существомъ своимъ онъ всецѣло принадлежалъ иному міру, — міру заоблачныхъ, туманныхъ грезъ, съ другими идеалами, другими порядками и нравами. Идеалы эти онъ обрисовываетъ отчасти въ своихъ рѣчахъ, гдѣ отъ мрачныхъ картинъ инквизиціи и казни онъ переходитъ къ пастушескимъ идилліямъ, къ изображенію первобытнаго счастья на лонѣ природы. „Счастье добродѣтели, — говорилъ онъ во время процесса гебертистовъ, обреченныхъ имъ на смерть,—то счастье, которое происходитъ отъ пользованія необходимымъ безъ излишества,.... плодородное поле, воздѣлываемое собственными руками, соха, хижина, ограж-

денная отъ фиска, семья, защищенная отъ корыстолюбія разбойниковъ, —вотъ истинное счастье". И во имя этого будущаго счастья, онъ проповѣдывалъ „уничтоженіе стараго міра" 17). Вѣрный своему девизу— „идти впередъ по пути, орошенному слезами и кровью",—онъ въ Конвентѣ и Комитетѣ Общественнаго Спасенія ратовалъ за терроръ, въ такихъ широкихъ размѣрахъ уже осуществленный имъ въ Эльзасѣ. Уже въ рѣчи 26-го февраля онъ указывалъ на двѣ противуположныя партіи „бѣшеныхъ и умѣренныхъ", равно опасныхъ отечеству. 24-го марта гибнутъ первые—Геберъ, Клотсъ и другіе сторонники партіи; за ними настаетъ очередь Дантона и его друзей. „Есть политическая секта во Франціи,—говорилъ С.-Жюстъ, намекая на Дантона и его сторонниковъ, — которая играетъ въ руку всѣмъ партіямъ; она двигается медленными шагами... Говорите ли вы о террорѣ, — они толкуютъ о снисходительности... Испытываемъ ли мы неудачи,—они предрекаютъ несчастья" 18).

И по отношію къ Дантону С.-Жюстъ употребляетъ тѣ-же пріемы, какъ въ процессѣ жирондистовъ и другихъ политическихъ противниковъ. Видя въ нихъ препятствіе для осуществленія своихъ стремленій, онъ, не колеблясь, объявляетъ дантонистовъ государственными измѣнниками. „Ты былъ врагомъ Марата, говоритъ онъ въ своей обвинительной рѣчи, обращаясь къ Дантону, — ты отдѣлился отъ Горы; ты открыто хвалился тѣмъ, что никогда не обличалъ Жансонэ, Гюадэ, Бриссо; ты безпрестанно протягивалъ имъ миртовую вѣтвь — свидѣтельство твоего союза съ ними противъ народа и строгихъ республиканцевъ"... Глубоко убѣжденный, что его политическіе враги—враги отечества, С.-Жюстъ не искалъ болѣе вѣскихъ и опредѣленныхъ обвиненій. Вся обвинительная рѣчь его—рядъ общихъ мѣстъ, заимствованныхъ изъ частныхъ записокъ Робеспьера: въ его глазахъ политическій процессъ—безполезная, пустая формальность по отношенію къ людямъ, судьба которыхъ была рѣшена; заранѣе приговоривши ихъ къ смерти, онъ вмѣнялъ имъ въ преступленіе всякую попытку оправдаться передъ судомъ. „Всѣ преступники открыты теперь, — сказалъ онъ въ отвѣтъ на требованія подсудимыхъ вызвать свидѣтелей,—возмущеніе предъ лицомъ суда выдаетъ тайну ихъ совѣсти... Возмущался ли когда невинный предъ закономъ? Дерзость ихъ свидѣтельствуетъ объ ихъ

---

17) Рѣчь С.-Жюста въ Конвентѣ 16-го апрѣля 1794 года.

18) И вслѣдъ за тѣмъ, съ свойственной ему внезапностью переходовъ, онъ говоритъ: „Пусть Европа узнаетъ, что вы не потерпите ни единаго несчастнаго и ни единаго угнетеннаго во французскихъ владѣніяхъ; пусть примѣръ этотъ... распространитъ на землѣ любовь къ добродѣтели и счастью. Счастье—новая идея въ Европѣ".

покушеніяхъ—другихъ доказательствъ не нужно" [19]). По свидѣтельству современника и товарища С.-Жюста [20]), вліяніе его рѣшило гибель Дантона и его друзей.

Но по мѣрѣ того, какъ падала одна политическая партія за другой, появлялись новые враги, новыя преграды. Устраняя всѣ препятствія на своемъ пути, С.-Жюстъ ясно видѣлъ опасность созданнаго положенія; и при этомъ онъ ни на минуту не сомнѣвался въ правотѣ своего дѣла, не колебался въ намѣченномъ образѣ дѣйствій: замкнувшись въ сознаніи исполненнаго долга, какъ въ неприступной крѣпости, онъ говорилъ, подписывая смертные приговоры Гебера, Геро-Сешеля, Дантона и другихъ жертвъ: „Многіе твердо уповали, что никто не осмѣлится напасть на знаменитыхъ людей, осѣненныхъ призрачнымъ ореоломъ; я отрѣшился отъ этихъ слабостей; я прозрѣлъ истину въ мірѣ и возвѣстилъ ее". И онъ говорилъ также, обращаясь къ Конвенту [21]): „Судьба предшественниковъ вашихъ предостерегаетъ васъ быть мудрыми и творить судъ, не гоняясь за славой,—подобно Высшему Существу, которое вноситъ гармонію въ міръ, не показывая себя".

Внести гармонію въ міръ—idée fixe С.-Жюста. Всецѣло поглощенный ею, онъ задумывалъ цѣлый планъ соціальной реформы, которая должна была пересоздать міръ согласно принципамъ „Республиканскихъ Учрежденій". „Все существующее вокругъ насъ должно измѣниться и пасть,—говорилъ онъ въ рѣчи 15-го апрѣля,—ибо все существующее несправедливо... Не подражайте ничему, что было до насъ: геройство не имѣетъ образцовъ"... При этомъ, возвѣщая наступленіе новой эры человѣческой исторіи, С.-Жюстъ впадаетъ въ экстазъ, выражающійся въ формѣ риторической метафоры: „Свобода основана, она вышла изъ нѣдръ бури, подобно міру, который вышелъ изъ хаоса, и подобно человѣку, который плачетъ, появляясь на свѣтъ".

Товарищъ и другъ Робеспьера, членъ Комитета Общественнаго

---

[19]) Зибель въ своей „Исторіи французской революціи" (т. 2-й, гл. 4-я, стр. 196) говоритъ, что главнымъ мотивомъ нападокъ С.-Жюста противъ Дантона, Камилла Демулэна и другихъ служила личная вражда. Дантонъ отзывался о С.-Жюстѣ, какъ о школьникѣ, Демулэнъ писалъ о немъ нѣсколько лѣтъ раньше: „Въ его походкѣ и въ манерахъ видно, что онъ считаетъ свою голову краеугольнымъ камнемъ республики, и онъ носитъ ее на плечахъ благоговѣйно, какъ священные дары". Прочитавъ это, С.-Жюстъ будто бы воскликнулъ: „А онъ понесетъ свою голову, какъ Св. Діонисій!" Трудно придать вѣру этому разсказу. При всѣхъ недостаткахъ С.-Жюста, нельзя отвергать того, что личные мотивы всегда отступали на второй планъ въ его общественной дѣятельности.

[20]) Mémoires de Levasseur.

[21]) Обвинительная рѣчь противъ Дантонистовъ.

Спасенія, облеченный почти неограниченной властью, С.-Жюстъ приближался къ диктатурѣ, стремленіе къ которой проглядывало въ каждомъ его словѣ. Наступала минута осуществленія общественнаго идеала „Республиканскихъ Учрежденій". Онъ уже видѣлъ себя новымъ Мессіей, возрождающимъ земной міръ, преобразующимъ обычаи, нравы, религію—весь духовный строй жизни [22]).

Проникнутый величіемъ предстоящей миссіи преобразованія, С.-Жюстъ все болѣе отдалялся отъ окружающей его дѣйствительности. „Онъ держалъ себя какъ оракулъ,—говоритъ о немъ одинъ современникъ [23]), — слова его всегда были направлены къ неумолимой строгости. Онъ высказывалъ свои взгляды, какъ визирь". На своихъ товарищей, также какъ на толпу, С.-Жюстъ производилъ все болѣе и болѣе потрясающее впечатлѣніе. Появленіе его въ залѣ Конвента производило сенсацію; присутствующіе вставали со скамей и говорили: „Вотъ онъ!" Всѣ дрожали передъ властью Комитета Общественнаго Спасенія. „Боялись высказать свое неодобреніе малѣйшимъ знакомъ, малѣйшимъ словомъ" [24]).

Но несмотря на эту внѣшнюю покорность, С.-Жюстъ сознавалъ, что стремленіямъ его предстояло встрѣтить еще новыхъ враговъ, и что будущая республика могла возродиться лишь послѣ полнаго разрушенія существующаго общественнаго порядка. Поэтому практическій результатъ его рѣчи 15-го апрѣля сводился къ усиленію террора,—къ подчиненію всѣхъ политическихъ подсудимыхъ юрисдикціи парижскаго революціоннаго трибунала и постановленію новыхъ карательныхъ мѣръ противъ „аристократовъ". „Необходимо искоренить древній міръ,—говорилъ 16-го апрѣля С.-Жюстъ, обращаясь къ Конвенту,—но болѣе радикальнымъ образомъ, чѣмъ казнью. Смерть очищаетъ его и возрождаетъ. Надо искоренить его позоромъ. Право, нравственность, революція—три понятія однозначущія. Реакціонеръ и безнравственный человѣкъ, составляющіе одно и то-же,—должны, равно опозоренные, разбивать камни по дорогамъ и образовать собой народъ илотовъ".

---

[22]) Представляя общія черты будущаго государства, С.-Жюстъ обрисовывалъ идеалъ „истиннаго патріота-реформатора",—заимствуя при этомъ черты изъ своей собственной политической дѣятельности. „Приверженецъ революціи долженъ быть неумолимъ,—говорилъ онъ въ рѣчи 15 апрѣля, но онъ воздержанъ, умѣренъ и простъ... Онъ непримиримый врагъ всякой лжи, снисходительности, неискренности... Приверженецъ революціи, говоритъ онъ далѣе, неумолимъ къ злымъ, но чувствителенъ"., Hamel. Histoire de St.-Just., t. 2, p. 190, 191.

[23]) Mèmoires de Barère.

[24]) Письмо 12-ти народныхъ представителей, заключенныхъ въ „Port Libre" и освобожденныхъ послѣ 10-го термидора.

По мѣрѣ того, какъ одинъ за другимъ падали политическіе противники партіи Горы и утверждалось ея могущество, въ психическомъ настроеніи главныхъ ея представителей все болѣе замѣчается что-то болѣзненное, ненормальное. Сосредоточенное напряженіе всей нервной системы, вызванное лихорадочной дѣятельностью, не могло не отразиться на состояніи ихъ нравственнаго равновѣсія. По замѣчанію современныхъ свидѣтелей, якобинцами овладѣло состояніе какъ бы опьяненія. „Какое-то умопомраченіе охватило этихъ людей, болѣе года такой твердой рукой направлявшихъ судьбы Франціи", пишетъ одинъ современникъ о Робеспьерѣ и С.-Жюстѣ. Они говорили о милосердіи въ близкомъ будущемъ, между тѣмъ, какъ гильотина дѣйствовала въ ихъ рукахъ съ возврастающимъ усердіемъ... Уничтожить всѣхъ своихъ враговъ, прежде чѣмъ покончить съ утвержденнымъ ими порядкомъ; уничтожить всѣхъ тѣхъ, кого они считали врагами общественнаго дѣла,—таковы были ихъ намѣренія, и для выполненія ихъ они не колебались проливать потоки крови" [25])... Это настроеніе лихорадочнаго возбужденія сообщалось отчасти и представителямъ массы, не принимавшимъ дѣятельнаго участія въ борьбѣ. „Прольются потоки крови,—еще ранѣе писала одна современница.—Всѣ средства хороши для достиженія цѣли; прочь варварская гуманность" [26])... „Святой Духъ поистинѣ снизошелъ на апостоловъ конституціи"...

Но революціонный фанатизмъ захватывалъ лишь отдѣльныя лица; масса народа, страдавшая отъ отсутствія правильной администраціи, отъ голода, отъ войны внѣшней и междоусобной,—масса народа относилась къ правительству холодно или враждебно; и если вражда не доходила до открытаго возмущенія, то единичные факты сопротивленія краснорѣчиво свидѣтельствовали о ея существованіи. Дѣятельность комитета Общественнаго Спасенія оказывалась работой Сизифа, и по мѣрѣ того, какъ затягивалась борьба, и новыя преграды выростали на пути якобинцевъ, послѣдними овладѣвало чувство разочарованія. „Мы мечтали о волшебномъ мірѣ,—писалъ впослѣдствіи содѣятель С.-Жюста,—мы вновь пали въ міръ реальный, и тогда тѣ, которые раздѣляли наше опьяненіе, покинули насъ" [27]).

Быть можетъ, ни на одномъ представителѣ правительства террора переходъ изъ волшебнаго міра въ реальный не отозвался такъ болѣзненно, какъ именно на С.-Жюстѣ. Чѣмъ беззавѣтнѣе онъ вѣрилъ въ наступленіе золотого вѣка, тѣмъ тяжелѣе было разочарованіе. Этимъ объясняются внезапныя измѣненія въ его настроеніи, рѣзкіе

---

[25]) Mémoires de Levasseur.
[26]) Albert Sorel. L'Europe et la Révolution. Journal d'une bourgeoise.
[27]) Mémoires de Levasseur, p. 28.

переходы отъ крайняго оптимизма къ пессимистическимъ взглядамъ. Радужныя картины будущаго Эдема смѣнялись въ болѣзненно-настроенной фантазіи печальными образами, роковыми предчувствіями, выливавшимися въ патетическихъ воззваніяхъ къ потомству.—„Я презираю бренное тѣло, изъ котораго сотворенъ,—говорилъ онъ,—можно преслѣдовать и умертвить его; но кто отниметъ у меня независимую жизнь, которую я создалъ себѣ въ вѣчности и въ небесахъ!“ Въ такомъ настроеніи, раздраженный медленностью перерожденія міра и несогласіями, начинавшими раздѣлять Комитетъ Общественнаго Спасенія, С.-Жюстъ, въ концѣ апрѣля 1794 года, отправился въ качествѣ проконсула въ Сѣверную армію [28]). Въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль неутомимой дѣятельности, онъ является здѣсь не только грознымъ судьей и администраторомъ, но и полководцемъ, совершающимъ чудеса храбрости. „Двое изъ проконсуловъ, —читаемъ мы въ „Manuel des Braves“ (t. 3-me p. 199),—С.-Жюстъ и Леба предводительствовали арміей. С.-Жюстъ, въ особенности, требовалъ безпрекословнаго повиновенія... Умъ его, пылкій отъ природы, былъ экзальтированъ до фанатизма“.

Современные памятники, свидѣтельствуя объ отвагѣ и безстрашіи С.-Жюста, приписываютъ ему важное участіе въ побѣдахъ французской арміи. Но при этомъ они говорятъ и о громадныхъ потеряхъ, понесенныхъ ею въ это время, благодаря его безпощадной суровости. Сражаясь наряду съ солдатами, не щадя собственной жизни, С.-Жюстъ ставилъ такія же требованія и окружающимъ: побѣдить или умереть; и требованія эти онъ предъявлялъ, не взирая ни на какія препятствія, ни на какія жертвы, ставя на карту судьбу всей французской арміи.

„Республика должна завтра же восторжествовать“, отвѣчалъ онъ генералу Шарбанье, убѣждавшему его повременить съ осадой Шарлеруа, и Шарлеруа былъ взятъ цѣною гибели нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ.

Между тѣмъ, какъ С.-Жюстъ одерживалъ побѣды и пожиналъ

---

[28]) По словамъ Флёри, біографа С.-Жюста, нѣсколько различныхъ мотивовъ побудили его уѣхать изъ Парижа въ апрѣлѣ 1794 года,—и, между прочимъ, несчастная любовь къ Генріэттѣ Леба, сестрѣ его друга. По отсутствію необходимыхъ свѣдѣній, нельзя составить себѣ яснаго понятія объ этомъ кратковременномъ романѣ въ жизни С.-Жюста. Гамель передаетъ какъ фактъ, что С.-Жюстъ любилъ Генріэтту Леба, что она отвѣчала ему взаимностью и была нѣкоторое время его невѣстой. Весной 1794 г. между ними, повидимому, произошла размолвка, тяжело отозвавшаяся на нравственномъ состояніи С.-Жюста. Флёри утверждаетъ, что это обстоятельство повліяло на его рѣшеніе удалиться изъ Парижа.

лавры, положеніе его партіи въ Парижѣ становилось все болѣе шаткимъ. Насталъ критическій моментъ, когда правительство должно было перейти отъ временного революціоннаго порядка, возбуждавшаго всеобщее недовольство, къ правильному, постоянному, и утвердить власть на законѣ; и въ этотъ моментъ въ средѣ его не находилось лицъ, готовыхъ поддержать его въ новой сферѣ дѣятельности. Утомленный борьбой, оскорбленный оппозиціей товарищей въ комитетахъ, Робеспьеръ постепенно утрачивалъ свой престижъ, впадалъ въ апатію, подрывавшую его энергію,—и это въ то самое время, когда все ближе надвигалась опасность. Послѣ празднества въ честь Верховнаго Существа, онъ избѣгалъ засѣданій Комитета Общественнаго Спасенія; роль религіознаго реформатора не удалась ему и послужила лишь поводомъ обвинить его въ стремленіи къ диктатурѣ. Раздраженіе его противъ комитетовъ и Конвента, выражаясь въ рѣчахъ, съ которыми онъ обращался къ клубу якобинцевъ, не переходило въ непосредственное, прямое дѣйствіе, способное заглушить протестъ въ самомъ его зародышѣ: въ моментъ опасности въ немъ ярко сказались свойства оратора, господствовавшаго на трибунѣ, но блѣднѣвшаго передъ непосредственной опасностью. Между тѣмъ, почва все болѣе ускользала изъ подъ его ногъ. Съ паденіемъ авторитета его власти, бо́льшая часть прежнихъ сторонниковъ постепенно отдалилась отъ него. Немногіе единомышленники, слѣпо ему повиновавшіеся, Кутонъ, Леба, Робеспьеръ младшій, были неспособны къ роли главы партіи въ критическую минуту опасности.

И вотъ, съ приближеніемъ борьбы за власть, всѣ взоры обращаются къ С.-Жюсту. Изъ всей партіи Робеспьера, онъ одинъ сохранилъ еще вѣру въ самого себя; одинъ представлялся всѣмъ ни на минуту не поколебавшимся въ намѣченномъ пути; одинъ казался одареннымъ административными способностями и умѣніемъ управлять людьми.

Уже въ концѣ мая Робеспьеръ, съ согласія своихъ товарищей, настоятельно требовалъ возвращенія С.-Жюста въ Парижъ. С.-Жюстъ пріѣхалъ въ началѣ іюня; но черезъ шесть дней долженъ былъ возвратиться къ сѣверной арміи; и дальнѣйшія событія правленія Робеспьера, празднество въ честь Верховнаго Существа и установленіе закона 22-го преріаля происходили въ его отсутствіе. Вскорѣ послѣ побѣды при Флерюсѣ, С.-Жюстъ вторично прибылъ въ Парижъ. Путешествіе его было длиннымъ рядомъ оваццій; опередившіе его курьеры разнесли вѣсть объ одержанной побѣдѣ, и С.-Жюста повсемѣстно привѣтствовали по пути восторженными кликами. Въ Парижѣ всеобщее вниманіе устремляется на него. Уже давно ходили слухи о новомъ 31-мъ мая, задуманномъ Робеспьеромъ противъ большинства Конвента. Теперь, съ прибытіемъ С.-Жюста, угрозы Робеспьера пріобрѣтали

реальное значеніе. Всѣ ждали отъ С.-Жюста рѣшительнаго слова, энергичныхъ дѣйствій; быть можетъ, ждали, что онъ станетъ во главѣ партіи и замѣнитъ Робеспьера. Но С.-Жюстъ до конца остается вѣрнымъ своему культу Робеспьера: ни въ одномъ его словѣ не сказывается стремленія взять на себя роль, принадлежавшую, по его мнѣнію, Робеспьеру. Выдвигая послѣдняго на первый планъ, онъ поддерживаетъ его силой своего характера, убѣждая открыто высказаться и дѣйствовать рѣшительно и смѣло.

Въ этотъ послѣдній фазисъ борьбы особенно ярко сказывается различіе темпераментовъ учителя и ученика. Стремясь къ одной и той же цѣли—къ возрожденію человѣчества посредствомъ перевоспитанія его,—они вносятъ въ борьбу различные элементы, сообразно различію въ свойствахъ характера. Въ критическую минуту, Робеспьеръ, нервный, робкій, мелочно-самолюбивый,—держится выжидательной политики, изливая накопившуюся злобу въ длинныхъ рѣчахъ и филиппикахъ, запутываясь въ сѣтяхъ своей собственной діалектики. Раздраженный неудачами, уязвленный въ своемъ тщеславіи, онъ все болѣе утрачивалъ способность къ хладнокровному, твердому образу дѣйствій. Разсказываютъ, что однажды, когда Робеспьеръ вспылилъ во время засѣданія комитета, С.-Жюстъ остановилъ его: „сдержи себя, сказалъ онъ,—господство принадлежитъ флегматику“ 29).

Сознавая опасность положенія, С.-Жюстъ видѣлъ единственный возможный исходъ въ провозглашеніи диктатуры,—взглядъ, вполнѣ согласовавшійся съ одной изъ основныхъ идей „Республиканскихъ Учрежденій“: „Во всякой революціи необходимъ диктаторъ, чтобы спасти государство посредствомъ силы,—или цензоры, чтобы спасти его посредствомъ добродѣтели“. И когда настаетъ рѣшительная минута, С.-Жюстъ открыто высказываетъ свою мысль. „Зло достигло высшей своей степени,—объявилъ онъ 5-го термидора въ присутствіи обоихъ комитетовъ.—Во Франціи полная анархія... Я вижу лишь одно средство спасенія: сосредоточеніе власти, единство правительственныхъ мѣръ, твердость политическихъ учрежденій... Необходимо связать общественное спасеніе съ судьбой частнаго лица“. Въ отвѣтъ на требованіе товарищей высказаться яснѣе, С.-Жюстъ докончилъ свою мысль: „Необходима диктатура. Необходимъ человѣкъ, который бы пользовался общественнымъ уваженіемъ и довѣріемъ народа, который былъ бы добродѣтельнымъ и неподкупнымъ гражданиномъ. Этотъ человѣкъ—Робеспьеръ: онъ одинъ можетъ спасти государство“ 30).

---

29) Barante. „Histoire de la Convention Nationale“, t. 4-ème p. 397.

30) Barante. „Histoire de la Convention Nationale“, t. 4-e, p. 395.

Слово „диктатура“, произнесенное С.-Жюстомъ передъ собравшимися комитетами, явилось какъ бы сигналомъ къ началу борьбы. Всѣ съ ужасомъ повторяли слова его, произнесенныя въ „Réunion sur Oise“ (въ сѣверной арміи): „Нужно думать о томъ, чтобы наполнить измѣнниками націи не тюрьмы, а гробы“.

Наканунѣ 5-го термидора, С.-Жюстъ обратился къ обоимъ комитетамъ съ высокомѣрной рѣчью: „Все скрываютъ отъ моихъ взоровъ; но я буду слѣдить за тѣмъ, что происходитъ. Все, что не походитъ на чистую любовь къ народу и къ свободѣ, подвергнется моей ненависти“ [81]). Судя по нѣкоторымъ отрывочнымъ указаніямъ, внутреннее настроеніе С.-Жюста далеко не соотвѣтствовало этому гордому, самоувѣренному тону. Къ печальнымъ предчувствіямъ, давно преслѣдовавшимъ его, присоединилось утомленіе, безотрадное чувство одиночества среди того общества, которое онъ мечталъ преобразовать. Малодушіе Робеспьера, измѣна большинства его приверженцевъ и бездѣйствіе остальныхъ, враждебное отношеніе Конвента и народной массы,—все должно было способствовать этому мрачному настроенію С.-Жюста, и настроеніе это проглядываетъ въ немногихъ бѣглыхъ замѣткахъ, гдѣ онъ высказываетъ задушевныя свои мысли и чувства. Но эти минуты экспансивности являлись рѣдкимъ исключеніемъ: въ глазахъ современныхъ зрителей С.-Жюстъ до конца сохраняетъ свой гордый, надменный обликъ.

Послѣ разрыва съ членами комитетовъ, 8-го термидора, онъ на слѣдующее утро бросаетъ имъ высокомѣрный вызовъ: „Вы растерзали мое сердце, я открою его Національному Конвенту“. И въ послѣднемъ, рѣшительномъ бою онъ остается вѣрнымъ самому себѣ. Въ обвинительной рѣчи, направленной противъ Коло д'Эрбуа и Бильо-Варенна, онъ открыто и смѣло обличаетъ враговъ своей партіи. „Я не принадлежу ни къ одной партіи,—говоритъ онъ въ своей рѣчи 9 термидора,—я буду бороться со всѣми... Я имѣю въ виду нѣсколько лицъ, которыя изъ зависти стремились усилить свое вліяніе и сосредоточить въ своихъ рукахъ власть... Я открою ихъ заговоры противъ отечества... и безпощадно выскажу имъ все, что у меня на душѣ“. Выступая обличителемъ и судьей, С.-Жюстъ сознавалъ безплодность дальнѣйшей борьбы и предчувствовалъ ожидавшую его участь, и воображеніе его возвращалось къ любимымъ героямъ древности, вдохновлявшимъ его своими подвигами. „Лишь цѣлый вѣкъ позднѣе,—говорилъ онъ въ той же рѣчи 9-го термидора,—сострадательное потомство проливаетъ слезы на могилѣ Гракховъ... Судьба, быть можетъ,

---

[81]) Ch. d'Héricault. „La Révolution de termidor, p. 338.

предопредѣлила, чтобы трибуна эта явилась Тарпейской скалой для того, кто обличитъ членовъ правительства"...

Прерванный шумными протестами Тальона, Вильо и другихъ членовъ Конвента, поддерживаемыхъ Равниной, С.-Жюстъ принужденъ былъ прервать свой докладъ въ самомъ началѣ. Видя невозможность борьбы, онъ отказывается отъ нея и замыкается въ гордое, презрительное молчаніе. Между тѣмъ какъ Робеспьеръ, блѣдный, растерянный, съ исказившимися чертами лица, тщетно пытался сказать свое слово среди общаго шума и смятенія, С.-Жюстъ безстрастно и спокойно смотрѣлъ на этотъ послѣдній актъ борьбы. Онъ сохранилъ невозмутимое присутствіе духа и въ ту минуту, когда радостные клики „да здравствуетъ свобода, да здравствуетъ республика!"—встрѣтили постановленіе Конвента объ арестѣ Робеспьера и четырехъ его приверженцевъ.

Немногія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о послѣднихъ дняхъ жизни С.-Жюста, показываютъ его пассивнымъ, безмолвнымъ, погруженнымъ въ самого себя. Дѣятельная энергія его пробуждается лишь на одно краткое мгновеніе, когда, освобожденный по распоряженію коммуны вмѣстѣ съ Робеспьеромъ, Кутономъ и Леба, онъ увидѣлъ возможность прибѣгнуть къ послѣднему крайнему средству. Вмѣстѣ съ товарищами С.-Жюстъ рѣшился обратиться съ воззваніемъ къ народу и къ войску. Робеспьеръ, по обыкновенію робкій и колеблющійся, предложилъ вопросъ: „отъ имени кого должна быть составлена прокламація?" С.-Жюстъ гордо отвѣчалъ: „Отъ имени Національнаго Конвента,—онъ съ нами вездѣ, гдѣ бы мы ни находились". Но въ эту самую минуту, счастье окончательно измѣняло Робеспьеру и его приверженцамъ. Захваченные въ ратушѣ вооруженнымъ отрядомъ, высланнымъ Конвентомъ, они не успѣли привести въ исполненіе проектъ вооруженной самозащиты.

Среди послѣдовавшей сцены общаго смятенія, одинъ С.-Жюстъ сохранилъ полное самообладаніе. Самоубійство друга его Леба, страданіе тяжело раненаго Робеспьера, ожиданіе неминуемой гибели, которая должна была повлечь за собой гибель всѣхъ самыхъ завѣтныхъ его надеждъ,—ничто не могло поколебать его невозмутимое хладнокровіе. При видѣ невозможности дальнѣйшей борьбы, онъ пассивно отдаетъ себя въ руки враговъ и, подобно Бруту,—имя котораго постоянно возвращалось на его уста,—съ стоическимъ спокойствіемъ ожидаетъ конечной развязки.

10-го термидора рано утромъ С.-Жюста привели въ залу Комитета общественной безопасности. Здѣсь взоръ его упалъ на декларацію правъ человѣка, украшавшую стѣну зала. При видѣ знамени-

тыхъ изреченій, во имя которыхъ принесено было столько жертвъ, въ воспоминаніи его возстала вся прошлая жизнь, усѣянная столькими терніями, полная тяжелой борьбы, представлявшая напряженное, мучительное стремленіе къ одной завѣтной цѣли, и при этомъ, изъ души его невольно вырвалось восклицаніе, полное глубокой горечи: „И однако все это создалъ я!"

Слова эти, произнесенныя передъ смертью, въ минуту когда человѣкъ болѣе всего склоненъ отдать себѣ правдивый, чистосердечный отчетъ въ своей жизни,—слова эти свидѣтельствують о глубинѣ его заблужденія и въ то же время объ искренности руководившихъ имъ побужденій. Фанатически преданный абстрактной идеѣ, онъ не дорожилъ ни личнымъ счастьемъ, ни самой жизнью. Мысленно переселившись въ міръ героевъ своей фантазіи, онъ давно уже освоился съ представленіемъ о близкой смерти. „Я молю о смерти,—пишетъ онъ,—какъ о благодѣяніи Провидѣнія, чтобы не быть свидѣтелемъ безнаказанности преступленій, совершаемыхъ противъ моей отчизны и противъ человѣчества; не много теряешь, разставаясь съ злополучной жизнью, гдѣ осужденъ прозябать сообщникомъ или безсильнымъ свидѣтелемъ злодѣяній" [82]).

И приговоръ, произнесенный 10-го термидора революціоннымъ трибуналомъ, не могъ поколебать душевное равновѣсіе С.-Жюста,—вызвать въ немъ чувство волненія или страха. Современные очевидцы свидѣтельствуютъ о мужествѣ и спокойномъ достоинствѣ, съ которымъ С.-Жюстъ встрѣтилъ смерть. Громадная толпа народа провожала 10-го термидора повозки съ осужденными, направлявшіяся къ мѣсту казни. Въ первой изъ нихъ стоялъ С.-Жюстъ, неподвижный, окаменѣвшій, какъ мраморное изваяніе. Руки его были связаны за спиной; блѣдное лицо поражало красотой и правильностью чертъ; ясный взоръ спокойно останавливался на толпѣ любопытныхъ, невольно поддавшейся чувству удивленія передъ его непоколебимымъ мужествомъ.

Такъ погибъ, 26-ти лѣтъ роду, этотъ человѣкъ, богато одаренный отъ природы, полный жизненной силы, энергіи и способности къ самопожертвованію. Вся кратковременная его жизнь была посвящена фантастическимъ идеаламъ, подобно миражу, далеко завлекавшимъ его своимъ обманчивымъ, призрачнымъ блескомъ. Видя передъ собой лишь отвлеченный узкій догматъ, онъ шелъ къ нему неуклонно, не оглядываясь кругомъ себя, не обращая вниманія на всѣ жертвы, попираемыя на пути. Болѣзненное честолюбіе, жажда личной славы соеди-

---

[82]) Замѣтка, найденная въ бумагахъ С.-Жюста.

нялись въ немъ съ безкорыстнымъ стремленіемъ ко благу человѣчества; безпощадная жестокость—съ сантиментальностью; глубокое презрѣніе къ ближнимъ—съ способностью идеализаціи; поразительная амальгама различныхъ стремленій, противуположныхъ свойствъ и качествъ,—амальгама, которая до извѣстной степени отразила на себѣ разнообразныя и часто пестрыя идеи, опредѣлявшія теченіе французской революціи.

Одна изъ старыхъ чертъ въ нашей учебно-исторической литературѣ.

О. П. Герасимова.

Въ своей статьѣ „Новая черта въ нашей учебно-исторической литературѣ [1])" я, разсматривая вновь вышедшій учебникъ г. Иванова, указывалъ, что прежде всего мы должны требовать отъ учебника строго проведенной системы, которая отводила бы каждой странѣ и каждому явленію соотвѣтствующее мѣсто съ всемірно-исторической точки зрѣнія. На примѣрѣ учебника г. Иванова я старался показать, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ нарушеніе этого принципа, когда мѣсто, отводимое въ учебникѣ исторіи той или другой странѣ, не обусловливается всемірно-исторической точкой зрѣнія, а подсказывается національнымъ чувствомъ. Но это—черта новая въ нашей учебно-исторической литературѣ, тогда какъ нарушеніе этого принципа существовало и раньше, но только въ другомъ отношеніи: если въ нашихъ учебникахъ и не замѣчалось стремленія выдвинуть исторію той или другой страны на неподобающее имъ мѣсто съ всемірно-исторической точки зрѣнія, то въ нихъ прежде всего бросалось въ глаза полное отсутствіе какого бы то ни было критерія, опредѣляющаго мѣсто того или другого явленія въ исторіи каждой страны. Критерій и въ данномъ случаѣ долженъ быть тотъ же, т.-е. степень важности разсматриваемаго явленія съ всемірно-исторической точки зрѣнія, руководясь которой мы будемъ въ состояніи опредѣлить, что̀ въ исторіи данной страны надо выдвинуть на первый планъ, что̀ отодвинуть на задній, о чемъ надо говорить и о чемъ умолчать. Только одну оговорку приходится сдѣлать къ сказанному:

---

[1]) Истор. Обозр., томъ V.

такъ какъ въ высшей степени важно, чтобы въ умѣ ученика каждый народъ выступалъ съ своей характерной физіономіей, то необходимо рядомъ съ явленіями, имѣющими значеніе съ всемірно-исторической точки зрѣнія, останавливаться и на тѣхъ, которыя особенно ярко характеризуютъ индивидуальныя особенности жизни изучаемаго народа. Эти два требованія нисколько не противорѣчатъ одно другому и въ умѣлыхъ рукахъ могутъ быть выполнены такъ, что ученикъ получитъ ясное представленіе какъ объ особенностяхъ жизни каждаго народа, такъ и о томъ, что изъ его жизни имѣетъ всемірно-историческое значеніе.

Въ теоріи съ только что высказанными взглядами соглашаются почти всѣ, но на практикѣ, когда приходится говорить о томъ или другомъ учебникѣ, часто возражаютъ, что эти требованія съ научной точки зрѣнія вѣрны, но съ педагогической не могутъ быть приняты, ибо то, что имѣетъ очень важное значеніе въ исторіи съ всемірно-исторической точки зрѣнія—учрежденія и идеи—недоступно пониманію учениковъ, а поэтому и введено быть въ учебникъ не можетъ. Возраженіе это по большей части заявляется категорично и безапелляціонно, а между тѣмъ, по моему убѣжденію, оно есть плодъ глубокого недоразумѣнія, которое, быть можетъ, и держится такъ долго только потому, что мы легко принимаемъ увѣренность тона, которымъ это высказывается, за достаточный аргументъ и не требуемъ другихъ доказательствъ, которыхъ, быть можетъ, и не нашлось бы совсѣмъ.

Дѣйствительно, если мы разсмотримъ обстоятельнѣе этотъ вопросъ, то убѣдимся, что никакъ нельзя согласиться съ указаннымъ мною возраженіемъ. Прежде всего посмотримъ, можно ли при прохожденіи курса исторіи въ гимназіяхъ останавливаться на исторіи учрежденій?

Никто не станетъ спорить, что безъ знанія политическаго устройства того или другого государства трудно, скажу даже невозможно—дать ученикамъ правильное представленіе о жизни того или другого народа, такъ какъ многія явленія этой жизни прямо обусловливаются тѣми политическими формами, при которыхъ данному народу приходится жить. Если это такъ, то надо перемѣнить самый вопросъ, надо спрашивать не о томъ, слѣдуетъ ли при прохожденіи курса исторіи останавливаться на исторіи учрежденій, а о томъ, возможно ли преподавать исторію какого бы то ни было народа, не давая ученикамъ яснаго представленія о политическихъ формахъ жизни этого народа?

На этотъ вопросъ придется, конечно, отвѣтить отрицательно, если признать необходимымъ, чтобы ученики, изучая исторію, пони-

мали изучаемыя явленія, а не запоминали только изложенные факты, которые безъ такого пониманія не имѣютъ ровно никакой цѣны. Въ такомъ случаѣ останется только вопросъ о возможности практическаго осуществленія того, необходимость чего теоретически признается.

Почему же считаютъ невозможнымъ съ педагогической точки зрѣнія останавливаться на исторіи политическихъ учрежденій?

Обыкновенно на этотъ вопросъ даютъ всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: изученіе политическаго устройства недоступно уму ученика, потому что оно слишкомъ отвлеченно, а умъ его еще настолько мало созрѣлъ, что можетъ усвоивать только конкретные факты.

Когда приходится слышать такое возраженіе, всегда поражаешься тѣмъ, что оно цѣликомъ держится на чисто апріорномъ предположеніи и на полномъ игнорированіи всего признаваемаго возможнымъ при преподаваніи другихъ предметовъ въ тѣхъ же самыхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Дѣйствительно, вы никогда не услышите, что въ средне-учебномъ заведеніи не слѣдуетъ преподавать алгебры, науки, отвлеченность которой, я думаю, никто не станетъ отрицать, а она начинаетъ преподаваться у насъ съ 3-го класса, тогда какъ систематическій курсъ исторіи начинаетъ проходиться только съ 4-го. Мало того, вы никогда не услышите, что ученики не должны знать, какая форма политическаго устройства существуетъ въ той или другой странѣ, географію которой изучаетъ ученикъ, а между тѣмъ все это начинаетъ проходиться со 2-го класса и оказывается вполнѣ возможнымъ. Почему же, спрашивается, начиная съ 4-го класса изученіе политическихъ формъ вдругъ дѣлается непосильнымъ, и ученики, которые въ 1-мъ классѣ должны были усвоить себѣ главнѣйшія положенія математической географіи, въ слѣдующихъ усваивали главнѣйшія черты политическаго устройства различныхъ государствъ всего земного шара, а въ 3-мъ классѣ начали даже изученіе алгебры, въ 4-мъ вдругъ дѣлаются неспособными усваивать что-либо, кромѣ конкретныхъ фактовъ?

Очевидно, что тутъ какое-нибудь недоразумѣніе. Понятно, что если взять въ руки учебникъ, въ которомъ исторіи политическихъ учрежденій отведено надлежащее мѣсто, и разбирать тѣ страницы его, которыя посвящены тому или другому законодательству, то вполнѣ основательно можно прійти къ заключенію, что для ученика эти страницы будутъ трудны, какъ трудны для него будутъ и нѣкоторыя страницы изъ учебника географіи и почти все, что мы прочтемъ даже на самыхъ первыхъ страницахъ учебника алгебры.

Но почему же, спрашивается, тамъ эти трудности не приводятъ

къ заключенію о необходимости выпустить изъ курса эти отдѣлы, тогда какъ при обсужденіи преподаванія исторіи мы постоянно встрѣчаемся съ подобными утвержденіями?

Недоразумѣніе это объясняется просто: когда мы говоримъ о преподаваніи географіи или математики, то мы всегда имѣемъ въ виду, что объяснять тотъ или другой отдѣлъ будетъ учитель, прослушавши объясненіе котораго ученикъ и долженъ будетъ обратиться къ учебнику, чтобы возстановить въ памяти усвоенное въ классѣ; когда же мы говоримъ о преподаваніи исторіи, то въ нашихъ разсужденіяхъ эта самая важная сторона урока—объясненіе учителя—отсутствуетъ, и мы прямо беремъ какую-нибудь страницу учебника и спрашиваемъ, что будетъ дѣлать ученикъ, если ему эту страницу задать, какъ будто и рѣчи быть не можетъ о томъ, что прежде чѣмъ эта страница будетъ задана, учитель долженъ разъяснить ея содержаніе и разъяснить, конечно, не повторяя дословно ту же самую страницу, а пользуясь всевозможными методами объясненія, которые будутъ зависѣть и отъ личныхъ взглядовъ учителя, и отъ состава и отъ уровня развитія класса. Въ этомъ заключается вся разгадка разсматриваемаго недоразумѣнія.

Теоретически считаютъ необходимымъ при прохожденіи курса исторіи давать ученикамъ полное и ясное представленіе о политическомъ устройствѣ изучаемыхъ государствъ, а практически, при обсужденіи того или другого учебника, считаютъ невозможнымъ введеніе этихъ отдѣловъ.

Теоретически признаютъ безусловно необходимымъ объясненіе задаваемыхъ уроковъ учителемъ исторія, а практически, когда идетъ рѣчь о томъ или другомъ отдѣлѣ разсматриваемаго учебника, это объясненіе не принимается въ расчетъ, какъ будто его ни въ какомъ случаѣ и не будетъ. Эти двѣ черты въ нашихъ разсужденіяхъ объ учебно-исторической литературѣ очень характерны и взаимно объясняютъ одна другую.

Если такимъ образомъ отрицаніе возможности введенія въ учебники исторіи учрежденій есть недоразумѣніе, то то же самое можно сказать и относительно идей.

Понятно, когда говорятъ, что при прохожденіи того или другого отдѣла исторіи надо останавливаться на идеяхъ, характеризовавшихъ общество изучаемаго періода, то подразумѣваются не трудныя для пониманія метафизическія идеи какой-нибудь философской школы, а тѣ соціально-политическія и религіозныя идеи, которыя волновали умы общества, захватывали даже массы и которыя уже по этому самому не могутъ быть недоступны уму ученика, не говорю уже 7-го или 8-го класса, но даже и 4-го.

Относительно соціально-политическихъ идей я не буду уже говорить потому, что разъ для ученика доступно пониманіе соціально-политическаго строя того или другого государства, то для него будутъ понятны и соціально-политическія идеи, которыми жило общество въ изучаемый періодъ. Что же касается религіозныхъ идей, то приходится опять вернуться къ тому же вопросу, который приходилось задавать и раньше, придется именно спросить: почему для ученика 2-го и 3-го класса понятны объясненія главнѣйшихъ чертъ религій всего земного шара на урокахъ географіи, почему ему понятны во всѣхъ классахъ на урокахъ Закона Божія объясненія самыхъ глубокихъ сторонъ христіанства и уклоненій отъ него и почему въ то же время на урокахъ исторіи, начинающихся съ 4-го класса, ученикъ вдругъ оказывается неспособнымъ понимать религіозныя идеи, которыми жило общество изучаемаго періода?

На этотъ вопросъ приходится отвѣтить то же, что мы и раньше отвѣчали, приходится признать это простымъ недоразумѣніемъ, которое должно само-собой исчезнуть, разъ мы будемъ помнить, что учителя существуютъ и для исторіи, и что они такъ же, какъ и другіе учителя, могутъ не только спрашивать, но и объяснять.

Такимъ образомъ возраженіе противъ того положенія, что критеріемъ для опредѣленія мѣста, отводимаго тому или другому явленію въ учебникѣ исторіи, должна служить степень важности его съ всемірно-исторической точки зрѣнія, само-собой падаетъ, разъ мы придемъ къ убѣжденію, что исторія учрежденій и идей, важная съ указанной точки зрѣнія, вполнѣ возможна и съ педагогической.

Съ чѣмъ, дѣйствительно, приходится согласиться, такъ это съ тѣмъ, что отдѣлы, посвященные изученію политическаго устройства и идей религіозныхъ и соціально-политическихъ, труднѣе для прохожденія, чѣмъ тѣ отдѣлы, гдѣ идетъ простое повѣствованіе. Но что же изъ этого слѣдуетъ? Изъ этого слѣдуетъ, что на нихъ придется съ бо́льшимъ вниманіемъ остановиться учителю, больше времени посвятить на ихъ объясненіе, а никакъ не то, что ихъ слѣдуетъ отодвинуть на задній планъ или совсѣмъ выкинуть изъ курса. Вѣдь подобное различіе въ трудности или легкости усвоенія различныхъ отдѣловъ существуетъ въ каждомъ учебномъ предметѣ, и однако оно не приводитъ къ мысли о необходимости выбросить наиболѣе трудные отдѣлы, отъ знанія которыхъ зависитъ пониманіе остального. Возьмемъ, напримѣръ, геометрію. Что бы мы сказали, если бы кто-нибудь предложилъ исключить ту или другую теорему, ссылаясь на трудность ея доказательства? Мы сказали бы, конечно, что исполнивши такой совѣтъ, мы вмѣсто облегченія прохожденія курса создали бы затрудненіе, потому что изученіе остальныхъ теоремъ, легкое при знаніи исключеній, сдѣла-

лось бы страшно труднымъ безъ знанія ея, такъ какъ то, что прежде ученикъ могъ понять, теперь онъ долженъ будетъ заучить безъ пониманія, и это, конечно, не облегчитъ, а затруднитъ его.

Вѣдь совершенно то же самое повторяется, когда говорятъ, что изъ изученія исторіи въ среднеучебномъ заведеніи надо исключить изученіе политическихъ формъ и идей. Отдѣлы, посвященные изученію ихъ, дѣйствительно труднѣе другихъ, но, устранивши ихъ, мы затруднимъ прохожденіе всего остальнаго, такъ какъ безъ яснаго представленія о государственномъ строѣ, среди котораго живетъ общество, и объ идеяхъ, которыя въ немъ господствуютъ, непонятны будутъ всѣ событія, которыя придется запоминать, совершенно ихъ не понимая, что и создаетъ въ сущности теперь тѣ непреодолимыя трудности, съ какими приходится считаться учителю исторіи въ нашихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ.

Разсмотрѣвши тѣ теоретическія возраженія, которыя мѣшаютъ признать степень важности съ всемірно-исторической точки зрѣнія за критерій для опредѣленія мѣста каждаго явленія въ учебникѣ исторіи, я перейду теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ печальныхъ практическихъ результатовъ, которые получаются, когда этотъ критерій не признается. Для выясненія этого мнѣ придется обратиться къ разсмотрѣнію какого-нибудь учебника, составитель коего этой точкой зрѣнія не руководился. Въ данномъ случаѣ я возьму учебникъ г. Иловайскаго, какъ наиболѣе распространенный и типичный, и буду говорить преимущественно о средневѣковой исторіи, такъ какъ именно объ этомъ же отдѣлѣ мнѣ пришлось говорить при разборѣ учебника г. Иванова.

Возьмемъ для примѣра изъ учебника средневѣковой исторіи г. Иловайскаго тѣ страницы, которыя посвящены исторіи лангобардовъ. На этотъ отдѣлъ приходится въ учебникѣ 2 страницы, изъ которыхъ цѣлая страница, т.-е. половина всего, посвящена разсказу о мести Розамунды за своего отца, изъ черепа котораго Альбоинъ заставилъ ее пить вино, и разсказу о томъ, какъ Автарисъ пожалъ мизинецъ Теоделинды. Помѣщеніе обоихъ эпизодовъ въ учебникѣ не имѣетъ никакого основанія, но я, не говоря о первомъ, прямо перейду ко второму и дословно выпишу это мѣсто изъ исторіи г. Иловайскаго, чтобы всякій могъ судить, съ какой точки зрѣнія понадобилось его помѣщеніе.

„Автарисъ отправилъ посольство къ баварскому герцогу просить руки его прекрасной дочери Теоделинды и самъ подъ именемъ друга Автарисова замѣшался между послами. Когда герцогъ согласился на предложеніе, мнимый посолъ попросилъ позволенія видѣть невѣсту и принять изъ рукъ ея кубокъ съ виномъ. Отдавая кубокъ, онъ пожалъ мизинецъ невѣсты; стыдливая Теоделинда была смущена такою смѣ-

лостью, няня успокоила ее, сказавъ, что кромѣ самого жениха никто не рѣшился бы этого сдѣлать...“

Спрашивается, съ какой точки зрѣнія понадобилось помѣщеніе этого эпизода? Всемірно-историческаго значенія пожатіе мизинца Теоделинды, конечно, не имѣетъ; и для исторіи лангобардовъ ничего характернаго въ этомъ разсказѣ нѣтъ, такъ какъ, я думаю, и самъ г. Иловайскій не станетъ отрицать, что жать мизинецъ невѣсты могли и не въ описываемое только время, да и покраснѣть отъ такого пожатія могла не одна прекрасная Теоделинда.

Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, этотъ разсказъ помѣщенъ—вотъ вопросъ, надъ которымъ можно долго и безплодно ломать голову, если будешь желать подыскать основаніе, хотя сколько-нибудь выдерживающее критику, а между тѣмъ эти разсказы о черепѣ Кунимунда и мизинцѣ Теоделинды вытѣснили изъ разсматриваемаго учебника свѣдѣнія и о самомъ характерѣ лангобардскаго завоеванія, рѣзко отличавшагося отъ остготскаго и отразившагося на этнографическомъ составѣ населенія Сѣверной Италіи, и о тѣхъ отношеніяхъ, въ какія вступили лангобарды къ римскому элементу, и о той роли, какую они сыграли въ исторіи папской власти. Съ какой же точки зрѣнія черепъ Кунимунда и мизинецъ Теоделинды оказываются важнѣе всѣхъ этихъ крупныхъ для даннаго періода явленій средневѣковой исторіи?

Съ точки зрѣнія легкости. О всѣхъ тѣхъ явленіяхъ надо многое объяснить, да растолковать, а этотъ разсказъ всякій пойметъ, даже трехлѣтній ребенокъ, а не только гимназистъ 5 класса.

Но если уже легкость усвоенія является единственной причиной помѣщенія подобныхъ разсказовъ, то вѣдь еще легче будетъ, если ихъ совсѣмъ не помѣщать, а вмѣсто нихъ оставить пустое мѣсто! Это и было бы, конечно, гораздо лучше, потому что сами по себѣ эти разсказы очень легко усваиваются учениками, но они совсѣмъ не нужны, а въ то время они создаютъ страшное затрудненіе для усвоенія всего остального, что вмѣстѣ съ ними помѣщается и что необходимо знать. Такъ, напр., въ исторіи тѣхъ же лангобардовъ на трехъ строчкахъ помѣщенъ разсказъ о завоеваніи ими Италіи, что ученику знать необходимо, но эти три строчки вставлены между разсказомъ о томъ, какъ Альбоинъ изъ черепа Кунимунда сдѣлалъ чашу, и продолженіемъ этого разсказа, состоящемъ въ повѣствованіи о мести Розамунды, вызванной тѣмъ, что ее заставили пить изъ этой чаши. Совершенно естественно эти три строчки, важныя, конечно, по существу, не обратятъ на себя вниманія ученика потому что онѣ не имѣютъ никакой внутренней связи ни съ предшествующимъ, ни съ послѣдующимъ. То же самое идетъ и дальше. Очень кратко упомянуто о распаденіи лангобардскаго королевства и о наступившихъ тамъ смутахъ, а потомъ приведенное

мною мѣсто о пожатіи Автарисомъ мизинца Теоделинды, послѣ котораго говорится опять въ двухъ-трехъ строкахъ о распространеніи католицизма среди лангобардовъ, т. е. о фактѣ большого значенія. Опять и тутъ отсутствіе внутренней связи заставляетъ ученика не обратить вниманія на то, что важно, но о чемъ сказано меньше, нежели о томъ, что совсѣмъ не нужно, и винить ученика за это нельзя, потому что простой здравый смыслъ заставляетъ его въ своемъ разсказѣ собирать въ одно цѣлое однородное и пропускать то, что никакой внутренней связи съ разсказомъ не имѣетъ. Такимъ образомъ для ученика въ тысячу разъ легче было-бы запомнить все необходимое изъ исторіи лангобардовъ, еслибы эти свѣдѣнія не были перепутаны съ *облегчающими* разсказъ эпизодами.

Но, быть можетъ, скажутъ, что дѣлу тутъ пособить легко, потому что всѣ эти эпизоды можно вычеркнуть и такимъ образомъ устранить препятствіе въ запоминаніи остального. Это сдѣлать, конечно, слѣдуетъ и нечего бояться, что вслѣдствіе этого получится мало связи между оставшимися мѣстами, потому что и безъ всякихъ вычеркиваній эта связь во многихъ мѣстахъ, какъ, наприм., въ разсмотрѣнной статьѣ о лангобардахъ, такъ глубоко скрыта для самыхъ проницательныхъ взоровъ, что ее можно считать исключительнымъ достояніемъ самого автора. Но вотъ дѣло въ чемъ: и все то, что останется, представитъ страшныя трудности для усвоенія именно потому, что въ учебникѣ отсутствуетъ какъ исторія учрежденій, такъ и развитіе идей, вслѣдствіе чего все повѣствованіе является рядомъ фактовъ, которые ученикъ совершенно не будетъ въ состояніи понять, а долженъ будетъ только запомнить. Для доказательства этого стоитъ только обратиться къ разсмотрѣнію текста учебника.

Въ курсѣ средневѣковой исторіи наиболѣе видное мѣсто должны занять образованіе западно-европейскихъ государствъ—съ одной стороны и борьба папства съ имперіей—съ другой. При этомъ процессъ образованія государствъ наиболѣе рельефно обнаруживается на исторіи Франціи и Англіи, а борьба папства и имперіи связывается совершенно естественно съ исторіей Германіи. Для того, чтобы понять процессъ образованія и роста средневѣкового государства, необходимо, конечно, имѣть ясное представленіе о феодальномъ строѣ, характерной чертѣ средневѣковой жизни и исходной точкѣ средневѣкового государства.

Посмотримъ теперь, какія свѣдѣнія сообщаетъ въ своемъ учебникѣ г. Иловайскій о феодальномъ строѣ. Въ параграфѣ, озаглавленномъ „Романскіе народы и начало феодализма" онъ говоритъ объ образованіи романскихъ народностей, о варварскихъ правдахъ, о средневѣковомъ судѣ, о феодальной системѣ, объ образованіи рыцарства,

о положеніи городовъ, о крѣпостничествѣ и о положеніи духовенства. Вопросы, какъ видите, все первостепенной важности, и на выясненіе всѣхъ ихъ отводится въ учебникѣ ровно 3 страницы, причемъ трактуются они одинъ за другимъ, безъ всякой связи, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они случайно пришли въ голову автору. Такъ, посвятивши нѣсколько строкъ средневѣковому суду, г. Иловайскій говоритъ: „*Далѣе* (?!) во всѣхъ государствахъ, основанныхъ германцами, появилась феодальная, или ленная система. Она произошла слѣдующимъ образомъ. Завоеватели отнимали у покоренныхъ третью часть земель, дѣлили ее между собою и селились на своихъ участкахъ. Такіе германцы, получившіе помѣстье въ полную собственность (аллодъ) и не признававшіе надъ собой почти никакой зависимости, назывались обыкновенно бароны. Но значительную и лучшую часть завоеванныхъ земель, конечно, бралъ себѣ король. При немъ постоянно находилась его собственная дружина, состоявшая у него на жалованьи. Со времени завоеванія римскихъ областей короли вмѣсто жалованья стали раздавать своимъ дружинникамъ помѣстья изъ собственныхъ земель. Сначала такія помѣстья давались только на извѣстные сроки, какъ бы взаймы, отчего и назывались феодами или ленами (т.-е. займами; по-латыни такое помѣстье называлось бенефиціумъ). А лица, получившія лены и обязанныя отправлять за нихъ военную службу, назывались обыкновенно ленниками или вассалами. Но съ теченіемъ времени ленныя помѣстья обратились въ такую-же полную наслѣдственную собственность вассаловъ, какъ и помѣстья бароновъ. Сами бароны съ усиленіемъ королевскаго могущества также признали себя королевскими вассалами. Сильные герцоги и графы, считаясь вассалами короля, также какъ и онъ, имѣли собственныхъ вассаловъ (или подвассаловъ), которымъ давали въ ленъ помѣстья изъ своихъ земель. Такимъ образомъ, утвердился въ Западной Европѣ феодализмъ“.

Это краткое выясненіе феодализма, которому отведено столько-же мѣста, сколько разсказу о черепѣ Кунимунда и мизинцѣ Теоделинды, само за себя говоритъ, и разбирать его по существу не стоитъ труда. Но любопытно то, что въ этомъ очеркѣ совершенно пропущена именно та сторона феодализма, безъ знанія которой весь процессъ развитія королевской власти будетъ совершенно непонятенъ ученику: ни однимъ словомъ не упомянуто о томъ, что характерною чертою феодальнаго строя было раздробленіе государственной власти и сосредоточеніе ея въ рукахъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, ни однимъ выраженіемъ не выяснены отношенія вассаловъ какъ къ королю, такъ и къ остальному населенію, если не считать за попытку выясненія слѣдующую совершенно безсмысленную фразу: „Такіе германцы, получившіе помѣстье въ полную собственность (аллодъ) и *не признававшіе*

надъ собой почти никакой зависимости (!), назывались обыкновенно бароны". Правда, въ концѣ учебника въ главѣ, озаглавленной: „Средневѣковой быть въ Западной Европѣ", можно найти нѣсколько строкъ, касающихся этихъ вопросовъ. Но во-первыхъ это слишкомъ поздно, а во-вторыхъ и то, что̀ тамъ сказано, является лишь вскользь брошенными фразами, а не выясненіемъ вопроса по существу, которое авторомъ, очевидно, считается излишнимъ и безъ котораго, по моему мнѣнію, нельзя проходить средневѣковую исторію.

Представьте себѣ ученика, который, выучивши объясненіе феодализма въ учебникѣ г. Иловайскаго, переходитъ затѣмъ къ изученію исторіи Франціи по тому же учебнику. Весь процессъ роста государственной власти во Франціи, процессъ весьма поучительный и важный, пройдетъ мимо него, такъ какъ вся борьба королей съ феодалами будетъ непонятна для него, а такія фразы, какъ та, что Людовикъ VI „былъ первый изъ Капетинговъ, который отличался необычайною дѣятельностію въ борьбѣ съ феодалами, враждебными королевской власти и внутренней безопасности", или что „Сугерій вообще своею дѣятельностію не мало способствовалъ успѣхамъ французской монархіи въ ея борьбѣ съ феодализмомъ",—такъ-таки и останутся пустыми фразами, потому что въ нихъ не вложено никакого реальнаго содержанія. Я не говорю уже о другихъ фразахъ, которыя не только не выясняютъ ничего, но даже могутъ запутать ученика. Такъ, напримѣръ, въ отдѣлѣ, посвященномъ Филиппу IV, г. Иловайскій говоритъ: „между тѣмъ постоянные доходы королей оставались прежніе, т.-е. состояли, главнымъ образомъ, *изъ разныхъ сборовъ съ ихъ собственныхъ имуществъ*. Чтобы помочь настоятельной нуждѣ въ деньгахъ, Филиппъ IV старался открыть новые источники доходовъ; при чемъ иногда отличался неразборчивостію въ средствахъ. Такъ, онъ обложилъ податями земли духовенства". Нечего говорить уже о томъ, что въ учебникѣ г. Иловайскаго ни единымъ словомъ не упомянуто о генеральныхъ штатахъ середины XIV в. и о связанномъ съ ними буржуазномъ движеніи, безъ знанія чего нельзя многаго понять въ исторіи королевской власти во Франціи въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Теперь спрашивается, какое представленіе о французской исторіи вынесетъ ученикъ изъ разсматриваемаго учебника? Онъ вынесетъ убѣжденіе, что французскіе короли вели постоянныя войны съ сосѣдями и съ феодалами, у которыхъ они отнимали тѣ самыя области, которыя сами имъ нѣкогда дали за службу, и что при этомъ они часто пользовались въ своей борьбѣ предосудительными средствами. Все это вѣрно, но только одно пропущено, что, ведя борьбу съ феодалами, французскіе короли являлись представителями общегосударственныхъ интересовъ, чѣмъ обусловливалась и поддержка ихъ народомъ

и успѣхъ борьбы, и пропущено это будетъ ученикомъ именно потому, что въ учебникѣ отсутствуетъ исторія учрежденій, которую не могутъ замѣнить общія, ничего не говорящія уму ученика фразы г. Иловайскаго.

Если къ такимъ печальнымъ результатамъ приводитъ отсутствіе исторіи учрежденій въ разсматриваемомъ учебникѣ, то къ не менѣе печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ и то, что авторъ всячески избѣгаетъ указанія на идеи, руководившія обществомъ въ тотъ или другой періодъ.

Будь въ учебникѣ выяснены римскія воззрѣнія на государственную власть, будь указано въ немъ на то, что эти воззрѣнія продолжали жить среди духовенства—для ученика понятна была бы связь монастырскаго воспитанія Людовика VI съ его внутренней политикой, понятна была бы государственная дѣятельность аббата Сугерія, понятно было бы и то значеніе, которое имѣли легисты во внутренней исторіи Франціи; теперь же ученику приходится все это запоминать, не понимая.

Насколько г. Иловайскій избѣгаетъ введенія въ свой учебникъ исторіи идей, можно видѣть изъ того, что въ курсѣ средневѣковой исторіи онъ ни однимъ словомъ не оговорился объ идеѣ Римской Имперіи и объ идеѣ Папства, а вмѣсто выясненія этихъ двухъ великихъ для того времени идей онъ испещряетъ свой учебникъ такими ничего не значащими фразами, какова, напримѣръ, слѣдующая: „Гогенштауфены имѣли самое возвышенное мнѣніе объ императорскомъ достоинствѣ“ и т. д. Спрашивается, какое представленіе объ идеѣ Римской Имперіи вынесетъ ученикъ изъ подобныхъ фразъ?

Конечно, никакого. Хорошо еще, если онъ эти фразы позабудетъ и не станетъ повторять ихъ, какъ попугай. А между тѣмъ вѣдь эти идеи господствовали надъ умами средневѣкового общества и оказывали самое рѣшительное вліяніе на многія явленія средневѣковой исторіи. Неужели же ученику труднѣе было бы запомнить эти явленія, если бы онъ понималъ ихъ смыслъ, чѣмъ тогда, когда они являются для него рядомъ совершенно случайныхъ, точно ничѣмъ не вызванныхъ фактовъ? А благодаря тому, что въ разсматриваемомъ учебникѣ не отведено мѣста выясненію идей Римской Имперіи и Папства, вся исторія борьбы папъ съ императорами превращается въ рядъ случайныхъ, ничѣмъ между собой несвязанныхъ фактовъ и благодаря этому представляетъ ученикамъ страшное затрудненіе при усвоеніи. На все это мнѣ могутъ сказать одно: вотъ тутъ то и нуженъ учитель, который выяснитъ все это и свяжетъ въ нѣчто цѣльное всѣ эти безсвязныя страницы. Но тутъ мнѣ придется отвѣтить, что, конечно, учитель, имѣющій дѣло съ этимъ учебникомъ, долженъ

постараться выполнить эту Сизифову работу, но что это вовсе не оправдываетъ учебника, который существуетъ не для того, чтобы затруднять дѣло учителя, а для того, чтобы облегчать его, а облегчить учебникъ можетъ только тогда, когда въ немъ ученикъ найдетъ сжатое изложеніе самаго существеннаго изъ проходимаго курса, а не массу совершенно ненужныхъ разсказовъ при отсутствіи того, что ученику необходимо знать, а таковымъ именно и является учебникъ г. Иловайскаго, такъ какъ у его автора нѣтъ критерія для опредѣленія того, что нужно вводить въ курсъ и чего не нужно.

Въ результатѣ такой учебникъ зачеркиваетъ всю работу учителя именно потому, что учитель, постоянно обращаясь къ учебнику, находитъ въ немъ вмѣсто сжатаго изложенія существеннаго въ проходимомъ имъ курсѣ или многорѣчивое и безсвязное изложеніе совершенно ненужныхъ эпизодовъ, или такое туманное въ общихъ и очень часто неудачныхъ фразахъ выраженное изложеніе существеннаго, что ученику приходится выбирать одно изъ двухъ: оставить въ сторонѣ разсказъ учителя и выучить вмѣсто него то, что онъ проходитъ въ учебникѣ, или, не прибѣгая къ учебнику, возстановить въ памяти безъ всякой помощи разсказъ учителя, но такъ какъ послѣднее представляетъ большія затрудненія и, какъ постоянно дѣйствующій пріемъ, прямо невозможно, то ему ничего другого и не остается въ сущности, какъ заучиваніе текста учебника. Въ такомъ случаѣ дѣло учителя пропадаетъ, и все преподаваніе должно свестись, какъ это почти всегда и бываетъ, къ тому, чтобы учитель въ классѣ спрашивалъ у учениковъ то, что они дома выучили по учебнику. Разъ это такъ, то и результаты изученія исторіи въ учебномъ заведеніи всѣ будутъ обусловлены исключительно свойствами разсматриваемаго учебника. Посмотримъ же, каковы должны быть эти результаты?

Прежде всего, благодаря отсутствію внутренней связи не только между различными отдѣлами учебника, но даже и между частями одного и того же параграфа, въ которомъ перемѣшаны явленія самыхъ различныхъ порядковъ, ученику поневолѣ придется выработать въ себѣ привычку зазубривать заданный урокъ, такъ какъ инымъ путемъ онъ не будетъ въ состояніи удержать въ памяти тотъ разнокалиберный, никакой общей мыслью не связанный матеріалъ, который онъ найдетъ на страницахъ учебника. Эта привычка къ зубренію отучитъ его думать надъ тѣмъ, что онъ усваиваетъ, и пріучитъ его повторять слова, за которыми у него не будетъ понятій, и фразы, въ которыхъ не будетъ никакого смысла. Но этого мало. Въ результатѣ такого прохожденія курса исторіи у него выработается отвращеніе къ этому предмету—съ одной стороны, и неуваженіе къ нему—съ другой. Отвращеніе должно получиться уже вслѣдствіе одного того, что

ему все время придется, изучая этотъ учебникъ, заставлять себя усваивать то, чего онъ не понимаетъ, и убивать въ себѣ съ каждымъ годомъ все растущую пытливость ума, удовлетворить которую можетъ только дѣйствительная наука, а не такой сборникъ случайно собранныхъ и ничѣмъ несвязанныхъ фактовъ. Это отвращеніе къ предмету помѣшаетъ ученику обратиться къ изученію историческихъ сочиненій, и благодаря этому, на всю жизнь свяжетъ въ умѣ ученика представленіе объ исторіи съ представленіемъ о томъ, что онъ узналъ изъ учебника г. Илозайскаго, а это въ концѣ-концовъ вызоветъ неуваженіе къ самой наукѣ исторіи. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ относиться съ уваженіемъ къ предмету, съ представленіемъ о которомъ связываются, главнымъ образомъ, разсказы о выбитомъ глазѣ Гарольда, о красотѣ и безнравственности Ѳеодоры, объ изуродованной собакѣ, данной Генрихомъ посламъ венгровъ, о томъ, какъ женщины уводили своихъ мужей, завидя Бернарда Клервосскаго и т. д.

Благо еще, если бы всему этому было отведено немного мѣста, но, какъ мы видѣли, подобные разсказы часто занимаютъ гораздо больше мѣста, чѣмъ самыя важныя явленія изучаемаго періода, а иногда такъ и просто ихъ вытѣсняютъ. Такъ, напримѣръ, въ періодъ столѣтней войны ничего не говорится о генеральныхъ штатахъ, а между тѣмъ находится мѣсто для самаго подробнаго разсказа о томъ, какъ Бертранъ Дюгекленъ часто въ дѣтствѣ приходилъ домой съ разбитой головой и окровавленнымъ лицомъ.

Но хотя такой учебникъ и не возбудитъ любви къ предмету и даже вызоветъ неуваженіе къ нему, все-таки, однако, разучиваніе его заронитъ въ умѣ ученика нѣкоторыя представленія о ходѣ исторической жизни народовъ,—представленія, съ которыми многіе останутся на всю жизнь и которыя, слѣдовательно, будутъ отражаться и на ихъ дѣятельности.

Какія же это будутъ представленія? Весь ходъ жизни человѣчества представится рядомъ непрекращающихся войнъ, изложеніе которыхъ и составляетъ въ сущности все содержаніе такого рода учебниковъ, если не считать анекдотичныхъ эпизодовъ и попытокъ дать характеристики историческихъ личностей.

Такимъ образомъ, благодаря отсутствію въ учебникѣ — исторіи учрежденій и идей, вся положительная сторона историческаго процесса, вся та трудная, многовѣковая работа, которая привела къ выработкѣ существующихъ теперь формъ государственнаго строя и къ пріобрѣтенію того запаса идей, которымъ живетъ человѣчество, зачеркивается, и учившійся по такому руководству вмѣсто правильнаго представленія о ходѣ культурной работы человѣчества вынесетъ вос-

поминаніе только о непрекращающемся рядѣ войнъ и объ именахъ нѣкоторыхъ дѣйствовавшихъ въ нихъ лицъ.

Съ научной точки зрѣнія такое представленіе объ историческомъ процессѣ не выдерживаетъ никакой критики. Неужели же оно нужно съ педагогической точки зрѣнія? Если да, то приходится только пожалѣть то поколѣніе, которое воспитывается на основаніи такихъ педагогическихъ воззрѣній.

Объ общемъ значеніи историческаго образованія [1]).

Н. И. Карѣева.

Я буду сегодня говорить вамъ объ общемъ значеніи историческаго образованія. У меня давно вошло въ обычай посвящать первую лекцію, читаемую мною студентамъ, только что вступившимъ въ университетъ, какому-либо общему вопросу изъ нашей науки: я и на этотъ разъ не думаю отступать отъ своего обычая. Въ подобныхъ вступительныхъ лекціяхъ я никогда не перестану повторять нѣкоторыя положенія, которыя и теперь желалъ бы запечатлѣть въ вашей памяти. Во-первыхъ, не забывайте, что учеными изъ университета выходятъ лишь немногіе, но что образованными должны выходить изъ него всѣ: разъ вы проникнетесь этою мыслью, вы, конечно, будете заботиться о своемъ общемъ образованіи. Не упускайте, далѣе, изъ виду, что и тѣ изъ васъ, которымъ суждено стать впослѣдствіи учеными спеціалистами, не избавлены отъ обязанности имѣть широкое общее образованіе: отсюда мой совѣтъ—избѣгать слишкомъ ранней и крайней спеціализаціи, которая могла бы только повредить вашему общему образованію. Помните также всегда, что однимъ изъ наиболѣе общихъ образовательныхъ предметовъ является исторія, что на нашемъ факультетѣ, называемомъ историко-филологическимъ, изучаются науки, предполагающія вообще хорошее значеніе исторіи и даже сами составляющія лишь отдѣльныя части исторической науки, каковы исторія языка, литературы, искусства, философіи и религіи, что въ общей исторіи поэтому всѣ перечисленные предметы, такъ сказать, находятъ свой

---

[1]) Вступительная лекція 1893 г. въ общій курсъ новой исторіи (XVIII в.) для студентовъ младшихъ семестровъ историко-филологическаго факультета въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

естественный центръ и что вмѣстѣ съ тѣмъ, наконецъ, исторія представляетъ для нашего факультета общую почву съ факультетомъ юридическимъ, гдѣ преподаются исторія права, исторія политическихъ учрежденій и ученій, исторія экономическихъ отношеній и теорій, т.-е. все такія науки, съ основными понятіями коихъ студенты-филологи знакомятся главнымъ образомъ только на лекціяхъ общей исторіи. Ко всему этому я прибавлю, что, какъ предметъ общеобразовательный, сама исторія должна разсматриваться съ извѣстной точки зрѣнія. Именно, скажу коротко, она должна быть исторіей самого общества, т.-е. охватывать и культуру народа, и его соціальныя формы и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть въ виду по возможности жизнь всего человѣчества: это то, что я буду называть культурно-соціальной исторіей и всемірно-исторической точкой зрѣнія. Въ концѣ всего, я хотѣлъ бы еще внушить вамъ ту мысль, что такое изученіе исторіи обогащаетъ умъ культурными и общественными идеями, заключающими въ себѣ принципы, коими жили и живутъ историческіе народы, и что лишь ища въ исторіи философскаго смысла, мы можемъ сдѣлать изъ ея изученія одно изъ самыхъ вѣрныхъ средствъ для полученія отвѣтовъ на тѣ моральные и общественные вопросы, которые въ вашемъ возрастѣ имѣютъ особую притягательную силу. Non scholae, sed vitae discimus, и именно изученіе исторіи можетъ имѣть особенно важное значеніе для жизни какъ отдѣльнаго лица, такъ и цѣлаго общества. Вотъ эти-то положенія я никогда не перестану повторять въ своихъ вступительныхъ лекціяхъ, развивая одинъ разъ одно изъ нихъ, другой разъ другое. Все, что было мною сейчасъ сказано, было уже прежде мною изложено въ общей связи въ одной напечатанной лекціи, которую желающіе изъ васъ могутъ прочесть [1]), если вы хотите знать, каково должно быть съ указанныхъ точекъ зрѣнія историческое преподаваніе и какое мѣсто должно принадлежать нашей наукѣ среди другихъ предметовъ факультетскаго обученія. Сегодня именно этихъ-то вопросовъ я и не буду касаться, чтобы имѣть время затронуть другую, болѣе широкую тему.—

У каждаго человѣка непремѣнно есть извѣстное міросозерцаніе Оригинальнымъ оно бываетъ весьма рѣдко, ибо въ громадномъ большинствѣ случаевъ отдѣльная личность раздѣляетъ міросозерцаніе своего народа или того культурнаго слоя общества, того соціальнаго класса, къ которому она принадлежитъ, или даже міросозерцаніе лишь извѣстнаго поколѣнія. Въ исторіи духовной жизни мы поэтому всегда встрѣчаемся съ нѣкоторыми общими идеями, съ нѣкоторыми господствующими направленіями, опредѣляющими собою внутренній міръ огромнаго большинства людей. Въ средніе вѣка, напр., преобладающею

---

[1]) Всеобщая исторія въ университетѣ (Историческое Обозрѣніе, III).

точкою зрѣнія была точка зрѣнія теологическая и теократическая: философія считалась служанкой богословія (philosophia est ancilla theologiae); вся этика вытекала изъ аскетическаго взгляда на жизнь; государство должно было подчиняться церкви,—и въ связи со всѣмъ этимъ лишь одно занятіе божественными предметами (divina studia) считалось пригоднымъ для человѣка. Къ концу среднихъ вѣковъ міросозерцаніе, характеризующееся господствомъ богословія вмѣстѣ съ аскетическими и теократическими стремленіями, стало уступать мѣсто новому міросозерцанію, когда на первый планъ сталъ выдвигаться интересъ ко всему чисто человѣческому (humana studia), столь характерный для эпохи такъ называемаго Возрожденія, когда новое культурное направленіе, получившее имя гуманизма, стало искать опоры для своихъ умственныхъ, нравственныхъ и общественныхъ стремленій въ изученіи классической древности съ ея чисто свѣтской цивилизаціей. Вы знаете, что за эпохой Возрожденія слѣдовала эпоха религіозной реформаціи—новый фазисъ въ общей исторіи міросозерцаній: это было опять время господства теологическихъ идей, но уже иныхъ въ сравненіи съ тѣми, которыя составляютъ содержаніе средневѣковаго католицизма, и Библія сдѣлалась такою-же опорою для реформаторовъ XVI вѣка, какою была для гуманистовъ XIV и XV столѣтій классическая древность. Если міросозерцанія какъ среднихъ вѣковъ, такъ и реформаціоннаго періода были богословскими по основнымъ своимъ точкамъ зрѣнія, то, наоборотъ, возобновленіемъ чисто свѣтскаго направленія культуры, которое зародилось въ гуманизмѣ, было такъ называемое „просвѣщеніе" XVIII вѣка, когда господство надъ умами въ передовой части общества перешло къ идеямъ чисто философскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, не даромъ же мы обозначаемъ совокупность культурныхъ идей прошлаго столѣтія именемъ „философіи XVIII вѣка" и самый вѣкъ этотъ называемъ вѣкомъ философскимъ: это былъ героическій періодъ раціонализма, эпоха наибольшей вѣры въ непогрѣшимость и творческія силы человѣческаго разума, когда думали, что въ одной чистой дѣятельности разума заключается возможность все объяснить и найти практическія указанія для всѣхъ сферъ человѣческой жизни, когда отвергалось все, что не оправдывалось съ точки зрѣнія отвлеченныхъ идей разума, и когда ничто не принималось на вѣру, если не считать исходнаго положенія всего міросозерцанія, т.-е. только-что указанной вѣры въ разумъ.

Такъ мѣнялись основы міросозерцаній, кладущихъ свою печать на цѣлыя эпохи въ исторіи человѣчества. Наше время въ этомъ отношеніи также имѣетъ свои особенности, заслуживающія величайшаго вниманія. Цивилизація XIX вѣка въ общемъ представляетъ изъ себя естественное продолженіе свѣтскихъ культурныхъ движеній гу-

манизма и „просвѣщенія“ XVIII столѣтія, и тѣмъ не менѣе міросозерцаніе современнаго человѣка отличается и отъ гуманистическаго съ его классической опорой, и отъ просвѣтительнаго съ его чисто раціоналистической основой. Я не буду говорить здѣсь о томъ, какія пріобрѣтенія сдѣлала передовая мысль съ эпохи Возрожденія по настоящій день, коими и опредѣляются всѣ черты различія, существующія между гуманизмомъ XIV—XV вѣковъ и господствующимъ теперь общимъ культурнымъ направленіемъ, но для нашей темы именно важно выяснить, чѣмъ отличается въ своемъ міросозерцаніи XIX столѣтіе отъ „философскаго вѣка“ съ характеризующею его вѣрою въ могущество человѣческаго разума.

Вы знаете, что разумъ не есть единственный источникъ познанія, вы знаете, что въ этомъ дѣлѣ громадное значеніе принадлежитъ опыту и наблюденію. Вотъ ими-то, этими опытомъ и наблюденіемъ и пренебрегалъ или совсѣмъ не умѣлъ пользоваться философскій вѣкъ, имѣющій тѣмъ не менѣе весьма важное значеніе въ исторіи человѣческой мысли, и если многія основныя черты этого вѣка составляли прямо его силу, то именно самую слабую сторону его мы и должны видѣть въ отличающемъ его отсутствіи научнаго метода. Раціонализмъ прошлаго столѣтія не считался съ условіями дѣйствительности, и это было главнымъ источникомъ какъ ошибокъ, сдѣланныхъ людьми XVIII вѣка въ области мысли, такъ и тѣхъ разочарованій, которыя должны были рано или поздно постигнуть людей, слишкомъ мало придававшихъ значенія опыту и наблюденію. Въ частности этотъ основной недостатокъ „философіи XVIII в.“ проявлялся особенно въ маломъ знаніи исторіи. Можно сказать, что въ прошломъ столѣтіи почти не существовало исторической науки, сдѣлавшей вообще всѣ свои успѣхи, коими она можетъ теперь гордиться, лишь въ XIX вѣкѣ: фактовъ тогда извѣстно было сравнительно мало, методы были крайне несовершены, а самое главное—не существовало такихъ общихъ идей, которыя вырабатываются только путемъ историческаго изученія и историческаго мышленія. Раціоналистическая философія XVIII в. даже прямо имѣла характеръ антиисторическій: всему существующему и наблюдаемому въ дѣйствительности, т.-е. всему исторически сложившемуся и заключающему въ себѣ массу пережитого опыта она противополагала свои отвлеченныя идеи и построенія, добытыя чистою дѣятельностью разума, и мало того—однѣ свои отвлеченности принимала за разумное, отождествляя вдобавокъ разумное съ естественнымъ, какъ это было въ случаяхъ „естественной“ религіи, „естественнаго“ права, „естественнаго“ (экономическаго) порядка и т. п., которые противополагались исторически-сложившимся культурнымъ и соціальнымъ формамъ. Въ этихъ формахъ было много, даже черезъ-чуръ, пожалуй, много дурного, и развитіе

философскихъ идей прошлаго вѣка въ практическомъ отношеніи имѣло весьма благотворныя послѣдствія, ибо въ нихъ содержались высокіе нравственные и общественные идеалы, ибо ими намѣчались новыя цѣли для исторической дѣятельности правительствъ и народовъ, ибо, наконецъ, подъ ихъ вліяніемъ совершились многія реформы, сдѣлавшія соціальный и политическій строй передовыхъ націй болѣе совершеннымъ и справедливымъ, но при всемъ этомъ въ отношеніи раціонализма прошлаго вѣка къ дѣйствительности было и много ошибочнаго, оказавшагося впослѣдствіи прямо вреднымъ. Недостаточно предъявить жизни извѣстные идеалы, нужно еще знать условія, при которыхъ ихъ приходится осуществлять; недостаточно также поставить тѣ или другія цѣли, нужно сверхъ того имѣть вѣрный взглядъ на средства, ведущія къ ихъ осуществленію, а потому практическое дѣло реформъ нуждается всегда въ теоретическомъ изученіи данныхъ опыта, въ умѣніи наблюдать дѣйствительность, въ постоянномъ обращеніи къ указаніямъ исторіи. Правда, и тутъ бываетъ своего рода опасность, если, напр., уваженіе къ даннымъ опыта и наблюденія превращается въ рабство передъ существующимъ фактомъ, а исключительное вниманіе къ тому, что выработано исторіей, влечетъ за собою консерватизмъ, не идущій ни на какія сдѣлки ни съ требованіями современности, ни еще болѣе съ тѣмъ, чего требуютъ принципы истины и справедливости и чаянія лучшаго будущаго; но не нужно забывать, что рядомъ съ фактомъ всегда будетъ существовать идея, которая никогда не дастъ факту сдѣлаться единственнымъ господиномъ мысли, и что уваженіе къ прошлому никогда не будетъ въ состояніи задержать прогрессивное движеніе общества, вытекающее изъ новыхъ потребностей и новыхъ идей, которыя сами суть только порожденіе исторіи. Заслуга XIX вѣка въ томъ и заключается, что, выросши на основѣ общихъ стремленій предшествующаго столѣтія, онъ внесъ именно историческое пониманіе въ область вопросовъ, которые въ XVIII вѣкѣ рѣшались исключительно съ раціоналистической точки зрѣнія. То, чѣмъ были классики для гуманистовъ, чѣмъ стала Библія для религіозныхъ реформаторовъ, или что представляла собою дѣятельность разума для просвѣтителей XVIII в.,— все это для мыслителей нашего времени дается исторической наукой. XIX вѣкъ сдѣлался, можно сказать, вѣкомъ исторіи, какъ XVIII былъ вѣкомъ философскимъ, ибо никогда раньше вообще не существовало такого сильнаго историческаго интереса, какъ въ послѣднія сто лѣтъ. Никогда, въ самомъ дѣлѣ не было столь большого интереса къ прошлому: объ этомъ свидѣтельствуютъ одна масса отысканнаго и накопленнаго фактическаго матеріала и множество историческихъ работъ, благодаря коимъ мы знаемъ прошлое родной страны, всей Европы и цѣлаго человѣчества лучше, чѣмъ когда бы то ни было и гдѣ бы то ни было

знали это прошлое. Никогда, далѣе, до такой степени историческая точка зрѣнія не проникала въ изученіе разныхъ сферъ культурной и соціальной жизни, какъ опять таки въ наше время: въ XVIII в., напр., языкъ, литература, искусство, право, народное хозяйство, изучались, какъ своего рода неизмѣнныя системы выраженія мысли, поэтическаго и художественнаго творчества, юридическихъ нормъ и экономическихъ отношеній, и только XIX столѣтіе создало исторію языка, создало исторію литературы, исторію искусства, исторію права, исторію народнаго хозяйства. Вмѣстѣ съ этимъ въ XIX же вѣкѣ расширилось самое понятіе исторіи, благодаря тому, что содержаніе науки стали составлять и такія категоріи жизненныхъ явленій, которыя раньше никогда не составляли прямого предмета историческихъ занятій. Съ другой стороны, въ истекающемъ столѣтіи успѣшно совершалась выработка методовъ исторической науки: укажу въ частности на критическое отношеніе къ историческимъ источникамъ, являющееся въ настоящее время самымъ элементарнымъ требованіемъ научности; вообще же укажу на научный духъ, коимъ стали проникаться историческія работы, благодаря чему исторія все менѣе и менѣе играетъ роль простой служанки публицистики, какою она была большею частью еще въ XVIII в. Ограничиваюсь этими двумя указаніями, да и то безъ дальнѣйшихъ развитій, чтобы не уклоняться отъ главной своей темы.

Да, этотъ интересъ къ прошлому, эта историческая точка зрѣнія въ изученіи разныхъ сферъ культурной и соціальной жизни, это внесеніе научнаго духа въ историческія изслѣдованія, на самомъ дѣлѣ представляетъ собою важныя пріобрѣтенія XIX в., сильно вліяющія и на общій характеръ современнаго міросозерцанія. Было бы, конечно слишкомъ долго выяснять, благодаря какимъ условіямъ антиисторическій раціонализмъ XVIII в. уступилъ мѣсто исторической точкѣ зрѣнія, установившейся въ XIX в., но нельзя не упомянуть, что въ этомъ процессѣ извѣстная доля вліянія принадлежитъ успѣхамъ естествознанія, которыя побуждали многихъ вносить научный духъ, получившій полное господство въ этой области, и въ ту область, гдѣ раньше иногда господствовала одна публицистика. Въэтомъ стремленіи приблизить исторію къ естественнымъ наукамъ было, правда, много увлеченій, не оправдавшихъ надеждъ, какія возлагались на новые взгляды; но увлеченія эти отпали, осталось же самое важное, осталось — стремленіе къ научности, остался научный духъ. Между прочимъ, вліяніе успѣховъ, сдѣланныхъ естествознаніемъ, сказалось въ попыткахъ создать соціальную физику, т.-е. такую науку объ обществѣ и его исторіи, которая имѣла бы весь обликъ чисто положительной науки. Такая наука—соціологія—мало-по-малу и создается, причемъ

широко пользуется данными опыта и наблюденія, захватывая не одинъ историческій, но и этнографическій матеріалъ—до быта дикарей включительно—и примѣняя къ его научной обработкѣ сравнительный методъ.

Историческому отношенію къ міру мысли и жизни, которое отличаетъ новѣйшую философію и науку, соотвѣтствуетъ и новая основная идея, характеризующая всѣ частныя міросозерцанія современной эпохи. Жизнь общества, изучаемая историческою наукою, не представляетъ изъ себя простой смѣны явленій, при которой нѣтъ ничего новаго подъ луною: въ этой жизни наблюдается, напротивъ того, извѣстное движеніе впередъ, наблюдается прогрессъ, наблюдается развитіе, и вотъ эта-та идея развитія—въ смыслѣ ли безразличной эволюціи все новыхъ и новыхъ формъ или въ смыслѣ усовершенствованія человѣческой жизни—сдѣлалась одною изъ главныхъ философскихъ идей XIX в., хотя начало ея и нужно относить къ серединѣ XVIII столѣтія. Въ сущности раціонализмъ прошлаго вѣка стоялъ на точкѣ зрѣнія неизмѣнныхъ идей и неподвижнаго бытія, и то естественное, которое принималось имъ и за разумное, представлялось съ этой точки зрѣнія, какъ нѣчто такое, что существуетъ внѣ условій мѣста и времени, и только въ XIX в. міръ былъ понятъ, какъ вѣчное измѣненіе, вѣчное движеніе впередъ къ новымъ формамъ, вѣчное развитіе, что особенно рельефно отразилось на общемъ характерѣ философіи нашего вѣка. Платонъ, различавшій міръ явленій (феноменовъ) и міръ сущностей (нуменовъ) и полагавшій, что первыя суть лишь несовершенныя копіи послѣднихъ, ихъ протопиповъ, или идей, представлялъ себѣ свой міръ истинно сущаго, какъ неподвижное и неизмѣнное бытіе, а философія XIX в., наоборотъ, поняла вселенную, какъ нѣчто движущееся, измѣняющееся, развивающееся, возьмемъ ли мы идеалистическую концепцію міра Гегеля, или реалистическую—Спенсера. Эта общая идея, могущая быть выраженной самыми различными способами, получила въ XIX вѣкѣ немало и частныхъ примѣненій. Самое видное изъ нихъ то, которое переноситъ на исторію понятіе органическаго развитія. Уже въ началѣ истекающаго столѣтія явились теоріи, по которымъ языкъ, право, государство развиваются въ своей исторіи, совершенно такъ же, какъ организмы, а не остаются неизмѣнными системами, обязанными своимъ происхожденіемъ извѣстнымъ творческимъ актамъ, и хотя отсюда нерѣдко дѣлались невѣрные выводы, особено выводы частнаго характера, общее заключеніе остается глубоко вѣрнымъ: общество есть нѣчто развивающееся, а потому исторія общества есть исторія его развитія. Мало того: идея развитія въ XIX в. была приложена и къ міру физическому. Говоря это, я въ особенности имѣю въ виду біологическое ученіе, по которому совре-

менные животные и растительные виды не сразу явились такими, какими мы ихъ наблюдаемъ, а были результатомъ долгаго развитія высшихъ органическихъ формъ изъ низшихъ. Такимъ образомъ одна и та же идея, которая стала примѣнятся одинаково и къ міру исторіи, и къ міру природы (вспомнимъ еще старую канто-лапласовскую теорію постепеннаго образованія солнечной системы), стала въ XIX в. господствовать и въ общей философіи, понявшей міръ, какъ одно развивающееся цѣлое, и въ частныхъ наукахъ, начавшихъ относиться къ своимъ объектамъ не какъ къ неподвижнымъ сущностямъ, а какъ къ развивающимися формамъ неорганическаго и органическаго, духовнаго и общественнаго бытія; но это значитъ лишь то, что историческая точка зрѣнія проникла въ настоящее время во всѣ сферы мысли, ибо идея развитія есть по преимуществу идея историческая: развитіе и исторія—синонимы.

Я по необходимости долженъ былъ сократить изложеніе, цѣлью котораго было представить вамъ важность исторической точки зрѣнія въ наукѣ и философіи XIX в. Будь въ моемъ распоряженіи больше времени, я могъ бы дополнить это изложеніе еще нѣкоторыми указаніями на то, что въ наше время и вопросы самой жизни, особенно вопросы общественные, все болѣе и болѣе рѣшаются путемъ историческаго изученія соотвѣтственныхъ явленій. Если бы моей главной темой было выясненіе важности—въ теоретическомъ и практическомъ отношеніяхъ—исторической точки зрѣнія, я остановился бы подробнѣе на всѣхъ намѣченныхъ мною пунктахъ, но и сказаннаго, полагаю, довольно будетъ для того, чтобы вы увидѣли, какое важное значеніе въ общемъ образованіи,—посредствомъ коего только и можно овладѣть современнымъ міросозерцаніемъ,—должно принадлежать историческому знанію, разъ историческая точка зрѣнія въ настоящее время играетъ такую важную роль и въ философіи, и во всѣхъ наукахъ, изучающихъ міръ дѣйствительности въ разныхъ его областяхъ и проявленіяхъ. Попробуемъ же теперь опредѣлить содержаніе общаго историческаго образованія.

Когда мы говоримъ объ историческомъ образованіи, мы прежде всего имѣемъ въ виду извѣстнаго рода *фактическія знанія*. Сами по себѣ факты еще не образуютъ науки: они составляютъ лишь ея матеріалъ, который наукою классифицируется, комбинируется, объясняется и т. д., въ результатѣ чего получаются общія понятія и идеи, отдѣльныя формулы и цѣлыя системы. У исторіи, какъ и у всякой другой науки, кромѣ фактическаго матеріала, есть еще свои собственные пріемы обработки этого матеріала, т.-е. свои *научные методы* и есть равнымъ образомъ свои *общія идеи*. Обладаніе извѣстнымъ фактическимъ и идейнымъ содержаніемъ и пользованіе извѣст-

ными пріемами мысли и составляютъ общее историческое образованіе. Чѣмъ болѣе фактовъ знаетъ человѣкъ, тѣмъ онъ ученѣе, но есть нѣкоторый запасъ фактическихъ знаній, который долженъ имѣть каждый образованный человѣкъ. Ученые историки сами могутъ специализироваться въ разныхъ отдѣлахъ науки, выбирая предметомъ своихъ занятій тотъ или другой народъ, ту или другую эпоху, ту или другую сторону культурной и соціальной жизни, но и они должны имѣть всѣ нѣкоторую общую основу, составляющую, такъ сказать, только высшую степень общаго историческаго образованія. Вотъ намъ и нужно главнымъ образомъ опредѣлить теперь, какого рода фактическія знанія прежде всего требуются самой идеей общаго историческаго образованія. Не слѣдуетъ, далѣе, думать, будто пріемами историческаго мышленія должны обладать исключительно одни ученые: научное мышленіе вообще можетъ примѣняться не только въ дѣлѣ ученаго изслѣдованія или построенія, но и во всѣхъ случаяхъ сужденія объ явленіяхъ жизни, т.-е. всякій разъ, когда только приходится вообще такъ или иначе относиться къ фактамъ, представляемымъ окружающею дѣйствительностью. Чтобы правильно поступать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, нужно правильно о немъ судить, правильное же сужденіе вообще развивается посредствомъ упражненія въ научныхъ пріемахъ мысли, воспитывающихъ и дисциплинирующихъ нашъ умъ. То прошлое, которое изучается исторической наукой, и то настоящее, о которомъ намъ всѣмъ постоянно приходится составлять себѣ извѣстнаго рода мнѣнія, относятся вѣдь къ одной и той же категоріи явленій, а потому человѣкъ, привыкшій пользоваться пріемами научнаго историческаго мышленія, и о фактахъ современной жизни будетъ судить правильнѣе, чѣмъ человѣкъ, не получившій необходимой дисциплины ума, сообщаемой историческимъ образованіемъ. Я затрогиваю здѣсь, впрочемъ, вопросъ, о которомъ, къ сожалѣнію, не могу теперь распространяться по его сложности: коснувшись его, я хотѣлъ только подчеркнуть то общее положеніе, что историческое образованіе заключается не въ одномъ усвоеніи извѣстнаго запаса фактическихъ знаній, но и въ пріобрѣтеніи извѣстныхъ навыковъ мысли, въ пріобрѣтеніи умѣнія относиться къ окружающей жизни научнымъ образомъ. Мы видѣли, наконецъ, что историческое образованіе предполагаетъ, кромѣ обладанія извѣстнымъ фактическимъ содержаніемъ и нѣкоторыми пріемами мышленія, еще обладаніе и извѣстными идеями. Вообще можно сказать, что чѣмъ больше, чѣмъ шире и чѣмъ богаче содержаніемъ тотъ кругъ идей, который человѣкъ способенъ охватить и понять, тѣмъ болѣе человѣкъ этотъ имѣетъ правъ на названіе человѣка образованнаго. Ученость, состоящая преимущественно въ большомъ фактическомъ знаніи, и образованность, заключающаяся именно въ способности понимать большое количество идей,

могутъ иногда находиться между собою въ отношеніи обратномъ: много знающій можетъ оказаться мало понимающимъ и, наоборотъ, способный много понимать весьма часто уступаетъ въ знаніяхъ лицамъ, меньше его понимающимъ. Если историческое образованіе прежде всего, какъ было сказано, предполагаетъ извѣстный запасъ фактическихъ знаній, а съ другой стороны если всякое образованіе вообще состоитъ въ усвоеніи извѣстнаго идейнаго содержанія, нетрудно сдѣлать отсюда тотъ выводъ, что въ дѣлѣ историческаго образованія—въ его отличіи отъ исторической учености—особую важность имѣютъ фактическія данныя, которыя наиболѣе тѣснымъ образомъ связаны съ идеями, входящими въ содержаніе исторической науки.

Исторія слишкомъ обширна для того, чтобы можно было одному человѣку знать всѣ ея факты. Сами ученые дѣлятъ всю эту громадную область знанія на сравнительно небольшіе уголки, въ которыхъ и специализируются, стремясь по возможности вдоль и поперекъ изслѣдовать каждый уголокъ, игнорируя другіе, иногда даже наиболѣе близкіе уголки. Тѣмъ болѣе приходится дѣлать выборъ среди неизмѣримаго запаса историческихъ фактовъ для цѣлей общаго образованія. Каждая эпоха производила этотъ выборъ по-своему въ связи съ общими господствующими интересами и въ связи съ пониманіемъ существеннаго содержанія самой исторической науки. Было время, когда почти все вниманіе историковъ сосредоточивалось на разнаго рода громкихъ событіяхъ, особенно на международной политикѣ и въ частности на войнахъ („histoire-bataille“), вообще же говоря, на томъ, что у грековъ называлось τά πράγματα, у римлянъ—res gestae, у насъ въ старину дѣяніями, какъ и до сихъ поръ у поляковъ и чеховъ исторія обозначается словами „dzieje“ и “dějiny“. Исторіи, имѣвшей такой исключительно прагматическій характеръ, понятой, какъ исторія внѣшняя, впослѣдствіи стала противополагаться исторія внутренняя, культурная и соціальная, имѣющая своимъ содержаніемъ, не событія, а бытъ, т.-е. матеріальную и духовную жизнь народа, его политическія, юридическія и экономическія отношенія. Отдѣльныя стороны этого быта разрабатываются спеціальными науками въ родѣ исторіи литературы или исторіи права, но рядомъ съ ними, конечно, должна существовать и общая культурно-соціальная исторія и притомъ не какъ сумма спеціальныхъ исторій религіи, литературы, искусства, права, народнаго хозяйства и т. п., а какъ единая и цѣльная наука, имѣющая своимъ предметомъ особое конкретное бытіе—общество во всѣхъ сторонахъ его быта. Такая общая культурно-соціальная исторія сводится главнымъ образомъ къ исторіи идей и учрежденій, характеризующихъ каждое данное общество въ отдѣльности, (относя къ категоріи идей его религію, философію, этику, политическія воззрѣнія и науку съ ихъ отраженіемъ

въ литературѣ и искусствѣ и разумѣя подъ общимъ понятіемъ учрежденій политическія, юридическія и экономическія отношенія общества, т.-е. всѣ стороны быта, изученіе коихъ въ нашихъ университетахъ подѣлено между историко-филологическимъ и юридическимъ факультетами). Само-собою разумѣется, что изъ всѣхъ фактическихъ данныхъ исторической науки наиболѣе общеобразовательный характеръ—въ смыслѣ сдѣланнаго выше указанія—имѣютъ идеи, проявляющіяся въ религіи, философіи, наукѣ, литературѣ, искусствѣ разныхъ народовъ, а вмѣстѣ съ ними учрежденія, или вообще разныя соціальныя отношенія, т.-е. формы государственнаго, правового и хозяйственнаго быта народовъ, существующія не только, какъ извѣстные объективные порядки, но и какъ принципы въ сознаніи самихъ народовъ, и приводящіеся опять-таки къ идеямъ въ мыслящемъ умѣ посторонняго наблюдателя. Вотъ почему съ точки зрѣнія требованій общаго образованія, не касаясь другихъ сторонъ дѣла, мы должны отдать предпочтеніе культурно-соціальной исторіи передъ прагматическою, которая сама получаетъ весь свой интересъ — опять-же съ указанной точки зрѣнія — лишь въ связи съ исторіей культурно-соціальной. Если отвлечься отъ того драматическаго интереса, который присущъ великому множеству историческихъ событій, интереса часто болѣе художественнаго, чѣмъ научнаго, болѣе психологическаго, чѣмъ историческаго,—событія лишь тогда способны привлекать къ себѣ наше вниманіе, когда оказываютъ вліяніе на культурную и соціальную жизнь общества, на движеніе его идей, на измѣненіе его учрежденій и постольку являются не простыми фактами, лишенными внутренняго, духовнаго содержанія, но именно такими событіями, которыя соприкасаются съ тѣмъ, что мы можемъ назвать идейною, т. е. наиболѣе общеобразовательною стороною исторической науки. Обыкновенно такія событія для своего объясненія сами нуждаются въ анализѣ вызвавшихъ ихъ стремленій и отношеній, въ пониманіи культурныхъ идей и соціальныхъ учрежденій, лежавшихъ въ основѣ этихъ стремленій и отношеній. При указанной точкѣ зрѣнія, которую мы можемъ назвать соціологическою, изученіе исторіи пріучаетъ нашъ умъ при всѣхъ сужденіяхъ и о современныхъ намъ событіяхъ или объ окружающихъ насъ культурно-соціальныхъ формахъ имѣть въ виду все общество, схватывать взаимоотношенія совершающихся въ немъ фактовъ и характеризующихъ его явленій и понимать способъ происхожденія всѣхъ этихъ фактовъ и явленій. Особенно же цѣли общаго образованія требуютъ, чтобы такая исторія какъ можно болѣе имѣла въ виду живущаго въ обществѣ человѣка, въ которомъ и чрезъ котораго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для котораго — существуютъ разныя стороны культурнаго и соціальнаго быта, характеризующаго отдѣльные народы.

Исторія, какъ наука общеобразовательная, должна именно стремиться къ тому, чтобы не только не терять изъ виду самого общества за отдѣльными сторонами его быта, но и не забывать того, что само общество складывается изъ отдѣльныхъ личностей, которыя однѣ только и являются въ исторіи существами мыслящими, чувствующими, желающими, стремящимися и дѣйствующими, въ которыхъ и при посредствѣ которыхъ только и могутъ имѣть реальное бытіе изучаемыя нами культурныя и соціальныя формы, опредѣляющія собою притомъ благополучіе и неблагополучіе этихъ существъ. Все, что имѣетъ ближайшее отношеніе къ внутреннему міру человѣческой личности и къ ея внѣшнему положенію въ обществѣ, должно поэтому особенно выдвигаться на первый планъ въ исторіи, какъ предметѣ общеобразовательномъ, ибо бо̀льшая часть тѣхъ общихъ идей, которыя сближаютъ ее съ жизнью отдѣльнаго лица и цѣлаго общества, касается именно внутренняго, духовнаго міра и внѣшняго, общественнаго положенія человѣческой личности. Если соціологическая точка зрѣнія, опредѣленіе коей было сдѣлано выше, есть точка зрѣнія, многими принимаемая за научную по преимуществу, то во всякомъ случаѣ, особенно же когда рѣчь заходитъ объ общемъ образованіи, она не можетъ не быть вмѣстѣ съ тѣмъ и точкой зрѣнія гуманной, общечеловѣческой, а разъ это такъ, то и всемірно-историческою. Дѣло въ томъ, что интересъ къ человѣческой личности, какъ къ таковой, заставляетъ насъ слѣдить за ея историческими судьбами въ жизни всего человѣчества, поскольку эти судьбы были различны у разныхъ народовъ, въ разныя эпохи, на разныхъ ступеняхъ развитія, въ то самое время, какъ, кромѣ того взаимодѣйствія между отдѣльными обществами и культурная преемственность народовъ образуютъ изъ суммы отдѣльныхъ частныхъ исторій единую и общую исторію человѣчества.

Вотъ именно-то внесеніемъ въ нашу науку соціологической, гуманитарной и всемірно-исторической точекъ зрѣнія, съ одной стороны, наиболѣе придается ей характеръ общеобразовательнаго предмета знанія, а съ другой—опредѣляется содержаніе того фактическаго матеріала и тѣхъ идей, которыя наиболѣе соотвѣтствуютъ самой сущности общаго историческаго образованія. Такъ дѣло представляется теоретически вообще, но рядомъ съ этимъ существуютъ еще извѣстныя жизненныя требованія, вносящія нѣкоторыя дополненія къ высказанному взгляду. Съ соціологической, гуманитарной и универсальной точекъ зрѣнія не всѣ стороны культурной и соціальной жизни, не всѣ эпохи и не всѣ народы, разумѣется, имѣютъ одинаковое значеніе, но то же самое можно сказать и относительно жизненныхъ требованій отъ общаго образованія. Внутренній міръ личности опредѣляется, напр., болѣе содержаніемъ ея мысли, чѣмъ формою ея рѣчи, а внѣшнее положе-

ніе личности въ обществѣ—болѣе ея принадлежностью къ извѣстному соціальному классу, чѣмъ ея внутреннимъ міромъ, или, напр., исторія грековъ имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ исторія лидійцевъ или фригійцевъ, и все это, конечно, съ той или другой теоретической точки зрѣнія, но разъ общее историческое образованіе, какъ и вообще всякое образованіе, должно служить еще цѣлямъ и потребностямъ жизни, нельзя упускать изъ виду и того, что и для послѣдней также не всѣ историческія знанія одинаково бываютъ цѣнны. Мы не будемъ далеки отъ истины, если скажемъ, что близость къ намъ исторіи тѣхъ или другихъ народовъ и эпохъ тоже опредѣляетъ количество общеобразовательныхъ элементовъ въ фактическомъ и идейномъ содержаніи науки. Понятно, что съ такой точки зрѣнія, напр., отечественная исторія важнѣе иностранной, европейская важнѣе азіатской или африканской, новая и новѣйшая важнѣе средневѣковой и древней — важнѣе именно для образованныхъ читателей, наблюдателей, дѣятелей данной страны и даннаго времени, а не для просвѣщенныхъ людей вообще, которыми не должны переставать быть гдѣ бы то ни было и когда бы то ни было всѣ образованные читатели, наблюдатели и дѣятели. Какъ бы то ни было, весьма естественно, что въ общемъ историческомъ преподаваніи нашихъ университетовъ изученію родного прошлаго отводится почетное мѣсто, но нельзя не пожалѣть, что новѣйшая исторія, т.-е. исторія столѣтія, подходящаго нынѣ къ концу, находится у насъ въ пренебреженіи, хотя именно она-то и можетъ особенно имѣть общеобразовательный характеръ и по соціологическому, гуманитарному и универсальному своему значенію, не подлежащему, конечно, ни малѣйшему сомнѣнію, и по своей хронологической къ намъ близости, какъ наименѣе далекое прошлое, наиболѣе поэтому объясняющее современность и тѣмъ самымъ одно только могущее дать намъ ея правильное пониманіе. Пусть новѣйшая исторія въ настоящее время не можетъ еще быть предметомъ научнаго изслѣдованія въ такой же мѣрѣ, какъ болѣе отдаленные и, какъ говорится, уже завершившіеся, законченные періоды исторіи, но не въ этомъ заключается препятствіе къ тому, чтобы сужденіе о ближайшемъ прошломъ совершалось въ научномъ духѣ, т.-е. на основаніи правильныхъ пріемовъ историческаго мышленія, выработанныхъ на изученіи болѣе отдаленныхъ эпохъ: если одна изъ задачъ историческаго образованія состоитъ въ сообщеніи лицу привычки извѣстнымъ образомъ относиться къ современной дѣйствительности, то наилучшимъ образомъ можно этого достигнуть лишь при такомъ условіи, чтобы между изученіемъ прошлаго и сужденіемъ о настоящемъ не было того разрыва, который существуетъ, благодаря недостаточному знанію новѣйшей исторіи. Извиняюсь за это небольшое отступленіе, вызванное вопросомъ объ общеобразовательномъ значеніи исторіи но-

вѣйшаго времени, но это отчасти относится къ затронутой выше темѣ о значеніи историческаго образованія для выработки научнаго отношенія къ современности. Въ самомъ дѣлѣ, современность, во-первыхъ, не должна быть оторвана отъ прошлаго, что необходимо происходитъ, разъ изученіе послѣдняго останавливается на историческомъ моментѣ, не особенно уже къ намъ близкомъ, въ родѣ, напр., французской революціи или вѣнскаго конгресса, а во-вторыхъ, лишь изучая новѣйшую исторію съ тѣми научными пріемами, которые выработаны при изслѣдованіи болѣе отдаленныхъ событій и эпохъ, мы могли бы особенно хорошо подготовить себя къ тому, чтобы,—въ смыслѣ примѣненія научнаго метода, который въ данномъ случаѣ есть методъ историческій,—не дѣлать никакого различія между фактами далекаго и близкаго прошлаго, между фактами прошлаго вообще и фактами настоящаго, сохраняя, разумѣется, за собою право оцѣнивать ихъ съ точки зрѣнія морали, политики и историческаго прогресса и ставить своей дѣятельности тѣ или другія общія цѣли. Чѣмъ болѣе будетъ развиваться и совершенствоваться историческое образованіе, тѣмъ болѣе научный духъ вообще и въ частности историческій методъ будутъ руководить нами при составленіи сужденій о ближайшемъ прошломъ, и чѣмъ болѣе это ближайшее прошлое будетъ изучаться нами при помощи пріемовъ, характеризующихъ историческое изслѣдованіе, тѣмъ болѣе мы будемъ научаться вносить тотъ же научный духъ и тѣ же пріемы мысли въ наше субъективное отношеніе къ современной дѣйствительности.

Вернемся, однако, къ нашей главной темѣ. Я уже сказалъ, что всякое общее образованіе по самому существу своему должно быть идейно. Содержаніемъ идей могутъ быть общіе вопросы о бытіи и знаніи, объ окружающей насъ внѣшней природѣ, о человѣкѣ, его внутреннемъ мірѣ и его общественности, но главныя идеи, касающіяся именно человѣка съ его культурными и соціальными отношеніями, тверже всего основываются именно на историческомъ знаніи и лучше всего усваиваются именно путемъ историческаго изученія. Въ прошломъ столѣтіи моральныя и политическія идеи разрабатывались и воспринимались совершенно отвлеченно, какъ нѣчто существующее внѣ времени и пространства, но XIX вѣкъ сталъ понимать ихъ въ ихъ историческомъ развитіи и познавать ихъ въ ихъ историческомъ происхожденіи. Въ настоящее время этимъ дѣломъ занимаются спеціальныя дисциплины, имѣющія своею цѣлью представить эволюцію идей религіозныхъ и философскихъ, моральныхъ и соціальныхъ и т. п. Замѣчу между прочимъ, что отдѣльные предметы, преподаваемые на нашемъ факультетѣ,—кромѣ тѣхъ, конечно, которые имѣютъ въ виду не то или другое духовное содержаніе, а извѣстныя внѣшнія формы,—являются въ сущности спеціальными историческими дисциплинами, между коими подѣлено

изученіе духовной культуры и образующихъ ее идей. Общая исторія у насъ должна была бы быть поэтому центромъ всѣхъ этихъ дисциплинъ, восполняя вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ существенный недостатокъ преподаванія на нашемъ факультетѣ: такъ какъ у насъ не преподаются ни общая теорія права, ни общая политика, ни политическая экономія, студентамъ нашего факультета приходится знакомиться съ юридическими, политическими и экономическими понятіями только изъ исторіи. Но вѣдь и у юристовъ, коимъ преподаются названные предметы, главныя идеи соотвѣтственныхъ категорій равнымъ образомъ получаютъ историческое освѣщеніе. Въ сущности это лишь два разныхъ, хотя и одинаково историческихъ способа разработки и усвоенія культурныхъ и соціальныхъ идей. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ преимуществѣ исторической точки зрѣнія передъ совершенно отвлеченной. Идеи, каково бы ни было ихъ содержаніе, не имѣютъ самостоятельнаго бытія внѣ человѣческаго сознанія, послѣднее же подлежитъ нашему наблюденію въ данныхъ исторической науки, которая свидѣтельствуетъ намъ лишь о томъ, что всѣ идеи, двигавшія исторію, сами порождались тою же историческою жизнью: понять всесторонне такую или иную идею значитъ между прочимъ постигнуть ея историческое происхожденіе, какъ слѣдствія извѣстныхъ культурныхъ и соціальныхъ причинъ, и оцѣнить ея историческую роль, какъ фактора, участвовавшаго въ созданіи тѣхъ или другихъ перемѣнъ въ духовной или общественной жизни народовъ. Идеи нельзя вообще отрывать отъ породившей ихъ жизни ни въ смыслѣ полнаго игнорированія ихъ историческаго происхожденія и значенія, ни въ смыслѣ совершеннаго разобщенія ихъ между собою, какъ составныхъ частей цѣлыхъ міросозерцаній. Я далекъ отъ того, чтобы утверждать, будто рядомъ съ историческимъ изученіемъ не должно вовсе существовать и другого, чисто теоретическаго или принципіальнаго къ нимъ отношенія, ибо одна историческая точка зрѣнія сама по себѣ была бы большою односторонностью, и совершенно такъ же я далекъ отъ той мысли, чтобы ни подъ какимъ видомъ не допускать изученія отдѣльныхъ идей (или ихъ категорій) помимо той связи, въ какой онѣ находятся съ другими идеями. Если даже, однако, всякое болѣе глубокое изученіе требуетъ выдѣленія извѣстнаго явленія или понятія, обособленія ихъ отъ всѣхъ смежныхъ или родственныхъ явленій и понятій, то бо́льшая широта взгляда достигается именно только тогда, когда мы схватываемъ взаимоотношеніе, существующее въ дѣйствительности между отдѣльными идеями и ихъ различными категоріями. То же можно сказать и относительно изученія учрежденій въ широкомъ смыслѣ этого слова: потребность въ углубленіи знаній создала отдѣльныя политическія, юридическія и экономическія дисциплины, но широта общаго взгляда на общество достижима лишь

подъ тѣмъ условіемъ, чтобы были постигнуты взаимныя отношенія государства, права и народнаго хозяйства. Еще бо́льшая широта взгляда на общество должна получиться тогда, когда понято будетъ не только взаимное отношеніе между государствомъ, правомъ и народнымъ хозяйствомъ, не только взаимное отношеніе между политическими, юридическими и экономическими формами и идеями соотвѣтственныхъ категорій, но и то отношеніе, въ какомъ находятся между собою сами соціальныя формы и соціальныя идеи къ идеямъ культурнымъ, т. е. къ религіи, философіи, морали. Замѣчу вскользь, что однимъ изъ недостатковъ существующаго преподаванія на нашихъ юридическихъ факультетахъ и является отсутствіе въ ихъ программѣ общихъ курсовъ исторіи, въ которыхъ культурное содержаніе могло бы получить большее или меньшее развитіе: если студента-филолога только исторія знакомитъ съ соціальною стороной жизни человѣчества, съ государствомъ, правомъ, народнымъ хозяйствомъ, то студентовъ-юристовъ опять-таки лишь она могла бы знакомить съ культурною стороною этой жизни— съ религіей, философіей, моралью, литературой, искусствомъ.

Становясь на историческую точку зрѣнія при изученіи культурныхъ идей, равно какъ и тѣхъ принциповъ, которые лежатъ въ основѣ соціальныхъ формъ, весьма легко впасть въ узкій націонализмъ, если эта точка зрѣнія не будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ соціологической, гуманитарной и универсальной. Отвлеченная философія XVIII вѣка имѣла и свои сильныя стороны, и между ними для насъ важное значеніе имѣетъ то обстоятельство, что она возвышалась до общихъ идей общества, человѣческой личности и всего человѣчества. Въ эпоху наиболѣе сильной реакціи противъ идей и методовъ XVIII в. историческая точка зрѣнія получала характеръ нерѣдко націоналистическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ консервативнаго направленія, неособенно благосклоннаго къ тому, что XVIII вѣкъ провозгласилъ, какъ права человѣка и гражданина, т.-е. къ требованіямъ развитой человѣческой личности. Не нужно однако, думать, что сама по себѣ историческая точка зрѣнія должна приводить къ такому результату: по существу дѣла она есть лишь извѣстный методъ, отнюдь еще не обусловливающій субъективнаго отношенія нашего къ общественнымъ вопросамъ, къ правамъ и интересамъ личности, къ національнымъ различіямъ, существующимъ въ человѣчествѣ. Если раціонализмъ XVIII в. пренебрегалъ всѣмъ исторически-сложившимся лишь потому, что оно было именно такого происхожденія, и если это было дурно, то не менѣе заслуживаетъ порицанія и обратное отношеніе къ прошлому, т. е. безусловное уваженіе къ тому, что создано исторіей, и именно на томъ лишь основаніи, что оно было создано исторіей. Прошлому столѣтію, далѣе, ставятъ въ упрекъ его отвлеченное отношеніе къ человѣчеству, въ силу кото-

раго „философія" тогдашняго времени не принимала въ расчетъ національныхъ различій и національныхъ условій существованія отдѣльныхъ частей человѣческаго рода: въ этой области мыслители XVIII в., дѣйствительно, сильно ошибались, но ихъ такъ называемый космополитизмъ въ нѣкоторомъ смыслѣ былъ только высшей, всемірно-исторической точкой зрѣнія, которую напрасно стали потомъ отвергать во имя узкаго національзма, будто бы оправдываемаго исторіей, наоборотъ, свидѣтельствующей о томъ, что между отдѣльными націями совершается постоянное культурное взаимодѣйствіе и всегда существуетъ извѣстная преемственность, такъ какъ это не позволяетъ видѣть въ отдѣльныхъ народностяхъ самобытные, обособленные, только для себя существующіе культурные типы. Наконецъ, во имя исторической точки зрѣнія,—что ею вовсе опять-таки и не требуется,—мы вовсе не должны лишать себя заявленнаго XVIII вѣкомъ права человѣческой мысли оцѣнивать дѣйствительность и предъявлять къ ней свои требованія, имѣя въ виду стремленія индивидуальнаго развитія. Мало того, исторія оправдываетъ въ концѣ концовъ такое отношеніе къ дѣйствительности, ибо въ послѣднемъ анализѣ сама исторія существуетъ только въ личностяхъ, чрезъ личности и для личностей, а потому и не можетъ быть понимаема съ достаточною глубиною и широтою, если не будетъ оцѣниваться съ точки зрѣнія стремленій, интересовъ и правъ отдѣльныхъ личностей. Историческое отношеніе къ дѣйствительности нерѣдко упрекали въ томъ, будто оно само по себѣ естественно и необходимо должно вести и къ упорному консерватизму, какъ къ результату чрезмѣрнаго почитанія историческихъ традицій, и къ узкому національзму, весьма понятному при обращеніи особаго вниманія на то, что создано въ исторической жизни условіями существованія данной народности, и, наконецъ, къ пренебреженію правами, интересами и стремленіями личности, разъ послѣднія расходятся съ исторически сложившимся порядкомъ вещей. Если, дѣйствительно, подобныя явленія и наблюдаются въ исторіи философіи, науки и публицистики XIX в., то прямую ихъ причину никакъ не нужно искать въ примѣненіи исторической точки зрѣнія къ разработкѣ разныхъ культурныхъ и соціальныхъ идей. Раціонализмъ XVIII в. и историзмъ XIX столѣтія, повторяю, имѣютъ значеніе лишь методовъ, оказывающихъ большое вліяніе на общій характеръ моральнаго и соціальнаго міросозерцанія, отнюдь, однако, не значеніе исходныхъ пунктовъ, коими опредѣлялось бы самое содержаніе нашихъ нравственныхъ и общественныхъ принциповъ и стремленій. Какъ ни различны раціоналистическая и историческая точки зрѣнія на дѣйствительность, обѣ онѣ могутъ ложиться одинаково въ основу аргументовъ, защищающихъ діаметрально-противуположныя воззрѣнія, хотя, конечно, сила послѣднихъ будетъ зависѣть не отъ той точки

зрѣнія, которая послужитъ основаніемъ всѣхъ аргументовъ, а отъ того, насколько чистое умозрѣніе и выводы изъ наблюденій будутъ соотвѣтствовать подлинной исторической дѣйствительности и тѣмъ стремленіямъ къ истинѣ и справедливости, которыя проявляются во всемірно-историческомъ прогрессѣ. Однимъ словомъ, историческое пониманіе идей и учрежденій, историческое отношеніе къ вопросамъ культурной и соціальной жизни не должно быть непремѣнно враждебнымъ историческому прогрессу, международной солидарности и стремленіямъ личности, какъ это можетъ казаться запоздалымъ сторонникамъ раціоналистическихъ воззрѣній и какъ это выходитъ нерѣдко у писателей, пользующихся историческою точкой зрѣнія для обоснованія своихъ болѣе или менѣе отсталыхъ стремленій.

Относясь къ культурнымъ идеямъ и соціальнымъ формамъ съ исторической точки зрѣнія и внося въ общее пониманіе всякой исторіи научный духъ, вы не въ правѣ будете не признать, что историческая жизнь заключается въ постоянныхъ постановкахъ и рѣшеніяхъ нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ, будетъ ли то совершаться въ области идей, т.-е. лишь теоретически, или же и въ сферѣ соціальныхъ отношеній, т.-е. практически, будетъ ли то дѣлаться съ бóльшимъ или меньшимъ сознаніемъ цѣлей и средствъ, съ большимъ или меньшимъ пониманіемъ того, какой вопросъ стоитъ на очереди, при какихъ условіяхъ его приходится рѣшать, въ какомъ направленіи, наконецъ, онъ можетъ быть рѣшенъ при данныхъ обстоятельствахъ и т. п. Практическое рѣшеніе вопросовъ, ставимыхъ жизнью, часто совершающееся вполнѣ безсознательно, безъ достаточнаго пониманія, именно по тому самому и бываетъ въ большинствѣ случаевъ ошибочнымъ, но и сама теорія постоянно заблуждается, если сознаніе не считается съ фактами дѣйствительности, если пониманіе того, что необходимо и что возможно, не основывается на данныхъ опыта и наблюденія. И тутъ недостаточно еще знать среду, въ которой приходится дѣйствовать, недостаточно поэтому ограничивать свое знакомство съ исторіей лишь прошлаго и настоящаго родной страны: нужно имѣть еще въ виду и чужой опытъ, поскольку онъ можетъ чему-либо научить или, по крайней мѣрѣ, уяснить кое-что въ родной дѣйствительности, нужно имѣть въ виду также и идеи, вырабатываемыя общечеловѣческимъ сознаніемъ, какъ высшія цѣли всемірной исторіи. Въ послѣднемъ отношеніи, т.-е. и въ смыслѣ указаній чужого опыта, и въ смыслѣ знанія итоговъ культурно-соціальнаго прогресса, совершившагося до сего времени, особенно важное значеніе имѣетъ знакомство съ новой и новѣйшей исторіей Запада, поскольку, съ одной стороны, во многихъ отношеніяхъ мы лишь позднѣе идемъ по тѣмъ же самымъ историческимъ путямъ, по которымъ прежде уже прошли опередившія

насъ европейскія націи, и поскольку, съ другой стороны, современная европейская цивилизація, обязанная своими успѣхами романскимъ и германскимъ народамъ, можетъ разсматриваться, какъ главное наслѣдіе всемірной исторіи, заключающее къ себѣ наибольшее количество задатковъ и указаній для будущаго. Но и вообще въ наше время никакая общественная дѣятельность немыслима безъ историческаго образованія, которое одно способно сообщить не только необходимыя знанія и необходимое умѣніе оріентироваться среди запутанныхъ отношеній дѣйствительности, но и ту широту взгляда, и то пониманіе историческаго процесса, отсутствіе коихъ всегда будетъ дѣлать безплодными всѣ наши усилія вліять на рѣшеніе историческою жизнью ставимыхъ ею вопросовъ. Міръ явленій, подлежащій нашему познаванію и воздѣйствію, состоитъ изъ великаго множества процессовъ, и каждая ихъ категорія совершается по присущимъ ей законамъ: кто хочетъ оказывать вліяніе на происходящія вокругъ него событія, долженъ знать, какъ эти событія вообще совершаются. Всѣ члены общества, конечно, въ разной степени участвуютъ въ рѣшеніи жизненныхъ вопросовъ, ставимыхъ ходомъ исторіи, и правильная, цѣлесообразная и успѣшная дѣятельность въ этой области возможна лишь не только при знаніи условій мѣста и времени, равно какъ данныхъ чужого опыта и главнѣйшихъ нравственныхъ и общественныхъ идей, развивающихся въ всемірно-историческомъ процессѣ, но и при вѣрномъ пониманіи того, какъ вообще совершается этотъ историческій процессъ. Только изученіе исторіи можетъ привести къ такому пониманію, хотя, нужно сознаться, общая теорія историческаго процесса, которая могла бы заявить притязаніе на полную научность, есть еще дѣло далекаго будущаго. Концепціи XVIII в., для коего историческія перемѣны были лишь результатами личнаго творчества, притомъ творчества вполнѣ сознательнаго и произвольнаго, XIX вѣкъ главнымъ образомъ противопоставилъ идею эволюціи, т.-е. саморазвитія культурныхъ и соціальныхъ явленій какъ бы безъ всякаго участія въ немъ мысли и воли людей, но изученіе исторіи должно рано или поздно окончательно обнаружить односторонность обоихъ этихъ взглядовъ, указавъ надлежащимъ образомъ на относительное значеніе личныхъ усилій и общихъ условій въ происхожденіи историческихъ перемѣнъ. Исторія именно постоянно будетъ свидѣтельствовать, что сами по себѣ личныя усилія, не сообразующіяся съ условіями мѣста и времени, всегда будутъ безплодны, но что, съ другой стороны, и эти условія производятъ что-либо лишь при участіи личныхъ усилій, могущихъ въ свою очередь быть сознательными въ большей или меньшей степени и находиться въ разныхъ отношеніяхъ къ правильному пониманію того, что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ. Только подъ условіемъ знанія, какъ совершается исторія, возможно и сколько-

нибудь вѣрное пониманіе одной идеи, въ образованіи коей участвовали и раціонализмъ XVIII в. съ его надеждою на лучшее будущее для всѣхъ народовъ, и историческое изученіе съ своимъ взглядомъ на прошлое, какъ на постепенное культурно-соціальное развитіе человѣчества. Я говорю именно объ идеѣ прогресса. XVIII вѣкъ съ его вѣрой въ человѣческій разумъ и въ силу сознательнаго творчества въ общемъ былъ настроенъ самымъ оптимистическимъ образомъ, и однимъ изъ наслѣдій, оставленныхъ имъ нашему столѣтію—и, нужно надѣяться, будущимъ временамъ—является идея прогресса, впервые понятаго въ прошломъ вѣкѣ, какъ совершенствованіе человѣчества въ умственномъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ. Философскій вѣкъ намѣтилъ и примѣненіе этой идеи къ разсмотрѣнію исторической жизни человѣчества, создавъ такъ называемую философію исторіи и завѣщавъ будущему выработать теорію прогресса не на основаніи однихъ чаяній разума, но и на основаніи знанія условій историческаго существованія человѣчества. По всей вѣроятности, до сихъ поръ мы еще не были въ состояніи оцѣнить все то значеніе, какое можетъ имѣть эта идея прогресса, идея одновременно и философская, и историческая—для нашей умственной, нравственной и общественной жизни. Въ XIX вѣкѣ, создавшемъ историческое отношеніе къ дѣйствительности, идея прогресса и родственная ей, хотя и нѣсколько отъ нея отличная идея развитія сдѣлалась одною изъ руководящихъ идей въ пониманіи исторіи, какъ исторія совершалась до сихъ поръ и что представляетъ она изъ себя по существу: точка зрѣнія развитія, или эволюціонизмъ, какъ мы видѣли, характеризуетъ вообще основныя философскія и научныя концепціи XIX в., а идея прогресса есть лишь субъективное выраженіе понятія эволюціи, такъ какъ подъ прагрессомъ разумѣется не что иное, какъ развитіе въ человѣчествѣ всего того, что дѣлаетъ человѣка человѣкомъ, возвышая его надъ міромъ животныхъ. Оптимизмъ прошлаго вѣка подвергся сильному испытанію, значительно его поколебавшему, когда дѣйствительность разбила многія изъ его надеждъ и ожиданій, и въ XIX столѣтіи, какъ извѣстно, получили большое развитіе пессимистическія ученія, возникшія и нашедшія для своего распространенія удобную среду, благодаря соотвѣтственному настроенію въ обществѣ, но нужно думать, что наилучшимъ средствомъ въ борьбѣ съ отравляющимъ жизнь пессимизмомъ особенно можетъ служить идея прогресса, идея улучшенія условій и формъ человѣческаго существованія. Оптимистическій раціонализмъ прошлаго вѣка, не считавшійся съ данными исторіи, своими преувеличеніями дискредитировалъ заявленныя имъ прогрессивныя чаянія, но суровый жизненный опытъ, породившій пессимистическое настроеніе, лишь тогда могъ бы имѣть вполнѣ рѣшающее значеніе, если бы историческая наука не свидѣтельствовала,

что все прошлое человѣчества было постепеннымъ развитіемъ культурныхъ и соціальныхъ формъ, отражавшимся на улучшеніи человѣческой жизни и дающимъ основаніе ожидать того же и въ будущемъ. Въ такомъ пониманіи, т.-е. противопоставляемая пессимизму, разъѣдающему нравственное сознаніе множества нашихъ современниковъ, историческая идея прогресса, въ которой мы можемъ утверждаться лишь путемъ ознакомленія съ прошлыми судьбами человѣчества, получаетъ значеніе идеи этической, и въ этомъ значеніи, быть можетъ, ей еще впереди суждено сыграть свою настоящую роль въ культурной и соціальной исторіи человѣчества, въ культурной—какъ идеѣ, способной дать извѣстную окраску цѣлымъ міросозерцаніямъ, въ соціальной—какъ практическому принципу, приглашающему работать надъ осуществленіемъ въ общественной жизни тѣхъ идеаловъ, которые постепенно уяснялись въ сознаніи человѣчества, жившаго историческою жизнью, и мало по малу уже воплощались въ этой жизни, благодаря развитію личнаго самосознанія и усиліямъ личности улучшить общія условія своего существованія. Лишь широкое историческое образованіе можетъ вообще дать понятіе о содержаніи этихъ идеаловъ, о значеніи этого самосознанія, о роли этихъ усилій и воспитать въ человѣкѣ настоящую гуманность, интересъ и уваженіе къ человѣческой личности, къ какой расѣ и національности, къ какому бы вѣроисповѣданію и государству, къ какому культурному слою и соціальному классу она бы ни принадлежала. И я думаю поэтому, что историческому образованію должно принадлежать по полному праву и воспитательное значеніе, котораго это образованіе и не можетъ лишиться, если только мы будемъ изучать прошлое человѣчества съ гуманитарной и универсальной точекъ зрѣнія, развивая въ себѣ интересъ къ человѣческой личности и къ человѣчеству и тѣмъ самымъ подготовляя себя къ пониманію и служенію идеѣ историческаго прогресса.

Интерлакенъ, $\frac{\text{29—31 іюля}}{\text{10—12 авг.}}$ 1898.

Очеркъ промышленности и торговли Смоленскаго княжества съ древнѣйшихъ временъ до XV вѣка.

И. М. Красноперова.

I.

Разсматривая уставную грамоту смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, данную имъ смоленской епископіи въ 1150 году, мы встрѣчаемъ тамъ названія множества городовъ, селъ и погостовъ, которые служили тогда или военно-стратегическими пунктами, или мѣстными торгово-промышленными центрами. Населеніе смоленскаго княжества группировалось по погостамъ и селеніямъ слѣдующимъ образомъ: гдѣ-нибудь на берегу рѣки или озера отдѣльно стояла церковь, около которой жилъ причтъ, а неподалеку отъ нея было разбросано во всѣ стороны множество деревень, происшедшихъ путемъ родоваго наслоенія. Промышленная дѣятельность должна была вызвать здѣсь потребность въ сборныхъ пунктахъ для сбыта и обмѣна въ базарахъ — погостахъ, куда собирались гостить, торговать. Такимъ образомъ, погостъ былъ мѣстомъ и княжеской станціи, и сельской волости, и церковнаго прихода, и, наконецъ, сельскаго рыночнаго мѣста, къ которому тянули мелкіе поселки—деревни въ своихъ промышленныхъ дѣлахъ [1]); сюда же всѣ жители деревень въ извѣстные дни сходились на вѣче для рѣшенія общественныхъ дѣлъ. До настоящаго времени въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Смоленской губ. сохранилось названіе погостовъ за селеніями вышепоименованнаго типа, напр. погостъ Сеславль (по устав-

---

[1]) Ключевскій, Боярская дума въ древней Руси въ Р. М. 1880, кн. III, гл. III. Что погостъ былъ крупной территоріальной единицей, объ этомъ ясно говоритъ напр. Переписн. окладн. кн. по Новгороду Вотск. пятины 1500 г. см. „Времен." Моск. общ. ист. и древн., кн. II, 1851 г.

ной грамотѣ Ростислава-Изяславль), Радичи и др. Селомъ, весью, селищемъ собственно назывались культивированныя земли: бортныя ухожаи, „сѣножати", пахотныя земли и т. п., гдѣ большею частью жили изгои и рабы, рѣдко свободное крестьянское населеніе. Всѣ подобныя села и веси предоставлены были смоленскимъ княземъ Ростиславомъ Мстиславичемъ въ распоряженіе епископу вмѣстѣ съ изгоями и рабами. Такъ даны были епископу села: Холмъ, Дросенское „со изгои и землею" и Ясенское съ бортникомъ „и съ землею, и съ изгои". Большая часть городовъ смоленскаго княжества первоначально служила не больше, какъ военно-стратегическими пунктами, куда въ случаѣ войны или опасности отъ непріятельскаго вторженія жители погостовъ сбѣгались какъ въ укрѣпленный пунктъ. Оттого всѣ почти древніе смоленскіе города строились на большихъ дорогахъ—путяхъ изъ одной области въ другую, оттого въ нихъ насыпался громадный земляной валъ, какъ мѣсто обороны и убѣжища жителей; оттого и населеніе этихъ городовъ сравнительно съ погостами было чрезвычайно малочисленно. Такіе древніе города, какъ Ельня, Рославль, Дорогобужъ и др. платили всей княжеской дани отъ 3-хъ гривенъ до трехъ „гонъ короткихъ", слѣдовательно имѣли малочисленное населеніе. Города или городища подобнаго типа до сихъ поръ сохранились въ смоленской губерніи: въ Рославлѣ, Ельнѣ, Осовикѣ (селѣ) на Деснѣ и др.

Родовой патріархальный бытъ служилъ основною формою общественаго строя смоленскихъ бѣлоруссовъ вплоть до XII вѣка, а семейно-родовыя общины сохранились въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до настоящаго времени [2]). Здѣсь старикъ родоначальникъ или старшій братъ до сихъ поръ смотритъ на всѣхъ членовъ общины какъ на своихъ дѣтей и вся хозяйственно-экономическая жизнь такихъ общинъ слагается по предписанію старѣйшины, причемъ общинное начало проникаетъ собой всѣ сферы дѣятельности деревенскихъ жителей.

Все пѣсенное творчество смолен. бѣлоруссовъ можно назвать аграрнымъ, что объясняется территоріальными и экономическими условіями ихъ быта. Главными источниками ихъ пропитанія было бортничество. Бортничество служило однимъ изъ первыхъ путей колонизаціи и первоначальной культуры этого дикаго лѣсного пространства. Оттого во всѣхъ сохранившихся доселѣ старинныхъ пѣсняхъ медъ и воскъ играютъ главную роль: имъ пѣсню пѣли, имъ честь воздавали. Еще до Р. Х. фракійцы разсказывали Геродоту, что въ земляхъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Дуная, столько водилось пчелъ, что людямъ дальше и пройти нельзя [3]); иностранные путешественники удивля-

[2]) См. мою статью въ „Отеч. Зап." 1882, іюнь, „Антошкина община".
[3]) Забѣлинъ, И. Р. Ж. II, 15.

лись безчисленному множеству въ лѣсахъ цѣлыхъ роевъ дикихъ пчелъ [4]). Дѣйствительно, какъ въ литовской странѣ, такъ въ Смоленской, Полоцкой и Витебской существовали многочисленныя селенія бортниковъ. Бортники рубили дровяной и строевой лѣсъ па свои нужды, на постройки лодокъ и берегли старыя, толстыя деревья, въ которыхъ были дупла, выдалбливали въ нихъ новыя борти; а чтобы никто не могъ присвоить бортное дерево или украсть медъ, бортники вырубали на деревѣ топоромъ знамя [5]). Въ языческую эноху бортники заговаривались отъ похитителей и разорителей пчелъ, и эти религіозно-языческіе заговоры сохранились и донынѣ; въ эпоху христіанскую, когда древне-языческіе заговоры передѣлывались въ христіанскіе заговоры и заклятья, бортники легко могли придти къ вѣрѣ въ особыхъ христіанскихъ святыхъ — покровителей пчелъ и бортей. Такъ еще въ XIV в. такимъ патрономъ пчеловодства въ Смоленскѣ считался св. князь Ѳеодоръ [6]). По народному языческому міросозерцанію даже самъ Богъ и святые участвуютъ въ этихъ занятіяхъ:

„Самъ Богъ меды сыциць [7])
А Илля пиво варыць"..

Само собою разумѣется, бортничество должно было вызвать и другую связанную съ нимъ отрасль производства — медо и пивовареніе, которыя еще въ XVII в. производились здѣсь въ громадныхъ размѣрахъ, а въ XII в. смоленскому князю шла даже особая дань, корчемная пошлина. Земледѣльческая культура стояла тоже на довольно высокой степени развитія: рожь, ячмень и конопля высѣвались здѣсь въ громадныхъ размѣрахъ. Разведеніе конопли было извѣстно еще жившимъ на Борисеенѣ скифамъ, у которыхъ конопля называлась „скифскимъ куревомъ, такимъ сильнымъ, что каждый присутствовавшій непремѣнно потѣетъ" [8]). Подобно тому, какъ бортничество находилось подъ покровительствомъ особаго святаго, и земледѣліе точно также находилось подъ покровительствомъ особаго божества. Въ языческую эпоху земледѣльческія божества кривичей — бѣлоруссовъ распредѣляли между собой обязанности въ заботѣ о преуспѣяніи или процессѣ роста злаковъ или собиранія меда и воска. Чуть ли не каж-

---

[4]) Ibid, 256.

[5]) Аристовъ, Промышл. др. Руси, 32.

[6]) Щаповъ, Ист. очеркъ нар. міросозерц. и суевѣр. въ Ж. М. Н. Пр. 1863 г., I, 46.

[7]) Шейнъ. Бѣлорус. пѣсни, 516.

[8]) В. Генъ, Культ. раст. 96. Африканскіе дикари и до сихъ поръ курятъ коноплю, которая имѣетъ одуряющее свойство. („Изслѣдов. Африки" въ В. Евр. 1882, стр. 559).

дое движеніе впередъ процесса роста злаковъ: прозябаніе, всходы, созрѣваніе, каждая полевая работа—пахота, сѣянье, жатва — все это находилось подъ особымъ попеченіемъ божества. У бѣлоруссовъ существовало даже особое божество жатвы — Рай, которое воспѣвается въ ихъ древнихъ пѣсняхъ. Поэтическая натура бѣлоруссовъ съумѣла обрисовать это божество особенно яркими чертами. Атрибутами своими Рай имѣлъ: вѣнокъ изъ спѣлыхъ колосьевъ ржи и полевыхъ цвѣтовъ; людямъ онъ являлся всегда въ образѣ никогда не старѣющейся красивой молодой дѣвушки [9]).

Обиліе лѣсовъ въ смоленскомъ краѣ, въ которыхъ водилось множество всякаго рода звѣрей: лосей, вепрей, лисицъ, куницъ, барсуковъ, бобровъ, давало возможность смольнянамъ вести обширную внутреннюю и внѣшнюю торговлю шкурами и мѣхами этихъ животныхъ. До XII вѣка въ смоленскомъ краѣ ощущался большой недостатокъ въ рогатомъ скотѣ, но зато онъ вполнѣ возмѣщался множествомъ овецъ и лошадей, обыкновенно покупаемыхъ или вымѣниваемыхъ на мѣстные продукты у южныхъ степныхъ кочевниковъ [10]); оттого лошадиное мясо въ смоленск. краѣ было въ большомъ употребленіи. Послѣ калкскаго пораженія русскихъ въ 1223 г. смоленскій князь Владиміръ Рюриковичъ отнялъ у татаръ около рѣки Донца столько коней, что имѣлъ ихъ довольно въ пищу [11]).

Всѣ погосты и селенія смоленскаго княжества, вызванные на свѣтъ чисто промышленными цѣлями, располагались по рѣчнымъ воднымъ путямъ, по которымъ населеніе вело дѣятельную торговлю мѣстными продуктами со всѣми сосѣдними народами. Обиліе водныхъ путей въ смоленскомъ княжествѣ и содѣйствовало процвѣтанію здѣсь торговли. За исключеніемъ Галицкаго княжества почти единственнымъ путемъ для сношенія Руси съ Византіей, Таврическимъ Херсонесомъ и Козаріей, оставался Днѣпръ. Водораздѣлы между З. Двиной, Днѣпромъ и Волгой были тѣми историческими волоками, чрезъ которые подобно альпійскимъ проходамъ въ Зап. Европѣ издревле шли народы и ихъ произведенія во всѣ стороны — на рынки Европы и Азіи. Куда бы ни направлялись торговые караваны; съ сѣвера изъ Новгорода и Суздальскаго края въ Кіевъ, съ Камской Булгаріи или съ береговъ Зап. Двины, — имъ не миновать было рѣчной днѣпровской системы, а слѣдовательно и смоленской области. Поэтому Смоленская страна прежде другихъ вошла въ историческую жизнь всей

---

[9]) Шейнъ, Бѣлор. пѣсни, стр. 515. Авторъ приводитъ нѣсколько пѣсенъ въ честь языческаго божества—Рая. См. №№ пѣсенъ 359, 360, 361, 362 и т. д.

[10]) Аристовъ, стр. 41.

[11]) Татищевъ, Ист. Р. III, 441; Лавр. лѣт. 482.

Руси, какъ передаточное торговое мѣсто, какъ узелъ, стягивающій въ себѣ пути для сношеній трехъ важнѣйшихъ центровъ исторической жизни русскаго міра [12]). Центральный областной городъ смольнянъ — Смоленскъ, былъ еще въ отдаленное доисторическое время нѣчто въ родѣ порто-франко для тогдашнихъ племенъ и народовъ, населявшихъ территорію Руси: тамъ почти всегда можно было встрѣтить булгарскихъ, персидскихъ, козарскихъ, малоазійскихъ, впослѣдствіи и нѣмецкихъ купцевъ. Вотъ почему уже во время княженія Олега Смоленскъ считался, по выраженію Архангелогор. лѣтописца „богатымъ и сильнымъ купеческимъ городомъ“, въ который поэтому Олегъ и убоялся войти со своею дружиною.

Смоленскъ по своему внѣшнему и внутреннему устройству былъ совершеннымъ подобіемъ Новгорода. Въ древности онъ былъ обнесенъ довольно высокимъ земляным валомъ съ частоколомъ на верху, тянувшимся по нагорной сторонѣ и потомъ спускавшимся за церковью Іоанна Богослова къ самому берегу Днѣпра. Позднѣе, именно въ первой половинѣ XII вѣка, валъ этотъ съ южной стороны на половинѣ горы прерывался крѣпкими дубовыми воротами, откуда по искусственно устроенному спуску шла дорога къ Смядынскому предмѣстью, къ церкви Бориса и Глѣба близъ устья р. Смядынки (теперь совершенно пересохшей). У рѣчки этой существовала единственная торговая пристань, гдѣ могли останавливаться въ своихъ „насадахъ“ русскіе и иностранные купцы. Уже въ XII в. Смоленскъ былъ расположенъ по обоимъ берегамъ Днѣпра, при чемъ на правой сторонѣ, въ 1146 г., была построена церковь св. Петра и Павла, около которой тянулась улица, заселенная частью рабами и „изгоями“. Эти изгои и рабы спеціально занимались для смоленскаго князя тетеревиною охотою и содержали тетеревиные садки. Въ 1150 г. смоленскій князь Ростиславъ Мстиславовичъ отдалъ тетеревникъ за Днѣпромъ въ вѣчное владѣніе епископу Мануилу, а по лѣвую сторону Днѣпра на горѣ ему же — огородъ съ капустникомъ [13]). Со всѣхъ сторонъ за городскимъ валомъ тянулся непрерывно дубовый и сосновый лѣсъ, въ которомъ водилось множество всякихъ звѣрей: вепрей, лисицъ, куницъ, барсуковъ, бобровъ и всевозможныхъ породъ птицъ. Непрерывный густой лѣсъ кругомъ Смоленска не давалъ человѣку и шагу сдѣлать для приведенія этого пространства въ культурное состояніе. Только уже въ XVI вѣкѣ московское правительство позволило вырубать лѣсъ кругомъ Смоленска мѣщанамъ и „чернымъ людямъ“ [14]).

---

[12]) Карамзинъ, И. Г. Р. I, 47.

[13]) См. Уставн. грам. епископіи въ Собр. важн. памятн. по исторіи рус. права, изд. Лазаревскимъ и Утинымъ, стр. 414—419.

[14]) Собр. госуд. грам. и договор. I, № 148.

Въ началѣ XII в. Смоленскъ вмѣщалъ въ своихъ стѣнахъ до 35,000 населенія, большею частію торгово-промышленнаго. Застроенный 10 каменными церквами, княжескими теремами, множествомъ гостиныхъ дворовъ, лавокъ и магазиновъ, какъ туземныхъ, такъ и иноземныхъ купцовъ—варяжскихъ и нѣмецкихъ съ мануфактурными товарами, золотыми и серебряными вещами и „сосудами",—прерываемыхъ тамъ и сямъ фруктовыми садами, а по окраинамъ города огородами и капустниками, оживленный по берегамъ Днѣпра множествомъ снующихъ взадъ и впередъ торговыхъ судовъ и насадовъ, Смоленскъ уже въ концѣ XII в. представлялъ собой чрезвычайно красивый видъ. Въ настоящее время кругомъ Смоленска не сохранилось ни одного деревца, а берега Днѣпра отличаются мертвымъ безмолвіемъ. Иностранцы нерѣдко пріѣзжали въ Смоленскъ любоваться красотою и богатствомъ его церквей, особенно двухъ—Іоанна Богослова и Архистр. Михаила, украшенныхъ золотомъ, серебромъ, финифтью и всякими драгоцѣнностями. О церкви Архистр. Михаила лѣтописецъ отзывается такъ: „такое же (т.-е. церкви) нѣсть в полунощной странѣ, и всимъ приходящимъ к ней дивитися изряднѣй красотѣ ея, иконы златомъ и сребромъ, и жемчюгомъ и каменнемъ драгимъ украшены". По преданію, Иванъ Грозный обобралъ нѣкоторыя изъ ея драгоцѣнностей, а потомъ литовцы трижды грабили ее. Теперь это бѣдная, невзрачная на видъ церковь.

Смоленскъ дѣлился на четыре конца, изъ коихъ исторія сохранила названіе только двухъ: Пятницкаго и Клирошанскаго. Какъ въ Новгородѣ, такъ и здѣсь каждый конецъ и каждая улица составляли отдѣльную въ своемъ внутреннемъ управленіи самостоятельную общину, съ своими выборными тысяцкими, старостами, сотскими, кончанскимъ и уличанскимъ вѣчемъ. Такимъ образомъ Смоленскъ составлялъ политическій союзъ кончанскихъ и уличанскихъ общинъ, на обязанности которыхъ лежало заготовленіе на случай войны снарядовъ и военныхъ запасовъ, храненіе въ притворахъ при извѣстныхъ церквахъ складовъ оружія, а въ церкви Успенія Богородицы — образцовыхъ вѣсовъ и гирь [15]). Тѣ же общины заботились о благоустройствѣ города и благосостояніи гражданъ, объ устройствѣ во время мора скудельницъ и пр. Такъ во время свирѣпствовавшей въ Смоленскѣ въ 1230 г. чумы кончанскія общины устроили 4 скудельницы, изъ коихъ въ двухъ положили по 8000 человѣческихъ труповъ, въ третьей 7000 и въ четвертой 9000 [16]). Въ военное время всѣ кончанскія и уличанскія общины

---

[15]) См. Договоръ кн. Мстислава Давыдовича 1229 г. въ Русск.-ливон. Акт., 1868 г.

[16]) Лаврент. лѣт., 485.

старались организовать свой земскій полкъ, состоящій изъ 1000 ратниковъ, для предводительства которымъ избирали своего земскаго тысяцкаго и сотскихъ, которые шли на войну и сражались совершенно независимо отъ княжескаго полка. Лѣтописи сохранили даже имена нѣкоторыхъ тысяцкихъ: при князѣ Ростиславѣ Мстиславичѣ былъ тысяцкій *Внѣздъ*, при сынѣ его Давидѣ — *Радило*, въ 1195 г. *Михалко* [17]). Въ мирное время тысяцкій считался однимъ изъ важнѣйшихъ административныхъ лицъ земщины, исполнявшихъ иногда и дипломатическія порученія. Сотскіе считались представителями городскихъ сотенъ, а также представителями торговыхъ общинъ, почему при заключеніи съ иностранными государствами торговыхъ договоровъ они посылались за границу въ качествѣ пословъ. Такъ для заключенія извѣстнаго торговаго договора Мстислава Давыдовича въ 1229 году земщина послала въ г. Ригу и на островъ Готландъ представителями отъ себя „умпа мужа Пантелея и попа Еремея" [18]). Представители княжеской власти въ Смоленскѣ, въ противоположность Новгороду, были посадники или намѣстники, которымъ подвѣдомственны были особыя преступленія, „свои тяжи", напр. прелюбодѣяніе и пр., за что они получали себѣ виру пополамъ съ епископомъ.

Когда и съ какими народами смольняне стали вести торговлю, на это указываютъ найденныя въ смоленскомъ краѣ древнія монеты. Монеты, находимыя во множествѣ въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ, по берегамъ рр. Днѣпра и зап. Двины, большею частію арабскія, VII, VIII, IX и X вѣковъ, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ оказались битыми въ Африкѣ и Испаніи [19]); точно также встрѣчаются массами скандинавскія, англосаксонскія, византійскія отъ IX вѣка и нѣмецкія монеты. Количество до сихъ поръ найденныхъ въ смолен. краѣ древнихъ монетъ поразительно по своей величинѣ. На границѣ смоленск. области съ новгородской, въ полуверстѣ отъ Великихъ Лукъ на берегу р. Ловати найдено было въ 1802 г. 7 пудовъ почернѣвшихъ арабскихъ диргемъ X в., большею частію халифскихъ и саманидскихъ. Въ 1785 г. Палласъ прислалъ въ Академію Наукъ 12 восточныхъ монетъ—испегбскихъ, омейядскихъ и абассидскихъ VIII в., которыя были найдены при разламываніи въ Смоленскѣ одной древней башни [20]); въ 1822 г. еврей привезъ въ Москву изъ смоленскаго края мѣшокъ съ серебр. куфическими монетами, вѣсомъ болѣе 7 фунтовъ. Когда стали ихъ считать, то оказа-

---

[17]) Бѣляевъ, Лекціи, 132. Сергѣевичъ, вѣче и князь, 399.
[18]) Русск.-ливон. А., Anfang № 1.
[19]) Аристовъ, 205.
[20]) Bullet. Scientif. I c. p. 325.

лось 1300 цѣльныхъ монетъ и еще болѣе половинокъ и четвертинокъ — VIII, IX и X вѣковъ, преимущественно битыхъ въ Африкѣ и Испаніи [21]); въ 1847 г. въ дорогобуж. уѣздѣ въ р. Дорогобужѣ найдено 9 арабскихъ монетъ IX и X в., въ томъ числѣ двѣ саманидскихъ [22]); въ 1821 г. точно такихъ же монетъ найдено было 100 фунтовъ около Витебска, ближе къ Смоленскому краю и т. д., и т. д. Всѣ эти монеты древностью своей не восходятъ позже 1012 г., ясный признакъ того, что до XI вѣка направленіе торговли смольнянъ было преимущественное восточное, почему и весь періодъ этой торговли можно назвать арабскимъ. Тотъ же самый слой монетъ встрѣчается по рр. Окѣ, Волгѣ, Ловати, Волхову, Невѣ, въ Лифляндіи, Эстляндіи и на остров. Готландѣ [23]).

Всѣ эти монеты—серебряныя, величиной не менѣе нашего четвертака, по-русски назывались купами, рѣзанями, веверицами, вѣкшами и пр. Во время смутъ или войны ихъ зарывали въ полѣ, около рѣки, потомъ ставили на этомъ мѣстѣ знакъ: сажали деревцо или набрасывали камень [24]). Мать сыра земля была для нихъ сохраннымъ банкомъ. Въ случаѣ смерти хозяевъ, безотвѣтный банкъ навсегда хранилъ ввѣренную тайну, пока какой-либо счастливый пахарь не открывалъ его подъ именемъ клада.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ торговыхъ центровъ VIII и IX вв., было, какъ извѣстно, царство Козарское, которое начинаетъ усиливаться уже съ VI в., когда предѣлы его отъ низовьевъ Волги распространились даже за Кавказъ; въ IX в. (859 г.) власть Хозаръ распространилась и на восточную часть Крыма, на Приднѣпровскихъ славянъ—полянъ, сѣверянъ, Радимичей и Вятичей [25]). Козарія была единственной цивилизованной страной въ доисторическое время на Руси [26]), чему она обязана была главнымъ образомъ развитію въ этомъ краѣ торговли и промышленности; а торговыя связи, какъ извѣстно, всегда служили наилучшими проводниками всяческой культуры.

Въ Козаріи изъ-за торговыхъ интересовъ допускалась замѣчательная для того времени вѣротерпимость и свобода религіозной пропаганды, хотя самъ каганъ и прочія правительственныя лица и исповѣдывали еврейскій законъ. Въ главномъ городѣ Казаріи Итилѣ, окруженномъ полями и красивыми дачами, жило много русскихъ купцовъ,

---

[21]) Френъ, въ Jbn—Fozlan's Russen, s. 49: Journal Asiat. t. II, p. 21.

[22]) Доп. къ опис. Смол. мон., Савельевъ въ Зап. Им. Р. Арх. Общ. 1855, т. V, 240.

[23]) Ключевскій, Бояр. дума, Р. М. 1880, кн. III. 27.

[24]) Забѣлинъ, И. Р. Ж. II, 373.

[25]) Ипат. лѣт., II.

[26]) Гильфердингъ, I, 307.

которые занимали особый кварталъ; русскіе составляли даже войско и прислугу кагана [27]). Въ другомъ Козарскомъ городѣ Семендарѣ, между Итилемъ и Дербентомъ, населенномъ преимущественно татарами и евреями, существовало до 40 виноградниковъ, изъ которыхъ предпріимчивое населеніе приготовляло отличное вино; на Дону существовалъ укрѣпленный городъ Саркелъ или Бѣлая Вѣжа, построенный византійскими инженерами противъ нападенія русскихъ и печенѣговъ [28]). Путь смольнянъ и новгородцевъ въ Вулгарію и Козарію шелъ на Оку или Волгу (въ Сычевск. уѣздѣ) посредствомъ р. Вазузы, гдѣ у села Волочка *насады* перевозили по суху [29]). Этимъ путемъ ходили и всѣ русскіе князья: такъ сюда ходилъ Святославъ Игоревичъ послѣ покоренія Вятичей на Окѣ въ 966 г.; тѣмъ же путемъ шелъ и его внукъ, князь Глѣбъ изъ Мурома и др. Новгородцы и смольняне болѣе 200 лѣтъ вели торговлю по этому пути съ Весью, Мордвою, Вулгарами и пр. [30]).

Другой торговый путь который въ XII в. обозначался путемъ на Радимичи (Ипат. 97), шелъ черезъ Сожь и Десну въ Поволжье. Онъ соединялся съ путемъ, проходившимъ черезъ верхнюю Десну при посредствѣ или Ипути, или же другого притока Сожи, Остра, верховья которыхъ сближаются съ Десною. Названіе лежащихъ здѣсь деревень и урочищъ—Стайки—и Стой въ верховьяхъ Болвы, на Угрѣ-Стайки (въ ельнинск. у.) близъ верховьевъ Десны, своимъ этимологическимъ значеніемъ ясно указываютъ на пролегавшіе здѣсь пути сообщенія (Барсовъ, лѣтописи, стр. 19). Купечество составляло особыя торговыя общины съ общиннымъ капиталомъ, а во время путешествія для торговли въ отдаленныя страны члены—общинники имѣли одинъ общій столъ. Обыкновенно, отправляясь въ путь вооруженные, они по дорогѣ занимались между прочимъ и подходящими промыслами: битьемъ пушныхъ звѣрей, ловлей рыбы, а иногда при случаѣ не прочь были и пограбить какое-либо слабосильное финское селеніе. Къ этой общинѣ примыкали иногда русскіе купцы и изъ другихъ областей и тогда вся военно-торговая община доходила до 1000 и болѣе человѣкъ. По сухому пути между Вулгарами, Весью и Мерею (жившими по Окѣ) торговые караваны нерѣдко состояли изъ нѣсколькихъ сотъ повозокъ [31]). Само собою разумѣется, смольняне и новгородцы, не понимая чужеземнаго языка веси, булгаръ и козаръ, вели первоначально нѣмую

---

[27]) Бережковъ, О торговлѣ Руси съ Ганзой, стр. 15—16.
[28]) Ibidem, 17.
[29]) Ходаковскій, Ист. Сб. I, „Пути сообщ. въ И. Р.“, 13.
[30]) Григорьевъ, „О куф. монет.“ въ З. О. об. др., I. 115.
[31]) Бережковъ, 31.

торговлю, или по выраженію лѣтописи „помавали руками“ [32]). Русскіе предлагали булгарамъ, козарамъ и арабамъ всеевозможные мѣха: собольи, бѣличьи, куньи, горностаевые, лисьи, бобровые, заячьи, козьи шкуры, „рыбьи зубы“, бобровую струю, юфть, овецъ, рогатый скотъ, янтарь, кольчуги, орѣхи, березовый лѣсъ (бруски на подѣлки), медъ, воскъ и, наконецъ, славянскихъ невольницъ. Впрочемъ, въ мѣховой торговлѣ съ козарами, русскіе имѣли себѣ сильныхъ конкурентовъ въ булгарахъ и буртасахъ, которые доставляли туда прекрасные мѣха чернобурыхъ лисицъ [33]). Булгары же съ своей стороны въ голодные, неурожайные годы не разъ продавали въ большомъ количествѣ хлѣбъ „во всѣ грады русскіе“. Такъ еще въ 1229 г. булгарскій князь прислалъ князю Юрію 20 насадовъ съ житами [34]). Нѣкоторые изъ перечисленныхъ товаровъ, напр. мечи, металлы и юфть смольняне сами перекупали у скандинавовъ и чуди, а янтарь у литовцевъ [35]). Арабы и козары предлагали въ обмѣнъ на русскіе товары: мускусъ, камфару, корицу, южные плоды, шерстяныя ткани, но главнымъ образомъ женскія украшенія и драгоцѣнные камни, которые и до сихъ поръ удерживаютъ у насъ восточныя названія, напр., изумрудъ, яхонтъ, бирюза, жемчугъ и др. [36]). Впрочемъ, арабы большею частію покупали у русскихъ товары на деньги, которыя первоначально обращались у насъ въ качествѣ товара или украшенія въ видѣ монисто; но съ конца VIII и IX вв. арабская монета въ смоленскомъ краѣ служила мѣновой цѣнностью, какъ ходячая монета; и такъ какъ у смольнянъ и вообще у русскихъ въ то время не существовало собственныхъ денегъ, то для удобства и быстроты торговыхъ оборотовъ, они разрубали ихъ на половины, четверти и т. д. и въ такомъ видѣ пускали ихъ въ обращеніе на внутреннихъ рынкахъ, какъ мелкую размѣнную монету [37]). Любимымъ національнымъ украшеніемъ смоленскихъ женщинъ былъ зеленый бисеръ, за который платили Булгарамъ очень дорого: за каждую бисеринку платили по диргему. Древніе русскіе писатели, говоря о духовныхъ сокровищахъ вѣры и благочестія, не находили лучшаго предмета для сравненія какъ „бисеръ драгій, добрый, многоцѣнный“. Въ Смоленскѣ и до сихъ поръ на одной изъ улицъ, тянущихся отъ желѣзно-дорожнаго вокзала по направленію къ Днѣпру, существуетъ цѣлый рядъ деревянныхъ лавокъ, предметами

---

[32]) Jbn—Fozlan's u. a. arab. Berichte, s. 331.

[33]) Соловьевъ, И. Р. I, прим. 401.

[34]) Бережковъ, 33. „Сборн. Археол. Инст.“ т. II, 48.

[35]) Савельевъ, О вост. нумизм. и археол. въ Ж. М, Н. Пр. 1847, III, 46.

[36]) Погодинъ, Древн. Русск. Ист. I, 397.

[37]) Хвольсонъ. Изв. о Хоз. Бурт. и Булг. Сл. и Р. Ибнъ Даста, 35. Григорьевъ, Сб. Россія и Азія 155, 157.

торговли которыхъ служатъ бисеръ и стеклянныя бусы. Единственными покупателями этихъ предметовъ всегда являются бѣлорусскія женщины. Вообще какъ на особенную національную черту бѣлоруссовъ слѣдуетъ указать на тотъ фактъ, что все свѣтлое, яркое привлекаетъ къ себѣ взоръ бѣлорусса, чаруетъ и восхищаетъ его. На изможденномъ, блѣдномъ лицѣ крестьянки мгновенно появляется свѣтлая улыбка, когда она покупаетъ и надѣваетъ себѣ на шею нѣсколько нитокъ краль. Въ Смоленской и Витебской губерніи, а также въ Даніи и Швеціи въ курганахъ находятъ массу граненыхъ сердоликовъ овальной формы, стеклянныхъ бусъ, нерѣдко нанизанныхъ на толстую винтообразную бронзовую проволоку, шейныхъ браслетъ, свитыхъ изъ проволокъ жгутомъ, перстней, согнутыхъ изъ прорѣзныхъ дырчатыхъ пластинокъ, расширенныхъ къ наличной сторонѣ [38]). Изъ другихъ украшеній бѣлорусскихъ женщинъ существовали въ древности ожерелья, кольца и запястья изъ бронзы, все это слѣды вліянія арабской культуры и отчасти Византіи, гдѣ искусство стеклянной мозаики было доведено до совершенства [39]).

Всѣ эти произведенія арабско-мусульманской цивилизаціи несомнѣнно оказывали вліяніе на развитіе и нашего національнаго искусства [40]), и промышленности, а такъ какъ у арабовъ существовали гуманные нравы, образованіе, то это имѣло вліяніе на смягченіе нравовъ русскихъ: послѣдствіемъ мирныхъ столкновеній различныхъ народовъ и расъ, какъ извѣстно, всегда было изобиліе, богатство и образованіе. Извѣстно по крайней мѣрѣ, что изъ Булгаріи приходили къ намъ мастера. Въ г. Юрьевѣ каменную церковь построилъ булгарскій мастеръ, и церковь эта была прекрасной архитектуры (Сб. Арх. инст. II, 48). Русская пословица: „нѣтъ худа безъ добра“ оказывается приложимой и въ этомъ отношеніи. Изъ Азіи дѣйствительно пришла къ намъ всяческая культура, но оттуда же пришла впослѣдствіи и „духовная неволя, растлѣвающее рабство... Съ сѣверо-востока ворвались къ намъ свирѣпыя орды косоглазыхъ наѣздниковъ съ войлочными попонами, вшами и кумысомъ, съ кожаными кнутами, жестокими погребальными обычаями“ и пр, [41]).

---

[38]) Забѣлинъ, И. Р. Ж. II, 184.—А. Богдановъ, курганныхъ черепахъ южнов. у. смоленской губ., стр. 2.

[39]) Голубовскій, Ист. Сѣв. З., въ Сб. студ. ун. св. Влад., III, 80. Недавно при копаніи земли подъ фундаментъ дома въ рослав. у. были найдены въ землѣ продолговатыя стеклянныя бусы съ позолотой, очевидно древняго происхожденія.

[40]) О вліяніи сирійско-персидск. искусства на русское смотри, напр., интересную книгу Віоле-де-Дюка: „Русское искусство“.

[41]) В. Генъ, Культурн. раст. и дом. жив., 8—9.

Съ выработкой зачатковъ торгово-промышленной дѣятельности населенія, первыми представителями ея, проводниками и распространителями, какъ у насъ на Руси, такъ и въ зап. Европѣ, были евреи. Тамъ, гдѣ русскіе не знали торгово-промышленныхъ путей или почему-либо не отваживались пускаться въ далекій путь безъ опытныхъ, знающихъ людей, евреи всегда почти являлись проводниками торговыхъ каравановъ и на морѣ, и на сушѣ, и они тѣмъ болѣе могли облегчить намъ торговыя сношенія съ востокомъ, что это были единственные тогда люди, которые могли объясняться на всевозможныхъ языкахъ: персидскомъ, арабскомъ, греческомъ, испанскомъ (андалузскомъ) [42].

Евреи проникли первоначально въ Кіевъ еще за долго до образованія нашего государства, въ то время, когда южною Русью владѣли Козары, у которыхъ, какъ мы сказали выше, они имѣли своими прозелитами кагана съ высшимъ дворянствомъ. Это время было цвѣтущей эпохой для евреевъ. Изъ Кіева ихъ колоніи мало-по-малу распространились и по другимъ областямъ и городамъ русской земли: въ Смоленской они населяли въ XII в. Мойшинскую волость [43]; изъ другихъ городовъ они населяли Владиміръ-Волынскій, Владиміръ-на-Клязьмѣ и др. [44]). Однако, уже при Владимірѣ Мономахѣ евреи успѣли возбудить противъ себя общую народную ненависть своимъ ростовщичествомъ. Въ ихъ рукахъ всегда сосредоточивалась масса всевозможной золотой и серебряной монеты: козарской, арабской, испанской, на которую русскіе были падки, какъ на рѣдкость. По свидѣтельству Татищева, основанному на Іоакимовской лѣт., кіевляне просили Владимира Мономаха „дать управу надъ евреями за то, что они отняли у русскихъ всѣ промыслы", а при князѣ Святополкѣ евреи „имѣли великую свободу и власть, чрезъ что многіе купцы и ремесленники разорились; они же много прельстили въ ихъ законъ и поселились домами между христіанами, чего прежде не было". На эту народную жалобу Мономахъ отвѣчалъ такъ: „такъ какъ евреевъ много развелось въ разныхъ русскихъ княжествахъ, то я не могу ничего рѣшить безъ совѣта съ другими русскими князьями, которые сами допустили ихъ къ себѣ" [45]). Татищевъ далѣе передаетъ за достовѣрное, что будто бы русскіе князья разослали по всѣмъ горо-

---

[42]) Срезневскій, Слѣды давн. знакомства русск. съ южн. Азіей въ IX в. въ П. Г. об. 1854, I, 51.

[43]) Въ настоящее время, какъ надо думать, деревня Мошевая при р. Сожѣ. См. Сп. насел. м., т. XX, № 8030.

[44]) Голубинскій, Ист. Р. церкви, т. I, 2 полов., 708. Ипат., 401.

[45]) Татищевъ, И. Р., II, 212—13.

дамъ „грамоты", въ силу которыхъ евреевъ немедленно выгнали изъ Руси. Однако новѣйшими изслѣдованіями это не подтверждается. Дѣйствительно, кіевскій князь Владиміръ Мономахъ устроилъ въ Кіевѣ княжескій съѣздъ, на которомъ принято было рѣшеніе ограничить „рости жидовъ" и кромѣ того имъ и армянамъ хотя и представлялась свобода общественнаго богослуженія, но подъ условіемъ жительства въ отдѣльныхъ мѣстахъ и отдѣльными слободами [46]). Впослѣдствіи, во время литовскаго господства въ сѣв.-зап. Руси, именно при Ольгердѣ и Витовтѣ, сила и значеніе евреевъ опять возросли до небывалыхъ прежде размѣровъ. Торговля русскихъ съ арабско-мусульманскимъ міромъ продолжалась только до XI в., что обусловливалось преимущественно двумя причинами: уже съ X в. русскіе, тѣснимые съ юга новыми дикими кочевниками-печенѣгами, стали искать убѣжища и возможности безпрепятственной колонизаціи на сѣверѣ; съ другой стороны, сами Козары, видя усиливающееся могущество русскихъ, стали стѣснять русскую торговлю, какъ впослѣдствіи сдѣлали и нѣмцы, и старались затруднять доступъ русскимъ въ свои владѣнія, позволяя имъ вести торговлю исключительно въ одномъ Итилѣ [47]). Конечно, русскіе, познакомившись съ богатствами арабо-мусульманской культуры и промышленности, не хотѣли, да и не находили основанія подчиниться этимъ невыгоднымъ для нихъ распоряженіямъ, и потому стали добывать себѣ право свободной торговли съ Козаріей силой оружія, что въ концѣ-концовъ повело къ совершенному разоренію козарскаго царства. Въ теченіи 25 лѣтъ, начиная съ 945 по 970 годъ, русскіе совершили четыре военныхъ похода въ прикаспійскія страны и Закавказье, такъ что въ 977 году „отъ Булгаръ и Козаръ не осталось уже и слѣда" [48]). Съ XI вѣка вообще арабская торговля окончательно падаетъ вслѣдствіе ослабленія халифата и разныхъ неурядицъ внутри Азіи [49]), напр., вторженія тюркскихъ кочевниковъ въ Персію и Харосанъ.

Находясь по своему географическому положенію на трехъ главныхъ водныхъ путяхъ, изъ коихъ одинъ, Днѣпровскій, былъ ближайшимъ путемъ изъ Смоленска въ Византію, Смоленскій край всего естественнѣе могъ имѣть торговыя сношенія съ Византіей и притомъ еще за долго прежде, нежели начались сношенія смольнянъ съ востокомъ. По берегамъ Зап. Двины, въ сѣверныхъ частяхъ Днѣпра и въ остзейскомъ краѣ до сихъ поръ встрѣчаются находки греческихъ

---

[46]) Соловьевъ, И. Р., II, 76. Голубинскій, И. Р. Ц., 2-я пол. I т. 170.
[47]) Гильфердингъ, I, 308. Бережковъ, 20.
[48]) Дорнъ, о наход. др. Рус. въ Табаристанѣ, 531—33.
[49]) Бережковъ, 53.

и римскихъ монетъ, относящихся ко времени еще до Р. Х. Еще Геродотъ упоминаетъ о скиѳахъ—земледѣльцахъ, которые жили вверхъ по Днѣпру на 11 дней пути отъ Греціи [50]). Но несомнѣнно, что если русскіе еще за долго до принятія христіанства плавали въ Грецію для торговыхъ цѣлей, то сами греки временъ апостоловъ плавали вверхъ по Днѣпру для торговли „съ варварами" только приблизительно до границы губ. Херсонской, Таврической и Екатеринославской — до мѣстечка Никополя [51]). Впрочемъ даже относительно торговли смольнянъ съ Греціей точныя лѣтописныя извѣстія встрѣчаются не ранѣе X вѣка. Смольняне и Радимичи (на Сожѣ) занимались главнымъ образомъ производствомъ лодокъ—однодеревокъ (monoxyla), которыя цѣлыми тысячами отправляли они на продажу въ Кіевъ, гдѣ покупала ихъ варяжская дружина для своихъ воинственныхъ походовъ и купцы для торговли съ Греціей [52]). Смоленскія лодки массами покупали и новгородцы и вообще всѣ жители сѣверныхъ русскихъ областей, участвовавшіе въ торговлѣ съ Греціей. Искусство судо и лодко-строенія сохранилось по традиціи и въ современномъ старомъ поколѣніи людей, живущихъ по берегу Днѣпра, оттого эти лодки такъ дорого цѣнятся: „по старинному сдѣлана", обыкновенно говорятъ крестьяне, когда хотятъ похвалить купленную у днѣпровскихъ крестьянъ лодку. Императоръ Константинъ Багрянородный очень подробно описываетъ характеръ торговли смольнянъ и ихъ путешествія съ этою цѣлью внизъ по Днѣпру. „Суда русскихъ купцовъ приходятъ изъ Новгорода, Чернигова, Смоленска, Любеча и Вышгорода. Славяне, Кривичи, Ленванины [53]) зимою рубятъ лѣсъ на горахъ своихъ и строятъ лодки (разумѣется, осмоливъ ихъ), называемыя monoxyla, ибо онѣ дѣлаются изъ одного дерева. По вскрытіи Днѣпра, Кривичи и Славяне приплываютъ въ Кіевъ и продаютъ оныя Россіанамъ, которыя дѣлаютъ уключины и весла изъ старыхъ лодокъ. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ собирается весь россійскій флотъ въ городъ Витичевъ, откуда идетъ уже къ порогамъ. У четвертаго самаго опаснаго порога, Неясыта, купцы выгружаютъ товары и ведутъ скованныхъ невольниковъ около 6000 шаговъ берегомъ. Печенѣги ожидаютъ ихъ обыкновенно за порогами... У св. Георгія русскіе приносятъ богамъ своимъ жертву благодарности" [54]). Уже въ X вѣкѣ въ Кіевѣ ежегодно происходило 8 ярмарокъ, которыя до монгольскаго ига посѣщала масса русскихъ и

[50]) Геродотъ, пер. Мартынова, кн. 4, 354.
[51]) Голубинскій, И. Р. Ц. I, 9, прим. 2. Зап. Од. общ. ист. I, 15—16.
[52]) Карамзинъ, I, 47.
[53]) По Забѣлину, подъ Лензанинами слѣдуетъ разумѣть смольнянъ. Ист. Р. Ж. II, 358.
[54]) Карамзинъ. I, 281—282.

русскихъ и мусульманскихъ купцовъ: нѣмцевъ, армянъ, грековъ, булгаръ, козаръ, литовцевъ и др. [55]). О пріѣздѣ нѣмцевъ въ Кіевъ лѣтопись упоминаетъ подъ 1075 г. Кіевскій князь Святославъ съ гордостію показывалъ имъ вынутые изъ кладовой греческіе товары: золото, серебро и паволоки, на что нѣмцы не безъ основанія замѣтили, что все это они ни во что не цѣнятъ, такъ какъ это мертвый капиталъ [56]). Отправляясь въ Византію, обыкновенно въ концѣ весны, русскіе брали съ собой провизіи на полгода, такъ какъ греки вообще не дозволяли имъ зимовать въ Царьградѣ. Такая масса русскихъ купцовъ лѣтомъ могла свободно располагаться и на своихъ судахъ и гдѣ попало, зимой же она должна была селиться въ домахъ, слѣдовательно, жить среди греческаго населенія, могла производить разныя безчинства, что, очень понятно, должно было причинять греческимъ властямъ много безпокойства. Въ торговыхъ договорахъ русскихъ съ греками постоянно упоминаются воровство, буйство, убійства, совершаемыя русскими въ Царьградѣ [57]). Вотъ почему въ интересѣ грековъ было, насколько возможно, ограничить время пребыванія русскихъ купцовъ въ своей странѣ. Этой торговлѣ русскихъ купцовъ съ греками сильно мѣшали печенѣги: они нерѣдко подстерегали торговые караваны „гречниковъ" и грабили ихъ. Поэтому въ разсчеты русскихъ князей всегда входило охранять греческій путь отъ печенѣговъ или же, по мѣрѣ возможности, жить съ ними дружно, такъ какъ русскіе во множествѣ доставляли отъ нихъ рогатый скотъ, коней и овецъ [58]). Предметы торговли смольнянъ въ Византіи были очень не сложны и ограничивались, какъ въ большинствѣ случаевъ и теперь, больше сырыми товарами. Медъ, воскъ, мѣха, пенька, соленая рыба и невольники, — вотъ и все, что русскіе могли предлагать въ обмѣнъ на предметы византійской роскоши: золото, серебро, паволоки, вина, оливковое масло и „овощеве разноличніи", т.-е. финики и всѣ южные плоды въ сухомъ видѣ [59]), а также сукна, сафьянъ и перецъ. Позднѣе, въ періодъ христіанскій, смольняне покупали тамъ все, что касалось предметовъ богослуженія и церковнаго украшенія: церковные сосуды, священныя одежды, иконы, ладанъ, грецкія губки, мраморъ, краски и финифть [60]). Послѣдняя (на западѣ эмаль) весьма искусно приготовлялась греками изъ стекло-

---

[55]) Веръ, Ист. всем. торговли, II, 416.
[56]) Ипат. лѣт., 139.
[57]) Ibidem, 20—21.
[58]) Бережковъ, 26.
[59]) Забѣлинъ, И. Р. Ж. II, 378.
[60]) Аристовъ, Пром. др. Руси. 184—5.

видной массы и продавалась по всей Руси въ громадныхъ размѣрахъ вплоть до XV вѣка [61]).

Греческой финифтью въ Смоленскѣ были украшены иконы въ церквахъ Іоанна Богослова и Архистратига Михаила, построенныхъ въ XII вѣкѣ; изъ Греціи же приходили въ Смоленскъ мастера и архитекторы для постройки церквей. Впрочемъ, не одни только предметы роскоши смольняне могли заимствовать отъ грековъ; они заимствовали оттуда для своей культуры и нѣкоторыя огородныя овощи: огурцы, свеклу и капусту, изъ коихъ послѣдняя начала воздѣлываться въ смоленскомъ краѣ только съ начала XII в. [62]). По мнѣнію Бережкова, греча будто бы привезена тоже съ юга „какъ греческое хлѣбное растеніе"; но греча, какъ извѣстно, около береговъ Средиземнаго моря совсѣмъ не произрастаетъ, поэтому она и не могла быть привезена съ юга, а скорѣе всего получена русскими отъ волжскихъ татаръ [63]).

Съ половины XIII в., т.-е. въ періодъ татарскаго нашествія на Русь, греческій путь становится уже не безопаснымъ для торговыхъ каравановъ. Когда митрополиту Кириллу II нужно было ѣхать въ Грецію для своего поставленія, то онъ поѣхалъ уже не Днѣпромъ, гдѣ татары никого почти не пускали, а окружнымъ путемъ чрезъ Угрію [64]). Это послѣднее обстоятельство вызвало въ русскихъ стремленіе къ отысканію другихъ внѣшнихъ рынковъ для сбыта своихъ продуктовъ. Такимъ образомъ съ конца XII и начала XIII вв. востокъ и югъ теряютъ для насъ всякое культурное значеніе и мы начинаемъ придвигаться ближе къ западу, къ нѣмцамъ, торговыя сношенія съ которыми не прерывались, по крайней мѣрѣ, со смольнянами, до XV вѣка. Вліяніе западныхъ идей и вообще западной культуры начинаетъ мало-по-малу обнаруживаться въ измѣненіи нравовъ и обычаевъ. Но прежде нежели мы будемъ говорить о сношеніяхъ смольнянъ съ западомъ, мы должны коснуться здѣсь, хотя въ краткихъ чертахъ, отношеній смольнянъ къ литовцамъ, которые къ тому же какъ разъ жили на пути торговыхъ сношеній смольнянъ съ западными народами, слѣдовательно должны были оказать то или другое вліяніе на ихъ общественный бытъ.

Литовцы, какъ пограничные жители со смоленскимъ краемъ,

---

[61]) Забѣлинъ, Ист. финиф. и ценин. производства въ Россіи въ Зап. И. Арх. Общ. 1855, VI, 238.

[62]) Уст. грам. князя Ростисл. Мст., данная епископіи въ Собр. важн. памятн. по исторіи др. русск. права, изд. Лазаревскимъ и Утинымъ, стр. 417.

[63]) В. Генъ, Культ. раст., 1872 г., 307.

[64]) Иловайскій, Исторія Россіи, II, 82, 461.

искони вѣковъ находились въ непрерывномъ общеніи съ сосѣдями—смольнянами. Колонизація смольнянъ въ литовской странѣ и литовцевъ въ смоленской была безпрерывна, такъ что трудно было указать даже границы литовскихъ владѣній съ смоленскими. Но такъ какъ смольняне были сильнѣе литовцевъ культурными задатками, то послѣдніе и должны были подчиниться вліянію болѣе развитой русской гражданственности, особенно на окраинахъ своихъ они подвергались постоянному обрусенію: принимали русскій языкъ, религію, обычаи 65). Литовская страна была страна дикая, лѣсная и болотистая, куда можно было пробраться только зимой, а лѣтомъ она была совершенно непроходима. Смольняне имѣли въ это время сношенія съ одними лишь прибрежными жителями Зап. Двины и притока ея Десны, Березины и Нѣмана 66). Съ полоцкими и смоленскими кривичами литовцы всегда жили дружно.

Русскіе безъ труда налагали на литовцевъ дани, на удобныхъ береговыхъ холмахъ рубили городки, гдѣ литовцы могли мѣнять добычу отъ своихъ звѣриныхъ промысловъ на хозяйственныя орудія—желѣзо, серпы, косы, оружіе, а также соль, стекло и женскія украшенія. Литовскіе лѣса изобиловали всякаго рода звѣрями; зубрами, оленями, дикими козами, бобрами, выдрами и соболями, поэтому изъ Литвы постоянно шли торговые караваны со шкурами пушныхъ звѣрей, со льномъ, пенькой, саломъ, янтаремъ и сушеной рыбой въ Полоцкъ, Смоленскъ, Новгородъ, Псковъ, Любечъ, Черниговъ, Кіевъ и Новогродскъ 67). Собственно отъ смольнянъ литовцы научились гончарному искусству и выдѣлкѣ кожъ, приготовленію войлока, гонкѣ смолы и дегтя, чего прежде они совершенно не понимали; безъ смольнянъ они не знали даже употребленія воска, который по выпускѣ меда сваливали въ большія кучи и бросали какъ вещь ни на что негодную 68).

Въ литовскихъ курганахъ до сихъ поръ находятъ разныя металлическія вещи восточной работы, которыя, конечно, попали туда путемъ торговли со смольнянами 69). Всѣ эти факты весьма ясно говорятъ въ пользу культурно-цивилизаторской роли русскихъ вообще и смольнянъ въ частности среди литовцевъ. Однако, какъ ни велико

---

65) Иловайскій, И. Р. II.—Geschischte der Ostsee-Provinzen 1879 I, § 22.

66) Бѣляевъ. Оч. сѣверо-зап. края Россіи, рукоп. Рум. Музея, № 1867; отд. 4.

67) Боровиковскій, Матер. для геогр. и стат. Гродн. губ. 1,70.

68) Ibidem, 71, 72.—Бѣляевъ. Оч. сѣверо-з. кр. Р. рукоп. Румянц. М. № 1867; отд. 4.

69) Савельевъ, О вост. нумизм. и археологіи въ Россіи, Ж. М. Н. Пр. 1847, III, 48.

было вліяніе русскихъ на литовцевъ, они не могли сохранить за собой литовскихъ владѣній. Ливонскій лѣтописецъ XIII в., Генрихъ Латышъ, приписываетъ это тому обстоятельству, что „русскіе не имѣли обычая обращать въ христіанство покоренныхъ язычниковъ (fidei christianae subjicere), а только собирали съ нихъ дань". Л. Майковъ, вѣроятно основываясь на этихъ словахъ Г. Латыша, приписываетъ неумѣнье русскихъ утвердиться на низовьяхъ Запад. Двины и охранить туземцевъ отъ нѣмецкой власти и вообще отъ онѣмеченія именно благодаря отсутствію проповѣди среди литовцевъ на славянскомъ языкѣ. „Эта проповѣдь, по его мнѣнію, должна была быть однимъ изъ могущественнѣйшихъ способовъ объединенія племенъ. Тамъ, гдѣ проповѣди этой не было, или она была слаба, туземныя народности лишь въ малой степени поддались русскому вліянію" [70]). Отсутствіе славянской проповѣди среди литовцевъ отнюдь не слѣдуетъ приписывать религіозному индиферентизму русскихъ. Въ періодъ борьбы нѣмцевъ съ литовцами русскіе, особенно кривичи, сами были слабы въ христіанствѣ; ихъ религіозное міросозерцаніе отличалось двоевѣріемъ, въ которомъ не малую роль игралъ элементъ языческій, элементъ въ одинаковой мѣрѣ присущій и литовцамъ. Смольняне, напр., и въ XII в. были еще полуязычниками и полухристіанами. Вѣдь нѣмцы подчинили себѣ литовцевъ не столько силою проповѣди, сколько силою оружія, цѣною цѣлыхъ тысячъ человѣческихъ жизней. Нѣмцы почти буквально опустошили и залили кровью всю литовскую страну и, конечно, эта рѣзня людей содѣйствовала еще болѣе общему огрубѣнію нравовъ. Эсты, напр., до прибытія въ ихъ страну нѣмецкихъ рыцарей, пользовались благосостояніемъ и достигли нѣкоторой степени гражданственности, но подъ гнетомъ нѣмцевъ они опять совершенно огрубѣли, превратились въ первобытное состояніе [71]). Причемъ же тутъ вліяніе на туземцевъ христіанской проповѣди?

II.

Съ конца XII в. произошелъ совершенный переворотъ въ исторіи соціально-экономической жизни русскаго народа. И смольняне, и новгородцы вступаютъ въ круговоротъ исторической жизни европейскихъ народовъ, вступаютъ съ ними въ свободное, живое общеніе и до нѣкоторой степени воспринимаютъ ихъ культуру. Первыя торговыя

---

[70]) О древней культурѣ западныхъ финновъ въ Ж. М. Н. Пр. 1877, XII, 263.

[71]) Geschichte der Ostsee Provinzen (неизвѣстн. автора) 1. 10.

предпріятія нѣмцевъ по Зап. Двинѣ и послѣдовавшее потомъ завоеваніе ими Лифляндіи и Эстляндіи описаны ливонскимъ священникомъ и миссіонеромъ среди Леттовъ и Летиголовъ, Генрихомъ Латышемъ въ его хроникѣ, охватывающей время съ 1184 до 1227 годъ, такимъ образомъ, представляющей главный источникъ для древней исторіи остзейскаго края [72]).

Весной 1159 г. бременскіе купцы предприняли путешествіе съ торговыми цѣлями на островъ Готландъ; мимоходомъ они рѣшились изслѣдовать восточные берега Балтійскаго моря съ цѣлью, конечно, расширенія торговыхъ рынковъ; но бурей прибило ихъ легкій корабль къ устью Зап. Двины и они волей не волей должны были здѣсь поселиться на время. Само собой разумѣется, къ незваннымъ гостямъ явилось нѣсколько сотъ вооруженныхъ стрѣлами и копьями туземцевъ, которые съ неистовыми криками бросились на корабль, но тотчасъ же были отбиты. Чтобы задобрить туземцевъ, нѣмцы предложили имъ въ подарокъ разные мелкіе товары: ножи, маленькія зеркала, гвозди и т. п., а Ливы съ своей стороны предложили имъ въ обмѣнъ шкуры, медъ, воскъ и др. сельско-хозяйственные продукты. Такимъ образомъ, между нѣмцами и ливами начались торговыя сношенія, при чемъ и та, и другая стороны клятвенно обязались не обижать другъ друга. Первоначально нѣмцы получили дозволеніе вести торговлю вверхъ по Двинѣ только на 6 миль и около поселенія Иксколы построили складочное мѣсто для своихъ товаровъ [73]). Спустя какихъ-нибудь 6—7 лѣтъ послѣ этого, нѣмцы проникли съ своими товарами въ Полоцкъ и Смоленскъ, что видно изъ словъ того же Генриха Латыша, который говоритъ, что въ 1165 г. нѣмецкіе купцы были ограблены эстонцами при своемъ путешествіи въ Полоцкъ [74]). Впрочемъ, доказательствомъ того, что нѣмцы еще ранѣе XIII в. проникли въ Полоцкъ и Смоленскъ, служитъ письменный договоръ Новгорода съ Готами и нѣмцами, заключенный въ княженіе Ярослава (1195—1199). Тамъ говорится „оже тяжа родится к—ыное земли въ русскихъ городѣхъ, то у тѣхъ свое тяже прошати, искати Новугороду не надобѣ, а тяжа на городы“ [75]). Здѣсь подъ иной землей слѣдуетъ разумѣть, конечно, Полоцкъ и Смоленскъ; изъ одного торговаго договора смоль-

[72]) Хроника Генриха Латыша, нѣсколько разъ издававшаяся на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, въ 1877 г. была переведена и на русскій языкъ Э. Пабстомъ. См. Сборн. матер. и стат. по исторіи прибалтійскаго края, т. I, стр. 74—285.

[73]) Gesch. d. Osts. Prov. I, 26.—Rus. livl. Chronogr. 1862, p. 12.

[74]) Р. Ливонскіе акты, 450, Hohlbaum. Hub. 17.

[75]) Полный уставъ нѣмцевъ въ Новгородѣ (schra) составленъ не прежде 1225 г. См. Sartorius—Lappenberg, II, 16.

нянъ съ нѣмцами тоже ясно видно, что еще при Мстиславѣ Романовичѣ (1197 — 98) существовали уже правильныя торговыя сношенія нѣмцевъ съ смольнянами [76]). Тоже самое подтверждаетъ и Гельмольдъ, говоря, что въ концѣ XII в. герцогъ Голштинскій, Генрихъ Левъ, сдѣлавъ г. Любекъ столицею и порто-франко для всѣхъ торговыхъ судовъ, послалъ пословъ въ Данію, Швецію и Россію съ цѣлью приглашенія купцовъ этихъ странъ въ Любекъ, предоставивъ имъ свободу отъ всѣхъ пошлинъ. И русскіе, и шведы воспользовались этимъ приглашеніемъ [77]). Изъ лѣтописи Рюссова мы даже видимъ, что обитателямъ сканд. и ютланд. полуострововъ земли Зап. Двинскаго бассейна извѣстны были еще ранѣе XII в., но только бременскіе купцы первые завязали правильныя торговыя сношенія съ ливами и русскими (Лѣтоп. Рюссова въ Сб. мат. и ст. по ист. прибал. края, т. II, 172),

Нельзя, конечно, думать, чтобы русскіе равнодушно относились къ усиліямъ нѣмцевъ утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря, почти бокъ-о-бокъ съ русскими владѣніями, и подчинить себѣ туземныя племена. Городъ Рига былъ основанъ въ 1201 г., а въ 1211 г. епископъ Альбертъ далъ его купечеству привилегію плавать вверхъ по Зап. Двинѣ безпошлинно. По мѣрѣ того, какъ расширялась торговая дѣятельность нѣмцевъ, у нихъ все болѣе и болѣе усиливается желаніе распространить свои владѣнія все на большій и большій районъ. Уже въ началѣ XII в., они покоряютъ и обращаютъ въ латинство Ливовъ, дѣлаются полными хозяевами ихъ страны и почти совершенно отстраняютъ отъ моря самихъ Полочанъ [78]). Такой образъ дѣйствій нѣмцевъ выводитъ русскихъ изъ мирнаго, выжидательнаго положенія. Въ 1205 г. начинается борьба Полочанъ съ нѣмцами. Полоцкій князь Владиміръ Васильковичъ заключилъ союзъ съ Ливами и Литовцами противъ нѣмцевъ и запретилъ послѣднимъ вести проповѣдь далѣе внутрь страны, угрожая въ противномъ случаѣ сжечь всѣ замки въ Лифляндіи. Но нѣмцы, благодаря своей тактичности, съумѣли во-время отклонить эту грозу. Въ 1210 г. изъ Риги прибылъ въ Полоцкъ посолъ Рудольфъ Эрихъ съ цѣлью разузнать, расположенъ ли полоцкій князь заключить миръ и дозволить нѣмецкимъ купцамъ торговать въ своей странѣ? Въ отвѣтъ на это осенью того же года Полоцкій князь послалъ въ Ригу „умнаго и богатаго мужа“ Лудольфа изъ Смоленска (нѣмецкаго поселенца въ Смоленскѣ) для

---

[76]) Р. Л. А., Anhang № II и стр. 408. Боннель относитъ начало торговли нѣмцевъ съ русскими на Двинѣ къ 1180 г. Эту торговлю вели города: Сестъ, Дортмундъ, Медебахъ и Любекъ. См. Rus-liv. Chronogr., p 12.

[77]) Helmold, I, s. 49, 85.

[78]) Тихомировъ, Торг. и мирн. снош. русскихъ княж. съ Ливоніей. Ж. М. Н. Пр. 1876 г., V, 162.

заключенія вѣчнаго мирнаго договора, но съ тѣмъ, чтобы или рижане, или вмѣсто нихъ епископъ, давали дань князю полоцкому [79]). Договоръ былъ заключенъ отъ имени Смоленска, Витебска и Полоцка, что ясно указываетъ на подчиненное положеніе послѣднихъ двухъ городовъ первому. Разумѣется, чисто-внутренніе, торгово-промышленные интересы полочанъ и витеблянъ принудили послѣднихъ такъ скоро склониться къ миру. Имъ выгодны были сношенія съ нѣмцами, такъ какъ они сплавляли по Зап. Двинѣ массу строительныхъ матеріаловъ [80]). Не вина русскихъ, если миру этому не суждено было продолжаться долго. Дѣло въ томъ, что черезъ пять лѣтъ послѣ этого русскіе снова вступили въ борьбу съ нѣмцами, побужденные къ тому ихъ варварскимъ отношеніемъ къ Ливамъ и Леттамъ [81]). Въ мартѣ 1217 г. псковскій князь Владиміръ и Мстиславъ новгородскій явились съ 20,000 войскомъ подъ стѣнами г. Оденпе и принудили его къ сдачѣ, причемъ взяли съ жителей города громадную контрибуцію. Прозорливый Мстиславъ скоро сообразилъ, что продолжительный миръ съ нѣмцами на правахъ равноправности невозможенъ. У него созрѣла въ головѣ мысль совершенно вытѣснить нѣмцевъ—рыцарей съ прибрежной территоріи и въ слѣдующемъ же году онъ опять явился съ еще болѣе многочисленнымъ войскомъ новгородскимъ и псковскимъ подъ стѣнами самой Риги... Наступившее вскорѣ калкское пораженіе было рѣшительнымъ моментомъ для русскихъ, давшимъ иное направленіе ихъ внѣшней политикѣ. Это событіе, которое лѣтописецъ приписываетъ „крестьянскому прегрѣшенію", весьма сильно потрясло всю русскую землю и ужаснымъ образомъ отразилось на благосостояніи народа. Кромѣ множества людей погибла масса рабочаго скота. Новгородцы „отъ гладныя смерти изъмроша, а живыи разыдошася по чужимъ землямъ; такоже и Смоленска и вси просто гради стольніи смерти тоа вкусивше въ скорѣ осиротѣша [82])" Нечего и говорить, что миръ съ нѣмцами въ это печальное время могъ быть для насъ только благодѣяніемъ. Еслибы даже князья и желали продолженія войны съ нѣмцами, то народъ—новгородцы, псковичи и смольняне „рѣшительно отказались слѣдо-

---

[79]) Benigano recipiens es affectu et pacis tranquillitate congaudens, licet in dolo, misit cum eis Ludolfum, virum prudentem ac divitem de Smalenceke, ut Rigam veniens, que iusta sunt et pacifica retractet. Qui postquam in Rigam venerunt regis voluntatem aperuerunt placuit Rigensibus, et facta est pax perpetua. Henrici, chronicon Livoniae 1874, p. 6.

[80]) Рихтеръ, прибалт. край и его населеніе, въ Сб. матер. по исторіи прибалт. края I, 17.

[81]) Gesch. d. Ostseeprovinz, I. S. 50.

[82]) Тверск. лѣт. XV, 121.

вать за своими князьями въ новые походы въ Ливонію [83])." Въ годъ смерти рижскаго епископа Альберта, знаменитаго устроителя Ливоніи, въ началѣ весны 1229 г., по инициативѣ смоленскаго князя Мстислава Давыдовича въ Ригу и на о. Готландъ было отправлено посольство изъ трехъ лицъ: „сотскаго умна мужа Пантелея, лучшаго попа Еремея" и нѣмецкаго купца въ Смоленскѣ, Тумана для заключенія съ нѣмцами вѣчнаго мира и торговаго договора именно такъ, какъ онъ существовалъ „издавна" [84]). Изъ Риги посольство отправилось на о. Готландъ для совѣщанія съ представителями общаго Ганзейскаго союза, прибывшими изъ городовъ: Визби, Любека, Сеста, Бремена, Мюнстера, Гренингена, Дортмунда и Риги. Въ послѣднее время между нѣкоторыми нѣмецкими учеными возникла мысль доказать, что русскій экземпляръ договора не можетъ разсматриваться какъ оригиналъ, но представляетъ лишь очень плохой переводъ (uube solfene) съ другого языка" [85]); иные, какъ напримѣръ проф. Тобіа, идутъ въ своихъ предположеніяхъ еще далѣе, утверждая, что статьи договора во всемъ своемъ объемѣ предложены были нѣмцами русскимъ посламъ и купцамъ на о. Готландѣ, а потомъ уже переведены на русскій языкъ, что ясно будто бы изъ словъ договора: „ся грамота есть выдана на Гочкомъ березѣ пьрьдь роускимъ посломь и пьрьдъ всеми латинскими коупцы [86])". Въ данномъ случаѣ смольняне оказываются пассивными, послушными орудіями въ рукахъ нѣмцевъ, съ благодарностію принимая отъ нихъ такія условія торговаго договора какія угодно было имъ предложить. Однако, тщательный анализъ договора по всѣмъ статьямъ приводитъ къ совершенно иному выводу. Сравнивая его напр., съ постановленіями Русской Правды и новгородскаго договора съ нѣмцами 1195 г., особенно статьи опредѣляющія наказанія за уголовныя преступленія, мы увидимъ, что эти статьи почти вполнѣ соотвѣтствуютъ постановленіямъ Русской Правды и договора 1195 г. [87]), слѣдовательно, несомнѣнно, эти статьи были представлены русскими. Проектъ договора былъ составленъ въ Смоленскѣ, утвержденъ на о. Готландѣ и русскимъ посламъ была выдана копія его съ нѣмецкой стороны.

Всѣхъ редакцій или лучше варіантовъ договора 1229 г. дошло до насъ 7. Онъ состоитъ изъ 37 статей и заключаетъ въ себѣ постановленія относительно торговли, уголовнаго и гражданскаго права.

---

[83]) Фортинскій, Приморскіе и вендскіе города. 1877, ст. 365.

[84]) Куникъ. Р. Л. А. 408.

[85]) Livlan. Urkund. I, Reg. 115. S. 27—28.

[86]) Фортинскій, 365.

[87]) Владимірскій-Буцановъ, Хрестом. по ист. р. права I, примѣчаніе 50 на стр. 110.

Договоръ этотъ служитъ прототипомъ всѣхъ послѣдующихъ, которые только повторяютъ Мстиславовы условія; у нѣкоторыхъ все различіе сводится къ однѣмъ орѳографическимъ, или однѣмъ внѣшнимъ, формальнымъ особенностямъ.

Содержаніе договора настолько полно живого интереса, что мы передадимъ его здѣсь, по крайней мѣрѣ, въ существенныхъ чертахъ. Договоръ начинается изложеніемъ уголовныхъ преступленій и штрафовъ, которыми откупались виновные. Подробный анализъ преступленій, конечно, не могъ быть составленъ заранѣе, а priori, а скорѣе указываетъ на то, что перечисленныя въ немъ преступленія были реальными фактами. Преступленія касаются преимущественно физическихъ насилій, причиняемыхъ другъ другу въ ссорѣ и дракѣ между нѣмцами и смольнянами.

НАЗВАНІЕ ПРЕСТУПЛЕНІЙ.	Размѣръ штрафа въ гривнахъ.	На современ. денежную единицу (руб.)
1) Убійство въ ссорѣ свободнаго человѣка . .	10	100 р. [88])
2) Убійство холопа	1	5 „
3) Переломъ руки, ноги, выбитіе глаза. . . .	5	25 „
4) Вышибленіе зуба, ударъ по уху палкой или мечемъ по какому либо мѣсту до синяковъ или до крови	3	15 „
5) За рану вообще.	1½	7 „
6) Вырываніе бороды послу или попу, бояриму и тіуну.	5	25 „
7) Тоже обыкновен. человѣку	3	15 „
8) Безчестье (изнасилов.) замужней женщины .	10	100 „
9) Тоже дѣвушки	5	25 „
10) „ дѣвушки не честнаго поведенія . . .	1	5 „
11) Безъ вины связать или арестовать нѣмца или русскаго.	3	15 „

Въ юридическомъ и гражданскомъ отношеніи нѣмцы, проживающіе въ смоленскомъ княжествѣ, были совершенно равноправны съ русскими. Правительствомъ были употреблены всѣ усилія къ тому чтобы избѣжать нарушенія договора, гарантировать неприкосновенность и безопасность человѣческой личности. Князь смоленскій бралъ на себя обязанность защищать пріѣзжихъ гостей отъ обидъ во всемъ смоленскомъ княжествѣ, нѣмцы съ своей стороны тоже должны были дѣлать для русскихъ въ своей странѣ. „Не дай Богъ, чтобы между

[88]) Переводъ цѣнности гривны на современную денежную единицу сдѣланъ нами на основаніи вычисленій г. Погодина. См. его Др. Р. И. II, 487 и „Изсл., лекц. и грам.“ т. VII, 343, гдѣ онъ оцѣниваетъ гривну сереб. въ 5 р. сер. на наши деньги.

нами былъ бой или убійство, говорится въ одномъ изъ договоровъ; за послѣднее можно конечно, и заплатить, лишь бы только миръ между нами не былъ нарушенъ, и заплатить такъ, чтобы любо было обѣимъ сторонамъ [89])". Лицо, обвиняемое въ важныхъ, уголовныхъ преступленіяхъ, нельзя было вызвать противъ его воли на судъ Божій, а именно на испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ и судебный поединокъ [90]). Даже еслибы противъ обвиняемаго существовали явныя улики въ виновности и тогда ни истецъ, ни власть не имѣли права приставить къ обвиняемому дѣтскаго (пристава) для вызова въ судъ, не объявивши предварительно о томъ общинному старостѣ, и притомъ непремѣнно при двухъ свидѣтеляхъ. Договоръ обусловливаетъ невмѣшательство при поединкахъ между русскими и нѣмцами мѣстныхъ властей, разумѣется, если сами тяжущіеся не сочтутъ нужнымъ обратиться къ содѣйствію администраціи.

Условія договора относительно торговли нѣмцевъ и русскихъ имѣютъ въ виду обоюдную выгоду и рисуютъ намъ ясными чертами характеръ организаціи торговыхъ общинъ. З. Двина отъ самыхъ истоковъ и до устья была признана свободной для обоюдной безпошлинной торговли. Смольняне, полочане и витебляне имѣли право свободно и безпошлинно торговать не только по береговой полосѣ на протяженіи всей З. Двины до устья, но и по берегамъ Балтійскаго и Нѣмецкаго морей до Любека и р. Травы, а нѣмцы съ своей стороны изъ Двины могли на тѣхъ же условіяхъ идти волокомъ въ Днѣпръ до Смоленска, изъ Смоленска „въ другіе города, куда хотятъ". Волоцкій тіунъ, тотчасъ же по пріѣздѣ нѣмцевъ къ волоку, долженъ озаботиться немедленно ихъ перевозкой съ товарами до истоковъ Днѣпра и охраненіемъ ихъ во время перевозки отъ нападеній „погани", т.-е. отъ разбойниковъ и литовцевъ, которые нарочно подстерегали купцовъ во время пути, разбивали и грабили [91]); для этого въ его распоряженіи находилась община перевозчиковъ или волочанъ, которая подъ круговой порукой всѣхъ ея членовъ была отвѣтственна за цѣлость чужого имущества во время пути. Тѣ же условія должны соблюдаться и въ нѣмецкой странѣ по отношенію къ русскимъ. Очевидно, что храненіе товаровъ въ мѣстѣ перегрузки и выгрузки было первоначальнымъ основаніемъ для введенія мыта или торговыхъ пошлинъ, которыя слѣдовательно возникли не изъ фискальныхъ цѣлей, а изъ цѣлей благоустройства [92]). Случалось, что къ волоку единовре-

---

[89]) Р. Л. А. Anhang I, 422.
[90]) Jbidem, стр. 9.
[91]) Аристовъ, 248.
[92]) Владимірскій-Будановъ, Хр. по ис. р. пр. I, прим. 30 на стр. 105.

менно съѣзжалась масса русскихъ и нѣмецкихъ купцовъ, въ такомъ случаѣ вопросъ о преимуществѣ перевозки товаровъ рѣшался жребіемъ. Условія найма рабочихъ на перевозку, выгрузку товаровъ и пр. заключаются при свидѣтелахъ, причемъ сверхъ ряды съ хозяевъ нельзя было требовать. Въ награду за аккуратную доставку товара къ истоку Днѣпра волоцкій тіунъ получалъ отъ нѣмцевъ по прибытіи въ Смоленскъ „рукавицы перстаты" (перчатки), а смоленская княгиня поставъ полотна.

Въ началѣ XII в. торговля русскихъ съ нѣмцами производилась, какъ мѣной одного товара на другой, такъ и на наличныя деньги и въ кредитъ. Впрочемъ, кредитъ по недостатку и высокой цѣнности золотой и серебряной монеты былъ въ то время доступенъ лишь незначительному меньшинству, для бѣдныхъ же онъ былъ совершенно недоступенъ и потому послѣдніе большею частію вели мѣновой торгъ. Взять 20% считалось въ то время самымъ обыкновеннымъ, зауряднымъ дѣломъ, но законъ не запрещалъ брать и 40%. При взысканіи долга соблюдался слѣдующій порядокъ: если смольнянинъ единовременно задолжаетъ и своимъ землякамъ и нѣмцамъ, то долгъ уплачивается сперва нѣмцу, а потомъ уже землякамъ. Въ случаѣ нежеланія русскаго платить долгъ нѣмцу, послѣдній обращается съ жалобой въ общинный (опчій) судъ и тотъ приказываетъ приставу взыскать долгъ съ должника въ теченіе восьмидневнаго срока. Но если законъ сравнительно мягко обращался съ убійцами и должниками, обращалъ ихъ въ крайнемъ случаѣ во временное рабство, за то онъ жестоко каралъ воровъ: хозяинъ украденной вещи могъ сдѣлать съ воромъ что хотѣлъ—убить его, обратить въ рабство, помиловать и т. д. Въ Ригѣ воровъ вѣшали, сожигали на кострѣ, отрубали ноги, руки и т. д. [93]). Самыя условія тогдашней соціальной жизни должны были вызвать подобныя отношенія къ ворамъ. При тогдашней необезпеченности человѣческой жизни, при ограниченности наличныхъ средствъ существованія и являвшейся вслѣдствіе того затруднительности ихъ добыванія, нарушеніе правъ частной собственности должно было вызывать въ обществѣ страшное негодованіе противъ нарушителей этихъ правъ. Грубость нравовъ смольнянъ служила причиною и частыхъ нарушеній постановленій торговыхъ договоровъ съ нѣмцами, особенно въ началѣ XIII вѣка, когда насилія и обиды со стороны сильныхъ людей по отношенію къ слабымъ были обыкновеннымъ явленіемъ. Пріѣзжихъ нѣмецкихъ купцовъ нерѣдко силой заставляли продавать товаръ по той цѣнѣ, какую предлагалъ смо-

---

[93]) Dr. Bunge, Die Stadt Riga im dreizehnten u. vierz. Jahrhund. 1878, S. 295—6.

ленскій покупатель, а еслибы купецъ вздумалъ уѣхать съ товаромъ изъ города, то его не пускали до тѣхъ поръ, пока онъ не соглашался уступить товаръ за предложенную цѣну. Оттого въ договорѣ 1229 г. чрезвычайно точно опредѣлены отношенія между продавцемъ и покупателемъ. Русскій, купившій товаръ у нѣмца или нѣмецъ у русскаго и отвезшій его къ себѣ на дворъ, обязанъ былъ немедленно заплатить за него деньги, а не принуждать купца взять товаръ обратно, хотя бы дома при осмотрѣ его онъ и оказался дурного качества [94]). Обмѣриванье, обвѣшиванье при продажѣ товара, тоже влекли за собой страшную кару: такіе люди платили полувирье и виру, а иногда платились и жизнью [95]). Испортившіеся или истершіеся общинные торговые вѣсы провѣрялись съ образцовыми вѣсами, хранившимися у смольнянъ „въ церкви св. Богородицы на горѣ", а у нѣмцевъ въ латинской церкви св. Маріи.

Для веденія торговыхъ дѣлъ, новгородцы, смольняне и нѣмцы образовали особенную торговую общину — ганзейскій союзъ (universitas communium mercatorum), которая юридически была поставлена въ совершенно независимое положеніе, съ своимъ собственнымъ управленіемъ, ввѣряемымъ старостамъ и тысяцкимъ, своимъ собственнымъ судомъ, рѣшенію котораго подчинялось и прочее, даже не принадлежавшее къ общинѣ купечество [96]). Девизомъ ганзейскаго союза было los den landesherren. И конечно, только поддерживая другъ друга, только слившись въ одну ассоціацію, Ганза могла вездѣ добиться правосудія, снискать себѣ уваженіе и у коронованныхъ потентатовъ. Къ ганзейскому союзу принадлежала не только община смоленскихъ купцовъ, но болѣе 30 нѣмецкихъ и русскихъ городовъ, тянувшихся въ видѣ пояса по всему побережью Нѣмецкаго и Балтійскаго морей, начиная отъ устья Рейна и до Финскаго залива. Торговыя общины посѣщали рынки востока и запада, отъ Брюгге и Лондона до Риги, Новгорода, Смоленска и Суздаля (въ 1214 г. отъ Риги). Съ XIII в. ганзейскіе города сдѣлались посредниками въ распространеніи европейской культуры, принциповъ гражданской и политической свободы повсюду, куда только проникало ихъ цивилизующее вліяніе.

Главнымъ мѣстопребываніемъ или лучше центральнымъ рынкомъ для всего Ганзейскаго союза былъ о. Готландъ, лежащій посреди Балтійскаго моря. Островъ этотъ изрѣзанъ множествомъ бухтъ, и въ одной изъ нихъ на высокомъ берегу стоялъ главный городъ его Висби,

---

[94]) Р. Л. А., стр. 117.

[95]) Bunge, S. 315—316.

[96]) Аристовъ, Промышл. др. Руси, 207. Бережковъ, О торг. Руси съ Ганзой, 227.

составлявшій средоточіе ганзейскаго союза, преимущественно русско-вестфальскаго его отдѣла; въ XIII в. онъ игралъ на сѣверѣ точно такую же роль, какую играла въ свое время Венеція на югѣ. Г. Висби съ трехъ сторонъ былъ обнесенъ каменной стѣной, снабженной 48 башнями до 30 футовъ высоты, а съ четвертой примыкалъ къ морю. Стѣна эта, тянувшаяся на протяженіи $3^1/_2$ верстъ, сохранилась отчасти и донынѣ. Въ XIII в. въ Висби существовало 18 великолѣпныхъ каменныхъ церквей, построенныхъ въ готическомъ стилѣ, изъ коихъ до настоящаго времени сохранилась во всей своей цѣлости только одна, а остальныя 17 представляютъ собой остатки все еще прекрасныхъ развалинъ [97]). Высоко поднимаются вверхъ эти остатки угасшаго величія города, какъ свидѣтели его прошлаго богатства. Но не одинъ Висби славился богатствомъ: весь островъ былъ покрытъ богатыми, цвѣтущими фермами и торгово-промышленными селеніями. На 60 квадратныхъ миляхъ протяженія острова до сихъ поръ уцѣлѣли развалины 91 каменной церкви, но груды камней и мусора, разбросанныхъ тамъ и сямъ по острову, свидѣтельствуютъ, что этихъ прекрасныхъ зданій было въ древности несравненно болѣе. Готландъ превосходилъ всѣ другіе ганзейскіе города и даже Любекъ не только богатствомъ и численностью своего населенія, но и давностью торговли съ Русью и свободой своихъ политическихъ учрежденій. Преимущество его и г. Риги предъ прочими нѣмецкими городами заключалось въ томъ, что граждане его имѣли право сами выбирать себѣ высшее правительственное лицо, фогта, и эти выборы происходили, какъ въ Смоленскѣ и Новгородѣ,—на вѣчѣ, собиравшемся по звуку вѣчевого колокола, первоначально въ церкви, а впослѣдствіи въ ратушѣ [98]).

Готландцы вели торговлю и съ Персіей и прикаспійскими странами и съ Греціей; начало этой торговли относится по крайней мѣрѣ ко времени Р. Хр., такъ какъ найденныя на Готландѣ римскія монеты восходятъ ко временамъ императора Августа. Количество найденныхъ тамъ монетъ такъ велико, что оно превосходитъ собой таковое же количество на всѣхъ островахъ Балтійскаго моря, взятыхъ вмѣстѣ. Однѣхъ арабскихъ монетъ открыто болѣе 13,000, римскихъ 3,400 и почти столько же англо-саксонскихъ [99]). Точно такого же чекана монеты найдены и въ Ливоніи, и въ Полоцкѣ, и въ Смоленскѣ, что ясно указываетъ на давнія торговыя сношенія Готланда съ жителями этихъ городовъ. Торговая суперматія Готланда продолжалась до 1361 г., когда его завоевалъ датскій король Вольдемаръ. Послѣ

---

[97]) Schäfer, Die Hansestadte, Geschichte bis 1376, S. 573.

[98]) Ibidem, s. 28, 237.—Фортинскій, Примор. и венд. города, 376.

[99]) Фортинскій, 352.—Schäfer, s. 38.

него господствующее мѣсто въ ганзейскомъ союзѣ занялъ Любекъ. Любекскіе вампиры высосали изъ Висби всѣ живые соки [100])...

Другимъ важнымъ торговымъ рынкомъ смольнянъ былъ г. Рига, который смольняне посѣщали чаще, нежели о. Готландъ. Въ концѣ XIII в. постоянно жило тамъ до 80 семействъ русскихъ, населявшихъ особенную улицу, имѣвшихъ тамъ свою церковь и богадѣльню или госпиталь, а передъ Песочными воротами была расположена даже цѣлая деревня [101]), жители которой занимались земледѣліемъ и промышленностью. Какъ въ Смоленскѣ нѣмцы, такъ русскіе въ Ригѣ пользовались гражданскими правами [102]). Чтобы доставить русскимъ возможность свободнаго и удобнаго путешествія въ Ригу и на Готландъ для торговыхъ цѣлей, рижане дозволили русскому рѣчному и морскомъ экипажу пользоваться по всей Лифляндіи берегами Балтійскаго моря и З. Двины для склада своихъ товаровъ, свободно пользоваться, какъ дровянымъ, такъ и строевымъ лѣсомъ для отопленія и ремонта своего рѣчнаго экипажа, но рубить строевой лѣсъ для постройки новыхъ судовъ русскіе имѣли право только съ особаго всякій разъ разрѣшенія. Тѣ же права предоставлялись и нѣмцамъ во время плаванія по Двинѣ и Днѣпру. Такъ какъ изъ Смоленска сквозь Касплю русская торговая община нерѣдко отправлялась и на лошадяхъ, то она могла свободно пользоваться и пастбищемъ для лошадей. Такъ по крайней мѣрѣ было въ первое столѣтіе торговли смольнянъ съ нѣмцами, когда взаимныя отношенія ихъ были братски-солидарными [103]). Нѣмцы отправлялись въ путь по Двинѣ цѣлыми флотиліями „въ учанахъ" и обозами на лошадяхъ, столько же изъ страха передъ разбойниками, сколько въ видахъ взаимопомощи на случай какого-либо несчастія въ чужой странѣ. Изъ З. Двины они проникали къ устью р. Каспли и села того же названія [104]), вверхъ до озера Касплинскаго и до волока (при Гаврикахъ въ Порѣч. у.) съ переѣздомъ по сушѣ 30-верстнаго разстоянія до Днѣпра [105]). По прибытіи въ Смоленскъ, они останавливались въ устьѣ рѣчки Смядынки, у Борисо-Глѣбскаго монастыря,

---

[100]) См. о Висби и вообще объ о. Готландѣ хорошую книгу Braun-Wiesbaden'a: Die Visbi-fahrt. 1882.

[101]) Тихомировъ, Торгов. снош. Полоцка съ Ливоніей въ XIV в. Ж. М. Н. Пр. 1877, XII.—Bunge, Die Stadt Riga, 75.

[102]) Bunge, s. 95.

[103]) P. Л. А. № XLIX.—Bunge, s. 154.

[104]) Село Каспля при р. Касплѣ въ Порѣч. уѣздѣ, имѣющее теперь всего 45 дворовъ. Сп. населен. мѣстъ т. XL, 307. Селенія по р. Касплѣ: Волоковая, Гаврики, Зарубинцы, Городокъ,—древнѣйшія на Руси. Ср. Н. Барсовъ, Геогр. нач. лѣтописи, стр. 20.

[105]) Ходаковскій, Пути сообщ., въ др. Россіи въ Ист. Сб. т. I, 13. Н. Барсовъ, геогр. начальной лѣтописи, стр. 20.

который служилъ какъ бы постоялымъ дворомъ для всѣхъ пріѣзжихъ купцовъ съ XI до XIV в. Здѣсь съ нихъ бралась въ пользу князя проѣзжая пошлина — мыть и потомъ товары отвозились въ городъ возчиками, населявшими „посадъ“ отъ церкви Арх. Михаила до подъема на гору у церкви Іоанна Богослова, на нѣмецкій дворъ, гдѣ находилась нѣмецкая церковь св. Маріи. Нѣмцы привозили въ Смоленскъ преимущественно предметы обработанной промышленности: серебро, золото въ слиткахъ и сосуды, полотна, перчатки, красныя фландрскія сукна, шелковыя матеріи, металлическія издѣлія всякаго рода, пиво, вина, сельди, колбасу и соль [106]). Соль привозилась и данцигскими купцами изъ ковенской конторы и изъ Галицкихъ копей, но изрѣдка доставлялась байская и лиссабонская соль [107]). Изъ Готланда доставлялись въ Смоленскъ гранитъ въ небольшомъ количествѣ, известь, англійскія сукна и шерсть, пользовавшіяся уже въ XIII в. хорошею славой. Почти до конца XIII в. торговля русскихъ съ нѣмцами велась при помощи мѣны одного товара на другой и на деньги. Изъ рижской долговой книги видно, что почти треть записей, относящихся до русскихъ, говоритъ о воскѣ, какъ о предметѣ уплаты со стороны русскихъ [108]). Кромѣ воска и меду, русскіе съ своей стороны предлагали нѣмцамъ всевозможные мѣха: волчьи, лисьи, куньи, бобровые и овчины. Этими мѣхами, по свидѣтельству Адама Временскаго, русскіе „reichlich wie Dungerhat man es dort“ [109]). Въ Смоленскѣ существовали также громадные склады сала, строительныхъ матеріаловъ, всякаго рода деревянныхъ издѣлій, поташу, дегтю, смолы, хмѣлю, мѣди, желѣза, какъ въ необработанномъ, такъ и въ обработанномъ видѣ: ножи, топоры, косы, серпы и т. п. Простые металлы большею частію добывались смольнянами изъ Скандинавіи, оттуда же они получали и оружіе. Послѣ татарскаго нашествія нѣмцы покупали у русскихъ лошадей. Изъ Торопца привозились въ Смоленскъ для продажи „убрусы“, скатерти, полотна и пр. предметы, преимущественно женскаго кустарнаго производства. Нѣмцы покупали въ русской землѣ и невольницъ, обыкновенно набираемыхъ литовскими грабительскими шайками. Однажды такая шайка стояла подъ Витебскомъ и одинъ нѣмецкій „дѣтина“, вооружившись мечемъ, отправился изъ города къ тому мѣсту, гдѣ литовцы разбили свой лагерь, съ намѣреніемъ „купить у нихъ дѣвки“. Дорогой онъ заблу-

---

106) Schaefer, s. 186.

107) Иловайскій, И. Р. II. 82. Бережковъ, Торг. Руси съ Ганзой, 164.

108) D. Rig. Schuldbuch, s. 103, № 1623. Бережковъ, 105.

109) .... pellibus habundant peregrinus, quorum odorietiferum nostro orbi propinavit superbiae venenum. Adam. Brem. IV, 18.

дился и пришелъ къ мужскому монастырю, откуда выскочили 3 здоровыхъ монаха и одинъ сторонній человѣкъ, которые забрали „дѣтину", избили, разорвали на немъ платье и отняли мечъ; а Витебскій князь на другой день арестовалъ его, оковалъ цѣпями и отнялъ находившіеся у него три берковца воску. Эта исторія надѣлала много шуму: рижскіе купцы, возмутившись „жестокостью русскихъ", пожаловались Витебскому князю на самоуправство монаховъ, который дѣтину съ воскомъ отпустилъ на волю [110]. По условіямъ тогдашняго международнаго права русскіе и нѣмцы могли торговать даже и въ случаѣ войны между торгующими государствами, съ тѣмъ лишь, однако, условіемъ, что купцы не должны были торговать оружіемъ, желѣзомъ, сталью и др. необходимыми въ войнѣ предметами [111]. Мѣры, употреблявшіяся для измѣренія и взвѣшиванія товаровъ, мало чѣмъ отличались отъ современныхъ мѣръ. Соль развѣшивали на пудномъ ремнѣ, а воскъ на скалкахъ. Послѣдній продавали капями, заключающими въ себѣ до 12 пуд. вѣсу, и притомъ всегда перетопленнымъ въ формѣ круглыхъ кусковъ. Общинами было постановлено, чтобы одинъ купецъ не смѣлъ продать болѣе 15 капей или 180 пудовъ, что было сдѣлано съ цѣлію — не обидѣть всѣхъ другихъ членовъ торговой общины [112]. Сукно мѣряли обыкновенно на локти, въ оптовой-же торговлѣ его продавали поставами, по 37 аршинъ въ каждомъ. Для приданія гирямъ характера законности, на нихъ выставлялись имена князей или названія городовъ. Вывѣскою занимались особыя выбранныя общиною лица—*вѣсцы* и *пудовщики* [113]. Духовенство обязано было наблюдать за правильностью мѣръ и вѣсовъ, которыя поэтому и сохранялись въ церкви. Самое устройство церквей было приспособлено къ торговымъ требованіямъ: въ притворѣ взвѣшивался товаръ, а въ подвалѣ подъ церковью сохранялся [114]. Въ развалинахъ монастырей Смядынскаго, Борисоглѣбскаго и Спасскаго около д. Чернушекъ до сихъ поръ сохранились частію ихъ каменные сводчатые подвалы; въ Новгородѣ, вѣроятно, по недостатку помѣщенія въ подвалахъ или вслѣдствіе сырости подвала, товары развѣшивались въ тюкахъ на веревкахъ на стѣнахъ внутри самихъ церквей. При продажѣ и взвѣшиваніи товара платились вѣсовыя пошлины, но не продавцемъ, а покупателемъ: съ двухъ капей воску и всякаго вѣсчаго товара одна куна; въ Новгородѣ

---

[110]) Р. Л. А. № XLIX.
[111]) Bunge, Die Stadt Riga. s. 154.
[112]) D. Rig. Schulbduch, s. 103, № 1623.
[113]) Прозоровскій, Монета и вѣсъ, 1865 г., 376.
[114]) Аристовъ, 207.

Полоцкіе и Смоленскіе купцы платили торговой пошлины 2 гривны кунъ „отъ берковска вощанаго“ [115]); за купленную гривну золота— одну куну или $^1/_{80}$ цѣнности вещи, а за гривну серебра въ слиткѣ— двѣ векши, т.-е. въ 12 разъ меньше противъ пошлины съ гривны золота и гривны серебра въ издѣліяхъ, такъ какъ въ кускахъ серебро заключало въ себѣ больше лигатуры, слѣдовательно и цѣнилось дешевле [116]). За очистку или переплавку серебра пробирщику платилась куна съ гривны или $^1/_{20}$ доля, но эту пошлину платили исключительно одни русскіе купцы, нѣмцы-же за продажу золота и серобра въ Смоленскѣ пошлинъ не платили [117]). Для взвѣшиванія серебра и золота существовали особенные чувствительные вѣсы — *колоколы* и *скалки*. Отсюда мы, во-первыхъ, видимъ: конкуренція съ нѣмецкими купцами при продажѣ золота и серобра была невозможна для русскихъ купцовъ, такъ какъ нѣицы не платили вѣсовыхъ пошлинъ; во-вторыхъ въ Смоленскѣ взимались торговыя пошлины только съ товаровъ высокой цѣнности, т.-е. взимался налогъ въ пользу князя съ предметовъ роскоши. Съѣстные припасы, предметы первой необходимости, не облагались никакими пошлинами.

Мѣриломъ цѣнности служили у насъ *куны* (куньи мѣха [118]), рѣзани, ногаты (шкуры соболей), векши и лисицы; денежной металлической единицей служили: гривна серебра и гривна кунъ. Само собой разумѣется, для облегченія обмѣна цѣнностей между нѣмцами и русскими мелкая размѣнная монета должна была быть одинаковаго вѣса и достоинства. Но вѣсъ и значеніе серебряныхъ денегъ, начиная съ XI и по XIV в., не разъ измѣнялись вслѣдствіе ослабленія прилива драгоцѣнныхъ металловъ изъ-за границы, поэтому гривны серебра въ разныхъ городахъ были различны по вѣсу, хотя и выливались вездѣ изъ чистаго серебра [119]). Такъ въ Кіевѣ гривна равна была византійскому фунту въ 72 золотника; въ Новгородѣ — сначала полному фунту, потомъ пол-фунту, въ Черниговѣ—46—47 золотникамъ [120]). Смоленская, Полоцкая и Витебская серебряная гривна

---

[115]) Ibid, 228.

[116]) Ibid, 233—234.

[117]) Бережковъ, 98.

[118]) У римлянъ мѣриломъ цѣнности служили первоначально шкуры, отъ *pecus* скотъ, оттуда *pecunia*. Бѣляевъ, Лекціи по ист. р. законов. 200.

[119]) Вѣсовая серебр. гривна по формѣ была похожа на продолговатый четырех-угольный брусокъ, длиною до двухъ вершковъ. Гривну г. Куникъ производитъ отъ грива, въ санскрит. языкѣ въ значеніи затылка, шеи, что ясно указываетъ на то, что первоначально гривна является шейной, затѣмъ вѣсовой и наконецъ денежной. Куникъ, О русск. визант. монетахъ Яросл. 1,7.

[120]) Багалей, Ист. сѣверской земли, стр. 294.

была совершенно равна рижской гривнѣ, равной по вѣсу $1/2$ фунта (1211 года), раздѣленной на 4 фартинга; въ концѣ XIII вѣка она равнялась 21 нынѣшнему золотнику [121]), т.-е. почти $1/4$ фунта. Въ гривнѣ серебра заключалось 4 гривны кунъ, а эта послѣдняя была равна 20 ногатамъ, 25 кунамъ или 50 рѣзанамъ [122]). Въ ногатѣ заключалось 24 векши, въ гривнѣ кунъ 480 векшей, въ гривнѣ серебра 1920 векшей [123]).

Торговля нѣмцевъ съ русскими не ограничивалась однимъ Смоленскомъ, она велась и въ другихъ городахъ и селеніяхъ смоленскаго княжества, только внутренняя торговля сопряжена была съ большими затрудненіями и денежными расходами, такъ какъ вездѣ почти были устроены заставы, у которыхъ проѣзжіе купцы и путешественники должны были платить особенныя пошлины: платили за переправу черезъ рѣки на паромахъ или лодкахъ не только съ однихъ торговыхъ, но и со всѣхъ пѣшихъ и конныхъ людей; на проѣзжихъ дорогахъ, тамъ гдѣ торговое движеніе было особенно сильно, для содержанія на рѣкахъ перевозовъ и мостовъ, въ городѣ и селеніяхъ гостинныхъ дворовъ, устраивались особыя общины, въ рукахъ которыхъ исключительно сосредоточивалась забота о содержаніи перевозочныхъ средствъ и устройствѣ дворовъ. Въ томъ и другомъ случаѣ съ собираемыхъ общинами пошлинъ $1/10$ часть отчислялась князю въ видѣ дани. Такъ въ Смоленскомъ княжествѣ *Копысская* община [124]) за одинъ проѣздъ черезъ мостъ по Днѣпру ежегодно собирала съ проѣзжихъ 4 гривны *мостовщины* и столько же торговой пошлины; въ *Дѣдичахъ* за помѣщеніе товара въ общинныхъ гостинныхъ дворахъ проѣзжими купцами платилось 7 гривенъ гостиной пошлины; точно такая-же пошлина платилась и въ другихъ городахъ Смоленскаго княжества: Пацинѣ, Обольи [125]), Лучинѣ заставная пошлина — мыто, Вержавлянахъ Великихъ (гор. Ржевъ) платилось 100 гривенъ (500 р. сер.) передмѣра, — пошлина съ измѣряемыхъ товаровъ, не съ оцѣнки товаровъ, а съ ихъ мѣры,

---

[121]) Bunge, Die Stadt Riga, 154—5. Прозоровскій, О кунныхъ цѣнностяхъ, въ Сб. Арх. Инстит. 1880 г. кн. IV. Впрочемъ, Прозоровскій противорѣчитъ себѣ. Въ книгѣ «Монета и вѣсъ....» гривна у него равна $3/4$ фунт. (см. стр. 383).

[122]) Иловайскій, И. Р. т. II, 327.

[123]) Прозоровскій, Монета и вѣсъ, 205.

[124]) Копысъ—уѣздн. г. Минск. губ., на лѣвомъ берегу Днѣпра.

[125]) Обольи — село Обольцы въ Копыс. у., на лѣвомъ берегу р. Оболи. Пацынь—село въ Росл. у пр. р. Габьѣ, впадающей въ Десну; Лучинъ—село на Луганскомъ. озерѣ близъ истока Зап. Двины. Барсовъ, Матер. для геогр. и стат. др. Р., 21.

напр., сыпучихъ тѣлъ — хлѣба, овощей; если съѣхавшихся купцовъ было мало, то гостиную пошлину собирали по деньгѣ съ человѣка [126]).

Торговыя сношенія смольнянъ съ нѣмцами несомнѣнно имѣли весьма важное значеніе для ихъ умственнаго и нравственнаго развитія. Живя по долгу въ разныхъ городахъ Европы, видя тамъ другіе порядки, другіе нравы и обычаи, не похожіе на наши, смольняне научались разговорному нѣмецкому языку, воспринимали идеи и обычаи западныхъ народовъ, слѣдовательно, расширяли свой умственный и нравственный кругозоръ, чѣмъ, по нашему мнѣнію, и объясняется болѣе гуманный взглядъ смольнянъ на женщину и болѣе мягкія отношенія ихъ къ человѣческой личности вообще. Вездѣ купецъ является популярной личностью, охотно желаемымъ гостемъ, который могъ порассказать кое-что новое и интересное. Недаромъ Владиміръ Мономахъ завѣщалъ своимъ дѣтямъ „чтить гостя—будь онъ простой или знатный". Какъ нѣмецкіе купцы пріобрѣтали за свои знанія общественное уваженіе и значеніе въ русской землѣ, такъ и русскіе въ свою очередь, пользовались тѣмъ же на западѣ. Въ Смоленскѣ пользовались особеннымъ значеніемъ нѣмецкіе купцы Лудольфъ и Туманъ при князѣ Мстиславѣ Давидовичѣ, въ г. Любекѣ одинъ изъ русскихъ купцовъ, Яковъ Плесковъ (изъ Пскова), стоялъ даже въ числѣ первѣйшихъ членовъ городского управленія [127]).

Мирныя торговыя сношенія русскихъ съ нѣмцами безпрепятственно продолжались до начала XIV вѣка; съ этого же времени отношенія эти стали все болѣе и болѣе ухудшаться и къ концу XIV в. сдѣлались непріязненными. Причиною частыхъ нарушеній торговыхъ договоровъ были, какъ и въ доисторическое время въ Козаріи, боязнь со стороны нѣмцевъ конкурренціи русскихъ, стремленіе не имѣть соперниковъ въ торговлѣ, однимъ завладѣть европейскими рынками [128]).

По мѣрѣ того, какъ открывались новые рынки для торговыхъ операцій Ганзейскаго союза, въ немъ все сильнѣе и сильнѣе пробуждалось стремленіе, если не вытѣснить совершенно русскихъ съ этихъ рынковъ, то по крайней мѣрѣ ограничить ихъ торговые обороты однимъ опредѣленнымъ пунктомъ. Этимъ пунктомъ былъ г. Рига. Рижане старались привязать къ своему рынку всю торговлю русскихъ изъ области Зап. Двины; съ этою цѣлію они не пропускали смольнянъ не только за море, но даже въ нѣкоторыя мѣстности Лифляндіи [129]).

Нѣмецкіе историки Ганзы вполнѣ согласны въ томъ, что торговля

---

[126]) Аристовъ, Промышл. др. Руси, 227.
[127]) Schaefer, Die Hansestädte, s. 570.
[128]) Фортинскій, Примор. венд. города, 368.
[129]) Р. Л. А. № 279.—Sartorius, Gesch. des Hans. B. II, 446.

Ганзы съ русскими была для нея весьма выгодна. Уже въ концѣ XIII в. въ договорѣ неизвѣстнаго по имени смоленскаго князя, сына Мстислава Романовича, дѣлается намекъ на притѣсненія смольнянъ нѣмцами: нѣмцы не пускали ихъ на корабль, или, взявши на корабль, дѣлали на пути всевозможныя притѣсненія, били ихъ, отнимали товары, иногда и убивали русскихъ [180]). Подобныя натянутыя отношенія не могли, разумѣется, упрочить довѣріе между торгующими сторонами, кредитъ не могъ быть проченъ. Съ XIV в., какъ мы сказали выше, ссоры между русскими и нѣмцами особенно учащаются и принимаютъ острый характеръ. Въ 1386 г. приморскіе города сдѣлали на совѣтѣ въ Любекѣ постановленіе, въ силу, котораго нѣмецкимъ купцамъ рекомендовалось не давать русскимъ ни товара въ кредитъ, ни денегъ взаймы, а у русскихъ не покупать товара въ кредитъ [181]). И русскіе, и нѣмцы постоянно жалуются другъ другу на обоюдныя мошенничества въ торговлѣ и поддѣлку худыхъ товаровъ подъ хорошіе: русскіе будто бы „кладутъ фальшивыя клейма на поддѣльный воскъ и продаютъ его за товаръ хорошей доброты". Русскіе примѣшивали въ воскъ смолу, сало, песокъ, толченый горохъ, толченые желуди или даже просто клали въ середину воска камни и старое желѣзо для увеличенія вѣса; мѣха подкрашивали, волосъ на мѣхахъ выщипывали (geplücket). По приказанію Любека и Готланда въ 1332 г. поддѣльный воскъ и мѣха слѣдовало брать на свой дворъ и подвергать ихъ тщательному осмотру при свидѣтеляхъ. Если кто осмѣливался при свидѣтеляхъ привозить поддѣльный воскъ тайно, тотъ подвергался штрафу въ 50 гривенъ серебра [182]). Какъ перепродажа на мѣстѣ купленнаго товара, такъ и продажа по мелочамъ привознаго товара строго запрещались русскимъ въ Ригѣ, на это имѣли право одни граждане Риги. Въ XIV в. о правѣ годичнаго пребыванія русскихъ въ Ригѣ и о гражданской ихъ равноправности съ нѣмцами нѣтъ уже и помину; русскіе могли оставаться въ Ригѣ только на время продажи привезеннаго товара (in grossem) и на время, необходимое для покупки и увоза товара. Наконецъ, въ 1392 г. рижскій совѣтъ далъ нѣмецкимъ купцамъ, торговавшимъ въ Полоцкѣ, слѣдующую весьма нелѣпую инструкцію, которою русскіе купцы поставлены были въ положительную невозможность вести торговлю съ нѣмцами, такъ какъ ею уничтожалась конкурренція и возможность возвышенія цѣнъ на русскіе товары: изъ купцовъ никто не долженъ

---

[180]) Р. Л. А. № 34 и стр. 451. Anhang. II.

[181]) Аристовъ, Промышл. др. Руси, 212.

[182]) Аристовъ, 212. Hildebrand въ Balt. Monatsschrift XXII: „Deutsch. Kontor zu Polozk", S. 355. Срав. Р. Л. А. № XXXIV.

покупать того, что забраковалъ другой; нельзя дозволять, чтобы нѣмецкій купецъ покупалъ то, что покупаетъ русскій. Ольдерманъ долженъ сообщить своимъ купцамъ, чтобы они этого товара не покупали. Не слѣдуетъ также ни одному купцу покупать кожанныхъ издѣлій, ластокъ или горностаевъ болѣе, чѣмъ на 1/4 тысячи... ни одинъ нѣмецъ не долженъ покупать товару болѣе, чѣмъ на 1,000 марокъ серебра подъ страхомъ штрафа; ни одинъ нѣмецъ не долженъ посылать русскому провіантъ... Съ обѣихъ сторонъ не должно дѣлать никакого закладыванія [133]). Русскіе съ своей стороны могли отвѣчать на это только слѣдующимъ довольно скромнымъ постановленіемъ: мимо Полоцка нѣмецкимъ купцамъ не ходить, а торговать въ Полоцкѣ; розничной торговли нѣмцамъ въ Полоцкѣ не вести; корчмы въ Полоцкѣ имъ не держать [134]). До какихъ границъ дошло въ это время ожесточеніе нѣмцевъ на русскихъ, видно изъ того, что въ Ревелѣ одного русскаго нѣмцы сварили въ котлѣ живымъ за поддѣлку фальшивыхъ монетъ, а другого сожгли живымъ за содомскій грѣхъ [135]). Однако великій князь литовскій Витовтъ, которому подчинена была большая часть Бѣлоруссіи, разсердившись на нѣмцевъ за стѣсненіе торговли съ русскими, запретилъ нѣмцамъ ѣздить въ Ригу, а русскимъ и литовцамъ плавать для торговли вверхъ и внизъ по З. Двинѣ, запретилъ нѣмцамъ вести мелочной торгъ, покупать скотъ, рожь, медъ; но что всего комичнѣе—принуждалъ нѣмцевъ насильно брать отъ смольнянъ и полочанъ воскъ со смѣсью. Это распоряженіе Витовта заставило нѣмцевъ быть нѣсколько уступчивѣе, и они отправили къ Витовту любезное письмо, которымъ отмѣняли нѣкоторыя ограниченія въ торговлѣ русскихъ съ нѣмцами [136]), хотя торговля эта никогда уже послѣ этого не поднималась до той высоты, до какой поднялась она въ XIII и въ первой половинѣ XIV вѣка.

Нельзя, конечно, всю вину этихъ натянутыхъ отношеній между нѣмцами и русскими сваливать на однихъ русскихъ. Плутовству русскіе учились частію у тѣхъ же нѣмцевъ. Впрочемъ, обманы и плутовство въ торговлѣ были только ничтожными поводами, а не общею, коренною причиною ухудшенія международныхъ торговыхъ отношеній. Русскіе въ этомъ не повинны. Въ этомъ сознается и Гильдебрандъ, говоря, что „если торговые договоры постоянно были нарушаемы и давали поводъ къ постояннымъ ссорамъ, то вина этого

---

[133]) Тихомировъ, Торг. снош. Полоцка съ Ливоніей въ XIV в. въ Ж. М. Н. Пр. 1877, XII.

[134]) Р. Л. А. № CLIV.

[135]) Бережковъ, 260.

[136]) Тихомировъ, ibidem, 233.—Р. Л. А. № CXXXV.

лежитъ, главнымъ образомъ, на нѣмецкой сторонѣ [187]). При переговорахъ въ 1400 г. рижскихъ пословъ съ полочанами, послѣдніе заявили, что рижане первые затемнили смыслъ обоюдныхъ отношеній". Но по мѣрѣ того, какъ ухудшались торговыя отношенія между русскими и нѣмцами, по мѣрѣ того, какъ нѣмцы теряли торговыя привилегіи въ русской странѣ, стало все болѣе усиливаться значеніе евреевъ и армянъ, какъ посредниковъ въ торговлѣ между русскими и нѣмцами, и эти иноплеменники (особенно евреи) съ XIV в. наводнили собой всю западную и сѣверо-западную Русь. Литовскій князь Витовтъ въ 1388 г. особенной грамотой предоставилъ евреямъ такія права и привилегіи, какими не пользовались и русскіе. Это былъ первый шагъ къ порабощенію западной Руси власти евреевъ; съ тѣхъ поръ вся почти внутренняя и внѣшняя торговля перешли въ ихъ руки. По грамотѣ Витовта за убійство, нанесеніе раны или побоевъ еврею, виноватый отвѣчаетъ такъ же, какъ за убійство, раны и побои, нанесенные шляхтичу, т.-е. боярину; если христіанинъ разгонитъ еврейское собраніе, то наказывается по обычаю земскому и все его имущество отбирается въ казну; за оскорбленіе, нанесенное еврейской школѣ, виноватый платитъ великокняжескому старостѣ два фунта перцу. Еврея можно заставить присягнуть на 10 заповѣдяхъ только при важномъ искѣ, гдѣ дѣло идетъ не меньше какъ о 50 гривнахъ литого серебра; въ другихъ же случаяхъ еврей присягаетъ передъ школою, у дверей. Еврея-заимодавца нельзя заставить выдать закладъ въ субботу. Если христіанинъ обвинитъ еврея въ убійствѣ христіанскаго младенца, то преступленіе должно быть засвидѣтельствовано тремя христіанами и тремя евреями добрыми; если же свидѣтели объявятъ его невиннымъ, то обвинитель долженъ потерпѣть то же наказаніе, какое предстояло обвиненному [188]). Гонимые съ запада вслѣдствіе охватившаго тамошнее населеніе религіознаго движенія, евреи придвигались къ востоку и въ концѣ XIV вѣка заселили Полоцкую, Витебскую и Смоленскую области.

III.

Смоленскій край въ XII и XIII вв. находился въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Кромѣ внѣшней торговли съ нѣмцами, смольняне

---

[187]) Въ 1400 г. Тидеманъ и Люббертъ Виттенпохъ — рижскій посолъ въ Литвѣ, писалъ въ совѣтъ: „Theilt uns Eure Ansicht über den Smolensker Vertrag mit. In demselben steht, dass die Russen von Gotland in die Trave segeln dürfen und hieran nehmen wir grossen Anstoss". Balt. Monatsschirift XXII: „Deutsch. Kontor zu Plozk", s. 350.

[188]) Соловьевъ, И. Р. т. IV, 226.

вели въ обширныхъ размѣрахъ и торговлю внутреннюю не только сырыми продуктами, но и продуктами обработывающей промышленности. Уже въ XII в. въ смоленскомъ княжествѣ было въ полномъ ходу производство желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій: вѣсы и гири, пуды, „ставила“ и колокола выдѣлывали свои собственные мастера, которые, конечно, первоначально учились у иностранныхъ учителей. Кустарное производство находилось на первой ступени развитія. Такъ извѣстно, что женщины-кустари занимались въ XII в. гирнымъ тканьемъ (въ торопецкой области), производствомъ скатертей, плетеньемъ кружевъ, тканьемъ полотенецъ, полавочниковъ и пр. Что эта отрасль кустарнаго производства была здѣсь значительно распространена, видно изъ Уставной Ростиславовой грамоты, по которой смоленскому князю шла даже особая дань издѣліями кустарнаго производства. Медъ, воскъ, пенька, хлѣбъ составляли не менѣе важныя отрасли промышленности, продуктами которыхъ смольняне вели торговлю по всѣмъ волостямъ тогдашней Руси. Въ XIII в. торгово-промышленной дѣятельностью славились Вязьма и Дорогобужъ, стоявшіе какъ разъ на великомъ водномъ пути. Съ Тверью у Смоленска торговля велась „по давному“, со стороны смольнянъ западными товарами, а со стороны Твери восточными и конями [139]). О дѣятельной торговлѣ смольнянъ съ Переяславлемъ суздальскимъ даетъ намъ нѣкоторыя свѣдѣнія сама лѣтопись. Ярославъ Всеволодовичъ, разбитый на голову въ битвѣ подъ Юрьевымъ въ 1216 г. смольнянами и новгородцами, прибѣжалъ въ свой Переяславль и съ досады запряталъ въ тѣсную тюрьму новгородскихъ и смоленскихъ купцовъ, причемъ первые въ числѣ 150 человѣкъ задохлись, а послѣдніе въ числѣ 15 человѣкъ остались живы [140]). Съ Новгородомъ смольняне начали торговыя сношенія еще въ доисторическое время. Ростиславъ Мстиславовичъ Смоленскій въ 1160 г. дарилъ Святослава Черниговскаго собольими и горностаевыми и черными кунами, и песцы и бѣлыми волками, и рыбными зубами, т.-е. моржевыми клыками, получаемыми изъ Югры и Печеры, принадлежавшихъ Новгороду. (Бѣляевъ, геогр. свѣд. въ др. Россіи, Зап. Имп. Геогр. Общ., кн. 6. 1852). Величайшимъ несчастіемъ для Новгорода была задержка подвоза хлѣба съ юга на волокѣ, принадлежавшемъ смоленскому княжеству [141]). Суздальская земля не въ состояніи была одна снабжать Новгородъ хлѣбомъ, поэтому большую часть хлѣба, а также воска новгородцы получали съ юга: изъ Кіева, Смоленска и Полоцка. И дѣйствительно, какъ только

---

[139]) Борзаковскій, Ист. Тверск. княжества, 64. Аристовъ, 176.
[140]) П. С. Р. Л. IV. 25.
[141]) Соловьевъ. I, 18.

въ 1137 г. у новгородцевъ не стало мира со смольнянами, полочанами и кіевлянами, такъ все лѣто и стояла въ Новгородѣ страшная дороговизна на предметы первой необходимости: „стоя все лѣто осминка ржи по 7 рѣзань" [142]). Мирному развитію благосостоянія смоленскаго княжества содѣйствовало главнымъ образомъ то обстоятельство, что сравнительно съ другими княжествами оно менѣе другихъ страдало отъ междоусобій и вражескихъ разореній. Начиная съ 1055 г. и по 1230 г., слѣдовательно въ теченіе 175 лѣтъ, Смоленскъ всего 6 разъ страдалъ отъ междоусобій [143]). Неудивительно поэтому, что лѣтописцы считаютъ населеніе Смоленска въ первой половинѣ XIII в. отъ 35 до 40,000 человѣкъ [144]). По послѣдней переписи 1881 г. въ Смоленскѣ оказалось всего 33,000 жителей, что, впрочемъ, нисколько не удивительно, такъ какъ большинство населенія относительно возможности прінсканія заработковъ поставлено въ весьма неблагопріятныя условія. Правда, санитарныя условія городской жизни въ древности были не благопріятнѣе нынѣшнихъ; смертность была особенно велика между жителями посадовъ—въ низменныхъ частяхъ города (Ямская слобода и Рачевка), но зато населеніе имѣло болѣе шансовъ на пріобрѣтеніе средствъ существованія, слѣдовательно легче могло оправиться отъ понесенныхъ потерь. Численность населенія Смоленскаго княжества въ XIII в. мы можемъ опредѣлить приблизительно изъ соотношенія между общимъ количествомъ дани, платимой смольнянами своему князю, и размѣромъ ея, причитающимся съ каждаго лица. Мы знаемъ, что гостинной дани съ пріѣзжихъ купцовъ сходило отъ 1 до 3 денегъ съ человѣка (Аристовъ, 225).

Въ гривнѣ серебра считалось 4 гривны кунъ (Иловайскій, Ист. Рос. II, 327), а въ гривнѣ кунъ было 45 денегъ, слѣдовательно гривна серебра=180 деньгамъ. Помножая эту сумму на 3150 гривенъ, получимъ 567,000 денегъ. Таково приблизительно было населеніе смоленскаго княжества въ концѣ XII и началѣ XIII вв. Зажиточность населенія древняго смоленскаго княжества мы можемъ доказать и другими данными. До насъ дошла уставная грамота смоленскаго князя Ростислава Мстиславича, данная епископіи, въ которой ясно опредѣлено количество всѣхъ даней, собираемыхъ княземъ со всѣхъ городовъ и погостовъ княжества.

---

142) Аристовъ, 176.—Тверск. Л. XV, 200.
143) Соловьевъ, III, 42.
144) Лѣт. Аврамки, Воскр. VII; 137; Лавр. 483

ВѢДОМОСТЬ

о количествѣ городовъ и погостовъ и количествѣ даней, платимыхъ смоленскому князю смольнянами въ XII вѣкѣ.

	Названіе городовъ, селъ и погостовъ.	Гривны.	Лисицы.	Куны.	Корчемн. пошл.	Перевозъ.	Рыба.
1	Верживляне Великіе съ 9 погостами (г. Ржевъ)	1032	3	40	—	—	неводъ, бредникъ, трои сани рыбы. Кромѣ того 2 скатерти, 3 убруса, берковецъ меду.
2	Врочницы (городъ)	200	—	—	—	—	
3	Торопецъ (уѣзд. г. Пск. г.)	400	15	10	—	—	
4	Жижци гор. (теперь село Жесцо-Живецъ, близь озера Жесца) . . .	186	1	—	—	—	
5	Каспля село	100	—	—	—	—	
6	Хотшинъ гор.	200	—	—	—	—	
7	Жабачевъ гор..	200	—	—	—	—	
8	Вото...вичи село	100	—	—	—	—	
9	Шуйская село (село Шуи Калуж. г., Мосальск. уѣзда)	80	—	—	—	—	
10	Дешняни село	30	—	—	—	—	
11	Ветьская весь [145]).	40	—	—	—	—	
12	Вылево село	20	—	—	—	—	
13	Вортнецы село.	40	—	—	—	—	
14	Витринъ гор. [146])	30	—	—	—	—	
15	Жидчичи село	10	—	—	—	—	
16	Добрятино село [147])	30	—	—	—	—	
17	Басѣя село [148]).	15	—	—	—	—	
18	Мирятичи село.	10	—	—	—	—	

[145]) Вѣтка или Вѣтковцы въ Могил. губ., Гомел. у. на р. Сожѣ. Варсовъ, матер. для геогр. и стат. др. Р. 29.

[146]) Бѣляевъ считаетъ Ведрину въ Духовщ. у. Зап. Геогр. Общ. VI, 178.

[147]) Село Доброе Чаус. у. Могил. г. или Добромысль Орш. у.

[148]) Бася р. въ Чаус. у. Могил. г. Варсовъ, Матер. 4.

	Названіе городовъ, селъ а погостовъ.	Гривны.	Лисицы.	Куны.	Корчемн. пошл.	Перевозн.	Рыба.
19	Дѣдогостичи село	10	—		—	—	
20	Доброчково село (Доброч. село на Сожѣ Рогач. уѣз. Могил. губ.). .	20	—	—	—	—	
21	Зарубъ село [149])	30	—	—	—	—	
22	Женни Великая село.	200	—	—	—	—	
23	Пацинь гор. [150])	$81^1/_2$	2	или	22	—	
24	Солодовницы село.	20	—	—	—	—	
25	Путтинъ село	4	—	—	—	—	
26	Вѣ...ницы погостъ [151]).	$2^1/_5$	—	—	—	—	
27	Дѣбичи село	15	7	—	—	—	
28	Копысъ городъ уѣзд.	15	—	—	неизв.	4	
29	Кречютъ село	10	—	—	—	—	
30	Лучинъ гор. [152])	3	2	—	—	неизв.	1 осетръ.
31	Обольи гор. [153]).	—	—	—	—	неизв.	
32	Исконь село [154])	40	—	—	—	—	
33	Ледейницы село.	10	—	—	—	—	
34	Мстиславль гор.	7	8	—	—	—	
35	Крупля гор.	1	1	—	—	или	5 ногатъ.
36	Ростиславль (Рославль) См. г. . . .	4	4	—	—	—	
37	Ельня гор.	8	1	—	—	—	

[149]) За правымъ берегомъ Днѣпра село Заровцыкъ С. З. отъ Шклова. Варсовъ, Геогр. нач. лѣт. 261.

[150]) Село въ Рославл. у. Смол. г. при р. Габьѣ, впад. въ Десну. *Пацинъ*-Починокъ. Вятскіе крестьяне называютъ „*Пацин-окъ*", тоже что починокъ.

[151]) По дорогѣ изъ Торопца въ Духовщину въ Торопец. у. Варсовъ, Матер. 21.

[152]) На Днѣпрѣ, Мог. губ. Изв. А. Н. X. 633.

[153]) Обольцы въ Копыс. у. на р. Оболи.

[154]) Исконь р. въ Можайск. у. впад. въ р. Москву. Варсовъ, Матер. 85.

	Названіе городовъ, селъ и погостовъ.	Гривни.	Лисицы.	Куни.	Корчемн. вощ.	Перевозн.	Рыба.
38	Изяславль село [155])	нев	зв.	—	—	—	
39	Дорогобужъ гор.	1	5	—	—	и три	гони короткія.
40	Прупои село	10	—	—	—	—	

Итого княжеской дани 3150 гр., 44 лисицы, 50 кунъ. Кромѣ того съ 3 городовъ: неводъ, бредникъ, трои сани рыбы, 2 скатерти, 3 убруса и берковецъ меду.

Кромѣ того въ Ростиславовой грамотѣ упоминаются еще слѣдующія села, доходы съ которыхъ подарены были княземъ Смоленскому епископу: Дросенское [156]), Ясенское [157]), Мойшинская земля, село Холмъ и Погоновичи; по лѣтописямъ упоминается еще слѣд. смоленскіе города и села, не упомянутые въ уставной грамотѣ: Войщина [158]), Можайскъ, Голеди, Вязьма, Зарой [159]), Красный, Василевъ и Рша, теперь Орша. Такимъ образомъ Смоленское княжество заключало въ себѣ въ XII в. до 25 городовъ съ уѣздами и 30 селъ, которые въ общей сложности платили дани не менѣе 50,000 р. с. на наши деньги. Одинъ Вержавскъ съ своими 9 погостами платилъ 1032 гривны или 32,7°/₀ общаго количества дани. Оно и понятно: Вержавскъ стоялъ на торговомъ пути изъ Смоленска къ Твери въ поволжскій край. Другіе города и села: Врочницы, Торопецъ, Жижци, Каспля, Хотшинъ, Жабачевъ, Вотовичи, Женни уплачивали въ общей сложности дани 1536 гривенъ, или 48°/₀. Большинство перечисленныхъ нами городовъ и селеній было расположено по берегамъ рѣкъ на путяхъ, ведущихъ изъ одной области въ другую, слѣдовательно въ такихъ пунктахъ, куда постоянно приходили для торговли купцы. Въ настоящее время всѣ эти города и селенія потеряли почти всякое торгово-промышленное значеніе. Теперь вся торговля сконцентрировалась въ немногихъ крупныхъ пунктахъ, въ древности же она была дифференцирована, существовало больше мѣстныхъ волостныхъ торгово-промыш-

[155]) Сеславль Рославльск. у. Смол. губ.

[156]) Теперь село Дресна при Днѣпрѣ въ Смол. у., дача архіерейская.

[157]) Ясеная дер. при р. Ясеной Смол. у. (Сп. насел. м. XL. № 324).

[158]) Воиновщина Дорогоб. у. при р. Веремчѣ. (Сп. нас. мѣстъ Смол. губ. № 5347).

[159]) Теперь село Разрытое въ Рославл. у. на р. Ипути.

ныхъ центровъ, которые правильнѣе, равномѣрнѣе питали живой общественный организмъ. Аналогичное этому явленіе, вызванное тѣми же самыми причинами, какъ и у насъ, мы встрѣчаемъ и въ Зап. Европѣ, гдѣ въ XIII в. нѣкоторые города служили или хлѣбными житницами для нѣмецкаго населенія, или богатыми мѣстными торговыми центрами. Такъ маленькій померанскій городокъ Демминъ былъ по количеству своего населенія втрое болѣе теперешняго; Зейберцъ, имѣвшій въ началѣ XIV в. 11,000 чел. населенія, теперь имѣетъ всего 1,400; Пильтенъ, Кокенгузенъ, Крейцбургъ, Роннебургъ, Оденпе, Нейгаузенъ, Маріенбургъ, Рюйенъ и мног. др. въ XIII в. были богатѣйшими укрѣпленными городами, теперь же или утратили всякое значеніе, или совершенно исчезли съ лица земли [160]).

Нельзя сказать, чтобы смоленское княжество при своемъ сравнительно высокомъ уровнѣ благосостоянія не страдало отъ тѣхъ физическихъ бѣдствій, которыя были общи всей русской землѣ: всевозможныхъ эпидемій, эпизоотій, отъ неурожаевъ и голодной смерти. Грязь и нечистота на улицахъ и дворахъ, неразборчивость и невоздержанность въ пищѣ и питьѣ были чуть ли не главными причинами всевозможныхъ эпидемическихъ болѣзней населенія. По своимъ физико-географическимъ условіямъ смоленское княжество дѣлилось на двѣ весьма рѣзко различающіяся между собой полосы. Раздѣльная черта между двумя половинами тянется отъ сѣверной границы губерніи черезъ города Бѣлый и Дорогобужъ, гдѣ она прерывается по берегамъ Днѣпра луговыми долинами, потомъ переходитъ у южнаго пограничнаго пункта, у р. Десны—въ уѣздахъ ельнинскомъ, краснинскомъ и рославльскомъ—въ низменность, а въ губерніяхъ могилевской и витебской въ совершенно болотистое пространство [161]). Восточная полоса относится къ болѣе древней геологической эпохѣ, отличается ровнымъ мѣстоположеніемъ и принадлежитъ къ формаціи горнаго известняка, образовавшагося отъ осажденія первобытнаго моря, западная же, наоборотъ, покрыта аллювіальными наносами, состоящими изъ смѣси глины и песку, мѣстами колоссальными эрратическими камнями или валунами (гнейсъ и гранитъ, принадлежащіе къ огненнымъ породамъ Финляндіи и Скандинавскаго полуострова [162]). Этимъ характеромъ геогностическаго строенія мѣстности объясняются и самыя свойства почвы смоленской губерніи. Центральная, западная и сѣверо-западная части губерніи представляютъ каменистую поверхность, во многихъ мѣстахъ съ котловинами, углубленіями, куда съ покатостей

---

[160]) Schäfer, Hans. Stadte, S. 182. Gesch. d. Ostsee Provinz., I. S. 179.
[161]) Цебриковъ, Матер. для геогр. и стат. Смол. губ., 51.
[162]) Гр. Уваровъ, Археологія Россіи, II, 53.

стекаетъ вода и образуетъ такимъ образомъ болотистую почву. Это—одна изъ самыхъ сырыхъ, нездоровыхъ мѣстностей смоленскаго края. Сырость почвы еще болѣе увеличивается здѣсь отъ зап. вѣтровъ. Измѣнчивость погоды, обиліе стоячихъ и текущихъ водъ и лѣса служатъ причиною непостоянства температуры, что, конечно, весьма вредно вліяетъ на растительность хлѣбовъ. Открытое мѣстоположеніе, меньшее сравнительно изобиліе лѣсовъ и вслѣдствіе того большая сухость климата производятъ въ восточной полосѣ большее плодородіе почвы. Болѣе благопріятная для земледѣльческой культуры мѣстность уѣздовъ ельнинскаго, дорогобужскаго, смоленскаго, краснинскаго, вяземскаго и восточной части рославльскаго издревле была населена сравнительно многолюднѣе западныхъ и сѣверо-западныхъ уѣздовъ; здѣсь, въ помянутыхъ уѣздахъ, и сохранились до настоящаго времени слѣды родового, патріархальнаго быта. Аллювіальная, наносная почва, какъ извѣстно, и химически и геогностически состоитъ изъ одинаковыхъ минеральныхъ веществъ, хотя и изъ различнаго физическаго аггрегата, отличается и большей проницаемостью и порозностью для воды. Подобная почва признается учеными главнымъ мѣстозарожденіемъ холерной эпидеміи, такъ какъ она въ большей степени содѣйствуетъ образованію углекислоты [163]). Аллювіальная почва западной полосы смоленскаго края въ древности отличалась засухами, неурожаями и въ то же время служила самымъ благопріятнымъ передаточнымъ пунктомъ для распространенія по странѣ эпидемическихъ, контагіальныхъ болѣзней: черной смерти, мора, „чемеря" и т. п., погубившихъ въ XIII—XIV вв. цѣлые десятки тысячъ населенія.

Начиная съ 1092 г. и до 1436 г., смоленское княжество 16 разъ опустошала моровая язва, причемъ самымъ тяжкимъ вѣкомъ, какъ по количеству неурожайныхъ лѣтъ, такъ и по части эпидемій, было XIV столѣтіе. Первый извѣстный по лѣтописямъ моръ людей былъ въ 1092 г.; моръ этотъ, начавшись съ юга изъ Кіева, распространился по черниговской, смоленской, новгородской и суздальской областямъ. Причиной его былъ повсемѣстный неурожай хлѣбовъ, произведенный сильными жарами и засухами, такъ что хлѣбныя нивы совершенно выгорѣли, лѣса и торфяники воспламенялись сами собой. „Ведро бяше,—говоритъ лѣтописецъ,—яко и згораше земля и мнози борове взгара-

[163]) Pr. Pettenkofer, Der Boden und sein Zusammenhand mit der Gesundheit d. Menschen, въ Dentsche Rundschau, ноябрь, 1881, S. 223. Такъ напр. Аллювіальная почва о. Мальты издавна служила мѣстозарожденіемъ холерной эпидеміи.

хуся сами и болота“ [164]). Въ одномъ Кіевѣ съ 14 ноября и до 1 февраля ежедневно умирало по 90 человѣкъ и „отъ Филиппова заговѣнія до мясопуста великаго людіе 7000 гробовъ продахомъ“ [165]). Моровая язва унесла съ собой массу крестьянскаго населенія... Некому было обработывать поля, оставшееся населеніе въ страхѣ ожидало смертнаго часа... Наступила страшная дороговизна предметовъ первой необходимости. Кадь ржи (4 четверика) стоила 8 гривенъ серебра [166]), т.-е. 24 р. на наши деньги [167]). Населеніе смоленскаго края и тогда уже знакомо было съ лебедой, какъ съѣдобнымъ суррогатомъ въ голодное время. Какъ разъ въ это время изъ Смоленска пришелъ въ Кіевъ Прохоръ-схимникъ, который впервые познакомилъ кіевлянъ съ лебедой. Болѣя душой о несчастіяхъ изстрадавшагося, истощеннаго голодомъ народа, Прохоръ своими собственными руками стиралъ лебеду въ порошокъ, приготовлялъ изъ нея „хлѣбъ“ и кормилъ имъ населеніе, отчего исторія и сохранила за нимъ названіе „лебедкина“. Вслѣдствіе ссоры тогдашняго кіевскаго князя Святополка съ галицкими князьями, Святополкъ не пускалъ въ Кіевъ соли изъ Галича и южнаго Переяславля, но Прохоръ и тутъ съумѣлъ выручить изъ бѣды ни въ чемъ неповинное населеніе, приготовляя соль изъ растительнаго пепла [168]). За свой умъ и распорядительность въ общественныхъ дѣлахъ Прохоръ смоленскій заслужилъ уваженіе князя и въ 1113 г. былъ сдѣланъ игуменомъ печерскаго монастыря [169]).

XI вѣкъ былъ особенно тяжелъ для населенія русской земли уже потому, что въ этотъ вѣкъ населеніе умѣло заниматься производствомъ только одного вида злаковъ—ржи и въ случаѣ голода получало хлѣбъ только изъ низовыхъ областей, да и то въ незначительномъ количествѣ; иностраннаго подвоза еще не существовало. Доставка хлѣба въ мѣста наиболѣе нуждающіяся въ немъ была сопряжена съ страшными затрудненіями: дикія половецкія и печенѣжскія орды сторожили купцовъ, отнимали хлѣбъ и всякіе товары.

---

[164]) Лавр. лѣт. 208.

[165]) Воскр. VII, 6.

[166]) Лешковъ, Русс. народъ и государство, 1858, стр. 458.

[167]) Цѣнность гривны равнялась въ XI в. 3 р. сереб.

[168]) Яковлевъ, памятники русской литературы XII и XIII вв. 1879 г., стр. CLII—CLVII. По словамъ В. Гева, тогда люди умѣли добывать соль изъ морского растительнаго пепла. См. его Культурн. раст., стр. 10. Современные американскіе дикари до сихъ поръ при недостаткѣ соли употребляютъ растительный пепелъ, которымъ посыпаютъ хлѣбъ и мясо.

[169]) Погодинъ, Изслѣд., лекціи и замѣтки, IV, стр. 108.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ существовала неимовѣрная дороговизна хлѣба. Оттого и проѣздъ купцовъ съ юга съ товарами въ ту или другую область составлялъ цѣлое событіе, вызывавшее къ дѣятельности всѣ силы русской земли. Такъ въ 1168 г. кіевскій князь Ростиславъ Мстиславичъ снарядилъ цѣлую экспедицію для охраны греческихъ купцовъ. Въ этой экспедиціи участвовали 11 князей съ полками: Владимірскимъ, Луцкимъ, Бужскимъ, Дорогобужскимъ, Овручскимъ, Городненскимъ, Галицкимъ и др., — ополченіе, какого не было прежде для наступательныхъ войнъ съ половцами. Многочисленные обозы на телѣгахъ греческихъ и залозныхъ купцовъ поднимались вверхъ по пути, идущему параллельно Днѣпру, причемъ князья долгое время стояли съ своими полками по обѣимъ сторонамъ дороги, пока не прошли обозы [170]). Таковы были затрудненія, съ которыми сопряжена была доставка товаровъ въ Русь! Но все-таки въ XII в. населенію было уже сравнительно легче относительно добыванія средствъ продовольствія, нежели въ предыдущемъ вѣкѣ, такъ какъ въ это время кромѣ ржи оно умѣло воздѣлывать пшено, пшеницу, различныя овощи, и притомъ хлѣбъ подвозился не изъ однѣхъ только южныхъ областей, но и изъ Суздальской земли. Въ это время существовала уже правильная внутренняя торговля, подлежавшая правительственному контролю и вліянію. Въ лѣтописяхъ постоянно упоминаются отмѣтки цѣнъ на печеный хлѣбъ и рожь, и въ голодные годы кадь ржи не поднималась выше 6 гривенъ, такъ что населеніе не подвергалось уже голодной смерти вслѣдствіе дороговизны хлѣба. Въ Смоленскѣ упоминается голодъ между 1215—1220 годами: „бывшу бездождію велику во градѣ, яко изсыхати земли садомъ и нивамъ и всему плоду земному". (Житіе Авраамія смоленскаго, въ Смоленск. Епарх. Вѣд. 1875 г, № 2, стр. 40). Но этотъ голодъ былъ ничто въ сравненіи съ тѣмъ ужаснымъ голодомъ во всемъ Смоленскомъ княжествѣ, который вызванъ былъ главнымъ образомъ Калкскимъ пораженіемъ русскихъ, и продолжался два года сряду,—именно въ періодъ оживленныхъ сношеній смольнянъ съ нѣмцами въ 1220—30 годы. Печеный хлѣбъ продавался по полугривнѣ, а кадь ржи по 4 гривны [171]). Въ одномъ Смоленскѣ количество умершихъ отъ голода въ теченіе двухъ лѣтъ дошло до 30,000 человѣкъ [172]). „Таковъ бѣ гладъ,—

---

[170]) Погодинъ. Древняя русская исторія, II, 464. Ипат. 361: „стояша полки у Канева долгое время, дондеже взиде Гречникъ и Залозникъ, и оттолѣ възвратишася въ свояси".

[171]) П. С. Р. Л. IV, 29.

[172]) Лавр. 485. Воскр. VII, 138: „сдѣлаша 4 скудельницы и положиша: въ дву 16 тысящь, а 3-й 7000, а въ 4-й 9000; се же бысть по два лѣта".

говоритъ лѣтописецъ,—яко инови своего брата рѣжуще ядяху, а иніи мертвое трупіе ядяху, друзіи конину и псину и кошки, а иніи мохъ, и сосну, и илемъ, и листъ, и толико бѣ множество мертвыхъ, яко не бысть кому погрѣбати ихъ" [178]). Русскихъ въ это время выручили изъ бѣды нѣмцы, которые во множествѣ навезли хлѣба и въ Новгородъ и въ Смоленскъ. „Прибѣгоша нѣмцы изъ заморія съ жытомъ и съ мукою и много добра сотвориша", съ радостію замѣчаетъ лѣтописецъ объ этомъ фактѣ. Истощенные, ослабленные дурнымъ питаніемъ человѣческіе организмы вымерли, болѣе сильные и болѣе приспособленные къ антигигіеническимъ условіямъ жизни пережили эти „чемеритые дни", какъ выражались въ древности бѣлоруссы о моровой язвѣ. Воспоминаніе объ этихъ ужасныхъ дняхъ, пережитыхъ смоленскимъ населеніемъ, до сихъ поръ сохранилось въ памяти народной въ формѣ „заговора отъ чемеря". „Трава-травица! ни я тебя садиу, ни я тебя поливау: садиу тебя самъ Господь, поливау мать Пречистая. На чемеря ты мнѣ надобна, на чемеря тебя рву". Какъ видно изъ заговора, въ древности населеніе употребляло отъ „чемеря" какія-то лекарственныя травы въ настоѣ. Начиная съ 1230 г. и по 1270 г., т.-е. въ теченіе 40 лѣтъ, о моровой язвѣ въ Смоленскомъ княжествѣ ничего не было слышно, такъ что крестьянское населеніе быстро оправилось отъ понесеннаго горя; Смоленскъ опять заселился столь-же многочисленнымъ населеніемъ, какъ и прежде. Но съ XIV в. голодовки и моровая язва учащаются, дѣлаются сильнѣе, интенсивнѣе. Это прогрессивное усиленіе физическихъ бѣдствій шло въ параллель съ усиливающимися набѣгами на смоленскую землю литовцевъ, которые грабили и опустошали страну, избивали и уводили въ неволю мирное населеніе.

Въ 1308 г. по всему Смоленскому княжеству свирѣпствовалъ моръ и голодъ. Въ 1313—14 гг. моровая язва сопровождалась ужасными, небывалыми прежде послѣдствіями, казалось, всѣ стихіи земныя возстали противъ человѣческой природы. Вся западная и сѣверная части русской земли испытали голодъ, слѣдствіемъ котораго явилась моровая язва. Зима и осень въ 1313—14 гг. были холодны и безснѣжны, а наступившая весна отличалась бездождіемъ, вслѣдствіе чего наступилъ повсемѣстный на Руси неурожай. До начала XIV в. населеніе, жившее по берегамъ З. Двины и Балтійскаго моря, питалось главнымъ образомъ сельдями, ловившимися во множествѣ въ теченіе всего XII и XIII вв.; въ достопамятный 1313 г. въ природѣ произошло замѣчательное явленіе: всѣ сельди навсегда покинули

---

[178]) Воскр. VII, 136.

берега Балтійскаго моря и приняли другое направленіе; только нѣкоторыя мелкія породы рыбъ, какъ, напр., кильки салакушки и пр. стали съ тѣхъ поръ во множествѣ водиться въ Балтійскомъ морѣ [174]). Люди принуждены были питаться кореньями и древесной корой, падалью, пожирали даже своихъ собственныхъ дѣтей, старыхъ и слабосильныхъ людей. Благосостояніе народа надолго исчезло, села и деревни обезлюдѣли, домашній скотъ почти совершенно исчезъ...

Въ 1322 г. все лѣто продолжался холодъ, вслѣдствіе чего всѣ плоды и огородные овощи погибли, лѣса лишились листвы [175]).

1340: пожаръ уничтожилъ весь Смоленскъ, который по этому былъ отстроенъ заново.

1352: черная смерть унесла почти все населеніе Смоленска.

1364: въ Смоленскѣ свирѣпствовала моровая язва [176]).

1377: по всей смоленской области свирѣпствовала моровая язва.

1386 и 1387: „моровая язва около града Смоленска и по волостямъ“ [177]). Лѣтописецъ подробно описываетъ характеръ и симптомы моровой язвы. „Вдругъ ударитъ какъ ножемъ въ сердце, въ лопатку или между плечами; огонь пылаетъ внутри; кровь течетъ горломъ; выступаетъ сильный потъ и начинается дрожь. У другихъ дѣлаются железы на шеѣ, бедрѣ, подъ скулою, пазухою или за лопаткою“. Въ Смоленскѣ умерло все населеніе, „только выидоша изъ города пять человѣкъ и городъ затвориша“ [178]).

1390: „Бысть моръ въ Смоленскѣ“ [179]).

1401 и 1402: моръ въ Смоленскѣ“ [180]).

Выходитъ, что въ теченіе XIV столѣтія каждое десятилѣтіе посѣщала смоленскую страну моровая язва, погубившая въ общей сложности болѣе половины общаго количества населенія. Разоренная, обнищалая, обезлюдѣвшая смоленская страна не могла уже въ 1404 и 1408 гг. противопоставить своихъ силъ противъ многочисленныхъ литовскихъ полчищъ, которыя почти безъ труда завоевали Смоленское княжество, тѣмъ болѣе, что въ самомъ Смоленскѣ населеніе раздѣлилось въ это время на двѣ враждебныя другъ другу партіи: все боярство стояло на сторонѣ Литвы, а народъ, не имѣя вождей, которые могли бы вдохнуть въ него духъ отваги для защиты его по-

---

[174]) Geschichte der Ostsee-Provinzen, I, S. 135.

[175]) Ibidem, 138.

[176]) Списки населен. мѣстъ Смол. губ., стр. 33—4.

[177]) Новгор. лѣт. II и III, 1879 г.; лѣт. Арамки, 150.

[178]) П. С. Л. т. IV, 95. Карамзинъ, И. Г. Р. т. V, 3—9.

[179]) Рук. Новг. Соф. библ. № XXXV.

[180]) Воскр. VIII, 75; Новг. IV, 73.

литической независимости, склонился на сторону московскаго князя. Литва съ каждымъ годомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ, сначала въ лицѣ Ольгерда, а потомъ Витовта, все сильнѣе и сильнѣе надвигалась на Смоленское княжество, мучила, изнуряла его население, пока, наконецъ, въ 1408 г. окончательно не поглотила его. Народное возстаніе въ Смоленскѣ въ 1440 г. [181]) противъ литовскаго намѣстника Саковича было только вспышкой послѣдней предсмертной агоніи.

---

[181]) Narbuth, Dz. star. Nar. Lit. III, 324.

IX-й археологическій съѣздъ въ г. Вильно.

В. Н. Сторожева.

Минувшій археологическій съѣздъ, на который недальновидные люди смотрѣли первоначально какъ на странную, чтобы не сказать опасную, затѣю, совсѣмъ не оправдалъ ожиданій нашихъ скептиковъ. Опасная затѣя была тѣмъ, чѣмъ ей и надлежало быть: скромнымъ ученымъ собраніемъ, которое старалось прочно держаться „*на почвѣ археологической и исторической правды*", преслѣдуя только научные интересы и игнорируя вожделѣнія политикановъ всякихъ окрасокъ и всякихъ лагерей. Вотъ почему неподдѣльными симпатіями съѣзда пользовались только дѣйствительныя *ученыя* силы и ихъ живое авторитетное слово, что въ особенности рѣзко сказалось въ шумныхъ привѣтствіяхъ на съѣздѣ такимъ представителямъ русской науки, какъ Александра Яковлевна Ефименко, академикъ В. Г. Васильевскій или проф. В. Б. Антоновичъ. Тенденціозные придатки къ ученой работѣ, отъ кого бы они ни исходили, не могли бы найти на съѣздѣ надежной точки опоры. Еще предварительный комитетъ по устройству въ 1893 г. въ г. Вильно археологическаго съѣзда, собравшійся въ Москвѣ 5 января 1891 г., долженъ былъ отбить всякую охоту эксплуатировать съѣздъ въ интересахъ какой-нибудь тенденціи; когда на первомъ засѣданіи этого комитета прочитана была записка проф. М. О. Кояловича, въ которой авторъ рѣзко замѣтилъ, что „усилій повернуть ходъ дѣлъ на съѣздѣ не въ русскую сторону, безъ всякаго сомнѣнія (?), будетъ много", то комитетъ, памятуя одну только *ученую* сторону, предложилъ проф. М. О. Кояловичу „выдѣлить наиболѣе существенныя черты его мнѣнія въ формѣ, *строго научнымъ образомъ поставленныхъ*, вопросовъ или запросовъ для напечатанія ихъ въ программѣ съѣзда". Авторъ записки долженъ былъ подчиниться без-

страстному приговору ученаго собранія и доставилъ комитету шесть запросовъ въ принятой для программъ археологическихъ съѣздовъ формѣ. Такъ первая попытка отклоненія отъ строго научной почвы потерпѣла неудачу и, разумѣется, не могла вызвать добровольцевъ для подражанія. Въ своей запискѣ (она напечатана въ приложеніи къ протоколу перваго засѣданія предварительнаго комитета въ Москвѣ) проф. М. О. Кояловичъ, между прочимъ, писалъ: „можно опасаться, что на съѣздѣ будутъ употреблены большія заботы, чтобы дать рѣшительное преобладаніе тому модному и едва ли не поспѣшно перенятому нами изъ западной Европы направленію археологіи, при которомъ археологи все роются въ землѣ и доискиваются не только доисторическаго, но и самаго первобытнаго, геологическаго человѣка (стр. 7)". Если сдѣлать попытку найти въ этихъ словахъ (срав. брошюру проф. А. Д. Бѣляева *Характеристика археологіи* Харьковъ 1890, стр. 78 и сл.) какой-нибудь научный смыслъ, то только единственный: принципіальное отрицаніе археологіи, какъ науки; съ точки зрѣнія проф. М. О. Кояловича, кое кѣмъ у насъ раздѣляемой и проводимой послѣдовательно, необходимо было бы упразднить центральное отдѣленіе нашихъ археологическихъ съѣздовъ *Древности первобытныя* и предаться исключительному изученію древностей, которыя не нужно откапывать изъ земли, и мало того—именно тѣхъ, которыя относятся къ русской народности въ узкомъ смыслѣ этого понятія. Такое анти-научное пониманіе задачъ *русской* археологіи доводитъ до болѣе чѣмъ страннаго утвержденія, что *русскимъ* археологическимъ съѣздамъ не пристало заниматься изученіемъ древностей литовскихъ, польскихъ, бѣлорусскихъ и др. Тутъ уже нѣчто болѣе простого непониманія задачъ русской археологіи, до котораго нашимъ съѣздамъ, разъ они твердо будутъ стоять на научной почвѣ, конечно, никогда не дойти. На этомъ центральномъ отдѣленіи нашихъ археологическихъ съѣздовъ *Древности первобытныя* я имѣю въ виду остановиться прежде всего въ своемъ бѣгломъ обзорѣ ученой работы виленскаго съѣзда.

Въ рефератѣ *О типахъ погребенія въ курганахъ Кіевской губерніи*, читанномъ на VIII-мъ археологическомъ съѣздѣ, проф. В. Б. Антоновичъ, дѣлая попытку классификаціи археологическихъ находокъ въ области средняго Днѣпра, выдѣлилъ цѣлую группу кургановъ, названныхъ имъ славянскими; среди нихъ въ свою очередь онъ выдѣлилъ и этнографически пріурочилъ два строго географически распредѣленныхъ типа кургановъ: древлянскій [1]) и полянскій. Продол-

---

[1]) На археологической выставкѣ при виленскомъ съѣздѣ было экспони-

жая после того свои работы, проф. Антоновичъ получилъ возможность отмѣтить новый типъ славянскихъ кургановъ—радимицкій—, о которомъ и сообщилъ съ обычнымъ мастерствомъ IX-му археологическому съѣзду въ рефератѣ *Погребальний типъ могилъ Радимичей*. Особенности радимицкаго погребальнаго типа заключаются въ слѣдующемъ: покойники погребены выше горизонта (78%) на большей или меньшей возвышенности, средняя высота которой достигаетъ 0,53 метра; ложе, подосланное подъ ними, состоитъ изъ смѣси золы съ зернами угля и свѣтлаго песка безъ всякаго, впрочемъ, признака сожженія или обугленія костей; дерево встрѣчалось рѣдко (18%), обыкновенно въ видѣ нѣсколькихъ досокъ или брусьевъ, положенныхъ сверху или по бокамъ скелета; скелеты лежали головою къ западу, на спинѣ, съ протянутыми руками вдоль тѣла, ноги также протянуты; изъ 33 измѣренныхъ череповъ 28 оказались длинноголовыми съ среднимъ черепнымъ указателемъ 75,09; средняя цифра роста при 22 измѣреніяхъ 1,66 метра. Оружія при покойникахъ ни разу не было найдено; напротивъ, глиняные горшки двухъ типовъ встрѣчались очень часто: стояли они у головы или у ногъ и содержали въ себѣ органическій перегной. Въ мужскихъ могилахъ встрѣчались поясныя бронзовыя пряжки, литыя бронзовыя кольца, привѣшивавшіяся къ поясу, желѣзные ножики съ деревянными или костяными рукоятками. Женскія могилы обиліемъ украшеній значительно превосходили мужскія: височныя кольца семилопастныя (рѣже серьги), витыя бронзовыя гривны, ожерелья, состоящія либо изъ крупныхъ бусъ стеклянныхъ, глиняныхъ, сердоликовыхъ, аметистовыхъ и горнаго хрусталя, либо изъ мелкихъ глиняныхъ или стеклянныхъ бусъ, нанизанныхъ въ два ряда и перехваченныхъ серебряными привѣсками въ формѣ ромбовъ, ажурныхъ розетокъ, полумѣсяцевъ, бубенчиковъ и крестообразныхъ фигуръ; встрѣчались еще браслеты изъ бронзовыхъ проволокъ и пластинокъ, серебряные перстни изъ проволокъ и пластинокъ (также бронзовые литые). Въ двухъ случаяхъ найдены фибулы дугообразныя; одна бронзовая и одна желѣзная. Серебряныя вещи численностью превосходили бронзовыя; спайки металлическихъ предметовъ не наблюдалось ни разу. Хронологическія данныя, встрѣтившіяся два раза, падаютъ на X-ое столѣтіе.

Таковъ радимицкій погребальный типъ по изслѣдованіямъ проф. Антоновича, раскопавшаго 115 кургановъ этого типа. Его наблюденія во многомъ сходны съ данными раскопокъ М. В. Фурсова, произведенныхъ въ 1892 г. въ пяти центральныхъ уѣздахъ Могилевской

ровано 30 образцовъ предметовъ, находимыхъ въ древлянскихъ курганахъ раскопокъ проф. Антоновича.

губерніи. Г. Фурсовъ въ своемъ рефератѣ *Раскопки въ Могилевской губерніи* указалъ, правда, и на нѣкоторыя различія въ результатахъ раскопокъ его и проф. Антоновича, но они не существенно важны (въ одномъ изъ кургановъ найдена литая изъ мѣди фигура человѣка) [2]).

Курганы дреговичскаго типа, на который проф. В. З. Завитневичъ успѣлъ указать еще на московскомъ съѣздѣ 1890 г. въ рефератѣ *Къ вопросу о критеріи для классификаціи кургановъ по типамъ*, къ виленскому съѣзду были обслѣдованы съ должною обстоятельностью. Научное наблюденіе надъ 627 курганами этого типа дало возможность проф. Завитневичу въ рефератѣ *Формы погребальнаго обряда въ мозырскомъ, рѣчицкомъ и бобруйскомъ уѣздахъ Минской губерніи* нарисовать обстоятельную картину дреговичскихъ погребеній. Курганы, изслѣдованные референтомъ, по формѣ погребальнаго обряда дѣлятся прежде всего на двѣ категоріи: 1) курганы съ трупосожженіемъ и 2) курганы съ зарываніемъ покойниковъ въ землю. Процентное отношеніе кургановъ первой категоріи къ общей суммѣ изслѣдованныхъ кургановъ, а равно и распредѣленіе ихъ по территоріи изслѣдованной области, заставляютъ признать, что во 1) обрядъ трупосожженія не былъ господствующимъ въ данной области, а 2) такъ какъ форма этого обряда по направленію къ Днѣпру усиливается, то весьма вѣроятно, что она занесена на западную сторону Днѣпра съ восточной, гдѣ въ бассейнѣ р. Десны она имѣетъ господствующее значеніе. Курганы второй категоріи по обряду зарыванія покойниковъ въ землю въ свою очередь подраздѣляются на три категоріи: 1) погребеніе въ насыпи кургана, 2)—на поверхности земли и 3)—въ ямахъ. Первая форма встрѣтилась только въ трехъ курганахъ березинскаго бассейна; третья форма, встрѣченная къ сѣверу отъ Припети, вѣроятно, есть результатъ занесенія съ южнаго берега, гдѣ въ области древлянскихъ поселеній господствовало погребеніе въ ямахъ. Въ изслѣдованной же области доминируетъ обрядъ погребенія на почвѣ (70,65%); въ могилахъ этой формы погребенія найденныя вещи можно подраздѣлить на практически-бытовыя и служившія украшеніемъ (образцы были выставлены на археологической выставкѣ при съѣздѣ): первыя, по мнѣнію референта, свидѣтельствуютъ, что люди курганной эпохи жили въ *желѣзномъ* вѣкѣ и находились на сравнительно высокой степени культурнаго развитія. Что касается предметовъ украшенія, группи-

---

[2]) Курганы радимицкаго типа раскапывалъ еще П. М. Еременко въ 1890 — 91 гг.; нѣкоторыя вещи изъ его раскопокъ въ Суражскомъ и Новозыбковскомъ уѣздахъ Черниговской губ. находились на выставкѣ при виленскомъ съѣздѣ. См. также *Дневникъ курганныхъ раскопокъ, произведенныхъ по порученію А. С. Дембовецкаго* Могилевъ 1898 (въ Климовичскомъ, Мстиславльскомъ и Чериковскомъ уѣздахъ Черниговской губерніи).

ровавшихся около головы, шеи и рукъ, то изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ бусы филигранной работы, повидимому, мѣстнаго приготовленія. Измѣренія череповъ показали преобладаніе долихокефализма. Хронологическія данныя, какъ и въ радимичскихъ раскопкахъ проф. Антоновича, падаютъ на X-е столѣтіе.

Большой разговоръ, послѣдовавшій вслѣдъ за чтеніемъ реферата проф. Завитневича, не заключалъ въ себѣ ничего особенно важнаго или интереснаго для текущей археологической работы.

Древности той же Минской губерніи затронуты были въ рефератѣ Г. Х. Татуръ *О курганахъ Минской губерніи* (на выставкѣ находилось нѣсколько вещей изъ раскопокъ референта, которымъ къ съѣзду издана обширная справочная книга *Очеркъ археологическихъ памятниковъ на пространствѣ Минской губерніи и ея археологическое значеніе* Минскъ 1892); референтъ настаивалъ особенно на двухъ положеніяхъ: 1) въ курганахъ, заключающихъ погребенія цѣлыхъ, не сожженныхъ труповъ, покойника клали на потухшемъ кострищѣ, а если и встрѣчаются скелеты, обложенные досками обуглившимися, то доски эти обожжены были не при покойникѣ, а раньше; 2) особенно важными для характеристики археологическаго значенія Минской губерніи являются курганы, которые слѣдуетъ относить къ бронзовому вѣку (при этомъ были демонстрированы вещи, найденныя близъ м. Полелѣевки Борисовскаго уѣзда).

Проф. Завитневичъ не безъ основанія оспаривалъ оба положенія референта, при чемъ въ демонстрированныхъ вещахъ находилъ полное сходство съ вещами кургановъ *дреговичскаго* типа, относимыми, какъ мы видѣли выше, къ желѣзному вѣку. Проф. Антоновичъ также отрицалъ принадлежность демонстрированныхъ референтомъ вещей къ бронзовому вѣку, настаивая на несомнѣнномъ пріуроченіи ихъ къ самому концу желѣзнаго вѣка, какъ на то указываютъ, напр., серьги съ фиксированными бусами, орнаментъ находокъ и пр. Г. Татуръ однако не призналъ возраженій своихъ оппонентовъ достаточно вѣскими и остался при своемъ мнѣніи.

Какъ разъ умѣстно будетъ напомнить, что когда происходилъ споръ о пріуроченіи вещей г. Татура къ бронзовому или желѣзному вѣку, членамъ съѣзда уже былъ знакомъ другой рефератъ проф. Антоновича *О бронзовомъ вѣкѣ въ бассейнѣ Днѣпра*, выслушанный съ высокимъ интересомъ. Референтъ доказывалъ возможность отсутствія въ цѣлой странѣ одной изъ эпохъ, на которыя скандинавскими учеными дѣлится до-историческое время: такъ, по его мнѣнію, на значительномъ пространствѣ Россіи отсутствуетъ бронзовый вѣкъ, и желѣзная культура прямо наслоилась на каменную. Присутствіе въ странѣ бронзоваго вѣка констатируется тремя признаками: 1) нахож-

деніемъ такихъ предметовъ бронзоваго вѣка, которые быстро исчезли при появленіи желѣза, напр. оружіе (за исключеніемъ стрѣлъ и булавъ) и нѣкоторыя орудія, какъ топоры, ножи, серпы, бритвы; 2) наличностью мастерскихъ бронзоваго вѣка, характеризуемыхъ формами для отливки бронзовыхъ предметовъ, шлаками, запасами металла и готовыхъ проволокъ различнаго размѣра, орудіями недоконченными, испорченными при отливкѣ или испорченными употребленіемъ и назначавшимися для починки или переплавки; 3) наличностью въ странѣ гробницъ бронзоваго вѣка. Изъ нихъ особенно прочненъ третій признакъ и далеко неустойчивъ первый. Примѣняя эти признаки къ Европейской Россіи, найдемъ, что бронзовая культура надвигалась сюда съ двухъ сторонъ и изъ двухъ самостоятельныхъ центровъ: 1) съ востока—культура центрально-азіатская, ходъ которой можно прослѣдить по чудскимъ копямъ и гробницамъ отъ Алтая до Урала и которая, достигнувъ въ древней Біармія высшаго своего развитія, не пошла дальше; 2) культура передне-азіатская, распространенная по всему бассейну Средиземнаго моря финикіянами, проникла, видоизмѣняясь и совершенствуясь, на материкъ западной Европы и съ запада двигалась къ восточной равнинѣ до Днѣстра и Западнаго Буга. Въ Финляндіи, Остзейскомъ краѣ, Литвѣ, Бѣлоруссіи, центральной Россіи, въ бассейнѣ средняго Днѣпра бронзовой культуры не было; въ предѣлахъ намѣченной сейчасъ территоріи находятъ лишь немногочисленные спорадически разсѣянные бронзовые предметы, но вовсе нѣтъ ни мастерскихъ, ни гробницъ бронзоваго вѣка. Ничего опредѣленнаго нельзя сказать лишь о побережьи Чернаго моря, гдѣ присутствіе бронзовой культуры можно доказать, но нѣтъ возможности указать ея происхожденіе, такъ какъ среди найденныхъ до сихъ поръ предметовъ нѣтъ такихъ, которые рѣзко, по формѣ или орнаменту, могли бы быть рѣшительно отнесены къ западной или восточной культурѣ.

Обмѣнъ мыслей, послѣдовавшій вслѣдъ за чтеніемъ реферата проф. Антоновича, начатъ былъ длиннымъ разсужденіемъ проф. Д. Н. Анучина, которое можно свести къ тремъ существеннымъ положеніямъ: 1) распространеніе бронзовой культуры въ предѣлахъ Европейской Россіи дѣйствительно шло путями, указанными референтомъ; 2) къ нимъ слѣдуетъ прибавить еще новый путь, игнорированный проф. Антоновичемъ, путь съ юга, съ Кавказа; 3) культурѣ, надвигавшейся на восточно-европейскую равнину съ запада, едва ли приличествуетъ названіе финикійской, если обратить значительное вниманіе на преемниковъ и продолжателей финикіянъ, т.-е. этрусковъ и эллиновъ. Проф. Д. Я. Самоквасовъ датировалъ бронзовый вѣкъ на восточно-европейской равнинѣ въ бассейнѣ рѣки Дона VII-мъ вѣкомъ до Р. Х.,

когда, по его мнѣнію, основанному на Геродотѣ, массагеты вытѣснили сюда скиѳовъ изъ прикаспійскихъ степей. Проф. В. З. Завитневичъ на основаніи нѣкоторыхъ соображеній счелъ возможнымъ поставить такой вопросъ: не слѣдуетъ ли искать слѣдовъ бронзоваго вѣка въ средней полосѣ восточно-европейской равнины? Такъ какъ сравнительно ничтожное количество находокъ бронзовыхъ предметовъ *легко объясняется*, по утвержденію проф. Завитневича, тѣмъ, что позднѣе ихъ передѣлывали въ предметы украшенія, то область бронзоваго вѣка, какъ предмета изслѣдованія, должна быть расширена, и пока это изслѣдованіе не будетъ произведено, весьма рискованно утверждать отсутствіе культуры бронзоваго вѣка въ средней полосѣ русской равнины. Проф. А. А. Кочубинскій сдѣлалъ маленькую лингвистическую справку, которая какъ бы подтверждаетъ выводъ проф. Антоновича: въ языкахъ славянъ и литовцевъ есть общій терминъ для желѣза (*желѣзо-gelesis*) и нѣтъ для мѣди (*мѣдь-varys*, оба слова темнаго происхожденія); самый же терминъ для желѣза одного происхожденія съ греческимъ χαλκος (мѣдь) т.-е. слово, оказавшееся лишнимъ, получило значеніе желѣза.

Пренія [3]) не поколебали выводовъ проф. Антоновича, который въ своемъ отвѣтѣ настаивалъ на томъ, что пока не будетъ открыто мастерскихъ бронзоваго вѣка, до тѣхъ поръ нечего и говорить о наличности послѣдняго въ средней полосѣ русской равнины; обращаясь же въ частности по адресу проф. Анучина, замѣтилъ, что говорить о значеніи Кавказа можно будетъ лишь при условіи находокъ въ южной Россіи бронзовыхъ предметовъ съ опредѣленно выраженнымъ кавказскимъ характеромъ, а такихъ пока не найдено.

Живой научный интересъ реферата проф. Антоновича заставилъ на немъ остановиться можетъ быть нѣсколько долѣе, чѣмъ слѣдовало

---

[3]) Нельзя не отмѣтить, что рефератъ проф. Антоновича и замѣчанія оппонентовъ въ частности выяснили насущную потребность изслѣдовать область Дона въ археологическомъ отношеніи (бронзовыя находки С. Е. Звѣрева въ предѣлахъ Воронежской губ.) и составить объяснительные каталоги предметовъ бронзоваго вѣка (по возможности съ ихъ изображеніями), найденныхъ на территоріи восточно-европейской равнины. Необходимость археологическаго изученія бассейна р. Дона еще разъ была подчеркнута на съѣздѣ А. А. Спицынымъ въ замѣчаніи на рефератъ А. В. Селиванова о Борковскомъ могильникѣ, содержаніе котораго въ предлагаемомъ обзорѣ не затрогивается, такъ какъ *Дневникъ раскопокъ Борковскаго могильника* (Рязань 1893) былъ доставленъ еще на съѣздъ въ печатномъ видѣ. Слѣдуетъ замѣтить только, что въ преніяхъ по поводу весьма интереснаго доклада г. Селиванова профф. В. Б. Антоновичъ, Д. Я. Самоквасовъ и, если не измѣняетъ память, также В. З. Завитневичъ и Д. Н. Анучинъ склонялись къ признанію Борковскаго могильника *финскимъ*.

бы по условіямъ журнальнаго отчета; но, допустивъ невольно одну такую оплошность, приходится уже помириться и съ другой: прерывая на минуту нить предлагаемаго изложенія, покончимъ съ рефератами проф. Антоновича, который на виленскомъ съѣздѣ высказался еще по вопросу, затронутому имъ же на московскомъ съѣздѣ 1890 г. (тогда же вопросъ этотъ былъ затронутъ также Г. Л. Скадовскимъ и I. А. Хойновскимъ). Его *Замѣтка о крашеныхъ скелетахъ* имѣла цѣлью вновь подчеркнуть невозможность допущенія окраски костей уже послѣ того, какъ отъ трупа оставался одинъ скелетъ, и выдвинуть предположеніе, что трупы при погребеніи въ курганѣ покрывались поверхъ одежды толстымъ слоемъ охры, которою и окрашивались части скелета, не покрытыя одеждой и обнажившіяся при разложеніи трупа прежде другихъ. Референтъ сообщилъ при этомъ о любопытной находкѣ въ одномъ курганѣ окрашенныхъ сверху наглазницъ, какъ бы въ дополненіе къ которой проф. А. И. Маркевичъ сообщилъ о любопытной находкѣ г. Скадовскимъ въ одномъ довольно большомъ, но низкомъ курганѣ трехъ окрашенныхъ костяковъ: одинъ изъ нихъ—дѣтскій—былъ покрытъ краскою весьма густо и замѣчательно ровно; въ насыпи кургана найдено было огромное количество кусковъ охры въ величину большого орѣха, расположенныхъ гнѣздами.

Ознакомленіе съ ростомъ археологическихъ свѣдѣній въ сферѣ славянскихъ кургановъ удачно закончилось на виленскомъ съѣздѣ рефератомъ А. А. Спицына *Общій обзоръ восточно-славянскихъ курганныхъ древностей*, который на основаніи матеріала, отчасти уже извѣстнаго въ археологической литературѣ, отчасти добытаго новѣйшими раскопками сдѣлалъ опытъ характеристики древностей *бужанъ* [4]), дреговичей, кривичей, древлянъ, сѣверянъ, новгородскихъ славянъ, радимичей и вятичей (раскопки полянскихъ кургановъ намѣренно были оставлены въ сторонѣ); референтъ старался выяснить отличительныя особенности упомянутыхъ древностей и наиболѣе характерные предметы изъ обстановки погребеній. Едва ли слѣдуетъ еще разъ особенно подчеркивать, что рефератъ г. Спицына есть только посильная попытка сведенія обширнаго археологическаго матеріала, до сихъ поръ добытаго, въ одну общую картину, но уже самое появленіе подобной попытки говоритъ о значительныхъ успѣхахъ, достигнутыхъ за послѣднее время русскою археологическою наукой; эти успѣхи были бы еще внушительнѣе, еслибы у насъ прилагали больше усилій къ описанію и изданію каталоговъ археологическихъ коллекцій, а ме-

---

[4]) Слѣдуетъ замѣтить, что „бужане" здѣсь употреблено въ *географическомъ*, а не этнографическомъ значеніи, какъ поспѣшилъ оговориться самъ референтъ въ виду послѣдовавшаго возраженія со стороны проф. Антоновича.

жду тѣмъ о многихъ раскопкахъ мы совершенно ничего не знаемъ, какъ очень кстати и энергично замѣтилъ проф. Завитневичъ.

Общимъ характеромъ отличались и рефераты проф. А. Д. Бѣляева *Объ устройствѣ археологическо-этнографическихъ музеевъ* и проф. М. С. Корелина *Первые шаги классической археологіи*. Первый предложилъ принять въ основаніе классификаціи археологическихъ находокъ ступени культуры и памятники археологическіе и этнографическіе распредѣлять въ музеяхъ параллельно, для чего рекомендовалъ строить музеи „въ видѣ продолговато-широкихъ зданій, имѣющихъ въ основаніи правильный параллелограммъ" (sic!). Второй пытался охарактеризовать направленія классической археологіи за первое столѣтіе ея существованія, начиная съ половины XIV вѣка, въ связи съ господствовавшими тогда общественными теченіями: сперва на античныя древности смотрѣли какъ на средство подогрѣвать патріотическое одушевленіе и вести политическую пропаганду; съ XV вѣка имъ стали приписывать значеніе орудія въ моральномъ воспитаніи.

Отъ славянскихъ кургановъ, отъ споровъ о признаніи или непризнаніи за среднею полосой восточно-европейской равнины правъ на бронзовый вѣкъ, переходимъ къ рефератамъ, посвященнымъ каменному вѣку. Здѣсь прежде всего приходится упомянуть рефератъ г-жи Е. Н. Мельникъ (ею составленъ къ виленскому съѣзду подъ руководствомъ проф. Антоновича каталогъ археологической коллекціи А. Н. Поля) *О мастерскихъ каменнаго вѣка въ бассейнѣ Днѣпра*. Мастерскія, числомъ до 40, были распредѣлены въ изложеніи г-жи Мельникъ на три большія географическія группы: 1) западно-волынская (типическій примѣръ—мастерская полированныхъ орудій и отбивныхъ кремневыхъ, относящихся къ концу неолитическаго періода, у с. Мощаницы Дубенскаго уѣзда); 2) по берегамъ рр. Уши и Норини (преимущественное производство кремневыхъ отбивныхъ орудій и частію пряслицъ изъ краснаго шифера); 3) близъ Екатеринослава и днѣпровскихъ пороговъ. Типичная мастерская этого района у села Волоскаго Екатеринославскаго уѣзда съ четырьмя видами производства (отбивныя орудія изъ кремня, полированныя каменныя орудія, предметы изъ кости и гончарныя издѣлія) была описана еще на московскомъ съѣздѣ въ сообщеніи *Стоянка и мастерская каменнаго вѣка у днѣпровскихъ пороговъ*.

Коллекція С. В. Люба-Радзиминскаго, которую члены съѣзда имѣли случай изучать при чтеніи послѣднимъ своего реферата *Памятники каменнаго вѣка въ западной Волыни*, заставила г. Ж. де-Вая замѣтить, что на Волыни были мастерскія, гдѣ обрабатывали кремень такъ же хорошо и изящно, какъ и въ Скандинавіи, при чемъ обра-

тилъ вниманіе на количество особыхъ кривыхъ ножей въ коллекціи г. Люба-Радзиминскаго. Данныя раскопокъ послѣдняго въ Острожскомъ уѣздѣ были тѣмъ интереснѣе для ознакомленія, что Волынь въ археологическомъ отношеніи еще совершенно *не* изслѣдована, а изученіе ея въ этомъ направленіи настолько желательно, что многіе изъ членовъ виленскаго съѣзда настойчиво высказывались (по крайней мѣрѣ въ кружкахъ, заговаривавшихъ частнымъ образомъ о будущемъ съѣздѣ) за организацію X-го археологическаго съѣзда въ г. Луцкѣ Волынской губ. Волынскимъ древностямъ посвященъ былъ только еще одинъ рефератъ *Языческое кладбище въ селѣ Б. Рыкань Дубенскаго уѣзда* Л. К. Житинскаго (начало раскопкамъ въ названномъ селѣ положено было еще въ 1858 г.), который, помимо нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросовъ, заставилъ гг. Антоновича и Спицына выразить желаніе, чтобы референтъ направилъ свою дѣятельность на дальнѣйшія археологическія изысканія въ краѣ.

Наличность мастерской кремневыхъ орудій и существованіе кладбища неолитической эпохи въ Гродненской губерніи близъ слиянія рѣкъ Нарева и Бобра доказывалъ графъ де-Флери въ рефератѣ *О неолитической стоянкѣ въ Кемпѣ*, сопровождавшемся демонстраціей богатой коллекціи кремневыхъ орудій.

Если упомянемъ еще о двухъ рефератахъ князя П. А. Путятина *Каменный ножъ и его измѣненія* и *Къ вопросу о дѣленіяхъ предметовъ каменнаго вѣка въ Россіи*, то исчерпаемъ запасъ рефератовъ, имѣвшихъ отношеніе къ каменному вѣку.

Что касается археологическихъ рефератовъ такъ или иначе относившихся вообще къ южной и западной полосамъ восточно-европейской равнины, то ограничимся простымъ упоминаніемъ ихъ для полноты нашего обзора: графъ Л. де-Флери сообщилъ *О ятвяжскихъ кладбищахъ* (на пространствѣ между р. Наревомъ и г. Данцигомъ), И. А. Линниченко *О городѣ Глинскѣ и его древностяхъ* (въ Полтавской губ.), С. С. Слуцкій по вопросу, трактовавшемуся и на прошломъ съѣздѣ, именно *Къ вопросу о каменныхъ бабахъ* (дополненіе къ послѣднему реферату сдѣлано было проф. Э. Р. фонъ-Штерномъ [5]) и проф. А. И. Маркевичъ *Къ вопросу о народахъ, жившихъ въ древнее время въ Черноморьи* (ѳракійцы).

Минуя затѣмъ рефератъ В. И. Сизова *О расположенномъ близъ Москвы Дьяковомъ городищѣ*, которое референтъ еще на московскомъ

[5]) К. П. Гуковскій бѣгло познакомилъ членовъ съѣзда съ древностями г. Ковно и его уѣзда, куда предпринята была археологическая экскурсія уже послѣ закрытія виленскаго съѣзда. Другая экскурсія еще во время съѣзда состоялась въ г. Троки.

съѣздѣ 1890 г. признавалъ финскимъ, переходимъ къ сообщенію проф. Д. Н. Анучина *О слѣдахъ трепанаціи черепа въ доисторическую эпоху въ Россіи.* Замѣтивъ, что археологическія изслѣдованія, произведенныя за послѣднія 20 лѣтъ въ западной Европѣ, особенно во Франціи, доказали существованіе здѣсь въ неолитическій періодъ обычая трепанація черепа, референтъ поставилъ вопросъ о трепанаціи черепа по отношенію къ Россіи, гдѣ до послѣдняго времени не было констатировано никакихъ слѣдовъ трепанаціи. Черепной амулетъ изъ одного городища неолитическаго періода (раскопка г. Нефедова на р. Ветлугѣ Костромской губ.) и черепъ, добытый при раскопкахъ „Княжей Горы" (близъ Канева на Днѣпрѣ) Н. Ѳ. Бѣляшевскимъ (въ черепѣ— неправильно округлое отверстіе на верхней боковой части лобной кости, сдѣланное, очевидно, искусственно на мертвомъ черепѣ, и притомъ не посредствомъ удара, а съ помощью его вырѣзанія ножемъ)— двѣ единственныя до сихъ поръ находки, извѣстныя референту какъ слѣды трепанаціи черепа въ неолитическую эпоху на русской равнинѣ (принадлежность черепа, найденнаго въ „Княжей Горѣ", неолитическому періоду оспаривалась барономъ Ж. де Баемъ и Н. Ѳ. Бѣляшевскимъ). Въ заключеніе проф. Анучинъ просилъ всѣхъ лицъ, занимающихся раскопками, обращать вниманіе на подобныя измѣненія костей черепа и сохранить такіе черепа (или части) для ихъ дальнѣйшаго изслѣдованія компетентными лицами (анатомами или хирургами) 6).

Остается еще два реферата, дающихъ общій обзоръ доисторическихъ древностей цѣлыхъ территорій: во 1) рефератъ проф. Бецценбергера (на нѣмецкомъ яз.). *О доисторическихъ древностяхъ Восточной Пруссіи,* который въ неолитическій періодъ и древнѣйшій металлическій помѣщаетъ сюда населеніе тожественное литовско-латышскому племени; можно даже, по мнѣнію проф. Бецценбергера, констатировать, что уже съ весьма отдаленной эпохи литовское племя было представлено въ этой территоріи двумя вѣтвями, прусскою и и литовскою, и что граница между ними шла приблизительно тамъ же, гдѣ она проходитъ и теперь; во 2) рефератъ проф. Пича *Замѣтки о чешской археологіи,* интересный сопоставленіемъ историческихъ и археологическихъ данныхъ о древнѣйшемъ населеніи Чехіи: данныя историческія начинаютъ заселеніе Чехіи съ Боіевъ; археологія же

---

⁶) Отъ имени московскаго нумизматическаго общества Н. Ѳ. Бѣляшевскій обращался въ заключительномъ засѣданіи съѣзда съ просьбою доставлять точныя свѣдѣнія о находимыхъ въ разныхъ мѣстахъ монетныхъ кладахъ; съ цѣлью выяснить вопросъ о топографическомъ распредѣленіи монетныхъ кладовъ въ Россіи Общество заготовило и особыя бланки для такихъ сообщеній.

вскрываетъ до Боіевъ какихъ то долихоцефаловъ и затѣмъ еще два народа: одинъ въ сѣверной, а другой въ южной Чехіи; изъ нихъ одинъ жилъ здѣсь приблизительно до начала христіанской эры, а другой, пришедши съ культурою бронзоваго вѣка, оставался до начала римской имперіи.

Было бы большою несправедливостью умолчать еще объ одной работѣ, которая, хотя и не была читана и обсуждаема на съѣздѣ, но была приготовлена къ нему и издана въ *Трудахъ виленскаго отдѣленія московскаго предварительнаго комитета по устройству въ Вильнѣ IX археологическаго съѣзда*: это—археологическая карта виленской губерніи съ обширною объяснительною запиской Ѳ. В. Покровскаго.

Первобытныя древности, какъ можно усмотрѣть изъ предложеннаго обзора, поставлены были на виленскомъ съѣздѣ достаточно широко не количественно только, но и качественно: новыя данныя для характеристики славянскихъ кургановъ, попытка сведенія данныхъ о нихъ въ одну общую картину, новый матеріалъ о мастерскихъ каменнаго вѣка, постановка вопросовъ о бронзовомъ вѣкѣ въ Россіи, о трепанаціи черепа, объ окраскѣ скелетовъ (послѣдній затрогивался и на московскомъ съѣздѣ 1890 г.), выдѣленіе мѣстностей, особенно нуждающихся въ археологическомъ изученіи для текущей ученой работы надъ первобытными древностями на территоріи восточно-европейской равнины (Волынь и Придонье), наконецъ попытки обозрѣній цѣлыхъ территорій въ археологическомъ отношеніи.

Остается очень и очень пожалѣть, что выставка, устроенная по обычаю при съѣздѣ, не была настолько богатой, насколько она могла бы быть (см. *Каталогъ предметовъ, доставленныхъ на археологическую выставку*... Вильна 1893 и изданное уже по окончаніи съѣзда *Прибавленіе къ каталогу выставки*... на 30 стр.), и что не ссоялось спеціальныхъ раскопокъ въ области, которую имѣлъ въ виду изучить въ археологическомъ отношеніи съѣздъ.

Сожалѣніями приходится начинать отчетъ о второмъ (и послѣднемъ) основномъ отдѣленіи съѣзда—*Памятники искусствъ и художествъ* (церковныхъ и свѣтскихъ)—, которое было представлено поразительно слабо, не брало даже количествомъ рефератовъ и какъ бы заранѣе рѣшило игнорировать Литву.

Наибольшій интересъ могъ представить только докладъ В. В. Суслова и Н. В. Покровскаго *О Спасо-преображенскомъ соборѣ въ Мирожскомъ монастырѣ въ г. Псковѣ*. Г. Сусловъ познакомилъ главнымъ образомъ съ архитектурною стороною памятника, по типу сходнаго съ греко-византійскими церквами IX—XI в.в. и относящагося въ своемъ первоначальномъ видѣ къ XII ст. Г. Покровскій остановился на фрескахъ внутреннихъ стѣнъ собора, по его мнѣнію, одновремен-

ныхъ съ сооруженіемъ послѣдняго. По археологической важности и художественному характеру къ мирожскимъ фрескамъ всего ближе стѣнописи Спасо-нередицкой церкви близъ Новгорода, но въ нихъ не мало и такихъ композицій, какихъ не найдется ни въ одномъ русскомъ памятникѣ, относящемся къ первымъ вѣкамъ христіанства (на стѣнахъ Кіево-софійскаго собора, Кіево-кириллова монастыря, Старо-ладожской церкви св. Георгія); вотъ почему онѣ представляютъ высокій интересъ для изслѣдователя. Композиціи въ мирожскихъ фрескахъ—копіи съ византійскихъ образцовъ. Стиль фресокъ, по словамъ проф. Покровскаго, тотъ же самый, что въ фрескахъ нередицкихъ и староладожскихъ; это условный іератическій стиль мозаикъ Кахріе-Джами въ Константинополѣ, въ которомъ религіозная идея начинаетъ преобладать надъ свободою художественнаго творчества и личное религіозно-художественное воззрѣніе подчиняется установившемуся общецерковному воззрѣнію на задачи религіознаго искусства. Самое размѣщеніе изображеній въ соборѣ носитъ на себѣ отпечатокъ византійскаго обычая, установившагося подъ вліяніемъ символическаго воззрѣнія на храмъ и его составныя части. Наибольшій интересъ, съ точки зрѣнія исторіи православной иконографіи, представляютъ изображенія, относящіяся къ дѣтству Богоматери и помѣщенныя въ западной части южнаго нефа. Въ заключеніе референты обмѣнялись между собою нѣсколькими замѣчаніями по вопросу о реставраціи Мирожскаго Спасо-преображенскаго собора и вообще о реставраціи древнерусскихъ церковныхъ стѣнописей, изъ которыхъ слушатели могли убѣдиться какимъ иногда неожиданнымъ случайностямъ подвергается наша церковная старина.

У насъ все еще продолжаютъ временами открываться фрески то изъ подъ новѣйшей закраски, то изъ подъ позднѣйшей застройки. Такой случай затронутъ, между прочимъ, въ замѣткѣ проф. Н. И. Петрова *О новыхъ археологическихъ открытіяхъ въ г. Кіевѣ и особенно о новооткрытыхъ фрескахъ Кіево-софійскаго собора*, читанной на съѣздѣ и сопровождавшейся небольшимъ комментаріемъ г. Хойновскаго, владѣльца частнаго археологическаго музея въ г. Кіевѣ, который иногда не отказывается сообщить, какимъ образомъ наша старина расплывается по частнымъ древне-хранилищамъ и даже за границу. Тотъ же г. Хойновскій сдѣлалъ весьма любопытный комментарій къ основательнымъ ламентаціямъ проф. Ю. А. Кулаковскаго и Э. Р. фонъ Штерна въ ихъ рефератахъ *О керченскихъ катакомбахъ съ фресками* [7]) *и Замѣтки по исторіи Ольвіи* (по тремъ вновь найден-

---

[7]) Г. Кулаковскій настаивалъ на принадлежности фресокъ керченскихъ катакомбъ эллино-римскому искусству, категорически отрицая присутствіе во-

ныиъ надписямъ), которые жаловались на тайныя и хищническія раскопки въ Ольвіи, что было подтверждено и проф. Ѳ. И. Успенскимъ. Разсказы гг. Успенскаго и Хойновскаго должны были произвести довольно удручающее впечатлѣніе на членовъ съѣзда, который постановилъ отъ своего имени обратиться къ графинѣ Мусиной-Пушкиной, владѣлицѣ этой мѣстности, съ просьбою предоставить право членамъ Одесскаго общества исторіи и древностей производить въ Ольвіи раскопки.

Церковнымъ же фрескамъ, но уже новѣйшаго творчества посвященъ былъ рефератъ Н. И. Троицкаго *Пѣснь пѣсней въ фрескахъ тульскаго Успенскаго собора*, относящихся къ 1765—67 гг. Тульскія фрески—работа „града *Ярославля* посадскихъ людей стѣнного писанія“; онѣ замѣчательны, по мнѣнію референта, своею техникой, стилемъ, а главное—своею полнотой и содержательностью, представляя „послѣднее и совершеннѣйшее созданіе русскаго фресковаго письма“ и опытъ воспроизведенія всего содержанія книги „Пѣснь Пѣсней“ съ своимъ особеннымъ толкованіемъ основной ея идеи. По толкованію тульскихъ фресокъ, если соглашаться съ г. Троицкимъ, „Пѣснь Пѣсней“ воспѣваетъ любовь ветхо-завѣтной церкви къ обѣтованному Искупителю; такому опредѣленію идеи книги „Пѣснь Пѣсней“ соотвѣтствуетъ и символика-фресокъ, т.-е. размѣщеніе ихъ всѣхъ именно на западной сторонѣ храма.

М. П. Истоминъ въ рефератѣ *Къ исторіи живописи въ Кіевопечерской лаврѣ въ прошломъ столѣтіи*, подчеркнувъ фактъ пребыванія въ Лаврѣ художника-итальянца Веніамина Фредериче, замѣтилъ, что въ церковной иконописи Западной Руси имѣло мѣсто и западное вліяніе, которое должно было отразиться на видоизмѣненіи прежнихъ образцовъ и композицій, унаслѣдованныхъ отъ Византіи. Стало быть параллельное изученіе живописи въ древнихъ православныхъ и католическихъ храмахъ Западной Руси должно дать богатый матеріалъ для исторіи искусства съ точки зрѣнія соприкосновенія двухъ культуръ—византійско-русской и западно-латинской. Замѣчаніе м. Евгенія, что лаврская иконопись 1772—76 гг. является „превосходною греческою“, безъ тщательной провѣрки отнюдь не можетъ быть принято. Поставленный г. Истоминымъ вопросъ заслуживаетъ вниманія; поставить его именно на виленскомъ съѣздѣ было вполнѣ удобно.

Кромѣ двухъ рефератовъ проф. Н. И. Петрова *О Купятицкой*

сточнаго элемента (вопреки мнѣнію г. Стасова); указалъ, между прочимъ, на одну прочитанную имъ надпись, въ которой катакомба названа словомъ ἧρῷον, и съ большою подробностью разсмотрѣлъ сцену такъ называемой „семейной трапезы“.

иконѣ Богородицы въ связи съ древними энколпіонами (изъ Кіево-Софійскаго собора) и *О монетахъ великаго князя кіевскаго Изяслава Ярославича* (полемика съ гр. И. И. Толстымъ), а также барона Ж. де-Бая *Объ Асторгскомъ ковчежцѣ для мощей* остаются еще сообщенія графа де-Флери *О церкви св. Михаила въ Ломжѣ* и Н. П. Авенаріуса *О дрогичинскихъ пломбахъ*.

Главный интересъ ломжинской церкви, построенной въ 1520 г. и частію испорченной позднѣйшею реставраціей, составляютъ гробницы ломжинскихъ старостъ въ хорахъ капеллъ и ихъ портреты, нарисованные на оловянныхъ доскахъ; доски эти прибивались къ изголовію гроба, такъ что портретъ замѣнялъ теперешнее надписаніе. Референтъ демонстрировалъ цѣлую серію досокъ съ портретами XVII и XVIII вв.

Г. Авенаріусъ въ своемъ докладѣ высказалъ мнѣніе, что дрогичинскія пломбы, носящія на себѣ изображенія славянскихъ буквъ, были изготовлены дома, на русской почвѣ, а не въ Германіи и имѣли значеніе печатей, которыя должны были привѣшиваться къ документамъ. По поводу реферата г. Авенаріуса говорено было очень много; предлагались самыя разнообразныя мнѣнія, но ни къ чему опредѣленному разговоръ не привелъ. Дѣло въ томъ, что палеографическая сторона дрогичинскихъ пломбъ еще не подвергалась изученію, а это весьма важно.

Мы исчерпали археологическую сторону виленскаго археологическаго съѣзда; остается еще другая сторона, обыкновенно находящая мѣсто на нашихъ археологическихъ съѣздахъ, но имѣющая къ нимъ очень отдаленное отношеніе или вовсе его неимѣющая. Этой другой стороны, весьма обширной, мы исчерпывать не намѣрены; возьмемъ изъ нея только то, что представляетъ исключительно мѣстный интересъ.

Три реферата были посвящены отдѣльнымъ вопросамъ по исторіи города Вильно. Академикъ В. Г. Васильевскій [8]) отвѣчалъ на вопросъ *Гдѣ находился виленскій Кривой замокъ*? И старые, и новые историки Вильны и Литвы обыкновенно признаютъ существованіе въ г. Вильно въ XIV в. двухъ замковъ: верхняго и нижняго. Первый находился на нынѣшней Замковой горѣ, и развалины его существуютъ и донынѣ; второй лежалъ подъ горой, охватывая мѣстность отъ каѳедральнаго костела св. Станислава и до костела св. Анны. Къ послѣднему и пріурочиваютъ изслѣдователи названіе „*Кривой замокъ*",

---

[8]) Имъ же прочитанъ былъ на одномъ изъ засѣданій рефератъ *Когда жилъ Романъ Сладкопѣвецъ*, авторъ цѣлаго ряда пѣснопѣній, называемыхъ кондаками.

сохраненное въ нѣкоторыхъ историческихъ свидѣтельствахъ. Изученіе источниковъ, свидѣтельствующихъ объ осадѣ г. Вильно крестоносцами въ 1390 и 1394 гг., заставило референта придти къ иному выводу. Оказывается, что замокъ, взятый въ 1390 г. крестоносцами, былъ деревянный, стоялъ на возвышенности и былъ по своему времени достаточно укрѣпленъ, такъ какъ для его взятія нужна была помощь и искусство инженеровъ; этому деревянному замку, который и носилъ названіе *кривого*, противополагаются два другіе, окруженные каменными стѣнами, которыхъ не удалось взять крестоносцамъ, несмотря на продолжительную осаду. Итакъ, отожествленіе Кривого замка съ Нижнимъ есть ошибка изслѣдователей виленской старины. Гдѣ же находился этотъ третій, такъ называемый Кривой, замокъ? Основываясь на нѣкоторыхъ мѣстныхъ сказаніяхъ о существованіи подземнаго хода съ Бакшты (гдѣ нынѣ дѣтскій пріютъ Младенецъ Іисусъ) на Замковую гору, г. Васильевскій и высказалъ предположеніе, что „Кривой замокъ" слѣдуетъ искать на Бакштѣ

Ю. Ѳ. Крачковскій, предсѣдатель виленской археографической коммиссіи, въ рефератѣ *Къ исторіи старой Вильны* далъ общій очеркъ религіозныхъ отношеній въ центрѣ Литвы въ XVI и XVII вв. Это—отрывокъ изъ большой работы по исторіи г. Вильно, напечатанной въ видѣ предисловія къ 20-му тому *Актовъ, издаваемыхъ виленскою коммиссіею для разбора древнихъ актовъ* и уже выпущенной въ свѣтъ. Въ названномъ томѣ *Актовъ* собранъ обширный и порою весьма цѣнный матеріалъ, касающійся различныхъ сторонъ виленской жизни за 1529 — 1804 гг. (собственно актовъ XVI в. до 120 №№).

Наконецъ, третій рефератъ [9]) по исторіи г. Вильно *Московское*

---

[9]) Пишущаго настоящія строки.—„Довольно значительный матеріалъ для исторіи польскихъ войнъ двухъ первыхъ царей изъ дома Романовыхъ находится въ столбцахъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи подъ не совсѣмъ точною рубрикой столбцовъ *Московскаго стола Разряда* и частію разбиравшихся для академическаго изданія *Акты Московскаго Государства*. Первый томъ этого изданія вышелъ еще въ 1890 г., второй долженъ выйти въ самомъ началѣ будущаго года. Въ составъ второго тома, между прочимъ, войдетъ серія актовъ, касающихся исторіи пребыванія г. Вильно въ рукахъ московскаго правительства XVII в. и воеводскаго управленія въ ней князя М. С. Шаховского, а частію военныхъ дѣйствій въ Виленскомъ повѣтѣ и Виленскаго посольскаго съѣзда; акты представляютъ собою рядъ донесеній виленскаго воеводы московскому правительству („отписки") и отвѣтныхъ на нихъ или самостоятельныхъ указныхъ грамотъ; они не дадутъ матеріала для полной характеристики дѣятельности московскаго воеводы въ г. Вильно князя М. С. Шаховского, но, представляя все-таки самостоятельный мѣстный интересъ, становятся особенно цѣнными при сопоставленіи ихъ съ другими актами по-

управленіе въ Вильнѣ XVII вѣка имѣлъ въ виду ознакомить специалистовъ съ серіей актовъ, касающихся исторіи пребыванія г. Вильно въ рукахъ московскаго правительства XVII в. и воеводскаго управленія въ ней князя М. С. Шаховского, а частію военныхъ дѣйствій въ Виленскомъ повѣтѣ и Виленскаго посольскаго съѣзда. Акты эти отпечатаны во II-мъ томѣ академическаго изданія *Акты Московскаго Государства*, по обстоятельствамъ не выпускаемаго въ свѣтъ съ 1891 г.

Е. Ф. Орловскій въ сообщеніи *О началѣ города Гродны* доказывалъ, что лѣтописныя извѣстія XII в. о Городнѣ относятся къ нынѣшнему губернскому городу этого имени, а не къ Гроднѣ Пинскаго уѣзда, Минской губерніи. Сущность этого взгляда изложена въ статьѣ В. В. Грязнова *Коложская Борисоглѣбская церковь въ г. Гроднѣ*, напечатанной въ *Трудахъ виленскаго отдѣленія московскаго предварительнаго комитета* (стр. 361—371); поэтому рефератъ г. Орловскаго

добнаго рода, такъ какъ выясняютъ направленіе и характеръ политики московскаго правительства въ процессѣ округленія границъ московскаго государства. Названные акты обнаруживаютъ страстное желаніе московскаго правительства удержать за собою Литву и Жмудь, такъ что приведеніе къ вѣрѣ на царское имя мѣстнаго населенія должно было составить предметъ особенныхъ попеченій виленскаго воеводы; онъ долженъ былъ всячески привлекать сторонниковъ Москвы и въ общемъ строго держаться мѣръ примирительныхъ, гуманныхъ, отнюдь не репрессивныхъ. Эти сношенія съ мѣстнымъ населеніемъ и отдѣльными особенно извѣстными лицами давали виленскому воеводѣ матеріалъ для донесеній о польскихъ, литовскихъ, шведскихъ и жмудскихъ вѣстяхъ, которыхъ такъ жаждало московское правительство. Борьба съ послѣдствіями военной грозы, пронесшейся надъ страною и все еще продолжавшей носиться надъ ней, — второе, съ чѣмъ приходилось считаться виленскому воеводѣ въ разныхъ случаяхъ, напр., при сборѣ хлѣбныхъ запасовъ и денежныхъ доходовъ. Продовольственное дѣло, защита города, разрѣшеніе разнаго рода казусовъ гражданскаго и уголовнаго порядковъ, вопросы хозяйственной администраціи—словомъ все, что только можно себѣ представить, составляло предметъ вѣдомства виленскаго воеводы, крайне ограниченнаго докладомъ государю и страхомъ жалобы на него со стороны мѣстнаго населенія, такъ что о самостоятельности воеводской власти въ г. Вильно можно говорить слишкомъ условно. Попутно акты сообщаютъ интересныя данныя о состояніи русскаго войска и разореніи страны.

Референтъ полагаетъ, что для изученія такого любопытнаго эпизода изъ исторіи первой польской войны царя Алексѣя Михайловича, какъ пребываніе г. Вильно въ рукахъ московскаго правительства XVII в., много помогло бы подлинное дѣлопроизводство воеводскаго управленія князя М. С. Шаховского въ Вильно. Ему извѣстенъ, правда, одинъ документъ, косвенно относящійся къ дѣлопроизводству воеводскаго управленія, можетъ быть интересный для исторіи г. Вильно и не вошедшій во второй томъ *Актовъ Московскаго Государства*: это—книги приходныя каменишныя 1658 г. по городу Вильно".

ничего существенно новаго не давалъ, производя нѣсколько странное впечатлѣніе тономъ изложенія.

Г. А. Виссендорфъ въ коротенькой запискѣ *О мѣстоположеніи варяжской Руси* искалъ варяжскую Русь на берегахъ рѣки Руси въ Жомойтской землѣ, т.-е. сводилъ нашихъ варяговъ на литовцевъ, слѣдуя опасному примѣру З. А. Ляцкаго, который въ статьѣ *Значеніе литовскаго языка въ вопросѣ о происхожденіи Руси* (см. *Труды...* etc. стр. 337 и сл.) выступилъ, по его словамъ, на помощь теоріи покойнаго Н. И. Костомарова. Такимъ образомъ избитый въ литературѣ вопросъ о происхожденіи Руси трактовался и на виленскомъ съѣздѣ, даже какъ прилично мѣсту, въ литовской окраскѣ; попутно онъ былъ еще разъ затронутъ въ интересномъ рефератѣ проф. Ѳ. И. Успенскаго *Вопросъ о готахъ*. Проф. Успенскій настаивалъ на томъ, что занятія готами могутъ пролить свѣтъ на древности славянскія, а можетъ быть и русскія. Читающей публикѣ хорошо знакома выдвинувшаяся за послѣднее время готская теорія въ вопросѣ о происхожденіи Руси: въ „*Русской Мысли*" 1890 г. П. Н. Милюковъ изложилъ рефератъ проф. А. С. Будиловича, искавшаго *Русь* въ готскомъ *Hrôthis; въ августовской книжкѣ текущаго года помѣщенъ обстоятельный отчетъ о *Русско-византійскихъ изслѣдованіяхъ* В. Г. Васильевскаго, который готской теоріи, хотя и „не хочетъ проповѣдывать", однако, замѣтно поддерживаетъ своею работой. Поэтому ограничимся замѣчаніемъ, что проф. Успенскій въ своемъ рефератѣ подчеркивалъ теорію готскаго происхожденія имени Русь и названіе Rosomanorum gens у Іорнанда, указалъ на проникновеніе восточныхъ обычаевъ къ готамъ, сослался на имя Ὄστρος или Ὄστροος въ доказательство того, что славяне вступали въ германскія дружины и наконецъ привелъ одно мѣсто изъ Ѳеоѳана въ доказательство того, что „путь Трояновъ"—реальный фактъ. В. Г. Васильевскій замѣтилъ референту, что gens Rosomanorum, упоминаемая Іорнандомъ,—кавказское племя, извѣстное одному изъ древнѣйшихъ армянскихъ историковъ; Е. Ѳ. Карскій оспаривалъ референта въ его соображеніи относительно слова Ὄστρος: въ славянскомъ имени такого образованія удареніе должно бы было стоять на послѣднемъ слогѣ, а по этому по гречески было бы Ὀστροῦς, а не Ὄστρους.

Помимо г. Ляцкаго литовскій языкъ былъ затронутъ въ рефератѣ проф. А. А. Кочубинскаго *Литовскій языкъ и наша старина*, остановившагося на выясненіи генезиса слова *druska*—названія соли въ литовскомъ языкѣ (отъ города Труски близъ Эльбинга). Отвѣтъ на вопросъ *Что такое древнее западно-русское нарѣчіе* заставилъ Е. Ѳ. Карскаго въ рефератѣ подъ такимъ заглавіемъ высказаться въ томъ смыслѣ, что изученіе стараго западно-русскаго нарѣчія такъ же инте-

ресно для исторіи русскаго языка, какъ и восточно-русскаго литературнаго языка того же времени.

Съ особеннымъ интересомъ выслушаны были чрезвычайно содержательные рефераты проф. А. Ѳ. Мѣржинскаго *О Криве* и Александры Яковлевны Ефименко *О копныхъ судахъ* и *Къ вопросу о феодализмѣ въ Западной Руси и Литвѣ*. Проф. Мѣржинскій выступилъ противъ ходячаго представленія о Криве, какъ о жрецѣ съ высшей іерархической властью, какъ своего рода папѣ среди языческой Литвы (критика показаній Дюсбурга); у литовцевъ и не могло выработаться понятія о верховномъ божествѣ, потому что они еще не знали тогда верховной политической власти, а небесный Олимпъ у всѣхъ народовъ характеризуется чертами соціально-политическаго строя народа. Г-жа Ефименко въ своихъ рефератахъ выставила необходимость пересмотра вопроса о роли народнаго суда на ряду съ судомъ княжескимъ и оставленія дурной манеры объяснять архаическія явленія права, исходя изъ современныхъ понятій (какъ это случалось при толкованіи понятія земельной собственности).

О рефератахъ проф. А. И. Павинскаго *О Подляшскомъ воеводствѣ въ XVI в. въ географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ*, проф. М. Н. Бережкова *Елена Ивановна, великая княжна литовская и королева польская* и А. В. Лонгинова *О князѣ Любартѣ Ѳедорѣ Ольгердовичѣ* (см. *Труды* etc.) [9]) только упоминаемъ.

Предложенный обзоръ далеко не исчерпываетъ всѣхъ рефератовъ, прочитанныхъ на Съѣздѣ; основная его цѣль—дать *полный* отчетъ въ томъ, что сдѣлано на Виленскомъ Съѣздѣ въ областирусской археологіи вообще и мѣстной исторіи въ частности [10]).

---

9) Л. С. Паевскій сдѣлалъ очеркъ исторіи г. Бреста на основаніи главнымъ образомъ рукописной визитаціонной книги брестской каѳедры 1759 г.

10) Къ отчету, только что предложенному, считаю необходимымъ сдѣлать одно исключительно для спеціалистовъ дѣла интересное дополненіе. Начиная съ VII-го Археологическаго Съѣзда въ Ярославлѣ организуется при съѣздахъ особое *археографическое отдѣленіе*, которому надлежало бы занимать первое мѣсто вслѣдъ за отдѣленіями *первобытныхъ древностей* и *памятниковъ искусствъ и художествъ;* къ сожалѣнію, оно еще не получило надлежащаго развитія, частію вслѣдствіе того, что у насъ еще почти нѣтъ *ученыхъ* архивистовъ, а частію вслѣдствіе того, что наши археологическіе съѣзды слишкомъ разбрасываются въ своихъ занятіяхъ и, стремясь охватить *все*, поневолѣ упускаютъ иногда изъ виду болѣе существенное (для съѣздовъ вполнѣ достаточно было бы четырехъ отдѣленій вмѣсто нынѣшнихъ десяти; это было бы, конечно, и не такъ громоздко, и вмѣстѣ основательно, именно: I—„древности первобытныя“, II—„памятники искусствъ и художествъ“, III—„памятники археологическіе“ и IV—„этнографія и фольклоръ“). На Виленскомъ съѣздѣ спеціально археографическихъ рефератовъ было прочитано пять: три въ общихъ собраніяхъ (предсѣдателя археографическаго отдѣленія съѣзда В. Н. Сторожева

Московское управленіе въ Вильнѣ XVII вѣка, члена виленской археографической коммиссіи В. М. Площанскаго *Акты Холмскихъ судовъ XV—XVII вв. и ихъ значеніе для исторіи, этнографіи и пр. русскаго Забужья* и г. управляющаго московскимъ архивомъ министерства юстиціи Д. Я. Самоквасова *О проектѣ Высочайше учрежденной 15 сентября 1892 года Коммиссіи по преобразованію дѣятельности центральныхъ архивовъ въ западныхъ губерніяхъ)* и два въ единственномъ засѣданіи археографическаго отдѣленія (А. Н. Львова *Архивъ греко-уніатскихъ митрополитовъ* и Ив. Ив. Васнлева *Архивъ упраздненнаго рижскаго генералъ-губернаторства*). Рефераты вмѣстѣ съ возраженіями и замѣчаніями на нихъ бѣгло затронули существенные вопросы архивнаго дѣла: о техникѣ изданія и описанія архивныхъ документовъ, объ организаціи и помѣщеніи архивовъ, о характерѣ ихъ, какъ учрежденій. Настаивали на томъ, что архивы должны быть *учеными* учрежденіями въ полномъ смыслѣ этого слова (задача архивовъ не описывать только документы, но и научно издавать ихъ), что *ученыя* изданія актовъ не должны отличаться случайностью состава и допускать произвольные пропуски въ погонѣ за сохраненіемъ мѣста, что въ настоящее время возможно только научное описаніе архивныхъ документовъ, т.-е. классифицированное (по родамъ актовъ и по учрежденіямъ, къ коимъ послѣдніе принадлежатъ) и съ строгимъ соблюденіемъ современной описываемой эпохѣ терминологіи: указывалось (въ сообщеніи Д. Я. Самоквасова,) на поразительную необезпеченность матеріальнаго положенія нынѣшнихъ архивныхъ чиновниковъ, вслѣдствіе чего нѣтъ никакой возможности привлекать въ архивы наиболѣе способныхъ людей etc. etc. Особенно много обсуждалось сообщеніе Д. Я. Самоквасова, по поводу котораго Ѳ. П. Истоминъ прочелъ даже цѣлый рефератъ, а рядъ замѣчаній былъ сдѣланъ гг. И. Я. Спрогисомъ, свящ. Львомъ Паевскимъ, А. В. Лонгиновымъ, Арс. И. Марковичемъ, А. Н. Львовымъ, С. Л. Пташицкимъ, И. А. Линниченко и Н. И. Петровымъ. Сущность реферата сводится къ положенію, что витебскій архивъ слѣдуетъ соединить съ виленскимъ центральнымъ архивомъ, и къ нижеслѣдующимъ пунктамъ.

1) „Опредѣлить штатъ Кіевскаго центральнаго архива древнихъ актовъ, состоящимъ изъ одного архиваріуса, трехъ помощниковъ архиваріуса и одного секретаря архива, исправляющаго и должности регистратора и казначея.

2) Опредѣлить штатъ Виленскаго центральнаго архива древнихъ актовъ, состоящимъ изъ одного архиваріуса, пяти помощниковъ архиваріуса и одного секретаря архива, исправляющаго и должности регистратора и казначея.

3) Назначить архиваріусу двѣ тысячи рублей, помощнику архиваріуса—тысячу пятьсотъ рублей и секретарю тысячу рублей годичнаго содержанія.

4) Должность архиваріуса положить въ VI, помощника архиваріуса въ VII и секретаря архива въ VIII классѣ.

5) Сравнить права по выслугѣ пенсіи архиваріуса, помощника архиваріуса и секретаря архива съ правами службы по учебному вѣдомству въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

6) Чиновники архива пользуются лѣтнимъ каникулярнымъ временемъ поочередно, каждый изъ нихъ въ размѣрѣ шести недѣль.

7) На должности архиваріуса и помощника архиваріуса опредѣляются лица, получившія высшее образованіе и преимущественно изъ окончившихъ послѣ того успѣшно курсъ въ Археологическомъ институтѣ, а, сверхъ того,

удовлетворяющихъ по своему происхожденію условіямъ службы въ западныхъ губерніяхъ.

8) Должность архивиста несовмѣстима съ другою службою внѣ архива, кромѣ службы въ мѣстныхъ археографическихъ коммиссіяхъ.

9) Должностнымъ присутствіемъ въ архивѣ считается время съ 10 час. утра до 3 часовъ пополудни; внѣ присутственнаго времени архивъ долженъ быть закрытъ не только для постороннихъ лицъ, но и для служащихъ въ немъ.

10) На обязанности и отвѣтственности архиварјуса лежитъ строгое наблюденіе за тѣмъ, чтобы при занятіяхъ въ помѣщеніи архива не было употребляемо огня и чтобы ни одна рукопись не была выносима изъ зданія архива, за исключеніемъ требованій департамента герольдіи правительствующаго сената по дѣламъ о дворянствѣ, основаннымъ на выпискахъ изъ документовъ, признанныхъ архивами подложными и сомнительными.

11) На обязанности архиваріусовъ и помощниковъ архиваріусовъ лежитъ пріемъ и храненіе въ порядкѣ документовъ архива, изготовленіе и выдача справокъ и выписей изъ документовъ архива, по требованіямъ правительственныхъ учрежденій и по прошеніямъ частныхъ лицъ, составленіе и печатаніе инвентарной описи и систематическаго описанія документовъ, хранящихся въ архивѣ, съ личнымъ и географическимъ указателями къ нимъ, исполненіе другихъ порученій министра народнаго просвѣщенія, возлагаемыхъ на архивъ соотвѣтственно его назначенію и обязанностямъ.

12) На канцелярскіе и хозяйственные расходы и на печатаніе инвентарной описи и систематическаго описанія, съ указателями къ нимъ, на архивы кіевскій и виленскій назначается по двѣ тысячи рублей.

13) Подробныя правила внутренняго распорядка и дѣлопроизводства въ кіевскомъ и виленскомъ центральныхъ архивахъ устанавливаются министромъ народнаго просвѣщенія".

Для должнаго пониманія 11-го пункта необходимо прибавить замѣчаніе референта, что „по отношенію къ способу описанія архивнаго содержанія Высочайше учрежденная коммиссія признала для настоящаго времени наиболѣе цѣлесообразною формою описанія центральныхъ архивовъ древнихъ актовъ въ западныхъ губерніяхъ инвентарную форму, съ обозначеніемъ внѣшнихъ признаковъ актовыхъ книгъ, номера, времени, количества листовъ, общаго содержанія и дефектовъ и съ указаніемъ документовъ подлинныхъ, сомнительныхъ и подложныхъ".

„Практикуемые нынѣ способы описанія Кіевскаго и Виленскаго центральныхъ архивовъ пытаются одновременно преслѣдовать двѣ цѣли: облегчить практическія справки и указать хранимый въ архивахъ матеріалъ по рѣшенію научныхъ вопросовъ; но описывая въ теченіе десятилѣтій самую малую часть архивнаго содержанія, архивы не достигаютъ ни той цѣли, ни другой, а въ то же время упускаютъ изъ виду самую важную первостепенную обязанность каждаго архива,—привести въ порядокъ и хранить въ цѣлости его содержаніе. Для этой цѣли нужны прежде всего краткія инвентарныя описи архивовъ древнихъ актовъ во всей ихъ цѣлости, а на составленіе такихъ инвентарей не потребуется ни тысячелѣтій, ни столѣтій. Такія инвентарныя описи закрѣпятъ за архивами ихъ содержаніе, составятъ лучшую ихъ охрану и въ печати дадутъ возможность живущимъ внѣ архивовъ узнать, какіе и въ какомъ количествѣ матеріалы хранятся въ данномъ архивѣ по данному вопросу. Подробное систематическое описаніе архивовъ важно, но это дѣло мед-

ленное, какъ дѣло науки, и составляетъ задачу не только нашего поколѣнія, но и будущихъ. Сохранить же въ порядкѣ и цѣлости матеріалы нашей историко-юридической жизни для будущихъ поколѣній—наша первая, прямая и священная обязанность, а исполнить эту обязанность возможно только посредствомъ такихъ инвентарныхъ описей архивнаго содержанія, какая уже принята московскимъ архивомъ министерства юстиціи, опытъ котораго показалъ, что инвентарнымъ способомъ одинъ архивистъ можетъ описать отъ 5 до 15 древнихъ книгъ въ недѣлю, глядя по сложности ихъ содержанія, при четырехъ часахъ работы въ день.

Совершеніе полнаго инвентарнаго описанія даннаго архива должно быть признано окончательнымъ приведеніемъ его въ порядокъ. Но на этомъ отнюдь не можетъ быть закончена дѣятельность чиновниковъ архива; другая важнѣйшая обязанность ихъ заключается въ изготовленіи систематическихъ описаній или обозрѣній архивнаго матеріала по его отдѣламъ. Эта послѣдняя дѣятельность ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть опредѣлена какимъ-либо срокомъ; она должна постоянно сопровождать жизнь архива и подлежать оцѣнкѣ только по количеству и качеству уже совершеннаго; было бы ошибочно торопить эту работу во вредъ ея основательности и зрѣлости".

Среди многихъ разсужденій по поводу проекта стоитъ отмѣтить только два замѣчанія по существу: 1) всякій прекрасный самъ по себѣ проектъ можетъ фактически ни къ чему не привести, разъ у архива нѣтъ безопаснаго помѣщенія (виленскій архивъ невозможенъ въ этомъ отношеніи; оставляетъ многаго желать и помѣщеніе кіевскаго центральнаго архива); проектъ ничего не говоритъ о помѣщеніи, стало быть цѣлость архивовъ безусловно не будетъ обезпечена; 2) такъ какъ преимущественное назначеніе историческихъ архивовъ служить интересамъ исторической науки, то они должны, прежде всего, озаботиться составленіемъ описей, приспособленныхъ къ современнымъ потребностямъ историческихъ изслѣдованій; проектъ па первый планъ ставитъ инвентарную опись, не выясняя подробно ея характера, возможности примѣненія ея къ большимъ архивамъ и степени полезности для ученыхъ историческихъ работъ. Второе замѣчаніе, если только я съумѣлъ его изложить болѣе или менѣе точно, принадлежитъ г. Истомину и само нуждается въ нѣкоторыхъ разъясненіяхъ.

Въ общемъ мнѣніе Ѳ. П. Истомина по вопросу объ упорядоченіи нашего архивнаго дѣла сводится къ нижеслѣдующему: 1) „наши архивы заключаютъ въ себѣ богатѣйшій и въ высшей степени важный матеріалъ по всѣмъ отдѣламъ русской исторіи; но пользованіе этими матеріалами въ настоящее время далеко не вполнѣ удобно, такъ какъ издана (*во множествѣ случаевъ очень неряшливо*—курсивъ въ скобкахъ принадлежитъ мнѣ) только лишь незначительная ихъ часть; о неизданныхъ же матеріалахъ извѣстно такъ мало, что трудно судить, гдѣ, въ какомъ архивѣ и въ какихъ документахъ можетъ изслѣдователь найти все необходимое по интересующимъ его вопросамъ"; 2) „для ознакомленія съ архивами были бы очень полезны описи и указатели того, что находится въ архивахъ; описи и указатели составлены во многихъ архивахъ, издаются же только въ нѣкоторыхъ архивахъ; но и изданные описи и указатели не совсѣмъ удобны, такъ какъ не даютъ возможности сразу отмѣтить тѣ именно акты, которые интересны изслѣдователю"; 3) удобнѣе всего дѣлу могли бы помочь фактическіе указатели къ заключающимся въ мѣстныхъ архивахъ актамъ и документамъ и въ дополненіе къ нимъ указатели важнѣйшихъ личныхъ именъ и географи-

ческихъ названій; въ тѣхъ же столичныхъ архивахъ, гдѣ хранится матеріалъ особенной важности по государственной исторіи должны быть издаваемы подробныя описи каждаго документа"; 4) „необходимо выработать приблизительную общую схему, по какимъ рубрикамъ распредѣлять матеріалъ въ подобныхъ фактическихъ указателяхъ; частныя измѣненія, зависящія отъ различнаго содержанія архивныхъ документовъ, могутъ быть указаны практикой при составленіи подобныхъ указателей въ каждомъ отдѣльномъ архивѣ".

Изъ весьма интереснаго реферата Ив. Ив. Васнлева о тяжеломъ современномъ положеніи архива упраздненнаго рижскаго генералъ-губернаторства приводимъ одно мѣсто, которое, безъ преувеличенія можно сказать, должно было поразить слушателей: „въ архивъ переданы были: личныя переписки государей и государынь съ разными лицами Лнвонскаго края; въ немъ есть письма Петра I со времени 1704 года, т.-е. ранѣе чѣмъ весь Лнвонскій край былъ присоединенъ къ Россіи. Въ архивъ поступила также и личная переписка генералъ-губернаторовъ съ органами мѣстнаго правленія и всѣ распоряженія по управленію краемъ. Если при этомъ я позволю напомнить, что компетенція рижскихъ губернаторовъ, хотя не въ силу закона, а лишь по установившемуся обычаю, распространялась до изданія мѣстныхъ законовъ, равносильныхъ утверждаемымъ Высочайшею властію, которой одной принадлежитъ законодательная власть въ Имперіи, и въ виду того, что подобные генералъ-губернаторскіе законы дѣйствуютъ въ предѣлахъ края до сего времени, а вслѣдствіе сего существуютъ до сего времени цѣлыя учрежденія, сила которыхъ сохраняется лишь въ одномъ генералъ-губернаторскомъ архивѣ, то цѣнность, важность находящихся въ немъ документовъ возвышается до государственнаго ихъ значенія. Въ архивѣ же находятся особые отдѣлы секретныхъ дѣлъ, относящихся исключительно къ мѣропріятіямъ нашего правительства по дѣламъ сильно затрогивавшимъ интересы дворянства,—и такъ названные потому, что въ свое время генералъ-губернаторы не рѣшались дѣлать ихъ общественными, напримѣръ, дѣла по крестьянской реформѣ, по дѣламъ церковнымъ, школьнымъ., Да, собственно говоря, и весь-то архивъ составлялъ и составляетъ до сего времени секретъ, потому что рѣдкое изъ мѣропріятій нашего правительства въ Ливоніи принималось иначе, какъ послѣ сильнаго протеста со стороны мѣстнаго управленія, сосредоточеннаго въ рукахъ мѣстнаго дворянства, а дѣйствія дворянства, какъ сословныя, могутъ быть предметомъ обсужденія общества или печати не иначе, какъ съ его разрѣшенія До послѣдняго времени всѣ функціи мѣстнаго управленія, не исключая учрежденій обще-имперскихъ, губернскихъ и уѣздныхъ: церковь, управленіе, судъ, хозяйство, какъ казенное, такъ и частное, состояли подъ сильнымъ и неотразимымъ вліяніемъ дворянства; а потому все, что дѣлалось въ учрежденіяхъ, составляло и составляетъ секретъ не только для края, а и для всей Россіи. Такъ что, стоя твердо на почвѣ нашего общаго закона о неприкосновенности сословныхъ интересовъ, принятаго и ливонскимъ дворянствомъ, ни одно дѣло рижскаго генералъ-губернаторскаго архива не можетъ быть ни достояніемъ печати, ни быть предметомъ изслѣдованія частнаго лица безъ разрѣшенія дворянства, потому что нѣтъ ни одного дѣла, въ которомъ такъ или иначе не заключалось бы чего-нибудь такого, что прямо или косвенно не относилось бы къ дѣйствіямъ ливонскаго дворянства. Напримѣръ, въ Лифляндіи до сего времени земство и дворянство не раздѣлены, всѣ прочія сословія, хотя бы они и не владѣли движимою или недвижимою собственностью, лишены права на участіе въ дѣлахъ лиф-

ляндскаго земства;—а какое же чисто государственное дѣло можетъ быть исполнено безъ участія земства, а слѣдовательно и лифляндскаго дворянства. По нашему глубоко вкоренившемуся понятію земское дѣло есть тоже государево дѣло, въ Лифляндіи же оно чисто дворянское дѣло и оно можетъ быть достояніемъ не всего русскаго государства или общества, а лишь мѣстнаго лифляндскаго дворянства". Трудно предположить, чтобы секретность рижскаго архива не была только фикціей, которая необходимо должна разсѣяться къ рижскому археологическому съѣзду 1896 г.

Такъ археографическое отдѣленіе виленскаго съѣзда подчеркнуло, что наши историческіе архивы должны быть прежде всего учрежденіями учено-археографическими и преслѣдовать прежде всего научные интересы: они должны давать *научно* составленныя описанія и *научныя* изданія источниковъ отечественной исторіи.

Теодоръ Момзенъ [1]).

Ѳ. Ф. Зѣлинскаго.

Историческое Общество выразило желаніе, чтобы состоявшійся недавно пятидесятилѣтній докторскій юбилей Момзена не прошелъ неотмѣченнымъ въ его лѣтописяхъ, и имѣло любезность обратиться ко мнѣ съ предложеніемъ сказать по этому поводу нѣсколько подобающихъ случаю словъ. Тутъ имѣетъ значеніе, разумѣется, лишь желаніе Общества почтить одного изъ главныхъ представителей той науки, по которой оно назвало себя, а вовсе не то, какъ выполню я возложенную на меня задачу. Такъ иногда, когда въ концертной залѣ появляется знаменитый мужъ, оркестръ привѣтствуетъ его торжественной игрой—не то важно, чтó играютъ; важно лишь вызвавшее эту игру торжественное настроеніе присутствующихъ. Прошу васъ, поэтому, не ожидать отъ меня ни біографіи, ни перечня сочиненій, ни сколько-нибудь полной характеристики великаго дѣятеля, котораго вы рѣшили почтить въ сегодняшнемъ засѣданіи: для этого не хватило бы времени, даже еслибы я захотѣлъ злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ до крайнихъ предѣловъ возможнаго. Оно и не было бы умѣстно; не принято подводить итоги дѣятельности живого еще ученаго, которому мы всѣ желаемъ еще много лѣтъ оставаться въ нашей средѣ. Нѣтъ, то, что я имѣю сказать вамъ сегодня, сводится къ немногимъ торжественнымъ—насколько это въ моемъ умѣніи—аккордамъ, послѣ которыхъ вы перейдете къ очереднымъ дѣламъ.

Рѣшивъ присоединиться къ тѣмъ многимъ, которые поздравили Момзена съ радостнымъ для него и для науки днемъ, Историческое Общество видѣло въ немъ, разумѣется, главнымъ образомъ историка.

---

[1]) Читано въ засѣданіи Историческаго Общества 1 декабря 1893 г.

Но исторія не представляется намъ одной лишь наукой въ тѣсномъ смыслѣ слова: таковой она никогда не была. Настоящій историкъ соединяетъ въ себѣ три достоинства: онъ и ученый, онъ и мыслитель, онъ и художникъ. Конечно, на самомъ дѣлѣ лишь очень немногіе оказываются настоящими историками въ принятомъ нами смыслѣ этого слова, и уже одно то, что мы можемъ отнестись къ Момзену и какъ къ ученому, и какъ къ мыслителю, и какъ къ художнику, доказываетъ его величіе.

Но если исторія и не исключительно наука, то все же она наука прежде всего, и историкъ Момзенъ, поэтому, прежде всего ученый. Но тутъ мы наталкиваемся на вопросъ: что такое историческая наука, и въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ назвать Момзена ученымъ? Мы знаемъ историковъ, видящихъ свое главное призваніе, какъ историковъ, въ томъ, чтобы увеличивать фактическій матеріалъ своей науки; мы видимъ, какъ они терпѣливо и самоотверженно роются въ музеяхъ, въ архивахъ, библіотекахъ, странствуютъ по пустыннымъ мѣстностямъ, производятъ раскопки—все для того, чтобы обогатить сокровищницу фактовъ новымъ памятникомъ или документомъ; какъ только этотъ памятникъ или документъ внесенъ куда слѣдуетъ, фактъ установленъ, они считаютъ свою задачу по отношенію къ нему конченной. Имъ, однако, возражаютъ другіе, говоря, что ихъ работа безцѣльна, что факты имѣютъ значеніе не сами по себѣ, а лишь по скольку они могутъ служить основаніемъ для важныхъ и общеинтересныхъ выводовъ, что самый характеръ ихъ работы ведетъ къ тому, что они утрачиваютъ способность отличать важное отъ маловажнаго, интересное отъ неинтереснаго, и этимъ отнимаютъ у исторіи какъ разъ то, въ чемъ единственно и заключается ея образовательное значеніе. Мы знаемъ, затѣмъ, и такихъ историковъ, которые видятъ въ своей наукѣ систему законовъ развитія человѣчества. Они свысока смотрятъ на жизнь народовъ, стараясь уловить не единичныя ея проявленія, а тѣ сокровенныя силы, отъ которыхъ эти проявленія зависятъ, которыя при аналогичныхъ условіяхъ въ прошедшемъ вызывали аналогичныя послѣдствія и, слѣдовательно, могутъ вызвать таковыя и въ будущемъ. И они имѣютъ своихъ противниковъ, утверждающихъ, что ихъ работа безпочвенна, что вслѣдствіе этого она даетъ въ результатѣ не осязательныя данныя, а миражи, расплывающіеся при всякой попыткѣ приближенія къ нимъ, что добываемые ими законы мирно уживаются между собою въ поднебесьи, между тѣмъ какъ факты, упрямые и глупые, продолжаютъ безпорядочно сталкиваться другъ съ другомъ на землѣ, не признавая этихъ законовъ. Есть, наконецъ, и третья категорія историковъ, средняя между только что поименованными: это тѣ, которые занимаются группировкой и комби-

націей фактовъ, выводя изъ нихъ заключенія, дозволяющія ихъ осмыслить и соединить въ одну живую и красивую картину; они, какъ это водится, подвергаются нападеніямъ обѣихъ крайнихъ категорій, находящихъ, что они, подобно гетевскимъ полувѣдьмамъ изъ вальпургіевой ночи, оставили землю, но не долетѣли до поднебесья.

Къ которой же изъ этихъ трехъ категорій должны мы причислить Момзена? И къ первой, и ко второй, и къ третьей; онъ соединяетъ въ себѣ достоинства всѣхъ ихъ, и именно въ силу этого не страдаетъ ни однимъ изъ ихъ недостатковъ. Никто не обогатилъ сокровищницу фактовъ въ одинаковой мѣрѣ, какъ онъ: достаточно будетъ привести слово одного извѣстнаго германскаго профессора, сказавшаго, что тремя четвертями того, что мы знаемъ о римской старинѣ, мы обязаны Момзену; но никто не скажетъ, что *эта* его работа, о размѣрахъ которой свидѣтельствуетъ исполинское изданіе римскихъ надписей, убила въ немъ способность распознавать важное и неважное, сдѣлала его, однимъ словомъ, „фактопоклонникомъ". Никто этого не скажетъ —такъ какъ на другомъ концѣ длиннаго ряда работъ Момзена красуется столь же исполинская по своему содержанію и по умственной работѣ, которой она потребовала, система римскаго государственнаго права. Это сочиненіе, главнымъ образомъ, должно заставить историковъ второй категоріи принять его въ свою среду; но раздѣляя всѣ ихъ преимущества,—обширный кругозоръ, орлиную проницательность взора, глубокое пониманіе политической жизни народовъ (не забудемъ, что Момзенъ принималъ непосредственное участіе въ ней, какъ членъ палаты депутатовъ своей страны)—раздѣляя, повторяю, всѣ преимущества историковъ второй категоріи, онъ непричастенъ ни къ одному изъ ихъ недостатковъ. Никто не скажетъ про него, что установленные имъ законы не имѣютъ твердой почвы подъ собой; не скажетъ потому, что эти законы выведены Момзеномъ изъ фактовъ, имъ же найденныхъ, имъ же сгруппированныхъ, имъ же изслѣдованныхъ—это послѣднее обстоятельство, къ слову сказать, заставляетъ насъ причислить Момзена также и къ третьей категоріи историковъ. Относящихся сюда его сочиненій не перечесть. Конечно, задавшись цѣлью охватить своей работой всю римскую жизнь отъ древнѣйшихъ временъ исторіи римскаго народа до ранняго періода среднихъ вѣковъ включительно, Момзенъ не могъ всѣ части этой огромной области изслѣдовать самъ: онъ сдѣлался также—и безъ этой черты его характеристика, какъ ученаго, была бы не полна—организаторомъ работы, при томъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ въ исторіи науки. Но непосредственно важныя для его цѣли части онъ обрабатывалъ самъ. Нерѣдко, созидая одинъ изъ своихъ капитальныхъ трудовъ римскую исторію или систему римскаго государственнаго права,

онъ замѣчалъ, что одинъ изъ непосредственно интересующихъ его вопросовъ не изслѣдованъ вовсе, или изслѣдованъ недостаточно; тогда онъ бросалъ свою работу, принимался за этотъ вопросъ и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ напряженнаго труда дарилъ ученый міръ книгой, въ родѣ римской хронологіи, или южно-италійскихъ діалектовъ, или исторіи монетнаго дѣла у Римлянъ. Нерѣдко также новонайденный памятникъ обращалъ на себя его вниманіе: и тутъ онъ, ничуть не колеблясь, оставлялъ начатое дѣло, и результатомъ его экскурсій являлись сочиненія въ родѣ комментарія къ ангорской надписи или къ протоколу секулярныхъ игръ. Любое изъ этихъ сочиненій могло бы прославить своего автора, будь этимъ авторомъ кто-либо другой; но у Момзена всѣ они играютъ второстепенную роль, роль подготовительныхъ работъ.

Таковъ Момзенъ, какъ ученый, или, вѣрнѣе, таковы нѣкоторыя черты, характеризующія его какъ ученаго. Но эти немногія черты дали намъ возможность установить заодно и фактъ несомнѣннаго и выдающагося значенія Момзена, какъ мыслителя. Если мы, любуясь на твореніе Момзена, склонны воскликнуть, какъ Фаустъ при видѣ макрокосма: „Какъ здѣсь всѣ частности слагаются въ одно цѣлое, какъ онѣ сплетаются и тяготѣютъ одна къ другой! что это за стройный круговоротъ восходящихъ къ небесамъ и нисходящихъ къ землѣ силъ, взаимно подающихъ другъ другу золотые сосуды и оплодотворяющихъ вселенную!"—то нѣтъ сомнѣнія, что содержаніе этихъ золотыхъ сосудовъ, то, чѣмъ оплодотворяется вселенная, то, благодаря чему факты живутъ, а законы незыблемо покоятся на прочномъ основаніи фактовъ—что все это есть *мысль* геніальнаго творца всего зданія. Но чтобы оцѣнить Момзена, какъ мыслителя, недостаточно читать его собственныя сочиненія; нужно знать и то, что было до него. Не хочу называть именъ — между ними пришлось бы назвать одно очень дорогое мнѣ имя; но возьмемъ любую тему изъ всей области римской жизни; возьмемъ нарочно, хотя это и трудно, такую тему, которая бы не была обязана Момзену ни однимъ новымъ фактомъ; и прочтемъ разсужденіе о ней сначала предшественниковъ Момзена, а потомъ самого Момзена. Разница поразительная, кажется, что видимъ одно и то же тѣло сначала мертвымъ, а затѣмъ живымъ: составъ одинъ и тотъ же, но раньше жизни не было, а теперь она есть. И это впечатлѣніе получается всегда, за что бы онъ ни взялся. Впрочемъ, говоря о Момзенѣ, какъ о мыслителѣ, нельзя не упомянуть и того историка, который первый въ области римской исторіи заслужилъ это имя; нельзя не упомянуть Нибура. И Момзену нѣтъ основанія бояться этого сравненія, которое, дѣйствительно, невольно напрашивается, когда говоришь объ одномъ изъ нихъ. И тотъ, и другой за-

мѣчательны тѣмъ, что приводили старину въ связь съ современностью; но про Нибура можно сказать, что это—политикъ, ставшій историкомъ, про Момзена, что это — историкъ, ставшій политикомъ. Постараюсь объяснить эту разницу. Мы благодарны иностранцамъ, которые, пріѣхавъ къ намъ и изучивъ нашъ быть, вступаютъ съ нами въ разговоръ о томъ, что они находятъ у насъ замѣчательнаго,—мы благодарны имъ потому, что, будучи воспитаны въ чужой средѣ, они легче насъ могутъ замѣтить и указать намъ то, что у насъ не ладно; но еще болѣе благодарны мы своимъ людямъ, которые, побывавъ въ чужихъ странахъ, возвращаются къ намъ и предоставляютъ намъ пользоваться тѣми знаніями, которыя они пріобрѣли тамъ; мы болѣе благодарны имъ потому, что они, какъ свои люди, понимаютъ насъ и нашъ бытъ лучше, чѣмъ иностранные гости, и поэтому не будутъ a priori склонны судить насъ по законамъ, непримѣнимымъ къ нашему быту. Для римской исторіи Нибуръ—гость изъ чужой страны, Момзенъ—свой человѣкъ. Къ этой разницѣ слѣдуетъ прибавить другую, характеризующую самый методъ мышленія того и другого историка. Дѣйствительно, что насъ болѣе всего поражаетъ у Момзена—это его умѣніе сдерживать свою мысль; и именно это умѣніе болѣе всего бросается въ глаза, если его сравнивать съ Нибуромъ. У Нибура индукціонная цѣпь очень коротка; ему довольно немногихъ данныхъ—и законъ уже готовъ; весь остальной индукціонный матеріалъ въ соображеніе не принимается. Происходитъ это оттого, что Нибуръ, какъ ученый, принадлежалъ ко второй изъ установленныхъ нами выше категорій; его духъ рвался наружу изъ тѣсной и душной области фактовъ, онъ пребывалъ въ ней не долѣе, чѣмъ это казалось ему настоятельно необходимымъ. Совершенно другое дѣло—Момзенъ. Его индукціонная цѣпь всегда полна, онъ не позволяетъ себѣ ни малѣйшаго заключенія до тѣхъ поръ, пока не соберетъ всѣхъ данныхъ, имѣющихъ къ нему отношеніе (это правило кажется въ теоріи очень элементарнымъ; но какое самоотверженіе требуется для того, чтобы примѣнять его на практикѣ—это можетъ оцѣнить лишь тотъ, кто самъ пробовалъ это дѣлать). Результатъ на лицо. Изъ положеній Нибура ни одно, можно сказать, не устояло противъ позднѣйшей критики, его римская исторія имѣетъ сама лишь историческое значеніе; напротивъ, намъ представляется совершенно немыслимымъ, чтобы когда-либо могло настать время, когда сочиненія Момзена перестанутъ быть предметомъ первой необходимости для всѣхъ занимающихся римской исторіей ученыхъ.

Все же, какъ историкъ-мыслитель, Нибуръ держится рядомъ съ Момзеномъ хотя бы въ виду своего громаднаго историческаго значенія; но стоитъ произнести слова „историкъ-художникъ"—и Момзенъ

остается одинъ на недосягаемой высотѣ. Напрасно стали бы мы искать въ его отечествѣ другого хотя бы даже для сравненія его съ Момзеномъ: для этого мы должны перейти Рейнъ. Тутъ дѣйствительно мы найдемъ историка-художника, образъ котораго не поблекнетъ рядомъ съ Момзеномъ — это Э. Ренанъ; но разница между ними останется громадной, и эта разница находится въ тѣсной зависимости отъ разницы между геніями французской и нѣмецкой рѣчи вообще. Въ какомъ привилегированномъ положеніи находятся въ этомъ отношеніи французы —знають всѣ; не даромъ ихъ предки, древніе римляне, занимались въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ „пустяками“, т.-е. риторикой; это они дѣлали для того, чтобы завѣщать своимъ потомкамъ драгоцѣнное наслѣдіе, художественную рѣчь. Въ силу этихъ условій всякій французскій писатель, какъ бы онъ ни былъ великъ, какъ художникъ, большею частью своего величія обязанъ своему языку. Другое дѣло нѣмецкій языкъ; на него излишекъ благодати, добытый вѣковой работой древней культуры, не распространяется; онъ самъ по себѣ ни красивъ, ни некрасивъ, это безразличный матеріалъ; но зато онъ даетъ широкій просторъ индивидуальности писателя. Нѣмецкій писатель, если онъ великій художникъ, обязанъ этимъ исключительно самому себѣ. Въ связи съ этой коренной разницей между нѣмецкимъ языкомъ и французскимъ находится другое, многими замѣченное явленіе—что число писателей, которые бы хорошо писали на родномъ языкѣ, такъ велико во Франціи и такъ невелико въ Германіи; во Франціи даже человѣкъ съ посредственнымъ дарованіемъ можетъ хорошо писать, такъ какъ самъ языкъ за него мыслитъ и творитъ; въ Германіи это невозможно. Я не хочу прославлять Момзена на счетъ Ренана и считаю обоихъ великими художниками; но Ренанъ обязанъ своимъ величіемъ въ значительной мѣрѣ своему народу, Момзенъ—самому себѣ.

Но эта похвала покажется общей: въ чемъ же состоитъ въ частности характеръ Момзена, какъ художника? Въ этомъ отношеніи между Ренаномъ и имъ цѣлая пропасть; того cliquetis de mots sonores, въ которомъ Ренанъ, добродушно иронизируя надъ самимъ собой, видѣлъ свою главную заслугу, мы у Момзена не найдемъ. Онъ писатель чрезвычайно изящный и остроумный въ лучшемъ значеніи и того, и другого слова, но не изящество и не остроуміе бросается въ глаза читающимъ его сочиненія и остается въ его памяти; главное качество Момзена, какъ художника—сила; ему подчинены всѣ остальныя. И эта сила чувствуется вездѣ, не только тамъ, гдѣ онъ говоритъ пылко и страстно—что онъ, какъ человѣкъ съ темпераментомъ, дѣлаетъ нерѣдко—но и въ сравнительно спокойной и дѣловой рѣчи.

Но изъ всѣхъ качествъ слога наименѣе поддается описанію его сила: за то съ другой стороны она тѣснѣе прочихъ его качествъ свя-

зана съ самой мыслью; вѣдь въ сущности самая сильная рѣчь—это та, въ которой мысль находитъ свое наиболѣе чистое, свободное отъ всякихъ внѣшнихъ прикрасъ выраженіе. Какъ въ готическомъ стилѣ структивный элементъ является въ то же время элементомъ орнаментальнымъ, такъ же и у Момзена осмысленность рѣчи является въ то же время ея украшеніемъ. Но раньше мы уже видѣли до какой степени вся ученость Момзена проникнута, такъ сказать, мыслью; мы видѣли, что нельзя было характеризовать Момзена какъ ученаго, не характеризуя его въ то же время какъ мыслителя: такъ тѣсно связаны между собою тѣ три качества Момзена, которыя мы пытались разсматривать отдѣльно. Не могу не признать и этого явленія знаменательнымъ; мнѣ кажется, въ чемъ слѣдуетъ искать причину того цѣльнаго впечатлѣнія, которое производитъ на насъ Момзенъ въ смыслѣ того высшаго единства, складывающагося изъ учености, мысли и художественности.

Заключая свою характеристику Момзена, не могу не припомнить словъ, произнесенныхъ, согласно Ѳукидиду, Перикломъ при обстановкѣ, къ счастію, ничуть не похожей на нашу. Онъ осуждалъ типъ рѣчей, къ которому принадлежитъ и настоящая, говоря, что нехорошо представленіе о человѣкѣ, на дѣлѣ доказавшемъ свои высокія качества, ставить въ зависимость отъ того, хорошую или дурную рѣчь произнесетъ о немъ ораторъ. Конечно, онъ правъ; но въ данномъ случаѣ этой зависимости быть не можетъ. Знаю, что болѣе снисходительные изъ васъ найдутъ въ обѣщанныхъ мною торжественныхъ аккордахъ не мало диссонансовъ, а болѣе строгіе, пожалуй, сплошную какофонію. Тѣмъ неменѣе Момзенъ останется Момзеномъ, рѣшеніе Историческаго Общества почтить его въ сегодняшнемъ засѣданіи не потеряетъ своего значенія, какъ актъ заслуженной благодарности одному изъ величайшихъ дѣятелей въ области вашей науки.

Объ одной ученой полемикѣ[1]).

Зимою 1891—92 г. профессорами университета св. Владиміра былъ устроенъ рядъ публичныхъ лекцій въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Одна изъ этихъ лекцій, именно лекція проф. Ю. А. Кулаковскаго „Христіанская церковь и римскій законъ въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ“ вызвала обширную полемику. По поводу этой лекціи, занимающей, въ печати („Кіев. Университ. Извѣстія“ 1891 г. № 12) 31 страницу, появились „Замѣтки“ въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“ (1892 г. №№ 5 и 6) на 214 стр., которыя вызвали съ своей стороны отвѣтъ г. Кулаковскаго на 58 стр.; анонимный авторъ „Замѣчаній по поводу лекціи г. Кулаковскаго“ не остался въ долгу и напечаталъ отвѣтъ на отвѣтъ (Тр. Кіев. Дух. Ак. №№ 2 и 4 1893 г.) на 168 стр., и сверхъ того по поводу лекціи г. Кулаковскаго вышла въ Кіевѣ брошюра Н. Леопардова „Замѣтки на публичную лекцію, озаглавленную: Христіанская Церковь и римскій законъ въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ“ въ 16 стр. Такимъ образомъ, на каждое слово въ лекціи г. Кулаковскаго приходится чуть не по страницѣ полемики. Въ виду обширныхъ размѣровъ и своеобразнаго характера, которыми отличается эта полемика, а также въ виду интереса, возбужденнаго ею въ Кіевѣ, считаемъ нелишнимъ дать на страницахъ „Ист. Об.“ отчетъ, какъ о самой лекціи, такъ и о вызванныхъ ею полемическихъ статьяхъ.

Содержаніе лекціи г. К—го въ общихъ чертахъ таково:

Римская имперія имѣла организованную военную силу, удовлетворявшую своему назначенію, администрацію, государственныя идеи и формы государственнаго строя, державшія въ единствѣ римскій міръ, но не имѣла *народности*. Понятіе народности замѣнялось понятіемъ римскаго гражданства, пути для пріобщенія къ которому были многообразны. По римскимъ понятіямъ это разсѣянное по всей имперіи

[1]) Эта корреспонденція изъ Кіева была прислана въ Редакцію для помѣщенія въ VI т. „Историческаго Обозрѣнія“, но запоздала и появляется поэтому лишь теперь.

гражданство и составляло государство, остальное население, болѣе многочисленное, пребывало, по идеѣ, во власти этого государства. Религія въ древнемъ мірѣ по существу была тождественна съ государствомъ, была его выраженіемъ въ иной сферѣ понятій. Но, по самымъ основнымъ чертамъ римскаго народнаго духа, римская религія имѣла мертвый характеръ и застыла въ ясно и точно опредѣленныхъ формахъ. Теоретической догмы не было, замѣной ея служила философія. Слѣдствіемъ этого явилась возможность отождествленія чужихъ боговъ со своими. Государство крѣпко держалось за исконную религію, но, по самой ея сущности, съ вѣрностью ей могъ мириться самый широкій синкретизмъ; идея, что для римскаго гражданина обязательна и вѣра въ римскихъ боговъ, не исключала возможности почитанія со стороны даннаго гражданина даннаго новаго бога. Преслѣдованія за вѣру не знаетъ Римъ за все существованіе республики. Въ послѣдній вѣкъ республики и въ началѣ имперіи сущностью понятія преступленія противъ религіи было нарушеніе обряда или неуваженіе къ нему; въ лат. языкѣ нѣтъ даже общаго термина для обозначенія преступленія противъ религіи. Тиберію приписываются слова: „deorum injurias dis curae". Государственная власть была равнодушна къ религіямъ подвластныхъ народовъ. Если въ нѣкоторыхъ религіяхъ выяснялись противныя римскому религіозному сознанію формы культа (напр. человѣческія жертвоприношенія), то противъ нихъ принимались только административныя мѣры. То же равнодушіе проявилъ Римъ и по отношенію къ религіи іудейской, которая имѣла совсѣмъ особый характеръ. Въ сознаніи іудеевъ, Іегова, какъ истинный Богъ, исключалъ собою всѣхъ боговъ другихъ народовъ. „Законъ" Іеговы опредѣлялъ всѣ стороны жизни іудеевъ. Отсюда ихъ теократическій строй, ихъ единство даже въ разсѣяніи. Когда Іудея вошла въ составъ римскаго государства, римская власть не коснулась іудейской религіи и ея установленій, даже обезпечила ей большую свободу. Въ эпоху реорганизаціи римской державы іудеи стали на сторону Цезаря и послѣдній, въ благодарность, обезпечилъ имъ свободу на всемъ Востокѣ. По разрушеніи іудейскаго царства его населеніе превратилось въ peregrini dediticii, т. е. nullius certae civitatis cives. Предоставленные римскимъ закономъ самимъ себѣ, іудеи организовались на теократическихъ началахъ. Платя налогъ въ пользу храма Юпитера капитолійскаго („дидрахму"), іудеи получили право соблюдать „законъ" и уклоняться отъ обязанностей, находящихся въ противорѣчіи съ „закономъ". Получилась возможность терпимаго закономъ существованія іудейскихъ общинъ. Послѣ разсѣянія іудеи явились въ рим. государствѣ пришлымъ элементомъ, изъятымъ отъ дѣйствія общихъ законовъ, ихъ религія была religio licita. Іудейская религія была только тер-

пимой. Ненависть и презрѣніе къ іудеямъ считались достаточной гарантіей противъ прозелитизма. Такъ какъ Іегова исключалъ всѣхъ другихъ боговъ, то переходъ въ іудейство разсматривался, какъ атеизмъ, безбожіе. Іудейское богослуженіе совершалось въ Римѣ подъ охраной полиціи, и нарушеніе его отправленія влекло за собою кару. Государственная власть, изъ уваженія къ религіи, даже освободила іудеевъ отъ службы въ рядахъ арміи; наконецъ, она допустила возстановленіе особаго іудейскаго патріарха (III в.). Такъ, подъ покровомъ дидрахмы, сохранялись іудейство въ имперіи на всемъ ея пространствѣ и какъ особое, не преслѣдуемое государствомъ, вѣроученіе, и какъ особое племя.

Христіанство стояло въ началѣ въ тѣсной связи съ іудействомъ. Но когда оно предстало, какъ универсальная міровая религія, призвавшая все человѣчество къ общенію въ единствѣ вѣры, надежды и любви, въ союзѣ благодати, то такое расширеніе идеала оказалось недоступно іудейскому народу, оно сразу встрѣтило отпоръ и побудило іудеевъ замкнуться еще болѣе. Въ іудейской общинѣ Рима возникли раздоры, которые повели къ вмѣшательству государственной власти: Светоній въ біографіи Клавдія говоритъ: (Клавдій) изгналъ изъ Рима іудеевъ, которые „постоянно волновались по наущенію нѣкоего Хреста". Такимъ образомъ, была принята полицейская мѣра противъ нарушенія общественнаго благоустройства; сущностью споровъ полиція не интересовалась, и Светоній причину безпорядковъ приписалъ проискамъ Хреста, разумѣя, вѣроятно, одного изъ членовъ іудейской общины въ Римѣ. Полиція вскорѣ допустила іудеямъ снова появиться въ Римѣ. При Неронѣ здѣсь опять волновалась іудейская община изъ-за вопроса о христіанствѣ. Въ эту пору случился знаменитый пожаръ въ Римѣ. Виновникомъ былъ императоръ, и молва гласила это. Въ средѣ тревожнаго іудейскаго населенія столицы императоръ нашелъ виновныхъ. Какъ и почему найдена была возможность обвинять христіанъ— неизвѣстно, но найдены были свидѣтели, и мнимые виновники преданы казни. Христіанъ судили, но судъ не искалъ истины. Такимъ образомъ, первые христіанскіе мученики въ Римѣ пострадали по простой случайности. Съ паденіемъ Іерусалима и разрушеніемъ единаго въ мірѣ храма единому Богу, христіанство окончательно отдѣлилось отъ іудейства; но эта раздѣльность не дошла до вниманія представителей римской власти. Подъ вліяніемъ наплыва іудейскихъ плѣнныхъ, умножилась и упрочилась въ Римѣ іудейская община, а вмѣстѣ и рядомъ съ ней и христіанская церковь. При Домиціанѣ христіанство проникло во дворецъ: родственникъ императора, отецъ названныхъ наслѣдниковъ престола Флавій Клеменсъ и его жена, Домитилла, были обвинены въ атеизмѣ (христіанствѣ), и Клеменсъ былъ казненъ. Если

христіанство проникло во дворецъ, то, значитъ, оно пользовалось довольно широкой свободой. Преслѣдованіе христіанъ Домиціаномъ было вызвано событіемъ чрезвычайнымъ: совращеніемъ семейства, въ которомъ росли и воспитывались наслѣдники престола въ невѣдомую религію, смѣшиваемую римлянами съ презираемымъ и ненавидимымъ іудействомъ. Слѣдовательно, „гоненія“ собственно не было, и христіанство, какъ таковое, не было осуждено и запрещено. Только при Траянѣ былъ изданъ первый указъ, въ которомъ христіанство признавалось ученіемъ вреднымъ и его исповѣдники—подлежащими наказанію. Это не былъ общій законъ, а только личный отвѣтъ императора намѣстнику Виѳиніи Плинію Младшему. Императоръ, не давая общаго закона, предписываетъ: не искать самому христіанъ, не производить дознанія по анонимнымъ доносамъ, допускать дознанія только тогда, когда обвинитель лично ведетъ обвиненіе; упорствующихъ въ непризнаніи римскихъ боговъ наказывать, но отрекающихся оставлять безнаказанными. Христіанство понимается здѣсь, какъ атеизмъ, и упорство въ немъ навлекаетъ наказаніе; государство оберегаетъ традиціонныя формы богопочитанія, но лишь въ принципѣ. Такое отношеніе къ христіанству длится до середины III вѣка. Власть караетъ упорствующихъ въ непризнаніи боговъ, чтимыхъ государствомъ. Форма процесса создавала видимость, что карается самое имя „христіанинъ“, по существу же государство караетъ за сопротивленіе власти въ ея законныхъ требованіяхъ, въ разсмотрѣніе причинъ сопротивленія власть не входила, а для самой возможности преслѣдованія необходимо было обвиненіе, исходившее изъ среды общества; кара зависѣла отъ представителя власти. Во 2 половинѣ II в. иные представители власти даже уклонялись отъ преслѣдованія христіанъ, хотя это были исключенія. Среди множества свѣдѣній о мученикахъ, собранныхъ христіанскою церковью, есть много недостовѣрнаго и даже подложнаго, но есть и точные протоколы судебныхъ разбирательствъ, напр. процессъ 180 г. въ Карѳагенѣ. Изъ этого процесса видно, что полномочія представителя государственной власти не имѣютъ никакого отношенія къ религіи, какъ таковой. Онъ осуществляетъ не судебную функцію, а jus coërcendi, т. е. право принуждать гражданина исполнять повелѣніе магистрата. Это не есть процессъ, а лишь дознаніе (cognitio) и рѣшеніе идетъ въ административномъ порядкѣ. Пока таково было отношеніе власти къ христіанству (весь II вѣкъ), говорить о „гоненіяхъ“ отъ государства нельзя. Преслѣдованіе шло изъ самыхъ нѣдръ общества, являвшагося преставителемъ стараго міра. Первыми преслѣдователями христіанъ были іудеи, имъ же, вѣроятно, принадлежатъ и тѣ искаженія христіанскаго культа, которыя проникли въ общество; ложныя представленія о христіанствѣ въ римскомъ обще-

ствѣ зависѣли и отъ того, что первоначально христіанство распространялось преимущественно въ низшихъ его слояхъ, просвѣщеннѣйшіе представители общества не знали христіанства и не интересовались имъ. Но христіанство усиливалось и распространялось, восходя къ высшимъ слоямъ общества, и государство не ставило препонъ этому распространенію до временъ Септимія Севера, когда запрещено было принимать вновь христіанство и повторено воспрещеніе принимать іудейство, но и теперь государство не создавало особыхъ органовъ для наблюденія за религіозными убѣжденіями. Съ половины II в. императорамъ подаются апологіи христіанскаго ученія, поясняющія его чистоту и обличающія языческіе культы массы, но ни государственная власть, ни просвѣщенная часть общества не обращаютъ на христіанство вниманія, въ массѣ же христіанство вызывало обвиненія и даже насилія, что подало поводъ Марку Аврелію издать указъ противъ распространителей ученій, которыя волнуютъ народъ. Христіанство здѣсь не названо, но на дѣлѣ только оно и тревожило умы. Власть карала христіанъ не за убѣжденія, а какъ виновниковъ безпорядковъ, ибо она допускала христіанскую пропаганду и позволяла христіанамъ укрываться подъ защиту законныхъ учрежденій и понятій, дѣйствовавшихъ по отношенію ко всѣмъ гражданамъ имперіи, именно тѣхъ, которыя относились къ области культа мертвыхъ. Христіанская община могла законно организоваться подъ именемъ погребальнаго общества и невозбранно отправлять свое богослуженіе. Когда государство увидѣло союзъ съ сильной организаціей, іерархіей, капиталами и прочнымъ единствомъ одного вѣроученія, оно признало въ христіанствѣ политическую опасность. Тогда, въ срединѣ III вѣка, и начались гоненія на христіанство отъ государства, хотя и непослѣдовательныя. Гоненія эти заключились провозглашеніемъ эдикта о вѣротерпимости, а это состояніе имперіи перешло въ господство христіанства и отсутствіе терпимости по отношенію къ остаткамъ язычества и разномысліями съ ученіемъ господствующей церкви. Принципъ религіозной нетерпимости проведенъ былъ въ государственный строй христіанскими императорами древняго Рима. До него не могъ дойти древній міръ безъ христіанства, ибо ему была чужда увѣренность въ обладаніи абсолютной и единой истиной, а въ созданномъ Римомъ міровомъ государствѣ не было особыхъ органовъ духовной власти, особаго суда по дѣламъ религіи и спеціальнаго трибунала, призваннаго вѣдать человѣческую совѣсть.

Анонимный авторъ замѣчаній по поводу публичной лекціи проф. Кулаковскаго (Труды Кіев. Дух. Ак., 1892, №№ 5 и 6) указываетъ на то, что на публичныхъ лекціяхъ должна идти популяризація науки, и потому рекомендуетъ лекторамъ осторожность въ выборѣ сюжетовъ,

особенно если сюжеты эти затрогивают высшіе духовные интересы, нравственныя убѣжденія, религіозныя вѣрованія слушателей. Авторъ удивляется далѣе, что лекторъ, „считающій себя спеціалистомъ по классической филологіи“, избралъ предметъ для лекціи изъ исторіи христіанской церкви и притомъ предметъ, „по которому въ ученой литературѣ нѣтъ единства во взглядахъ“ (слова проф. Кулаковскаго). Но, ознакомившись съ лекціей по ея напечатаніи, авторъ догадался, что она есть „отголосокъ реферата, превращеннаго въ публичную лекцію и читаннаго въ Имп. Московскомъ университетѣ 18 октября“. Можетъ быть, догадывается онъ далѣе, шумные аплодисменты, которыми встрѣтили и провожали московскаго референта, не дали покоя неравнодушному къ оваціямъ кіевскому лектору... А можетъ быть г. Кулаковскій возревновалъ о попранной и разметанной московскими публицистами, юристами и филологами „истинѣ“ соловьевской и... попытался поддержать основательно побитаго и окончательно сконфуженнаго московскаго философа“. „А можетъ быть, продолжаетъ догадываться авторъ, и то, и другое“. Далѣе анонимъ старается указать на связь лекціи г. Кулаковскаго съ рефератомъ г. Соловьева, ссылаясь даже на то, что лекція г. Кулаковскаго напечатана и въ „Русскомъ Обозрѣніи“, которое „приняло Соловьева подъ свою защиту отъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Затѣмъ авторъ обѣщаетъ „нарушить красоту складокъ классической тоги“ г. Кулаковскаго, „сотканной изъ цитатъ“. Авторъ сѣтуетъ, что г. Кулаковскій не дѣлаетъ указаній на сочиненія „о гоненіяхъ“, о положеніи христіанства въ римскомъ государствѣ во II и III вв., и указываетъ самъ на соч. Aubé „Histoire des persécutions de l'Eglise jusqu'à la fin des Antonins“, отмѣчая сходство въ воззрѣніяхъ г. Кулаковскаго и Aubé, причемъ соображенія Aubé, по его мнѣнію, тенденціозно развиты г. Кулаковскимъ и направлены съ чисто „либеральной“ прямолинейностью, безъ имѣющихся у Aubé ограниченій и ослабленій, прямо къ напередъ поставленной цѣли“. Изложивъ содержаніе лекціи проф. Кулаковскаго, анонимъ возражаетъ противъ положенія, что „римская религія, по самымъ основнымъ чертамъ римскаго народнаго духа, имѣла *мертвый* характеръ“, говоритъ о значеніи религіи въ жизни римскаго государства и доказываетъ, что равнодушнаго отношенія къ религіямъ въ Римѣ не было; далѣе утверждаетъ, что въ эпоху Клавдія государственная власть не знала христіанъ, преслѣдованія христіанъ при Неронѣ приписываетъ не случайности, а интригамъ іудеевъ, это было „послѣднее іудейское гоненіе“. Не согласенъ анонимъ и съ мнѣніемъ г. Кулаковскаго о случайномъ и исключительномъ характерѣ казней при Домиціанѣ. Переходя ко времени Траяна, авторъ утверждаетъ, что „съ точки зрѣнія римскаго закона христіанское общество не имѣло права суще-

ствовать. Христіанство было преступно вдвойнѣ", вводя культъ новый, не національный, исключительный, непозволенный и разрушая культъ старый, государственный. Особенно негодуетъ авторъ на то, что г. Кулаковскій отказывается говорить объ изданіи указа Траяна съ полнотой и обстоятельностью, какихъ оно заслуживаетъ. Далѣе, авторъ возражаетъ противъ положенія, что „указъ Траяна былъ изданъ не въ видѣ общаго закона на всю имперію, а какъ *личный отвѣтъ* императора одному изъ намѣстниковъ", и дѣлаетъ предположеніе, что это была epistola generalis. Въ розыскахъ Плинія авторъ усматриваетъ начало инквизиціи, которая развивается во второй половинѣ II вѣка и особенно въ III вѣкѣ, причемъ ссылается на акты ліонскихъ и вьенскихъ мучениковъ. Авторъ настаиваетъ, что запрещеніе Траяна отыскивать христіанъ не имѣетъ силы, такъ какъ въ римскомъ уголовномъ процессѣ всегда являлся accusator. Особенно возмущается авторъ утвержденіемъ г. Кулаковскаго, что христіанъ казнили не за имя христіанина, а за сопротивленіе власти въ ея законныхъ требованіяхъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи, анонимный авторъ обвиняетъ г. Кулаковскаго въ фальсификаціи протокола судебнаго разбирательства по дѣлу сцилитанскихъ мучениковъ, сопоставляя переводъ г. Кулаковскаго съ текстами изъ „Acta proconsularia ex Annalibus Ecclesiasticis Card. Baronii ad an. Chr. 202" и „Acta alia sincera eruta ex Ms. codice in Bibliotheca ecclesiae Toletanae, et collata cum Ms. Colbertino". Сходства между текстами и переводомъ не оказывается, и авторъ восклицаетъ, что г. Кулаковскій „сообщилъ ученому міру совершенно новую, самостоятельную редакцію актовъ сциллитанскихъ мучениковъ, подлинникъ которой онъ откопалъ въ своей *„либеральной котомкѣ"*, и говоритъ, что къ тремъ извѣстнымъ ему, автору, редакціямъ актовъ слѣдуетъ прибавить четвертую: „Acta *falsa* ex Ms. Cotomcae Culacovianae". Авторъ утверждаетъ, что г. Кулаковскій не видалъ и цитуемыхъ имъ актовъ Ахацiя, которые относятся ко времени Деція, т.-е. уже времени гоненій на христіанство отъ государства. Слѣдующее обвиненіе противъ г. Кулаковскаго заключается въ томъ, что онъ невѣрно передаетъ о гоненіи на христіанъ въ Ліонѣ въ 177 г. По предположенію анонима, г. Кулаковскій ліонскихъ актовъ не видалъ, ибо поставилъ невѣрный „цитатъ" (sic). Euseb. h. e. V, 2 вмѣсто V, 1. Далѣе, анонимъ возражаетъ противъ мнѣнія г. Кулаковскаго, что въ процессѣ противъ христіанъ магистратъ осуществлялъ не судебную функцію своей власти, а jus coërcendi и что съ точки зрѣнія римскаго права это былъ не процессъ, а дознаніе (cognitio). Такъ какъ г. Кулаковскій дѣлаетъ при этомъ въ одномъ мѣстѣ ссылку на ст. Моммзена „Der Religionsfrevel nach römischem Recht", то анонимъ даетъ на 22-хъ стр. переводъ части статьи Моммзена, затѣмъ разбираетъ

мнѣнія его, сопоставляетъ ихъ съ цитатами изъ лекціи и приходитъ къ заключенію, что сходства между воззрѣніями Моммзена и г. Кулаковскаго нѣтъ, а потому, значитъ, г. Кулаковскій исказилъ Моммзена,—и рисуетъ далѣе процессъ по Виллемсу и Пухтѣ и въ частности процессъ противъ христіанъ по актамъ мучениковъ. Изложивши свой взглядъ на отношеніе къ христіанству различныхъ слоевъ римскаго общества, анонимный авторъ возражаетъ противъ мнѣнія г. Кулаковскаго, что христіане могли укрываться подъ защиту collegia funeraticia. Затѣмъ критикъ возстаетъ противъ словъ г. Кулаковскаго, что „христіанскіе апологеты запальчиво и яростно борются противъ служенія идоламъ, представляя его въ чертахъ фетишизма" и „изобличаютъ тщету языческихъ вѣрованій и культовъ, причемъ изображаютъ ихъ въ томъ видѣ, какой они имѣли въ низшей массѣ населенія",—и утверждаетъ опять, что г. Кулаковскій не видѣлъ апологетическихъ произведеній. „Можетъ быть, впрочемъ, и видѣлъ", допускаетъ онъ далѣе, но „либеральный туманъ застилаетъ его очи". Что касается нетерпимости относительно язычества, проявившейся въ то время, когда христіанство стало господствующей религіей, то критикъ ставитъ ее не на счетъ христіанства, а на счетъ государства, съ которымъ христіанская церковь никогда себя не отождествляла. Въ заключеніе, анонимный критикъ, усматривая въ „скандалѣ, учиненномъ г. Кулаковскимъ" „тревожное и печальное знаменіе", опять пытается связать лекцію г. Кулаковскаго съ рефератомъ г. Соловьева, „которому сотрудники „Московскихъ Вѣдомостей" сплели на голову довольно таки густой (sic) вѣнокъ". Далѣе, пользуясь одноименностью г. Кулаковскаго съ Юліаномъ Апостатомъ, критикъ проводитъ параллель и между этими двумя лицами. Наконецъ, критикъ недоволенъ и аплодисментами „неразборчивой" публики г. Кулаковскому.

Мы изложили въ общихъ чертахъ содержаніе „замѣчаній" по поводу лекціи г. Кулаковскаго; что же касается тона этихъ „замѣчаній", то онъ достаточно характеризуется встрѣчающимися въ нихъ выраженіями въ родѣ: „нелѣпыя, мнимо-либеральныя идеи", „мы изучаемъ въ настоящій разъ враговъ христіанства", „опереточный мастеръ" и т. п.

Переходимъ къ отвѣту г. Кулаковскаго (Унив. Изв. 1802 г. № 7 [1]).

Въ началѣ отвѣта г. Кулаковскій заявляетъ, что такъ какъ статья въ „Тр. Кіев. Дух. Ак." анонимна, испещрена бранными словами и уснащена грубыми пріемами полемики, то онъ считалъ бы

---

[1]) Въ примѣчаніи г. Кулаковскій говоритъ, что намѣревался помѣстить свой отвѣтъ въ „Трудахъ кіев. дух. ак." и обращался къ ихъ редактору, но въ виду встрѣтившихся нѣкоторыхъ трудностей намѣреніе это не осуществилось.

отвѣтъ на нее ниже своего достоинства и если онъ отвѣчаетъ, то дѣлаетъ это въ виду помѣщенія ея, притомъ безъ имени автора, въ оффиціальномъ органѣ ученаго учрежденія. Затѣмъ г. Кулаковскій возражаетъ противъ „мнимой связи лекціи съ рефератомъ Вл. С. Соловьева, читаннымъ въ Москвѣ 18 октября", не напечатанномъ и вызвавшемъ газетный шумъ въ ноябрѣ, между тѣмъ какъ тема и срокъ лекціи г. Кулаковскаго были назначены въ засѣданіи 12 октября, а также возражаетъ противъ зависимости своей лекціи отъ книги Aubé. Г. Кулаковскій не беретъ на себя обязанности „перебрать въ отдѣльности всю аргументацію антагониста", ибо для этого надо написать по меньшей мѣрѣ столько же, сколько написалъ онъ. Г. Кулаковскій предпочитаетъ „выбрать главное и существенное, а такъ какъ во всякой исторической работѣ первымъ и главнымъ условіемъ является непосредственное знакомство съ первоисточниками, ибо отъ ихъ правильнаго пониманія зависитъ и самая постановка вопроса", то онъ и ставитъ на первомъ мѣстѣ именно этотъ пунктъ. По поводу обвиненія въ фальсификаціи „Acta Martyrum Scilitanorum" г. Кулаковскій указываетъ, что рукописей „Acta Martyrum" существуетъ не *три*, какъ полагаетъ анонимъ, а гораздо болѣе (уже въ предисловіи къ акт. сцил. муч. въ Acta Sanctorum есть свѣдѣнія еще о *семи*, а также о fragmentum Angiense Мабильона). Г. Кулаковскій пользовался греческимъ переводомъ, открытымъ Узенеромъ и изданнымъ въ Боннѣ въ 1881 г., который имѣетъ гораздо бо́льшую степень подлинности, чѣмъ латинскія версіи, извѣстныя анониму. (Ссылки на изд. Узенера, по корректурной ошибкѣ, нѣтъ въ текстѣ лекціи, напечатанномъ въ „Унив. Изв.", но ссылка эта есть въ текстѣ, напечатанномъ въ „Рус. Обозр." и упоминаемомъ анонимомъ). Въ 1891 г. Робинсономъ изданъ и открытый имъ латинскій оригиналъ греческаго перевода. По поводу заявленія, что въ Passio s. Achatii нѣтъ мѣста, соотвѣтствующаго по смыслу цитатѣ, г. Кулаковскій приводитъ текстъ, предоставляя критику самому разыскать его въ изданіи Руинара. По поводу цитаты изъ Евсевія г. Кулаковскій указываетъ на изданіе Laemmer'а. На замѣчанія о Каллистѣ г. Кулаковскій указываетъ, что критикъ не дочиталъ до конца разсказа Ипполита, ибо когда римская церковь освобождала изъ сардинскихъ рудниковъ своихъ исповѣдниковъ, то Каллиста въ спискѣ ихъ не было и онъ добился освобожденія только благодаря просьбамъ, слѣд. критикъ ссылается на Ипполита въ томъ, что послѣдній опровергаетъ. Далѣе г. Кулаковскій указываетъ на превратное толкованіе анонимомъ мѣста изъ Тацита о Нероновыхъ казняхъ христіанъ. Указаніемъ на невѣрное пониманіе текстовъ Тацита и рескрипта Траяна по поводу переписки Траяна съ Пливіемъ Младшимъ г. Кулаковскій оканчиваетъ свои замѣчанія касательно отношенія его антагониста къ

источникамъ. Переходя къ обвиненію въ искаженіи статьи Моммзена, г. Кулаковскій приводитъ изъ этой статьи рядъ цитатъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, а также указываетъ рядъ ошибокъ и неточностей, сдѣланныхъ критикомъ въ переводѣ. Далѣе г. Кулаковскій опровергаетъ мнѣніе критика о положеніи христіанства въ римской имперіи, указываетъ ошибки критика въ области римскаго права, исторіи древнихъ религій, наконецъ искаженія и превратныя толкованія самаго текста лекціи, переходящія въ доносъ по уголовному дѣлу („мы изучаемъ въ настоящій разъ враговъ христіанства"). Нападки своего антагониста г. К. объясняетъ незнакомствомъ тѣхъ, „кто мнятъ себя спеціалистами по древнѣйшей церковной исторіи въ Кіевск. Духовн. Академія" съ источниками, привычкой къ произвольному обращенію съ ними, малымъ знакомствомъ съ ученой литературой, вслѣдствіе незнанія или плохого знанія иностранныхъ языковъ, отсутствіемъ уваженія къ наукѣ и литературному и иному приличію.

„Отвѣтъ" г. Кулаковскаго вызвалъ снова „Нѣсколько замѣчаній" въ №№ 2 и 4 „Трудовъ Кіев. Дух. Ак." за 1893 г. Въ примѣчаніи редакція мотивируетъ свой отказъ помѣстить въ „Трудахъ" отвѣтъ г. Кулаковскаго тѣмъ, что „взгляда на дѣло, проводимаго имъ въ лекціи не можетъ не принимать, не допускать ни редакція „Трудовъ Ак.", ни редакція другого какого-либо журнала, дорожащаго преданіями православной вселенской церкви", и что г. Кулаковскій позволилъ себѣ „оскорбительныя и крайне неприличныя инсинуаціи" противъ Академіи, между тѣмъ какъ анонимъ не задѣваетъ чести „того учрежденія, въ которомъ служитъ лекторъ и въ ученомъ органѣ котораго напечатана его публичная лекція, направленная къ подрыву св. преданій, дорогихъ, полагаемъ, для каждаго члена церкви, чтущей св. добропобѣдныхъ мучениковъ".

Хотя въ началѣ статьи анонимъ и заявляетъ, что „для вопроса о такъ называемомъ ученомъ Юліанѣ Кулаковскомъ" (теперь анонимъ вездѣ пишетъ Кулаковскій, не прибавляя г.) ему „жаль и нѣсколькихъ страницъ", но все же посвящаетъ г. Кулаковскому 168 стр. Теперь онъ уже ознакомился съ текстомъ, изданнымъ Узенеромъ и указываетъ, что переводъ г. Кулаковскаго не вполнѣ соотвѣтствуетъ этому тексту, далѣе онъ возражаетъ по поводу Passio s. Achatii, доказываетъ свое знакомство съ книгой Le Blant'a, неправильный счетъ главъ въ Леммеровомъ изданіи Евсевія, неправильность воззрѣній г. Кулаковскаго на ліонскія событія 177 г., опровергаетъ разсказъ Ипполита, доказываетъ правильное свое и неправильное г. Кулаковскаго пониманіе Моммзена, защищаетъ свои положенія о сакральномъ происхожденіи римскаго права и о переходномъ времени въ его развитіи отъ Августа до Діоклетіана, свои мнѣнія о характерѣ римской и гре-

ческой религіи, возражаетъ г. Кулаковскому по поводу рескрипта Траяна, говоритъ о Мученическихъ Актахъ и объ апологетахъ. Въ заключеніе, по поводу заявленія г. Кулаковскаго, что полемика переходитъ въ „доносъ по уголовному дѣлу", анонимъ говоритъ: „съ этими криками немножко опоздалъ Кулаковскій. Было, дѣйствительно, время,— и на нашей памяти, — когда отцы, по мнимому либерализму, Кулаковскаго и ему подобныхъ, сдѣлавши свободу привилегіей только своей софистики и пустословія, крикомъ: „доносъ"! „уголовщина"! давили проявленіе здоровой положительной мысли и привлекали къ себѣ сочувствіе простодушной толпы, боявшейся быть зачисленною въ ряды мнимыхъ обскурантовъ и отсталыхъ. Теперь эти „жупелы" никого уже не пугаютъ и ничьего участія не вызываютъ".

Авторъ „Замѣтокъ" на лекцію г. Кулаковскаго (К. 1892, 16 стр.) г. Н. Леопардовъ, „не желая давать повода г. Кулаковскому забить его (автора) своей ученостью", обѣщаетъ отнестись къ лекціи „на основаніи одного простого здраваго смысла". Такъ какъ брошюра состоитъ изъ отдѣльныхъ замѣтокъ, то мы возьмемъ для примѣра двѣ изъ нихъ.

На слова г. Кулаковскаго: „въ іудейскихъ синагогахъ раздавалась проповѣдь и того Апостола, которому суждено было *вынести идеи христіанства* изъ (этого) ограниченія національностію" г. Леопардовъ говоритъ: „Здѣсь опять г. Кулаковскій видитъ *идеи христіанства*, проповѣдываемыя (или распространяемыя) Апостоломъ. Да развѣ Апостолы учили изъ идеи, развивали идею? Развѣ ученіе Іисуса Христа возникло изъ идеи? Богъ съ вами, что это такое?" На слова г. Кулаковскаго: „доказательство силы христіанской *пропаганды* дано въ томъ"... г. Леопардовъ говоритъ: „Г. лекторъ, хотя и косвенно, заявляетъ слушателямъ его лекціи, что Апостолы вели пропаганду. И соціалисты, и нигилисты, и коммунисты ведутъ нынѣ пропаганду. У слушателя, естественнымъ образомъ, складывается въ умѣ о пропагандѣ Апостоловъ что-то тождественное со словомъ пропаганда, какъ это слово мы понимаемъ нынѣ".

Сергѣй Михайловичъ Георгіевскій.

Н. И. Веселовскаго.

26-го іюля 1893 г. скончался на чужбинѣ, въ г. Мецѣ, Сергѣй Михайловичъ Георгіевскій, экстраординарный профессоръ петербургскаго университета по каѳедрѣ китайской словесности. Воспитанникъ двухъ столичныхъ университетовъ по двумъ факультетамъ, С. М. обладалъ многостороннимъ развитіемъ, широтою взгляда, умѣньемъ дѣлать обобщенія. Оттого кратковременная ученая дѣятельность его оставила значительный слѣдъ въ нашей литературѣ о дальнемъ Востокѣ. С. М., сынъ священника, родился въ 1851 г., въ г. Костромѣ, гдѣ и окончилъ гимназическій курсъ въ 1868 г., а затѣмъ поступилъ въ Московскій университетъ на историко-филологическій факультетъ, который и удостоилъ его степени кандидата въ 1873 г. Вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ мѣсто испр. должн. учителя русскаго языка и исторіи въ костромскомъ реальномъ училищѣ; но черезъ два года долженъ былъ оставить службу. Тогда онъ поступилъ студентомъ въ петербургскій университетъ на факультетъ восточныхъ языковъ по китайскому разряду и окончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1880 г. Послѣ того онъ отправился за границу, въ Западную Европу и Китай, гдѣ провелъ около $2^1/_2$ лѣтъ. По возвращеніи изъ путешествія онъ былъ оставленъ при петербургскомъ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ китайской словесности. Въ 1885 г. за диссертацію „Первый періодъ китайской исторіи“ С. М. получилъ степень магистра, а въ началѣ слѣдующаго года допущенъ къ чтенію лекцій въ званіи приватъ-доцента. Въ этомъ первомъ трудѣ С. М. намѣчались уже тѣ задачи и вопросы, разработкѣ которыхъ посвятилъ онъ свои силы: о древности китайской исторіи, о родствѣ китайцевъ съ арійцами, объ этнографическомъ отношеніи собственнаго

Китая къ инородцамъ, о китайской философіи, какъ о серьезной работѣ мысли, и т. д. Заявляя, что синологіи, какъ установившейся науки, еще не существуетъ, что не опредѣлены ея цѣли и основы, а равно и условія научной разработки, самъ онъ проповѣдовалъ необходимость изученія Китая и старался выяснить тѣ явленія, которыми обусловливалась его многовѣковая жизненность. Самымъ капитальнымъ сочиненіемъ С. М. надо признать его „Принципы жизни Китая" (Спб. 1888), гдѣ авторъ знакомитъ русскую публику съ религіозными вѣрованіями, философскими системами и строемъ жизни китайцевъ. Это сочиненіе единственное въ европейской литературѣ о Китаѣ, и если бы появилось на Западѣ, составило бы автору почетное имя; у насъ оно было встрѣчено не особенно сочувственно: Георгіевскаго упрекали въ увлеченіи Китаемъ, говорили, что книжная мораль и отраженіе ея въ жизни не одно и то же. Одному изъ своихъ критиковъ, графу И. И. Толстому, на статью его „Новая книга о Китаѣ и китайцахъ" (Вѣстн. Европы 1888, декабрь) С. М. отвѣтилъ подробнымъ разъясненіемъ въ брошюрѣ подъ заглавіемъ: „Графъ И. Толстой и принципы жизни Китая", Спб. 1889. Въ 1888 же году С. М. напечаталъ сочиненіе: „О корневомъ составѣ китайскаго языка, въ связи съ вопросомъ о происхожденіи китайцевъ", и защитилъ диссертацію на степень доктора китайской словесности: „Анализъ іероглифической письменности китайцевъ, какъ отражающей въ себѣ исторію жизни древняго китайскаго народа". Въ Запискахъ восточн. отд. Археол. общ. (т. I, вып. IV, 1887) онъ помѣстилъ статью: „Древнѣйшія монеты китайцевъ". Въ 1890 г. С. М. напечаталъ книгу: „Важность изученія Китая". Послѣднимъ его трудомъ явилось сочиненіе: „Миѳическія воззрѣнія и миѳы китайцевъ", Спб. 1892.

Нельзя пройти молчаніемъ полемику Георгіевскаго съ Пржевальскимъ, такъ какъ эта полемика явилась отраженіемъ тѣхъ взглядовъ, которыя усвоилъ себѣ С. М. Когда появилась статья Пржевальскаго: „Современное положеніе центральной Азіи" (Рус. Вѣстн. 1887, декабрь), на нее Георгіевскій возражалъ замѣткой: „Два изслѣдователя Китайской имперіи" (Вѣстн. Европы, августъ 1887 г.). Пржевальскій напечаталъ въ „Новомъ Времени" (14 окт. 1887, № 4176) „Отвѣтъ на критику о Китаѣ". Заносчивый тонъ „отвѣта" вызвалъ очень рѣзкую отповѣдь Георгіевскаго: „Вторичный совѣтъ г. Пржевальскому" (Новое Время, 19 окт. 1887, № 4181).

Георгіевскаго упрекали въ усиленномъ пользованіи сочиненіями западно-европейскихъ синологовъ, которыми онъ руководился, вмѣсто подлинныхъ источниковъ; но едва ли не въ заслугу надо поставить Георгіевскому то, что онъ призналъ невозможнымъ игнорировать

труды западныхъ синологовъ, которые въ послѣднее время, несмотря на свою тенденціозность, много сдѣлали для изученія Китая.

Въ 1890 г. Георгіевскій былъ возведенъ въ званіе экстраординарнаго профессора. На лѣто 1893 г. онъ получилъ заграничную командировку для ознакомленія въ европейскихъ книгохранилищахъ съ сочиненіями по даосизму, надъ которымъ работалъ въ послѣднее время; но чахотка прекратила эту жизнь въ самомъ разгарѣ дѣятельности. С. М. похороненъ въ Висбаденѣ, 2 августа.

ОТДѢЛЪ II.

Протоколы Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ за 1893 годъ.

Протоколъ XXXVI Общаго собранія гг. членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 27 января 1893 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева присутствовало 16 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что въ виду истекшаго трехлѣтія на основаніи § 20 Устава члены комитета заново распредѣлили между собою занятія по дѣламъ Общества, причемъ званіе товарища предсѣдателя возложено на Г. В. Форстена, секретаря—на А. С. Лаппо-Данилевскаго, казначея—на С. Л. Степанова и библіотекаря—на С. Л. Пташицкаго. Кромѣ означенныхъ лицъ, членами Комитета по выборамъ, производившимся въ прошлое общее собраніе, состоятъ И. М. Гревсъ и В. А. Мякотинъ.

3. Г. редакторъ „Историческаго Обозрѣнія" заявилъ, что 5-й томъ „Историческаго Обозрѣнія" вышелъ и разосланъ членамъ Общества, уплатившимъ годовые взносы, что отчетъ Общества и списокъ его членовъ отпечатаны и будутъ разосланы въ скорѣйшемъ времени, а шестой томъ „Историческаго Обозрѣнія" начатъ печатаніемъ.

4. Г. библіотекарь заявилъ о поступленіи въ библіотеку Общества книжныхъ пожертвованій отъ С. А. Венгерова, Н. И. Карѣева, о. Пирлинга, гг. Радецкаго и Соколова, Д. А. Столыпина, Е. Н. Щепкиной, Н. Н. Ѳирсова, и отъ редакціи Донскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей (девяти названій въ 10 томахъ и брошюрахъ).

5. Приступлено къ баллотировкѣ кандидатовъ, предложенныхъ въ прошлое общее собраніе въ члены Общества: А. А. Васильева, К. А. Горскаго, В. М. Меліоранскаго, В. И. Эпинахъ-Шипилло. Всѣ оказались избранными единогласно.

6. С. А. Бершадскій прочелъ рефератъ объ „исторической географіи Литвы".

7. С. Л. Степановъ сдѣлалъ сообщеніе о новомъ томѣ сочиненій Fustel de Coulanges'a: Nouvelles recherches sur quelques problèmes d'histoire.

Протоколъ XXXVII общаго собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 24 февраля 1893 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 20 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что по случаю двадцатипятилѣтія ученой дѣятельности члена Общества И. В. Лучицкаго послана была поздравительная телеграмма юбиляру, за которую онъ письменно изъявляетъ Обществу свою признательность.

3. По случаю двадцатипятилѣтняго юбилея члена Общества Я. Г. Гуревича (21 марта) постановлено поручить г. предсѣдателю поздравить юбиляра отъ лица Общества.

4. Г. библіотекарь доложилъ о вновь поступившихъ книжныхъ пожертвованіяхъ въ библіотеку Общества отъ Д. И. Вагалѣя, Е. I. Лихачевой, г. Папачека, г. Сукачева и редакціи Энциклопедическаго словаря военныхъ наукъ г.-л. Леера въ количествѣ 5 названій и стольких же книгъ и брошюръ. Кромѣ того изъявили желаніе вступить въ обмѣнъ изданіями: Краковская академія наукъ и Редакціи журналовъ: Museum, Przewodnik Naukowy, Przegląd Polski.

5. Предложены кандидаты въ члены Общества: А. И. Деснотъ-Зеновичъ, Н. А. Колоколовъ, А. А. Исаевъ, Н. И. Новосадскій.

6. П. И. Вейнбергъ прочелъ рефератъ: Отношеніе Байрона къ историческимъ событіямъ его времени.

Протоколъ XXXVIII общаго собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 17 марта 1893 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева присутствовало 11 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ о смерти члена Историческаго Общества Александра Алексѣевича Кудрявцева. Память покойнаго почтена была присутствующими вставаніемъ.

3. Предложены кандидаты въ члены Историческаго Общества: З. А. Венгерова, Э. А. Волтеръ и А. А. Кондратьевъ.

4. Приступлено къ избранію гг. кандидатовъ, предложенныхъ въ прошлое собраніе въ члены Общества. Всѣ оказались избранными единогласно.

5. Г. предсѣдатель заявилъ, что г. Меліоранскій, по ошибкѣ избранный въ члены Общества въ прошлое собраніе, исключается изъ состава Общества.

6. С. Л. Пташицкій прочелъ рефератъ [1]) о славянскихъ и русскихъ редакціяхъ исторій изъ Римскихъ дѣяній (Gesta Romanorum).

7. В. А. Мякотинъ сдѣлалъ сообщеніе о книгѣ: „Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ въ Черниговскомъ полку". П. А. Шафрановъ высказалъ нѣсколько замѣчаній по поводу сообщенія г. Мякотина.

Протоколъ XXXIX общаго собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 22 сентября 1893 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 15 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Г. предсѣдатель заявилъ, что 26 іюля текущаго года скончались члены Общества: А. С. Гацискій и С. М. Георгіевскій. Собраніе почтило память усопшихъ вставаніемъ.

3. Г. предсѣдатель заявилъ, что проф. Варшавскаго Университета Новосадскій благодаритъ Общество за избраніе его въ члены.

4. Приступлено къ избранію въ члены Общества кандидатовъ, предложенныхъ въ прошлое общее собраніе. Всѣ оказались избранными единогласно.

5. Предложены кандидатами въ члены Общества: Н. И. Дебольскій и С. А. Шумаковъ.

6. Г. редакторъ „Историческаго Обозрѣнія" доложилъ, что посланные Комитетомъ Общества въ Ученый Комитетъ, состоящій при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія—первые пять томовъ Обозрѣнія рекомендованы Комитетомъ для фундаментальныхъ библіотекъ, что шестой томъ Обозрѣнія вышелъ и разосланъ членамъ Общества, а седьмой печатается.

7. Г. библіотекарь Общества доложилъ о вновь поступившихъ въ библіотеку Общества и пожертвованныхъ въ нее книгахъ.

8. В. А. Мякотинъ сдѣлалъ сообщеніе объ идеяхъ раскола въ соч. протопопа Аввакума [2]). По поводу сообщенія В. А. Мякотина Е. А. Бѣловъ замѣтилъ, что прот. Аввакумъ едвали хорошо знакомъ былъ съ Ветхимъ Завѣтомъ и, напротивъ, широко воспользовался апокрифической литературой.

---

[1]) Помѣщенъ въ VI томѣ „Историческаго Обозрѣнія".

[2]) Глава изъ книжки автора о протопопѣ Аввакумѣ въ біографической коллекціи Павленкова.

Политическіе взгляды Аввакума не отличались ясностью, а Никона попрекалъ онъ за латинскую ересь для того, чтобы на свою сторону привлечь побольше православныхъ русскихъ. Вслѣдъ затѣмъ Н. И. Марковинъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о значеніи столкновенія между патр. Никономъ и протопопомъ Аввакумомъ.

9. Н. И. Карѣевъ сдѣлалъ сообщеніе о мемуарахъ Токвиля и о книгѣ Лакіанта „Un Prussien en France en 1792“.

Протоколъ Общаго XL Собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 20 октября 1893 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 19 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Г. Предсѣдатель заявилъ, что 15 числа текущаго мѣсяца Комитетъ Общества послалъ привѣтственную телеграмму Императорскому Обществу любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи въ Москвѣ по случаю тридцатилѣтія его дѣятельности.

3. Г. Предсѣдатель заявилъ о рѣшеніи Комитета послать поздравительную телеграмму проф. Момизену по случаю пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности. Рѣшеніе Комитета было утверждено Общимъ Собраніемъ.

4. Доложенъ циркуляръ объ устройствѣ международной выставки въ Мадридѣ въ 1894 г.

5. Предложенъ кандидатомъ въ члены Историческаго Общества—проф. Н. А. Карышевъ.

6. Приступлено къ избранію въ члены Общества кандидатовъ, предложенныхъ въ прошлое Общее Собраніе. Всѣ оказались избранными единогласно.

7. Г. Библіотекарь прочелъ списокъ книгъ, поступившихъ въ библіотеку Общества за прошлый мѣсяцъ.

8. Н. И. Карѣевъ сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: „Изъ новѣйшей литературы по исторіи Наполеона I“.

9. А. С. Лаппо-Данилевскій сдѣлалъ сообщеніе подъ заглавіемъ: „Новая теорія развитія семейныхъ отношеній въ первобытномъ обществѣ“.

Протоколъ XLI Общаго Собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 17-го ноября 1893 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 15 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Г. Предсѣдатель заявилъ, что недавно скончался одинъ изъ членовъ Историческаго Общества, Д. А. Столыпинъ, и предложилъ почтить память покойнаго вставаніемъ.

3. Доложено постановленіе Комитета Общества объ отправленіи поздравительной телеграммы Кіевской коммиссіи для разбора древнихъ актовъ по случаю пятидесятилѣтія ея ученой дѣятельности.

4. Г. Редакторъ „Историческаго Обозрѣнія“ заявилъ, что въ виду недостаточныхъ денежныхъ средствъ Общества второй книжки „Историческаго Обозрѣнія“ въ текущемъ году издать не придется [1]).

5. Въ силу § 27 Устава приступлено къ избранію членовъ ревизіонной коммиссіи. Избранными оказались: А. А. Кауфманъ (9 гол.), Ю. Ю. Цвѣтковскій (6 гол.) и В. И. Семевскій (5 гол.).

6. Приступлено къ избранію Н. А. Карышева, предложеннаго кандидатомъ въ члены Общества на прошломъ общемъ собраніи. Н. А. Карышевъ оказался избраннымъ единогласно.

7. Предложены кандидаты въ члены Общества: А. Е. Прѣсняковъ и М. Ю. Поповскій.

8. Н. И. Карѣевъ сдѣлалъ сообщеніе „О новой попыткѣ экономическаго обоснованія исторіи“ [2]).

Протоколъ XLII Общаго Собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ 1 декабря 1893 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовало 16 членовъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго общаго собранія.

2. Доложено отношеніе отъ г. Попечителя Виленскаго учебнаго округа, въ которомъ г. Попечитель благодаритъ Историческое Общество за присылку полнаго экземпляра „Историческаго Обозрѣнія“ и увѣдомляетъ Общество о сдѣланномъ имъ распоряженіи выслать въ библіотеку Общества изданія Управленія Виленскаго учебнаго округа и Виленской коммиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ, вышедшихъ въ свѣтъ до настоящаго времени, а также высылать всѣ другія изданія, которыя будутъ выходить въ свѣтъ.

3. Приступлено къ баллотировкѣ въ члены Общества гг. кандидатовъ, предложенныхъ въ прошломъ общемъ собраніи. По баллотировкѣ А. Е. Прѣсняковъ оказался избраннымъ единогласно, а М. Ю. Поповскій—большинствомъ голосовъ.

---

[1]) Печатаніе ея, однако, начато.

[2]) Рефератъ этотъ помѣщенъ въ январской книжкѣ „Русскаго Богатства“ за 1894 г.

4. Въ силу § 19 Устава Общества взамѣнъ нынѣ предсѣдательствующаго Обществомъ Н. И. Карѣева, Комитетъ предлагаетъ С. А. Бершадскаго и Н. И. Карѣева, а на мѣсто выбывающихъ по § 20 того же Устава С. Л. Пташицкаго и С. Л. Степанова четырехъ кандидатовъ: П. Д. Погодина, С. Л. Пташицкаго, В. И. Семевскаго и С. Л. Степанова.

5. Ѳ. Ф. Зѣлинскій прочелъ сообщеніе: „По поводу пятидесятилѣтняго юбилея Моммзена“ [1]).

6. К. С. Шварсалонъ прочелъ сообщеніе: „Объ отношеніи Венеціанской республики къ грекамъ въ XV ст. по поводу постройки греческой церкви св. Георгія“. Рефератъ К. С. Шварсалона вызвалъ нѣсколько замѣчаній со стороны С. Л. Степанова, И. М. Гревса и Ѳ. Ф. Зѣлинскаго.

Протоколъ XLIII общаго (годового) Собранія членовъ Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 15 декабря 1898 г.

Подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева и при секретарѣ А. С. Лаппо-Данилевскомъ присутствовалъ 21 членъ.

1. Читанъ и утвержденъ протоколъ прошлаго Общаго Собранія.

2. Читанъ отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества за 1893 годъ.

3. Читанъ протоколъ ревизіонной Коммиссіи.

4. Приступлено къ разсмотрѣнію смѣты прихода и расхода въ предстоящемъ 1894 году. Постановлено: утвердить смѣту, предложенную Комитетомъ Общему Собранію, и установить годовой членскій взносъ въ размѣрѣ 5 руб.

5. Приступлено къ избранію предсѣдателя Общества на слѣдующее четырехлѣтіе въ силу § 19 Устава.—Единогласно избраннымъ оказался Н. И. Карѣевъ.

6. Приступлено къ избранію новыхъ членовъ Комитета взамѣнъ выбывшихъ въ силу § 20 Устава С. Л. Пташицкаго и С. Л. Степанова. Большинствомъ голосовъ избраны: П. Д. Погодинъ и В. И. Семевскій. По предложенію г. предсѣдателя Собраніе выразило благодарность выбывшимъ изъ Комитета: С. Л. Пташицкому и С. Л. Степанову за ихъ плодотворную дѣятельность на пользу Общества.

7. Доложено о назначенныхъ Комитетомъ на будущій годъ дняхъ, въ которые предложено устроить общія Собранія. Они по прежнему падаютъ на среду: января 26, февраля 23, апрѣля 27, сентября 21, октября 19, ноября 16 и декабря 14.

8. Приступлено къ избранію въ члены Общества кандидатовъ, предло-

---

[1]) Печатается въ VII томѣ „Историческаго Обозрѣнія“.

женныхъ въ прошломъ Общемъ Собраніи. Всѣ оказались избранными единогласно.

9. Предложенъ кандидатомъ въ члены Общества проф. Ѳ. Ѳ. Зѣлинскій.

10. Доложены отношенія отъ Кіевской Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ и отъ Комитета Воронежской Публичной библіотеки, въ которыхъ первая благодаритъ Общество за присланную ей поздравительную телеграмму по случаю пятидесятилѣтняго юбилея дѣятельности Коммиссіи, а второй выражаетъ Обществу признательность за полученный имъ экземпляръ Историческаго Обозрѣнія.

11. В. А. Мякотинъ прочелъ сообщеніе о прикрѣпленіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII вѣкѣ. Рефератъ г. Мякотина вызвалъ нѣсколько замѣчаній со стороны А. С. Лаппо-Данилевскаго, М. И. Семевскаго и В. Л. Веренштама. По мнѣнію А. С. Лаппо-Данилевскаго, референтъ, съ одной стороны, недостаточно обратилъ вниманіе на долговременное преобладаніе фактическихъ отношеній между помѣщиками и крестьянами въ Малороссіи, съ другой—не разслѣдовалъ мѣстныхъ экономическихъ условій, повліявшихъ на тотъ, а не другой исходъ подобнаго рода отношеній. В. И. Семевскій обратился съ нѣсколькими вопросами къ референту о значеніи Универсала гетмана Мазепы и заводской промышленности для развитія крѣпостного права, приписывалъ также вредное вліяніе Польши и Великороссіи на прикрѣпленіе. В. Л. Веренштамъ выразилъ согласіе съ мнѣніемъ В. И. Семевскаго и указывалъ еще на роль Маллороссійской Коллегіи въ томъ же процессѣ прикрѣпленія.

Отчетъ о состояніи и дѣятельности Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ за 1893 годъ.

Общество вступило въ третій годъ своего существованія въ количествѣ 258 дѣйствительныхъ членовъ и 1 члена соревнователя. Въ теченіе года умерло четыре члена: А. С. Гацискій, А. А. Кудрявцевъ, С. М. Георгіевскій и Д. А. Столыпинъ и поступило 18 новыхъ членовъ. Въ Обществѣ такимъ образомъ къ концу отчетнаго года числилось 273 дѣйствительныхъ члена и 1 членъ соревнователь. Въ составѣ Комитета Общества также произошли перемѣны: въ силу § 20 Устава выбыли: Е. А. Вершадскій и Н. А. Меншуткинъ и на общемъ собраніи 23 декабря 1892 г. избраны были И. М. Гревсъ и В. А. Мякотинъ. Въ нынѣшнемъ году въ силу того же § 20 Устава выбываютъ: С. Л. Пташицкій и С. Л. Степановъ.

Средства Общества въ нынѣшнемъ отчетномъ (съ 1 дек. 1892 по 1 дек. 1893) году опредѣляются нижеслѣдующими данными:

ПРИХОДЪ:

А. Остатокъ отъ прошлаго года . . . . 705 р. 47 к.
В. Поступленія 1892—1893 гг.:
1) Членскіе взносы: 119 пятирублевыхъ . . . . 595 „ — „
1 сторублевый . . „ . . . . 100 „ „
Итого. . . . . . 695 р. — к.

2) Пожертвованія: отъ Е. Н. Щепкиной. . . . . . . 5 р. — к.
отъ С. Ѳ. Ольденбурга на печатаніе русскаго перевода мемуаровъ г-жи Роланъ въ видѣ приложенія къ Историческому Обозрѣнію . . . . 100 „ — „
Итого . . . . . 105 р. — к.

3) Отъ продажи экземпляровъ Историческаго Обозрѣнія (тт. I—VI) . . . . „ . . . . 403 р. — к.

Итого поступленій за 1892—1893 г. . . . . . . 1203 „ — „
Итого поступленій за истекшій годъ съ остаткомъ. 1906 р. — „

РАСХОДЪ:

1) На изданіе Историческаго Обозрѣнія:

Доплата за IV т. . . . . . . 571 р. — к.
Печатаніе V тома . . . . . 602 „ 85 „
Гонораръ А. И. Браудо . . . 75 „ — „
Итого. . . . . 1248 р. 85 к.

2) Почтовые расходы. . . . . „ 126 р. 55 к.
3) Вознагражденіе А. К. Кириллову за письмоводство . 60 „ — „
4) Расходы по библіотекѣ Общества:
Расходы по пріобрѣтенію библіотечныхъ книгъ и заказу карточекъ и бланковъ . . . . . 11 „ 10 „
Вознагражденіе А. К. Кириллову за приведеніе библіотеки въ порядокъ. . . . . 40 „ — „
Итого . . . . 51 р. 10 к.

5) Мелкіе расходы. . . . . 5 р. — к.
Итого расходовъ въ отчетномъ году . . . . . 1491 р. 50 к.
Въ остаткѣ къ 1-му декабря 1894 года . . . . 416 „ 97 „

Дѣятельность Историческаго Общества въ нынѣшнемъ отчетномъ году состояла въ чтеніи и обсужденіи рефератовъ на Общихъ Собраніяхъ, въ из-

данія Историческаго Обозрѣнія и въ заботахъ о пополненіи библіотеки Общества.

Съ 1-го декабря 1892 по 1-е декабря 1893 г. было VIII общихъ собраній членовъ Общества. Научныя сообщенія, читанныя на этихъ собраніяхъ, сдѣланы были слѣдующими лицами: Н. И. Карѣевымъ: Новый трудъ по исторіи Итальянскаго Гуманизма; С. А. Бершадскимъ: Объ исторической географіи Литвы; П. И. Вейнбергомъ: Отношеніе Байрона къ историческимъ событіямъ его времени; С. Л. Пташицкимъ: О славянскихъ и русскихъ редакціяхъ Исторій изъ Римскихъ дѣяній (Gesta Romanorum); В. А. Мякотинымъ: Объ идеяхъ раскола въ сочиненіяхъ протопопа Аввакума; Н. И. Карѣевымъ: Изъ новѣйшей литературы по исторіи Наполеона I; А. С. Лаппо-Данилевскимъ: Новая теорія развитія семейныхъ отношеній въ первобытномъ обществѣ; Н. И. Карѣевымъ: О новой попыткѣ экономическаго обоснованія исторіи; Ѳ. Ф. Зѣлинскимъ: По поводу пятидесятилѣтняго юбилея проф. Моммзена; К. С. Шварсалоновъ: Объ отношеніи Венеціанской республики къ грекамъ въ XV вѣкѣ по поводу постройки Греческой церкви св. Георгія. Кромѣ рефератовъ, читаны были сообщенія о новыхъ книгахъ: С. Л. Степановымъ о соч. Fustel de Coulanges'a: „Nouvelles recherches sur quelques problemes dhistoire", Н. И. Карѣевымъ о мемуарахъ Токвиля и книгѣ Лакіанта и В. А. Мякотинымъ объ изданіи: Генеральное слѣдствіе о маетностяхъ въ Черниговскомъ полку.

Изданіе Историческаго Обозрѣнія въ отчетномъ году продолжалось по примѣру прежнихъ лѣтъ. Въ виду, однако, числившихся за Обществомъ доплатъ по изданію V и VI томовъ Обозрѣнія и недостаточности наличныхъ денежныхъ средствъ Общества, Комитету пришлось пріостановить изданіе седьмаго тома Обозрѣнія, частью уже напечатаннаго, до будущаго года.

Въ библіотекѣ Общества къ 1-му декабря 1892 г. числилось: а) книгъ, брошюръ и оттисковъ 359 названій въ 505 томахъ и в) 20 названій періодическихъ изданій. Въ отчетномъ году составъ библіотеки продолжалъ пополняться, благодаря пожертвованіямъ частныхъ лицъ и учрежденій, а также взаимному обмѣну, въ который Общество вступило съ разными учрежденіями и редакціями. Пожертвованія сдѣланы были слѣдующими лицами и учрежденіями: гг. Бузескуломъ, Вязигинымъ, Житецкимъ, Карѣевымъ, Котляревскимъ, г-жею Лихачевой, гг. Любавскимъ, Пирлингомъ, Пташицкимъ, Папачекомъ, Сапуновымъ, Столыпинымъ, г-жею Щепкиной, Цвѣтаицкимъ и Эвальдомъ, Комитетомъ по устройству Географической выставки въ Москвѣ, Государственной канцеляріей, Коммиссіей по празднованію юбилея высокопреосвященнаго Макарія архіепископа Донского, г. попечителемъ Виленскаго учебнаго округа, Саратовскимъ обществомъ вспомоществованія нуждающимся литераторамъ, Обществами: Исторіи и древностей Россійскихъ въ Москвѣ,—лѣтописца Нестора,—Исторіи, Археологіи и Этнографіи при Казанскомъ университетѣ, Харьковскимъ Историко-филологическимъ, Западно-Сибирскимъ отдѣломъ Географическаго общества, Towarzystw'омъ Przyjaciół Nauk въ Познани, Towarzy-

stw'омъ historyczn'ымъ во Львовѣ, Таврической ученой архивной коммиссіей; въ обмѣнъ на свое изданіе Общество вступило съ университетами: Варшавскимъ, Казанскимъ, Кіевскимъ, Московскимъ, Новороссійскимъ, Харьковскимъ и Историко-филологическимъ институтомъ князя Безбородко въ Нѣжинѣ, которые присылали выпускаемыя ими записки. Обмѣнъ на изданія Общества происходитъ также съ редакціями: русскими (Живой Старины, Кіевской Старины, Сѣвернаго Вѣстника, Энциклопедіи военныхъ наукъ и Этнографическаго Обозрѣнія) и иностранными (Ateneum, Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, Muzeum, Przewodnik naukowy, Przegląd Polski, Przegląd Powszechny, Ceskilid.). Такимъ образомъ въ отчетномъ году въ библіотеку Общества поступило: а) книгъ и брошюръ 69 названій въ 156 томахъ и в) періодическихъ изданій 30 названій. Всѣмъ книгамъ и періодическимъ изданіямъ составлена инвентарная и алфавитная опись, а также карточный каталогъ.

Протоколъ ревизіонной коммиссіи.

С.-Петербургъ, 10 декабря 1893 г. Разсмотрѣвъ отчетъ казначея и провѣривъ наличныя деньги, книги и документы, ревизіонная коммиссія нашла все въ полнѣйшемъ порядкѣ и безукоризненной исправности, за исключеніемъ двухъ неточныхъ записей въ приходорасходной книгѣ (по квитанціи №№ $\frac{178-187}{8}$ и $\frac{135-140}{2}$), которыя были тутъ же исправлены. Но вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія не могла не обратить вниманія на то, что уменьшеніе членскихъ взносовъ, отмѣченное еще ревизіонною коммиссіею прошлаго года, продолжаетъ идти прогрессивно: вмѣсто 836 рублей, поступившихъ въ прошломъ году, въ отчетномъ году поступило всего 690 рублей. Коммиссія полагала бы желательнымъ принятіе болѣе активныхъ мѣръ для собиранія членскихъ взносовъ; такою мѣрою, по примѣру другихъ обществъ, могло бы служить собираніе взносовъ, къ концу каждаго года, черезъ посыльнаго.

Въ виду того, далѣе, что недостаточность средствъ ведетъ къ ослабленію издательской дѣятельности Общества, коммиссія находила бы возможнымъ предложить Общему Собранію установить на будущій 1894 г. членскій взносъ въ размѣрѣ, повышенномъ до 6 рублей.

Дѣлопроизводство секретаря оказалось въ отличномъ порядкѣ. Коммиссія полагала бы полезнымъ на будущее время отмѣчать въ протоколахъ, кто именно изъ членовъ комитета присутствовалъ въ общихъ собраніяхъ.

Обревизовавъ библіотеку, коммиссія нашла ее въ полномъ порядкѣ; въ отчетномъ году заведены инвентарь, алфавитный списокъ и каталогъ, чѣмъ и оправдывается сравнительно крупный единовременный расходъ въ 40 ру-

блей. Въ отчетномъ же году установленъ вполнѣ удобный для членовъ порядокъ пользованія библіотекой.

Въ виду всего этого, коммиссія предлагаетъ общему собранію выразить благодарность Комитету Общества за его усердную и полезную дѣятельность. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по инниціативѣ В. И. Семевскаго, коммиссія предлагаетъ выразить особенную признательность предсѣдателю Общества, Николаю Ивановичу Карѣеву, за его неутомимую и плодотворную дѣятельность по редактированію „Историческаго Обозрѣнія".

А. Кауфманъ.
В. Семевскій.
Ю. Цвѣтковскій.

Смѣта прихода и расхода на 189³/₄ годъ.

ПРИХОДЪ:

Остатокъ отъ 189²/₃ г.	421 р. 97 к.	
Членскіе взносы	600 „ — „	
Отъ продажи экземпляровъ Историческаго Обозрѣнія	400 „ — „	
Итого		1421 р. 97 к.

РАСХОДЪ:

Печатаніе VI-го тома „Историческаго Обозрѣнія"	656 р. 50 к.	
„ VII-го „ „ „	500 „ — „	
Почтовые и мелкіе расходы	125 „ — „	
Вознагражденіе за письмоводство	60 „ — „	
Итого		1341 р. 50 к.
Остатокъ		80 р. 47 к.

Составъ Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ за 1894 годъ.

Предсѣдатель *Н. И. Карѣевъ* (В. О., 10 л., д. 9). — Товарищъ предсѣдателя *Г. В. Форстенъ* (М. Итальянская, 41).—Секретарь *А. С. Лаппо-Данилевскій* (В. О. Большой просп., д. 4). — Казначей *П. Д. Погодинъ* (Б. Конюшенная, д. 1).—Библіотекарь *В. А. Мякотинъ*. (Коломенская, 15).—Члены Комитета *И. М. Гревсъ* (В. О., 2 л., д. 11) и *В. И. Семевскій* (В. О., 2 л., д. 11).

Изданіе Историческаго Общества при Императорскомъ
С.-Петербургскомъ Университетѣ.

ЛИЧНЫЕ

МЕМУАРЫ

Г-жи Роланъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

Н. Г. Вернадской.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28,
1893.

Печатается по постановленію Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Спб. 20 декабря 1893 г.

Предсѣдатель *Н. Карѣевъ*.

Дорогой памяти

Александры Павловны

Ольденбургъ.

Посвящаетъ свой трудъ

переводчица.

Переводъ сдѣланъ по наиболѣе полному изданію Добана: «Mémoires de madame Roland. Seule édition entièrement conforme au manuscrit autographe, transmis en 1858 par un legs à la Bibliothèque Impériale, publiée avec des notes par C. A. Dauban. Ouvrage orné du portrait de madame Roland, gravé par Adrien Nargeot et enrichi du fac-similé de fragments du manuscrit autographe de madame Roland». Paris, Henri Plon, 1864.

Н. В.

или усовершенствованію: это одинаково справедливо какъ относительно нравственной, такъ и физической ея природы. Исправность организма, равновѣсіе настроеній образуютъ собой здоровье; здоровая пища, умѣренное движеніе поддерживаютъ его. Соразмѣрность желаній, гармонія страстей опредѣляютъ нравственный характеръ, который лишь силой своей мудрости способенъ обезпечить себѣ превосходство и долговѣчность. Эти основные принципы основываются на интересахъ самой личности; и въ этомъ отношеніи правильно будетъ сказать, что добродѣтель — ничто иное, какъ вѣрность мысли, осуществленная въ нравахъ. Но добродѣтель въ собственномъ смыслѣ, начинается лишь въ отношеніяхъ человѣка къ его ближнимъ; человѣкъ мудръ для себя и добродѣтеленъ съ другими. Въ обществѣ все становится относительнымъ; тамъ уже не существуетъ независимаго счастья, приходится жертвовать частью того, чѣмъ можно было бы обладать, чтобы не подвергнуться риску потерять его совсѣмъ и обезпечить себѣ сохраненіе доброй его части внѣ всякой опасности. Здѣсь самый разсчетъ говоритъ въ пользу разума; какъ бы ни была тяжела жизнь порядочныхъ людей, она менѣе тяжела, чѣмъ жизнь дурныхъ. Дѣйствуя противъ интересовъ большинства, рѣдко наслаждаешься спокойствіемъ; при такомъ поведеніи невозможно скрыть отъ себя, что васъ окружаютъ враги, или люди готовые сдѣлаться таковыми; и подобное положеніе всегда тяжело, какъ бы оно ни было лестно по внѣшности своей. Къ этимъ соображеніямъ прибавьте высокій инстинктъ, который испорченность можетъ сбить съ пути, но никакая ложная философія не способна убить, и который побуждаетъ насъ любить мудрость и великодушіе и восхищаться ими въ поступкахъ также, какъ симметріей и величіемъ въ природѣ и искусствахъ [1],—и въ этомъ кроется источникъ людскихъ добродѣтелей, вполнѣ независимыхъ отъ всякихъ религіозныхъ системъ, нелѣпыхъ мечтаній метафизики и обмановъ священниковъ. Какъ только эти истины для меня вполнѣ выяснились, я съ радостью вздохнула; онѣ обезпечивали мнѣ пристань на время бурь, и я съ меньшей душевной тоской могла теперь изслѣдовать заблужденія, вкравшіяся въ вѣру народовъ и общественныя учрежденія. Прекрасная идея о Богѣ Создателѣ, Провидѣніе котораго печется о мірѣ, о духовности души, ея безсмертіи, этой утѣшительной на-

[1] Я пишу это 4-го сентября, въ 11 часовъ вечера, подъ звуки смѣха, раздающагося въ сосѣдней комнатѣ. Актрисъ Théatre-Français, арестованныхъ наканунѣ и заключенныхъ въ S-te Pélagie, сегодня отвозили къ нимъ на домъ для снятія печатей и вновь водворили въ тюрьму, гдѣ полицейскій чиновникъ ужинаетъ и веселится вмѣстѣ съ ними. Ужинъ веселъ и шуменъ; раздаются игривыя словечки и пѣнятся иностранныя вина. Мѣсто, предметы, люди, образуютъ контрастъ съ моимъ занятіемъ, который мнѣ кажется пикантнымъ.

деждѣ гонимой добродѣтели, неужели все это лишь привлекательные и блестящіе призраки воображенія?!.. Какимъ мракомъ окутаны эти трудные вопросы! Какое великое множество возраженій, когда желаешь обсудить ихъ съ математической точностью!—Нѣтъ, человѣческому уму не дано увидѣть ихъ при яркомъ свѣтѣ совершенной очевидности; но какое дѣло чувствительной душѣ до того, что она не можетъ доказать ихъ? не достаточно ли для нее ихъ чувствовать?..

Въ тиши кабинета и въ пылу сухого спора я соглашаюсь съ атеистомъ или матеріалистомъ въ томъ, что нѣкоторые вопросы неразрѣшимы; но среди полей и созерцанія природы, мое взволнованное сердце возносится къ животворящему принципу, одухотворяющему ихъ, къ разуму, руководящему ими, къ благости, благодаря которой я чувствую въ нихъ столько прелестей; когда обширныя моря лежатъ между мной и тѣмъ, что я люблю, когда всѣ общественныя бѣдствія одновременно рушатся на насъ, какъ бы карая за то, что мы желали величайшаго общественнаго счастья, я вижу за предѣлами жизни награду за наши жертвы и счастье вновь соединиться. Какъ? какимъ образомъ? я этого не знаю; я только чувствую, что такъ должно быть.

Атеистъ въ моихъ глазахъ—не извращенный умъ; я также хорошо могу жить съ нимъ, какъ и съ ханжой, и даже лучше, такъ какъ атеистъ больше разсуждаетъ; но ему недостаетъ одного чувства, и моя душа не вполнѣ сливается съ его душой; самое очаровательное зрѣлище оставляетъ его холоднымъ, и онъ ищетъ силлогизмовъ, въ то время, какъ я возношу хвалу.

Меня не сразу охватило подобное твердое и мирное расположеніе духа, въ которомъ, наслаждаясь раскрывшимися передо мной истинами, довѣрчиво отдавшись счастливымъ чувствамъ, я примирялась съ незнаніемъ того, чего не могу знать, не заботясь никогда о томъ, что думаютъ другіе. Я въ немногихъ словахъ намѣчаю результатъ нѣсколькихъ лѣтъ размышленій и занятій, въ теченіе коихъ я по временамъ раздѣляла требовательность деистовъ, суровость атеистовъ, безразличіе скептиковъ; но всегда дѣлала это искренно, потому что для меня не было надобности смѣнять религію ради разнузданія нравовъ: мои правила относительно этого предмета были твердо установлены внѣ зависимости отъ всевозможныхъ предразсудковъ. Я тревожилась сомнѣніями, но не мучилась страхомъ, я исполняла обряды установленнаго культа, потому что это являлось моей обязанностью благодаря моему возрасту, моему полу, моему положенію. Неспособная обманывать, я говорила аббату Морелю: „Я прихожу на исповѣдь, чтобы подавать этимъ примѣръ моимъ близкимъ и не тревожить мою мать; но я право не знаю, въ чемъ могу себя обвинить; мое настроеніе столь безмятежно и мои вкусы столь скромны, что моя совѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ меня, хотя за-

слуга моя и не велика въ томъ, что я поступаю хорошо. Меня впрочемъ иногда слишкомъ занимаетъ желаніе нравиться, и я предаюсь вспышкамъ слишкомъ горячаго раздраженія противъ моей прислуги или всякой другой, когда что-нибудь не ладится. Я также, можетъ быть, недостаточно снисходительна въ своихъ сужденіяхъ и слишкомъ легко поддаюсь чувствамъ антипатіи къ людямъ, которые мнѣ кажутся глупыми или скучными, хотя и не показываю этого; я хочу сдерживаться въ этомъ отношеніи. Я наконецъ слишкомъ разсѣянно и холодно исполняю религіозные обряды: я согласна съ тѣмъ, что слѣдуетъ относиться со вниманіемъ ко всему, что считаешь полезнымъ дѣлать, по какой-бы то ни было причинѣ". Добрый аббатъ Морель, истощивъ свою библіотеку и риторику, чтобы спасти мою вѣру, благоразумно примирился съ моею умѣренностью; онъ убѣждалъ меня остерегаться внушеній гордости, изо всѣхъ силъ старался изобразить сладости религіи, мудро отпускалъ мнѣ мои грѣхи и былъ доволенъ тѣмъ, что я по 2 или 3 раза въ годъ причащалась, изъ философской терпимости, такъ какъ это уже не было дѣломъ вѣры. Когда я отправлялась вкушать божественную пищу, я размышляла надъ словами Цицерона, что послѣ всѣхъ безумствъ людей по отношенію къ Божеству имъ только оставалось превратить его въ пищу, чтобы съѣсть его. Моя мать со всякимъ днемъ становилась набожнѣе, а это еще болѣе лишало меня возможности уклоняться отъ обыкновенныхъ обрядовъ: меня ничто такъ не пугало, какъ опасеніе огорчить ее. Аббатъ Ле-Гранъ, другъ аббата Бимонъ, иногда навѣщалъ ее; это былъ человѣкъ большого ума, въ которомъ одно одѣяніе—и то достаточно стѣснявшее его—изобличало его духовное званіе. Семья его сдѣлала изъ него священника, потому что нужно же было изъ трехъ братьевъ хоть одного опредѣлить въ духовное званіе; онъ былъ духовникомъ князя де-Ламбаль, получилъ послѣ смерти послѣдняго пенсію отъ Пентьевра и основался въ одномъ приходѣ, чтобы имѣть гдѣ-нибудь пристанище; мѣсто онъ выбралъ поближе отъ своего друга для того, чтобы имѣть удовольствіе его видѣть. Онъ страдалъ слабостью зрѣнія и ослѣпъ въ очень молодыхъ годахъ; это обстоятельство усилило его склонность къ размышленію и сдѣлало его чрезвычайно мечтательнымъ. Онъ любилъ разговаривать со мной и часто приносилъ мнѣ книги; это большей частью были философскія сочиненія, принципы которыхъ онъ обсуждалъ очень свободно. Моя мать никогда не спорила; я не смѣла доводить вещи до крайности; но она все же не препятствовала мнѣ читать и не порицала подобнаго выбора книгъ. Одинъ женевецъ, часовщикъ, находившійся въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ моимъ отцомъ, добрякъ, всегда хранившій какую-нибудь книжку среди своихъ ин-

струментовъ и имѣвшій довольно хорошую библіотеку, которую онъ зналъ такъ, какъ не знаютъ своихъ библіотекъ многіе вельможи, предложилъ мнѣ пользоваться этимъ маленькимъ сокровищемъ въ моемъ вкусѣ, и я воспользовалась его любезностью. Этотъ добрый г-нъ Морэ отличался здравымъ умомъ и разсуждалъ не только о своемъ искусствѣ, но и о морали и политикѣ; онъ затруднялся въ выраженіяхъ и говорилъ такъ медленно, что я еле сдерживала свое нетерпѣніе; но за то онъ, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ, отличался той основательностью ума, которая заставляетъ прощать недостатокъ привлекательности. Это онъ далъ мнѣ Бюфона и много другихъ произведеній; я упоминаю объ Бюфонѣ, чтобы напомнить то, что я говорила выше объ осторожности, съ какой его читала; философія, развивъ силу моей души и придавъ смѣлость уму, ничуть не уменьшила деликатности чувствъ и щепетильности моего воображенія, съ которымъ мнѣ столько приходилось бороться. Я занималась сперва нѣкоторое время физикой, затѣмъ математикой; Ноллэ, Реомюръ, Воннэ, которые мечтаютъ въ то время, какъ другіе описываютъ, заинтересовали меня въ свою очередь, также, какъ Мопертюи, который постоянно жалуется, даже въ то время, какъ описываетъ удовольствія улитокъ: наконецъ Риваръ внушилъ мнѣ желаніе сдѣлаться геометромъ. Геренъ, мраморщикъ и землемѣръ, человѣкъ мудрый и кроткій въ своемъ простосердечіи, явившись однажды къ моему отцу, чтобы побесѣдовать съ нимъ, засталъ меня до такой степени поглощенной in quarto Ривара, что я не замѣтила его прихода. Онъ вступилъ со мной въ разговоръ, и сказалъ мнѣ, что „основныя начала“ Клеро были бы гораздо полезнѣе для полученія понятій, которыя я желала имѣть. Онъ принесъ мнѣ на слѣдующій день экземпляръ, которымъ располагалъ. Въ немъ я дѣйствительно нашла простое изложеніе основныхъ принциповъ, и разсчитавъ, что сочиненіе это было для меня полезно и что мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ неудобно было лишать собственника пользованія имъ на то продолжительное время которое мнѣ-бы хотѣлось его продержать у себя, я просто-на-просто рѣшила списать его отъ доски до доски. включая сюда и 6 таблицъ. Мнѣ всегда становится смѣшно при воспоминаніи объ этой операціи. Всякая другая на моемъ мѣстѣ пожелала-бы пріобрѣсти это сочиненіе; мнѣ эта мысль не пришла даже въ голову; мысль же списать его возникла также естественно, какъ могло бы возникнуть рѣшеніе срисовать узоръ, и была почти также скоро приведена въ исполненіе; это былъ маленькій in-octavo. Среди моихъ бумагъ, вѣроятно, еще хранится эта забавная рукопись. Геометрія такъ заинтересовала меня, что мнѣ уже не нужно было алгебры; сухость этой послѣдней отбила у меня охоту заниматься ею, какъ только я изучила уравненія

1-й степени; я бросила за бортъ умноженіе дробей и рѣшила что лучше читать хорошіе стихи, чѣмъ изсыхать надъ корнями. Г-нъ Роланъ, ухаживая за мной нѣсколько лѣтъ спустя, тщетно пытался вновь пробудить это старинное увлеченіе; мы дѣлали много вычисленій; но выводъ посредствомъ икса никогда не увлекалъ меня настолько, чтобы надолго овладѣть моимъ вниманіемъ.

5-го сентября.

Я разрѣзываю тетрадь, чтобы вложить въ маленькій ящикъ то, что написала; когда я вижу, что издаются указы объ образованіи революціонной арміи, возникаютъ новые кровавые трибуналы, угрожаетъ голодъ, и тираны доведены до послѣдней крайности, — то я говорю себѣ, что они создадутъ новыя жертвы, и что никто не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что переживетъ еще 24 часа.

Переписка съ Софьей всегда была однимъ изъ самыхъ большихъ моихъ удовольствій; узы нашей дружбы стали еще тѣснѣе во время путешествій, которыя она нѣсколько разъ предпринимала въ Парижъ. Мое любящее сердце нуждалось, не скажу — въ химерѣ, но въ предметѣ особаго довѣрія и общенія; дружба давала мнѣ ихъ, я отдавалась ей съ наслажденіемъ. Мои отношенія къ матери, какъ они ни были нѣжны, не могли мнѣ замѣнить этой привязанности; они сохраняли характеръ серьезности, обусловливаемой съ одной стороны уваженіемъ, съ другой авторитетомъ. Моя мать могла все знать, я ничего не скрывала отъ нея; но я не могла ей всего сказать: матери дѣлаютъ признаніе, но свою довѣренность дарятъ лишь равнымъ.

Поэтому, хотя мать моя и не просила, чтобы я ей давала читать письма свои къ Софьѣ, она была очень довольна тѣмъ, что я ей ихъ показывала, и сдѣлка, придуманная нами по этому случаю, была очень забавна; мы пришли къ безмолвному соглашенію. Когда я получала извѣстія отъ своего друга, приходившія аккуратно всякую недѣлю, я прочитывала нѣсколько фразъ изъ ея письма, но не давала его читать. Когда я писала ей, я въ теченіе одного дня оставляла свое письмо на своемъ столѣ распечатаннымъ, но уже сложеннымъ въ конвертъ, на которомъ былъ надписанъ адресъ: моя мать всегда пользовалась свободной минутой, чтобы просмотрѣть его, что ей рѣдко случалось дѣлать въ моемъ присутствіи, и въ послѣднемъ случаѣ я всегда придумывала какой нибудь предлогъ чтобы удалиться; прочитывала ли она письмо или нѣтъ,—по истеченіи положеннаго нами опредѣленнаго срока я запечатывала свое письмо, иногда предварительно сдѣлавъ post-scriptum. Ей никогда не случалось заговаривать со мной по поводу прочитаннаго ею такимъ образомъ, но я пользовалась этимъ

случаемъ, чтобы знакомить ее со всѣмъ тѣмъ, что мнѣ хотѣлось, чтобы ей было извѣстно относительно моихъ наклонностей, вкусовъ, взглядовъ; я излагала ихъ со смѣлостью, которою не рѣшилась бы имѣть въ разговорѣ съ ней. Мои письма отъ этого не становились менѣе откровенны, такъ какъ я чувствовала, что имѣю право быть откровенной, и что другіе не могутъ на это претендовать. Мнѣ часто послѣ приходило въ голову, что будь я на мѣстѣ своей матери, мнѣ-бы захотѣлось стать во вполнѣ дружескія отношенія со своей дочерью, и если я о чемъ сожалѣю теперь, такъ только о томъ, что моя дочь не походитъ на меня; мы бы шли рядомъ, какъ товарищи, и я была бы счастлива. Но при большой добротѣ, въ моей матери была какая-то холодность, она была болѣе умна, нежели чувствительна, болѣе осторожна, нежели любяща. Она, можетъ быть, также замѣчала, что во мнѣ былъ полетъ, который долженъ былъ повести меня дальше, чѣмъ ее; ея обращеніе не вызывало принужденности, но исключало всякую фамильярность. Она не была ласкова, хотя глаза ея дышали нѣжностью и были обыкновенно устремлены на меня; я чувствовала ея душу, она проникала въ мою; но ея сдержанность также побуждала и меня къ сдержанности, которой иначе у меня не было бы въ отношеніяхъ съ ней; казалось, будто разстояніе, отдѣлявшее насъ друга отъ друга, выросло съ тѣхъ поръ, какъ я вышла изъ дѣтскаго возраста. Въ моей матери была какая-то важность, правда трогательная, но все же это была важность; она подавляла порывы моей страстной души, и я поняла всю силу моей привязанности къ ней лишь по тому отчаянію и изступленію, въ какія повергла меня ея утрата.

Наши дни протекали среди чарующей тишины; я посвящала бо̀льшую часть своего времени своимъ одинокимъ занятіямъ, я вся переносилась въ древность, исторію и искусства которой я изучала, взгляды и ученія которой я изслѣдовала. Утренняя месса, нѣсколько часовъ совмѣстнаго чтенія, обѣды и выѣзды были единственнымъ временемъ, который мы проводили вмѣстѣ съ моею матерью. Мы рѣдко выѣзжали изъ дому; а когда приходили гости, которыхъ я не любила, я отлично умѣла не выходить изъ своего маленькаго кабинета, и моя добрая мать никогда не вызывала меня оттуда, чтобы не сдѣлать мнѣ непріятности. Всѣ воскресные и праздничные дни мы посвящали прогулкамъ; иногда мы уходили очень далеко, и въ скоромъ времени стали это дѣлать почти постоянно, благодаря предпочтенію, которое я оказывала деревнѣ передъ разукрашенными садами столицы. Удовольствіе появляться иногда на общественныхъ гуляньяхъ не оставляло меня равнодушной; они въ то время представляли очень блестящее зрѣлище, и на долю молодежи всегда выпадала при этомъ пріятная роль. Внѣшняя привлекательность по-

стоянно вызывала къ себѣ поклоненіе, котораго всегда жаждетъ сердце молодой дѣвушки и котораго она не могла бы скрыть отъ себя изъ скромности. Но это удовольствіе не удовлетворяло меня; послѣ этихъ прогулокъ, во время которыхъ мое самолюбіе, чрезвычайно возбужденное, ловило все, что могло выставить меня въ выгодномъ видѣ, и увѣрить меня, что я не даромъ истратила свое время, я всегда ощущала невыносимую пустоту, безпокойство и отвращеніе, слишкомъ дорогой цѣной искупавшія удовольствіе, доставляемое тщеславіемъ. Я привыкла размышлять, отдавать себѣ отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ, вслѣдствіе чего я мучительно изслѣдовала причину такого тягостнаго чувства и пускала въ ходъ всю свою философію.

Неужели лишь для того, чтобы ласкать взоры подобно цвѣтамъ въ палисадникахъ и получать нѣсколько суетныхъ комплиментовъ, въ женщинахъ воспитываютъ добродѣтели и развиваютъ таланты? — Чѣмъ объяснить эту страсть къ удовольствію, поглощающую меня и не дѣлающую меня счастливой даже тогда, когда она повидимому удовлетворена? Какое мнѣ дѣло до любопытныхъ взглядовъ, до комплиментовъ, шепотомъ раздающихся въ незнакомой мнѣ толпѣ, можетъ быть состоящей изъ людей, которые бы оказались недостойными моего уваженія, если бы я ихъ узнала? Неужели я для того родилась на свѣтъ, чтобы тратить свою жизнь на суетныя заботы или бурныя чувства? — Ахъ, безъ сомнѣнія, мое назначеніе лучше этого; восторгъ, воспламеняющій меня къ всему, что красиво, мудро, велико и благородно, доказываетъ мнѣ, что я призвана осуществлять все это въ жизни; высокія и восхитительныя обязанности супруги и матери выпадутъ когда-нибудь на мою долю: я должна употребить свои молодые годы на то, чтобы сдѣлаться способной исполнять ихъ. Я должна изучить ихъ значеніе, должна, обуздывая свои чувства, научиться въ будущемъ управлять чувствами своихъ дѣтей; я должна своей привычкой къ самообладанію, заботой о развитіи своего ума обезпечить счастье самаго милаго на свѣтѣ общества, осчастливить человѣка, который окажется достойнымъ моей любви, озарить все то, что насъ будетъ окружать, счастьемъ, которое я ему дамъ и которое всецѣло явится моимъ созданіемъ. Грудь моя волновалась отъ этихъ мыслей; тревога, волненіе, умиленіе, заставлявшія меня проливать обильныя слезы, охватывали мое сердце; оно тогда возносилось къ Высшему Разуму, этой основной причинѣ, этому провидѣнію, какъ знать? къ этому принципу чувства и мысли, познать и вѣрить въ который для него было необходимо. О ты, который бросилъ меня на землю, сдѣлай, чтобы я исполнила на ней свое назначеніе способомъ, наиболѣе согласнымъ съ твоей святой волей и наиболѣе дѣйствительнымъ для блага моихъ братьевъ!—Эта наивная мо-

литва, простосердечная, какъ сердце подсказавшее ее, стала моей единственной молитвой; ни разсужденія философіи, ни какія бы то ни было заблужденія никогда не могли изсушить ея источника. Среди вихря свѣта и въ глубинѣ тюрьмы я произносила ее, также цѣльно отдаваясь своему чувству: я съ восторгомъ твердила ее при блестящихъ обстоятельствахъ своей жизни, я съ покорностью повторяю ее въ оковахъ; въ счастьѣ я отъ всей души желала охранить себя отъ всякой привязанности, которая не была бы на высотѣ моего назначенія; я старалась при несчастьѣ поддержать силу, необходимую, чтобы вынести испытанія, которымъ я подверглась. Я была увѣрена, что въ мірѣ есть событія, которыхъ человѣческій умъ не можетъ предотвратить; убѣждена, что самыя несчастныя событія не могутъ удручить здоровую душу; что наконецъ внутренній миръ, покорность неизбѣжному представляютъ основаніе счастья и образуютъ настоящую независимость мудреца и героя. Деревня давала мнѣ впечатлѣнія гораздо болѣе гармонировавшія съ моими мечтательными привычками, моимъ сосредоточеннымъ, нѣжнымъ и меланхоличнымъ настроеніемъ, которое во мнѣ укрѣплялось размышленіемъ и развитіемъ любящаго сердца. Мы часто ходили въ Медонъ, это было моей любимой прогулкой; я предпочитала его дикіе лѣса, его уединенные пруды, его еловыя аллеи, его высокоствольныя деревья наѣзженнымъ дорогамъ, однообразнымъ порослямъ Булонскаго лѣса, декораціямъ Бельвю, прилизаннымъ аллеямъ Сенъ-Клу. — „Куда мы пойдемъ завтра, если будетъ хорошая погода“, улыбаясь говаривалъ мой отецъ въ лѣтніе вечера по субботамъ: — „Въ Сенъ-Клу? Фонтаны будутъ пущены, тамъ будетъ много народу. — Ахъ, папа, если бы вы согласились пойти въ Медонъ, я бы гораздо больше была рада“. Въ 5 часовъ утра, въ воскресенье, всѣ уже были на ногахъ; легкое, свѣжее, очень простое платье, нѣсколько цвѣтовъ, газовая вуаль возвѣщали о планахъ на этотъ день. Оды Руссо, томъ Корнеля или что-либо другое, составляли весь мой багажъ. Мы отправлялись всѣ трое; шли къ Pont-Royal, который я видѣла изъ своего окна, и здѣсь садились въ маленькую лодку, привозившую насъ послѣ тихаго, пріятнаго и быстраго плаванія къ берегамъ Бельвю, неподалеку отъ стекляннаго завода, густой и черный дымъ котораго замѣчался на большомъ разстояніи. Тамъ, по крутымъ тропинкамъ, мы добирались до Медоновской аллеи: пройдя около двухъ третей ея, на правой сторонѣ и на небольшомъ возвышеніи мы замѣтили маленькій домикъ, сдѣлавшійся одной изъ нашихъ стоянокъ. Это былъ домъ одной молочницы, вдовы, жившей тамъ съ двумя коровами и нѣсколькими курицами. Такъ какъ нужно было спѣшить, чтобы воспользоваться часами дня для прогулки, мы рѣшили, что домъ этотъ

будетъ служить намъ мѣстомъ отдыха на обратномъ пути, и что хозяйка намъ дастъ миску парного молока. Этотъ порядокъ былъ установленъ такимъ образомъ, что всякій разъ, какъ мы поднимались по аллеѣ, мы заходили къ молочницѣ, чтобы ее предупредить, что мы явимся къ ней вечеромъ или на слѣдующій день, и чтобы напомнить ей о мискѣ съ молокомъ.

Эта добрая старуха очень привѣтливо принимала насъ; завтракъ, приправленный небольшимъ количествомъ чернаго хлѣба и очень веселымъ настроеніемъ духа, всегда имѣлъ видъ маленькаго праздника, послѣ котораго въ карманѣ молочницы всякій разъ оставалось нѣкоторое о немъ воспоминаніе. Обѣдали мы у одного изъ привратниковъ парка; мое желаніе удаляться отъ людныхъ мѣстъ заставило насъ отыскать уединенное мѣстечко, вполнѣ подходившее къ моимъ вкусамъ. Въ одинъ прекрасный день, послѣ того, какъ мы долго ходили по незнакомой части лѣса, мы вышли въ уединенное мѣсто, очень открытое, съ примыкавшей къ нему аллеей большихъ деревьевъ, подъ которыми рѣдко встрѣчались гуляющіе; нѣсколько другихъ деревьевъ, разбросанныхъ по прелестной лужайкѣ, такъ сказать, скрывали маленькій двухъ-этажный домикъ, очень чисто выстроенный.— Что̀ это такое?—Двое хорошенькихъ дѣтей играли передъ раскрытой дверью; они не имѣли городского вида, но на нихъ не лежалъ и отпечатокъ нищеты, столь обычной въ деревняхъ. Мы подошли и увидѣли на лѣвой сторонѣ огородъ, въ которомъ работалъ старикъ. Войти, поговорить съ нимъ, было дѣломъ одной минуты; мы узнали, что эта мѣстность называлась Villebonne; что тотъ, кто въ ней жилъ, былъ водопроводчикомъ въ Moulin Rouge, обязанный слѣдить за содержаніемъ въ порядкѣ канавъ, черезъ которыя была проведена вода въ нѣкоторыя части парка; что ничтожное жалованіе, получаемое на этой должности, частью поддерживало молодую семью, дѣтей которой мы видимъ передъ собой и которымъ онъ, старикъ, приходился дѣдушкой: что заботы о семьѣ падали на жену, между тѣмъ, какъ онъ обрабатывалъ этотъ огородъ, продукты котораго сынъ его въ минуты досуга ходилъ продавать въ городъ. Садъ былъ длиннымъ четырехугольникомъ, раздѣленный на 4 части, вокругъ которыхъ была проложена довольно широкая аллея; посрединѣ былъ расположенъ бассейнъ, поставлявшій воду для поливки; въ глубинѣ — ниша тисовыхъ деревьевъ, подъ которыми находилась большая каменная скамья, позволявшая отдыхать въ тѣни. Цвѣты, перемѣшанные съ овощами, придавали огороду веселый и привлекательный видъ; старикъ, сильный и довольный, напоминалъ мнѣ старика береговъ Галеза, воспѣтаго Виргиліемъ; онъ говорилъ съ удовольствіемъ и здравымъ смысломъ, и мнѣ не нуженъ былъ прихотливый вкусъ, чтобы оцѣнить

подобную встрѣчу; мое воображеніе не преминуло окружить ее всѣмъ тѣмъ, что̀ могло придать ей обаяніе. Мы спрашиваемъ, не въ обычаѣ ли у нихъ принимать посѣтителей.—„Ихъ почти не бываетъ,—сказалъ намъ старикъ, это мѣсто мало кому извѣстно; но когда кто приходитъ, мы не отказываемся угощать ихъ тѣмъ, что̀ въ себѣ заключаютъ птичій дворъ и садъ“. Мы просимъ, чтобы намъ дали пообѣдать; намъ подаютъ свѣжія яйца, овощи, салатъ въ хорошенькой бесѣдкѣ изъ жимолости, позади дома. Мнѣ никогда не случалось обѣдать болѣе пріятнымъ образомъ. Мое сердце успокоивалось подъ вліяніемъ невинности и радости очаровательнаго положенія. Я очень ласкала маленькихъ дѣтей; я выразила глубокое свое почтеніе старику; молодая женщина казалось очень довольной тѣмъ, что приняла насъ; они завели рѣчь о двухъ комнатахъ въ ихъ домѣ, которыми они могли располагать для тѣхъ, кто бы пожелалъ нанять ихъ на 3 мѣсяца, и мы составляли проектъ нанять ихъ. Этотъ привлекательный проектъ не былъ приведенъ въ исполненіе; я уже никогда не возвращалась въ Villebonne, такъ какъ мы уже съ давнихъ поръ посѣщали Медонъ, когда сдѣлали это открытіе, и мы избрали деревенскую гостинницу для ночлеговъ, когда два праздника къ ряду позволяли продолжить нашу отлучку. Въ этой гостинницѣ, носившей кажется названіе Королевы Франціи, съ нами случилось смѣшное приключеніе. Мы занимали комнату съ двумя кроватями, въ бо̀льшей изъ нихъ я спала со своей матерью; другую, стоявшую въ углу комнаты, занималъ мой отецъ одинъ. Въ одинъ прекрасный вечеръ онъ улегся въ постель и, желая совсѣмъ аккуратно задернуть свой пологъ, онъ такъ крѣпко дернулъ его, что балдахинъ надъ кроватью упалъ и совершенно прикрылъ его собой; послѣ минутнаго испуга мы всѣ принялись смѣяться надъ происшествіемъ, до того балдахинъ упалъ удачно, прикрывъ собой моего отца, но не ушибивъ его. Мы зовемъ на помощь, чтобы его освободить: является хозяйка гостинницы; удивленная при видѣ своей разоренной кровати, она вскрикиваетъ съ видомъ величайшаго простодушія: — „Ахъ Боже мой! какъ это могло случиться? Вотъ уже 17 лѣтъ, какъ онъ поставленъ; онъ ни разу не трогался съ мѣста!“. Это разсужденіе разсмѣшило меня еще больше, чѣмъ паденіе балдахина; я часто имѣла случай его примѣнять или, вѣрнѣе, сравнивать съ доводами, которые мнѣ приходилось слышать въ обществѣ, и я тихонько говорила своей матери: „это также хорошо, какъ 17 лѣтъ существованія кровати для доказательства ея несокрушимости“.

Милый Медонъ! какъ часто я дышала подъ сѣнью твоихъ деревьевъ, благословляя творца своей жизни, жаждая того, что могло когда нибудь сдѣлать ее болѣе полной; но съ тою прелестью желанія,

лишеннаго нетерпѣнія, которая лишь окрашиваетъ облака будущаго лучами надежды! Сколько разъ я собирала въ твоихъ прохладныхъ уголкахъ листья крапчатаго папоротника, яркіе цвѣты орхидей! Какъ я любила отдыхать подъ этими большими деревьями, неподалеку отъ лужаекъ, гдѣ я видѣла, какъ иногда пробѣгала робкая, быстрая лань! Я вспоминаю о тѣхъ болѣе темныхъ мѣстахъ, гдѣ мы сидѣли въ минуты жары; тамъ, пока мой отецъ, лежавшій на травѣ, и моя мать, тихо прислонившаяся къ кучѣ листьевъ, которые я приготовила, предавались послѣ-обѣденному сну, я созерцала величіе твоихъ безмолвныхъ лѣсовъ, я восхищалась природой, я поклонялась Провидѣнію, благодѣянія котораго я чувствовала; огонь чувства окрашивалъ мои влажныя щеки, и для моего сердца прелесть земного рая осуществлялась въ твоемъ сельскомъ уединеніи. Разсказы о моихъ прогулкахъ и о счастіи, доставляемомъ мнѣ ими, занимали много мѣста въ моей перепискѣ съ Софьей; иногда моя проза перебивалась стихами,— безпорядочными, но свободными и иногда счастливыми созданіями души, для которой все было жизнью, картиной и счастьемъ.

Софья, какъ я уже замѣтила, была брошена въ свѣтъ, гдѣ она была лишена удовольствій, которыми я, какъ она видѣла, наслаждалась въ своемъ уединеніи; я познакомилась съ нѣсколькими членами ея семьи и въ ихъ обществѣ научилась еще больше цѣнить свое уединеніе.

Она останавливалась въ Парижѣ, во время своихъ путешествій со своей матерью, у двоюродныхъ сестеръ-дѣвицъ, которыхъ звали de Lamotte; это были двѣ старыя дѣвы; одна изъ нихъ, набожный меланхоликъ, не покидала своей комнаты, гдѣ она повторяла молитвы, бранила прислугу, вязала чулки и довольно дѣльно разсуждала о своихъ дѣловыхъ интересахъ; другая, добрая душа, сидѣла въ гостиной, принимала гостей, читала псалмы и играла въ карты: обѣ придавали большое значеніе тому, что родились благородными дѣвицами; плохо понимали, чтобы возможно было себѣ создавать общество изъ лицъ, у которыхъ, по меньшей мѣрѣ, отецъ не получилъ дворянства, и берегли, не рѣшаясь имъ пользоваться, какъ эмблему знатности происхожденія ихъ семьи, мѣшокъ, въ которомъ прежде хранились и доставлялись въ церковь молитвенники ихъ матери. Они пріютили у себя молодую дѣвушку, свою родственницу, и предполагали увеличить ея маленькое состояніе еслибы только ей удалось выйти замужъ за дворянина. Дѣвица d'Haugard, такъ звали молодую дѣвушку, была полной, очень свѣжей брюнеткой, могучаго, почти страшнаго здоровья, съ провинціальными манерами, не скрывавшими нѣсколько рѣзкаго характера и очень посредственнаго ума. Самое любопытное лицо въ домѣ былъ адвокатъ Perdu, вдовецъ, проѣвшій

свое состояніе, котораго сестра его (мать моей Софьи) помѣстила нахлѣбникомъ къ двоюроднымъ сестрамъ, чтобы онъ прилично провелъ послѣдніе годы своей безполезной жизни. Г-нъ Perdu, толстый и разряженный на-славу, посвящалъ большую часть утра заботамъ о своей особѣ, ѣлъ долго, критикуя кушанья, проводилъ въ Люксембургѣ по нѣскольку часовъ въ день и заканчивалъ послѣдній партіей въ пикетъ. Онъ придавалъ знатности еще большее значеніе, чѣмъ его старыя кузины, претендовалъ на аристократическую внѣшность и кичился знаніемъ мельчайшихъ тонкостей свѣтскаго приличія. Я его называла не иначе, какъ „командоръ", когда говорила Софьѣ объ ея дядѣ, до того онъ мнѣ напоминалъ командора изъ „Père de famille". Итакъ тонъ „командора" въ обращеніи со своими племянницами отличался извѣстнымъ превосходствомъ, къ которому вся его тонкая рыцарская любезность должна была служить, по его мнѣнію, какъ бы легкой приправой; но его поведеніе съ дѣвицею d'Haugard было странно; ея свѣжесть и постоянное присутствіе будили его воображеніе, внушали ему нѣчто такое, въ чемъ бы онъ не посмѣлъ признаться и что иногда заставляло его досадовать на своего племянника.

Этотъ племянникъ, котораго звали Selincourt, былъ высокимъ молодымъ человѣкомъ, съ нѣжнымъ лицомъ и голосомъ, онъ былъ нѣсколько похожъ на свою сестру Софью; разговоръ его былъ остроуменъ, манеры привлекательны; ихъ не безобразила нѣкоторая застѣнчивость, такъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось даже и тогда, когда я замѣчала, что она усиливалась въ моемъ присутствіи. Отношеніе къ нему всей семьи и все другое заставляло въ немъ предполагать искателя руки дѣвицы d'Haugard.

Что касается до общества дѣвицъ de Lamotte, то оно состояло изъ одного графа d'Essales, сдѣлавшагося кавалеромъ ордена Святого Людовика въ Канадѣ, гдѣ онъ женился на дочери губернатора; всегда старательно избѣгавшій всякой опасности, невѣжественный, заносчивый, болтливый, онъ приходилъ играть въ карты съ одной маркизой de Caillavelle, благородной вдовой, съ которой онъ игралъ не въ одну игру, чего не замѣчали добрыя старушки. Г-жа Bernier, большая янсенистка, при томъ женщина съ здравымъ смысломъ, мужъ которой вышелъ изъ парламента Бретани во время процесса Chalotais, появлялась въ этомъ домѣ, но рѣже, со своими двумя дочерьми—ученой и ханжой. Нѣжное сердце послѣдней привлекло бы меня къ себѣ, но ея наклоненная шея съ трудомъ поддерживала на себѣ голову, до такой степени озабоченную, что въ ней не оставалось больше мѣста ни для какой мысли; ученая была нѣсколько болтлива, но отличалась такимъ здравымъ умомъ и вкусомъ, что они искупали ея отталкивающую наружность. Г-нъ de Vouglans какъ бы заканчивалъ собой картину.

Для тѣхъ, кто читалъ „Мотивы моей вѣры въ Іисуса Христа", написанные однимъ чиновникомъ, и сборникъ „Преступныхъ законовъ", добросовѣстную компиляцію, въ которой фанатизмъ и жестокость соперничаютъ съ трудолюбіемъ,—нѣтъ нужды писать его портретъ. Я никогда не встрѣчала человѣка, кровожадная нетерпимость котораго меня бы сильнѣе возмущала; онъ очень любилъ разговаривать съ отцемъ Romain Joly, старенькимъ капуциномъ, духовникомъ дѣвицъ de Lamotte, писавшимъ противъ Вольтера стихи, въ которыхъ онъ его сравнивалъ съ сатаной, и постоянно цитировавшимъ въ своихъ проповѣдяхъ капитуларіи Карла Великаго и ордонансы нашихъ королей. Я имѣла удовольствіе обѣдать съ нимъ у кузинъ, слышать его проповѣди въ своей приходской церкви и прочесть его *Фаэтона*; я могла бы на него написать хорошую каррикатуру, еслибы имѣла смѣлость стряхнуть съ его духовнаго одѣянія глупость и лицемѣріе, соединенныя съ самой ребяческой ученостью. Подруга Софьи играла забавную роль въ этомъ обществѣ, гдѣ за ея спиной вздыхали о томъ, что такая благовоспитанная дѣвица не благороднаго происхожденія. Я даже не сомнѣваюсь, что командоръ со свойственной ему мудростью не разъ разсуждалъ о томъ, прилично ли его племянницѣ поддерживать подобное знакомство. Но дѣвица отличалась прекрасными манерами, скромностью, которою очень дорожили старыя кузины; и за исключеніемъ нѣкоторыхъ фразъ, отзывавшихся остроуміемъ, которыя командоръ заставлялъ свою племянницу осуждать, онъ не могъ воздержаться отъ того, чтобы не похвалить ее. Ему случалось брать на свое попеченіе письма своей племянницы во время ея отсутствія и самому приносить ихъ къ моей матери; это еще гораздо чаще дѣлалъ бы Selincourt, еслибы его сестра соглашалась давать ему это порученіе.

Ничтожность, причуды этихъ лицъ, на которыхъ, безъ сомнѣнія, походило много свѣтскихъ людей, заставляли меня размышлять о пустотѣ свѣта и о преимуществѣ не быть обязанной посѣщать его. Софья перечисляла мнѣ лицъ, которыхъ она видѣла въ Аміенѣ, обрисовывала мнѣ въ общихъ чертахъ ихъ характеры, давала мнѣ понятіе о безсодержательности большинства изъ нихъ; и въ общей сложности выходило въ концѣ года, что я въ своемъ уединеніи видѣла больше достойныхъ людей, чѣмъ она въ своемъ круговоротѣ. Это не трудно себѣ представить, если вспомнить, что мой отецъ поддерживалъ сношенія лишь съ артистами, изъ которыхъ никто у него не бывалъ постоянно, хотя нѣкоторые изъ нихъ иногда собирались у него. Столичные жители, хотя бы и не принадлежащіе къ высшему обществу, обладаютъ суммой познаній и тою воспитанностью, которая несомнѣнно отсутствуетъ какъ среди провинціальныхъ дворянчиковъ, такъ и среди коммерсантовъ, спѣшащихъ обогатиться, чтобы купить себѣ дворянство. Разговоръ

добраго Jollain, художника Академіи, честнаго l'Épine, ученика Пигалля, Desmarteau, сотоварища моего отца, сына Фальконета, d'Hauterne, который могъ бы, благодаря своимъ талантамъ, сразу попасть въ академію, еслибы доступъ въ нее не былъ закрытъ ему, какъ протестанту, женевцевъ часовщиковъ Ballexserd и Moré, изъ которыхъ первый писалъ физическомъ воспитаніи,—этотъ разговоръ отличался несомнѣнно большими достоинствами, чѣмъ разговоръ милліонера Cannet, который, видя успѣхъ трагедіи своего родственника du Belloy и, разсчитавъ выгоду, которую послѣдній долженъ былъ изъ нея извлечь, говорилъ вполнѣ серьезно и съ досадой: „отчего отецъ мой не научилъ меня сочинять трагедіи? я бы ихъ писалъ по воскресеньямъ!“ И со всѣмъ тѣмъ эти богатые люди, эти жалкіе новопожалованные дворяне, эти наглые военные, какъ D'Essales, эти убогіе чиновники, какъ Vouglans, считали себя устоями гражданскаго общества и дѣйствительно пользовались привиллегіями, въ которыхъ отказано было достоинству. Я сравнивала эти нелѣпыя проявленія человѣческой гордости съ картинами Попа, изображавшаго ея дѣйствіе въ удовлетвореніи ремесленника, наряжающагося въ свой фартукъ съ такою-же гордостью, съ какою король носитъ свою корону; я старалась вмѣстѣ съ нимъ находить, что все хорошо, но моя гордость мнѣ доказывала, что все лучше въ республикѣ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что положеніе наше сильно вліяетъ на нашъ характеръ и наши взгляды; но можно подумать, что въ воспитаніи, которое я получила, въ идеяхъ, которыя пріобрѣла путемъ занятій или подъ вліяніемъ свѣта, все было разсчитано на то, чтобы возбудить во мнѣ республиканскій энтузіазмъ, научая меня понимать смѣшныя стороны и чувствовать несправедливость множества преимуществъ и отличій. Поэтому я, когда читала, увлекалась реформаторами неравенства; я была Агисомъ и Клеоменомъ въ Спартѣ; была Гракхами въ Римѣ; и я бы, подобно Корнеліи, упрекала своихъ сыновей за то, что меня называютъ лишь тещей Сципіона. Я удалялась вмѣстѣ съ народомъ на Авентинскій холмъ и голосовала за трибуновъ. Теперь, когда опытъ научилъ меня все взвѣшивать съ безпристрастіемъ, я усматриваю въ предпріятіи Гракховъ и въ поведеніи трибуновъ ошибки и зло, ранѣе не производившія на меня достаточно сильнаго впечатлѣнія.

Когда я присутствовала при томъ зрѣлищѣ, какое часто представляла столица во время въѣздовъ королевы или принцевъ, благодарственныхъ молебствій послѣ родовъ и т. д., я съ болью въ сердцѣ сравнивала эту азіатскую роскошь, эту дерзкую пышность съ нищетой и униженіемъ одичалаго народа, который стекался при проѣздѣ идоловъ собственнаго созданія, глупо рукоплеская блестящему великолѣпію, за

которое ему приходилось расплачиваться въ ущербъ удовлетворенія первыхъ потребностей. Распутство двора въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV — это презрѣніе къ морали, охватившее всѣ классы; эти излишества, являвшіяся предметомъ всѣхъ частныхъ разговоровъ, возбуждали мое негодованіе и удивленіе. Не усматривая еще зародышей революціи, я спрашивала себя, какъ могъ поддерживаться подобный порядокъ вещей. Я знала изъ исторіи, что всѣ государства, достигшіе такой степени разврата, колебались и падали, и я слышала, какъ французы смѣялись и пѣли надъ собственными несчастьями; я находила, что ихъ сосѣди, англичане, были правы, считая ихъ дѣтьми. Я привязалась къ этимъ сосѣдямъ; сочиненіе Делольма ознакомило меня съ ихъ конституціей; я старалась узнать ихъ писателей, я изучала ихъ литературу, но тогда лишь въ переводахъ.

Такъ какъ доводы Ballexserd не въ состояніи были побороть нежеланіе моихъ родителей привить мнѣ оспу въ дѣтствѣ, то я 18-ти лѣтъ заболѣла ею. Это время глубоко врѣзалось мнѣ въ память, не вслѣдствіе страховъ, внушенныхъ мнѣ болѣзнью,—я уже тогда была слишкомъ философски настроена, чтобы не перенести это испытаніе съ твердостью,—но вслѣдствіе невѣроятной и трогательной заботливости моей матери. Какъ сильно было ея горе и какъ она была дѣятельна! Какъ безпокойство волновало ее! Какая нѣжность проявлялась во всѣхъ ея заботахъ! Даже ночью, когда я думала, что мнѣ передаетъ что-либо моя сидѣлка, я видѣла руку, слышала голосъ моей матери; она всякую секунду вскакивала изъ своей постели, чтобы подойти къ моему изголовью; она жадными глазами, такъ сказать, пожирала мои движенія и слова доктора; она украдкой и противъ воли своей проливала слезы, когда глаза ея устремлялись на меня, тщетно старавшуюся успокоить ее своей улыбкой. У нея никогда не было оспы, также какъ и у моего отца; ни тотъ, ни другой не пропустили ни одного дня, не поцѣловавъ мое больное лицо, которое я старалась спрятать отъ нихъ изъ опасенія, чтобы эти прикосновенія не были для нихъ пагубны. Моя Агата была въ отчаяніи, что ее задерживало заключеніе въ монастырѣ, и прислала ко мнѣ одну свою родственницу, милую мать четырехъ дѣтей, которой она внушила долю своей привязанности ко мнѣ и которая упорно продолжала посѣщать и цѣловать меня, не думая о себѣ. Пришлось скрыть отъ Софьи, бывшей тогда въ Парижѣ, о положеніи ея подруги; ей сказали, будто я внезапно уѣхала въ деревню, чтобы дать пройти опасному времени безъ сношеній: но Sélincourt всякій день приходилъ навѣдываться о моемъ здоровьѣ отъ имени своей матери; я изъ своей комнаты слышала его горестное восклицаніе, когда ему сказали, что боялись осложненія гнилой горячки и оспы. У меня сдѣлалась сыпная лихо-

радка, своимъ высыпаніемъ ослабившая оспу, такъ что оспа у меня проявилась лишь въ видѣ очень крупныхъ и рѣдкихъ прыщей, незамѣтно спавшихъ безъ нагноенія и оставившихъ послѣ себя лишь сухую кожу, которая легко отпала. „Это, сказалъ мнѣ докторъ Missa, оспа, называемая итальянцами „ravaglioni", прыщи ложнаго нагноенія; она не оставляетъ слѣдовъ". И дѣйствительно, болѣзнь эта даже не испортила глади кожи; но золотуха повергла меня послѣ того, какъ опасность миновала, въ изнуреніе, изъ котораго я вышла лишь по прошествіи 4-хъ или 5-ти мѣсяцевъ. Когда я здорова, я сосредоточена и слишкомъ нѣжна, чтобы быть веселой, но я терпѣливо переношу страданія; когда я больна, я лишь о томъ думаю, чтобы развлечься отъ собственныхъ страданій и усладить томительныя заботы, которыми мои близкіе должны окружать меня: я тогда пускаю бразды своей фантазіи; говорю вздоръ и сама смѣшу другихъ. Докторъ Missa, человѣкъ умный, очень нравился мнѣ; онъ былъ достаточно старъ, чтобы я не чувствовала съ нимъ той принужденности, какая мною овладѣвала съ лицами его пола: мы во время его посѣщеній пріятно бесѣдовали съ нимъ, онъ охотно засиживался, и мы съ нимъ подружились. „Одинъ изъ насъ, сказалъ онъ какъ-то мнѣ, очень виноватъ передъ другимъ: или я родился слишкомъ рано, или вы родились слишкомъ поздно". Хотя Missa и интересовалъ меня своимъ умомъ, но его возрастъ не позволилъ мнѣ счесть за вину то, что я родилась позже его; я только улыбнулась ему въ отвѣтъ. Онъ воспитывалъ племянницъ, съ которыми захотѣлъ познакомить меня; мы нѣсколько разъ были другъ у друга; но такъ какъ ихъ также не выпускали безъ гувернантки, какъ и меня мать моя не выпускала безъ себя, и такъ какъ занятія ихъ дяди не давали ему возможности поддерживать это знакомство, оно не упрочилось, благодаря затрудненіямъ, связаннымъ съ разстояніемъ и нашими взаимными домосѣдными привычками.

Missa однажды очень бранилъ меня, когда нашелъ у меня на постели „Изслѣдованіе истины" отца Мальбранша. „Ахъ, Боже мой!— сказала я ему:—еслибы всѣ ваши больные развлекались подобными вещами вмѣсто того, чтобы раздражаться на свои страданія и на васъ самихъ, у васъ не было бы столько дѣла". Нѣсколько человѣкъ сидѣло у меня въ комнатѣ; разговоръ зашелъ о какомъ то займѣ, указъ о заключеніи коего только-что появился и за которымъ уже гнался весь Парижъ. „Французы, сказалъ Missa, падки на довѣріе".—„Скажите лучше, падки на вѣроятность", замѣтила я ему. — „Да, отвѣтилъ Missa, ваше замѣчаніе справедливо и глубоко". — „Не браните же меня за то, что я изучаю Мальбранша, перебила я его съ живостью; вы же видите, что я не теряю своего времени".

Missa на его практикѣ сопровождалъ молодой врачъ, недавно получившій степень; онъ иногда присылалъ его впередъ, ждать своего прихода. Этого молодого человѣка, употребляя его выраженіе, нельзя было обвинить въ томъ, что онъ слишкомъ рано родился; но хотя онъ былъ довольно недуренъ собой, въ немъ было что-то высокомѣрное, что мнѣ не нравилось. У меня такое сильное природное отвращеніе къ жеманству и самонадѣянному тону, что я всегда считаю ихъ доказательствомъ посредственности, даже глупости, хотя нужно сказать, что при старомъ режимѣ они иногда являлись лишь странностями молодости. Словомъ, вмѣсто того, чтобы очаровывать меня, эти качества меня сердятъ, и я всегда дурно сужу о людяхъ, ихъ обнаруживающихъ. Это все, что у меня осталось въ памяти о молодомъ докторѣ, котораго съ тѣхъ поръ я больше не видѣла и, вѣроятно, никогда больше не увижу, такъ какъ я слышала, что какой-то парижскій докторъ этого имени эмигрировалъ послѣ революціи.

Такъ какъ для полнаго моего выздоровленія мнѣ необходимо было уѣхать въ деревню, то мы отправились подышать ея благодѣтельнымъ воздухомъ къ г-ну и г-жѣ Besnard; мы съ матерью уже въ теченіе двухъ лѣтъ проводили у нихъ почти весь сентябрь. Въ ихъ положеніи опять было нѣчто очень способное дать пищу моимъ философскимъ размышленіямъ и сосредоточить мои мысли на недостаткахъ общественнаго строя.

Г-жа Besnard, послѣ постигшаго ее вмѣстѣ съ сестрами разоренія, поступила къ одному откупщику, къ старику Haudry, хозяйствомъ котораго она завѣдывала; тамъ она вышла замужъ за управляющаго, г-на Besnard, съ которымъ она, съ давнихъ поръ удалившись отъ свѣта, жила скромно, наслаждаясь миромъ и счастьемъ.

Г-жа Phlipon съ довольно неумѣстною гордостью вспоминала при мнѣ, въ семейномъ кругу, о томъ, какъ она была недовольна этой свадьбой; насколько я могла объ этомъ судить, она несомнѣнно была неправа. Г-нъ Besnard былъ честенъ, нравственъ; какъ то, такъ и другое должно было тѣмъ болѣе говорить въ его пользу, чѣмъ рѣже эти свойства встрѣчались въ его средѣ; самые деликатные поступки всегда отмѣчали его отношеніе къ его женѣ; невозможно было высказывать больше благоговѣнія, нѣжности и самопожертвованія. Среди радостей счастливаго супружества они, новые Филемонъ и Бавкида, продолжаютъ свой жизненный путь, снискивая себѣ уваженіе всѣхъ, кто только можетъ быть свидѣтелемъ ихъ чистосердечія, ихъ добродѣтели: я горжусь родствомъ съ ними, и при ихъ характерѣ и поведеніи также гордилась бы этимъ, еслибы даже г-нъ Besnard былъ лакеемъ.

Старый Haudry, самъ нажившій свое богатство, умеръ; онъ оставилъ большое состояніе сыну, который, родившись въ достаткѣ, долженъ былъ расточить его. Этотъ сынъ, уже потерявшій свою очаровательную жену, очень много тратилъ и проводилъ, по обыкновенію богатыхъ людей, нѣкоторое время въ замкѣ Soucy, куда онъ гораздо болѣе переносилъ съ собой городской образъ жизни, чѣмъ приспособлялся къ тону, который приличенъ деревнѣ. Въ его владѣнія входило нѣсколько соединенныхъ имѣній; въ ближайшемъ къ Soucy имѣніи (Fontenay) былъ старинный замокъ, въ которомъ онъ любилъ поселять гостей; онъ помѣстилъ въ немъ одного нотаріуса, одного управляющаго, и убѣдилъ г-на и г-жу Besnard занять въ немъ помѣщеніе, гдѣ бы они проводили часть лѣта. Это было очень полезно для надзора за помѣстьемъ и кромѣ того придавало ему тонъ вельможи, которымъ онъ дорожилъ. Г-нъ и г-жа Besnard имѣли хорошую квартиру и могли наслаждаться прогулками въ паркѣ, запущенность котораго представляла пріятный контрастъ съ садами Soucy и нравилась мнѣ больше, чѣмъ роскошь, отличавшая мѣстопребываніе откупщика. Когда мы пріѣхали къ г-жѣ Besnard, она пожелала, чтобы мы отправились съ визитомъ въ Soucy, гдѣ теща и свояченица Haudry жили съ нимъ и принимали его гостей. Этотъ визитъ мы скромно сдѣлали передъ обѣдомъ; я безъ всякаго удовольствія вошла въ гостиную, гдѣ г-жа Pénault и ея дочь приняли насъ, правда, очень любезно, но съ тономъ нѣкотораго превосходства. Манеры моей матери, самый характеръ мой, который обнаруживался подъ внѣшнимъ видомъ моей застѣнчивости, проистекавшей отъ сознанія достоинства и опасенія не быть оцѣненной, почти не позволяли однако проявлять этого превосходства; мнѣ дѣлали комплименты, которые мнѣ мало льстили и на которые я отвѣчала съ нѣкоторымъ лукавствомъ, когда какіе-то паразиты, кавалеры креста Святаго Людовика, всегда слоняющіеся у богатыхъ, какъ тѣни на берегахъ Ахерона, стремились прибавить къ нимъ и свою лепту.

Нѣсколько дней спустя эти дамы не преминули отдать намъ нашъ визитъ; ихъ сопровождало общество, гостившее въ замкѣ; визитъ въ Fontenay былъ избранъ цѣлью прогулки: я тогда была любезнѣе и съумѣла выразить въ своемъ пріемѣ тотъ оттѣнокъ скромной и исполненной достоинства учтивости, которая возстановляла равновѣсіе. Г-жа Pénault однажды пригласила насъ къ обѣду; я никогда не была болѣе удивлена, чѣмъ когда узнала, что приглашала она насъ не къ себѣ, а въ людскую (office). Я прекрасно сознавала, что такъ какъ г-нъ Besnard прежде служилъ тамъ, я не должна была, изъ уваженія къ нему, казаться недовольной тѣмъ, что нахожусь въ ней; но мнѣ также казалось, что г-жа Pénault могла иначе распорядиться и избавить насъ

отъ этой неучтивой любезности. Моя бабушка также смотрѣла на это; но чтобы избѣгнуть всякаго столкновенія, мы приняли приглашеніе. Эти второстепеныя божества были для меня новымъ зрѣлищемъ; я не представляла себѣ, что такое горничныя, разыгрывающія роль знатныхъ дамъ. Онѣ принарядились, чтобы принять насъ, и подражаніе было дѣйствительно вѣрное. Туалетъ, манеры, ужимки, ничто не было забыто. Еще свѣжіе, обноски ихъ барынь придавали ихъ наряду великолѣпіе, котораго бы не позволили себѣ честные буржуа; каррикатура хорошаго тона придавала имъ нѣкоторое щегольство, столь же чуждое буржуазной скромности, какъ и артистическому вкусу; тѣмъ не менѣе болтовня и манеры могли бы ввести въ заблужденіе провинціаловъ. У мужчинъ было хуже: шпага г-на дворецкаго, ухаживанье г-на повара, любезности и блестящее платье господъ камердинеровъ не могли искупить ихъ неловкихъ манеръ, замѣшательства рѣчи, когда они хотѣли, чтобы она казалась изящной, или тривіальности выраженій, когда они забывали наблюдать за собой. Разговоръ вертѣлся на маркизахъ, графахъ, финансистахъ, титулы, состояніе, связи которыхъ, казалось, были почетомъ, богатствомъ и дѣломъ тѣхъ, кто о нихъ толковалъ. Остатки съ господскаго стола вновь появлялись за этимъ вторымъ столомъ въ порядкѣ и чистотѣ, производившихъ иллюзію свѣжаго изготовленія, и въ такомъ изобиліи, что остатковъ должно было хватить для третьяго стола, людского въ собственномъ смыслѣ, — лица за вторымъ столомъ, назывались служащими (officiers). Послѣ обѣда слѣдовала игра въ карты по большой—обыкновенная партія этихъ дѣвицъ, которыя не пропускали безъ игры ни одного дня. Я увидѣла новый міръ, гдѣ нашла повтореніе предразсудковъ, пороковъ и глупости другого свѣта, который совсѣмъ не былъ лучше его, хотя и казался болѣе блестящимъ. Я тысячу разъ слышала разсказы о происхожденіи стараго Haudry, пріѣхавшаго въ Парижъ изъ деревни; ему удалось собрать милліоны на счетъ общества, выдать свою дочь за Montule, своихъ внучекъ за маркиза Duchillau и за графа Turpin, и оставить сына своего наслѣдникомъ своихъ богатствъ. Я вспомнила остроту Монтескье, что финансисты также поддерживаютъ государства, какъ веревка поддерживаетъ повѣшеннаго. Я понимала, что ростовщики, находившіе возможность обогащаться до такой степени и пользоваться своимъ богатствомъ для заключенія связей съ семействами, которыхъ политика дворовъ считала необходимыми для блеска королевства и полезными для его охраны, могли появиться лишь при плохомъ строѣ и среди очень испорченнаго народа. Я не знала, что существуетъ еще болѣе ужасный порядокъ и еще болѣе гнусная

испорченность; но кто могъ себѣ это представить? Всѣ философы въ этомъ также обманулись, какъ я.

По воскресеньямъ въ Soucy танцовали подъ открытымъ небомъ, подъ сѣнью деревьевъ; здѣсь удовольствіе сглаживало большую часть сословныхъ различій, а какъ только дѣло касалось проявленія личнаго достоинства, я не боялась, что не съумѣю занять подобающаго мнѣ мѣста. Вновь прибывшіе шепотомъ спрашивали другъ у друга, кто я такая, но я никому не давала насытиться моимъ присутствіемъ; и повеселившись въ теченіе одного часа, я скрывалась отъ любопытныхъ и удалялась со своими родителями на прогулку, тихими мгновеніями которой я бы не пожертвовала ради шумнаго, но всегда безсмысленнаго для моего сердца удовольствія такого рода пріемовъ. Я иногда видала Haudry, еще молодого, разыгрывавшаго изъ себя вельможу, дававшаго волю своимъ фантазіямъ, желавшаго казаться великодушнымъ и благороднымъ; онъ начиналъ внушать безпокойство своей семьѣ; его безрасудство съ куртизанкой Laguerre подготовляло его разореніе: его жалѣли, какъ вѣтренника, но не осуждали, какъ негодяя; это былъ баловень счастья, который, не родись онъ богатымъ, несомнѣнно былъ бы гораздо лучше. Смуглый въ лицѣ, съ поднятой головой, покровительственными манерами, милостивымъ видомъ, онъ, можетъ быть, былъ любезенъ съ тѣми, которыхъ считалъ своими равными: но я очень не любила встрѣчаться съ нимъ, и его присутствіе всегда заставляло меня принимать очень гордый и важный видъ.

Въ прошломъ году, выходя изъ той красивой столовой, которую элегантный Calonne устроилъ въ домѣ главной контрольной палаты, позже занятомъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, я встрѣтила во второй пріемной человѣка высокаго роста, съ сѣдыми волосами, приличнымъ видомъ, который почтительно заговорилъ со мной.—„Сударыня, я надѣялся, что мнѣ удастся поговорить съ министромъ, когда онъ встанетъ изъ за стола; мнѣ нужно побесѣдовать съ нимъ.“— „Милостивый Государь, вы сейчасъ увидите его, его задержали въ сосѣдней комнатѣ, но онъ сейчасъ пройдетъ мимо“. Я поклонилась и продолжала свой путь, чтобы вернуться къ себѣ въ комнату. Нѣкоторое время спустя туда явился Роланъ; я спрашиваю его, не видѣлъ ли онъ господина, примѣты котораго я ему описываю, повидимому боявшагося, что не встрѣтится съ нимъ. „Да, это г-нъ Haudry“.—Какъ, бывшій генеральный откупщикъ, промотавшій такое большое состояніе?—„Онъ самый“.—Какое у него дѣло до министра внутреннихъ дѣлъ?—„Онъ имѣетъ съ нимъ сношенія по дѣламъ Севрской фабрики, во главѣ которой онъ поставленъ“. Какая игра случая! Новый поводъ для размышленій; мнѣ уже представлялся большой поводъ къ этому, когда я въ

первый разъ вошла въ комнаты, въ которыхъ жила г-жа Неккеръ въ дни своей славы; я ихъ занимаю вторично, и онѣ тѣмъ вѣрнѣе свидѣтельствуютъ о превратности человѣческихъ дѣлъ; но по крайней мѣрѣ несчастія никогда не застигнутъ меня врасплохъ. Дѣло было въ октябрѣ мѣсяцѣ; Дантонъ доставлялъ мнѣ извѣстность, стараясь умалить достоинства моего мужа, и тайно сплеталъ клевету, посредствомъ которой хотѣлъ уничтожить насъ обоихъ. Я не подозрѣвала его намѣреній, но знала ходъ событій въ революціяхъ; я стремилась лишь сохранить чистоту души и честь своего мужа незапятнанной; я отлично знала, что честолюбіе такого рода рѣдко приводитъ къ инымъ результатамъ. Мое желаніе исполнено: Роланъ, преслѣдуемый, изгнанный, не умретъ въ потомствѣ; я заключена въ тюрьму и вѣроятно погибну жертвой; моя совѣсть замѣняетъ для меня все. Со мной случится тоже, что съ Соломономъ, который просилъ лишь мудрости и получилъ еще другія блага; я желала лишь мира праведныхъ, и буду отчасти жить среди будущихъ поколѣній. Но покамѣстъ возвратимся въ Fontenay.

Маленькая библіотека моихъ родныхъ доставляла тамъ еще нѣкорое развлеченіе; я нашла въ ней всего Пуффендорфа, всеобщая исторія котораго, вѣроятно, скучна; болѣе интересны для меня были его „Обязаности человѣка и гражданина"; я нашла также „Ферму" и различныя сочиненія по земледѣлію и хозяйству, которыя я читала за неимѣніемъ другихъ, потому что я всегда должна была учиться чему-нибудь; нашла хорошенькія мелкія стихотворенія, сочиненныя Берни, когда онъ не драпировался въ тогу римлянина, „Жизнь Кромвеля" и тысячу другихъ разнообразныхъ вещей. Я считаю нужнымъ отмѣтить, что среди массы книгъ, побывавшихъ въ моихъ рукахъ благодаря случайностямъ или обстоятельствамъ, на которыя я вскользь указываю, когда мѣстности или люди напоминаютъ мнѣ объ нихъ, — еще нѣтъ Руссо: это потому, что я дѣйствительно прочла его очень поздно и хорошо сдѣлала: онъ бы свелъ меня съума, я бы не захотѣла читать никого другого, онъ, можетъ быть, и такъ уже слишкомъ, если можно такъ выразиться, усилилъ мои слабости. Я имѣю основаніе предполагать, что мать моя приложила нѣкоторое стараніе, чтобы отстранить его отъ меня; но такъ какъ имя его для меня было небезъизвѣстно, я искала его произведеній; но къ тому времени когда я потеряла свою мать, я знала изъ нихъ лишь его „Lettres de la montagne" и его письмо къ Христофору де-Бомонъ, хотя прочла уже всего Вольтера, и Boulanger, и маркиза Argens, и Гельвеція, и много другихъ философовъ и критиковъ. Моя чудная мать, которая знала, что нужно было дать мнѣ упражнять свой умъ, вѣроятно, не находила большого неудобства въ томъ, чтобы я серьезно изучала философію, даже съ

рискомъ нѣкоторой утраты вѣры; но она по всѣмъ вѣроятностямъ считала, что не слѣдовало увлекать мое чувствительное сердце, слишкомъ склонное предаваться страсти! Ахъ, Боже мой! сколько безполезныхъ стараній уйти отъ своей судьбы! Та же мысль руководила ею, когда она помѣшала мнѣ предаться живописи; она же опять заставила ее воспрепятствовать моимъ урокамъ на клавесинѣ, несмотря на великолѣпнѣйшій случай для этого. Сосѣдство доставило намъ знакомство аббата Jeaukel, нѣмца по происхожденію, страстнаго музыканта, уродливаго, какъ смертный грѣхъ, добряка, любителя покушать: онъ родился въ окрестностяхъ Праги, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Вѣнѣ, состоя при придворныхъ вельможахъ, и далъ нѣсколько уроковъ Маріи Антуанетѣ. Обстоятельства привели его въ Лиссабонъ; въ концѣ концовъ онъ поселился въ Парижѣ, чтобы въ независимости проживать здѣсь свою пенсію, составлявшую его небольшое состояніе. Онъ очень хотѣлъ, чтобы мать моя позволила ему давать мнѣ уроки на фортепьяно. Онъ увѣрялъ, что пальцы мои и моя голова скоро сильно двинули бы меня впередъ, и что я не премину посвятить себя композиціи. „Какая жалость, говорилъ онъ, брянчать на гитарѣ, когда обладаешь способностью сочинять и исполнять прекрасныя вещи на лучшемъ изъ инструментовъ!“ Этотъ энтузіазмъ и многократныя просьбы, даже мольбы его не были въ состояніи сломить мою мать; что касается до меня, то всегда готовая воспользоваться тѣмъ, чему мнѣ позволяли учиться, я однако привыкла почитать рѣшенія моей матери, также какъ страстно любить ее самое, и никогда ни о чемъ не просила: къ тому же ученіе вообще открывало передо мною такое широкое поприще, что томленіе праздности было для меня незнакомо. Я часто говорила себѣ: когда настанетъ мой чередъ быть матерью, я буду имѣть возможность употребить въ дѣло то, что я пріобрѣту; мнѣ уже нельзя будетъ болѣе учиться,—и я спѣшила пользоваться своимъ временемъ, боясь утерять изъ него минуту. Аббатъ Jeaukel отъ времени до времени встрѣчался съ людьми хорошаго общества; и когда онъ ихъ собиралъ у себя, онъ спѣшилъ пригласить и насъ: я такимъ образомъ видѣла въ числѣ лицъ, о которыхъ стоитъ вспоминать, ученаго Roussier, честнаго d'Odimont; но я не забыла дерзкаго Paradelle и г-жу de-Puisieux. Этотъ Paradelle, рослый дѣтина, одѣтый аббатомъ, хлыщъ и врунъ, болѣе чѣмъ какой бы то ни было дуракъ, котораго я когда-либо встрѣчала, увѣрялъ, будто онъ въ теченіе 20 лѣтъ разъѣзжалъ въ собственной каретѣ по улицамъ Ліона, и въ то-же время, чтобы не умереть съ голоду въ Парижѣ, давалъ уроки итальянскаго языка, котораго онъ вовсе не зналъ. Г-жа de Puisieux, слывшая за автора „Caractères“, вышедшихъ подъ ея именемъ, сохраняла въ 60 лѣтъ, со сгорбленной спиной и беззубымъ ртомъ,

ужимки и претензіи, аффектація которыхъ не прощается даже въ молодости. Я воображала, что женщина-авторъ должна была быть очень почтенною личностью, особенно если она писала о морали. Слабости г-жи de Puisieux заставили меня призадуматься, въ ея разговорѣ проявлялось столь же мало остроумія, сколь мало въ странностяхъ ея проглядывало здраваго смысла; я поняла, что можно искусственно показывать умъ другимъ, безъ того, чтобы пользоваться имъ для самого себя, и что мужчины, насмѣхавшіеся надъ женщинами-писательницами, можетъ быть, ошибались лишь въ томъ, что приписывали исключительно имъ то, въ чемъ сами грѣшили. Такимъ образомъ я умѣла при всемъ сосредоточенномъ образѣ жизни пополнять свой запасъ наблюденій; я жила въ уединеніи, но въ близкомъ соприкосновеніи со свѣтомъ, такъ что могла видѣть много вещей и не быть поглощенной ни одною изъ нихъ. Концерты г-жи l'Épine открыли мнѣ новую точку зрѣнія. Я уже упоминала о томъ, что l'Épine былъ ученикомъ Пигалля, у котораго онъ былъ правой рукой; онъ женился въ Римѣ на женщинѣ, которая, какъ я предполагаю, была пѣвицей и къ которой семья его отнеслась сперва непріязненно; но она доказала своимъ поведеніемъ, что это пренебреженіе было несправедливо. Она организовала у себя концерты любителей, составленные изъ искусныхъ исполнителей, на которые она допускала лишь то, что она называла хорошимъ обществомъ: концерты происходили по четвергамъ; моя мать довольно часто водила меня туда. Тамъ я слышала Jarnewick, Saint-George, Duport, Guérin и многихъ другихъ; тамъ я видѣла умниковъ обоихъ половъ,—дѣвицу de Morville, г-жу Benoît, Sylvain Maréchal, и т. д., дерзкихъ баронессъ и хорошенькихъ аббатовъ, старыхъ кавалеровъ и молодыхъ птенцовъ. Какой забавный калейдоскопъ! Квартира г-жи l'Épine на улицѣ „Neuve-Saint-Eustache“ не была очень красива; концертная зала была немного тѣсна, но сообщалась съ другой комнатой, большія двери которой оставались раскрытыми; тамъ, разсаженные въ полукругъ, мы пользовались двойнымъ преимуществомъ слышать музыку, видѣть актеровъ и разговаривать во время антрактовъ. Всегда около матери своей, въ молчаніи, предписанномъ приличіемъ для молодыхъ дѣвушекъ, я вся превращалась въ зрѣніе и слухъ; но когда намъ случалось быть наединѣ съ г-жею l'Épine, я предлагала нѣкоторые вопросы, и отвѣты ея разъясняли мои наблюденія.

Эта дама однажды предложила моей матери отправиться на одинъ прелестный вечеръ, имѣвшій мѣсто у одного умнаго человѣка, съ которымъ мы иногда у нея встрѣчались: тамъ собирались просвѣщенные люди, изящныя женщины; тамъ занимались интересными чтеніями; это дѣйствительно было очаровательно! Приглашеніе было

повторено, прежде чѣмъ мы приняли его: „Посмотримъ-ка, сказала я мамѣ; я начинаю достаточно понимать свѣтъ, чтобы предположить, что это должно быть или очень мило, или очень смѣшно; и если справедливо послѣднее предположеніе, у насъ во всякомъ случаѣ будетъ поводъ позабавиться лишній разъ". Рѣшили отправиться на вечеръ. Литературные вечера г-на Vâse происходили по средамъ; мы отправились къ нему, къ заставѣ Темпля, съ г-жею l'Épine; поднялись на 3-й этажъ; входимъ въ довольно большую комнату, имѣвшую только самую необходимую мебель: соломенные стулья, тѣсно разставленные рядами, поджидали зрителей и начинали наполняться; сальныя свѣчи въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ, чрезвычайно грязныхъ, освѣщали это пристанище, странная простота котораго не противорѣчила философской строгости и бѣдности ученаго человѣка. Нарядныя женщины, дѣвушки, нѣсколько вдовъ, много поэтиковъ, любопытные или интриганы составляли общество.

Хозяинъ дома, сидя за столомъ, замѣнявшемъ бюро, открылъ засѣданіе чтеніемъ стихотворенія собственнаго сочиненія; оно имѣло предметомъ хорошенькаго маленькаго сапажу, котораго маркиза de Préville всегда носила въ своей муфтѣ, и котораго она показала всему обществу; она присутствовала при чтеніи, и сочла нужнымъ представить радушнымъ взорамъ всѣхъ героя стихотворенія. Криками браво и рукоплесканіями привѣтствовали вдохновеніе г-на Vâse, который, очень довольный самимъ собою, хотѣлъ уступить свое мѣсто г-ну Delpêches, кажется, сочинявшему для театра Одино маленькія комическія драмы, по поводу которыхъ онъ имѣлъ обыкновеніе совѣтоваться съ обществомъ, т.-е. выслушивать его хвалебное поощреніе; но ему что то помѣшало въ этотъ день,—не знаю, болѣло ли у него горло или недоставало въ нѣкоторыхъ сценахъ нѣсколькихъ стиховъ. Поэтому предсѣдательское мѣсто занялъ Imbert, авторъ „Jugement de Pâris"; онъ прочиталъ маленькую бездѣлицу, тотчасъ же превознесенную до небесъ. Награда ждала его тутъ же: дѣвица de la Cossonnière начала послѣ него читать „Adieux à Colin"; стихотвореніе было если не очень остроумно, то по крайней мѣрѣ довольно нѣжно. Тотчасъ-же узнали, что оно относилось къ Imbert, отправлявшемуся путешествовать; комплименты посыпались въ изобиліи; Imbert расплатился со своей музой и съ самимъ собой, перецѣловавъ всѣхъ присутствующихъ женщинъ. Эта вольная и веселая, хотя и приличная церемонія, совсѣмъ не понравилась моей матери и показалась мнѣ такой странной, что привела меня въ замѣшательство. Послѣ какой то эпиграммы или неважнаго четверостишія, одинъ чрезвычайно напыщенный господинъ прочелъ хвалебные стихи въ честь г-жи Benoît. Она присутствовала; нужно сказать нѣсколько словъ о

ней для тѣхъ, кто не читалъ ея романовъ, которые были уже забыты задолго до революціи и на которыхъ будутъ покоиться груды пепла, когда найдутъ мои мемуары.

Альбина родилась въ Ліонѣ, какъ я прочла въ „Исторіи знаменитыхъ французскихъ женщинъ", составленной обществомъ литераторовъ,—исторіи, гдѣ я къ своему великому удивленію нашла женщинъ, которыхъ встрѣчала въ свѣтѣ, какъ г-жу Benoît, г-жу de-Puisieux, г-жу Champion и другихъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, можетъ быть, еще живы въ настоящую минуту или покинули земную жизнь лишь немного лѣтъ тому назадъ. Она была замужемъ за художникомъ Benoît и вмѣстѣ съ нимъ побывала въ Римѣ, гдѣ удостоилась быть избранной въ „Academie des Arcades"; овдовѣла она недавно и еще носила трауръ по своему мужу; она поселилась въ Парижѣ, гдѣ сочиняла стихи и романы, а иногда являлась въ послѣднихъ дѣйствующимъ лицомъ; она позволяла у себя играть въ карты и бывала у знатныхъ дамъ, платившихъ ей денежными подарками или тряпками за удовольствіе имѣть за своимъ столомъ ученую женщину.

Г-жа Benoît была когда то красива; уходъ за своею наружностью и желаніе нравиться, сохранившіеся за предѣлами возраста, обезпечивающаго имъ успѣхъ, доставляли ей еще нѣкоторыя побѣды. Глаза ея съ такой страстью молили о нихъ, ея всегда обнаженная грудь такъ сильно трепетала, чтобъ ихъ одержать, что нужно же было удовлетворить откровенному желанію и воспользоваться легкостью исполнить его, что впрочемъ для мужчинъ не составляетъ особеннаго труда, разъ отъ нихъ не требуютъ постоянства. Откровенно-сладострастный видъ г-жи Benoît былъ для меня совершенною новостью; я видѣла на прогулкахъ тѣхъ жрицъ удовольствія, неприличное поведеніе которыхъ оскорбительнымъ образомъ указывало на ихъ профессію; тутъ былъ другой оттѣнокъ; меня неменѣе удивила та поэтическая лесть, которую передъ ней расточали, и выраженія: мудрая Benoît, цѣломудренная Benoît, нѣсколько разъ повторявшіяся въ этомъ стихотвореніи и заставлявшія ее отъ времени до времени прикрывать глаза скромнымъ вѣеромъ, между тѣмъ какъ нѣсколько мужчинъ съ восторгомъ рукоплескали похваламъ, которыя они, вѣроятно, считали умѣстными. Я вспомнила то, что узнала изъ книгъ о волокитствѣ, то, что нравы вѣка и развратъ двора должны были къ этому прибавить сердечной испорченности и умственной извращенности; я видѣла изнѣженныхъ мужчинъ, расточавшихъ свой восторгъ передъ легкомысленными стихотвореніями, передъ пустыми талантами, передъ страстью плѣнить ихъ всѣхъ, вѣроятно, не любя никого, такъ какъ тотъ, кто посвящаетъ себя счастью любимаго предмета, не расточаетъ себя взорамъ толпы. Я чувствовала припадокъ отвращенія и ненависти къ людямъ среди предметовъ, подстрекавшихъ мое во-

браженіе и, полная такой меланхоліи, возвращалась въ свое уединеніе. Мы больше не были у г-на Vâse; съ меня довольно было одного раза, а лобзанія Имбера и похвальныя рѣчи въ честь г-жи Benoît вылѣчили бы мою мать отъ желанія возить меня туда. Мы также, несмотря на приглашенія и связи, часто предлагаемыя намъ, благодаря любезности г-жи l'Épine, не бывали больше на концертахъ барона de Back, очень пріятныхъ, но порой также очень скучныхъ вслѣдствіе претензій этого меломана. Также рѣдко мы посѣщали концерты, чрезвычайно многочисленные, извѣстные подъ именемъ любительскихъ. Мы были тамъ одинъ разъ, въ сопровожденіи нѣкоего г-на Boyard de Creusy, сочинившаго для своей забавы методику для гитары, одинъ экземпляръ которой онъ испросилъ у матери моей позволеніе преподнести мнѣ. У него были чрезвычайно приличныя манеры; я упоминаю о немъ, какъ о человѣкѣ, имѣвшемъ достаточно ума, чтобъ понять, что въ положеніи, которое толпа продолжаетъ еще считать высокимъ, я съ удовольствіемъ встрѣчусь съ людьми, которые знали меня въ молодости. Онъ явился ко мнѣ съ визитомъ, когда я жила въ министерствѣ, и мой пріемъ вѣроятно показалъ ему, что я цѣнила и любила воспоминаніе о времени, которымъ я могу гордиться такъ же, какъ и всѣми другими эпохами моей жизни.

Съ театрами было еще гораздо хуже; мать моя никогда не посѣщала ихъ; при жизни ея меня повели одинъ только разъ въ оперу и одинъ разъ въ „Théatre Français"; мнѣ было тогда 16 или 17 лѣтъ. Ни въ музыкѣ, ни еще гораздо менѣе въ драматическомъ дѣйствіи „Союзъ любви и искусствъ" Floquet не далъ мнѣ ничего такого, что способно было бы создать иллюзію или поддержать представленіе, которое я себѣ составила о чарующихъ зрѣлищахъ; холодность сюжета, несвязность сценъ, неприличіе балета мнѣ не понравились; костюмы танцоровъ меня шокировали еще болѣе; они еще носили „paniers",—я никогда не видѣла ничего болѣе смѣшного; поэтому критика чудесъ оперы Пирона мнѣ казалась гораздо выше самого этого зрѣлища. Я видѣла въ „Français" „Шотландку"; это также не очень способно было восхитить меня, одна лишь игра Dumesnil привела меня въ восторгъ. Моему отцу иногда приходила фантазія водить меня въ нѣкоторые ярмарочные театры; ихъ посредственность была мнѣ противна. Я слѣдовательно была предохранена отъ пристрастія къ остроумію, точно такъ, какъ спартанскія дѣти были предохранены отъ пьянства, благодаря зрѣлищу его излишествъ; и мое воображеніе не подверглось великимъ потрясеніямъ, которыя могло произвести въ немъ увлеченіе театромъ, еслибъ я присутствовала на самыхъ лучшихъ представленіяхъ; то, что я видѣла въ немъ, заставляло меня удовлет-

воряться чтеніемъ образцовыхъ произведеній великихъ писателей на дому и наслаждаться на досугѣ всѣми ихъ красотами.

Одинъ молодой человѣкъ, очень усердный посѣтитель концертовъ г-жи l'Epine, вздумалъ приходить къ моей матери освѣдомляться отъ имени г-жи l'Epine о нашемъ здоровьѣ, когда нѣсколько продолжительное отсутствіе могло дать поводъ предположить, что оно, можетъ быть, измѣнило намъ. Приличный видъ, пріятная живость, умъ и особенно рѣдкость визитовъ заставляли прощать эту маленькую уловку, довольно искусно придуманную для того, чтобы быть принятымъ въ домѣ; и наконецъ la Blancherie отважился сдѣлать предложеніе. Но такъ какъ я дошла здѣсь до исторіи жениховъ, то нужно пропустить ихъ передъ нами толпой, милое выраженіе, могущее быть выставленное въ видѣ даты на моихъ записках и напомнить о славныхъ дняхъ, когда всѣмъ располагаютъ гуртомъ, вопреки самому великому раздѣленію вкусовъ и желаній. Читатель не забылъ еще испанскаго великана съ руками Исава, г-на Mignard, столь любезнаго, имя котораго представляло забавный контрастъ съ его наружностью. Послѣ того, какъ онъ самъ признался, что ничему больше не можетъ научить меня на гитарѣ, онъ попросилъ позволенія иногда приходить слушать меня; онъ являлся въ чрезвычайно рѣдкіе промежутки и никогда не могъ застать насъ дома. Гордясь талантомъ своей молодой ученицы, считая его своимъ созданіемъ и основывая на этомъ извѣстное право или извиненіе, онъ объявилъ себя дворяниномъ изъ Малаги, котораго несчастья заставили искать заработка въ своемъ знаніи музыки, началъ съ того, что потерялъ голову, и кончилъ тѣмъ, что сталъ говорить вздоръ, чтобы оправдать себя передъ самимъ собой за свои претензіи, послѣ чего рѣшилъ прислать ко мнѣ просить моей руки, не имѣя однако мужества объясниться лично. Такъ какъ увѣщанія лица, которому онъ далъ это порученіе, не въ состоянія было перемѣнить его намѣренія, оно было исполнено; изъ этого воспослѣдовала просьба прекратить свои посѣщенія въ нашемъ домѣ, съ присовокупленіемъ любезностей, которыя обязательно оказывать несчастнымъ. Я узнала о происшедшемъ благодаря шуткамъ моего отца, который любилъ разговаривать со мной о просьбахъ, съ которыми къ нему обращались по поводу меня; и такъ какъ онъ былъ немного тщеславенъ, то не щадилъ людей, въ которыхъ было что нибудь смѣшное. Бѣдный Mozon овдовѣлъ; онъ далъ себѣ вырѣзать маленькую шишку, украшеніе его лѣвой щеки; онъ намѣревался завести кабріолетъ; мнѣ было 15 лѣтъ; его снова пригласили, чтобы усовершенствовать меня; его воображеніе воспламенилось; онъ высоко ставилъ свое искусство; онъ счелъ бы Marcel очень благоразумнымъ: всѣ артисты равны, почему бы не вступить въ число искателей? Онъ

поручилъ передать о своей просьбѣ, и получилъ отказъ, также какъ и Mignard.

Съ той минуты, когда дѣвушка достигаетъ возраста, возвѣщающаго объ ея развитіи, рой жениховъ преслѣдуетъ ея шаги, словно рой пчелъ, жужжащихъ вокругъ только что распустившагося цвѣтка.

Воспитанная строгимъ образомъ и живя чрезвычайно уединенно, я могла быть предметомъ лишь серьезныхъ видовъ, и почтенный характеръ моей матери, вѣроятность нѣкотораго состоянія, права единственной дочери, — все это могло сдѣлать эти виды очень соблазнительными для многихъ людей.

Женихи явились толпой, и такъ какъ было трудно получить доступъ въ нашъ домъ, большинство ихъ рѣшалось писать моимъ родителямъ: мой отецъ всегда приносилъ мнѣ письма этого рода. Совершенно независимо отъ указаній на положеніе и состояніе, способъ ихъ изложенія прежде всего оказывалъ вліяніе на мое мнѣніе; я брала на себя набрасывать черновую отвѣта, которую мой отецъ очень точно списывалъ; я заставляла его писать всѣмъ просителямъ отказы съ достоинствомъ, не оставляя надежды, но и не обижая. Такимъ образомъ было поступлено по очереди со всею молодежью моего квартала; мнѣ не стоило труда сдѣлать такъ, чтобы мои отвѣты понравились большинству. Мой отецъ принималъ во вниманіе одно лишь богатство и имѣлъ для меня претензіи: такъ напр. тотъ, кто слишкомъ еще недавно началъ вести самостоятельное дѣло и чье имущество въ настоящемъ или надежды на будущее не обезпечивали большаго достатка, не получалъ его одобренія; но если только эти свѣдѣнія оказывались благопріятными, его огорчало, что я не хотѣла давать согласія; здѣсь начали возникать между моимъ отцомъ и мной разногласія, которыя современемъ лишь увеличивались. Онъ любилъ и уважалъ торговлю, такъ какъ смотрѣлъ на нее, какъ на источникъ богатства; я ее ненавидѣла, потому что въ моихъ глазахъ она была источникомъ корыстолюбія и мошенничества.

Мой отецъ прекрасно понималъ, что мнѣ не могли нравиться люди, причастные къ мастерству въ собственномъ смыслѣ, и его самолюбіе также не позволило бы ему объ этомъ подумать, но онъ не понималъ, чтобъ изящный ювелиръ, имѣющій дѣло лишь съ красивыми вещами, доставляющими ему большіе барыши, не могъ быть для меня приличной партіей, когда онъ владѣлъ торговымъ домомъ, уже имѣющимъ прочное существованіе и блестящее будущее. Однако ювелиръ, также какъ и мелочной торговецъ, котораго онъ считаетъ ниже себя, и богатый торговецъ сукнами, считающій себя выше ихъ всѣхъ, казался мнѣ всецѣло погруженнымъ въ жажду золота, въ разсчеты наживы и хитрости для умноженія спо-

собовъ пріобрѣтенія; онъ чуждъ высокимъ идеямъ, утонченнымъ чувствамъ, которыми для меня была дорога жизнь.

Занятая съ дѣтства размышленіями объ отношеніяхъ человѣка въ обществѣ, воспитанная въ самыхъ чистыхъ правилахъ нравственности, знакомая съ великими примѣрами, неужели я для того лишь жила съ Плутархомъ и со всѣми философами, чтобы сочетаться бракомъ съ купцомъ, который относительно всего думалъ и чувствовалъ бы иначе чѣмъ я!..

Какъ я уже упоминала, моя разумная мать хотѣла, чтобы я чувствовала себя также на мѣстѣ на кухнѣ, какъ и въ гостиной, на рынкѣ, какъ и на прогулкѣ; я еще сопровождала ее, по возвращеніи моемъ изъ монастыря, когда она сама (а это случалось довольно часто) дѣлала закупки по хозяйству, и въ концѣ концовъ она иногда поручала мнѣ дѣлать ихъ одной, посылая меня съ прислугой. Мясникъ, у котораго она покупала, потерялъ вторую жену, онъ былъ еще молодъ и имѣлъ состояніе въ 50 тыс. экю, которое онъ собирался еще увеличить; я совсѣмъ не знала объ этихъ подробностяхъ, но замѣчала, что мнѣ хорошо прислуживали, оказывая множество любезностей, и очень удивлялась, встрѣчая этого человѣка на прогулкѣ, гдѣ мы бывали по воскресеньямъ, и куда онъ часто являлся въ красивомъ черномъ фракѣ и тонкихъ кружевахъ и низко кланялся моей матери, но не подходилъ къ ней. Такъ продолжалось цѣлое лѣто; я захворала; мясникъ каждое утро присылалъ узнавать о томъ, чего мы могли пожелать, и предложить предметы, которыми торговалъ: это чрезвычайно опредѣленное ухаживаніе начинало смѣшить моего отца и, желая позабавиться, онъ привелъ ко мнѣ нѣкую дѣвицу Michon, особу серьезную и набожную, въ тотъ день, когда она очень торжественно явилась сдѣлать отъ имени мясника предложеніе. „Вы знаете, дочь моя,—сказалъ онъ мнѣ серьезно,—что я принципіально не хочу стѣснять вашихъ привязанностей; вотъ предложеніе, съ которымъ ко мнѣ обратились для васъ“. И онъ повторилъ то, что дѣвица Michon передала ему. Я прикусила губы, немного обиженная тѣмъ, что веселое настроеніе моего отца взваливало на меня отвѣтъ, который онъ долженъ былъ бы дать за меня самъ. „Вы знаете, отецъ мой, отвѣчала я ему, передразнивая его, что я себя чувствую очень счастливой въ настоящемъ своемъ положеніи, и что я твердо рѣшилась не мѣнять его въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ; вы можете, согласно съ этимъ намѣреніемъ, рѣшить то, что сочтете нужнымъ“,—и я удалилась. „Но, право,—сказалъ мнѣ позже отецъ мой наединѣ,—эта причина, которую ты сочинила,—это отличный способъ удалять всѣхъ“. — „Этимъ общимъ мѣстомъ, вполнѣ приличнымъ въ устахъ молодой дѣвушки, я отплатила вамъ за вашу шутку, папа, и предоста-

вила вамъ взять на себя обязанность формальнаго отказа, которую не должна была брать на себя".—„Ты отлично выпуталась изъ затрудненія; но скажи мнѣ, что для тебя будетъ приличной партіей".— „То, для для чего вы меня воспитали, пріучивъ думать и развивъ привычку къ занятіямъ: я не знаю, кто тотъ человѣкъ, которому я отдамся; но это будетъ лишь тотъ, съ кѣмъ я смогу объясняться и дѣлиться своими чувствами также, какъ и своими мыслями".—„Среди купцовъ бываютъ люди вѣжливые и образованные".—"Да, но не въ томъ родѣ, къ какому я привыкла: ихъ любезность заключается въ нѣсколькихъ фразахъ и поклонахъ; ихъ знанія всегда имѣютъ отношеніе къ денежному сундуку и нисколько не помогли бы мнѣ воспитывать моихъ дѣтей".—„Ты бы ихъ воспитывала сама".—„Этотъ трудъ показался бы мнѣ тяжелымъ, еслибъ его не раздѣлялъ со мной тотъ, кто произвелъ ихъ на свѣтъ".—„Неужели ты думаешь, что жена Lempereur не счастлива? они только что бросили торговлю; они покупаютъ важныя должности; они живутъ роскошно и принимаютъ у себя хорошее общество".—„Я не судья чужого счастья, и не полагаю свое счастье въ богатствѣ; я понимаю супружеское счастье лишь какъ задушевный сердечный союзъ; я могу соединиться лишь съ тѣмъ, кто на меня походитъ, да и то еще нужно, чтобы мой мужъ былъ лучше меня; такъ какъ природа и законъ предоставляютъ ему превосходство, я бы стыдилась его, еслибъ онъ дѣйствительно его не заслуживалъ".—„Тебѣ нуженъ какой-нибудь адвокатъ? Эти кабинетные люди не дѣлаютъ женщинъ очень счастливыми; у нихъ много спѣси и мало денегъ"!—„Но, Господи! папа, я не оцѣниваю людей по ихъ званію, я не говорю вамъ, что хочу той или другой профессіи,—я хочу человѣка, котораго бы я могла любить".—„Но если послушать тебя, то такого человѣка нельзя найти среди купцовъ".—„Ахъ!.. мнѣ признаюсь, кажется, что это очень трудно; я не встрѣчала никого среди нихъ, кто бы мнѣ нравился, я имѣю отвращеніе къ этой профессіи".—„Однако, очень пріятно сидѣть спокойно въ своей квартирѣ, въ то время какъ мужъ наживаетъ состояніе. Посмотри на г-жу d'Argens; она также хорошо знаетъ толкъ въ бриллiантахъ, какъ и ея мужъ, она въ его отсутствіе ведетъ переговоры съ маклерами; она также сторговывается съ покупателями; она продолжала бы торговать даже въ томъ случаѣ, еслибы овдовѣла; у нихъ уже значительное состояніе; они принадлежатъ къ товариществу, недавно купившему Bagnolet. Ты умна; ты даже свѣдуща по этой части съ тѣхъ поръ, какъ прочла трактатъ, который у меня есть, о драгоцѣнныхъ камняхъ, ты бы внушала довѣріе, ты дѣлала бы, что хотѣла; твоя жизнь была бы пріятна, если бы ты захотѣла выйти замужъ за Delorme, Dabreil или l'Obligeois"?— „Послушайте, папа, я слишкомъ хорошо знаю, что въ торговлѣ имѣешь

успѣхъ, лишь продавая дорого то, что покупаешь по самой дешевой цѣнѣ, лишь очень запрашивая и грабя бѣдныхъ рабочихъ; я никогда не соглашусь на что-либо подобное и не буду уважать того, кто этимъ занимается съ утра до вечера: я же хочу быть честной женщиной; и какъ я могу быть вѣрной человѣку, котораго ни во что не ставлю, даже допустивъ, что могла бы выйти за него замужъ?...— Мнѣ кажется, что приблизительно все равно, продавать ли брилліанты или пирожки, развѣ только, что послѣдніе продаются по опредѣленной цѣнѣ, что съ ними меньше обманываютъ, но больше пачкаются; я не хочу дѣлать ни того, ни другого".—„Неужели же ты думаешь, что нѣтъ честныхъ людей въ купечествѣ"?—„Я не хочу этого утверждать; но я увѣрена, что ихъ почти совсѣмъ нѣтъ; и еще и честные люди между ними не обладаютъ всѣмъ тѣмъ, чего я ищу въ мужѣ".—„Ты очень требовательна; а если ты не найдешь свою химеру"?—„Умру дѣвушкой".—„Это можетъ оказаться болѣе тяжело, чѣмъ ты думаешь; впрочемъ, у тебя есть еще время объ этомъ подумать: но въ одинъ прекрасный день ты начнешь скучать, толпы уже не будетъ вокругъ тебя,—ты вѣдь знаешь басню"!—„О! я отомщу за несправедливость, лишившую меня счастья, тѣмъ, что постараюсь сдѣлаться достойной послѣдняго". — „Вотъ ты опять въ облакахъ; тамъ хорошо, когда можешь туда подняться, но не такъ то легко тамъ удержаться: помни все-таки, что мнѣ хочется имѣть внуковъ раньше, чѣмъ я слишкомъ состарюсь".

Я бы очень охотно дала вамъ ихъ, подумала я про себя, когда мой отецъ, прекративъ діалогъ, удалился; но во всякомъ случаѣ я буду ихъ имѣть лишь отъ человѣка, который будетъ ко мнѣ подходить. На меня нападала нѣкоторая меланхолія, когда я смотрѣла на окружавшихъ меня людей, среди которыхъ я не видѣла никого, кто бы способенъ былъ сойтись со мной во вкусахъ, но продолжалось это чувство не долго; я чувствовала себя счастливой въ настоящемъ и заволакивала будущее смутной надеждой: это было полнотой благополучія, которое отливаетъ и на будущее, освобождая отъ всякаго безпокойства. „Не на этотъ ли разъ, сударыня? — сказалъ мнѣ однажды мой отецъ съ притворной серьезностью и тѣмъ довольнымъ видомъ, который онъ имѣлъ всегда, когда у него просили моей руки; прочтите это письмо"? Оно было очень хорошо написано по картинности и слогу и вызвало краску на моемъ лицѣ. Господинъ Morizot de Rozain выражался довольно изящно; но онъ обращалъ вниманіе на то, что его фамилія находилась въ книгѣ дворянскихъ родовъ его провинціи; а мнѣ казалось достойнымъ фата или неблаговоспитаннымъ хвастаться преимуществомъ, которымъ я не обладала и которое не было основанія предполагать, чтобы я искала. „И это опять не подлежитъ разсмотрѣнію,

сказала я, качая головой; нужно однако заставить высказаться этого господина; еще одно или два письма, и я узнаю его насквозь и соответственно съ этимъ напишу отвѣтъ". Всякій разъ, какъ дѣло шло о томъ, чтобы писать, мой отецъ былъ очаровательно послушенъ и охотно списывалъ то, что я писала. Меня забавляло разыгрывать роль отца; я обсуждала свои собственные интересы со всей серьезностью, которой этотъ предметъ заслуживалъ, и писала, какъ бы про себя, въ стилѣ и съ благоразуміемъ отца. Отъ г-на de Rozain получилось до трехъ объяснительныхъ писемъ; я ихъ долго хранила, такъ какъ они были очень хорошо написаны; они доказали мнѣ, что недостаточно еще было одного остроумія, чтобы нравиться мнѣ, если человѣкъ не обладалъ выдающимися умомъ и той душой, которую ничто не можетъ замѣнить и которая не доступна описанію, но тотчасъ же чувствуется. Къ тому же Rozain не имѣлъ ничего, кромѣ званія адвоката; моего же тогдашняго состоянія не могло хватить на двухъ, и онъ не представлялъ совокупности достоинствъ, которыя бы могли заставить преодолѣть это препятствіе.

Объявляя о поголовномъ ополченіи искателей моей руки, я не обѣщала назвать ихъ всѣхъ по имени, и мнѣ это охотно простятъ; я хотѣла лишь показать странность положенія, заставлявшаго свататься ко мнѣ многихъ людей, которыхъ я не всегда даже видала въ лицо, и предоставлявшаго мнѣ свободу самой взвѣшивать, подходила ли ко мнѣ партія и почему. Я правда иногда замѣчала въ церкви или на прогулкѣ новыя лица, наблюдавшія или слѣдовавшія за мной, и говорила про себя: „мнѣ скоро придется писать какой-нибудь отвѣтъ для моего папы!" Но я никогда не видѣла никого, кто бы меня плѣнилъ или произвелъ впечатлѣніе своей наружностью.

Я уже упоминала о томъ, что la Blancherie былъ на столько уменъ, что проникъ въ нашъ домъ и, вѣроятно, почувствовалъ, что прежде, нежели дѣлать предложеніе, слѣдовало постараться понравиться. La Blancherie былъ еще очень молодъ, онъ уже путешествовалъ, много читалъ и даже печатался; его сочиненіе не отличалось большими достоинствами, но въ немъ была нравственная сила и здравыя мысли. Онъ его озаглавилъ: „Выписки изъ моихъ путешествій для поученія отцовъ и матерей". Это очевидно не было слишкомъ скромно, но ему можно было это простить, такъ какъ онъ опирался на очень почтенные авторитеты въ философіи, довольно удачно ссылался на нихъ, и возмущался съ жаромъ честной души холодностью или небрежностью родителей, какъ распространенной причиною разврата, губящаго молодежь. La Blancherie, маленькаго роста, брюнетъ и довольно некрасивый, не плѣнялъ моего воображенія; но его умъ нравился мнѣ и мнѣ казалось, что я сама очень нравлюсь ему.

Однажды вечеромъ мы съ моей матерью вернулись отъ дѣдушки и бабушки и застали моего отца въ нѣсколько задумчивомъ настроеніи: „У меня новость, сказалъ онъ, улыбаясь: La Blancherie только что ушелъ, проведя у меня больше двухъ часовъ; онъ открылъ мнѣ свою тайну и такъ какъ она касается васъ, сударыня, то я долженъ сообщить ее вамъ (заключеніе это не было очень строго-логично, но мой отецъ имѣлъ обыкновеніе его выводить). Онъ любитъ тебя и предложилъ мнѣ быть моимъ зятемъ; но у него ничего нѣтъ; и это было-бы безумствомъ, которое я далъ ему почувствовать. Онъ занимается адвокатурой; онъ охотно купилъ-бы какую-нибудь судебную должность, но его законнаго наслѣдія было-бы недостаточно для этого; онъ вообразилъ себѣ, что если-бы онъ нравился намъ, приданое его жены пополнило-бы то, чего ему недостаетъ, и такъ какъ у насъ единственная дочь, то молодая семья могла бы первые годы жить съ нами. Онъ мнѣ наговорилъ по поводу всего этого прекрасныя вещи, отлично укладывающіяся въ молодой головѣ; но для осторожныхъ родителей нужно что-нибудь болѣе надежное. Пусть онъ откроетъ контору или купитъ должность, словомъ пусть онъ составитъ себѣ положеніе, а затѣмъ рѣшимъ; будетъ еще время жениться послѣ этого; было бы нелѣпостью жениться предварительно... Къ тому же еще нужно испытать человѣка; не долго навести основательныя справки; я предпочелъ-бы, чтобы онъ не былъ дворяниномъ, но имѣлъ какія нибудь сорокъ тысячъ экю. Онъ довольно добрый малый: мы долго бесѣдовали; мои доводы его нѣсколько огорчили, но онъ ихъ понялъ; онъ кончилъ тѣмъ, что просилъ меня не отказывать ему отъ дома, и просилъ объ этомъ такъ любезно, что я согласился, лишь-бы онъ не приходилъ чаще, чѣмъ обыкновенно. Я сказалъ ему, что ничего не скажу тебѣ; но такъ какъ ты благоразумна, то я предпочитаю ничего не скрывать отъ тебя“. Нѣсколько вопросовъ моей матери и мудрыхъ размышленій на тему о томъ, что слѣдовало подумать, прежде чѣмъ почувствовать склонность къ кому-бы то ни было, избавили меня отъ необходимости что-либо сказать, но не отъ того, чтобы помечтать.

Разсчетъ моего отца былъ правиленъ, но все же предложеніе молодого человѣка не было безрасудно; я чувствовала желаніе видѣть его и изучать съ бо́льшимъ интересомъ и любопытствомъ. Случаи къ этому представлялись не часто; прошло нѣсколько мѣсяцевъ; la Blancherie уѣхалъ въ Орлеанъ и я увидѣла его лишь два года спустя. Въ этотъ промежутокъ времени я чуть не вышла замужъ за врача Gardanne; одна наша родственница хлопотала объ этомъ бракѣ. Это была г-жа Desportes; родомъ изъ Прованса, она была замужемъ въ Парижѣ за купцомъ; оставшись очень молодой вдовой съ единственною дочерью, она продолжала вести ту торговлю драгоцѣнными вещами, которую мой отецъ

находилъ столь пріятной. Умъ, честность, большая ловкость и прекрасныя манеры снискали ей всеобщее уваженіе; можно было-бы подумать, что она занималась торговлею лишь ради оказанія услугъ обращающимся къ ней лицамъ; не выходя изъ своей квартиры, прекрасно обставленной, гдѣ она принимала приличное общество, въ которомъ иногда бывали тѣ люди, которые дѣлали покупки ради удовлетворенія своей роскоши или моды, она поддерживала свое маленькое состояніе и свой достатокъ, не допуская потерь, но и не увеличивая его. Она была очень преклонныхъ лѣтъ, ей помогала дочь ея, которая, благодаря нѣжной своей привязанности къ ней, отказалась отъ брака, чтобы остаться со своей матерью въ самомъ тѣсномъ союзѣ.

Gardanne былъ землякомъ г-жи Desportes; природный умъ, южная живость, большая подготовка и сильное желаніе имѣть успѣхъ позволяли надѣяться, что этотъ молодой докторъ сдѣлаетъ карьеру, которую онъ уже хорошо началъ. Г-жа Desportes, принимавшая его съ тою покровительственною добротой, которая подобала ея характеру, возъимѣла фантазію сдѣлать его мужемъ своей маленькой кузины: она умерла съ этимъ планомъ, который дочь ея рѣшила привести въ исполненіе.

Gardanne желалъ и боялся брака; взвѣшивая преимущества и неудобства великой братіи, онъ не преслѣдовалъ исключительно, подобно мнѣ съ моею романтическою головой, мысли о личной склонности; онъ все принималъ въ разсчетъ. За мной давали въ приданое лишь 20 тысячъ, но надежды на будущее искупали ограниченность этого приданаго; денежныя условія были обсуждены раньше, чѣмъ я что-нибудь знала: дѣло было покончено, когда со мной заговорили о томъ, чтобы выйти замужъ за одного доктора. Профессія эта мнѣ нравилась; она позволяла надѣяться, что человѣкъ будетъ просвѣщенный, но нужно было узнать его самого. Устроили прогулку въ Люксембургъ; предполагалось, что дождь захватитъ насъ по дорогѣ; и дѣйствительно, онъ пошелъ или боялись, чтобы онъ не пошелъ: укрылись у одной подруги г-жи Desportes, дѣвицы de la Barre, большой янсенистки, которая была въ восторгѣ отъ этого обстоятельства и предложила намъ угощеніе, во время котораго ея врачъ и землякъ какъ разъ явился къ ней съ визитомъ.

Обѣ стороны очень приглядываются другъ къ другу; я не подавала вида, что присматриваюсь, но тѣмъ не менѣе ничего не упускала изъ виду. Моя кузина торжествовала,—она какъ-бы говорила: „я не утверждала, что она хорошенькая, но что вы объ ней скажете?“ Моя добрая мать имѣла нѣжный и мечательный видъ; дѣвица de la Barre острила и восхитительно угощала своимъ вареньемъ и массой конфектъ; докторъ довольно много болталъ, ѣлъ сласти, говоря, отчасти

изъ любезности, отъ которой нѣсколько пахло школьной скамьей, что онъ очень любитъ „la douceur"; на что молодая дѣвушка отвѣтила застѣнчивымъ голосомъ, нѣсколько покраснѣвъ и слегка улыбнувшись, что мужчинъ обвиняли въ чрезмѣрной любви къ ней (douceur), потому что они очень нуждаются въ томъ, чтобы ее выказывали по отношенію къ нимъ. Эта колкость, повидимому, разсмѣшила остроумнаго доктора. Мой отецъ уже охотно далъ-бы свое благословеніе; онъ былъ такъ любезенъ, что это взбѣсило меня. Докторъ удалился первый, на свою вечернюю практику; мы возвратились домой, такъ же, какъ и пришли, и вотъ что называлось свиданіемъ! Дѣвица Desportes, строго соблюдавшая внѣшнія формы, устроила все такимъ образомъ, потому что въ домъ, въ которомъ никого не принимаютъ и гдѣ находится дѣвушка, молодой человѣкъ, имѣющій намѣреніе жениться, можетъ имѣть доступъ лишь тогда, когда его предложеніе принято; но за то, разъ это сдѣлано, нужно написать сперва контрактъ и тотчасъ послѣ того отпраздновать свадьбу: это—незыблемый законъ. Докторъ въ своей профессіональной одеждѣ никогда не бываетъ привлекательнымъ для молодой дѣвушки; я никогда въ жизни не могла представить себѣ любовь въ парикѣ. Gardanne со своими тремя молотками, своимъ педантскимъ видомъ, своимъ южнымъ произношеніемъ, своими черными, близко сросшимися бровями, казался гораздо болѣе способнымъ расхолаживать любовное волненіе, чѣмъ возбуждать его. Я инстиктивно чувствовала это, хотя эта мысль и не пришла мнѣ тогда въ голову; я имѣла о бракѣ такое цѣломудренное представленіе, что не находила ровно ничего смѣшного въ его предложеніи. „Ну что-жъ, спросила меня моя добрая мать, какое на тебя произвелъ впечатлѣніе этотъ господинъ? понравится ли онъ тебѣ?—Мама, я не могу такъ скоро отдать себѣ въ этомъ отчетъ.— Но ты же можешь сказать, не чувствуешь-ли къ нему отвращенія? —Ни отвращенія, ни влеченія; но то или другое можетъ еще возникнуть. — Какъ! нужно же однако знать, что отвѣтить, если прійдутъ сдѣлать формальное предложеніе. — И этотъ отвѣтъ будетъ связывать?—Конечно, когда даешь слово честному человѣку, слѣдуетъ сдержать слово. — А если онъ не понравится? — Благоразумная дѣвушка, которая не рѣшается на что-нибудь изъ каприза, уже не отказывается отъ такого важнаго рѣшенія, лишь только она взвѣсила его мотивы. — Значитъ надо рѣшиться на основаніи этого свиданія? — Это не совсѣмъ такъ; отношенія г-на Gardanne къ роднымъ даютъ намъ возможность судить объ его жизни, нравахъ; нѣсколько справокъ могутъ помочь оцѣнить его характеръ; вотъ главныя основанія для принятія рѣшенія; свиданіе съ человѣкомъ устраивается лишь ради удовлетворенія пустого приличія. — Ахъ! мама, я не спѣшу выходить замужъ. — Вѣрю тебѣ, дитя мое;

но твое назначепіе выйти замужъ, и ты достигла возраста наиболѣе для этого подходящаго; ты отказала многимъ женихамъ изъ купечества, хотя ты по своему положенію именно среди нихъ можешь имѣть больше всего жениховъ; ты, повидимому, рѣшила не выбирать себѣ мужа изъ этой среды; партія, которая тебѣ представляется теперь, удовлетворяетъ всѣмъ внѣшнимъ условіямъ; смотри, не отклоняй ея легкомысленно. — Мнѣ кажется, что у меня есть еще время объ этомъ подумать; самъ г-нъ Gardanne, можетъ быть, еще не рѣшился; вѣдь онъ наконецъ никогда раньше не видалъ меня. — Это справедливо; но если у тебя одна лишь эта отговорка, то она не долго будетъ имѣть силу: впрочемъ я не требую отвѣта сію-же минуту; ты подумаешь и сообщишь мнѣ свои соображенія черезъ два дня". И сказавъ мнѣ эти слова, моя мать поцѣловала меня въ лобъ и оставила меня моимъ мечтамъ.

Разумъ и природа дѣйствуютъ за одно, чтобы убѣдить благоразумную и скромную молодую дѣвушку въ томъ, что она должна выйти замужъ, и потому размышленіе можетъ коснуться лишь предмета выбора. А относительно самаго выбора доводы моей матери были довольно справедливы. Я разсудила къ тому-же, что мое временное согласіе, что-бы объ этомъ ни говорили, не могло меня окончательно связать; что было-бы нелѣпо считать меня связанной, изъ-за того, что я согласилась видѣть въ домѣ своего отца человѣка, который желалъ жениться на мнѣ; и я прекрасно чувствовала, что если-бы онъ мнѣ не понравился, никакія соображенія не заставили-бы меня выйти за него замужъ. Я, слѣдовательно, рѣшила про себя, что не скажу нѣтъ, но оставила за собой право подумать.

Мы собирались уѣзжать въ деревню, гдѣ должны были провести двѣ недѣли; я нашла, что если-бы мы отложили путешествіе въ ожиданіи жениха, мы-бы уронили свое достоинство; моя мать была согласна со мной: но передъ нашимъ отъѣздомъ въ одинъ прекрасный день явилась дѣвица de la Barre, въ большомъ парадѣ, сдѣлать отъ имени доктора то, что называли предложеніемъ. Мои родители отвѣтили общими мѣстами, принятыми для тѣхъ случаевъ, когда соглашаются и рѣшаютъ про себя, что подумаютъ; испросили для жениха позволеніе засвидѣтельствовать свое почтеніе лично; оно было дано. Дѣвица Desportes, всегда осторожная, заключила, что она должна была привести его, и семейное угощеніе, на которомъ были также дѣвица de la Barre и одна моя родственница, ознаменовало формальное вступленіе этого господина въ отеческій домъ. Мы уѣхали на слѣдующій день въ деревню, для того именно, чтобы провести тамъ время того, что называютъ „справками". Это второе свиданіе не больше тронуло меня, чѣмъ первое; но Gardanne показался мнѣ человѣкомъ умнымъ,

съ которымъ женщина думающая можетъ жить; а въ моей неопытности я думала, что разъ только возможно разсуждать и понимать другъ друга, существуетъ основаніе для супружескаго счастья. Мать моя замѣчала у него нѣкоторые признаки властнаго характера; но это меня не безпокоило. Я привыкла изучать самое себя, упорядочивать свои привязанности, владѣть своимъ воображеніемъ, я была проникнута строгостью и возвышенностью обязанностей жены, и потому совсѣмъ не представляла себѣ, какую-бы разницу составилъ для меня нѣсколько болѣе или менѣе кроткій характеръ въ человѣкѣ и какъ онъ могъ-бы требовать отъ меня большаго, чѣмъ я сама. Я разсуждала, какъ философъ, все высчитывающій, и какъ отшельникъ, не знающій ни людей, ни страстей. Я принимала свое кроткое и любящее, великодушное и чистое сердце за обычную мѣрку нравственности человѣческаго рода и долгое время впадала въ эту ошибку; она была единственнымъ источникомъ моихъ заблужденій. Я спѣшу обратить вниманіе на это: это значитъ заранѣе дать ключъ къ пониманію моего внутренняго міра.

Я уѣхала въ деревню полная какого-то безпокойства; это не было тѣмъ сладкимъ волненіемъ, которое мнѣ обыкновенно внушало ея восхитительное зрѣлище и благодаря которому я еще съ большимъ восторгомъ наслаждалась ея трогательной прелестью. Я чувствовала себя наканунѣ новаго положенія; мнѣ предстояло покинуть, быть можетъ, свою чудесную мать, свои любимыя занятія, свое милое уединеніе, наконецъ нѣкоторую независимость, ради новаго положенія, которое я опредѣляла себѣ неясно и которое возложило-бы на меня большія обязанности: я полагала, что было доблестно быть обязанной ихъ исполнять и что я была создана, чтобъ принять ихъ на себя. Но я, словомъ, не все понимала; я испытывала желаніе и страхъ неизвѣстности. Дѣвица Desportes взяла съ меня обѣщаніе, что я ей напишу, я сдержала свое слово; но къ концу второй недѣли я узнала, что у нея была большая непріятность. Мой отецъ, понимавшій все буквально, считалъ необходимымъ, чтобы хорошо выдать дочь замужъ и исполнить отцовскія обязанности, навести по всѣмъ правиламъ то, что онъ называлъ справками. Gardanne былъ представленъ намъ одной нашей родственницей, знавшей его семью и его самого; всевозможныя свѣдѣнія о немъ были доставлены; нужды нѣтъ,—мой отецъ написалъ при самомъ началѣ дѣла въ Провансъ, тремъ или четыремъ лицамъ, чтобы справиться о мельчайшихъ особенностяхъ, касающихся семьи и личности доктора: его бдительность не ограничилась этимъ во время нашего отсутствія; онъ пустилъ въ ходъ всякія средства, чтобы черезъ свою прислугу и поставщиковъ разузнать объ образѣ жизни своего будущаго зятя. Это не все: онъ отправился къ нему съ

визитомъ и съ ловкостью равной той, которую онъ пускалъ въ ходъ для своихъ развѣдываній, показывая всѣмъ, для чего онъ ихъ дѣлалъ, онъ захотѣлъ показать ему, что хорошо освѣдомленъ; онъ чрезвычайно неловко упомянулъ объ его соотечественникѣ, съ которымъ тотъ былъ въ большой ссорѣ, какъ о человѣкѣ, заслуживающемъ уваженія; онъ присоединилъ къ своимъ замѣчаніямъ преждевременные совѣты въ отеческомъ тонѣ. Gardanne одновременно получилъ и письмо со своей родины, гдѣ надъ нимъ смѣялись за дознанія, къ которымъ онъ давалъ поводъ, и свѣдѣнія о тщательныхъ изслѣдованіяхъ, производившихся вокругъ него, и, наконецъ, педагогическое поученіе своего предполагаемаго тестя. Огорченный, обиженный, раздраженный, онъ отправляется къ дѣвицѣ Desportes, жалуется съ юною горячностью на странные поступки человѣка, дочь котораго чрезвычайно привлекательна и виновата только тѣмъ, что имѣетъ столь страннаго отца; дѣвица Desportes, столь-же горячая и очень гордая, не одобряетъ, чтобы были такъ мало увлечены ея кузиной, чтобы жаловаться на эти маленькія непріятности, и довольно плохо принимаетъ его. Съ той минуты, какъ я узнала объ этихъ подробностяхъ, я съ поспѣшностью воспользовалась случаемъ выйти изъ своей неизвѣстности и написала, что надѣюсь по своемъ возвращеніи не видѣть болѣе этого господина. Такимъ образомъ разстроился бракъ, который Gardanne разсчитывалъ привести къ концу въ теченіе недѣли, слѣдовавшей за моимъ возвращеніемъ: я была рада, что избавилась отъ узъ, которыми хотѣли закрѣпить меня такъ внезапно; моя мать, испуганная горячностью доктора, вздохнула, какъ-бы освобожденная отъ опасеній и съ другой стороны нѣсколько огорченная; мой отецъ постарался скрыть нѣкоторый стыдъ и неудовольствіе подъ видомъ большого достоинства; моя кузина сохранила все свое достоинство, отказавъ доктору отъ своего дома, и пять лѣтъ спустя дѣвица de la Barre еще говорила ей, что этотъ бракъ былъ предопредѣленъ небомъ, что ея другъ не заключилъ другого, что перстъ провидѣнія готовилъ сближенія, которыхъ мы не могли предвидѣть.

Прекрасное пророчество! Оно имѣло такую же цѣну, какъ билетъ въ Шатръ!

Здоровье моей матери стало незамѣтно разстроиваться; у нея былъ параличъ, который смягчили въ моихъ глазахъ, давъ ему, съ ея согласія, названіе ревматизма; хотя она не обманывалась, но желала, чтобы я не безпокоилась. Серьезная и молчаливая, она съ каждымъ днемъ утрачивала свою живость; она любила сосредоточиваться и заставляла меня иногда выходить изъ дому съ моей горничной, не желая покидать своей комнаты. Она часто говорила со мной о

моемъ замужествѣ и сожалѣла, что я не могла принять ни одной изъ представлявшихся партій. Однажды, между прочимъ, она съ грустью уговаривала меня дать свое согласіе честному торговцу драгоцѣнными камнями, сдѣлавшему мнѣ предложеніе. Въ пользу его говоритъ, сказала она мнѣ, репутація большой честности, нравственности и кротости, хорошее состояніе, которое можетъ сдѣлаться блестящимъ, а это побочное свойство также является однимъ изъ достоинствъ посредственнаго человѣка. Онъ знаетъ, что твой образъ мыслей необыченъ; онъ высказываетъ къ тебѣ большое уваженіе, сочтетъ за честь слѣдовать твоимъ совѣтамъ, и уже говоритъ, что не былъ-бы противъ того, чтобы его жена кормила своихъ дѣтей; ты-бы имъ руководила.—Ахъ! мама, я совсѣмъ не хочу имѣть мужа, которымъ-бы я руководила: это былъ-бы слишкомъ большой ребенокъ.—Но знаешь-ли, что ты можешь показаться довольно странной, такъ какъ ты также не хотѣла-бы вѣдь имѣть властелина?—Пойми меня, дорогая мама; я не хочу человѣка, который-бы мной командовалъ, онъ-бы меня лишь научилъ сопротивляться; но я также не хочу, чтобы мнѣ было нужно управлять своимъ мужемъ. Или я очень ошибаюсь, или эти люди въ 5 футовъ высоты съ бородой на подбородкѣ не очень упустятъ случай дать почувствовать, что они сильнѣе; человѣкъ, которому-бы пришла фантазія напомнить мнѣ объ этой силѣ, меня-бы раздражилъ, а своего владычества я стыдилась-бы, если-бы онъ позволялъ собой править. — Я понимаю; ты-бы хотѣла поработить кого-нибудь, кто-бы, исполняя твою волю, считалъ-бы себя господиномъ. —Это опять не то; я ненавижу рабство; но я не считаю себя созданной для власти, она-бы меня стѣсняла: для моего ума довольно заботы справляться съ собой. Я хочу вдохновить человѣка, достойнаго моего уваженія, такого, чтобъ я могла гордиться близостью съ нимъ и чтобъ онъ свое счастье полагалъ въ томъ, чтобъ дѣлать меня счастливой, сообразно съ тѣмъ, какъ въ силу своего ума и привязанности будетъ понимать это счастье. — Счастье, дитя мое, не всегда является тѣмъ совершенствомъ отношеній, какимъ ты себѣ его представляешь; если-бы это счастье не существовало помимо этого совершенства, оно-бы отсутствовало почти во всѣхъ супружествахъ. — Я и не знаю такихъ, которымъ-бы я завидовала. — Положимъ, что это такъ, но среди этихъ супружествъ, которымъ ты не завидуешь, можетъ быть есть такія, которыя предпочтительнѣе тому, чтобы всегда оставаться въ дѣвушкахъ. Я могу умереть раньше, чѣмъ ты думаешь; ты-бы осталась одна со своимъ отцемъ; онъ еще молодъ, и ты себѣ не представляешь всѣхъ горестей, которыхъ моя нѣжность страшится за тебя: какъ-бы я была спокойна, еслибъ я тебя оставила замужемъ за порядочнымъ человѣкомъ раньше, чѣмъ

покину этотъ міръ!“ Эти послѣднія мысли меня удручили; моя мать, казалось, приподнимала страшную завѣсу надъ темнымъ и страшнымъ будущимъ, котораго я даже не подозрѣвала: я никогда не думала, что должна была ее потерять; одинъ бѣглый взглядъ на эту утрату, о которой она мнѣ говорила, какъ будто она была близкой, наполнилъ меня ужасомъ; страшная дрожь пробѣжала по моему тѣлу; я устремила на нее дикіе глаза, и улыбка ея заставила ихъ пролить слезы. „Что это! ты испугалась? Какъ будто не слѣдуетъ въ предпринимаемыхъ рѣшеніяхъ взвѣшивать всѣ случайности! Я не больна, хотя и переживаю критическое время, перевороты котораго иногда становятся пагубными; но именно, когда люди здоровы, они должны думать о противоположномъ; настоящій случай меня къ этому особенно побуждаетъ. Добрый и достойный человѣкъ предлагаетъ тебѣ свою руку; тебѣ 20 слишкомъ лѣтъ; у тебя не будетъ больше столько жениховъ, сколько ихъ представлялось въ истекшія 5 лѣтъ: я могу умереть, и потому не отказывай мужу, который, правда, не обладаетъ той утонченностью, которой ты придаешь такую цѣну (утонченность, всегда очень рѣдкая даже въ тѣхъ, въ которыхъ думаешь ее найти), но который будетъ нѣжно любить тебя и съ которымъ ты будешь счастлива.—Да, мама, воскликнула я съ глубокимъ вздохомъ, счастьемъ подобнымъ вашему!“ Моя мать смутилась, ничего не отвѣтила мнѣ и не раскрывала больше со мной рта ни объ этомъ бракѣ, ни о какомъ-либо другомъ, по крайней мѣрѣ съ тѣмъ, чтобы торопить меня. Слово вырвалось, какъ вырывается выраженіе сильнаго, необузданнаго чувства; дѣйствіе, произведенное имъ, доказало мнѣ его слишкомъ большую справедливость.

Посторонніе должны были съ перваго взгляда замѣтить чрезвычайную разницу, существовавшую между моею матерью и моимъ отцомъ; и кто могъ больше меня чувствовать все превосходство первой? Но я собственно не взвѣшивала того, какъ она должна была страдать; привыкшая съ дѣтства видѣть, что въ домѣ царилъ величайшій миръ, я не могла знать, трудно ли было его поддерживать: мой отецъ любилъ свою жену и нѣжно любилъ меня; у моей матери никогда не только не срывался упрекъ,—она не подавала даже вида недовольства; когда она не раздѣляла мнѣніе своего мужа и не могла измѣнить его, можно было подумать, что она отказывается отъ своего мнѣнія безъ всякаго усилія. Только въ послѣдніе годы разсужденія моего отца возбуждали во мнѣ тягостное чувство и я иногда позволяла себѣ вступать въ споръ; я пріобрѣла благодаря этому нѣкоторое вліяніе; вскорѣ я стала пользоваться имъ съ извѣстной смѣлостью. Новизна-ли, слабость-ли, но мой отецъ скорѣе уступалъ мнѣ, чѣмъ своей женѣ; я пользовалась этимъ для нея; я, такъ сказать, сдѣлалась сторожевой собакой моей матери; въ

моемъ присутствіи не позволялось мучить ее, и либо лая, дергая платье за фалды, чтобы задирать, либо не на шутку сердясь, я всегда могла его заставить выпустить свою добычу; что было удивительно, это то, что я была столь-же сдержана, какъ была моя мать относительно своего мужа; я никогда не говорила ей наединѣ и вдали отъ моего отца ничего такого, что-бы противорѣчило дочернему уваженію. Я, чтобы защитить ее, употребляла силу, скажу даже авторитетъ разума, когда недостаточно было изобрѣтательной хитрости; но съ глазу на глазъ я-бы не проронила слова относительно происшедшаго. Ради нея, я могла даже бороться съ ея мужемъ; но когда этотъ мужъ отсутствовалъ, онъ былъ лишь моимъ отцомъ, о которомъ каждая изъ насъ молчала, если не нужно было выражать ему благодарности. Я замѣчала однако, что мой отецъ постепенно утратилъ свою привычку къ труду; сначала дѣла его общины отвлекали его, затѣмъ они выработали въ немъ потребность чаще отлучаться изъ дому; незамѣтно онъ увлекся страстью къ удовольствіямъ; всякое зрѣлище или событіе внѣ дома привлекало его; къ этому примѣшалась любовь къ игрѣ; знакомства, заключенныя въ кафэ, завели его въ другія мѣста. Его соблазнила лотерейная приманка. Желаніе разбогатѣть заставило его испробовать торговыя предпріятія, чуждыя его искусству, и которыя не всегда были счастливы; это желаніе, когда онъ утратилъ привычку къ работѣ, заставило его нести по рискованнымъ предпріятіямъ потери. По мѣрѣ того, какъ онъ меньше изощрялъ свой талантъ, онъ утрачивалъ его, его способности уменьшились, а благодаря менѣе правильной жизни зрѣніе его ухудшилось, рука утратила твердость. Его молодые люди, за которыми хозяинъ уже не такъ присматривалъ, все хуже замѣняли его; скоро пришлось сократить ихъ число, потому что мода перешла въ другія мѣста. Эти перемѣны произошли незамѣтно и постепенно, и ихъ дѣйствіе стало чрезвычайно чувствительно, раньше чѣмъ успѣли взвѣсить все ихъ значеніе. Моя мать, очень задумчивая, стала иногда полунамеками высказывать мнѣ свое безпокойство; я боялась усиливать его, говоря о томъ, чего ни она, ни я не могли измѣнить. Я старалась ей давать чувствовать все удовлетвореніе, которое зависѣло отъ меня; она стала очень лѣнива на ходьбу,—я приносила для нея ту жертву, что уходила отъ нея, чтобы идти со своимъ отцемъ, котораго я просила водить меня гулять; онъ не искалъ моего общества, какъ бывало, чтобы имѣть меня при себѣ, но ему еще доставляло удовольствіе сопровождать меня, и я возвращала его съ нѣкоторымъ торжествомъ своей доброй матери, все умиленіе которой, когда мы собирались вмѣстѣ, я чувствовала. Мы не всегда выигрывали отъ этого: для того, чтобы не отказывать своей дочери и въ то-же время не поступаться другими своими удовольствіями, отецъ, приведя меня домой, снова уходилъ, на ми-

путу, говорилъ онъ; но вмѣсто того, чтобы вернуться къ ужину, онъ забывалъ время и возвращался въ полночь. Мы молча плакали; и если мнѣ случалось при его возвращеніи высказать ему наше огорченіе, онъ относился къ этому легко, отклоняя мои кроткія жалобы шутками, или удалялся съ молчаливымъ неудовольствіемъ. Семейное счастье скрывалось за этими тучами; но миръ не нарушался, и равнодушные глаза не замѣтили-бы перемѣнъ, совершавшихся каждый день.

Моя мать очень страдала уже больше года отъ чего-то въ родѣ заложенія носа, походившаго на насморкъ, причину котораго доктора не могли понять; послѣ разныхъ лекарствъ, они особенно совѣтовали движеніе, котораго она уже не любила, и хорошій деревенскій воздухъ. Дѣло было незадолго до Троицына дня 1775 г.; было рѣшено, что мы отправимся провести эти праздники въ Медонѣ. Я не проснулась въ воскресенье утромъ, какъ привыкла это дѣлать, когда мы собирались на эти загородныя прогулки; меня одолѣвалъ тяжелый и прерывистый сонъ и снились зловѣщія видѣнія: мнѣ видѣлось, что мы возвращались въ Парижъ по рѣкѣ, преслѣдуемые грозой, и что при выходѣ изъ галіоты, въ которой мы ѣхали, трупъ, который выносили изъ нея, задержалъ меня на моемъ пути: это зрѣлище поразило меня ужасомъ; я старалась понять, кто былъ этотъ печальный трупъ. Въ эту-же минуту моя мать, слегка дотронувшись до моихъ ногъ, и называя меня по имени своимъ кроткимъ голосомъ, разсѣяла мой сонъ; я была въ восхищеніи увидѣть ее, какъ будто она меня спасла отъ величайшей опасности: я протянула къ ней руки и поцѣловала ее съ умиленіемъ, говоря ей, что она мнѣ очень помогла тѣмъ, что разбудила. Я вскакиваю съ постели; мы дѣлаемъ всѣ распоряженія и уѣзжаемъ. Погода была хорошая, воздухъ тихъ, маленькій ботикъ скоро привезъ насъ къ нашему мѣстопребыванію и деревенскія радости вернули мнѣ мое спокойствіе. Моя мать послѣ путешествія чувствовала себя хорошо, она стала нѣсколько дѣятельнѣе; это было на второй день, что мы открыли Villebonne и фонтанщика „Moulin Rouge“. Я обѣщала своей Агатѣ пойти ее навѣстить на второй день праздниковъ; мы вернулись во вторникъ вечеромъ: моя мать собиралась сопровождать меня въ монастырь; но такъ какъ моціонъ предъидущихъ дней немного утомилъ ее, то она въ минуту ухода перемѣнила рѣшеніе и отправила со мной мою горничную. Я захотѣла было остаться; она настояла на томъ, чтобы я сдержала слово, прибавивъ, что я хорошо знала, что она охотно оставалась одна, и что если я желала прогуляться въ „Jardin du Roi“, я могла себѣ доставить это удовольствіе.

Я посѣтила Агату, но скоро ушла отъ нея: Отчего ты такъ скоро уходишь?— говорила она мнѣ; тебя стало быть ждутъ? — Нѣтъ; но мнѣ хочется скорѣе вернуться къ мамѣ. — Ты мнѣ сказала, что она

здорова? — Это правда, она меня также не ждетъ такъ рано, но не знаю, что меня безпокоитъ, мнѣ нужно увидать ее.—При этомъ мое сердце противъ воли сжималось.

Можетъ быть подумаютъ, что эти событія сочинены подъ вліяніемъ отраженнаго чувства, придающаго свою окраску предметамъ, предшествовавшимъ ему; но я лишь точный историкъ и передаю факты, о которыхъ лишь послѣдующія событія напомнили мнѣ.

Изъ изложенія моихъ взглядовъ и особенно послѣдовательнаго развитія идей, которыя я усвоила, можно было, конечно, догадаться, что я также мало раздѣляла тогда нѣкоторые предразсудки, какъ мало суевѣрна и теперь. Поэтому, размышляя о томъ, что могло дать поводъ къ тому, что называютъ предчувствіями, я думаю, что они заключаются въ томъ быстромъ, у людей съ живымъ умомъ и утонченнымъ чувствомъ, воспріятіи массы незамѣтныхъ вещей, которыхъ невозможно было-бы даже назвать, которыя скорѣе чувствуются, чѣмъ обсуждаются, и въ результатѣ которыхъ получаются волненія, не подлежащія объясненію, но освѣщаемыя и оправдываемыя послѣдствіями.

Чѣмъ больше предметъ внушаетъ намъ интереса къ себѣ, тѣмъ проницательнѣе и воспріимчивѣе мы бываемъ по отношенію къ нему,—тѣмъ болѣе въ насъ тѣхъ физическихъ воспріятій, которыя впослѣдствіи называются предчувствіями и которыя древніе считали предзнаменованіями или совѣтами боговъ.

Моя мать была для меня самымъ дорогимъ человѣкомъ; она приближалась къ смерти безъ того, чтобы какіе-нибудь внѣшніе признаки извѣстили объ этомъ посторонніе глаза, мое вниманіе не улавливало ничего такого, что-бы заставило ожидать этого страшнаго удара; но въ ней, вѣроятно, были легкія измѣненія, волновавшія меня безъ моего вѣдома; я не могла-бы сказать тогда, что безпокоилась, я-бы не знала о чемъ,—но я чувствовала себя встревоженной, мое сердце порой сжималось, когда я устремляла на нее глаза, и вдали отъ нея я ощущала тягостное чувство, не позволявшее мнѣ тамъ оставаться. Я покинула Агату такимъ страннымъ образомъ, что она просила тотчасъ-же ей написать о себѣ; я поспѣшно вернулась, несмотря на замѣчанія горничной, находившей, что время было очень благопріятно для прогулки по Jardin du Roi. Приближаясь къ дому, я увидала у дверей дѣвушку, жившую по сосѣдству, которая воскликнула при видѣ меня: — „Ахъ! сударыня, ваша мать почувствовала себя очень плохо; она пришла за моей матерью, которая вмѣстѣ съ нею отправилась къ ней въ комнату“. Пораженная ужасомъ, я произношу какіе-то безсвязные звуки; я лечу, стремительно бросаюсь; я нахожу свою мать на креслѣ, съ откинутой головой, опущенными руками, блуждающими глазами, полураскрытымъ ртомъ: при видѣ меня ея лицо оживляется; она хочетъ

говорить; ея скованный языкъ съ трудомъ произноситъ недоконченныя слова: она хочетъ сказать, что ждетъ меня съ нетерпѣніемъ; она дѣлаетъ усиліе, чтобы приподнять свои руки, лишь одна изъ нихъ повинуется побужденію ея воли: она кладетъ руку свою на мое лицо, вытираетъ пальцами своими слезы, покрывающія его, тихонько проводитъ ими по моимъ щекамъ, какъ-бы для того, чтобы успокоить меня; желаніе улыбнуться изображается на ея лицѣ, она пробуетъ говорить... напрасная попытка! Параличъ сковываетъ ей языкъ, отягчаетъ голову, разбиваетъ половину ея тѣла. Маточная вода (горькая), соль во рту, растиранія, все это не производитъ никакого дѣйствія; сію-же минуту я отправила людей за докторомъ и за моимъ отцомъ, съ быстротой молніи сбѣгала въ ближайшую аптеку за рвотнымъ порошкомъ; докторъ пришелъ, моя мать была въ постели, лекарства давались, но успѣхи болѣзни росли съ ужасающей быстротой, глаза были закрыты, голова, склоненная на грудь, не могла уже приподниматься, учащенное и тяжелое дыханіе показывало общее изнеможеніе, однако она слышала то, что ей говорили, и если ее спрашивали, страдаетъ ли она, она клала лѣвую руку на лобъ, какъ-бы для того, чтобы показать, гдѣ у нея болѣло. Я была невыразимо дѣятельна, я приказывала и сама исполняла раньше, чѣмъ исполняли другіе, я, казалось, не отходила отъ изголовья ея постели и въ то-же время приготовляла то, что было нужно; въ 10 ч. вечера я вижу, что докторъ отводитъ въ сторону нѣсколькихъ женщинъ и моего отца; я хочу знать, что̀ онъ предлагаетъ, мнѣ говорятъ, что отправились за священникомъ; мнѣ кажется, будто я это вижу во снѣ. Является священникъ, молится и дѣлаетъ не знаю что, я машинально держу восковую свѣчу, стоя прямо у изголовья постели, не отвѣчая и не уступая тѣмъ, которые хотятъ меня согнать съ моего мѣста, съ глазами, устремленными на мою умирающую и обожаемую мать, поглощенная однимъ чувствомъ, лишающимъ меня напослѣдокъ всѣхъ моихъ способностей; восковая свѣча выпадаетъ изъ моей руки, я падаю безъ чувствъ, меня уносятъ, я прихожу въ сознаніе нѣкоторое время спустя въ гостиной, смежной съ ея комнатой, окруженная родственниками; я устремляю глаза на дверь, встаю, меня удерживаютъ, я дѣлаю умоляющіе знаки, чтобы получить разрѣшеніе вернуться... Грустное молчаніе, угрюмое и твердое сопротивленіе, все препятствуетъ мнѣ; ко мнѣ возвращаются силы, я прошу, я вскакиваю, они неумолимы, я вхожу въ какое-то бѣшенство. Въ эту минуту является мой отецъ, онъ блѣденъ и молчаливъ: они какъ будто предлагаютъ ему безмолвный вопросъ, онъ отвѣчаетъ движеніемъ глазъ, которое заставляетъ ихъ испускать жалобные стоны. Я укрываюсь отъ надзора своихъ пораженныхъ хранителей, и выхожу стремительно: моя мать... ея уже не стало! Я приподнимаю ея руки,

не вѣря этому, я то открываю, то закрываю эти глаза, которые меня больше не увидятъ и которые смотрѣли на меня съ такой нѣжностью: я ее зову, я кидаюсь на ея постель въ изступленіи, прикладываю свои губы къ ея губамъ, растворяю ихъ, стараюсь вдохнуть въ себя смерть, надѣюсь спасти ее своимъ дыханіемъ и умереть на мѣстѣ. Я не знаю хорошо, что было затѣмъ, я помню, что къ утру я оказалась у сосѣда; туда появился г-нъ Besnard, который велѣлъ меня снести въ карету и увезъ къ себѣ. Я пріѣзжаю, моя двоюродная бабушка меня безмолвно обнимаетъ, сажаетъ меня за маленькій столъ и даетъ мнѣ чего-то выпить, умоляя это сдѣлать, я хочу исполнить ея желаніе,—и лишаюсь чувствъ; меня кладутъ въ постель, и я въ ней провела двѣ недѣли между жизнью и смертью, въ страшныхъ судорогахъ. Физическое страданіе, сохранившееся у меня въ памяти, — это постоянное удушье, мое дыханіе превратилось въ какое-то завываніе, которое было слышно съ улицы; какъ мнѣ говорили впослѣдствіи, во мнѣ свершился переворотъ, который въ силу моего положенія былъ опасенъ и отъ котораго я могла вылечиться только благодаря силѣ моего организма и великолѣпному уходу, которымъ меня окружили. Мои почтенные родные удалились въ маленькія комнаты, чтобы помѣстить меня удобно; они какъ-бы вдохнули въ себя новую бодрость, чтобы возвратить мнѣ жизнь, и не позволяли, чтобы наемныя руки что-либо подавали мнѣ; они захотѣли сами прислуживать мнѣ, и въ непосредственномъ уходѣ допустили лишь помощь г-жи Trude, рожденной Robineau, молодой женщины, моей кузины, приходившей всякій вечеръ проводить у меня ночь; она спала въ моей постели, и вся была поглощена тѣмъ, чтобы предусмотрѣть и смягчить судорожные припадки, которые часто дѣлались у меня.

Недѣля прошла, я еще не могла плакать,—у великаго горя нѣтъ слезъ.

(*Я проливаю въ эту минуту слезы, которыя горьки и жгучи, такъ какъ я опасаюсь еще худшаго зла, чѣмъ то, которое терплю; я всѣ свои пожеланія направила на спасеніе того, что люблю; это спасеніе болѣе сомнительно, чѣмъ когда-либо! Несчастья нагромождаются, словно темная и страшная туча, готовая покрыть, заволокнуть все то, что мнѣ было дорого, я съ трудомъ стараюсь отвлечь свое вниманіе отъ настоящаго, принуждая себя изображать прошлое*).

Письмо отъ Софьи вновь открыло источникъ слезъ; голосъ дружбы, нѣжныя выраженія заставили меня собраться съ духомъ, смягчили мое сердце; они произвели дѣйствіе, котораго ванны и искусство врачей тщетно добивались; это было новымъ переворотомъ, я заплакала, я была спасена. Удушье уменьшилось, всѣ припадки болѣзни осла-

бѣли и судороги дѣлались рѣже; но всякое тяжелое впечатлѣніе возобновляло ихъ приступы.

Мой отецъ явился ко мнѣ въ траурномъ одѣяніи, свидѣтельствовавшемъ о нашей общей, хотя и не одинаково прочувствованной утратѣ; онъ принялся меня утѣшать, доказывая мнѣ, что Провидѣніе даже въ самомъ несчастіи устраивало все къ лучшему, что моя мать закончила на этомъ свѣтѣ свою задачу, воспитаніе своей дочери, и что если мнѣ нужно было потерять мать или отца, хорошо было, что небо оставило мнѣ того изъ нихъ, который могъ быть наиболѣе полезнымъ для моего состоянія; моя утрата была, конечно, непоправима даже въ этомъ отношеніи, какъ то доказали событія, но мнѣ эта мысль не пришла въ голову, я лишь почувствовала сухость мнимаго утѣшенія, столь плохо приноровленнаго къ моему образу мыслей, я, можетъ быть, въ первый разъ измѣрила все разстояніе, раздѣлявшее насъ съ отцомъ; мнѣ показалось, будто онъ самъ сорвалъ почтительную завѣсу, сквозь которую я на него смотрѣла, я почувствовала себя совсѣмъ сиротой, потому что моей матери уже не было, а мой отецъ никогда не пойметъ меня...

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.

Въ тюрьмѣ Св. Пелагіи, 10 сентября 1793.

Моей матери было не больше пятидесяти лѣтъ, когда смерть столь жестоко похитила ее у меня; оказалось, что причиной страннаго заложенія носа, столь долго безпокоившаго ее, былъ нарывъ въ головѣ, неизвѣстно какъ образовавшійся и обнаружившійся только благодаря вытеченію матеріи черезъ носъ и черезъ уши; второй ударъ паралича, вѣроятно, не былъ-бы смертельнымъ безъ этого осложненія. Ея кроткое и свѣжее лицо не предвѣщало ея безвременной кончины; случаи недомоганія, казалось, являлись принадлежностью возраста, который женщины рѣдко минуютъ безъ поврежденія здоровья; меланхолія, даже уныніе, которыя я въ ней съ нѣкотораго времени замѣчала, я объясняла нравственными причинами, слишкомъ для меня понятными.

Наши послѣднія прогулки за городъ ее повидимому оживили; въ тотъ самый день, когда я лишилась ея, я ее оставила здоровой въ три часа дня: я вернулась въ $5^1/_2$ часовъ и застала ее разбитою параличемъ; въ полночь ея уже не стало. Какія мы слабыя игра-

лица безжалостной судьбы, отчего столь горячія чувства и великія намѣренія связаны со столь бренным существованіемъ?

Такимъ образомъ покинула жизнь одна изъ лучшихъ и прелестнѣйшихъ женщинъ, когда-либо жившихъ на свѣтѣ. Ничего блестящаго въ ней не обращало на себя вниманіе, но все заставляло ее любить, когда ее узнавали ближе. Она была благоразумна и добра по природѣ, и добродѣтель, казалось, не стоила ей усилій; она умѣла придавать ей такой-же кроткій и снисходительный видъ, какова была сама. Разумная и спокойная, нѣжная, хотя и не страстная, ея чистая и безмятежная душа дышала, подобно тому, какъ течетъ покорная рѣка, съ одинаковой снисходительностью омывающая подножіе скалы, захватившей ее въ плѣнъ, и долину, которую она украшаетъ. Эта внезапная утрата познакомила меня съ глубокой печалью горя и самымъ дикимъ изступленіемъ.

„Прекрасно быть одаренной душой; но несчастье имѣть столько души", грустно говорилъ, глядя на меня, аббатъ Legrand, который пришелъ навѣстить меня у дѣдушки и бабушки. Когда въ моемъ состояніи наступило улучшеніе, поспѣшили пригласить или принять, одного за другимъ, различныхъ моихъ знакомыхъ, чтобы освоить меня съ внѣшними предметами. Я казалась отсутствующею въ томъ свѣтѣ, гдѣ меня видѣли; сосредоточенная въ своемъ горѣ, я почти не замѣчала того, что происходило вокругъ меня; я совсѣмъ не разговаривала или отвѣчала на свои мысли вмѣсто того, чтобъ слѣдить за мыслями другихъ, я имѣла видъ помѣшанной; дорогой образъ, никогда не выходившій у меня изъ памяти, порою пробуждалъ страшное чувство его утраты, я испускала внезапные крики, мои распростертыя руки коченѣли и я теряла сознаніе. Я была неспособна ни къ какому напряженію, но иногда у меня были хорошія минуты, когда я чувствовала грусть своихъ родныхъ, ихъ доброту ко мнѣ, нѣжную заботливость моей кузины, и когда я старалась уменьшить ихъ безпокойство. Аббатъ Legrand догадался, что со мной нужно было много говорить о моей матери, чтобы сдѣлать меня способной думать о чемъ-либо другомъ; онъ и началъ со мной говорить о ней и незамѣтно навелъ меня на размышленія, на мысли, которыя хотя и не были чужды ей, но отвлекали отъ постояннаго воспоминанія объ ея утратѣ. Лишь только онъ счелъ меня способной хоть слегка просмотрѣть книгу, онъ принесъ мнѣ Элоизу Руссо; чтеніе этой книги дѣйствительно было моимъ первымъ развлеченіемъ. Мнѣ исполнился 21 годъ; я уже много читала; я знала довольно большое число писателей, историковъ, литераторовъ и философовъ; но Руссо произвелъ на меня тогда впечатлѣніе подобное тому, какое на меня произвелъ Плутархъ, когда мнѣ было 8 лѣтъ: повидимому это была наиболѣе

подходящая для меня пища, истолковавшая чувства, которыя были во мнѣ до того, но которыя онъ одинъ умѣлъ мнѣ объяснить.

Плутархъ подготовилъ меня стать республиканкой; онъ пробудилъ ту силу и ту гордость, которыя являются отличительными чертами республиканскаго духа; онъ вдохнулъ въ меня настоящій энтузіазмъ общественной добродѣтели и свободы; Руссо показалъ мнѣ семейное счастье, къ которому я могла стремиться, и невыразимыя наслажденія, которыя я способна была вкушать. Ахъ! ему удалось окончательно предохранить меня отъ того, что называютъ слабостями; но могъ-ли онъ меня оберечь отъ страсти? Для жизни въ извращенный вѣкъ, въ которомъ я должна была жить, во время революціи, которую я совсѣмъ не предвидѣла, я съ давнихъ поръ принесла съ собой все, что могло меня сдѣлать способной къ великимъ жертвамъ и подвергнуть меня большимъ несчастьямъ. Смерть будетъ для меня лишь концомъ тѣхъ и другихъ. Я жду ее и не подумала-бы заполнить короткое разстояніе, отдѣляющее меня отъ нея, повѣстью о моей собственной жизни, если-бы клевета не вывела меня на сцену, чтобы еще болѣе жестоко напасть на тѣхъ, кого она хочетъ погубить. Я люблю обнаруживать дѣйствительные факты тамъ, гдѣ они касаются не меня одной, и я не хочу замолчать ни одного изъ нихъ, чтобы ихъ связь послужила къ ихъ выясненію.

По возвращеніи своемъ къ отцу я испытала все то, что заставляетъ перечувствовать видъ мѣстъ, въ которыхъ жили съ предметомъ, котораго уже нѣтъ; приняли довольно неловкую предосторожность снять портретъ моей матери, словно это пустое мѣсто не должно было мнѣ напомнить еще болѣе мучительно, чѣмъ ея изображеніе, утрату, которую я понесла; я его тотчасъ-же потребовала, мнѣ его возвратили. Такъ какъ хозяйственныя хлопоты касались меня одной,—я ими занялась; но они были немногочисленны въ семьѣ, состоявшей изъ трехъ лицъ. Я никогда не понимала, чтобъ эти хлопоты могли поглощать женщину, любящую порядокъ и дѣятельную, какъ-бы ни была значительна ея семья,—въ этомъ случаѣ есть больше людей, чтобъ ихъ раздѣлять; нужно только правильное распредѣленіе и нѣкоторая внимательность. Я въ этомъ отношеніи прошла черезъ нѣсколько различныхъ положеній, но никогда ничто не дѣлалось у меня безъ моего приказанія; и даже когда эти хлопоты у меня занимали больше времени, они никогда не брали у меня больше двухъ часовъ въ день. Всегда имѣешь досугъ, если умѣешь заниматься; не хватаетъ времени для всего тѣмъ людямъ, которые ничего не дѣлаютъ. Впрочемъ не удивительно, что женщины, которыя дѣлаютъ или принимаютъ безполезные визиты и которыя считали-бы себя недостаточно разряженными, еслибъ не посвящали много времени своему зеркалу, находятъ, что время тянется

отъ скуки, но бѣжитъ слишкомъ быстро для исполненія ихъ обязанностей; но я видала такъ называемыхъ хорошихъ хозяекъ, невыносимыхъ для свѣта и даже для своихъ мужей благодаря утомительной поглощенности своими мелкими хлопотами; я ничего не знаю болѣе несноснаго, чѣмъ эта слабость, и болѣе способнаго заставить человѣка увлекаться какою угодно другою женщиною, но не своею женою; такая женщина должна казаться своему мужу очень хорошею ключницей, но не лишитъ его желанія искать въ другомъ мѣстѣ развлеченій. По моему мнѣнію, женщина должна держать или заставлять держать въ порядкѣ бѣлье и вещи, кормить дѣтей, заказывать или даже стряпать кушанья, не разговаривая объ этомъ; она должна дѣлать это съ беззаботностью и умѣньемъ распредѣлять минуты, которыя-бы ей давали возможность говорить о чемъ-либо другомъ и, наконецъ, нравиться какъ своимъ настроеніемъ, такъ и изяществомъ, свойственнымъ ея полу. Я имѣла случай замѣтить, что приблизительно тоже, что и въ семьѣ, происходитъ въ управленіи государствомъ: пресловутыя хозяйки, вѣчно говорящія о своихъ хлопотахъ, либо оставляютъ много дѣла несдѣланнымъ, либо затрудняютъ его для другихъ; общественные дѣятели, болтливые и вѣчно хлопочущіе, кричатъ о затрудненіяхъ только вслѣдствіе своей неспособности справляться съ ними или невѣжества въ дѣлѣ управленія.

Мои занятія стали мнѣ болѣе дороги, чѣмъ когда либо; они были мнѣ утѣшеніемъ: еще болѣе предоставленная сама себѣ, и находясь часто въ грустномъ настроеніи, я почувствовала потребность писать. Я любила отдавать себѣ отчетъ въ своихъ мысляхъ: писаніе содѣйствовало ихъ уясненію; когда я не писала, я скорѣе мечтала, чѣмъ размышляла; во время писанія я сдерживала свое воображеніе и слѣдила за ходомъ разсужденія. Я уже раньше начала нѣсколько сборниковъ, теперь я ихъ расширила подъ заглавіемъ „Oeuvres de loisir et réflexions diverses". Я не имѣла иного намѣренія, какъ фиксировать на бумагѣ свои мнѣнія и имѣть свидѣтельства о своихъ чувствахъ, которыя бы я могла когда-нибудь сравнить между собой, такимъ образомъ, чтобъ ихъ послѣдовательность и ихъ измѣненія послужили для меня поученіемъ и иллюстраціей. У меня сохранилась довольно большая связка этихъ твореній дѣвическихъ годовъ, сваленная въ пыльномъ углу моей библіотеки или, быть можетъ, на чердакѣ. Никогда у меня не было ни малѣйшаго искушенія сдѣлаться писательницей; я очень рано убѣдилась въ томъ, что женщина, которая снискиваетъ себѣ это званіе, теряетъ больше, чѣмъ пріобрѣтаетъ. Мужчины не любятъ ея, а ея полъ ее критикуетъ; если ея произведенія плохи, надъ нею смѣются,—и хорошо дѣлаютъ; если они хороши,—не вѣрятъ, чтобъ они принадлежали ея перу. Если принуждены

признать, что она сама написала лучшую часть этихъ произведеній, то до такой степени чернятъ ея личный характеръ, ея нравственность, поведеніе и ея таланты, что перевѣшиваютъ репутацію ея ума тою огласкою, которой предаютъ ея недостатки.

Къ тому-же моею главною задачей было мое личное счастье, и я никогда не видѣла, чтобы толпа вмѣшивалась въ это дѣло, не разстроивъ его. Для меня нѣтъ ничего болѣе пріятнаго, чѣмъ то, чтобы меня цѣнили по достоинству люди, съ которыми я живу, и нѣтъ ничего болѣе безсмысленнаго, чѣмъ поклоненіе лицъ, съ которыми я не должна больше встрѣтиться.

О Боже мой! какую плохую услугу оказали мнѣ тѣ, которые осмѣлились приподнять завѣсу, подъ которою я любила пребывать! Въ теченіе 12 лѣтъ своей жизни я работала съ моимъ мужемъ также, какъ и ѣла съ нимъ, потому что одно для меня было также естественно, какъ и другое. Если цитировали какой-нибудь отрывокъ изъ его произведеній, гдѣ находили особенно изящный слогъ, если принимали какую-нибудь академическую бездѣлицу, какія онъ любилъ писать для представленія ученымъ обществамъ, членомъ которыхъ онъ состоялъ, я наслаждалась его удовольствіемъ, не обращая особеннаго вниманія—не было ли это написано мной, и онъ часто, въ концѣ концовъ, убѣждался, что дѣйствительно былъ въ ударѣ, когда писалъ такое-то мѣсто, принадлежавшее моему перу. Во время управленія министерствомъ, когда нужно было высказывать сильныя и великія истины, я въ это дѣло вкладывала всю свою душу; совершенно естественно, что выраженія этой души отличались бо́льшими достоинствами, чѣмъ измышленія ума какого-нибудь секретаря. Я любила свою страну; я была проникнута энтузіазмомъ къ свободѣ: я не знала никакихъ интересовъ, ни страстей, которыя могли-бы сравниться съ этими чувствами; мой языкъ долженъ былъ быть чистымъ и патетическимъ,—это былъ языкъ сердца и правды. Я такъ сильно проникалась важностью предмета, что не думала о себѣ. Одинъ только разъ меня разсмѣшила странность контрастовъ въ положеніяхъ. Это было, когда я писала папѣ, чтобы потребовать выдачи французскихъ артистовъ, заключенныхъ въ Римѣ въ тюрьму. Письмо къ папѣ, отъ имени исполнительнаго совѣта Франціи, тайно начертанное женщиной, въ просто обставленномъ кабинетѣ, который Маратъ любилъ называть будуаромъ,—все это мнѣ показалось до того забавнымъ, что я много смѣялась, написавъ письмо. Удовольствіе, доставляемое этими контрастами, заключалось въ самой тайнѣ; но оно по необходимости стало менѣе полнымъ въ положеніи, которое уже не было положеніемъ частнаго человѣка, когда глазъ чиновника отличалъ почерки рукописей, съ которыхъ снималъ копіи. Во всемъ этомъ, однако, нѣтъ ничего страннаго, кромѣ необычности; отчего женщина не можетъ исполнять роль

секретаря своего мужа, безъ того, чтобы это умаляло его заслуги? Вѣдь извѣстно, что министры не могутъ все дѣлать сами; и конечно, еслибы жены министровъ стараго режима или даже жены всѣхъ министровъ новаго были способны писать проекты писемъ, циркуляровъ или объявленій, онѣ-бы лучше сдѣлали, употребляя свое время на это, чѣмъ на хлопоты и интриги за всякаго встрѣчнаго и поперечнаго: одно исключаетъ другое въ силу самой сущности вещей. Если-бы тѣ, кто понялъ меня, представили себѣ факты такими, какими они были, они-бы меня избавили отъ нѣкоторой знаменитости, которой я не желала; вмѣсто того, чтобы теперь тратить свое время на опровержение лжи, я-бы читала главу изъ Монтеня, рисовала-бы цвѣтокъ или играла какой-нибудь мотивъ, и этимъ услаждала-бы свое уединеніе въ тюрьмѣ, не занимаясь писаніемъ своей исповѣди. Но я забѣгаю впередъ къ эпохѣ, до которой еще не дошла; я безъ сознанія неловкости обращаю на это вниманіе читателя, также какъ и не совѣстно было это сдѣлать; потому что дѣло идетъ о томъ, чтобы описать меня, и нужно чтобы меня видѣли съ моими недостатками. Я не повелѣваю своимъ перомъ, оно меня увлекаетъ, куда ему хочется, и я не сопротивляюсь ему.

Мой отецъ въ первое время своего вдовства искренно старался порѣже выходить изъ дому; но дома онъ скучалъ; и съ тѣхъ поръ, какъ любовь къ искусству перестала предотвращать эту болѣзнь, всѣ мои усилія не могли излѣчить ея. Я хотѣла съ нимъ разговаривать; но у насъ было мало общихъ мыслей, и вѣроятно онъ тогда интересовался вещами, которыми-бы не хотѣлъ, чтобы я увлекалась. Я часто играла съ нимъ въ пикетъ; его не очень оживляло играть со своей дочерью; къ тому-же ему было небезъизвѣстно, что я ненавидѣла карты, и какъ я ни желала убѣдить его, что игра мнѣ доставляла удовольствіе, какъ я ни старалась дѣйствительно находить удовольствіе въ томъ, чтобы его развлечь, онъ не сомнѣвался, что это было съ моей стороны снисхожденіемъ. Я хотѣла-бы сдѣлать его домъ пріятнымъ для него, но не имѣла къ тому возможности: я поддерживала сношенія лишь съ дѣдушкой и бабушкой, которыхъ мы ходили навѣщать и которые сами не двигались изъ дому. Нужно было-бы, чтобы онъ самъ собиралъ у себя общество; но у него было общество въ другомъ мѣстѣ, и онъ отлично сознавалъ, что было-бы не прилично меня въ него вводить. Неужели моя мать была дѣйствительно неправа, когда сосредоточивалась въ самое себя и не дѣлала свой домъ достаточно оживленнымъ, чтобы удержать въ немъ своего мужа? Было-бы слишкомъ легкомысленно осуждать ее за это; и было-бы также несправедливо считать моего отца столь достойнымъ порицанія за нѣкоторыя ошибки, отъ которыхъ онъ самъ пострадалъ. Иныя сцѣпленія несчастій неизбѣжно

проистекають отъ первичной причины, и нужно всегда возвращаться къ этой послѣдней, чтобы найти объясненія для всего.

Законодатели нашего вѣка стремятся создать общее благо, отъ котораго будто-бы зависитъ счастье каждаго отдѣльнаго человѣка; я очень боюсь, что они начинаютъ дѣло съ конца. Было-бы болѣе сообразно съ природой и, можетъ быть, съ здравымъ смысломъ, хорошо изучить то, что образуетъ семейное счастіе, и упрочить его за личностями такимъ образомъ, чтобъ общее счастіе составлялось изъ счастія каждаго въ отдѣльности, и чтобы всѣ были заинтересованы въ поддержаніи порядка вещей, который имъ доставилъ это счастье. Какъ-бы ни были прекрасны писанные принципы конституціи, но если я вижу часть людей, принявшихъ ее, въ горѣ и слезахъ, я буду ее считать не больше, чѣмъ политическимъ уродомъ; если тѣ, которые не плачутъ, радуются страданіямъ другихъ, я скажу, что она ужасна, и что ея творцы—глупцы или злодѣи.

Въ бракѣ, гдѣ мужъ и жена не подходятъ другъ къ другу, добродѣтель одного изъ двухъ можетъ поддерживать порядокъ и миръ, но отсутствіе счастія рано или поздно заставляетъ себя чувствоватъ и влечетъ за собой болѣе или менѣе серьезныя затрудненія. Построеніе такихъ союзовъ походитъ на систему нашихъ политиковъ: его основанія не крѣпки; оно должно рушиться въ одинъ прекрасный день, вопреки искусству, потраченному на его сооруженіе.

Моя мать могла привлекать къ себѣ лишь людей, которые-бы походили на нее, а такіе люди были-бы не по плечу моему отцу: съ другой стороны тѣ, ежедневное общество которыхъ доставляло-бы ему удовольствіе, были-бы въ тягость моей матери и несовмѣстимы съ тѣмъ, какъ она хотѣла меня воспитывать. Ей, поэтому, пришлось удовлетвориться семьей и тѣми поверхностными сношеніями, которыя доставляютъ знакомства, но не образуютъ тѣсныхъ связей.

Все шло хорошо, пока мой отецъ, обладая пріятною профессіей и молодою женой, находилъ въ своемъ домѣ работу и наслажденія, которыя были для него необходимы. Но онъ былъ годомъ моложе своей жены, и она съ раннихъ поръ стала хворать; нѣкоторыя обстоятельства уменьшили его усердіе къ работѣ; страсть къ наживѣ заставила его броситься въ рискованныя предпріятія; съ той поры все было потеряно. Любовь къ труду — основная добродѣтель человѣка въ обществѣ, а въ особенности человѣка съ неразвитымъ умомъ; лишь только любовь эта замираетъ, появляется опасность; если она гаснетъ, человѣкъ отдается заблужденіямъ страстей, всегда болѣе пагубнымъ, когда меньше обязанностей, потому что тогда ничто уже не сдерживаетъ. Овдовѣвъ въ такую минуту, когда ему нужны были-бы новыя цѣпи у себя дома, мой бѣдный отецъ завелъ лю-

бовницу, чтобъ не дать своей дочери мачихи; онъ игралъ въ карты, чтобъ покрыть недостатокъ заработка или свои издержки; и не переставая быть честнымъ человѣкомъ, боясь повредить кому-бы то ни было, онъ потихоньку разорялся. Мои родные, добрые люди, не свѣдущіе въ дѣлахъ и къ тому-же очень вѣрившіе въ привязанность моего отца ко мнѣ, послѣ смерти его жены не потребовали у него предъявленія баланса; имъ казалось, что мои интересы вполнѣ хорошо охраняются имъ; они-бы считали, что наносятъ ему оскорбленіе. Я могла предчувствовать противоположное; но я-бы сочла неприличнымъ раскрыть это; поэтому я смолчала и покорилась.

Итакъ, я оказалась одна въ домѣ, дѣля свое время между мелкими рукодѣльными работами и своими занятіями, отъ которыхъ я иногда отвлекалась, чтобъ принимать тѣхъ, которые сердились, что слишкомъ рѣдко заставали моего отца; у него оставалось всего два ученика, справлявшіеся съ его работой; только одинъ изъ нихъ столовался у него. Моя прислуга была маленькая женщина 55 лѣтъ, худая и проворная, живая и веселая; она меня очень любила, потому что я доставляла ей пріятную жизнь. Она всякій разъ сопровождала меня, когда я выходила безъ моего отца; а мои прогулки всегда ограничивались квартирой дѣдушки и бабушки и церковью. Я не стала опять набожной; но то, чего я уже не обязана была дѣлать ради спокойствія моей матери, я продолжала быть обязанной дѣлать ради общественнаго порядка и назиданія своихъ ближнихъ. Согласно съ этимъ принципомъ, я приносила съ собой въ церковь если не нѣжную набожность прежнихъ дней, то, по крайней мѣрѣ, то-же приличіе и сосредоточенность мыслей. Я уже не слѣдила въ церкви за служебникомъ, а читала тамъ какое-нибудь христіанское сочиненіе; мнѣ попрежнему очень нравился св. Августинъ; и, конечно, есть и другіе отцы церкви, которыхъ можно перечитывать, и не будучи набожной; въ нихъ находишь пищу для сердца и ума. Я захотѣла изучить проповѣдниковъ, живыхъ и мертвыхъ; церковное краснорѣчіе было поприщемъ, гдѣ талантъ могъ проявиться въ полномъ блескѣ. Я уже читала Боссюэ и Флешье; я очень рада была пересмотрѣть ихъ болѣе опытнымъ глазомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ познакомилась съ Бурдалу и Массильономъ; ничего не могло быть забавнѣе, какъ видѣть ихъ на моихъ полкахъ разставленными рядомъ съ По, Рейналемъ и „Системой природы“; но что было еще забавнѣе,—это то, что я, начитавшись проповѣдей, сама захотѣла написать проповѣдь. Меня сердило, что проповѣдники все возвращаются къ чудесамъ; мнѣ казалось, что слѣдовало говорить проповѣди о нравственности, гдѣ діаволъ и воплощеніе были-бы ни причемъ: я взялась за перо, чтобы увидѣть, какъ я могла-бы справиться съ этимъ, и написала проповѣдь о любви къ ближнему. Я доставила

этимъ развлеченіе дядечкѣ; онъ сдѣлался къ тому времени каноникомъ въ Венсенѣ и выразилъ сожалѣніе о томъ, что мысль объ этой работѣ не приходила мнѣ въ голову раньше, когда онъ долженъ былъ составлять проповѣди, — онъ-бы тогда пользовался моими. Я часто слышала, какъ превозносили діалектику Бурдалу; я осмѣливалась не во всемъ раздѣлять мнѣніе его поклонниковъ и написала критику на одну изъ самыхъ почитаемыхъ его проповѣдей, но ее никому не показала; я любила отдавать себѣ отчетъ въ своихъ взглядахъ, но ни передъ кѣмъ не хотѣла умничать. Массильонъ, менѣе гордый, чѣмъ онъ, и гораздо болѣе трогательный, снискалъ себѣ мое уваженіе. Я тогда не знала протестантскихъ ораторовъ, среди которыхъ особенно отличался Blair; съ такой-же простотой, какъ и изяществомъ, онъ подвизался въ этой области, о существованіи которой я подозрѣвала и которую мнѣ хотѣлось-бы видѣть принятою.

Изъ проповѣдниковъ того времени я слышала аббата l'Enfant въ его послѣдніе хорошіе дни; его характерными чертами мнѣ казались любезность и здравый смыслъ. Отецъ Elisée уже вышелъ изъ моды, несмотря на его превосходную логику и чистоту его слога; въ его умѣ было слишкомъ много метафизическаго и его рѣчь была слишкомъ проста, чтобы долго плѣнять толпу. Парижъ того времени представлялъ изъ себя нѣчто странное; этотъ центръ разврата всего королевства былъ также очагомъ просвѣщенія и вкуса; являлся-ли проповѣдникъ или актеръ, профессоръ или шарлатанъ, — всякимъ, кто обладалъ талантомъ, увлекались поочереди; но величайшій талантъ въ мірѣ не могъ-бы долго сосредоточить на себѣ общественное вниманіе, которому всегда нужно было что-нибудь новое, и которое шумъ привлекалъ такъ-же, какъ и достоинство. Одинъ человѣкъ, вышедшій изъ знаменитаго ордена іезуитовъ и ставшій миссіонеромъ, появлялся при дворѣ, и этимъ способомъ успѣлъ сдѣлаться предметомъ шумнаго увлеченія. Я также пошла слушать аббата de Beauregard; это былъ маленькій человѣкъ съ могучимъ голосомъ, декламировавшій съ рѣзкимъ безстыдствомъ и необыкновенной наглостью. Онъ произносилъ вдохновеннымъ тономъ общія мѣста; онъ подчеркивалъ ихъ такими страшными жестами, которые убѣждали многихъ, что эти общія мѣста прекрасны. Я еще не знала такъ хорошо, какъ узнала это впослѣдствіи, что люди, соединенные въ большую толпу, имѣютъ скорѣе большія уши, чѣмъ большой смыслъ; что удивлять ихъ значитъ прельщать ихъ, и, что тотъ, кто присвоиваетъ себѣ власть приказывать имъ, тѣмъ самымъ склоняетъ ихъ къ послушанію: я не могла достаточно надивиться успѣху этого человѣка, большого фанатика или большого плута, а можетъ быть—и то и другое вмѣстѣ. Я не достаточно хорошо вдумывалась въ изложеніе условій, при которыхъ

говорились рѣчи съ трибунъ въ древнихъ республикахъ; я-бы лучше представляла себѣ способы производить впечатлѣніе на народъ. Но я никогда не забуду, какъ одинъ простолюдинъ, стоявшій прямо противъ кафедры, гдѣ метался Beauregard, съ глазами, устремленными на оратора, съ раскрытымъ ртомъ, невольно далъ сорваться выраженію своего глупаго восхищенія, вылившагося въ трехъ словахъ, которыя я хорошо запомнила: „Какъ онъ потѣетъ"! Итакъ, вотъ способъ внушать почтеніе глупцамъ! Какъ Фокіонъ былъ правъ, когда изумленный тѣмъ, что ему рукоплескали на народномъ собраніи, онъ спросилъ своихъ друзей, не сказалъ-ли онъ какой-нибудь глупости!

Этотъ г. de Beauregard былъ-бы замѣчательнымъ клубистомъ; и сколько братьевъ народныхъ обществъ своимъ энтузіазмомъ къ наглымъ болтунамъ напомнили мнѣ восклицаніе моего простолюдина: какъ онъ потѣетъ!

Опасность, которой я подвергалась, произвела нѣкоторый шумъ; очевидно находили рѣдкимъ или прекраснымъ, что молодая дѣвушка подверглась опасности умереть съ горя изъ-за смерти матери. Мнѣ выказывали знаки сочувствія, которые мнѣ были дороги; г. de Boismorel былъ однимъ изъ первыхъ, проявившихъ мнѣ сочувствіе; я его не видала со времени его визитовъ къ моей бабушкѣ. Я замѣтила впечатлѣніе, какое произвели на него измѣненія, совершившіяся во мнѣ съ того времени. Онъ явился еще разъ, когда меня не было дома; онъ долго бесѣдовалъ съ моимъ отцомъ, который говорилъ ему, вѣроятно, о моихъ вкусахъ, показалъ ему маленькое убѣжище, гдѣ я проводила свои дни; взглянули на мои книги; мои произведенія, лежавшія на моемъ столѣ, возбудили его любопытство: мой отецъ далъ возможность удовлетворить это чувство, передавъ ему мои тетради.

Большое неудовольствіе и большія жалобы съ моей стороны, когда, возвратившись домой, я узнала о вторженіи въ мое убѣжище: мой отецъ увѣрялъ, что онъ ничего подобнаго не сдѣлалъ-бы по отношенію ко всякому другому человѣку, менѣе серьезному и менѣе достойному уваженія, чѣмъ г. de Boismorel; этотъ доводъ не заставилъ меня примириться съ его поступкомъ, который посягалъ на мою свободу, на мою собственность, который безъ моего позволенія располагалъ тѣмъ, чѣмъ одно довѣріе должно было пользоваться. Но дѣло было сдѣлано. На слѣдующій день я получила отъ г. de Boismorel любезное письмо, слишкомъ мило написанное, чтобы не заслужить ему прощенія за то, что онъ воспользовался нескромностью моего отца, тѣмъ болѣе, что я получила предложеніе пользоваться всѣмъ, что заключалось въ его библіотекѣ. Я не отнеслась къ этому предложенію равнодушно; съ этой минуты мы вступили въ переписку; я въ первый разъ сознательно насладилась великимъ удовольствіемъ, кото-

рое испытываетъ наша чувствительность, наше самолюбіе, когда насъ цѣнятъ тѣ, чьимъ мнѣніемъ мы дорожимъ.

Г. de Boismorel въ то время уже не жилъ въ самомъ Парижѣ; его любовь къ деревнѣ и желаніе не слишкомъ отдалять свою мать отъ жизни въ столицѣ побудили его купить, ниже Шарантона, помѣстье petit Bercy,—красивый домъ съ садомъ, простиравшимся до береговъ Сены. Онъ очень приглашалъ насъ сдѣлать этотъ домъ цѣлью нашихъ прогулокъ, выражая величайшее желаніе принимать насъ въ немъ. Я помнила пріемъ, который когда-то оказала мнѣ его мать; мнѣ вовсе не хотѣлось опять подвергнуться ему, и я долго противилась настояніямъ моего отца. Онъ настаивалъ, и такъ какъ я не хотѣла отказываться отъ прогулокъ, которыя ему приходило въ голову дѣлать со мной, то мы однажды отправились въ Bercy. Госпожи de Boismorel сидѣли вмѣстѣ въ лѣтней гостиной; присутствіе невѣстки, о любезности которой я много слышала, внушило мнѣ вдругъ ту непринужденность, которая мнѣ была необходима, чтобы самой не быть нелюбезной. Мать, которой тонъ читатель не забылъ, котораго годы не сдѣлали болѣе скромнымъ, оказалась, однако, гораздо болѣе вѣжливою съ молодою особой, очевидно чувствующей свою силу, чѣмъ она была съ ребенкомъ, котораго она считала незначительнымъ.—„Какъ она мила, ваша дорогая дочь, господинъ Phlipon! знаете ли вы, что мой сынъ въ восторгѣ отъ нея? Скажите, пожалуйста, сударыня, не хотите ли вы выйти замужъ“? — Другіе уже объ этомъ думали за меня, но я еще не нашла поводовъ для того, чтобы на это рѣшиться. — „Вы, я думаю, требовательны! Имѣли-ли бы вы что-нибудь противъ человѣка извѣстныхъ лѣтъ“? — Одно лишь знакомство съ человѣкомъ могло-бы мотивировать влеченіе или отвращеніе. — Такого рода браки болѣе прочны, — молодой человѣкъ часто ускользаетъ, когда мы думаемъ, что привязали его къ себѣ“. — А почему, мать моя, сказалъ г. de Boismorel, который только-что вошелъ, вы-бы не желали, чтобы дѣвица имѣла увѣренность въ своей способности покорить его вполнѣ?— Она одѣта со вкусомъ, сказала г-жа de Boismorel своей невѣсткѣ.— Ахъ, очень хорошо и такъ прилично! отвѣтила молодая женщина тѣмъ сладкимъ тономъ, который отличаетъ однихъ только ханжей,— она принадлежала къ этому разряду людей, и маленькіе локончики на ея пріятномъ 34-хъ лѣтнемъ лицѣ служили тому вывѣской. — И нѣтъ того вороха перьевъ, продолжала она, которыя носятъ на себѣ легкомысленныя головы! Вы не любите перьевъ, сударыня? — Я ихъ никогда не ношу, сударыня, потому что я дочь художника и выхожу изъ дому пѣшкомъ; мнѣ казалось-бы, что они показываютъ претензію на положеніе и состояніе, которыми я не обладаю. — Но въ другомъ положеніи вы-бы ихъ носили? — Не знаю; я мало придаю значенія

этимъ мелочамъ; я соблюдаю ихъ, лишь поскольку того требуетъ приличіе, и остерегаюсь судить о людяхъ по первому бѣглому взгляду на ихъ туалетъ".

Отвѣтъ этотъ былъ рѣзокъ; но я произнесла его съ такой кротостью, которая смягчила его колкость. — „Философъ"! сказала молодая женщина со вздохомъ, какъ-бы понявъ что я не принадлежу къ числу ея единомышленникомъ.

Послѣ чрезвычайно тщательнаго осмотра моей особы, приправленнаго любезностями въ родѣ тѣхъ, о которыхъ я только что упоминала, Г. de Boismorel прекратилъ этотъ осмотръ, предложивъ взглянуть на его садъ и библіотеку; я полюбовалась въ первомъ его мѣстоположеніемъ, и онъ обратилъ тамъ мое вниманіе на великолѣпный ливанскій кедръ; я осмотрѣла съ интересомъ библіотеку, и указала сочиненія и коллекціи, которыя мнѣ хотѣлось, чтобы онъ мнѣ одолжилъ; между прочимъ, я указала на Bayle и мемуары академій. Дамы пригласили насъ къ обѣду въ назначенный ими день; мы были на этомъ обѣдѣ, и увидавъ двухъ или трехъ дѣловыхъ людей, приглашенныхъ вмѣстѣ съ нами, я поняла хорошо, что дамы эти подобрали общество для моего отца, не принявъ меня въ соображеніе. Но г. de Boismorel прибѣгнулъ, какъ и въ первый разъ, къ библіотекѣ и саду, гдѣ мы пріятно бесѣдовали: онъ присоединилъ къ намъ своего сына; это былъ молодой человѣкъ 17 лѣтъ, довольно некрасивый и болѣе странный, чѣмъ любезный. Большое общество, которое явилось вечеромъ и которое я внимательно наблюдала, не показалось мнѣ очень привлекательнымъ, несмотря на свои титулы: дочери маркизовъ, совѣтники, одинъ настоятель и нѣсколько старыхъ баронессъ бесѣдовали съ большою важностью, но совершенно также пошло, какъ дамы изъ человѣколюбиваго общества, церковные старосты и мѣщане. Эти картины большого свѣта, которыя я урывками улавливала, внушали мнѣ отвращеніе къ нему, все болѣе привязывая меня къ моему образу жизни.

Г. de Boismorel пользовался всякимъ случаемъ, чтобы поддерживать знакомство, на которомъ онъ, можетъ быть, строилъ какой-нибудь планъ; онъ старался устраивать такимъ образомъ, чтобы наше общество состояло изъ 4 лицъ—двухъ отцовъ и двухъ дѣтей. Въ такомъ обществѣ онъ повелъ меня въ ближайшій день св. Людовика на публичное засѣданіе французской академіи. Эти засѣданія были тогда мѣстомъ свиданія всего хорошаго общества, и они представляли всѣ контрасты, которыхъ не могли не породить наши нравы и наше безразсудство. Утромъ дня св. Людовика въ маленькой домовой церкви академіи служили обѣдню, гдѣ пѣли пѣвцы оперы; по окончаніи ея великосвѣтскій проповѣдникъ произносилъ похвальное слово въ честь

святого короля. Аббатъ de Besplas исполнилъ при мнѣ эту обязанность; я его прослушала съ большимъ удовольствіемъ, несмотря на пошлость столь избитаго предмета; онъ усѣялъ свою рѣчь смѣлыми философскими мыслями и косвенными намеками на правительство, которые онъ принужденъ былъ выпустить, когда отдалъ свою рѣчь въ печать. Г. de Boismorel, который былъ съ нимъ знакомъ, тщетно надѣялся получить полный экземпляръ рѣчи, чтобы сообщить его мнѣ; аббатъ de Besplas, состоявшій при дворѣ въ качествѣ придворнаго священника Monsieur, былъ слишкомъ счастливъ купить прощеніе за свою смѣлость безусловнымъ исключеніемъ мыслей, внушенныхъ ему этой смѣлостью.

Вечеромъ, засѣданіе академіи открывало поприще извѣстнѣйшимъ записнымъ умникамъ королевства, вельможамъ, любившимъ причислять себя къ ихъ составу и показываться въ креслѣ, на глазахъ публики, наконецъ любителямъ, приходившимъ слушать однихъ, видѣть другихъ, показываться всѣмъ, и хорошенькимъ женщинамъ, которыя были увѣрены, что обратятъ на себя ихъ вниманіе.

Я наблюдала за д'Аламберомъ, котораго имя, мелкія произведенія (Mélanges) и энциклопедическія рѣчи возбуждали мое любопытство; его маленькая фигура и тонкій голосъ дали мнѣ поводъ подумать, что интереснѣе знакомиться съ твореніями философа, чѣмъ съ его внѣшностью. Аббатъ Delille подтвердилъ это наблюденіе относительно литераторовъ; недовольнымъ голосомъ онъ прочелъ прелестные стихи. Похвала Catinat, написанная La Harpe, была представлена для соисканія преміи и вполнѣ достойна полученія ея.

Столь-же скромная въ академіи, какъ и въ церкви, я оставалась такой-же, впослѣдствіи, и въ театрѣ; я не принимала участія въ шумныхъ рукоплесканіяхъ, съ восторгомъ расточаемыхъ хорошимъ вещамъ, и съ тщеславіемъ—тѣмъ изъ этихъ вещей, относительно которыхъ каждый вмѣняетъ себѣ въ заслугу, что обратилъ на нихъ свое вниманіе; я была очень внимательна, я слушала, не обращая вниманія на зрителей, и когда бывала растрогана, я плакала, не зная даже, что это можетъ показаться кому-нибудь страннымъ. Я имѣла случай замѣтить, что это было новостью; такъ какъ выходя изъ засѣданія академіи, подъ руку съ г. de Boismorel, я увидѣла мужчинъ съ улыбкой показывавшихъ на меня другъ другу; я была не достаточно тщеславна, чтобы подумать, что мною любуются, но въ этой улыбкѣ ничего не было неучтиваго, и я слышала, какъ говорили о моей чувствительности. Я испытывала какую-то смѣсь удивленія и сладкаго замѣшательства, и была очень рада скрыться отъ взглядовъ толпы.

Похвала Catinat внушила г. de Boismorel мысль интересной поѣздки; онъ предложилъ мнѣ посѣтить Saint-Gratien, гдѣ этотъ ве-

ликій человѣкъ окончилъ свои дни въ отставкѣ, вдали отъ двора и почестей; это была философская прогулка совершенно въ моемъ вкусѣ. Г. de Boismorel въ Михайловъ день явился со своимъ сыномъ за моимъ отцомъ и мной; мы отправились въ долину Montmorency, на берега пруда, украшающаго ее; мы добрались до Saint-Gratien, гдѣ отдохнули подъ тѣнью деревьевъ, посаженныхъ Catinat собственноручно; послѣ простого обѣда, мы провели остатокъ дня въ очаровательномъ паркѣ Montmorency; мы увидѣли маленькій домъ, въ которомъ жилъ Jean Jacques, и вполнѣ насладились удовольствіемъ, которое доставляетъ созерцаніе прекраснаго вида, когда разсматриваешь его съ людьми, съ которыми одинаково чувствуешь. Въ одну изъ такихъ минутъ отдыха, когда мы въ безмолвіи созерцали величіе природы, г. de Boismorel вынулъ изъ кармана рукопись, написанную его рукой; онъ прочелъ намъ отрывокъ, который онъ списалъ, и который былъ тогда мало извѣстенъ; это былъ разсказъ изъ жизни Монтескье: его разыскалъ въ Марсели молодой человѣкъ, отца котораго онъ спасъ, и онъ укрылся отъ изъявленій благодарности тѣхъ, кому онъ оказалъ услугу.

Тронутая великодушіемъ Монтескье, я не особенно восхищалась его упорнымъ отрицаніемъ факта, что онъ, дѣйствительно, былъ обожаемымъ освободителемъ этой восхищенной семьи; великодушный человѣкъ никогда не ищетъ благодарности; но если прекрасно укрываться отъ ея проявленія, то доблестно принимать выраженіе этой благодарности; я даже думаю, что этимъ оказываешь новую услугу очень чувствительнымъ людямъ, обязаннымъ намъ, такъ какъ для нихъ—это способъ отплатить намъ за наше одолженіе.

Не слѣдуетъ думать, чтобы я себя чувствовала вполнѣ легко, когда мой отецъ бывалъ съ г. de Boismorel; между ними не было личнаго равенства, и это меня мучило; его сынъ очень на меня засматривался и не нравился мнѣ; мнѣ казалось, что я скорѣе возбуждаю въ немъ любопытство, чѣмъ интересъ; къ тому-же онъ былъ на 3 или на 4 года моложе меня, и это прокладывало между нами значительное разстояніе. Его отецъ это вполнѣ понялъ, и я узнала впослѣдствіи, что онъ однажды сказалъ моему отцу, пожимая его руку: „Ахъ! если-бы мой сынъ былъ достоинъ вашей дочери, я считалъ-бы себя слишкомъ счастливымъ“! — Я не подозрѣвала ничего подобнаго; я даже не взвѣшивала различій; я ихъ чувствовала, и они мнѣ мѣшали что-либо воображать себѣ. Я находила, что г. de Boismorel поступалъ, какъ человѣкъ умный и чувствительный, уважавшій мой полъ, цѣнившій меня и, такъ сказать, покровительствовавшій моимъ склонностямъ. Его письма походили на него самого; они отличались кроткой серьезностью, носили отпеча-

токъ ума, стоявшаго выше предразсудковъ, и почтительной дружбы. Онъ знакомилъ меня съ тѣмъ, что называли новинками въ ученомъ и литературномъ мірѣ. Я рѣдко видалась съ нимъ, но каждую недѣлю получала отъ него письма; и чтобы избѣгнуть частыхъ посылокъ своихъ слугъ ко мнѣ, а также избавить меня отъ необходимости посылать разсыльнаго въ Bercy, онъ отправлялъ книги, предназначенныя мнѣ, на храненіе къ швейцару своей сестры, г-жи de Favières, куда я за ними посылала. Г. de Boismorel, очень любившій литературу и воображавшій, изъ пристрастія ко мнѣ, что я должна была посвятить себя литературнымъ занятіямъ, быть можетъ также для того, чтобы испытать меня, уговаривалъ меня избрать себѣ какой-нибудь родъ литературы и работать: я сначала посмотрѣла на это, какъ на комплиментъ; но когда онъ снова заговорилъ объ этомъ, я воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы изложить ему мои взгляды по этому предмету, мою вполнѣ обдуманную несклонность какимъ-бы то ни было образомъ выдвигаться, и мою безкорыстную любовь къ занятіямъ; я хотѣла, чтобы послѣдняя сдѣлала меня счастливой, безъ вмѣшательства славы, которая мнѣ казалась лишь способной помутить это счастье. Послѣ того, какъ я серьезно изложила ему свой взглядъ, я къ своимъ разсужденіямъ прибавила стихи, излившіеся экспромптомъ, въ которыхъ мысли были лучше, нежели выраженіе; я помню, что, толкуя о богахъ и о томъ, какъ они распредѣляли блага и обязанности, я говорила:

„Открывая просторъ великимъ и благороднымъ талантамъ мужчинъ, они не положили никакого предѣла ихъ самымъ возвышеннымъ порывамъ. Отъ моего пола, слабаго и чувствительнаго, они требуютъ лишь добродѣтели; мы можемъ подражать Титу, но на менѣе трудномъ пути. Наслаждайтесь благомъ быть призванными ко этого рода славѣ; для насъ храмъ памяти находится въ сердцахъ нашихъ друзей“.

Г. de Boismorel иногда отвѣчалъ мнѣ на томъ-же языкѣ; его стихи были не лучше моихъ, но ни тотъ, ни другой изъ насъ не придавалъ этому значенія. Однажды онъ пришелъ повѣрить мнѣ, что желаетъ употребить одно средство для оживленія сильно охладившагося прилежанія своего сына. Этотъ молодой человѣкъ былъ, вполнѣ естественно, друженъ со своимъ сверстникомъ и двоюроднымъ братомъ de Favières, въ 21 годъ совѣтникомъ въ парламентѣ, вѣтреннымъ, какъ бываютъ люди въ этомъ возрастѣ, со всею самонадѣянностью судьи, имѣющаго высокое мнѣніе о своемъ званіи, не признавая обязательствъ, имъ налагаемыхъ, съ вольностями, быть можетъ даже съ зарождающимися странностями богатаго и единственнаго наслѣдника.

Итальянская комедія и опера гораздо болѣе поглощали обоихъ кузеновъ, одного изъ нихъ—чѣмъ Куяцій и Бартолъ, а другого,—нежели

математика, которою онъ началъ заниматься.—„Нужно, сказалъ мнѣ г. de Boismorel, чтобы вы сдѣлали моему сыну выговоръ, разумный и убѣдительный, какой вы съумѣете почерпнуть изъ своей души, который-бы подстрекнулъ его самолюбіе и пробудилъ великодушныя намѣренія.—Я, сударь, я! (я не вѣрила ушамъ своимъ)... но какимъ образомъ, скажите пожалуйста, я могу дѣлать наставленія вашему сыну?—Вы придадите этому оборотъ, какой пожелаете; вы не назовете себя; мы это пошлемъ въ видѣ письма отъ кого-то, кто видитъ его близко, знаетъ объ его дурномъ поведеніи, интересуется имъ и предупреждаетъ его объ опасности; я съумѣю передать ему письмо въ такую минуту, когда оно произведетъ все свое дѣйствіе; нужно только, чтобы онъ не подозрѣвалъ въ этомъ меня; я скажу ему, когда настанетъ время, кому онъ этимъ обязанъ.—О, вы никогда не должны называть меня! Но вѣдь у васъ есть друзья, которые-бы это сдѣлали лучше; чѣмъ я.—Я думаю совсѣмъ противное и прошу у васъ этой милости.—Ну, такъ я отказываюсь отъ своего самолюбія; чтобы доказать вамъ свое желаніе быть вамъ полезной, я набросаю черновую письма, о которой вы мнѣ скажете ваше мнѣніе и которую вы исправите".

Въ тотъ-же вечеръ я написала письмо, довольно колкое, нѣсколько насмѣшливое,—такое, какое я считала нужнымъ, чтобы задѣть самолюбіе, поощрить благоразуміе молодого человѣка, съ которымъ нужно говорить объ его счастіи, когда хочешь вернуть его къ серьезнымъ привычкамъ. Г. de Boismorel былъ въ восторгѣ и просилъ меня переслать это письмо безъ всякихъ измѣненій. Я отправила его Софіи, чтобы она снесла его на почту въ Аміенѣ, и ожидала съ нѣкоторымъ любопытствомъ свѣдѣній о томъ, какъ подѣйствовала моя проповѣдь.

Г. de Boismorel вскорѣ далъ мнѣ объ этомъ извѣстія, очень меня заинтересовавшія; онъ воспользовался многими удобными обстоятельствами для того, чтобы письмо произвело бо́льшее впечатлѣніе; молодой человѣкъ былъ тронутъ; онъ вообразилъ, что знаменитый Duclos былъ авторомъ выговора и отправился къ нему поблагодарить его; обманутый въ своемъ предположеніи, онъ обратился къ другому пріятелю своего отца, и тутъ тоже невпопадъ; но, словомъ занятія снова вступили въ нѣкоторыя права.

Вскорѣ послѣ этого съ г. de Boismorel, отправившимся въ жаркій день изъ Bercy въ Венсенъ, гдѣ, какъ онъ зналъ, я была у своего дяди, чтобы принести мнѣ экземпляръ Георгикъ, переведенныхъ Delille, сдѣлался солнечный ударъ. Онъ отнесся къ нему недостаточно серьезно; у него сдѣлались головныя боли, къ нимъ присоединился жаръ, затѣмъ спячка; онъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ, послѣ нѣсколькихъ дней болѣзни. Было не многимъ больше $1^1/_2$ лѣтъ, что мы съ нимъ вступили въ переписку; я его оплакивала, кажется болѣе горько

чѣмъ его собственный сынъ, и при воспоминаніи о немъ всегда испытываю то горестное сожалѣніе, то чувство уваженія и нѣжности, которыми окружаешь память праведниковъ.

Когда мое горе немного утихло, я посвятила ему романсъ, котораго никто не видѣлъ, который я пѣла подъ акомпаниментъ гитары и который я послѣ забыла и потеряла. Я больше не слышала объ его семьѣ; только когда мой отецъ отправился къ нимъ съ визитомъ для выраженія соболѣзнованія, молодой de Boismorel, котораго имя было Roberge, сказалъ ему очень развязнымъ тономъ, что онъ нашелъ и отложилъ въ сторону, съ тѣмъ, чтобы ихъ ему передать, мои письма къ его отцу, среди которыхъ онъ узналъ оригиналъ нѣкоего посланія, полученнаго имъ самимъ. Мой отецъ прекрасно зналъ о происшедшемъ; онъ почти ничего не отвѣчалъ, и нашелъ, что молодой человѣкъ имѣлъ обиженный видъ; изъ чего я заключила, что онъ былъ глупъ, и не очень этимъ огорчилась; не знаю, вѣрно-ли я отгадала.

Нѣкоторое время спустя г-жа de Favières пришла къ моему отцу, чтобы поручить ему покупку какихъ-то золотыхъ вещей или предметовъ искусства; я была въ своей маленькой кельѣ, и услышала ее въ сосѣдней комнатѣ:—„у васъ, господинъ Phlipon, сказала она, прелестная дочка; мой братъ мнѣ сказалъ, что это одна изъ самыхъ умныхъ женщинъ, которыхъ онъ знаетъ; берегитесь, чтобы она не вдалась въ умничаніе,—это было-бы очень плохо: не проглядываетъ-ли въ ней нѣкоторый педантизмъ? Это опасно; мнѣ кажется, что я что-то слышала объ этомъ. Она хороша собой, пріятной наружности“.—Вотъ сказала я про себя въ своемъ углу, дерзкая дама, которая очень похожа на свою мать: Боже меня избави увидѣть ея лицо или показать ей свое!

Мой отецъ, который прекрасно зналъ, что я должна была слышать ея слова, воздержался отъ того, чтобы позвать меня, разъ я не показывалась сама; я никогда, исключая этого дня, не слышала голоса г-жи de Favières.

Я еще ни слова не говорила о своей превосходной кузинѣ Trude. Это была одна изъ тѣхъ душъ, которыя небо создаетъ въ своей благости для чести рода человѣческаго и утѣшенія несчастныхъ: великодушная по инстинкту, любезная, хотя и необразованная, она не имѣла, сколько я знаю, иного недостатка, кромѣ чрезмѣрной деликатности и самолюбія добродѣтели. Она считала-бы, что не исполняетъ своихъ обязанностей, если-бы дѣйствовала такимъ образомъ, чтобы кто-нибудь могъ подозрѣвать, что она ихъ выполняетъ. Благодаря этому она была совершенной жертвой самаго сумасброднаго изъ мужей. Trude былъ какой-то невѣжа, столь же дикій въ своихъ мысляхъ, сколько вспыльчивый по характеру и грубый въ обращеніи; онъ занимался

торговлей зеркалами, какъ всѣ Trude, отъ отца къ сыну, занимались этимъ уже нѣсколько поколѣній; и это онъ мнѣ дѣлалъ честь быть моимъ двоюроднымъ братомъ со стороны моей матери. Дѣятельный по темпераменту, трудолюбивый вспышками, поддерживаемый заботливостью и умомъ кроткой и умной жены, онъ составилъ себѣ довольно хорошее состояніе и обязанъ былъ достоинствамъ своей жены тѣмъ, что его хорошо принимали въ собственной его семьѣ, которая отвергла-бы его, будь онъ одинъ.

Моя мать очень любила свою двоюродную племянницу, которая, въ свою очередь, удивительно благоговѣла передъ ней и горячо привязалась ко мнѣ. Она доказала мнѣ это, какъ мы видѣли, послѣ смерти моей матери; занятая днемъ своимъ хозяйствомъ и своимъ мужемъ, она хотѣла быть моей сидѣлкой ночью; она приходила издалека, чтобы исполнять эти обязанности, и постоянно выполняла ихъ, пока я была въ опасности. Это обстоятельство должно было еще больше сблизить насъ, и мы часто видались. Ея мужу пришла фантазія приходить еще чаще нея, и притомъ безъ своей жены; я сперва выносила его ради нея, не смотря на свое неудовольствіе; наконецъ онъ сталъ окончательно для меня невыносимъ, и со всею осторожностью, съ какой необходимо обращаться съ человѣкомъ буйнаго нрава, я дала ему почувствовать, что званіе родственника и мужа моей подруги было недостаточно, чтобы дать ему право на частыя посѣщенія, которыя уже не могли объясняться состояніемъ недомоганія и болѣзни, бывшимъ слѣдствіемъ моего горя.

Мой милый кузенъ сталъ приходить нѣсколько рѣже; но онъ водворялся съ визитомъ на три или четыре часа, что-бы я ни дѣлала, даже когда я писала и говорила ему, что спѣшу; когда, вынужденная высказаться откровенно, я рѣшительно просила его удалиться, онъ бывалъ до того не въ духѣ у себя дома и поднималъ такой шумъ со своей женой, что она просила меня имѣть терпѣніе, ради ея спокойствія. Особенно часто приходилось мнѣ подвергаться этого рода непріятностямъ по воскресеньямъ и праздникамъ; когда погода бывала хороша, я убѣгала и назначала его женѣ свиданія у своихъ старыхъ родственниковъ, такъ какъ принимать ее у себя вмѣстѣ съ нимъ на непродолжительное время,—это значило не видѣть ее, но быть свидѣтелемъ сценъ, которыя ея грубый мужъ не упускалъ ей дѣлать. Зимой я избрала другое средство: немедленно послѣ обѣда я отпускала свою прислугу на всѣ четыре стороны,—и она запирала меня въ два поворота замка и на три засова; я оставалась совершенно одна и была спокойна до 8 часовъ вечера. Trude приходилъ, никого не заставалъ, кто-бы ему отвѣтилъ, возвращался и иногда прогуливался по два часа вокругъ дома, въ дождь или въ снѣгъ, чтобы выждать

минуту, когда ему можно будетъ войти. Заставить запирать себя, когда я дѣйствительно бывала дома съ кѣмъ-нибудь, было почти-что невозможно; совсѣмъ не принимать его, убѣдивъ отца прервать знакомство съ этимъ господиномъ (это было-бы и трудно, потому что онъ былъ бездѣтенъ и мой отецъ считалъ нужнымъ щадить его), — это значило вдаться въ крайность, которой боялась его жена, отказаться отъ нашей дружбы и подвергнуть ее новымъ напастямъ.

Я ничего не знаю худшаго, какъ имѣть дѣло съ съумасшедшимъ; по отношенію къ нимъ дѣйствительно одно только средство — связывать ихъ, — все остальное безполезно. Этотъ несносный кузенъ былъ для меня настоящимъ бичемъ; и самое большое доказательство того, какъ я цѣнила его жену, — это то, что я могла воздержаться отъ того, чтобы не выбросить его изъ окна; хотя и въ этомъ случаѣ онъ-бы вернулся черезъ чердакъ. Слѣдуетъ, однако, быть справедливымъ: Trude не былъ лишенъ извѣстнаго рода честности; болѣе съумасшедшій, чѣмъ глупый, онъ какъ-бы зналъ, до какого предѣла онъ могъ безнаказанно говорить вздоръ; никогда его грубый разговоръ не бывалъ неприличенъ, и если онъ вѣчно поступалъ безтактно и неблагоразумно, то онъ никогда не оскорблялъ чувства скромности или стыдливости. Когда его жена отправлялась гулять со мной, онъ слѣдилъ за нами; и если съ нами заговаривалъ или кланялся какой-нибудь мужчина, онъ начиналъ безпокоиться и сердиться до тѣхъ поръ, пока не узнавалъ, кто-бы это могъ быть. Можетъ быть подумаютъ, что онъ ревновалъ къ своей женѣ, — эта догадка была-бы до извѣстной степени справедлива; но гораздо больше онъ ревновалъ ко мнѣ. Несмотря на странность ея положенія, кротость г-жи Trude сопровождалась веселостью: одинъ день она плакала, а на слѣдующій день собирала своихъ друзей; отъ времени до времени она дѣлала обѣды, и за этими семейными пиршествами, одинъ или два раза въ зиму, слѣдовали танцы. Ея кузина всегда бывала героиней праздника, и это дѣлало ея мужа на нѣсколько дней болѣе любезнымъ. Я у нея познакомилась съ двумя лицами, о которыхъ хочу упомянуть; одно изъ нихъ былъ аббатъ Bexon, маленькій горбунъ, исполненный ума, большой другъ François de Neufchâteau и Masson de Morvilliers, авторъ книги по исторіи Лотарингіи, не имѣвшей, впрочемъ, большого успѣха; перомъ его пользовался Бюффонъ, какъ и перьями нѣкоторыхъ другихъ, для приготовленія матеріаловъ и черновыхъ набросковъ, которымъ онъ затѣмъ придавалъ отдѣлку и колоритъ. Bexon, поддерживаемый Бюфономъ, своимъ покровителемъ, и нѣкоторыми знатными женщинами, родственницъ которыхъ онъ знавалъ въ Remiremont, мѣстѣ его рожденія и въ то-же время мѣстѣ пребыванія капитула знатныхъ канонисссъ, сдѣлался регентомъ пѣвчихъ въ Sainte-Chapelle въ Парижѣ; онъ привезъ съ собой свою

мать и сестру, которыя-бы мнѣ доставили матеріалъ для вводнаго разсказа, еслибы мнѣ захотѣлось записывать эпизоды, неимѣющіе прямого отношенія къ предмету.

Бѣдняга умеръ слишкомъ рано для блага своей взрослой сестры,— дѣвушки съ черными глазами, искавшими поклонниковъ, и красивыми плечами, которыя она любила показывать. Онъ два раза приходилъ повидаться со мной къ моему отцу, и пришелъ въ такой восторгъ, когда нашелъ на моемъ столѣ Ксенофонта in-folio, что въ изступленномъ восхищеніи хотѣлъ меня поцѣловать. Такъ какъ, по моему мнѣнію, меня не за что было цѣловать, то я такъ хорошо успокоила его своею холодностью, что впослѣдствіи онъ лишь острилъ, не выказывая восторговъ, и я видалась съ нимъ только у моей кузины.

Другое лицо былъ честный Gibert; серьезный по характеру, безконечно кроткій въ обращеніи, онъ женился молодымъ на женщинѣ, которая была болѣе красива, чѣмъ кротка, и имѣлъ отъ нея единственнаго сына, воспитаніемъ котораго занимался съ горячею любовью. Онъ служилъ въ почтовомъ вѣдомствѣ и посвящалъ немногія минуты досуга музыкѣ и живописи.

Въ Gibert были всѣ черты характера человѣка справедливаго и правдиваго; онъ никогда не измѣнялъ имъ. Его ошибки были ошибками противъ разсудка; дружба у него была какимъ-то фанатизмомъ, и являлось искушеніе уважать даже его заблужденія, сожалѣя о нихъ. Gibert былъ съ дѣтства друженъ съ человѣкомъ, къ которому онъ выказывалъ столько-же благоговѣнія, сколько любви; при всякомъ случаѣ онъ восхвалялъ его достоинства и гордился дружбою съ нимъ. Gibert пожелалъ познакомиться со мной, его жена и онъ пришли къ моему отцу; я отдала имъ визитъ, и такъ какъ они не часто бывали вмѣстѣ, то онъ отъ времени до времени приходилъ одинъ. Я всегда принимала его съ удовольствіемъ и уваженіемъ, и современемъ мы заключили настоящую дружбу. Gibert скоро заговорилъ со мной о своемъ фениксѣ; онъ, казалось, не могъ быть счастливымъ, пока его другъ и я не получили возможности взаимно восхищаться другъ другомъ; наконецъ, онъ насъ обоихъ пригласилъ къ себѣ обѣдать. Я увидѣла человѣка, чрезвычайная простота котораго доходила до неряшливости; онъ мало говорилъ, ни на кого не устремлялъ свои глаза, и потому для всякаго, кто-бы никогда ни слыхалъ о немъ, было-бы трудно составить себѣ о немъ понятіе по одному свиданію; и признаюсь, что несмотря на мое особенное пристрастіе къ скромности, тонъ этого человѣка былъ столь смиренъ, что я охотно повѣрила-бы ему на слово въ томъ, что онъ говорилъ о себѣ. Однако, такъ какъ у него не было недостатка ни въ умѣ, ни въ нѣкоторыхъ познаніяхъ, ему были благодарны, когда случалось, что онъ мелькомъ проявлялъ эти

качества, и кончали тѣмъ, что подобно Gibert'у, приписывали ихъ ему въ гораздо большей дозѣ, нежели онъ имѣлъ ихъ въ дѣйствительности. Его жена, довольно неинтересная, но чувствительная, всегда напоминала intentique ora tenebant Виргилія, когда смотрѣла, какъ говорилъ ея мужъ. Нельзя, однако, признать за вполнѣ обыкновенное существо того, кто умѣетъ такъ обманывать даже близко знающихъ его, относительно дѣйствительнаго размѣра своихъ достоинствъ; нужно, чтобы онъ былъ въ чемъ-нибудь великъ, хотя бы въ притворствѣ; и если обстоятельства побуждаютъ его проявлять это притворство въ важныхъ дѣлахъ, онъ можетъ превратиться изъ поддѣльнаго мудреца, пользующагося незаслуженнымъ уваженіемъ, въ злодѣя по отношенію къ своимъ современникамъ. Въ этомъ я могла убѣдиться впослѣдствіи. Я мало видала друга Gibert; онъ покинулъ выгодное мѣсто и даже Францію, чтобы поселиться въ Швейцаріи, куда его влекла любовь къ деревнѣ, куда его манила свобода. Пусть онъ пока уѣзжаетъ; къ несчастью, онъ слишкомъ скоро вернется! Такимъ образомъ я познакомилась съ Pache'емъ, такъ какъ пора, наконецъ, сказать, что рѣчь идетъ о немъ. Читатель увидитъ, какъ, болѣе чѣмъ 10 лѣтъ спустя, Gibert привелъ его ко мнѣ, познакомилъ его съ моимъ мужемъ, который счелъ его человѣкомъ необыкновенно честнымъ и высказалъ это въ такую минуту, когда его аттестація могла создать репутацію; она сдѣлалась причиной его вступленія въ министерство; онъ только надѣлалъ глупостей, которыя доставили ему возможность перейти въ мэрію, гдѣ онъ давалъ разрѣшеніе лишь на гнусности.

Г-жа Trude очень хотѣла предпринять поѣздку къ одной родственницѣ, которая была ей дорога; дѣло шло о двухъ- или трехънедѣльномъ отсутствіи. Ея мужъ находилъ неудобнымъ, чтобы контора оставалась такъ долго безъ представительства; но дѣло казалось ему исполнимымъ, если-бы я согласилась приходить иногда среди дня занимать ея мѣсто. Моя кузина желала, чтобы я ей сдѣлала это одолженіе; для нея было достаточно выразить это пожеланіе для того, чтобы я не могла ей въ этомъ отказать, и я согласилась на это безъ колебаній. Я такимъ образомъ 7 или 8 разъ ходила занимать мѣсто г-жи Trude въ ея конторѣ, отъ двѣнадцати до шести часовъ; ея мужъ, веселый и гордый, велъ себя очень хорошо: онъ занимался дѣлами внѣ дома, и, казалось, вполнѣ оцѣнилъ мой поступокъ. Было, очевидно, предопредѣлено, чтобы мнѣ, несмотря на мое отвращеніе къ торговлѣ, пришлось по крайней мѣрѣ разъ въ моей жизни продавать очки и стекла для часовъ! Положеніе было невеселое; Trude жилъ на улицѣ Montmartre, близъ улицы Ticquetonne, гдѣ еще и сейчасъ, вѣроятно, помѣщается его преемникъ: я ничего себѣ не могу представить болѣе адскаго, чѣмъ доносившійся въ широко открытую дверь лавки стукъ эки-

пажей, вѣчно проѣзжавшихъ въ этомъ мѣстѣ; я-бы тамъ оглохла, какъ то теперь случилось съ моей бѣдной кузиной. Покинемъ ея грустную семью, судьбу которой узнаемъ впослѣдствіи, и вспомнимъ о другой моей родственницѣ.

Я бывала у дѣвицы Desportes разъ или два раза въ недѣлю, въ день, когда у нея постоянно собиралось общество. Я-бы могла дать нѣсколько характеристикъ, еслибы оригиналы того стоили; но еслибы я изобразила совѣтниковъ изъ Châtelet, въ родѣ маленькаго Mopinot, имѣвшаго притязаніе на остроуміе съ эпиграммами; ханжу de la Presle, господина, имѣвшаго лишь тотъ недостатокъ, что онъ былъ желчнымъ и янсенистомъ; вдову, скрывавшую страсть къ удовольствіямъ подъ неглубокою набожностью, какова была г-жа de Blancfuné; одного стараго и богатаго холостяка, слишкомъ отвратительнаго, чтобы о немъ упоминать; чиновника Baudin, честнаго человѣка, разсуждающаго и точнаго, какъ часы,—и множество другихъ лицъ различныхъ оттѣнковъ, но со столь-же небольшими достоинствами,—я бы потеряла даромъ свои краски и свое время. Я, однако, любила встрѣчаться съ отцомъ Rabbe, очень тонкимъ священникомъ ораторіи, почтеннымъ по возрасту, пріятнымъ по тонкости ума, и съ докторомъ Coste, провансальскимъ докторомъ, подражавшимъ Parrault, не воздвигая Лувра, и разсказывавшимъ ужасы о бракѣ, словно дьяволъ, кривляющійся передъ кропильницей.

Дѣвица Desportes унаслѣдовала отъ своей матери деликатность и гордость, а также искусство получать хорошій доходъ со своихъ денегъ, пущенныхъ въ торговлю, не показывая вида, что занимается этимъ, и разсуждать тономъ довѣрія и равенства съ богатыми или титулованными господами, которые обращались къ ней. Но такъ какъ такое поведеніе непригодно для торговли, поддерживаемой дѣятельною алчностью, то ея наслѣдственное состояніе уменьшилось, и кончилось тѣмъ, что она отказалась отъ торговли и сократила свои издержки. Ея характеръ, поведеніе, приличный тонъ, господствовавшій у нея, привязанность, которую она мнѣ выказывала, заставили мою мать желать, чтобъ я поддерживала съ нею знакомство; она меня къ ней часто посылала. Игра въ пикетъ à écrire занимала бо́льшую часть общества, остальные члены котораго бесѣдовали и занимались рукодѣльемъ; дѣвица Desportes довольно часто засаживала меня за игру, которой я не любила, для того, я думаю, чтобъ пріучить меня угождать другимъ; но помощь какого-нибудь партнера и позволеніе смѣяться надъ моей разсѣянностью дѣлали это занятіе менѣе тягостнымъ.

Теперь пришла очередь вывести на сцену одного старика, пріѣхавшаго изъ Пондишери, съ которымъ я часто и съ большимъ инте-

ресомъ встрѣчалась въ теченіе приблизительно года. Мой отецъ познакомился, не знаю какимъ образомъ, но, кажется, по дѣлу, и затѣмъ принималъ у себя въ качествѣ пріятеля отставного офицера, впослѣдствіи ставшаго приказчикомъ безъ мѣста, по фамиліи Demontchéry; это былъ человѣкъ 36 лѣтъ, обладавшій вѣжливыми манерами, сердечнымъ тономъ, тою прелестью, которая дается привычкой обращаться въ свѣтѣ и, быть можетъ, удачнымъ волокитствомъ. Demontchéry поддерживалъ знакомство съ моимъ отцомъ, но рѣдко заходилъ къ моей матери, которая-бы не потерпѣла ухаживаній. Онъ откровенно высказывалъ ко мнѣ уваженіе, почтеніе и т. д., и говорилъ о желаніи просить моей руки, если счастье перестанетъ ему быть противнымъ. Эта судьба побудила его уѣхать прямо въ Остъ-Индію; онъ писалъ оттуда и не скрывалъ своихъ надеждъ на успѣхъ, который-бы ему позволилъ вернуться съ побѣдой; но будучи простымъ начальникомъ сипаевъ и слишкомъ порядочнымъ человѣкомъ, чтобы что-нибудь смыслить въ наживѣ, онъ, кажется, немногаго достигъ, когда вернулся послѣ 7-ми лѣтъ отсутствія и, поспѣшивъ къ моему отцу, узналъ, что я двѣ недѣли тому назадъ вышла замужъ: я не знаю, что съ нимъ сдѣлалось потомъ и какое-бы чувство онъ мнѣ внушилъ, еслибъ мнѣ пришлось подумать о немъ. Во время его пребыванія въ Пондишери, онъ познакомился съ нѣкіимъ г-номъ Sainte-Lette, однимъ изъ членовъ совѣта, и далъ ему письмо къ моему отцу, когда совѣтъ отправилъ его въ 1776 г. въ Парижъ по какому-то важному дѣлу.

Sainte-Lette было болѣе 60 лѣтъ; это былъ человѣкъ, котораго живость ума и увлеченія страстей сбили съ пути въ молодости, когда онъ промоталъ свое состояніе въ Парижѣ. Онъ уѣхалъ въ Америку; въ Луизіанѣ онъ оставался въ теченіе 13 лѣтъ распорядителемъ торга съ дикарями; попавъ оттуда въ Азію, онъ служилъ въ управленіи Пондишери и стремился добыть средства, чтобы въ будущемъ жить во Франціи или умереть тамъ вблизи друга своей юности, г-на de Sévelinges, о которомъ я позже кое-что разскажу. Серьезный и торжественный голосъ, въ которомъ слышался отзвукъ пережитаго опыта и несчастій, который оттѣнялся свободнымъ выраженіемъ мыслей развитого ума, поразилъ меня въ Sainte-Lette при первомъ свиданіи. Demontchéry говорилъ ему обо мнѣ; это, вѣроятно, было причиной, внушившей ему желаніе познакомиться со мной; мой отецъ его хорошо принялъ; я встрѣтила его съ радушіемъ, потому что онъ вскорѣ заинтересовалъ меня; его общество было мнѣ очень пріятно, а онъ искалъ моего общества, и въ теченіе всего времени, пока длилось его пребываніе въ Парижѣ, онъ не пропускалъ четырехъ или пяти дней, не навѣстивъ меня.

Всегда пріятно слушать людей, много видѣвшихъ, а тѣ, которые

много чувствовали, всегда больше видѣли, чѣмъ другіе, хотя-бы они даже меньше путешествовали, чѣмъ Sainte-Lette. Онъ обладалъ тѣмъ родомъ познаній, которыя гораздо больше даются опытомъ, нежели книгами; менѣе ученый, чѣмъ философъ, онъ черпалъ свои знанія изъ сердца человѣческаго; сохранивъ отъ своей юности любовь къ легкой поэзіи, онъ и самъ писалъ миленькія вещицы. Онъ мнѣ далъ нѣсколько своихъ отрывковъ; я сообщила ему нѣкоторыя изъ своихъ грезъ, и онъ мнѣ повторилъ нѣсколько разъ пророческимъ, т.-е. убѣжденнымъ тономъ: „сударыня, какъ вы ни отговариваетесь, вы кончите тѣмъ, что напишете что-нибудь".—Это, стало быть, будетъ подъ чужимъ именемъ, отвѣчала я ему, такъ какъ я скорѣе отрѣзала бы себѣ пальцы, чѣмъ сдѣлалась-бы писательницей.

Sainte-Lette встрѣтилъ у моего отца одного человѣка, съ которымъ я познакомилась нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, и который долженъ былъ сильно повліять на мою судьбу, хотя я этого тогда и не предвидѣла. Я уже упоминала о томъ, что Софія, которую больше, чѣмъ меня, отвлекали свѣтскія связи, далеко не считала этого своимъ преимуществомъ; она иногда говорила мнѣ объ одномъ человѣкѣ, исполненномъ достоинствъ, жившемъ и состоявшемъ на службѣ въ Аміенѣ, который часто бывалъ у ея матери, когда бывалъ въ своемъ постоянномъ мѣстопребываніи; это, однако, случалось не часто, потому что онъ всякую зиму пріѣзжалъ въ Парижъ, а лѣтомъ часто предпринималъ болѣе дальнія путешествія. Она мнѣ назвала его, потому что въ незначительной толпѣ, которая ее окружала, она съ удовольствіемъ отличала человѣка, поучительный разговоръ котораго казался ей всегда новымъ, суровыя, но простыя манеры котораго возбуждали ея довѣріе, который, не будучи любимъ всѣми, за свою подчасъ насмѣшливую строгость, не нравившуюся многимъ, однако былъ всѣми уважаемъ. Софія также говорила ему о своей подругѣ; впрочемъ, въ ея семьѣ только и говорили, что о задушевности, о постоянствѣ дружбы, заключенной въ монастырѣ, принимавшей съ годами извѣстный почтенный характеръ; наконецъ, онъ видѣлъ мой портретъ, который г-жа Cannet повѣсила у себя на видномъ мѣстѣ. „Отчего, говорилъ онъ часто, вы не знакомите меня съ этой подругой? Я всякій годъ ѣзжу въ Парижъ; не дадите-ли вы мнѣ письмо къ ней"? Наконецъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1775 онъ получилъ это желанное порученіе, когда я еще носила трауръ по моей матери, и переживала ту тихую грусть, которая слѣдуетъ за сильнымъ горемъ. Всякій, кто-бы ни явился отъ имени Софіи, не могъ не быть хорошо принятымъ. „Это письмо передастъ тебѣ, писала мнѣ моя подруга, философъ, о которомъ я тебѣ уже нѣсколько разъ упоминала, г-нъ Roland de la Platière, человѣкъ просвѣщенный, чистыхъ нравовъ, которому можно поставить въ упрекъ

лишь его слишкомъ большое поклоненіе древнимъ, въ ущербъ современникамъ, которыхъ онъ презираетъ, — и слабость слишкомъ много говорить о себѣ". Этотъ портретъ былъ менѣе, нежели наброскомъ, но черты были схвачены точно и вѣрно. Я увидѣла человѣка сорока слишкомъ лѣтъ, высокаго роста, небрежной осанки, съ тою угловатостью, которая пріобрѣтается, благодаря привычкѣ къ сидячей жизни и запятіямъ наукой; но его манеры были просты и привѣтливы, и хотя онѣ и не отличались свѣтскимъ изяществомъ, но въ нихъ сочетались любезность человѣка хорошей семьи съ серьезностью философа. Худоба, желтизна въ цвѣтѣ лица, очень высокій лобъ, на которомъ волосы уже порѣдѣли, не искажали его правильныя черты, но дѣлали ихъ болѣе почтенными, чѣмъ привлекательными. Впрочемъ, чрезвычайно тонкая улыбка и живое выраженіе измѣняли его лицо и заставляли его казаться совсѣмъ инымъ человѣкомъ, когда онъ оживлялся во время разговора или при мысли о чемъ-нибудь, что для него было пріятно. Его голосъ былъ мужественъ; его рѣчь— отрывиста, какъ то бываетъ у людей съ короткимъ дыханіемъ; его разговоръ—очень содержателенъ, потому что голова его была исполнена мыслей; онъ больше занималъ умъ, чѣмъ ласкалъ ухо; его дикція иногда бывала привлекательна, но угрюма и не гармонична. Мнѣ кажется, что прелесть голоса—рѣдкое и могущественное удовольствіе для чувства; эта прелесть не только зависитъ отъ качества звука, а также является результатомъ той деликатности чувствъ, которая разнообразитъ выраженіе и смягчаетъ удареніе...

Меня прервали, чтобъ извѣстить о включеніи меня въ обвинительный актъ по дѣлу Бриссо, со столькими другими депутатами, которыхъ недавно арестовали. Тираны въ отчаянномъ положеніи; они думаютъ, что заполнятъ пропасть, раскрытую передъ ними, низвергая туда честныхъ людей, но они сами падутъ въ нее за ними. Я не боюсь идти на эшафотъ въ такомъ хорошемъ обществѣ; стыдно жить среди злодѣевъ.

Я отправлю эту тетрадь съ тѣмъ, чтобы продолжать въ другой, если мнѣ предоставятъ возможность это сдѣлать.

Пятница, 4-го октября, день рожденія моей дочери, которой сегодня исполнилось 12 лѣтъ.

Эта красота голоса есть нѣчто, вполнѣ отличное отъ силы его, и не чаще встрѣчается среди ораторовъ, которые въ силу своей профессіи должны упражнять голосъ, чѣмъ среди толпы, образующей общество. Я искала ее въ нашихъ трехъ національныхъ собраніяхъ, но ни у кого не нашла ея въ совершенствѣ; самъ Мирабо, съ его благородной рѣчью, полной величественнаго очарованія, не обладалъ ни привлекательнымъ голосомъ, ни особенно пріятнымъ произношеніемъ.

Клермоны больше приближались къ этому идеалу. „Гдѣ же вы нашли вашъ образецъ"? могутъ меня спросить. Я отвѣчу, какъ тотъ художникъ, котораго спрашивали, откуда онъ беретъ тѣ очаровательныя выраженія, которыя онъ придаетъ головамъ, созданнымъ его кистью. „Здѣсь", отвѣчалъ онъ, прикладывая палецъ къ своему лбу; я поднесла-бы свой палецъ къ моимъ ушамъ. Я мало бывала въ театрѣ, но мнѣ казалось, что и тамъ также трудно было встрѣтить этотъ даръ. Даже Larive, быть можетъ единственный, котораго можно было-бы назвать, былъ не вполнѣ совершененъ. Когда въ первые годы моего отрочества я испытывала тотъ родъ волненія, которое пробуждается желаніемъ нравиться молодымъ людямъ, меня трогалъ звукъ моего собственнаго голоса, я чувствовала потребность смягчить его, чтобъ нравиться себѣ самой. Я понимаю, что тонкая чувствительность грековъ должна была заставлять ихъ придавать значеніе всѣмъ отраслямъ искусства слова; я также понимаю, почему *санкюлотизмъ* заставляетъ пренебрегать этимъ изяществомъ и приводитъ насъ къ свирѣпой грубости, столь же далекой отъ точности спартанцевъ, въ ихъ исполненномъ здраваго смысла языкѣ, какъ и отъ краснорѣчія привлекательныхъ аѳинянъ.

Но мы когда-то оставили La Blancherie въ Орлеанѣ или въ другомъ мѣстѣ, теперь слѣдуетъ покончить съ этимъ господиномъ.

Вернувшись вскорѣ послѣ смерти моей матери, онъ узналъ объ этомъ событіи, когда пришелъ ее навѣстить, и выразилъ удивленіе и горе, которыя меня тронули и мнѣ понравились. Онъ явился ко мнѣ еще нѣсколько разъ; я видалась съ нимъ съ интересомъ. Мой отецъ, наложившій на себя, вначалѣ, обязанность оставаться со мной, когда кто-нибудь приходилъ, нашелъ, что роль дуэньи не была занимательна, и что для него было-бы удобнѣе прямо отказывать отъ дома всякому, кто не обладалъ достаточной въ его глазахъ положительностью возраста, чтобъ избавить его отъ необходимости присутствовать, и оставить меня въ обществѣ моей прислуги или въ одиночествѣ. Онъ объявилъ, что намѣренъ просить La Blancherie больше не приходить; я не отвѣтила ни слова, хотя и почувствовала нѣкоторое огорченіе; я подумала объ огорченіи, которое, какъ я ожидала, онъ почувствуетъ при этомъ запрещеніи; я рѣшила смягчить это огорченіе, передавъ объ этомъ распоряженіи сама, такъ какъ манера моего отца давала мнѣ поводъ бояться, чтобъ онъ не сдѣлалъ этого въ грубой формѣ. Нужно сказать правду, La Blancherie интересовалъ меня, и я воображала, что могу полюбить его; голова, вѣроятно, работала одна, но она была на пути къ увлеченію. Я написала, поэтому, любезное письмо, которымъ отказывала ему отъ дома и отнимала у него всякій поводъ отвѣчать мнѣ, но не разрушала надежды, что онъ нравился мнѣ, если онъ льстилъ себя ею.

Сдѣлавъ этотъ шагъ, я предалась грустнымъ и тихимъ мыслямъ, не очень возмущавшимъ мое благополучіе. Софія пріѣхала въ Парижъ; она оставалась въ немъ нѣкоторое время со своею матерью и сестрой Генріэтой; послѣдняя находилась тогда на равномъ съ нами положеніи, благодаря тому, что мы стали старше, а она стала спокойнѣе, и я подружилась и съ ней. Прелесть ея живого воображенія всюду метала искры и оживляла дружескія связи, въ которыя она вступала.

Я часто ходила въ Люксембургъ съ подругами и дѣвицей d'Hangard; я тамъ встрѣчала la Blancherie: онъ почтительно кланялся мнѣ, и я отвѣчала на поклонъ съ нѣкоторымъ волненіемъ. „Ты значитъ знакома съ этимъ господиномъ?" сказала мнѣ однажды дѣвица d'Hangard, которая раньше принимала его поклоны на свой счетъ.—Да, а ты также?—„О да, конечно; но я никогда не разговаривала съ нимъ. Я бываю у дѣвицъ Bordenave [1]), онъ младшей изъ нихъ дѣлалъ предложеніе".—Давно ли?—„Годъ, полгода, можетъ быть и полтора; онъ съумѣлъ втереться въ домъ; онъ туда ходилъ отъ времени до времени, въ концѣ концовъ сдѣлалъ предложеніе: эти барышни богаты, младшая хорошенькая; у него самого нѣтъ ни гроша, и онъ ищетъ богатую наслѣдницу; онъ сдѣлалъ подобное-же предложеніе другой ихъ знакомой, и онѣ объ этомъ узнали; его спровадили; мы говоримъ, что онъ влюбленъ въ одиннадцать тысячъ дѣвъ. А откуда ты его знаешь?"— Я часто съ нимъ встрѣчалась на концертахъ г-жи l'Epine". И я прикусила себѣ губы, умалчивая объ остальномъ, очень обиженная тѣмъ, что вѣрила въ любовь человѣка, который, безъ сомнѣнія, просилъ моей руки лишь потому, что я была единственной дочерью, и еще болѣе разсерженная тѣмъ, что написала ему любезное письмо, котораго онъ не заслуживалъ. Урокъ быть осторожнѣе въ другой разъ!

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, когда однажды маленькій савояръ пришелъ сказать моей прислугѣ, что кто-то гдѣ-то хочетъ ей что-то сказать: она выходитъ, возвращается, и говоритъ мнѣ, что г-нъ La Blancherie поручилъ ее упросить меня принять его. Дѣло было въ воскресенье; ко мнѣ должны были прійти мои родственники: „Да, отвѣтила я, пусть онъ приходитъ, но сію-же минуту; такъ какъ онъ поджидаетъ васъ около дома, то пойдите за нимъ и приведите его". La Blancherie является; я сидѣла у камина. „Я не смѣлъ, сударыня, явиться къ вамъ послѣ того, какъ вы мнѣ запретили это дѣлать; я очень хотѣлъ побесѣдовать съ вами, и не могу вамъ выразить, что́ меня заставило перечувствовать дорогое и жестокое письмо, которое вы мнѣ тогда написали; мое положеніе измѣнилось съ того времени; у меня

[1]) Ихъ отецъ былъ очень извѣстнымъ хирургомъ, членомъ Академіи наукъ.

теперь планы, которымъ вы могли-бы не остаться чуждой". Онъ мнѣ изложилъ планъ сочиненія по критикѣ и морали, въ письмахъ, вродѣ Spéculateur, приглашая меня также писать по какому-нибудь вопросу. Я дала ему говорить, не прерывая его; я даже подождала еще немного послѣ того, какъ онъ сдѣлалъ короткую передышку, чтобъ дать ему разсказать все, что у него лежало на сердцѣ. Когда онъ кончилъ, я высказалась, въ свою очередь, и замѣтила ему спокойно и вѣжливо, что я сама позаботилась извѣстить его о томъ, чтобъ онъ прекратилъ свои посѣщенія, потому что чувство ко мнѣ, въ которомъ онъ открылся моему отцу, заставило меня предположить, что онъ придавалъ значеніе продолженію этихъ посѣщеній и внушило мнѣ желаніе выразить ему свою благодарность за такое вниманіе; что въ мои годы живость воображенія примѣшивается ко всему, и иногда все представляетъ въ другомъ видѣ; но что заблужденіе не было преступленіемъ, и что я слишкомъ охотно отреклась отъ своей ошибки для того, чтобъ онъ придавалъ ей значеніе; что я восхищаюсь его литературными планами, но не желаю принимать въ нихъ никакого участія, такъ же, какъ и вообще въ чьихъ-бы то ни было планахъ; что я довольствуюсь пожеланіями успѣха всѣмъ авторамъ въ мірѣ такъ-же, какъ и ему, во всѣхъ областяхъ; что я согласилась его принять, чтобъ ему все это сказать, и прошу его уволить себя отъ всякой подобной попытки въ будущемъ; послѣ чего я попросила его на этомъ закончить свой визитъ. Онъ собирался обнаружить удивленіе, горе, обиду,—вообще все, что въ такихъ случаяхъ подобаетъ, но я его остановила, сказавъ La Blancherie, что я не знаю, высказались-ли дѣвицы Bordenave и другія, къ которымъ онъ обращался приблизительно въ то-же время, какъ и ко мнѣ, съ одинаковой откровенностью, но что моя откровенность безгранична, и что намѣренія, которыя я высказываю съ этою откровенностью, не допускаютъ объясненій. Я встала въ ту-же минуту, поклонилась и сдѣлала рукой тотъ знакъ, которымъ указываютъ на дверь тѣмъ, кого желаютъ удалить. Кузенъ Trude явился въ эту минуту; никогда я не видѣла его грубое лицо съ большимъ удовольствіемъ; La Blancherie ретировался въ молчаніи; съ тѣхъ поръ я его больше не видала; но кто не слыхалъ, послѣ того, объ *agent general de la correspondance pour les sciences et les arts*?

Такъ какъ La Blancherie сошелъ со сцены, вернемся къ Sainte-Lette и Ролану.

Наступилъ конецъ лѣта 1776 г. Въ теченіе 8 или 9 мѣсяцевъ я видѣла г-на Роланъ нѣсколько разъ. Онъ приходилъ не часто, но сидѣлъ долго, какъ человѣкъ, который бывалъ въ извѣстномъ мѣстѣ не съ тѣмъ, чтобъ показываться, а потому, что это ему доставляло удо-

вольствіе, почему и засиживался тамъ сколько могъ. Его разговоръ, поучительный и откровенный, никогда не наводилъ на меня скуки; онъ любилъ, чтобъ его слушали съ интересомъ, а я умѣю очень хорошо дѣлать это даже съ тѣми, кто менѣе образованъ, чѣмъ онъ, и это мнѣ доставило, быть можетъ, еще больше друзей, чѣмъ умѣніе самой выражаться съ нѣкоторою легкостью. Я познакомилась съ нимъ по его возвращенія изъ Германіи; теперь онъ предполагалъ сдѣлать путешествіе по Италіи, и приводя дѣла въ порядокъ, какъ это почти всегда дѣлаютъ благоразумные люди, наканунѣ долгаго отсутствія, онъ избралъ меня хранительницей своихъ рукописей, которыя должны были остаться въ моемъ распоряженіи, еслибъ съ нимъ случилось какое-нибудь несчастіе; я была искренно тронута этимъ знакомъ совершенно особеннаго уваженія, и приняла его съ благодарностью. Въ день его отъѣзда, онъ обѣдалъ у моего отца съ Sainte-Lette; прощаясь со мной, онъ попросилъ позволеніе поцѣловать меня; я не знаю почему, но эта любезность никогда не оказывается безъ того, чтобъ молодая дѣвушка не покраснѣла, хотя-бы даже ея воображеніе было вполнѣ спокойно. „Вы счастливы, что уѣзжаете, сказалъ ему Sainte-Lette своимъ серьезнымъ и торжественнымъ голосомъ, но спѣшите вернуться, чтобъ попросить о томъ-же!

Во время пребыванія Sainte-Lette во Франціи, его другъ de Séveling овдовѣлъ; онъ отправился къ нему въ Суассонъ, мѣсто его жительства, чтобъ раздѣлить его горе, и привезъ его въ Парижъ, чтобъ развлечь его. Они вмѣстѣ были у меня. Séveling, небогатый дворянинъ, былъ человѣкомъ пятидесяти двухъ лѣтъ. Онъ служилъ въ провинціи по финансовому вѣдомству, и занимался писательствомъ, какъ философъ, который знаетъ прелесть изящной литературы. Познакомившись съ нимъ такимъ образомъ, я поддерживала съ нимъ знакомство послѣ отъѣзда Sainte-Lette, который говорилъ, что ему доставляетъ нѣкоторое удовольствіе, покидая Францію, думать, что его другъ не лишится, благодаря этому, преимущества имѣть сношенія со мной; онъ даже испросилъ у меня позволеніе передать своему другу, съ тѣмъ чтобы тотъ вернулъ мнѣ ихъ нѣсколько позже, нѣкоторыя рукописи, которыя, какъ я упоминала, я сообщила ему. Этотъ интересный старикъ пустился въ море, быть можетъ, въ пятый или шестой разъ въ своей жизни. Язва на головѣ, отъ которой онъ уже раньше страдалъ, раскрылась во время плаванія: онъ пріѣхалъ больнымъ въ Пондишери, гдѣ умеръ чрезъ шесть недѣль по своемъ возращеніи. Мы узнали объ его смерти чрезъ Demontchéry. Sévelinges горько оплакивалъ его. Онъ писалъ мнѣ отъ времени до времени, и его письма, которыя были такъ-же хороши по краскамъ, какъ и по слогу, доставляли мнѣ большое удовольствіе; они носили отпечатокъ кроткой фи-

лософіи и грустной чувствительности, къ которымъ я всегда питала большую склонность. Я убѣдилась, по этому поводу, въ справедливости замѣчанія Дидеро, что развитой вкусъ предполагаетъ большой умъ, деликатныя чувства и нѣсколько меланхоличный темпераментъ.

Мой отецъ, благія намѣренія котораго незамѣтно улетучивались, нашелъ, что довольно безполезно выказывать свой умъ, когда это стоитъ денегъ за пересылку писемъ. Я разсказала о своемъ огорченіи дядечкѣ, который разрѣшилъ мнѣ посылать письма Sevelinges, котораго онъ видѣлъ у насъ, на его имя. Мои рукописи были возвращены мнѣ съ нѣкоторыми критическими замѣчаніями, которыми я очень гордилась, потому что я не воображала, чтобы мои произведенія были достойны критики. Это были, въ моихъ собственныхъ глазахъ, довольно умныя, но избитыя мечтанія на темы, которыя, какъ мнѣ казалось, всѣмъ должны были быть извѣстны; я не думала, чтобы они имѣли иное достоинство, кромѣ того, что были написаны молодою дѣвушкой. Я долго при оцѣнкѣ своей личности сохраняла полнѣйшую наивность; нужны были круговоротъ революціи, движеніе событій, разнообразіе положеній, обиліе сравненій, среди большой толпы и среди людей уважаемыхъ за ихъ достоинства, для того, чтобы дать мнѣ замѣтить, что ступень, на которой я нахожусь, не переполнена народомъ. Впрочемъ, — я спѣшу это замѣтить,—это гораздо болѣе доказало мнѣ недостатокъ людей въ моей странѣ, чѣмъ внушило высокое понятіе о себѣ самой. Не въ остроуміи ощущается недостатокъ,—оно встрѣчается очень часто,—а въ правильности сужденій и силѣ характера. Безъ этихъ двухъ качествъ, по моему мнѣнію, нельзя быть тѣмъ, что я называю мужчиной. Поистинѣ, Діогенъ былъ правъ, когда бралъ фонарь! Но революція можетъ замѣнить его: я не знаю болѣе точнаго мѣрила или лучшаго пробнаго камня!

Безансонская Академія предложила для соисканія преміи вопросъ о томъ, „какимъ образомъ воспитаніе женщинъ можетъ способствовать улучшенію человѣчества?" Мое воображеніе начало работать. Я взялась за перо и написала разсужденіе, которое отправила инкогнито, и которое, какъ то легко себѣ представить, не нашли достойнымъ преміи. Ни одно изъ присланныхъ сочиненій не удостоилось, впрочемъ, этой чести. Тема была вновь предложена; но я не знаю, какіе получились результаты на слѣдующій годъ. Помню только, что, собираясь трактовать объ этомъ предметѣ, я почувствовала, что было-бы нелѣпо устанавливать способъ воспитанія, который-бы не соотвѣтствовалъ общему характеру нравовъ, зависящихъ отъ образа правленія, и что слѣдовало не стремиться преобразовать одинъ полъ посредствомъ другого, но улучшить людей, путемъ хорошихъ законовъ. Такимъ образомъ, хотя

я говорила какими, по моему мнѣнію, должны были-бы быть женщины, но я присовокупляла, что такими можно ихъ было сдѣлать лишь при другомъ порядкѣ вещей. Эта мысль, несомнѣнно вѣрная и философская, не соотвѣтствовала академической задачѣ: я разсуждала по поводу вопроса, вмѣсто того, чтобы разрѣшить его.

Я сообщила это разсужденіе г-ну de-Sévelinges, къ которому отправила его въ Безансонъ; Sévelinges сдѣлалъ мнѣ замѣчанія исключительно по поводу слога. Моя голова уже остыла; я находила свою работу очень несовершенной по существу и доставила себѣ развлеченіе написать на нее критику, какъ будто-бы она была написана кѣмъ-нибудь другимъ, надъ кѣмъ я хотѣла посмѣяться. Можно сказать, что это значило щекотать себя, чтобы смѣяться или давать себѣ пощечины, чтобы нагрѣть себѣ щеки, но несомнѣнно, что невозможно было-бы смѣяться въ одиночествѣ отъ болѣе чистаго сердца и болѣе невинно. За то Sévelinges сообщилъ мнѣ академическую рѣчь своего сочиненія объ искусствѣ рѣчи, съ которою онъ обратился въ Академію, и по поводу которой д'Аламберъ написалъ ему любезное письмо. Въ этомъ произведеніи было, какъ мнѣ помнится, много метафизики и нѣкоторое жеманство. Болѣе года протекло среди этого умственнаго общенія, подъ вліяніемъ котораго пробуждались, однако, мысли другого порядка. Sévelinges, повидимому, безпокоился о моемъ положеніи, и самъ скучалъ въ одиночествѣ; онъ много разсуждалъ о прелести интеллигентнаго общества; я придавала послѣднему большую цѣну. Мы долго разсуждали объ этомъ предметѣ; я не знаю какъ слѣдуетъ, какія, благодаря этому, пришли ему въ голову мысли, но онъ поѣхалъ въ Парижъ и явился къ моему отцу incognito, какъ-бы по дѣлу. Что было особенно смѣшно, это то, что я его не узнала, хотя и приняла его. Но чрезвычайно огорченный видъ, съ которымъ онъ простился со мной, поразилъ меня и пробудилъ въ моей памяти воспоминаніе объ его чертахъ. Я нашла послѣ его ухода, что незнакомецъ очень походилъ на него, и вскорѣ убѣдилась изъ его писемъ, что это дѣйствительно былъ онъ. Эта странность произвела на меня не особенно пріятное впечатлѣніе, сущности котораго я-бы не могла опредѣлить. Наша переписка стала менѣе дѣятельной; она впослѣдствіи прекратилась, какъ я то разскажу.

Я иногда бывала въ Венсенѣ. Духовное убѣжище моего дяди было очень красиво, прогулки прелестны, общество пріятно; но хотя дѣвица d'Hannaches прекрасно вела его хозяйство, онъ начиналъ чувствовать, что приходится искупать это удобство цѣной всякихъ дрязгъ, благодаря дурному расположенію духа и глупости старой дѣвушки съ претензіями. Въ Венсенскомъ замкѣ жило множество лицъ, которыхъ дворъ снабжалъ квартирами: одну квартиру занималъ старый

королевскій цензоръ, Moreau de la Garve; другую — женщина съ репутаціей ума, г-жа de-Puisieux; дальше помѣщалась графиня de-Laurencier; ниже—одна офицерская вдова, и такъ далѣе, не считая лейтенанта короля, ставшего извѣстнымъ благодаря Мирабо—Rougemont, лицо котораго, покрытое прыщами, и наглая глупость представляли самую отвратительную комбинацію. Рота инвалидовъ, жены офицеровъ которой тоже входили въ составъ мѣстнаго общества, составляла, вмѣстѣ со всѣми этими жильцами и капитуломъ, не считая заключенныхъ въ замковой башнѣ, 600 человѣкъ населенія въ оградѣ замка. Мой дядя былъ принятъ повсюду, но никуда не ходилъ часто и принималъ у себя лишь небольшое число лицъ. По вечерамъ, при возвращеніи съ прогулокъ, дѣлались обыкновенно остановки въ бесѣдкѣ на мосту въ паркѣ, гдѣ собирались женщины. Я тамъ могла-бы еще позаимствовать сюжетовъ для картинъ, еслибъ у меня было время ихъ писать. Но часы гонятся за мной, путь, которы мнѣ остается пройти, очень долгъ; и потому, очертя голову, перескакиваю черезъ множество вещей. Можно было-бы, однако, много разсказать забавнаго о балахъ въ „allée des voleurs", о скачкахъ графа д'Артуа, о безумствахъ Seguin, кассира герцога Орлеанскаго, имянины котораго (Seguin) праздновались иллюминаціями и который вскорѣ послѣ того обанкрутился; и пріятныя прогулки въ лѣсу, и красивый видъ изъ верхняго парка на Марну, — видъ, ради котораго мы перебирались черезъ проломъ въ стѣнѣ, и кельи отшельниковъ въ лѣсу, расположенныя столь живописнымъ образомъ, въ церкви которыхъ находилась картина, цѣнная, какъ произведеніе художества, интересная по сюжету, гдѣ тысячи чертей мучили осужденныхъ всяческими способами; и мои чтенія съ дядей, особенно чтеніе трагедій Вольтера, изъ которыхъ мы однажды декламировали, каждый по очереди, нѣсколько ролей, когда въ самую патетическую минуту дѣвица d'Hannaches, молчаливо прявшая, начала кричать своимъ тонкимъ голосомъ на куръ, къ которымъ намъ очень хотѣлось ее отправить. И эти подхрамывавшіе концерты въ послѣобѣденное время, когда на столѣ, съ котораго только-что убрали посуду, футляры отъ стеклянныхъ цилиндровъ служили пюпитромъ для доброго каноника Bareux съ его очками, заставлявшаго гремѣть свой басъ, между тѣмъ какъ я пилила на своей скрипкѣ, а мой дядя фальшивилъ на флейтѣ. Ахъ! я еще вернусь къ этимъ милымъ картинамъ, если мнѣ дадутъ жить, но нужно возвратиться домой; однако сначала я разскажу о нѣкоемъ хвастунѣ, имѣвшемъ довольно извѣстное имя.

КРАТКОЕ ОБОЗРѢНІЕ ТОГО, ЧТО МНѢ ОСТАВАЛОСЬ РАЗСКАЗАТЬ, СЛУЖАЩЕЕ ПОСЛѢДНИМЪ ДОПОЛНЕНІЕМЪ КЪ МЕМУАРАМЪ [1]).

Рукописи, которыя мнѣ оставилъ г-нъ Роланъ, лучше познакомили меня съ нимъ въ теченіе 18 мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ Италіи, чѣмъ-бы то сдѣлали частыя посѣщенія. Это были путешествія, размышленія, планы работъ, анекдоты, касавшіеся его частной жизни; сильная душа, строгая честность, суровые принципы, знаніе и вкусъ явно выказывались въ нихъ.

Родившись въ достаткѣ, изъ стариннаго рода, отличившагося въ судейскомъ сословіи своей честностью, онъ еще въ молодости былъ свидѣтелемъ потери фамильнаго состоянія, благодаря недостатку порядка, съ одной стороны, и чрезмѣрнымъ тратамъ—съ другой. Какъ младшаго изъ пяти братьевъ, его заставляли вступить въ духовное званіе; одинъ и безъ помощи, 19 лѣтъ отъ роду, онъ покинулъ отцовскій домъ, чтобы не быть принужденнымъ избрать профессію священника или купца, къ которымъ онъ чувствовалъ одинаковое отвращеніе. Прежде всего онъ поѣхалъ въ Нантъ, гдѣ поступилъ къ одному судохозяину, чтобы пріобрѣсти нужныя свѣдѣнія и затѣмъ уѣхать въ Индію; всѣ распоряженія были сдѣланы, но съ нимъ вдругъ сдѣлалось кровохарканіе, благодаря которому ему, подъ страхомъ смерти, запретили путешествіе по морю. Тогда онъ отправился въ Руанъ, гдѣ г-нъ Godinot, его родственникъ, инспекторъ мануфактуръ, предложилъ ему вступить въ это вѣдомство. Онъ согласился на это, вскорѣ отличился своей расторопностью и трудолюбіемъ и, словомъ, оказался полезнымъ на своемъ мѣстѣ. Онъ дѣлилъ свое время между путешествіями и занятіями, наполнявшими его жизнь. Передъ своимъ отъѣздомъ въ Италію онъ привелъ къ моему отцу своего любимаго брата, бенедиктинца, бывшаго въ то время настоятелемъ гимназіи (collége) Cluny въ Парижѣ. Это былъ человѣкъ умный, кроткаго нрава и пріятнаго характера. Онъ иногда приходилъ навѣщать меня и сообщалъ замѣтки, которыя ему присылалъ братъ: послѣдній, по мѣрѣ того, какъ путешествовалъ, набрасывалъ на бумагу

---

[1]) Я въ своей послѣдней тетради остановилась на Венсенѣ: я собиралась разсказать о Carracioli, котораго я видѣла у каноника и *письма* котораго, вышедшія подъ именемъ Ganganelli, имѣли нѣкоторый успѣхъ, хотя въ нихъ много было повтореній изъ его собственныхъ мелкихъ произведеній. Но слѣдить, такимъ образомъ, шагъ за шагомъ, за событіями, было-бы слишкомъ большой работой, для которой у меня уже не остается достаточно времени жизни; я ограничиваюсь, поэтому, краткимъ обозрѣніемъ.

свои наблюденія; это тѣ самыя замѣтки, которыя онъ разбилъ, по своемъ возвращеніи, на письма и издалъ, поручивъ ихъ печатаніе своимъ Діеппскимъ друзьямъ; одинъ изъ послѣднихъ, помѣшанный на итальянскомъ языкѣ, далъ слишкомъ большое мѣсто выпискамъ на этомъ языкѣ. Этому произведенію, полному содержанія, недостаетъ лишь хорошей редакціи, чтобы занять первое мѣсто среди путешествій по Италіи. Исправить его было однимъ изъ нашихъ намѣреній съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили въ бракъ; но мнѣ также хотѣлось увидѣть Италію; время и событія увлекли насъ въ другую сторону.

По возвращеніи г-на Роланъ я пріобрѣла въ немъ друга; его серьезность, его характеръ, его привычки, всецѣло посвященныя работѣ, заставляли меня считать его, такъ сказать, существомъ безъ пола, или философомъ, который жилъ лишь разумомъ. Установилось нѣкоторое довѣріе; и удовольствіе, которое онъ испытывалъ вблизи меня, постепенно выработало въ немъ потребность приходить все чаще. Я уже около пяти лѣтъ была знакома съ нимъ, когда онъ открылся мнѣ въ нѣжныхъ чувствахъ; я не была къ этому равнодушна, потому что я уважала его больше, чѣмъ кого-бы то ни было, кого я знала до тѣхъ поръ; но я замѣтила, что онъ, можетъ быть, подъ вліяніемъ семьи, не былъ равнодушенъ къ матеріальнымъ обстоятельствамъ. Я ему откровенно отвѣтила, что его предложеніе мнѣ очень лестно, и что я съ удовольствіемъ приняла-бы его, но что я не считаю себя хорошей партіей для него; я изложила ему безъ обиняковъ положеніе нашей фирмы, которая была разорена. Я спасла, рѣшившись наконецъ потребовать отчета у моего отца, подъ страхомъ испытать его немилость, 500 ливровъ ежегоднаго дохода, что вмѣстѣ съ моими платьями составляло весь остатокъ того мнимаго богатства, въ которомъ я воспитывалась.

Мой отецъ былъ еще молодъ; его заблужденія могли вовлечь его въ долги, которые невозможность выплатить сдѣлала-бы впослѣдствіи позорными; онъ могъ необдуманно жениться и прибавить къ этимъ бѣдамъ дѣтей, которыя носили-бы мое имя въ нищетѣ, и т. д., и т. д., и т. д.. Я была слишкомъ горда, чтобы желать подвергнуться недоброжелательству семьи, которая не почла-бы за честь родство со мной, или великодушію мужа, который нашелъ-бы въ этомъ бракѣ одни огорченія; я посовѣтовала г-ну Роланъ, какъ то могло-бы сдѣлать постороннее лицо, перестать думать обо мнѣ. Онъ упорствовалъ; я была тронута и позволила ему сдѣлать необходимые шаги у моего отца; но, такъ какъ онъ предпочиталъ высказываться письменно, то было рѣшено, что онъ объяснится лишь въ письмѣ, когда вернется въ свое мѣсто жительства; и мы провели остатокъ времени его тогдашняго пребыванія въ Парижѣ, видаясь каждый день; я на него

смотрѣла, какъ на существо, съ которымъ должна была соединить свою судьбу, и привязалась къ нему. Немедленно по возвращеніи въ Аміенъ, онъ написалъ моему отцу, чтобы высказать ему свои желанія и намѣренія. Мой отецъ нашелъ его письмо сухимъ: онъ не любилъ строгость г-на Роланъ,—ему не особенно хотѣлось имѣть зятемъ человѣка суроваго, взгляды котораго напоминали ему взглядъ цензора; онъ отвѣчалъ ему грубо, дерзко, и показалъ мнѣ всю переписку, лишь когда уже отправилъ отвѣтъ. Я немедленно приняла рѣшеніе. Я написала г-ну Роланъ, что событіе это слишкомъ оправдывало мои опасенія относительно моего отца, что я не хочу ему причинять дальнѣйшихъ непріятностей и что я прошу его отказаться отъ своего намѣренія. Я объявила моему отцу о томъ, что̀ его поведеніе заставило меня сдѣлать; я прибавила, что послѣ этого онъ не можетъ удивляться моему рѣшенію создать себѣ новое положеніе и удалиться въ монастырь. Но такъ какъ я знала, что у него было нѣсколько спѣшныхъ долговъ, я оставила ему часть денегъ, принадлежавшихъ мнѣ, для ихъ уплаты; я наняла у общины маленькую комнату и устроила себѣ въ ней убѣжище, твердо рѣшивъ ограничить свои потребности соразмѣрно со своими доходами. Я это исполнила. Я могла-бы разсказать очень интересныя подробности объ этомъ положеніи, гдѣ я начала изощрять твердость сильной души. Я строго разсчитывала свои издержки и откладывала кое-что для подарковъ монастырской прислугѣ. Картофель, рисъ, фасоль, сваренная въ горшкѣ съ нѣсколькими крупинками соли и масломъ, — таково было разнообразіе кушаній, которыя составляли мою пищу, не отнимая у меня много времени. Я выходила изъ дому два раза въ недѣлю; одинъ разъ, чтобы посѣтить дѣдушку и бабушку, другой—, чтобы пойти къ отцу, пересмотрѣть его бѣлье и взять съ собой то, что нужно было починить. Остальное время, покрытая снѣжной крышей (я жила въ верхнемъ этажѣ, и дѣло было зимой), не желая быть постоянно въ обществѣ дамъ-пансіонерокъ, я предавалась занятіямъ; я закалила свое сердце противъ несчастій и отомщала судьбѣ, не дарившей мнѣ счастья, тѣмъ, что старалась быть достойной послѣдняго. Каждый вечеръ чувствительная Агата приходила провести со мною полчаса; кроткія слезы дружбы сопровождали изліянія ея сердца; я прогуливалась въ одиночествѣ по саду въ часы, когда всѣ оттуда удалялись; покорность разсудительнаго ума, миръ чистой совѣсти, высота характера, презиравшая несчастья, та привычка къ труду, благодаря которой часы протекаютъ такъ быстро, тотъ тонкій вкусъ здоровой души, который въ сознаніи жизни и своихъ собственныхъ достоинствъ находитъ утѣшенія, незнакомыя толпѣ,—таковы были мои сокровища. Я не всегда была свободна отъ меланхоліи, но и она имѣла свою пре-

лесть; и если я не была счастлива, то внутри меня было все, что требуется для счастья; я могла гордиться своимъ умѣніемъ обходиться безъ того, въ чемъ все-же чувствовала недостатокъ.

Г-нъ Роланъ, удивленный, огорченный, продолжалъ мнѣ писать, какъ человѣкъ, не переставшій любить меня, но оскорбленный поведеніемъ моего отца: онъ явился ко мнѣ по прошествіи пяти или шести мѣсяцевъ, и увидѣвъ меня у рѣшетки, съ моимъ счастливымъ видомъ, захотѣлъ меня освободить отъ заключенія; онъ снова предложилъ мнѣ свою руку черезъ своего брата, бенедиктинца, и уговаривалъ меня принять его предложеніе. Я тщательно обдумала, что дѣлать. Я не скрыла отъ себя, что человѣкъ, которому было-бы меньше 45 лѣтъ, не сталъ-бы ждать нѣсколько мѣсяцевъ, прежде чѣмъ попытаться убѣдить меня перемѣнить мое рѣшеніе, и признаюсь, что это уменьшило мое чувство до размѣра, при которомъ во мнѣ уже не оставалось никакихъ иллюзій; съ другой стороны его настойчивость, также очень обдуманная, давала мнѣ увѣренность въ томъ, что онъ меня оцѣнилъ, и что если онъ побѣдилъ свою щекотливость относительно внѣшнихъ непріятностей, которыя бракъ со мной могъ ему доставить, то я тѣмъ болѣе должна была быть увѣрена въ его уваженіи, которое мнѣ не трудно было оправдать. Наконецъ, если бракъ былъ, какъ я думала, строгимъ союзомъ, ассоціаціей, въ которой женщина большею частью брала на свое попеченіе счастье двухъ людей, то не лучше ли было упражнять свои способности въ этой почетной работѣ, чѣмъ въ уединеніи, гдѣ я жила?

Мнѣ пришлось-бы изложить здѣсь очень умныя, какъ мнѣ кажется, размышленія, которыя побудили меня дать согласіе; и однако мнѣ не пришли въ голову всѣ тѣ мысли, на которыя могли-бы натолкнуть обстоятельства, но въ наличности которыхъ одинъ опытъ даетъ возможность убѣдиться. Я стала женой истинно-добродѣтельнаго человѣка, который любилъ меня тѣмъ больше, чѣмъ лучше узнавалъ. Мое замужество было плодомъ вполнѣ сознательнаго рѣшенія, и ничто не могло-бы меня заставить отклониться отъ него въ сторону; я пожертвовала собой въ болѣе восторженномъ, чѣмъ обдуманномъ порывѣ. Думая лишь о счастіи другой стороны, я позже замѣтила, что чего-то недоставало для моего счастья; я ни одну минуту не переставала видѣть въ своемъ мужѣ одного изъ самыхъ почтенныхъ людей, какіе только существуютъ, и сознавать свое право гордиться тѣмъ, что принадлежу ему; но я часто чувствовала, что между нами недоставало равенства, что вліяніе властнаго характера и двадцати лѣтъ, на которые онъ былъ старше меня, дѣлали излишнимъ одно изъ этихъ двухъ превосходствъ. Когда мы бывали въ уединеніи, мнѣ иногда приходилось переживать тяжелые часы; когда мы

выѣзжали въ свѣтъ, я видѣла хорошее отношеніе ко мнѣ людей и замѣчала, что нѣкоторые изъ нихъ могли-бы произвести на меня слишкомъ большое впечатлѣніе: я погружалась въ работу со своимъ мужемъ, — другая крайность, имѣвшая свои неудобства; я пріучила его неумѣть обходиться безъ меня ни за что на свѣтѣ и ни на одну минуту,—и меня это утомило.

Я уважаю, я нѣжно люблю моего мужа, словно чувствительная дочь, обожающая добродѣтельнаго отца, для котораго она даже пожертвовала-бы своимъ любовникомъ; но я нашла человѣка, который могъ-бы быть этимъ любовникомъ; оставаясь вѣрной своему долгу, я однако, благодаря моей искренности, не съумѣла скрыть чувствъ, которыя я принесла ему въ жертву. Мой мужъ, чрезвычайно чувствительный и въ своихъ привязанностяхъ, и въ самолюбіи, не могъ вынести мысли о малѣйшемъ умаленіи своей власти; его воображеніе омрачилось, его ревность раздражила меня, счастье далеко улетѣло отъ насъ; онъ меня обожалъ, я для него пожертвовала собой,—и мы были несчастны. Если-бъ я была свободна, я всюду слѣдовала-бы по его стопамъ, чтобы смягчить его печаль и утѣшить его старость; обладая душой, подобною моей, никогда не можешь дѣлать жертвы въ половину; но Роланъ ожесточился при мысли о жертвѣ, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что я ее приношу ему,—его счастье разрушилось; онъ страдаетъ, что долженъ принять жертву, и не можетъ безъ нея обойтись.

Изложеніе всѣхъ этихъ событій, а также того, чѣмъ заполнялись предшествовавшіе имъ годы, дало-бы много свѣдѣній для познанія человѣческаго сердца и полезныхъ уроковъ чувствительнымъ людямъ.

Весь первый годъ моего замужества мы провели въ Парижѣ, куда Роланъ былъ призванъ управленіемъ торговли, желавшимъ провести новыя фабричныя постановленія,—постановленія, противъ которыхъ Роланъ боролся изо всѣхъ силъ во имя принциповъ свободы, всюду имъ проводимыхъ. Онъ печаталъ описаніе нѣкоторыхъ ремеслъ, сдѣланное имъ для Академіи, и приводилъ въ порядокъ свои рукописи объ Италіи; онъ сдѣлалъ меня своимъ переписчикомъ и своимъ корректоромъ; я исполняла эту работу со смиреніемъ, при воспоминаніи о которомъ не могу удержаться отъ смѣха, и которое мнѣ кажется почти несовмѣстимымъ съ столь развитымъ умомъ, какимъ я обладала; но оно исходило отъ сердца; я такъ искренно уважала моего мужа, что очень охотно вѣрила въ превосходство его сужденій; и я такъ боялась омрачить его лицо, онъ такъ крѣпко держался за свои взгляды, что я лишь много времени спустя пріобрѣла смѣлость ему противорѣчить. Въ то-же время я прослушала курсъ естественной исторіи и курсъ ботаники; это было единственнымъ, хотя

и труднымъ отдохновеніемъ отъ моихъ занятій секретаря и хозяйки; такъ какъ Парижъ не былъ нашимъ обычнымъ мѣстопребываніемъ, и потому мы жили въ меблированныхъ комнатахъ, а слабое здоровье моего мужа, какъ я замѣтила, не могло приноровиться ко всякому столу, то я брала на себя трудъ сама приготовлять кушанья, которыя ему нравились. Мы провели четыре года въ Аміенѣ; тамъ я сдѣлалась матерью и выкормила ребенка, не переставая раздѣлять работу моего мужа, который взялъ на свое попеченіе значительную часть новой энциклопедіи. Мы покидали кабинетъ лишь ради загородныхъ прогулокъ; я составила гербарій растеній Пикардіи, и занятія изученіемъ водяныхъ растеній дали матеріалъ для Art du tourbier (искусство добывать торфъ). Частыя заболѣванія давали мнѣ поводъ безпокоиться за жизнь Ролана; мои заботы не были ему безполезны и послужили между нами новою связью: онъ меня любилъ страстно за мое самопожертвованіе,—я привязалась къ нему за добро, которое ему дѣлала.

Въ Италіи онъ познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, котораго онъ уважалъ за кроткую и честную душу, и который, вернувшись съ нимъ во Францію, гдѣ занялся медициной, сдѣлался нашимъ близкимъ другомъ. Это былъ Lanthenas, котораго я бы уважала еще больше, еслибъ революція, этотъ пробный камень людей, не обнаружила, толкнувъ его въ движеніе, слабость его характера и его посредственность. Онъ отличается личными добродѣтелями, но лишенъ внѣшней привлекательности; онъ очень нравился моему мужу и очень привязался къ намъ обоимъ; я любила его и относилась къ нему, какъ къ брату,—я даже его называла этимъ именемъ. Его привязанность, его честность съ давнихъ поръ были неизмѣнны. Онъ захотѣлъ поселиться съ нами; Роланъ соглашался принять его, но я воспротивилась этому, потому что считала, что столь полная жертва со стороны человѣка его возраста, испытывавшаго привязанность, какую онъ выказывалъ, влекла за собой тайную мысль о взаимности, которую мнѣ запрещали мои принципы, и которой онъ, къ тому-же, не могъ-бы добиться отъ меня. Это былъ добрый и нѣжный братъ, но онъ не могъ быть чѣмъ нибудь инымъ для моего сердца, и это сознаніе дѣлало меня особенно свободной и искренней въ задушевной дружбѣ, установившейся между нами тремя. Lanthenas, какъ, по всей вѣроятности, большинство людей, былъ доволенъ тѣмъ, что имѣлъ, пока другіе не получали больше, чѣмъ онъ; но замѣтивъ, что я не осталась равнодушной (къ другому), онъ сталъ несчастнымъ и ревнивымъ; ничто не дѣлаетъ людей столь угрюмыми и даже несправедливыми; я это почувствовала, и была слишкомъ горда, чтобъ пощадить его: онъ удалился еще болѣе разозленный, воображая себѣ самое худшее; самыя его убѣж-

денія получили новый оттѣнокъ; его сердце мѣшало ему быть жестокимъ, какъ монтаньяры, но онъ ни на что не хотѣлъ болѣе смотрѣть, какъ смотрѣла я, и еще менѣе—какъ тотъ, кого, какъ онъ видѣлъ, я страстно любила; онъ хотѣлъ стать между *правой стороной*, *страсти* которой онъ порицалъ, и лѣвой, крайностей которой онъ не могъ одобрить; онъ сталъ менѣе, нежели ничѣмъ, и заставилъ обѣ стороны презирать себя.

Софья вышла замужъ, во время моего пребыванія въ Аміенѣ, за кавалера de Comicourt, который жилъ въ шести лье оттуда и велъ хозяйство въ своемъ имѣніи. Генріетта, которая любила г-на Роланъ и за котораго ея семья мечтала выдать ее замужъ, открыто одобрила предпочтеніе, оказанное имъ мнѣ, съ тою трогательною искренностью, которая дѣлаетъ честь ея характеру, съ тѣмъ великодушіемъ, которое заставляетъ ее любить. Она вышла замужъ за старика de Vouglans, вдовца, и которому духовникъ и докторъ совѣтовали жениться, хотя ему было 75 лѣтъ. Обѣ онѣ овдовѣли: Софья снова стала ханжей, и ея больная грудь дѣлаетъ ее очень слабой и заставляетъ опасаться за ея жизнь, необходимую двумъ хорошенькимъ дѣтямъ. Разница нашихъ характеровъ и убѣжденій, въ связи съ разлукой и событіями, ослабила нашу дружескую связь, хотя и не порвала ея. Генріетта, свободная, по прежнему живая и любящая, посѣтила меня въ моемъ заключеніи, гдѣ она охотно заняла-бы мое мѣсто, чтобы спасти меня.

Въ началѣ нашей супружеской жизни Роланъ пожелалъ, чтобъ я рѣже видалась со своими подругами; я подчинилась его желанію, и только когда время внушило моему мужу достаточно довѣрія ко мнѣ и устранило всякое безпокойство относительно соперничества въ привязанности, я позволила себѣ ихъ чаще посѣщать; это былъ съ его стороны плохой разсчетъ; бракъ вещь серьезная и суровая; если вы лишите чувствительную женщину сладости дружбы съ лицами ея пола, вы лишаете ее необходимой пищи и подвергаете ее опасности. Какъ подробно можно было-бы развить эту истину!

Въ 1784 г. мы перешли въ Ліонскій округъ; мы поселились въ Вильфраншѣ, въ домѣ семьи г-на Роланъ, гдѣ еще жили его мать, 84-лѣтняя старушка, и его старшій братъ, каноникъ и совѣтникъ. Я могла-бы изобразить много картинокъ нравовъ маленькаго города и ихъ вліянія на людей; изобразить домашнія непріятности, вытекавшія изъ совмѣстной жизни съ женщиной, почтенной по своему возрасту, но ужасной по характеру, и среди двухъ братьевъ, изъ которыхъ младшій имѣлъ страсть къ независимости, а старшій—привычку къ власти и связанные съ нею предразсудки.

Въ теченіе двухъ зимнихъ мѣсяцевъ мы жили въ Ліонѣ, который я хорошо узнала и о которомъ могла-бы многое разсказать. Городъ вели-

колѣпный по своему мѣстоположенію и постройкамъ, съ цвѣтущими фабриками и торговлей, интересный своими древностями и коллекціями, блестящій своимъ богатствомъ, внушавшій зависть императору Іосифу и имѣвшій видъ великолѣпной столицы; нынѣ—обширное кладбище, гдѣ волнуются жертвы правительства въ сто разъ болѣе жестокаго, чѣмъ самый деспотизмъ, на развалинахъ котораго оно возвысилось. Осенью мы ѣздили въ деревню; а послѣ смерти г-жи de la Platière, моей свекрови, мы проводили тамъ большую часть года. Приходъ Thézée, расположенный въ двухъ лье отъ Вильфранша, гдѣ находится Clos la Platière,—край съ безплодною почвой, богатый виноградниками и лѣсами; это—послѣдняя область произрастанія винограда передъ высокими горами Beaujolais. Тамъ мои простые вкусы пріобрѣли навыкъ во всѣхъ тонкостяхъ сельскаго хозяйства и животноводства; тамъ я примѣняла, для облегченія своихъ сосѣдей, пріобрѣтенныя познанія; я стала деревенскимъ докторомъ, тѣмъ болѣе любимымъ, что подавала денежную помощь, вмѣсто того, чтобы требовать вознагражденія, и что удовольствіе быть полезною дѣлало мой уходъ пріятнымъ. Какъ легко крестьяне дарятъ свое довѣріе тѣмъ, кто дѣлаетъ имъ добро! Говорятъ, что они неблагодарны; правда, что я не претендовала на то, чтобъ кто-нибудь считалъ себя мнѣ обязаннымъ; но меня любили, и когда я уѣзжала, меня оплакивали. Со мной также случались забавная сцены, и иногда добрыя женщины пріѣзжали за мной за три или за четыре лье съ лошадью, чтобы просить меня отправиться спасти отъ смерти кого-нибудь, отъ кого отказался докторъ. Моего мужа я-таки спасла въ 1789 г. отъ смерти, во время одной страшной болѣзни, отъ которой предписанія доктора не вылѣчили-бы его безъ моего ухода. Я провела двѣнадцать дней безъ сна, не раздѣваясь, прожила шесть мѣсяцевъ въ безпокойствѣ и волненіи, во время опаснаго выздоровленія, и даже не прихворнула,—настолько сердце придаетъ силъ и удваиваетъ энергію. Революція наступила и воспламенила насъ; друзья человѣчества, поклонники свободы, мы думали, что она должна переродить людей, уничтожить позорную нищету того несчастнаго класса, которому мы такъ часто соболѣзновали; мы встрѣтили ее съ восторгомъ. Наши убѣжденія возстановили противъ насъ въ Ліонѣ многихъ людей, которые, благодаря привычкѣ къ разсчетливости въ торговлѣ, не понимали, чтобы философскіе взгляды людей могли побудить ихъ вызвать и одобрить перемѣны, полезныя лишь для другихъ; это одно сдѣлало ихъ врагами г-на Роланъ; за то другіе съ той поры стали больше уважать его. Онъ былъ избранъ въ муниципалитетъ перваго созыва; здѣсь онъ отличился своей непреклонной прямотой; его стали бояться, и клевета, съ одной стороны, открыла противъ него походъ, между тѣмъ какъ, съ другой, его защи-

щали привязанность или справедливость. Будучи избранъ депутатомъ для защиты интересовъ города въ Assemblée constituante, онъ пріѣхалъ въ Парижъ; мы провели тамъ около года: въ другомъ мѣстѣ я разсказала, какъ мы тамъ познакомились съ нѣкоторыми членами этого собранія, и, естественно, подружились съ тѣми, которые, подобно намъ, свободу любили не ради себя, но ради нея, и которые нынѣ вмѣстѣ съ нами дѣлятъ участь, общую почти всѣмъ основателямъ свободы,—участь настоящихъ друзей человѣчества, какъ напримѣръ Діона, Сократа, Фокіона и столькихъ другихъ изъ древняго міра, Барневельта и Сиднея,—изъ новѣйшаго времени.

Вмѣстѣ съ моимъ мужемъ я совершила путешествіе въ Англію въ 1784 г. и въ Швейцарію въ 1787 г., и познакомилась съ интересными личностями въ обѣихъ этихъ странахъ; мы сохранили сношенія съ нѣкоторыми; меньше года тому назадъ я получила письмо отъ Lavater'а—того знаменитаго Цюрихскаго пастора, который извѣстенъ своими сочиненіями, своимъ блестящимъ воображеніемъ, своимъ любящимъ сердцемъ и чистотой своихъ нравовъ: честный и ученый Gossé изъ Женевы навѣрно горюетъ о преслѣдованіи, которое мы претерпѣваемъ; я не знаю, что сталось съ способнымъ Dezach, недавно объѣздившимъ Германію, бывшимъ прежде профессоромъ въ Вѣнѣ; съ нимъ я часто встрѣчалась въ Лондонѣ, гдѣ Роланъ спорилъ съ нимъ у Banks, предсѣдателя королевскаго общества, у котораго собирались ученые его страны и иностранцы, гостившіе въ Лондонѣ. Я путешествовала съ удовольствіемъ и пользой, которыя извлекаешь въ обществѣ человѣка, уже знающаго мѣста и хорошо ихъ изучившаго; я наблюдала и излагала письменно то, что производило на меня наибольшее впечатлѣніе. Я посѣтила также нѣкоторыя части Франціи: революція помѣшала нашей поѣздкѣ на югъ Франціи и путешествію въ Италію, котораго я желала и на которое надѣялась. Мы были влюблены въ общественное благо, и оно завладѣло всѣми нашими помыслами; оно подчинило себѣ всѣ наши планы; мы предались страсти служить ему. Читателю уже извѣстно изъ другого отрывка (первое министерство), какимъ образомъ Роланъ попалъ въ члены правительства, такъ сказать, безъ его вѣдома, и его общественное поведеніе не можетъ не доказать безпристрастному потомству его безкорыстіе, его знаніе, его добродѣтель.

Мой отецъ, который отнесся къ намъ не очень хорошо, не заключилъ ни брака, ни слишкомъ обременительныхъ обязательствъ; мы заплатили нѣкоторые сдѣланные имъ долги и убѣдили его оставить дѣла, которыя могли лишь быть неудачными, и обезпечили ему пенсію. Какъ ни были для него пагубны его ошибки, благодаря которымъ онъ только что спустилъ еще и небольшое наслѣдство моей

бабушки, и хотя онъ могъ быть только доволенъ нашимъ поведеніемъ по отношенію къ нему,—его высокомѣріе заставляло его сильно страдать отъ сознанія, что онъ намъ обязанъ; это раздраженное состояніе мѣшало ему, порой, быть справедливымъ даже относительно тѣхъ, кто желалъ угождать ему; онъ умеръ шестидесяти лѣтъ отъ роду, въ суровую зиму 1787—1788 г., отъ катарра, которымъ онъ болѣлъ уже давно. Мой дорогой дядя умеръ въ Венсенѣ въ 1789 г.; вскорѣ вслѣдъ за этимъ мы потеряли любимаго брата моего мужа; онъ совершилъ вмѣстѣ съ нами путешествіе въ Швейцарію, сдѣлался настоятелемъ и приходскимъ священникомъ въ Longpont, былъ назначенъ избирателемъ своего округа; здѣсь онъ проповѣдывалъ свободу и велъ жизнь, проникнутую евангельской добродѣтелью; адвокатъ и врачъ своихъ прихожанъ, болѣе мудрый, чѣмъ слѣдуетъ монаху, онъ былъ преслѣдуемъ честолюбцами своего ордена и очень страдалъ отъ придирокъ, доставившихъ ему огорченія, которыя ускорили его кончину. Такъ всюду, во всѣ времена, добрые умираютъ: есть, вѣроятно, для нихъ другой міръ, въ которомъ они должны возродиться,—иначе не стоило-бы родиться въ этомъ мірѣ!

Слѣпые клеветники, пойдите слѣдомъ за Роланомъ, выискивайте ошибки въ его жизни, наблюдайте мою жизнь, наведите справки въ обществѣ, среди котораго мы жили, въ городахъ, гдѣ мы обитали, въ деревнѣ, гдѣ нельзя притворяться; изслѣдуйте... Чѣмъ ближе вы насъ увидите, тѣмъ вамъ будетъ досаднѣе: вотъ почему вы хотите насъ уничтожить!...

Ролана упрекали за то, что онъ хлопоталъ для себя о дворянствѣ; вотъ какъ было дѣло. Семья Ролана пользовалась правами дворянства въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, въ силу должностей, которыя она занимала, не передававшихъ, однако, дворянство по наслѣдству, и благодаря богатству, дававшему возможность поддерживать всѣ знаки его—гербъ, домовую церковь, ливрею, помѣстье и т. д. Богатство исчезло; его мѣсто занялъ умѣренный достатокъ, и Роланъ ожидалъ умереть въ помѣстьѣ, единственномъ сохранившемся въ его семьѣ и принадлежащемъ его старшему брату; онъ думалъ, что его труды даютъ ему право обезпечить за своими потомками преимущество, которымъ пользовались его предки и купить которое онъ-бы погнушался. Въ виду этого онъ предъявилъ свои документы, чтобы получить грамоты для удостовѣренія своего дворянства или быть возведеннымъ въ это званіе. Это было въ началѣ 1784 г.; я не знаю человѣка, который въ то время и въ положеніи Ролана счелъ-бы противнымъ благоразумію сдѣлать то-же самое. Пріѣхавъ въ Парижъ, я вскорѣ увидѣла, что новые intendans de commerce, завидовавшіе его старшинству въ отрасли администраціи, гдѣ онъ былъ болѣе ихъ свѣдущъ,

не раздѣлявшіе его взглядовъ на свободу торговли, которую онъ энергично защищалъ, при выдачѣ ему письменнаго удостовѣренія объ его большихъ работахъ, въ которомъ они не могли ему отказать, не дадутъ ему того оттѣнка, который обезпечилъ-бы ходатайству успѣхъ. Я рѣшила, поэтому, что отъ этой мысли нужно отказаться и не дѣлала уже никакихъ дальнѣйшихъ попытокъ. Узнавъ о перемѣнахъ, о которыхъ я говорила въ любопытной статьѣ о Lazowski, я просила и добилась перевода Ролана въ Ліонъ, что̀ приближало его къ родинѣ и давало возможность жить въ своей семьѣ, куда, какъ я знала, онъ желалъ впослѣдствіи удалиться... Патріоты дня, которымъ нужна была революція, чтобы сдѣлаться чѣмъ-нибудь, предъявите ваши творенія и осмѣльтесь сравнить!

Тринадцать лѣтъ, проведенныхъ въ различныхъ мѣстахъ, среди безпрерывной работы и очень разнообразныхъ личныхъ отношеній, изъ которыхъ самыя недавнія имѣютъ столь близкую связь съ современной исторіей, дали-бы матеріалъ для четвертаго и самаго интереснаго отдѣла моихъ мемуаровъ. Отрывочныя статьи, которыя читатель найдетъ въ *Portraits et Anecdotes*, заступатъ ихъ мѣсто: я не могу больше водить перомъ среди ужасовъ, раздирающихъ мою родину; я не могу жить на ея развалинахъ, я предпочитаю быть погребенной подъ ними. Природа, разверзни свое лоно! Боже праведный, пріими меня!

Въ тридцать девять лѣтъ.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Если-бы я могла еще остаться въ живыхъ, у меня, кажется, было-бы лишь одно желаніе: написать *лѣтописи вѣка* и быть г-жею Маколей 1) своей родины; я чуть было не сказала Тацитомъ Франціи, —но это было-бы нескромно, и повѣсы (polissons—игра словъ), не претендующіе быть таковыми въ другомъ смыслѣ, сказали-бы, что мнѣ кое-чего для этого недостаетъ. Въ тюрьмѣ я прониклась настоящею страстью къ Тациту; я не могу уснуть, не прочитавъ изъ него нѣсколькихъ отрывковъ: мнѣ кажется, что у насъ съ нимъ одинаковые взгляды, и современемъ, очень можетъ быть, я по поводу столь-же богатаго сюжета стала-бы подражать ему въ изложеніи.

Мнѣ очень жаль, что вмѣстѣ со своими *Notices historiques* я потеряла одно письмо, которое написала Garat 6-го іюня. Я ему вручила свой протестъ противъ моего ареста; онъ написалъ мнѣ въ отвѣтъ любезное письмо въ четыре страницы, въ которомъ высказывалъ мнѣ все свое уваженіе, горе и пр.; въ то-же время онъ входилъ въ полюбовную сдѣлку съ общественнымъ благомъ и старался приписать двадцати двумъ ихъ собственную погибель, обвиняя ихъ въ томъ, будто они дѣйствовали и говорили въ собраніи противно интересамъ республики. Я отвѣтила Garat убѣдительными доводами, но въ выраженіяхъ, о которыхъ сожалѣю; я изобразила ему его поведеніе, какъ результатъ слабости, которой я приписывала всѣ наши страданія,—слабости, раздѣляемой трусливымъ большинствомъ, повинующимся лишь чувству страха; я доказала ему, что онъ и Бареръ способны были-бы лишь погубить всѣ государства въ мірѣ и опозорить самихъ себя своимъ двусмысленнымъ поведеніемъ; я никогда не могла выносить безсмысленныхъ, высокопарнымъ разсужденій стада глупцовъ, направленныхъ противъ того, что они называли страстями правой. Честные люди, твердые въ принципахъ, проникнутые

[1]) Англійская писательница Macauley-Graham (1733—1791), авторъ восьмитомной исторіи Англіи въ XVII и началѣ XVIII вѣка (1763 и слѣд.), отличавшаяся большою любовью къ свободѣ. *Прим. Ред.*

справедливымъ негодованіемъ противъ преступленій, энергично возставали противъ порочности нѣсколькихъ злодѣевъ и жестокихъ мѣръ, внушаемыхъ этою порочностью,—и эти евнухи въ политикѣ упрекали ихъ въ излишней горячности!

Ролана изъ всѣхъ силъ обвиняли за то, что онъ покинулъ министерство вскорѣ послѣ того, какъ сказалъ, что никакія волненія не заставятъ его уйти оттуда. Не поняли того, что ему нужно было показать свою рѣшимость, чтобы поддержать слабыхъ, и что 6 января онъ этимъ способомъ ободрилъ ихъ; но что приговоръ надъ Людовикомъ XVI, произнесенный 18 января или около того, доказалъ, что благоразумные люди были въ меньшинствѣ и что ихъ владычество въ Конвентѣ пало; что онъ, поэтому, не могъ надѣяться ни на какую поддержку и долженъ былъ уйти какъ можно скорѣе, чтобы не принять участія въ ихъ безумствахъ. Конечно! Роланъ ненавидѣлъ тиранію и считалъ Людовика виновнымъ; но онъ хотѣлъ упрочить свободу и рѣшилъ, что она погибла, какъ только горячія головы захватили власть въ свои руки. Онъ оказался слишкомъ правымъ, также какъ и тѣ, которыхъ сегодня везутъ на казнь! Впрочемъ, мнѣ кажется, что я уже изложила это въ статьѣ, озаглавленной *Второе министерство*. Выходъ Ролана изъ министерства послужилъ знакомъ пораженія; онъ это предвидѣлъ.

Моя бѣдная Агата! Она вышла изъ монастыря, не переставъ быть плачущею голубкою; она плачетъ по своей дочери, какъ она меня называетъ. Ахъ! Я могла-бы описать многихъ людей, повѣствованіе о которыхъ связано съ исторіей моей жизни; эта добрая кузина Desportes, умершая пятидесяти лѣтъ, послѣ многихъ горестей; эта маленькая кузина Trude, удалившаяся въ деревню и нынѣ разводящаяся со своимъ мужемъ; моя старая няня, прозванная Mignonne, которая умерла у моего отца и испустила духъ у меня на рукахъ, со словами: „Сударыня, я всегда просила Провидѣніе лишь объ одномъ,— умереть около васъ; я довольна". И эта несчастная дружба моего несчастнаго отца съ однимъ негодяемъ—Leveilly, къ дочери котораго я выказала участіе; я сдѣлала ее предметомъ благодѣяній, ея молодость, живость, нѣкоторая привлекательность возбуждали жалость,—и она такъ низко пала; потерявъ всякій стыдъ, она заставила меня, недавно, прогнать ее отъ себя, между тѣмъ, какъ я принимала ея братьевъ и оказывала имъ услуги.

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ,

издаваемый подъ редакціей

Н. И. КАРѢЕВА.

(1895 г.).

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1895.

ИСТОРИЧЕСКОЕ

ОБОЗРѢНІЕ

СБОРНИКЪ

Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ,

издаваемый подъ редакціей

Н. И. КАРѢЕВА.

(1895 г.).

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

1895.

ТИПОГРАФІЯ
М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 5 Л. 28
2322

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Отдѣлъ I.

Отдѣлъ II.

ОТДѢЛЪ I.

Историческая наука и ея значеніе для психологіи.

А. Оденвальда.

I.

Прогрессъ исторической науки за послѣднія десятилѣтія выразился, между прочимъ, въ выясненіи принципіально-важнаго значенія психологіи для исторіи, въ качествѣ одного изъ краеугольныхъ камней въ фундаментѣ послѣдней. Цѣлымъ рядомъ авторитетныхъ изслѣдованій поставленъ въ настоящее время выше всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что настоящимъ историкомъ можетъ быть лишь ученый, знакомый съ психологіей, умѣющій оріентироваться въ вопросахъ, между прочимъ, и чисто-психологическихъ [1]). Очень многіе пробѣлы

[1]) Въ современной русской наукѣ усерднымъ поборникомъ введенія въ исторію психологическаго элемента является, какъ извѣстно, проф. Н. Карѣевъ. Къ сожалѣнію, онъ въ III книгѣ своихъ „Осн. вопр. фил. ист.“ (2-е изд. 1887) слишкомъ кратко (стр. 1—4) останавливается на значенія индивидуальной психологія для исторія. За то роль „коллективной психологіи“ въ исторіи изслѣдована проф. Карѣевымъ весьма подробно, какъ l. c. (стр. 5—50), такъ и въ соч.: „Сущность историч. процесса и роль личности въ исторіи“ и во многихъ его журнальныхъ статьяхъ. Рѣзкое характерное различіе „коллективной психологіи“, съ одной стороны, отъ индивидуальной, а съ другой—отъ соціологіи во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ проф. Карѣева такъ наглядно и убѣдительно доказано, что для всякаго, знакомаго съ принципами классификаціи наукъ, ясно, что „коллективная психологія“ имѣетъ полное право на особое мѣсто въ системѣ наукъ, а именно—между индивидуальною психологіею и соціологіею. Возраженіе Н. Грота (Вопр. фил. и псих., кн. 4, Прилож., стр. 41), что „обособленіе все новыхъ и новыхъ наукъ не только не облегчитъ, но скорѣе затруднитъ дѣло“ (рѣшеніе исторіософическихъ вопросовъ), не можетъ считаться „stichhaltig“, ибо вѣдь тотъ же аргументъ и Ог. Контъ въ свое время могъ выставить противъ выдѣленія психологія (составляющей въ его классификаціи, какъ извѣстно, лишь часть физіологіи) въ особую науку. При этомъ надо еще отличать „коллективную психологію“, какъ абстрактную науку, отъ такъ наз.

и дефекты первостепенной важности въ историческихъ сочиненіяхъ старой школы происходятъ именно отъ частаго, если не постояннаго игнорированія ихъ авторами психической стороны историческаго процесса.

Почти совершенно за то игнорируется и до настоящаго времени и притомъ не только по непримѣненію къ изученію отдѣльныхъ явленій (подобно вопросу о роли психологіи въ исторіи), но даже и по отсутствію принципіальной постановки (въ противность послѣднему)—обратный, также очень важный вопросъ. Это есть вопросъ о необходимости, или, по крайней мѣрѣ, полезности *исторіи для психологіи*. Онъ, какъ извѣстно, былъ затронутъ, между прочимъ, Боклемъ въ его „Исторіи цивил. въ Англіи".

Однако непосредственнымъ поводомъ для настоящей нашей статьи послужила рецензія, помѣщенная г. Влад. Соловьевымъ въ 10-й (за ноябрь 1891 г.) книгѣ „Вопросовъ философіи и психологіи", подъ заглавіемъ: „Руководящія мысли Историческаго Обозрѣнія". Разбирая въ этой своей замѣткѣ „двѣ помѣщенныя въ I томѣ („Историч. Обозрѣнія") руководящія статьи" проф. Н. И. Карѣева и соглашаясь съ нимъ во многомъ, г. Соловьевъ однако также и не соглашается съ нимъ въ нѣкоторыхъ кардинальныхъ вопросахъ. Между прочимъ г. Соловьевъ особенно полемизируетъ съ проф. Карѣевымъ по вопросу о способности исторіи содѣйствовать объясненію такихъ, напр., вещей какъ свободная или несвободная воля. А именно, проф. Карѣевъ въ статьѣ „Разработка теоретическихъ вопросовъ исторической науки" (въ I томѣ „Ист. Обозр.") развиваетъ, между прочимъ, мысль о томъ, что такого рода вопросы философіи (напр., вопросъ о причинности) и психологіи, (напр., вопросъ о волѣ) съ большимъ успѣхомъ могутъ быть разрѣшаемы историческою наукою. Г. Вл. Соловьевъ рѣшительно протестуетъ противъ этого мнѣнія, безусловно отрицая возможность извлеченія какой-либо пользы психологами и философами изъ исторіи. Такимъ образомъ, вопросъ объ исторіи, какъ объ основаніи психологической науки, ставится ребромъ. А въ наукѣ, какъ извѣстно, возбужденіе извѣстнаго вопроса часто, по крайней мѣрѣ, столько же важно, сколько и его разрѣшеніе. А потому, если бы даже мы и раздѣляли съ г. Соловьевымъ мнѣніе о несостоятельности аргументаціи проф. Карѣева въ защиту полезности исторіи для рѣшенія психологическихъ вопросовъ (а читатель увидитъ ниже, почему мы не раздѣляемъ этого мнѣнія), то даже и тогда слѣдовало бы признать за проф. Карѣевымъ большую заслугу въ одной уже постановкѣ

Völkerpsychologie (Штейнталя и Лацаруса)—наука, преимущественно конкретной и описательной.

этого вопроса объ исторической наукѣ, какъ источникѣ объясненія психическихъ явленій. И ту же большую заслугу, и по той же причинѣ, положилъ здѣсь и г. Соловьевъ.

Свое несогласіе съ проф. Карѣевымъ (по вопросу о способности исторической науки рѣшать извѣстныя философскія и психологическія задачи) г. Соловьевъ выражаетъ слѣдующимъ образомъ: „Основной теоретическій вопросъ исторіи есть вопросъ объ исторической причинности. Едва ли можно согласиться съ Н. И. Карѣевымъ, видящимъ здѣсь одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые подлежатъ спеціально рѣшенію ученыхъ историковъ...“ (стр. 76). (1). Также и въ изслѣдованіи принципіальнаго вопроса соціологіи философы, по мнѣнію г. Соловьева, гораздо компетентнѣе историковъ: „Отношеніе между „особнякомъ“ и совокупностью, между индивидуальнымъ и общимъ, между частными элементами и цѣлымъ, или, говоря конкретно, между отдѣльными людьми и всѣмъ народомъ или всѣмъ человѣчествомъ, это отношеніе, отъ котораго зависитъ специфическій характеръ причинности исторической въ отличіе, ближайшимъ образомъ, отъ простой психологической,—оно то и составляетъ умозрительный вопросъ, совершенно неразрѣшимый для историка, какъ таковаго“ (стр. 77). (2). А нѣсколько ниже, процитировавши обвиненіе проф. Карѣевымъ современной науки въ искаженіи „роли личности въ исторіи“ (съ одной стороны—чрезъ превращеніе „личности въ собирательное обозначеніе мелкихъ психологическихъ процессовъ“, а съ другой—чрезъ разсматриваніе личности, какъ простого фаталистическаго продукта своего мѣста и времени), г. Соловьевъ замѣчаетъ на это отъ себя: „Но вѣдь... эти... заблужденія, справедливо осуждаемыя Н. И. Карѣевымъ, имѣютъ чисто философскій характеръ, и я рѣшительно отказываюсь представить себѣ, какимъ образомъ ученый историкъ на почвѣ своей науки и ея средствами можетъ опровергнуть иллюзіонизмъ англійской психологіи, или пантеистическую идею безличнаго мірового духа, или исключительно механическое міровоззрѣніе матеріалистовъ? Если же онъ, чтобы отстоять значеніе личности, станетъ опровергать упомянутыя заблужденія путемъ философской критики, то ему придется нести совъ въ Аѳины, ибо такими опроверженіями весьма обильна не только западно-европейская, но даже и русская философская литература“. (Стр. 78). (3). Непосредственно затѣмъ г. Соловьевъ касается спеціальнаго вопроса о свободной волѣ и невозможности его разрѣшенія историками-теоретиками, какъ таковыми: „съ вопросомъ о значеніи личности неразрывно связанъ другой, также чисто философскій вопросъ—о свободѣ воли. Собственно это одинъ и тотъ же вопросъ въ двухъ разныхъ выраженіяхъ. Н. И. Карѣевъ думаетъ, что въ разсужденіи свободы воли философы могутъ получить отъ историковъ суще-

ственную помощь, ибо первые разсматриваютъ лишь единичнаго волящаго субъекта въ изолированномъ состояніи, тогда какъ историкъ знаетъ этого субъекта такимъ, какимъ онъ является на самомъ дѣлѣ, именно въ неразрывномъ взаимоотношеніи съ другими волящими и дѣйствующими на него субъектами. Послѣднее указаніе совершенно безспорно, но изъ него никакъ нельзя выводить того, что выводитъ нашъ авторъ. Между философомъ, изслѣдующимъ общее основное свойство индивидуальной воли какъ таковой, одинаковой во всѣхъ субъектахъ, и историкомъ, изучающимъ конкретныя проявленія множества взаимодѣйствующихъ индивидуальныхъ волей, такое же отношеніе, какъ между химикомъ, разлагающимъ воду на ея составные элементы и опредѣляющимъ свойство этихъ элементовъ, одинаковыхъ во всякой водѣ,—и гидрографомъ, который изучаетъ конкретное распредѣленіе различныхъ водныхъ массъ на земной поверхности. Конечно, всякій ученый гидрографъ отлично знаетъ химическій составъ воды; но онъ пріобрѣлъ это знаніе изъ химіи и никакъ не могъ бы его достигнуть спеціальными средствами своей науки; химикъ же для своихъ анализовъ вовсе не нуждается ни въ какихъ свѣдѣніяхъ изъ гидрографіи. Подобнымъ образомъ, если историкъ имѣетъ опредѣленный взглядъ на свободу воли, или на „единство и цѣльность человѣческаго я", то онъ получаетъ этотъ взглядъ изъ философіи, а никакъ не извлекаетъ его изъ историческихъ данныхъ: въ этомъ, вѣроятно, убѣдился бы и Н. И. Карѣевъ, если бы попробовалъ представить примѣрный способъ такого извлеченія. Но онъ ограничивается простымъ указаніемъ того, что люди находятся во взаимодѣйствіи. Неужели однако философы не могутъ узнать этой истины помимо историковъ? Я полагаю, что, когда химику, для его опытовъ, нужна вода, то онъ беретъ ее изъ своей кухни, а отнюдь не изъ гидрографическаго атласа; точно такъ же философу для пониманія коренныхъ свойствъ человѣческой воли совершенно достаточно наблюдать себя самого и своихъ домашнихъ, оставляя въ покоѣ Тита Ливія и Моммсена; ибо ясно, что природа личной воли, какъ таковой, совершенно одинакова у всѣхъ людей—будь они историческіе дѣятели, или простые смертные,—точно такъ же, какъ *всякая* вода одинаково состоитъ изъ кислорода и водорода въ одномъ и томъ же опредѣленномъ отношеніи" (Стр. 78 и 79). (4).

Такова сущность разсужденій г. Соловьева на тему о безполезности исторіи, какъ пособницы при разрѣшеніи извѣстныхъ философско-психологическихъ задачъ. Обращаясь теперь къ критикѣ его взглядовъ, мы однако предупреждаемъ читателя, что здѣсь мы, за недостаткомъ мѣста, подробно разсмотримъ собственно лишь послѣднее разсужденіе г. Соловьева (4), какъ трактующее о наиболѣе общеин-

тересномъ вопросѣ о свободной или несвободной волѣ и роли исторической науки въ его разрѣшенiи. При этомъ мы вездѣ подъ словомъ „исторія“ будемъ понимать эту науку въ смыслѣ конкретномъ. Отсюда слѣдуетъ: во-1-хъ, что мы здѣсь затрогиваемъ нѣсколько другую сторону этого вопроса, нежели проф. Карѣевъ, который развиваетъ мысль о способности исторіи, преимущественно какъ отвлеченной науки, къ разрѣшенію извѣстныхъ философско-психологическихъ задачъ. А, во 2-хъ, въ связи съ этимъ, и методъ, которымъ (какъ мы ниже намѣрены демонстрировать) конкретная прагматическая (а отчасти даже и „культурная“ [1]) исторія можетъ содѣйствовать разъясненію разныхъ вопросовъ психологіи (одинаково какъ „индивидуальной“, такъ равно и „коллективной“), очевидно, можетъ быть лишь—индуктивнымъ.

II.

При внимательномъ разборѣ приведенной нами только-что аргументаціи г. Влад. Соловьева поражаетъ прежде всего то, что такой опытный ученый игнорируетъ ту важную истину, что comparaison n'est pas raison. Дѣйствительно, все почти возраженіе г. Соловьева противъ мнѣнія проф. Карѣева, „что въ разсужденіи свободы воли философы могутъ получить отъ историковъ существенную помощь и т. д.“ (см. выше) основано на *аналогіи*, притомъ въ данномъ случаѣ въ принципѣ ошибочной, какъ мы сейчасъ увидимъ. Дѣйствительно, *во-первыхъ*, нельзя проводить параллели — съ одной стороны, между каплею воды и большими массами ея, а съ другой — между отдѣльною личностью и обществомъ, а это потому, что въ первомъ случаѣ различіе лишь количественное, а во второмъ — еще и качественное [2]). *Во-вторыхъ*, аналогія между гидрографіей и исторіей—

---

[1]) О различіи этихъ двухъ послѣднихъ терминовъ см. у проф. Н. Карѣева, въ Прилож. II къ части II его „Осн. вопр. фил. ист.“, 2-е изд.

[2]) Хотя эта послѣдняя истина извѣстна всякому соціологу, тѣмъ не менѣе, для избѣжанія упрека въ голословности, мы здѣсь сошлемся на авторитетъ такого ученаго, какъ Вильг. Вундтъ. Въ своей статьѣ „Ueber das Verhältniss des Einzelnen zur Gemeinschaft“ („Deutsche Rundschau“, 1891 г., августъ) Вундтъ, между прочимъ (стр. 200), излагаетъ роль языка въ общественной и культурной жизни людей и указываетъ затѣмъ на то, что *языкъ* служитъ выразителемъ не только *личнаго*, но и *общественнаго духа*: „...Такимъ образомъ языкъ является созданіемъ (общественныхъ) единицъ, а все-таки онъ есть нѣчто *безконечно большее, чѣмъ это*. Онъ — подлинное созданіе *общественнаго духа*, и подобно тому, какъ онъ (языкъ) относится къ инстинктивнымъ выраженіямъ индивидуальныхъ чувствъ, прорывающихся наружу въ формѣ естественныхъ

тоже очень „хромающая“: гидрографія есть наука чисто описательная, между тѣмъ какъ *исторія* въ настоящее время мѣтитъ гораздо дальше. Прагматическій анализъ въ солидныхъ историческихъ сочиненіяхъ служитъ нагляднымъ доказательствомъ возможности, чтобы исторія содѣйствовала разрѣшенію вопроса о (психологической) причинности (въ принципѣ), а именно съ помощью метода индуктивнаго. Дѣйствительно, въ этомъ прагматическомъ раскрытіи причинной связи историческихъ событій (при которомъ историкъ неизбѣжно долженъ анализировать, какъ со стороны статической, такъ и съ динамической, а не только описывать различныя качества ума, чувства и характера изображаемыхъ имъ лицъ), элементы психическій и конкретно-историческій такъ тѣсно другъ къ другу прикасаются и между собою переплетаются, что трудно сказать, гдѣ кончается историческое повѣствованіе и гдѣ начинается психологическій анализъ,—наглядное доказательство тѣсной связи между исторіей и психологіей.

Г. Соловьевъ, какъ мы видѣли, утверждаетъ, что „если историкъ имѣетъ опредѣленный взглядъ на свободу воли, или на „единство и цѣльность человѣческаго *я*“, то онъ получаетъ этотъ взглядъ изъ философіи, а никакъ не извлекаетъ его изъ историческихъ данныхъ: въ этомъ, вѣроятно, убѣдился бы и Н. И. Карѣевъ, если бы попробовалъ представить примѣрный способъ такого извлеченія“. Но вѣдь уже давнымъ-давно Бокль, разсматривая (въ 1 части I тома своей „Ист. цив. въ Англіи“) вопросъ о свободѣ воли, объяснилъ намъ, что онъ пришелъ къ отрицательному его рѣшенію не столько съ помощью философіи, сколько—*во-1-хъ*—статистики, наглядно показывающей, если держаться „закона большихъ чиселъ“, строгую правильность, повидимому, произвольныхъ человѣческихъ дѣйствій;—а *во-2-хъ*—еще и съ помощью именно исторіи, при изученіи которой,

---

восклицаній и другихъ невольныхъ выразительныхъ движеній, точно такимъ же образомъ относится тотъ общественный духъ къ представляемымъ нами себѣ индивидуальнымъ духамъ. Подобно тому, какъ языкъ не имѣетъ существованія за предѣлами тѣхъ, которые на немъ говорятъ, такъ и общественный духъ не есть духовное существо, которое живетъ и развивается внѣ единицъ, но онъ есть духовное единство самихъ единицъ. Но именно потому онъ есть *нѣчто безконечно бо̀льшее, чѣмъ сумма индивидуумовъ*.... Изъ простого собранія отдѣльныхъ выразительныхъ звуковъ никогда не можетъ создаться языкъ.... Потому и *общественная жизнь никогда не представляетъ изъ себя простой суммы индивидуальныхъ вліяній*. Даже и съ умноженіемъ я не хотѣлъ бы ея сравнивать, потому что послѣднее вѣдь всегда производитъ величины того-же саморода, какъ первоначальныя. *Духовные-же продукты общества* суть продукты *новаго рода*, способность къ созданію которыхъ хотя и лежитъ въ индивидуумахъ, но которые однако *какъ качественно, такъ и количественно представляютъ изъ себя новыя величины*.

говоритъ Бокль, событія кажутся намъ неправильными и зависящими отъ произвола (т.-е. „свободной воли") отдѣльныхъ личностей, лишь если мы разсматриваемъ краткіе періоды въ жизни извѣстныхъ націй; при разсматриваніи же большихъ эпохъ исторія ихъ представляетъ характеръ замѣчательно правильный (т.-е. строго детерминистическій). Такимъ образомъ историкъ вполнѣ способенъ „извлекать изъ историческихъ данныхъ" аргументы для рѣшенія вопроса о свободѣ воли.

Но г. Соловьевъ думаетъ иначе. Онъ, какъ мы видѣли, полагаетъ, что „философу для пониманія коренныхъ свойствъ человѣческой воли совершенно достаточно наблюдать себя самого и своихъ домашнихъ, оставляя въ покоѣ Тита Ливія и Моммсена; ибо ясно, что природа личной воли, какъ таковой, совершенно одинакова у всѣхъ людей — будь они историческіе дѣятели, или простые смертные". То-есть онъ прямо провозглашаетъ *метафизическій* (по выраженію Бокля) методъ изученія законовъ человѣческой воли (составляющей часть человѣческаго духа вообще) за единственный научный. Однако именно объ этомъ послѣднемъ методѣ Бокль говоритъ слѣдующее: „*Метафизическій методъ (изученія законовъ человѣческаго духа)*.... состоитъ въ томъ, что каждый изучаетъ дѣятельность собственнаго духа.... Методъ этотъ составляетъ прямую противоположность *историческому*: метафизическій методъ состоитъ въ изученіи одного духа; историческій — многихъ..... Все, что мы знаемъ въ настоящее время, узнано посредствомъ изученія явленій, отъ которыхъ устраняются всѣ случайныя колебанія, и такимъ образомъ въ результатѣ получается законъ.... А это можно сдѣлать только *посредствомъ наблюденій, достаточно многочисленныхъ для устраненія всѣхъ уклоненій или* посредствомъ *опытовъ, чрезвычайно точныхъ*, объединяющихъ явленіе"... [1]). И далѣе: „...Я убѣжденъ, что простымъ наблюденіемъ надъ собственною душою и тѣми *грубыми опытами*, которые мы можемъ производить надъ нею, невозможно возвысить психологіи на степень науки...." (стр. 125). А въ главѣ IV у Бокля цѣлый отдѣлъ такъ прямо и озаглавленъ: „*Историческій методъ изученія законовъ духа выше метафизическаго*". Аргументируетъ же онъ здѣсь такъ: „Въ предъидущей главѣ, кажется, ясно доказано, что при настоящемъ состояніи нашихъ знаній мы должны во всякомъ случаѣ считать метафизическій методъ не соотвѣтствующимъ тому дѣлу, которое на него нерѣдко возлагаютъ, т.-е. открытію законовъ, управляющихъ движеніемъ человѣческаго духа. Вотъ почему мы принуж-

---

[1]) Ист. цив. въ Англ. Т. I. Перев. К. Бестужева-Рюмина и Тибл. 3-е изд. 1873 г., стр. 118 и 119.

дены обратиться *къ единственному остающемуся методу*, по которому можно изучать *явленія духа*, не только такъ, какъ они совершаются въ духѣ отдѣльнаго наблюдателя, но и такъ, какъ они высказываются въ дѣйствіяхъ человѣчества вообще...“ (стр. 126) [1]). Дѣйствительно, рекомендуемый г. Соловьевымъ „метафизическій“ методъ изученія природы человѣческой воли очень труденъ и сбивчивъ. Потому неудивительно, что методъ этотъ до сихъ поръ все еще не далъ авторитетныхъ общепризнанныхъ рѣшеній вопроса объ однѣхъ уже основныхъ психическихъ силахъ. Вспомнимъ про современные еще споры нѣмецкихъ психологовъ-метафизиковъ о томъ, что Vernunft и Verstand — двѣ различныя-ли психическія силы или лишь разныя проявленія одной и той-же силы? А еще хуже съ проблеммою о „волѣ“: не только что на нашихъ глазахъ ведется нескончаемая война между детерминистами и индетерминистами, но даже по вопросу о самой волѣ въ принципѣ (независимо отъ ея свободы или несвободы) все еще неустановлена окончательная точка зрѣнія. Въ то время, какъ одни ученые все еще держатся традиціонной доктрины, что воля составляетъ одинъ изъ трехъ („разумъ, чувство и воля“) основныхъ, неразлагаемыхъ дальше элементовъ человѣческой души, другіе, какъ, напр., Гербертъ Спенсеръ, совершенно отрицаютъ существованіе воли, какъ особой, самостоятельной психической силы. Какъ извѣстно, у Спенсера воля есть лишь „ни что больше, какъ общее названіе, даваемое тому спеціальному чувству, которое является (въ данный моментъ) какъ разъ преобладающимъ (надъ прочими чувствами) и опредѣляетъ дѣйствіе“. (Осн. Псих., 3-е изд., I томъ, § 220).

Вундтъ (l. c. 197) указываетъ на слѣдующее кардинальное обстоятельство: „Психологія имѣетъ вездѣ въ своемъ распоряженіи лишь качества единичнаго сознанія въ роли послѣднихъ объяснительныхъ причинъ, и въ то же время вѣдь опытъ (die Erfahrung) вездѣ указываетъ ей *на предѣлы индивидуальной творческой способности*“. Вотъ эта указываемая Вундтомъ ограниченность творческихъ силъ отдѣльныхъ личностей и связанная съ нею *количественная* ограниченность тѣхъ наблюденій, которыя психологъ можетъ сдѣлать надъ отдѣльными субъектами (съ которыми онъ, напр., живетъ вмѣстѣ), и составляютъ первое кардинальное препятствіе къ успѣшности изученія психическихъ явленій чрезъ „наблюденіе себя самого и своихъ домашнихъ“, и eo ipso доказываютъ полезность (если не необходимость) исторіи для психологіи, такъ какъ что же такое исторія, какъ не прежде всего „сокровищница“ почти неизмѣримаго числа конкретныхъ фактовъ изъ жизни всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ?

---

[1]) Курсивъ вездѣ нашъ.

Если даже не разсматривать всѣхъ элементовъ человѣческой души, а ограничиться затронутымъ г. Соловьевымъ вопросомъ о волѣ, то и тогда легко увидѣть, къ какимъ одностороннимъ и произвольнымъ заключеніямъ рискуетъ прійти психологъ, который не поступитъ по указанію Бокля и проф. Карѣева и не пойдетъ въ исторію для собиранія данныхъ о человѣческой волѣ, а ограничится наблюденіемъ надъ собою и горстью случайно его постоянно окружающихъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, степень воли весьма различна, *во-первыхъ*, у различныхъ отдѣльныхъ лицъ. Здѣсь она, начиная съ самой сильной, съ одной стороны, по своей *интенсивности* воли (какъ, напр., у Муція Сцеволы, Гуса) и съ другой—по экстенсивности („энергія"—напр., у любого путешественника въ полярныя страны) проходитъ у отдѣльныхъ лицъ чрезъ всѣ градаціи, вплоть до людей съ характеромъ трусливымъ (полное отсутствіе интенсивной воли) или слабымъ (отсутствіе воли экстенсивной), которые „останавливаются, когда поперекъ ихъ дороги лежитъ соломинка". Кромѣ того есть люди (такъ называемыя „Гамлетовскія натуры"), у которыхъ воля не столько слаба въ собственномъ смыслѣ этого слова, сколько не можетъ установиться (вслѣдствіе постоянныхъ contra и pro), а потому эти лица и неспособны къ сколько-нибудь связнымъ дѣйствіямъ. Послѣ этого очевидно, что весьма мало вѣроятности представляется для философа среди „своихъ домашнихъ" встрѣтить *всѣ* типы и градаціи воли и энергіи. И даже еще хуже. Всякія явленія, какъ извѣстно, лучше всего изучать по ихъ крайнимъ типамъ. А между тѣмъ меньше всего имѣется на лицо вѣроятности встрѣтить (особенно — на заказъ) указанные нами выше крайніе типы воли среди даже широкаго круга своихъ знакомыхъ, ибо люди съ крайними характерами (въ хорошемъ и дурномъ смыслѣ) встрѣчаются, какъ извѣстно, рѣдко, а 99% состоитъ изъ такъ называемыхъ „среднихъ людей".

Но этого мало. Какъ извѣстно, не только отдѣльныя лица, но, *во-вторыхъ*, и цѣлыя племена и націи отличаются другъ отъ друга рѣзко, между прочимъ, различными степенями воли. Начиная отъ расъ, крайне энергичныхъ и предпріимчивыхъ (въ родѣ янки, англичанъ, древнихъ норманновъ) и спускаясь внизъ по всѣмъ степенямъ воли и энергіи, мы дойдемъ, наконецъ, до племенъ слабо-характерныхъ и не-предпріимчивыхъ (каковы, напр., негры и большинство современныхъ дикарей). И здѣсь психологъ также рискуетъ впасть въ недоразумѣніе. Родившись и живя постоянно въ одной и той-же націи онъ, очевидно, фаталистически будетъ отождествлять характеръ и степень воли своего племени, въ ея конкретныхъ случайныхъ проявленіяхъ, съ человѣческою волею вообще, т.-е. приметъ часть за цѣлое, а потому и теорія его о волѣ будетъ не-научною.

Возможно, что г. Соловьевъ на наши послѣднія разсужденія *о количественной* недостаточности для психолога однихъ „наблюденій надъ собою и своими домашними“ возразитъ, что вѣдь различныхъ градацій воли философъ и не имѣетъ вовсе въ виду изучать, а интересъ для него представляетъ лишь вопросъ о „природѣ личной воли, какъ таковой, которая совершенно одинакова у всѣхъ людей“. Однако, какъ мы выше видѣли, пришелъ же Спенсеръ къ заключенію, что съ понятіемъ объ основной природѣ воли сопряжено просто *сравнительное* (часто лишь моментальное) превосходство одного чувства надъ прочими, т.-е. природа воли математически выражается знакомъ неравенства [1]) и потому отвлеченное понятіе воли есть, въ сущности, только голая схема, получающая реальное значеніе лишь по вложеніи въ нее извѣстнаго содержанія, что̀ въ полномъ размѣрѣ возможно лишь при имѣніи въ своемъ распоряженіи всѣхъ видовъ и градацій конкретныхъ фактовъ, т.-е. достаточно разнообразныхъ, чтобы спасти психолога отъ одностороннихъ выводовъ при эксплоатаціи этихъ фактовъ по методу научной индукціи. Безъ соблюденія этого послѣдняго условія всякія отвлеченныя разсужденія „о коренной природѣ воли“ рискуютъ превратиться въ чистую схоластику, въ безплодныя разсужденія „о жизни духа и духѣ жизни“. И дѣйствительно, въ бо̀льшей части всѣхъ сочиненій о волѣ, написанныхъ по отвлеченно-метафизическому методу, мы „въ концѣ знаемъ объ интересующемъ насъ вопросѣ ровно столько же, сколько знали о немъ въ началѣ“ [2]).

Изъ современной (педагогической) психологіи намъ извѣстно, что степень вниманія (и eo ipso — продуктивности даннаго изслѣдованія) „прямо пропорціональна“ степени интереса, возбуждаемаго объектомъ изслѣдованія; степень-же интереса, какъ извѣстно, въ свою очередь, пропорціональна разнообразію и новизнѣ объектовъ. (Сравн. у Спенсера, Осн. Псих., I т., § 128, начало). А *гдѣ* бо̀льше разнообразія фактовъ: во всемірной исторіи или среди круга „нашихъ домашнихъ“?

Впрочемъ мы изъ нижеслѣдующаго примѣра наглядно убѣдимся, что рекомендуемаго г. Соловьевымъ для изслѣдованія природы воли метода (ограничиться „наблюденіемъ себя самого и своихъ домашнихъ, оставляя въ покоѣ Тита Ливія и Моммсена“) — даже нельзя

---

[1]) $г_1 > г_2 + г_3 \ldots$ (Здѣсь г=чувство).

[2]) Современная философская критика также вовсе не ожидаетъ продуктивныхъ результатовъ отъ метафизическаго трактованія проблеммы свободы воли: „Несомнѣнно, что *столь сложный вопросъ*, какъ свобода воли, не можетъ быть правильно и полно рѣшенъ однимъ діалектическимъ методомъ на почвѣ чисто логическихъ построеній“. („Вопр. фил. и псих.“ Кн. 13 „Обзоръ книгъ“. Рецензія А. Вао, стр. 67).

осуществить на практикѣ. Представимъ себѣ современнаго ученаго, находящимся случайно въ Парижѣ, гдѣ онъ, въ качествѣ истиннаго философа, какъ вездѣ и всегда, такъ и въ этомъ городѣ, не перестаетъ дѣлать психологическихъ наблюденій надъ своими, по крайней мѣрѣ, близкими знакомыми для изслѣдованія вопроса о „коренной природѣ воли". Положимъ далѣе, что въ числѣ этихъ его знакомыхъ находятся нѣкоторые изъ тѣхъ *парижскихъ* присяжныхъ, которые судили недавно Равашоля. Присяжные эти, какъ извѣстно, приговорили тогда этого анархиста не къ смертной казни, а лишь къ пожизненному тюремному заключенію, и чрезъ это навлекли на себя упрекъ въ трусости и слабости характера, которыя на научномъ языкѣ могутъ быть названы „слабостью воли" [1]). Заинтересовавшись этою (по выраженію нѣкоторыхъ газетъ) „неслыханною и чудовищною" слабостью воли своихъ знакомыхъ, какъ интереснымъ психическимъ явленіемъ, имѣющимъ связь съ общимъ вопросомъ о волѣ и ея основной природѣ (напр., о ея присутствіи и отсутствіи), ученый, конечно, постарается отыскать генезисъ этой трусости. Указанія газетъ на то, что парижскіе присяжные боялись мести анархистовъ (въ случаѣ смертнаго приговора надъ Равашолемъ), конечно, лишь отодвигаетъ вопросъ, а не рѣшаетъ его; и даже сами газеты это тогда сознавали, ибо указывали на другіе примѣры (изъ *исторіи* нашего столѣтія, между прочимъ), гдѣ граждане и государственныя лица при гораздо бо̀льшихъ опасностяхъ проявляли гораздо бо̀льшую смѣлость. Потому, для сведенія этого явленія (слабой воли) къ основнымъ его причинамъ, нашему философу останется лишь одно изъ двухъ: или удариться въ мистицизмъ и ссылаться на разныя таинственныя душевныя силы, живущія въ душѣ человѣческой и неожиданно себя проявляющія, или же прежде всего обратиться къ анализу общаго (т.-е. классового) характера этихъ присяжныхъ (ибо „слабая воля" въ данномъ случаѣ — ихъ общая типическая черта). Если они, напр., (въ чемъ представляется наибольшая вѣроятность) окажутся всѣ изъ рядовъ такъ называемой „буржуазіи", то намъ придется узнать, насколько вообще это третье сословіе во Франціи отличается трусостью, насколько эта теперешняя его трусость объясняется изъ условій историческаго развитія и генезиса этого сословія во Франціи.

Тутъ намъ могутъ возразить, что вѣдь буржуазія—теперь именно *правящій* классъ во Франціи; тогда намъ для разъясненія вопроса придется обратиться къ французской исторіи. Она намъ сообщитъ,

---

[1]) „Слабая воля" можетъ проходить, какъ извѣстно, чрезъ разныя градаціи, пока, наконецъ, не обратится въ полное „отсутствіе воли",— явленіе также иногда наблюдаемое въ дѣйствительной жизни.

что буржуазія во Франціи является высшимъ классомъ общества и пользуется полною политическою свободою и самоуправленіемъ — только съ конца прошлаго вѣка, т.-е. едва сто лѣтъ (и притомъ съ перерывами, такъ сказать, сто лѣтъ brutto, а не netto), — періодъ весьма краткій въ жизни цѣлаго класса общества и потому недостаточный для полнаго измѣненія его натуры. Затѣмъ вопросъ о развитіи французской буржуазіи, для полнаго выясненія ея теперешняго характера, потребуетъ еще дальнѣйшаго изученія генезиса послѣдняго, съ цѣлью опредѣленія, какъ долго вообще существуетъ это сословіе во Франціи, было ли оно за все время отъ своего появленія на сценѣ исторіи вплоть до конца XVIII вѣка подъ политическимъ гнетомъ и притомъ — какимъ сильнымъ и т. п. А для этого намъ придется вывести на сцену, напр., Людовика XI, Генриха IV, Людовиковъ XIII (съ Ришелье) и XIV и т. п., въ связи съ ихъ эпохами [1]).

Такимъ образомъ, взявшись, съ чисто психологически-философскою цѣлью, за изслѣдованіе такого явленія, какъ трусость своихъ случайныхъ знакомыхъ въ ихъ роли присяжныхъ судей, нашъ философъ долженъ будетъ отыскивать на *исторической* почвѣ генезисъ этого явленія, оказавшагося, при внимательномъ разсмотрѣніи, имѣющимъ характеръ не личный, а коллективный (именно—классовой), и eo ipso мы вмѣстѣ съ нашимъ философомъ далеко перешагнули не только чрезъ ряды нашихъ „домашнихъ", но даже и самыхъ отдаленныхъ знакомыхъ и незамѣтно очутились во второй половинѣ XV столѣтія.

Такой методъ опредѣленія внутренней природы и сущности различныхъ качествъ души (напр. „слабой воли" resp. и самой „воли" въ принципѣ) называется, какъ извѣстно, эволюціоннымъ. Воззрѣніе, лежащее въ основаніи эволюціоннаго метода, состоитъ въ томъ, что

---

[1]) Если присяжные судьи въ Монбризонѣ, судившіе Равашоля послѣ своихъ парижскихъ коллегъ, и обнаружили больше смѣлости и приговорили его къ смертной казни (затѣмъ приведенной въ исполненіе), то это объясняется тѣмъ, что вышеупомянутыя отрицательныя качества французской буржуазіи, по своей природѣ первичныя и сравнительно постоянныя, были въ этомъ случаѣ нейтрализированы временно извѣстными вторичными вліяніями, какъ, напр., энергическимъ давленіемъ французской прессы, выставлявшей публично на видъ „позорную трусость" парижскихъ присяжныхъ; чрезвычайными мѣрами предосторожности, принятыми властями, съ цѣлью предохранить монбризонскихъ присяжныхъ отъ устрашающаго вліянія и мести анархистовъ и т. п. Впрочемъ, кромѣ этого казуса съ Равашолемъ, газеты полны фактовъ, наглядно характеризующихъ паническій страхъ французской буржуазіи предъ анархистами.

основныя качества души—разумъ, чувство и воля, суть силы весьма сложныя, постепенно развившіяся изъ низшихъ психическихъ силъ и функцій, а потому для постиженія „основной природы" разума, чувства и воли надо прослѣдить ихъ развитіе (эволюцію) отъ самыхъ низшихъ организмовъ до самыхъ высшихъ и выдающихся представителей человѣческаго рода. „Основанія Психологіи" Спенсера сполна построены на такомъ эволюціонномъ принципѣ, хотя *историческую* эволюцію человѣческаго рода онъ и затрогиваетъ рѣдко. И тѣмъ не менѣе, несмотря на этотъ эволюціонный методъ, психологія Спенсера вовсе не можетъ быть названа „описательною" и поставлена въ параллель гидрографіи. Однако такого изслѣдованія генезиса душевной жизни человѣка на почвѣ одной эволюціи органическаго міра еще—недостаточно. Въ не меньшей степени нужно всегда принимать въ расчетъ еще и эволюцію *надъ-органическую*, т.-е. исторію; и дѣйствительно, на анализѣ вышеприведеннаго примѣра (съ парижскими присяжными) мы имѣли возможность наглядно видѣть, что объясненіе извѣстныхъ душевныхъ качествъ возможно часто не иначе, какъ на почвѣ коллективно-психологическаго историческаго анализа [1]).

III.

Въ утвержденіи г. Влад. Соловьева, что „философу для пониманія коренныхъ свойствъ человѣческой воли совершенно достаточно наблюдать *себя самого и своихъ домашнихъ*", заключается молчаливое признаніе той истины, что одного отвлеченнаго („метафизическаго") метода для рѣшенія основныхъ проблемъ психологіи — въ лучшемъ случаѣ—недостаточно, а что для этого нужна еще и индукція. Но, какъ мы только-что видѣли, эта система ограниченія психическихъ наблюденій надъ „собою самимъ и своими домашними" именно не удовлетворяетъ одному изъ существенныхъ требованій научной индукціи—

[1]) Это доказываетъ намъ всю важность для исторіи именно *коллективной* (а не только личной) психологіи, на что такъ часто (срав. выше) указываетъ проф. Карѣевъ. Однако, какъ мы видимъ изъ этого же самаго примѣра, коллективная психологія должна быть наукою не только описательною, но даже и преимущественно аналитическою (въ смыслѣ какъ статическомъ, такъ и динамическомъ) и, можетъ быть, въ такомъ незаконномъ преобладаніи описательнаго элемента надъ аналитическимъ лежитъ главная причина указываемаго г. Карѣевымъ факта, — что „сознательно сдѣланная попытка основанія коллективной психологіи (Völkerpsychologie Лацаруса и Штейнталя...) не дала пока никакихъ важныхъ — по крайней мѣрѣ, для теоріи исторіи — результатовъ..."

объ основаніи наблюдателемъ своихъ выводовъ на *значительномъ количествѣ разнообразныхъ* фактовъ. А теперь мы сейчасъ увидимъ, что рекомендуемый намъ методъ не только съ количественной, но и съ *качественной* стороны не удовлетворяетъ требованіямъ научной индукціи. Ученый, конечно, не можетъ слѣдовать примѣру „публики", ежедневно разсуждающей вкривь и вкось о смыслѣ и слѣдствіяхъ разнаго рода случайно долетающихъ до ея слуха извѣстій о „событіяхъ", и не трудящейся даже поставить предварительно вопроса объ установленіи достовѣрности сообщаемыхъ *фактовъ*. Каждый ученый знаетъ, что наблюдаемыя имъ явленія, прежде чѣмъ они могутъ служить ему матеріалами для научныхъ обобщеній и выводовъ, должны быть сперва провѣрены со стороны соотвѣтствія своего съ дѣйствительностью, а затѣмъ лишь — условно или безусловно приняты (или отвергнуты). А точное соблюденіе именно этого требованія, т.-е. предварительная *установка фактической вѣрности* явленій, служащихъ матеріаломъ для выводовъ, — вещь гораздо болѣе трудная и сбивчивая, чѣмъ полагаютъ многіе поверхностные наблюдатели, и трудность и запутанность эти болѣе всего даютъ себя знать именно въ интересующей насъ здѣсь области „духовныхъ" явленій.

Отвергая помощь Тита Ливія и Моммсена, рекомендуя, въ качествѣ объектовъ для наблюденій, „себя самого и своихъ домашнихъ", г. Соловьевъ, конечно, имѣлъ въ виду, что жизнь и дѣятельность этихъ лицъ происходитъ на глазахъ у философа, а потому она представляетъ для него особыя преимущества со стороны *количественной*, т.-е. даетъ въ его распоряженіе все же большее число фактовъ, чѣмъ ихъ получится при наблюденіяхъ надъ болѣе далекими своими знакомыми. Далѣе, въ виду того, что эти лица—самъ наблюдатель и его семейные и близкіе знакомые, онъ именно отъ нихъ и ожидаетъ наибольшей искренности и откровенности въ сношеніяхъ съ нимъ, имѣя въ то же время возможность наблюдать и закулисную сторону ихъ жизни. Однако, къ сожалѣнію, въ томъ-то и бѣда, что именно эта же самая *близость* къ наблюдателю его „домашнихъ" лишаетъ его почти совершенно возможности производить объективныя и безпристрастныя наблюденія надъ ихъ жизнью, т.-е. устанавливать ея психическія проявленія въ смыслѣ фактовъ; такъ какъ здѣсь появляется новый, фатальный для истины факторъ — *пристрастіе*, вытекающее именно изъ тѣхъ связей родства и дружбы, которыя связываютъ человѣка съ его „домашними". Какую парализующую роль по отношенію къ вѣрному и объективному наблюденію и установленію явленій играетъ такое пристрастіе, съ отрицательной стороны наглядно показываютъ медицинская и юридическая практика. Доктора, какъ извѣстно, почти всегда боятся *сами* лѣчить себя и своихъ домаш-

нихъ, по крайней мѣрѣ, въ случаѣ серьезныхъ болѣзней, такъ какъ не увѣрены въ своемъ хладнокровіи и объективизмѣ (нужныхъ, между прочимъ, для констатированія характера болѣзни, мѣста ея, степени опасности и т. п.). Судебными уставами всѣхъ цивилизованныхъ странъ запрещается лицамъ, состоящимъ въ извѣстныхъ степеняхъ родства или свойства съ истцомъ, отвѣтчикомъ, обвинителемъ или подсудимымъ (respective его адвокатомъ), выступать въ качествѣ экспертовъ и судей. Что же касается психологическихъ наблюденій философа надъ „самимъ собою", то, конечно, ужъ подавно здѣсь личное пристрастіе будетъ непрерывною цѣпью парализовать вѣрность его наблюденій. „Никто самому себѣ не судья", говоритъ пословица. А потому и всѣ выводы, дѣлаемые философомъ на основаніи „наблюденій надъ самимъ собой", слѣдуетъ всегда принимать съ крайнею осторожностью и даже съ скептицизмомъ. Въ связи со всѣмъ только-что сказаннымъ, вспомнимъ, какую громадную роль играетъ *предвзятое мнѣніе* при нашихъ сужденіяхъ о другихъ лицахъ, а отчасти даже и о насъ самихъ,—въ смыслѣ фактора, искажающаго истинный характеръ наблюдаемаго нами психическаго явленія.

Мы не упомянули еще объ основномъ и самомъ фатальномъ дефектѣ всѣхъ нашихъ наблюденій надъ психическою жизнію всѣхъ безъ исключенія другихъ людей—дефектѣ, дѣлающемъ весьма проблематическою фактическую, объективную вѣрность такихъ наблюденій. Это принципіально невыгодное для психолога-обсерватора обстоятельство указывается Гербертомъ Спенсеромъ въ § 41-мъ I тома его „Основаній Психологіи".

„*Каждый индивидуумъ абсолютно неспособенъ познавать другія чувства, кромѣ своихъ собственныхъ*..... Выводъ, что существуютъ такія же созданія, какъ мы сами, и *что они при одинаковыхъ условіяхъ имѣютъ одинаковыя чувствованія*,.... *не совершенно вѣренъ*, потому что многіе факты соединяются для доказательства того, что *при равныхъ условіяхъ какъ количество, такъ и качество чувствованій и раздраженій* въ различныхъ индивидуумахъ *чрезвычайно отличаются* другъ отъ друга..."—Эту то важную, указываемую Спенсеромъ, истину всѣ люди, не исключая и философовъ, постоянно забываютъ въ дѣйствительной жизни. На каждомъ шагу мы „судимъ о другихъ по себѣ", когда, сознательно или безсознательно, дѣлаемъ наблюденія надъ окружающими насъ лицами, чтобы такимъ путемъ рѣшать, съ цѣлью теоретической или практической, извѣстныя психологическія задачи. Такого рода ложныя заключенія „о другихъ по себѣ" дѣлаются людьми какъ и en grand (напр., дипломатами въ международныхъ сношеніяхъ, государственными людьми во внутренней политикѣ; учеными, наблюдающими дикарей и судящими о ихъ внутрен-

ней душевной жизни по аналогіи съ такою же жизнью представителей „цивилизованныхъ націй“),—такъ и en petit (въ ежедневныхъ житейскихъ сношеніяхъ между отдѣльными лицами, въ ихъ взаимныхъ денежныхъ дѣлахъ, любовныхъ отношеніяхъ и т. п.). Этой же ошибки—„сужденія о другихъ по себѣ“—не избѣжать и философу при его наблюденіяхъ надъ своими домашними. Кромѣ всѣхъ случаевъ невольнаго введенія наблюдателя въ заблужденіе наблюдаемыя лица часто умышленно стараются навести другихъ людей на ложные слѣды въ психологической сферѣ. Какъ извѣстно, вѣдь именно на упомянутомъ нами выше фактѣ объ „абсолютной недоступности“ данному субъекту непосредственнаго познанія чувствъ другихъ субъектовъ, основаны всѣ тѣ *умышленныя* введенія въ заблужденіе извѣстными лицами другихъ людей, когда этого для первыхъ требуетъ ихъ интересъ—наступательный или оборонительный. Сферы этихъ искусственно производимыхъ иллюзій—тѣ же самыя, какъ и въ только-что нами описанныхъ случаяхъ невольнаго, со стороны объектовъ наблюденія, введенія въ заблужденіе наблюдателей. Нужно всегда помнить, какъ мало искренности заключается вообще во всѣхъ человѣческихъ словахъ и дѣйствіяхъ; какъ часто человѣкъ, даже передъ самимъ собою, а подавно, предъ всѣми безъ исключенія другими людьми, скрываетъ настоящіе мотивы и цѣли своихъ поступковъ, выставляя вмѣсто нихъ болѣе льстящіе его самолюбію, лучше оправдывающіе его въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ мнѣніи, напр., „домашнихъ“ и т. п.,—какъ каждое слово у людей говорится съ извѣстною тенденціею и какъ потому трудно наблюдателю-психологу устанавливать *факты* въ этой области [1]).

Не ясно ли послѣ всего сказаннаго, что всѣ психологическіе выводы философа, сдѣланные имъ исключительно на основаніи наблюденій „надъ собою и домашними“, будутъ зданіемъ, построеннымъ на пескѣ? Вотъ въ этомъ то затруднительномъ положеніи нашего ученаго и является ему на помощь, въ качествѣ ничѣмъ другимъ незамѣнимой „энциклопедіи точныхъ фактовъ“,—конкретная *научная исторія*, повѣствовательная и отчасти описательная прагматическая и отчасти культурная. Лишь *изъ исторіи* ученый психологъ можетъ почерпнуть *гарантированные факты* психическаго характера,

¹) Около 1884 года были опубликованы письма жены *Карлейля* къ мужу. Въ одномъ изъ нихъ она разсказываетъ Карлейлю, какъ это она постоянно замѣчаетъ, что всѣ ихъ общіе знакомые обращаются съ нею (въ отсутствіи мужа) совсѣмъ иначе, чѣмъ съ самимъ Карлейлемъ,—проще, естественнѣе, искреннѣе, между тѣмъ какъ во всѣхъ сношеніяхъ съ ея мужемъ всякое лицо какъ бы становится на ходули, лицемѣритъ, старается себя показать исключительно съ „лицевой стороны“ и т. п.

почти до безконечности разнообразные. Въ самомъ дѣлѣ, что же является главною цѣлью исторіи въ ея роли конкретной науки, какъ не критика и провѣрка такъ называемыхъ историческихъ источниковъ со стороны ихъ объективной фактической вѣрности и не установка и возсозданіе (на основаніи комбинацій изъ этихъ провѣренныхъ матеріаловъ) историческихъ событій и культурныхъ состояній?

Особенно первое—выдѣленіе вѣрныхъ фактовъ изъ (иногда давно минувшаго) прошедшаго—вещь гораздо болѣе сложная, чѣмъ обыкновенно думаютъ лица, не посвященныя въ это дѣло, а потому не подозрѣвающія, что историку часто, напр., для провѣрки какой-либо цифры или строки въ текстѣ первоисточника, приходится внимательно просматривать цѣлыя груды матеріаловъ, даже иногда совершать болѣе или менѣе далекія путешествія для собранія или провѣрки данныхъ на мѣстѣ, гдѣ совершилось интересующее его событіе и т. п. Съ другой стороны, въ распоряженіи современной науки находятся многочисленные и разнообразные *пріемы* для такой провѣрки источниковъ. Пріемы эти представляютъ изъ себя цѣлую сложную, раціонально и связно построенную систему, которая по своему остроумію, полнотѣ и приспособленности къ цѣли, въ связи съ только-что упомянутою щепетильностью въ провѣркѣ учеными даже и самыхъ малозначущихъ, на первый взглядъ, данныхъ,—далеко оставляютъ за собою всѣ тѣ грубыя и эмпирическія средства, которыя были бы доступны философу, если бы онъ захотѣлъ провѣрять, съ точки зрѣнія объективной вѣрности, дѣлаемыя имъ психологическія наблюденія „надъ собою и домашними". Однако по этимъ же самымъ причинамъ исторія достигла своего современнаго блестящаго состоянія лишь постепенно, проходя чрезъ послѣдовательные фазисы развитія, начиная отъ самаго младенческаго состоянія. Сторонники „метафизической" психологіи игнорируютъ именно эту сторону вопроса,—то именно обстоятельство, что одна уже провѣрка и установка голыхъ фактовъ (изъ сферы даже индивидуальной психологіи)—вещь такая сложная, запутанная и тонкая, что она безусловно требуетъ отдѣленія ея отъ теоретическаго обсужденія этихъ фактовъ: первое дѣло должно производиться особыми спеціалистами (съ помощью цѣлой системы спеціально приспособленныхъ къ этой цѣли раціональныхъ пріемовъ), которые затѣмъ передавали бы такіе добытые ими *гарантированные* факты психологамъ-теоретикамъ, для построенія выводовъ. Такое раздѣленіе труда, очевидно, абсолютно отсутствуетъ при импровизированныхъ наблюденіяхъ и выводахъ надъ собою и окружающими его живыми людьми. И очевидно, что оно вообще не можетъ быть здѣсь проведено на практикѣ.

Въ серьезномъ же и строгомъ значеніи этого слова такое раздѣ-

леніе труда существуетъ и можетъ существовать лишь въ исторической наукѣ. Будущіе историки подготовляются къ своей спеціальности въ университетѣ. Здѣсь они, подъ руководствомъ опытныхъ профессоровъ-спеціалистовъ, теоретически и практически „штудируютъ исторію": *во-первыхъ*, узнаютъ, гдѣ и какъ историкъ можетъ находить сырые матеріалы (первоисточники) для возсозданія историческихъ событій, а *во-вторыхъ*— знакомятся съ тѣми многочисленными и цѣлесообразными пріемами, съ помощью которыхъ историческая критика провѣряетъ и „фильтрируетъ" находящіеся въ ея распоряженіи матеріалы, классифицируя ихъ по типамъ: несомнѣнно—достовѣрныхъ, сомнительныхъ и несомнѣнно—ложныхъ. Будущіе представители науки усвоиваютъ себѣ здѣсь въ цѣлости ту многосложную и глубоко-ученую систему, которая служитъ къ „нейтрализаціи" могущихъ заключаться въ первоисточникахъ невѣрныхъ свѣденій, каковъ бы ни былъ генезисъ этихъ невѣрностей.

Съ другой стороны, исторія имѣетъ предъ рекомендуемымъ намъ способомъ психологическаго наблюденія еще одно преимущество, придающее еще бо́льшую точность черпаемымъ изъ нея свѣдѣніямъ: историку доступны всѣ безъ исключенія стороны жизни даннаго лица, даже самыя интимныя, бывшія неизвѣстными большинству современниковъ, часто и не подозрѣвавшихъ о существованіи этихъ закулисныхъ сторонъ характера и жизни даннаго субъекта. Кромѣ того, историкъ всегда можетъ по своему желанію имѣть дѣло съ такими историческими личностями, которыя жили долго, такъ что намъ извѣстны также и окончательные результаты какъ отдѣльныхъ ихъ дѣйствій, такъ и цѣлой вообще ихъ жизни.

Намъ могутъ возразить на вышесказанное, что вѣдь и историкъ долженъ (въ смыслѣ фатальной неизбѣжности или даже желательности) всегда излагать событія съ извѣстнымъ *пристрастіемъ*, не меньшимъ, чѣмъ пристрастіе философа при его наблюденіяхъ „надъ собою и домашними". Дѣйствительно, есть особые виды quasi-историковъ, представителей ненаучной исторіографіи, къ которой относятся, напр.: такъ называемая „патріотическая исторія", съ ея девизомъ „вѣрю въ пріятное, отрицаю непріятное"; историческія сочиненія, написанныя не учеными историками въ собственномъ и строгомъ смыслѣ этого слова, а разными политическими и церковными дѣятелями, и потому дѣйствительно пропитанныя предвзятыми мнѣніями, пристрастіемъ партійнымъ, конфессіональнымъ и т. п. Кто не признаетъ желательности или возможности научной исторіи, тотъ очевидно „судитъ о другихъ по себѣ", воображая, что и для человѣка науки извѣстныя національныя, партійныя, конфессіональныя и т. п. симпатіи и антипатіи имѣютъ такое же значеніе, какъ и для нихъ самихъ.

Такого рода пессимисты, очевидно, даже и не подозрѣваютъ, что у всѣхъ истинныхъ ученыхъ существуетъ любовь *къ истинѣ ради истины*; что всѣ совершающіяся во вселенной явленія, между прочимъ, и историческія событія, интересуютъ ученаго, *исключительно* съ точки зрѣнія своихъ причинъ и слѣдствій, безъ всякихъ симпатій и антипатій. Прекраснымъ примѣромъ такого ученаго, „созерцательно" относившагося къ историческимъ событіямъ, является Ранке, объективизмъ котораго можетъ служить лучшимъ доказательствомъ возможности „объективнаго метода" въ исторіи.

Пояснимъ для наглядности, изложенныя въ настоящей главѣ отвлеченныя разсужденія на слѣдующихъ двухъ конкретныхъ примѣрахъ противоположнаго характера.

Положимъ, что психологъ живетъ въ Англіи, въ половинѣ семнадцатаго столѣтія, и въ качествѣ ученаго настолько счастливъ, что въ числѣ своихъ „домашнихъ" или, по крайней мѣрѣ, близкихъ знакомыхъ, находитъ личность съ характеромъ одного изъ крайнихъ типовъ, напр., Оливера Кромвеля, человѣка съ замѣчательно „сильною волею", энергіею и предпріимчивостью. Желая „чрезъ наблюденія своихъ домашнихъ" (а въ томъ числѣ, слѣдовательно, и Кромвеля) извлечь данныя о „природѣ человѣческой воли", нашъ психологъ въ такомъ осторожномъ и скрытомъ человѣкѣ, какъ Оливеръ, найдетъ очень мало „точекъ фиксаціи" для точныхъ наблюденій. Съ другой стороны, этотъ психологъ, несмотря на всю свою ученость, все-таки хоть отчасти будетъ погруженъ въ міровоззрѣніе своей страны и своего времени, а также—затронутъ, болѣе или менѣе, борьбою религіозныхъ и политическихъ интересовъ и страстей, которыми такъ полна англійская исторія XVII вѣка; а потому онъ, по крайней мѣрѣ, безсознательно и невольно, будетъ смотрѣть на Кромвеля или чрезъ предвзятыя „очки" индепендентовъ, считавшихъ послѣдняго святымъ; или же „чрезъ призму" кавалеровъ, по утвержденію которыхъ Оливеръ—лишь гнусный ханжа и честолюбецъ, способный на всякія преступленія. Такимъ образомъ, очевидно, что мотивы дѣятельности Кромвеля нашему наблюдателю будутъ представляться неизбѣжно въ одностороннемъ и искаженномъ видѣ. И еще хуже: самое существованіе у Кромвеля этой (сильной) воли и предпріимчивости многими его противниками отрицалось (для того, чтобы этимъ больше унизить его въ глазахъ своихъ и современниковъ); а вытекавшіе, между прочимъ, изъ его великаго характера, подвиги и національныя заслуги его (напр., во внѣшней политикѣ) приписывались слѣпому случаю, „счастью". За то, съ точки зрѣнія сторонниковъ Кромвеля—его сильный характеръ и успѣхи въ политикѣ—результатъ таинственнаго покровительства Провидѣнія. Вслѣдствіе всего

этого, нашъ философъ совершенно собьется съ толку при своихъ наблюденіяхъ надъ „природою (человѣческой) воли" у Кромвеля. И лишь теперь, *изъ исторіи*, мы можемъ почерпнуть точныя свѣденія о Кромвелѣ,—гораздо болѣе объективно—вѣрныя,чѣмъ тѣ, которыя имѣли въ своемъ распоряженіи его современники, домашніе и (какъ ни парадоксально, на первый взглядъ, это утвержденіе) можетъ быть, даже и онъ самъ (о себѣ).

Теперь возьмемъ противоположный случай, когда объектомъ наблюденія для психолога или—описанія для историка служитъ какая либо личность съ крайне „слабою волею". Съ такой именно стороны заявилъ себя, по крайней мѣрѣ, *въ глазахъ современниковъ,* Іаковъ II во время англійской революціи 1688 и 1689 гг. Какъ извѣстно, отъ момента высадки Вильгельма Оранскаго съ арміею на ю. берегъ Англіи (въ ноябрѣ 1688 г.) вплоть до своего окончательнаго бѣгства изъ Англіи во Францію онъ проявилъ замѣчательный и совершенно неожиданный, для окружавшихъ его лицъ , упадокъ духа, т.-е. полное „отсутствіе воли". Несмотря на то, что положеніе Іакова далеко еще не было отчаяннымъ, онъ все-таки не воспользовался тѣми благопріятными обстоятельствами и средствами, которыя еще находились въ его распоряженіи для борьбы противъ Оранскаго принца, и несмотря ни на какія мольбы оставшагося ему вѣрнымъ большинства торіевъ, поспѣшилъ бѣжать ночью изъ Англіи въ С.-Жерменъ. Самое же удивительное, что такой упадокъ духа и такую „позорную трусость" проявилъ тотъ же самый Іаковъ II, который, будучи еще лишь герцогомъ Іоркскимъ, а именно въ 1665 г., въ качествѣ „главнаго адмирала обнаружилъ въ битвѣ въ Southwoldsbai (противъ голландцевъ) храбрость и рѣшительное мужество. О его настойчивомъ нравѣ, о его до упрямства твердомъ характерѣ мы и такъ имѣли доказательства. Онъ былъ далекъ отъ перемѣнчивой, гибкой и уступчивой натуры брата (Карла II)... Разсказывали о многихъ чертахъ суровости, мстительности и жестокости, которыя онъ проявилъ по отношенію къ своимъ противникамъ во время своего управленія Шотландіею (1681—1685 гг.). Сдѣлавшись затѣмъ королемъ Великобританіи, Іаковъ II вездѣ—сперва въ борьбѣ для укрѣпленія своего престола противъ мятежниковъ, а затѣмъ—въ преслѣдованіи своихъ абсолютическо-католическихъ тенденцій обнаруживалъ ту же неуклонную и сильную волю, всегда прибѣгая къ самымъ крайнимъ и рискованнымъ мѣрамъ и не отступая предъ такими препятствіями, которыя казались непреодолимыми какъ его предшественникамъ на престолѣ (Карлу I и II), такъ и самымъ смѣлымъ изъ его совѣтниковъ. Вышеупомянутый же кризисъ въ характерѣ Іакова начался съ момента полученія имъ извѣстія о непосредственно готовящейся къ

отплытію въ Англію военной экспедиціи Оранскаго принца. Теперь представимъ себѣ, что нашъ психологъ живетъ при дворѣ Іакова II, въ качествѣ весьма близкаго къ нему лица, и строго ограничиваетъ свои психологическія наблюденія—„собою и своими домашними“ принципіально пренебрегая указаніями исторіи. Не ясно ли, что такая внезапная перемѣна въ степени воли Іакова приведетъ его въ полное недоумѣніе и наведетъ его на самыя фантастическія и ненаучныя заключенія — не только насчетъ разнаго рода видовъ и формъ, въ которыхъ проявляется человѣческая воля, но даже прямо и относительно самой „коренной природы“ ея, свободы или несвободы воли? Исторія, между тѣмъ, даетъ намъ теперь о Іаковѣ II и генезисѣ этого кризиса въ его характерѣ гораздо болѣе полныя и точныя свѣдѣнія, чѣмъ они доступны были какому либо отдѣльному придворному этого короля и даже самымъ близкимъ его родственникамъ. Во-первыхъ, изъ исторіи мы знаемъ, что Іаковъ II былъ, по своимъ душевнымъ силамъ, обыкновенный средній человѣкъ (изъ „толпы“, а не изъ „героевъ“), а не великій монархъ, какимъ его считали многіе придворные, особенно католики, смотрѣвшіе на него, очевидно, съ предвзятой оптимистической точки зрѣнія. Потому, между прочимъ, у него (какъ у всѣхъ среднихъ людей) семейные инстинкты, въ самомъ узкомъ смыслѣ этого слова, были сильнѣе политическихъ, т.-е. онъ предпочелъ лучше бросить престолъ и государство на произволъ судьбы, чѣмъ оставлять долго въ неизвѣстности насчетъ своего положенія свою жену, уже раньше предъ нимъ бѣжавшую въ С.-Жерменъ. Затѣмъ, и по той же причинѣ, онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ своего духовника и вообще патеровъ (хотя и не всѣ его современники знали объ этомъ), вслѣдствіе чего малѣйшая уступка требованіямъ протестантскаго парламента казалась Іакову безбожіемъ и смертнымъ грѣхомъ, хотя бы этою уступкою и можно было спасти себя и свою династію. Наконецъ, страхъ за свою жизнь у него далеко не былъ такъ нелѣпъ, а съ его точки зрѣнія даже имѣлъ за себя очень логичныя основанія. Принца Оранскаго Іаковъ представлялъ себѣ, какъ извѣстно, не трезвымъ, гуманнымъ и благороднымъ государственнымъ мужемъ (какимъ мы теперь знаемъ Вильгельма изъ *исторіи*), а хищнымъ и кровожаднымъ узурпаторомъ, на все способнымъ, въ томъ числѣ и на предательство, на заключеніе своего тестя въ тюрьму; а у Іакова II, подобно тому какъ и у его брата Карла II, постоянно были въ памяти такъ трагически оправдавшіяся слова Карла I, что „отъ тюрьмы, гдѣ заключенъ монархъ, лишь нѣсколько шаговъ до его эшафота“. А *исторія*, именно, въ данномъ случаѣ, судьба многихъ прежнихъ королей одной уже Англіи должна была утверждать Іакова II въ этомъ опасеніи. „Уроки исторіи“ (такъ

эффектно какъ бы подтверждаемые теперь, на глазахъ Іакова, военно-морскою экспедиціею его зятя, предпринятою послѣднимъ противъ родного тестя) естественно должны были и во всякомъ другомъ королѣ, а не только въ Іаковѣ II, породить недовѣріе даже къ самымъ близкимъ своимъ родственникамъ, друзьямъ и придворнымъ, заставляя его вездѣ подозрѣвать притворство и измѣну. А подъ вліяніемъ „смутнаго ужаса предъ невѣдомымъ зломъ", какъ извѣстно, опускаются руки и у многихъ самыхъ храбрыхъ людей, идущихъ слѣпо на встрѣчу открытому врагу, нападающему съ фронта. Такимъ образомъ исторія подтверждаетъ детерминистическую доктрину и наглядно обнаруживаетъ „единство и цѣльность человѣческаго я", существующихъ даже и тогда, когда въ глазахъ *современниковъ*—очевидцевъ, извѣстная личность „чудеснымъ образомъ" преобразовывается неузнаваемо какъ бы въ другую. Значитъ, научная исторія является однимъ изъ краеугольныхъ камней въ фундаментѣ психологіи, спасая послѣднюю отъ невѣрныхъ выводовъ, которыхъ философу не избѣжать, пока онъ ограничиваетъ свои наблюденія окружающими его живыми людьми. Въ самомъ дѣлѣ, въ каждомъ сколько-нибудь подробномъ историческомъ сочиненіи мы встрѣчаемся съ массою примѣровъ того, какъ ошибочно (даже по отношенію къ чисто фактической сторонѣ) разные люди, какъ неученые, такъ и ученые, судили въ свое время о себѣ и своихъ, даже самыхъ близкихъ къ нимъ, современникахъ. Историкамъ приходится на каждомъ шагу исправлять эти ошибки, устанавливая подобные факты вполнѣ точно.

Предвидимъ слѣдующее возраженіе на демонстрированные нами только-что два конкретные примѣра. Пусть даже, скажутъ намъ, положеніе вашего психолога, въ качествѣ лица, близкаго къ такого рода крупнымъ историческимъ фигурамъ, какъ разные лорды — протекторы и короли, и будетъ вещью возможною, но все же она весьма мало вѣроятна, такъ какъ большинство психологовъ окружено лишь простыми смертными, а многимъ даже и вовсе не приходится въ теченіе своей жизни созерцать воочію разнаго рода крупныхъ „историческихъ дѣятелей". Но въ томъ то и дѣло, отвѣтимъ мы, что тѣ *недоразумѣнія en grand*, въ которыя впадалъ нашъ психологъ въ приведенныхъ нами выше примѣрахъ съ Кромвелемъ и Іаковомъ II, будутъ повторяться *en petit* (т.-е. касаться менѣе важныхъ объектовъ и несравненно болѣе тѣсной сферы, не уменьшаясь чрезъ это въ своей принципіальной анти-научной роли) съ тѣми психологами, которые будутъ имѣть въ числѣ своихъ „домашнихъ" и знакомыхъ лишь людей „изъ толпы", такъ какъ у всѣхъ людей одинаково психическая жизнь состоитъ во взаимодѣйствіи между ихъ субъектомъ и внѣшнею стороною и eo ipso полна тѣхъ же (въ качественномъ смыслѣ) недора-

зумѣній, коллизій, кризисовъ и т. п., какъ и у выдающихся историческихъ личностей. Современникамъ при наблюденіи какъ послѣднихъ, такъ и первыхъ, почти невозможно здѣсь устанавливать точныхъ психологическихъ фактовъ. Но зато о послѣдняго рода лицахъ (т.-е. или de facto крупныхъ по своей духовной природѣ или лишь считавшихся современниками за таковыхъ) сохраняются подробныя свѣдѣнія въ исторіи, а потому, по крайней мѣрѣ, о нихъ, если не ихъ современники, то хоть потомки — ученые могутъ имѣть связныя и точныя данныя. Вся же прочая масса людей въ качествѣ единицъ вообще не переходитъ въ исторію, а безслѣдно исчезаетъ въ Летѣ, такъ что жизнь ихъ ни для современниковъ, ни для потомковъ не можетъ служить источникомъ подробныхъ и точныхъ фактовъ для (индивидуально-) психологическихъ отсюда выводовъ.

Какъ, въ самомъ дѣлѣ, можемъ мы полагаться на объективную фактическую вѣрность дѣлаемыхъ нами наблюденій (и выводъ изъ нихъ) надъ психической жизнью окружающихъ насъ лицъ, т.-е. надъ элементами ихъ *внутренняго* міра, надъ явленіями *духовными*, непосредственно намъ недоступными и лишь косвеннымъ путемъ раскрываемыми,—когда вѣдь даже въ области *матеріальнаго* внѣшняго міра наши внѣшнія чувства, предвзятыя мнѣнія и т. п., насъ обманываютъ на каждомъ шагу, доставляя намъ по отношенію даже къ „самымъ очевиднымъ вещамъ“, происходящимъ на нашихъ глазахъ, совершенно несоотвѣтствующія дѣйствительности данныя?

IV.

Мы не сказали однако до сихъ поръ еще ничего о самомъ главномъ, на нашъ взглядъ, недостаткѣ цитированной нами выше (гл. I) аргументаціи г. Соловьева насчетъ неспособности ученыхъ историковъ содѣйствовать разрѣшенію основныхъ психологическихъ проблемъ. Какъ мы видѣли, г. Соловьевъ говоритъ, что „между философомъ, изслѣдующимъ общеосновное свойство индивидуальной воли какъ таковой, одинаковой во всѣхъ субъектахъ, и историкомъ, изучающимъ конкретныя проявленія множества взаимодѣйствующихъ индивидуальныхъ волей, такое же отношеніе, какъ между *химикомъ, разлагающимъ воду на ея составные элементы* и опредѣляющимъ свойство этихъ элементовъ, одинаковыхъ во всякой водѣ, — и гидрографомъ, который изучаетъ конкретное распредѣленіе различныхъ водныхъ массъ на земной поверхности. Конечно, прибавляетъ онъ, всякій ученый гидрографъ отлично знаетъ химическій составъ воды, но онъ пріобрѣлъ это знаніе изъ химіи и никакъ не могъ бы его достигнуть

спеціальными средствами своей науки; *химикъ же для своихъ анализовъ* вовсе не нуждается ни въ какихъ свѣдѣніяхъ изъ гидрографіи". Въ подчеркнутыхъ нами словахъ г. Соловьева и кроется именно та причина, по которой мы считаемъ неудачной эту параллель между гидрографомъ и *химикомъ* съ одной стороны, а историкомъ и философомъ—съ другой. Химикъ и вообще естествоиспытатель, дѣйствительно, вообще не нуждается въ разнаго рода *косвенныхъ и вспомогательныхъ пріемахъ* для своихъ изслѣдованій, ибо послѣднія могутъ имъ въ полномъ размѣрѣ производиться непосредственно, между прочимъ—искусственно, на заказъ: ему доступенъ *экспериментъ*. Онъ можетъ, по своему желанію или по требованію какого-нибудь „невѣрующаго Ѳомы", разлагать воду на кислородъ и водородъ. *Совсѣмъ другое психологъ: ему экспериментъ почти не доступенъ*. Вслѣдствіе этого пробѣла въ методѣ современной психологіи, весьма многіе выводы ея основаны, такъ-сказать, на „доброй вѣрѣ" представителей этой науки въ вѣрность доставляемыхъ имъ другъ другомъ и разнаго рода иными наблюдателями „фактовъ" психическаго характера. А сказанное нами въ предыдущихъ главахъ о сомнительной объективно-фактической цѣнности психическихъ наблюденій надъ собою и окружающими насъ живыми людьми даетъ разнаго рода скептикамъ еще большее право, чѣмъ въ области естественныхъ наукъ, приступать къ философамъ съ выраженіями сомнѣнія въ научномъ, т.-е. строго соотвѣтствующемъ дѣйствительности, характерѣ психологическихъ доктринъ. Человѣка, выражающаго, напр., удивленіе и сомнѣніе по поводу такого „чуда", что вода, т.-е. *жидкость*, можетъ состоять изъ соединенія двухъ *газовъ*, химикъ сразу можетъ убѣдить непосредственнымъ опытомъ. Ничего подобнаго не можетъ сдѣлать философъ, по крайней мѣрѣ, если онъ ограничивается только наблюденіями себя и домашнихъ. Чѣмъ философъ нашъ наглядно докажетъ имъ фактическую вѣрность сдѣланныхъ имъ надъ собою и своими домашними наблюденій? Правда, и въ области психическихъ явленій въ настоящее время уже сдѣлалось отчасти возможнымъ производить въ извѣстныхъ спеціальныхъ случаяхъ эксперименты; но послѣдніе ограничиваются именно областью почти лишь наиболѣе элементарныхъ проявленій душевной жизни. *Вотъ этотъ то пробѣлъ въ методѣ современной психологіи (т.-е. невозможность или крайняя ограниченность здѣсь эксперимента) косвеннымъ образомъ въ значительной степени можетъ быть пополненъ исторіею.* Но на первый взглядъ это наше утвержденіе, конечно, кажется фантастическимъ и парадоксальнымъ, настоящимъ contradictio in adjecto. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь историческія явленія, еще въ гораздо большей степени, чѣмъ совершившіяся недавно на нашихъ глазахъ дѣйствія окружающихъ насъ

живыхъ людей, представляютъ изъ себя, такъ-сказать, „застывшее, кристаллизовавшееся прошедшее", которое также „ужъ больше никогда не повторится", а потому сообщаемые намъ исторіею факты, кажется, ужъ a fortiori, сравнительно съ наблюденіями надъ живыми людьми, не могутъ имѣть ровно никакого отношенія къ вопросу о пополненіи указаннаго пробѣла, такъ какъ экспериментъ, какъ извѣстно, состоитъ, по своей сущности, именно въ свободномъ создаваніи и прекращеніи ученымъ явленій. Тѣмъ не менѣе мы все-таки утверждаемъ, что научная исторія дѣйствительно можетъ въ значительной степени замѣнить экспериментъ для психологіи. Прежде всего припомнимъ, что, хотя историческія явленія тоже мимолетны и не повторяются другой разъ въ томъ же видѣ и при той же самой обстановкѣ, подобно чувствамъ, мыслямъ и дѣйствіямъ самого психолога и окружающихъ его живыхъ людей, однако, съ другой стороны, по объективно-научному констатированію психическихъ явленій, — такъ сказать, захватыванію ихъ на лету, — научная исторія стоитъ безусловно выше наблюденій надъ „самимъ собою и своими домашними". Итакъ, историческіе факты, т.-е. до безконечности разнообразныя и по качеству и степенямъ (типамъ и градаціямъ) психическія (и соціальныя) явленія изъ прошедшаго времени, точно и подробно установленныя, хранятся прочно въ историческихъ сочиненіяхъ, откуда каждую минуту могутъ быть „вытребованы" къ услугамъ историка или философа. Ученый, который пожелалъ бы узнать, напримѣръ, связь между двумя или болѣе психическими явленіями въ чистомъ ихъ видѣ, и *на заказъ* не въ состояніи, конечно, совершить съ этою цѣлью эксперимента „надъ самимъ собою и своими домашними", — можетъ обратиться къ исторіи и тамъ всегда найдетъ факты, по крайней мѣрѣ, въ существенныхъ чертахъ подходящіе къ условіямъ составляющаго его pium desiderium эксперимента. При этомъ всѣ случайныя мелкія прибавки въ этихъ фактахъ легко нейтрализируются, если взять послѣднихъ не одинъ, а нѣсколько, т.-е. тѣмъ же путемъ, которымъ уничтожаетъ всякія случайныя ошибки и „пертурбаціи" естествоиспытатель, производя также нѣсколько одинаковыхъ экспериментовъ сряду. Притомъ въ обоихъ случаяхъ слѣдуетъ и изолировать явленіе (въ послѣднемъ случаѣ — реально, въ настоящемъ времени; въ первомъ же — идеально, заднимъ числомъ), удаливъ все случайное и постороннее. Для примѣра мы совершимъ нѣсколько такихъ историко-психологическихъ ретроперспективныхъ „идеальныхъ экспериментовъ", хотя бы для доставленія данныхъ для разъясненія вопроса о „коренной природѣ воли" (чтобы не выходить здѣсь изъ рамокъ затронутой г. Соловьевымъ спеціальной области психологіи). Къ этому

вопросу относится, между прочимъ, очевидно, и проблемма о свободѣ или несвободѣ воли.

Одинъ изъ защитниковъ доктрины безусловнаго индетерминизма выставляетъ слѣдующій, по его мнѣнію, неотразимый аргументъ въ пользу своей доктрины: „Человѣкъ... можетъ, если хочетъ, сразу послушаться голоса (мотива), сильнѣе всего (внутри него) отзывающагося, или же того, который отзовется послѣднимъ, однако можетъ и не послушаться, если такъ предпочитаетъ. *Никто его не убѣдитъ противъ его воли*... Онъ можетъ... дорожить своею свободою (воли), въ качествѣ блага, высшаго, нежели всѣ другія, вслѣдствіе чего онъ будетъ постановлять *другія совершенно рѣшенія, чѣмъ можно было ожидать*, единственно для того, чтобы такимъ путемъ доказать свою свободу и проявить свою независимость. Онъ будетъ любоваться тою мыслью, что онъ зависитъ исключительно отъ самого себя, будетъ радоваться тому, что онъ самъ себѣ господинъ [1]). Сущность этой аргументаціи католическаго автора сводится, значитъ, къ тому, что блестящимъ доказательствомъ существованія у человѣка свободной воли является всегдашнее успѣшное отстаиваніе имъ этой своей свободной инициативы— въ области какъ убѣжденій, такъ и дѣйствій — отъ всякаго вліянія другихъ лицъ (желающихъ, напр., превратить этого человѣка въ свое пассивное орудіе). Провѣрить фактическую вѣрность этого утвержденія чрезъ наблюденіе „надъ собою и домашними" — вещь крайне мудреная. Обращаясь же къ помощи исторіи, психологъ можетъ легко провѣрить степень вѣрности защищаемаго католическимъ авторомъ тезиса, отыскавъ въ исторіи разные факты, совершенно соотвѣтствующіе по своей внутренней природѣ и внѣшней обстановкѣ указываемому здѣсь послѣднимъ случаю стремленія человѣка отстоять свою свободную волю.

Оригинальный и крайне характерный примѣръ такой именно борьбы „свободной воли" одного человѣка со стремленіемъ другаго лица повліять на перваго — представляетъ изъ себя финалъ политическаго антагонизма между Людовикомъ XI, королемъ французскимъ, и Карломъ Смѣлымъ, герцогомъ бургундскимъ. Послѣдній былъ человѣкомъ весьма храбрымъ и предпріимчивымъ (съ „сильною волею"), но недальновиднымъ и легкомысленнымъ. Первый же имѣлъ характеръ трусливый, но за то былъ лукавъ и проницателенъ. Между прочимъ Людовикъ XI не былъ военнымъ героемъ, тогда какъ его противникъ и соперникъ, Карлъ Смѣлый, былъ самымъ храбрымъ и наи-

---

[1]) „Przegląd Katolicki" (еженедѣльно выходящій въ Варшавѣ). 1887 г. Статья: „Разсмотрѣніе аргументовъ, отрицающихъ свободу воли", стр. 184. Курсивъ въ этой цитатѣ—нашъ.

болѣе любившимъ войну монархомъ своего времени. Въ концѣ-концовъ, безусловная побѣда осталась за первымъ, а что самое замѣчательное (и притомъ, самое характерное именно по отношенію къ интересующему насъ здѣсь психологическому вопросу) это—то, что Карлъ Смѣлый, отлично зная, что Людовикъ XI—его тайный смертельный врагъ и человѣкъ притомъ хитрый, тѣмъ не менѣе *былъ побѣжденъ и погибъ самъ не несмотря*, а въ значительной степени *именно потому*, что *желалъ* своими дѣйствіями (т.-е. *своею свободною волею*) *парализовать* интриги и вліяніе на него со стороны Людовика XI. Вотъ какъ было дѣло. На службѣ въ арміи Карла Смѣлаго находился съ нѣкотораго времени, въ качествѣ военно-начальника, итальянецъ, графъ Кампобассо, который около 1477 г. вошелъ въ тайныя сношенія съ Людовикомъ XI и его союзникомъ, герцогомъ Рене́ (претендентомъ на Лотарингскій герцогскій престолъ, захваченный Карломъ Смѣлымъ), съ цѣлью предать и погубить Карла при удобномъ случаѣ. Людовикъ XI, зная, что герцогъ бургундскій считаетъ его человѣкомъ лживымъ, предупреждалъ его, чтобы онъ остерегался Кампобассо; но слѣдствіемъ этихъ предостереженій было лишь усиленіе довѣрія Карла къ послѣднему. Кампобассо же 4 января 1477 г. условился съ герцогомъ Рене́, что онъ, Кампобассо, въ рѣшительную минуту предстоящаго сраженія со своими людьми отпадетъ отъ Карла и отрѣжетъ бургундцамъ отступленіе въ Люксембургъ. И дѣйствительно, на слѣдующій день, въ битвѣ подъ Нанси, Кампобассо внезапно перешелъ со стороны бургундцевъ къ ихъ врагамъ, союзнымъ войскамъ лотарингцевъ и швейцарцевъ (воевавшихъ противъ Карла съ уговора Людовика XI) и отрѣзалъ разбитымъ и преслѣдуемымъ войскамъ Карла дорогу къ отступленію и бѣгству чрезъ извѣстный мостъ, предавъ ихъ на избіеніе врагами или гибель въ волнахъ и подъ льдомъ рѣкъ Мерты и Мозель. Въ числѣ бургундцевъ, убитыхъ во время этого преслѣдованія, былъ и самъ Карлъ Смѣлый. Какъ мы здѣсь видимъ, Карлъ Смѣлый, оказывая, послѣ предостереженій со стороны Людовика XI, неограниченное довѣріе этому итальянцу-предателю, былъ глубоко убѣжденъ, что онъ, Карлъ, дѣйствуетъ совершенно независимо и по своей свободной волѣ,—что онъ „постановляетъ рѣшенія, совершенно другія, чѣмъ надѣялся" Людовикъ XI.

Изъ примѣра этого мы наглядно видимъ, что человѣкъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ знаетъ напередъ, что другія лица стараются на него вліять и притомъ еще — во вредъ и на гибель ему, какъ въ данномъ случаѣ—и вопреки имъ желаетъ дѣйствовать самостоятельно, такъ сказать, отстоять свою свободную волю (какъ изъ чувства независимости, „чтобы любоваться внутренно тою мыслью, что онъ самъ себѣ господинъ", такъ и изъ чувства самосохраненія)—

все-таки, какою бы могучею волею онъ ни обладалъ, легко обращается, если онъ въ то же время не обладаетъ сильнымъ умомъ, въ слѣпое орудіе другого лица, болѣе проницательнаго, хотя бы и обладающаго менѣе сильною волею. Такимъ образомъ, воля перваго какъ бы растворяется въ чужой волѣ, т.-е. значитъ, самоопредѣленіемъ и независимостью отъ другихъ психическихъ силъ (напр., разума) — иными словами свободою — человѣческая воля не обладаетъ. Такіе смышленные и лукавые люди, какъ Людовикъ XI, на каждомъ шагу въ жизни не встрѣчаются, а потому психологу и представляется мало вѣроятности встрѣтить ихъ среди „своихъ домашнихъ". Лишь въ исторіи мы можемъ *на заказъ* найти *всѣ случаи* попытокъ вліянія — успѣшныхъ или неуспѣшныхъ — однихъ людей на „свободную волю" другихъ, а чрезъ это избѣжимъ такого рода одностороннихъ и ложныхъ выводовъ, какъ тотъ, къ которому пришелъ вышеупомянутый авторъ аргументаціи въ пользу индетерминизма, именно потому, что онъ не пожелалъ совершить, съ помощью исторіи, „идеальнаго эксперимента" надъ этимъ тезисомъ, а, очевидно, дѣлая выводы лишь изъ наблюденій надъ собою и случайно окружающею его горстью живыхъ лицъ.

Теперь съ помощью ретроперспективнаго „идеальнаго эксперимента" же изслѣдуемъ другую психологическую доктрину, характера до извѣстной степени противоположнаго по отношенію къ только-что анализированному нами тѣмъ же путемъ одному изъ краеугольныхъ камней индетерминизма. Посмотримъ, правы ли сторонники матеріалистической психологіи, утверждающіе, что душа—а въ частности и воля человѣка—лишь функція матеріи и что потому всѣ психическія силы человѣка фаталистически должны ослабѣвать, парализоваться и, наконецъ, совершенно угасать при патологическомъ и слабомъ состояніи тѣла. Для провѣрки этого постулата отыскиваемъ въ исторіи данныя о такомъ человѣкѣ, который, когда былъ здоровымъ, проявлялъ вездѣ самую „сильную волю"—такимъ являлся, напр., кардиналъ Ришелье—и посмотримъ, что сдѣлалось съ твердостью его характера, когда онъ подвергся сильной, а потомъ и смертельной болѣзни.

Въ 1642 году Ришелье окончательно восторжествовалъ надъ всѣми врагами своими и французской монархіи. Испанія, англійскій король, нѣмецкій императоръ были побѣждены и парализованы, какъ во внѣшней своей политикѣ, такъ и во внутренней, вслѣдствіе раздиравшихъ ихъ государства междуусобныхъ войнъ или споровъ о коронѣ, въ возбужденіи которыхъ весьма сильное (тайное) участіе принималъ, вплоть до конца своей жизни, и самъ Ришелье. Потому всѣ эти государства теперь уже ничего не могли предпринимать про-

тивъ Франціи, которой отнынѣ принадлежала руководящая роль въ европейской международной политикѣ. Королева-мать, Марія Медичи, смертельно ненавидѣвшая кардинала, умерла лѣтомъ 1642 г. въ изгнаніи, въ бѣдности и одиночествѣ. Братъ короля, Гастонъ Орлеанскій, столько разъ конспирировавшій противъ Ришелье, окончательно ему покорился и отрекся отъ всякой политики. Заговоръ Сенъ-Марса, благодаря энергіи и неусыпной бдительности Ришелье, окончился плачевною неудачею; оба главные заговорщика, любимые народомъ, а самъ Сенъ-Марсъ притомъ еще и первый фаворитъ короля, 12 сентября 1642 г. погибли на эшафотѣ, а прочіе конспираторы, изъ нихъ многіе—самыя высокопоставленныя лица, подверглись другого рода строгимъ наказаніямъ. „Но, говоритъ Ранке, въ то время, когда Ришелье мановеніемъ своей воли управлялъ такою большою частью міра, онъ былъ парализованъ во всѣхъ членахъ своего тѣла, подверженъ мучительнѣйшей и опаснѣйшей болѣзни; онъ больше не могъ напрягать своей руки для подписи; ему нельзя бы было уже садиться въ экипажъ. Лишь въ носилкахъ переносили его туда, гдѣ государственныя дѣла требовали его присутствія. Однако, онъ еще не считалъ себя находящимся у цѣли, ни лично, ни по отношенію къ дѣламъ міра или Франціи, еще онъ управлялъ рулемъ государственнаго корабля съ далеко проникающимъ пытливымъ взоромъ и съ обычною твердостью, когда онъ (4 дек. 1642) скончался отъ возобновившагося припадка своей болѣзни“...

Но, можетъ быть, эта сильная воля смертельно больного Ришелье была результатомъ какого либо идеальнаго экстаза, „вознесенія души къ небу“? Нисколько! Въ оффиціальныхъ бумагахъ того времени находится много проектовъ и мнѣній, имѣющихъ авторомъ самого Ришелье, подробно изложенныхъ и мотивированныхъ. „По смѣлости,—говоритъ Ранке,—и всемірно историческому успѣху они не имѣютъ себѣ равныхъ.... признаковъ *свободнаго, направленнаго на высшія цѣли человѣческаго существованія полета души они не обнаруживаютъ*; они совсѣмъ охвачены государственнымъ кругозоромъ. Аналогичный характеръ представляетъ графъ Шефтсбюри († 1683), извѣстный (въ роли торія и реакціонера) членъ министерства Кабаль при Карлѣ II, впослѣдствіи одинъ изъ предводителей оппозиціоннаго движенія виговъ и протестантовъ противъ правительства съ его католическими тенденціями; и, наконецъ, въ концѣ своей жизни Шефтсбюри превращается въ руководителя заговоромъ крайнихъ элементовъ противъ династіи Стюартовъ. Шефтсбюри былъ главою и душею этого (оппозиціонно-конспиративнаго) религіозно-политическаго движенія, какъ ни было жалкимъ и сломаннымъ въ это время состояніе его тѣла; онъ являлся видѣвшимъ его, какъ умирающій человѣкъ,

на половину какъ трупъ; но онъ обладалъ еще огнемъ своихъ идей, въ которыхъ политическія мнѣнія переплетались съ честолюбіемъ. Во время подготовленія только-что упомянутаго заговора, Шефтсбюри рѣзко и язвительно нападалъ на колебавшихся произвести рѣшительный ударъ противъ правительства и особы Карла II.

Съ другой стороны, въ научной исторіи всякій въ ней начитанный и умѣющій оріентироваться легко можетъ найти по желанію („на заказъ") и другой типъ проявленія сильной воли въ людяхъ также слабыхъ и больныхъ тѣломъ, но именно подъ вліяніемъ мотивовъ, вполнѣ идеальныхъ, напр., религіознаго и т. п. энтузіазма или экстаза. Таковы, напр., англійскій религіозный реформаторъ Виклефъ († 1384 г.), „дряхлый и разслабленный подагрою", но твердый въ своихъ убѣжденіяхъ, являющійся предъ судомъ Оксфордскаго синода въ 1382 г. и сохраняющій эту твердость до конца своей жизни. Іоаннъ Гусъ, чешскій реформаторъ, изъ тюрьмы, гдѣ онъ сидѣлъ закованный въ тяжелыя цѣпи и подвергнутый тѣлесной болѣзни, идущій твердымъ шагомъ на Констанцкій соборъ, чтобы за нежеланіе тамъ отречься отъ своихъ реформаторскихъ идей погибнуть на кострѣ. Джонъ Мильтонъ, ослѣпшій и подвергающійся всякаго рода неудачамъ, притѣсненіямъ и бѣдствіямъ и все-таки сохраняющій до самой своей смерти духовную силу и дѣятельность и не измѣняющій тѣмъ пуританскимъ идеямъ, въ вѣрности которымъ онъ клялся на 23 году своей жизни, т.-е. 43 года предъ тѣмъ, и за которыя онъ столько терпѣлъ.

Сопоставляя теперь всѣ эти, полученныя помощью нашихъ „идеальныхъ экспериментовъ", данныя, мы приходимъ, въ отношеніи психологической стороны этихъ явленій, къ слѣдующему несомнѣнному заключенію: *во-первыхъ*, воля у человѣка не находится въ безусловной зависимости отъ здоровья и силы его тѣлеснаго организма, а иногда даже совершенно не зависитъ отъ таковаго, т.-е. mens agitat molem. *Во-вторыхъ*, эта независимость воли отъ тѣла не обусловливается вовсе идеальностью или неидеальностью мотивовъ этой воли.

Факты, касающіеся силы или слабости воли у „обыкновенныхъ смертныхъ" при столкновеніяхъ ихъ съ внѣшними преградами, исторія еще легче можетъ дать намъ на заказъ, притомъ — характера, какъ индивидуально психологическаго, такъ и коллективно психологическаго. Такъ, напр., съ одной стороны, въ исторіи Англіи и Сѣв. Амер. Соединенныхъ Штатовъ мы на каждомъ шагу видимъ наглядныя проявленія и доказательства той странной черты характера англичанъ, что неудачи отнюдь ихъ не пугаютъ, но, напротивъ, еще больше разжигаютъ ихъ охоту и побуждаютъ къ выдержкѣ. Съ другой стороны, исторія славянъ на каждомъ шагу даетъ намъ примѣры

людей, отступающихъ предъ самыми слабыми препятствіями, и послѣ первой неудачи капитулирующихъ предъ дѣйствительностью, примиряясь съ нею (откровенно или хоть de facto) подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ. Изъ исторіи же этихъ націй можно дальше прослѣдить детали и генезисъ этихъ двухъ противоположныхъ типовъ воли.

Такимъ образомъ, отношенія психической силы, именуемой волею, къ внѣшней средѣ у англичанъ и у славянъ — діаметрально противоположны. Въ предъидущихъ же примѣрахъ — съ Ришелье, Шефтсбюри, Виклефомъ, Гусомъ и Мильтономъ — мы также имѣли дѣло съ различными взаимными отношеніями и взаимодѣйствіями между духомъ (волею) человѣка, его тѣлеснымъ организмомъ и внѣшнею средою. Если же мы теперь вспомнимъ, что по Спенсеру („Основанія Психологіи", т. I, § 53), сущность психической жизни, а слѣдовательно, между прочимъ и воли, сводится именно къ реагированію между субъектомъ и внѣшнею средою, то мы наглядно увидимъ, что всѣ эти историческіе примѣры имѣютъ прямое отношеніе къ рѣшенію проблеммы объ „основной природѣ воли".

Такимъ образомъ, исторія всегда готова немедленно исполнить требованіе ученаго о предъявленіи ему на заказъ извѣстныхъ, гарантированныхъ съ фактической стороны, психическихъ явленій. Между тѣмъ, тотъ, кто ограничивается „наблюденіями надъ самимъ собою и своими домашними" или хотя бы даже еще надъ всѣми другими окружающими его живыми людьми — весьма часто принужденъ будетъ ссылаться на чисто отвлеченныя соображенія, не имѣя возможности *немедленно и на мѣстѣ* предъявить налицо требуемыхъ гарантированныхъ фактовъ психологическаго характера. А иными словами, это значитъ, что современная научная психологія не можетъ обойтись безъ помощи „идеальнаго эксперимента" ретроперспективнаго историческаго характера.

V.

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ коснуться вопроса о могущихъ намъ быть сдѣланными возраженіяхъ. Намъ кажется, что многія принципіальныя возраженія, которыя будутъ сдѣланы противъ предлагаемаго нами здѣсь историко-психологическаго метода, явятся лишь, какъ результатъ недоразумѣній, какъ это видно, напр., изъ тѣхъ возраженій, какія предвидѣны и напередъ разсмотрѣны нами выше. Но есть одно недоразумѣніе, которое мы заранѣе желаемъ устранить; предлагая свой методъ, мы, конечно, и не думаемъ вовсе впадать изъ одной крайности въ другую и „тезису" г. Соловьева—о „полной до-

статочности для философа (и психолога) наблюдать себя самого и своихъ домашнихъ, оставляя въ покоѣ Тита Ливія и Моммсена",— противоставить столь-же односторонній „антитезисъ", о томъ, что этотъ, рекомендуемый г. Соловьевымъ, методъ психологическихъ обсервацій слѣдуетъ *совершенно* бросить, и что конкретнымъ матеріаломъ для психологической индукціи могутъ служить *только* историческіе факты. Нѣтъ, истинно-научный методъ здѣсь заключается въ томъ, чтобы воздать suum cuique, т.-е. въ разумной координаціи обѣихъ этихъ сферъ наблюденія, между которыми, какъ мы уже видѣли выше, даже нельзя провести ясной границы и изъ которыхъ каждая имѣетъ свои сильныя и слабыя стороны, такъ что одна никогда не въ состояніи будетъ замѣнить вполнѣ другую и сдѣлать ее лишнею для философа. Лишь тогда психологія можетъ процвѣтать въ качествѣ точной и прогрессирующей науки, когда оба эти метода будутъ доставлять ей матеріалъ для ея анализовъ и синтезовъ.

Дѣйствительно, наблюденія надъ окружающими насъ живыми людьми имѣютъ, въ свою очередь, конечно, и свои преимущества предъ фактами психологическаго характера, идеально возстановленными исторіею. Какъ бы подробно и связно ни изображались послѣднею дѣйствія, слова, жесты и проч., этихъ „воскресшихъ мертвецовъ"—все-таки образы, передаваемые такимъ путемъ въ распоряженіе философа, не могутъ, конечно, никогда сравняться съ реальною дѣйствительностью по своей рельефности и живости. Такіе выразительные комментаріи человѣческихъ словъ и дѣйствій, какъ интонація голоса, мимика лица и жесты, уже совсѣмъ не могутъ передаваться исторіею, хотя бы и написанною самымъ детальнымъ и рельефнымъ образомъ.

Очевидно, что непремѣннымъ условіемъ примѣненія на практикѣ философами и психологами — перваго изъ этихъ двухъ методовъ — историко-психологическаго — является широкое и подробное знакомство этихъ ученыхъ съ событіями всемірной исторіи, и большій интересъ со стороны ихъ къ этой области знанія, что теперь, къ сожалѣнію, встрѣчается далеко не всегда, а что еще хуже, даже и не считается вовсе этими лицами для себя за partie honteuse.

Съ другой стороны, для облегченія такого пользованія исторіею для объясненія психологическихъ явленій и рѣшенія такого же рода проблеммъ, желательнымъ было бы, чтобы и историки, въ свою очередь, пошли навстрѣчу психологамъ, излагая исторію такъ, чтобы даже и не-спеціалистъ по этой наукѣ легко могъ бы оріентироваться въ историческихъ фактахъ и состояніяхъ (т.-е. въ области исторіи какъ „прагматической", такъ и культурной, по терминологіи проф. Карѣева) и легко находить среди нихъ тѣ именно, которые болѣе

всего могутъ разъяснить интересующій его психологическій вопросъ, служа, между прочимъ, суррогатомъ невозможнаго въ нормальной психологіи искусственнаго эксперимента.

Не менѣе важную обязанность историковъ — для того, чтобы сдѣлать свою науку способною быть источникомъ эксплоатаціи для абстрактной психологіи — составляетъ постоянное и категорическое отдѣленіе, отмѣчаніе и оговариваніе—въ историческихъ сочиненіяхъ—фактовъ несомнѣнныхъ и законченныхъ отъ данныхъ сомнительныхъ и незаконченныхъ, открытыхъ; причемъ,—въ виду громаднаго богатства и разнообразія фактическаго матеріала въ исторіи—лозунгомъ для такого историка должно служить: „лучше отбросить десять вѣрныхъ фактовъ, чѣмъ принять одинъ сомнительный или незаконченный, т.-е. такой, по которому историческая (точнѣе—исторіографическая) критика не произнесла еще своего окончательнаго приговора".

Опредѣленіе времени составленія одной безсудной грамоты Савво-Сторожевскаго монастыря на Крутицкій.

С. А. Ривникова.

Многіе извѣстные ученые—русскіе (напр., Соловьевъ) и иностранные (напр., Ранке) признаютъ архивные матеріалы преобладающимъ родомъ историческихъ матеріаловъ [1]). Акты юридической практики, какъ видъ ихъ, едва ли уступающій въ своемъ научномъ значеніи другимъ видамъ ихъ, должны быть также признаны весьма важными историческими матеріалами [2]). Съ одной стороны, они имѣютъ особенную важность [3]) при историческомъ изученіи права, будучи весьма полезными [4]), а иногда и главнѣйшими [5]) источниками науки исторіи права, а слѣдовательно, косвенно они являются таковыми же источниками и для исторіи вообще, потому что, по сознанію одного

---

[1]) Иконниковъ: Опытъ русской исторіографіи. Т. I, кн. I. 1891 г., стр. 26.

[2]) Ibidem, стр. 118, *886 и пр.

[3]) По выраженію Михайлова въ его Исторіи образованія и развитія системы русск. гражд. судоустройства до Уложенія 1649 г. Спб. 1848, стр. 127, тезисъ XI.

[4]) Куницынъ: Историческое изображеніе древняго судопроизводства въ Россіи. 1843, стр. II—III; А. Ю. К. (т.-е. Акты, относящіеся до юридическаго быта древней Россіи. Изданы подъ редакціею Калачова). Т. I, 1857 года, стр. III; Владимирскій-Будановъ: Обзоръ исторіи русскаго права. 1888 г., стр. 6, пунктъ 6 а); Винаверъ: Изслѣдованіе памятника польск. обычн. права XIII в., написанн. на нѣмецк. яз. 1888 г., стр. 8; Леонтовичъ: Исторія русскаго права. Лекціи. 1869 г., стр. 43—44, 68 и друг.

[5]) Дмитріевъ: Исторія судебныхъ инстанцій и пр. 1859 г., стр. 4; Дюверну: Источники права и судъ въ древней Россіи. 1869 г., стр. 13; Мейчикъ: Грамоты XIV и XV вв. Московск. Архива Мин. Юстиціи. 1883 г., стр. 25, стб. 2; Историко-юридическіе акты переходной эпохи XVII—XVIII вѣк., собранные Побѣдоносцевымъ, 1887 г., стр. I, и друг.

изъ лучшихъ нашихъ историковъ [6]) „для историка необходимо близкое знакомство съ исторіей права“; съ другой стороны, проливая свѣтъ на различныя стороны народной жизни [7]), они содѣйствуютъ возстановленію истинной картины прошлаго и тѣмъ самымъ являются въ рукахъ историка очень важнымъ матеріаломъ, независимо отъ ихъ значенія, какъ источниковъ исторіи права. Однако, эти акты могутъ вполнѣ сослужить свою службу историку и юристу лишь при болѣе или менѣе точномъ опредѣленіи времени, къ которому они относятся. Въ политической исторіи хронологія имѣетъ чрезвычайную важность, она составляетъ, по замѣчанію Сэйса [8]), тѣ лѣса, на которыхъ возводится зданіе исторіи. Въ исторіи народнаго быта и въ частности въ исторіи права моментъ времени имѣетъ меньшее значеніе, чѣмъ въ исторіи политической [9]). Время въ исторіи права, говоритъ Ефимовъ, является рамками [10]), въ которыхъ совершается эволюція системы [11]). Но и рамки удовлетворяютъ своему назначенію лишь тогда, когда онѣ хорошо сдѣланы.

Если для политической исторіи точность хронологическихъ данныхъ стоитъ на первомъ планѣ, то для бытовыхъ и юридическихъ древностей она имѣетъ также не малое значеніе. Дѣйствительно, мы были бы не въ состояніи прослѣдить отношеніе между отдѣльными явленіями юридической жизни и опредѣлить ихъ развитіе, если бы не знали надлежащихъ датъ, къ которымъ они должны быть отнесены [12]).

Поэтому, почерпая свѣдѣнія изъ историко-юридическихъ матеріаловъ, необходимо прежде всего знать, съ какого времени эти матеріалы ведутъ свое существованіе, и, главное, къ какому времени относится ихъ содержаніе. Къ сожалѣнію, на весьма многихъ актахъ юридическаго быта, въ особенности на болѣе древнихъ (до второй четверти XVI в.), обыкновенно [13]) не обозначаются даты, когда они были составлены, такъ что для опредѣленія времени, къ которому они относятся, приходится прибѣгать къ болѣе или менѣе сложнымъ соображеніямъ. Впрочемъ надо замѣтить, что и выставленныя даты

---

[6]) Иконниковъ, тамъ же, стр. 93, пунктъ 8.

[7]) Историко-юридическіе акты, собранные Побѣдоносцевымъ, тамъ же.

[8]) Ассиро-Вавилонская литература. 1879 г., стр. 18.

[9]) Ierингъ: Духъ римскаго права. Т. I. 1875 г., стр. 62.

[10]) Сэйсъ (тамъ же) тоже сравниваетъ хронологію съ рамками, говоря: „для историка хронологическая система столь же необходима, какъ рамка на полотнѣ для живописца“.

[11]) Лекціи исторіи римскаго права. 1-й семестръ. 1887 г., стр. 48.

[12]) Ср. Энгельмана: Хронологическія изслѣдованія въ области русской и ливонской исторіи. Спб. 1858 г. Введеніе.

[13]) Сл. Мейчика, ibid., примѣчаніе къ № 99 на 136 стр., столб. 1.

тоже требуютъ провѣрки въ виду возможной ошибки писца или переписчика. Подобныя описки тѣмъ легче допустить въ актахъ юридической практики, что мы встрѣчаемъ ихъ даже въ законодательныхъ памятникахъ, напр. въ жалованныхъ грамотахъ (не только спискахъ [14]), но и подлинникахъ [15])) и даже въ цѣлыхъ кодексахъ, напр. въ Псковской Судной Грамотѣ [16]).

Само собою разумѣется, что чѣмъ важнѣе по своему научному значенію данный актъ юридическаго быта, тѣмъ болѣе желательна точность въ опредѣленіи времени, къ которому онъ относится. Въ своей замѣткѣ я имѣю въ виду опредѣлить съ возможной точностью время составленія одной изъ немногихъ и едва ли не самой любопытной изъ дошедшихъ до насъ безсудныхъ грамотъ, годъ составленія которой опредѣляется нашими учеными весьма неопредѣленно, неточно и разнорѣчиво. Эта безсудная была выдана игумену Савво-Сторожевскаго монастыря Евфросину съ братьею на игумена Крутицкаго монастыря Геласія, причемъ дата не была выставлена. Затѣмъ, 6 октября 7132 года она была подписана на имя царя Михаила Федоровича и его отца [17]). Рукопись этой безсудной (подлинникъ [18])) хранится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи за № 4677 [19]).

[14]) См., напр., такія описки въ спискахъ жалованныхъ грамотъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи за №№ 9370 и 14553 и упомянутыхъ въ повременной описи этихъ грамотъ въ изслѣдованіи Мейчика соотвѣтственно подъ №№ 87 (стр. 130, стб. 2) и 185-мъ (стр. 144, стб. 1). См. также описку въ спискѣ жалованной грамоты, съ котораго она напечатана въ А. А. Э. I № 131, какъ замѣтилъ это Мейчикъ (стр. 152 и 138—9 подъ № 128).

[15]) См., напр., описку и поправку въ датѣ подлинной жалованной грамоты, хранящейся тамъ же подъ № 178. (Она напечатана въ приложеніи I-мъ къ изслѣдованію Мейчика подъ № 2 и помѣщена въ повременной описи подъ № 99 (стр. 136, стб. 1). См. также противорѣчіе между датами подлинной жалованной грамоты, отпечатанной въ А. Ю. К. I № 31, XII, и ея оффиціальной копіи, хранящейся въ упомянутомъ Архивѣ подъ № 9370 и упомянутой въ описи Мейчика подъ № 105. См. примѣчаніе къ этому № на стр. 136—7.

[16]) См. предисловіе къ изданію Псковской Судной Грамоты Мурзакевичемъ въ 1847 г., стр. VI; Калачова Псковск. Судн. Грамота, составленная на вѣчѣ, и пр. (Москвитянинъ, 1848 г. Часть I, стр. 171—4); Энгельмана: Гражданскіе законы Пск. Судн. Грамоты. 1855 г., стр. 9. См. также Устрялова: Изслѣдованіе Псков. Судн. Грамоты. 1855 г., стр. 123, примѣчаніе 6); Владимірскаго-Буданова, ibid., стр. 49, пунктъ 5 а) и пр. Ср. А. А. Э. I № 103.

[17]) Мейчикъ, ibid, приложеніе III № 2, стр. 104, стб. II и Ѳедотовъ-Чеховской. Акты, относящіеся до гражданской расправы древней Россіи. Томъ I 1860 г. № 54, стр. 76, стб. 2.

[18]) Мейчикъ, ibid., повременная опись грамотъ № 107, стр. 137, стб. I, примѣчаніе.

[19]) Ibid., стр. 34, стб. 2, стр. 102 (заглавіе) и 137, стб. 1, № 107, а также 156 стр., стб. 1—2.

Отсюда (по сообщенію Иконникова [20])) она была напечатана впервые Ѳедотовымъ-Чеховскимъ въ 1860 году [21]), а затѣмъ съ подлинника же (по словамъ самого издателя [22])) была вновь издана Мейчикомъ въ 1883 г. [23]). Кромѣ того печать судьи, выдавшаго эту безсудную, издана П. Ивановымъ [24]).

Ѳедотовъ-Чеховской относитъ ее къ времени „не позже 1481 г." [25]), но дѣлаетъ это настолько нерѣшительно, что въ „хронологическомъ указателѣ" къ первому тому своего изданія возлѣ названія этой безсудной ставитъ весьма рѣдкую у него помѣтку: „безъ года" [26]). Мейчикъ, не колеблясь, относитъ ее къ времени „около 1454 [27])" года.

Дѣйствительное время составленія этой грамоты опредѣляется изъ соображенія крайнихъ предѣловъ, раньше и позже котораго она не могла быть написана.

I.

Одинъ изъ этихъ предѣловъ, именно—позже котораго безсудная не могла быть составлена, очень легко опредѣлить на основаніи того, что она была выдана Савво-Сторожевскому „игумену Евфросину съ братіею [28])". По Строеву въ этомъ монастырѣ Евфросинъ былъ игуменомъ въ 1454 году [29]); начало же и окончаніе игуменства его Строеву неизвѣстны. Слѣдующій за нимъ игуменъ Варлаамъ упоми-

---

[20]) Иконниковъ, ibid., ср. стр. 425 и 424.

[21]) Акты Ѳед.-Чех. I, № 54, стр. 75, стб. 1—76, стб. 2.

[22]) См. прим. 18.

[23]) № 2 приложенія III-го къ его изслѣдованію (стр. 102—104).

[24]) „Сборникъ снимковъ и печатей, приложенныхъ къ грамотамъ и другимъ юридическимъ актамъ, хранящимся въ Моск. Архивѣ Мин. Юстиціи". 1858 г. Таблица II, № 31, какъ сообщаетъ это Мейчикъ (стр. 137, стб. I, примѣчаніе къ № 107). Къ сожалѣнію, я не могъ достать этого изданія.

[25]) Акты Ѳед.-Чех. I. „Оглавленіе актовъ гражданской расправы, отпечатанныхъ въ первомъ томѣ", стб. 12, текстъ къ № 54.

[26]) Акты Ѳед.-Чех. I. Хронологическій указатель, стб. I.

[27]) Мейчикъ, стр. 102, 137, стб. 1 и 156, стб. 1—2. На стр. 32, стб. 2 по незамѣченной авторомъ опечаткѣ напечатано: „1554".

[28]) Ibid. Приложеніе III, № 2, стр. 104, стб. 1 и Акты Ѳед.-Чех. I № 54, стр. 76, стб. 1.

[29]) Въ этомъ году 14 апрѣля ему была выдана В. К. Василіемъ Васильевичемъ жалованная грамота, напечатанная въ „Историческихъ матеріалахъ о церквахъ и селахъ XVI—XVII ст.". гг. Холмогоровыхъ, выпускъ 2, стр. 86 и 87, какъ упоминаетъ объ этомъ Мейчикъ въ примѣчаніи къ № 108 своей описи (стр. 137, стб. 1). Этого изданія я тоже не имѣлъ въ рукахъ.

нается въ 1462 году [30]). Слѣдовательно, эта *безсудная не могла быть составлена позже конца 1462 года.*

II.

Другой крайній предѣлъ,—раньше котораго она не могла быть написана,—опредѣляется въ силу слѣдующихъ данныхъ:

А.—Въ безсудной говорится, что за нѣсколько времени предъ судомъ, ходъ котораго излагается въ ней, отвѣтчикъ былъ оправданъ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ [31]); слѣдовательно, она была написана во всякомъ случаѣ послѣ вступленія на престолъ Василія Темнаго, но отсюда еще неизвѣстно — во время его княженія, или послѣ.

В.—Далѣе, мы читаемъ въ безсудной, что она была выдана съ доклада князю Андрею Васильевичу [32]). Мейчикъ называетъ его Звенигородскимъ княземъ [33]) (т.-е. удѣльнымъ [34])), а Ѳедотовъ-Чеховской видитъ въ немъ удѣльнаго князя Звенигородскаго Андрея Васильевича Большого [35]). Но такъ какъ эти ученые не привели доказательствъ въ пользу своего мнѣнія, а въ самомъ актѣ не упоминается ни фамиліи [36]), ни полнаго титула князя Андрея Васильевича, то вопросъ о томъ, кто такой былъ этотъ князь остается открытымъ. Разрѣшить его можно путемъ слѣдующихъ соображеній:

а) Въ началѣ грамоты сказано, что судья „судъ судилъ“ „*по княжу слову Андрѣеву Василевич.*“ [37]). Такое начало грамоты, по

---

[30]) Строевъ: Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія церкви. 1877 г., стб. 166.

[31]) Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 103, стб. 1 и акты Ѳед.-Чех. I. № 54, стр. 75, стб. 1.

[32]) Мейчикъ, тамъ же, стр. 103—104, стб. 1 и Акты Ѳед.-Чех. тамъ-же, стр. 75, стб. 2, стр. 76, стб. 1.

[33]) Мейчикъ, стр. 34, стб. 2.

[34]) Ср. тамъ же, стр. 14, стб. 2 и 35, стб. 1.

[35]) Акты Ѳед.-Чех. I. Указатель личныхъ именъ къ первому тому, стр. 1, стб. 2.

[36]) Служилые князья (какъ и бояре) обозначаются въ грамотахъ XV и начала XVI вв. лишь по имени и отчеству безъ прибавленія фамиліи (кромѣ немногихъ исключеній). См. примѣры такого обозначенія у Мейчика на стр. 7, стб. 2, стр. 29, стб. 1, а также Приложеніе III, № 2 (грамота 1496—8 г.), стр. 103, стб. 2. Примѣръ исключенія см. у Ѳед.-Чех. Акты I, № 20 (грамота 1492—1507 г.). стр. 17, стб. 1.

[37]) Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 102, стб. 1 и Акты Ѳед.-Чех. I, № 54, стр. 75, стб. 1.

мнѣнію Мейчика [38]), имѣло мѣсто въ случаяхъ княжескаго суда, когда князь давалъ судьѣ разобрать на мѣстѣ дѣло и доложить ему о результатахъ своего суда для вершенія самимъ княземъ. Подобныя порученія бывали необходимы въ поземельныхъ дѣлахъ, если тяжущіеся имѣли привиллегіи княжескаго суда. Дѣйствительно, поземельныя тяжбы требовали, по обычаямъ времени, мѣстнаго производства на спорной землѣ [39]), порученіе же подчиненному судьѣ вершить дѣло было бы въ такомъ случаѣ нарушеніемъ тархановъ [40]). Вотъ почему князь, чтобъ не ѣхать самому на спорную землю [41]), делегировалъ на время свое право суда другимъ лицамъ [42]), поручая имъ засудить дѣло безъ права вершить его [43]). Вершилъ же дѣло самъ князь по докладу судьи [44]). (Это—одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ случаевъ доклада вслѣдствіе ограниченной юрисдикціи судьи [45]), случай, который очень просто объясняетъ необходимость доклада во многихъ дѣлахъ, въ которыхъ поводы къ докладу объяснялись нашими учеными путемъ очень сложныхъ и часто произвольныхъ соображеній [46])). Въ XV в. эти порученія были обыкновенно словесными [47]), но иногда излагались и на письмѣ [48]). Въ первомъ случаѣ судъ происходилъ

[38]) Ibid., стр. 29.

[39]) Михайловъ, ibid., стр. 49; Дювернуа, ib., стр. 407, пунктъ 1; Мейчикъ, стр. 29 и 34, стб. 1; Сергѣевичъ, ib., стр. 685 и пр.

[40]) Мейчикъ, стр. 37, стб. 1.

[41]) Ibid., стр. 29, стб. 1.

[42]) Сергѣевичъ, Ib., стр. 685; Мейчикъ, стр. 29, стб. 1 и стр. 34, стб. 1; ср. также Владимірскаго-Буданова: Обзоръ, стр. 532.—Впослѣдствіи этихъ лицъ стали смѣшивать на практикѣ съ *данными судьями* (о нихъ см. Дмитріева, ib., стр. 151); Ланге: Древнее русское уголовное судопроизводство. 1884 г., стр. 16; его же: Древніе смѣстные или вобчіе суды. 1882 г., стр. 227 и 42, пунктъ 2 и проч.). Нормируя посылку судей на землю, Судебникъ 1550 г. (ст. 84) замѣнилъ ею судъ данныхъ судей, но на практикѣ постановленіе Судебника не исполнялось и самъ царь нерѣдко посылалъ на землю двухъ судей вмѣсто одного. (См., напр., правую грам. 1556 г. въ Актахъ Ѳед.-Чех. I № 74, стр. 165, стб. 2). Сравн. невѣрное объясненіе 84 ст. Судебника въ Хрестоматіи Влад.-Буданова, вып. 2-й 1880 г., стр. 169, пр. 201.

[43]) Мейчикъ, стр. 28, стб. 1 и 34, стб. 1; Сергѣевичъ, стр. 685; Дмитріевъ, ib., стр. 291 и пр.

[44]) Дювернуа, ib., стр. 344; Ланге: Древн. угол. суд., стр. 64—65; Влад.-Будановъ, Обзоръ, стр. 529, отдѣлъ I а); Сергѣевичъ, ib. стр. 685 и пр.

[45]) Дмитріевъ, ib., стр. 285; Дювернуа, ib., стр. 408, пунктъ 7; Хрестоматія Влад.-Буданова, ibid., стр. 88, пр. 22, Ланге: Смѣстн. суды, стр. 171, 174, 175—176; Сергѣевичъ, стр. 685 и проч.

[46]) См., напр., Дювернуа, ib., стр. 409; Дмитріева, ib., стр. 19—21 и прим. 29 къ 20 стр. (впрочемъ, см. 291—2 стр.).

[47]) См. примѣръ аналогичнаго словеснаго приказанія государя въ XVI в.—Акты Ѳед.-Чех. I № 74, стр. 201, стб. 1.

[48]) До насъ дошло всего лишь двѣ такія *указныя судимыя* грамоты (по

„*по слову*“ князя, во второмъ—„*по грамотѣ*“ его [49]). Грамоты обыкновенно давались иногороднимъ судьямъ, когда участокъ спорной земли былъ ближе къ нему, чѣмъ къ давшему грамоту; въ противномъ случаѣ давалось устное приказаніе.

Савво-Сторожевскій монастырь по привиллегіи былъ освобожденъ отъ намѣстничьяго суда, слѣдовательно, подлежалъ суду удѣльныхъ [50]), или великихъ князей [51]). Безсудная, о которой идетъ рѣчь, была выдана по поводу поземельнаго спора [52]), слѣдовательно, здѣсь мы видимъ примѣръ вершенья княземъ дѣла, засуженнаго даннымъ великокняжескимъ судьей [53]). Отсюда слѣдуетъ, что Андрей Васильевичъ судилъ княжескимъ судомъ. Уже отсюда можно было бы вывести, что онъ былъ княземъ правящаго Россіей Дома; но на это можно возразить, что княжескимъ судомъ могли судить и бояре [54]).

терминологіи Мейчика (стр. 24, стб. 2, примѣчаніе),—Ѳедотовъ-Чеховской называетъ ихъ *наказами судьямъ*. См., напр., Оглавленіе актовъ гражд. распр. и пр. въ I-мъ томѣ его Актовъ, стб. 7, текстъ къ № 35, стб. 8, текстъ къ № 38 и пр.): одна, напечатанная цѣликомъ въ изслѣдованіи Горчакова: „О земельныхъ владѣніяхъ россійскихъ митрополитовъ, патріарховъ и Св. Синода“ 1871 г., приложеніе II, № 4, и другая, извлеченіе изъ которой напечатано у Мейчика на стр. 25 (примѣчаніе къ 24 стр.) и 105, стб. 1 (примѣчаніе *).

[49]) Въ дополненіе доказательствъ въ пользу этого у Мейчика (стр. 29, стб. 2) укажу на то, что судья Володя Звѣревъ, указная судимая грамота которому дошла до насъ, начинаетъ судный списокъ, въ которомъ излагалось дѣло, разбираемое имъ по указу этой грамоты, такимъ образомъ: „по грамотѣ велиг князя“. См. Мейчика, Приложеніе III, № 3, стр. 105, стб. 1 и примѣчаніе къ ней.

[50]) А. И. I, № 15.—Жалованная грамота Звенигородскаго князя Юрія Дмитріевича Савво-Сторожевскому монастырю 10 мая 1404 г. (стр. 23, стб. 2—стр. 24, стб. 2). См. слѣдующее прим. in fine.

[51]) Жалованная грамота вел. кн. Василія Темнаго сему монастырю 17 апрѣля 1454 года, впослѣдствіи подтвержденная удѣльнымъ княземъ Звенигородскимъ и Углицкимъ Андреемъ Васильевичемъ. (См. Мейчика, стр. 10, стб. 1). Ср, прим. 29.

[52]) Акты Ѳед.-Чех. I № 54, стр. 75, стб. 1 и Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 102—103, стб. 1.

[53]) Дювернуа, ibid., называетъ такихъ судей: „данный судья великаго князя“ (стр. 333 in fine, ср. 334 стр.). Лучшаго термина нельзя и подобрать: *данный* указываетъ на то, что такой судья—видъ *данныхъ судей* вообще (genus), а опредѣленіе *великаго князя* указываетъ на отличіе его отъ обыкновенныхъ данныхъ судей, испрошенныхъ сторонами (differentia).

[54]) Ланге: Смѣстн. суды, стр. 175—176, 177, 201; его же: Древн. уголов. суд., стр. 62 и примѣчаніе къ ней; Мейчикъ, стр. 29, стб. 1; хрестоматія Влад.-Буданова, вып. II, стр. 83, пр. 3 и друг. Напротивъ, Дмитріевъ не различаетъ великокняжескаго (слѣдов., и княжескаго) суда лишь отъ суда введенныхъ бояръ, но противополагаетъ первому судъ намѣстниковъ отъ имени великаго князя (стр. 144—5). Это мнѣніе принимаетъ Влад.-Будановъ въ своемъ Обзорѣ

б) Въ концѣ описанія доклада мы читаемъ, что князь Андрей Васильевичъ отдаетъ приказаніе [55]) судьѣ, какъ рѣшить дѣло, не ссылаясь на авторитетъ государя [56]), какъ это дѣлали бояре, которымъ судьи докладывали вмѣсто государя [57]), именно, они рѣшали дѣло „по великаго князя слову“ [58]). Отсюда слѣдуетъ, что князь Андрей Васильевичъ судилъ княжескимъ судомъ отъ своего имени, а не отъ имени государя, т.-е. судилъ не какъ бояринъ, а какъ государь. Но мы знаемъ, что судъ дѣтей великаго князя вполнѣ замѣнялъ собою судъ ихъ отца [59]). Слѣдовательно, намъ надо разрѣшить

для эпохи судебниковъ (стр. 528, отдѣлъ I, б). Дювернуа, ib., говоря объ уравненіи боярской подсудности и княжеской, тоже упоминаетъ лишь о введенныхъ бояpахъ (344—6 стр.).

[55]) Дювернуа говоритъ, что высшій судья на докладѣ „*указываетъ* судъ“ низшему судьѣ (ibid, стр. 410, ср. стр. 412), но въ докладныхъ спискахъ говорится всегда: „*велѣлъ* судьѣ *такого-то* оправити“.

[56]) Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 104, стб. 1 и Акты Ѳед.-Чех. I, № 54, стр. 76, стб. 1.

[57]) См. примѣры такихъ докладовъ, когда судья рѣшилъ (ревся) доложить государю, а доложилъ боярину: А. Ю. (Акты юридическіе, 1838 г.) № 3, стр. 6, стб. 1, № 5, стр. 10, стб. 1, № 11, стр. 21, стб. 2, № 20, стр. 45, стб. 2 и пр.; Мейчикъ, Приложеніе III, № 3, стр. 108, стб. 1 и 2; Акты Ѳед.-Чех. I, № 14, стр. 11, стб. 2, № 27, стр. 28, стб. 1; или рѣшивъ доложить „государю или боярину“, доложилъ послѣднему: Акты Ѳед.-Чех. I, № 21, стр. 18, стб. 1; правая грамота, входящая въ № 66 (стр. 129, стб. 2—стр. 131, стб. 1), 1521 г., стр. 130, стб. 2; или—доложилъ боярину, рѣшивъ доложить „государю или человѣку старѣйшему“. А. Ю. № 14 (1510 г.), стр. 28, стб. 1; Акты Ѳед.-Чех. № 22, стр. 21, стб. 1. Сравн. „Образцы списковъ докладныхъ и грамотъ правыхъ и безсудныхъ“ Бѣляева (приложеніе къ его статьѣ: „Списки судные и докладные и грамоты и правыя и безсудныя въ Московскомъ государствѣ“ въ Архивѣ Историко-юридическихъ свѣдѣній Калачова. Книги 2-й 1/2 первая 1855 года) подъ № 4, стр. 134.—Въ одной грамотѣ судья рѣшивъ доложить „государю или его дворецкому“, доложилъ дѣло послѣднему. (Акты Ѳед.-Чех. I, № 53, стр. 73, стб. 2). Ср. невѣрное объясненіе этихъ фактовъ у Дмитріева, ib. стр. 283—4.

[58]) А. Ю. №№ 3 (стр. 6, стб. 2), 5 (стр. 10, стб. 1), 6 (стр. 12, стб. 2), 11 (стр. 21, стб. 2), 14 (стр. 28, стб. 1 и 2), 20 (стр. 45, стб. 2), 22 (стр. 52, стб. 1—это уже 1547 г.); Мейчикъ, Приложеніе III, № 3, стр. 108, стб. 2; Акты Ѳед.-Чех. I, №№ 21 (стр. 18, стб. 2), 22 (стр. 21, стб. 1), 27 (стр. 28, стб. 2), 49 (стр. 63, стб. 2), 53 (стр. 74, стб. 1), прав. грам. въ № 66 (стр. 131, стб. 2) и проч. Сравн. неясное пониманіе значенія этого техническаго выраженія у Ланге. (Смѣстн. суды, стр. 178 — 180) и превратное — у Мейчика (стр. 32, стб. 2).

[59]) Судебникъ Великокняж., ст. 21 и 24, Судебникъ Царскій, ст. 37, 39 и (28). Сравн. примѣчаніе Татищева а) къ 28 ст. Судебнаго, изданнаго Миллеромъ (2 изд. 1786 г., стр. 17); а также см. Бѣляева, Лекціи по исторіи русскаго законодательства. 1888 г., стр. 413, пункъ С.; христоматію Влад.-Буданова, ib., стр. 89, пр. 27 и друг.

вопросъ: замѣнялъ ли князь Андрей Васильевичъ своего отца, или судилъ, какъ владѣтельный князь?

в) Изъ полноты замѣны суда великаго князя судомъ его дѣтей необходимо вытекаетъ взаимность и случайный характеръ этой замѣны: сынъ замѣнялъ отца, а отецъ сына въ разныхъ стадіяхъ процесса, смотря по личнымъ удобствамъ высокихъ судей. Между тѣмъ въ данномъ случаѣ князь Андрей Васильевичъ все время самъ руководитъ судомъ: даетъ повелѣніе судьѣ разобрать дѣло, самъ же слушаетъ докладъ и вершитъ дѣло отъ своего имени. Уже это одно наводитъ на мысль, что мы видимъ предъ собой примѣръ суда самостоятельнаго владѣтельнаго князя. Эта мысль получаетъ силу полной достовѣрности, благодаря стеченію цѣлаго ряда подтверждающихъ ее обстоятельствъ.

I. Если докладъ производилъ судья, подчиненный великому князю, то на докладѣ присутствовалъ великокняжескій дьякъ. Изъ дошедшихъ до насъ примѣровъ подобныхъ докладовъ мы знаемъ, что такъ было въ тѣхъ случаяхъ, когда докладъ слушалъ самъ государь [60]), или замѣняющій его бояринъ [61]). (Во избѣжаніе недоразумѣній, считаю нужнымъ замѣтить, что иногда великокняжескій дьякъ подписывался просто: „діакъ“ [62]), но что это были все-таки великокняжескіе дьяки, а не какіе-либо другіе, видно изъ того, что, напр., дьякъ順 Дуракъ Мишуринъ на одной грамотѣ подписался съ сокращеннымъ титуломъ „діакъ“ [63]), а на другой—современной—съ полнымъ: „Великаго Князя діакъ“ [64]), а дьякъ Василій Щелкаловъ [65]), подписавъ грамоту съ полнымъ титуломъ, скрѣпилъ ее съ сокращеннымъ [66]) и пр.).

---

[60]) А. Ю. К. I, № 103, I, (грамота 1462—4 гг.), стб. 639; А. Ю. № 13, (грамота 1508 г.). стр. 27, стб. 2; Акты Ѳед.-Чех. I, №№ 29 (стр. 30, стб. 2), 30 (стр. 32, стб. 1), 45 (стр. 52, стб. 2), 71 (стр. 195, стб. 1), 74 (стр. 207, стб. 1) и проч.

[61]) А. Ю. №№ 3 (стр. 7, стб. 1), 14 (стр. 28, стб. 2), 21 (стр. 49, стб. 1); Акты Ѳед.-Чех. I, №№ 21 (стр. 19, стб. 2), 27 (стр. 28, стб. 2), 22 (стр. 21, стб. 1); ср. Образцы списковъ и пр. Бѣляева, № 4 (Архивъ, стр. 134); см. правую грамоту 1521 г. въ № 66 Актовъ Ѳед.-Чех. I, стр. 131, стб. 1; Мейчикъ, Приложеніе III, № 3, стр. 108, стб. 2. См. скрѣпу суднаго списка великокняжескимъ дьякамъ въ Актахъ Ѳед.-Чех. I, № 53, стр. 74, стб. 2. Ср. прим. 57.

[62]) А. Ю. №№ 5 (стр. 10, стб. 2), 6 (стр. 12, стб. 2), 11 (стр. 22, стб. 1); Акты Ѳед.-Чех. I №№ 34 (стр. 36, стб. 1), 44 (стр. 47, стб. 1), 49 (стр. 64, стб. 1), 53 (стр. 74, стб. 2), 66 (стр. 133, стб. 1).

[63]) Акты Ѳед.-Чех. I, № 46, стр. 55, стб. 1.

[64]) Ibid. № 45, стр. 52, стб. 2. Сравн. ibid., № 52, стр. 69, стб. 2.

[65]) Управлявшій впослѣдствіи цѣлой Четвертью, называвшейся его именемъ (А. А. Э. I № 362, стр. 387, стб. 2).

[66]) Акты Ѳед.-Чех. I, № 63, стр. 117, стб. 1.

Несомнѣнно, то же бывало и тогда, когда докладъ слушалъ, вмѣсто государя, его сынъ. Это слѣдуетъ частію изъ вышеуказанной полной и взаимной замѣны суда государя-отца судомъ его дѣтей, частію изъ того, что Судебники различаютъ только печатниковъ великаго князя и его дѣтей и въ то же время говорятъ лишь объ одномъ дьякѣ, общемъ для суда того и другихъ [67]), т.-е. о дьякѣ великокняжескомъ. Напротивъ, на судѣ удѣльныхъ князей могли присутствовать лишь ихъ личные дьяки, подписавшіеся или съ полнымъ титуломъ: „дьякъ княжь", или съ сокращеннымъ: „дьякъ" [68]). При докладѣ судьи князю Андрею Васильевичу присутствовалъ „дьяк княжь Андрѣев Василевич Семен Василевич" [69]).

II. Ни въ одномъ памятникѣ не упоминается, чтобъ дѣти великаго князя имѣли своихъ собственныхъ приставовъ. Если бояре, судя за и вмѣсто князя [70]), въ силу однородности компетенціи боярскаго и княжескаго суда [71]), пользовались, какъ исполнительными органами, приставами великаго князя [72]); то тѣмъ болѣе дѣти великаго князя, въ силу указаннаго выше безразличія ихъ суда и суда ихъ отца, имѣли полное право распоряжаться приставами своего отца и не нуждались въ особыхъ приставахъ. Между тѣмъ у князя Андрея Васильевича былъ личный приставъ-недѣльщикъ Петеля, про котораго истецъ въ двухъ мѣстахъ безсудной говоритъ князю: „приставъ твой" [73]).

III. Судъ великаго князя и его дѣтей, какъ таковыхъ, производился въ Москвѣ и за рѣдкими исключеніями въ другихъ городахъ, что, кажется, бывало только въ исключительныхъ случаяхъ, какъ, напр., это было въ Новгородѣ въ 1475 г., когда Іоаннъ III судилъ

---

[67]) Суд. Вел., ст. 22 и 24; Суд. Царск., ст. 28, 38 и 39.

[68]) Напр., дьяки Михаила Андреевича Верейскаго. См. Акты Ѳед.-Чех. I, № 6, стр. 3, стб. 2, № 10, стр. 6, стб. 2 (тоже въ образцахъ списковъ и пр. Бѣляева, № 1—Архивъ, стр. 129); А. Ю. № 1, стр. 3, стб. 1. Ср. Мейчика, стр. 31, стб. 1.

[69]) Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 104, стб. 2 и Акты Ѳед.-Чех. I, № 54, стр. 76, стб. 2.

[70]) Мейчикъ, стр. 29, стб. 1.

[71]) См. у Мейчика на 22 стр., стб. 1, цитаты изъ грамотъ, хранящихся въ Моск. Архивѣ Мин. Юст. подъ №№ 1111 (10 марта 1462 г., отпечатанная въ А. А. Э. I, № 131 подъ 1494 годомъ) и 1130-мъ. См. пр. 54.

[72]) См., напр., правыя грамоты, входящія въ составъ № 66-го Актовъ Ѳед.-Чех. I (см. выше пр. 57), стр. 130, стб. 2 и — № 74-го (на стр. 201, стб. 1—202, стб. 2), стр. 201, стб. 1; а также слич. А. А. Э. I, стр. 291, стб. 1 (№ 262) и стр. 293, стб. 2 (263).

[73]) Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 103, стб. 2, строчки 13 и 16 снизу и Акты Ѳед.-Чех. I, № 54, стр. 75, стб. 2, строчки 4 и 8 снизу.

новгородскихъ бояръ 74), или въ 1479 г., когда онъ судилъ архіепископа Ѳеофила 75). Между тѣмъ дѣло, изложенное въ безсудной, разбиралось внѣ Москвы. Это вытекаетъ изъ слѣдующихъ соображеній.— Все содержаніе безсудной указываетъ на то, что разборъ этого дѣла тянулся довольно долго. Первое засѣданіе суда происходило, по всему вѣроятію, въ городѣ. На это указываютъ: присутствіе на судѣ княжескаго пристава 76), словесное порученіе князя разобрать дѣло 77) и неизвѣстность для судьи спорныхъ земель, которыя опредѣлились лишь во время судоговоренія 78). Чрезъ нѣкоторое время, послѣ испрошенной отвѣтчикомъ отсрочки 79), открылось второе засѣданіе суда на берегу озера Полецкаго 80), находящагося недалеко отъ Савво-Сторожевскаго монастыря и городовъ Вереи 81) и Звенигорода. Изъ того, что князь далъ *устное* порученіе своему приближенному, а не послалъ грамоту къ иногороднему судьѣ, слѣдуетъ 82), что онъ самъ жилъ въ одномъ изъ ближайшихъ городовъ къ спорному участку, а не въ Москвѣ; а изъ того, что на спорный участокъ земли явился судья въ сопровожденіи княжескаго пристава 83) и затѣмъ, какъ видно изъ хода всего дѣла, непосредственно вслѣдъ за симъ предсталъ предъ княземъ у доклада 84), надо заключить, что этотъ князь несомнѣнно жилъ въ сосѣднемъ городѣ съ Полецкимъ озеромъ, т.-е. или въ Вереѣ, или въ Звенигородѣ. Между тѣмъ изъ лѣтописей не-

---

74) Полное Собраніе Русскихъ лѣтописей (цитируемое ниже подъ иниціалами: П. С. Р. Л.), т. VI—1853 г.: 2-я софійская лѣтопись, стр. 202—4. См. объ этомъ судѣ: Карамзина: Исторія Государства Россійскаго, изданіе Смирдина 1833 г., т. V, стр. 66—68; Полеваго: Исторія русскаго народа, т. V 1833 г., стр. 507—510; Соловьева: Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. V, 1882 г., стр. 27—28; Бѣляева: Разсказы изъ русской исторіи, часть II, исторія Новгорода, 1872 г., стр 535—537.

75) О юридическомъ и политическомъ значеніи сего суда см. Полевого, ibid., стр. 522, примѣч. 455; Соловьева, ibid., стр. 39; Бѣляева, ibid., стр. 570 и проч.

76) Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 103, стб. 1 и Акты Ѳед.-Чех. I, № 54, стр. 75, стб. 1 и 2.

77) См. выше II, В, а, стр. 8.

78) Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 102—103, стб. 1 и Акты Ѳед.-Чех. I, № 54, стр. 75, стб. 1.

79) Мейчикъ, ibid, стр. 103, стб. 1 и Акты Ѳед.-Чех., ib., стр, 75, стб. 1.

80) Мейчикъ, ibid., внизу стр. и Акты Ѳед.-Чех., ib., стр. 75, стб. 2.

81) Озеро Полецкое находится въ современномъ Верейскомъ уѣздѣ, Московской губ. (См. Настольный словарь, изданіе Ф. Толля, т. III, 1864 г., стр. 143, стб. 1.

82) См. пр. 77.

83) Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 103, стб. 1 и Акты Ѳед.-Чех. I, № 54, стр. 75, стб. 2.

84) Мейчикъ, ib., стр. 103, стб. 1—2 и Акты Ѳед.-Чех., ibid.

извѣстно, чтобъ Василій Темный или Іоаннъ III—первый съ своимъ сыномъ, второй — съ своимъ братомъ [85]) Андреемъ пріѣзжали въ Звенигородъ, или Верею и жили тамъ столь продолжительное время, сколько длился этотъ судъ. Объ этомъ лѣтописи не могли бы умолчать.

Отсюда слѣдуетъ, что Андрей Васильевичъ былъ владѣтельнымъ (удѣльнымъ) княземъ, которому былъ подсуденъ Савво-Сторожевскій монастырь.

г) Мы знаемъ, что этотъ монастырь, находящійся въ полутора верстахъ отъ города Звенигорода [86]), издавна входилъ въ Звенигородскій удѣлъ [87]) и былъ подсуденъ [88]) звенигородскимъ князьямъ не только въ силу общаго начала территоріальной подсудности, господствовавшаго въ древнемъ русскомъ правѣ [89]), но и по жалованнымъ грамотамъ [90]). Данное дѣло было подсудно звенигородскому удѣльному князю сверхъ того и вслѣдствіе нахожденія въ его удѣлѣ спорной земли [91]). Слѣдовательно, Андрей Васильевичъ былъ удѣльнымъ княземъ звенигородскимъ.

д) Во время княженія Василія Васильевича Темнаго въ Звенигородѣ не было ни одного удѣльнаго князя съ именемъ Андрея Васильевича, а по смерти его, послѣдовавшей 27 марта 1462 года [92]), Угличъ, Бѣжецкъ и Звенигородъ достались въ удѣлъ третьему сыну его, Андрею Васильевичу Большому [93]), прозвищемъ Горяй [94]), родившемуся 3 августа 1446 года [95]). Отсюда слѣдуетъ, что упоминаемый въ безсудной грамотѣ князь былъ никто иной, какъ удѣльный князь звенигородскій Андрей Васильевичъ Большой.

---

[85]) Все вышесказанное о дѣтяхъ вел. князя относится и къ братьямъ его, если только допустить невѣроятное предположеніе, что Андрей Васильевичъ судилъ вмѣсто своего брата Іоанна.

[86]) Амвросій. Исторія россійской іерархіи. Часть II, 1810 г. стр. 548 внизу.

[87]) См. пр. 50.

[88]) См. ниже подъ буквой е) пунктъ II.

[89]) Михайловъ. Ib., стр. 48—49; Дмитріевъ, ib., стр. 160; Дювернуа, ib., стр. 368—9; Ланге: смѣстные суды, стр. 288; Мейчикъ, примѣчаніе къ 40 стр. (стр. 40, стб. 2—стр. 41); Влад.-Будановъ, Обзоръ, стр. 532 и пр.

[90]) См. пр. 50.

[91]) Сравн. Михайлова о подсудности въ древнемъ русскомъ правѣ по мѣсту нахожденія спорной земли (ibid, стр. 49).

[92]) П. С. Р. Л. VI, стр. 185; Книга Степенная царскаго родословія и пр., сочиненная трудами митрополитовъ Кипріана и Макарія, а напечатанная подъ смотрѣніемъ Миллера. Часть II. 1775 г., стр. 28, строчки снизу 11—12.

[93]) Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ. Изданіе графа Румянцева. Часть I, 1813 г., № 86—1462 г., стр. 203, стб. 2; П. С. Р. Л. IV, стр. 148; т. V, стр. 274 и т. VI, стр. 185.

[94]) П. С. Р. Л. V, стр. 39.

[95]) Ibid. т. V, стр. 268—9 и т. VI, стр. 176.

е) Этотъ выводъ подтверждается слѣдующими совпаденіями:

I. Мы видѣли, что при докладѣ присутствовалъ личный дьякъ князя Андрея Васильевича Семенъ Васильевичъ; между тѣмъ до насъ дошла одна правая грамота, изъ которой видно, что при докладѣ удѣльному князю Андрею Большому [96]) присутствовалъ личный дьякъ этого князя Семенъ Васильевичъ [97]).

II. Изъ того, что эта правая грамота была выдана имъ Савво-Сторожевскому монастырю по дѣлу, засуженному звенигородскимъ и монастырскимъ тіунами [98]), которые оба называютъ его своимъ „осподаремъ" [99]), слѣдуетъ, что этотъ монастырь былъ подсуденъ ему, какъ своему удѣльному князю, и что онъ могъ велѣть выдать *правую безсудную* грамоту [100]) точно такъ же, какъ въ другомъ дѣлѣ—*правую* [101]).

Итакъ, тождество упомянутаго въ безсудной князя съ удѣльнымъ княземъ Андреемъ Большимъ стоитъ выше всякаго сомнѣнія; слѣдовательно, *безсудная*, выданная по приказанію удѣльнаго звенигородскаго князя, получившаго въ удѣлъ Звенигородъ въ 1462 г., *не могла быть составлена раньше 1462 года.*

В. Соображая эти данныя, мы приходимъ къ несомнѣнному заключенію, что эта безсудная была написана въ первый годъ княженія въ Звенигородѣ Андрея Васильевича Большого и въ послѣдній годъ игуменства Евфросина въ Савво-Сторожевскомъ монастырѣ, т.-е. ровно въ 1462 году.

Г. Для точнѣйшаго опредѣленія времени написанія этой грамоты служитъ намъ упоминаніе безсудной о томъ, что второе засѣданіе описаннаго въ ней суда состоялось въ срокъ [102]), назначенный для явки сторонъ на это засѣданіе, а именно: *на Николин днь на вешнеи*" [103]), т.-е. весенній. Весной бываетъ два Николина дня: 9 марта (память Св. Николая, одного изъ 40 мучениковъ Севастійскихъ) и 9 мая (перенесеніе мощей Св. Николая Чудотворца); но 9 марта Ан-

---

[96]) А. Ю. № 7, стр. 14, стб. 2. Сл. 7 примѣчаніе къ А. Ю. (1 стр. примѣчаній).

[97]) Ib., стр. 13—14; онъ же подписалъ (съ однимъ именемъ, безъ отчества) и подтвержденіе симъ княземъ жалованной грамоты своего отца этому же монастырю,—Мейчикъ, стр. 10, стб. 1 (См. пр. 51).

[98]) А. Ю. № 7, стр. 14.

[99]) Ib., стр. 14, стб. 2.

[100]) Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 104, стб. 1 и примѣчаніе къ ней (сравн. стр. 104, стб. 2) и Акты Ѳед. Чех. I, № 54, стр. 75, стб. 1 (сравн. ibid., стб. 2).

[101]) См. прим. 99.

[102]) Мейчикъ, Приложеніе III, № 2, стр. 103, стб. 1 и Акты Ѳед.-Чех. I, № 54, стр. 75, стб. 2.

[103]) Мейчикъ, ibid. и Акты Ѳед.-Чех. I, стр. 75, стб. 1.

дрей Васильевичъ еще не былъ звенигородскимъ княземъ [104]), слѣдовательно, здѣсь подъ Николинымъ днемъ разумѣется 9 мая; названъ же этотъ день „вешнимъ" для отличія отъ Николина дня „осенняго", который принадлежалъ къ числу довольно распространенныхъ [105]) судебныхъ сроковъ [106]). Непосредственно вслѣдъ за засѣданіемъ 9 мая состоялся докладъ князю, послѣ котораго и была выдана игумену безсудная грамота. Въ XV в. безсудныя выдавались очень скоро послѣ окончанія дѣла. По Судебнику она должна была даваться „съ осьмого дня" [107]), т.-е., по толкованію однихъ [108]), на 8-й день послѣ срока, или, по толкованію другихъ [109]), полагая 8 дней льготы на каждыя 100 верстъ разстоянія мѣстожительства отвѣтчика отъ мѣста суда; послѣднее, кажется, практиковалось и до Судебника, такъ, напр., согласно этому расчету [110]) въ другой дошедшей до насъ безсудной этой же эпохи [111]) предписывается выдать ее истцу „по сроцѣ на третей день" [112]).

Крутицкій монастырь находится въ Москвѣ, слѣдовательно, въ 78—80 верстахъ отъ Звенигорода, гдѣ слушался докладъ, а посему безсудная должна была быть выдана на 6-ой—8-ой день послѣ суда. Принимая во вниманіе, что на практикѣ эти сроки могли и не соблюдаться во всей точности, мы приходимъ къ заключенію, что интересующая насъ безсудная была написана около середины мая 1462 г. и во всякомъ случаѣ не позже іюня этого года. Само собою разумѣется, что судъ, описанный въ ней, могъ начаться лишь спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ пріѣхалъ въ Звенигородъ новый удѣльный князь, поэтому надо полагать, что этотъ судъ могъ происходить приблизительно съ начала апрѣля до середины мая 1462 г.

Опредѣленное мной дѣйствительное время составленія этой безсудной имѣетъ научное значеніе не только потому, что данная без-

---

[104]) Отецъ его умеръ 27-го марта (см. прим. 92).

[105]) Сравн. Ланге: Смѣстные суды, стр. 200 и Древн. уг. суд., стр. 182.

[106]) А. Э. I № 368 (1597 г.), стр. 456, стб. 2 и А. Э. III № 170 (1626 г.), стр. 251.

[107]) Суд. Великокн., ст. 27.

[108]) Ланге: Древн. уг. суд., стр. 187; Бѣляевъ: Лекціи, стр. 415.

[109]) Хрестоматія Влад.-Буданова, вып. II, стр. 91, пр. 87. См. также прим. 110.

[110]) Бѣляевъ: Списки судные и докладные и пр. (Архивъ Калачова, ib., стр. 128).

[111]) По Θедотову-Чеховскому: „не позже 1485 г." (Оглавленіе актовъ I-го тома, стб. 2 и Хронологич. таблица, ib., стб. 1), по Мейчику 1432—79 (стр. 131, стб. 2 и 34 стр., 2 стб.). Бѣляевъ относитъ ее глухо къ XV в. (Образцы списковъ и пр.—Архивъ, ib., стр. 131, заглавіе акта № 3).

[112]) Акты Θед.-Чех. I, № 10, стр. 6, стб. 2 и Бѣляевъ ibidem., стр. 131

судная является очень любопытнымъ историко-юридическимъ памятникомъ вообще [113], но и потому, что на основаніи этого опредѣленія можно вывести слѣдующія небезъинтересныя данныя:

а) Уже за 37 лѣтъ до изданія Судебника 1497 г. существовалъ институтъ недѣльщиковъ, вопреки общепринятому мнѣнію въ литературѣ, которое связываетъ происхожденіе недѣльщиковъ съ Великокняжескимъ Судебникомъ, какъ это прямо высказали Поповъ [114], Дювернуа [115], Кистяковскій [116] и другіе [117]. Остальные ученые молчаливо признаютъ это, ссылаясь по вопросу о происхожденіи недѣльщиковъ только на Судебникъ [118], или связывая изложеніе о нихъ съ приказнымъ управленіемъ московскаго государства [119], или вовсе не касаясь вопроса о времени сложенія этого института. Только одинъ Бѣляевъ полагаетъ, что недѣльщики были и прежде Судебника, но въ то же время говоритъ: „По Судебнику, изданному въ 1497 году, мы *въ первый разъ* встрѣчаемъ извѣстіе о *новомъ* разрядѣ судебныхъ служителей...—о недѣльщикахъ“ [120] (курсивъ мой). Въ виду этого замѣчанія Бѣляева нельзя и осуждать ученыхъ за допущенную ими ошибку. Безсудная, о которой идетъ рѣчь—единственный источникъ, изъ котораго мы узнаемъ о существованіи недѣльщиковъ до Судебника, такъ какъ приблизительное опредѣленіе времени другой правой грамоты XV в., въ которой тоже упоминается о недѣльщикѣ [121], оставляетъ вопросъ открытымъ, составлена ли она до или послѣ Судебника, слѣдовательно, эта правая грамота не можетъ служить такимъ источникомъ.

б) Недѣльщики были не только у великаго князя, но и у удѣльныхъ князей, что окончательно опровергаетъ господствующее мнѣніе

---

113) О чемъ говоритъ Мейчикъ на 34—35 стр. своего изслѣдованія.

114) Объ устройствѣ уголовныхъ судовъ въ Московскомъ Царствѣ (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Часть XL. 1848 г.), стр. 101.

115) Источники права и судъ и пр., стр. 351.

116) О пресѣченіи обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. 1868 г. § 14, стр. 37.

117) Тарасовъ относитъ ихъ происхожденіе къ концу XV в. (Личное задержаніе. Полицейскій арестъ въ Россіи. Отдѣлъ I. 1877 г., стр. 65), а Рейцъ—даже къ началу 16 вѣка (?).—Опытъ исторіи россійск. госуд. и гражд. законовъ 1836 г. (см. на 179 стр. примѣчаніе 4 къ 178 стр.).

118) Напр., Михайловъ, ib., стр. 78 и примѣч. 29 къ ней; Микляшевскій: О средствахъ представленія обвиняемаго въ судъ и пр. 1872 г. Слич. стр. LVI—LVII и прим. 1 къ LVII стр.

119) Напр., Неволинъ (Полное собраніе сочиненій. 1859 г., т. VI, стр. 105—106); Дмитріевъ, ib., стр. 137; Ланге (Древн. русск. уг. суд., стр. 55).

120) О вызовѣ въ судъ по древнимъ русскимъ законамъ до уложенія (Журналъ Министерства Юстиціи. 1860 г. Томъ III. Февраль), стр. 113.

121) Мейчикъ, Приложеніе III подъ № 3 (1496—98 гг.), стр. 108, стб. 2.

ученыхъ [122]), что недѣльщики были только въ Москвѣ и въ Новгородѣ (послѣднее утверждается только нѣкоторыми, да и то лишь въ примѣчаніяхъ [123]), иногда даже еще и съ оговоркой: „кажется" [124]).

в) Списки русскихъ іерарховъ и настоятелей монастырей Строева можно пополнить слѣдующими данными: 1) Евфросинъ былъ игуменомъ Савво-Сторожевскаго монастыря 1454—1462 (причемъ Варлаамъ замѣнилъ его не ранѣе мая или іюня 1462 года) и 2) въ 1462 году въ Крутицкомъ монастырѣ былъ игуменомъ Геласій (у Строева нѣтъ ни одного игумена Крутицкаго монастыря [125]). Эти данныя могутъ служить надежнымъ руководствомъ при опредѣленіи времени разныхъ изданныхъ и неизданныхъ грамотъ.

[122]) Рейцъ, стр. 280; Поповъ, ib., стр. 101; Кавелинъ: Основныя начала русскаго судоустройства и гражд. судопроизводства и пр. 1844 г., стр. 66 (тоже см. сочиненія Кавелина, т. I, 1859 г., стр. 131); Влад.-Будановъ: Обзоръ, стр. 535; Ланге: Древн. русск. уг. суд., стр. 55. Кажется, что это мнѣніе раздѣляютъ: Дмитріевъ, ib., стр. 137 и Неволинъ, ibid., стр. 105—106. Противное мнѣніе высказали (отчасти и вполнѣ голословно) только Чичеринъ, Андреевскій, Градовскій и Бѣляевъ. Впрочемъ, Градовскій (Исторія мѣстнаго управленія въ Россіи. 1868 г., стр. 292) упоминаетъ лишь о недѣльщикахъ новгородскаго намѣстника, а Чичеринъ (Областныя учрежденія Россіи. 1856 г., стр. 104) и Бѣляевъ (Лекціи, стр. 406) говорятъ лишь о недѣльщикахъ при приказныхъ избахъ, т. е. уже въ эпоху воеводскаго управленія областями. Относительно же болѣе ранняго времени Бѣляевъ полагаетъ, что недѣльщики находились только въ Москвѣ (О вызовѣ въ судъ и пр., стр. 113) при государѣ и государевыхъ боярахъ (тамъ же и въ лекціяхъ на стр. 414, пунктъ III); напротивъ того, Андреевскій (О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ 1864 г., стр. 22) говоритъ лишь о недѣльщикахъ намѣстниковъ, а трактуя о приставахъ воеводъ (стр. 52) не упоминаетъ совсѣмъ о недѣльщикахъ.

[123]) Ланге: Др. уг. суд., стр. 55, примѣч.

[124]) Поповъ, ib., стр. 101, примѣч. 47.

[125]) Какъ замѣтилъ это и Мейчикъ, ib., стр. 34, стб. 2.

Новый трудъ по теоріи исторіи [1]).

Н. И. Карѣева.

Слѣдя за современною историко-философскою литературою, нельзя не отмѣтить одинъ характерный фактъ, важное значеніе котораго сдѣлается намъ совершенно понятнымъ лишь въ томъ случаѣ, если мы примемъ въ соображеніе, въ чемъ въ прежнія времена, главнымъ образомъ, полагалась задача такъ называемой философіи исторіи. Философія исторіи раньше понималась почти исключительно въ соображеніи всемірной исторіи, какъ процесса, совершающагося или въ примѣненіи нѣкотораго разумнаго плана, или въ силу особаго естественнаго закона, который управляетъ всѣмъ ходомъ этой исторіи. Такъ ставилась задача и рѣшалась она очень просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень ненаучно. Прежде всего авторъ составлялъ себѣ a priori общее представленіе о томъ, каковъ долженъ быть этотъ планъ или этотъ законъ исторіи, смотря потому, стоялъ ли авторъ на точкѣ зрѣнія провиденціалистическаго или раціоналистическаго объясненія исторіи. Въ обоихъ этихъ случаяхъ совершенно одинакова схема, по которой должны были быть расположены отдѣльныя части всемірно-историческаго процесса, извнѣ, такъ сказать, налагалась на цѣлое всемірной исторіи, причемъ послѣдняя, — конечно, съ сильными натяжками, — прилаживалась къ этой схемѣ. Наконецъ, автору приходилось неизбѣжно оперировать съ такими крупными и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени сложными историческими величинами, какъ Китай, Индія, Вавилонія и Ассирія, Египетъ, Персія, Греція, Римъ и т. п., или какъ язычество, христіанство, исламъ, европейская цивилизація и т.

---

[1]) Lacombe. De l'histoire considérée comme science. P. 1894. Часть этой статьи составляла содержаніе реферата, читаннаго въ Историческомъ Обществѣ 9 ноября 1894 года.

п. Въ результатѣ подобнаго отношенія къ задачѣ получались историко-философскія построенія, въ которыхъ творчество преобладало надъ изслѣдованіемъ, синтезъ преобладалъ надъ анализомъ,—построенія, въ которыхъ, скажу даже, и не могло быть ни изслѣдованія, ни анализа. Съ нѣкотораго времени въ историко-философской литературѣ начинаетъ намѣчаться иное отношеніе къ исторіи, стремленіе именно понять, что такое историческій процессъ самъ по себѣ, взятый совершенно отвлеченно. Задача тутъ заключается уже не въ томъ, чтобы построить систему всемірной исторіи, поставивъ въ извѣстныя взаимныя отношенія великія историческія величины, въ родѣ названныхъ нами выше, а въ томъ, чтобы разложить всякую исторію на ея составные элементы, показать, какія силы въ ней дѣйствуютъ и какъ именно онѣ дѣйствуютъ, гдѣ бы и когда бы она ни совершалась. Говоря коротко, *философія исторіи* начинаетъ уступать мѣсто *теоріи исторіи*: первая созидала одно великое цѣлое изъ отдѣльныхъ историческихъ міровъ и крупныхъ историческихъ явленій, принимая эти міры и явленія за свои первоначальныя данныя; вторая исходитъ изъ понятія объ историческомъ фактѣ вообще, дабы подвергнуть его анализу и такимъ образомъ дойти до знанія тѣхъ первичныхъ элементовъ, изъ коихъ вездѣ и всегда складывалась историческая жизнь. Не отрицая важнаго значенія философіи исторіи, лишь бы она строилась съ соблюденіемъ всѣхъ требованій научности, можно въ то же время привѣтствовать нарожденіе въ историко-философской литературѣ и указаннаго сравнительно новаго направленія, выдвигающаго на первый планъ аналитическую работу надъ историческимъ процессомъ, отвлеченно взятымъ. Пишущему эти строки не разъ уже приходилось указывать на то, что теорія историческаго процесса вообще разрабатывается крайне недостаточно, и съ этой точки зрѣнія, конечно, нельзя не радоваться тому, что теорію исторіи за послѣднее время какъ-разъ и начинаютъ ставить на очередь. Одинъ изъ новѣйшихъ исторіологическихъ трудовъ, подходящихъ подъ это новое направленіе, и будетъ предметомъ настоящей статьи какъ своего рода признакъ времени, заслуживающій съ указанной точки зрѣнія только одного сочувствія, хотя бы и не во всемъ можно было соглашаться съ воззрѣніями его автора.

Книга, о которой будетъ идти рѣчь, называется „De l' histoire considérée comme science". Написана она Лакомбомъ, главнымъ инспекторомъ французскихъ библіотекъ и архивовъ, писателемъ, до сихъ поръ не издававшимъ сколько-нибудь крупныхъ трудовъ. Нѣсколько причинъ одновременно заставили меня выбрать эту именно книгу для настоящей статьи. Не говоря вообще, во-первыхъ, о томъ значеніи, какое она можетъ имѣть въ историко-философской литературѣ, я обра-

тилъ на нее особенное вниманіе потому, что встрѣтилъ въ ней многія понятія и положенія, въ которыхъ узнавалъ свои собственныя мысли, хотя, съ другой стороны, нашелъ не мало и такого, съ чѣмъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы согласиться. Это разъ, а во-вторыхъ, мнѣ показалось особенно важнымъ и то, что авторъ книги сталъ въ весьма опредѣленное отношеніе къ одному теоретическому вопросу, въ настоящее время играющему довольно-таки видную роль въ попыткахъ уясненія сущности историческаго процесса; я имѣю въ виду споры о роли экономическаго элемента въ историческомъ процессѣ, а на него Лакомбъ какъ-разъ и обращаетъ въ своей теоріи особенное вниманіе, какъ на одинъ изъ важнѣйшихъ фактовъ процесса. Я думаю даже, съ особенною обстоятельностью, остановиться какъ-разъ на воззрѣніяхъ автора, касающихся этого пункта, будучи самъ въ настоящеее время занятъ преимущественно вопросомъ о роли экономическаго элемента въ исторіи [1]). Наконецъ, я слышалъ, что книга Лакомба переводится по-русски,—лишній резонъ для того, чтобы ею заняться.

I.

Главный вопросъ, который ставитъ себѣ Лакомбъ, заключается въ томъ, можетъ ли исторія сдѣлаться наукою въ томъ нѣсколько условномъ смыслѣ, какой получаетъ слово наука съ точки зрѣнія естествознанія. Дѣло въ томъ, что до сихъ поръ еще ведутся споры о правѣ исторіи называться наукою, причемъ отвѣты на вопросъ даются разные, смотря по тому, что спорящіе разумѣютъ подъ наукою вообще и какъ понимаютъ задачи самой исторіи. Авторъ различаетъ исторію ученую (érudition) и исторію научную (histoire-science), кромѣ еще исторіи художественной (histoire artistique): задача исторической эрудиціи, по его опредѣленію, состоитъ въ томъ, чтобы устанавлять единичные факты и приводить ихъ въ ту или другую связь между собою, тогда какъ задача исторіи въ научномъ смыслѣ заключается въ томъ, чтобы вырабатывать общія истины объ историческихъ явленіяхъ, приложимыя ко всѣмъ временамъ и всѣмъ народамъ. Въ этомъ различеніи мы узнаемъ то самое, которое Контъ сдѣлалъ между науками конкретными и абстрактными или, какъ мы предпочитаемъ обозначать ихъ, науками феноменологическими и номологическими.

---

[1]) См. статью мою „Экономическій матеріализмъ въ исторіи“, помѣщенную въ „Вѣстникѣ Европы“ за 1894 г. и перепечатанную въ моихъ „Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ“ (Спб. 1895).

То, что Лакомбъ разумѣетъ подъ именемъ исторіи, какъ науки, или научной исторіи, мы назвали бы теоріей исторіи, какъ бы ни рѣшался вопросъ о томъ, можно ли исторію въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова признавать за науку или нѣтъ.

Но обратимся къ самому автору и посмотримъ, какъ онъ самъ объ этомъ разсуждаетъ.

„Наукою,—говоритъ Лакомбъ,—называютъ совокупность истинъ, т.-е. предложеній, указывающихъ на то, что существуетъ постоянное сходство между такими-то и такими-то явленіями". Но, замѣчаетъ онъ нѣсколько ниже,—установленіе извѣстныхъ сходствъ не есть еще конечная цѣль науки: Нужно, кромѣ того, открывать связи, существующія между данной истиной и болѣе общимъ явленіемъ. Напримѣръ, существуетъ сходство между всѣми случаями паденія тѣлъ, а во всемірномъ тяготѣніи наукъ усматриваемъ и общую причину отдѣльныхъ паденій. Съ этой точки зрѣнія Лакомбъ исключаетъ изъ области науки громадное количество вещей, которыя обыкновенно принимаютъ за исторію, а именно — всѣ единичныя событія, какой бы характеръ они ни имѣли (стр. 2).

Исторія, по мнѣнію автора, можетъ быть наукой лишь постольку, поскольку можно находить извѣстныя сходства въ поведеніи людей,—сходства, могущія сдѣлаться предметомъ какихъ-либо общихъ положеній (стр. 3). Эти сходства объясняются тѣмъ, что въ своей основѣ человѣческая природа одинакова (стр. 5).

Отсюда понятно, что Лакомбъ не считаетъ за настоящій предметъ исторической науки такіе факты, которые имѣли мѣсто лишь одинъ разъ и, наоборотъ, признаетъ научное значеніе только за такими фактами, въ которыхъ много разъ повторяется извѣстное отношеніе. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ различіе, по его опредѣленію, касается не существа дѣла, а только точки зрѣнія. „Для ясности и удобства, говоритъ Лакомбъ,—я нахожу полезнымъ обозначать впредь различнымъ образомъ актъ, разсматриваемый, какъ единичный, и тотъ же самый актъ, разсматриваемый въ его сходствѣ съ другими. Первое мы будемъ называть событіемъ, второе — учрежденіемъ. То, продолжаетъ онъ,—что называютъ учрежденіемъ, въ дѣйствительности устанавливается человѣческими актами. Напримѣръ, орденъ св. Бенедикта вполнѣ заслуживаетъ названія учрежденія; но въ чемъ же онъ заключается? Онъ состоитъ изъ монаховъ, которые исполняютъ одинаковыя обязанности, а это въ концѣ-концовъ сводится на сходство поведенія... Читайте историковъ, — я имѣю въ виду обыкновенную исторію, т.-е. повѣствовательную,—и вы увидите, что въ исторіи, повидимому, нѣтъ ничего, кромѣ событій; читайте соціологовъ, и вамъ покажется, что они имѣютъ дѣло только съ учрежденіями. Однако

ткань исторіи повсюду представляетъ событія и учрежденія тѣсно между собою скрещенными и переплетенными; только нашъ умъ отдѣляетъ ихъ одни отъ другихъ (стр. 9). Далѣе взаимныя отношенія учрежденій и событій Лакомбъ понимаетъ въ томъ смыслѣ, что всякое учрежденіе начинается съ какого-либо человѣка, обнаружившаго извѣстную новизну, которой другіе затѣмъ подражаютъ. „Это, говоритъ онъ, есть процессъ, засвидѣтельствованный исторіей, а внѣ исторіи указываемый психологіей, какъ совершенно неизбѣжной. Совершенно невозможно, чтобы извѣстное число людей, даже самое незначительное, въ одинъ и тотъ же моментъ, пришло къ одной и той же идеѣ и къ одному и тому же желанію. Такимъ образомъ, на первыхъ порахъ учрежденіе, начинающее образовываться, представляется намъ, какъ индивидуальный фактъ, т.-е. какъ событіе. Поэтому можно сказать: учрежденіе есть событіе, которое имѣло успѣхъ". Затѣмъ Лакомбъ указываетъ на то, что событія и учрежденія не только между собою переплетаются, но и находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи (toujours actifs à l'égard les uns des autres). Изъ этого разсужденія выводъ дѣлается такой: „событіе, т.-е. историческій фактъ, разсматриваемый со стороны своей единичности, не поддается наукѣ (est réfractaire à la science), такъ какъ послѣдняя заключается прежде всего въ констатированіи сходныхъ вещей, но за то, наоборотъ, исходнымъ пунктомъ каждаго учрежденія бываетъ событіе, хотя и не всѣ событія могутъ имѣть эту честь. Событіе, которое породило учрежденіе, именно въ силу этого имѣетъ очевидное право быть включеннымъ въ исторію" (стр. 10). Отсюда предметомъ исторіи, какъ науки, Лакомбъ объявляетъ, во-первыхъ, учрежденія, составляющія главный ея предметъ, а во-вторыхъ, событія въ той мѣрѣ, въ какой они произвели какое-либо новое учрежденіе и въ той мѣрѣ еще, въ какой выразились въ событіяхъ господствующія учрежденія. Лакомбъ думаетъ даже, что философія исторіи потерпѣла неудачу главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что не поняла внѣнаучный характеръ событія и пожелала объяснить его на томъ же основаніи, какъ и учрежденія (стр. 11).

Я нарочно съ большою подробностью и часто даже подлинными словами автора передалъ эти разсужденія Лакомба. Въ нихъ заслуживаютъ быть отмѣченными слѣдующіе пункты.

Во-первыхъ, указанное уже противоположеніе между конкретными историческими фактами (феноменологія) и абстрактными историческими истинами (номологія).

Во-вторыхъ, различеніе, какое Лакомбъ дѣлаетъ между событіями и учрежденіями. Въ этомъ различеніи мы узнали то различеніе, которое сдѣлали сами (главнымъ образомъ въ книгѣ „Сущность исто-

рическаго процесса и роль личности въ исторіи") между фактами прагматическими, сводящимися въ послѣднемъ анализѣ къ отдѣльнымъ человѣческимъ поступкамъ, и фактами культурными, подъ коими мы обобщаемъ, впрочемъ, не только учрежденія въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и всѣ другія явленія въ быту отдѣльныхъ обществъ. Оговариваемся, однако, что слову „учрежденіе" Лакомбъ придаетъ весьма широкій смыслъ, включая сюда и всѣ явленія культуры духовной.

Въ-третьихъ, указаніе на то, что событія и учрежденія, употребляя терминологію автора, находятся во взаимодѣйствіи. Мы сами понимаемъ (см. также только-что упомянутую нашу книгу) историческій процессъ, какъ взаимодѣйствіе между прагматическими и культурными фактами.

До сихъ поръ мы въ общемъ съ авторомъ соглашаемся, но далѣе идетъ у насъ разногласіе. Для насъ и событія, и учрежденія, т.-е. и прагматическіе, и культурные факты суть одинаково историческія явленія, которыя могутъ быть изучаемы и въ своей конкретности, и въ общей своей природѣ, т.-е. абстрактно, тогда какъ Лакомбъ смѣшиваетъ два разряда историческихъ фактовъ съ двумя точками зрѣнія, съ коихъ можно смотрѣть на оба эти разряда одинаково. И учрежденія суть отдѣльные факты, могущіе стать предметомъ „эрудиціи", и событія, наоборотъ, могутъ разсматриваться „научно" даже въ условномъ значеніи слова, поскольку событія складываются изъ человѣческихъ поступковъ, какъ актовъ воли, а это есть несомнѣннѣйшій предметъ психологіи. И такъ, мы думаемъ, что „учрежденія" не имѣютъ какого-то особаго преимущества сравнительно съ „событіями", чтобы сдѣлаться чуть не исключительно предметомъ „исторіи, какъ науки", ибо и тѣ и другіе могутъ изучаться и въ своей индивидуальности и конкретности, т.-е. феноменологически (въ исторіи) и въ общей своей природѣ, абстрактно, т.-е. номологически (въ психологіи, въ соціологіи и въ теоріи исторіи). Замѣтимъ еще, что къ тому же и самъ Лакомбъ прекрасно понимаетъ, что и событія, и учрежденія въ концѣ-концовъ сводятся къ отдѣльнымъ дѣйствіямъ людей, изучаемымъ такою несомнѣнною въ смыслѣ автора наукою, какъ психологія.

Мы и перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію мыслей автора о томъ, въ какихъ отношеніяхъ должны между собою находиться исторія и психологія.

II.

„Воспитанные въ духѣ естественныхъ наукъ, говоритъ Лакомбъ, соціологи поняли, что единообразіе еще не законъ, а есть лишь то, что называется въ естествознаніи эмпирическимъ обобщеніемъ, и поняли, что послѣднее дѣлается закономъ лишь подъ условіемъ обоснованія его на высшей истинѣ, какъ слѣдствія на его причинѣ... Соціологи поэтому спросили себя, къ какимъ высшимъ явленіямъ необходимо сводить единообразія, устанавливаемыя соціологіей. Они знали, что высшія явленія должны находиться въ другой наукѣ, болѣе общей... Поэтому весь вопросъ сводился для нихъ къ слѣдующему: въ какой наукѣ нужно искать объясненія соціологическихъ явленій?", (стр. 29). Лакомбъ самымъ рѣшительнымъ образомъ становится на ту точку зрѣнія, что основа соціологіи заключается въ психологіи. Даже физическія нужды дѣйствуютъ въ исторіи не въ качествѣ силъ біологически реальныхъ, а въ качествѣ почувствованныхъ потребностей. „Для человѣческаго поведенія всякая нужда, которая не ощущается, все равно, что не существуетъ. Отсюда заключаетъ Лакомбъ, необходимо вытекаетъ слѣдующая основная истина: на людскомъ поведеніи отражаются черты не біологической, а психологической потребности... Явленія, составляющія предметъ исторіи, какъ науки, говоритъ онъ еще, безъ сомнѣнія обусловливаются посредственно и издалека явленіями физики, химіи и біологіи. Безъ этихъ явленій и тѣхъ (т.-е. явленій историческихъ) не существовало бы; но когда хотятъ объяснять историческія явленія самымъ обязательнымъ образомъ, нужно это дѣлать при посредствѣ психологіи", (стр. 33).

Мы съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ присоединяемся къ этимъ заявленіямъ, что постоянно сами (въ „Основныхъ вопросахъ философіи исторіи" и въ разныхъ статьяхъ) указывали на то, что непосредственною научною основою исторіи и соціологіи должна быть психологія, ничуть не отрицая, что на историческую жизнь оказываютъ вліяніе и явленія, изучаемыя науками о природѣ, т.-е. о физической природѣ самого человѣка и о той физической средѣ, въ которой человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ.

Психологія имѣетъ дѣло съ человѣкомъ отвлеченнымъ, съ человѣкомъ вообще, и между прочимъ, изучая его дѣятельность тоже отвлеченно и вообще, она можетъ тѣмъ самымъ вырабатывать принципы для „научнаго" пониманія и „событій", состоящихъ изъ отдѣльныхъ человѣческихъ поступковъ, и „учрежденій", существованіе коихъ зависитъ въ послѣднемъ анализѣ опять-таки отъ человѣческой же

дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія Лакомбъ даетъ въ своей книгѣ немало очень вѣрныхъ соображеній.

Особаго вниманія заслуживаетъ анализъ тѣхъ потребностей человѣка, которыя, чувствуясь людьми, ложатся въ основу ихъ дѣятельности и, слѣдовательно, въ основу всей исторіи. Здѣсь Лакомбъ указываетъ на особую важность экономическихъ отношеній, коими, какъ мы еще увидимъ, онъ стремится объяснить весьма и весьма многое въ историческомъ процессѣ.

Прежде всего, приступая къ этому анализу, Лакомбъ считаетъ нужнымъ опредѣлить съ нѣкоторою точностью, въ чемъ заключается тотъ человѣкъ вообще (homme général), котораго исторіи доставляетъ психологія. Всякая цѣль человѣческой дѣятельности, говоритъ онъ, всякое стремленіе имѣетъ причину: это есть извѣстное психическое состояніе внутри человѣка, называемое нами потребностью (besoin). Все то, что заставляетъ человѣка извнутри дѣйствовать вовнѣ, будетъ для насъ, такимъ образомъ, потребностью (стр. 35). Указавъ на тѣлесныя потребности, Лакомбъ отмѣчаетъ тотъ общій фактъ, что человѣкъ удовлетворяетъ ихъ посредствомъ безконечно разнообразныхъ актовъ, которые могутъ быть обобщены подъ понятіемъ промышленности (стр. 36). Онъ находитъ даже полезнымъ соединить подъ однимъ и тѣмъ же названіемъ, съ одной стороны, потребности, вытекающія изъ тѣлесныхъ нуждъ, съ другой соотвѣтственную промышленную дѣятельность: это общее названіе—экономика. Рядомъ съ экономикой авторъ ставитъ половую потребность (le génésique), коей въ исторіи, впрочемъ, не приписываетъ важнаго значенія. Отмѣтивъ, далѣе, существованіе у человѣка стаднаго чувства, онъ высказываетъ ту мысль, что въ основѣ человѣческой общественности лежитъ далеко не одна потребность промышленной кооперацін. „Человѣкъ, говоритъ онъ, имѣетъ нужду не только въ помощи своего ближняго, онъ имѣетъ нужду въ его присутствіи, какъ предмета привязанности. Человѣкъ любитъ любить; онъ желаетъ, чтобы его личныя чувствованія раздѣлялись вокругъ него другими людьми, онъ хочетъ участвовать въ чувствованіяхъ другихъ. Активное и пассивное пользованіе способностью, столь хорошо извѣстной подъ именемъ симпатіи, ему положительно необходимо. Но онъ любитъ также ненавидѣть и до извѣстной степени ощущаетъ нужду въ томъ, чтобы быть предметомъ антипатіи и вражды“ (стр. 37). Отъ этой категоріи потребностей Лакомбъ отличаетъ стремленіе человѣка къ уваженію со стороны другихъ, соединенное съ боязнью быть предметомъ презрѣнія. По мнѣнію Лакомба властолюбіе, принимаемое нѣкоторыми за спеціальный двигатель, состоитъ изъ экономическаго интереса, любви къ почету и симпатической потребности въ пропорціяхъ, которыя измѣ-

няются смотря по человѣку (стр. 38). Далѣе Лакомбъ признаетъ еще самостоятельное существованіе художественной потребности. „Человѣкъ такъ любитъ чувствовать себя живущимъ, до такой степени жаждетъ эмоцій, что одной дѣйствительной жизни ему мало. Такъ какъ этотъ источникъ для него слишкомъ бѣденъ, онъ создаетъ себѣ еще воображаемое существованіе, или вѣрнѣе онъ возобновляетъ посредствомъ фикцій свою реальную жизнь и т. д.“ (стр. 40). Наконецъ, Лакомбъ указываетъ на научную потребность, которая вначалѣ была очень слаба, но постоянно усиливается (стр. 41).

Таковъ, по Лакомбу, человѣкъ вообще, котораго исторія, такъ сказать, получаетъ изъ рукъ психологіи. Всѣ эти потребности направляютъ человѣческую дѣятельность къ извѣстнымъ цѣлямъ, которыя должны присутствовать въ сознаніи человѣка для того, чтобы потребность, дѣйствительно, опредѣляла собою дѣятельность человѣка. То же самое можно сказать и о тѣхъ условіяхъ физической и соціальной среды, которыя являются на помощь или въ видѣ помѣхи для человѣческихъ стремленій: для того, чтобы толкнуть человѣка на тотъ или другой путь или отвратить его, наоборотъ, отъ того или другого поведенія, эти внѣшнія обстоятельства благопріятнаго или неблагопріятнаго свойства должны сдѣлаться предметомъ сознанія, т.-е. подѣйствовать на человѣческій умъ (стр. 42).

На этомъ, конечно, не можетъ еще остановиться общее изслѣдованіе потребностей въ качествѣ первичныхъ силъ исторіи, какъ ихъ называетъ самъ Лакомбъ. „Пути, говоритъ онъ, на которые они насъ толкаютъ, необходимымъ образомъ расходятся въ разныя стороны и вслѣдствіе этого часто перекрещиваются. Иначе говоря, уже по одному тому, что потребности не сходны въ своихъ предметахъ, онѣ стремятся одна другой противорѣчить. Поэтому весьма важно знать, равны ли эти силы, или же между ними существуетъ естественное неравенство по ихъ надъ нами власти“ (стр. 45). Лакомбъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ во второмъ смыслѣ, выдвигая на первый планъ понятіе настоятельной необходимости (urgence). Самыми главными и основными потребностями являются, конечно, тѣлесныя нужды, для удовлетворенія коихъ существуетъ промышленность. „Въ силу физическаго устройства у индивидуальнаго человѣка экономика предшествуетъ всѣмъ другимъ дѣятельностямъ; она надъ ними господствуетъ и притомъ не въ ту или другую пору жизни, но всегда и повседневно.

Лишь послѣ того, какъ экономика сдѣлала свое дѣло, развиваются другія желанія и смотря потому съ большими или меньшими усиліями достигаются цѣли, болѣе или менѣе остается времени и охоты для другихъ вещей“. Рядомъ съ этимъ Лакомбъ признаетъ

громадную силу за желаніемъ уваженія и боязнью презрѣнія, хотя и оговаривается, что въ этой сферѣ существуетъ большое разнообразіе, смотря по человѣку (стр. 48). Симпатію Лакомбъ считаетъ, наоборотъ, чѣмъ-то въ высшей степени непостоянным и неустойчивымъ, тѣмъ болѣе, что противъ нея весьма успѣшно борятся экономическій интересъ и честолюбіе, такъ что для проявленія симпатіи прежде всего нужно, чтобы другія силы оставались нейтральными (стр. 49). Самыми слабыми въ сравненіи съ предъидущими потребностями Лакомбъ, замѣтимъ кстати, считаетъ потребности художественную и особенно научную.

Подводя итоги подъ этимъ психологическимъ анализомъ человѣка вообще, мы ограничимся указаніемъ лишь на два главные результата.

Во-первыхъ, въ основѣ общежитія Лакомбъ полагаетъ не одну потребность въ промышленной кооперацін. И мы думаемъ, какъ это и высказали въ статьѣ „Экономическій матеріализмъ въ исторіи", что между людьми въ обществѣ существуетъ не только матеріальное взаимодѣйствіе, заставляющее искать другъ у друга помощи (или другъ друга эксплуатировать), но и взаимодѣйствіе психическое, создающее весьма разнообразныя чувства, къ числу коихъ и нужно отнести указанныя выше симпатію и честолюбіе. Кромѣ того, и на почвѣ чисто индивидуальнаго психическаго бытія возникаютъ такія явленія, какъ эстетическія и умственныя эмоціи.

Во-вторыхъ, по словамъ самого Лакомба, и экономическія потребности оказываются дѣйствующими въ исторіи не въ качествѣ чисто біологическихъ, физическихъ, матеріальныхъ потребностей, а въ качествѣ сознаваемыхъ ощущеній, т.-е. факторовъ, имѣющихъ чисто психическую природу (стр. 33).

Отсюда дѣлаемъ тотъ выводъ, что Лакомба никоимъ образомъ нельзя причислить къ экономическимъ матеріалистамъ, которые, въ противность основной мысли Лакомба, ищутъ объясненія исторіи, какъ сами они выражаются, „не въ головахъ людей". А между тѣмъ Лакомбъ какъ-разъ и придаетъ особую важность экономикѣ.

III.

Въ книгѣ Лакомба вообще можно отмѣтить великое множество мѣстъ, которыя могли бы быть истолкованы въ духѣ экономическаго матеріализма, если бы въ то же самое время авторъ не дѣлалъ постоянныхъ оговорокъ и разъясненій, дающихъ понять, что экономическому интересу онъ отводитъ первое мѣсто, но не исключительное значеніе. Мы и займемся теперь разсмотрѣніемъ этой категоріи взглядовъ автора.

Ставъ на ту точку зрѣнія, что различныя потребности имѣютъ не одинаковое значеніе въ жизни индивидуума и общества, Лакомбъ дѣлаетъ попытку опредѣлить сравнительную силу этихъ различныхъ стремленій, подчиненія которымъ, прибавляетъ онъ, не можетъ избѣжать ни одинъ человѣкъ. На первое мѣсто онъ ставитъ, какъ было уже указано, экономическую сферу: экономическая потребность имѣетъ наиболѣе настоятельный характеръ, „и если, говоритъ авторъ, человѣкъ прежде всего стремится удовлетворить свои физическія нужды, это первенство ихъ должно имѣть свое проявленіе, такъ сказать, свой переводъ и въ историческихъ проявленіяхъ" (стр. 54). Быть можетъ укажутъ на существованіе въ каждомъ народѣ такого класса, который вовсе не заботится объ удовлетвореніи своихъ экономическихъ потребностей, но это не есть возраженіе. Для того, чтобы могли существовать классы, свободные отъ физическаго труда, необходимо существованіе другихъ классовъ, которые были бы въ состояніи удовлетворять свои собственныя экономическія потребности и потребности праздныхъ классовъ (стр. 55). Поэтому образованіе послѣднихъ и занятія ихъ между прочимъ религіознымъ, философскимъ или научнымъ умозрѣніемъ возможно лишь подъ условіемъ достиженія обществомъ извѣстной степени національнаго благосостоянія; „иначе говоря, созданіе богатства, доведеннаго до извѣстной высоты, необходимо предшествуетъ какой бы то ни было умственной культурѣ. Эту необходимость можно было бы назвать закономъ экономической антецеденціи" (antécédence économique, стр. 56). Это совершенно вѣрно: извѣстное экономическое развитіе должно предшествовать процессу цивилизаціи, но отнюдь не является единственнымъ ея источникомъ. Исходя изъ идей о преимущественной важности экономическихъ фактовъ, Лакомбъ выражаетъ мысль, что, если не постоянно, то почти всегда человѣкъ, подъ вліяніемъ экономической новизны, измѣняетъ не-экономическое учрежденіе, никогда не отказываясь отъ этой экономической новизны. „Наоборотъ, говоритъ онъ, предположимъ, что въ какомъ-нибудь не-экономическомъ учрежденіи возникаетъ новая форма, и что эта форма несовмѣстима съ экономическими привычками эпохи,—и вотъ я думаю, что не-экономическое нововведеніе будетъ принято лишь съ ограниченіями, которыя сдѣлали бы его примѣнимымъ къ даннымъ экономическимъ отношеніямъ" (стр. 57). „Между тѣмъ, продолжаетъ Лакомбъ, многіе расположены думать, что у экономики есть соперница, которая, по ихъ мнѣнію, даже превосходитъ ее своею силою: въ такомъ смыслѣ указываютъ именно на религію" (стр. 58). Лакомбъ опровергаетъ это мнѣніе, ссылаясь на то, что въ первичномъ и наиболѣе распространенномъ культѣ предковъ послѣднимъ вовсе не даютъ ежедневныхъ яствъ и въ такомъ количествѣ, въ какомъ они

получали пищу при своей жизни. Признавая вообще, что общество должно прежде достигнуть извѣстной ступени благосостоянія, чтобы въ немъ сдѣлалось возможнымъ нѣкоторое умственное развитіе, и что „экономическіе успѣхи властнымъ образомъ измѣняютъ остальные стороны общественнаго состоянія", тогда какъ „не-экономическіе успѣхи упрочиваются лишь въ мѣрѣ своего согласія съ экономическими интересами", Лакомбъ оговаривается, однако, что онъ вовсе не думаетъ выставлять эти гипотезы, какъ вполнѣ уже доказанныя истины (стр. 59).

Въ другомъ мѣстѣ своей книги, дѣлая общій обзоръ учрежденій съ цѣлью указанія на ихъ связь съ тою или другою психическою силою, авторъ опять ставитъ во главѣ всѣхъ учрежденій тѣ, которыя имѣютъ чисто экономическое значеніе. „На землѣ, говоритъ онъ, нѣтъ мѣста, какъ не было въ исторіи времени, когда бы человѣку не нужно было работать. Онъ удовлетворяетъ свои тѣлесныя потребности лишь подъ этимъ условіемъ. Трудъ, промышленность, созданіе полезныхъ вещей или, какъ выражаются экономисты, производство богатствъ, суть явленія безусловно всеобщаго значенія. Поэтому экономическія учрежденія имѣютъ неоспоримое право занять первое мѣсто". Съ другой стороны, Лакомбъ указываетъ на относительную простоту экономическихъ учрежденій, разъ ихъ изучаютъ съ цѣлью открыть ихъ психическія причины (стр. 68). Наконецъ, онъ стремится обнаружить присутствіе экономическаго интереса и въ другихъ учрежденіяхъ. Въ основѣ семьи, по его опредѣленію, лежатъ экономическій интересъ и половой инстинктъ, причемъ одинъ послѣдній безъ перваго ничего не могъ бы произвести (стр. 69). Къ этой основѣ присоединилась потомъ симпатія, а позднѣе всего религія освятила брачныя узы, которыя образовались на указанной почвѣ (стр. 70). Говоря о классовыхъ учрежденіяхъ, Лакомбъ въ основу ихъ кладетъ экономическія отношенія, „но, прибавляетъ онъ, сюда привходятъ еще явленія, коихъ не производитъ экономика, но которыя становятся настоящимъ цементомъ учрежденія" (стр. 103). Образованіе классовъ онъ сравниваетъ съ возникновеніемъ сектъ и партій—религіозныхъ, философскихъ, политическихъ, литературныхъ, художественныхъ, научныхъ, ибо ихъ возникновеніе указываетъ на существованіе въ человѣчествѣ нѣкотораго стремленія къ обособленію группъ, пользующагося каждымъ предлогомъ для того, чтобы образовать классъ, секту, партію. Конечно, большое количество группъ обязано своимъ происхожденіемъ интересу въ собственномъ смыслѣ, т.-е. интересу экономическому, но другія группы возникаютъ на почвѣ, во-первыхъ, самолюбія, а во-вторыхъ—симпатіи. „Въ своемъ стремленіи къ отличіямъ человѣкъ не всегда бываетъ въ состояніи достигнуть этой цѣли

своими личными средствами и добивается отличій въ сообществѣ съ другими. Равнымъ образомъ у него есть потребность въ любви и ненависти—любви къ людямъ, думающимъ и чувствующимъ такъ же, какъ онъ самъ, ненависти къ тѣмъ, которые думаютъ иначе. Партія, секта, даютъ ему удовлетвореніе въ обоихъ отношеніяхъ. Вотъ почему мы видимъ, что въ продолженіе всей исторіи люди группируются въ партіи и секты подъ предлогами вѣрованій, политическихъ, религіозныхъ, литературныхъ несогласій и т. п.“ (стр. 104). Въ каждой такой группѣ господствуютъ извѣстныя воззрѣнія (opinion), коимъ личность тѣмъ болѣе подчинена, чѣмъ малочисленнѣе группа (стр. 105). Самое существованіе такой тѣсной среды Лакомбъ объясняетъ желаніемъ испытывать по возможности въ самой высокой степени различныя эмоціи—сочувствіе, съ одной стороны, отвращеніе, съ другой, чувство гордости во внѣшнихъ отношеніяхъ, коллективное тщеславіе внутри группы, сознаніе взаимной помощи и защиты. „Все это, говоритъ Лакомбъ, образуетъ совокупность весьма сильныхъ мотивовъ, заставляющихъ васъ поддерживать эту тѣсную среду“ (стр. 106). Съ такой же точки зрѣнія смотритъ Лакомбъ, на то, что онъ называетъ „свѣтскими учрежденіями“, т.-е. на собранія людей съ цѣлью развлеченія: и они имѣютъ отношеніе къ соперничеству самолюбій, къ проявленіямъ симпатіи или антипатіи (стр. 108). Равнымъ образомъ и политическія учрежденія, по мнѣнію автора, возникаютъ не на одной только экономической почвѣ. Видя происхожденіе власти въ стремленіи группы отстоять себя извнѣ или добиться какого-нибудь внѣшняго успѣха, для чего требуется отказъ всѣхъ отъ собственной мысли и воли въ пользу одного лица, Лакомбъ рядомъ съ этимъ интересомъ управляемаго указываетъ еще на интересъ управляющаго. „Было бы, говоритъ онъ, совершенно излишнимъ доказывать, что у человѣка существуетъ интересъ управлять—интересъ гордости и интересъ въ прямомъ смыслѣ. До извѣстной степени управляющій и управляемый поэтому сходятся въ своихъ стремленіяхъ, одинъ—имѣть вождя, другой—быть вождемъ (стр. 109)... Смотря на дѣло съ точки зрѣнія управляющаго, это учрежденіе покоится одновременно на экономикѣ и честолюбіи, а съ точки зрѣнія управляемаго оно все держится на экономикѣ исключительно на первыхъ порахъ, да и всегда впослѣдствіи это—самый важный факторъ учрежденія“. Таковы, по мнѣнію Лакомба, первоначальныя силы, создающія политическія учрежденія; но онъ тутъ же заявляетъ, что весьма рано къ этимъ основамъ присоединяются новыя психическія силы (стр. 110). Далѣе, то, что Лакомбъ называетъ учрежденіями художественными и литературными, т.-е., говоря просто, искусство и литературу онъ основываетъ на симпатіи, ибо посредствомъ художественныхъ и литературныхъ

произведеній человѣкъ прежде всего стремится возбудить въ слушателяхъ тѣ или другія эмоціи (стр. 112). Что касается до науки, то ея возникновенію задолго предшествуетъ простое, несистематизированное знаніе. Потребность въ знаніи, говоритъ Лакомбъ, возникаетъ на экономической почвѣ. „Человѣкъ наблюдаетъ и узнаетъ сначала, чтобы дѣйствовать на вещи и ими овладѣвать. Въ началѣ безкорыстнаго знанія не существуетъ. Это одинаково вѣрно какъ относительно знанія реальнаго, такъ и относительно знанія воображаемаго... Теорія практики возникаетъ позднѣе безъ всякой преднамѣренности и притомъ еще подъ сильнымъ вліяніемъ экономическаго интереса. Теоріей занимаются только для того, чтобы болѣе вѣрнымъ образомъ успѣвать въ практикѣ". Лишь постепенно начинаетъ развиваться интересъ къ чистому знанію, который, такимъ образомъ, получаетъ самостоятельное значеніе сравнительно поздно. „На первыхъ порахъ научное стремленіе весьма слабо и очень рѣдко. Безъ сомнѣнія оно и впредь оставалось бы въ томъ же положеніи, если бы не входило въ соединенія съ другими, болѣе сильными, двигателями. Всякое открытіе новаго предмета, всякое узнаваніе новыхъ вещей никогда не обходится безъ того, чтобы человѣкъ не почувствовалъ довольство самимъ собою. Это—удача, это—успѣхъ. Успѣхъ, даже безполезный съ экономической точки зрѣнія, такъ или иначе, всегда лестенъ человѣку въ силу хотя бы темнаго сознанія объ увеличеніи его власти". Всякій, кто только что-либо знаетъ, или признается за знающаго другими, пользуется почетомъ со стороны другихъ, которые думаютъ, что онъ можетъ осуществить ихъ желанія или сдѣлать вещи, наводящія на нихъ страхъ. Вездѣ знаніе, истинное или ложное,—и особенно на первыхъ порахъ знаніе ложное,—доставляетъ тому, кто имъ обладаетъ, прежде всего положительное вознагражденіе, а затѣмъ почетъ разныхъ степеней и разныхъ оттѣнковъ, начиная съ удивленія и кончая чувствомъ ужаса (стр. 115). Конечно, продолжаетъ Лакомбъ, такое знаніе изъ-за матеріальныхъ или почетныхъ наградъ не влечетъ за собою безкорыстнаго интереса къ наукѣ, но разъ изъ общества, взятаго въ его цѣломъ, выдѣляется ученая каста, въ этой тѣсной средѣ рождается особое уваженіе къ знанію безъ всякаго отношенія къ его полезности, просто въ силу того, что оно даетъ умственное превосходство.

„Такимъ образомъ, предъ нами теперь новый возбудитель, которому соотвѣтствуетъ новый двигатель: это—желаніе получить почетъ среди людей своей касты или своей профессіи. Этотъ-то самый возбудитель, соединяясь съ любопытствомъ, съ чувствомъ умственной мощи и повелъ къ образованію особой движущей силы, которая вообще дѣйствуетъ менѣе энергично, нежели экономическій интересъ, но тѣмъ

не менѣе, при извѣстныхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, оказывается весьма дѣйствительнымъ" (стр. 116). Наконецъ Лакомбъ анализируетъ такимъ же образомъ и религіозныя учрежденія въ ихъ происхожденіи. Въ послѣднихъ онъ различаетъ: 1) вѣрованія или догматъ, какъ интеллектуальную часть явленія, взятаго въ цѣломъ; 2) чувство, вызываемое догматомъ; 3) дѣйствія, которыя вытекаютъ изъ этихъ вѣрованій и чувствъ, т.-е. культъ; 4) посредничество между вѣрующимъ и его божествомъ въ лицѣ другого человѣка, жреца, волхва или колдуна. Догматическую сторону религіи Лакомбъ сводитъ къ анимизму (стр. 117). Что касается до основного чувства, возбуждаемаго этимъ вѣрованіемъ и приводящаго къ культу, то оно имѣетъ чисто корыстный характеръ, ибо божеству поклоняются въ расчетѣ получить отъ него то или другое благо, если не въ земномъ, то въ загробномъ существованіи (стр. 123). Первоначальный видъ, представляемый религіознымъ чувствомъ, и сохраняемый имъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ и позднѣе, есть чисто корыстное чувство. А такъ какъ обыкновенно молятся о здоровьѣ, о власти, о богатствѣ, о жизни, однимъ словомъ, объ удовлетвореніи той или другой изъ пашихъ физическихъ потребностей, то религія, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, должна быть логически отнесена къ экономикѣ: это воображаемая экопомика" (стр. 120). Лишь на высшихъ ступеняхъ развитія религіознаго чувства, говоритъ Лакомбъ, Божество дѣлается для высшихъ исключительныхъ натуръ предметомъ уваженія и любви. „Для честолюбія вѣрующаго Богъ становится предметомъ высшаго удивленія, т.-е. обожанія и въ то же самое время свидѣтелемъ, со стороны котораго болѣе всего боятся порицанія и съ самымъ живымъ рвеніемъ ждутъ, наоборотъ, похвалу. Для потребности въ симпатіи Богъ является предметомъ любви или, по крайней мѣрѣ, усилія любить. Въ то же самое время вѣрующій желаетъ и надѣется стать для Бога предметомъ своего рода отеческой привязанности, безконечно великой заботливости, которая заразъ и ободряетъ, и смущаетъ. Такимъ образомъ, прибавляетъ Лакомбъ, мы видимъ, что по отношенію къ Божеству вся нравственная сторона человѣка способна сильно возбуждаться или, по крайней мѣрѣ, стремиться къ такому возбужденію. Интересъ, самолюбіе, симпатія, все приходитъ въ дѣйствіе въ религіи" (стр. 125). Во всякомъ случаѣ, однако, у Лакомба интересъ и въ области религіи выдвигается на первый планъ. Называя эту область воображаемой экономикой, онъ указываетъ на то, что во всей исторіи человѣкъ пользуется двумя экономиками, особенно прибѣгая къ экономикѣ воображаемой тамъ, гдѣ экономика реальная не доставляетъ ему необходимыхъ средствъ. „Такъ какъ, говоритъ онъ, экономика истинная и экономика воображаемая взаимно другъ друга дополняютъ, то между

ними происходитъ постоянное колебаніе: когда одна опускается, другая подымается. Экономическое благосостояніе цѣлаго ли народа или какого-нибудь класса, или отдѣльнаго лица уменьшаетъ предположительно обращеніе къ религіи (стр. 126). Историкъ, который захотѣлъ бы провѣрить это предположеніе, не долженъ сравнивать разные народы; онъ вѣрнѣе будетъ разсуждать, сравнивая два различныя состоянія одного и того же народа, когда онъ былъ бѣденъ и когда сдѣлался богатъ. При этомъ нужно еще помнить, что богатство безсильно противъ извѣстныхъ бѣдствій. Оно не только отъ нихъ предохраняетъ, но даже дѣлаетъ ихъ болѣе чувствительными. Можно быть богатымъ и въ то же время подвергнуться чумѣ, холерѣ, войнѣ, революціи. Времена бѣдствій должны быть поэтому временами оживленія религіозности. Многіе историки, продолжаетъ Лакомбъ, уже высказывали это наблюденіе. Съ своей стороны, я прошу обратить вниманіе на обратное предложеніе: разъ религіозность усиливается во время общественныхъ бѣдствій, это лишь подтверждаетъ, что ея главный корень заключается въ интересѣ. Наука усиливаетъ экономическую власть человѣка. Съ этой точки зрѣнія наука дѣйствуетъ, какъ сила, косвеннымъ образомъ уменьшающая религію. Весьма часто уже указывали на противорѣчіе между наукою и догматами. Это самая очевидная форма ихъ конфликта. Но религія испытываетъ на себѣ вліяніе гораздо меньшее со стороны теоретическаго противорѣчія науки, нежели со стороны ея экономическихъ результатовъ; по крайней мѣрѣ, прибавляетъ Лакомбъ, мы логически должны составить такое предположеніе". Авторъ находитъ, что историки дѣлаютъ большую ошибку, когда разсматриваютъ религію единственно въ ея высшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе рѣдкихъ ея проявленіяхъ: когда они создаютъ свои общія формулы на основаніи такихъ проявленій, они только приписываютъ всѣмъ то, что можно сказать лишь о лучшихъ людяхъ (стр. 127). „Въ настоящее время, говоритъ Лакомбъ, послѣ долгой эволюціи, религія, разсматриваемая съ извѣстной точки зрѣнія, представляется, какъ своего рода наука, которая дополняетъ и завершаетъ настоящую науку, отвѣчая на вопросы, которыхъ наука не разрѣшаетъ. Что такое бытіе, что такое міръ? Откуда оно и къ чему существуетъ? Наконецъ, зачѣмъ мы, люди, существуемъ? Эти вопросы придаютъ интересъ религіи не только въ глазахъ вѣрующихъ, но даже и среди большого числа людей, которые въ нее не вѣруютъ. Между послѣдними многіе воображаютъ, будто религія возникла именно на почвѣ потребности разрѣшить задачу міра и загадку человѣческой судьбы. Такимъ образомъ, религія получаетъ съ самаго начала возвышенный характеръ, который ставитъ ее высоко даже въ глазахъ невѣрующаго. Это представленіе объ общемъ происхожденіи догматовъ

лестно для человѣческой природы, но оно невѣрно. Справьтесь у тѣхъ, которые лучше всего знаютъ первобытнаго человѣка,—у Леббока, у Спенсера, у Тэйлора, у Летурно, читайте путешественниковъ и вы увидите, что у дикаря совершенно нѣтъ умозрительной любознательности, міръ его совсѣмъ не удивляетъ; то, что его удивляетъ, это наши вопросы на этотъ счетъ" (стр. 128).

Въ изложенныхъ разсужденіяхъ автора обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія мысли.

Во-первыхъ, Лакомбъ указываетъ на то, что лишь при извѣстномъ матеріальномъ благосостояніи является досугъ для развитія духовныхъ потребностей и возникаетъ классъ людей, въ которомъ начинаетъ прогрессировать умственная жизнь. Никто, однако, никогда этой совершенно вѣрной мысли не оспаривалъ, но все дѣло здѣсь сводится къ тому, что духовная культура можетъ развиваться лишь при извѣстныхъ экономическихъ условіяхъ, но это суть именно лишь *условія*, никакъ не *причина*, не *источникъ*.

Во-вторыхъ, предположеніе о томъ, что не-экономическія измѣненія зависятъ отъ экономическихъ условій въ гораздо большей мѣрѣ, нежели экономическія измѣненія отъ условій иныхъ категорій, и довольно ново, и очень важно, но оно требуетъ гораздо большаго теоретическаго обоснованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ также и фактической провѣрки, коихъ авторъ не даетъ. Лакомба можно только похвалить за то, что онъ не скрываетъ всей гипотетичности своего тезиса и не выдаетъ его за вполнѣ доказанную истину.

Въ-третьихъ, заслуживаетъ сочувствія стремленіе Лакомба не сводить отдѣльныя учрежденія къ одному экономическому началу: вездѣ рядомъ съ экономическимъ интересомъ, по его мнѣнію, дѣйствуютъ и другіе мотивы. Особенно важно это по отношенію къ соціальнымъ классамъ, которые, по теоріи экономическаго матеріализма, возникаютъ исключительно на почвѣ экономическихъ интересовъ и къ борьбѣ между коими на той же почвѣ будто бы сводится вся исторія. Объясняя возникновеніе науки на той же самой почвѣ, Лакомбъ опять-таки показываетъ, какія еще силы принимаютъ участіе въ ея возникновеніи и развитіи помимо экономики.

Вообще, наконецъ, Лакомбъ говоритъ и прямо еще о томъ, что нельзя сводить къ экономикѣ всѣ элементы культуры. Заявленія, какія онъ дѣлаетъ въ этомъ смыслѣ, особенно знаменательны со стороны человѣка, старающагося доказывать сильное участіе экономическаго интереса во всѣхъ сторонахъ культурной и соціальной жизни. Такія заявленія заслуживаютъ быть отмѣченными. „Человѣкъ, говоритъ онъ, напр., никогда не былъ чистымъ утилитаристомъ. Вслѣдствіе этого едва ли можно выводить всю мораль изъ экономическаго

интереса... Уже стадное животное проявляетъ самолюбіе. Первобытный человѣкъ, если только онъ совершенно не доведенъ до скотскаго состоянія нищетой, обнаруживаетъ весьма живое желаніе почета... Человѣкъ не живетъ въ одиночку. Онъ живетъ въ концентрическихъ группахъ, все болѣе и болѣе широкихъ, въ семьѣ, въ племени, въ кастѣ, въ сословіи, въ націи и т. п. Группы, части коихъ онъ составляетъ, являются въ его глазахъ какъ-бы продолженіями его собственнаго существа. Совершенно такъ же, какъ человѣкъ ревниво относится къ своему личному достоинству, относится онъ ревниво и къ достоинству концентрическихъ группъ, въ коихъ онъ находится" (стр. 79). Значительная часть морали зависитъ поэтому отъ стремленія къ почету. „Характерная черта дѣйствій, навязываемыхъ самолюбіемъ, заключается въ ихъ тягостности и трудности. Можетъ случиться, что нѣкоторые изъ этихъ дѣйствій полезны, благодѣтельны. Это значитъ, что они одновременно предписываются и общественнымъ интересомъ, и самолюбіемъ. Но большая ихъ часть тягостна и трудна, не принося никому выгоды или причиняя дѣйствующему лицу страданіе несоразмѣрно большое сравнительно съ благодѣтельнымъ результатомъ для другихъ. Такимъ дѣйствіямъ можно дать общее имя аскетизма. Аскетизмъ, прибавляетъ Лакомбъ, играетъ важную роль въ исторіи. Онъ безконечно милѣе человѣческому сердцу и сильнѣе въ немъ держится, чѣмъ это обыкновенно воображаютъ (стр. 81). Вообще, по его представленію, человѣкъ „изобрѣтаетъ нравственность" почти всѣмъ своимъ существомъ, интересомъ, самолюбіемъ, симпатіей (стр. 84). Лакомбъ думаетъ даже, что человѣкъ бываетъ утилитаристомъ лишь въ чисто личныхъ отношеніяхъ своихъ къ другимъ людямъ, требуя съ ихъ стороны полезныхъ или пріятныхъ для него дѣйствій. „Но, продолжаетъ онъ, когда человѣкъ предъявляетъ какое-либо требованіе вмѣстѣ съ своей группой, онъ обнаруживаетъ стремленіе пренебрегать экономическимъ интересомъ и то, чего онъ особенно требуетъ, заключается въ трудномъ или приличномъ дѣйствіи. Чѣмъ больше группа, тѣмъ аскетичнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе забываетъ онъ интересъ въ прямомъ смыслѣ во имя интересовъ самолюбія. Это уже въ единичномъ человѣкѣ установляетъ два расположенія, два общихъ стремленія, вліяющихъ на него въ противоположныхъ направленіяхъ" (стр. 85). Это противорѣчіе требованій Лакомбъ объясняетъ именно тѣмъ, что „мораль имѣетъ разные источники, изъ коихъ у каждаго свой цвѣтъ, неспособный слиться съ цвѣтомъ сосѣдняго источника" (стр. 86).

Въ другомъ мѣстѣ Лакомбъ выражается еще такимъ образомъ: „конечно, быть можетъ, исторію немного, пожалуй, и слишкомъ упростили бы, но ее совсѣмъ не исказили бы, сказавъ, что она есть не-

прерывная борьба между экономическимъ интересомъ и потребностью въ уваженіи. Какъ бы силенъ ни былъ первый, второй съ нимъ борется и часто его побѣждаетъ" (стр. 101). Этой потребности, замѣтимъ кстати, онъ приписываетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ симпатіи и совѣсти (стр. 101—102).

IV.

Намъ кажется, что на основаніи вышеизложеннаго мы можемъ опредѣлить историческую теорію Лакомба, какъ примиреніе психологизма съ экономизмомъ, потому что онъ одинаково принимаетъ въ расчетъ и матеріальную сторону человѣческой природы, на основѣ коей возникаетъ вся экономика, и сторону духовную, являющуюся главнымъ источникомъ не-экономическихъ элементовъ человѣческой культуры. Въ его теоріи агентами исторической жизни являются люди, отдѣльныя личности съ своими матеріальными и духовными потребностями, а не отвлеченныя понятія, играющія во многихъ историческихъ теоріяхъ роль настоящихъ живыхъ силъ. И тутъ намъ неразъ приходится соглашаться съ Лакомбомъ, такъ какъ его мысли на этотъ счетъ являются для насъ какъ бы повтореніемъ тѣхъ взглядовъ, которые высказывались нами постоянно по вопросу о томъ, какую роль играетъ личность въ историческомъ процессѣ и въ чемъ состоитъ этотъ процессъ.

Мы теперь и перейдемъ къ изложенію того, что по этому вопросу находимъ въ книгѣ Лакомба, выдвинувъ на первый планъ лишь тѣ его воззрѣнія, въ коихъ онъ проявляетъ бо̀льшую или меньшую оригинальность. Здѣсь, впрочемъ, мы не во всемъ можемъ быть согласны съ авторомъ — именно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ возвращается къ своей мысли о томъ, что индивидуальныя движенія не могутъ быть предметомъ научнаго пониманія.

„Реальные агенты исторіи, говоритъ нашъ авторъ, суть, конечно, отдѣльныя лица; въ основѣ исторіи лежатъ только одни индивидуальныя дѣйствія. Великія фиктивныя существа, которыя мы называемъ народами, націями, арміями, корпораціями, въ послѣднемъ анализѣ состоятъ изъ отдѣльныхъ индивидуумовъ, и сама ихъ дѣятельность разрѣшается въ индивидуальные акты, болѣе или менѣе объединенные или сходные". Но Лакомбъ различаетъ въ каждомъ индивидуумѣ человѣка вообще (l'homme général), человѣка извѣстнаго времени (l'homme temporaire) и человѣка индивидуальнаго (стр. 12). Настоящія причины историческихъ явленій, по мнѣнію Лакомба, заключаются въ тѣхъ сторонахъ отдѣльнаго лица, которыя у него общи

со всѣми людьми вообще и въ частности съ людьми данной эпохи. Но, прибавляетъ онъ, такъ какъ люди всегда дѣйствуютъ именно въ тройномъ смыслѣ, то и происшествія, вытекающія изъ индивидуальнаго принципа, оказываются постоянно примѣшанными къ причинамъ исторіи въ „научномъ" (т.-е. лакомбовскомъ) смыслѣ слова. Выдвигая на первый планъ то, что является сходнымъ въ дѣятельности многихъ лицъ, Лакомбъ за строго индивидуальными актами не признаетъ никакого значенія (стр. 13).

Это не мѣшаетъ однако Лакомбу признавать значеніе отдѣльныхъ историческихъ лицъ. „Историческіе дѣятели, говоритъ онъ, отчасти дѣйствуютъ, какъ представители извѣстной среды, это понятно; я скажу даже, что они дѣйствуютъ также въ качествѣ людей вообще; но утверждать, что въ роль, которую они играютъ, не входитъ ничего особеннаго, имъ однимъ только принадлежащаго, значитъ противорѣчить очевидности" (стр. 22). Лакомбъ упрекаетъ многихъ историковъ за то, что они пытались дѣлать съ событіями то, что можно съ успѣхомъ примѣнять только къ учрежденіямъ, т.-е. онъ порицаетъ стремленіе объяснять все однѣми крупными причинами и не видѣть дѣйствія причинъ мелкихъ. Соображенія Лакомба, имѣющія отношенія къ этому вопросу, заслуживаютъ особаго вниманія.

„Исторія,—говоритъ Лакомбъ,—заключается единственно въ дѣйствіяхъ, совершаемыхъ индивидуумами". Выставивъ такое положеніе, онъ указываетъ на необходимость дѣлать различіе между индивидуальнымъ человѣкомъ и индивидуумомъ. „Настоящими дѣятелями исторіи,—говоритъ онъ,—являются, повторяю, индивидуумы; но каждый изъ этихъ дѣятелей поступаетъ одновременно, какъ человѣкъ вообще, какъ человѣкъ извѣстнаго времени и какъ чисто личный характеръ. То, что̀ я называю индивидуальнымъ человѣкомъ, есть историческій индивидуумъ, разсматриваемый со стороны дѣйствій, которыя имѣютъ начало въ личномъ характерѣ, а не въ психической основѣ, общей у него съ людьми его времени и всѣхъ временъ. Весьма легко,—продолжаетъ Лакомбъ,—увидѣть, что реальными дѣятелями исторіи являются всегда индивидуумы; но гораздо труднѣе убѣдиться въ томъ, что индивидуумы не дѣйствуютъ единственно своей индивидуальной стороной. Слишкомъ положительные умы ошибаются въ этомъ отношеніи. Вотъ почему столь многіе люди объявляютъ, что исторія не можетъ быть наукой. Они были бы безусловно правы, если бы индивидуумы и индивидуальность были одно и то же, т.-е. если бы индивидуумъ не заключалъ въ себѣ всегда элементовъ, которые дѣлаютъ его сходнымъ или равнозначущимъ съ другими индивидуумами. Другіе умы чувствуютъ нѣкоторое неодолимое отвращеніе ко всякой случайности. Они выключаютъ ее изъ своей теоріи и повсюду ставятъ необходи-

мость. Эти два рода умовъ находятся въ постоянномъ противорѣчіи и другъ друга поддерживаютъ, сообщая другъ другу видъ правоты своими преувеличеніями". Лакомбъ занимаетъ положеніе нейтральное между обоими мнѣніями, ближе, однако, къ послѣднему. Что касается до случайности (contingence), то Лакомбъ опредѣляетъ ее, какъ нѣчто такое, чего нельзя предвидѣть ранѣе его наступленія, и что́ послѣ наступленія не можетъ подлежать полному объясненію (стр. 249). Впрочемъ, между необходимымъ и случайнымъ Лакомбъ полагаетъ разницу только въ степени (стр. 250), указывая на великую трудность примѣненія къ исторіи обоихъ понятій въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. „Между тѣмъ,—оговаривается онъ,—весьма полезно знать, хотя бы приблизительно, было ли то или другое явленіе необходимо въ высокой степени или необходимо въ меньшей степени. Если философствующій историкъ вродѣ Монтескье убѣжденъ, что счастливая или несчастная судьба какого-либо государства необходима въ самой большой степени, онъ, естественно, будетъ выбирать для объясненія такой судьбы широкія и постоянныя причины, каковы вѣковыя учрежденія или характеръ, духъ народа, но онъ ошибется. Кто, наоборотъ, допускаетъ извѣстную случайность, тотъ станетъ искать причину въ послѣдовательныхъ, временныхъ обстоятельствахъ, совокупно дѣйствовавшихъ въ большомъ числѣ" (стр. 253). Отдѣльныя личности съ тѣмъ, что онѣ вносятъ своего, оригинальнаго, въ исторію, и являются въ ней такими случайностями.

Лакомбъ занимается и вопросомъ о возникновеніи индивидуальныхъ характеровъ, которые онъ ставитъ въ зависимость отъ причинъ двухъ категорій. Къ первой онъ относитъ все то, что́ врождено человѣку, ко второй—всѣ вліянія, которымъ онъ подвергается послѣ своего рожденія. „Каждое событіе, говоритъ авторъ,—оставляетъ на немъ свой слѣдъ; а событія, которымъ онъ подвергается, образуютъ въ своей послѣдовательности и связи біографію, непохожую ни на какую другую (стр. 258). Мы склоняемся, говоритъ еще Лакомбъ, потому что это просто и удобно, представлять себѣ индивидуумъ, какъ тождественный во всѣ моменты его существованія, или, по крайней мѣрѣ, въ моменты, наиболѣе между собою близкіе; но въ дѣйствительности его внутренняя сущность вовсе не такъ постоянна, какъ мы воображаемъ. Это—вѣчное кипѣніе: одна волна воспоминаній всплываетъ на поверхность въ данный моментъ; другая волна погружается въ самую глубину... Если я возьму человѣка въ извѣстный данный моментъ, я, конечно, могу составить себѣ понятіе объ его личномъ характерѣ, но идею очень неопредѣленную и только приблизительную. Ничто такъ не спорно, какъ изображеніе характера. Даже языкъ, которымъ мы для этого располагаемъ, отличается странною

неточностью". Поэтому Лакомбъ считаетъ въ высшей степени труднымъ опредѣленіе причинъ, образовавшихъ тотъ или другой характеръ (стр. 259).

Возвращаясь къ различенію между человѣкомъ извѣстной эпохи и человѣкомъ индивидуальнымъ, мы укажемъ на то, что общія черты людей одной и той же эпохи объясняются, конечно, во-первыхъ, воспитаніемъ ихъ въ общей культурно-соціальной средѣ, а во-вторыхъ, психическимъ между ними взаимодѣйствіемъ. Такъ на дѣло смотритъ и Лакомбъ. Въ основѣ историческаго процесса онъ видитъ именно, съ одной стороны, традицію, съ другой—подражаніе, причемъ подражаніе бываетъ добровольнымъ, когда слѣдуютъ извѣстному примѣру, и принудительнымъ, когда дѣйствуютъ подъ тѣмъ или другимъ давленіемъ (со стороны воспитанія, со стороны общественнаго мнѣнія, со стороны правительства). Лакомбъ даже опредѣляетъ общество, какъ группу людей, въ которой происходитъ взаимное принужденіе и подражаніе (стр. 235). Не останавливаясь на всѣхъ мысляхъ, какія по этому поводу высказываетъ авторъ, мы отмѣтимъ его соображенія относительно того, какую роль отдѣльная личность можетъ играть въ исторіи при существованіи принудительнаго подражанія. „Такія учрежденія, какъ правительство, администрація, армія, духовенство, судейское сословіе, монашескій орденъ, ремесленная гильдія,—суть своего рода машины, которыя захватываютъ большое количество людей и приводятъ ихъ въ движеніе на подобіе колесъ. По мѣрѣ того, какъ общество цивилизуется, учрежденія умножаются и дѣйствіе каждаго становится болѣе правильнымъ, болѣе все себѣ подчиняющимъ. Тогда дѣлаются возможными особыя положенія, при которыхъ одинъ человѣкъ распоряжается коллективными силами и можетъ оказывать вліяніе на судьбу цѣлаго народа" (стр. 245). Въ этомъ смыслѣ Лакомбъ дѣлаетъ не мало вѣрныхъ замѣчаній. Между прочимъ, онъ упрекаетъ историковъ, которые, разсуждая о политическихъ событіяхъ, склонны не признавать громаднаго значенія общественнаго механизма, управляемаго отдѣльными лицами. „Они—говоритъ онъ, не хотятъ допустить, чтобы цѣлая нація могла дѣйствовать по принужденію со стороны одного человѣка и приписываютъ духу этого народа, его особеннымъ недостаткамъ и слабостямъ то, что принадлежитъ индивидуальной волѣ, дѣйствующей при помощи своего рода непреодолимой машины" (стр. 246).

Но въ исторіи, по Лакомбу, дѣйствуетъ не одно подражаніе, добровольное или принудительное, но и инноваторская способность личности. Въ этомъ отношеніи нашъ взглядъ вполнѣ совпадаетъ по существу съ тѣмъ, какой мы находимъ въ разсматриваемой книгѣ. Признавая, что подражающія массы являются въ исторіи силой консер-

вативной, нашъ авторъ, наоборотъ, видитъ въ индивидуальности, совершающей нововведеніе или дѣлающей изобрѣтеніе, силу прогрессивную (стр. 260). „Всякое изобрѣтеніе зависитъ отъ случайности той или другой индивидуальной судьбы; но разъ нововведеніе сдѣлано индивидуумомъ, на сцену необходимо является масса: ея роль заключается въ томъ, чтобы принять или отвергнуть нововведеніе, подражать или не подражать, отвѣчать на событіе такими-то интеллектуальными и моральными впечатлѣніями или другими. Дѣйствіе, которое добревольно совершено большимъ количествомъ людей, даже когда оно совершено по примѣру, поданному однимъ индивидуумомъ, свидѣтельствуетъ о нѣкоторой общей почвѣ, на которой дѣйствіе возникаетъ. Въ немъ всегда проявляется нѣкоторымъ образомъ человѣкъ вообще и человѣкъ данной эпохи, общая потребность, общая польза, общее представленіе о средствахъ, и соотвѣтственно съ этимъ характеромъ своимъ актъ представляется какъ совершенно необходимый по отношенію къ дѣятелямъ и весьма понятнымъ для историка. Другими словами, существуетъ гораздо болѣе необходимости въ принятіи того или другого массой, чѣмъ въ изобрѣтеніи индивидуумомъ. Распространеніе новой идеи происходитъ всегда такъ, что каждый новый шагъ является болѣе необходимымъ, чѣмъ предыдущій. Первый сторонникъ новой религіи, новаго учрежденія бываетъ всегда до-нельзя случаенъ въ сравненіи со сторонникомъ, который приходитъ уже сто тысячнымъ. Эта градація устанавливается общечеловѣческимъ свойствомъ, по которому тѣмъ большій вѣсъ получаетъ традиція, чѣмъ болѣе насчитываетъ она звеньевъ въ своемъ прошломъ (стр. 263). Замѣтимъ кстати, что понятіе нововведенія Лакомбъ ставитъ въ соотношеніе съ понятіемъ событій, а понятіе подражанія—въ отношеніе съ понятіемъ учрежденій (стр. 264), что на этотъ разъ мы считаемъ удачнымъ, поскольку и сами высказывали раньше точно такой же взглядъ.

V.

Большую важность въ теоріи историческаго процесса имѣетъ вопросъ объ источникахъ и результатахъ историческихъ перемѣнъ. Не мало страницъ своего труда Лакомбъ посвящаетъ и этому вопросу.

„Учрежденія измѣняются, говоритъ онъ, или потому, что одна изъ психическихъ потребностей, которая содѣйствовала его образованію, стала возбуждаться иначе, благодаря какому-нибудь внѣшнему обстоятельству, или потому, что въ человѣческомъ умѣ возникло какое-нибудь новое представленіе относительно средствъ, могущихъ

удовлетворить эту потребность" (стр. 327). Но, замѣчаетъ самъ Лакомбъ, этихъ соображеній недостаточно, чтобы разрѣшать вопросы обо всѣхъ частныхъ случаяхъ. Исходя изъ той идеи, что въ исторіи мы всегда имѣемъ дѣло съ отдѣльными случайностями и необходимостями въ разныхъ пропорціяхъ и комбинаціяхъ, онъ приходитъ къ тому заключенію, что каждое историческое явленіе опредѣляется необходимыми причинами, но такими, которыя дѣйствуютъ на короткомъ разстояніи одна отъ другой и притомъ въ различныхъ направленіяхъ. „Для наблюдателя,—говоритъ Лакомбъ,—каждый разъ это составляетъ новую задачу, и тому, кто хотѣлъ бы объяснить извѣстное теченіе его истока до его устья, пришлось бы рѣшать множество послѣдовательныхъ задачъ, а не одну только задачу, разрѣшаемую указаніемъ на нѣсколько простыхъ причинъ, каковы, напримѣръ, свойства первоначальнаго источника" (стр. 328).

Одну изъ задачъ исторіи, какъ науки, Лакомбъ видитъ въ изслѣдованіи причинъ тѣхъ измѣненій, которыя происходятъ въ отдѣльныхъ учрежденіяхъ и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Говоря вообще, причина заключается въ человѣкѣ извѣстной эпохи и извѣстнаго мѣста, т.-е. въ человѣкѣ историческомъ, а этотъ послѣдній есть въ сущности не что иное, какъ человѣкъ вообще, находящійся подъ вліяніемъ особенной совокупности обстоятельствъ или спеціальной среды. Прежде всего авторъ рекомендуетъ изучать внѣшнія обстоятельства, прослѣживая, насколько возможно дальше, ихъ вліяніе, ибо только такія вліянія уловимы. „Мы обязаны,—говоритъ Лакомбъ,—разсуждать сначала такимъ образомъ, какъ если бы люди разныхъ временъ подвергали въ сущности одни и тѣ же внутреннія свойства вліянію различныхъ средъ" (стр. 131). Внѣшняя среда не прямо дѣйствуетъ на человѣческую дѣятельность: прежде всего она измѣняетъ нравственное или умственное состояніе человѣка, и учрежденія мѣняютъ форму лишь тогда, когда люди приходятъ къ мысли, что для удовлетворенія ихъ основныхъ потребностей могутъ существовать лучшія средства, т.-е. когда мѣняютъ свои вѣрованія. Съ другой стороны Лакомбъ указываетъ, что измѣненія учрежденій бываютъ выгодны или вредны, улучшаютъ или ухудшаютъ наше положеніе. „Съ этой точки зрѣнія, продолжаетъ онъ, историческій человѣкъ является для насъ человѣкомъ, находящимся въ лучшемъ или худшемъ положеніи сравнительно съ человѣкомъ другого времени и другой страны (стр. 134). Но общее положеніе на самомъ дѣлѣ состоитъ изъ большого числа частныхъ условій. Весьма трудно рѣшить, было ли извѣстное время въ концѣ-концовъ болѣе выгоднымъ и болѣе счастливымъ, нежели другое... Во всякомъ случаѣ, можно приблизиться къ рѣшенію такого вопроса лишь подъ условіемъ анализа, который

разложилъ бы общее положеніе на его главные элементы, чтобы сдѣлать каждый изъ нихъ предметомъ особаго изслѣдованія. Всѣ блага, которыхъ ищетъ человѣкъ, какъ бы ни различались они между собой по формѣ, могутъ быть классифицированы и обозначены немногими терминами. Они относятся или къ благосостоянію, или къ нравственности, или къ умственному развитію... Человѣкъ извѣстной эпохи съ этой точки зрѣнія есть человѣкъ, разсматриваемый, какъ человѣкъ болѣе богатый или менѣе богатый, болѣе нравственный или менѣе нравственный, болѣе интеллигентный или менѣе интеллигентный по сравненію съ тѣмъ, чѣмъ онъ является намъ въ другое время или въ другой странѣ... Можно,—говоритъ еще Лакомбъ,—пользоваться однимъ и тѣмъ же учрежденіемъ весьма различными способами, и эти способы, удивительнымъ образомъ измѣняющіе результатъ, зависятъ прежде всего отъ степени, какой достигло развитіе богатства, нравственности и ума" (стр. 135).

Переходя къ разсмотрѣнію разныхъ степеней цивилизаціи съ указанныхъ трехъ точекъ зрѣнія, Лакомбъ прежде всего указываетъ на то, что общее понятіе богатства, какъ мы находимъ у экономистовъ, будучи достаточно для политической экономіи, науки общей и отвлеченной, должно быть измѣнено для потребности исторической науки. „Экономистъ,—говоритъ авторъ,—объявляетъ, что богатство извѣстнаго общества заключается въ суммѣ полезностей, коими обладаетъ это общество, и онъ въ данномъ случаѣ правъ, поскольку предметъ его науки заключается въ простомъ богатствѣ, въ явленіи внѣшнемъ и матеріальномъ. Но для насъ въ исторіи предметомъ является живой и способный чувствовать человѣкъ. Для насъ важно не богатство само по себѣ въ своемъ матеріальномъ существованіи, для насъ важно психическое дѣйствіе, которое отъ него возникаетъ. Мы, напримѣръ, рѣшаемъ вопросъ, въ какой мѣрѣ въ данную эпоху люди пользовались тою долею счастья, которую мы называемъ благосостояніемъ" (стр. 137). Узнать степень общественнаго благосостоянія въ смыслѣ экономистовъ можно только при помощи хорошей статистики, которую историки думали замѣнять для прошлыхъ временъ косвенными указаніями въ родѣ цифры народонаселенія, цѣны извѣстныхъ жизненныхъ припасовъ или распространенія извѣстныхъ предметовъ въ низшихъ классахъ общества (стр. 138).

Эти способы Лакомбъ считаетъ неподходящими и думаетъ основать свои заключенія на соображеніяхъ иного рода. „Есть, говоритъ онъ, вещи, которыхъ не можетъ дѣлать человѣкъ извѣстной эпохи, но которыя можетъ дѣлать въ другую эпоху. Есть вещи, которыя человѣкъ можетъ дѣлать съ трудомъ въ одну эпоху и которыя человѣкъ другой эпохи дѣлаетъ съ относительною легкостью". Этой

возможности или невозможности, этой легкости или трудности дѣйствій, имѣющихъ цѣлью удовлетвореніе нашихъ потребностей, Лакомбъ и придаетъ рѣшающее значеніе. Напр., въ прошломъ столѣтіи для путешествія изъ Парижа въ Марсель требовалось 8 сутокъ, а теперь только двадцать часовъ, а потому теперешній человѣкъ богаче человѣка прошлаго столѣтія на все сбереженное время, на все уменьшеніе издержекъ и въ смыслѣ большихъ удобствъ въ путешествіи (стр. 141). Самое указаніе на возможности и легкости, существующія въ одну эпоху и не существующія въ другую, дѣло очень нетрудное, по крайней мѣрѣ, для огульныхъ и относительныхъ сужденій. Съ другой стороны, всякая новая возможность, всякое новое облегченіе увеличиваетъ количество продуктовъ, т.-е. богатство въ смыслѣ экономистовъ (стр. 142). Изъ этого разсужденія дѣлается авторомъ такой выводъ: „понимаемое въ историческомъ смыслѣ богатство представляетъ нѣкоторыя черты, которыхъ не имѣетъ богатство въ смыслѣ экономистовъ и которыя заслуживаютъ быть отмѣченными. Богатство экономистовъ, какъ сумма полезныхъ предметовъ въ данный моментъ, зависитъ, въ послѣднемъ своемъ результатѣ, т.-е. въ возможности удовлетворенія потребностей, отъ роста народонаселенія. Разъ число людей увеличивается, сумма предметовъ, пожалуй, и останется та же самая, но удовлетвореніе уменьшится. Понимаемое въ нашемъ смыслѣ, въ смыслѣ возможности и легкости совершать полезныя дѣйствія, богатство менѣе зависитъ отъ роста народонаселенія. Пусть дана возможность доѣхать по желѣзной дорогѣ отъ Парижа до Марселя въ 20 часовъ: народонаселеніе можетъ увеличиваться, не нанося ущерба этой возможности. Полезные предметы, продолжаетъ Лакомбъ, постоянно уничтожаются, одни раньше, другіе позже. Богатство въ смыслѣ экономистовъ представляется поэтому, какъ колеблющаяся масса безпрестанно поглощаемая, преобразовываемая, измѣнчивая въ своихъ очертаніяхъ. Богатство, понимаемое въ историческомъ смыслѣ, заключается въ концѣ-концовъ въ нѣкоторыхъ умственныхъ типахъ, въ идеяхъ машинъ, доставляющихъ возможность дѣлать то или другое. Конечно, не невозможно, но весьма рѣдко случается, чтобы эти идеи исчезали (стр. 143). Обыкновенно онѣ передаются отъ одного поколѣнія къ другому безъ малѣйшей утраты и хотя это наслѣдство имѣетъ чисто интеллектуальное, чисто идеальное значеніе, оно является самымъ прочнымъ наслѣдствомъ" (стр. 144). Наибольшую опредѣленность могутъ представлять, наоборотъ, факты умственнаго прогресса, что, впрочемъ, понятно само собою, такъ какъ здѣсь приложима наиболѣе опредѣленная мѣрка.

Съ той точки зрѣнія, съ которой мы наиболѣе интересуемся книгой Лакомба, весьма важно то, что имъ ставится вопросъ о взаим-

ныхъ отношеніяхъ экономическаго, моральнаго и интеллектуальнаго прогресса. Авторъ находитъ невозможнымъ, чтобы благосостояніе, нравственность и просвѣщеніе развивались совершенно равномѣрно. Одинъ изъ трехъ видовъ прогресса долженъ имѣть первенствующее положеніе, но какой? „То, говоритъ Лакомбъ, что мы знаемъ о законѣ настоятельной необходимости, заставляетъ насъ думать, что благосостояніе играло первую роль. Оно должно было предшествовать и въ весьма широкой мѣрѣ вызывать два другія явленія, чтобы впослѣдствіи испытать на себѣ и вліяніе съ ихъ стороны. Прежде всего общій ходъ исторіи доставляетъ въ пользу нашей гипотезы такія данныя, которыя имѣютъ большой вѣсъ. Первобытный человѣкъ добивается путемъ ли свой промышленности или путемъ войны только одной изъ трехъ цѣлей — благосостоянія. Онъ вовсе не хлопочетъ о томъ, чтобы развить свой умъ, и еще менѣе заботится о своей нравственности. Въ этомъ смыслѣ первобытное состояніе продолжается у дикарей, у варваровъ и даже на различныхъ ступеняхъ цивилизаціи (стр. 151). И тѣмъ не менѣе несмотря на всеобщее пренебреженіе къ своему нравственному и умственному прогрессу, этотъ прогрессъ совершился, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ земного шара, и совершился въ степени удивительной, я сказалъ бы даже, парадоксальной, принимая въ расчетъ то, что̀ было сказано выше. Нужно было, чтобы человѣкъ, стремясь къ благосостоянію, достигъ, вовсе о томъ не думая, результатовъ моральнаго и интеллектульнаго характера, потому ли что послѣдніе были связаны, какъ естественныя послѣдствія, съ достигнутымъ благосостояніемъ, или потому, что средства, неообходимыя для полученія богатства, были приспособлены и для полученія другихъ результатовъ безъ прямого на то желанія со стороны человѣка. Тяжелое бремя, которое экономическія нужды налагаетъ на первобытнаго человѣка, кажется, должно было бы вѣчно держать его на одной и той же ступени. Однако, этотъ человѣкъ поднялся надъ своимъ первоначальнымъ состояніемъ, и тутъ есть чему удивляться. Невольно приходишь къ мысли, что необходимость достигнуть благосостоянія, будучи бременемъ въ одномъ отношеніи, могло быть хорошею подмогою въ другомъ". На основаніи этого разсужденія Лакомбъ пытается въ дальнѣйшемъ изобразить въ общихъ чертахъ, какимъ образомъ извѣстная степень благосостоянія содѣйствуетъ развитію нравственности и просвѣщенія. „Тотъ видъ безнравственности, который заключается въ покушеніи на чужое добро, безнравственность экономическая, составляющая самую большую долю человѣческихъ злодѣяній, находится въ очевидной зависимости отъ нужды. Нищета, т.-е. нужда, доведенная до извѣстной степени настоятельности, играетъ роль страшной силы, дѣйствующей напе-

рекоръ нравственнымъ мотивамъ, симпатіи, благоразумію, уваженію къ самому себѣ. Послѣднія могутъ бороться противъ силы нужды и ее побѣждать, но они ея не уничтожаютъ (стр. 152). Одно благосостояніе можетъ устранить отчасти силу нужды и чрезъ это устранить самый конфликтъ между нуждою и моральными мотивами". Отсюда Лакомбъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что развитіе благосостоянія должно было уменьшать сумму экономической безнравственности, облегчая для бо́льшаго числа людей тяжесть нужды. Но и этотъ выводъ онъ дѣлаетъ не безъ оговорокъ (стр. 153). Далѣе, благосостояніе доставляетъ досугъ. „Нужно имѣть досугъ и, слѣдовательно, благосостояніе, чтобы имѣть возможность учиться" (стр. 154); лишь на извѣстной ступени умственнаго развитія, создаваемаго досугомъ, возможна предусмотрительность, вытекающая изъ симпатіи къ другимъ и изъ благоразумія. „Совсѣмъ не доказано,—соглашается Лакомбъ,—чтобы прямымъ слѣдствіемъ благосостоянія былъ ростъ способности сочувствовать, но нищета человѣка, сосредоточивая всѣ интересы на немъ самомъ, конечно, является условіемъ неблагопріятнымъ. Благосостояніе, устраняющее это условіе, возвращаетъ дѣйствію симпатіи своего рода свободу" (стр. 155). И тутъ авторъ, слѣдовательно, изъ благосостоянія не дѣлаетъ источникъ нравственнаго и умственнаго развитія: благосостояніе имѣетъ значеніе лишь благопріятнаго обстоятельства.

Кромѣ того, Лакомбъ изслѣдуетъ условія образованія богатства, слѣдствія которыхъ тоже могутъ отражаться въ областяхъ нравственности и просвѣщенія. Напр., трудъ, который человѣкъ беретъ на себя ради достиженія чисто матеріальныхъ цѣлей, оказываетъ вліяніе на развитіе ума, воли и воображенія (стр. 160). Дѣло въ томъ, что преслѣдуя извѣстныя цѣли, человѣкъ достигаетъ результатовъ, которыхъ онъ первоначально вовсе не имѣлъ въ виду. Это можно сказать не только о трудѣ, но и о разныхъ изобрѣтеніяхъ, къ которымъ человѣкъ прибѣгаетъ первоначально исключительно для удовлетворенія своихъ матеріальныхъ нуждъ. Съ этой точки зрѣнія Лакомбъ разсматриваетъ цѣлый рядъ изобрѣтеній, имѣвшихъ разнородныя слѣдствія въ дѣлѣ развитія нравственности и просвѣщенія. Но особенно интересны его соображенія о томъ, какъ возникла и развилась наука, умственная дѣятельность, стремящаяся безкорыстно къ знанію.

Въ вопросѣ объ исторіи науки, по его мнѣнію, существуютъ именно два вопроса: во-первыхъ, кто доставлялъ ученымъ средства къ существованію, а во-вторыхъ, какимъ образомъ возникала спеціальная среда, необходимая для того, чтобы однимъ изъ стимуловъ къ знанію служилъ тотъ почетъ, которымъ можетъ пользоваться ученый среди своихъ собратьевъ? Дѣло въ томъ, что каждый ученый теоретикъ всегда долженъ былъ имѣть какое-либо занятіе, которое

давало бы ему средства къ существованію. Каждая наука связана съ тою или другою спеціальною профессіей двоякимъ образомъ. Эта профессія порождала практику, на основаніи которой вырабатывалась впослѣдствіи теорія, и она же, эта профессія, прокармливала ученаго. Само собою разумѣется, что существованіе вышеуказанной спеціальной среды всегда зависитъ отъ болѣе широкой среды, въ которую она заключена (стр. 353), и задача объясненія состоитъ въ томъ, чтобы найти, каковы именно тѣ обстоятельства общей среды, которыя и породили среду спеціальную. Авторъ не хочетъ искать объясненій того, почему у одного народа наука существуетъ, а у другого — нѣтъ, въ какой-нибудь единой и абстрактной причинѣ вродѣ способности или неспособности народа (стр. 354). По его мнѣнію, научное развитіе при слабости своихъ положительныхъ причинъ, особенно на первыхъ порахъ, при своей непрочности во времени и своей ограниченности въ пространствѣ было подвержено наибольшему количеству случайностей (стр. 359). Только въ новѣйшія времена создались условія, которыя дѣлаютъ научную дѣятельность менѣе зависимою отъ случайностей. Во-первыхъ, замѣтили, что чистая теорія иногда приводитъ къ приложеніямъ, которыхъ первоначально и не предвидѣли и потому надежда на извлеченіе пользы всегда примѣшивается къ безкорыстному знанію. Такимъ образомъ, по мнѣнію Лакомба, въ дѣлѣ научнаго развитія сталъ играть выдающуюся роль экономическій интересъ. Онъ утверждаетъ даже, что участіе экономическаго интереса въ движеніи является однимъ изъ крупныхъ фактовъ новой исторіи и даже, быть можетъ, самымъ важнымъ фактомъ всей исторіи. Тѣмъ не менѣе, во-вторыхъ, Лакомбъ признаетъ, что для многихъ людей въ настоящее время получила особую силу потребность въ чисто научной эмоціи по мѣрѣ того, именно, какъ эта потребность все болѣе и болѣе удовлетворялась (стр. 360). Объясняя такимъ образомъ происхожденіе науки, Лакомбъ не соглашается съ мнѣніемъ, по которому первое стремленіе къ научной дѣятельности зародилось въ религіозной сферѣ. Онъ предлагаетъ строго различать религію и жречество. Въ жрецѣ нужно отличать жреца, какъ представителя извѣстной религіозной системы, отъ человѣка, имѣющаго достаточный досугъ для умозрѣнія и изслѣдованія, и если первые ученые появились въ жреческомъ сословіи, то ученые эти, какъ таковые, ничего не получили отъ своихъ религій. „Человѣческая культура, говоритъ Лакомбъ, въ своемъ наиболѣе высокомъ проявленіи, въ проявленіи научномъ, вышла непосредственно изъ практики производствъ, изъ экономической сферы, изъ созданія богатствъ. Если такъ можно выразиться, здѣсь можно искать отца науки, и отъ этого отца наука получаетъ всѣ средства, благодаря коимъ она занимаетъ теперешнее положеніе (стр. 365),

первыя точныя познанія о мірѣ, первыя орудія измѣренія, наконецъ, первыя методическія привычки — наблюденіе, обращеніе къ опыту. Что касается до матери науки, то ею, если хотите, будетъ возбужденіе, производимое желаніемъ почета и уваженія, не общественнаго почета, ибо общество въ цѣломъ очень мало заботится о подобныхъ изслѣдованіяхъ, а почета со стороны спеціальной группы, въ которой живетъ ученый. Наука родилась отъ соединенія экономическаго интереса съ стремленіемъ къ почету. Я не вижу, чтобы въ какой-либо религіи божество предписывало наблюдать, дѣлать опыты, устанавливать порядокъ и послѣдовательность явленій" (стр. 366).

VI.

Лакомбъ посвящаетъ нѣсколько главъ своего труда (XV—XVII) также вопросу о прогрессѣ. Вопросъ о прогрессѣ въ его представленіи связанъ съ разрѣшеніемъ такого рода проблеммъ. Во-первыхъ, спрашиваетъ онъ, существуетъ ли между нашими несходными одна съ другою цѣлями высшая цѣль, къ которой мы стремимся въ последнемъ результатѣ, а во-вторыхъ, если эта цѣль существуетъ, есть ли она та цѣль, къ которой дѣйствительно нужно стремиться? „Наблюденіе показываетъ, говоритъ Лакомбъ, что человѣкъ вездѣ и всегда ставитъ своею цѣлью пріятное ощущеніе. Правда, многіе моралисты (послѣдователи Канта, напр.) думаютъ, что цѣлью жизни является исполненіе долга, но если долгъ заключается въ содѣйствіи чужому счастью, то и въ этомъ случаѣ счастье остается цѣлью". Лакомбъ не соглашается съ такою постановкой вопроса, при которой стремленіе къ собственному счастью признается незаконнымъ, и наоборотъ, предписывается стремленіе къ счастью другихъ (стр. 268). Единственно научной формулой онъ считаетъ стремленіе къ счастью подъ условіемъ долга (стр. 269). Ставъ на эту точку зрѣнія, онъ смотритъ не только на индивидуальную жизнь, но и на всю исторію, какъ на исканіе пріятныхъ ощущеній, какъ на развитіе практическаго искусства, ведущаго къ этой цѣли, вслѣдствіе чего онъ рѣшительно не соглашается со взглядомъ Спенсера, по которому исторія есть чисто органическое развитіе. „Если,—говоритъ онъ далѣе,—мы называемъ богатствомъ всѣ предметы, способные намъ доставлять пріятное ощущеніе, и притомъ такіе предметы, которые нужно добывать у природы, значительная доля исторіи можетъ быть опредѣлена такимъ образомъ: она есть результатъ добыванія богатства при помощи разнообразныхъ средствъ, сводящихся, однако, къ двумъ основнымъ—къ труду и къ знанію! Прибавимъ еще слѣдующее: исторія есть резуль-

тать соблюденія, всегда несовершеннаго, этихъ двухъ условій". Далѣе, указавъ на то, что человѣкъ всегда имѣетъ предъ собою другого человѣка, доставляющаго ему ощущенія не только пріятныя, но часто и непріятныя, авторъ продолжаетъ: „Дѣло заключается вовсе не въ томъ, чтобы одержать окончательную побѣду; безвозвратное торжество надъ ближнимъ было бы въ сущности пораженіемъ для побѣдителя. Очевидно,—здѣсь нужна сдѣлка, нужно соглашеніе. Это условіе мы можемъ выразить въ одномъ словѣ: это—справедливость. Человѣкъ ищетъ здѣсь пріятнаго ощущенія подъ условіемъ справедливости, и исторія въ значительной своей части есть результатъ искусства быть справедливымъ и всегда несовершеннаго пользованія имъ". Наконецъ, существуетъ еще и болѣе глубокій конфликтъ. Природа можетъ быть побѣждена, между людьми можетъ быть установлено всеобщее согласіе, и все-таки исторія будетъ еще результатомъ борьбы между цѣлями, къ которымъ стремится одна и та же человѣческая воля (стр. 270). Два стремленія въ одной и той же душѣ являются двумя антагонистами, такъ какъ имъ приходится дѣлить между собою господство надъ одною и тою же волей. Внутренняя борьба проявляется, кромѣ того, и во внѣшнихъ отношеніяхъ, когда, напр., то, чего съ трудомъ добивались для удовлетворенія одной потребности, становится препятствіемъ для удовлетворенія другихъ потребностей. Лакомбъ ставитъ вопросъ, можно ли предвидѣть конецъ такого внутренняго конфликта, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно. Человѣку никогда не удастся истребить въ себѣ животную сторону своей природы и потому остается только думать о томъ, чтобы сократить дѣйствіе животныхъ инстинктовъ въ пользу другихъ, болѣе высокихъ (стр. 271). Иными словами, нужно стремиться къ извѣстному нравственному равновѣсію. Съ этой послѣдней точки зрѣнія Лакомбъ видитъ въ исторіи результатъ исканія счастія подъ условіемъ нахожденія равновѣсія между разными сторонами человѣческаго бытія; конечно, и въ этомъ случаѣ она есть результатъ безконечно несовершеннаго соблюденія этого условія.

Установивъ эти три стороны исторіи, Лакомбъ указываетъ далѣе, что только первая сторона, т.-е. борьба съ природой, представляется относительно простою въ томъ смыслѣ, что человѣкъ можетъ здѣсь итти впередъ все въ одномъ и томъ же направленіи, нигдѣ не останавливаясь, всегда прибавляя нѣчто новое къ сдѣланному уже безъ какого бы то ни было неудобства или опасенія за будущее. Совсѣмъ другое дѣло съ двумя другими сторонами, гдѣ нужно устанавлять равновѣсіе между противоположными стремленіями: тамъ уже нельзя итти все дальше и дальше впередъ въ одномъ и томъ же направленіи, ибо это привело бы только къ вредной односторонности. Поэтому

Лакомбъ считаетъ неудобнымъ примѣнять къ этимъ двумъ сторонамъ исторіи понятія процесса или прогресса: тутъ рѣчь можетъ итти скорѣе о колебательномъ движеніи съ остановками въ разныхъ мѣстахъ въ разное время, и смотря по тому, куда движеніе склоняется, его результатъ въ смыслѣ общечеловѣческаго счастья бываетъ благопріятный или неблагопріятный. Напр., экономическій интересъ требуетъ наибольшаго раздѣленія труда, которое въ экономическомъ отношеніи даетъ превосходные плоды, но часто низводитъ человѣка на степень машины, на степень существа съ пониженными умственными способностями (стр. 272). Въ этомъ случаѣ духовныя способности человѣка принижаются тѣмъ самымъ, что возвышаетъ его способность экономическую. Что же остается дѣлать, какъ не искать извѣстнаго равновѣсія, извѣстнаго примиренія между разными потребностями жизни?

„Конфликтъ, конкурренція, борьба за существованіе,—называйте, какъ хотите,—говоритъ Лакомбъ,—это обстоятельство имѣетъ всеобщее значеніе въ своей тройной формѣ. И это есть единственное совершенно всеобщее обстоятельство, какое мы только знаемъ въ исторіи". Ему Лакомбъ придаетъ значеніе закона, дѣйствіе котораго распространяется на всю исторію, тогда какъ процессъ, изъ котораго тоже хотятъ сдѣлать законъ, не имѣетъ этихъ свойствъ, ни всеобщности, ни постоянства (стр. 273). Сообразно съ вышесказаннымъ Лакомбъ признаетъ существованіе двухъ различныхъ формъ прогресса. Первую простую форму прогресса онъ видитъ въ накопленіи, съ одной стороны, богатства, съ другой—знанія. Другая же форма состоитъ въ установленіи болѣе искуснаго равновѣсія, болѣе успѣшнаго примиренія (стр. 276). Съ вопросомъ о прогрессѣ тѣсно связанъ вопросъ объ увеличеніи человѣческаго счастья. „Историкъ, говоритъ Лакомбъ, который хочетъ узнать, счастливѣе ли человѣкъ одной эпохи сравнительно съ человѣкомъ другой эпохи, опирается на внѣшніе признаки, но эти признаки не могутъ быть точными признаками счастья: это только простыя вѣроятности. Внутреннее чувство человѣка можетъ стать съ ними въ разрѣзъ. Слѣдовало бы схватить именно это чувство, но оно какъ-разъ намъ и не поддается. Посмотрите богатство (стр. 277). Привычка весьма скоро дѣлаетъ насъ нечувствительными къ его возростанію. Удовлетвореніе сложныхъ экономическихъ потребностей скоро перестаетъ доставлять болѣе счастья, нежели удовлетвореніе потребностей болѣе простыхъ. Во всякомъ случаѣ оно заставляетъ насъ чувствовать гораздо большее количество желаній, обыкновенно налагаетъ на насъ болѣе труда и гораздо чаще приводитъ насъ въ столкновеніе съ нашими ближними, а это весьма важная оборотная сторона медали. Въ дѣлѣ счастья простота вкусовъ,

первоначальная умѣренность безусловно равноцѣнны съ увеличеніемъ богатства. Средній достатокъ, довольный самъ собою, рядомъ съ изобиліемъ, чувствующимъ неудовлетворенныя потребности, встрѣчается не особенно рѣдко. Прогрессъ нравственности,—продолжаетъ Лакомбъ,—уменьшаетъ случаи конфликта съ нашими ближними, и въ этомъ смыслѣ является, какъ нѣкоторый прогрессъ счастья. Но сама нравственность существеннымъ образомъ состоитъ въ добровольномъ самоограниченіи, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ давать пріятнаго ощущенія. Самое большее, на что можно надѣяться, это то, что она сведется къ непріятному ощущенію, весьма слабому и почти безразличному... Самъ умственный прогрессъ,—говоритъ еще Лакомбъ,—никогда не совершается безъ извѣстной утраты. Беззаботность, непредусмотрительность имѣютъ хорошую сторону. Отдаленное предвидѣніе заставляетъ насъ заранѣе предвкушать и добро, и зло; оно усиливаетъ какъ непріятныя, такъ и пріятныя чувства" (стр. 278). На этомъ для Лакомба не останавливаются трудности расчета. Въ одну и ту же эпоху историку приходится имѣть дѣло съ людьми, находящимися на весьма различныхъ ступеняхъ развитія. Умственное и нравственное развитіе, которое можно изобразить въ общихъ чертахъ и отвлеченно въ историко-философскомъ сочиненіи, въ дѣйствительности осуществилось только въ немногихъ, весьма рѣдкихъ экземплярахъ человѣческаго рода. Когда говорятъ объ общемъ прогрессѣ, необходимо различать судьбу массъ и судьбу меньшинства, и именно массы должны быть особенно принимаемы въ расчетъ. „Счастливѣе ли,—спрашиваетъ Лакомбъ,—теперешнія массы сравнительно съ массами прежнихъ временъ? Многіе безъ малѣйшаго колебанія отвѣчаютъ на этотъ вопросъ утвердительно. Я не говорю, чтобы они ошибались: я говорю только, что они слишкомъ увѣрены и что ихъ доказательства не такъ уже убѣдительны, какъ они воображаютъ". Правда, мы пользуемся бо́льшимъ накопленіемъ богатствъ, чѣмъ въ прежнее время, но весь вопросъ не въ этомъ, а нужно еще различать въ человѣкѣ потребителя и производителя. Въ качествѣ перваго современный человѣкъ, повидимому, имѣетъ нѣкоторыя преимущества. Въ настоящее время за франкъ можно получить гораздо болѣе того, что давалъ франкъ въ былыя времена, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ тотъ же самый франкъ стоитъ дешевле, чѣмъ, напр., въ средніе вѣка (стр. 279). Во всякомъ случаѣ, теперешнее превосходство не безусловно и, конечно, является пропорціональнымъ достатку каждаго. Но улучшилось ли положеніе человѣка, какъ производителя? Мы видимъ, что рабство уступило мѣсто крѣпостничеству, а послѣднее замѣнилось свободнымъ наемничествомъ: въ этомъ заключается прогрессъ независимости и, слѣдовательно, моральнаго достоинства; но прогрессъ дѣйствительнаго счастья подвергался часто спору и

на самомъ дѣлѣ представляется спорнымъ. „Свободный работникъ,— говоритъ Лакомбъ,—утомляетъ свои руки, какъ все на это указываетъ, совершенно инымъ образомъ, нежели рабъ, по крайней мѣрѣ, въ общемъ. Въ особенности же онъ знакомъ со многими иными заботами. Безпокойство за будущее, за себя, за своихъ, тѣмъ большее безпокойство въ каждомъ рабочемъ, чѣмъ выше онъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ, представляетъ изъ себя довольно тяжелое бремя. Чтобы уравновѣсить эти невыгоды, нужно вообразить достаточно суровое рабское положеніе. То, чтó наиболѣе важно въ дѣйствительности, это—чувство, съ какимъ относятся къ своей судьбѣ. Больше ли или меньше ощущаетъ современный рабочій, чего у него недостаетъ и что онъ видитъ у другихъ, если мы сравнимъ его съ работникомъ, находившимся въ рабскомъ состояніи? Слишкомъ смѣлъ былъ бы тотъ умъ, который вполнѣ увѣренно отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ" (стр. 280).

Такимъ образомъ, по мнѣнію Лакомба, привычка и возростаніе потребности уменьшаютъ значеніе накопленія богатствъ, какъ необходимаго условія счастья, а прогрессъ нравственности есть въ сущности усиленіе самоограниченія, которое въ лучшемъ только случаѣ приводитъ къ безразличнымъ ощущеніямъ, а этого достаточно, дабы понять, что природа вовсе не служитъ нашимъ желаніямъ, не направляетъ насъ благосклонно къ счастью. Но съ другой стороны, трудъ, какъ необходимое условіе богатства, усиліе, какъ необходимое условіе нравственности, тяжелая работа, лишь бы она не переходила извѣстныхъ границъ, производятъ умственный прогрессъ. Поэтому тó, что является наиболѣе необходимымъ въ жизни обществъ, заключается въ умственномъ развитіи. Если бы можно было допустить, что природа ради насъ стремится къ какой-либо цѣли, то этою цѣлью слѣдовало бы признать только усиленіе человѣческаго ума.

Изъ этого общаго положенія Лакомбъ дѣлаетъ нѣкоторые интересные выводы: сравнивая умственныя наслажденія съ чувственными удовольствіями и съ удовольствіями нашего нравственнаго существа, онъ находитъ именно, что первыя вообще отличаются меньшею живостью, но зато имѣютъ другія, важныя преимущества. Продолжительность и частое повтореніе ихъ не ослабляютъ; слабое и спокойное счастье, которое они доставляютъ, можетъ быть непрерывнымъ и наполнять почти всѣ моменты существованія. Особыя же преимущества умственныхъ наслажденій заключаются въ томъ, что главнымъ источникомъ пріятныхъ эмоцій является здѣсь тотъ самый трудъ, который, какъ средство для достиженія удовольствій другого рода, уменьшаетъ силу этихъ удовольствій. Далѣе, умственныя наслажденія сообщаются другимъ безъ всякаго для кого бы то ни было ущерба, чтó вполнѣ

устраняетъ конфликтъ между индивидуумами и группами. Что касается до внутренняго конфликта, то онъ, конечно, остается, но сводится къ самому возможному минимуму. Стремленіе къ счастью такого рода, дѣлаясь преобладающимъ, можетъ вредить только другому стремленію, именно къ богатству, и уничтожаетъ только наслажденіе извѣстною роскошью (стр. 281). Наоборотъ, стремленіе къ наживѣ въ случаѣ преобладанія вообще мѣшаетъ наслажденіямъ ума и даже чувства вслѣдствіе того, что увеличиваетъ трудъ, заботы и борьбу. Отсюда Лакомбъ выводитъ даже практическій совѣтъ, какъ главное правило, искусство жить или искусство быть счастливымъ: поболѣе заботиться объ интеллектуальныхъ эмоціяхъ. Конечно, это правило не можетъ имѣть безусловнаго значенія. На томъ же положеніи строитъ авторъ и выводъ историко-философскій. „Общество,—говоритъ онъ,—или даже все человѣчество, состоящее въ концѣ-концовъ изъ индивидуумовъ, не могутъ имѣть другого правила жизни, какъ то, которое существуетъ для индивидуума. Для каждой группы людей, будетъ ли она большая или маленькая, равновѣсіе, благопріятствующее прогрессу счастья, есть то равновѣсіе, которое отводитъ значительное мѣсто стремленію къ интеллектуальной эмоціи (стр. 282). По очевидному слѣдствію изъ этого положенія у историка, занимающагося измѣреніемъ разстояній между отдѣльными обществами на пути прогресса, не можетъ быть болѣе вѣрной мѣрки, какъ участіе каждаго изъ этихъ обществъ въ интеллектуальныхъ эмоціяхъ, въ искусствѣ и въ наукѣ“. Между прочимъ, тутъ же Лакомбъ дѣлаетъ одно въ высшей степени важное замѣчаніе. „Читатель,—говоритъ онъ,—долженъ обратить вниманіе на то, что, если мы въ этой книгѣ констатируемъ наибольшую важность экономическаго развитія, какъ чисто опытную истину, критеріемъ для оцѣнки относительной высоты цивилизаціи служитъ намъ какъ-разъ не-экономическая область“. Конечно, Лакомбу при этомъ не трудно было доказать, что экономическое благосостояніе общества зависитъ отъ успѣховъ въ знаніяхъ, имѣющихъ своимъ предметомъ природу, и что въ вопросахъ общественныхъ самыя лучшія намѣренія не могутъ приводить къ желаннымъ результатамъ безъ знанія настоящей природы людей (стр. 283). Поэтому на первый планъ онъ и выдвигаетъ прогрессъ умственный и потомъ уже придаетъ значеніе, какъ мѣркѣ цивилизаціи, успѣхамъ въ искусствѣ и въ литературѣ (стр. 288).

Все это въ высшей степени любопытно. Какъ ни старается нашъ авторъ вездѣ, гдѣ только на самомъ дѣлѣ можно, видѣть дѣйствіе экономическаго фактора, въ концѣ-концовъ главною прогрессивною силою онъ считаетъ развитіе человѣческаго ума, стремленія къ знанію, научной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи онъ далекъ отъ

экономическаго матеріализма, представители котораго,—безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, впрочемъ,—утверждаютъ, что экономическая эволюція сама по себѣ прогрессивна.

VII.

Лакомбъ подымаетъ въ своей книгѣ и вопросъ объ историческомъ предвидѣніи. Глава, посвященная этому вопросу, одна изъ болѣе слабыхъ, хотя отдѣльныя ея мѣста должны быть все-таки отмѣченными.

Авторъ исходитъ здѣсь изъ той мысли, что каждая наука должна стремиться къ предвидѣнію будущаго и что исторія въ этомъ отношеніи не должна составлять исключенія. Такъ какъ, однако, исторія есть наука наиболѣе сложная, то предвидѣніе въ ней возможно лишь въ самыхъ общихъ чертахъ: вѣдь, впрочемъ, и установленіе необходимости въ прошломъ возможно въ ней лишь въ самыхъ общихъ очертаніяхъ, поскольку мы постоянно имѣемъ въ ней дѣло съ разными случайностями. Если мы хорошо знаемъ настоящее и къ пониманію его прилагаемъ научные методы, то мы можемъ лишь утверждать, что готовы совершиться въ самой, конечно, прочной и абстрактной формѣ такія-то и такія-то событія, не утверждая, что эти событія непремѣнно совершатся (стр. 369). Многимъ такія малоопредѣленныя показанія могутъ показаться недостаточными, но они все-таки важны для нашего поведенія. Но и говоря о предсказаніи будущаго, Лакомбъ исходитъ изъ своей основной идеи о первенствѣ экономическаго элемента. „Экономика,—говоритъ онъ,—съ великою силою оказывала вліяніе на все остальное, и весь историческій опытъ показываетъ, что эволюція въ значительной мѣрѣ происходила подъ могучимъ дѣйствіемъ экономическаго интереса. Отсюда весьма послѣдовательно думать, что главныя сѣмена будущаго заложены въ явленіяхъ экономическаго порядка. Кто хочетъ предвидѣть будущее, долженъ прежде всего изслѣдовать экономическое состояніе современныхъ обществъ. Экономическая область, говоритъ онъ далѣе, раздѣляется на двѣ части: созданіе и распредѣленіе богатствъ. Для того, чтобы понять прошлое въ его прогрессивномъ шествіи, мы должны были почти исключительно заниматься первымъ. Въ заботѣ о будущемъ и, слѣдовательно, о прочности общества намъ скорѣе нужно заняться здѣсь распредѣленіемъ. Именно нужно узнать, происходитъ ли раздѣлъ добытыхъ богатствъ такимъ образомъ, чтобы удовлетворять массы и заинтересовывать въ сохраненіи общества тѣхъ, которые его поддерживаютъ. Производство богатствъ, читаемъ мы еще, приводитъ людей къ борьбѣ съ природою, но вызываетъ отношенія

взаимной помощи и содѣйствія между самими людьми. Распредѣленіе неизбѣжно влечетъ за собою борьбу между людьми, ибо всякій избытокъ одного есть лишеніе для другихъ" (стр. 370). Отъ сколькихъ бы условій ни зависѣло распредѣленіе, въ концѣ-концовъ оно подчиняется одному общему закону: каждый получаетъ тѣмъ больше, чѣмъ менѣе онъ зависитъ отъ настоятельныхъ экономическихъ потребностей. Та самая настоятельная потребность, которая влечетъ за собою производеніе богатствъ имѣетъ такимъ образомъ своимъ окончательнымъ слѣдствіемъ въ дѣлѣ распредѣленія почти безграничную зависимость слабаго. Но эта экономическая сила не всегда свободно дѣйствуетъ, благодаря ограниченіямъ со стороны религіи, обычнаго права и законодательства (стр. 372), хотя, съ другой стороны, богатые классы, которые были въ то же время правящими классами, очень часто также прибѣгали къ закону для защиты своихъ экономическихъ интересовъ (стр. 373). Тутъ Лакомбъ высказываетъ даже такой взглядъ, что въ общемъ и цѣломъ исторіи правительственная сила всегда побѣждалась экономическою силою (стр. 374). Отказываясь отъ политики государственнаго невмѣшательства съ ея безнравственными и антисоціальными слѣдствіями нашъ авторъ, однако, не только далекъ отъ соціализма, но и вступаетъ съ нимъ въ полемику, упрекая теоретиковъ соціализма, главнымъ образомъ, въ томъ, что они не принимаютъ въ расчетъ увеличенія народонаселенія и вѣрятъ въ особый провиденціализмъ, заключенный, по ихъ мнѣнію, въ естественныхъ законахъ экономической эволюціи. Мы не послѣдуемъ за авторомъ въ этой его полемикѣ и отмѣчаемъ только, что въ его книгѣ соединяется пониманіе исторіи, напоминающее экономическій матеріализмъ, съ нерасположеніемъ къ соціализму. Мало того, Лакомбъ, съ тревогой, съ опасеніемъ за будущее смотритъ на современное соціальное броженіе. Между тѣмъ для многихъ экономическое пониманіе исторіи и соціалистическій взглядъ на будущее тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собою, взаимно другъ друга обусловливая. Въ другомъ мѣстѣ мы старались доказать, что принципіальной связи тутъ никакой нѣтъ, и книга Лакомба можетъ служить лишнимъ доказательствомъ этой мысли.

Обзоръ литературы по русской исторiи за 1891 г.

А. И. Браудо и В. А. Мякотина *).

Обзоръ исторической литературы за 1891 годъ значительно запоздалъ своимъ появленiемъ на свѣтъ. Главной причиной такого запозданiя явилась сложность самой работы, требующей большого времени для своего выполненiя, времени, какое далеко не всегда находилось въ распоряженiи составителей. Уже съ самаго начала этой работы на страницахъ „Историческаго Обозрѣнiя" существовала мысль о необходимости распредѣленiя ея между нѣсколькими сотрудниками и въ настоящее время есть надежда, что мысль эта можетъ быть приведена въ исполненiе. Въ появляющемся теперь обзорѣ выдѣлена въ особый отдѣлъ исторiя Малороссiи, къ составленiю слѣдующаго авторы надѣятся привлечь новыя силы. Выпуская въ свѣтъ настоящiй обзоръ, составители не скрываютъ отъ себя, что въ немъ несомнѣнно найдутся значительные пропуски и пробѣлы. Не снимая съ себя отвѣтственности за нихъ, составители считаютъ однако нужнымъ предупредить, что ихъ цѣлью не было достиженiе библiографической полноты.

А. Браудо и В. Мякотинъ.

I. Сочиненiя общаго содержанiя **).

Сочиненiя общаго содержанiя въ обозрѣваемомъ году, какъ и въ предъидущихъ, почти совершенно отсутствуютъ. Изъ имѣющихся прежде

---

*) Обзоръ за 1890 г. помѣщенъ въ III томѣ „Историческаго Обозрѣнiя", обзоръ за 1888 и 1889 г. во II томѣ.

**) Большинство пропусковъ и недосмотровъ, которые встрѣтятся въ выпускаемомъ обзорѣ, придется, безъ сомнѣнiя, на ту часть его, которую составлялъ нижеподписавшiйся; авторъ не скрываетъ отъ себя, что кромѣ упомянутыхъ недостатковъ, составленная имъ часть Обзора страдаетъ и еще однимъ, не менѣе важнымъ, а именно неравномѣрностью обработки, выразив-

всего необходимо отмѣтить II-й томъ обширнаго труда Пыпина [1]), относительно котораго въ литературѣ было указано на то, что заглавіе его не вполнѣ соотвѣтствуетъ его дѣйствительному содержанію. Авторъ изслѣдуетъ не только ходъ научнаго „изученія народности", но также и развитіе „общаго интереса къ изученію народности, насколько оно выражается въ литературѣ и публицистикѣ", поэтому въ трудѣ его мы знакомимся и съ разными эпизодами изъ исторіи общественныхъ настроеній, насколько послѣднія отражались во взглядахъ русскаго образованнаго общества на народъ. Цѣлью автора было ознакомить читателя съ тѣмъ, что сдѣлано русской литературой, наукой и публицистикой для рѣшенія вопроса о соціальной, политической и культурной роли русскаго народа въ русскомъ прошломъ, настоящемъ и будущемъ. Почти половина второго тома занята исторіей изученія древней народной словесности и вѣрованій, т.-е. исторіи литературы. Второе мѣсто занимаетъ развитіе русской исторической науки. Славянофильскому взгляду на исторію посвящена VII-я глава, въ которой авторъ излагаетъ главнымъ образомъ взгляды Аксакова и полемизируетъ противъ славянофильскихъ воззрѣній на реформу Петра Великаго; двѣ главы посвящены отношенію къ народу беллетристики и публицистики—критикѣ народническихъ теорій.

Довольно рѣзкій отзывъ этотъ томъ вызвалъ со стороны В. Ламанскаго [2]), который обвиняетъ автора въ „журнализмѣ тона и сужденій", въ односторонности и преувеличеніяхъ, въ невѣрномъ изложеніи славянофильскихъ взглядовъ на Петра Великаго и Петербургскій періодъ и т. п.; — останавливаясь на характеристикѣ С. М. Соловьева, Ламанскій на основаніи личныхъ воспоминаній утверждаетъ, что Соловьевъ по своимъ философско-религіознымъ взглядамъ никогда не принадлежалъ къ западникамъ, какъ по своимъ взглядамъ на отношенія наши къ Старой Польшѣ, къ польской и славянской народностямъ, по своимъ взглядамъ на нѣмцевъ въ Россіи и даже на Петербургскую Академію Наукъ. Книга Пыпина, заключаетъ авторъ, послѣ краткой характеристики выдающихся славянофиловъ, значительно выиграла бы въ достоинствѣ, еслибы онъ не держался

шейся въ томъ, что болѣе важнымъ трудамъ удѣлялось часто слишкомъ мало мѣста въ сравненіи съ другими второстепенными; и этого недостатка, вызваннаго невозможностью посвятить этому труду требуемое имъ время, можно будетъ избѣгнуть только при предполагаемомъ привлеченіи нѣсколькихъ сотрудниковъ. *А. Браудо.*

[1]) А. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи, т. II. Общій обзоръ изученій народности и этнографія великорусская. С.-Петербургъ, 1891 г., стр. 428.

[2]) Ламанскій, В. Живая Старина. Вып. 2. (Рецензія о книгѣ Пыпина, вышедшей въ 1891 г., появилась въ Живой Старинѣ, за 1890 г.).

взглядовъ Герье на такъ называемое славянофильство и не повторялъ старыхъ заѣзженныхъ фразъ.

Въ защиту славянофильства-же написана статья Завитневича [3]—[4]), представляющая превознесенія сочиненія Данилевскаго и его теоріи культурно-историческихъ типовъ. Авторъ даетъ критику Петровскихъ реформъ, которыя онъ, по его словамъ, признаетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ осуждаетъ послѣдовавшее затѣмъ европейничанье и очень склоненъ все-таки къ идеализаціи Московской Руси. „Сословныя реформы Екатерины II, говоритъ авторъ, были основаны на принципѣ дѣленія людей на подлыхъ и благородныхъ,— принципѣ, которымъ именно попиралось человѣческое достоинство и котораго не знала до-Петровская Русь"; это не значитъ, что до-реформенная Россія была выше пореформенной, но первая имѣла хоть нѣкоторое право гордиться, потому что она гордилась тѣмъ, что добыто было ея собственнымъ тяжкимъ трудомъ, а у „Руси XVIII-го вѣка, почти все, что превозносилось, было взято на прокатъ у сосѣдей". Далѣе авторъ характеризуетъ дѣятельность славянофиловъ (Хомякова, Аксакова и др.), которыхъ совершенно напрасно считаютъ изувѣрами—патріотами. Между прочимъ, авторъ утверждаетъ, что А. Герценъ впослѣдствіи самъ разочаровался въ своихъ западническихъ теоріяхъ.

Новый взглядъ на значеніе Московскаго и Петербургскаго періодовъ старается установить Шмурло [5]); не являясь (какъ онъ самъ объ этомъ заявляетъ) противникомъ Петровской реформы, авторъ признаетъ вліяніе татарскаго ига на нравы до-петровскаго періода,— признаетъ, что формы Московскаго Государства и быта не выражали собою исконныхъ національныхъ чертъ русскаго народа, что разрывъ между высшими и низшими классами произошелъ гораздо раньше Петра; но дѣло по мнѣнію автора въ томъ, что реформа Петра не помогла этому злу. Авторъ находитъ ложнымъ представленіе, „будто эпоха Петровская есть какая-то грань, какой-то рѣзкій рубежъ между старой и новой Россіей. Поэтому нельзя изображать XVII и XVIII вв., какъ два обособленныхъ міра. Весь вопросъ сводится къ разницѣ не качественной, а только количественной". Эту грань между старой и новой Россіей Шмурло отодвигаетъ гораздо дальше—къ началу XVI вѣка. Онъ опровергаетъ взглядъ Соловьева „будто до-Петровская

---

[3]) Завитневичъ, А. Значеніе первыхъ славянофиловъ въ дѣлѣ уясненія идей народности и самобытности. Тр. Кіевск. Духовн. Акад. № 11, стр. 353—397. (Актовая рѣчь).

[4]) Соловьевъ, В. Національный вопросъ въ Россіи. Спб. Вып. I, изд. 3, 1891 г., стр. 206, ц. 1 р. Вып. II, стр. 343, ц. 2 р. 50 к.

[5]) Шмурло, Е. XVI-й вѣкъ и его значеніе въ русской исторіи. С.-Петербургъ, 1891 г. Изъ годоваго отчета училища св. Анны за 1891 г.

Русь аналогична съ средними вѣками Западной Европы" и говоритъ, что у насъ средніе вѣка кончились одновременно съ Западной Европой, т.-е. въ концѣ XV и къ началу XVI вв. Начало новой Россіи, доказываетъ авторъ, нужно искать тамъ, гдѣ начинается международная жизнь нашего отечества, а именно на рубежѣ XV и XVI вв.

Средніе вѣка были періодомъ подготовительнымъ къ международной политической жизни, и въ этомъ то отношеніи русская исторія совершенно аналогична съ западно-европейской. Авторъ идетъ, однако, дальше и доказываетъ, что не только „въ сферѣ международной жизни наше государство съ самаго конца XV или начала XVII вв. идетъ на ряду съ Западной Европой, но и „гражданская зрѣлость съ ея юридическою правоспособностью наступила въ одно и то же время для всѣхъ". Онъ находитъ, что „уже XVI столѣтіе всецѣло намѣтило ту международную программу, которую послѣдующимъ вѣкамъ оставалось только развивать и неуклонно ей слѣдовать — программу, ставшую источникомъ, первымъ побудительнымъ толчкомъ и самаго преобразовательнаго движенія". Эта теорія вызвала возраженіе: было указываемо на то, что историческое движеніе представляется такимъ образомъ Шмурло въ чисто внѣшнемъ государственномъ развитіи; въ дѣйствительности-же то обстоятельство, что внѣшнія политическія задачи, исполненныя Россіей XVIII и XIX вѣковъ были указаны и поняты въ XV и XVI вв., имѣетъ лишь весьма второстепенное значеніе.

Тутъ же укажемъ на нѣкоторыя замѣтки и труды, имѣющіе отношеніе до исторіи нашей исторіографіи, а также нѣкоторые библіографическіе труды. Шереметевскій [6]), вмѣстѣ съ другими сослуживцами по архиву, даетъ обзоръ научныхъ занятій, которыя совершались въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи (съ начала 40-хъ годовъ до самаго послѣдняго времени) частными лицами и обзоръ различныхъ изданій, основанныхъ на документахъ Архива.

Въ обозрѣваемомъ году можно далѣе отмѣтить нѣсколько замѣтокъ о Костомаровѣ [7—9]), въ одной изъ которыхъ, между прочимъ доказывается, что какъ общественный дѣятель, а еще болѣе, какъ ученый, Костомаровъ былъ большимъ мечтателемъ и фантазеромъ, неспособнымъ къ критическому и зрѣлому изученію и обсужденію историческихъ фактовъ. Въ исторіи нашей исторіографіи не можетъ

---

[6]) Шереметевскій, В. и другіе. Исторія Архива Министерства Юстиціи. Опис. док. и бум., т. VIII, стр. 1—92.

[7]) Ремезовъ. Николай Ивановичъ Костомаровъ. Р. О., 1891 г., 2.

[8]) Полевой, П. Историкъ идеалистъ. И. В., 1891 г., 2.

[9]) Извлеченія изъ автобіографіи Костомарова, и статья А. Руссова по поводу ихъ. Харьковскій Сборникъ. Вып. V.

не быть отмѣчена полемика, вызванная 3-мъ томомъ труда Иловайскаго, всѣ рецензенты котораго „съ рѣдкимъ въ научныхъ спорахъ единомысліемъ" отвергали научное его значеніе, а нѣкоторые и значеніе его, какъ серьезнаго и полезнаго компилятивнаго труда; Иловайскій-же неблагопріятные о его трудѣ отзывы объяснилъ главнымъ образомъ антинаціональнымъ направленіемъ своихъ рецензентовъ 10—14).

Изъ библіографическихъ трудовъ на первомъ планѣ необходимо, конечно, поставить трудъ Иконникова 15), который имѣетъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ простая библіографія. Первыя 3 главы посвящены общимъ вопросамъ исторіографіи: предметъ исторіи, положеніе ея въ ряду другихъ наукъ, историческая критика и т. д. Затѣмъ излагается исторія книжнаго дѣла на Руси, положеніе архивнаго дѣла, дается описаніе русскихъ библіотекъ, архивовъ и музеевъ, въ которомъ собрано поразительное количество данныхъ. Относительно труда Загоскина 16) было не разъ указываемо на небрежность, съ которою онъ составлялся, и на массу пропусковъ. Въ добавленіяхъ Губерти 17) къ 1-му и 2-му выпускамъ его Матеріаловъ описаны 181 рѣдкое изданіе за время отъ 1725 до 1800 г., причемъ сообщено очень много историко-литературныхъ данныхъ. Тутъ же можно указать и на трудъ Дамаскина 18), имѣющій свою исторію; нѣсколько листовъ его были отпечатаны Ундольскимъ еще въ 1848, но не были помѣщены въ Чтеніяхъ, вслѣдствіе разгрома, постигшаго Общество Исторіи и Древностей. Въ 1891 г. Общество издало эти напечатанные листы, продолживъ однако, изданіе только до № 449 (1713 г.), тогда какъ трудъ Дамаскина доходитъ до 1785 г.

Въ I и II-мъ т. Сибирской библіографіи Межова 19) вошли перечень источниковъ и матеріаловъ для библіографіи Сибири, а затѣмъ обзоръ литературы по исторіи, географіи, этнографіи и статистикѣ Сибири. Дополненіемъ къ этому тому могутъ служить работы Иванов-

---

10) Сторожевъ, Н. В. Е. 1891 г., 2.

11) Платоновъ, С., Ж. М. Н. П. 1891 г., 3.

12) Безобразовъ, П., Р. О. 1891 г., 2.

13) А. К. Сѣв. Вѣстн. 1891 г., 3.

14) Иловайскій, Р. А. 1891 г., 5.

15) Иконниковъ, Опытъ русской этнографіи, т. I. Кіевъ, 1891—2 г. 184 + CCCLXX.

16) Загоскинъ, Н. Наука Исторіи Русскаго Права. Казань, 1891 г., стр. XXVIII+530, ц. 3 р. Ж. М. Н. П. 1891 г., 11. К. С. 1891 г., 12.

17) Губерти, Н. Матеріалы для русской библіографіи. Москва, 1891 г., стр. 888.

18) Дамаскинъ, Еп. Библіотека Россійская. Изд. Ундольскаго. Ч. М. О. И. Д., 1891 г., 1.

19) Межовъ, В. Сибирская Библіографія, т. I, II. С.-Петербургъ, 1891 г., стр. 470+485, ц. 6 р.

скаго [20]) и Кузнецова [21]); изъ 800 указаній на литературу о Ермакѣ, которыя приведены въ послѣднемъ трудѣ, мы въ Библіографіи Межова имѣемъ только 83.

Наконецъ укажемъ на „Опытъ Словаря псевдонимовъ русскихъ писателей" составленный Карцовымъ и Мазаевымъ [22]), и на дополненія къ нему въ Этногр. Обозрѣніи (1891 г., 4).

Лацинскій [23]) составилъ хронологическій указатель всѣхъ сраженій и дѣлъ въ которыхъ участвовали русскія войска со времени Петра В.

Въ вступительной лекціи [24]) Чечулинъ, доказывая цѣнность мемуаровъ, какъ историческаго источника, пытается развить и раньше уже высказанное имъ мнѣніе, что мы должны характеризовать эпоху не отзывами о рѣдкихъ выдающихся явленіяхъ, которыя мы встрѣчаемъ въ мемуарахъ, а общимъ тономъ.

Важнымъ пособіемъ для палеографовъ является трудъ Н. Лихачева [25]); благодаря собраннымъ имъ бывшимъ въ употребленіи водянымъ знакамъ, является возможнымъ опредѣлять хронологію недатированныхъ рукописей; кромѣ того авторъ даетъ исторію бывшей у насъ въ употребленіи бумаги, причемъ устанавливаетъ, что въ 14 стол. употреблялась бумага итальянская, въ 15 и 16 французская (отчасти нѣм. и польская), въ 17 франц. и голландская, а къ концу этого столѣтія послѣдняя вытѣснила первую. Попытку дѣлать у насъ свою бумагу относили къ 17-му стол., но Лихачевъ нашелъ данныя о существованіи въ 1560 г. бумажной мельницы около Москвы; и эта, и послѣдовавшія за нею попытки остались, однако, безуспѣшны, и правильное бумажное производство началось у насъ только при Петрѣ.

II. Время до XVI вѣка.

Изъ работъ, относящихся къ древнѣйшему періоду нашей исторіи, укажемъ на весьма цѣнную работу преждевременно скончавшагося

---

[20]) А. Ивановскій. Этногр. Обозр, 1892 г., 1. Очень много дополненій исключительно по отдѣлу Этнографіи.

[21]) Кузнецовъ, Е. Библіографія Ермака, Тобольскъ, 1891 г., стр. 32.

[22]) СПб. 1891 г.

[23]) Лацинскій, А. Хронологія русской военной исторіи. СПб. 1891 г., стр. 289, ц. 1 р. 50 к.

[24]) Чечулинъ, Н. Мемуары, ихъ значеніе и мѣсто въ ряду историческихъ источниковъ. Библіографъ, 1891 г., 7, 8, стр. 89—102.

[25]) Лихачевъ, Н. Бумага и древнѣйшія бумажныя мельницы въ Московскомъ государствѣ. С.-Петербургъ, 1891 г., ц. 4 р. Ж. М. Н. П. 1891 г., 8. И. В. 1891, 12. (Напечатано въ Зап. Имп. Русскаго Арх. Общ. Вып. IV. стр. 234—329).

Финнолога Веске [26]), которая проливаетъ—главнымъ образомъ на основаніи стилистическихъ данныхъ—свѣтъ на вопросъ, какъ шло поглощеніе финскихъ этнологическихъ элементовъ славянскими, и отодвигаетъ эпоху, съ которой можно начать изученіе отношеній финскаго міра къ славянскому, на нѣсколько столѣтій раньше возникновенія нашей первоначальной лѣтописи; всѣ доказательства авторъ основываетъ на формахъ заимствованныхъ словъ; такимъ путемъ онъ устанавливаетъ сильное культурное вліяніе славяно-руссовъ на финновъ. Разцвѣтъ этого вліянія онъ относитъ къ первымъ столѣтіямъ нашей исторіи и показываетъ, что слѣдовъ его не успѣли вытравить изъ западно-финскихъ нарѣчій цѣлые вѣка позднѣйшаго Германскаго вліянія. Наибольшее количество заимствованій приходится на область общественныхъ и семейныхъ отношеній.

Съ вопросомъ о призваніи князей Русской исторіографіи, надо полагать, еще долго придется считаться, хотя вопросъ по существу давно уже пересталъ заслуживать такого исключительнаго вниманія.

Указаніе на то, что призваніе помѣчено опредѣленнымъ годомъ и записано въ числѣ достовѣрныхъ извѣстій нашей начальной лѣтописи, не заслуживаетъ, какъ доказываетъ Малининъ [27]), вниманія, ибо 862 есть годъ произвольный и случайный. Основной хронологической датой лѣтописи является 852 г.; первое извѣстіе, которое завѣрено этой датой, есть слѣдующее: „Наченьшю Михаилу царствовати, начася прозывати Русская Земля, о семъ бо увѣдахомъ, яко при семъ царе приходиша Русь на Царьградъ“. Являющійся при этомъ вопросъ къ какому именно событію относится 852 г. — къ началу царствованія Михаила или къ походу Руси — авторъ разрѣшаетъ въ послѣднемъ смыслѣ.—Но тогда, разсуждаетъ онъ, является непонятнымъ, почему самый походъ описанъ далѣе подъ 866 г., каковое обстоятельство и наводитъ его на мысль, что передаваемое подъ 852 г. и 866 г. составляло первоначально одинъ цѣльный разсказъ, который былъ разорванъ сводчикомъ лѣтописи; послѣдній имѣлъ подъ руками Повѣсть временныхъ лѣтъ въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. сборникъ сказаній безъ годовъ и Начальную Кіевскую лѣтопись, въ которую и вошло извѣстіе о походѣ на Царь-Градъ. Это-то извѣстіе въ сводѣ оказалось разорваннымъ: часть его поставлена передъ призваніемъ, часть же пріурочена къ словамъ: „Иде Асколь и Диръ на Греки и пріидоша въ 14 Михаила Цесаря“. Лицо, разставлявшее годы, поняло 862 г. какъ начало цар-

[26]) Веске. Славяно-финскія культурныя отношенія по даннымъ языка, Казань. 1891 г., стр. 1—303 (Изв. Общ. Археол. Исторіи при Каз. Унив. VIII.—1 вып.).

[27]) Малининъ, А. Ѳ. Разборъ лѣтописнаго сказанія о призваніи Варяговъ. Ч. М. О. И. Д. 1891 г., 1. (9—13).

ствованія Михаила, прибавило 14 и получило 866. Промежутокъ же между 852 и 866 оно должно было заполнить годами совершенно произвольно, причемъ на разсказъ о призваніи пришелся 862 г., между тѣмъ, какъ это извѣстіе попало въ сводъ изъ Повѣсти, гдѣ оно года не имѣло. Все это, по мнѣнію автора, подтверждаетъ мысль о легендарномъ характерѣ призванія. Тутъ же авторъ указываетъ и на другой случай, гдѣ также замѣчается какъ бы разрывъ одного извѣстія другимъ.

Совершенно съ другой точки зрѣнія подходитъ къ тому же вопросу Бестужевъ-Рюминъ [28—29]). Не касаясь этнографически-филологической стороны вопроса, онъ обращается „къ уясненію характера учрежденій, господствовавшихъ на основаніи несомнѣнныхъ памятниковъ въ первую пору государственной жизни русскаго народа“ и доказываетъ, что характеръ управленія князей русскихъ во многомъ сходенъ съ характеромъ управленія другихъ народовъ, поставленныхъ въ подобное же положеніе. Сходство это обусловливается переходомъ цѣлою массой изъ племеннаго быта въ государственный, отъ раздѣльности къ соединенію; способъ перехода долженъ былъ быть одинаковъ: личная дѣятельность князя, временная передача имъ полной своей власти другому лицу, что соединяется съ замѣною племенныхъ князей служилыми людьми и т. п. „Слѣдственно, говоритъ авторъ, нѣтъ нужды признавать въ этой творящей дѣятельности государства какое-нибудь чужое вліяніе; но едва-ли необходимо непремѣнное признаніе туземнаго происхожденія самой династіи. Въ этомъ случаѣ останавливаетъ кромѣ соображеній филологическихъ еще одно важное обстоятельство: отсутствіе легенды не только о божественномъ происхожденіи, но даже и объ особенномъ божественномъ освященіи этой династіи, въ родѣ, напр., посѣщенія странникомъ Пяста и т. п.

Соболевскій [30—32]) сдѣлалъ попытку критическаго разбора раз-

---

28) Бестужевъ-Рюминъ, К. Н. О характерѣ власти Варяжскихъ князей. Труды IV Археолог. Съѣзда, т. 2, стр. 3—9.

29) Томсенъ, В. Начало Русскаго Государства. Ч. М. О. И. Д. 1891 г., 1, стр. 1—136. Съ просмотрѣнной авторомъ нѣмецкой переработкой д-ра Л. Борнеманна, переводъ Н. Аммона.

30) Соболевскій, А. Нѣсколько мѣстъ начальной лѣтописи. Чт. въ Ист. Общ. Нестора Лѣтописца, кн. V. Кіевъ, 1891.

31) Ѳирсовъ, Н. Содержаніе и характеристика галицко-волынской лѣтописи по Ипатьевскому списку. Казань, 1891, стр. 14.

32) П. Голубовскій. Нѣсколько соображеній къ вопросу о князѣ Турѣ. Кіевская Старина, 1891 г., № 10, стр. 58—81.

ныхъ варіантовъ рукописи Начальной Лѣтописи; для примѣра приведемъ одно изъ замѣчаній: Соболевскій читаетъ не „Рѣша Русь, Чудь: земля наша велика и обильна", а Руси, т.-е. дательный, а не имен. ед., что конечно, совершенно мѣняетъ смыслъ. Авторъ, по его словамъ, основывается на тѣхъ правилахъ, которыя выработала на Западѣ такъ называемая критика текста. Тѣмъ не менѣе было указываемо на то, что въ основу этихъ толкованій положены только собственныя, часто произвольныя измышленія автора (К. С. 1891, 10, стр. 144).

Продолжаютъ также занимать ученыхъ и вопросы о крещеніи Руси. Савва [33]) останавливаясь подробно на разборѣ мнѣній его предшественниковъ по вопросу о времени и мѣстѣ крещенія Ольги, приходитъ къ заключенію, что великая княгиня крестилась въ Кіевѣ въ 955 г., а въ 957 г. ѣздила въ Царьградъ съ цѣлью паломничества. 955 г. русскій лѣтописецъ нашелъ въ записи, а мѣсто крещенія отнесъ къ Царьграду, на основаніи преданія, неоправдываемаго, по мнѣнію автора, критикой.

По вопросу о крещеніи Владиміра укажемъ на изданную Регелемъ [34]) полную копію такъ называемаго Бандуріева „сказанія объ обращеніи Руссовъ въ христіанство". Признавая вмѣстѣ съ Голубинскимъ, что источникомъ сказанія послужило житіе блаженнаго Владиміра, Регель указываетъ, что авторомъ житія былъ русскій, а не грекъ и строитъ гипотезу о взаимномъ отношеніи трехъ источниковъ: Житія, Лѣтописной Повѣсти и Бандуріева сказанія: онъ предполагаетъ существованіе утерянной первоначальной русской редакціи сказанія о крещеніи Владиміра; эта редакція въ распространенномъ видѣ явилась въ Лѣтописи, а въ болѣе сокращенномъ въ Житіи, она же послужила источникомъ и Бандуріева сказанія. Тутъ же укажемъ на докладъ А. Гаркави [35]), въ которомъ сдѣлана сводка извѣстій о Крымѣ у арабскихъ писателей, причемъ авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о сношеніяхъ древнихъ руссовъ съ таврическимъ полуостровомъ и толкуетъ неясныя или непонятныя намъ названія.

Далѣе, что касается времени до XVI столѣтія, то мы имѣемъ очень немного работъ историческаго содержанія.

Грушевскій [36]) изслѣдуетъ взаимныя отношенія южно-русскихъ

---

[33]) Савва, В. О времени и мѣстѣ крещенія русской княгини Ольги. Сборникъ Харьковск. Историко-Филолог. Общества, т. III. Харьковъ, 1891.

[34]) Regel, W. Analecta Byzantino-Russica, Petropoli 1891. См. Сообщеніе А. Дмитренскаго о книжкахъ Ζαχχαλίων'а въ Труд. Кіевск. Дух. Акад. 1891, 6.

[35]) Гаркави, А. Тр. IV. Арх. Съѣзда. II т., стр. 239—248.

[36]) М. С. Грушевскій. Волынскій вопросъ 1097—1102 г. Кіевская Старина, 1891, № 4 и 5.

князей конца XI-го и начала XII-го в., такъ какъ многое въ исторіи этихъ отношеній до сихъ поръ еще невыяснено. Взаимныя, напримѣръ, цѣлованія князей въ Любечѣ и послѣдовавшее ослѣпленіе Василька; единодушный взрывъ негодованія при вѣсти объ этомъ преступленіи и затѣмъ — передача Волыни Святополку и намѣреніе „братьи“ лишить волости самого пострадавшаго Василька; первенствующая роль Мономаха въ началѣ этихъ событій и странное, пассивное положеніе его въ дальнѣйшемъ теченіи вопроса — эти факты, какъ они передаются въ источникахъ, являются неожиданными, непонятными. Обозрѣвая источники, авторъ утверждаетъ, что главный изъ нихъ, сказаніе Василія, включенное въ начальную лѣтопись, не безукоризненъ, ибо слишкомъ выставляетъ впередъ Мономаха. Изслѣдуя источники, авторъ указываетъ, что изображеніе Мономаха, какъ блюстителя интересовъ братій и Русской земли—невѣрно. Сближеніе Мономаха съ Святославичами и выступленіе противъ Давыда и Святополка было вызвано вовсе не желаніемъ отомстить за вѣроломное ослѣпленіе Василька: Мономахъ просто желалъ разстроить союзъ Святополка съ Давыдомъ и подчинить его снова своему вліянію. Такими же политическими соображеніями объясняются и другія его дѣйствія. Что же касается несправедливыхъ постановленій увѣтичскаго съѣзда, то Мономахъ не былъ въ данномъ случаѣ такимъ активнымъ лицомъ, какимъ его изображаютъ; тутъ онъ дѣйствовалъ подъ давленіемъ обстоятельствъ, въ угоду господствующей партіи. „Въ общемъ весь эпизодъ производитъ весьма тяжелое впечатлѣніе: въ политикѣ, въ княжескихъ отношеніяхъ господствуютъ корыстные разсчеты, эгоизмъ, который кажется тѣмъ противнѣе, что въ нашихъ источникахъ по временамъ одѣвается въ личину благочестія, патріотизма; выгода заставляетъ примириться со всякими злодѣяніями“. Мономахъ представляется автору не столько братолюбцемъ и добрымъ страдальцемъ за русскую землю, сколько политикомъ, осторожнымъ, благоразумнымъ, лавирующимъ среди современныхъ политическихъ отношеній и уступающимъ тамъ, гдѣ онъ чуялъ серьезныя препятствія, серьезную борьбу.

Тому же автору [37]) принадлежитъ опытъ исторіи Кіевской земли до конца 14-го вѣка; въ первой части его сообщаются историко-географическія и частью этнографическія данныя, во второй—обзоръ внѣшнихъ событій исторіи Кіевской земли до монгольскаго нашествія, въ третьей излагается общественное устройство и бытъ въ до-монгольскій періодъ и въ послѣдней описывается состояніе Кіевской земли послѣ нашествія и подъ властію Литовскихъ князей до конца 14-го вѣка. —

[37]) М. Грушевскій. Очеркъ исторіи Кіевской земли отъ смерти Ярослава до конца XIV столѣтія. Кіевъ, 1891, стр. 520. Ц. 2 р. 75 к.

Что касается вопроса о значеніи и вліяніи монгольскаго ига, относительно котораго нѣкоторые полагаютъ, что послѣ разрушенія Кіева страна была совершенно лишена населенія и что малорусское населеніе явилось лишь позже (въ 14 и 15 стол.) изъ Галиціи и съ Карпатовъ, то авторъ держится противоположнаго мнѣнія.

Въ очеркѣ Довнаръ-Запольскаго [38]) опредѣляется положеніе всѣхъ упоминаемыхъ въ лѣтописи и уставной грамотѣ Ростислава Мстиславича (1157 г.) городовъ Кривичской земли и границъ ея и дается затѣмъ сводка лѣтописныхъ данныхъ, причемъ въ основаніе положена Ипатьевская лѣтопись.

Экземплярскій [39]) даетъ намъ во второмъ томѣ своего труда біографіи князей Владимірскихъ, Московскихъ, Суздальско-Нижегородскихъ, Тверскихъ и Рязанскихъ удѣловъ. Кромѣ чисто біографическихъ свѣдѣній, авторъ даетъ историко-географическіе очерки той мѣстности и тѣхъ городовъ, которые находились во владѣніи князей; полезнымъ пособіемъ является параллельно-синхронистическая таблица, въ которой князья расположены по волостямъ. Въ этомъ томѣ авторъ продолжаетъ свою полемику съ Соловьевымъ относительно происхожденія князей Шуйскихъ; отвергая показаніе Никоновской лѣтописи, что Шуйскіе происходятъ отъ Александра Невскаго, онъ доказываетъ ихъ происхожденіе отъ Андрея Ярославича.

Въ берлинской диссертаціи *Бука* [40]), которая, по заявленію автора является лишь началомъ большой работы, доказывается, что начало нѣмецкихъ торговыхъ экспедицій въ Новгородъ должно быть отнесено не ко второй половинѣ 12-го столѣтія, а къ его началу, и затѣмъ авторъ старается установить пути, по которымъ направлялись эти экспедиціи.

Въ упомянутомъ уже нами изданіи *Регеля* [41]) помѣщенъ отрывокъ изъ письма египетскаго султана Насcира къ императору Андронику III, относимый издателемъ къ 1340—1341 г. и представляющій интересъ для русской исторіографіи въ томъ отношеніи, что султанъ даетъ императору между прочимъ титулъ αὐθέντης τῆς Ῥωσίας. Регель полагаетъ, что основаніемъ для такого титула послужилъ фактъ принадлежности Византіи нѣкоторыхъ пунктовъ на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей. Тутъ же изданы письма іеромонаха Иси-

[38]) Довнаръ-Запольскій. Очеркъ исторіи Кривичской и Дреговичской земель до конца XII стол. Кіевъ, 1891.

[39]) Экземплярскій, А. Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 г., т. 2-й Спб. 1891. И. В. 1891, 7. Ж. М. Н. П. 1891, 5.

[40]) Buck. Der deutsche Kaufmann in Nowgorod bis zur Mitte des XIV Jahrunderts. Berlin 1891.

[41]) Analecta.

дора, занимавшаго митрополичью каѳедру въ 1437—1442 г. *Регель* [42]) считаетъ несправедливой и односторонней ту характеристику митрополита, которая установилась въ нашей церковно-исторической литературѣ. Въ письмахъ своихъ Исидоръ является, какъ говоритъ авторъ, типичнымъ представителемъ итальянскаго гуманизма. Въ этомъ отношеніи важны 2 письма его къ итальянскому гуманисту Гварино. Понятно, что жизнь митрополита въ Москвѣ и положеніе его, при тогдашнемъ культурномъ уровнѣ общества, должны были казаться ему ужасно тяжелыми.

Въ статьѣ *Дьяконова* [43]) мы имѣемъ очеркъ исторіи политическихъ отношеній между представителями духовной власти и княжескими правительствами до раздѣленія единой митрополіи всея Руси и до начала автокефальности Московской митрополіи. Прежде всего авторъ напоминаетъ о первыхъ попыткахъ церковнаго обособленія со стороны князей, борьбу между князьями изъ-за вопроса о мѣстѣ резиденціи митрополита, борьбу изъ-за митрополита между Москвою и Тверью, между Москвою и Литвой и характеризуетъ затѣмъ „стремленіе княжескихъ правительствъ обезпечить за собою поддержку со стороны митрополита въ борьбѣ за преобладаніе, стремленіе, которое поставило ихъ въ необходимость принять самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ о поставленіи митрополитовъ и энергично отстаивать своихъ отдѣльныхъ кандидатовъ“. Политика Константинопольскаго патріархата въ значительной мѣрѣ споспѣшествовала упроченію такой практики. Хотя патріархи и желали сохранить единство митрополіи всея Руси въ видахъ болѣе прочнаго подчиненія себѣ русской церкви, однако, исполняли всѣ настойчивыя требованія о поставленіи особыхъ митрополитовъ; они не останавливались и передъ раздробленіемъ митрополія, лишь бы не утратить изъ сферы своего вліянія всѣ ея части. Но мало-по-малу это вмѣшательство свѣтской власти въ дѣла о поставленіи митрополитовъ начинаетъ вызывать протесты и изъ Константинополя и изъ среды даже мѣстнаго духовенства; это вмѣшательство не только возбуждало принципіальный вопросъ объ отношеніи властей, но затрогивало также серьезную тему о подчиненіи русской церкви константинопольскому патріарху, права котораго нарушались энергической политикой Димитрія Донскаго и литовскихъ князей. Изъ среды русской духовной іерархіи мы имѣемъ цѣлый рядъ попытокъ отстоять свою самостоятельность подъ прикрытіемъ исключительной зависимости отъ Константинополя. Проповѣдь этой послѣдней

[42]) Analecta.

[43]) Дьяконовъ, М. Къ исторіи древнерусскихъ церковно-государственныхъ отношеній. „Историческое Обозрѣніе“, т. III, стр. 72—91.

идеи не осталась безъ вліянія и содѣйствовала подъему авторитета константиноградскихъ властей, что особенно ясно видно въ дѣлѣ о поставленіи Іоны соборомъ епископовъ по повелѣнію великаго князя; многіе выдающіеся русскіе іерархи не хотѣли признать Іону и московское правительство старалось оправдаться цѣлымъ рядомъ окружныхъ грамотъ и посланій, а затѣмъ попыталось даже добиться санкціи изъ Константинополя, но безуспѣшно. Дьяконовъ старается подтвердить непользующееся еще правомъ гражданства въ нашей литературѣ мнѣніе, что этотъ фактъ повелъ къ фактическому разрыву между Москвой и Константинополемъ и сближенію съ отдаленнымъ Іерусалимомъ. Слѣдующій за Іоной митрополитъ Ѳеодосій былъ уже по желанію князя избранъ и благословленъ самимъ митрополитомъ; о патріархѣ цареградскомъ при этомъ не было и рѣчи, какъ говорятъ потому, что въ Россіи существовала уже тогда патріаршая грамота, которой представлялось русскимъ митрополитамъ ставиться у себя дома безъ сношеній съ Цареградомъ; это послѣднее мнѣніе не выдерживаетъ однако критики; въ данномъ случаѣ, какъ полагаетъ Дьяконовъ, просто не желали обращаться въ Константинополь; Іерусалимскій же патріархатъ дѣйствуя всецѣло въ интересахъ Москвы, предоставилъ даже русскимъ митрополитамъ самимъ поставлять другихъ митрополитовъ; лучшаго же подтвержденія автокефальности русской церкви нельзя было желать московскому правительству. Итакъ, заканчиваетъ авторъ свой очеркъ, русская церковь, вопреки волѣ константинопольскаго патріархата, получила автокефальность политическими мѣрами московскаго правительства. Эта крупная церковная реформа имѣла важное значеніе и въ исторіи отношеній церкви къ государству. Съ устраненіемъ правъ константинопольскаго патріархата отпало одно изъ важныхъ средствъ огражденія церковной іерархіи отъ посягательствъ свѣтской власти и преобладаніе государственнаго авторитета надъ церковнымъ съ этихъ поръ было упрочено.

Изслѣдованіе А. Павлова 44) есть опроверженіе взглядовъ А. Суворова, высказанныхъ имъ въ изслѣдованіи: „Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права". Въ этомъ изслѣдованіи Суворовъ, какъ извѣстно, подмѣтивъ черты поразительнаго сходства между однимъ средневѣковымъ латинскимъ пенитенціаломъ и небольшимъ славянскимъ эпитимейникомъ, носящимъ въ рукописи глухое надписаніе: „Заповѣдь св. Отецъ", сталъ

44) Павловъ, А. Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права. Чт. въ Общ. Любит. Духовной Письменности. 1891 г., № 11/12, стр. 693—741.

искать слѣдовъ католическаго вліянія и нашелъ возможнымъ установить его 1) въ такъ-называемомъ „законѣ судномъ людямъ“; 2) въ разныхъ древне-славянскихъ и русскихъ эпитимейникахъ и 3) въ извѣстныхъ церковныхъ уставахъ, приписываемыхъ св. Владиміру и Ярославу. Въ первой главѣ своего изслѣдованія, напечатанной въ обозрѣваемомъ году, Павловъ прежде всего совершенно иначе объясняетъ сходство между латинскимъ пенитенціаломъ и славянскимъ эпитимейникомъ; а именно тѣмъ, что „оба эти разноязычные памятники произошли изъ одного общаго греческаго источника“, каковую мысль онъ очень подробно доказываетъ. Авторы латинскихъ пенитенціаловъ, даже древнѣйшихъ, говоритъ онъ, пользовались уже готовыми греческими образцами.

Изергинъ [45]) нашелъ еще въ 1886 г. новый списокъ давно уже извѣстнаго Предсловія покаянію, о которомъ онъ и читалъ докладъ въ „Обществѣ Любителей Древней Письменности“. Настоящая статья есть изслѣдованіе памятника; вновь найденный текстъ — болѣе краткій, болѣе близокъ, какъ доказываетъ авторъ къ древнему оригиналу; но и этотъ краткій переводъ есть уже извращеніе первоначальнаго; въ болѣе полномъ и исправленномъ видѣ онъ послужилъ для дальнѣйшихъ передѣлокъ. Тутъ же авторъ доказываетъ, что Срезневскій въ своихъ „Свѣдѣніяхъ“ напечаталъ списокъ Предсловія съ другимъ окончаніемъ. Что касается времени памятника, то Софійскій списокъ его относится, какъ доказываетъ авторъ, по крайней мѣрѣ къ XII вѣку. Слѣдовательно, въ своемъ первоначальномъ видѣ, онъ долженъ быть отнесенъ къ самымъ первымъ временамъ нашей письменности. Изслѣдуя источники памятника, который составленъ былъ на основаніи номоканона Іоанна Постника, авторъ доказываетъ тѣмъ не менѣе чисто русское происхожденіе Предсловія, которое обнаруживаетъ тѣсную связь съ древне-русскою жизнью, имѣло очень важное значеніе и пользовалось въ древней Руси глубокимъ уваженіемъ; далѣе авторъ доказываетъ вліяніе Предсловія на разные другіе памятники. „Предсловіе, говоритъ онъ, есть первый самостоятельный опытъ опредѣленія тѣхъ особенныхъ мѣстныхъ условій, при которыхъ должно было слагаться новое христіанское общество. Здѣсь опредѣлены съ точностью главные общественные недостатки, которыми страдалъ новый народъ. Предсловіемъ открывается цѣлый рядъ церковныхъ поученій и частныхъ наставленій, съ которыми древне-русская церковь вышла на защиту слабыхъ, обиженныхъ и угнетенныхъ людей противъ сильныхъ и богатыхъ“.

Поставивъ себѣ задачей изслѣдовать тѣ произведенія древне-

---

[45]) Изергинъ, Б. Предсловіе покаянію. Ж. М. Н. П. 1891 г. 1(143—184).

русской духовной литературы, которыя или прямо надписаны именемъ св. Константина или св. Кирилла, или же по тѣмъ или другимъ основаніямъ, обыкновенно усвоиваются кому-либо изъ святителей, носящихъ одно изъ этихъ именъ, Барацъ 46) приходитъ къ смѣлому заключенію, что между этими произведеніями нѣкоторыя представляются цѣликомъ заимствованными изъ еврейской религіозной письменности и лишь мѣстами перелицованными, такъ сказать, въ духѣ христіанскаго ученія, другія же оказываются съ значительными вставками изъ той же письменности. Такъ прежде всего онъ доказываетъ, что пересказанное въ сборникахъ, приписываемыхъ св. Кириллу (или Кириллу Туровскому), „Слово душеполезно о хромцi и слѣпцi", составляющее только амплификацію извѣстной „Притчи о тѣлѣ человѣчествѣ и доуши", прототипомъ своимъ имѣетъ легенду, встрѣчаемую въ Талмудѣ. Изслѣдуя Солунскую легенду (слово Кирилла Словенца Солунскаго, философа Вулгарскаго), многія мѣста которой до сихъ поръ остаются непонятными, Барацъ доказываетъ, что въ этихъ непонятныхъ мѣстахъ идетъ рѣчь, ни болѣе, ни менѣе, какъ о двухъ ритуальныхъ еврейскихъ обрядахъ; вся эта легенда возникла на почвѣ еврейской духовной письменности; масса непонатныхъ словъ объясняется помощью еврейскаго языка; во всей легендѣ, утверждаетъ авторъ, нѣтъ ни одного слова, которое не отражало-бы явственно слѣдовъ вліянія еврейской письменности. Изслѣдуя далѣе „судебникъ святаго правовѣрнаго Василія, самодержца царя Константина Греческаго" или „законъ судный людемъ", авторъ прежде всего утверждаетъ, что „законъ" написанъ Кирилломъ совмѣстно съ Меѳодіемъ. Не ограничиваясь, затѣмъ, указаніемъ на нахожденіе въ законѣ судномъ ряда статей буквально извлеченныхъ изъ Пятикнижія Моисеева, авторъ доказываетъ, что въ этомъ памятникѣ содержится немало и такихъ статей юридическаго характера, относительно коихъ изслѣдователи не сомнѣваются нисколько, что онѣ почерпнуты изъ византійскихъ сборниковъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онѣ имѣютъ своимъ источникомъ опять-таки Ветхій Завѣтъ, отчасти-же Талмудъ и вообще еврейскую духовную письменность. Изслѣдуя подробно этотъ памятникъ, авторъ приходитъ къ заключенію, что родиной его была по всей вѣроятности, Хазарія. Здѣсь, въ Хозаріи, дѣйствовали право Евангельское, христіанско-церковное и еврейское. Эти юридическія нормы, которыя задолго до всенароднаго крещенія Руссовъ и Болгаръ проникнуты были и въ области свѣтскаго законодательства высшими

---

46) Барацъ, Г. Кирилло-Меѳодіевскіе вопросы. Труды Кіевской Духовной Академіи. 1891 г., 6, 8. (Продолженіе замѣтокъ по поводу соч. П. И. Малышевскаго „Св. Кириллъ и Меѳодій)".

принципами Божьей правды, и далеко не совпадали въ этой области ни съ нормами византійскаго права, пропитаннаго началами „варварскихъ законовъ", ни съ этими самыми законами, и послужили, доказываетъ авторъ, главнымъ источникомъ нашего „закона суднымъ людемъ". Этотъ законъ въ первоначальномъ своемъ видѣ представлялъ изъ себя полный сводъ дѣйствовавшихъ въ Хазаріи церковно-гражданскихъ узаконеній, составленный для простаго народа.

Трудъ Вс. Миллера [47]) является первымъ опытомъ обобщенія всего извѣстнаго относительно восточныхъ элементовъ состава былинъ, причемъ авторъ попытался выяснить пути проникновенія этихъ элементовъ. Въ то время какъ по теоріи В. Стасова было совершенно непонятно, какъ эти азіатскія сказанія могли ни съ того ни съ сего перескочить на русскую почву, Миллеръ старается найти реальное основаніе для каждой своей параллели. Богатырь былины, по гипотезѣ Миллера, не былъ чисто литературно и отвлеченно скопированъ съ азіатскаго наѣздника богатыря; это былъ живой типъ чистой русской жизни, но на эту бытовую основу налегли дѣйствительные отголоски восточныхъ сказаній. Естественнымъ проводникомъ этихъ восточныхъ мотивовъ были раннія отношенія русскихъ съ сѣверно-кавказскими народностями и особенно тюркскими кочевниками. Само сходство съ азіатскими типами и сказаніями заключалось въ двухъ вещахъ: во-первыхъ, въ томъ, что вслѣдствіе вѣковой борьбы южной Руси съ кочевыми тюркскими ордами въ ней самой развилось богатырство—позднѣйшее казачество, съ чертами, представляющими тѣснѣйшую аналогію съ самимъ восточнымъ богатырствомъ. Такимъ образомъ изображеніе богатыря въ древне-русской былинѣ было вовсе не рабской копіей съ восточныхъ оригиналовъ, какъ это казалось В. Стасову, а напротивъ, реальнымъ изображеніемъ дѣйствительныхъ русскихъ типовъ и отношеній. Во-вторыхъ, сходство получилось отъ того, что на эту бытовую основу налегли дѣйствительно отголоски восточныхъ сказаній: это были именно сказанія Иранскія, прошедшія черезъ нѣсколько рукъ, прежде чѣмъ они достигли русской почвы.

Сюда же относится и другой трудъ того же ученаго [48]), въ которомъ онъ старается установить, въ какихъ спеціальныхъ мотивахъ сѣверно-кавказскія (партскія) эпическія сказанія роднятся съ нашимъ эпосомъ. Параллели съ кавказскимъ эпосомъ онъ находитъ въ нашихъ сказаніяхъ о Святогорѣ, объ Ильѣ и о Добрынѣ. Въ заключеніе авторъ

---

[47]) Миллеръ, В. Экскурсы въ область русскаго эпоса. Р. М. 1891, 1, 3—4, 6, 8, 10—12.

[48]) Миллеръ, В. Кавказско-русскія параллели. Этнографическое обозрѣніе. 1891, 3, 4.

ставитъ слѣдующій вопросъ: находя одни и тѣ же сюжеты на Кавказѣ и на Руси должны ли мы считать Кавказъ ихъ родиной, откуда они проникли на сѣверъ и на западъ, или-же болѣе вѣроятно, что одни и тѣ-же сюжеты могли быть въ извѣстный періодъ заносимы и въ Кавказскія горы и въ южно русскія степи. Послѣднее, по мнѣнію автора, вѣроятнѣе. Съ юга могли приходить сюда сюжеты изъ Иранскаго эпоса и переходить по ту сторону хребта на сѣверную плоскость; съ сѣвера заходили сюда въ горы сказанія степныхъ кочевниковъ тюрковъ (болгаръ, хозаръ, китаковъ, половцевъ, ногайцевъ и т. п.), занимавшихъ сѣверо-кавказскія равнины въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Именно степныя кочевыя тюркскія народности играли значительную роль при распространеніи однихъ и тѣхъ же сказочныхъ сюжетовъ на Кавказѣ и въ юго-восточной Руси, были посредниками между русскими славянами и сѣверно-кавказскими народностями. Какъ на этой равнинѣ (въ степяхъ), постоянной сценѣ борьбы азіатскихъ насельниковъ, все вновь прибывавшихъ съ востока, съ ранѣе осѣвшими здѣсь кавказскими и другими народностями, должны были выработаться типы богатырей и сказанія о нихъ получать обильную пищу, такъ при подобныхъ же условіяхъ являлись богатырскіе типы и складывались сказанія далѣе на сѣверо-западѣ, въ тѣхъ окраинныхъ русскихъ областяхъ (Кіевской, Черниговской, Переяславско-Сѣверской), которыя представляли форпосты въ упорной борьбѣ осѣдлой Руси съ азіатскими кочевниками. И эти кочевники, заключаетъ авторъ, приносившіе восточные сказочные мотивы изъ Азіи, гдѣ нѣкоторые изъ тюркскихъ племенъ могли усвоить себѣ и мотивы богатаго иранскаго эпоса, представляются намъ естественнымъ звеномъ, связывающимъ оба богатырскіе эпоса, южный—кавказскій и сѣверный—русскій.

Цѣлымъ рядомъ этюдовъ на эту же тему мы обязаны Потанину [49-52]). Въ одномъ этюдѣ онъ доказываетъ аналогичность восточныхъ сказаній о змѣѣ-мачехѣ, о женщинѣ, обращенной въ рысь или птицу, и о матери, брошенной вмѣстѣ съ сыномъ въ море, съ нѣкоторыми русскими сказаніями; въ другомъ этюдѣ объ имени Пилигримъ и его версіяхъ, который, собственно говоря, есть продолженіе перваго, авторъ, по его собственнымъ словамъ, желалъ набросать легкій очеркъ усмотрѣнныхъ

[49]) Потанинъ, Г. Восточныя параллели къ нѣкоторымъ русскимъ сказкамъ. Этнографическое Обозрѣніе. 1891,1 (137—167).

[50]) Потанинъ, Г. Пилигримъ въ былинахъ и сказкахъ. Этнографическое Обозрѣніе. 1891,2 (74—109).

[51]) Потанинъ, Г. Богдо-Гэсэръ и Славянская повѣсть о Вавилонскомъ царствѣ. Этнографическое Обозрѣніе. 1891.4 (44—106).

[52]) Потанинъ, Г. Ставръ Годиновичъ и Гэсэръ. Этнографическое Обозрѣніе 1891,3 (40—50).

отношеній между русскимъ и степнымъ (ордынскимъ) эпосами. Далѣе, сообщая восточные и западные варіанты легенды о Ставрѣ Годиновичѣ и Гэсэрѣ, авторъ приходитъ къ заключенію, что по числу параллелей русская былина ближе всего къ тюрко-бурятской сказкѣ. Тутъ же укажемъ на работы Тихонравова и Майкова, сообщающихъ нѣкоторые новые варіанты былинъ по рукописямъ XVIII вѣка. Тихонравовъ [53]) описываетъ принадлежащій Буслаеву сборникъ, изъ котораго извлечены имъ и изданы варіанты трехъ былинъ: о Ставрѣ Годиновичѣ, Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ. Попутно авторъ перечисляетъ различные сборники народныхъ пѣсенъ, былинъ и историческихъ пѣсенъ, которыя встрѣчаются въ въ различныхъ сборникахъ и указываетъ на научную важность рукописей XVIII вѣка, которыя своимъ составомъ характеризуютъ литературные вкусы грамотныхъ людей средняго и высшаго класса общества и нерѣдко хранятъ въ себѣ версіи народныхъ былинъ, которыя совершенно неизвѣстны по позднѣйшимъ записямъ. Кромѣ упомянутыхъ, авторъ издалъ 3 былины изъ собственнаго сборника. Майковъ [54—55]) сообщилъ новый текстъ повѣсти о Михаилѣ Потокѣ изъ рукописи XVII вѣка, изъ сборника, переданнаго Ѳ. Истоминымъ въ Библіотеку Географическаго Общества; рукопись эта замѣчательна, какъ одинъ изъ самыхъ древнихъ текстовъ нашего былеваго творчества. Далѣе повѣсть интересна тѣмъ, что, какъ кажется, она не скопирована, а записана либо по памяти, либо съ „пословесной передачи былины". Писецъ, судя по говору, былъ родомъ москвичъ или рязанецъ, а такъ какъ болѣе вѣроятно, что онъ писалъ не съ чужой передачи, а по своей памяти, т.-е. самъ умѣя сказывать былину, то слѣдуетъ допустить, что въ концѣ 17-го вѣка былина о Михаилѣ Потокѣ еще была извѣстна въ мѣстностяхъ, ближайшихъ къ Москвѣ. Въ тѣхъ-же „Матеріалахъ" Л. Майковъ на основаніи разныхъ списковъ (XVIII вѣка) „Повѣсти о Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ Разбойникѣ" старается по возможности возстановить эту повѣсть въ томъ видѣ, въ какомъ она впервые положена на бумагу въ XVII вѣкѣ. Въ приложеніи авторъ сообщилъ текстъ повѣсти по рукописямъ Забѣлина и Публичной Библіотеки [56—57]).

---

[53]) Тихонравовъ, Н. 5 былинъ по рукописямъ XVIII вѣка. Этнографическое Обозрѣніе. 1891, 1 (1—49).

[54]) Майковъ, Л. Отрывокъ былины въ Сибирской лѣтописи. Живая Старина. 1891, 3 (129—132).

[55]) Майковъ, Л. Матеріалы и изслѣдованія по старинной русской литературѣ II и III. Спб. 1891. 1—57 стр.

[56]) Соболевскій, А. О собственныхъ именахъ въ великорусскихъ былинахъ Живая Старина, № 2.

[57]) Халанскій. Къ былинѣ о Дюкѣ Степановичѣ. Русск. Филолог. Вѣстн. 1891, 4 (стр. 165—173).

Красносельцевъ, Н. 57а), на основаніи двухъ найденныхъ имъ въ Аѳинскихъ библіотекахъ греческихъ статей, доказываетъ, что извѣстная „Бесѣда Трехъ Святителей“ въ формѣ краткихъ Вопросо-Отвѣтовъ явилась сначала въ Византіи, а затѣмъ уже была переведена на славянскій, причемъ сдѣлалась достояніемъ сначала югославянской литературы, не позже конца XIII вѣка, а потомъ и древнерусской, не позднѣе начала XV вѣка.

Изъ болѣе мелкихъ работъ отмѣтимъ слѣдующія: Л. Майковъ 58) далъ группировку сообщеній, поступившихъ на IV археолог. съѣздъ въ отвѣтъ на вопросъ „Какія могутъ быть сдѣланы указанія о рукописяхъ, писанныхъ не позже XVIII вѣка и содержащихъ въ себѣ народныя былины, пѣсни и собранія народныхъ пословицъ“. А. Бычковъ 59) сообщилъ описаніе четырехъ сборниковъ (три сборника Соболевскаго и одинъ гр. Ѳ. А. Толстого) народныхъ пѣсенъ—историческихъ, солдатскихъ, эротическихъ, причемъ изъ каждаго списка приведены двѣ начальныя строфы, для возможности сравненія съ другими сборниками. Рузскому 60) мы обязаны подробнѣйшимъ описаніемъ рукописей хожденія Даніила, какъ напечатанныхъ, такъ и вновь открытыхъ авторомъ—изъ послѣднихъ одна принадлежитъ концу XV вѣка. Ланской 61) доказываетъ, что Остромирово Евангеліе было выписано въ Петербургъ изъ Воскресенской дворцовой церкви „для составленія исторіи“. Оно было затѣмъ, по всей вѣроятности, разыскано въ Сенатѣ или въ бумагахъ кабинета Петра Великаго, графомъ А. П. Мусинымъ-Пушкинымъ, и могло быть затѣмъ доставлено Екатеринѣ II, какъ матеріалъ для Русской Исторіи.

III) XVI и XVII вв.

Переходя къ XVI вѣку мы можемъ начать обзоръ съ весьма цѣнной, но трудно поддающейся пересказу работы Жданова 62).

57 а) Красносельцевъ, Н. Къ вопросу о греческихъ источникахъ „Бесѣды Трехъ Святителей“. Зап. Новорос. Унив. Одесса 1891 г., т. 55, стр. 421—463.

58) Майковъ, Л. О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ былинъ и „пѣсенъ“. Труды IV Археолог. Съѣзда т. 2. (159—163).

59) Бычковъ. А. Ѳ. Свѣдѣнія о рукописяхъ Имп. Публ. Библіотеки, содержащихъ въ себѣ между прочимъ народныя пѣсни. Труды IV Археолог. Съѣзда, т. 2. (164—192).

60) Рузскій, Н. Свѣдѣнія о рукописяхъ, содержащихъ въ себѣ хожденіе въ Святую землю Русскаго игумена Даніила въ началѣ XII вѣка. Ч. М. О. И. Д. 1891, 3(1—169)

61) Ланской, Н. С., графъ. Къ исторіи Остромирова Евангелія. Р. С. 1891,1. (209—213). Тутъ-же укажемъ на „Отчетъ Имп. Публичн. Библ. за 1888 г., въ которомъ описано очень много рукописей.

62) Ждановъ, И., Повѣсти о Вавилонѣ и „Сказаніе о князѣхъ Владимірскихъ“. Ж. М. Н. Пр. 1891, 8, 9, 10.

Въ первой части авторъ анализируетъ сказанія о добываніи царскаго вѣнца изъ Вавилона царемъ Иваномъ Васильевичимъ (сказка о Боримѣ Ярыжкѣ) и, касаясь вопроса о такъ называемыхъ мономаховыхъ регаліяхъ, указываетъ на анахронизмъ въ сопоставленіи именъ Константина и Владиміра Мономаха, ибо первый умеръ, когда Владиміру было всего два года. Изслѣдуя далѣе „Сказаніе о князьяхъ Владимірскихъ", авторъ старается выяснить значеніе этихъ памятниковъ старо-московской публицистики, въ которыхъ на разные лады повторялось, что Москва—третій Римъ, что Московскій князь—наслѣдникъ власти Римскихъ императоровъ (сказаніе объ Августѣ и Прусѣ, о Византійскомъ вѣнцѣ и т. п.); значеніе это, говоритъ авторъ, становится совершенно яснымъ, если мы припомнимъ то значеніе, которое получаетъ Московскій князь при Иванѣ III и Васильѣ Ивановичѣ.— Московскій князь поднимался на какую то невѣдомую высоту, нарождалось въ Москвѣ что то небывалое:—книжные люди позаботились дать этому новому и небывалому опредѣленную форму, стиль которой отвѣчалъ историческому кругозору и литературному вкусу ихъ времени; но придавать этой формѣ самостоятельное значеніе, видѣть въ этихъ сказаніяхъ о Прусѣ и о третьемъ Римѣ указаніе на византійское начало, вносившееся въ русскую государственную жизнь, утверждать, что Московскій князь дѣйствительно преобразовывался въ „католическаго царя", значило бы придавать слишкомъ мало цѣны русскимъ историческимъ преданіямъ, государственнымъ и церковнымъ. Наблюденіе надъ умираніемъ Византіи не могло вызвать увлеченія византійскими идеалами и мы дѣйствительно видимъ, что именно въ это время наша государственная и общественная жизнь медленно, но безповоротно вступаетъ на тотъ новый путь, который привелъ къ реформѣ Петра. Иванъ IV изъ всей повѣсти придавалъ значеніе одной только подробности происхожденія Рюрика отъ Пруса, въ смыслѣ указанія на древнѣйшія связи Руси съ западомъ.

Вопросъ о мономаховыхъ регаліяхъ разсматривается также и Регелемъ [63]), переиздавшимъ изданную еще въ 1850 г. кн. Оболенскимъ грамоту константинопольскаго патріархата отъ 1561 г., утверждающую за Ив. Грознымъ царскій титулъ. Регель доказываетъ, что всѣ подписи ея, кромѣ патріарха Іоасафа и митрополита Эврипскаго Іоасафа, подложны и что грамота составлена отъ имени собора греческаго духовенства патріархомъ Іоасафомъ, благодаря вліянію Московскаго золота. Далѣе Регель, какъ и всѣ почти ученые, отвергаетъ разсказъ грамоты о присылкѣ великому князю Владиміру Мономаху Императоромъ Константиномъ IX Мономахомъ золотого вѣнца и

[63]) Regel, Analecta.

барамъ, но дѣлаетъ попытку связать этотъ разсказъ съ именемъ Владиміра Святого.—Востановляя выскобленныя строки грамоты, въ которыхъ говорится о братѣ царевны Анны, имп. Василіи и о Константинѣ Мономахѣ, авторъ приходитъ къ заключенію, что первоначально вмѣсто Константина IX Мономаха упоминалось о Константинѣ VIII, братѣВасилія II и царевны Анны. Опираясь на это новое чтеніе, авторъ признаетъ историческимъ фактомъ полученіе вѣнца и других царскихъ инсигній вел. княземъ Владиміромъ Святымъ отъ императоровъ Василія и Константина послѣ крещенія его и брака съ ихъ сестрой Анной. Эта гипотеза о коронованіи Владиміра царемъ встрѣтила, между прочимъ, возраженія въ замѣткѣ С. Р—скаго [64]), который возвращается къ догадкѣ Прозоровскаго, подтвержденной въ вышеупомянутомъ изслѣдованіи Жданова, а именно, что въ преданіи брачное вѣнчаніе Владиміра съ греческой царевной, во время котораго онъ могъ явиться въ византійскомъ нарядѣ, было замѣнено вѣнчаніемъ царскимъ.

Корженевскій издалъ найденный имъ въ Ватиканскомъ архивѣ разсказъ извѣстнаго польскаго историка Ваповскаго о войнѣ Сигизмунда I съ Москвой (1508 г.).

Бѣловъ [65]), послѣ нѣсколькихъ предварительныхъ замѣчаній о несправедливомъ отношеніи нашей исторической литературы къ Грозному, приступаетъ къ изслѣдованію сказаній Курбскаго и Кирилловскихъ синодиковъ, причемъ первое изслѣдованіе онъ ведетъ, опровергая выводы, къ которымъ пришелъ въ своей послѣдней работѣ Ясинскій. Курбскій, доказываетъ авторъ, явился къ польскому королю не какъ бѣглецъ, преслѣдуемый страхомъ наказанія за проигранное сраженіе; напротивъ, онъ весьма обдуманно велъ переговоры и лишь тогда рѣшилъ измѣнить царю, когда плату за измѣну нашелъ выгодной. Разбирая подробно 2-ую главу сочиненія Курбскаго, Бѣловъ видитъ въ ней лишь одну цѣль, одно желаніе — умалить личную заслугу Ивана IV въ дѣлѣ взятія Казани и защитить бояръ; онъ доказываетъ чрезмѣрное самовосхваленіе Курбскаго по поводу борьбы съ крымскимъ ханомъ подъ Тулой и неосновательность обвиненія царя въ трусости. Сочиненіе Курбскаго имѣетъ, по мнѣнію Бѣлова, значеніе лишь какъ памятникъ страстнаго протеста боярской партіи. „Весь интересъ Курбскаго сосредоточенъ на княжескихъ „остаточныхъ отечествахъ“ т.-е. ихъ вотчинахъ, которыя были у нихъ взяты Іоанномъ III и его сыномъ и которыя они самовольно присвоили себѣ въ малолѣтствѣ Ивана Грознаго; вопросы государственные, касающіеся народа, его

---

[65]) Бѣловъ, Е. Предварительныя замѣчанія къ исторіи царя Іоанна Васильевича Грознаго. Ж. М. Н. Пр. 1891,2 (343—378).

нисколько не интересують". Что касается второго источника — Кирилловскихъ синодиковъ, то Бѣловъ доказываетъ ихъ подложность, исходя главнымъ, образомъ, изъ того соображенія, что непонятно, зачѣмъ царь посылалъ свои вклады и поминанія въ завѣдомо враждебный ему монастырь. Общій взглядъ В. сводится къ слѣдующему: не отрицая ужасовъ Іоаннова царствованія, онъ требуетъ, какъ говоритъ, лишь правдиваго ихъ объясненія; въ борьбѣ Грознаго съ боярами В. видитъ борьбу дома Калиты съ прочими отраслями дома св. Владиміра: послѣднюю усобицу въ потомствѣ просвѣтителя русской земли;— самую личность Іоанна В. ставитъ при этомъ очень высоко. Требованія со стороны царя отъ монаховъ энергичной дѣятельности на пользу просвѣщенія, на пользу народа, и отвѣтъ его кичившемуся родословіемъ Курбскому въ томъ смыслѣ, что важны не родословныя, а дѣла, показываютъ, какъ рѣзко отличались взгляды Іоанна отъ взглядовъ двухъ могущественныхъ тогда сословій — монашества и боярства [66]).

Весьма многихъ вопросовъ русской исторіи XVII вѣка касается изслѣдованіе Середонина [67]), о Флетчерѣ, такъ какъ авторъ провѣряетъ сообщенія англійскаго путешественника, подраздѣливъ ихъ на 1) историческія и географическія, 2) извѣстія о населеніи, о соціальномъ и экономическомъ бытѣ, 3) о власти, государѣ, думѣ 4) объ управленіи. Такого рода планъ соч. вызвалъ нареканія, такъ какъ благодаря ему, автору приходится повторяться, и кромѣ того онъ ни одного изъ отдѣльныхъ своихъ изысканій не могъ довести до конца; было указываемо и на „невполнѣ устойчивое и нерѣдко несправедливо строгое" отношеніе автора къ Флетчеру и на стремленіе его возвысить русское общество того времени, опровергая всяческими способами сообщенія Флетчера о дурныхъ сторонахъ этого общества, о боязни знакомиться съ европейцами, о самомнѣніи, невѣжествѣ и т. п. Шмурло [68]) издалъ переводъ описанія путешествія Д. Тедальди, итальянскаго купца, который за время съ 1551 и 1565 г. много разъ посѣтилъ Московію и съ которымъ, между прочимъ, Антоній Поссевинъ въ 1581 г., пріѣхавъ къ Стефану Баторію, имѣлъ разговоры о Московіи. Шмурло снабдилъ сообщеніе Тедальди, которое было записано Поссевиномъ и напечатано въ его трудѣ „Une nonce du pape en Moscovie", предисловіемъ и объяснительными примѣчаніями. Не

---

[66]) Seraphim, Ernst. Ivan der Schreckliche. Balt. Monatsschrift. Bd. 38 1891 (710—737). Рецензія соч. Schieman'a „Russlaud, Polen und Livland.

[67]) Середонинъ, С. Сочиненія Д. Флетчера „of the Russe common wealth" какъ историческій источникъ. Записки Историко-Филолог. Факультета Спб. Университ. т. 27. 1891. 399 стр. Вышло и отдѣльно.

[68]) Шмурло, Е; Извѣстія Джіованни Тедальди о Россіи времени Іоанна Грознаго. Ж. М. Н. Пр. 1891,5 (121—146).

представляя чего-либо выдающагося, разсказъ Тедальди сообщаетъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній, благопріятныхъ для личности Ивана IV. Изслѣдованіе Чумикова [69]) относится къ исторіи Ливонской политики Ивана; авторъ характеризуетъ политику герцога Магнуса въ Ливоніи, описываетъ сближеніе его съ царемъ, дѣятельность извѣстныхъ авантюристовъ Таубе и Крузе, и излагаетъ исторію первой осады Ревеля и дальнѣйшую судьбу Магнуса. Авторъ воспользовался документами Ревельскаго городскаго архива и напечаталъ въ приложеніи нѣсколько грамотъ Магнуса Ревельскому магистрату съ убѣжденіемъ сдаться. Ганзенъ [70]) въ небольшой замѣткѣ, составленной на основаніи актовъ того же архива, разсказываетъ любопытныя приключенія нѣкоего Roseneck'а, одного изъ иностранцевъ, которые были приглашены извѣстнымъ Шлитте на службу къ Ивану IV. Отправившись въ 1548 г. черезъ Лифляндію въ Россію, Roseneck былъ задержанъ въ Гольдингенѣ и, несмотря на всѣ ходатайства со стороны имперскаго правительства, просидѣлъ въ заключеніи здѣсь, а затѣмъ на островѣ Эзелѣ, болѣе 4 лѣтъ; такъ велика представлялась даже для нѣмцевъ Прибалтійскаго края опасность пріобщенія Московскаго государства къ европейской культурѣ. Замѣтка Маркевича [71]), часть которой вошла уже въ его соч. „Русская исторіографія въ отношеніи къ мѣстничеству", посвящена спеціальному вопросу о случаяхъ мѣстничества въ походахъ подъ Казань съ 1506 по 1552 г.

Изданный Лашковымъ [72]) статейный списокъ Суханова, который въ 1587—1588 г. былъ отправленъ въ Крымъ для заключенія мирнаго договора и возбужденія Крыма противъ Польши, содержитъ много интересныхъ свѣдѣній для характеристики сношеній Крыма съ Москвой, отношеній его къ Польшѣ, а также для внѣшней и внутренней исторіи ханства, исторіи междоусобій среди членовъ Гирейской фамиліи. Во второй главѣ (стр. 77—177) своего большаго труда о пермякахъ, Смирновъ [73]) излагаетъ исторію Пермскаго края, причемъ отождествляетъ Пермь и Чудь и опровергаетъ мнѣніе о высокой куль-

[69]) Чумиковъ, А., Осада Ревеля (1570—1571 гг.) герцогомъ Магнусомъ, королемъ Ливонскимъ. Ч. М. О. И. Д. 1891, 2 (1—59).

[70]) Hanssen, G. v. Des pfälzischen Kanzlers L. von Roseneck Gefangenschaft in Livland. Balt. Monatsschrift. Bd. 38. 1891 (760—769).

[71]) Маркевичъ, А. И. Къ исторіи войнъ Московскаго государства съ Казанью. Труды IV Археолог. Съѣзда т. 2. (43—55).

[72]) Лашковъ, Ѳ. Статейный списокъ Московскаго посланника въ Крымъ Ивана Судакова въ 1587—88. Из. Тавр. Арх. Комм. № 14 (43—80).

[73]) Смирновъ, И. Пермяки. Историко-этнографическій очеркъ. Изв. Каз. Общ. Арх. и Ист. т. IX, вып. 2. 1891 г., стр. 289, цѣна 1 р. 75 к. Трудъ посвященъ М. Веске. Въ остальныхъ главахъ авторъ разсматриваетъ внѣшній бытъ, семейныя и общественныя отношенія, духовное творчество.

турѣ древняго Пермскаго края, изслѣдуетъ процессъ ассимиляціи края съ Россіей, колонизацію его и закрѣпощеніе русскими помѣщиками (Строгоновы).

Садковскій 74) составилъ біографическій очеркъ Артемія, одного изъ представителей духовенства въ XVI стол., который въ 1551 былъ игуменомъ Троицкаго монастыря. Вопросъ о личности Артемія до сихъ поръ вопросъ спорный: одни считаютъ его еретикомъ, другіе ревнителемъ православія и полагаютъ, что онъ на соборѣ былъ осужденъ безвинно. Это послѣднее мнѣніе о строгомъ православіи Артемія, по мнѣнію Садковскаго, слишкомъ поспѣшно. Прежде же всего авторъ даетъ краткій очеркъ религіознаго состоянія русскаго народа въ XV и XVI вв. и останавливается особенно на ересяхъ жидовствующихъ, Матвѣя Башкина и Өеодосія Косаго. Характеризуя сущность ереси жидовствующихъ, какъ постепеннаго развитія іудаизма въ связи съ рускимъ вольномысліемъ, имѣвшимъ мѣсто особенно въ Новгородскомъ краѣ передъ прибытіемъ въ него жидовъ, авторъ указываетъ на то, что послѣ собора 1504 г.. когда ересь перестала существовать открыто, она стала вольнодумствомъ, которое распространилось преимущественно среди иноковъ заволжскихъ монастырей; изъ этого вольнодумства выродилась въ серединѣ XVI вѣка новая ересь М. Башкина и Өеодосія Косаго. Авторъ возстаетъ противъ мнѣнія, что всѣ эти ереси должны быть объяснены иноземными вліяніями, въ дѣйствительности всѣ онѣ выросли на русской почвѣ. Далѣе авторъ подробнѣе говоритъ о положеніи монашества: о партіи Іосифлянъ и о партіи Нила Сорскаго, т.-е. партіи Заволжскихъ старцевъ, которая была противъ монастырскихъ вотчинъ и противъ строгаго отношенія къ еретикамъ. Эти заволжскіе старцы стали въ оппозицію къ Іосифлянамъ и вошли въ довольно близкое соприкосновеніе съ тѣми вольнодумцами, которые появились у насъ послѣ ереси жидовствующихъ. Собирая затѣмъ біографическія данныя объ Артеміи, авторъ, на основаніи тѣхъ его посланій, которыя писаны въ Москвѣ, доказываетъ, что Артемій былъ сторонникомъ заволжскихъ старцевъ, по всѣмъ своимъ истинно христіанскимъ убѣжденіямъ. Излагая и анализируя подробно исторію соборнаго суда 1554 г. надъ Артеміемъ, который былъ привлеченъ къ дѣлу Башкина, и содержаніе соборной грамоты, авторъ доказываетъ, что осужденіе Артемія не можетъ считаться, какъ это многіе полагаютъ, несправедливымъ, т.-е., что онъ дѣйствительно могъ быть обвиненъ въ неправославіи. Его никакъ нельзя считать представителемъ строгаго православія и объяснять его осужденіе исключительно враждой Іосифлянъ. Во второй части

74) Садковскій. С. Артемій, игуменъ Троицкій. Ч. М. О. И. Д. 1891, 4 (стр. 1—144).

своего изслѣдованія Садковскій описываетъ жизнь и дѣятельность Артемія,—послѣ бѣгства его изъ Соловецкаго монастыря, куда онъ былъ сосланъ,—на Литвѣ, давъ предварительно очеркъ религіознаго состоянія русско-литовскаго общества за это время. Доказывая, что здѣсь Артемій является строго православнымъ человѣкомъ, обличителемъ еретиковъ и протестантовъ и защитникомъ отъ ихъ нападокъ ученія и постановленій православной церкви, авторъ старается выяснить причины такой перемѣны образа мыслей: Артемій нашелъ, говоритъ онъ, что ученіе заволжскихъ старцевъ, будучи правильнымъ само по себѣ, сказалось бы здѣсь, при большемъ наплывѣ сюда разнаго рода неправославныхъ ученій, однимъ изъ самыхъ лучшихъ проводниковъ этихъ ученій въ среду православныхъ.

Здѣсь же укажемъ на очеркъ Германа [75—76]) по исторіи медицины въ Россіи. Авторъ дѣлитъ исторію предмета на три періода: до 1480 г., когда всѣ наши медицинскія познанія заносятся главнымъ образомъ духовенствомъ изъ Византіи и когда врачебное дѣло находится исключительно въ его рукахъ, до 1620 (учрежденіе аптекарскаго приказа), когда въ Московскую Русь начинаютъ проникать западно-европейскіе врачи, которые, однако, суть только предметъ роскоши царскаго двора, и до Петра В., когда врачебное дѣло обособляется совершенно и переходитъ въ вѣдѣніе особаго адмистративнаго учрежденія.—1-й выпускъ доведенъ до времени Бориса Годунова. Отнносительно до-христіанскаго періода авторъ указываетъ на то, что медицина была дѣломъ старшихъ въ родѣ; такъ какъ въ нашемъ язычествѣ не было жрецовъ, и не образовалось, такимъ образомъ, касты, то въ тайны леченія были посвящены всѣ и этимъ будто бы объясняется то, что нашъ народъ такъ долго держался и держится многихъ лечебныхъ средствъ старины. Далѣе авторъ считаетъ доказаннымъ, что многое было заимствовано народомъ отъ Финновъ, многое кабалистическое занесено изъ Византіи при первыхъ еще нашихъ сношеніяхъ съ царьградомъ. По введеніи христіанства, изъ Византіи же были занесены первыя сѣмена медицинскихъ познаній. Эти культурныя сѣмена были заглушены татарскимъ игомъ, и медицинскія познанія остаются только въ нѣкоторыхъ монастыряхъ. Далѣе авторъ собираетъ изъ лѣтописей и другихъ источниковъ извѣстія о болѣзняхъ и случаяхъ леченія съ того времени, какъ началось приглашеніе иностранныхъ врачей.

---

[75]) Германъ, Ф., Врачебный бытъ до Петровской Руси. (Матеріалы для исторіи медицины въ Россіи). Вып. I. Харьковъ, 1891 годъ стран. 119. В. Е. 1891, 10.

[76]) Загоскинъ, Н. Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи. Казань, 1891 годъ, стр. 72, цѣна 50 к. Публичныя лекціи въ пользу, общ. взаимн. вспомощ. учителямъ и учительницамъ Каз. губ.

Въ весьма интересномъ изслѣдованіи В. Ключевскаго [77]), авторъ продолжаетъ изученіе нашего соборнаго представительства въ связи его съ устройствомъ общественныхъ классовъ. Въ то время какъ соборъ 1566 г. былъ ничѣмъ инымъ, какъ совѣщаніемъ правительства съ его собственными агентами, на соборѣ 1598, которому посвящено настоящее изслѣдованіе, мы видимъ въ составѣ представителей присутствіе новаго элемента—выборныхъ представителей городского дворянства. Что же касается торгово-промышленнаго класса, то теперь еще съ большей рѣзкостью обнаружился основной принципъ представительства по должностному правительственному положенію. На соборѣ 1598 г., помимо всѣхъ московскихъ гостей, присутствовали лишь старосты гостинной и суконной сотенъ, да сотскіе черныхъ сотенъ и ихъ подраздѣленій. Составъ представительства на соборѣ 1598 г. сталъ сложнѣе, дробнѣе сравнительно съ соборомъ 1566. Эта сложность стояла въ зависимости отъ тѣхъ перемѣнъ, какія произошли къ концу XVI вѣка въ организаціи общественныхъ классовъ.

В. Сторожевъ [78]), въ небольшой замѣткѣ по поводу статьи Ключевскаго, не считаетъ безусловно доказанной мысль о полномъ отсутствіи выборныхъ представителей отъ мѣстныхъ дворянскихъ корпорацій на соборѣ 1566 г. и сомнѣвается въ возможности отрицать совершенно вліяніе, которое цѣль созванія собора оказывало на его составъ.

Цѣлый рядъ статей посвященъ извѣстному уже намъ вопросу о значенія десятни.

Оглоблинъ [79]), въ замѣткѣ, носящей отчасти полемическій характеръ, разбираетъ извѣстное уже намъ опредѣленіе Сторожева и замѣняетъ его слѣдующимъ: „десятни суть списки уѣздныхъ служилыхъ людей, составлявшіеся въ военно-финансовыхъ интересахъ государства при разборѣ, верстаніи и раздачѣ денежнаго жалованья. Десятня это есть непонятное заглавіе совершенно простого документа и поэтому надъ нимъ нечего особенно мудрить". Далѣе Оглоблинъ указываетъ еще разъ на отношеніе десятни къ другимъ документамъ разряднаго приказа, какъ-то: книгамъ разборнымъ, раздаточнымъ, верстальнымъ, которыя почти ничѣмъ не отличаются отъ десятенъ. Это все названія документовъ одного типа, и архивистъ, выдѣлившій почему-то десятни въ одну группу, ввелъ изслѣдователя въ заблужденіе. Вопросъ о десятняхъ вызвалъ полемику между Зерцаловымъ и

---

[77]) Ключевскій, В. Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси. Р. М. 1891, 1 (134—147).

[78]) Сторожевъ, В. Н, Ю. В. 1891, 4/5.

[79]) Оглоблинъ, Н., Что такое „десятни"? Ж. М. Н. Пр. 1891,11 (40—64).

Сторожевымъ. Зерцаловъ [80]) указываетъ на то, что отъ Сторожева ускользнули извѣстныя уже въ печати данныя, доказывающія, что часто побудительной причиной, по которой правительство брало на себя трудъ составленія десятенъ, были челобитныя, подававшіяся выборными дворянами и дѣтьми боярскими — на земскихъ соборахъ о разборѣ ихъ. Затѣмъ авторъ даетъ въ дополненіе къ описи Сторожева списокъ десятенъ, найденныхъ имъ въ архивѣ Министерства Юстиціи, и указываетъ на то, что десятни существовали еще въ началѣ 18 вѣка и что значеніе этого вида документовъ продолжало сказываться и позже, когда они были замѣнены другими. Сторожевъ [81]), въ отвѣтъ на эту замѣтку, доказываетъ, что говорить о челобитныхъ можно только, какъ о ближайшемъ поводѣ составленія одной какой-нибудь десятни, а отнюдь не какъ о факторѣ, создавшемъ документъ. Далѣе Зерцаловъ, повидимому, совершенно не понялъ, что между разборными десятнями 20-хъ годовъ и обычными десятнями денежной раздачи—громадная разница, что ближайшія причины составленія тѣхъ и другихъ совершенно различны. Челобитныя въ томъ случаѣ, о которомъ говоритъ Зерцаловъ, были простымъ движеніемъ на встрѣчу мѣропріятіямъ Московскаго правительства, диктовавшаго выборнымъ свои желанія. Тотъ же авторъ [82]) издалъ 10 десятенъ XVI вѣка, съ примѣчаніями. Помимо текста десятенъ, въ поясненіе къ одной изъ нихъ; напечатанъ алфавитъ къ такъ называемой „Тысячной книгѣ", въ поясненіе къ Коломенской десятнѣ сдѣланы нынѣ сопоставленія ея съ Коломенской писцовой книгой: это первый шагъ къ изученію исторіи помѣстно — служилаго класса совмѣстно по десятнямъ и писцовымъ, какъ документамъ, рисующимъ полно и отчетливо органическую связь между военной системой и поземельнымъ владѣніемъ въ Московскомъ Государствѣ. Тутъ же даны и таблицы сборныхъ пунктовъ XVII в. для разбора и раздачи денежнаго жалованья. Сторожеву же [83—84]), наконецъ, принадлежитъ изданіе и обработка десятенъ, характеризующихъ составъ Зубковскаго и Ржевскаго дворянства XVII вѣка. Разборная десятня 1622 г. въ особенности хорошо знакомитъ насъ съ

---

[80]) Зерцаловъ, А., Къ вопросу о десятняхъ. Ч. М. О. И. Д. 1891, 1, (13—22).

[81]) Сторожевъ, В., Еще къ вопросу о десятняхъ. Ю. В. 1891,7,8.

[82]) Сторожевъ, Н. Десятни XVI вѣка. Опис. док. и бум. Арх. Мин. Юстиціи т. VIII. (1—459).

[83]) Сторожевъ, Н, Тверское дворянство XVII вѣка· Вып. I. Тверь, 1891 г. 116 стр.

[84]) Сторожевъ, В. И. Составъ Рязанскаго дворянства по десятнямъ XVII в. Рязань 1891 года, цѣна 50 к.

составомъ и боевою готовностью Зубковскаго дворянства, показываетъ зависимость этой годности отъ экономическаго положенія служилаго дворянства и значеніе смутнаго времени въ дѣлѣ ея пониженія.

Спеціальное изслѣдованіе Лаппо-Данилевскаго [85]) посвящено выясненію значенія одной малоизслѣдованной до сихъ поръ формы землевладѣнія въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII в., а именно, выслуженныхъ вотчинъ, которыя авторъ опредѣляетъ, какъ служебное отличіе ея владѣльцевъ, дававшееся за осадныя сидѣнья и походы, причемъ съ теченіемъ времени это отличіе стало выдаваться всѣмъ участникамъ походовъ; далѣе авторъ перечисляетъ различные способы этого пожалованія и опредѣляетъ земли, изъ которыхъ онѣ производились: часто выслуженныя вотчины выдавались въ видѣ опредѣленнаго % помѣстнаго оклада, позднѣе же для вознагражденія каждаго изъ высшихъ разрядовъ служилаго люда существовали особыя нормы; — затѣмъ авторъ говоритъ о страшной медленности дѣлопроизводства по выдачѣ этихъ вотчинъ и разсказываетъ объ ограниченіяхъ, которыя послѣдовали съ теченіемъ времени въ правахъ выслужившихся вотчинниковъ: съ теченіемъ времени уничтожено было право вотчинника завѣщать свою выслуженную вотчину женѣ, что было сдѣлано въ интересахъ церкви и государства, такъ какъ послѣднее требовало обязательно наслѣдственной службы; далѣе послѣдовало запрещеніе вотчиннику отказывать свою выслуженную вотчину въ монастырь по душѣ, а затѣмъ и право завѣщанія чужеродцамъ. Помѣщики переводили въ вотчины лучшую часть помѣстнаго оклада и переводили на эти земли наибольшее число своихъ холоповъ, крестьянъ и бобылей; это было неожиданностью для правительства, которое не имѣло въ виду развивать этотъ типъ во вредъ помѣстной системѣ, которая тѣснѣе выслуженныхъ вотчинъ связана была съ государственной службой; но вредныя вліянія, которыя могла бы имѣть эта форма землевладѣнія, устранены были уравненіемъ вотчинъ съ помѣстьями въ служебномъ отношеніи. Пожалованіе выслуженныхъ вотчинъ, имѣвшее въ XVII стол. характеръ государственной награды и дававшееся всѣмъ служилымъ людамъ, въ XVIII становится государевой милостью лицамъ, стоявшимъ ближе другихъ къ престолу *).

Къ царствованію Годунова относится данное Времеромъ [86]) описаніе посольства Ганзейскихъ городовъ, съ Любекомъ во главѣ, въ

[85]) Лаппо-Данилевскій, А. Выслуженныя вотчины въ Московскомъ государствѣ XVI и XVII в. Истор. Обозр., т. III, стр. 109—133.

*) См. № 336.

[86]) Brehmer, W. Die Hansische Gesandtschaft nach Moskau im. J. 1603. Hansische Geschichtsblätter. Jahrgang 1889. Leipzig 1891 г., стр. 29—55.

Москву; описаніе это составлено на основаніи донесеній и дневниковъ нѣкоторыхъ изъ участниковъ этого посольства, и заключаетъ въ себѣ помимо описанія самаго путешествія въ Москву (черезъ Литву), и пребыванія тамъ, исторію переговоровъ, которые велись по поводу разныхъ вопросовъ, касавшихся торговыхъ сношеній Московіи съ Ганзейскими городами; тутъ мы находимъ много данныхъ для исторіи этихъ сношеній.

Любопытный указъ Годунова [87]) отъ 1601 г. касается мѣръ противъ спекуляціи хлѣбомъ во время свирѣпствовавшаго въ Сольвычегодской и Усольской землѣ голода. Царь „оберегая въ своихъ государствахъ благоплеменный крестьянскій народъ во всемъ", устанавливаетъ цѣну на хлѣбъ и воспрещаетъ массовую скупку его, подъ угрозой сильнѣйшихъ наказаній;—кромѣ того совѣтуется сокращеніе винокуренія.

Что касается исторіи смутнаго времени, то вопросы о личности Лжедимитрія, отъ занятій которыми при наличномъ матеріалѣ врядъ-ли можно ожидать особенно новыхъ результатовъ, продолжаютъ тѣмъ не менѣе занимать историковъ. Б—скій [88]) разобравъ литературу вопроса и источники, отвергаетъ какъ самоубійство царевича, такъ и убійство его Годуновымъ и доказываетъ, что убійство произведено было по наущенію и подъ руководствомъ Василія Шуйскаго. Шуйскій, какъ доказываетъ авторъ, стоялъ во главѣ родовитыхъ бояръ, которые видѣли въ Димитріѣ второго Грознаго и въ лицѣ его желали устранить старую династію; выборъ же въ будущемъ Бориса Годунова имъ не представлялся даже возможнымъ. Иловайскій [89]), изложивъ существующія въ литературѣ мнѣнія о личности Лжедимитрія, доказываетъ, что это было лицо, выдвинутое нѣкоторыми польско-русскими панами. Самозванство висѣло, такъ сказать, въ воздухѣ, но Левъ Сапѣга далъ толчекъ этой идеѣ; отправляясь съ посольствомъ въ Москву, онъ, по всей вѣроятности, взялъ съ собой одного изъ мелкихъ шляхтичей, служившихъ у Мнишекъ, человѣка способнаго и даровитаго; іезуиты были привлечены къ планамъ польскихъ пановъ лишь позже, о участіи же московскихъ бояръ въ этомъ дѣлѣ намъ, какъ доказываетъ Иловайскій, ничего неизвѣстно. Важнѣйшіе изъ литературныхъ памятниковъ по исторіи событій смутнаго времени, разработанныхъ Платоновымъ [90]) въ изслѣдованіи „Древне-русскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII вѣка", изданы подъ его же редакціей Археографической

[87]) Указъ царя Бориса Годунова о мѣрахъ противъ голода, 3 ноября 1601 г., Р. С. 1891 г. № 11, стр. 499—504.

[88]) Б—скій, В. Кто убилъ царевича Димитрія? И. В. 1891 г., 5 (308—373).

[89]) Иловайскій Д., Первый Лжедимитрій. И. Вѣст. 1891, 12 (636—667).

[90]) Русская Историческая Библіотека, т. 13. Спб., 1891, стр. XXXII+982.

Коммиссіей.—Въ это первое систематическое изданіе этого матеріала вошли 19 различныхъ сказаній, изъ которыхъ иныя появились въ печати впервые, другія же въ болѣе исправленномъ видѣ [91—92]). Спорный и небезъинтересный вопросъ о формѣ, въ которой происходило избраніе Михаила Ѳедоровича, впервые подробно изслѣдованный Марковичемъ [93]), остается тѣмъ не менѣе, какъ намъ кажется, не вполнѣ выясненнымъ.—Авторъ начинаетъ изслѣдованіемъ дѣятельности собора. Провѣряя сообщенія Страленберга, онъ перечисляетъ всѣхъ кандидатовъ на избраніе, излагаетъ первоначальные разговоры объ избраніи царя въ Ярославлѣ, а затѣмъ и дѣятельность Московскаго собора.—Кандидатура Михаила была выставлена еще въ 1610 г.; выборъ его Марковичъ объясняетъ главнымъ образомъ тѣмъ, что ни онъ, ни его родъ не добивались избранія. Второй причиной было то, что „выборы были результатомъ извѣстной работы лицъ, которыя овладѣли національнымъ движеніемъ 1612 г. и имъ важно было имѣть такого государя, за котораго они могли бы управлять и который былъ бы въ то же время пріятенъ зажиточному классу, участвовавшему въ движеніи 1612 г.“. Выборъ былъ исключительно въ интересахъ бояръ, желавшихъ управлять государствомъ: Михаилъ же былъ удобенъ по своей молодости и неопытности. Во второй части своей работы авторъ изслѣдуетъ вопросъ о записи, данной будто бы Михаиломъ, и, разобравъ всѣ источники и мнѣнія, которыя существуютъ по этому вопросу въ литературѣ, приходитъ къ выводу, что во время выборовъ дѣйствительно „составлены были условія, которыя Михаилу были сообщены, по всей вѣроятности, въ видѣ записи, имѣвшей исключительно канцелярское значеніе“. Но эти условія не заключали въ себѣ ничего новаго, чего бы не было въ прежнихъ обычаяхъ и никоимъ образомъ не могутъ быть поняты какъ желаніе ограничить власть царя. Онъ обѣщалъ, вѣроятно, исполнить то, о чемъ его просили, но записи не подписывалъ и креста не цѣловалъ; исполненіе обѣщаннаго было вполнѣ дѣломъ доброй воли царя, и это понимали бояре, выставившіе условія. Въ дѣйствительности Михаилъ исполнялъ обѣщанное, но, когда считалъ нужнымъ, отступалъ отъ него, поэтому искать опредѣленнаго момента прекращенія дѣйствій его обѣщаній, какъ это нѣкоторые дѣлаютъ, нельзя.—Значеніе „канцелярской записи“ остается тѣмъ не менѣе, какъ намъ кажется, не вполнѣ понятнымъ.

---

[91]) Жалованная грамота Кузьмѣ Минину. Дѣйств. Нижег. Арх. К. Вып. 11, стр. 523—524.

[92]) Корсаковъ, Д. А. Матеріалы о Мининыхъ. Дѣйств. Ниж. Арх. К. Вып. 11, стр. 525—526.

[93]) Марковичъ, А. И. Избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Ж. М. Н. Пр. 1891 г., 9, 10.

Изъ работъ по исторіи политическихъ и другихъ сношеній Россіи съ Западомъ укажемъ прежде всего на изслѣдованіе Форстена [94]), который описываетъ посольство, явившееся въ 1633 году въ Швецію отъ Михаила Өедоровича съ просьбой о помощи противъ Польши. Швеція должна была отказать, ссылаясь на тяжелую Германскую войну. Затѣмъ излагается исторія отвѣтнаго шведскаго посольства, которое требовало, въ свою очередь, чтобы Россія продолжала войну съ Польшей до истеченія перемирія между ней и Швеціей и обѣщало въ такомъ случаѣ заключить съ Россіей союзъ противъ Польши; оно просило далѣе 15000 ежегодной субсидіи для войны въ Германіи, свободнаго проѣзда шведскимъ купцамъ въ Персію и т. д. Эти требованія были отклонены, а съ Польшей заключенъ Поляновскій миръ, чѣмъ шведы были очень недовольны. Далѣе Форстенъ разсказываетъ о посольствѣ Крузебьерна (осенью 1734 г.), который долженъ былъ хлопотать о допущеніи въ Москву постояннаго шведскаго агента. Въ донесеніяхъ Крузебьерна мы находимъ разныя свѣдѣнія о внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ Московскаго государства. Интересно, что Крузебьернъ долженъ былъ обѣщать содѣйствіе своего правительства къ перенесенію торговой конторы изъ Архангельска въ устье Невы, еслибы этого пожелалъ царь.—Столкновеніе Швеціи съ Даніей въ 1644—1645 г. снова заставило Оксеншерну обратиться къ Москвѣ, сближеніе которой съ Даніей и въ особенности сватовство Вальдемара, очень безпокоили Швецію.—О сватовствѣ этомъ находимъ интересныя свѣдѣнія у Крузебьерна, который въ 1645 г. сдѣлался резидентомъ въ Москвѣ; Крузебьернъ разсказываетъ много интереснаго о смерти Михаила, о вступленіи на престолъ Алексѣя, о томъ, какъ отпущенъ былъ Вальдемаръ, о времяпрепровожденіи молодого царя, объ отставкѣ Шереметева и возвышеніи Морозова, о политикѣ русскаго правительства, объ отношеніи его къ англійскимъ и голландскимъ посламъ.— Въ 1646 г. въ Стокгольмъ отправились русскіе послы, чтобы добиться подтвержденія Столбовскаго договора; въ Стокгольмѣ отмѣтили ихъ высокое образованіе, „если принять во вниманіе, что они явились изъ Москвы“.—Наконецъ много любопытнаго находимъ въ донесеніяхъ новаго резидента Поммеринга (1647—1651), много подробностей о культурной жизни, между прочимъ и о бунтѣ 1648 г. Къ этому-же времени относится любопытная статья Pribram'a [94а]). Въ статьяхъ

---

[94]) Форстенъ, Г. Сношенія Швеціи съ Россіей въ царствованіе Христины. Ж. М. Н. Пр. 1891,6 (348—375): Окончаніе статей Г. Форстена „Политика Швеціи въ смутное время“ (Ж. М. Н. Пр. 1889 г.).

[94а]) Pribram, Oesterreichische Vermittellungspolitik im Polnisch-russischen Kriege. 1664—1660 Arch. f. Oester. Gesch. Bd. 75 (1891).

Мартенса [95]) представляющихъ очеркъ англо-русскихъ отношеній въ XVI и XVII вв., проводится мысль, что сношенія эти и начались и поддерживались исключительно ради торговыхъ оборотовъ, при полномъ отсутствіи за все это время какихъ-либо общихъ политическихъ интересовъ [96—96а]). Интересный очеркъ русско-шведскихъ торговыхъ сношеній отъ Столбовскаго мира до сѣверной войны находимъ въ соч. Бенсдорфа [97]), въ которой сообщаются, напр., списки товаровъ, привозившихся на ярмарку въ Ніэнъ въ 1650 г., а также списки товаровъ, которые разрѣшено было провозить черезъ Ніэнъ въ Россію. Трудъ Уленбека знакомитъ насъ съ матеріалами для исторіи русско-голландскихъ отношеній (до самаго конца XVIII стол.), хранящимися въ русскихъ архивахъ. Въ приложеніи къ этому труду помѣщено составленное г. Кордтомъ обозрѣніе литературы о русско-голландскихъ отношеніяхъ [97а]). Ивакинъ [98]) перевелъ съ латинскаго составленное Таннеромъ описаніе польскаго посольства въ Москву 1678 г. Въ приложеніи сообщено описаніе города Москвы, извлеченное Ивакинымъ изъ записокъ всѣхъ иноземцевъ, бывшихъ здѣсь, и нѣсколько документовъ изъ архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, относящихся къ пребыванію въ Москвѣ названнаго посольства. Лашковъ [99]) продолжаетъ сообщать документы къ исторіи крымско-русскихъ отношеній и на этотъ разъ даетъ цѣлый рядъ шертныхъ грамотъ крымскихъ хановъ а также грамоты русскихъ царей за время отъ 1640 до 1692 г. Исторію сношеній Москвы съ Крымомъ излагаетъ, по поводу плана Крижанича о завоеваніи полуострова, Бережковъ [100]). Авторъ характеризуетъ отношенія между Москвой и Менги-Гиреемъ въ эпоху Ивана III,

---

[95]) Мартенсъ, Ф. Россія и Англія въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ. Р. М. 1891, 1,2.

[96—96а]) М—ѣевъ, П. Дипломатическія сношенія Россіи съ Франціей въ XVII вѣкѣ. И. В. 1891,4 (143—171). (Изложеніе матеріаловъ изъ изданія Рамбо „Recueil des instructions". Изложеніе тѣхъ-же матеріаловъ съ привлеченіемъ и другихъ, глав. обр. изъ Сб. Русскаго Истор. Общ., мы находимъ въ статьяхъ Безобразова „Россія и Франція" въ Р. Об. 1891 года).

[97]) Bonsdorf, C., Nyen och Nyenskans. Helsingfors 1891, 4°. Ж. М. Н. П. 1892, 5.

[97а]) Uhlenbeck, C. Verslag aangaande een onderzoek in de Archieven van Rusland ten bate der Nederlandsche geschiedenis. S. gravenhage, 1891, 279 стр. (А. Браудо. Ж. М. Н. П. 1891, 7).

[98]) Таннеръ, Бернгардъ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву. Ч. М. Н. О. И. Д. 1891, 1. (1—202).

[99]) Лашковъ, О. Памятники дипломатическихъ сношеній Крымскаго ханства съ Московск. государствомъ въ XVI, XVII вв. Изв. Тавр. Арх. Комм. №№ 11, 12.

[100]) Бережковъ М. Планъ завоеванія Крыма, составленный Юріемъ Крижаничемъ. Ж. М. Н. Пр. 1891, 10, 11.

который съумѣлъ сдѣлать эти отношенія дружественными, указавъ на общихъ враговъ—Золотую Орду и Польшу. По смерти Ивана III картина мѣняется: Крымъ подпадаетъ вліянію Польши. Бережковъ описываетъ борьбу Ивана IV съ крымцами и вполнѣ одобряетъ, что Иванъ не находилъ возможнымъ предпринять большой походъ противъ Крыма.—Излагая затѣмъ исторію крымско-русскихъ отношеній въ эпоху отъ Бориса Годунова до Алексѣя Михаиловича авторъ указываетъ, между прочимъ, на громадныя затраты правительства въ этомъ направленіи и исчисляетъ ихъ. Затѣмъ слѣдуетъ біографическій очеркъ Крижанича, въ которомъ доказывается, что онъ никогда не сталъ вполнѣ русскимъ человѣкомъ и не переродился на новой своей родинѣ, какъ думаютъ нѣкоторые. Въ заключеніе авторъ сообщаетъ переводъ съ сербско-хорватскаго 51 и 52 главъ „Политики" Крижанича, въ которыхъ настаивается на необходимости завоеванія Крыма и излагается планъ этого завоеванія [101]). Небольшая замѣтка Рождественскаго [102]), содержитъ систематическій указатель сообщеніямъ о Россіи въ извѣстномъ сборникѣ (XVII и начала XVIII вѣка) Theatrum Europaeum, которыя заключались, главнымъ образомъ въ извѣстіяхъ о сношеніяхъ Московскаго государства съ западно-европейскими, а также и о нѣкоторыхъ внутреннихъ событіяхъ въ Россіи. Тутъ же укажемъ на переводъ 1-й, доходящей до 1601 г., части дневника Гордона [102а]).

Много интереснаго находимъ въ изданныхъ Забѣлинымъ [103]) Матеріалахъ, первое мѣсто между которыми принадлежитъ строельной книгѣ церковныхъ земель, составленной въ 1657 г. и сохранившейся въ выписи, произведенной въ 1689 г.; это есть подробное описаніе земельнаго и строительнаго переустройства церковныхъ кладбищъ, которыя, по случаю моровой язвы 1654 г., оказались тѣсными. Эта книга, какъ общая выпись изъ книгъ и дѣлъ Земскаго приказа, являлась, такимъ образомъ, важнѣйшимъ крѣпостнымъ актомъ для церковнаго землевладѣнія и послужила источникомъ права въ дальнѣйшихъ перемѣнахъ земельныхъ отношеній. Такими же крѣпостными актами являются и дополнительныя писцовыя книги церковныхъ земель, составленныя въ 1679 — 1686 гг. Изданная дальше Ружная книга 1681 г. обнимаетъ и составъ причта каждаго храма, и количество его содержанія, денежнаго и отсыпнаго хлѣбнаго, составляв-

---

[101]) Дѣло о присылкѣ шахомъ Аббасомъ ризы Господней царю Михаилу Θедоровичу въ 1625 г. Москва. 1891. 48 стр.

[102]) Рождественскій, С. Извѣстія о Россіи въ Историческомъ Сборникѣ „Theatrum Europaeum". Ж. М. Н. Пр. 1891, 5 (51—77).

[102а]) Переводъ М. Салтыковой. Ч. М. И. Д. 1891, 4.

[103]) Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики города Москвы, собранные и изданные И. Забѣлинымъ. Часть 2-я. Москва. 1891. 1608 стр.

шаго годовую ругу; книга составлена была для того, чтобы провѣрить выдачу ружныхъ окладовъ и уменьшить цифру руги, гдѣ это было возможно. Уже въ это время замѣчается, такимъ образомъ, стремленіе дворцоваго хозяйства сократить ружные расходы. Въ этомъ отношеніи очень интересна, относящаяся, впрочемъ, уже къ царствованію Петра В. Ружная размѣтная книга (1699—1700), составленная по повелѣнію Петра для полной и подробной ревизіи всего ружнаго оклада. (Размѣтной книга названа по случаю сдѣланныхъ въ ней размѣтокъ или отмѣтъ относительно каждой статьи ружничьяго расхода). Съ 27000 Петръ сократилъ этотъ расходъ до 13000. 2-й отдѣлъ состоитъ изъ Актовъ, съ 1576 по 1782 г., которые охватываютъ, такимъ образомъ, цѣлыхъ два столѣтія и заключаетъ въ себѣ данные, купчіе, заемные, закладные и т. п. документы на церковныя земли. Мы имѣемъ тутъ матеріалы для исторіи и статистики городскихъ рядовъ, торговыхъ и промысловыхъ мѣстъ: Книга объ устройствѣ городскихъ рядовъ 1626 года, выписка о старомъ денежномъ и купецкомъ дворахъ 1638 г., Роспись всѣхъ кузницъ 1641 г., книга Доимочная Земскаго приказа 1701 и 1702 г. по сбору мостовыхъ денегъ, перепись торговыхъ мѣстъ Москвы за 1700 г., составленная, какъ и размѣтная книга, по общему распоряженію Петра о полномъ отчетѣ и счетѣ доходовъ и расходовъ по всѣмъ вѣдомствамъ; вѣдомости окладной оброчной книги, перепись всѣхъ торговыхъ мѣстъ и др.

Цѣлый рядъ изслѣдованій или прямо посвященъ, или касается въ большей своей части разныхъ вопросовъ изъ исторіи духовнаго просвѣщенія Россіи, главнымъ образомъ XVII вѣка. Изъ такихъ изслѣдованій необходимо прежде всего отмѣтить обширный, основанный на богатомъ рукописномъ матеріалѣ, но какъ весьма многіе, мало разработанный трудъ Голубцова [104]), который знакомитъ насъ съ религіозными диспутами, имѣвшими мѣсто въ Москвѣ по поводу неудачнаго сватовства царевича Вальдемара. Въ большомъ вступленіи авторъ говоритъ о національной и религіозной розни между православной Русью и латинскимъ западомъ, о стремленіи тѣмъ не менѣе великихъ князей и царей вступать въ бракъ съ иноземными владѣтельными князьями и излагаетъ затѣмъ подробно исторію переговоровъ, которые велись съ Даніей по поводу сватовства Датскаго царевича (посольство Патрикѣева, Марселиса и др.); онъ разсказываетъ объ интригахъ противъ этого брака, закончившихся тѣмъ, что Вальдемару совершенно неожиданно предложено было перемѣнить вѣру,

---

[104]) Голубцовъ, П. Пренія о вѣрѣ, вызванныя сватовствомъ королевича Вальдемара за царевну Ирину. Чт. въ Общ. Любит. Духовн. Просвѣщенія. 1891, 1—9.

послѣ чего цѣлыхъ $1^1/_2$ года шли споры. Авторъ останавливается только на церковной сторонѣ этого спора, очень любопытной и важной для характеристики духовнаго просвѣщенія на Руси въ половинѣ XVII вѣка. Предварительно же онъ подробно знакомитъ читателя съ литературно-духовнымъ движеніемъ, вызваннымъ событіями смутнаго времени, описываетъ дѣятельность Ивана Насѣдки и устанавливаетъ значеніе его сочиненія „Изложеніе на Лютеры". Насѣдку авторъ относитъ къ числу первыхъ на Москвѣ знатоковъ протестантизма.—Затѣмъ слѣдуетъ изложеніе письменной полемики патріарха Іосифа съ датскимъ придворнымъ проповѣдникомъ Фельгаберомъ, которая замѣнена была, по настоянію датчанъ, устнымъ диспутомъ. Голубцовъ описываетъ первые два неудачныхъ диспута, послѣ которыхъ Михаилъ Ѳедоровичъ распорядился, чтобы собрались всѣ инокосвященники и міряне, знающіе греческій языкъ, священное писаніе, церковные чины и божественные догматы, которые должны были „изыскать къ супротивнымъ еретикамъ о святомъ крещеніи отвѣчати"; далѣе слѣдуютъ детальнѣйшія изложенія диспутовъ, которыя опять-таки оказались совершенно безплодными и разсказъ о положеніи несчастнаго Вальдемара, который пытался даже бѣжать, о вмѣшательствѣ польскаго пана Стемпковскаго сначала противъ, а затѣмъ за Вальдемара, о смерти Михаила и отпускѣ Царевича. Хотя многое въ трудѣ Г. и имѣетъ интересъ болѣе всего для историка русской церкви, но въ немъ заключается много матеріала для характеристики культурнаго уровня нашихъ предковъ вообще и ихъ отношеній къ иноземному міру. Интересенъ, между прочимъ, эпизодъ съ княземъ Шаховскимъ, который сталъ отчасти на сторону Вальдемара и доказывалъ возможность и плодотворность смѣшанныхъ браковъ, за что и былъ посланъ боярами на далекое воеводство въ Усть-Колу. Въ заключительной главѣ авторъ останавливается на вопросѣ о значеніи всего этого эпизода. Прежде всего, благодаря, главнымъ образомъ, безобразному поведенію датчанъ, какъ доказываетъ Голубцовъ, враждебное отношеніе русскихъ къ иновѣрцамъ еще болѣе усилилось; между народомъ и датчанами происходили безпрестанныя столкновенія. Но на лучшихъ и передовыхъ людей событія этихъ $1^1/_2$ лѣтъ произвели и иное впечатлѣніе. Сравненіе доморощенной великорусской учености-начитанности съ настоящей школьной западно-европейской наукой было далеко не въ пользу первой. Московскіе богословы оказались ниже не только придворнаго проповѣдника, но даже ниже грековъ и особенно кіевлянъ по своимъ познаніямъ; по всей вѣроятности, именно подъ вліяніемъ событій недавняго прошлаго—неудачныхъ преній съ датчанами и обвиненій послѣдними русскихъ въ незнаніи языковъ и свободныхъ наукъ, въ литературѣ (въ преди-

словіи къ грамматикѣ 1648 г.). возбуждается вопросъ о введеніи на Москвѣ настоящаго образованія.

Еще болѣе обширное изслѣдованіе Бѣлокурова [105]) посвящено извѣстной личности Арсенія Суханова. Послѣ хронологическаго обозрѣнія литературы и источниковъ, авторъ подробнѣйшимъ образомъ излагаетъ событія жизни Суханова до 1679 г., т.-е. до путешествія на востокъ и изслѣдуетъ затѣмъ причины, которыя побудили Московское правительство возложить на Суханова эту миссію, а также и задачи, которыя были ему при этомъ поставлены. Побужденіемъ къ отправкѣ Суханова Б. считаетъ то обстоятельство, что въ Москвѣ измѣнили взглядъ на грековъ, оставивъ прежнее противъ нихъ предубѣжденіе, причемъ приписываетъ эту перемѣну во взглядахъ вліянію „Книги о вѣрѣ“, въ которой доказывалась неповрежденность у грековъ православія. Описавъ второе путешествіе Суханова на востокъ, авторъ излагаетъ содержаніе отчета, представленнаго имъ по возвращеніи въ Москву („Проскинитарія“), и разсказавъ о поѣздкѣ С—ва на Аѳонъ за рукописями, даетъ и полный ихъ списокъ. Третью поѣздку Суханова на востокъ, за моделью Іерусалимскаго храма, Бѣлокуровъ отрицаетъ; отсюда же мы узнаемъ, что Сухановъ былъ начальникомъ Печатнаго двора. Было указываемо на то, что авторъ даетъ намъ главнымъ образомъ внѣшнюю біографію Суханова; личность-же, внутреннюю ея жизнь, оставляетъ мало разъясненною и вообще слишкомъ много мѣста удѣляетъ мелочамъ. Тѣмъ не менѣе трудъ этотъ сообщаетъ намъ много частныхъ исправленій и дополненій въ кругѣ нашихъ свѣдѣній о русской церковной исторіи XVII вѣка; много замѣчаній о разныхъ сторонахъ древне-русской жизни. Тутъ же укажемъ на статью Петрова [106]), который доказываетъ, что сказаніе о Соловецкомъ монастырѣ и объ Аѳонѣ составлено между 1650—1658 г. Арсеніемъ Грекомъ и значеніе этого сказанія видитъ въ томъ, что оно, во-первыхъ, уясняетъ судьбу и личность Арсенія Грека и его дѣятельность на Руси, а затѣмъ проливаетъ свѣтъ на причины появленія раскола и на полемическую литературу съ православными.

Богатый архивный матеріалъ для исторіи отношеній русскаго правительства къ православному востоку разработанъ Каптеревымъ [107—107а])

---

[105]) Бѣлокуровъ, С. Арсеній Сухановъ. Ч. М. О. И. Д. 1891, 1 и 2. 440 + CLX стр. И. В. 1892, 4.

[106]) Петровъ, И. Н. Сказаніе о Соловецкомъ монастырѣ и объ Аѳонѣ. Труды IV Археолог. Съѣзда. 2-й т., стр. 196—205.

[107]) Каптеревъ. Пріѣздъ въ Москву Іерус. патріарха Паисія въ 1649 г. Прибавленіе къ Твореніямъ святыхъ отцевъ. Кн. I. Москва. 1891.

[107а]) Каптеревъ, Н. Пріѣздъ въ Москву за милостынею сербскихъ іерарховъ разныхъ каѳедръ и настоят. разн. монастырей въ 16, 17 и пол. 18 стол. Приб. къ Твор. св. отцевъ. Кн. 4. Москва. 1891.

въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій. Такъ онъ очень обстоятельно описываетъ пріѣздъ Іерусалимскаго патріарха Паисія въ Москву въ 1649 г., приготовленія къ его встрѣчѣ, пріемъ его царемъ и т. п. Главной цѣлью Паисія было посредничество между Хмельницкимъ и Москвой, т. к. отъ этого сближенія христіанскій востокъ ждалъ весьма многаго для себя. Паисій заявлялъ, что Хмельницкій и все войско казацкое уполномочили его просить царя оказать помощь въ борьбѣ съ поляками и принять ихъ подъ свою высокую руку, — но московское правительство не желало изъ-за казаковъ доводить дѣло до разрыва съ Польшей. Успѣшнѣе было другое ходатайство Паисія о милостынѣ на искупленіе св. храма; онъ вывезъ изъ Москвы болѣе 500.000 на наши деньги. Паисій не покинулъ своего плана и, проживая затѣмъ долгое время въ Валахіи, склонилъ ее къ союзу съ Хмельницкимъ и убѣждалъ также и Московское правительство въ необходимости этого шага. Посѣщеніе Паисія имѣло также вліяніе на исторію вопроса о разности нѣкоторыхъ русскихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ съ греческими. Паисій бесѣдовалъ по этому поводу съ Никономъ, на котораго и оказалъ нѣкоторое вліяніе. Далѣе авторъ разсказываетъ о миссіи, которую Паисій возложилъ на митрополита Гавріила, пославъ его въ 1652 г. въ Москву, чтобы побудить русскихъ исправить свой обрядъ согласно съ греческимъ; бесѣды его съ Никономъ, о которыхъ мы однако ничего не знаемъ, рѣшающимъ образомъ, какъ предполагаетъ авторъ, повліяли на Никона, такъ что съ пріѣздомъ Гавріила можно связывать начало дѣятельности Никона, направленной на исправленіе русскаго церковнаго чина и обряда *).

Многія черты духовной жизни Московской Руси выясняются въ изслѣдованіи Каптерева [108—108а]) о патріархѣ Досиөеѣ, дѣятельность котораго главнымъ образомъ состояла въ томъ, что онъ прилагалъ всѣ усилія къ охраненію всей вообще русской жизни отъ всякихъ иновѣрныхъ вліяній, которыя проникнувъ въ томъ или иномъ видѣ на Русь, могли бы заглушить въ ней чистоту православія. Досиөей старался, поэтому, воспрепятствовать юго-западнымъ русскимъ выходцамъ занимать въ Москвѣ какія-либо видныя и вліятельныя церковныя должности и даже желалъ вовсе воспретить имъ доступъ въ Москву: настаивая на томъ, чтобы школы, открываемыя въ Москвѣ, были исключительно греческія, а никакъ не латинскія, онъ принималъ горячее

*) См. № 334.

[108]) Каптеревъ, Н. Сношенія Іерусалимскаго патріарха Досиөея съ русскимъ правительствомъ (1669—1707). Чтенія въ Общ. Любителей Духовнаго Просвѣщенія. 1891, 1/2, 3/4, 5/6, 7. Начало см. декабрь 1890.

[108 а]) Каптеревъ, Н. Іерусалимскій патріархъ Досиөей въ его сношеніяхъ съ русскимъ правительствомъ. Ч. М. В. Д. 1891, 2.

участіе въ борьбѣ между сторонниками „греческаго“ и „латинскаго“ ученія. Авторъ доказываетъ, что дѣйствительно Досиѳеемъ были присланы на Москву братья Лихуды, описываетъ затѣмъ ссору Досиѳея съ Лихудами и защищаетъ послѣднихъ отъ его несправедливыхъ обвиненій; онъ описываетъ далѣе, какъ Досиѳей повліялъ различными интригами на удаленіе Лихудовъ и такимъ образамъ самъ-же содѣйствовалъ торжеству у насъ латинскаго и вообще западнаго направленія надъ греческимъ. Досиѳей былъ вообще противъ всякаго сближенія Россіи съ зловреднымъ Западомъ и поэтому, напр., его весьма смутило путешествіе Петра за границу и слухъ о посылкѣ царевича Алексѣя за границу. Авторъ подробно разсказываетъ о ревностномъ стремленіи Досиѳея устранить изъ русской церковной жизни все, что ему казалось въ ней несогласнымъ съ нормами строго православной церковной жизни.

Сапожниковъ [109]) поставилъ себѣ цѣлью, въ виду невыясненности вопроса о причинахъ самосожженія, собрать объ этомъ явленіи возможно болѣе свѣдѣній; собравъ все извѣстное въ печати и обработавъ кое-какой матеріалъ изъ Архива Мин. Юстиціи, авторъ слѣдитъ за случаями самосожженія даже въ XIX в. и доводитъ изложеніе до 1888 г., хотя самъ говоритъ, что эти новѣйшіе случаи ничего общаго съ прежними не имѣютъ. Авторъ доказываетъ, что самосожженіе встрѣчалось исключительно у безпоповцевъ и оспариваетъ мнѣніе историковъ, объясняющихъ это явленіе преслѣдованіями правительства; въ дѣйствительности явленіе это объясняется сущностью самого ученія вождей безпоповщины, ученіемъ Аввакума, что „насильственная смерть за вѣру вождѣленна“. Въ заключеніе авторъ даетъ списокъ случаевъ самосожженія и вождей этого движенія [110]).

Соколовъ [111—113]) даетъ сначала біографическій очеркъ жизни Крижанича, привлекая нѣкоторые, оставшіеся до сихъ поръ незамѣченными матеріалы и пытается затѣмъ выяснить, какіе моменты направляли, главнымъ образомъ, дѣятельность Крижанича — политико-національные, какъ славянина-патріота, или же религіозные, какъ

---

[109]) Сапожниковъ, Д. Самосожженіе въ Русскомъ расколѣ (со второй половины XVII вѣка до конца XVIII). Ч. М. О. И. Д. 1891, 3 (1—170).

[110]) Быковъ, А. Патріархъ Никонъ, его жизнь и общественная дѣятельность. Спб. 1891. 90 стр.

[111]) Соколовъ, М. Новооткрытое сочиненіе Крижанича о соединеніи церквей Ж. М. Н. Пр. 1891, 4, 5.

[112]) Соколовъ М. Матеріалы и замѣтки по старинной русской литературѣ. Вып. 2-й. С.-Петербургъ. 1891, ц. 60 к.

[113]) Крижаничъ, Ю. Собраніе Сочиненій. Вып. 2-ой. Москва. 1891, ц. 75 к. (Помѣщено также въ Ч. М. О. И. Д. 1891, 2).

ревностнаго католика; въ то время, какъ всѣ почти писавшіе о Крижаничѣ склоняются къ первому мнѣнію, авторъ доказываетъ, что единственною конечною цѣлью Крижанича было—убѣдить русскихъ въ вредности такого отдѣленія отъ Римской церкви и постараться возстановить какимъ-нибудь способомъ согласіе; онъ показываетъ, что именно этой идеей проникнуты всѣ сочиненія Крижанича даже чисто политическаго содержанія. Въ Имп. Публичной Библ. автору удалось открыть неизвѣстное доселѣ сочиненіе Крижанича „Пророчествія на осмый вѣкъ отъ различныхъ книгъ и писателей и о антихристѣ", въ которомъ также проводится мысль о необходимости уніи между русской и римской церковью. Эта мысль занимала его съ самыхъ юныхъ лѣтъ и неправы тѣ, какъ доказываетъ Соколовъ, которые полагаютъ, что Крижаничъ съ пріѣздомъ въ Россію совершенно переродился и сталъ исключительно славянскимъ патріотомъ. Брюкнеръ[114]) изложилъ финансовые и политико-экономическіе взгляды Крижанича: его взглядъ на задачи государственнаго хозяйства, на налоги и тяжесть разнообразныхъ поборовъ, его разсужденія о продажности чиновниковъ, о монетномъ дѣлѣ и т. д.

Очень богатый матеріалъ для характеристики быта Сѣверо-Западнаго края мы находимъ въ актахъ о копныхъ судахъ (448 документовъ за время отъ 1552 до 1707 года; въ предисловіи издатель Спрогисъ объясняетъ значеніе копы, которая по его мнѣнію очень родственна съ древнемъ вѣчемъ и сохранила свое значеніе будто-бы потому, что съумѣла своевременно отстраниться отъ политическихъ тенденцій вѣча; тутъ-же подробно излагается судопроизводство копы 114[а]).

Уже многіе изъ упомянутыхъ нами выше сочиненій затрогивали эпоху переходную отъ московской къ пореформенной Россіи. Къ этой-же переходной эпохѣ относится и сочиненіе Д. Шляпкина[115]): авторъ, на основаніи рукописнаго матеріала, разсказываетъ жизнь Димитрія Ростовскаго до 1688 г. и даетъ затѣмъ очеркъ западнаго вліянія въ Московской и Юго-Западной Руси; при этомъ онъ старается характеризовать время и среду, состояніе духовенства и народной массы; онъ ищетъ слѣдовъ западнаго вліянія въ понятіяхъ, нравахъ, бытѣ и литературныхъ явленіяхъ Малороссіи и Московской

---

[114]) Brückner. Ein Finanzpolitiker in Russland im XVII Jahr. Russische Revue. 1891 (292—332).

[114а]) Акты издаваемые Вил. Археогр. Ком., т. XVIII, Вильна 1891 г. LXI+577.

[115]) Шляпкинъ, И. Св. Димитрій Ростовскій и его время (1651—1709). С.-Петербургъ. 1891. Ж. М. Н. Пр. 1891, 5. В. Е. 1891, 7.

Руси, и ставитъ очень высоко просвѣтительное значеніе допетровскаго западнаго вліянія, приносившагося къ намъ схоластическими сочиненіями. Раздѣляя дѣятельность Димитрія на два періода: мало- и великорусскій, авторъ историческое его значеніе опредѣляетъ тѣмъ, что примыкая къ малорусскимъ духовнымъ лицамъ, которыя въ концѣ XVII вѣка были дѣятелями просвѣщенія и предшественниками реформы, онъ „въ суровую эпоху петровскихъ новшествъ явился хранителемъ стараго достоянія русскаго люда—живой, дѣйствующей черезъ любовь православной вѣры.... Это одно изъ лицъ, представляющихъ изъ себя идеальнаго общественнаго дѣятеля, въ духѣ сліянія западнаго образованія съ старыми русскими церковными взглядами". Относительно этого изслѣдованія было въ литературѣ указываемо на то, что въ немъ нѣтъ изображенія ни св. Димитрія, ни его времени; на анализѣ сочиненій Димитрія авторъ, напримѣръ, совсѣмъ не останавливается; изслѣдованіе является скорѣе матеріаломъ; авторъ часто приводитъ очень цѣнныя извѣстія, никакого отношенія къ Димитрію не имѣющія и въ то же время уклоняется отъ обсужденія всѣхъ наиболѣе важныхъ, но трудно разрѣшимыхъ вопросовъ *). Тутъ же отмѣтимъ новый переводъ разсказа Невиля, важнаго источника для времени Софіи Алексѣевны [115a]).

И въ текущемъ году мы можемъ указать на цѣлый рядъ работъ, относящихся до исторіи Сибири. Возникновенію въ Сибири въ XVI в. русской колонизаціи предшествовалъ цѣлый рядъ вѣковыхъ усилій русскаго народа проникнуть за Уралъ; одной изъ такихъ попытокъ посвящена статья Оксенова [116]), который прежде всего даетъ обзоръ сношеній Великаго Новгорода съ Югорской землей. Уже во второй половинѣ XIII столѣтія Новгородцы считали Югру своей волостью, хотя никакого Новгородскаго управленія въ ней не было, а Новгородцы только являлись въ эту землю для сбора дани. Въ концѣ XV вѣка „право походовъ на Югорскую землю" перешло къ Московскимъ князьямъ. Походы 1483 и особенно 1499 гг. подробно описываются авторомъ. Политика московскихъ князей по отношенію къ югорскимъ была таже, что и новгородцевъ: не будучи въ состояніи жить съ ними въ мирномъ сосѣдствѣ, они предпринимали походы и заставляли платить дань, не только не отнимая у нихъ княжества, но напротивъ утверждая за ними ихъ земельныя владѣнія. Такое полуподданство было, конечно, очень неустойчиво и вызывало безпрестанныя столкновенія.

*) № 336.

[115a]) Neuville, Relat. curieuse et nouvelle de Moscovie. Переводъ А. Браудо. Р. С. 1891, 9, 10,

[116]) Оксеновъ, Н. Политическія отношенія Московскаго государства къ Югорской землѣ (1455—1499). Ж. М. Н. Пр. 1891,2 (245—272).

Къ XVII вѣку относится замѣтка Оглоблина и работа Буцинскаго, наиболѣе интересная изъ всѣхъ относящихъ до Сибири. Оглоблинъ [117]), сообщаетъ изъ столбцовъ Сибирскаго приказа статейные списки сибирскихъ служилыхъ людей, употреблявшихся часто московскими правительствомъ въ качествѣ дипломатовъ; онъ описываетъ посольство тобольскаго боярскаго сына Ремезова (1640—1641) къ калмыцкому контайшѣ, которое интересно характерными чертами, посольство Тобольскаго толмача къ мунгальскому Цысану-Хану въ 1649—51 г. Въ заключеніи Оглоблинъ сообщаетъ разсказъ Енисейскаго казачьяго десятника Москвитина, который будучи посланъ „для провѣдыванія серебрянной руды" попалъ случайно къ мунгальскому царю Чигину, и взялъ на себя добровольно роль дипломата. Разсказу Москвитина предшествуетъ интересная роспись пути въ Мунгальскую землю 1047 г.). Работа Буцинскаго [118]), основана также на матеріалахъ Архива Министерства Юстиціи. (Сибирскій приказъ). — Буцинскій печатаетъ цѣликомъ наказъ Макарію, второму Сибирскому архіепископу, какъ единственный дошедшей до насъ наказъ Сибирскимъ архіепископамъ. Въ отписяхъ Макарія мы находимъ массу интересныхъ данныхъ для исторіи Сибирской жизни, въ особенности жизни въ монастыряхъ, которые наполнялись ссыльными монахами, людьми совершенно испорченными, благодаря чему монастыри являлись средоточіемъ всевозможныхъ пороковъ; тутъ же находимъ данныя для исторіи распространенія христіанства. Если Макарій былъ не особенно хорошимъ хозяиномъ, то слѣдующій за нимъ (съ 1636—1640) Нектарій былъ черезъ-чуръ хорошій и занимался больше хозяйственными дѣлами, чѣмъ архіерейскими. Буцинскій опровергаетъ прекрасный отзывъ П. Абрамова о Нектаріѣ, говоритъ, что всѣ его ненавидѣли и разсказываетъ о цѣломъ рядѣ доносовъ на него. Въ 1640 г. онъ былъ по прошенію уволенъ. Изъ времени третьяго архіепископа Герасима, авторъ сообщаетъ изъ переписныхъ книгъ интересныя данныя объ архіерейскомъ хозяйствѣ, которое въ это время особенно процвѣло. Авторъ отмѣчаетъ постоянное стремленіе архіерейскаго дома къ наживѣ и захвату земель безъ всякой даже надобности, такъ что правительство должно было бороться противъ этой страсти, хотя въ общемъ безуспѣшно.—Благодаря однако этой страсти, доказываетъ авторъ, за архіерейскимъ домомъ необходимо признать большое колонизаціонное значеніе, такъ какъ онъ привлекалъ крестьянъ. Герасимъ, относившійся къ архіерейскимъ дѣламъ небрежно, навезъ съ

---

[117]) Оглоблинъ, Н. Сибирскіе дипломаты XVII в. И. В. 1891, 10 (156—171).

[118]) Буцинскій, Сибирскіе архіереи: Макарій, Нектарій, Герасимъ 1625—1650. Вѣра и Разумъ, 1891, 7—10.

собой много жадныхъ родственниковъ, которымъ онъ потворствовалъ и которые подавали поводъ къ безпрестаннымъ ссорамъ съ воеводами. И въ отпискахъ Герасима мы находимъ много интереснаго о нравахъ тогдашней Сибири.

Оглоблинъ 119) сообщаетъ изъ Арх. Мин. Юст. о найденныхъ имъ источникахъ чертежной книги Сибири: одинъ изъ сотенъ составлявшихся въ Сибири въ XVIII в. чертежей, а именно чертежъ рѣки Амура и его системы. Что касается многочисленныхъ рукописей, содержавшихъ географическое описаніе Сибири, то неизвѣстно, насколько Ремезовъ ими пользовался, но онъ пользовался несомнѣнно описаніемъ общаго Сибирскаго чертежа. 17 в., „Роспись противъ чертежу", описаніе которой Оглоблинъ даетъ и которая, хотя и съ нѣкоторыми отступленіями, была уже впрочемъ, какъ сообщаетъ Оглоблинъ въ концѣ замѣтки, напечатана въ изданіи „Сибирь въ XVII вѣкѣ". Третьимъ главнымъ источникомъ Ремезова были „скаски" свѣдущихъ людей. Оглоблинъ говоритъ, что Ремезовъ пользовался между прочимъ и свѣдѣніями извѣстнаго Владиміра Атласова, что видно изъ отписки Тобольскаго воеводы въ Сибирскій приказъ. Замысловскій 120) по поводу только что упомянутаго изданія „Сибирь въ XVII вѣка" даетъ обозрѣніе картографіи Сибири съ самаго ея возникновенія: (иностранной и русской). Тутъ-же укажемъ на замѣтку, о которой Оглоблинъ 121—122) устанавливаетъ годъ и мѣсто смерти Дежнева (1673 г. въ Москвѣ) и на изданную тѣмъ же авторомъ подлинную „скаску" Атласова о первомъ Камчатскомъ походѣ, записанную съ его словъ въ 1700 г., въ Якутской приказной избѣ и присланную въ Сибирскій приказъ Якутскимъ воеводою. Вторая „скаска", снятая съ Атласова въ Сибирскомъ приказѣ въ 1701 г., есть то описаніе Камчатки, которое фигурируетъ въ Сибирскихъ лѣтописяхъ, какъ разсказъ Атласова; но тамъ это описаніе искажено. Пыпинъ 123—126)

---

119) Оглоблинъ, Н. Источники „Чертежной книги Сибири„ Семена Ремезова, Библіографъ, 1891 г., № 1. (2—11).

120) Замысловскій, Е. Чертежи сибирскихъ земель XVI—XVII вѣка. Ж. М. Н. Пр. 1891 г., 6 (334—347).

121) Оглоблинъ, Н. Смерть Дежнева въ Москвѣ въ 1673 г. Библіографъ. 1891 г., 3—4 (60—62).

122) Оглоблинъ, Н. Двѣ „скаски" Вл. Атласова объ открытіи Камчатки. Ч. М. О. И. Д. 1891, 3 (1—18).

123) Пыпинъ, А: Первыя извѣстія о Сибири и русское ея заселеніе. В. Е. 1891, 8.

124) Томскій сынъ боярскій Өедоръ Протопоповъ, (матеріалы для исторіи Сибири). Издалъ Кузнецовъ-Красноярскій. Томскъ, 1891 г., стр. XI+42, 75 к.

125) Оглоблинъ, Н. Остяцкіе князья XVII в. Р. С. 1891, 8 (395—410).

126) Путинцевъ, Н. Хронологическій перечень событій изъ исторіи сибирскаго казачьяго войска. Омскъ, 1894 г., 256 стр.

даетъ обозрѣніе результатовъ работъ Анучина, Оксенова, Тыжнова, Замысловскаго и Буцинскаго.

Кромѣ этихъ, относящихся специально къ Сибири работъ, мы имѣемъ цѣлый рядъ, сообщеній большею частью мелкихъ, для мѣстной и бытовой исторіи.

Христофоровъ [127]) излагаетъ содержаніе сборниковъ и актовъ Симбирской библіотеки, которые представляютъ богатый матеріалъ для исторіи колонизація русскими въ 17 и началѣ 18 вѣка средняго поволжья. Онъ отмѣчаетъ пути колонизаціи, моменты ея начала въ разныхъ мѣстностяхъ и отношеніе пришельцевъ къ туземцамъ, которыхъ они страшно притѣсняли и грабили; первыми колонизаторами были казаки и бѣглые люди, за которыми явились уже разные служилые люди; правительство боролось противъ грабежей и захватовъ, вслѣдствіе чего образовался цѣлый рядъ межевыхъ дѣлъ. Большая часть граматъ библіотечнаго архива живо очерчиваетъ, какъ говоритъ авторъ, частную жизнь и общественную дѣятельность русскихъ дворянъ и и помѣщиковъ въ XVII стол. Поэтому ихъ слѣдовало-бы издать Главные же документы, „книги поземельныхъ актовъ Алатырской приказной избы“ и др. найдены авторомъ въ архивѣ Симбирской удѣльной конторы. Кое-какіе матеріалы изъ архива мѣстной архивной коммисіи использовалъ Дубасовъ [128—131]). Авторъ доказываетъ, что Тамбовскій край былъ населенъ русскими людьми гораздо раньше, чѣмъ обыкновенно думаютъ и разсказываетъ какъ быстро пришельцы ассимилировали себѣ инородцевъ, даже самихъ татаръ. Тутъ же авторъ рисуетъ картину ужаснаго положенія населенія, особенно во время смутъ, и описываетъ жизнь и бытъ многочисленныхъ монастырей, которые въ дѣлѣ колонизаціи играли большую роль, — онъ сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ чертъ изъ быта служилыхъ людей, описываетъ невѣроятный судебно-адмистративный произвелъ, разбои и набѣги татаръ и калмыковъ и т. д. Въ общемъ работа представляется безсистемнымъ подборомъ интересныхъ и неинтересныхъ свѣдѣній. Воспользовавшись писцовой кни-

---

[127]) Христофоровъ, И. Я. О старинныхъ рукописяхъ въ Симбирской Карамзинской Библіотекѣ. Труды IV Археолог. съѣзда, т. 2. (27—42),

[128]) Дубасовъ, И. Черты окраинно-русскаго быта XVII и XVIII в. Русск. Обоз. 1891,9 (182—209).

[129]) Дубасовъ, И. Бытовыя черты Шацкаго края по писцовымъ книгамъ вотчинъ Великой Иноки. Изв. Тамб. Арх. Ком. Вып. 33. (20—24).

[130]) Дубасовъ, И. Изъ Тамбовской бытовой исторіи XVI—XVII вѣковъ. И. В. В. 1891,9 (697—708).

[131]) Дубасовъ, И. Тамбовскія религіозныя движенія. Наблюдатель. 1891,5 (38—55).

гой первой четверти XVII стол. авторъ разсказываетъ намъ о промыслахъ населенія Шацкаго края и характеризуетъ этнографическій составъ его.

Интересныя бытовыя черты для характеристики помѣщичьяго землевладѣнія и положенія земледѣльческаго населенія жизни Нижегородскаго края сообщаетъ Снѣжневскій 132) по дѣламъ межеваго департамента сената; такъ интересно спорное дѣло между Нижегородскимъ Благовѣщенскимъ монастыремъ съ одной и княземъ Черкаскимъ съ другой стороны, а также спорныя дѣла между монастыремъ и другими помѣщиками (отъ 1634 г.), разные случаи споровъ изъ за совмѣстнаго пользованія землей разныхъ владѣльцевъ, случаи грубаго захвата земель. Въ актахъ изданныхъ Титовымъ 133) находимъ также любопытныя черты изъ жизни Рязанскаго края приблизительно отъ того же времени: такъ къ 1632 г. относится дѣло чернеца Сергіева монастыря въ томъ, что онъ, будучи посланъ въ Рязань для покупки хлѣба, былъ ограбленъ въ извѣстномъ Солотчинскомъ монастырѣ „архимандритомъ Макаріемъ съ братіей на 186 р.". Заимствованная Холмогоровымъ 134—135) изъ Моск. арх. мин. юстиціи переписная книга по городу Касимову есть первая опись, въ которой даются обстоятельныя свѣдѣнія о составѣ и татарскаго населенія города, о его владѣтельныхъ правахъ и объ отношеніяхъ его къ русскому населенію. Имъ же изданы „книга Тамбовскимъ землянымъ и деревяннымъ крѣпостямъ и нѣкоторыя матеріалы для исторіи г. Козлова". Матеріалами для исторіи топографіи обоихъ городовъ мы обязаны Дубасову 136).

Изданный А. Титовымъ 137) трудъ Діева, „Матеріалы для исторіи русской церкви относится спеціально къ Суздалю; изъ двухъ частей его: „Суздальская іерархія" и „Суздальскіе архіереи", вторая доходитъ до начала XVI в., первая же до конца 1798 г., когда Суз-

---

132) Снѣжневскій, В. И. Генеральное межеваніе земель и нѣсколько свѣдѣній о характерѣ землевладѣнія въ Нижегородскомъ краѣ въ 17 и 18 стол. Дѣйствія Ниж. Арх. Комм. Вып. 10. (446+455).

133) Титовъ, А. Древніе акты Рязанскаго края. Тр. Ряз. Арх, оКм. т. VI. (91—95).

134) Холмогоровъ, И. Матеріалы для исторія города Тамбова. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 33. (109—118).

135) Холмогоровъ, И. Матеріалы для исторія города Козлова. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 33. (59—106).

136) Дубасовъ, И. Строеніе валовыхъ и деревянныхъ Тамбовскихъ и Козловскихъ крѣпостей. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 33. (17—19).

137) Діевъ. Матеріалы для исторіи русской церкви. Чт. въ Общ. Любителей Дух. Просвѣщенія. 1891,9,10,11,12.

дальская епископальная каѳедра была окончательно переведена въ Владиміръ.

Далѣе можно указать на цѣлый рядъ грамотъ и актовъ, такъ Селивановъ [138]) издалъ древніе акты и грамоты, челобитныя, указы, отписи за 1402 — 1643 г., Корсаковъ [139])—Списокъ нижегородскихъ воеводъ съ 1392 по 1702 г., составленный на основаніи печатныхъ актовъ, и мелкіе матеріалы о Мининыхъ. Въ актахъ изъ архива Васильчиковыхъ [140]) встрѣчаемъ нѣкоторые наказы 80-хъ годахъ XVII вѣка, въ которыхъ издатель видитъ увеличеніе воеводской правительственной власти въ ущербъ выборной.

Двѣ мелкія замѣтки къ исторіи просвѣщенія въ XVII в., сообщили Эйнгорнъ [141]) и Браиловскій [142]). Первый нашелъ въ Арх. Мин. Юст. два акта, изъ которыхъ видно, что стремленіе ѣхать въ Кіевъ доучиваться проявлялось не въ одной только Москвѣ: въ Тобольскѣ нашелся любитель просвѣщенія, Андрей Незгоровскій, который „собою" по своей доброй волѣ предприняль трудное и небезопасное путешествіе въ Кіевъ книжнаго ради ученія. Браиловскій описалъ два эпизода, имѣвшія мѣсто уже въ самомъ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія, а именно: столкновеніе студентовъ греко-слав. академіи съ дворовыми людьми кн. Одоевскаго, который самъ принималъ участіе въ этомъ избіеніи (изд. арх. моск. синод. типографіи) и о безчинствахъ, творимыхъ студентами Кіевской академіи, которые вынуждены были красть дрова и всякіе запасы для своего пропитанія. Тотъ же авторъ [143—145]) далъ двѣ замѣтки къ біографіи Каріона Истомина. Во второй изъ нихъ, возражая Ровинскому, онъ доказываетъ справедливость указанія Сопикова на то, что букварь Каріона Истомина былъ изданъ два раза и что оба изданія вышли въ 1694 г.

Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ такихъ мелкихъ изслѣдованій,

---

[138]) Селивановъ, А. Дополнительныя о Рязанской епархіи свѣдѣнія архимандрита Іеронима. Рязань, 1891, ц. 1 руб.

[139]) Корсаковъ, В. Д. Намѣстники и воеводы Нижняго-Новгорода. Дѣйств. Ниж. Арх. Комм. Вып. 11. (526—528).

[140] Васильчиковъ, А. Акты изъ семейнаго архива гг. Васильчиковыхъ. Труды Орловск. Арх. Комм. Вып, 1, 2. (9—35; 12—16).

[141] Эйнгорнъ, В. Къ исторіи просвѣщенія на Руси въ XVIII в. Ч. М. О. И. Д. 1891, 1.

[142]) Браиловскій, С. Изъ быта студентовъ Московскихъ и Кіевскихъ. Библіографъ 1891, № 2. 1891 (39—42).

[143]) Браиловскій, С. Къ біографіи Каріона Истомина. Ж. М. Н. Пр. 1891,8 (434—437).

[144]) Браиловскій, С. Ровинскій, букварь. Ж. М. Н. Пр. 1891,8 (453—457).

[145]) Ровинскій, Д. Букварь, изготовленный монахомъ Каріономъ Истоминымъ для обученія царевича Алексѣя Петровича въ 1692 г., гравированный Леонтіемъ Бунинымъ. Спб. 1891 г.

на которыхъ мы не можемъ останавливаться и изъ которыхъ мы только нѣкоторыя назовемъ [146—163]).

[146]) Шахматовъ, А.. Историческіе очерки города Саратова и его округа. Вып. I. Саратовъ, 1891 г., стр. 205, цѣна 1 р. 25 к.

[147]) Шишкинъ, Н. Исторія города Касимова съ древнѣйшихъ временъ. Изд. 2-е. Рязань, 1891 г., цѣна 1 р. 25 к.

[148]) Пясецкій, Г. М. Списокъ населенныхъ мѣстъ Ливенскаго уѣзда по переписи Григорія Ильича Шишкина до подъячаго Ивана Расьина 1678 г. Труды Орловск. Арх. Коммиссіи. Вып. 2, стр. 23—28.

[149]) Пясецкій, Г. М. Городъ Сѣвскъ по переписной книгѣ 1646 г. Городъ Волховъ и его уѣздъ по переписной книгѣ 1646 г. Труды Орловск. Арх. Комм. Вып. 2, стр. 29—30, 30—35.

[150]) Пясецкій. Орловскій уѣздъ по переписнымъ книгамъ 1647 г. Труды Орловск. Арх. Комм. Вып. 2, стр. 17—23.

[151]) Пясецкій, Г. М. и Блохинъ. Сѣвскій уѣздъ по переписнымъ книгамъ 1705, 1707 и 1709 гг. Переписка Сѣвскихъ: гарнизона, половъ и подъячихъ въ 1711 г. Количество церквей въ Сѣвскѣ и на посадѣ 1711 г. Сѣвскіе монастыри 1711 г. Перепись священно-церковно-служителей въ 1711 г. Перепись г. Сѣвска 1711. Труды Орловск. Арх. Комм. Вып. 2 (стр. 35—67); вып. 3 (1—65). Орелъ, 1891 г.

[152]) Дьяконовъ, П. Опись Козловско-Троицкаго монастыря 1706 г. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 31, стр. 75—93.

[153]) Добролюбовъ, I. Историко-статистическое описаніе церквей и монастырей Рязанской епархіи, т. 4. Рязань, 1891 г., 453 стр.

[154]) Матеріалы для исторіи Воронежской и сосѣднихъ губерній. Воронежскіе писцовые книги, т. 2-й. Воронежъ, 1891 г., стр. 296.

[154а]) Списокъ именъ замѣчательныхъ дѣятелей и уроженцевъ Рязанскаго края. Труды Ряз. Арх. Комм., т. VI. Буква Га—10.

[155]) Опися древнимъ грамотамъ и другимъ документамъ, хранящимся въ архивѣ первокласснаго Троицкаго Калязина монастыря. Тверь, 1891 г., 36, стр. цѣна 25 к. (Читано въ засѣданіи Тверской Арх. Коммиссіи).

[156]) Общежитіе донскихъ казаковъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Новочеркаскъ, 1891 г., 91 стр. цѣна 35.

[157]) Мартыновъ, В. Донское дворянство и заселеніе ихъ земель крестьянами. Спб., 1891 г., 15 стр.

[158]) Переяславль-Залѣсскій. Матеріалы для исторіи Даниловa монастыря и населенія города XVIII стол. Москва, 1891 г., стр. 110, 4 д.

[158а]) Затѣйщиковъ-Второй, Н. Погостъ Медово. Спб., 1891 г., стр. 28.

[159]) Оноченинъ. Опальный воевода. Р. В., 1891 г., 1.

[160]) Маркевичъ, А. И. О намѣревавшемся бѣжать за границу Давыдовѣ человѣкѣ Иванѣ Григорьевѣ и наказаніи за побѣгъ. Труды Орловск. Арх. Комм. Вып. 1, стр. 7, 8.

[161]) Соколовъ, А. Русскія имена и прозвища въ XVII в. Казань, 1891 г., 16 стр.

[162]) Чечулинъ, Н. Добавленіе къ списку именъ XVI в. Библіографъ, 1. Стр. 11—12.

[163]) Эйнгорнъ, В. О. Дѣло о выкупѣ изъ турецкаго плѣна нижегородца, торговаго человѣка Ларіона Молчанова въ 1645 г. Дѣйств. Ниж. Арх. Комм. Вып. 11.

XVIII вѣкъ.

Эпоху Петра В., главнымъ образомъ первые подготовительные годы, захватываютъ, какъ мы уже сказали, многія изъ названныхъ уже нами изслѣдованій. Такъ работа Каптерева [164]) бо́льшею своею частью относится къ царствованію Петра I. Такъ авторъ разсказываетъ какъ Досиѳей, будучи врагомъ всякаго сближенія Россіи съ зловреднымъ западомъ былъ смущенъ путешествіемъ царя за границу и слухомъ о посылкѣ туда же царевича Алексѣя, разсказываетъ о ревностныхъ, но безуспѣшныхъ стремленіяхъ его устранить Ст. Яворскаго. Особенно подробно авторъ останавливается на политической сторонѣ дѣятельности Досиѳея, который былъ какъ бы тайнымъ политическимъ агентомъ русскаго правительства въ Константинополѣ и давалъ ему разнообразные совѣты; онъ сообщалъ самыя разнообразныя и важныя свѣдѣнія русскимъ посламъ (Украинцову, Голицыну и Толстому), отчасти даже надзиралъ за ихъ дѣятельностью, такъ какъ, давалъ о ней отчетъ царю; Петръ, какъ указываетъ Каптеревъ, чрезвычайно высоко цѣнилъ эту дѣятельность Досиѳея; между прочимъ Досиѳей подавалъ часто совѣты относительно Азова, совѣтовалъ сдѣлать изъ него сильную крѣпость (порто-франко) и соединить хорошей дорогой съ Москвой. Въ заключеніе авторъ описываетъ борьбу, которую Досиѳей велъ изъ-за обладанія грековъ св. мѣстами и старанія его добиться помощи у русскаго правительства. Часть матеріаловъ, а именно матеріалы, относящіеся до политической дѣятельности Досиѳея изданы Каптеревымъ отдѣльно; сюда вошли разныя грамоты Досифея къ государямъ Петру и Іоанну Алексѣевичамъ, къ Петру I, къ патріархамъ Іоакиму и Адріану.

Наиболѣе обширной изъ относящихся къ Петровской эпохѣ, является уже отчасти извѣстная намъ работа Филиппова [165]). Въ первой части авторъ даетъ очеркъ основныхъ началъ Петровскаго законодательства въ области государственнаго права, гражданскихъ отношеній, быта и нравовъ общества, — причемъ отношеніе автора къ реформамъ Петра довольно отрицательное. Вторая часть трактуетъ о наказаніи по сепаратнымъ указамъ, третья — по воинскому уставу, такъ какъ въ первыхъ развивались начала своего права, въ

---

[164]) Каптеревъ, см. №№ 108 и 108а.

[165]) Филипповъ, А. О наказаніи по законодательству Петра Великаго, въ связи съ реформою. Москва, 1891, X+457. Ц. 3 р. Р. М. 1891, 10; И. В. 1891 г., 9.

другомъ проведены были начала иноземныя. Общій выводъ автора тотъ: законодательство о наказаніи не замечательно преобразовательнымъ характеромъ и имѣетъ въ виду скорѣе требованія общегосударственной политики, чѣмъ интересы правосудія. „Въ то время, доказываетъ авторъ, какъ по уложенію преступленіе представляетъ соединеніе двухъ сторонъ—грѣховности и ослушанія, по петровскимъ указамъ основными его элементами являются ослушаніе и вредъ: понятіе же грѣховности совершенно неприложимо ко многимъ дѣяніямъ, объявленнымъ закономъ преступными". Начала воинскаго устава, какъ доказываетъ Филипповъ, какъ по общему духу жестокости, отличающему всѣ виды наказанія, такъ и по формѣ ихъ выполненія, являются шагомъ назадъ сравнительно съ русскимъ законодательствомъ. Авторомъ подчеркивается необходимость предпочтенія русскихъ началъ наказанія передъ иноземными.

Весьма интереснымъ является изданіе пропозицій Ѳедора Салтыкова [166]), одного изъ 60 мальчиковъ отправленныхъ въ 1697 г. Петромъ для науки за границу. Салтыковъ былъ затѣмъ еще нѣсколько разъ заграницей; въ 1712 г. онъ былъ посланъ для покупки судовъ и умеръ въ Лондонѣ въ 1715 г. въ опалѣ. Пропозиціи, написанныя имъ въ 1712 г. въ Лондонѣ и пересланныя въ 1713 г. Петру, весьма интересны для характеристики передовыхъ личностей того времени и вліянія, которое на нихъ оказывала европейская жизнь. Салтыковъ увлекся сословно-аристократическимъ строемъ европейскаго государства: онъ проектируетъ обособленіе дворянскаго землевладѣльческаго класса отъ торгово-промышленнаго, учрежденіе маіората и введеніе аристократическихъ титуловъ, устройство цеховъ, введеніе подоходнаго налога и подушной подати, генеральнаго межеванія и указываетъ на необходимость широкаго распространенія образованія; въ видахъ послѣдняго онъ предлагаетъ учредить въ каждой изъ 7-ми губерній по 2 академіи и въ каждую изъ нихъ набрать по 2000 студентовъ.

Относительно преобразовательной дѣятельности Петра въ области церковнаго управленія Громовъ [167]) развиваетъ мысль, что дѣятельность эта могла быть и была не только результатомъ исторической жизни Россіи и характера ея преобразованія, но и науки и жизни запада. Онъ характеризуетъ сотрудниковъ Петра и прежде всего Ѳеофана Прокоповича, который дѣйствительно, какъ онъ доказываетъ, знакомъ былъ съ наукой.

---

[166]) Пропозиціи Ѳедора Салтыкова (Приложеніе V къ отчетамъ о засѣданіяхъ Общ. Любителей Древней Письменности) Р. В. 1891,4.

[167]) Громовъ, П. Преобразовательная дѣятельность Петра Великаго по церковному управленію въ Россіи. Вѣра и Разумъ. 1891, 1,2.

и жизнью запада. Авторъ доказываетъ сходство воззрѣній Петра и его реформы со многими воззрѣніями протестантскихъ церковно-юристовъ. Вся реформа была произведена только въ видахъ политическихъ, а поэтому, если и было что-либо усвоено имъ изъ церковной стороны теоретическихъ воззрѣній, существующихъ на западѣ въ протестантствѣ, что не мирится съ православіемъ, то лишь какъ неизбѣжная для него ошибка, какъ случайное, временное, и можетъ быть поэтому вычеркнуто. Петровскимъ-же реформамъ въ области церковнаго управленія посвящены двѣ полемическія замѣтки, помѣщенныя въ „Русскомъ Вѣстникѣ". Авторъ первой изъ нихъ доказываетъ мысль, что петровская реформа въ этой области была „совершеннымъ, по разуму русскаго народа, выполненіемъ требованія историческаго хода и силы вещей", и что поэтому и „уничтоженіе у насъ патріаршества встрѣчено было народомъ сдержанно-спокойно" 167a—167b).

Во второмъ томѣ Куракинскаго архива 168) напечатанъ цѣлый рядъ грамотъ Петра I къ различнымъ владѣтельнымъ особамъ, при которыхъ Куракинъ былъ аккредитованъ и особенно интересныя „протокольныя записки", которыя князь велъ постоянно, и которыя живо передаютъ ту обстановку, въ которой этимъ новымъ дѣятелямъ приходилось жить и дѣйствовать. Частная переписка Куракина также любопытна для характеристики эпохи. Тутъ же укажемъ на очень неблагопріятные отзывы о I томѣ того же изданія 168a—168b).

Въ описаніи дѣлъ архива Морского Министерства 169) находимъ въ дѣлахъ Адмиралтействъ-Коллегіи за 1718 — 1724 гг. цѣлый рядъ интересныхъ данныхъ для исторіи развитія нашего морскаго дѣла и неутомимой дѣятельности Петра въ этомъ направленіи. Тутъ мы находимъ массу копій съ указовъ и резолюцій Петра, а также подлинные указы, касающіеся самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, слѣдственные документы о хищеніяхъ и т. п.

Майковъ 170) впервые изслѣдовалъ любопытные разсказы Нартова и доказалъ, что, во-первыхъ, не всѣ разсказы записаны очевид-

---

167a) Z. О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи. Р. В. 1891 г., 4.

167b) Возраженіе на статью г. Z. Въ Р. В. 1891 г., 11. См. также ст. Дьяконова, № 43.

168) Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Кн. II. Спб. 1891. XXVIII + 451. Цѣна 3 р. И. В. 1892, 1,

168a) Брикнеръ, Архивъ князя Куракина. В. Е. 1891, 9.

168b) Шмурло, Е. Новый свидѣтель эпохи преобразованій Ж. М. Н. Пр. 1891,1 (187—223).

169) Описаніе дѣлъ архива Морского Министерства за время съ половины XVIII до начала XIX стол. т. VI. Спб. 1891 г., стр. 978.

170) Майковъ, Л. Н. Разсказы Нартова о Петрѣ Великомъ. Спб. 1891 г., XX + 138. Цѣна 1 р. Приложеніе къ 67 т. Зап. Имп. Ак. Наукъ.

цемъ, а только около 1/2, до 50 разсказовъ записаны лишь со словъ очевидцевъ, а около 40 чисто книжнаго происхожденія. Далѣе, такъ какъ А. Нартовъ—токарь Петра Великаго—умеръ еще въ 1756 г., а мы имѣемъ разсказы, заимствованные изъ сочиненій, вышедшихъ позже, то очевидно, что часть разсказовъ кто-то прибавилъ, что видно и по слогу. Майковъ считаетъ вторымъ авторомъ А. А. Нартова, сына предыдущаго.

Главнымъ образомъ на основаніи писемъ и бумагъ Петра В., изданныхъ Бычковымъ, Бобровскій [171]) подробно излагаетъ событія Сѣверной войны непосредственно послѣ Нарвскаго пораженія, описываетъ неприглядное состояніе русской арміи, неурядицы, полнѣйшій недостатокъ въ русскихъ людяхъ, что вызвало необходимость обратиться опять къ призыву иноземцевъ и на этотъ разъ въ очень широкихъ размѣрахъ; онъ разсказываетъ, какъ Петръ, несмотря на полнѣйшій недостатокъ въ солдатахъ, массовое бѣгство рекрутъ, съумѣлъ воспользоваться тѣмъ, что Карлъ XII ушелъ въ Курляндію, завоевалъ Ингрію и подготовилъ испытанное войско. Авторъ описываетъ дѣйствія Шереметьева и Апраксина на берегахъ Невы. Съ почти неизвѣстнымъ до сихъ поръ эпизодомъ изъ исторіи сѣверной войны знакомитъ насъ Оглоблинъ [172]); эпизодъ этотъ описанъ въ журналѣ воеводы С. Неплюева, который вмѣстѣ съ Даніиломъ Апостоломъ былъ разбитъ на голову шведами у мѣстечка Клецка въ 1706 г. Неплюевъ сваливаетъ вину то на Мазепу, который далъ ему знать, что на пути находится только небольшой шведскій отрядъ, то на Даніила Апостола. Разсматривая обстоятельства дѣла, Оглоблинъ приходитъ къ убѣжденію въ полной несостоятельности русскихъ стратеговъ. Интересно письмо Петра [173]), въ которомъ онъ извѣщаетъ польскаго коронаго гетмана Сенявскаго о Полтавской побѣдѣ. Письмо писано въ самый день битвы.

Изъ другихъ работъ укажемъ на попытку Ѳирсова [174]) дать характеристику отношеній Московскаго правительства до Петра и самого Петра къ торгово-промышленному классу, причемъ авторъ приходитъ къ заключенію, что дѣятельность Петра по этому вопросу показываетъ тѣ же черты, что и дѣятельность его предшественниковъ; какъ и они, Петръ разобщалъ привилегіями верхній слой

---

[171]) Бобровскій, П. О. Завоеваніе Ингріи Петромъ Великимъ, 1701—1703. Военный Сборникъ. 1891, 2 (201—229).

[172]) Оглоблинъ, Н. Бой со шведами у мѣстечка Клецка. Р. С. 1891,10 (25—32).

[173]) Письмо Петра. К. С. 1891, 1.

[174]) Ѳирсовъ, Н. Правительство Московской Россіи и Петръ Великій въ ихъ отношеніяхъ къ торгово-промышленному классу. Казань. 1891 (17).

торгово-промышленнаго класса отъ низшаго; разницу Ѳирсовъ видитъ лишь въ томъ, что Петръ дѣлалъ все исключительно ради пользы государственной. Содержаніе большинства писемъ къ Мусину-Пушкину [175]) (отъ Алексѣя Петровича, А. Меньшикова, Г. Головкина, Шаховского, Брюса и др), ограничивается кругомъ вѣдомства монастырскаго приказа и тѣми сборами и повинностями, которые такъ или иначе касались до него; кромѣ церковныхъ дѣлъ нѣкоторыя касаются сборовъ на военное дѣло (о сборѣ драгунскихъ лошадей съ монастырей и духовенства), другія касаются столкновенія Мусина-Пушкина съ Стефаномъ Яворскимъ изъ-за назначенія государева духовника Благовѣщенскимъ протопопомъ. Яхонтовъ [176]) сообщилъ, отчасти уже впрочемъ извѣстные, матеріалы для біографіи Ст. Яворскаго,—а именно завѣщаніе, въ которомъ Яворскій жертвуетъ свою библіотеку Благовѣщенскому монастырю въ Нѣжинѣ и элегію, написанную имъ при прощаніи съ книгами. Оглоблинъ [177]) разсказываетъ по дѣламъ Сибирскаго приказа о японцѣ Денбеѣ, котораго въ 1697 — 98 гг. нашелъ на Камчаткѣ В. Атласовъ и доставилъ въ 1701 г. въ Москву. Петръ приказалъ обучить его русскому языку, а затѣмъ дать ему въ наученіе „русскихъ ребятъ" человѣка 3 или 4. Скворцовъ [178]) издалъ нѣсколько рукописей, собранныхъ Ѳеофилактомъ Лопатинскимъ и предпослалъ имъ очеркъ дѣятельности Лопатинскаго по борьбѣ съ расколомъ. Между рукописями особенно интересны керженскіе отвѣты, произведеніе раскольничьяго дѣятеля Андрея Денисова; списокъ найденный Скворцовымъ, есть одинъ изъ самыхъ первыхъ и самыхъ точныхъ списковъ этой рѣдкой рукописи; далѣе интересно сочиненіе (отъ 1713 г.) неизвѣстнаго автора противъ раскола и др. *) [178a—178d]).

О богатомъ матеріалѣ, вошедшемъ въ VIII т. описанія документовъ Св. Синода и касающемся времени непосредственно послѣ

---

[175]) Гоздаво-Голомбевскій, А. Письма современниковъ къ боярину Ивану Алексѣевичу Мусину-Пушкину. Опис. док. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст., кн. VIII. (149—177).

[176]) Яхонтовъ, С. Два духовныхъ завѣщанія Стефана Яворскаго, митрополита Рязанскаго. Труды Ряз. Арх. Коммиссін, т. VI. (81—87).

[177]) Оглоблинъ, Н. Первый японецъ въ Россіи. Р. С. 1891, 10 (11—24).

[178]) Скворцовъ, Д. Замѣчательныя рукописи архіеп. Ѳеофилакта Лопатинскаго въ Тверской семинарской библіотекѣ. Тверь. 1891. Цѣна 30.

[178a]) Немировъ, Г. А. Опытъ исторіи С.-Петербургской биржи въ связи съ исторіей С.-Петербурга, какъ торговаго порта. Вып. VII. Спб. 1891 (129—174).

[178b]) Симсонъ, П. Замѣтка о монетахъ Петровскаго времени. Ж. М. Н. Пр. 1891, 1 (229—231).

[178c]) Князь Ромадоновскій и Меньшиковъ 1709 г. Р. С. 1891, 1 (126).

[178d]) Оглоблинъ, Н. Тревога о „государевомъ шествіи" въ Сибири въ 1704. Р. С. 1891, 9 (609—616).

*) См. №№ 337—343.

Петра, мы имѣемъ сообщеніе Варсова [179]), который отмѣчаетъ наиболѣе интересныя свѣдѣнія. Таковыми являются прежде всего данныя объ отношеніи правительства къ церкви, которыя указываютъ на то, что „синодальное правительство" не разъ имѣло поводъ жаловаться, что оно въ „уничиженіи быть значится"; правительство продолжало видѣть въ Синодѣ только органъ и орудіе государственной власти, и интересовалось въ дѣятельности церкви преимущественно ея сборами и доходами. Интересны данныя о Өеофанѣ Прокоповичѣ и его вліяніи, объ архіепископѣ Новгородскомъ Өеодосіи и его дѣлѣ, объ отобраніи имъ изъ церквей и монастырей всѣхъ драгоцѣнностей, о Өеофилактѣ Лопатинскомъ; о спорѣ изъ-за монастырскихъ земель Ягужинскаго, о положеніи монастырскихъ крестьянъ, находившихся во владѣніи помѣщиковъ и т. п. цѣлый рядъ данныхъ характеризуетъ отношенія помѣщиковъ къ священникамъ, которые находились въ самомъ унизительномъ положеніи, бывали биты и оскорбляемы безпрестанно. Далѣе авторъ отмѣчаетъ цѣлый рядъ свѣдѣній о дѣятеляхъ литературы и науки: о послѣднихъ годахъ жизни Софронія Лихуды, о другихъ грекахъ—Скіадѣ и Кондоиди, о дѣятеляхъ просвѣщенія въ южной Руси: Іокимѣ Богомоловскомъ, о Іеронимѣ Колпецкомъ, о знаменитомъ чудовскомъ архимандритѣ Өеофанѣ Кромикѣ, одномъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, о типографіяхъ и книжномъ дѣлѣ того времени. Въ томъ же томѣ находимъ новыя данныя о царицѣ Евдокіи, которую Меньшиковъ долженъ былъ освободить, но при этомъ постарался подчинить ее своему вліянію, черезъ ея новаго духовника, іеромонаха Новгородова, который былъ будто бы креатурой Меньшикова; о царевичѣ Алексѣѣ и двухъ близкихъ къ нему лицахъ—іеромонахѣ Антоніѣ и духовникѣ Либеріѣ, о Елизаветѣ Петровнѣ, о смерти Натальи Алексѣевны и Анны Петровны, о княгинѣ Волконской, врагѣ Меньшикова, которую въ 1728 г. заточили въ монастырь. Интересны данныя о громадномъ количествѣ земельныхъ владѣній, принадлежавшихъ Меньшикову, которыя были отобраны въ его пользу отъ монастырей. Тутъ же находимъ подтвержденіе того, что вступленіе на престолъ Петра II и возвращеніе Евдокіи возбудило движеніе въ средѣ общества и народа въ смыслѣ ожиданія возвращенія къ до-Петровской старинѣ. Тутъ-же укажемъ довольно поверхностно составленную Kleinschmidt'омъ [179b]) біографію Меньшикова.

---

[179]) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Архивѣ Святѣйшаго Синода т. VIII (1728). Спб. 1891 VII + 704 + CLXIV. Р. С. 1891, 7.

[179a]) Варсовъ, Н. Черты русской исторіи и быта эпохи императора Петра II. И. В. 1891, 11, 12.

[179b]) Kleinschmidt. A. Fürst. A. D. Menschikow. Historisch. Taschenbuch. 1891 г.

Въ протоколахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта за первое полугодіе 1728 г. [180]) мы находимъ разные документы по дѣлу Меньшикова, о конфискаціи его имущества, нѣкоторыя распоряженія относительно реабилитаціи Евдокіи Ѳеодоровны, цѣлый рядъ дѣлъ по поводу мѣръ противъ заразной болѣзни, приближающейся отъ Астрахани, разныя коммерческія дѣла, проектъ о средствахъ къ возвышенію вексельнаго курса и т. п. 1727—1730 годы обнимаютъ донесенія Маньяна, французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, который будучи хорошимъ наблюдателемъ сообщаетъ много интересныхъ данныхъ, какъ для исторіи политическихъ отношеній, такъ и для характеристики разныхъ личностей тогдашняго общества; между прочимъ и для исторіи воцаренія Анны Іоановны [180a]). Брикнеръ [181]) излагаетъ донесенія Уорда и Рондо (изд. въ 66 томѣ, Сб. Русск. Истор. Общ.) которыя важны особенно для исторіи царствованія Петра II и первыхъ годовъ Анны Іоанновны; интересны разсказы Рондо о страшномъ застоѣ и упадкѣ всего послѣ Петра, о томъ, какъ старо-русская партія стремилась создать новую столицу въ Москвѣ. Англійскій резидентъ очень всему этому радовался. Тутъ же находимъ данныя о переговорахъ по поводу торговыхъ сношеній и др., въ общемъ очень много интереснаго для характеристики внутренняго разлада въ Россіи. Въ донесеніяхъ лорда Форбеса Гаррингтону и Рондо за 1733—1736 гг. [182]) мы находимъ много данныхъ для исторіи политическихъ отношеній къ Европейскимъ государствамъ, главнымъ образомъ англорусскихъ отношеній и польскихъ дѣлъ; для исторіи переговоровъ между Англіей и Россіей по поводу заключенія наступательнаго и оборонительнаго союза и торговаго трактата. Тутъ же находимъ и характеристику разныхъ дѣятелей, какъ напр. Остермана и др.

Ардашевъ [183]) во второй части своей работы, выяснивъ, что для помѣстнаго приказа всѣ приговоры по „спорнымъ дѣламъ“ записаны въ книги подлинниковъ, разбираетъ затѣмъ всѣ виды приказныхъ помѣтъ и анализируетъ содержаніе приговоровъ; приэтомъ раскрывается много любопытныхъ и цѣнныхъ фактовъ относительно устройства и дѣятельности помѣстнаго приказа и много любопытнаго для изученія помѣстно-вотчиннаго права вообще; дѣлопроизводство приказа выясняется довольно ясно. Авторъ указываетъ, что приказъ

---

[180]) Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Т. 79. Спб. 1891 XX + 603. Цѣна 3 р.

[180a]) Сб. Русск. Ист. Общ., т. 75.

[181]) Брикнеръ, А. Русскій дворъ въ 1728—1733 гг. И. В. 1891, 10 (36—63).

[182]) Сб. Имп. Русск. Импер. Общ., т. 76. Спб. 1891 г., стр. 591.

[183]) Ардашевъ, Н. Книги записныя приговорамъ бывшаго Вотчиннаго Архива. Описаніе док. и бум. т. VIII. (39—77).

былъ не только административнымъ, но и судебнымъ мѣстомъ и даетъ обильный матеріалъ для характеристики приказнаго строя.

Сенатскія опредѣленія [184]), только за 4 м. 1741 г., составляющія болѣе 700 стр., касаются самыхъ разнообразныхъ сторонъ внутренней жизни государства.

Нельзя не упомянуть о изданномъ Д. Корсаковымъ [185]) сборникѣ его статей: изъ нихъ почти всѣ были уже раньше напечатаны, но новое ихъ изданіе вызвало въ литературѣ нѣсколько замѣтокъ. Всѣ почти статьи относятся ко времени отъ Петра I до Екатерины II, а большая часть ихъ посвящена процессамъ верховниковъ и ихъ противниковъ. Бѣловъ [186]) въ рефератѣ по поводу книги Корсакова, противопоставляя боярщину-аристократію дворянству, характеризуетъ затѣмъ верховниковъ, какъ „послѣдній отголосокъ боярщины, уже перерождавшейся въ вельможество". Поставивъ далѣе вопросъ, что̀ заставило верховниковъ избрать Анну, Бѣловъ отвѣчаетъ: одна ненависть къ реформамъ Петра и изъ-за нихъ къ его семейству. По поводу замѣчанія Корсакова о нѣмцахъ, о возмутительныхъ дѣяніяхъ нѣмецкаго тріумвирата Пыпинъ [187]) замѣчаетъ, что это есть недоразумѣніе: дѣло было вовсе не въ нѣмцахъ, а въ общихъ условіяхъ жизни. Жестокіе нравы и безправіе, которые сдѣлали возможнымъ возмутительный судъ надъ Д. Голицынымъ, были налицо раньше, чѣмъ явились нѣмцы; едва-ли можно говорить, что Русь была унижена владычествомъ нѣмцевъ. Далѣе Пыпинъ указываетъ на то, что Голицына нельзя считать представителемъ національной точки зрѣнія; это была точка зрѣнія только „родословная". Авторъ черезъчуръ подчеркиваетъ въ положительномъ смыслѣ такіе факты, какъ борьбу Московской знати съ иноземцами, гдѣ будто-бы проявилось наше національное сознаніе; на самомъ дѣлѣ эта борьба была чисто мѣстною и въ ней русскіе и нѣмцы одинаково съѣдали другъ-друга. Волынскому, котораго въ послѣднее время стали все больше идеализировать, Корсаковъ, по мнѣнію Пыпина, также придаетъ слишкомъ большое значеніе. Характерно то, что реформаторы Д. Голицынъ и Волынскій не находятъ другого средства къ достиженію желанной цѣли, — добиться представительства, какъ перенесеніе къ намъ готовыхъ чужихъ проектовъ, ими увлекается даже Голицынъ, котораго изображаютъ, какъ охранителя Московской старины.

---

[184]) Сенатскій Архивъ, т. IV. Спб. 1891 715 + 60.

[185]) Корсаковъ, Д. Изъ жизни Русскихъ дѣятелей XVIII вѣка. Казань, 1891 г., стр. 4с8, цѣна 3 р. (Ж. М. Н. Пр., 1891 г., 12).

[186]) Бѣловъ, Е. Верховники. Историч. Обозрѣніе, т. III.

[187]) Пыпинъ, А. Эпизоды изъ исторіи XVIII вѣка. В. Е., 1891 г., 9. (О книгѣ Д. Корсакова).

Интересъ новыхъ данныхъ для біографіи Кантеміра, которыя издалъ Шимко [188]), сосредоточивается главнымъ образомъ на личной, интимной жизни самого князя и его сестры. Шимко знакомитъ насъ сначала съ содержаніемъ найденнаго имъ архива Кантеміровъ, въ которомъ находятся свѣдѣнія о разныхъ имущественныхъ дѣлахъ, о состояніи хозяйства за нѣсколько десятилѣтій XVIII в., такъ что онъ представляетъ интересъ и для изслѣдователей помѣщичьяго и крестьянскаго быта вообще, и затѣмъ сообщаетъ о найденной имъ перепискѣ Кантеміра съ сестрой. Во второй главѣ авторъ на основаніи переписки, обнимающей все время пребыванія Антіоха за границей, (1732—1744 г.) характеризуетъ личность его сестры, любимѣйшаго его друга, богато одаренной личности. Переписка представляетъ главнымъ образомъ частный интересъ.

Юргенсонъ [189]) въ обстоятельномъ изслѣдованіи, помѣщенномъ въ изданіи „Русск. Старины", Россія и Русскій дворъ, доказываетъ, что авторомъ замѣчаній на записки Манштейна былъ гр. Э. Минихъ. Чечулинъ-же [190]) въ замѣткѣ относительно изданія разсказовъ Нартова говоритъ, не обосновывая, однако, своего мнѣнія, что съ такимъ-же правомъ, какъ на Миниха, можно было-бы указать и на извѣстнаго Бюшинга.

Цѣлымъ рядомъ изслѣдованій по исторіи военнаго искусства въ Россіи мы обязаны Масловскому [191—193]). Въ изданныхъ имъ матеріалахъ авторъ изслѣдуетъ уставъ фельдмаршала Миниха о строевой пѣхотной службѣ, такъ-называемую „экзерцицію пѣшу", которая у современниковъ извѣстна была подъ названіемъ „прусской экзерциціи; въ немъ измѣнялось основное направленіе въ обученіи войскъ, указанное Петромъ I. Въ то время, какъ Петръ предписывалъ офицерамъ лично показывать на дѣлѣ нижнимъ чинамъ какъ удобнѣе исполнять ружейные пріемы, Минихъ замѣнилъ это общее замѣчаніе письменнымъ указаніемъ, какъ при каждомъ темпѣ держать ружье; всѣ эти предписанья до нельзя мелочны и послужили историческимъ началомъ убійственно-сложной муштровки; но все это вовсе

---

[188]) Шимко, И. Новыя данныя къ біографіи кн. Антіоха Кантеміра и его ближайшихъ родственниковъ. Ж. М. Н. Пр., 1891 г., 4, 5. (И. В., 1892 г., 1).

[189]) Минихъ, Э. Россія и Русскій Дворъ въ первой половинѣ XVIII в. Спб., 1891 г., стр. 328. Изд. „Русской Старины".

[190]) Чечулинъ, Н. Библіографъ, 1891 г.

[191]) Масловскій, Д. Гольцынъ-Пальцигскій, маршъ-маневръ графа П. С. Салтыкова. Военный Сборникъ, 1891 г., № 1, стр. 1—31.

[192]) Масловскій, Д. Ѳ. Матеріалы къ исторіи военнаго искусства въ Россіи. Вып. 3-й. Ч. М. О. И. Д., 1891 г., 4, стр. 1—147.

[193]) Масловскій, Д. Русское военное дѣло при фельдмаршалѣ, графѣ Минихѣ. Военный Сборникъ, 1891 г., 7, 8.

не есть заимствованіе изъ Пруссіи. Въ этомъ-же изданіи напечатанъ журналъ военныхъ дѣйствій гребной флотиліи Ласси (во время Финляндской войны 1743 г.), которымъ авторъ придаетъ очень большое значеніе. Изложивъ затѣмъ въ своихъ запискахъ въ общихъ чертахъ военно-административную и уставную реформу Миниха, исторію аттаки Гданска и Ставучанской кампаніи, авторъ приходитъ къ тому выводу, что Минихъ не проявилъ выдающагося таланта какъ полководецъ; какъ военный инженеръ онъ также не оставилъ слѣда въ русскомъ военномъ искусствѣ. Особенностью и стратегическихъ и тактическихъ распоряженій Миниха было стремленіе достигнуть рѣшительныхъ результатовъ маршами-маневрами и демонстраціями. Время Миниха есть періодъ упадка въ русскомъ военномъ искусствѣ. Миниху не удалось развить Петровскихъ началъ. Но огромная его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ сразу съумѣлъ оцѣнить значеніе могущественнаго нравственнаго элемента русскаго войска и высоко поддерживалъ въ Россіи традиціонное боевое достоинство русскаго войска. Въ другомъ изслѣдованіи Масловскій описываетъ дѣйствія Салтыкова (во время 7-лѣтней войны), который разбилъ прусскаго генерала Везеля и признаетъ ихъ очень поучительными; обходное движеніе его есть одинъ изъ образцовъ въ духѣ Петровскаго времени и образецъ-предвѣстникъ Суворовской стратегіи и тактики. Тутъ, можно сказать, впервые видоизмѣняется та склонность къ пассивнымъ дѣйствіямъ русской арміи, къ которымъ ее пріучилъ Минихъ. Подробно анализируя дѣйствія Салтыкова и Везеля, Масловскій отмѣчаетъ въ реляціи Салтыкова о побѣдѣ прекрасные отзывы его о человѣколюбіи русскихъ солдатъ, которые вмѣстѣ согласуются съ отзывами П. Панина въ письмѣ къ брату о той-же битвѣ. Далѣе авторъ указываетъ на коварную политику Австрійскаго двора, который всегда стремился заставить русскую армію подойти къ австрійской и подводилъ ее подъ первый огонь, какъ это и сдѣлалъ Даунъ по отношенію къ Салтыкову; послѣдній, дѣйствуя исключительно согласно требованіямъ стратегіи, дѣйствовалъ смѣло и рискованно, принимая все на свою личную отвѣтственность.

Статья Schmidt'а [193a]) посвящена посольству Фридриха II въ Петербургъ въ 1760 г.

Статья Воскресенскаго [194]) сообщаетъ больше данныхъ для

---

[193]a) Schmidt, R. Die Sendung des Herrn Pechlin nach Petersburg m. 1760. Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft кн. VI, 1891.

[194]) Воскресенскій. Ломоносовъ и Московская Славяно-Греко-Латинская Академія. Прибавленія къ изд. Твореній св. Отцовъ (1891 г.), ч. 47. (Академическая рѣчь).

[194]a) Альфонскій, В. А., Д. В. Ломоносовъ. Р. С., 1891 г., 1, стр. 218—220.

характеристики академическаго преподаванія въ прошломъ вѣкѣ, чѣмъ для характеристики личности Ломоносова. Желая отвѣтить на вопросъ, какъ отразилось на Ломоносовѣ 5-лѣтнее его пребываніе въ Академіи, авторъ самымъ подробнымъ образомъ описываетъ преподаваніе и учебникъ піитики и риторики). Чтеніе и углубленіе въ смыслъ Св. Писанія и литературы твореній, которыми Ломоносовъ съ любовью занимался въ Академіи и были, какъ доказываетъ авторъ, тѣми „сѣменами духовнаго воспитанія, которыя принесли впослѣдствіи свои плоды въ дѣятельности Ломоносова, какъ натуралиста. Это вліяніе академіи особенно ясно сказалось на взглядахъ Ломоносова объ отношеніи религіи къ наукѣ, каковые взгляды подробно излагаются авторомъ: цѣль и науки и религіи—удостовѣреніе въ бытіе Бога, раскрытіе его всемогущества; всѣ противорѣчія могутъ быть примирены, чему довольно показали примѣровъ отцы и учители Церкви. Любопытныя данныя о театральныхъ увеселеніяхъ старой Москвы сообщаются въ статьѣ Забѣлина 194б), который о томъ же самомъ предметѣ писалъ уже въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. (Опыты изученія русскихъ древностей, т. II). Авторъ указываетъ на то, что распространеніе театральныхъ зрѣлищъ было дѣломъ особаго рода интеллигенціи, состоявшей по преимуществу, почти исключительно изъ разночинцевъ, это была среда не дворянская; это были грамотные люди больше всего изъ отставныхъ или не окончившихъ курса школьниковъ славяно-греко-латинской Академіи, это были канцеляристы, копіисты, стряпчіе и даже дворовые люди—всѣ они съ великимъ усердіемъ занимались лицедѣйствомъ. Интересны свѣдѣнія о томъ, какъ устраивались эти лицедѣйства, какъ относилась къ исполненію публика, свѣдѣнія о репертуарѣ, который сводился къ общимъ источникамъ и сюжетамъ переводныхъ романовъ того времени *).

Изъ литературы, относящейся спеціально къ Екатерининской эпохѣ прежде всего укажемъ на любопытную статью Вильбасова 195) объ отношеніяхъ Никиты Панина къ Мерсье де-Ла-Ривіеру, извѣстному экономисту того времени, автору соч. „Ordre naturel et essentiel des sociétés politiques“. Де-Ла-Ривіеръ былъ рекомендованъ Панину нашимъ посломъ въ Испаніи Штакельбергомъ, какъ человѣкъ, который можетъ быть очень полезенъ „относительно коммерческихъ установленій и всего касающагося политико-экономической области“. Панину понравилась эта мысль, за нее ухватилась и Екатерина, ко-

194б) Забѣлинъ, И. Изъ хроники общественной жизни въ Москвѣ въ XVIII стол. Сборникъ Общ. Любит. Россійской Словесности. 1891 г.

*) См. №№ 344—347.

195) Вильбасовъ, В. А., Никита Панинъ и Мерсье де-Ла-Ривіеръ. Р. С., 1891 г., 11, 12.

торая разсчитывала на помощь извѣстнаго ученаго при составленіи уложенія. Характеризуя далѣе Панина, какъ дѣятеля, который съ восторгомъ относился къ мысли объ участіи народа въ законодательствѣ, Вильбасовъ дѣлаетъ предположеніе, что онъ, какъ только прочиталъ упомянутое сочиненіе, тотчасъ-же понялъ, что авторъ, который оказался ярымъ монархистомъ и абсолютистомъ и доказывалъ, что народъ не можетъ быть законодателемъ, ему совсѣмъ не ко двору. Въ виду этого-то, доказываетъ Вильбасовъ, Панинъ и рѣшилъ заставить Ла-Ривіера уѣхать обратно, Л.-Р. пріѣхалъ въ Петербургъ въ октябрѣ, когда Екатерина и Панинъ были въ Москвѣ, гдѣ начались засѣданія большой коммиссіи; въ то время, какъ Л.-Р. думалъ ѣхать въ Москву, чтобы помогать тамъ императрицѣ своими совѣтами, онъ получилъ отъ Панина письмо, что ему разрѣшается оставаться въ Петербургѣ до возвращенія туда императрицы. Л.-Р. пораженный этимъ письмомъ, былъ кромѣ того обиженъ тѣмъ, что ему со всѣми его секретарями предложено было 100 р. квартирныхъ и 200 столовыхъ въ мѣсяцъ. Все это было, какъ утверждаетъ Вильбасовъ, дѣломъ рукъ Панина, въ доказательство чего онъ и печатаетъ переписку Н. Панина съ Ла-Ривіеромъ. Недоразумѣніе произошло по объясненію Панина оттого, что онъ полагалъ, что Ла-Ривіеръ, будучи недоволенъ французскимъ правительствомъ, вынужденъ былъ навсегда покинуть Францію, что̀ самъ Л.-Р. безусловно отрицалъ. Далѣе Л.-Р. утверждалъ, что его пригласили именно для подачи помощи императрицѣ во время работъ по коммиссіи и что Панинъ виноватъ въ томъ, что Штакельбергъ и Голицынъ въ Парижѣ именно такъ поняли приглашеніе. Дѣло кончилось тѣмъ, что уже въ февралѣ 1768 г. Ла-Ривіеръ возвратился въ Парижъ. Вильбасовъ доказываетъ, что еще раньше пріѣзда Ла-Ривіера Екатерина была уже предубѣждена противъ него, такъ какъ Панинъ представилъ его ей, какъ человѣка надменнаго, смотрящаго на русскихъ, какъ на звѣрей. Разсказъ Екатерины о томъ, что Ла-Ривіеръ по пріѣздѣ въ Петербургъ прежде всего устроилъ залы для различныхъ департаментовъ своего будущаго вѣдомства съ соотвѣтствующими вывѣсками, есть ложь; эту ложь выдумалъ, говоритъ Вильбасовъ, опять-таки Панинъ.

Отношеніе Екатерины къ пыткѣ характеризуется Иконниковымъ [196]), который прежде всего пытается установить вліяніе Беккаріи и Блэкстона по отношенію къ этому вопросу. Помимо X-й главы Наказа правительство считало необходимымъ постоянно напоминать

---

[196]) В. С. Иконниковъ. Страница изъ исторіи Екатерининскаго Наказа (объ отмѣнѣ пытки въ Россіи). Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. V. Кіевъ, 1891 г., стр. 11—35.

подчиненнымъ о нечиненіи пытокъ, каковыя инструкціи, однако, весьма часто нарушались мѣстной администраціей; въ 1774 г. послѣдовала инструкція съ безусловнымъ запрещеніемъ пытокъ; въ 1782 г. пытки запрещены были и въ военномъ вѣдомствѣ; что отступленія продолжались и позже, видно изъ указа 27 сентября 1801 г., несмотря на который примѣненіе пытки имѣло мѣсто и въ теченіе послѣдующаго десятилѣтія XIX-го столѣтія.

Въ рефератѣ Ѳирсова [197]) разбираются свѣдѣнія, которыя можно извлечь изъ депутатскихъ наказовъ относительно бѣглыхъ, и разсматриваются мѣры, которыя предлагались въ коммиссіи противъ этого зла. Авторъ приходитъ къ заключенію, что голоса относительно бѣглыхъ и разбойниковъ раздавались исключительно изъ среды дворянства; представители другихъ сословій къ этому вопросу относились довольно равнодушно. Дворянство очень и очень глухо сознавало, что главная причина побѣговъ было крѣпостное право, и видѣло эту причину въ своеволіи и безпричинной злости крестьянъ съ одной стороны, и слабости правительственныхъ мѣръ съ другой.

Шереметевскій [198]) описываетъ дѣятельность Каменнаго приказа, задачей котораго было заботиться о благоустройствѣ Москвы и наблюдать за постройками, производящимися въ ней. Особенно любопытны свѣдѣнія объ архитектурномъ классѣ и школѣ, существовавшихъ при приказѣ, о наблюденіи приказа за разными кирпичными заводами. 3-я глава „наблюденія за благоустройствомъ Москвы и производствами въ ней построекъ“ имѣетъ значеніе для исторіи Москвы въ послѣдней четверти прошлаго вѣка. По учрежденіи въ 1783 г. губерній, дѣла приказа были переданы въ Московскую казенную палату и управу благочинія.

Витевскимъ [199]) сообщено преданіе о Пугачевѣ, найденное въ бумагахъ извѣстнаго изслѣдователя быта уральцевъ Н. Желѣзнова, записавшаго его въ 50-хъ годахъ отъ одной монахини, которой во времена Пугачева было 10 лѣтъ. Между Петромъ III и Екатериной II, разсказываетъ преданіе, былъ разладъ; въ это время пріѣзжаетъ какая-то иностранная принцесса и увлекаетъ Петра. Тогда Екатерина прогнала мужа, который не могъ получить помощи ни у одного государя, такъ какъ всѣ боялись

---

[197]) Ѳирсовъ, Н. Н. Вопросъ о бѣглыхъ и разбойникахъ, поднятый въ коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія (1767). Изв. Общ. при Каз. унив., т. IX, Вып. I, стр. 1—18.

[198]) Шереметевскій, В. Каменный приказъ и его дѣла (1775—1783). Оп. док. и бум., т. VIII, стр. 78—148.

[199]) Витевскій, В. Н. Преданіе о Пугачевѣ среди Уральскихъ казаковъ. Труды IV Археолог. Съѣзда, т. 2, стр. 56—67.

Екатерины; только по совѣту турскаго султана Петръ обратился къ Яицкимъ казакамъ. Пугачевъ, разсказываетъ преданіе, испортилъ все дѣло, женившись на Устиньѣ, такъ какъ онъ явился двоеженцемъ; казненный же атаманъ былъ вовсе не онъ, а какой-то колодникъ.

Исторію Пугачевскаго бунта въ Шацкой провинціи (1774 г.) находимъ въ очеркахъ Дьяконова 200), авторъ разсказываетъ о полнѣйшемъ безсиліи мѣстныхъ командъ справиться съ бунтовщиками и объ организаціи генераломъ Смирновымъ Шацкаго ополченія.

Весьма обстоятельное изслѣдованіе,— какого мы не имѣемъ и въ русской литературѣ — русской политики, главнымъ же образомъ взглядовъ Н. Панина на направленіе русской политики, за первые годы царствованія Екатерины, мы находимъ въ статьѣ Arnheim'а 201). Авторъ описываетъ дѣятельную агитацію Россіи главнымъ образомъ въ лицѣ Н. И. Панина въ пользу „Сѣвернаго Аккорда", имѣвшую прежде всего цѣлью сломить нежеланіе Прусскаго короля заключить союзъ съ Англіей.

Первый томъ изданія „памятниковъ сношеній нашихъ съ Грузіей" 202), въ которое войдутъ документы съ конца 17-го вѣка по 1800 г., заключаетъ въ себѣ документы за 1768—74 г., эпоху перваго совмѣстнаго дѣйствія со стороны Закавказья Грузинскихъ и Русскихъ войскъ противъ Турціи. Мы находимъ здѣсь документы по исторіи сношеній Россіи съ Грузіей по поводу этой помощи, о дѣятельности извѣстнаго гр. Тотлебена, который былъ посланъ въ Грузію съ русскимъ войскомъ, о ссорахъ его съ Грузинскими царями, переписку Н. Панина съ Грузинскими царями, ихъ же съ Тотлебеномъ, письма Панина къ Тотлебену, документы о мнѣніи капитана Зыкова, который долженъ былъ изслѣдовать положеніе дѣла. Въ донесеніяхъ его къ Панину описывается жадность Тотлебена, склонность его къ грабежамъ и общая противъ него ненависть. Далѣе слѣдуетъ переписка объ отозваніи русскаго корпуса, о мирѣ съ турками и по поводу предложенія со стороны Грузіи договорнаго союза, которое было отклонено.

---

200) Дьяконовъ, П. Бѣдствія Шацкой провинціи въ 1774 г. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 33., стр. 25—44.

201) Arnheim. Beiträge zur Geschichte der Nordischen Frage Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1891, Bd. 2.

202) Цагарели, А. Грамоты и другіе историческіе документы XVIII вѣка, относящіеся къ Грузіи, т. I, съ 1768—1774. Спб., 1891 г., стр. LXXV+518.

Матеріалы Лашкова [203]) сообщають нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣятельности Потемкина во время первой турецкой войны. Сомнѣваясь въ благонадежности туземнаго населенія Крыма, Потемкинъ распорядился отобрать у него лошадей, и обезоруживъ, вооружить вмѣсто нихъ русскихъ казенныхъ поселянъ, живущихъ вдоль морского берега; кромѣ того онъ приказалъ перевести присутственныя мѣста изъ Симферополя въ Перекопъ. Авторъ думаетъ, что татарское населеніе Крыма не заслужило такого къ себѣ отношенія и что результатомъ такого отношенія было усиленіе эмиграціи татаръ изъ Крыма.

Исторіи путешествія Екатерины въ Крымъ посчастливилось, можно сказать, больше, нежели событіе по значенію своему этого заслуживаетъ. Самое путешествіе продолжаетъ съ необыкновенною подробностью описывать Есиповъ [204]); въ текущемъ году описываются приготовленія къ отъѣзду, прибытіе въ Кіевъ и жизнь тамъ; отъѣздъ изъ Кіева, путешествіе по Днѣпру до Канева, гдѣ назначено было свиданіе съ королемъ Польскимъ; пребываніе въ Каневѣ, путешествіе въ Херсонъ и отсюда въ Крымъ, вмѣстѣ съ Іосифомъ; путешествіе по Крыму—изъ Бахчисарая въ Севастополь.

Съ приготовленіями къ встрѣчѣ императрицы въ Крыму, которыя дѣлались по распоряженію Потемкина, знакомитъ насъ работа Маркевича [205]), который сообщаетъ черновики донесеній къ Потемкину В. В. Каховскаго и оффиціальную переписку послѣдняго съ мѣстными административными учрежденіями и лицами, каковой матеріалъ отчасти былъ уже разработанъ въ статьѣ Журьери въ Тавр. Губ. Вѣд. за 1885 г. Чрезвычайно подробно описываются хлопоты о постройкѣ дворцовъ, исправленіи дорогъ, разведеніи садовъ и т. п.; для работъ этихъ мастеровые присылались даже изъ Кіева; интересенъ приказъ, чтобы отступя десять саженей по обѣ стороны большой дороги, назначенной для высочайшаго шествія, всѣ удобныя мѣста къ посѣянію хлѣба были вспаханы и засѣяны; для проѣзда императрицы въ Крымъ поставлено было болѣе 24600 лошадей.

---

[203]) Лашковъ, Ѳ. Матеріалы для исторіи второй Турецкой войны 1787—1791 г. Изв. Тавр. Арх. Коммис., № 12.

[203]а) Кирѣенко, Г. Ордера князя Потемкина правителю Таврической области. Изв. Тавр. Арх. Комм., №№ 11, 12.

[203]б) Лашковъ, Ѳ. Реестръ дѣламъ Крымскаго двора въ 1474—1779 г., учиненный Н. Бантышъ-Каменскимъ въ 1808 г. Изв. Тавр. Арх. Комм., № 14, стр. 1—43.

[204]) Есиповъ, Г. В. Путешествіе имп. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 г., Кіевская Старина, 1891 г., № 1, 2, 3, 4, 5, 8, 9, 11, 12.

[205]) Маркевичъ, А. Матеріалы архива канцеляріи Таврическаго губернатора, относящіеся къ путешествію Екатерины II въ Крымъ въ 1787 г. Изв. Тавр. Арх. Комм., № 11 (76—144).

Въ заключеніе авторъ разсказываетъ, какъ послѣ отъѣзда Екатерины начался подсчетъ издержекъ; была назначена новая коммиссія, которая и насчитала 322800 р. Вскорѣ послѣ отъѣзда Екатерины всѣ вышеописанныя затѣи пришли въ разрушеніе. Путешествію этому Маркевичъ придаетъ очень большое значеніе для Крыма и говоритъ, что изданный имъ матеріалъ рисуетъ кипучую дѣятельность Потемкина, которому все нужно было создавать вновь и стремиться къ тому, чтобы созданное не имѣло одного лишь случайнаго значенія, а служило прочнымъ основаніемъ развитія благосостоянія края въ будущемъ.

Столѣтняя годовщина смерти Потемкина не вызвала ни одной болѣе или менѣе интересной работы. Изданная Брикнеромъ [206]) біографія князя была уже въ 1887 г. напечатана въ „Нови“ и въ настоящемъ изданіи сдѣланы лишь нѣкоторыя дополненія.

Шубинскій [207]) разсказываетъ, какъ по приказанію императора Павла, питавшаго, какъ извѣстно, особое нерасположеніе къ Потемкину, задѣланъ былъ склепъ съ гробомъ его въ Херсонѣ и уничтоженъ его надгробный памятникъ.

Есиповъ [208]) сообщаетъ изъ Архива Мин. Императорск. Двора подробную опись оставшагося послѣ Потемкина имущества, которое по просьбѣ наслѣдниковъ было куплено казной.

Брикнеръ [209]) посвятилъ особую статью мало извѣстной до сихъ поръ въ нашей литературѣ, но впрочемъ и мало интересной, личности доктора Вейкарда, и его отношеніямъ къ Екатеринѣ. Въ разсказахъ Вейкарда пріѣхавшаго въ Россію съ спеціальною цѣлью нажиться и прожившаго здѣсь съ 1787 до осени 1789 г,, встрѣчаются нѣкоторыя интересныя подробности и замѣчанія о придворныхъ, о врачахъ и т. п.

Эпоха царствованія имп. Павла I небогата изслѣдованіями. Въ V-мъ томѣ Матеріаловъ, издаваемыхъ Брикнеромъ [210]), сообщается масса новыхъ документовъ изъ Арх. Иностр. Дѣлъ, Семейнаго арх. Панинныхъ и частью изъ Стокгольмскаго, для исторіи русской дипломатіи 1799—1801 гг., т.-е. времени вице-канцлерства

---

[206]) Брикнеръ, А., Потемкинъ. Спб., 1891 г., стр. 276, цѣна 2 р. 50 к. В. Е. 1891, 12.

[207]) Шубинскій, С. Столѣтіе кончины Потемкина. И. В., 1891 года, 9 (617—627).

[208]) Есиповъ, Г. Описи долговъ и движимаго имущества князя Потемкина-Таврическаго. Ч. М. О. И. Д., 1891 г., 4 (1—47).

[208а]) Шираевъ, Н. Потемкинскій городъ. И. В., 1891 г., 9 (628—635). (Основаніе и устроеніе Николаева).

[209]) Брикнеръ, А., Екатерина II и докторъ Вейкардъ. Р. С., 1891 года, 12 (531—564).

[210]) Брикнеръ, А. Матеріалы для жизнеописанія гр. Никиты Петровича Панина. Т. V. Спб. 1891. 674 стр. 5 р. И. В. 1891, 7, И. В. 1892, 1.

Панина. Plus royaliste que le roi Панинъ ненавидѣлъ Бонапарта, какъ исчадіе революціи, и боролся противъ союза съ нимъ въ то время, какъ Павелъ понималъ необходимость его. Документы V тома разъясняютъ причину опалы Панина, заключавшуюся въ томъ, что было перехвачено письмо Прусскаго посланника, свидѣтельствовавшее о недовольствѣ Панина внѣшней политикой императора. Тутъ же разоблачается поступокъ Растопчина, который сочинилъ небывалое письмо, чтобы показать его легковѣрному царю и тѣмъ погубить своего соперника.

Не представляющія по существу ничего новаго, статьи Соколова[211]) ставятъ себѣ цѣлью раскрытіе процесса, посредствомъ котораго реакція противъ революціи приняла направленіе, благопріятное для возникновенія и развитія пропаганды католичества въ Россіи. Авторъ характеризуетъ личныя свойства императора и старается показать, какъ его стремленіе искоренить свободомысліе и возстановить поколебленные престолы послужило средствомъ проникновенія въ Россію римско-католическихъ пропагандистовъ, какъ его противо-революціонная дѣятельность имѣла благопріятныя для католиковъ послѣдствія. Далѣе авторъ характеризуетъ отношеніе русскихъ правительствъ (и Екатерининскаго) къ іезуитамъ, и старается показать, что оторванность русскаго общества отъ русской національной почвы имѣла слѣдствіемъ сильное развитіе и вліяніе католицизма.

Въ извѣстномъ уже намъ VI томѣ [212]) описанія дѣлъ Арх. Морскаго Министерства мы находимъ въ дѣлахъ адмирала гр. Кушелева (1797—1801) рапорты на Высочайшее имя, доклады, письма къ Кушелеву русскаго посла въ Лондонѣ гр. Воронцова, масса документовъ для исторіи флота; тутъ же упомянемъ и объ относящихся уже къ царствованію Александра I дѣлахъ канцеляріи Морскаго Министерства (1801—1802), военной по флоту канцеляріи (1802—1804) и др.

Въ статьѣ Бородина [213]) характеризуется направленіе разныхъ журналовъ въ царствованіе Павла, причемъ авторъ доказываетъ, что въ это время русская журналистика является уже не такимъ сподручнымъ орудіемъ правительства, какимъ она была прежде; она по прежнему осмѣиваетъ общественные недостатки, но уже не воспѣваетъ правительственныхъ дѣяній; авторъ указываетъ на рѣзкіе протесты печати противъ запрещенія ѣздить за границу, противъ запретитель-

---

[211]) Соколовъ, М. Католическая пропаганда въ Россіи въ царствованіе Имп. Павла I. Православное Обозрѣніе, 1891 (9, 10, 11, 12).

[212]) Описаніе дѣлъ Архива Морскаго Министерства, т. VI.

[213]) Бородинъ, С. Русская журналистика въ концѣ прошлаго столѣтія. Наблюдатель, 1891, 3. (61—102).

ной таможенной пошлины и говорить, что эти протесты еще болѣе усиливали недовольство положеніемъ вещей.

Изъ мемуаровъ того времени укажемъ на курьезныя по тону записки Второва [214]), провинціала пріѣхавшаго въ 1801 г. изъ Казани въ Москву и описывающаго столичныя впечатлѣнія. Интересенъ разсказъ о слухахъ о кончинѣ Павла I. Немедленно же назначенный вмѣсто Эртеля оберъ-полиціймейстеръ Каверинъ требовалъ отъ Эртеля денежнаго отчета, который этотъ далъ только по настоянію главнокомандующаго: въ отчетѣ написаны были лица самыя знатныя и почтенныя изъ московскихъ дамъ, которыя получали большія суммы за ихъ шпіонство.

Въ запискахъ Печерина [215]) (1737 — 1836), который служилъ въ межевой канцеляріи въ Москвѣ, а затѣмъ губернскимъ землемѣромъ въ Тамбовѣ и занимался переводами, интересно описаніе пребыванія автора въ Московскихъ пансіонахъ въ послѣднее 10-лѣтіе XVIII в.

Дмитріевъ-Мамоновъ [216]) разсказываетъ подробно по дѣламъ Тоб. Губернскаго Архива объ открытіи въ Сибири въ 1789 г. первой типографіи и объ исторіи перваго и единственнаго провинціальнаго журнала „Иртышъ превращающійся въ Ипокрену“; авторъ подробно излагаетъ содержаніе журнала, говоритъ о его значеніи и о томъ, какъ распредѣлялись подписчики; любопытно то, что еще въ 1811—1812 гг. Тобольскій приказъ общественнаго призрѣнія взыскивалъ деньги съ подписчиковъ.

Укажемъ и на нѣсколько болѣе мелкихъ замѣтокъ къ бытовой и мѣстной исторіи второй половины XVIII вѣка, которыя частью захватываютъ также и XIX в.

Такъ любопытна статья Дьяконова [217—218]), по поводу дѣла о корчемствѣ въ имѣніи помѣщика Свищова (1750 г.), производство по которому изобилуетъ характерными для времени чертами.

Въ обозрѣваемомъ году издана уцѣлѣвшая часть межевыхъ книгъ г. Москвы [219]), составленныхъ въ XVIII стол. (1756, 61 и

---

[214]) Второвъ, И. А. Записки (Москва и Казань въ началѣ XIX вѣка). Р. С. 1891, 4, (1—22).

[215]) Печеринъ, Ѳ. Записка. Р. С. 1891, 12 (587—618).

[216]) Дмитріевъ-Мамоновъ, А. Начало печати въ Сибири. Печать въ Тобольскомъ намѣстничествѣ въ XVIII в. (Изданіе Акмолинскаго области. статист. Комитета). Омскъ, 1891. 82 стр.

[217]) Дьяконовъ, П. Бытовыя картинки по архивнымъ дѣламъ. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 31 (16—19).

[218]) Дьяконовъ, П. Бытовыя картинки по архивнымъ дѣламъ. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 32 (24—31).

[219]) Межевыя книги города Москвы въ XVIII стол. Москва, 1891, 404 стр.

66 гг.); при нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣщены переписи отдѣльныхъ владѣній, пополняющія отчасти недостатки въ переписныхъ книгахъ 1740-хъ годовъ.

Въ составленной Староградскимъ [220]) и Пискаревымъ [221]) описи дѣлъ, поступившихъ въ Архивъ Тобольской Коммиссіи (съ 1745 — 1816 г.) встрѣчаются также указанія на богатый бытовой матеріалъ, и разныя челобитныя по поводу ссоръ крестьянъ между собой и съ помѣщиками вслѣдствіе разныхъ самоуправствъ.

Самые разнообразные документы вошли въ опись Снѣжневскаго [222]), какъ напр., вѣдомости о числѣ мѣщанъ, окладныя книги, контракты цеховыхъ мастеровыхъ, свѣдѣнія о купцахъ и купеческихъ оборотахъ, о сборахъ податей, дѣла судебныя, по взысканіямъ и весьма интересныя описи имуществъ.

Въ документахъ [223]) изъ дѣлъ межеваго департамента (1791—1810) интересны спорныя дѣла, возникшія по поводу генеральнаго межеванія, и главнымъ образомъ, споры крестьянъ по поводу неправильнаго размежеванья ихъ съ владѣльцами. Интересные документы, главнымъ образомъ, для характеристики положенія крестьянъ, находимъ въ составленной Снѣжневскимъ [224]) описи дѣлъ Нижегородскаго Уѣзднаго Суда (1776—1868).

Тотъ же авторъ [225]), на основаніи документовъ изъ архива извѣстныхъ въ свое время „Балахонскихъ соляныхъ промысловъ промышленниковъ Лопухиныхъ", даетъ исторію Балахны и Балахнинскихъ варницъ, существованіе которыхъ онъ констатируетъ уже въ концѣ XIV столѣтія.

Тутъ же укажемъ на изданные Дубасовымъ [226—228]) и Писка-

[220]) Староградскій, Н. Опись дѣламъ, поступившимъ для храненія въ Тамб. Историческій Архивъ. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 31.

[221]) Пискаревъ, Н. Описаніе Тамбовскаго Вознесенскаго женскаго монастыря до изданія Духовныхъ штатовъ въ 1764. Изв. Тамбовск. Арх. Комм. Вып. 31 (55—72).

[222]) Снѣжневскій, В. П. Опись дѣламъ Нижегородскаго уѣзднаго суда. 1765—1845. Дѣйствія Нижегородской Арх. Комм. Вып. 10. (477—496).

[223]) Снѣжневскій. В. П. Опись дѣламъ межев. департ. Сената по Нижегородской губ. 1791—1811. Дѣйствія Нижегородской Арх. Коммиссіи. Вып. 10. (456—476).

[224]) Снѣжневскій. Дѣйствія Нижегор. Арх. Комм. Вып. 10, 11.

[225]) Снѣжневскій. Дѣйствія Нижег. Арх. Комм. Вып. 11 (591—608).

[226]) Дубасовъ, И. Гор. Тамбовъ по Росписному Списку. 1745 г. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 32. (17—21).

[227]) Дубасовъ, И. Историческая записка о Тамбовскомъ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ, составленная по поводу его 200-лѣтія. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 31. (7—12).

[228]) Дубасовъ, И. Богородично-Казанскій монастырь. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 31. (12—15).

ревымъ [229]), матеріалы для исторіи Тамбова въ XVIII столѣтіи и отмѣтимъ слѣдующія замѣтки и статьи [230—249]).

XIX стол.

Литература по исторіи первой четверти или вѣрнѣе первой половины текущаго столѣтія посвящена главнымъ образомъ политическимъ отношеніямъ Россіи къ Западно-Европейскимъ государствамъ.

---

[229]) Пискаревъ, П. Опись Казанскаго монастыря въ г. Тамбовѣ. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 31. (97—119).

[230]) Переписныя книги гор. Москвы. 1737—1745. Т. VII, Москва, 1891. 334 стр.

[231]) Кузнецовъ, Е. Тревога въ Сургутѣ въ 1745 г. Тобольскъ, 1891. 10 стр.

[232]) Кузнецовъ, Е. О хлѣбной торговлѣ Тобольска въ 1744 г. Тобольскъ. 1891. 8 стр.

[233]) Арсеньевъ, Ф. А. Устьсысольская Старина. Р. С. 1891, 1 (Разбойники на Печерѣ въ половинѣ XVIII стол.).

[234]) Новиковскія книги. Р. А. 1891, 3 (425—429).

[235]) Можаровскій, К. Ф. Письмо Петербуржца къ другу въ провинцію отъ 27 мая 1790, Дѣйствія Ниж. Арх. Комм. Вып. 10. (442—445),

[236]) Орловъ, Н. Штурмъ Измаила 11 дек. 1790. С.-Петербургъ, 1891. И. В. 1891, 2.

[237]) Пыляевъ, М. Отецъ Суворова. И. В. 1891, 7 (72—78).

[238]) Ганъ. Н. Леонт. Неклюдовъ (сподвижникъ Суворова). Р. С. 1891, 1. (223—225).

[239]) Janssen, Joh., Russland und Polen vor Hundert Jahren, Frankf. a/M. 1891. 133 s.

[240]) Roeppel, R. Zur Genesis der Verfassung Polens vom 3 Mai 1791. Historische Zeitschreft. Bd. 66. 1891.

[241]) Кузнецовъ, Е. О распорядкахъ Чичерина въ Тобольскѣ. Тобольскъ. 1891. 25 стр.

[242]) Кузнецовъ Е. Письма Екатерины къ Чичерину. Р. А. 1891, 5.

[243]) Іеронимъ (іеромонахъ), заточникъ въ Соловецкомъ монастырѣ (1766—1847). Р. С. 1891, 7 (183—194).

[244]) Княгиня Е. И. Голицына. Р. А. 1891, 1.

[245]) Соколовъ, П. Татаринова въ Кашинскомъ женскомъ монастырѣ. Тверь. 1891, 34 стр.

[246]) Сементковскій, Р. Итальянскій походъ 1799 г. и Кронштадтская встрѣча 1891 г. И. В. 1891, 11 (388—408).

[247]) Милорадовичъ, Г. Письма Василія Ив. Туманскаго и неизданныя его стихотворенія. Черниговъ. 1891. 149 стр. (Издано въ 100 экземплярахъ).

[248]) Дѣло о воровской порубкѣ лѣса въ лѣсныхъ дачахъ Саратовской пустыни въ 1770 г. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 31. (20—22).

[249]) Спицынъ, А. Исторія Вятскаго главнаго народнаго училища 1786—1811. (Изъ Календаря Вятской губ.). Вятка. 1891. 79 стр. *).

---

*) См. №№ 348—362.

Второй томъ издаваемыхъ Трачевскимъ [250]) матеріаловъ для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ Франціей обнимаетъ событія 1803 и 1804 гг.; изданные матеріалы характеризуютъ дѣятельность Моркова и, по удаленію его, Убри, братьевъ Александра и Семена Воронцовыхъ вмѣстѣ съ Морковымъ въ пользу Англіи и противъ Наполеона, и вліяніе ихъ въ этомъ смыслѣ на Александра. Въ этомъ же томѣ напечатаны документы по дѣлу о разстрѣляніи герцога Энгіенскаго. Всѣ эти матеріалы знакомятъ насъ съ событіями, подготовившими, такъ сказать, Аустерлицъ.

Событіямъ послѣдующихъ лѣтъ посвящены два труда: французскаго ученаго Вандаля [251]) и С. Татищева [252]), которые въ русской литературѣ вызвали нѣсколько статей. Оба труда построены на основаніи документовъ русскаго и французскаго государственныхъ архивовъ, изъ каковыхъ документовъ наиболѣе интересна личная переписка между Александромъ I и Наполеономъ I, открытая Татищевымъ въ нашемъ государственномъ архивѣ (56 писемъ Александра) и донесенія приближенныхъ Наполеона—Коленкура, Савари и Лористона, разработанныя Вандалемъ. Въ то время, какъ трудъ Татищева представляется намъ простымъ изданіемъ матеріаловъ (съ небольшими лишь комментаріями издателя), Вандаль даетъ ученое изслѣдованіе, причемъ оба автора стараются дознаться, почему русско-французскій союзъ не удался при Наполеонѣ.

Трачевскій [253]) отвергаетъ защищаемое Вандалемъ мнѣніе, который идею франко-русскаго союза приписываетъ Наполеону, служившему въ дѣйствительности только безсознательно требованіямъ времени. Вандаль описываетъ стремленіе французовъ къ союзу съ Россіей и личный характеръ политики Александра; характеризуетъ взгляды Наполеона на восточный вопросъ, его мечты о преобразованіи быта всей жизни востока на началахъ цивилизаціи. Нѣкоторое время раздѣлъ Турціи представлялся ему опасной игрой, но затѣмъ опасаясь Англіи, онъ рѣшился предложить Россіи раздѣлъ. Интересна характеристика настроенія русскаго общества при отъѣздѣ императора въ Эрфуртъ, куда его провожали со слезами; весь Петербургъ говорилъ что ему не возвратиться; любопытно описаніе посѣщенія Александра I въ Эрфуртѣ, который былъ здѣсь уже иной, чѣмъ въ Тильзитѣ и не довѣ-

---

[250]) Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи въ эпоху Наполеона I. Т. II. 1803—1804. Сборникъ Русскаго Историч. Общества. Т. 77. С.-Петербургъ. 1891. XIII—773 стр.

[251]) Vandal. Napoléon et Alexandre I. Paris. 1891. 527 p.

[252]) Татищевъ, С. Міровой раздѣлъ. Р. В. 1891. 2 и слѣд.

[253]) Трачевскій, А. Франко-Русскій союзъ въ эпоху Наполеона I. И. В. 1891, 6.

рялъ Наполеону. Хотя Александръ и добился согласія Наполеона, а Наполеонъ помощи Россіи въ случаѣ нападенія Австріи, но тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности Эрфуртъ *) былъ, какъ доказываетъ Вандаль, подготовкой Бородина; онъ ускорилъ кровавую развязку между Австріей и Франціей, которая, чѣмъ бы она ни кончилась, приближала разрывъ между Парижемъ и Петербургомъ. Побѣди Австрія—и Александръ былъ бы увлеченъ общимъ потокомъ національной ненависти противъ Наполеона; побѣди Наполеонъ—они стали бы другъ противъ друга, какъ единственные соперники, причемъ наочереди стояли два вопроса: раздѣлъ Турціи и отмѣна другаго важнаго раздѣла—Польши.

Въ статьѣ Слонимскаго [254]), доказывается безсмысленность утвержденія, что въ союзѣ съ Наполеономъ, который выразился Тильзитскимъ актомъ, необходимо видѣть „національную и традиціонную политику" и здравое пониманіе нуждъ имперіи. Наоборотъ, Тильзитскій союзъ устанавливалъ полное подчиненіе Россіи политической системѣ Наполеона, безъ всякихъ для нея выгодъ. Необъяснимый же поворотъ къ борьбѣ противъ вчерашняго союзника объясняется „преобладаніемъ чисто личнаго элемента въ сферѣ первостепенныхъ государственныхъ интересовъ — элемента, не сдерживаемаго и не контролируемаго твердымъ сознаніемъ политическаго долга и живымъ общественнымъ чувствомъ и мнѣніемъ". Интересно, что французъ Вандаль, поклонникъ Наполеона, признаетъ что Тильзитскій союзъ былъ дѣломъ сознательнаго и мастерскаго обольщенія, что русская война противъ Англіи была „насиліемъ надъ чувствами и матеріальными интересами народа". Русское правительство не могло выполнить взятыхъ имъ на себя обязательствъ противъ Англіи и это привело къ войнѣ 1812 г. Эта гроза миновала бы Россію, если бы русская политика была не личною и случайною, а дѣятельно-національною, государственной".

Тутъ же укажемъ на другую статью Слонимскаго [255]), въ которой онъ, характеризуя дѣятельность Поццо-ди-Борго, опровергаетъ утвержденіе Татищева, что во всѣхъ нашихъ дипломатическихъ нуждахъ виноваты наши дипломаты-инородцы. За одного такого инородца, говоритъ Слонимскій, какъ Поццо-ди-Борго, который проповѣдывалъ франко-русскій союзъ, никто бы не усумнился отдать десятокъ такихъ чисто-русскихъ дѣятелей, какъ Колычевъ, Морковъ и гр. Толстой, по-

*) См. № 370.

[254]) Слонимскій, Л. Франко-русскія отношенія при Наполеонѣ I. В. Е. 1891, 3. 4.

[255]) Слонимскій, Л. Франко-русская политика въ началѣ XIX столѣтія. В. Е. 1891, 2.

тому что ихъ то патріотизмъ, связанный съ бездарностью и самомнѣніемъ, и нанесъ Россіи страшный вредъ.

Писанныя на франц. яз. и переведенныя Л. Майковымъ записки Хомутовой 256), даютъ интересную живую характеристику тогдашняго свѣтскаго общества Москвы, въ лицѣ всѣхъ его болѣе или менѣе выдающихся представителей и представительницъ; настроеніе этого общества въ моментъ перехода французовъ черезъ Нѣманъ. Авторъ безпристрастно отмѣчаетъ легкомысліе, обнаруженное тогда многими москвичами.

Походъ великой арміи отъ Вильны (іюль 1812 г.) описанъ Де-ла-Флизомъ 257), который былъ помощникомъ главнаго доктора Наполеоновской гвардіи и, взятый въ плѣнъ при Красномъ, попалъ въ домъ графа Гудовича, женился на его племянницѣ и остался въ Россіи. Авторъ описываетъ осаду Смоленска и пребываніе въ немъ, путь до Бородина, Бородинскую битву и занятіе Москвы; онъ говоритъ, что ошибки Наполеона въ эту кампанію были многочисленны и неисправимы: онъ недостаточно внимательно относился къ нуждамъ [войска; выказывая въ Египтѣ почтеніе къ магометанству, онъ здѣсь врядъ-ли признавалъ русскихъ христіанами и позволялъ себѣ оскорблять ихъ святыни *).

Въ напечатанныхъ Шильдеромъ отрывкахъ изъ записокъ Михайловскаго-Данилевскаго 258—263), разсказывается о его годахъ ученія въ Геттингенѣ. Данилевскій, который думалъ и мечталъ только о наукѣ и занимался политической экономіей, получилъ черезъ Балугьянскаго, который былъ пораженъ его знаніями, мѣсто у министра финансовъ Гурьева. Далѣе Данилевскій описываетъ походъ въ Германію, смерть Кутузова, сраженія при Бауценѣ, Дрезденѣ и Лейпцигѣ.

---

256) Хомутова, А. Г. Воспоминаніе о Москвѣ, 1812. Р. А. 1891, 11 (309—328).

257) Де-ла-Флизъ. Записки. (Походъ великой арміи въ Россію въ 1812 г.). Р. С. 1891, 9, 10, 12.

*) См. №№ 371—374.

258) Шильдеръ, Н. К. А. И. Михайловскій-Данилевскій. Къ столѣтней годовщинѣ со дня его рожденія. Р. С. 1891, 9.

259) Н. В. Стороженко. Малороссійское ополченіе 1812 г. Чтеніе въ Истор. Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. V. Кіевъ. 1891. (103—112).

260) Изъ дневника Стендаля. Р. А. 1891, 7 (490—495). Изъ Сборника писемъ Стендаля, вышедшаго въ 1885 г.—Стендаль былъ завѣдующимъ продовольственною частью французской арміи.

261) Redlich Otto. Tagebuch des Lienteuant Anton Vossen, vornehmlich über den Krieg in Russland. 1812. Düsseldorff. 1891, 20 s.

262) О. Левицкій. Тревожные годы. Очеркъ изъ общественной и политической жизни г. Кіева и юго-западнаго края въ 1811—12 г.г. Кіевск. Старина, 1891. 10, 11.

Продолженіе труда Надлера [264]), относится ко времени, слѣдовавшему за событіями 1812—14 гг., причемъ авторъ всѣми силами старается доказать, что событія 1815 года и направленіе политики имп. Александра I-го были слѣдствіемъ самостоятельно выработавшагося въ немъ убѣжденія. Относясь весьма неблагопріятно къ г-жѣ Крюденеръ, авторъ доказываетъ между прочимъ, что вліяніе ея на Александра могло возникнуть лишь въ самомъ началѣ 1815 года, такъ что о болѣе раннемъ личномъ знакомствѣ ея съ императоромъ и о вліяніи ея на великія событія первой половины 1814 г. не можетъ быть и рѣчи; далѣе Надлеръ старается опровергнуть разсказъ Мюленбека о томъ заговорѣ мистиковъ и хиліатовъ, который былъ будто бы составленъ съ цѣлью подчинить Императора во время его пребыванія въ маркграфствѣ Баденскомъ ихъ вліянію и о роли, которую при этомъ играла madame Крюденеръ. Излагая затѣмъ уже извѣстную въ подробностяхъ исторію Вѣнскаго конгресса Надлеръ пытается защитить имп. Александра, котораго всѣ признавали слабымъ и колеблющимся. Къ 1812 году только Штейнъ будто бы, говоритъ Надлеръ, удержалъ его на краю пропасти; въ Парижѣ онъ подъ вліяніемъ Талейрана далъ согласіе на реставрацію Бурбоновъ, которую самъ же осуждалъ. Въ Германіи онъ попалъ подъ вліяніе мистиковъ, въ Пулавахъ—подъ вліяніе польской интриги; въ Вѣнѣ онъ былъ наконецъ подъ вліяніемъ Чарторижскаго, но спасенъ былъ вліяніемъ Бадера и Крюденеръ, дѣйствовавшей черезъ Роксану Стурдза. Надлеръ старается опровернуть все это и доказать, что вся дѣятельность Александра I-го была естественнымъ проявленіемъ тѣхъ религіозно-нравственныхъ началъ, которыя возникли въ немъ помимо всякихъ постороннихъ вліяній, подъ воздѣйствіемъ тѣхъ великихъ и грозныхъ событій, которыми испытывало его Провидѣніе. Надлеръ опровергаетъ далѣе разсказы объ увлеченіяхъ Александра въ Вѣнѣ и о томъ, что укоры совѣсти и сознаніе грѣховности слѣдовали у него будто бы именно за упоеніемъ страстью. Въ немъ, утверждаетъ Надлеръ, былъ крѣпокъ идеалъ христіанскаго единенія между державами, чѣмъ и объясняются всѣ его уступки. Онъ пришелъ къ этимъ идеямъ совершенно самостоятельно; Крюденеръ и Бадеръ могли только укрѣпить его въ нихъ.

Чтобы покончить съ политической дѣятельностью Александра I-го, укажемъ на Лейпцигскую диссертацію Pantschow'a [265]), который излагаетъ исторію греческаго возстанія и затѣмъ доказываетъ, что

[264]) Надлеръ. Александръ I и идея Священнаго союза. Вѣра и Разумъ. 1891, 17—20, 22, 24.

[265]) Pantschoff. Der Kaiser Alexandre I und der Aufstand Ypsilantis, 1821. Leipzig, 1891, 69 s.

Александръ I не давалъ Ипсиланти никакихъ прямыхъ обѣщаній; ему было пріятно такое возстаніе, т. к. оно могло быть ему полезнымъ въ войнѣ съ Турціей и поэтому онъ не предпринималъ ничего, чтобы подавить его, когда оно было еще въ зародышѣ. Вполнѣ правы однако тѣ, кто ставитъ Императору въ вину, что, благодаря такому двойственному его поведенію, онъ является виновникомъ того, что возстаніе такъ сильно разрослось.

Что касается внутренняго быта, то изъ матеріаловъ, спеціально относящихся къ царствованію Александра, можно указать прежде всего на II часть журн. Комитета министровъ [266]), которая заключаетъ въ себѣ дѣла, касающіяся организаціи или порядка дѣятельности государственныхъ и губернскихъ установленій, дѣла судебныя, дѣла финансовыя, дѣла народнаго продовольствія и хлѣбной торговли и т. п. Къ 1812 году относятся дѣла по изысканію финансовыхъ средствъ относительно различныхъ военныхъ предпріятій и мѣръ, предпринимавшихся послѣ войны. Въ IV вып. Сборн. историч. матеріаловъ [267]) помѣщены Высочайшіе рескрипты и указы по военнымъ и гражданскимъ дѣламъ, Высочайшія повелѣнія, объявленныя графомъ Аракчеевымъ и исходящіе журналы графа. Интересный рескриптъ Паскевичу отъ 1816 года, проливающій свѣтъ на крестьянскіе бунты того времени; во второмъ отдѣлѣ интересны матеріалы для исторіи раскрѣпощенія крестьянъ Эстляндской и Курляндской, губерній и записки по этому же вопросу Николая Тургенева и Гагарина; оба, ужасаясь положеніемъ крестьянъ, полагаютъ, однакожъ, что невозможно сразу „приступить къ уничтоженію онаго состоянія и предлагаютъ разныя реформы, какъ напр., уничтоженіе класса дворовыхъ людей.“

Очень интересно для характеристики общественной жизни первой четверти этого столѣтія соч. Булича [268]), которое даетъ рядъ біографій профессоровъ Казанскаго университета, характеризуетъ положеніе университетскихъ дѣлъ, устройство преподаванія, управленіе училищами и студенческіе нравы до 20-ыхъ годовъ. Интересенъ разсказъ автора о знаменитой ревизіи Казанск. университета, произведенной Магницкимъ, о которой онъ говоритъ, что она была вызвана сплетнями, которыми воспользовался Магницкій, чтобы создать себѣ карьеру. Назначеніе Магницкаго было „подтянуть“ университетъ; этотъ тер-

---

[266]) Въ предисловіи статья А. Ермолова, Комитетъ министровъ въ царствованіе имп. Александра 2. И. В. 1892, 5.

[267]) Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Имп. Величества Канцеляріи. Вып. IV. С.-Петербургъ, 1891. И. В. 1891, 11. Ж. М. Н. Пр. 1891, 9. Р. В. 1891, 10.

[268]) Буличъ, Н. Изъ первыхъ лѣтъ Казанскаго Университета (1805—1819). Ч. 1-я. Казань, 1891, 799 стр. 4 р. В. Е. 1893, 5.

минъ изъ военной дисциплины, говоритъ авторъ, долженъ быть хорошо знакомъ тому, кто слѣдитъ за исторіей русскаго духовнаго развитія. Тутъ же укажемъ на біографію В. Н. Каразина и нѣкоторые новые къ ней матеріалы [269—271]) статью Яковлева [272]) объ аббатѣ Николь— другѣ Ришелье и директорѣ лицея, которая, будучи составлена отчасти по рукописнымъ матеріаламъ, касается любопытной страницы изъ исторіи просвѣщенія Россіи вообще и Новороссійскаго края въ частности, изданныя Мартыновымъ [273]) данныя къ исторіи Нижегородской и Казанской гимназіи въ первыхъ годахъ XIX стол. Для исторіи раскола интересны нѣсколько изданныхъ Мельниковымъ [274]) дѣлъ Семеновскаго уѣзднаго суда. Авторъ извлекаетъ дѣла, касающіяся не вожаковъ движенія, а массы населенія и утверждаетъ на основаніи ихъ, что представленіе о жизни раскольниковъ у насъ ложное. Это вовсе не есть вѣчное исканіе чего-то, какой-то истины. Новые толки возникаютъ часто (по крайней мѣрѣ въ наше время) совершенно случайно: это есть дѣло разныхъ вожаковъ—выскочекъ изъ грамотѣевъ-начетчиковъ, а часто также слѣдствіе неосторожнаго дѣйствія со стороны представителей власти. Масса раскольничьяго населенія вовсе не думаетъ о вопросахъ своей вѣры.

Изъ менѣе важныхъ сообщеній и замѣтокъ укажемъ на статью П. Морозова [275—276]) о Черногорскихъ и Сербскихъ эмигрантахъ въ Россіи, исторію которыхъ онъ изслѣдуетъ до царствованія Николая I и рядъ другихъ менѣе важныхъ статей [277—283]).

---

[269]) Абрамовъ, Я. В. В. Н. Каразинъ, его жизнь и общественная дѣятельность. СПб. 1891, 96 стр. См. также статью В. И. Семевскаго В. Е. 1893, 2.

[270]) Д. И. Багалѣй. Къ біографіи В. Н. Каразина. Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества. Т. III. Харьковъ, 1891, 307—311.

[271]) Н. Ѳ. Сумцовъ. Три письма В. Н. Каразина. Сборникъ Харьковск. Истор.-филол. Общества. Т. III. Харьковъ, 1891. (338—341).

[272]) Яковлевъ. Аббатъ Николь и первые годы Ришельевскаго Лицея. Новороссійскій Календарь. 1891.

[273]) Мартыновъ, А. Ф. Изъ Архива Нижегородской классической гимназіи. Дѣйствія Нижег. Губерск. Арх. Комм. Вып. 10. (435—442).

[274]) Мельниковъ, А. П. Къ характеристикѣ быта раскольничьихъ общинъ начала XIX в. Дѣйствія Нижегор. Арх. Комм. Вып. 10. (496—510).

[275]) Морозовъ, П. О. Черногорскіе переселенцы въ Россіи. 1803—1838. Матеріалы изъ Арх. Мин. Госуд. Имуществъ. Вып. I. (54—107).

[276]) Морозовъ, П. О. Кара-Георгій и сербскіе эмигранты въ Россіи 1814—1830. Матер. изъ Арх. Мин. Госуд. Имущ. (108—136).

[277]) Шафрановъ, П. О водвореніи въ Россіи запорожскихъ казаковъ, возвратившихся изъ-за Дуная въ 1828 г. Мат. изъ Арх. Мин. Госуд. Имущ. (208—237).

[278]) Вешняковъ, В. И. Высочайше учрежденный комитетъ объ усовершенствованіи земледѣлія въ Россіи. Тамъ-же (1—54).

[279]) Жихаревъ, С. Записки. 1805—1807. Москва, 1891.

Въ 37 т. архива кн. Воронцова [284]) напечатаны матеріалы для біографіи гр. Михаила Семеновича: неинтересная, сухая автобіографія его, переписка, изъ которой интересны лишь письма Закревскаго къ Воронцову, рѣзкія своими отзывами относительно общаго положенія дѣлъ и всевозможныхъ злоупотребленій. Особенно рѣзки отзывы объ Аракчеевѣ. Закревскій возмущается страстью къ шагистикѣ, военными поселеніями и т. д., и не удивляется, что, министры часто пользѣ государственной мѣшали, ибо „Когда они сего и не дѣлали?“ „Интересные отзывы о кампаніи 1812 года, о безтолковщинѣ и о безпутствѣ, самохвальствѣ, лжи нашихъ военноначальниковъ, коммиссаріата и провіантской части.“

Въ изданныхъ подъ редакціей Н. Дубровина [285]) бумагахъ Закревскаго находимъ переписку его съ Киселевымъ, Булгаковымъ и А. С. Меньшиковымъ, обнимающую время отъ 1814 до 1840 г. Интересны документы, относящіеся къ столкновенію Закревскаго съ финляндскимъ сенатомъ, въ бытность его финляндскимъ генералъ-губернаторомъ. Сенатъ дѣлалъ Государю донесеніе по поводу рѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ помимо финляндскаго Комитета въ Петербургѣ и говорилъ, что генералъ-губернаторъ не въ правѣ объявлять самъ собой Высочайшей воли и даже имѣть доступъ къ Государю по дѣламъ Финляндіи, такъ какъ это есть дѣло статсъ-секретаря; на это Закревскій разъяснилъ, что упорство финляндскаго сената клонится къ тому, чтобы сдѣлать генералъ-губернатора безгласнымъ и ничтожнымъ, поставивъ его въ зависимость „отъ составленной изъ ихъ-же соотчичей коммиссіи финляндскихъ дѣлъ“.

Характеристику нѣкоторыхъ „русскихъ“ дѣятелей первой половины XIX вѣка (см. 37 т. Архива Воронцова и 73 т. Сб. Русскаго Историч. Общ.) находимъ въ статьяхъ В. К. П. [286]), который разсказываетъ карьеру Закревскаго, М. С. Воронцова и П. М. Волконскаго и останавливается на перепискѣ послѣдняго съ Закревскимъ.

[280]) Пупаревъ, А, Ревизія сенатора Мясоѣдова и ея послѣдствія. Труды Орловск. Арх. Комм. Вып. I. 1891. (44—48).

[281]) Чоглоковъ, А. Изъ переписки гр. П. П. Сухтеленъ и его военно-ученыя замѣтки. Изв. Тамб. Арх. Комм. Вып. 33. (121—139).

[282]) Письма князя М. Л. Голенищева-Кутузова Смоленскаго къ его дочери П. М. Толстой. Р. А. 1891, 2 (302—303).

[283]) Юдинъ, П. Имп. Александръ I, въ Оренбургскомъ краѣ въ 1824 г. И. В. 1891, 9 (709—719). Изъ дѣлъ Оренбургскаго центральнаго архива *).

[284]) Архивъ князя Воронцова. Кн. 37-я. Москва, 1891. И. В. 1891, 3.

[285]) Сборн. Русск. Историч. Общ. Т. 78. СПб., 1891. XVI + 556. Частью этихъ матеріаловъ уже пользовался А. И. Заблоцкій въ его извѣстной біографіи Киселева.

[286]) В. К. П. Историческіе силуэты. И. В. 1891, 5, 6.

*) См. №№ 367—369, 375.

Авторъ отмѣчаетъ всеобщую ненависть къ нѣмцамъ и къ Аракчееву и приходитъ къ выводу, что все это были замѣчательные по своимъ талантамъ русскіе люди; всѣ они были того мнѣнія, что въ шагистикѣ и въ формальной красотѣ строя вовсе не заключается сила арміи, какъ это полагали нѣмцы, и съ ихъ голоса Николай I, горько заплатившій за эту роковую ошибку противъ народнаго духа въ 1855 г. „Но въ томъ то и бѣда, что ничто русское, ничто дѣйствительно образованное, честное и преданное монарху не можетъ имѣть голоса во время нѣмецкаго порабощенія Россіи".

Тутъ же нужно указать на воспоминанія Дибича [287]), въ которыхъ также находимъ характеристики разныхъ дѣятелей: Ермолова (о порученіи смѣнить Ермолова на Кавказѣ), М. С. Воронцова, Кочубея, Орлова, Волконскаго и др. Тутъ же находимъ рѣзкіе отзывы о декабристахъ. Дибичъ разсказываетъ, что уже въ Таганрогѣ, тотчасъ по смерти Государя, онъ, узнавъ по найденнымъ имъ бумагамъ о преступномъ замыслѣ, приступилъ къ истребленію его, не зная и не предвидя еще 14-го дек. Любопытно замѣчаніе генерала, что „книгопечатаніе—губительный деспотъ нашего времени; это—деспотъ разврата". Интересенъ также отзывъ объ Аракчеевѣ: „это рѣдкое и необычайное явленіе нашего вѣка можно было бы назвать великимъ мужемъ, если бы поступки его были всегда столь же справедливы и безкорыстны, какъ та вѣрность, съ которой онъ твердо исполняетъ волю и намѣреніе своего государя; онъ былъ государству болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ" [288]). Эти, сообщенныя Н. К. Шильдеромъ записки, были первопачально записаны на нѣмецкомъ языкѣ со словъ Дибича, бар. Тизенгаузеномъ, а затѣмъ переведены имъ на русскій языкъ и предназначались, какъ кажется, для Императора Николая I.

Интересныя данныя о настроеніи Петербургскаго общества и двора въ первые годы царствованія Николая мы находимъ въ воспоминаніяхъ генерала Герлаха, съ содержаніемъ которыхъ русскій читатель можетъ ознакомиться по изложенію Брикнера [289]). Генералъ-адъютантъ Герлахъ былъ въ очень близкихъ отношеніяхъ къ Фридриху Вильгельму IV и къ принцу Вильгельму. Первый томъ его воспоминаній обнимаетъ время отъ 1825 до 1852 года; сопровождая принца Вильгельма онъ былъ 4 раза въ Петербургѣ: въ 1826, 28, 32 и 34 гг., причемъ о послѣдней поѣздкѣ не имѣется данныхъ. Гер-

---

[287]) Тизенгаузенъ. Графъ И. И. Дибичъ-Забалканскій въ его разсказахъ. Р. С. 1891, 3, 4, 5.

[288]) Письма графа Аракчеева къ Ивану Антоновичу Пукалову. Р. А. 1891. 1 (130—144).

[289]) Брикнеръ, А. Русскій дворъ въ 1826—32 годахъ. И. В. 1891, 12 (783—795).

лахъ даетъ характеристики императоровъ Александра I и Николая I, и сообщаетъ кое-какія интересныя данныя о декабристахъ, слѣдствіе о которыхъ производилось какъ разъ во время перваго пребыванія Герлаха въ Петербургѣ: дворъ, какъ разсказываетъ онъ, былъ страшно возбужденъ и озабоченъ. Настроеніе Россіи представляется Герлаху очень неудовлетворительнымъ и онъ говоритъ, что „борьба, предстоящая внутри Россіи, опаснѣе войны въ долинахъ Балканскихъ горъ"; далѣе говорится о военныхъ поселеніяхъ, которыя Герлахъ видѣлъ и нашелъ отвратительными, объ Аракчеевѣ; много разсужденій встрѣчается о вліяніи и значеніи иностранцевъ для Россіи.

О русскомъ же дворѣ мы имѣемъ переводы двухъ, не новыхъ уже, правда, сообщеній иностранцевъ, относящихся къ 1839 г.: Де-Кюстина и Гагерна.

Де-Кюстинъ [290]) начинаетъ описаніемъ личности наслѣдника, котораго встрѣтилъ въ Эмсѣ, описываетъ затѣмъ поѣздку въ Петербургъ моремъ, самый Петербургъ, личность Николая Павловича. Мы встрѣчаемъ у него много интересныхъ замѣчаній. „У русскихъ, говоритъ онъ, есть названіе всего, но нѣтъ самихъ вещей: они богаты лишь рекламами, у нихъ есть только этикетки, но нѣтъ докторовъ". Интересно замѣчаніе, что „между Франціей и Россіей стоитъ Китайская стѣна: славянскій языкъ и характеръ. Вопреки всѣмъ притязаніямъ русскихъ, порожденнымъ Петромъ Великимъ, Сибирь начинается отъ Вислы... Я предпочитаю Азію: тамъ больше гармоніи". При этомъ авторъ восхищается величественною личностью Николая I. Интересно также разсужденіе автора о крѣпостномъ правѣ.

Гагернъ [291]) также сообщаетъ много интересныхъ слуховъ. Онъ даетъ рядъ характеристикъ (Ермолова, Меньшикова), описываетъ пребываніе въ Москвѣ, характеризуетъ русское войско, разсказываетъ о неожиданномъ отъѣздѣ Николая изъ Москвы, вслѣдствіе происшествія въ корпусѣ Гейсмара, или болѣзни императрицы. „Прощай Петербургъ и Россія, пишетъ Гагернъ по отъѣздѣ въ Варшаву, я не чувствую ни малѣйшаго желанія увидѣть васъ вновь". Много разсужденій мы встрѣчаемъ объ отношеніяхъ къ Польшѣ и о Кавказскихъ дѣлахъ. Въ концѣ слѣдуетъ описаніе пребыванія въ Варшавѣ, маневровъ, характеристики Паскевича и Горчакова, характеристики педантизма вахтъ-парадовъ и военной выправки.

---

[290]) Кюстинъ. Россія и Русскій дворъ въ 1839 г. (La Rusie en 1839. Paris, 1844). Р. С. 1891, 1, 2. См. замѣтку о Кюстинѣ. (Н. К. Шильдера) въ Р. С. 1886, т. 51, стр. 21—22.

[291]) Гагернъ. Россія и Русскій Дворъ въ 1839 г. Р. С. 1891, 1. 1—38. Начало Р. С. 1886 г., т. 51, стр. 21—54, 1890 г., т. LXV, стр. 321—339.

Изъ событій Николаевскаго царствованія много матеріаловъ имѣется для исторіи войны на Кавказѣ въ 1827 и слѣд. годахъ.

Въ IV-мъ томѣ сочиненія князя Щербатова [292]) описываются событія Персидской войны отъ октября 1827 г. до конца 1831 года, послѣдствія паденія Эривани, занятіе Тавриды, Туркестантскій договоръ. Авторъ описываетъ положеніе Паскевича, разсказываетъ о перлюстраціи писемъ изъ кавказской арміи и о доносахъ на Паскевича; при дружбѣ Государя къ Паскевичу, любопытны эти „донесенія извѣстныхъ довѣренныхъ лицъ о Паскевичѣ", кторыя доводились до свѣдѣнія Государя черезъ Московскій почтамтъ. Далѣе описываются событія Турецкой войны, военныя дѣйствія на Кавказѣ, взятіе Эрзерума, дѣйствія противъ непокорныхъ горскихъ народовъ, гражданское управленіе и заботы графа о краѣ, причемъ отмѣчается его внимательное отношеніе къ нуждамъ населенія. Тутъ же авторъ отмѣчаетъ хорошее отношеніе Паскевича къ сосланнымъ на Кавказъ декабристамъ; нѣкоторымъ изъ нихъ графъ давалъ порученія и имѣлъ по этому поводу разныя непріятности. Тутъ же находимъ, наконецъ, нѣкоторыя новыя свѣдѣнія по дѣлу объ убійствѣ въ Тегеранѣ Грибоѣдова. Матеріалы, между которыми мы находимъ много депешъ Паскевича и писемъ имп. Николая, были извлечены авторомъ изъ военно-ученаго архива, архива азіатскаго департамента и сем. арх. Паскевича.

Записки Муравьева-Карскаго [293—294]) также касаются событій Персидской войны за вторую половину 1827 года. Въ нихъ мы имѣемъ наоборотъ очень рѣзкую критику дѣйствій Паскевича. Авторъ описываетъ взятіе Тавриды, во время котораго онъ былъ начальникомъ штаба у кн. Эристова.

Въ продолженіи записокъ Мохнацкаго [295]) описывается борьба между аристократической умѣренной партіей, „которая хотѣла Польши, установленной дипломатическимъ протоколомъ", хотѣла, чтобы Николай Павловичъ конституціонный царь Польши, воевалъ съ Николаемъ Павловичемъ, царемъ самодержавнымъ всея Россіи", которая хотѣла съ соизволенія русскаго правительства управлять возстаніемъ противъ Россіи, которая хотѣла наконецъ только конституціоннаго царства, съ управленіемъ болѣе независимымъ, чѣмъ прежде, и партіей революціонной, къ которой принадлежалъ Мохнацкій. Авторъ характеризуетъ

---

[292]) Щербатовъ, князь. Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность, т. III, Октябрь, 1827—Май 1831. СПб., 1891, 335 + 170. Р. В. 1891, 12.

[293]) Муравьевъ-Карскій. Р. А. 1891, 9, 10.

[294]) Николаи, Салтинскій походъ. Р. А. 1891, 6 (133—153).

[295]) Мохнацкій. Записки. (Польское восстаніе въ 1830—31 гг.). Р. С. 1891, 2, 3. См. Р. С., т. XLIII (1884), LXV (1890).

дѣятельность администраціоннаго совѣта, который началъ вооружать Польшу, чтобы оказаніемъ готовности къ защитѣ, придать вѣса тому, что онъ постановилъ выторговать для Надвислянской Польши въ Петербургѣ. Эта партія стояла за защиту народныхъ вольностей, а не за защиту давнихъ границъ. Авторъ описываетъ диктатуру Хлопицкаго и даетъ рѣзкую критику дѣятельности администраціоннаго совѣта.

Между цѣлымъ рядомъ сочиненій по исторіи быта и воспоминаній выдающагося можно отмѣтить очень мало.

Прежде всего необходимо указать на IV т. сочиненія Барсукова [296]) о Погодинѣ. Въ этомъ томѣ описаны событія отъ 1832 до начала 1837 г. т.-е. времени очень интереснаго въ исторіи русскаго просвѣщенія. Изъ новыхъ матеріаловъ особенно интересны характерныя письма Гоголя къ Погодину; много характернаго для Погодина, къ которому авторъ относится не совсѣмъ безпристрастно; тутъ же находимъ разныя выходки противъ Бѣлинскаго, много данныхъ встрѣчается для характеристики Уварова, Строганова, цензуры того времени; Барсуковъ между прочимъ описываетъ поѣздку Погодина заграницу, сношенія его съ славянскими учеными и отношенія къ Венелину, причемъ Погодинъ оправдывается противъ обвиненія въ эксплоататорствѣ.

Въ воспоминаніяхъ Берга [297]) описывается тамбовская и московская первыя гимназіи, затѣмъ характеризуется кружокъ славянофиловъ (Аксаковъ, Самаринъ, Кирѣевскій и др.), къ которымъ Бергъ примкнулъ. хотя даже „самыя одежды славянофиловъ были ему не по нутру" и отъ которыхъ сердце его было далеко; затѣмъ разсказывается о кружкѣ Глинки, вечерахъ Вельтмана, Растопчиной, о Соболевскомъ, Щербинѣ, Вигелѣ, о кружкѣ Н. Д. Павлова, причемъ передается исторія высылки его Закревскимъ изъ Москвы; довольна обширна замѣтка о Погодинѣ, котораго Бергъ защищаетъ противъ многочисленныхъ, разнообразныхъ нападокъ. Далѣе Бергъ разсказываетъ объ отъѣздѣ своемъ въ армію, въ Кишиневъ, о возвращеніи своемъ послѣ участія въ фр.-итал. кампаніи, о поѣздкѣ своей въ качествѣ корреспондента газеты „Наше Время" на Востокъ, жизнь въ Бейрутѣ, Іерусалимѣ и т. д.

Въ разсказахъ Колмакова [298]) интересно то, что относится къ характеристикѣ времени послѣ 1829: авторъ описываетъ батальонъ военныхъ кантонистовъ и характеризуетъ Петербургскій университетъ

---

[296]) Барсуковъ, Н. Жизнь и труды Погодина. Кн. IV. И. В. 1891, 7.

[297]) Бергъ, Н. В. Записки. Р. С. 1891, 2, 3. См. Р. С. LXV (1890).

[298]) Колмаковъ, И. М. Очерки и воспоминанія съ 1816 г. Р. С., 1891 4, 5, 6, 7.

конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ, разсказываетъ о профессорахъ университета и даетъ рядъ мелкихъ замѣтокъ о Пушкинѣ, Крыловѣ и анекдоты объ императорѣ Николаѣ I.

Для исторіи университета же любопытны воспоминанія Венюкова [299]), который былъ репетиторомъ въ Дворянскомъ полку и вольнослушателемъ Петербургскаго университета. Авторъ даетъ характеристики Норова, Мусина-Пушкина, Куторги, Калмыкова, Горлова, Никитенки и другихъ профессоровъ. У Миклашевскаго находимъ интересную характеристику системы воспитанія въ Дворянскомъ полку [300—301]), которое основывалось на тѣлесномъ наказаніи; тутъ же находимъ нѣсколько теплыхъ словъ о Киневичѣ и Ир. Ир. Введенскомъ.

Интересными чертами провинціальной жизни изобилуютъ разсказы Діева [302]), о борьбѣ его съ духовной администраціей (съ владыкой Владиміромъ), о доносахъ, клеветахъ, которымъ ему приходилось подвергаться. Интересны замѣтки объ Уваровѣ, Строгановѣ, Евг. Волховитиновѣ, Жуковскомъ, Муравьевѣ, которые такъ или иначе защищали Діева; авторъ разсказываетъ также о сношеніяхъ своихъ съ Павломъ Свиньинымъ и Погодинымъ. Воспоминанія изданы А. Титовымъ, который предпослалъ имъ небольшую біографію этого провинціальнаго дѣятеля, ученаго, сдѣлавшаго много для исторіи Костромской Старины.

Нѣкоторыя интересныя данныя находимъ въ напечатанныхъ выдержкахъ изъ дневника Бодянскаго [303—308]) (отъ апрѣля 1852 до апрѣля 1856); нѣкоторыя подробности объ исторіи съ книгой

---

[299]) Венюковъ, М. И. Воспоминанія (1852—1854 г.г.). Р. С. 1891, 1. Начало напечатано въ Р. С. 1886 г., т. 51, стр. 81—104.

[300]) Миклашевскій, А. М. Дворянскій полкъ въ 1840 гг. Р. С. 1891, 1 (111—125).

[301]) Н. П. Дворянскій полкъ въ воспоминаніяхъ одного изъ его воспитанниковъ. 2 сентября 1848 г. Р. С. 1891, 3.

[302]) Діевъ, М. Благодѣтели мои и моего рода (воспоминанія). 1794—1866). Р. А. 1891, 5 (61—89).

[303]) Бодянскій, Ө. Дневникъ. Сборникъ Общ. Любителей Россійской Словесности. 1891 г.

[304]) Письма П. И. Прейсса къ М. С. Куторгѣ, Срезневскому, К. Шафарику и друг. (1836—1846 г.г.). Живая Старина. 1891. Вып. 3/8.

[305]) Письма епископа Полоцкаго Смарагда къ И. Ө. Глушкову. (1834—35). Р. А. 1891, 3 (373—384).

[306]) Голицынъ. Бородино, Москва въ 1839. Р. С. 1891, 1 (104—110). (Описаніе открытія Бородинскаго памятника).

[307]) Шильдеръ, Н. Записка графа М. Н. Муравьева объ Австріи 1839—40). Р. В. 1891, 10, 12,

[308]) Панютинъ, Ө. С. Р. А. 1891, 5 (118—132).

Флетчера, разговоры по этому дѣлу графа С. Г. Строганова съ Николаемъ Павловичемъ, данныя о настроеніи общества въ годы Крымской войны, разсказъ о смерти и похоронахъ Грановскаго, которому Бодянскій не былъ другомъ, но котораго высоко цѣнилъ *).

Что касается послѣднихъ годовъ царствованія Николая I и первыхъ царствованія Александра II, то этому времени ежегодно посвящается рядъ работъ, воспоминаній, трактующихъ главнымъ образомъ объ исторіи разрыва нашего съ Европой и его послѣдствіяхъ.

Спеціально политикѣ имп. Николая [309]) въ восточномъ вопросѣ посвященъ отрывокъ изъ большой историко-политической записки, которая принадлежитъ будто бы человѣку, находившемуся всегда вблизи дипломатіи и которая, какъ говоритъ издатель отрывка, быть можетъ, будетъ напечатана цѣликомъ. Въ этомъ же отрывкѣ слѣдующимъ образомъ характеризуется политика Николая I: такъ какъ Европа желала неприкосновенности Турецкой имперіи, то Николай хотѣлъ согласовать интересы Россіи и Европы, взявъ охраненіе Турціи на себя, лишь бы Европа не вмѣшивалась въ его расчеты съ нею; но это было противорѣчіе, ибо, призывая одною рукою Европу къ соглашенію, онъ другою отстранилъ ее. Если Европа имѣла въ виду охраненіе Турціи, то именно противъ Россіи. Въ ожиданіи давленія и на Турцію, чтобы она признала опеку Россіи, и на Европу, была предпринята война 1828—29 гг., отъ которой Николай ждалъ гораздо большаго и навязана Турціи помощь противъ возставшаго Египта. И тутъ въ отношеніи къ Египетскому вопросу замѣтно противорѣчіе, такъ какъ Николай не желалъ вступать по существу въ разборъ отношеній султана къ пашѣ. Вмѣшательство Николая вызвало взрывъ негодованія въ Европѣ и Николай, понявъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать одинъ, рѣшилъ сблизиться сначала съ Австріей, а затѣмъ съ Англіей, на которую даже разсчитывалъ непосредственно передъ войной.

Выводъ изъ всего этого, что собственной инціативой Россія въ Турціи ничего сдѣлать не можетъ; это мы забыли въ 1877 г., за что и поплатились.

На основаніи частной переписки французскихъ дипломатовъ Тувенель [310]) разсказываетъ о переговорахъ, которые велись въ Петербургѣ и Константинополѣ съ 1852 по 1854 г. и закончились Крымской кампаніей, переговорахъ главнымъ образомъ по поводу вопроса объ обладаніи Палестинскими святынями.—Въ перепискѣ этой

*) См. №№ 376—398.

[309]) В. Ф. Восточная политика императора Николая I. И. В. 1891, 11 (346-358).

[310]) Thouvenel, Nicolas I et Napoléon III. Paris 1891.

мы находимъ также много замѣтокъ о личности и характерѣ имп. Николая I, о его политикѣ. Французскій посолъ въ Петербугѣ Кастельбажакъ отрицалъ, какъ извѣстно, воинственные замыслы императора. „Вѣрьте мнѣ, писалъ онъ между прочимъ, что въ этой обширной имперіи хватитъ работы на 3-хъ монарховъ, прежде, чѣмъ ей можно будетъ расширить свои предѣлы“ Тотъ же Кастельбажакъ считалъ Россію восточной страной, которую трудно отвлечь отъ Европы.

Самой борьбы съ Европой касаются замѣтки Васильчикова [311]), и Обнинскаго. Васильчиковъ былъ начальникомъ штаба Севастопольскаго гарнизона и въ воспоминаніяхъ своихъ, писанныхъ въ Москвѣ въ 1875—77 гг., даетъ очень рѣзкую критику нашихъ дѣйствій. Вся неудача, доказываетъ онъ, произошла, оттого, что силы наши были разбросаны, каждый боялся за себя и эгоистическій Петербургъ, который видѣлъ одного себя и забылъ о Россіи, сосредоточилъ по побережьямъ Балтійскаго моря сотни тысячъ солдатъ. Главнымъ же виновникомъ всѣхъ неудачъ былъ Паскевичъ, который боясь австрійцевъ и опасаясь постоянно за свое положеніе въ царствѣ Польскомъ, противился всякому усиленію крымской арміи и замедлялъ движеніе войскъ, предназначенныхъ къ отправкѣ въ Крымъ. Походъ въ дунайскія княжества не имѣлъ никакого смысла. Интересна критика дѣятельности Тотлебена.—Причина дальнѣйшихъ неудачъ нашихъ лежитъ въ личности Меньшикова, а главнымъ образомъ въ полнѣйшемъ отсутствіи плана и незнакомствѣ съ мѣстностью.—Интересно, что планъ мѣстности, у Инкерманскихъ высотъ, на которыхъ происходило сраженіе, былъ полученъ Меньшиковымъ па другой день послѣ сраженія; тутъ же авторъ описываетъ ссоры и дрязги между различными начальниками.

Обнинскій [312]), избранный въ 1855 г. начальникомъ Калужскаго ополченія, разсказываетъ о составленіи ополченій, во многихъ изъ которыхъ проявлялись возмущенія; авторъ сообщаетъ много интересныхъ данныхъ о военныхъ порядкахъ того и времени, поденно описываетъ весь походъ до Крыма, характеризуетъ отношеніе населенія къ ополченію и жизнь въ Бельбекскомъ лагерѣ. И тутъ мы находимъ страшно рѣзкіе отзывы о начальствующихъ лицахъ, которыя на вопросъ: „что новаго въ Севастополѣ“? отвѣчали: „ничего! а какія устрицы я тамъ ѣлъ“ [313]).

На основаніи дѣлъ Главнаго Арх. Мин. Ин. Дѣлъ — Письма

---

[311]) Васильчиковъ. Записки. Р. А. 1891, 6 (166—256).

[312]) Обнинскій, Н. Походныя записки 1855—56. Р. А. 1891, 11 (329—412)

[313]) Петровъ, А. Н. Русскіе дипломаты на Парижскомъ конгрессѣ 1856 г. И. В. 1891, 1, 2, 3.

и донесенія русскихъ представителей Бруннова и князя Орлова— Петровъ [313]) излагаетъ ходъ переговоровъ на Парижскихъ конференціяхъ гораздо подробнѣе, чѣмъ они изложены въ протоколахъ конференціи; очень интересны донесенія Орлова о его разговорахъ съ Наполеономъ, очень желавшимъ мира, главнымъ противникомъ котораго явилась Англія. Авторъ описываетъ ожесточенные споры изъ-за уступки Карса и измѣненіи границъ Бессарабіи; въ послѣднемъ вопросѣ, который чуть было не повелъ къ разрыву, Наполеонъ сталъ на сторону русскихъ уполномоченныхъ. Только благодаря Наполеону, Парижскій трактатъ не былъ тѣмъ, чѣмъ хотѣли его сдѣлать Англія и Австрія.

Изъ другихъ трудовъ отмѣтимъ нѣкоторые по Исторіи освобожденія крестьянъ и прежде всего 1-ю часть III тома труда Н. Семенова [314]), въ которую вошли матеріалы для исторіи третьяго періода занятій редакціонныхъ коммиссій, для исторіи окончанія разработки положенія—съ 8 апрѣля до начала іюня 1860 года.

Семеновъ же [315]) напечаталъ проектъ Манифеста 19 февраля, принадлежащій Ю. Ѳ. Самарину. Этотъ манифестъ, составленный при содѣйствіи Милютина, былъ уже набранъ, но отвергнутъ графомъ Панинымъ, который составленіе его поручилъ митрополиту Филарету, чего посланъ былъ въ Москву директоръ департамента Топильскій. Изъ писемъ послѣдняго мы узнаемъ, какъ отрицательно отнесся Филаретъ къ дѣлу освобожденія.

Тутъ же укажемъ на записку рязанскаго дѣятеля князя С. Волконскаго [316]), написанную тотчасъ же послѣ первыхъ рескриптовъ. Запиской этой намѣченъ разборъ двухъ положеній: окончательнаго и переходнаго, но авторъ останавливается па изложеніи только окончательнаго положенія.

Въ статьяхъ Велицына [317]) очень тенденціозныхъ, дѣятели освободительной реформы упрекаются въ пристрастіи, въ томъ, что они, ничего не понимая въ крестьянскомъ дѣлѣ, взялись за него.

Пономаревъ—мировой посредникъ [318]) 1861—1863 гг. разсказываетъ о цѣломъ рядѣ недоразумѣній въ отношеніяхъ помѣщиковъ и крестьянъ, о притѣсненіяхъ со стороны помѣщиковъ; онъ утверждаетъ,

---

[314]) Семеновъ, Н. „Освобожденіе Крестьянъ“. Т. III. Часть 1. Спб. 1891.

[315]) Семеновъ, Н. П. „Проекты манифеста 19 февраля 1861 г. „Русскій Вѣстникъ“. 1891, 6.

[316]) Волконскій, С. „Нѣкоторыя замѣчанія относительно улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ“. „Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи“, томъ VI. 1891.

[317]) „Коммиссіи по освобожденію крестьянъ“. „Русскій Вѣстникъ“ 1891, 3,9.

[318]) Пономаревъ, Н. К. „Воспоминаніе посредника перваго призыва 1861—1863 гг.). Р. С. 1891, 2. 303—328.

что случаи гуманнаго отношенія къ крестьянамъ—нѣкоторые изъ нихъ онъ приводитъ—были „крайне рѣдки". Мировой посредникъ былъ постоянно заподозрѣваемъ въ желаніи возстановить крестьянъ противъ помѣщиковъ. „Какъ ни былъ глубокъ и могучъ потокъ гуманныхъ идей", говоритъ Пономаревъ, „поддерживавшихъ возвышенное настроеніе трогательнаго великодушія, въ лучшей части тогдашняго общества и въ массѣ населенія еще живо было воспоминаніе о потерянномъ раѣ... міросозерцаніе крѣпостничества уживалось рядомъ съ истинною образованностью". Авторъ кончаетъ интереснымъ разсказомъ о столкновеніи своемъ съ губернскимъ присутствіемъ (харьковской губерніи), которое упразднило его участокъ; онъ указываетъ на то, что долженъ былъ уйти, какъ только столкнулся съ интересами крупнаго землевладѣнія. Эта характеристика „недостойной и утомительной" борьбы, которую приходилось выносить посредникамъ, очень любопытна.

Менѣе интересенъ разсказъ Дубельта [319]) о томъ, какъ ему приходилось возстановлять порядокъ и повиновеніе въ 14-ти имѣніяхъ ярославской губерніи; въ этихъ довольно безсодержательныхъ воспоминаніяхъ интересно утвержденіе автора, что ему ни разу не пришлось никого наказывать, что наказывать приходилось только тому, кто требовалъ безпрекословнаго повиновенія.

Заканчивая обзоръ литературы, мы, въ виду невозможности излагать цѣлый рядъ воспоминаній и большею частью мелкихъ работъ по исторіи XIX стол., должны ограничиться перечнемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ [363—448]). Въ этотъ перечень вошли и заглавія нѣкоторыхъ сочиненій и статей, которыя по случайному недосмотру не были упомянуты раньше [320—363 и 449—460]).

---

319) Дубельтъ, М. Л. „Изъ эпохи освобожденія крестьянъ". Р. С. 1891, 2, 3 (469—474).

320) Халанскій, М. Къ былинѣ про Дюка Степановича. Русск. Фил. Вѣстникъ. 1891, 4 (165—172).

321) Карнѣевъ, А. Вѣроятный источникъ „Слова о средѣ и пяткѣ". Ж. М. Н. Пр. 1891, 9 (160—175).

322) Вудде, Е. Ѳ. Изъ занятій по языку Лаврентьевскаго списка начальной лѣтописи. Филологическія Записки. Вып. III. 1891.

323) Чечулинъ, Н. Къ вопросу о населенности посадскаго двора въ XVII в. Ж. М. Н. Пр. 1891, 9 (18—29).

324) Николаевскій, Павелъ. Московскій печатный дворъ при патріархѣ Никонѣ. Христіанское Чтеніе. 1891, 7/8.

325) Неизданное Слово Святителя Димитрія Ростовскаго въ третью недѣлю по Св. Духѣ. Странникъ. 1891, 6/7 (210—216).

327) Стасовъ, В. В. Петръ Великій въ костюмѣ голландскаго рабочаго, въ августѣ 1697 г. Р. С. 1891, 10 (209—211).

328) Борисовъ, Л. Б. Къ исторіи Петровскихъ полковъ (по неизданнымъ документамъ). Р. В. 1891, 11 (251—263).

339) Три письма къ царю Петру отъ бывшаго учителя Н. М. Зотова (1709). Р. А. 1891, 7 (293—294).

340) Письма Тихона, митрополита Казанскаго къ царю Петру Алексѣевичу (1718). Р. А. 1891, 7 (295—296).

341) Шаталовъ, Ив. Письмо гетмана Мазепы Александру Даниловичу Меншикову 1704. Р. С. 1891, 5.

342) Струковъ, Д. П. Первый японецъ въ Россіи, въ 1701—1710 г. Р. С. 1891, 11.

343) Царица-инокиня Евдокія Лопухина (1716). Сообщ. В. А. Тихонравовъ. Р. С. 1891, 8 (402—403).

344) Гоздавъ-Голомбіенскій, А. Нѣкоторыя свѣдѣнія объ архіепископѣ Питиримѣ (1736—1738). Дѣйств. Ниж. Арх. Комм. Вып. II.

345) Оглоблинъ, К. Голодъ въ Нижегородской губ. въ 1754—1755 г. И. В. 1891, 12 (847—851).

346) Струкгофъ, Д. Мих. Вас. Ломоносовъ 1746. Р. С. 1891, 9 (617—620).

347) Струковъ, Д. П. Придворные маскарады въ 1751 г. Р. С. 1891, 10 (220—221).

348) Екатерина Великая о единоторжіи. Р. А. 1891, 12.

349) Жизнь Ефима Петровича Чемесова 1735—1801. Записка для памяти. Сообщилъ С. А. Панчулидзевъ. Р. С. 1891, 10 (1—10).

350) Челобитная крестьянина Говорухина ген.-губернатору Беклешову (между 1701—1796). Съ предисл. П. Симсона. Р. А. 1891, 7 (298—302).

351) Князь Мих. Мих. Щербатовъ. Письма его къ Я. Я. и П. Я. Штелинымъ 1775—1785 гг. Р. С. 1891, 11. (465—469).

352) Матвѣевъ, А. А. Графъ А. Г. Орловъ-Чесменскій въ его хозяйствѣ 1779. Р. А. 1891, 10. (258—264).

354) Письма и указы Екатерины Великой къ Сибирскому губернатору Д. И. Чичерину. Р. А. 1891, 5. (6—13).

355) Правительственные пріемы Имп. Екатерины Великой. (Изъ письма В. С. Попова къ Имп. Александру Павловичу). Р. А. 1891, 4. 5.

356) Изъ промеморіи Голштинскаго принца Георга. (Писано вскорѣ по воцареніи Екатерины Великой). Р. А. 1891, 7.

357) Леонтьевъ, К. Н. Разсказъ моей матери объ Императрицѣ Маріи Өеодоровнѣ. Русскій Вѣстникъ. 1891, 4 (77—104).

358) Письма архіепископа Георгія Конисскаго къ архим. Платону. Сообщ. гр. Мих. Толстой. Душеполезное Чтеніе, № 10.

359) Письмо Платона, митрополита Московскаго къ Георгію Конисскому. Сообщ. гр. Мих. Толстой. Душеполезное Чтеніе, № 10 (191—192).

360) Анучинъ, Д. Столѣтіе „Писемъ Русскаго Путешественника“. Р. М. 1891, 7, 8.

361) Шумигорскій, Е. Имп. Марія Өеодоровна. Р. А. 1891. (Содержаніе этого труда было изложено въ Обзорѣ Литературы за 1892 г., когда онъ вышелъ отдѣльнымъ оттискомъ.

362) Письмо Имп. Маріи Өеодоровны и Имп. Александра Павловича къ мин. Иностранныхъ Дѣлъ барону Будбергу о неприкосновенности приданаго Россійскихъ великихъ княженъ. Р. А. 1891, 12 (578—582).

364) Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ въ 1796—1797 гг. Сообщ. А. И. Макшеевъ. Р. С. 1891, 8. (404—407).

[365]) Струковъ, Д. П. Письмо гр. А. А. Аракчеева ген.-маіору Ив. Терентьевичу Спазину 1803. Р. С. 1891, 10.

[366]) Письмо графини Р. С. Эдлингъ къ графу И. А. Каподистріи. Р. А. 1891, 11. (419—423).

[367]) Судъ и сдѣлка въ началѣ XIX вѣка. Рукописная Сатира 1807 г. Сообщилъ Н. С. Тихонравовъ. Р. С. 1891, 8. (408—410).

[368]) Образчики археологическихъ поисковъ канцлера графа Румянцова. (Два его письма къ Н. М. Зиновьеву). Русскій Архивъ. 1891, I.

[368]а) Полетаевъ, Н. Дополненія къ изслѣдованію: „Труды митрополита Кіевскаго Евгенія Болховитинова по Исторіи Русской церкви". Православный Собесѣдникъ. 1891, № 9. (84—100).

[369]) Н. В. Шугуровъ. Илья Өедоровичъ Тимковскій, педагогъ прошлаго времени. Кіевская Старина. 1891, № 8, 9 и 10.

[370]) Шильдеръ, Н. К. Письма пажа Наполеона I объ Эрфуртскомъ свиданіи. Р. В. 1891, 9. (315—322).

[371]) Тимофѣевъ, С. М. Описаніе, что происходило во время нашествія непріятеля въ Донскомъ монастырѣ 1812 г. Р. С. 1891, 10. (265—269).

[372]) Наполеонъ о пожарѣ Москвы 1812 г. Р. А. 1891, 2. 301.

[374]) Beer, A. Die deutsche Politik des Fürsten Schwarzenberg bis zu den Dresdener Konferenzen. Historisches Taschenbuch. 1891.

[375]) Шильдеръ, Н. К. Изъ переписки Цесаревича Константина Павловича и ген.-адъют. Сипягина. Русскій Вѣстникъ. 1891, XII. (355—363).

[376]) Къ біографіи фельдмаршала князя Паскевича. Р. А. 1891, 10. (270—274).

[377]) В. К. Кюхельбекеръ. Дневникъ 1837—1845. (Продолженіе). Р. С. 1891, 10. (61—122).

[378]) Россійское купечество на обѣдѣ у Имп. Николая Павловича 1833. Р. А. 1891, 12.

[379]) Захарьинъ, И. Н. Зимній походъ въ Хиву 1839 г. Р. А. 1891, 4. (513—598).

[380]) Елисеевъ, Г. Изъ далекаго прошлаго двухъ академій. По поводу смерти проф. каз. дух. акад. И. Я. Порфирьева. В. Е. 1891, I. (282—312).

[381]) Резолюція Моск. митрополита Филарета. Душеполезн. Чтеніе. 2, 3, 4, 8, 11. (488—497).

[382]) Письма Московскаго митрополита Филарета. Душеполезн. Чтеніе. 2, 3, 4, 8, 11.

[383]) Письма митрополита Филарета къ Ө. Я. Ренникскому. 1828—1842. Р. А. 1891, 2. (285—288).

[384]) Письма митрополита Московскаго Филарета, хранящіяся въ Импер. Публ. Библіотекѣ. С.-Петербургъ, 1891. 77 стр.

[385]) Корсунскій, И. Московскій періодъ (1821—1867) проповѣдническoй дѣятельности митрополита Филарета. Вѣра и Разумъ. 1891, № 13, 14.

[386]) Григорій, Архим. Къ воспоминаніямъ о Московскомъ митрополитѣ Филаретѣ. Душеполезное Чтеніе. 1891, 12. (603—604).

[387]) Лащенковъ. Воспоминаніе о Филаретѣ. Харьковскій Сборникъ. Вып. V.

[388]) Галаховъ, А. Д. О М. П. Погодинѣ. Р. В. 1891, 4, 5. (По поводу труда Барсукова).

[389]) Изъ переписки недавнихъ дѣятелей. Матеріалы для Исторіи русскаго общества. Русская Мысль. 1891, 68.

---

[390]) Неизданныя письма В. Г. Бѣлинскаго къ А. И. Герцену Р. М. 1891, 1. (1—25).

[391]) Вохинъ, Н. В., ген.-маіоръ. Записки (1790 + 1853). Р. С. 1891, 3. (547—565).

[392]) Евреиновъ, М. М. Памятныя записки съ біографическимъ о немъ воспоминаніемъ графа М. В. Толстого. Р. А. 1891, 8. (405—426).

[393]) Терлецкій, Влад. Архим. Записки. 1808—1858. Р. С. 1891, 11.

[394]) Филевичъ, И. Вопросъ о возсоединеніи западно-русскихъ уніатовъ въ его новѣйшей постановкѣ. Варш. Унив. Изв. 1891, 7. (1—31). Критика труда П. Бобровскаго.

[395]) Письма епископа Полоцкаго Смарагда къ князю П. П. Хованскому. (1833—35). Р. А. 1891, 8. (427—440).

[396]) Щербачевъ, Г. Воспоминанія. Р. А. 1891, 1, 2.

[397]) Здекауеръ, Н. Ѳ. Имп. медико-хирургическая академія въ 1833—1863 гг. Р. С. 1891, 4, 5.

[398]) Іорданъ, Ѳ. И. Записки 1880—1883. Р. С. 1891, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12.

[399]) Никитенко, А. Дневникъ. (Продолженіе съ 1862 г.). Р. С. 1891, ч. необозн.

[400]) Валуевъ, Н. А., графъ. Дневникъ. Р. С. 1891, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11.

[401]) Изъ писемъ графа П. А. Валуева къ А. В. Головнину (1878—1886). Сообщ. графъ Н. П. Валуевъ. Р. В. 1891, 12. (368—381).

[402]) Ст—къ, Я. Валуевская коммиссія. Р. М. 1891, 3, 4.

[403]) Шестаковъ, П. Д. Воспоминанія (Гр. Д. А. Толстой, какъ министръ Нар. Просвѣщенія). Р. С. 1891, 2. (387—405).

[404]) Фадѣевъ, А. Записки. Р. А. 1891, 2, 3.

[405]) Любарскій, И. Воспоминанія о Харьковскомъ университетѣ. И. В. 1891, 8. (373—393).

[406]) Буслаевъ, Ѳ. Мои воспоминанія. В. Е. 1891, 4.

[407]) П. А. Плетневъ и А. И. Никитенко (переписка 1856—1857 гг.). Р. С. 1891, 2. 431—448.

[408]) Зиссерманъ, А. Фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій. Р. А. 1891, 1, 2, 3.

[409]) Дубровинъ, Н. Изъ исторіи войны и владычества русскихъ на Кавказѣ. Военный Сборникъ. 1891, 3, 4, 5, 6.

[410]) Воспоминаніе о бомбардированіи Одессы въ 1854 г. княжны И. П. Репниной. Р. А. 1891, 11. (413—418).

[411]) Абакумовъ, Ф. И. Взятіе парохода „Тигръ“ 30 апрѣля 1854. Р. С. 1891, 11. (485—488).

[412]) Мильгофъ, Ѳ. Эпизодъ изъ исторіи Крымской войны. Р. А. 1891, 8. (496—500).

[413]) Le Saint. Les récits du capitaine. Crimée et Italie. Limoges. 1891. 240в.

[414]) Hamley, Ed. The war in the Crimea. London. 1891. 307в.

[415]) Коховскій, В. П. Дѣло 22 мая 1857 г. подъ Силистріей. Р. С. 1891, 8. 698—700. Исправленіе нѣкоторыхъ неточностей въ статьѣ Стренга „Русскіе на Дунаѣ и подъ Силистріей“. Р. С. 1890, 12.

[416]) Александренко, В. Изъ переписки княгини Ливенъ съ графомъ Греемъ. Варш. Унив. Изв. 1891, 4. (1—27).

[417]) Робушъ, М. Одинъ изъ русскихъ піонеровъ на далекомъ востокѣ. И. В. 1891, 12. (692—712).

[418]) Барсуковъ, И. Графъ Николай Ник. Муравьевъ-Амурскій. т. 1, 2. Москва. 1891. 5 р. 50 к. (Изложеніе труда Барсукова мы имѣемъ въ Ж. М. Н. Пр. (1891, 11), въ статьѣ Оксенова, и въ Р. Об. (1891. 6, 7), въ статьѣ Безобразова.

[419]) Барановъ, А. Е. На рѣкѣ Амурѣ въ 1854—55 гг. Воспоминаніе офицера изъ отряда Н. Н. Муравьева. Р. С. 1891, 8. (327—354).

[420]) Матвѣевъ, П. Записка князя В. А. Черкаскаго о Болгаріи. Русскій Вѣстникъ. 1891. 12. (301—315).

[421]) Къ исторіи освобожденія крестьянъ 1857—1861 гг. Р. С. 1891, 2. (491—500).

[422]) Листовскій, И. С. Къ исторіи раскрѣпощенія помѣщичьихъ крестьянъ. Р. А. 1891, 4. (509—512).

[423]) Колюпановъ, Н. Административное и судебное устройство Царства Польскаго отъ конституціи 1815 г. до реформы 1864 г. Ю. В. 1891, 8.

[424]) Гольцевъ, В. Судъ и печать. Законы о печати въ первую четверть существованія судебныхъ уставовъ 1864 года. Ю. В. 1891, 11. (317—325).

[425]) Сярковскій, Гилярій. Воспоминаніе офицера о туркостанскихъ походахъ 1864—65 гг. Военный Сборникъ. 1891, 2, 3.

[426]) Середа, Н. Изъ исторіи волненій въ Оренбургскомъ краѣ. Р. М. 1891, 7, 8, 10.

[427]) Старниковъ, Ф. Историческій очеркъ присоединенія къ Россіи Оренбургскаго края и участія въ этомъ мѣстн. казачества. Оренбургъ, 1891. 76 стр.

[428]) Елисѣевъ, А. Южно-Уссурійскій край и его русская колонизація. Р. В. 1891, 6, 8, 10.

[429]) Свирскій, Н. Русскій языкъ въ Финляндіи (1809—1890 г.). Р. Р. 1891, 9. (45—95).

[430]) Еленевъ, Ѳ. Финляндскій современный вопросъ по русскимъ и финляндскимъ источникамъ. Спб., 1891. 225 стр. 2 р.

[431]) Финляндская окраина Россіи. Сборникъ статей, и т. д. Вып. I, издалъ С. Петровскій. Москва, 1891, XXII + 635. 3.

[432]) М. Х. Вступленіе Грузіи въ составъ Россійской имперіи. Ю. В. 1891, 7, 8. (316—361).

[433]) Жудра, П. Казанскіе пожары 1863 г. (Отрывокъ изъ воспоминаній). И. В. 1891, 2. (414—434).

[434]) Жудра, И. Воспоминанія объ императорѣ Александрѣ II. Истор. Вѣстникъ, 1891. I, (204—209).

[435]) Остроглазовъ, И. Отроческое сочиненіе имп. Александра Николаевича. Р. А. 1891, 12. (613—614).

[437]) Бранцевъ, П. Польскій мятежъ 1863 г. Вильна, 1892. 263 стр. 1 р. 50 к.

[438]) Зиссерманъ, А. По дѣлу о Симбирскихъ пожарахъ 1864 г. Р. А. 1891, 9. (165—176).

[439]) Епанчинъ, Очеркъ дѣйствій западнаго отряда генералъ-адъютанта Гурко. Военный Сборникъ. 1891, 9, 10, 11, 12.

[440]) Нагловскій, Д. Передовой отрядъ. Въ послѣднюю турецкую войну. Р. В. 1891, 3.

[441]) Колюбакинъ, Н. Эриванскій отрядъ въ кампанію 1877 — 1878 гг. (статья десятая). Военный Сборникъ. 1891, 12.

[442]) Колокольцевъ, Д. Г., ген.-лейт. Воспоминанія бывшаго офицера Преображ. полка. Р. С. 1891, 3.

[443]) Пфейлитцеръ—Франкъ, баронъ. Дѣло у селенія Араварткана. 3-го іюня 1877 г. Военный Сборникъ, 1891, 5 (184—196).

[444]) Бестужевъ Рюминъ, К. Н. Влад. Павловичъ Титовъ (Некрологъ). Ж. М. Н. Пр. 1891, 12 (123—126).

[445]) Корсаковъ, Д. Архим. Леонидъ (Кавелинъ). Некрологъ. Ж. М. Н. Пр. 1891, 12. (126—146).

[446]) Бершадскій, С. М. О. Кояловичъ (Некрологъ). Ж. М. Н. Пр. 1891. 10.

[447]) Кирѣевъ, А. Россія и Славяне. Второй отвѣтъ Spectator'у. Р. О. 1891, 3 (214—227).

[448]) Милюковъ, П. Сергѣй Тимофеевичъ Аксаковъ (20 сент. 1791 и 20 сент. 1891 г.). Р. М. 1891, 9 (89—106).

[449]) Селивановъ, А. Къ вопросу объ основаніи города Переяславля-Рязанскаго, т. е. Рязани. Труды Ряз. Архив. Коммиссіи т. VI.

[450]) Микулинъ, И. Описи дѣлъ Рязанскаго историческаго Архива. Вып. III. Рязань, 1891. 1.

[451]) Сказаніе о родѣ князей Трубецкихъ. Москва, 1891. 372 стр.

[452]) Сукачевъ, В. П. Иркутскъ. Москва. 1891. Ж. М. Н. П. № 10.

[453]) Воробьевъ, О. Къ статьѣ о двухсотлѣтіи комедійнаго дѣла въ Россіи. Р. А. 1891, 12. 570/71.

[454]) Филевичъ, И. Къ вопросу о борьбѣ Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдіе. Ж. М. Н. Пр. 1891, 12 (318—342).

[455]) Барбашевъ, А. Очерки литовско-русской исторіи XV в. Витовтъ. Послѣднія двадцать лѣтъ княженія 1410—1430. Спб., 1891. 340 стр. 3 р.

[456]) Линниченко, И. Критическій обзоръ новѣйшей литературы по исторіи Галицкой Руси. Ж. М. Н. Пр. 1891, 5, 6, 7.

[457]) Иконниковъ, В. Губернскія ученыя архивныя Коммиссіи. (1884—1890). Кіевск. Унив. Изв. 1891, 12 (101—136).

[458]) Труворовъ, А. Отчетъ о дѣятельности ученыхъ архивныхъ коммиссій въ 1890 г. Р. А. 1891, 12 (583—606).

[459]) Венгеровъ, С. А. Критико-біографическій словарь (Бабаджано—Бензенгръ), т. II. Спб. 1891. 422 стр.

[460]) Энциклопедическій Словарь, т. V—IX (Банки—Вальтеръ). Спб. 1891.

Исторія Малороссіи.

Историографическія работы.—Исторія южной Руси въ XIII—XVII вв.—Правобережная Малороссія XVII — XVIII вв. — Лѣвобережная Малороссія или гетманщина.—Запорожье.—Слободская Украйна.

Отмѣтить важнѣйшія явленія русской исторической литературы за 1891 годъ въ области изученія прошлаго Малороссіи—такова цѣль нижеслѣдующихъ строчекъ. Прежде чѣмъ приступить къ выполненію своей задачи, мы хотѣли бы, однако, сдѣлать нѣсколько замѣчаній, которыя помогли бы и намъ, и случайному читателю нашихъ библіографическихъ очерковъ разобраться въ тѣхъ частныхъ явленіяхъ этой литературы, о какихъ придется вести рѣчь. За послѣднія десятилѣтія кругъ задачъ историческаго изученія Малороссіи замѣтно расширился: не только къ цѣлямъ изслѣдованія привлечено большое количество свѣжихъ источниковъ, частью вновь и открытыхъ, но на основаніи ихъ поставленъ и частью рѣшенъ цѣлый рядъ новыхъ вопросовъ, свидѣтельствующихъ о перемѣнѣ направленія исторической литературы. Отъ изслѣдованія фактовъ внѣшней исторіи она уходитъ все далѣе въ сторону изученія формъ народной жизни и ихъ постепенныхъ видоизмѣненій, раздвигая такимъ путемъ рамки своего матеріала и измѣняя характеръ своего содержанія. Мы не рѣшились бы однако сказать, чтобы въ этомъ направленіи нельзя было пожелать болѣе быстрыхъ успѣховъ. Несмотря на большое число вновь открытыхъ и отчасти эксплуатированныхъ отдѣльными изслѣдователями источниковъ, лишь немногіе изъ послѣднихъ появились еще въ печати, для другихъ же не имѣется даже сносныхъ описаній, не говорю уже, полнаго ихъ обзора. Мало того: возбужденный, повидимому, интересъ къ изученію внутренней жизни общества не мѣшаетъ по временамъ появляться въ печати извѣстіямъ о гибели то того, то дру-

гого провинціальнаго архива, расхищеннаго ли любителями, проданнаго на пуды въ мелочныя лавки или просто сгнившаго, наконецъ, отъ небрежнаго храненія. Причина подобныхъ явленій понятна: въ нашемъ обществѣ кругъ спеціалистовъ еще слишкомъ слабъ и немногочисленъ, чтобы имѣть возможность удовлетворять всѣмъ предъявляемымъ къ нему развитіемъ науки требованіямъ. Но это же обстоятельство весьма замѣтно отражается и на характерѣ литературы, посвященной разработкѣ вопросовъ, входящихъ въ кругъ вѣдѣнія малорусской исторіографіи. Между работами отдѣльныхъ ученыхъ существуетъ здѣсь очень мало связи. Хотя въ предѣлахъ старой Малороссіи и существуетъ въ настоящее время три историческихъ общества (два въ Кіевѣ: коммисія для изданія древнихъ памятниковъ и общество Нестора лѣтописца и одно—историкофилологическое общество—въ Харьковѣ), отдающихъ свои силы по преимуществу на изученіе родной старины, но и ихъ дѣятельность выражается почти исключительно въ обсужденіи результатовъ изысканій отдѣльныхъ членовъ, входящихъ въ ихъ составъ, и въ изданіи памятниковъ отдѣльными же членами; коллективныя предпріятія, если и задумывались въ этихъ обществахъ, терпѣли постоянную неудачу и врядъ ли въ этомъ можно видѣть простую случайность или результатъ однихъ внѣшнихъ условій *). Сколько намъ извѣстно, ни кіевское общество Нестора, ни харьковское историко-филологическое общество, объединяющія въ себѣ университетскія силы этихъ городовъ, не задавались мыслью о выработкѣ плана систематическаго описанія или изданія памятниковъ за тотъ или иной періодъ историческаго существованія Малороссіи, хотя такое описаніе представляется положительно необходимымъ въ виду разбросанности источниковъ и по той же причинѣ врядъ ли можетъ быть выполнено единичными силами какого-нибудь работника; тѣмъ менѣе могло итти рѣчи объ общемъ планѣ работъ по малорусской исторіи. При такихъ условіяхъ литература этой исторіи, взятая за небольшой промежутокъ времени, какъ въ данномъ случаѣ—за годъ, способна поразить наблюдателя своею пестротой и эпизодичностью. Не говоря уже о томъ, довольно естественномъ явленіи, что большинство работъ носитъ узко-спеціальный характеръ, представляя изъ себя изслѣдованіе отдѣльныхъ фактовъ, и лишь изрѣдка выходятъ труды, авторы которыхъ ставятъ себѣ задачу

---

*) См. рецензію Н. В. на V т. Чтеній въ Обществѣ Нестора Лѣтописца (Кіев. Старина, 1891, № 10) и статью Л. Нестроева (Историч. Обозр., т. II). Послѣднее время въ печать проникли свѣдѣнія о работахъ, ведущихся кіевскимъ кружкомъ молодыхъ ученыхъ подъ руководствомъ проф. Лучицкаго надъ хранящеюся въ мѣстномъ университетѣ Румянцовскою описью. Надо надѣяться, что эта попытка увѣнчается полнымъ успѣхомъ.

подвести итоги своихъ или чужихъ работъ подъ цѣлыми рядами крупныхъ вопросовъ, разрозненныя усилія отдѣльныхъ изслѣдователей направлены, повидимому, на самые различные предметы, лишены всякой связи между собою, и только пристальное наблюденіе позволяетъ открыть эту связь въ видѣ общаго направленія исторической мысли, но никакъ не въ видѣ общаго плана, который бы объединялъ сколько-нибудь значительную группу работниковъ.

Само собою разумѣется, что такое состояніе литературы не позволяетъ мечтать о слишкомъ широкихъ построеніяхъ. Она не выходитъ за предѣлы монографическихъ изслѣдованій, не даетъ цѣльныхъ картинъ жизни. Слѣдя за этою литературой, мы присутствуемъ при подготовительныхъ работахъ по постройкѣ зданія малорусской исторіи. Для однѣхъ частей его производятся еще только черновыя работы, подготовляются матеріалы, другія подвинуты далеко впередъ, но отношеніе различныхъ частей будущаго зданія еще не вполнѣ выяснено, даже общій планъ его постигается болѣе путемъ догадокъ и завершеніе его врядъ-ли намъ придется скоро увидѣть. Въ слѣдующихъ строкахъ мы и отмѣтимъ работы, подвинувшія эту постройку впередъ втеченіе 1891 года, причемъ, впрочемъ, не стѣсняясь строго хронологическими рамками, позволимъ себѣ напомнить и нѣкоторые труды, относящіеся къ 1890 году, но случайно не попавшіе въ составленный г. Враудо обзоръ литературы этого года.

Начиная свой обзоръ съ работъ по исторіографіи Малороссіи, мы должны прежде всего упомянуть книгу А. Н. Пыпина.[1]). Статьи, составившія этотъ трудъ, печатались авторомъ сперва въ „Вѣстникѣ Европы", но въ книгу онѣ вошли съ значительными дополненіями. Размѣры нашихъ замѣтокъ не позволяютъ намъ ни останавливаться сколько-нибудь подробно на оцѣнкѣ этого замѣчательнаго явленія нашей литературы, ни даже передать главнѣйшее его содержаніе и мы вынуждены ограничиться однимъ общимъ отзывомъ объ немъ. Поставивъ своею цѣлью исторію изученія малорусской этнографіи, авторъ начинаетъ свое изложеніе кн. Цертелевымъ, издавшимъ сборникъ малорусскихъ пѣсенъ въ 1819 г., и заканчиваетъ трудами нашихъ дней; работы галицко-русскихъ и польскихъ этнографовъ, посвящавшихъ свои силы этой темѣ, равнымъ образомъ нашли себѣ мѣсто въ его книгѣ (гл. IV, VIII и IX). При этомъ авторъ не только слѣдитъ

---

[1]) А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи, т. III. Этнографія малорусская. Спб. 1891 г., стр. VIII+425. „Ист. Вѣстн.", 1891, № 12, стр. 825—27, С. (короткій пересказъ общихъ положеній П.).

за постепеннымъ развитіемъ собственно этнографическихъ изслѣдованій, но, въ широкихъ размѣрахъ вводя въ свою книгу элементъ біографическій, отмѣчаетъ общія условія окружавшей ихъ атмосферы, научныя и общественныя понятія эпохи, равно какъ выясняетъ вліяніе роста этнографическаго изученія на историческіе, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, труды. Благодаря такой постановкѣ вопроса, книга его не только даетъ общую картину развитія науки, но и представляетъ рядъ любопытныхъ очерковъ изъ исторіи общественнаго сознанія. Съ этой точки зрѣнія нельзя не пожалѣть, что авторъ не счелъ удобнымъ вводить въ настоящій свой трудъ вопросъ объ украинофильствѣ, хотя мотивы такого рѣшенія и вполнѣ понятны. Мы считали бы также возможнымъ нѣсколько раздвинуть хронологическія рамки труда г. Пыпина: въ малорусскомъ обществѣ конца XVIII в. было не мало людей, обладавшихъ горячею любовью къ своей народности и вытекавшимъ отсюда сознаніемъ ея особенностей; хотя научныя стремленія этихъ людей обращались по преимуществу на исторію, но въ ихъ историческихъ трудахъ были черты, прямо роднившія ихъ съ позднѣйшими этнографическими изысканіями,' и было бы небезъинтересно подробнѣе выяснить это родство. Менѣе другихъ частей работы способна удовлетворить читателя послѣдняя глава книги, посвященная литературѣ послѣднихъ десятилѣтій, глава, въ которой авторъ, какъ бы подавленный обиліемъ литературы, даетъ болѣе библіографическихъ указаній, расположенныхъ при именахъ авторовъ, нежели характеристики ихъ направленія и оцѣнки значенія ихъ трудовъ.

Помимо этой книги, мы имѣемъ за 1891 годъ въ области малорусской исторіографіи лишь нѣсколько мелкихъ работъ. Въ замѣткѣ Н. В. [2]) передается содержаніе любопытной рукописи библіотеки А. М. Лазаревскаго п. з. „Героични стихи о славнихъ военнихъ дѣйствіяхъ войскъ запорожскихъ", написанной въ 1784 г., посвященной неизвѣстнымъ авторомъ кошу и носящей на себѣ явные слѣды польскаго литературнаго вліянія. Болѣе собственно историческаго интереса представляетъ статья А. М. Лазаревскаго [3]). На основаніи остатковъ бумагъ Гр. А. Полетики, пріобрѣтенныхъ В. В. Тарновскимъ, авторъ возстановляетъ родословную Полетикъ, а затѣмъ собираетъ данныя о Гр. А. Полетикѣ и его библіотекѣ, сообщая при этомъ нѣсколько писемъ къ послѣднему отъ разныхъ лицъ. Центромъ статьи, къ ко-

---

[2]) Н. В. Памятникъ украинской литературы конца XVIII вѣка. Кіевская Старина, 1891 г., № 1, стр. 154—161.

[3]) А. М. Лазаревскій. Отрывки изъ семейнаго архива Полетикъ. Кіевская Старина, 1891 г., № 4, стр. 97—116.

торому направлены всѣ эти данныя, служитъ доказательство, что Гр. А. Полетика былъ настоящимъ составителемъ приписанной Конисскому „Исторіи Руссовъ“ и что этотъ трудъ продолжалъ потомъ сынъ его, Василій, выводъ, къ какому авторъ приходитъ путемъ разбора данныхъ біографіи Полетики и анализа самого труда. Полетика писалъ именно, по свидѣтельству его сына, исторію Малороссіи, которая однако не сохранилась; съ другой стороны, въ „Исторіи Руссовъ“, вопреки всѣмъ историческимъ даннымъ, обѣляется память гетмана Многогрѣшнаго, родственника Полетики въ восходящей линіи. Не считая своего положенія вполнѣ доказаннымъ, авторъ видитъ въ немъ лишь весьма вѣроятную догадку. Мы позволимъ себѣ здѣсь выйти изъ хронологическихъ рамокъ своего обзора, чтобы отмѣтить вызванные этой статьею другіе труды. Почти два года спустя г. Горленко [4]), издавая переписку нѣкоторыхъ малорусскихъ дѣятелей начала XIX вѣка, попытался на основаніи свидѣтельствъ Вас. Гр. Полетики о занятіяхъ его малорусской исторіей перенести на него и все авторство „Исторіи Руссовъ“; предположеніе это остается однако мало доказаннымъ и главный интересъ статьи г. Горленка заключается въ собранныхъ имъ данныхъ по литературной исторіи знаменитаго памфлета. Г. Майковъ [5]), пересказывая содержаніе двухъ предъидущихъ статей, дѣлаетъ нѣкоторыя мелкія дополненія къ этой литературной исторіи.

Остальные моменты малорусской исторіографіи въ литературѣ 1891 года представлены лишь нѣкоторыми матеріалами. Таково напечатанное г. Багалѣемъ письмо Ходаковскаго къ попечителю Харьковскаго учебнаго округа Карнѣеву отъ 18 іюня 1819 г. [6]), представляющее программу вопросовъ, на которые желалъ получить отвѣтъ Ходаковскій въ интересахъ своихъ ученыхъ розысканій; таково письмо Н. И. Костомарова (отъ 23 сентября 1877 г.) къ А. М. Лазаревскому [7]), ясно свидѣтельствующее о живомъ интересѣ покойнаго историка къ внутренней исторіи Малороссіи и о сознаніи имъ недостаточности въ этомъ смыслѣ имѣвшихся у него подъ рукой источниковъ. Таковы, наконецъ, мало содержательныя, впрочемъ, воспоминанія о Костома-

---

[4]) В. Горленко. Къ исторіи южно-русскаго общества начала XIX вѣка. (Письма В. И. Чарныша, А. И. Чепы, В. Г. Полетики и замѣтки къ нимъ). Кіевская Старина, 1893 г., № 1, стр. 41—76, и отд.

[5]) Л. Майковъ. Къ вопросу объ „Исторіи Руссовъ“. Журн. М. Н. Пр., 1893 г., № 5 и отд., Спб., 1893, стр. 21.

[6]) Д. И. Багалѣй. Письмо Ходаковскаго къ З. Я. Карнѣеву отъ 18 іюня 1819 г. Кіевская Старина, 1891 г., № 6, стр. 469—475.

[7]) Письмо Н. И. Костомарова къ А. М. Лазаревскому. Кіевская Старина, 1891 г., № 9, стр. 478—9.

ровѣ Д. К. М. [8]), въ которыхъ представляетъ бо́льшій интересъ только разсказъ о встрѣчѣ Костомарова съ Н. И. Гулакомъ въ Тифлисѣ во время происходившаго тамъ археологическаго съѣзда. Статья г. Русова [9]) даетъ изложеніе главныхъ событій жизни Костомарова и общую характеристику его работъ, служа введеніемъ къ помѣщенному въ томъ же сборникѣ отрывку изъ автобіографіи Костомарова о пребываніи его въ Харьковѣ. Если прибавить еще написанный г Науменкомъ некрологъ Ал. Ал. Корсуна [10]), извѣстнаго издателя альманаха „Снипъ" и одного изъ первыхъ малорусскихъ этнографовъ эпохи украинскаго возрожденія, то мы и исчерпаемъ всю относящуюся сюда литературу.

Политическая исторія южной Руси съ момента перехода ея подъ польское владычество и за время существованія послѣдняго не была представлена въ 1891 г. какими-либо крупными трудами. Полемическая статья г. Филевича [11]) и критическія замѣтки г. Линниченка [12]) —вотъ и все, что вышло въ этой области. Статьи г. Линниченка, въ которыхъ онъ разбираетъ труды Лонгинова, частью Режабека, Горжицкаго, Брейтера и Губе, касаясь какъ политическихъ событій Галицкой Руси, такъ и ея судебныхъ и административныхъ, а частью и общественныхъ ея порядковъ, имѣютъ свою цѣну, но вмѣстѣ онѣ слишкомъ дробны, чтобы мы могли остановиться здѣсь на передачѣ ихъ содержанія. Пятнадцатому и шестнадцатому вѣкамъ въ исторіи Малороссіи посвящено обширное изслѣдованіе проф. Владимірскаго-Буданова [13]), являющееся продолженіемъ его же работы, вышедшей въ 1886 г. (Архивъ юго-зап. Россіи, ч. 7, т. I), и сопровождаемое изданіемъ большого количества цѣнныхъ по своему содержанію актовъ. Послѣдніе, охватывая собою время съ конца XV вѣка по 1664 г.,

---

[8]) Д. К. М. Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ. Кіевская Старина, 1891 г., № 7, стр. 75—84.

[9]) А. Русовъ. Костомаровъ въ Харьковѣ (по поводу автобіографіи Н. И. Костомарова). Харьковскій Сборникъ, вып. 5, 1891 г., стр. 1—20.

[10]) В. Науменко. Александръ Алексѣевичъ Корсунъ. Кіевская Старина. 1891 г., № 12, стр. 450—461.

[11]) И. Филевичъ. Къ вопросу о борьбѣ Польши и Литвы — Руси за галицко-владимірское наслѣдіе. Ж. М. Н. Пр., 1891 г., № 12, стр. 318—342.

[12]) И. Линниченко. Критическій обзоръ новѣйшей литературы по исторіи Галицкой Руси. Ж. М. Н. Пр., 1891 г., №№ 5, 6 и 7.

[13]) М. Ф. Владимірскій-Будановъ. Населеніе юго-западной Россіи отъ второй половины XV вѣка до Люблинской уніи. Архивъ Юго-Зап. Россіи, ч. 7, т. II, Акты о заселеніи юго-зап. Россіи. Кіевъ, 1890 г., стр. II+210+644. Кіевская Старина, 1892 г., № 10, стр. 131—156. В. М.

состоятъ изъ люстрацій и тарифовъ украинскихъ воеводствъ и инвентарей отдѣльныхъ имѣній; встрѣчаются также среди нихъ межевые акты, жалованныя грамоты и судебныя слѣдствія и рѣшенія. Взятые всѣ вмѣстѣ, эти акты даютъ много свѣдѣній по исторіи землевладѣнія и сословныхъ отношеній въ странѣ; въ частности по нимъ хорошо выясняется распространеніе козачества и исторія крестьянскихъ повинностей за этотъ періодъ времени. Издатель актовъ въ своемъ изслѣдованіи, служащемъ предисловіемъ къ нимъ, особенно воспользовался статистическими данными ихъ, которыя однако составляютъ едва-ли не самый слабый ихъ пунктъ, благодаря чему и выводы изслѣдователя оказались обставленными не особенно прочно. Въ первой главѣ своей работы авторъ разсматриваетъ политическія условія, сопровождавшія заселеніе южной Руси въ XV—XVI вв., и приходитъ къ выводу о полной безполезности для успѣховъ этого заселенія союза Литвы съ Польшей; во второй — характеризуетъ свои источники и собираетъ изъ нихъ свѣдѣнія о количествѣ населенія страны и степени успѣховъ колонизаціи, весьма, по его мнѣнію, низкой, если даже не фиктивной; въ третьей главѣ авторъ оцѣниваетъ практиковавшіеся польскимъ и литовскимъ правительствомъ способы колонизаціи, доказывая, что эти способы приводили къ ослабленію собственно правительственныхъ силъ, равно какъ ослабленію городскихъ общинъ, на пользу искусственно развивавшагося землевладѣльческаго класса; отъ правительственныхъ мѣръ авторъ переходитъ къ вольной или козацкой колонизаціи, даетъ характеристику, не особенно впрочемъ ясную, козачества и отношенія къ нему государства. Въ четвертой и послѣдней главѣ г. Будановъ опредѣляетъ направленіе колонизаціи и этнографическій составъ населенія южной Руси, которое по его наблюденіямъ оказывается почти сплошь русскимъ. Многіе пріемы автора способны однако возбудить сильное сомнѣніе насчетъ ихъ правильности. Сколько-нибудь подробная оцѣнка работы проф. Буданова далеко вывела бы насъ за рамки нашего очерка и потому мы только укажемъ на помѣщенную въ „Кіев. Старинѣ“ рецензію, дающую такую оцѣнку, и позволимъ себѣ выписать изъ нея общій отзывъ: „въ настоящемъ своемъ трудѣ г. Будановъ не столько слѣдитъ за происхожденіемъ и развитіемъ того или другого явленія, не столько задается вопросомъ о его причинахъ, сколько критикуетъ самое явленіе съ точки зрѣнія собственныхъ принциповъ и желаній. Такой пріемъ открываетъ широкую дорогу субъективизму, даетъ возможность переходить съ одной точки зрѣнія на другую и вводить въ изложеніе морализирующій элементъ, причемъ автору не удается уже сохранить и безпристрастіе, о которомъ онъ довольно часто упоминаетъ. Въ дальнѣйшемъ этотъ пріемъ обусловилъ собою и отношеніе автора

къ его источникамъ: исходя изъ заранѣе опредѣленныхъ требованій, онъ и источникамъ ставитъ не тѣ вопросы, какіе вытекаютъ изъ ихъ содержанія, а тѣ, какіе желательны ему въ его напередъ составленномъ построеніи. Благодаря этому, получилось то явленіе, что главные выводы автора пріурочены къ наиболѣе слабымъ пунктамъ источниковъ". Отмѣтимъ еще, что въ послѣднее время по одному изъ вопросовъ, возбужденныхъ изслѣдованіемъ проф. Буданова, именно о различіи между слугами и служками, высказался г. Линниченко. (Черты изъ исторіи сословій юго-зап. Руси XIV—XV вв., М. 1894 г. с. 67, прим.), признавъ защищаемое первымъ ученымъ мнѣніе о существованіи такого различія, хотя приводимые тутъ же самимъ г. Линниченкомъ тексты скорѣе, кажется, опровергаютъ это мнѣніе.

Немногимъ богаче представлена и бытовая исторія правобережной Малороссіи XVII — XVIII вв. Статья г. Левицкаго [14]) рисуетъ яркую картину одного изъ шляхетскихъ „наѣздовъ", совершеннаго въ 1648 г. епископомъ аргивенскимъ и суффраганомъ луцкимъ Николаемъ Красицкимъ; разсказъ, веденный въ полубеллетристической формѣ, часто употребляемой талантливымъ авторомъ, составленъ на основаніи актовыхъ книгъ Кіевск. Центр. Архива и богатъ бытовыми подробностями. Другая статья того же автора [15]) посвящена вопросу о воззрѣніяхъ малорусскаго народа на самоубійство и ихъ генезисѣ. Констатируя тотъ фактъ, что „въ малорусскомъ народѣ по настоящее время упорно удерживается крайне суровый взглядъ на самоубійство и сознаніе необходимости нѣкоторыхъ исключительныхъ обрядовъ погребенія самоубійцъ", авторъ склоненъ значительную долю этихъ воззрѣній приписать вліянію магдебургскаго права. Конечный свой выводъ онъ формулируетъ такими словами: „опредѣлить, сколько въ этихъ повѣрьяхъ своего, самобытно-народнаго, и сколько заимствованнаго — очень трудно; кажется, однако, что чужого здѣсь едва-ли не больше, чѣмъ своего". Иной области народной жизни, именно семейной, посвящена статья г. Е. С. [16]). Авторъ на основаніи декретовъ каменецкой уніатской консисторіи за 1737 — 1754 гг., хранящихся въ архивѣ Подольскаго епархіальнаго историко-статистическаго

[14]) Ор. И. Левицкій. Очерки стариннаго быта Волыни и Украйны. 8. Превелебный сватъ. Кіевская Старина, 1891 г., № 1, стр. 19—39, и № 2, стр. 269—280, и вошелъ въ отд. изданіе п. з. „Очерки стариннаго быта Волыни и Украйны", Кіевъ, 1891.

[15]) О. Левицкій. Старинныя воззрѣнія на самоубійство и отголосокъ ихъ въ народныхъ обычаяхъ Южной Руси. Кіевская Старина, 1891 г., № 12, стр. 345—60.

[16]) Е. С. Семейная жизнь въ Подоліи въ первой половинѣ прошлаго вѣка. Кіевская Старина, 1891 г., № 4, стр. 56—67.

комитета, констатируетъ фактъ частыхъ незаконныхъ или лишь гражданскихъ браковъ среди населенія Подоліи въ первой половинѣ XVIII вѣка. Причины этого явленія онъ находитъ въ традиціи обычнаго права и въ особенностяхъ внѣшняго положенія страны, обусловливавшихъ безпорядокъ ея внутреннихъ отношеній. Работа г. Шульгина [17]) отводитъ насъ въ иную сферу общественныхъ отношеній, трактуя о школѣ, существовавшей въ правобережной Украйнѣ XVIII в., и ея вліяніи на созданіе общественныхъ дѣятелей. Пытаясь опредѣлить, „какого рода вліяніе оказывали школы на своихъ питомцевъ", авторъ ищетъ слѣдовъ этого вліянія въ фактахъ біографій нѣсколькихъ лицъ, переданныхъ въ такъ наз. Кодненской книгѣ. Такъ какъ однако и факты эти довольно скудны, и связь ихъ съ школой ничѣмъ не установлена, то выводы автора являются произвольными, чтобъ не сказать насильственными, и главная цѣль его, на нашъ взглядъ, остается совершенно недостигнутой. Наконецъ отмѣтимъ еще имѣющій значеніе для исторіи административныхъ отношеній юго-зап. края въ нашемъ столѣтіи, живой и интересный, богатый комическими эпизодами, разсказъ О. Левицкаго [18]) о пожарахъ въ Кіевѣ и др. городахъ юго-зап. края въ 1811 — 12 гг. и о розыскахъ мнимыхъ поджигателей въ Кіевской губерніи; въ основаніе этого разсказа легли архивныя дѣла кіевск. губ. правленія и канцеляріи военнаго губернатора.

Упомянемъ еще о двухъ изданныхъ въ 1891 г. крупныхъ источникахъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ жизни правобережной Малороссіи и имѣющихъ совершенно различную цѣнность и значеніе. Изданное проф. Дашкевичемъ описаніе путешествія итальянца Эмилія д'Асколи въ 1634 г. [19]) даетъ между прочимъ нѣкоторыя свѣдѣнія о современныхъ путешественнику козакахъ и ихъ морскихъ походахъ. Въ другомъ кіевскомъ историческомъ органѣ печатались записки одного изъ небезъизвѣстныхъ польскихъ дѣятелей, Мих. Чайковскаго или Садыкъ-паши [20]). Помѣщенная за 1891 г. часть мемуаровъ заключаетъ въ себѣ разсказъ о дѣтствѣ и юности автора, объ общественной жизни поляковъ на Волыни и Подоліи въ 20-хъ годахъ

---

[17]) Я. Шульгинъ. Нѣсколько данныхъ о школахъ въ правобережной Украйнѣ въ половинѣ XVIII в. Кіевская Старина, 1891 г., № 7, стр. 97—118.

[18]) О. Левицкій. Тревожные годы. I. Пожарныя тревоги. Кіевская Старина. 1891 г., № 10, стр. 1—21 и № 11, стр. 169—194.

[19]) Н. П. Дашкевичъ. Описаніе Черноморья, составленное Эмиліемъ д'Асколи въ 1634 г. Чтенія въ Ист. Обществѣ Нестора лѣтописца. Кіевъ, 1891 г., т. V, стр. 172—182 и 3—46.

[20]) Записки Михаила Чайковскаго (Садыкъ-паши). Кіевская Старина, 1891 г., №№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 12.

нашего вѣка и о возстаніи здѣсь въ 1831 г. Все это представляетъ источникъ весьма мутный, что зависитъ и отъ чрезвычайно запутанныхъ и неясныхъ взглядовъ автора, свободно отожествляющаго, напр., шляхту съ козачествомъ, и отъ его ничѣмъ не обуздываемаго стремленія выставить себя въ почетной роли. Въ концѣ концовъ эти „записки“, которыя сама редакція „К. Ст.“ не нашла возможнымъ печатать въ полномъ видѣ, даютъ болѣе матеріала для изученія нѣкоторыхъ патологическихъ явленій въ исторіи польской интеллигенціи XIX столѣтія, чѣмъ для чего бы то ни было иного.

Едва ли не болѣе, чѣмъ исторія общественнаго быта правобережной Малороссіи, посчастливилось въ литературѣ 1891 г. исторіи мѣстной церкви. Г. Рыбинскій [21]) въ своей статьѣ изложилъ внѣшніе факты судебъ кіевской митрополіи за XIII—XVI вв., воспользовавшись существующей литературой и печатными источниками. Факты эти расположены у него по четыремъ рубрикамъ: 1) посѣщенія Кіева митрополитами и ихъ намѣстники здѣсь, 2) судьба Кіево-Софійскаго собора, 3) земельныя владѣнія кіевской каѳедры и 4) границы митрополичьей епархіи. Новаго эта работа не внесла съ собою въ литературу предмета, если не считать мало обоснованныхъ гипотезъ, которыми особенно богато изложеніе первой и второй части. Въ третьей сильно чувствуется недостатокъ рукописнаго матеріала, который помогъ бы автору освѣжить свое изложеніе. Къ вопросамъ, затрогиваемымъ въ этомъ трудѣ, имѣетъ отношеніе шестая глава книги г. Барбашева [22]), трактующая между прочимъ о поставленіи въ митрополиты Григорія Цамблака, но не дающая ничего новаго по этому вопросу. Болѣе важны напечатанные пр. Голубевымъ „Матеріалы для исторіи западно-русской церкви“ [23]), рядъ актовъ 1541—1639 гг., въ примѣчаніяхъ къ которымъ издатель возстановляетъ списокъ зап.-русскихъ іерарховъ и опредѣляетъ время проникновенія уніи въ Кіевъ, принимая за такое время 1596 г. Иначе, и съ меньшею, повидимому, вѣроятностью, рѣшаетъ тотъ же вопросъ О. Левицкій [24]), считая моментомъ водворенія уніи въ Кіевѣ 1604 г. По исторіи уніатской церкви въ XVII в. любопытную работу далъ г.

---

[21]) В. Рыбинскій. Кіевская митрополичья каѳедра съ половины XIII до конца XVI вѣка. Труды Кіевской Духовной Академіи. 1891 г., № 1, стр. 104—155, № 4, стр. 697—709 и № 5, стр. 11—40.

[22]) Барбашевъ, А. Очерки литовско-русской исторіи XV в. Витовтъ. Послѣднія двадцать лѣтъ княженія 1410—1430. Спб. 1891 г., стр. III+340.

[23]) С. Т. Голубевъ. Матеріалы для исторіи западно-русской церкви. Чтенія въ Ист. Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. V. Кіевъ, 1891 г., стр. 145—227.

[24]) О. И. Левицкій. Къ исторіи водворенія въ Кіевѣ уніи. Чтенія въ Ист. Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. V. Кіевъ, 1891 г., стр. 137—144.

Миронъ [25]). Положивъ въ основу своей статьи трудъ польскаго ученаго Лисевича (Walka o biskupstwo, epizod z dziejów kościoła wschodniego, Lwów, 1888). Миронъ дополнилъ ее самостоятельно, особенно въ той части, гдѣ идетъ рѣчь о сочиненіяхъ Шумлянскаго. Статья его не даетъ полнаго свода всѣхъ фактовъ жизни и дѣятельности Шумлянскаго; авторъ беретъ только важнѣйшіе изъ этихъ фактовъ и на основаніи ихъ создаетъ яркую характеристику своего героя, видя въ немъ типичнаго представителя духовенства той поры. Характеристика эта полна отрицательными чертами. „Несокрушимая энергія въ преслѣдованіи своей цѣли, шаткая нравственность, не пренебрегающая никакими средствами, ведущими къ назначенной цѣли, смѣсь рыцарской отваги, варварской жестокости и іезуитскаго лицемѣрія—вотъ самыя выдающіяся черты его (Шумлянскаго) характера", говоритъ авторъ. „Религіозные вопросы, продолжаетъ онъ, были для него только частью политики, а политика его была нескончаемымъ рядомъ обмановъ, лицемѣрія, хитростей и предательствъ. Его миролюбивыя клятвы обыкновенно опаснѣе, чѣмъ его наѣзды; даже самыя, повидимому, искреннія свои убѣжденія онъ готовъ былъ въ данный моментъ втоптать въ грязь, лишь бы достигнуть намѣченной цѣли". Однако авторъ отмѣчаетъ въ немъ и положительную черту—стремленіе поднять русскую уніатскую іерархію въ глазахъ польскаго правительства. Вторая часть статьи посвящена разбору произведеній Шумлянскаго и особенно его „Метрики", для которой авторъ даетъ подробное описаніе и изложеніе ея содержанія. Это произведеніе, по его словамъ, „указываетъ намъ коренную перемѣну понятій и направленій, какая втеченіе столѣтія произошла въ средѣ южно-русской интеллигенціи": „аскетическая простота, продолжаемъ словами г. Мирона, и презрѣніе ко всему мірскому смѣнились желаніемъ во что бы то ни стало сравняться съ панами и занять мѣсто въ ряду польскихъ привилегированныхъ классовъ". Но рядомъ съ этимъ „Метрика" имѣетъ „несравненно болѣе жизненности, теплоты и даже литературныхъ достоинствъ", чѣмъ подобныя ей галицко-русскія произведенія XIX вѣка, почему ей „должно быть отведено свое, хотя бы и скромное мѣсто въ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка". Не создавая такимъ образомъ новыхъ построеній, данная статья представляетъ вставленный въ рамки опредѣленной общей идеи пересказъ частныхъ фактовъ, изъ которыхъ многіе имѣютъ весь интересъ новизны. Исторіи отношеній между уніатами и православ-

---

[25]) Миронъ. Іосифъ Шумлянскій, послѣдній православный епископъ львовскій и его „Метрика". Кіевская Старина. 1891 г., № 6, стр. 337—62 и № 7, стр. 1—21.

ными въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій, когда совершалось возсоединеніе уніатовъ, касается статья г. Храневича [26]), представляющая разсказъ о борьбѣ крестьянской паствы и православныхъ священниковъ съ священниками уніатскими и помѣщичьей властью изъ-за церкви м. Славечни (Овручскаго уѣзда). Статья эта даетъ вмѣстѣ недурную, хотя очень частную, иллюстрацію отношеній помѣщиковъ къ крестьянамъ на почвѣ религіознаго вопроса въ указанное время.

Въ заключеніе этого отдѣла нашего обзора укажемъ еще двѣ статьи, относящіяся къ мѣстной археологіи. Г. Завитневичъ [27]) описалъ раскопки, произведенныя имъ въ 1890 г. на мѣстѣ лѣтописнаго городца подъ Кіевомъ и не давшія никакихъ существенныхъ результатовъ. Въ статьѣ г. О. Левицкаго [28]) сдѣлано описаніе современнаго, довольно печальнаго положенія архитектурныхъ древностей г. Луцка, причемъ авторъ касается и ихъ исторіи.

Гораздо богаче по содержанію и разнообразнѣе по темамъ литература, относящаяся къ исторіи лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв. На-ряду съ узко-спеціальными работами мы находимъ здѣсь и рядъ попытокъ охватить болѣе сложный матеріалъ, дать рѣшеніе весьма широкимъ вопросамъ.

Отмѣтимъ прежде всего старѣйшую изъ такихъ попытокъ въ видѣ статьи г. Сребницкаго [29]), случайно лишь попавшей въ литературу 1891 года. Эта статья, заключающая въ себѣ описаніе порядковъ церковныхъ братствъ и цеховъ лѣвобережной Малороссіи, теперь совершенно почти устарѣла (она была представлена въ качествѣ реферата на Казанскій археологическій съѣздъ въ 1877 г.), какъ по проводимой въ ней теоріи, такъ и по незначительному сравнительно съ извѣстнымъ въ настоящее время количеству фактовъ, положен-

---

[26]) В. Храневичъ. Обращеніе русской церкви въ латинскій костелъ (Эпизодъ изъ исторіи церковно-бытовыхъ отношеній между православіемъ и католичествомъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія). Кіевская Старина. 1891 г., № 12, стр. 391—412.

[27]) В. Завитневичъ. Замокъ кн. Семена Олельковича и лѣтописный Городецъ подъ Кіевомъ. Чтенія въ Ист. Общ. Нестора лѣтописца, кн. V, Кіевъ, 1891 г., стр. 134—141.

[28]) О. И. Левицкій. Луцкая старина. Чтенія въ Истор. Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. V. Кіевъ, 1891 г., стр. 54—90.

[29]) И. А. Сребницкій. Слѣды церковныхъ братствъ въ восточной Малороссіи. Труды 4-го археологическаго съѣзда въ Россіи, бывшаго въ Казани съ 31 іюля по 18 августа 1877 г. Томъ II. Казань, 1891 г., стр. 10—26. К. Стар., 1891, № 11, стр. 334—8, И. Каманина. Ж. М. Н. Пр., 1891, № 9, стр. 220—21.

ныхъ въ ея основу. Серьезнымъ недостаткомъ труда г. Сребницкаго является притомъ та его особенность, что, описывая сохранившіяся сельскія и городскія братства лѣвобережной Малороссіи, онъ не называетъ тѣхъ мѣстностей, о порядкахъ которыхъ идетъ у него рѣчь.

Появившаяся еще въ 1890 г, статья И. В. Лучицкаго [30]) о формахъ заимочнаго владѣнія въ Малороссіи случайно не попала въ помѣщенный въ Ист. Обозрѣніи г. Браудо обзоръ литературы за этотъ годъ. Между тѣмъ она, представляя изъ себя одно изъ наиболѣе оригинальныхъ и цѣнныхъ изслѣдованій въ области малорусской исторіи за послѣдніе годы, имѣетъ весьма серьезное значеніе и потому мы рѣшаемся восполнить здѣсь этотъ пробѣлъ, передавъ важнѣйшее ея содержаніе. Еще въ 1882 г. названный ученый впервые указывалъ на сохраняющіеся въ лѣвобережной Малороссіи явные слѣды существовавшаго здѣсь нѣкогда общиннаго землевладѣнія и пытался, на основаніи не особенно впрочемъ многочисленныхъ матеріаловъ, воспроизвести нѣкоторыя существенныя черты его исторіи. („Устои", № 7; „От. Записки", № 11). Продолжая свои занятія въ этомъ направленіи, онъ уже въ 1884 г. издалъ цѣлый сборникъ документовъ, касающихся общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Малороссіи XVII—XVIII вв. и извлеченныхъ изъ хранящейся въ библіотекѣ кіевскаго университета Румянцовской описи, а въ 1889 г. напечаталъ изслѣдованіе объ особомъ видѣ семейной общины въ Черниговщинѣ въ видѣ сябровъ и сябриннаго землевладѣнія („Сѣв. Вѣстникъ", №№ 1 и 2). Знакомство съ дѣлами бывшаго архива кіев. губ. правленія, переданными въ центр. кіев. архивъ, дало ему новый матеріалъ для наблюденій надъ исторіей общиннаго землевладѣнія въ XVII и XVIII вв. на югѣ лѣвобережной Малороссіи, въ Полтавщинѣ, и результаты своихъ изслѣдованій онъ изложилъ въ небольшой по объему, но крайне важной по содержанію и выводамъ статьѣ. Указавъ въ началѣ ея, что значительная часть поселеній лѣваго берега Днѣпра, и именно южной ихъ части, возникла вслѣдствіе колонизаціи, шедшей съ праваго берега, проф. Лучицкій различаетъ два вида этой послѣдней: владѣльческую и вольную или козацкую. Первая была основана на принципѣ личнаго землевладѣнія, вторая, производившаяся самимъ народомъ, объединеннымъ на правомъ берегу въ общинные союзы не только судебно-административнаго характера, какъ это было показано уже предъидущими изслѣдователями, но и поземельнаго, какъ доказываетъ нашъ авторъ, вносила съ собою начало общиннаго землевладѣнія. Это начало на правомъ берегу выражалось въ формѣ семейно-

---

[30]) И. Лучицкій. Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи, Юридическій Вѣстникъ. 1890 годъ, № 3, стр. 391—424.

общиннаго союза или сябринства, приводившаго къ долевому владѣнію соучастниковъ, или же чистой общины, „спулки", основанной на равномъ участіи всѣхъ ея членовъ въ общихъ угодіяхъ. Благодаря этому и заимка земель на лѣвомъ берегу „производилась либо общиною, либо сложною семьею, присвоивавшими себѣ въ полную и исключительную собственность иногда громадныя пространства пустопорожнихъ степныхъ и лѣсныхъ земель, въ собственность не того или другого члена общины, а всей общины или группы безраздѣльно", причемъ „право заимки опредѣлялось фактическимъ пользованіемъ ею для цѣлей пастьбы и самыя границы заимки совпадали съ тѣмъ, куда ходилъ на пастьбу скотъ всей общины"—положенія, доказанныя авторомъ путемъ сопоставленія цѣлаго ряда фактовъ. Характеризуя далѣе права общины на землю, находившуюся въ предѣлахъ ея заимки, права, выражавшіяся въ продажѣ земли, отводѣ ея посторонним лицамъ и членамъ общины, дозволеніи послѣднимъ совершать отдѣльныя заимки, авторъ указываетъ на существованіе рядомъ съ богатыми землей общинами значительнаго разряда лицъ безземельныхъ, пришлыхъ, которые могли получить землю только путемъ покупки или принятія ихъ вобщинный союзъ. Это обстоятельство вмѣстѣ съ никогда не исчезавшимъ началомъ личнаго землевладѣнія, должно было оказать разрушающее вліяніе на самыя общины. Въ послѣдней части своей статьи авторъ характеризуетъ правила, регулировавшія въ общинахъ пользованія землею и довольно разнообразныя. Онъ сводитъ ихъ къ тремъ формамъ: право пользованія трехлѣтняго, наслѣдственнаго, подъ условіемъ постояннаго пользованія, и права пользованія втеченіе одного лѣта, одной жатвы или косьбы, извѣстнаго еще подъ именемъ захватнаго и, несмотря на всю свою видимую неопредѣленность, подчинявшагося, однако опредѣленнымъ правиламъ. Новизна конструкціи, богатство фактическаго содержанія и широта взгляда автора, обусловленная возможностью аналогій съ формами землевладѣнія въ другихъ странахъ—таковы достоинства этой замѣчательной статьи, выведшей изъ мрака забвенія любопытные порядки малорусской земельной общины, самое существованіе которой еще недавно вполнѣ отрицалось.

Широкою темой отличается и статья г-жи Ефименко [31]), разбирающая судьбы малорусскаго дворянства отъ образованія независимой Малороссіи при Богданѣ Хмельницкомъ до сліянія малороссійскаго шляхетства съ общерусскимъ дворянскимъ сословіемъ. Живо написанная, статья эта представляетъ изъ себя не результаты само-

[31]) А. Ефименко. Малорусское дворянство и его судьба. Вѣстникъ Европы, 1891 г., № 8, стр. 515—69.

стоятельныхъ изысканій автора, а компиляцію, составленную почти исключительно по работамъ Лазаревскаго, причемъ составительница порою преувеличила отдѣльныя положенія этого ученаго. Въ образованіи малорусскаго шляхетства г-жа Ефименко отрицаетъ всякую роль и всякое вліяніе старой шляхты; это образованіе совершалось подъ вліяніемъ двухъ факторовъ, давленія соціальныхъ идей и культуры Польши и политическаго союза съ Москвой, зерномъ же новаго сословія послужилъ классъ войсковыхъ урядниковъ или старшины. Эта послѣдняя мысль, въ общемъ своемъ видѣ вѣрная, но не новая, выражена авторомъ въ крайне односторонней формѣ; знакомство съ нѣкоторыми изъ генеральныхъ слѣдствій о маетностяхъ (мы должны, впрочемъ, оговориться, что тогда эти слѣдствія еще не были напечатаны) могло бы показать г. Ефименко истинные размѣры уцѣлѣвшихъ въ гетманской Малороссіи шляхетскихъ владѣній и смягчить односторонность ея построенія. Далѣе авторъ разбираетъ ростъ земельныхъ богатствъ старшины, закрѣпощеніе ею крестьянства, ея стремленія къ пріобрѣтенію правъ русскаго дворянства и ея культурное отчужденіе отъ народной массы, во всѣхъ этихъ частяхъ своей работы почти не выходя изъ круга сообщенныхъ г. Лазаревскимъ фактовъ и вмѣстѣ допуская по временамъ болѣе или менѣе серьезныя ошибки.

Цѣнныя данныя по исторіи землевладѣнія и сословій даетъ еще книга пр. Багалѣя [82]), написанная по порученію Академіи Наукъ въ видѣ рецензіи на первый томъ „Описанія старой Малороссіи" Лазаревскаго. Не касаясь оцѣнки послѣдняго труда, производимой г. Багалѣемъ, мы отмѣтимъ здѣсь лишь важнѣйшія самостоятельныя части его работы. Свѣдѣнія о козацкомъ землевладѣніи въ Стародубовщинѣ въ началѣ XVII вѣка, основанныя на найденномъ авторомъ привилеѣ, кор. Сигизмунда 1625 г., о судьбахъ магистратскаго управленія въ XVII в. въ Стародубѣ и Новгородъ-Сѣверскѣ, причемъ для перваго изъ этихъ городовъ авторъ открылъ неизвѣстную раньше жалованную грамоту кор. Сигизмунда 1625 г., любопытное описаніе г. Погара въ 1767 г., исторія повинностей посполитыхъ Почепской волости за время владѣнія ею Меньшикова, описанія Шептаковской и Бакланской волостей въ разные моменты XVIII вѣка, описаніе свободныхъ войсковыхъ и ранговыхъ имѣній Стародубовскаго полка въ 1740 г., еще болѣе цѣнное описаніе ранговыхъ имѣній этого же полка и повинностей и землевладѣнія жившихъ въ нихъ посполитыхъ въ 1760—65 г.— таковы важнѣйшія данныя, извлеченныя авторомъ этого труда изъ архивовъ, и къ нимъ можно прибавить еще свѣдѣнія о раскольни-

---

[82]) Багалѣй, Д. И. Новый историкъ Малороссіи. Рецензія на книгу А. М. Лазаревскаго „Описаніе старой Малороссіи". Спб. 1891 г., стр. 148.

чьихъ слободахъ въ Стародубовщинѣ, во многомъ дополняющія исторію этихъ поселеній. Полная характеристика этихъ данныхъ не можетъ войти въ нашъ бѣглый очеркъ, тѣмъ болѣе, что самъ г. Багалѣй не подводитъ конечныхъ итоговъ подъ своими матеріалами, разсматривая ихъ по преимуществу, какъ дополненіе къ труду г. Лазаревскаго.

Переходя къ болѣе мелкимъ трудамъ, посвященнымъ тѣмъ же темамъ по исторіи землевладѣнія, сословныхъ отношеній и управленія гетманской Малороссіи, мы на первый планъ въ ряду ихъ должны поставить двѣ статьи А. М. Лазаревскаго. Первая изъ нихъ [33]) представляетъ чрезвычайно любопытный разсказъ о смѣнѣ полтавскихъ полковниковъ въ второй половинѣ XVII вѣка, основанный, помимо печатныхъ лѣтописей и актовъ на рукописныхъ протоколахъ полтавскаго полковаго суда XVII столѣтія. Сдѣлавъ въ началѣ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній о заселеніи Полтавщины въ этомъ вѣкѣ, авторъ характеризуетъ особенности управленія Полтавскаго полка, заключавшіяся въ большей независимости здѣшняго населенія отъ полковничьей власти, и пересказываетъ исторію смѣны мѣстныхъ полковниковъ, получающую въ такомъ освѣщеніи общій интересъ. Окончательные выводы автора таковы: „при свободномъ выборѣ полтавскіе полковники мѣняются очень часто, но персоналъ ихъ ограничивается всего 5—6 лицами изъ мѣстныхъ богачей и послѣдніе, интригуя изъ-за полковничьяго пернача другъ противъ друга, превращаютъ полчанъ-выборщиковъ въ послушное свое орудіе. Исторія частой мѣны полтавскихъ полковниковъ даетъ нѣкоторый матеріалъ для заключенія, что выборное начало въ старой Малороссіи при неограниченномъ участіи въ выборахъ „черни“ не могло долго держаться и должно было съ развитіемъ гетманской власти прекратиться“. Въ другой изъ упомянутыхъ статей [34]) авторъ рисуетъ рядъ картинъ изъ исторіи землевладѣнія и сословій лѣвобережной Малороссіи за XVIII вѣкъ, особенно подробно останавливаясь на двухъ темахъ: захватѣ маетностей старшиною и отношенія владѣльцевъ къ посполитымъ въ имѣніяхъ. Всѣ эти очерки относятся къ Полтавщинѣ и построены главнымъ образомъ на рукописномъ матеріалѣ библіотеки автора. По характеру матеріала и способу его передачи они близко примыкаютъ къ его же „Описанію старой Малороссіи“, а по дѣлаемымъ имъ здѣсь выводамъ къ „Малорусскимъ посполитымъ крестьянамъ“. Въ статьѣ г. Сторо-

---

[33]) Ал. М. Лазаревскій. Полтавщина въ XVII вѣкѣ, Кіевская Старина. 1891 г., № 9, стр. 357—74.

[34]) Ал. М. Лазаревскій. Изъ исторіи селъ и селянъ лѣвобережной Малороссіи. Кіевская Старина. 1891 г., № 1, стр. 1—18 и № 11, стр. 216—231.

женка [35]), являющейся, повидимому, лишь началомъ большой работы, мы находимъ общій историко-географическій очеркъ мѣстности нын. Переяславскаго уѣзда съ объясненіемъ названій рѣкъ и селъ. Г-нъ Моравскій [36]) далъ интересный очеркъ дѣятельности знаменитаго протопопа-сотника Лисовскаго, составленный на основаніи документовъ Моск. Архива Мин. Ин. Дѣлъ и дающій много новаго сравнительно съ прежней статьей о немъ г. Лазаревскаго. Этотъ очеркъ является яркимъ и характернымъ эпизодомъ изъ исторіи административныхъ отношеній края въ началѣ XVIII вѣка. Общая точка зрѣнія автора выясняется изъ слѣдующаго мѣста его работы: „Лисовскій былъ вполнѣ сыномъ своего времени. Постоянная коллизія, въ которой находились, съ одной стороны, то, что можно было бы назвать нормальнымъ политическимъ строемъ Малороссіи, и съ другой — фактическая сила, дѣйствовавшая на каждомъ шагу наперекоръ этому строю и во всякомъ случаѣ преслѣдовавшая цѣли, которыя стояли внѣ тѣснаго круга интересовъ присоединенной страны,—эта постоянная коллизія должна была дѣйствовать деморализующимъ образомъ на политическіе и общественные нравы старшины, создавая чрезвычайно удобную почву для дѣятельности людей, подобныхъ Лисовскому". Не отрицая существованія и серьезнаго значенія той коллизіи, о которой говоритъ авторъ, мы думаемъ однако, что онъ нѣсколько преувеличилъ ея важность въ ущербъ другимъ факторамъ. Если отбросить нѣкоторыя специфическія особенности біографіи Лисовскаго, въ родѣ его двоеженства, то похожихъ на него людей можно найти и въ XVII вѣкѣ, когда столь рѣзкаго антагонизма между властью московскаго царя и интересами малорусскаго поспольства еще не обнаруживалось. Стоитъ хотя бы сопоставить выводы упомянутой выше статьи Лазаревскаго о полтавскихъ полковникахъ съ только что приведеннымъ мѣстомъ, чтобы увидѣть его односторонность. Дѣло въ томъ, что политическіе и общественные нравы старшины въ гораздо большей степени, нежели дѣятельностью московскаго правительства, обусловливались ея собственнымъ соціально-экономическимъ положеніемъ, создавшимся независимо отъ этой дѣятельности. Передавая факты біографіи Лисовскаго, г. Моравскій дѣлаетъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній о самыхъ порядкахъ управленія, напр. объ общинномъ характерѣ куничнаго сбора, соотвѣтствующаго англійскому merchetum. Подобный этюдъ

---

[35]) А. Стороженко. Очерки Переяславщины. Кіевская Старина. 1891 г., № 11, стр. 195—215.

[36]) С. П. Моравскій. Өедоръ Лисовскій. 1709—1722. (Очеркъ изъ внутренней исторіи Малороссіи въ 1-ой пол. XVIII стол.). Кіевская Старина. 1891 г., № 9, стр 427—54 и № 10, стр. 22—57, и отд.

изъ исторіи козацкой старшины и ея землевладѣнія въ концѣ XVII— началѣ XVIII вѣка представляетъ написанный Н. Стороженкомъ [37]) біографическій очеркъ сотника пирятинскаго Семена Вакуленка. Авторъ его затрогиваетъ весьма важный вопросъ о происхожденіи экономическаго могущества старшины на почвѣ сельскаго хозяйства, именно мельницъ, но болѣе затрогиваетъ, нежели рѣшаетъ его, не располагая для послѣдняго достаточнымъ матеріаломъ, который далъ бы ему возможность точно обрисовать хотя бы выгоду, приносившуюся старшинѣ „млинами"; въ приложеніи къ этой статьѣ, болѣе важной по своему замыслу, чѣмъ по исполненію, напечатано нѣсколько документовъ. Г-жа Радакова [38]) пересказала одно дѣло Харьковскаго архива о поселеніи гетм. Апостоломъ слободы въ мглинской сотнѣ стародубовскаго полка, за р. Ипутью. Ничего новаго и характернаго нѣтъ однако въ сообщаемыхъ авторомъ частныхъ фактахъ. Общія точки зрѣнія на значеніе слободъ заимствованы ею у Лазаревскаго; выходя же за рамки своего непосредственнаго фактическаго матеріала, она впадаетъ въ весьма грубыя ошибки, утверждая, напр., что подсусѣдки не отбывали никакихъ повинностей въ пользу владѣльца. Для исторіи крестьянства подъ конецъ XVIII столѣтія важна статья г-жи Ефименко [39]), дающая основанный на матеріалахъ харьковскаго архива разсказъ объ убійствѣ крестьянами с. Турбаевъ своихъ помѣщиковъ Базилевскихъ въ 1789 г. Статья эта вызвала нѣсколько, не особенно существенныхъ, впрочемъ, дополненій, указанія на которыя мы помѣщаемъ здѣсь же. Въ моей статьѣ [40]) сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о хранящихся въ кіев. центр. архивѣ дѣлахъ по исторіи крестьянства за XVIII вѣкъ. Работа г. Плохинскаго [41]), посвященная обрисовкѣ бобровничьихъ и стрѣлецкихъ общинъ, представляетъ изъ

---

[37]) Н. В. Стороженко. Семенъ Вакуленко, сотникъ пирятинскій (1696—1720). Кіевская Старина. 1891 г., № 1, стр. 119—153.

[38]) Е. П. Радакова. Гетманъ Даніилъ Апостолъ въ роли колонизатора. Кіевская Старина. 1891 г., № 6, стр. 458—68.

[39]) А. Я. Ефименко. Турбаевская катастрофа. Кіевская Старина. 1891 г., № 3, стр. 373—401. Добавленія къ этой статьѣ: А. Е. (того-же автора): Къ Турбаевской катастрофѣ, К. Стар., 1891, № 3, с. 155—160. Стараго Прилучанина: Къ турбаевской катастрофѣ, К. Стар., 1891, № 5, с. 312—13 и Арк. Л—нко: Разсказъ о турбаевской катастрофѣ, ibid, № 9, с. 493—94.

[40]) В. А. Мякотинъ. Дѣла по исторіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ кіевскомъ центральномъ архивѣ. Кіевская Старина. 1891 г., № 2 стр. 300—14.

[41]) М. Плохинскій. Матеріалы для исторіи внутренней жизни лѣвобережной Украины. Бобровники. Стрѣльцы (съ приложеніемъ документовъ). Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, т. III. Харьковъ, 1891 г., стр. 29—155 и отдѣльно.

себя нѣчто среднее между изслѣдованіемъ и изданіемъ документовъ. Главную часть ея составляютъ извлеченные изъ Харьк. архива матеріалы, въ изданіи которыхъ можно бы пожелать нѣсколько болѣе тщательности. Въ введеніи къ нимъ авторъ добросовѣстно собралъ важнѣйшія свидѣтельства своихъ документовъ (далеко, замѣтимъ однако, не исчерпывающихъ существующаго по данному вопросу матеріала) о порядкахъ жизни бобровницкихъ и стрѣлецкихъ общинъ, отношеніи ихъ къ властямъ страны и значеніи ихъ промысловъ, но при этомъ общія его положенія страдаютъ большою неясностью, мѣшающей отчетливому представленію о рисуемыхъ имъ частныхъ порядкахъ. Такъ, говоря въ одномъ мѣстѣ своей работы о „слабости гетманской власти при Скоропадскомъ" сравнительно съ „мѣстнымъ правленіемъ", т.-е. полковой и сотенной старшиной, онъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ уже объ „усиленіи гетманской власти и деморализаціи полковничьей" при томъ же Скоропадскомъ и такимъ путемъ власть, бывшая для бобровниковъ слабой, для стрѣльцовъ оказывается сильной.

Отмѣтимъ еще важнѣйшіе матеріалы, служащіе къ уясненію исторіи землевладѣнія и сословныхъ отношеній. А. М. Лазаревскій [42]) напечаталъ принадлежащіе его библіотекѣ и весьма важные по содержанію документы, касающіеся монастырей Батуринскаго Крупецкаго, женскаго Новомлинскаго, Спасскаго Новгородъ-Сѣверскаго, Братскаго и Кіево-Печерской Лавры, ярко обрисовывающіе способы пріобрѣтенія монастырями земельной собственности и столкновенія ихъ на этой почвѣ съ другими сословіями и между собою. Довольно обстоятельный пересказъ ихъ и оцѣнка сдѣланы въ рецензіи на данный томъ „Чтеній общества Нестора" Н. В. (Кіевская Старина, 1891, № 10). Пр. Лучицкимъ [43]) изданъ, равнымъ образомъ изъ актовъ его библіотеки, любопытный документъ начала XVIII столѣтія, свидѣтельствующій о сильной задолженности козаковъ въ эту пору. Особый типъ посполитыхъ выводится въ изданныхъ г. Лазаревскимъ [44]) трехъ универсалахъ изъ числа 28-ми, найденныхъ имъ въ архивѣ Гр. П. Галагана, прилуцкаго полковника Игн. Галагана (два изъ нихъ 1716 г., одинъ 1719 г.), данныхъ разнымъ лицамъ, по догадкѣ издателя посполитымъ, съ освобожденіемъ ихъ отъ общенародныхъ повинностей

---

[42]) А. М. Лазаревскій. Акты по исторіи монастырскаго землевладѣнія въ Малороссіи (1636—1730 гг.). Чтенія въ Ист. Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. V. Кіевъ, 1891 г., стр. 49—92.

[43]) И. Лучицкій. Къ исторіи козачества въ началѣ XVIII в. Кіевская Старина. 1891 г., № 3, стр. 506—8.

[44]) А. Л. Полковничьи чиншевики. Кіевская Старина. 1891 г., № 4, стр. 161—3.

за чиншъ полковнику. Издатель ставитъ вопросъ, былъ ли это общій фактъ или спеціальное изобрѣтеніе полк. Горленка. Мы можемъ сказать, что упоминаніе о полковничьихъ чиншевикахъ имѣется и въ слѣдствіи, производившемся въ 1719 г. по жалобамъ прилуцкихъ полчанъ на притѣсненія полковника Игн. Галагана, причемъ полчане ставили въ вину послѣднему увеличеніе числа такихъ чиншевиковъ, какъ это видно изъ сохранившагося въ М. А. М. Ю. акта розыска. Тѣмъ же ученымъ напечатанъ [45]) любопытный по достовѣрности своихъ данныхъ списокъ находившихся во владѣніи старшины посполитскихъ дворовъ и млиновыхъ колъ для расположенія на нихъ 1000 р., поднесенныхъ оберъ-каморъ-фурьеру Полтавцеву 5 августа 1744 г. Для исторіи землевладѣнія имѣетъ значеніе по интереснымъ подробностямъ о способахъ владѣнія опись рыболовныхъ озеръ, находившихся въ гетманскихъ маетностяхъ при Разумовскомъ, напечатанная г. Плохинскимъ [46]). Наконецъ укажемъ еще здѣсь напечатанную г. А. Л. [47]) распредѣлительную запись имѣній гр. К. Разумовскаго между его сыновьями—два акта 1800 г., содержащіе въ себѣ перечисленіе всѣхъ малорусскихъ имѣній бывшаго гетмана.

Въ 1891 г. была окончена печатаніемъ въ К. Старинѣ и затѣмъ вышла отдѣльнымъ изданіемъ работа г. Теличенка [48]), посвященная изображенію жизни и желаній малорусскихъ сословій въ эпоху екатерининской коммиссіи. Такъ какъ о другихъ частяхъ ея упоминалось уже въ предъидущемъ обзорѣ, то здѣсь мы скажемъ только о тѣхъ отдѣлахъ, которые появились въ К. Старинѣ въ 1891 г. и заняты изложеніемъ положенія мѣщанства и козаковъ. Здѣсь мы находимъ тотъ же, что и въ другихъ частяхъ этого труда, узкій матеріалъ, сводящійся къ простой передачѣ наказовъ, причемъ дается рядъ частныхъ поправокъ къ мнѣніямъ прежнихъ изслѣдователей, особенно Авсѣенка и Латкина, и ту-же шаткость общихъ выводовъ, въ которыхъ авторъ въ концѣ-концовъ возвращается къ мнѣніямъ Костомарова, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ его матеріалъ и сужденія шире. Отмѣтимъ частныя его положенія. Неблагоустройство городовъ, вторженіе въ

---

[45]) А. Л. Число крестьянскихъ дворовъ, находившихся во владѣніи козацкой старшины въ половинѣ XVIII вѣка. Кіевская Старина. 1891 г., № 8, стр. 284—98.

[46]) М. Плохинскій. О гетманскихъ рыболовныхъ озерахъ. Сборникъ Харьк. Истор.-Фил. Общества. Харьковъ, 1891 г., стр. 328—31.

[47]) А. Л. Распредѣлительная запись имѣній гр. Кир. Гр. Разумовскаго между его сыновьями. Кіевская Старина. 1891 г., № 8, стр. 317—325.

[48]) Ив. В. Теличенко. Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху екатерининской коммиссіи, IV и V. Кіевская Старина. 1891 г., №№ 1 и 2, и отд. Кіевъ, 1891 г.

нихъ козацкой администраціи и права, нѣсколько преувеличенное авторомъ, тяжелыя повинности—вотъ намѣчаемыя имъ причины бѣдственнаго положенія городского сословія. Равенство обложенія, возстановленіе городского самоуправленія и торговыя и ремесленныя монополіи—таковы желанія мѣщанъ. Что касается положенія козацкаго сословія, которое авторъ изображаетъ какъ среднее между шляхетствомъ и посполитствомъ въ юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, то въ качествѣ причинъ обнищанія козаковъ онъ выдвигаетъ давленіе старшинъ, постойную, подводную и рабочую повинности и рублевый окладъ. Вліяніе всѣхъ этихъ условій на козацкое хозяйство остается у него однако невыясненнымъ и самый характеръ перечисленныхъ повинностей рисуется лишь въ очень общихъ чертахъ. Отмѣчая выраженное козаками въ наказахъ желаніе устраненія названныхъ порядковъ, авторъ въ число желаній сословія ставитъ еще свободу торговли и подтвержденіе вольнаго самоуправленія, оттѣняя видное мѣсто, занимаемое въ этой программѣ экономическими пожеланіями, сравнительно съ политическими и соціальными. Наконецъ онъ изображаетъ желанія Запорожья, выразившіяся въ требованіяхъ возвращенія кошу его границъ и вывода русскихъ войскъ съ его территоріи. Общій выводъ изъ своей работы г. Теличенко формулируетъ въ слѣд. словахъ: „Малороссія заявляла себя (въ наказахъ) не только какъ совокупность отдѣльныхъ сословій, но и какъ особый край, какъ особая часть Россійской имперіи. Нужды и желанія малороссіянъ были, помимо сословныхъ, еще и краевыя, съ политическимъ оттѣнкомъ". Происхожденіе и значеніе послѣдовавшихъ затѣмъ реформъ Екатерины, равно какъ отношеніе къ нимъ малорусскаго общества, онъ оцѣниваетъ извѣстными словами Костомарова изъ „Мазепы и мазепинцевъ".

По исторіи городовъ, кромѣ этого труда г. Теличенка и упомянутой раньше книги пр. Багалѣя, 1891 годъ далъ лишь нѣсколько мелкихъ статей и замѣтокъ. Статья г. Эйнгорна [49]) рисуетъ одинъ частный эпизодъ изъ исторіи городовъ въ XVII в., болѣе даже имѣя отношенія къ характеристикѣ московскихъ воеводъ, чѣмъ къ собственно малорусскимъ городскимъ порядкамъ. Авторъ разсказываетъ именно по документамъ М. А. М. Ю. столкновеніе Шереметьева съ нѣжинскимъ магистратомъ, настаивая на корыстолюбіи и подкупности даннаго воеводы. Болѣе интереса представляетъ статья А. А. Андріевскаго [50]). Дополняя статью того же автора: „Кіевскія смуты прош-

[49]) В. Эйнгорнъ. Кіевскій воевода П. В. Шереметевъ и нѣжинскій магистратъ (1666—1669 гг.). Кіевская Старина. 1891 г., № 11, стр. 246—58.

[50]) А. А. Андріевскій. Войтовство Ивана Сыченскаго въ Кіевѣ (1754—

лаго столѣтія" (К. Ст. 1886, № 12), она даетъ очеркъ любопытнаго въ исторіи Кіева времени, когда мѣстный магистратъ съ одной стороны отстаивалъ свою независимость отъ гетманскаго управленія, а съ другой—вступилъ въ борьбу съ назначеннымъ въ Кіевъ войтомъ— Сычевскимъ. Попутно авторъ сообщаетъ небезъинтересныя данныя о веденіи городского хозяйства. Къ сожалѣнію, статья слишкомъ мозаична и переполнена далеко не всегда характерными мелочами. Г. Николайчикъ въ своей книгѣ [51]) даетъ исторію г. Кременчуга. Добросовѣстный трудъ этотъ въ первыхъ своихъ частяхъ представляетъ мало интереса въ виду скудости источниковъ и вмѣстѣ малаго значенія Кременчуга въ старые періоды малорусской исторіи. Болѣе интересны послѣднія главы книги, посвященныя новѣйшей исторіи города. Въ приложеніяхъ авторъ зачѣмъ-то перепечаталъ статьи о Кременчугѣ изъ разныхъ справочныхъ изданій, энциклопедическихъ и географическихъ словарей, начиная Арандаренкомъ и Щекатовымъ и кончая Słownikiem Geograficznym. Упомянемъ еще объ одной книжкѣ, которая заглавіемъ своимъ можетъ ввести кого-нибудь въ заблужденіе [52]). Въ первой части своей она даетъ два-три сомнительныхъ анекдота, во второй—грубую и малограмотную защиту стараго суда, не имѣя по существу отношенія ни къ исторіи, ни къ Кременчугу. Если мы прибавимъ замѣтку г. А. А. [53]), изображающую нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ контрабанднаго провоза табаку за польскую границу кіевскими мѣщанами въ 50-хъ годахъ XVIII вѣка, то получимъ и всю, довольно-таки скудную, литературу этого года, касающуюся городовъ и городского сословія.

Особой группѣ населенія лѣвобережной Малороссіи посвящена статья И. М. Каманина [54]), въ которой авторъ попытался опредѣлить отношеніе польскаго и русскаго правительствъ къ евреямъ въ лѣвобережной Малороссіи. При этомъ авторъ не позаботился провѣрить достовѣрность своихъ нѣсколько сомнительныхъ источниковъ: онъ свободно ссылается на напечатанную нѣкогда въ К. Старинѣ (1883 г. № 1)

1766). Кіевская Старина, 1891 г., № 4, стр. 1—31, № 5, стр. 210—43 и № 6, стр. 384—422.

[51]) Ѳ. Д. Николайчикъ. Городъ Кременчукъ. Историческій очеркъ. Спб. 1891 г., стр. 217, К. Стар. 1891, №, 11, с. 333—4. Н. В.

[52]) Подгородній старожилъ (подпись, но на обложкѣ нѣтъ). Часть 1-я, Историческое описаніе гор. Кременчуга съ его уѣздомъ. Часть 2-я. Сравненіе прежняго судопроизводства съ современнымъ. Кременчугъ, 1891 г., стр. 40.

[53]) А. А. Табачная контрабанда среди кіевскихъ мѣщанъ. Кіевская Старина. 1891 г., № 11, стр. 257—66.

[54]) И. М. Каманинъ. Евреи въ лѣвобережной Украинѣ въ XVIII в. Чтенія въ Истор. Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. V. Кіевъ, 1891 г., стр. 36—53.

фонъ-Носомъ грамоту королевича Владислава отъ 8 февр. 1623 г., возбуждающую сильное подозрѣніе своимъ необычнымъ титуломъ и временемъ ея изданія; равнымъ образомъ онъ принимаетъ вполнѣ на вѣру данныя оффиціальныхъ переписей еврейскаго населенія, предпринятыхъ въ моментъ и съ цѣлью изгнанія послѣдняго. Къ этому надо еще прибавить, что авторъ допустилъ ошибки въ пользованіи своими источниками, принявъ данныя переписи евреевъ въ кіевскомъ намѣстничествѣ въ 1792 г. за данныя всей лѣвобережной Малороссіи, и опустилъ важныя показанія ихъ—о занятіи евреевъ ремеслами,—противорѣчащія его выводамъ. Самый комментарій автора къ показаніямъ источниковъ отличается по временамъ значительной произвольностью и неясностью. Позволимъ себѣ въ качествѣ примѣра привести одно мѣсто. „Само собою разумѣется, говоритъ авторъ, что въ числѣ помѣщиковъ, пользовавшихся услугами евреевъ, въ процентномъ отношеніи должны были преобладать (почему?) иноземные землевладѣльцы, а за ними великорусскіе надъ малорусскими, если принять во вниманіе отношеніе помѣщиковъ той и другой народности, принимавшихъ къ себѣ евреевъ, къ общему числу владѣльцевъ той же народности“. Въ виду всѣхъ этихъ особенностей статьи, попытку ея автора приходится, кажется, признать неудачною.

Послѣдніе годы XVIII столѣтія, занятые реформами Екатерины, вызвали нѣсколько частныхъ работъ. Важные акты, касающіеся управленія Малороссіей Румянцевымъ въ 1767 г. (изъ сборника распоряженій Румянцева въ архивѣ Кіев. археогр. коммиссіи) и распоряженіе гетм. Разумовскаго о преобразованіи генеральнаго суда въ 1760 г. (документъ, сообщенный И. В. Лучицкимъ) напечатаны проф. М. Ф. Владимирскимъ-Будановымъ [55]). Нѣкоторые изъ этихъ документовъ были изданы уже ранѣе: „Записка“ Румянцева въ приложеніяхъ къ книгѣ Авсѣенко „Малороссія въ 1767 г.“, распоряженія генералъ-губернатора Малороссіи объ отмѣнѣ полковыхъ депутатовъ въ генеральномъ судѣ, объ адвокатахъ и о раздѣленіи Малороссіи на коммиссарства—въ „Чтеніяхъ М. О. И. и Др.“ 1861 г., кн. I; другіе являются въ печати впервые и даютъ цѣнный матеріалъ для характеристики Румянцева и его административныхъ пріемовъ, равно какъ нѣкоторыхъ сторонъ болѣе ранней малорусской администраціи и жизни мѣстнаго общества. Документамъ издатель предпослалъ небольшое введеніе, не особенно однако удачное. Вполнѣ довѣрившись авторитету Румянцева, г. Будановъ изображаетъ жизнь малорусскаго общества и порядки

---

[55]) М. Ф. Владимирскій-Будановъ. Акты по управленію Малороссіею гр. П. А. Румянцева за 1767 г. Чтенія въ Ист. Обществѣ Нестора лѣтописца, кн. V. Кіевъ, 1891 г. стр. 93—136.

мѣстной администраціи исключительно по его „Запискѣ о усмотрѣнныхъ въ Малой Россіи недостаткахъ", повторяя самыя странныя выходки и ошибки послѣдней. Достаточно сказать, что, приводя то мѣсто „Записки", гдѣ говорится о лѣности и пьянствѣ народа, какъ причинахъ развитія класса подсусѣдковъ, издатель безъ всякихъ оговорокъ „признаетъ, что эта мрачная картина вѣрна дѣйствительности". Не будемъ говорить о значеніи подобнаго рода объясненія, а спросимъ только, какъ оно можетъ быть примирено съ тѣмъ фактомъ, что на югѣ Малороссіи подсусѣдковъ было значительно менѣе, нежели въ сѣверной ея части. Климатъ этихъ частей страны, кажется, не различается настолько, чтобы содѣйствовать или препятствовать развитію пьянства. Болѣе удаченъ пересказъ изданныхъ г. Будановымъ документовъ, сдѣланный г. Н. В. въ его рецензіи на V т. „Чтеній Общества Несторъ" (К. Ст., 1891, № 10), пересказъ, въ которомъ отмѣчены важнѣйшія новыя свѣдѣнія, сообщаемыя ими, и дана характеристика Румянцева. Н. Стороженко въ двухъ статьяхъ [56]) разсказываетъ по документамъ семейнаго (Рѣпниныхъ) яготинскаго архива военную реформу и учрежденіе карабинерныхъ полковъ въ Малороссіи и устройство почтовыхъ сообщеній и уничтоженіе таможенъ, произведенныя гр. Румянцевымъ. Довольно подробная замѣтка А. Андріевскаго [57]) посвящена дѣятельности кіевскаго совѣстнаго суда въ первый годъ его существованія (1782). А. Ивановъ въ своей маленькой статьѣ [58]) далъ не лишенный интереса разсказъ о переселеніи въ 1789 г. сверхштатныхъ церковниковъ изъ трехъ малороссійскихъ губерній въ Новороссію, способа ихъ отправленія, сопровождавшагося многочисленными злоупотребленіями, ихъ поселенія въ Богоявленскѣ и другихъ мѣстахъ по распоряженію Потемкина для работъ адмиралтейства и ихъ крѣпостныхъ отношеній къ Николаевскому адмиралтейству.

Въ заключеніе упомянемъ опять о работѣ археологическаго содержанія, именно статьѣ В. И. Василенка [59]), описавшаго архитектурные памятники г. Гадяча (замокъ и крѣпостные валы) и ихъ судьбы.

---

[56]) Н. В. Стороженко. Реформы въ Малороссіи при графѣ Румянцевѣ. Кіевская Старина. 1891 г., № 3, стр. 478—93 и № 9, с. 455—65.

[57]) А. Андріевскій. Дѣятельность кіевскаго совѣстнаго суда въ первый годъ его существованія (1782). Кіевская Старина, 1891 г., № 7, стр. 119—129.

[58]) А. Ивановъ. Переселеніе заштатныхъ церковниковъ въ Новороссію при Екатеринѣ II. Кіевская Старина. 1891 г., № 5, стр. 288—97.

[59]) В. И. Василенко. Гадяцкая Старина. Чтенія въ Истор. Обществѣ Нестора лѣтописца. Кн. V. Кіевъ. 1891 г., стр. 91—102.

Исторія собственно Запорожской Сѣчи за 1891 г. не обогатилась какими-либо крупными трудами. Къ ней относится лишь нѣсколько мелкихъ замѣтокъ. Таковы напечатанный В. Щербиной недатированный документъ, свидѣтельствующій о существованіи въ Сѣчи школы [60]), извлеченныя этимъ же изслѣдователемъ изъ документовъ Кіев. центр. архива мелкія свѣдѣнія о двухъ запорожскихъ ватажкахъ, Саввѣ Чаленкѣ и Игнатѣ Голомъ [61]), и замѣтка А. Скальковскаго о посѣщеніи Сѣчи астрономомъ Эйлеромъ въ 1770 г. [62]), вошедшая въ третье изданіе его „Исторіи Сѣчи Запорожской".

Болѣе посчастливилось исторіи позднѣйшихъ странствованій сѣчевиковъ. Въ статьѣ П. Иванова [63]), основанной на одномъ изъ дѣлъ николаевскаго портоваго архива, впервые разсказываются подробности переселенія запорожцевъ на Тамань въ 1792 г. Изслѣдованіе П. А. Шафранова [64]), въ основу котораго положены дѣла архива министерства государственныхъ имуществъ, даетъ пересказъ исторіи образованія Азовскаго войска, заключающій въ себѣ много новыхъ подробностей, и очень краткій очеркъ позднѣйшихъ его судебъ, выселенія части войска на Кавказъ и послѣдовавшаго затѣмъ упраздненія остальной части. Авторъ напрасно только чрезмѣрно довѣряетъ показаніямъ біографіи О. М. Гладкаго, подвергнутымъ уже критикѣ въ другихъ работахъ о Задунайской Сѣчи. Послѣдняя часть труда г. Шафранова, трактующая о выселеніи азовцевъ на Кавказъ, прекрасно дополняется статьей И. П. Короленка [65]). Послѣдній, кромѣ печатныхъ матеріаловъ пользовался дѣлами кубанскаго войскового архива и разсказами бывшихъ турецкихъ запорожцевъ и старыхъ черноморцевъ. Первая часть его разсказа—о задунайской Сѣчи, Гладкомъ и объ образованіи азовскаго войска—не даетъ, впрочемъ, ничего новаго, и главный интересъ заключается во второй части—въ повѣствованіи о проектахъ переселенія азовцевъ на Кубань и особенно объ осуществленіи этого переселенія, исторія котораго полна была для коза-

---

[60]) В. Щербина. Сѣчевая школа. Кіев. Старина. 1891 г. № 9, стр. 491—2.

[61]) В. Щербина. Савва Чаленко и Игнатъ Голый. Кіев. Старина. 1891 г. № 10, стр. 119—122.

[62]) А. Скальковскій. Астрономъ Эйлеръ въ Сѣчи Запорожской въ 1770 г. Кіевская Старина. 1891 г., № 10, стр. 117—119.

[63]) П. Ивановъ. Переселеніе запорожцевъ на Тамань. Кіев. Старина. 1891 г., № 7, стр. 133—141.

[64]) П. А. Шафрановъ. О водвореніи въ Россіи запорожскихъ казаковъ, возвратившихся изъ-за Дуная въ 1828 г. Историческіе матеріалы изъ архива министерства государственныхъ имуществъ. Вып. 1. СПб., 1891 г., стр. 207—37. 1) Ист. Вѣстн. 1891, № 8, стр. 491. В. Б. 2) Русская Старина. 1891 г., № 5.

[65]) И. П. Короленко. Азовцы. Кіевская Старина. 1891 г. № 7 и 8.

ковъ тяжелыхъ ударовъ и разочарованій, такъ какъ администрація Кавказа, въ лицѣ главнымъ образомъ гр. Евдокимова, относилась къ нимъ едва не враждебно.

Исторія Слободской Украйны также не богато представлена въ исторической литературѣ 1891 года. Отмѣтимъ здѣсь издаваемый проф. Багалѣемъ критико-библіографическій указатель сочиненій, относящихся къ исторіи этой мѣстности [66]). За этотъ годъ мы имѣемъ только одну работу по исторіи ея, именно статью г. А. Ш. [67]). Она представляетъ пересказъ одного темнаго кляузнаго дѣла 1746—51 гг., заключающагося въ разборѣ доносовъ писца полковой ахтырской канцеляріи Яготинца на мѣстную полковую старшину, затѣмъ на бѣлгородскаго губернатора Салтыкова въ интересахъ вице-губернатора Пассека, затѣмъ на послѣдняго. Дѣло это содержитъ въ себѣ массу мелкихъ недоразумѣній, не разъясненныхъ авторомъ пересказа, который не объясняетъ и самаго содержанія доносовъ Яготинца, благодаря чему статья является совершенно темной и неинтересной. Изъ матеріаловъ проф. Багалѣемъ была напечатана челобитная Острогожскихъ старшинъ Екатеринѣ II [68]), по вѣроятной датировкѣ издателя относящаяся къ 1763—64 г. Старшины каются въ своихъ злоупотребленіяхъ, открытыхъ ревизовавшимъ ихъ дѣйствія Щербининымъ, объясняя ихъ своею простотою, и просятъ „о переформированіи сихъ полковъ совсѣмъ въ иной родъ службы и порядка"; любопытнаго вопроса, явилась ли эта челобитная результатомъ свободнаго дѣйствія старшинъ или была внушена имъ правительственными агентами, издатель не касается, не имѣя, повидимому, и матеріаловъ для его рѣшенія. Съ примѣчаніями проф. Багалѣя изданъ еще переводъ той части дневника акад. Гильденштедта [69]), въ которой разсказывается о путешествіи его чрезъ Слободскую губернію; переводчица, г-жа Сал-

---

[66]) Д. И. Багалѣй. Сочиненія, матеріалы, статьи и замѣтки, относящіеся къ исторіи Слободской Украйны (критико-библіографическій очеркъ). Выпускъ 2-й, 1885—1890 годы. Часть 1: обзоръ источниковъ. Сборникъ Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, т. III. Харьковъ. 1891 г., стр. 279—298 и отдѣльно.

[67]) А. Ш. Дѣятели слободской Украйны прошлаго вѣка. Кіевская Старина. 1891 г., № 6, стр. 424—45.

[68]) Д. И. Багалѣй. Челобитная Острогожскихъ старшинъ имп. Екатеринѣ II. Сборн. Харьк. Истор.-фил. Общества, т. III. Харьковъ. 1891 г., стр. 312—16.

[69]) Дневникъ путешествія по Слободско-Украинской губерніи академика СПб. Ак. Наукъ Гильденштедта въ августѣ и сентябрѣ 1774 года. Харьковскій Сборникъ, вып. 5. Харьковъ. 1891 г., стр. 71—158.

тилова, снабдила изданіе предисловіемъ, въ которомъ выясняетъ значеніе сообщаемыхъ Гильденштедтомъ свѣдѣній.

Въ исторіи церкви въ предѣлахъ Слободской Малороссіи начата была въ 1891 г. довольно интересная работа В. Демидова[70]. Въ ней авторъ, пользуясь дѣлами архива харьковской духовной консисторіи, слѣдитъ главнымъ образомъ за существованіемъ въ XVIII в. разныхъ видовъ незаконныхъ браковъ и борьбой съ ними церковныхъ властей. Наблюдаемые имъ факты имѣютъ много общаго съ подобными же фактами, рисуемыми для Подоліи въ указанной нами выше статьѣ г. Е. С.

70) В. Демидовъ. Церковно-судебная практика по дѣламъ брачнымъ въ Бѣлгородской епархіи. (1721—1799 г.). Харьковскій Сборникъ, вып. 5. Харьковъ. 1891 г., стр. 53—92.

Историческая хроника.

Историческіе университетскіе курсы въ 1894/5 ак. г. — Историческая наука въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1893/94 гг.—Историческая наука въ Московскомъ университетѣ въ 1893/94 гг. — Извлеченія изъ отчета Харьковскаго университета за 1892 г. — Харьковское Историко-филологическое Общество.—Вступительныя лекціи.—Диспуты.—Отчетъ о занятіяхъ исторической коммиссіи Учебнаго Отдѣла при Московскомъ Обществѣ Распространенія Техническихъ Знаній.—Разныя извѣстія.

Историческіе курсы въ русскихъ университетахъ въ 1894—95 учебномъ году.

С.-Петербургскій университетъ. Осенній семестръ. Всеобщая исторія. Историческая энциклопедія (для желающихъ) проф. Н. И. Карѣева (1 ч.). Древняя исторія: общій курсъ исторіи Греціи и Рима до конца IV стол. до Р. Х. проф. Ѳ. Ѳ. Соколова (4 ч.); спеціальный курсъ по исторіи Греціи въ III стол. до Р. Х. его же (2 ч.) и чтеніе греческихъ надписей его же; обзоръ источниковъ по исторіи эллинскаго Востока послѣ Александра В. до включенія Греціи, Македоніи и восточныхъ царствъ въ составъ Римской имперіи пр.-д. А. Н. Щукарева (1 ч.) и курсъ по исторіи греческаго искусства, начиная съ эпохи Фидія его же (2 ч.). Средняя исторія: общій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ пр. Н. И. Карѣева (2 ч.); обозрѣніе трудовъ и источниковъ по Византійской исторіи, какъ вступленіе въ практическія занятія студентовъ по той же спеціальности (4 ч.) пр. В. Г. Васильевскаго; спеціальный курсъ по исторіи крестовыхъ походовъ пр.-д. Р. Э. Регеля (2 ч.); курсъ по исторіи славянскихъ народовъ въ средніе вѣка, до второй половины XV в. пр. В. И. Ламанскаго (3 ч.). Новая исторія. Общій курсъ исторіи новаго времени съ исторіографическимъ введеніемъ пр. Н. И. Карѣева (4 ч.); спеціальный курсъ по исторіи реформаціи въ Германіи пр.-д. Г. В. Форстена

(2 ч.) и по исторіи нѣмецкихъ университетовъ въ XV и XVI стол. его же (1 ч.). Русская исторія: общій курсъ проф. С. Ѳ. Платонова (4 ч.), съ семинаріемъ по чтенію и разбору источниковъ для исторіи Московской Руси его же (2 ч.); методы изученія источниковъ и явленій русской исторіи пр.-д. А. С. Лаппо-Данилевскаго (2 ч.); курсъ исторіи Россіи въ царствованіе имп. Екатерины II пр.-д. Н. Д. Чечулина (2 ч.); спец. курсъ по исторіи Южной и Западной Руси въ XIII — XVII вв. пр.-д. С. М. Середонина (2 ч.); разборъ источниковъ для исторіи старинно-русскаго земства пр.-д. Сенигова (2 ч.). Исторія церкви: исторія древней церкви до раздѣленія церквей (2 ч.); исторія русской церкви до учрежденія патріаршества (2 ч.) и практическія занятія по изученію древней церковной исторіи (2 ч.) пр. И. Е. Троицкаго.

Весенній семестръ. Всеобщая исторія. Историческая энциклопедія пр. Н. И. Карѣева (для желающихъ, 1 ч.). Древняя исторія: общій курсъ по исторіи Греціи и Рима съ начала III стол. до Р. Х. проф. Ѳ. Ѳ. Соколова (4 ч.); чтеніе греческихъ надписей его же; спец. курсъ по исторіи Греціи во II стол. до Р. Х. его же (2 ч.); курсъ пр.-д. А. Н. Щукарева, тотъ же. Средняя исторія: обозрѣніе Византійской исторіи пр. В. Г. Васильевскаго (2 ч.) съ семинаріемъ по средневѣковой западной исторіи его же (2 ч.). У пр. Н. И. Карѣева, пр.-д. В. Э. Регеля, пр. В. И. Ламанскаго и пр.-д. Г. В. Форстена курсы тѣ же. Новая исторія: тѣ же курсы. Русская исторія: тѣ же курсы. Исторія церкви: исторія восточной церкви (2 ч.), исторія западной церкви до реформаціи (2 ч.) и спец. курсъ по разбору источниковъ исторіи восточной церкви въ византійскій періодъ (2 ч.) проф. И. Е. Троицкаго.

Московскій университетъ. Исторія др. Востока: общій курсъ проф. М. С. Корелина (2 ч.). Древняя исторія: общій курсъ по исторіи Греціи пр. П. Г. Виноградова (2 ч.); курсъ по исторіи Востока и Греціи пр.-д. В. М. Михайловскаго (1 ч.); курсъ римскихъ древностей э.-о. пр. В. А. Шеффера (3 ч.). Средняя исторія: спеціальный курсъ по исторіи Византіи и южныхъ славянъ пр.-д. П. В. Безобразова (2 ч.) и по исторіи Византіи въ эпоху Комниновъ его же (1 ч. для желающихъ); по исторіи зап. славянъ пр.-д. И. А. Линниченка (2 ч.); по исторіи начала и развитія феодализма пр.-д. В. М. Михайловскаго (2 ч. для желающихъ). Новая исторія: общій курсъ по исторіи XVI и XVII вв. пр. В. И. Герье (2 ч.); по исторіи XIX в. пр. М. С. Корелина (2 ч.); спец. курсъ по исторіи Франціи въ XIX в. пр.-д. С. Ѳ. Фортунатова (1 ч. для желающихъ); общій курсъ по культурной исторіи XVIII в. пр.-д. И. И. Иванова (2 ч.). Русская исторія:

общій курсъ пр. В. О. Ключевскаго (4 ч.) и обзоръ главныхъ видовъ источ. р. ист.; спец. курсъ по исторіи древнерусскихъ княжествъ въ удѣльный періодъ пр.-д. И. А. Линниченка (1 ч. для желающихъ) и рус. исторіографія его же (1 ч. для желающихъ); введеніе въ курсъ р. исторіи пр.-д. П. Н. Милюкова (2 ч. для желающихъ). Исторія церкви: обозрѣніе ист. др. церкви отъ начала христіанства до раздѣленія церкви на Восточную и Западную пр. А. М. Иванцова-Платонова; курсъ по исторіи русской церкви пр.-д. А. Н. Доброклонскаго (2 ч. для желающихъ).

Весенній семестръ. Общій курсъ по исторіи др. Востока пр. М. С. Корелина (1 ч.). Древняя исторія: спец. курсъ по исторіи Италіи и Римской Имперіи пр.-д. В. М. Михайловскаго (1 ч.). Остальные курсы тѣ же и, кромѣ того, спец. курсъ по исторіи развитія церков. исторіографіи пр. А. М. Иванцова-Платонова (2 ч.) и др.-церк. историч. памятниковъ его же (2 ч.).

Харьковскій университетъ. Осенній семестръ. Исторія Востока: общій курсъ пр.-д. В. В. Лапина (2 ч.) съ семинаріемъ (2 ч.). Древняя исторія: общій курсъ греческой исторіи пр. В. П. Бузескула (4 ч.); курсъ древ. географіи пр.-д. В. В. Лапина. Новая исторія: общ. курсъ по ист. XVII ст. пр. В. П. Бузескула (2 ч.). Русская исторія: общій курсъ русской ист. до Петра Великаго пр. Д. И. Багалѣя (5 ч.); спец. курсъ о русскихъ лѣтописяхъ его же (1 ч.); спец. курсъ по исторіи царствованія Александра I и Николая I пр. П. Н. Буцинскаго (6 ч.).

Весенній семестръ. Древняя исторія: общій курсъ Римской исторіи пр.-д. В. В. Лапина (4 ч.) и спец. курсъ по ист. римской имперіи его же съ семинаріемъ (1 ч.) и семинарій по греческой ист. пр. В. П. Бузескула (2 ч.). Новая исторія: общій курсъ по ист. XVIII в. пр. В. П. Бузескула (4 ч.). Русская исторія: общій курсъ новой русской исторіи пр. П. Н. Буцинскаго (4 ч.) съ семинаріемъ по истор. матеріаламъ, относящимся къ Б. Екатер. коммиссіи его же (2 ч.); спец. курсъ по русской исторіографіи пр. Д. И. Багалѣя (2 ч.), русская историч. географія его же (2 ч.) съ семинаріемъ (2 ч.).

Университетъ св. Владимира. Исторія Востока: общій курсъ по ист. Востока пр.-д. Грена (2 ч.); спец. курсъ по ист. Кавказа его же (1 ч.) и по исторіи цивилизаціи Финикіи и Кареагена его же (1 ч.) Древняя исторія: общій курсъ по ист. Греціи пр. Н. М. Бубнова (3 ч.); введеніе въ политич. исторію классическихъ народовъ его же (1 ч.) съ семинаріемъ (2 ч.). Средняя исторія: общій курсъ по исторіи славянъ пр. Т. Д. Флоринскаго (3 ч.); по исторіи среднихъ вѣковъ до половины XI в. пр. Ѳ. Я. Фортинскаго (4 ч.) съ семина-

ріемъ (2 ч.). Новая исторія: общій курсъ по исторіи Зап. Европы въ XIV—XVIII вв. пр. И. В. Лучицкаго (4 ч.); спец. курсъ по исторіи экономическихъ отношеній во Франціи въ XVIII в. его же (1 ч.) и разборъ франц. документовъ и мемуаровъ XVIII в. его же (1 ч.); спец. курсъ по исторіи реформаціи въ Германіи пр.-д. В. П. Клячина (2 ч.) и курсъ изъ эпохи Возрожденія пр.-д. В. К. Пискорскаго (2 ч.). Русская исторія: спец. курсъ по исторіи времени Александра I пр. В. С. Иконникова (3 ч.); лѣтописи и историч. сказанія его же (2 ч.) и чтеніе памятниковъ и рефератовъ по отдѣлу о русскихъ лѣтописяхъ и сказаніяхъ его же (1 ч.); спец. курсъ по ист. Россіи до прекращенія удѣловъ пр. В. Б. Антоновича (2 ч.); о русскихъ древностяхъ его же (2 ч.) и чтеніе и разборъ лѣтописей его же (2 ч.); общій курсъ по рус. исторіи (московскаго періода) пр.-д. П. В. Голубовскаго (3 ч.). Исторія церкви: общій курсъ по исторіи христіанской церкви до середины XI в. пр. С. Т. Голубева (2 ч.); спец. курсъ о раціоналистическихъ сектахъ въ Россіи его же (2 ч.) и курсъ полемики православныхъ южно-русскихъ съ протестантами его же (1 ч.).

Весенній семестръ. Исторія Востока: курсы тѣ же. Древняя исторія: курсы тѣ же (но семинарій не 2 ч., а 3 ч.). Средняя исторія: курсы тѣ же. Новая исторія: спец. курсъ по исторіи крестьянской реформы въ Зап. Европѣ XVIII—XIX вв. пр. И. В. Лучицкаго (2 ч.); кромѣ того, общій курсъ пр. И. В. Лучицкаго и спец. к. пр.-д. В. П. Клячина и пр.-д. В. К. Пискорскаго тѣ же. Русская исторія: курсы пр. В. Б. Антоновича тѣ же; общій курсъ по новой р. исторіи пр.-д. П. В. Голубовскаго (3 ч.); спец. курсъ по исторіи времени Екатерины II пр. В. С. Иконникова (3 ч.) и о запискахъ рус. людей его же (2 ч.) съ семинаріемъ (1 ч.). Исторія церкви: общій курсъ тотъ же; спец. курсъ о мистическихъ сектахъ въ Россіи э.-о. пр. С. Т. Голубева (2 ч.) и курсъ полемики православн. южно-руссовъ съ латино-уніатами его же (1 ч.).

Юрьевскій университетъ. Осенній семестръ. Древняя исторія: курсъ римскихъ древностей пр. А. Мендельсона (4 ч.). Средняя исторія: общій курсъ по исторіи средн. вв. пр. Р. Гаусмана (4 ч.) и объясненія средневѣковыхъ источниковъ его же (2 ч.). Новая исторія: общій курсъ по ист. Европы пр. О. Вальтца (4 ч.) съ семинаріемъ (2 ч.). Русская исторія: общій курсъ ист. Россіи пр. Е. Шмурло (4 ч.); спец. курсъ церковной уніи въ XVI—XVII ст. его же (1 ч.) съ семинаріемъ (1 ч.).

Весенній семестръ. Курсы тѣ же.

Казанскій университетъ. Осенній семестръ. Древняя исторія: общій курсъ по римской исторіи пр. Н. А. Осокина (2 ч.) съ семи-

наріемъ (1 ч.); курсъ по греческой исторіи пр. И. Н. Смирнова (2 ч.). Средняя исторія: спеціальн. курсъ по ист. Англіи пр. И. Н. Смирнова (2 ч.). Новая исторія: спец. курсъ по исторіи первой французской революціи пр. Н. А. Осокина (3 ч.). Русская исторія: общій курсъ по др. русской ист. пр. Н. А. Ѳирсова (2 ч.) съ семинаріемъ (3 ч.); общій курсъ по новой рус. ист. пр. Д. А. Корсакова (4 ч.); спец. курсъ по рус. ист. съ 40 гг. XIX в. до нашего времени его же (2 ч.) съ семинаріемъ (1 ч.); спец. курсъ по ист. Поволжья и Прикамья пр.-д. Н. Н. Ѳирсова (1 ч.). Исторія церкви: общій курсъ древней исторіи церкви пр. Ѳ. А. Курганова (4 ч.).

Весенній семестръ. Древняя исторія: курсъ пр. И. Н. Смирнова тотъ же. Средняя исторія: общій курсъ исторіи образованія средневѣковыхъ государствъ пр. Н. А. Осокина (2 ч.) и тотъ же курсъ пр. И. Н. Смирнова. Новая исторія: курсъ исторіи первой Наполеоновской имперіи и эпохи конгрессовъ пр. Н. А. Осокина (3 ч.). Русская исторія: курсы тѣ же. Исторія церкви: общ. курсъ средневѣковой и новой общей исторіи церкви пр. Ѳ. А. Курганова (4 ч.).

Варшавскій университетъ. Осенній семестръ. Древняя исторія: общій курсъ римской исторіи пр. А. И. Павинскаго (2 ч.). Средняя исторія: курсъ исторіографіи среднихъ вѣковъ пр. А. И. Павинскаго (1 ч.) и практическія занятія его же (1 ч.). Новая исторія: общій курсъ исторіи новыхъ вѣковъ пр. Н. Н. Любовича (2 ч.); спец. курсъ исторіи Европы въ XIV и XV вв. его же (2 ч.). Русская исторія: общій курсъ новой русской исторіи пр. Д. В. Цвѣтаева (2 ч.); спец. курсъ исторіи царствованія императрицы Екатерины II его же (2 ч.); курсъ исторіи Руси съ древнѣйшихъ временъ до смерти Ивана III пр. И. П. Филевича (2 ч.) и очеркъ русской этнографіи его же (2 ч.).

Весенній семестръ. Курсы тѣ же.

Новоросійскій университетъ. Осенній семестръ. Древная исторія: общій курсъ греческой исторіи пр. Ѳ. И. Успенскаго (2 ч.); курсъ греч. исторіи пр. Р. Ю. Виппера (2 ч.); спец. курсъ греческихъ древностей пр. А. Н. Деревицкаго (1 ч.). Средная исторія: общій курсъ исторіи среднихъ вѣковъ пр. Ѳ. И. Успенскаго (3 ч.) съ семинаріемъ изъ Меровингской эпохи (1 ч.). Новая исторія: общій курсъ исторіи зап. Европы въ XIX вѣкъ, пр.-д. Г. Е. Аѳанасьева (2 ч.); курсъ исторіи реформаціи пр. Р. Ю. Виппера (2 ч.) и семинарій по новой исторіи его же (2 ч.). Русская исторія: общій курсъ древней русской исторіи до 1613 г. пр. Е. И. Перетятковича (3 ч.); обзоръ главнѣйшихъ источниковъ и пособій по русской исторіи его же (2 ч.) и семинарій по др. р. ист. его же (1 ч.); общій курсъ исторіи Россіи съ 1613 г. до настоящаго времени пр. А. И. Маркевича (3 ч.); спец. курсъ исторіи внутренняго быта Московскаго Государства въ XVII и

XVIII вв. его же (2 ч.) съ семинаріемъ (1 ч.); спец. курсъ исторіи царствованія Іоанна Грознаго пр.-д. А. Е. Вѣлюгова (2 ч.). Исторія церкви: общій курсъ исторіи христіанской церкви пр. Н. Ѳ. Красносельцева (4 ч.) и обзоръ и критика источниковъ древней церковной исторіи его же (2 ч.).

Весенній семестръ. Курсы тѣ же.

Историческая наука въ С.-Петербургскомъ университетѣ въ 1893—94 гг.

I. (1893 г.).

Въ прошломъ году „Отчетъ о состояніи и дѣятельности Императорскаго С.-Петербургскаго университета за 1893 г." (составленный пр. Ѳ. Ф. Зѣлинскимъ) вышелъ въ свѣтъ къ годичному акту 8-го февраля. Приводимъ изъ него главныя свѣдѣнія, могущія спеціально интересовать читателей „Историческаго Обозрѣнія".

Оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію въ 1893 году было—96. Изъ нихъ при историко-филологическомъ факультетѣ состояло. — 27. *Состояли при немъ со стипендіями на счетъ штатной суммы*: Александръ Васильевъ, Николай Папиловъ и Сергѣй Рункевичъ.

Состояли при университетѣ безъ стипендій:

По историко-филологическому факультету: Борисъ Александровъ, Евгеній Аничковъ, Михаилъ Быстровъ, Павелъ Вознесенскій, Эрвинъ Гриммъ, Сергѣй Жебелевъ, Вильгельмъ Каттерфельдъ (по 1 октября), Алексѣй Кедровъ (по 20 марта), Николай Колоколовъ (съ 15 мая), Михаилъ Крыжановскій (по 15 октября), Иванъ Лаппо, Иванъ Лапшинъ (съ 1 ноября), Александръ Липовскій (по 1 декабря), Борисъ Меліоранскій, Николай Павловъ-Сильванскій, Владиміръ Перетцъ (съ 1 ноября), Александръ Прѣсняковъ (съ 1 ноября), Сергѣй Рождественскій, Михаилъ Ростовцевъ, Яковъ Смирновъ, Николай Тупиковъ, Николай Усовъ (съ 1 декабря), Григорій Церетели (съ 1 ноября), Петръ Шефферъ.

Въ 1893 г. степень доктора по историко-филологическому факультету получилъ Владиміръ Алексѣевичъ Яковлевъ—степень доктора русской словесности, по защищеніи диссертаціи „Къ литературной исторіи древне-русскихъ сборниковъ. Опытъ изслѣдованія „Измарагда."

На историко-филологическомъ факультетѣ происходили слѣдующія практическія занятія со студентами, имѣющія отношеніе къ исторіи: проф. Н. И. Карѣевъ велъ со студентами практическія занятія по исторіографіи Франціи XVIII вѣка; проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій

занимался со студентами весною 1893 г. чтеніемъ Петронія и объясненіемъ его, какъ источника частнаго быта древнихъ римлянъ.

Въ рубрикѣ „Научно-литературные труды профессоровъ и другихъ преподавателей университета" между прочими отмѣчены слѣдующія работы: проф. Н. И. Карѣевъ издалъ: 1) II и III томы „Исторіи Западной Европы въ новое время", 2) книгу п. загл. „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени" и 3) брошюру п. загл. „Causes de la chute de la Pologne"; кромѣ того напечаталъ статьи: 4) „Ранній итальянскій гуманизмъ" (Вѣстн. Евр.); 5) „Энциклопедія права и общее образованіе" (Сборн. правовѣд. и обществ. наукъ), 6) „Обзоръ историческихъ сочиненій для самообразованія" (Міръ Божій). Редактировалъ „Историческое Обозрѣніе", издаваемое Историческимъ обществомъ при С.-Петерб. унив. и историческій отдѣлъ русскаго энциклоп. словаря, въ коемъ помѣстилъ нѣсколько историческихъ статей. Читалъ публичныя лекціи въ Соляномъ городкѣ въ ноябрѣ 1893 г. о теоретическомъ отношеніи къ исторіи; всѣхъ лекцій (двухчасовыхъ) было три, и каждая собирала ок. 200 слушателей; сборъ поступилъ въ кассу Общества для пособія нуждающимся студентамъ университета. Проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскій сдѣлалъ сообщеніе въ Историческомъ обществѣ при С.-Петербургскомъ унив. о Т. Моммзенѣ по поводу его 50-лѣтняго докторскаго юбилея. Проф. С. Ѳ. Платоновъ напечаталъ статью п. загл. „Новый источникъ для исторіи московскихъ волненій 1648 года" (Чтенія въ Имп. Моск. общ. ист. и древн. россійскихъ), составилъ (совмѣстно съ проф. Н. В. Покровскимъ) предисловіе къ изданію Имп. Общ. любит. древн. письм. съ загл. „Лицевой лѣтописецъ XVII вѣка" и помѣстилъ нѣсколько отзывовъ о новыхъ книгахъ въ Журн. М. Нар. Пр. Прив.-доц. П. А. Сырку сдѣлалъ сообщеніе въ Общ. люб. др. письм.: о сказаніи о сербахъ XVII в., написанномъ въ Россіи и посвящ. царевнѣ Софіи Алексѣевнѣ, и о житіи южнославянскаго святого Романа. Прив.-доц. Э. А. Вольтеръ напечаталъ: 1) статью подъ загл. Alexander Potebnja и нѣсколько рецензій, разборовъ и сообщеній по діалектологіи, этнографіи, статистикѣ и археологіи Литвы въ журн. Mitteilungen der litauischen literarischen Gesellschaft; 2) нѣсколько статей по литовскому фольклору и исторіи народнаго просвѣщенія сѣв. зап. Россіи и Литвы въ русскомъ энциклопедическомъ словарѣ; 3) нѣсколько статей въ латышскомъ фольклористскомъ журналѣ; 4) первый томъ литовской (жмудской) исторіи С. Довконта. Прив.-доц. Г. В. Форстенъ напечаталъ: 2-й выпускъ актовъ и писемъ къ исторіи Балтійскаго вопроса въ XVI и XVII столѣтіяхъ; 2) изслѣдованіе: Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, ч. I; 3) рядъ статей въ русскомъ энциклопедическомъ словарѣ. Прив.-доц. А. С. Лаппо-Данилевскій напечаталъ изслѣдованіе п.

загл. „Древности кургана Карагодеуашхъ, какъ матеріалы для бытовой исторіи прикубанскаго края въ IV—III в. до Р. Х.“ (въ Матеріалахъ по археологіи Россіи, издаваемыхъ Имп. археологической коммиссіей) и сдѣлалъ сообщеніе въ Историческомъ обществѣ при С.-Петербургскомъ ун. п. загл. „Новая теорія развитія семейныхъ отношеній въ первобытномъ обществѣ“. Прив.-доц. А. Н. Щукаревъ напечаталъ рецензію на „Историческія чтенія Масперо“ въ „Русской школѣ“, велъ археологическую хронику эллинскаго востока въ журн. „Филологическое обозрѣніе“, помѣстилъ рядъ статей въ русскомъ энциклопедическомъ словарѣ, прочиталъ въ Имп. археологическомъ обществѣ рефератъ о надписяхъ, найденныхъ на ѳракійскомъ побережьи г. Лишинымъ. Прив.-доц. С. М. Середонинъ читалъ въ Имп. археологическомъ обществѣ докладъ „къ вопросу о прародинѣ славянъ“. Прив.-доц. Л. В. Рутковскій напечаталъ свою вступительную лекцію п. загл. „Общая характеристика англійской философіи; готовитъ къ печати книгу подъ загл. „Исторія англійской психологіи“. Проф. В. И. Сергѣевичъ напечаталъ: 1) 1-й выпускъ II-го тома „Русскихъ юридическихъ древностей“; 2) VIII томъ матеріаловъ екатерининской законодательной коммиссіи. Проф. Ѳ. Ѳ. Мартенсъ готовитъ къ печати одиннадцатый томъ издаваемаго имъ „Собранія трактатовъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами“. Проф. П. И. Георгіевскій напечаталъ „Историческій очеркъ развитія путей сообщенія въ XIX в.“. В. Н. Латкинъ напечаталъ нѣсколько рецензій на вновь вышедшія книги въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ и приготовилъ къ печати „курсъ исторіи русскаго права періода имперіи“ (XVIII и XIX стол.). Проф. И. И. Кауфманъ напечаталъ: „Государственный долгъ Англіи съ 1688 по 1890 г. Опытъ историко-статистической монографіи кредитныхъ операцій, производившихся въ Англіи въ связи съ экстраординарными финансами“. Проф. баронъ В. Р. Розенъ напечаталъ VII томъ редактируемыхъ имъ „Записокъ Восточнаго отдѣленія И. Р. Археологическаго общества“ и началъ печатать VIII. Проф. Д. А. Хвольсонъ напечаталъ: 1) статью подъ заглавіемъ Ueber das Datum im Evang. Matth. XXVI 17 τῇ δὲ πρώτῃ τῶν ἀζύμων, 2) три статьи въ русск. энциклопедическомъ словарѣ о еврейской исторіи (отъ выхода изъ Египта до нашего времени), объ исторіи еврейской литературы и объ еврейскомъ языкѣ. Приготовилъ къ печати разборъ около 300 сиро-несторіанскихъ надгробныхъ надписей, найденныхъ въ Семирѣчьи. Проф. Н. И. Веселовскій напечаталъ киргизскій текстъ исторіи завоеваній русскихъ въ Средней Азіи и сдѣлалъ на археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ докладъ о татарскомъ вліяніи на русскій посольскій церемоніалъ до Петра Великаго. Прив.-доц. Н. А. Мѣд-

никовъ продолжаетъ печатать изданіе Православнаго Палестинскаго общества: „Исторія Палестины по арабскимъ источникамъ".

Къ отчету приложена обширная (стр. 119—192) записка о наградахъ студентовъ С.-Петербургскаго университета медалями въ 1893 г. и о вновь предложенныхъ темахъ для соисканія наградъ медалями въ 1895 г.

По историко-филологическому факультету. На тему по *русской исторіи*: „Иванъ Дмитріевичъ Бѣляевъ, какъ историкъ (Критическій обзоръ его трудовъ)" представлено одно сочиненіе (№ 19) съ девизомъ: Est cujusvis hominis errare, nullius vero nisi insipientis in errore perseverare. „Оно состоитъ, говоритъ записка, во-первыхъ, изъ біографическаго очерка, во-вторыхъ, изъ критическаго обзора различныхъ трудовъ И. Д. Бѣляева и, въ третьихъ, изъ „приложеній", въ которыхъ авторъ помѣстилъ подробнѣйшій библіографическій указатель напечатанныхъ работъ И. Д. Бѣляева, перечень его трудовъ, сохранившихся въ рукописяхъ, и разнаго рода матеріалы для его біографіи. Въ общемъ сочиненіе достигаетъ очень большого объема и свидѣтельствуетъ объ исключительномъ трудолюбіи и о широкой начитанности автора. Особенное вниманіе къ біографическимъ и библіографическимъ подробностямъ помѣшало автору съ одинаковымъ успѣхомъ разрѣшить другую часть поставленной имъ себѣ задачи—дать критическую оцѣнку отдѣльныхъ трудовъ И. Д. Бѣляева. Такая детальная оцѣнка однако и не требовалась темою. Нашъ же изслѣдователь, не разъ оцѣнивая въ біографическомъ очеркѣ разныя стороны дѣятельности своего героя, сверхъ того пожелалъ разобрать, со стороны метода и ученыхъ результатовъ, всѣ сколько-нибудь замѣтныя статьи И. Д. Бѣляева порознь—и, понятно, не успѣлъ довести это дѣло до конца, оставивъ въ своей работѣ большіе пробѣлы, которые самъ же и оговорилъ съ полною прямотою". Но, во всякомъ случаѣ, въ этомъ трудѣ „можно найти много доказательствъ того, что авторъ обладаетъ незауряднымъ знаніемъ исторической литературы и зрѣлыми критическими пріемами". Въ виду сказаннаго авторъ его, студентъ VIII семестра, Сергѣй Гадзяцкій, награжденъ золотою медалью.

На другую тему по *русской исторіи*: „Екатерининская коммиссія для сочиненія проекта новаго уложенія (ея организація и дѣятельность)", представлено пять сочиненій. „Сочиненіе № 11, подъ девизомъ „Безъ девиза" представляетъ очень почтенную по объему и выдающуюся по хорошимъ качествамъ работу. Авторъ начинаетъ съ краткаго разсужденія о причинахъ, сдѣлавшихъ къ концу XVIII в. необходимымъ новое уложеніе, говоритъ о попыткахъ Петра Великаго и его преемниковъ составить его, затѣмъ обращается къ коммиссіи 1767 г. и указываетъ особенности ея организаціи сравнительно съ

прежними коммиссіями. Затѣмъ авторъ описываетъ избраніе депутатовъ. Здѣсь онъ внимательно останавливается на разъясненіи того, въ какой мѣрѣ установленный порядокъ избранія депутатовъ обезпечивалъ правильное и равномѣрное представительство въ коммиссіи разныхъ группъ населенія, и характеризуетъ затѣмъ, какъ сложилось это представительство въ коммиссіи. Его разсужденія и замѣчанія являются вполнѣ правильными; а насколько внимательно разбиралъ онъ этотъ вопросъ о представительствѣ, доказывается между прочимъ и тѣмъ, что ему удалось указать ошибку въ опредѣленіи общаго числа избранныхъ депутатовъ, до сихъ поръ никѣмъ не замѣченную; правда, она очень незначительна, но тѣмъ большее вниманіе требовалось, чтобы ее замѣтить. Организація коммиссіи изложена достаточно подробно и вполнѣ самостоятельно. Наибольшая и вмѣстѣ съ тѣмъ наилучшая часть работы посвящена вопросу о дѣятельности коммиссіи, гдѣ авторъ изложенію работъ коммиссіи по каждому отдѣльному вопросу предпосылаетъ обзоръ законодательства, которымъ ко времени коммиссіи эти вопросы опредѣлялись. Эти очерки законодательства носятъ на себѣ слѣды самостоятельной работы. Такое разсмотрѣніе дѣятельности коммиссіи 1767 г. должно быть признано наиболѣе правильнымъ и повести къ вѣрной оцѣнкѣ значенія ея въ исторіи русскаго законодательства. Очень хорошо ведетъ авторъ и самое изложеніе занятій коммиссіи, гдѣ онъ даетъ самостоятельную оцѣнку всего, что говорилось въ Большомъ Собраніи. Въ заключеніе авторъ представляетъ очень цѣнный очеркъ дѣятельности частныхъ коммиссій; документы ихъ дѣятельности еще не изданы, но авторъ, путемъ тщательнѣйшаго изученія дневныхъ записокъ Большого Собранія, изъ отдѣльныхъ законодательныхъ актовъ и изъ другихъ, часто, повидимому, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣятельности коммиссіи источниковъ, собралъ о дѣятельности частныхъ коммиссій много очень любопытныхъ фактовъ, доселѣ остававшихся совершенно незамѣченными. Такимъ образомъ авторъ широко поставилъ свою задачу, очень тщательно изучилъ свой матеріалъ, обнаружилъ большую начитанность и полное умѣнье самостоятельно разбираться въ изучаемыхъ вопросахъ. Автору этого сочиненія студенту VIII семестра Михаилу Поліевктову присуждена золотая медаль".

„Авторъ сочиненія подъ девизомъ: „Созданіе нашей общественности справедливо приписывается Екатеринѣ II (№ 18), „обратилъ наибольшее вниманіе на организацію коммиссіи и этой сторонѣ вопроса посвятилъ двѣ трети своего сочиненія. При описаніи выборовъ депутатовъ авторъ останавливается на эпизодахъ дѣйствительно характерныхъ и важныхъ, а все частное, мелкое не вводитъ въ свое изложеніе; очевидно, что онъ вполнѣ овладѣлъ изу-

чаемыми фактами и внимательно ихъ обдумалъ; наблюденія его обыкновенно интересны, заключенія и обобщенія правильны. По вопросу объ организаціи коммиссіи онъ съумѣлъ сдѣлать нѣсколько самостоятельныхъ наблюденій и выводовъ. Сравнительно съ описаніемъ организаціи коммиссіи, главная часть труда, изложеніе дѣятельности коммиссіи, вышла у автора значительно блѣднѣе; онъ вѣрно характеризуетъ опредѣлившіяся въ Большомъ Собраніи группы, правильно передаетъ ходъ преній и этимъ доказываетъ, что основательно изучилъ и тѣ матеріалы, которые касаются занятій коммиссіи; но, очевидно, онъ болѣе интересовался подробностями ея организаціи и не оставилъ себѣ времени для изложенія дѣятельности Большого Собранія. Но вообще вся работа свидѣтельствуетъ, что авторъ вполнѣ способенъ къ самостоятельному изученію историческихъ источниковъ: матеріаломъ, который подлежалъ разработкѣ, онъ овладѣлъ вполнѣ, при томъ обнаружилъ вполнѣ достаточную начитанность не въ одной только сферѣ трудовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ коммиссіи 1767 г. Языкъ его сочиненія выработанный, правильный, изложеніе стройное". На основаніи сказаннаго, авторъ, студентъ VIII семестра Василій Разумовскій, удостоенъ награжденія серебряною медалью.

„Сочиненіе № 9 подъ девизомъ:

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и безсильная
Матушка Русь!

Некрасовъ.

самое обширное изъ всѣхъ представленныхъ на тему о коммиссіи 1767 г.. Оно начинается съ довольно подробнаго обзора коммиссій, собранныхъ въ теченіе XVIII в. для составленія новаго уложенія; затѣмъ авторъ даетъ довольно обстоятельный обзоръ Наказа и излагаетъ съ большими подробностями выборъ депутатовъ и открытіе засѣданій коммиссіи. Все это занимаетъ до 13 листовъ. Далѣе, 45 листовъ посвящено изложенію занятій коммиссіи. Это изложеніе сдѣлано очень подробно. Послѣдніе семь листовъ авторъ посвятилъ обзору частныхъ коммиссій, съ большимъ стараніемъ собирая о нихъ свѣдѣнія. Внимательное изученіе всѣхъ данныхъ о дѣятельности коммиссіи и заготовленныхъ проектовъ и обстоятельный ихъ пересказъ составляютъ положительную сторону работы, вполнѣ заслуживающей награды. Довольно существеннымъ недостаткомъ ея является тяжеловатый языкъ, а особенно отсутствіе всякихъ подраздѣленій, отсутствіе ссылокъ и неумѣнье опредѣлить, что должно быть внесено въ текстъ

и что можетъ найти себѣ мѣсто только въ примѣчаніяхъ". Автору этого сочиненія, студенту VI семестра Михаилу Измайлову, присуждена серебряная медаль.

Сочиненіе подъ девизомъ: „Попытка не пытка" (№ 20) начинается съ обозрѣнія литературы предмета. Далѣе авторъ разсматриваетъ Наказъ и довольно удачно отмѣчаетъ, какими именно сторонами своими Наказъ долженъ былъ всего сильнѣе повліять на работы коммиссіи. Затѣмъ довольно обстоятельно изложенъ выборъ депутатовъ и вкратцѣ обрисованъ составъ представительства въ коммиссіи. Дѣятельность Большого Собранія изложена очень подробно; авторъ передаетъ факты ея въ хронологическомъ порядкѣ, дѣлая отъ него отступленіе только однажды, именно присоединивъ сюда вопросъ о сохраненіи привилегій остзейскаго дворянства. Авторъ изучилъ для своей работы и протоколы Общаго Собранія и подлинныя мнѣнія депутатовъ, напечатанныя въ видѣ приложенія къ протоколамъ. Относительно вопроса о причинахъ неуспѣха коммиссіи авторъ проявляетъ нѣкоторую долю самостоятельности. Вообще, авторъ хорошо овладѣлъ матеріаломъ подлежащимъ его изученію, и результаты своего изученія онъ изложилъ правильно и ясно. Поэтому автора, студента Алексѣя Левшина, положено удостоить наградой серебряною медалью.

Сочиненіе подъ девизомъ: „Коммиссія объ уложеніи, бывъ въ собраніи, подала мнѣ свѣтъ и свѣдѣнія о всей Имперіи, съ кѣмъ дѣло имѣемъ и о комъ пещись должно (Екатерина)" (№ 21), представляетъ собою изложеніе документовъ, имѣющихъ ближайшее и непосредственное отношеніе къ коммиссіи; авторъ настолько послѣдовательно не выходилъ за предѣлы этого изданія, что даже Наказъ оставленъ имъ безъ изученія; равнымъ образомъ и изъ ученой литературы авторъ воспользовался лишь статьями, посвященными исключительно коммиссіи. При такомъ ограниченіи своихъ источниковъ и пособій авторъ, естественно, не пришелъ ни къ какимъ самостоятельнымъ выводамъ. Работа автора не что иное, какъ отчетливо сдѣланный пересказъ источника и доказываетъ во всякомъ случаѣ, что авторъ внимательно прочелъ документы о дѣятельности коммиссіи, а равно и ознакомился съ литературою предмета. И это былъ трудъ не малый, заслуживающій безспорно поощренія, почему авторъ его, студентъ VIII семестра юридическаго факультета Викторъ Денисовъ, удостоенъ почетнаго отзыва.

На тему „Политическія сочиненія Фридриха II Прусскаго" подано три работы (№№ 4, 17 и 36). Самою обширною изъ нихъ является работа подъ № 36 (около 8 печатныхъ листовъ въ 35 т. буквъ), за нею слѣдуетъ нѣсколько меньшая подъ № 4 (около 7 листовъ), а самая малая сравнительно (около 5 листовъ), это—работа подъ № 17.

„Ближе всего подошелъ къ разрѣшенію своей задачи авторъ

сочиненія № 4, избравшій своимъ эпиграфомъ изреченіе: „Arduum est res gestas scribere“. Въ основу своего труда онъ положилъ тщательное изученіе сочиненій Фридриха II, разсмотрѣвши, между прочимъ, и тѣ части его переписки (въ Oeuvres Complétes), которыя не были указываемы при заданіи темы. Число пособій, какими онъ пользовался, доходитъ до 23. Излагая взгляды Фридриха II на различные предметы, авторъ по возможности пользуется собственными его словами, давая ихъ въ удовлетворительномъ по своей точности переводѣ, что, конечно, можетъ быть поставлено въ заслугу автору, но, къ сожалѣнію, онъ злоупотребляетъ черезчуръ длинными выписками, хотя нужно замѣтить, что такія выдержки подобраны весьма умѣло и въ громадномъ большинствѣ случаевъ по содержанію своему являются вполнѣ умѣстными. Ясное и толковое изложеніе при нѣкоторыхъ, впрочемъ, частныхъ погрѣшностяхъ можетъ быть поставлено въ число достоинствъ работы. Но общее построеніе работы № 4 вызываетъ нѣкоторыя замѣчанія“.

Вслѣдствіе невыдержанности плана въ работѣ его замѣчается повтореніе одного и того же, а также и отсутствіе полноты и цѣльности. Кромѣ того авторъ видимо „недостаточно хорошо понялъ, что Фридриха II нужно было разсматривать преимущественно, какъ *писателя*, какъ *теоретика*, лишь тогда обращаясь къ его практической дѣятельности, когда это было нужно для выясненія его взглядовъ или для рѣшенія вопроса, насколько самъ Фридрихъ проводилъ ихъ въ жизнь, и притомъ его нужно было разсматривать, какъ теоретика *политическаго*. Между тѣмъ авторъ нерѣдко беретъ Фридриха II, какъ дѣятеля; отсюда многое въ сочиненіи нашего автора написано прямо не на тему. Точно также изъ взглядовъ Фридриха II на разные предметы не всегда строго выдѣлено то, что имѣетъ прямо политическій интересъ или какое-либо отношеніе къ политикѣ. Если бы авторъ лучше понялъ, что главное въ темѣ — политическія воззрѣнія Фридриха II, а все остальное можетъ имѣть лишь второстепенное значеніе, онъ, конечно, многое сократилъ бы въ своемъ изложеніи, многое совсѣмъ бы изъ него выкинулъ, а это дало бы ему возможность съ большимъ вниманіемъ остановиться на *отдѣльныхъ сочиненіяхъ* Фридриха II, чего именно авторъ и не дѣлаетъ съ достаточною полнотою“. Отмѣтивъ еще нѣкоторые незначительные недостатки работы, рецензентъ говоритъ, однако, что „общій взглядъ на Фридриха II и его политическую теорію, проведенный въ сочиненіи, нужно признать правильнымъ, и авторъ съумѣлъ избѣжать пристрастнаго отношенія къ королю-философу и въ смыслѣ панегирическомъ, и, такъ сказать, въ смыслѣ инвективномъ, что тоже нужно поставить ему въ заслугу“.

Принимая во вниманіе основательное изученіе авторомъ сочиненій

Фридриха II и литературы предмета и вполнѣ научное отношеніе къ предмету, несмотря на отмѣченные выше недостатки, автору этой работы, студенту IV семестра Павлу Митрофанову, была присуждена серебряная медаль.

Вторымъ по достоинству (и притомъ по объему значительно уступающимъ первому) сочиненіемъ на тему о политическихъ воззрѣніяхъ Фридриха II слѣдуетъ признать работу подъ № 17 и съ скромнымъ девизомъ: „Feci quod potui“.

„Авторъ этой работы тоже по всей видимости внимательно вчитывался въ сочиненія Фридриха II, дѣлалъ изъ нихъ надлежащія выписки и въ общемъ вѣрно ихъ понималъ и переводилъ. Начитанность автора въ соотвѣтственной литературѣ тоже весьма значительная. Вмѣсто вступленія, авторъ разсматриваемой работы ограничился нѣсколькими строками, не давъ никакого общаго вывода въ концѣ. Во вступительныхъ строкахъ сказано, что такъ какъ взгляды Фридриха II сложились подъ вліяніемъ прусской государственной традиціи и просвѣтительныхъ идей Вольтера (почему *одного* Вольтера, не объяснено), то и нужно прежде всего познакомиться съ этими традиціями и этими идеями. Этому-то авторъ и посвящаетъ первыя три главы своей работы.

Указанныя главы являются совершенно почти лишними въ сочиненіи, которое и безъ того не особенно велико. Въ первой главѣ авторъ излагаетъ (пользуясь отчасти Дройзеномъ) всю исторію Пруссіи до Фридриха II, безъ чего въ сочиненіи на спеціальную тему прямо можно обойтись, и то же слѣдуетъ сказать о главѣ II, гдѣ довольно подробно разсказывается исторія воспитанія Фридриха II. Въ слѣдующей (III) главѣ авторъ ближе подходитъ къ темѣ, посвящая эту главу вліянію Вольтера на Фридриха II, но и тутъ слишкомъ много отведено мѣста изложенію идей Вольтера. Только съ IV главы авторъ переходитъ прямо къ темѣ, начавъ съ характеристики философскаго и моральнаго міросозерцанія Фридриха II. Это міросозерцаніе, дѣйствительно, заслуживаетъ весьма внимательнаго къ себѣ отношенія и съ точки зрѣнія темы, но авторъ счелъ нужнымъ лишь „коснуться“ этого предмета „хоть вкратцѣ“, потерявъ время на общее изложеніе прусской исторіи. Четвертая глава работы вышла поэтому и очень короткой, и довольно поверхностной. Изъ этого видно, что авторъ недостаточно уяснилъ себѣ, въ чемъ должна была состоять его главная задача. По названію, данному V главѣ, слѣдовало ожидать подробнаго разбора сдѣланнаго Фридрихомъ II опроверженія макіавеллева „Государя“, но на самомъ дѣлѣ этого въ обозначенной главѣ мы не находимъ. Въ общемъ хотя изъ „Опроверженія Макіавелли“ приведено довольно много выдержекъ, интересныхъ самихъ по себѣ, но онѣ перемѣшаны съ выписками изъ другихъ сочиненій Фридриха II и не сдѣ-

лано анализа собственно самихъ возраженій Фридриха II противъ „Государя“ Макіавелли. Поэтому авторъ не выясняетъ намъ съ достаточною полностою, какъ же относился Фридрихъ II къ Макіавелли. Глава VI уже не вызываетъ такихъ замѣчаній, хотя и въ ней нерѣдки чисто внѣшніе переходы отъ одного предмета къ другому. Глава VII посвящена культурнымъ идеямъ Фридриха II. Если коечто здѣсь и имѣетъ прямое отношеніе къ политическимъ идеямъ, то содержаніе значительной части главы удобнѣе было перенести въ главу IV: отъ этого выиграла бы послѣдняя и была бы въ выигрышѣ систематичность всей работы. Кромѣ того, и тутъ встрѣчаются мѣста, которыя были бы умѣстнѣе въ другой связи. Особенно неудобнымъ оказывается то, что моральныя идеи Фридриха II излагаются послѣ идей политическихъ. Глава IX, въ коей авторъ на основаніи сочиненій самого Фридриха говоритъ о его взглядахъ на его предшественниковъ и на прусскіе порядки, была бы умѣстнѣе въ началѣ сочиненія и должна была бы замѣнять ненужный пересказъ прусской исторіи и біографіи Фридриха II до 1740 г.

Въ сущности достоинства и недостатки работы № 17 тѣ же, что и работы № 4, съ тѣмъ лишь различіемъ, что несистематичность второй выступаетъ гораздо рельефнѣе. За то авторъ второй работы не дѣлаетъ безпрестанно выписокъ изъ чужихъ сочиненій и такъ или иначе высказываетъ собственные взгляды. Принимая въ расчетъ начитанность автора и общую правильность его сужденій, и его работу можно признать въ виду потраченнаго труда и добросовѣстнаго отношенія къ предмету достойною не только почетнаго отзыва, но даже и серебряной медали“, которая и присуждена автору, студенту VI семестра Ричарду Геппенеру.

Третье сочиненіе (№ 36) съ девизами: „Dum docent, discunt“ и „On ne juge pas les hommes sur leur parole; ce serait le moyen de se tromper toujours; mais on compare leurs actions ensemble et puis leurs actions et leurs discours“—награды не удостоено.

На тему по *средней исторіи* „Anecdota Прокопія, вопросъ о подлинности и достовѣрности“ представлено одно сочиненіе № 16 съ девизомъ „Rudimentum“.

„Задача изслѣдованія, говоритъ записка, долженствовавшаго служить отвѣтомъ на заданную тему, а также и путь, которому оно должно было слѣдовать, прекрасно изложены въ предисловіи автора, написанномъ, очевидно, послѣ заключенія всей рабаты.

Изслѣдованіе распадается на два отдѣла. Вопросъ о подлинности, то есть, о принадлежности Тайной Исторіи Прокопію, автору сочиненій „О войнахъ“ и „О постройкахъ“ Юстиніана, разбирается въ первой главѣ. Здѣсь приходилось имѣть въ виду обширную ученую ли-

тературу. Чтобы отдать себѣ отчетъ въ томъ, что сдѣлано, можно было поступить двоякимъ образомъ: или прослѣдить съ начала все развитіе вопроса въ хронологическомъ порядкѣ, сопровождая каждое отдѣльное сочиненіе своею оцѣнкою и замѣчаніями, или же сдѣлать сводъ доселѣ высказывавшихся аргументовъ за и противъ и опредѣлить свое къ нимъ отношеніе. Авторъ изслѣдованія сразу обнаружилъ свою большую наклонность къ логичности и систематичности тѣмъ, что выбралъ послѣдній путь, избѣжавъ благодаря такому способу многихъ неудобствъ и все-таки не теряя изъ виду литературно-исторической послѣдовательности. При разборѣ прежнихъ изслѣдователей нашъ авторъ, казалось бы, рѣшительно склоняется въ пользу подлинности, но нѣтъ—онъ хочетъ быть осторожнымъ и безпристрастнымъ. Переходя къ положительнымъ аргументамъ въ пользу принадлежности Тайной Исторіи Прокопію, онъ дѣлаетъ *свои* весьма цѣнныя замѣчанія, которыя обращаются и въ ту, и въ другую сторону. Первый изъ трехъ аргументовъ подлинности—внѣшнія свидѣтельства, знакомство съ Тайною Исторіею другихъ византійскихъ писателей — признанъ неубѣдительнымъ. Второй аргументъ—ссылки внутри Тайной Исторіи на другія несомнѣнно подлинныя сочиненія Прокопія или внѣшнее соотвѣтствіе содержанія Тайной Исторіи и Войнъ (не въ полномъ объемѣ) тоже не считается рѣшительнымъ. Правда, ссылки дѣлаются съ прямыми и настойчивыми указаніями на тождественность своего *я* здѣсь и тамъ, правда, что онѣ обнаруживаютъ такое знакомство съ содержаніемъ Войнъ до послѣдняго факта, что это едва ли было возможно для фальсификатора; однако, въ глазахъ автора диссертаціи такая возможность не совсѣмъ исключается".

Указавъ затѣмъ на незначительные пробѣлы, происшедшіе отъ того, что авторъ сочиненія предполагалъ въ читателѣ знакомство съ прежними изслѣдователями, рецензентъ продолжаетъ: „какъ бы то ни было, авторъ дѣлаетъ свое заключеніе въ пользу подлинности съ полнымъ и твердымъ убѣжденіемъ, которое онъ пріобрѣлъ всестороннимъ изученіемъ литературы вопроса и самостоятельнымъ глубокимъ изученіемъ самаго источника. Есть у него новыя соображенія, впервые прилагаемыя къ рѣшенію старой проблемы. Онъ усвоилъ гипотезу Гори (Haury) о времени написанія Тайной Исторіи въ 550 вмѣсто 559 и усвоилъ не слѣпо, а постаравшись не только ее провѣрить, но и возвести на степень доказанной истины; точно также онъ не безъ основанія настаиваетъ на постепенномъ написаніи книгъ о Войнахъ, указывая на сохранившіеся слѣды первоначальной редакціи въ позднѣйшихъ изданіяхъ. Наконецъ, онъ сдѣлалъ интересныя замѣчанія о планѣ самой Тайной Исторіи и, кажется, вѣрно уловилъ нить въ изложеніи, которое послѣ первыхъ одиннадцати главъ пред-

ставлялось всѣмъ безпорядочнымъ и запутаннымъ. Все это вмѣстѣ дало возможность автору устранить нѣкоторыя изъ весьма важныхъ затрудненій, стоявшихъ на пути положительнаго рѣшенія основного вопроса".

„Вопросу о достовѣрности Тайной Исторіи, говоритъ далѣе записка, —или же о цѣнности ея фактическихъ сообщеній посвящены двѣ главы. Авторъ опять избралъ прекрасный методъ и планъ для своего изслѣдованія. При этомъ обнаруживается глубокое и самостоятельное знакомство автора съ источниками, причемъ привлечены къ дѣлу и такіе источники, которые были неизвѣстны или недоступны прежнимъ корифеямъ. При систематической провѣркѣ, въ первый разъ сдѣланной въ такой полнотѣ и съ такой основательностью, извѣстія Тайной Исторіи оказываются чисто недостовѣрными источниками, преувеличенными; но изслѣдователь, какъ и подобало, не ограничивается такимъ внѣшнимъ результатомъ, напротивъ, онъ старается раскрыть, какіе факты дѣйствительности скрываются подъ маловѣроятными объясненіями, а съ другой стороны—онъ сводитъ отдѣльныя показанія къ болѣе общимъ представленіямъ, характеризующимъ міросозерцаніе, политическіе и соціальные взгляды автора, пытается опредѣлить—въ какихъ кругахъ и на какой почвѣ могли они возникнуть. Изъ трехъ приложеній одно посвящено дальнѣйшей разработкѣ гипотезы Гори о времени написанія Тайной Исторіи и болѣе подробному ея обоснованію. Нашъ авторъ имѣлъ столь хорошій запасъ детальнаго изученія сочиненій Прокопія, что ему не представляло трудности прибавить отъ себя не меньше, чѣмъ онъ нашелъ у своего предшественника. Два другія приложенія касаются терминологіи и порядковъ римско-византійской податной системы. Это—совсѣмъ свое и новое. Рѣчь идетъ о происхожденіи и первоначальной компетенціи *логоѳетовъ*, играющихъ выдающуюся роль въ позднѣйшей византійской администраціи, о descriptiones, о подати называемой у Прокопія *аерикон*ъ (воздушной или вѣтряной). Вѣрно ли предлагаемое рѣшеніе загадочныхъ пунктовъ, рецензентъ не можетъ съ рѣшительностью высказаться, но онъ отдаетъ полную честь остроумію и кажущейся основательности соображеній.

Вообще нужно сказать, что свою задачу авторъ диссертаціи разрѣшилъ совершенно удовлетворительно, а во второмъ отдѣлѣ—по вопросу о достовѣрности—превосходно. Факультетъ можетъ привѣтствовать въ немъ выступающую многообѣщающую ученую силу, большой талантъ историка и изслѣдователя". Автору этого сочиненія, студенту Борису Панченко, присуждена золотая медаль.

На заданную тему по китайской словесности: „Царствованіе Ханьскаго Императора У-ди" представлено одно сочиненіе съ девизомъ:

„Въ книгѣ не скажешь всѣхъ словъ,
„Словами не скажешь всѣхъ мыслей".

Китайская поговорка.

„Авторъ, желая строго выполнить требованіе темы, дать очеркъ всего долголѣтняго и знаменательнаго царствованія У-ди, выработалъ планъ сочиненія, который дозволилъ ему въ сжатомъ очеркѣ достичь цѣли и изложить всѣ важнѣйшія стороны этого царствованія. Онъ систематически излагаетъ вступленіе У-ди на престолъ, возрожденіе конфуціанства, борьбу конфуціанства съ даосизмомъ, объединеніе Китая, борьбу съ хуннами, путешествія императора и послѣдніе годы его царствованія. Изъ большаго числа точныхъ указаній на источники видно, что авторъ внимательно изучилъ труды русскихъ и европейскихъ синологовъ, относящіеся до трактуемаго предмета, а также до извѣстной степени китайскія лѣтописи, пользуясь коими далъ китайскую транскрипцію всѣхъ собственныхъ именъ. — Можно бы желать болѣе непосредственнаго изученія авторомъ китайскихъ источниковъ и въ другомъ отношеніи; но нельзя не принять во вниманіе трудность такого изученія для начинающаго синолога, въ особенности въ предѣлахъ того времени, которымъ студентъ можетъ располагать для сочиненія на заданную тему.

Несомнѣнными достоинствами разбираемаго сочиненія надо признать: хорошій языкъ, ясность изложенія и основательность оцѣнки нѣкоторыхъ событій и дѣйствующихъ лицъ. — Фактическую сторону завоеваній У-ди и положеніе Китая въ концѣ этого царствованія авторъ наглядно представилъ на картѣ, составленной имъ отъ руки. Внѣшній видъ сочиненія и его объемъ свидѣтельствуютъ также о большомъ трудолюбіи автора. Это хорошій студенческій трудъ", и потому авторъ его, студентъ Дмитрій Янчевецкій, награжденъ золотою медалью.

Диссертація № 14 съ девизомъ: „Feci quod potui", представленная на тему по персидской словесности: „Личность шаха персидскаго Насирэддина по его дневникамъ" имѣетъ большое достоинство; она основана исключительно на непосредственномъ знакомствѣ автора съ пятью собственными дневниками шаха изъ шести извѣстныхъ и напечатанныхъ; ихъ авторъ изучилъ довольно тщательно, хотя и не всѣ въ одинаковой степени. Но они, какъ матеріалъ для обрисовки личности персидскаго государя, могли бы быть исчерпаны авторомъ диссертаціи съ болѣе желательною полнотою: нѣкоторыя черты характера Насирэддина остались не отмѣченными. Работа въ значительной степени выиграла бы, если бы въ ней было отведено мѣсто литературѣ дневниковъ на востокѣ и западѣ, переводамъ ихъ на иностранные языки,

общей ихъ оцѣнкѣ и выясненію значенія ихъ среди литературныхъ памятниковъ современной Персіи. Авторъ диссертаціи могъ бы съ большею осторожностью подбирать выдержки изъ дневниковъ для подкрѣпленія своихъ выводовъ и положеній, и избѣжать нѣкоторыхъ недосмотровъ и промаховъ при переводѣ текста. Указанные недочеты не уничтожаютъ положительныхъ сторонъ работы, написанной съ большимъ интересомъ и любовью, и не мѣшаютъ автору ея, студенту Константину Карасеву, быть награжденнымъ серебряною медалью.

Для соисканія наградъ медалями въ 1895 году были предложены студентамъ и слушателямъ университета между прочимъ слѣдующія темы:

По историко-филологическому факультету: I. По *римской словесности*: Жизнь и политическая дѣятельность Куріона Младшаго.

II. По *древней исторіи*: 1) Исторія Греціи въ царствованіе Филиппа сына Димитрія и 2) Законы Солона: исторія законодательства и возстановленіе текста законовъ.

III. По *новой исторіи*: Экономическія требованія буржуазіи въ наказахъ 1789 г. (по изданію „Archives parlementaires“ подъ редакціей Лорана и Мавидаля).

По факультету восточныхъ языковъ: I. По *исторіи Востока*: Походы Чингисъ-хана.

II. (1894 г.).

Сдѣлаемъ выдержки и изъ отчета за 1894 г., вышедшаго къ 8-му февраля сего 1895 г. и составленнаго проф. В. В. Ефимовымъ.

Оставленныхъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію въ 1894 году было—89.

Изъ нихъ при историко-филологическомъ факультетѣ состояло 26, при чемъ *со стипендіями состояли*: а) на счетъ штатной суммы: Александръ Васильевъ, Иванъ Лапшинъ и Сергѣй Рункевичъ (по 1 декабря); б) изъ суммы въ 18000 р., ассигнованной С.-Петербургскому университету на стипендіи и пособія: Михаилъ Ростовцевъ (по 1 іюля).

Безъ стипендій: Борисъ Александровъ, Евгеній Аничковъ, Михаилъ Быстровъ (по 1 сентября), Георгій Гинкенъ, Владимиръ Голованъ (съ 1 ноября), Эрвинъ Гриммъ (по 11 мая), Сергѣй Жебелевъ (по 1 декабря), Николай Колоколовъ, Иванъ Лаппо, Робертъ Леперъ, Борисъ Меліоранскій, Владимиръ Нечаевъ (съ 1 октября), Николай Павловъ-Сильванскій (по 1 ноября), Борисъ Панченко (съ 1 октября), Владимиръ Перетцъ, Димитрій Петровъ (съ 1 ноября), Иринархъ По-

ловникинъ (съ 1 апрѣля), Александръ Погодинъ (съ 1 октября), Михаилъ Поліевктовъ (съ 1 октября), Александръ Прѣсняковъ, Сергѣй Рождественскій (по 1 сентября), Михаилъ Ростовцевъ (съ 1 іюля по 1 декабря), Сергѣй Рункевичъ (съ 1 декабря), Василій Сиповскій (съ 1 октября), Николай Тупиковъ, Николай Усовъ, Григорій Церетели, Петръ Шефферъ (по 1 сентября).

Въ отчетномъ году по историко-филологическому факультету возведены въ ученыя степени 2 лица: 1) Николай Августовичъ Гельвихъ—степень магистра римской словесности, по защищеніи диссертаціи „Наблюденія надъ именами прилагательными у Плавта", и 2) Георгій Васильевичъ Форстенъ—степень доктора всеобщей исторіи, по защищеніи диссертаціи „Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII вѣкахъ".

На историко-филологическомъ факультетѣ происходили слѣдующія практическія занятія съ студентами, имѣющія отношеніе къ исторіи: проф. Ѳ. Ѳ. Соколовъ руководилъ разъ въ недѣлю занятіями студентовъ по чтенію греческихъ надписей; проф. Н. И. Карѣевъ велъ въ весеннемъ семестрѣ 1894 г. практическія занятія со студентами старшихъ семестровъ по исторіографіи французской революціи.

На юридическомъ факультетѣ приватъ-доцентъ М. И. Свѣшниковъ велъ практическія занятія со студентами, посвященныя обзору законодательныхъ и административныхъ памятниковъ русскихъ и иностранныхъ. Всѣ темы (за исключеніемъ одной: объ іерусалимскихъ ассизахъ) были предлагаемы съ цѣлью, чтобы студенты ознакомились со Сводомъ Законовъ Россійской имперіи. Онѣ касались слѣдующихъ томовъ Свода: I (сенатъ, комитетъ министровъ), II (должность губернатора, городовое положеніе), III (о службѣ гражданской), IX (о дворянствѣ) и особаго приложенія къ IX тому (общія положенія о крестьянахъ).

Въ рубрикѣ „Научно-литературные труды профессоровъ и другихъ преподавателей университета отмѣчены между прочимъ слѣдующія работы: проф. В. Г. Рождественскій окончилъ печатаніе изслѣдованія: новооткрытый отрывокъ апокрифическаго Евангелія ап. Петра (въ журналѣ „Христіанское чтеніе"). Проф. Н. И. Карѣевъ напечаталъ: а) книги: 1) исторія Западной Европы въ новое время, т. IV; 2) Историко-философскіе и соціологическіе этюды; 3) Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи (вышли двумя изданіями); б) статьи: 4) Экономическій матеріализмъ въ исторіи („Вѣстникъ Европы"); 5) Новая попытка экономическаго обоснованія исторіи („Русское Богатство"); 6) Открытое письмо къ учащейся молодежи („Русская Жизнь"); 7) Объ общемъ значеніи историческаго образованія („Историческое Обозрѣніе"); редактировалъ „Историческое Обозрѣніе" и историческій

отдѣлъ въ русскомъ „Энциклопедическомъ словарѣ“, гдѣ помѣстилъ нѣсколько статей, участвовалъ въ редактированіи словаря профессоровъ Спб. университета. Въ Историческомъ обществѣ состоитъ предсѣдателемъ и сдѣлалъ въ немъ докладъ: „Новая историческая теорія съ экономическимъ оттѣнкомъ“. Читалъ публичную лекцію въ Москвѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ Московскаго университета. Темой лекціи было „Личное начало въ исторіи“ (число посѣтителей было около 500). Проф. С. Ѳ. Платоновъ напечаталъ входящіе въ XV томъ „Русской Исторической Библіотеки“, издаваемой археографической коммиссіей, тексты Новгородскихъ кабальныхъ книгъ 1597, 1599 и 1600 гг.; помѣщалъ отзывы о книгахъ по русской исторіи въ журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія. Весною былъ избранъ на должность управляющаго отдѣленіемъ славянской и русской археологіи Импер. русскаго археологическаго общества. Осенью былъ избранъ въ число членовъ археографической коммиссіи Министерства Нар. Просвѣщенія. Пр.-доц. А. С. Лаппо-Данилевскій напечаталъ статью: Кормленая книга Костромской чети 1613—1627 гг. Читалъ сообщенія: 1) дворянское землевладѣніе въ Московскомъ государствѣ XVII вѣка—въ Археологическомъ обществѣ; 2) Научное значеніе трудовъ доктора Ингвальда Ундсета—въ Историческомъ Обществѣ при Спб. университетѣ. Занимался въ московскихъ архивахъ по исторіи XVIII вѣка. Пр.-доц. Н. Д. Чечулинъ: 1) окончилъ печатаніе предисловія и указателя къ „Писцовымъ книгамъ XVI в.“, изданнымъ Импер. Русскимъ Географическимъ Общ.; 2) напечаталъ біографическій очеркъ „Іоаннъ III Васильевичъ, великій князь всея Руси“—въ словарѣ Импер. Русскаго Историческаго Общества; 2) въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщ. статью: „Проектъ Императорскаго Совѣта въ первый годъ царствованія Екатерины II. Пр.-доц. А. Н. Щукаревъ напечаталъ: 1) Археологическую хронику Эллинскаго Востока въ „Филологическомъ Обозрѣніи“; 2) редактировалъ 6-е изданіе учебника Исторіи Греціи и Рима Гуревича, 3) помѣстилъ рядъ статей въ Энциклопедическомъ Словарѣ. Проф. В. И. Сергѣевичъ напечаталъ въ Журналѣ министерства юстиціи, за ноябрь 1894, статью: „Новыя направленія въ наукѣ государственнаго права“. Въ началѣ года издалъ въ видѣ руководства студентамъ: „лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права“. Проф. Н. И. Веселовскій напечаталъ: 1) киргизскій разсказъ о русскихъ завоеваніяхъ въ Туркестанскомъ краѣ; 2) Орхонскія открытія (въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія). Пр.-доц. Н. А. Мѣдниковъ печатаетъ изданіе Православнаго Палестинскаго Общества: „исторіи Палестины по арабскимъ источникамъ“. Напечатаны извлеченія изъ сочиненій арабскихъ историковъ и географовъ.

И на этотъ разъ къ отчету приложена довольно большая записка

(стр. 129 — 160) о наградахъ студентовъ С.-Петербургскаго университета медалями въ 1895 г. и о вновь предложенныхъ темахъ для соисканія наградъ медалями въ 1896. г. Мы дѣлаемъ нѣсколько выдержекъ.

На тему: „Исторія Греціи въ царствованіе Филиппа сына Димитрія“ представлены два сочиненія.

Въ сочиненіи № 24, съ 2 девизами: „ὁρᾷς τὸ δῖον οὐ βέλος διέπτατο“ и

„Вблизь солнца, на одной изъ маленькихъ планетъ,
Живетъ двуногій звѣрь, не крупнаго сложенія,
И думаетъ, что онъ—вѣнецъ творенья“,—

„видно стараніе автора воспользоваться всѣми относящимися къ исторіи Филиппа сына Димитрія источниками и пособіями: упомянуты и менѣе важные изъ древнихъ авторовъ, разсмотрѣны почти всѣ надписи. Подвергнутъ разбору порядокъ отрывковъ Поливія, установленный въ послѣднихъ изданіяхъ, и предложено нѣсколько перестановокъ, изъ которыхъ можно согласиться съ одной, а именно: IX книги, 40 параграфъ, отрывокъ 4-й долженъ быть поставленъ раньше параграфовъ 28 — 39. Затѣмъ важнѣе всего въ сочиненіи — исправленіе имени главнаго города Ѳракійскаго народа мэдовъ въ 25 главѣ XXVI книги Тита Ливія: Jamphorina (Jamphorynna). Къ сожалѣнію, авторъ недостаточно уяснилъ себѣ политическія отношенія Эллады и Македоніи описываемаго имъ времени, устройство этолійской и ахейской симполитій, и впадаетъ во многія ошибки при изложеніи событій“.

Авторъ этого сочиненія, студентъ VI семестра Владиміръ Завадскій-Краснопольскій, удостоенъ почетнаго отзыва.

На тему: „Жизнь и политическая дѣятельность Куріона младшаго“ представлено одно сочиненіе подъ № 5, съ девизомъ: „Дѣла людей переживаютъ ихъ“.

„Краткая, но богатая содержаніемъ жизнь Куріона младшаго, главнаго помощника Цезаря въ дѣлѣ его разрыва съ сенатомъ, изложена авторомъ въ VI главахъ, которымъ предпослано введеніе о римскомъ юношествѣ послѣднихъ временъ республики, написанное живо и увлекательно, но грѣшащее односторонностью. Изъ шести главъ біографіи 1-я имѣетъ содержаніемъ молодость Куріона (гл. обр. его дружбу съ Клодіемъ), 2-я—его оппозицію Цезарю во время консулата этого послѣдняго, 3-я—его жизнь между удаленіемъ Цезаря въ Галлію и его собственнымъ, Куріона, трибунатомъ, 4-я и самая пространная — трибунатъ Куріона, 5—его службу Цезарю во время италійскаго похода, 6—его самостоятельныя дѣйствія въ Сициліи и Африкѣ, завершившіяся его

смертью въ битвѣ въ Баградѣ. Авторъ вполнѣ добросовѣстно изучилъ источники описываемыхъ имъ событій, главнымъ образомъ, какъ это и слѣдовало ожидать, переписку Цицерона; въ великихъ хронологическихъ вопросахъ, которые неизбѣжно ставитъ эта переписка, онъ постарался разобраться самостоятельно, нерѣдко съ успѣхомъ полемизируя со своими предшественниками, главнымъ образомъ Ниссеномъ и О. Э. Шмидтомъ. При разработкѣ матеріаловъ авторъ стремился къ разумному прагматизму, постепенно разсматривая дѣятельность Куріона въ связи съ исторіей его эпохи, вникая въ причину и смыслъ его дѣйствій. Что касается изложенія, то авторъ видимо стремился дать въ своей работѣ художественное цѣлое со строго обдуманной диспозиціей, и его намѣреніе можно бы было признать удавшимся, если бы не нѣкоторыя длинноты и повторенія. Нельзя, наконецъ, не отозваться съ похвалой о языкѣ автора, живомъ, энергическомъ и разнообразномъ, благодаря которому его работа читается не только съ интересомъ, но и съ удовольствіемъ".

Въ виду всего сказаннаго авторъ этого сочиненія, студентъ VI семестра Павелъ Митрофановъ, награжденъ золотою медалью.

На тему по исторіи Востока „О походахъ Чингисъ-хана" представлено двѣ диссертаціи. „Первая подъ дивизомъ: „Les grands noms se font à l'Orient (за № 23) представляетъ очень обширный трудъ, въ которомъ походы Чингисъ-хана изложены въ такой полнотѣ, какая только возможна по имѣющимся источникамъ объ этомъ предметѣ. Если бы авторъ диссертаціи № 23 разработалъ критически приводимыя имъ извѣстія, онъ могъ бы представить очень цѣнную работу по заданной темѣ; но онъ этого не сдѣлалъ. Вѣроятно, по недостатку времени ему не удалось основательно изучить свои источники. Авторъ не разобрался въ противорѣчіяхъ и даже не сдѣлалъ попытокъ къ тому. Онъ слишкомъ увлекается Чингисъ-ханомъ, во всѣхъ его дѣйствіяхъ видитъ хорошо обдуманный планъ, не допускаетъ никакихъ случайностей. Видно, однако, что авторъ вдумывался въ свою задачу. Съ большинствомъ предположеній и взглядовъ автора согласиться нельзя, и въ своемъ изложеніи онъ обнаружилъ недостаточное знакомство съ исторіей; но попытка его все-таки заслуживаетъ вниманія, потому что авторъ старается пріобрѣсти свой взглядъ на историческія событія".

Въ виду этихъ достоинствъ диссертаціи за № 23 авторъ ея, студентъ Николай Яновскій, награжденъ серебряною медалью.

Вторая диссертація, за № 21, подъ девизомъ: „Fac et spera", „уступаетъ первой. Хотя авторъ ея очень старательно изложилъ походы Чингисъ-хана и въ достаточной полнотѣ, но онъ не останавливается надъ вопросами, которые невольно должны возникать при подобной работѣ. Онъ почти нигдѣ не дѣлаетъ попытокъ освѣтить дѣло,

почти нигдѣ не высказываетъ своихъ взглядовъ, къ тому же онъ не обнаружилъ въ достаточной мѣрѣ умѣнья пользоваться источниками.

Но все-таки авторъ приложилъ не мало труда для своей работы и даже составилъ подробную карту походовъ Чингисъ-хана". Поэтому авторъ этой работы, студентъ Алексѣй Губарь, удостоенъ былъ почетнаго отзыва.

Для соисканія наградъ медалями въ будущемъ году предлагаются студентамъ университета слѣдующія темы:

По историко-филологическому факультету: I. По *русской исторіи*: Составъ, служебное устройство и хозяйственное обезпеченіе гарнизонныхъ и полевыхъ войскъ въ южныхъ городахъ Московскаго государства въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка.

II. По *славянской филологіи*: Представить разборъ документовъ, изданныхъ въ 1883 г. Сакелліономъ (письма Романа Лекапина, Льва Магистра и др.), и Слова, изданнаго въ 1894 г. проф. Ѳ. И. Успенскимъ „Ἐπὶ τῇ τῶν Βουλγάρων συμβάσει", какъ источниковъ исторіи Болгаріи Симеона.

III. По *новой исторіи*. Экономическія требованія буржуазіи въ наказахъ 1789 г. (по изданію „Archives parlementaires" подъ редакціей Лорана и Мавидаля).

По юридическому факультету: I. По *исторіи римскаго права*: Письменныя обязательства римлянъ.

II. По *исторіи русскаго права*: Сенатъ въ царствованіе Императоровъ Александра I и Николая I.

По факультету восточныхъ языковъ: I. По *китайской словесности*: Судьба Минской династіи на югѣ Китая послѣ 1644 года.

II. По *арабской словесности*: Изложить исторію Мухтара-ибн-Аби-Убейда на основаніи Табари, Ибн-ал-Асира и Дина-вери. При этомъ долженъ быть приложенъ полный переводъ показаній Табари.

Историческая наука въ Московскомъ университетѣ въ 1893—94 г.

I. 1893 г.г.

Пользуясь данными отчета московскаго университета, читаннаго на годичномъ актѣ 12 янв. 1894 г., мы приводимъ здѣсь нѣкоторыя интересующія насъ свѣдѣнія. Между учеными трудами членовъ университета отмѣтимъ слѣдующіе:

По историко-филологическому факультету: Заслуженные профессоры: Герье напечаталъ: статью о научной дѣятельности Тэпа и нѣсколько статей въ русскомъ энциклопедическомъ словарѣ. Коршъ по-

мѣстилъ въ журналѣ „Филологическое Обозрѣніе“ „Универсалы Петра Великаго къ буджацкимъ и крымскимъ Татарамъ“. Ординарные профессоры: Гротъ напечаталъ статьи: „Нравственный идеалъ нашего времени“ и „Основные моменты въ развитіи новой философіи“—въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“. Виноградовъ напечаталъ Учебникъ Всеобщей Исторіи, часть I (Древній Міръ); въ „Русской Мысли“—„Т. Н. Грановскій“, „Новыя работы по исторіи Греціи“. Экстраординарные профессоры: Лопатинъ напечаталъ: „Къ вопросу о міросозерцаніи бл. Августина“ (Н. А. Звѣревъ и Л. М. Лопатинъ, Вопр. фил. и псих., кн. XIII). Корелинъ читалъ публичную лекцію для учащихся о египетской религіи и напечаталъ ее отдѣльнымъ изданіемъ: „Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Выпускъ I. Египетскіе боги, ихъ храмы и изображенія“. Москва, 1893; напечаталъ статью—„Casa gioјоsa. Эпизодъ изъ исторіи новой школы“, въ сборникѣ „Въ пользу воскресныхъ школъ“, нѣсколько статей въ русскомъ энциклопедическомъ словарѣ и нѣсколько рецензій въ журналѣ „Русская Мысль“. Безобразовъ напечаталъ отдѣльнымъ изданіемъ „Историческія статьи“. Приватъ-доценты: Линниченко оканчиваетъ печатаніе диссертаціи „Черты изъ исторіи сословій въ юго-западной Руси“ XIV—XV вв. Доброклонскій напечаталъ: „Руководство по Исторіи русской церкви“, вып. IV, Синодальный періодъ. Москва, 1893 г., и статьи: „Иноземныя вліянія, самодѣятельность и прогрессъ въ исторіи русской церкви“ (Чт. въ Общ. люб. дух. просвѣщ.), „Религіозность въ древней и новой Россіи“ (начато печатаніемъ въ „Душеп. Чтеніи“).

По юридическому факультету: Ординарные профессоры: Янжулъ напечаталъ собраніе журнальныхъ статей по соціальному вопросу подъ заглавіемъ „Въ поискахъ лучшаго будущаго. Соціальные этюды“, помѣстилъ статью объ англійской переселенческой политикѣ въ сборникѣ „Путь-дорога“, изд. въ Петербургѣ въ 1893 г., и совершилъ рядъ экономическихъ изслѣдованій въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Чупровъ приготовилъ для коммиссіи на присужденіе преміи имени Ю. Ѳ. Самарина разборъ книги В. В. „Крестьянская община“, который и напечаталъ въ 9-й кн. „Русской Мысли“. Гр. Комаровскій прочелъ съ благотворительною цѣлью двѣ публичныя лекціи: „Россія и Европа“ („Русская Мысль“) и „Идея мира и милитаризмъ“ (Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній, Т. I), и сдѣлалъ сообщеніе въ Юридическомъ Обществѣ: „Федеративныя формы современнаго государства“. (Тотъ же сборникъ, Т. II). Приватъ-доценты: Уляницкій напечаталъ: „О междукняжескихъ отношеніяхъ во Владиміро-Московскомъ велик. княженіи XIII—XV вв.“ въ „Чтеніяхъ въ Импер. Москов. Общ. исторіи и древностей“; нѣсколько рефера-

товъ, критическ. статей и замѣтокъ въ „Трудахъ Моск. Нумизматическаго Общества", начало изслѣдованія „Историческое развитіе русскихъ консульствъ за границею" въ 5 вып. „Сборника Моск. главн. Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ".

Занятія студентовъ въ семинаріяхъ. Въ этомъ отдѣлѣ отчета между прочимъ читаемъ: по всеобщей исторіи—з. п. В. И. Герье велъ, для студентовъ V и VI семестра Историческаго отдѣленія, въ весеннее полугодіе семинарій по Римской исторіи, а въ осеннее—по Новой исторіи; у о. пр. П. Г. Виноградова—въ весеннее полугодіе студенты VIII семестра того же отдѣленія разбирали Ἀθηναίων πολιτεία Аристотеля, а въ осенній—студенты VII семестра того-же отдѣленія занимались Германіей Тацита и источниками по исторіи землевладѣнія у Франковъ; э.-о. пр. М. С. Корелинъ, въ осеннее полугодіе, для студентовъ V семестра того же отдѣленія, велъ семинаріи по исторіи реформаціи; по Русской исторіи—у о. пр. В. О. Ключевскаго, въ весеннее полугодіе, студенты обоихъ семестровъ историческаго отдѣленія слушали обзоръ главныхъ видовъ источниковъ Русской исторіи съ семинарскими упражненіями по поводу ихъ; въ осеннее полугодіе подобныя же занятія происходили у пр.-д. П. Н. Милюкова.

Лицъ, оставленныхъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ, въ теченіе 1893 года состояло на историко-филологическомъ факультетѣ 19 человѣкъ; изъ нихъ 6 получали стипендіи.

Въ томъ же отчетѣ помѣщены и слѣдующія свѣдѣнія о состоящихъ при Московскомъ университетѣ ученыхъ обществахъ:

Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ. Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу г. Министра Народнаго Просвѣщенія, въ 12 день января 1893 г. Высочайше соизволилъ предоставить г. Министру Народнаго Просвѣщенія право утвердить въ измѣненномъ видѣ уставъ Общества, удостоенный 21 января 1811 года Высочайшаго одобренія въ Бозѣ почившаго Императора Александра I. 19-го того же января 1893 г. означенный новый уставъ Общества былъ утвержденъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Вслѣдствіе сего временно исполнявшій обязанности предсѣдателя Общества дѣйст. членъ Ю. Д. Филимоновъ, избранный на сію должность до утвержденія новаго устава, сложилъ съ себя званіе предсѣдателя и предсѣдателемъ Общества въ засѣданіи 21 февраля былъ избранъ дѣйств. членъ проф. В. О. Ключевскій, который 12 марта утвержденъ въ семъ званіи г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія. Въ виду же отъѣзда В. О. Ключевскаго на Кавказъ временнымъ предсѣдателемъ Общества (до возвращенія въ Москву В. О. Ключевскаго), по силѣ § 27 устава Общества, состоитъ дѣйств. членъ А. А. Майковъ. Такимъ образомъ Общество, вступая въ 90-ую го-

дину своего существованія, начало свою дѣятельность при новомъ уставѣ и новомъ предсѣдателѣ. Остальныя должностныя лица Общества въ 1893 г. были тѣ же, что и въ минувшемъ году: секретаремъ —Е. В. Барсовъ, казначеемъ—С. А. Бѣлокуровъ, библіотекаремъ— Ю. Д. Филимоновъ и помощникомъ библіотекаря—Е. И. Соколовъ.

Въ настоящее время въ Обществѣ состоитъ: 18 почетныхъ членовъ, 99 дѣйствительныхъ членовъ и 37 членовъ-соревнователей.

Общество имѣло одно годичное засѣданіе, 6 обыкновенныхъ и 4 чрезвычайныхъ. На каждомъ обыкновенномъ и годичномъ засѣданіяхъ Общества были дѣлаемы отъ 1 до 3 научныя сообщенія. Такъ были прочитаны рефераты дѣйствит. членами: С. А. Бѣлокуровымъ— „О новыхъ найденныхъ имъ документахъ, касающихся Юрія Крижанича"; Е. В. Барсовымъ—„Петръ Первый въ его отношеніи къ Поморскому расколу" и „Что значитъ у Константина Багрянороднаго русское названіе Днѣпровскаго порога ἀειφάρ"; В. А. Уляницкимъ— „Междукняжескія отношенія въ Владимиро-Московскомъ великомъ княжествѣ въ XIV—XV вв." (къ вопросу о двуименныхъ или „союзныхъ" деньгахъ); б) членами-соревнователями: Н. И. Аммономъ— „Къ вопросу о распредѣленіи столовъ между русскими князьями въ XI—XII вв."; А. В. Башкировымъ—„О краткомъ созерцаніи 7190—7192 лѣтъ, въ нихъ же что содѣяся во гражданствѣ", составленномъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ и М. Н. Сперанскимъ—„Объ итальянскомъ сборникѣ изреченій въ Славянскихъ переводахъ" и „Югославянскій хронографъ по сравненію съ первой редакціей русскаго".

Въ текущемъ году Обществомъ были изданы 4 тома его „Чтеній": 164, 165, 166 и 167, книги 1, 2, 3 и 4 за 1893 годъ. Въ нихъ были напечатаны: I. Изслѣдованія: а) еп. Сергія Соколова—„Московскій Благовѣщенскій свящ. Сильвестръ, какъ государственный дѣятель"; б) проф. А. М. Никитскаго—„Исторія экономическаго быта великаго Новгорода"; в) В. О. Эйнгорна—„О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича"; г) М. К. Любавскаго—„Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-русскаго государства ко времени изданія 1-го Литовскаго статута"; д) В. А. Уляницкаго—„Междукняжескія отношенія во Владимиро-Московскомъ великомъ княжествѣ въ XIV—XV вв.". II. Матеріалы историческіе: а) „Датскій Архивъ. Матеріалы по исторіи древней Россіи, хранящіеся въ Копенгагенѣ 1326—1690 гг.". Сообщилъ Ю. Н. Щербачевъ; б) „Московскій Китай городъ въ XVII в." Сообщилъ А. М. Зерцаловъ; в) „Окладная расходная роспись денежнаго и хлѣбнаго жалованья за 1681 г." (Къ исторіи государств. росписей XVIII в.). Сообщилъ онъ же; и г) „Грузинскіе дворянскіе акты и родословныя росписи". Съ предисловіемъ А. С. Ха-

ханова. III. Матеріалы иностранные: а) „Новый источникъ для исторіи московскихъ волненій 1648 г.“ („Краткое и правдивое описаніе опаснаго мятежа, происшедшаго среди простого народа въ городѣ Москвѣ 9 іюня 1648 г.“). Съ предисловіемъ С. Ѳ. Платонова; и б) 6 документовъ, касающихся пребыванія Петра I въ Даніи въ 1816 г., извлеченныхъ изъ Копенгагенскихъ архивовъ Ю. Н. Щербачевымъ. И кромѣ того въ V отдѣлѣ смѣси помѣщено было 15 статей меньшаго размѣра историческаго содержанія.

Общество Любителей Россійской Словесности. Въ истекшемъ 1893 году Общество собиралось въ 3 закрытыя засѣданія для обсужденія текущихъ дѣлъ и 3 раза въ публичныя, изъ которыхъ одно было всецѣло посвящено чествованію памяти И. С. Тургенева. Въ публичныхъ засѣданіяхъ принимали участіе: предсѣдатель Общества (нынѣ покойный), заслуж. проф. и орд. акад. Н. С. Тихонравовъ, гг. члены: Л. Ф. Маклакова, П. Д. Боборыкинъ, М. П. Садовскій, кн. А. И. Сумбатовъ, И. И. Ивановъ, И. Л. Леонтьевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, И. И. Янжулъ и И. Н. Потапенко.—Составъ должностныхъ лицъ Общества и подготовительнаго Комитета оставался тотъ же, что и въ прошломъ году. Въ отчетномъ году Общество потеряло заслуж. проф. и орд. акад. Н. С. Тихонравова, скончавшагося въ полномъ расцвѣтѣ ученой дѣятельности, 27 ноября. До конца срока выборовъ, его должность, согласно уставу, исправлялъ временный предсѣдатель проф. Н. И. Стороженко.

Психологическое Общество. Предсѣдателемъ Общества за истекшій годъ состоялъ проф. Н. Я. Гротъ, товарищемъ предсѣдателя—проф. Л. М. Лопатинъ, кандидатомъ товарища предсѣдателя приватъ-доцентъ кн. С. Н. Трубецкой, за отъѣздомъ за границу временнаго секретаря Общества—Ю. П. Бартенева—обязанности секретаря исполнялъ В. Н. Ивановскій; (съ 9-го октября 1893 г.), временнымъ товарищемъ секретаря былъ Н. М. Горбовъ, библіотекаремъ и редакторомъ „Трудовъ“ Общества—В. П. Преображенскій, казначеемъ—Н. А. Абрикосовъ, товарищемъ казначея проф. С. С. Корсаковъ. Въ настоящее время Общество состоитъ изъ 14 почетныхъ членовъ, 12 членовъ учредителей, 140 членовъ дѣйствительныхъ, 39 членовъ соревнователей и 4 членовъ корреспондентовъ.

Дѣятельность Общества, какъ и въ прошлые года, выражалась въ чтеніи, выслушиваніи и обсужденіи докладовъ гг. членовъ, въ печатаніи „Трудовъ“ и „Изданій“ Общества и въ участіи въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“. Въ теченіе отчетнаго года Общество имѣло 14 засѣданій, въ которыхъ были доложены и обсуждены слѣдующія сообщенія:

П. Е. Астафьева, Разборъ положеній проф. А. Введенскаго, вы-

сказанныхъ въ статьѣ „О предѣлахъ и признакахъ одушевленія". Л. М. Лопатина—о томъ же. Н. Я. Грота, Возраженія на ту же статью проф. Введенскаго—въ видѣ 11 положеній. Д. П. Конисси, Китайскій философъ Лаоси. В. П. Сербскаго, Психологическія воззрѣнія Теодора Мейнерта. Н. А. Иванцова, Ученіе Милля о четырехъ методахъ индуктивнаго изслѣдованія (прочитано В. Н. Ивановскимъ). В. А. Гольцева, О знаніи, снѣ и творчествѣ. П. А. Каленова, Вѣра и знаніе. В. Ѳ. Долгинцева, О значеніи арабской философіи. С. С. Корсакова, Къ психологіи микроцефаловъ. Л. М. Лопатина, О подвижныхъ ассоціаціяхъ представленій. П. Д. Боборыкина, Формулы и термины въ области прекраснаго. В. Р. Буцке, Анализъ условій мѣста и времени при ассоціаціяхъ идей.

Журналъ „Вопросы философіи и психологіи" съ 1-го ноября 1893 г. переданъ прежнимъ его издателемъ, А. А. Абрикосовымъ, въ собственность Психологическаго Общества со всѣмъ книжнымъ матеріаломъ, находящимся въ конторѣ журнала, и ея обстановкой, за что Общество постановило выразить А. А. Абрикосову свою искреннюю признательность и поднести ему адресъ.

Въ отчетномъ году Общество приступило къ изданіямъ, въ русскихъ переводахъ, трудовъ Паульсена „Введеніе въ философію" и Куно-Фишера „Артуръ Шопенгауэръ", а также выпустило вторымъ изданіемъ 2-й выпускъ своихъ „Трудовъ", содержащій „Пролегомены" Канта въ переводѣ почетнаго члена Общества—В. С. Соловьева, и подготовляло дальнѣйшіе выпуски „Трудовъ".

Московское Юридическое Общество. Въ 1893 г. бюро Общества состояло: изъ предсѣдателя С. А. Муромцева, товарищей предсѣдателя: гр. Л. А. Комаровскаго, Г. Л. Вербловскаго, секретаря Н. И. Ржондковскаго, товарищей секретаря: М. Н. Соболева, А. Н. Маркова, казначея В. В. Сиротинина и библіотекаря А. Ф. Акулова.

Въ 1893 году Общество издавало труды своихъ членовъ подъ заглавіемъ „Сборникъ правовѣдѣнія и общественныхъ знаній".

Въ теченіе года были доложены въ Юридическомъ Обществѣ слѣдующіе рефераты: М. Я. Герценштейномъ, „О меліоративномъ кредитѣ". М. Н. Соболевымъ, „Уголовное преслѣдованіе ростовщичества". Графомъ Л. А. Камаровскимъ, а) „О федеративныхъ формахъ современнаго государства", б) „Карлосъ Кальво" (некрологъ). С. А. Муромцевымъ, „Соображенія цѣлесообразности въ рѣшеніяхъ гражданскаго кассаціоннаго департамента Сената". Г. Л. Вербловскимъ, „Процессъ исполненія судебныхъ рѣшеній по новому закону". И. Я. Гурляндомъ, „Дѣйствующій уставъ предупрежденія и пресѣченія преступленій". В. А. Гольцевымъ, „О книгѣ Лоріа: Les bases économiques de la constitution sociale". Н. С. Капустинымъ, „Статистиче-

скія данныя о судѣ присяжныхъ". И. А. Вазановымъ, а) „Гражданско-правовая сторона мѣръ, необходимыхъ для улучшенія естественныхъ условій Европейской Россіи", б) „Водное право, его основныя начала въ иностранныхъ и русскомъ законодательствахъ". С. П. Швецовымъ, „Формы общиннаго владѣнія на Алтаѣ". В. Э. Грабаремъ, „Василій Андреевичъ Незабитовскій, какъ представитель науки международнаго права".

Бюро статистическаго отдѣленія Юридическаго Общества состояло изъ предсѣдателя А. И. Чупрова, товарища предсѣдателя Н. А. Каблукова, секретаря В. А. Косинскаго и товарища секретаря Л. Н. Мaресса.

Въ отдѣленіи были доложены слѣдующіе рефераты: А. И. Чупровымъ, „Памяти Ю. Э. Янсона". А. А. Корниловымъ, „Объ измѣненіяхъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ Моршанскаго уѣзда подъ вліяніемъ неурожая въ 1891 году". Л. Н. Марессомъ (въ двухъ засѣданіяхъ), „Потребленіе пищи въ Россіи и за границей". А. А. Новиковымъ, „Крестьянское земледѣліе въ Вятской губерніи и мѣры земства къ его улучшенію". И. И. Янжуломъ, „Переселенческое движеніе въ Англіи и мѣры помощи переселенцамъ, предпринимаемыя правительствомъ, обществомъ и частными лицами". К. А. Вернеромъ, „Осѣдлое и кочевое населеніе Семирѣченской области". П. А. Вихляевымъ, „Рабочій скотъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ". И. Х. Озеровымъ, „Нѣкоторые выводы относительно вліянія пола на преступность по даннымъ уголовной статистики Министерства Юстиціи".

II. 1894 г.

Пользуемся данными отчета Московскаго Университета, читаннаго на годичномъ актѣ 12 янв. 1895 г.

Ученые труды членовъ Университета въ 1894 году:

По историко-филологическому факультету. Заслуженный профессоръ Герье печаталъ критическій разборъ изслѣдованій Тэна о якобинцахъ (Вѣстн. Евр., сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь). Ординарные профессоры: Виноградовъ напечаталъ „Учебникъ всеобщей исторіи", часть II (Средніе вѣка), 1-е и 2-е изданія, часть I (Древній міръ), 2-е изданіе; „Кальвинъ и Женева" въ „Русской Мысли", а также нѣсколько критическихъ статей въ томъ же журналѣ. Корелинъ 1) читалъ публичную лекцію „Первая гуманистка" въ пользу Комитета грамотности и напечаталъ ее въ журналѣ „Русская Мысль" (1894, іюль); 2) читалъ публичную лекцію отъ Учебнаго Отдѣла Общества Распространенія Техническихъ Знаній и издалъ ее подъ за-

главіемъ: „Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи". Вып. II. Средневѣковая церковная готика и ея историческія основы. Москва, 1894; 3) читалъ рефератъ на I съѣздѣ художниковъ и любителей художествъ и напечаталъ его въ журналѣ „Русская Мысль" (1894, іюнь), подъ заглавіемъ: „Л. Б. Альберти и его отношеніе къ наукѣ и искусству"; 4) написалъ нѣсколько статей для Русскаго Энциклопедическаго словаря. Приватъ-доценты: Безобразовъ напечаталъ: „Наполеонъ и Жозефина" (Наблюдатель, № 1). Князь Трубецкой помѣстилъ небольшія статьи въ Русскомъ Энциклопедическомъ словарѣ о „Вопросахъ Философіи" и статью „Противорѣчія нашей культуры" въ „Вѣстникѣ Европы". Линниченко напечаталъ: 1) „Черты изъ исторіи сословій въ юго-западной (Галицкой) Руси XIV—XV вв.", въ 20 томѣ Записокъ Московскаго Университета и отдѣльно; 2) „Исторія Львовскихъ Армянъ" (на армянскомъ языкѣ), Москва, 1894; 3) „Новооткрытое свидѣтельство времени в. князя Изяслава Ярославича" (Археологическія извѣстія, изд. Императорскимъ Моск. Археологическ. Общест., 1894, № 11). Ивановъ въ журналѣ „Русская Мысль" напечаталъ статью: 1) „Демократическая публика въ эпоху просвѣщенія", 2) „Реформа общественныхъ отношеній во французской драмѣ", 3) „Люди и факты недалекаго прошлаго", въ журналѣ „Міръ Божій", „Прогрессъ и реакція", въ журналѣ „Артистъ": 1) „Вопросъ о театрѣ въ XVIII вѣкѣ", 2) Происхожденіе новой драмы", 3) „Сатирическая комедія во Франціи", 4) „Два міросозерцанія", 5) „Историко-Натуралистъ" (Тэнъ), и въ октябрѣ выпустилъ диссертацію подъ заглавіемъ: „Политическая роль французскаго театра въ связи съ философіей XVIII вѣка". Любавскій помѣстилъ въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія" за августъ мѣсяцъ критическую статью: „Къ вопросу объ удѣльныхъ князьяхъ и мѣстномъ управленіи въ Литовско-Русскомъ государствѣ" и издалъ ее отдѣльною брошюрою.

По юридическому факультету: Ординарные профессоры: графъ Комаровскій прочелъ публичную лекцію, „Новые союзы въ современной Европѣ" (Сѣв. Вѣстн. 1894 г., янв.). Тарасовъ напечаталъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" рядъ статей о вотчинномъ уставѣ и вотчинныхъ установленіяхъ. Приватъ-доценты: Уляницкій въ „Чтеніяхъ" Имп. Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ напечаталъ рефераты: „О междукняжескихъ отношеніяхъ въ Московскомъ великомъ княжествѣ XIII—XV вв."; по порученію Импер. Русск. Истор. Общества печаталъ 5-й т. „Политической переписки Екатерины II". Миклашевскій напечаталъ изслѣдованіе „Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго Государства, ч. 1-я. Заселеніе и сельское хозяйство южной окраины XVII вѣка".

Занятія студентовъ въ семинаріяхъ.

На историко-филологическомъ факультетѣ въ 1894 г. семинарскія занятія происходили: по Всеобщей исторіи, у з. п. В. И. Герье, причемъ занятія состояли въ анализѣ источниковъ для II и III книги Тита Ливія; у о. п. П. Г. Виноградова въ оссеннее полугодіе—въ разборѣ памятниковъ каролингскаго періода, а въ осеннее —въ разборѣ 'Αθηναίων πολιτεία Аристотеля и у э.-о. п. М. С. Корелина—въ практическихъ упражненіяхъ по исторіи эпохи Возрожденія; по Русской исторіи, въ весеннее полугодіе у п. д. П. Н. Милюкова, а въ осеннее у о. п. В. О. Ключевскаго разбирались главнѣйшіе источники Русской исторіи.

Темы для сочиненій на соисканіе медалей.

Въ истекшемъ академическомъ году для сочиненій на соисканіе студентами медалей, между прочимъ, были заданы слѣдующія темы: на историко-филологическомъ факультетѣ: „Бытовая сторона русскаго эпоса" и „Общественный строй Іерусалимскаго королевства".

Испытанія на ученыя степени и званія.

Въ виду особенныхъ научныхъ достоинствъ представленной на степень магистра диссертаціи, „Церковь и государство въ Женевѣ XV в. въ эпоху Кальвина", кандидатъ Випперъ возведенъ прямо въ степень доктора. Кромѣ того, кандидатъ Любавскій по представленіи диссертаціи „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго литовскаго статута" получилъ степень магистра.

Приводимъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ обществахъ, состоящихъ при Московскомъ Университетѣ:

Императорское Общество Исторіи Древностей Россійскихъ.

Должностными лицами общества въ 1894 г. состояли тѣ же члены, что и въ минувшемъ году (см. стр. 226).

Общество имѣло одно чрезвычайное засѣданіе для объявленія о второмъ присужденіи преміи Г. Ѳ. Карпова, одно годичное и 7 обык-

новенныхъ засѣданій, на коихъ были дѣлаемы членами Общества научныя сообщенія. Такъ были прочитаны рефераты: а) Е. В. Барсовымъ: Два новыхъ документа по крѣпостному хозяйству; б) С. А. Бѣлокуровымъ: О найденномъ имъ подлинномъ дѣяніи Московскаго церковнаго собора 1649 г.; в) А. А. Голубевымъ—Къ исторіи бунта Стеньки Разина въ Заволжьѣ; г) Н. Ѳ. Каптеревымъ: Объ участіи грековъ въ дѣлѣ осужденія патріарха Никона; д) В. А. Уляницкимъ—О положеніи русскихъ верховскихъ князей и въ частности князей Мосальскихъ въ Литовскомъ государствѣ въ XV вѣкѣ. Кромѣ того, предсѣдателемъ В. О. Ключевскимъ было сдѣлано сообщеніе объ ученой дѣятельности умершаго въ текущемъ году дѣйствительнаго члена Д. Ѳ. Масловскаго.

Общество Любителей Россійской Словесности.

Прошедшій 1894 годъ открылся выборами должностныхъ лицъ. На мѣсто покойнаго профессора-академика Н. С.Тихонравова († 27 ноября 1893 года), предсѣдателемъ Общества единогласно избранъ и затѣмъ утвержденъ въ должности г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія (3-го февраля 1894 года) ординарный профессоръ московскаго университета Николай Ильичъ Стороженко, состоявшій въ теченіе многихъ лѣтъ временнымъ предсѣдателемъ Общества. Мѣсто временнаго предсѣдателя, по избранію, занялъ профессоръ Лазаревскаго Института Алексѣй Николаевичъ Веселовскій, а на должность секретаря Общества избранъ магистрантъ московскаго университета, преподаватель Александровскаго и Екатерининскаго институтовъ Дмитрій Дмитріевичъ Языковъ. Въ остальныхъ должностяхъ состояли: членами Приготовительнаго Комитета—В. А. Гольцевъ и Л. И. Поливановъ, казначеемъ А. Е. Носъ и временнымъ секретаремъ В. И. Шенрокъ.

Въ теченіе года Общество имѣло:

1) Одиннадцать очередныхъ засѣданій, въ которыхъ разсматривались текущія дѣла, читались и обсуждались рефераты.

2) Три публичныя засѣданія.

Изъ дѣятельности Общества слѣдуетъ также отмѣтить:

а) изданіе сборника статей, подъ заглавіемъ: „Памяти Н. С. Тихонравова“ (М. 1894 г., 159 стр.);

б) участіе въ съѣздѣ русскихъ художниковъ;

в) поднесеніе привѣтственнаго адреса предсѣдателю Общества Н. И. Стороженко, по случаю исполнившагося тридцатипятилѣтія его учено-литературной дѣятельности;

г) поднесеніе жетона казначею Общества А. Е. Носу, по поводу его десятилѣтней службы Обществу.

Психологическое общество.

Личный составъ. Къ 1-му декабря 1894 года Общество состояло изъ 17 почетныхъ членовъ, 11 членовъ-учредителей, 139 дѣйствительныхъ членовъ, 41 члена-соревнователя и 7 членовъ-корреспондентовъ,—всего изъ 215 лицъ. 24 января 1894 г. были избраны на должности—предсѣдателя—проф. Н. Я. Гротъ, товарища предсѣдателя—проф. Л. М. Лопатинъ, кандидата товарища предсѣдателя — проф. С. С. Корсаковъ, секретаря — прив.-доц. А. С. Бѣлкинъ, казначея — Н. А. Абрикосовъ, библіотекаря—др. А. Г. Петровскій, и временнаго редактора „Трудовъ“ Общества—В. П. Преображенскій.

Въ теченіе отчетнаго года (съ 1-го декабря 1893 г. по 1-ое декабря 1894 г.). Общество имѣло 14 засѣданій: 1 годичное распорядительное и 13 очередныхъ. Въ 10 изъ послѣднихъ были доложены и обсуждены слѣдующія 10 сообщеній:

Н. Я. Грота. О значеніи идеи параллелизма въ психологіи.—П. А. Каленова. Споръ разсудка съ вѣрою.—Кн. Д. Н. Цертелева. Пространство и время — какъ формы явленій.—А. А. Токарскаго. Къ вопросу объ ассоціаціи идей.—В. А. Гольцева. О трактатѣ Фуллье „Психологія идей—силъ“.—А. А. Токарскаго. Роль воли въ психическомъ процессѣ.—Н. Я. Грота. О времени (два сообщенія).—В. Р. Бушке. Анализъ условій числа при ассоціаціяхъ идей.—П. Д. Боборыкина. Природа красоты.

„Труды“ и „Изданія“ Общества. Въ отчетномъ году Общество издало: Куно-Фишера, „Артуръ Шопенгауэръ“, 1-й выпускъ, въ перев. С. Н. Грумъ-Гржимайло и Фр. Паульсена — „Введеніе въ философію“, въ пер. Н. Титовскаго. Кромѣ того, общество приступило къ изданію перевода сочиненій Шеллинга „О свободѣ воли“ и „Бруно“ и продолжаетъ изданіе перевода соч. Куно-Фишера о Шопенгауэрѣ.

Московское Юридическое Общество.

Бюро Общества въ 1894 году составляли: предсѣдатель С. А. Муромцевъ, товарищи предсѣдателя графъ Л. А. Камаровскій и Г. Л. Вербловскій, секретарь М. Н. Соболевъ, товарищи секретаря В. В. Пржевальскій и П. М. Богаевскій, казначей В. В. Сиротининъ, библіотекарь А. Ф. Акуловъ.

Общество состояло изъ 26 почетныхъ членовъ и 296 дѣйствительныхъ членовъ.

Въ 1894 году были доложены слѣдующіе рефераты:

1) „Международный третейскій судъ въ Парижѣ 1893 г.“, графа Л. А. Камаровскаго.

2) „Объединеніе уголовнаго законодательства въ Швейцаріи“, В. В. Пржевальскаго.

3) „Къ вопросу о современномъ состояніи науки исторіи русскаго права“, В. Н. Сторожева.

4) „Къ ученію объ юридической природѣ государства и государственной власти (по поводу книги г. Коркунова: Указъ и законъ“), А. С. Алексѣева.

5) „Вотчинный уставъ и вотчинныя учрежденія по новымъ проектамъ“, И. Т. Тарасова.

6) „Замѣчанія на проектъ вотчиннаго устава“, А. А. Орлова.

7) „Къ вопросу о переработкѣ правилъ объ окончаніи предварительнаго слѣдствія“, В. С. Малченко.

8) „Преступленіе по Русской Правдѣ“, А. Д. Солодовникова.

9) „Вопросъ о положеніи судебной медицины въ Россіи на V съѣздѣ русскихъ врачей въ Петербургѣ“, А. В. Погожева.

10) „Уѣздный врачъ, какъ судебно-полицейскій врачъ“, Г. М. Бараицевича.

11) „Предѣлы наказуемаго“, Д. А. Дриля.

12) „Опытъ кодификаціи частнаго международнаго права. Конференція въ Гагѣ 1893 г.“, графа Л. А. Камаровскаго.

13) „О съѣздѣ Института международнаго права въ Парижѣ въ 1894 г.“, графа Л. А. Камаровскаго.

Общество продолжало издавать свои труды подъ названіемъ: „Сборникъ Правовѣдѣнія и Общественныхъ Знаній“. За истекшій годъ вышли 2-й и 3-й томы.

Статистическое отдѣленіе Московскаго Юридическаго Общества.

Бюро отдѣленія состояло изъ предсѣдателя А. И. Чупрова, товарища предсѣдателя Н. А. Каблукова, секретаря В. А. Косинскаго и товарища секретаря Л. Н. Маресса.

Въ 1894 году были доложены слѣдующіе рефераты:

1) Л. Н. Маресса: „Монографическій способъ изслѣдованія въ примѣненіи къ продовольственному дѣлу“.

2) А. С. Вориневича: „Объ однодневной переписи въ Одессѣ“.

3) Ю. А. Вунина: „Объ организаціи текущей земской статистики“.

4) А. А. Кауфмана: „Организація и главнѣйшіе выводы хозяйственно-статистическаго изслѣдованія Иркутской и Енисейской губерній“.

5) Г. Олѣховскаго: „О почвѣ въ примѣненіи къ статистическимъ изслѣдованіямъ“.

6) С. М. Блеклова и В. Н. Григорьева о нѣкоторыхъ новыхъ статистическихъ изданіяхъ.

7) А. М. Веркенгейма: „Развитіе колонизаціи и устройство земледѣльческихъ поселеній въ Аргентинѣ".

8) А. И. Чупрова: „О монографическомъ методѣ, какъ способѣ пополненія и обновленія данныхъ основного статистическаго изслѣдованія",

Въ текущемъ году Обществомъ были изданы 4 тома его „Чтеній"— 168, 169, 170 и 171 (книги 1, 2, 3 и 4 за 1894 годъ). Въ нихъ, между прочимъ, помѣщены слѣдующія работы:

I. Въ отдѣлѣ „Матеріаловъ историческихъ": 1) Тверской уѣздъ въ XVI столѣтіи. Его населеніе и виды земельнаго владѣнія. Сообщилъ И. И. Лаппо, 2) Къ біографіи Владимира Атласова. Дѣйствительнаго члена Н. Н. Оглоблина, 3) Къ исторіи бунта Стеньки Разина въ Заволжьѣ. Съ предисловіемъ члена соревнователя А. А. Голубева.

II. Въ отдѣлѣ „Изслѣдованій": 1) Александрія русскихъ хронографовъ. Изслѣдованія В. М. Истрина, 2) Св. князь Всеволодъ-Гавріилъ и его значеніе въ исторіи нашего отечества и въ частности Пскова. Е. Лебедева, 3) О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изслѣдованіе В. О. Эйнгорна, 4) Дѣяніе Московскаго церковнаго собора 1649 г. (съ 3 фототипіями).

III. Въ „Смѣси": 1) Акты 1531 — 1566 гг., сообщенные В. И. Холмогоровымъ, 2) О походѣ шведовъ къ Бѣлому морю въ 1590—1591 гг. Сообщилъ А. Чумиковъ, 3) Роспись чертежамъ разныхъ государствъ, бывшимъ въ Посольскомъ приказѣ въ 1614 г. Сообщилъ С. А. Бѣлокуровъ, 4) Акты 1621—1624 гг., сообщенные А. П. Зерцаловымъ, 5) Изъ документовъ Немировскаго конгресса, сообщилъ дѣйствительный членъ В. А. Уляницкій, 6) Польскіе лазутчики на Руси въ 1633—1634 гг., 7) Сыскъ про „грамотку" Прохора Колбецкаго къ отцу о томъ, что въ Москвѣ хотятъ бояръ побить, объ осадѣ Азова турками „накрѣпко" и пр., 8) О возмущеніи противъ турокъ, бывшихъ въ плѣну на каторгѣ, и возвращеніи ихъ въ Москву чрезъ Мессину, Римъ, Венецію, Вѣну и Варшаву въ 1643 году, 9) О большомъ сыскѣ помѣстныхъ и денежныхъ окладовъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ въ началѣ XVII вѣка (1622 г.), сообщилъ дѣйствительный членъ А. Н. Зерцаловъ.

Извлеченіе изъ отчета Харьковскаго университета.

Въ 1892 году на соисканіе медалей по *всеобщей исторіи* была предложена тема: „Отношенія Франціи къ Россіи при Людовикѣ XV". Представлено было одно сочиненіе, авторъ котораго студентъ VII семестра, Котовъ, удостоенъ *серебряной* медали. По отзыву рецензента,

пр. Бузескула, обширное сочиненіе это производитъ впечатлѣніе работы добросовѣстной, основанной на важнѣйшихъ источникахъ и пособіяхъ, съ значительнымъ фактическимъ матеріаломъ: въ числѣ достоинствъ слѣдуетъ отмѣтить также прекрасное изложеніе, отличающееся плавностью и простотою, отсутствіемъ многословія и риторики. Главный недостатокъ—отсутствіе самостоятельнаго и надлежащаго освѣщенія фактовъ. Затѣмъ, несоотвѣтствіе въ нѣкоторыхъ частяхъ содержанія темѣ (центръ тяжести въ изложеніи падаетъ на Россію, а не на Францію).

Въ текущемъ году для соисканія медалей дана тема *по русской исторіи*: „Умственное движеніе въ русскомъ обществѣ XVI в.".

Харьковское Историко-филологическое Общество.

При Харьковскомъ „Историко-филологическомъ Обществѣ" съ осени 1892 года возникъ „Педагогическій отдѣлъ", предсѣдателемъ коего состоитъ проф. Н. Ѳ. Сумцевъ, а секретаремъ В. И. Харціевъ. Изъ сообщеній, читанныхъ въ „Отдѣлѣ", нѣкоторыя касались исторіи. Таковы сообщенія В. П. Бузескула объ учебникѣ проф. П. Г. Виноградова (по древней исторіи), руководствѣ г. Иванова (по средней исторіи), о французскомъ учебникѣ (по исторіи цивилизаціи Франціи) Дюкудрэ; сообщеніе Д. И. Багалѣя о недавно вышедшемъ русскомъ переводѣ книги Фримана: „Методы изученія исторіи".

Изъ рефератовъ и сообщеній, читанныхъ въ „Историко-филологическомъ Обществѣ" въ теченіе прошлаго академическаго года, исторіи касались: рефератъ А. С. Вязигина о вліяніи великаго голода 1030-хъ годовъ на церковную реформу на западѣ и о тысячномъ годѣ (причемъ референтъ отвергаетъ ходячее мнѣніе о вліяніи ожиданія тысячнаго года); А. Н. Деревицкаго—о Тэнѣ, какъ эстетикѣ; Л. Ю. Шепелевича — о Тэнѣ; В. П. Бузескула.—Сравненіе „Ἀθην. Πολ." и „Политики" Аристотеля (преимущественно въ отношеніи политическихъ взглядовъ) и о новомъ изданіи „Ἀθ. Πολ.", принадлежащемъ Sandis'у; А. С. Лебедева—объ одномъ изъ бѣлгородскихъ архіереевъ прошлаго вѣка (по архивнымъ даннымъ) и нѣк. др.

Вступительная лекція.

30 сент. 1892 года магистрантъ Кіевскаго университета В. П. Клячинъ прочелъ вступительную лекцію, темой которой онъ избралъ: „Значеніе дореволюціоннаго періода исторіи Франціи въ XVIII в.".

Лекція распадается на 2 части. Въ первой лекторъ выясняетъ

значеніе дореволюціоннаго періода въ исторіи Франціи, во второй — значеніе этого періода въ исторіи общеевропейской; первая часть въ виду большого количества данныхъ, при болѣе спеціальномъ ихъ характерѣ, развита полнѣе, чѣмъ вторая. Указывая на значеніе дореволюціоннаго періода въ исторіи Франціи, лекторъ обращаетъ преимущественное вниманіе на развитіе оппозиціоннаго настроенія во французскомъ обществѣ, какъ на главный центральный пунктъ, на которомъ сосредоточивается интересъ этого времени. По мнѣнію лектора, ходъ и направленіе Французской Революціи не могутъ быть удовлетворительно объяснены безъ основательнаго изученія того революціоннаго настроенія во французскомъ обществѣ, которое развилось и обострилось задолго до самой Революціи. Хотя главныя основныя причины французской революціи кроются гораздо глубже и коренятся въ условіяхъ развитія французскаго общества болѣе ранняго времени, въ XVII в. и даже раньше, тѣмъ не менѣе, по замѣчанію лектора, особыя историческія обстоятельства, имѣвшія мѣсто лишь въ XVIII в., способствуя ускоренію революціоннаго взрыва, повліяли и на бурный характеръ его развитія, и на ожесточенность борьбы политическихъ партій и на широкое распространеніе тѣхъ политическихъ идей, выработка которыхъ относится еще къ дореволюціонному періоду.

Оппозиціонное настроеніе во французскомъ обществѣ развивается по двумъ главнымъ направленіямъ: на почвѣ борьбы религіозныхъ партій (янсенистской и ультрамонтанской или іезуитской) и на почвѣ протеста по вопросамъ государственнымъ (административнымъ и финансовымъ). Борьба религіозныхъ партій, выйдя изъ предѣловъ разногласій и пререканій чисто религіознаго характера, начинаетъ постепенно принимать политическую окраску; возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ объ отношеніяхъ церкви къ государству, объ отношеніи правительства къ религіознымъ расколамъ, принципіальные вопросы вѣротерпимости, свободы мысли, совѣсти и пр. Вмѣстѣ съ этимъ, въ виду суровыхъ преслѣдованій французскимъ правительствомъ янсенистовъ появляются оппозиціонныя литературныя произведенія, направленныя противъ деспотизма ни чѣмъ не регулируемой королевской власти. Въ этомъ фазисѣ борьбы общество съ живымъ интересомъ слѣдитъ за ея ходомъ и съ сочувствіемъ относится къ янсенистскому движенію.

Къ 40-мъ годамъ XVIII в. религіозная сторона броженія уже отступаетъ на второй планъ, благодаря развитію въ обществѣ скептицизма, явившагося отчасти результатомъ пріемовъ самой религіозной борьбы, отчасти результатомъ вліянія философско-критической литературы XVIII в. (Вольтера, энциклопедистовъ, матеріалистической школы и др.).

Переходя къ развитію оппозиціоннаго настроенія общества на

чисто политической почвѣ, лекторъ останавливается преимущественно на пагубной финансовой политикѣ французскаго правительства. Постоянныя измѣненія цѣнности монеты, финансовые кризисы, „Система" Law въ періодъ регентства, угнетеніе народной массы налогами въ министерство герцога Бургундскаго, въ министерство Флери и особенно въ періодъ самостоятельнаго правленія Людовика XV даютъ обильный матеріалъ для оппозиціи на политической почвѣ. Оппозиціонное настроеніе по всѣмъ этимъ вопросамъ выражается главнымъ образомъ въ широкомъ распространеніи оппозиціонныхъ литературныхъ произведеній, касающихся внутренняго управленія, брошюрт, памфлетовъ, сатирическихъ листковъ и проч., на которые лекторъ обращаетъ особое вниманіе. Видную роль въ этомъ оппозиціонномъ движеніи лекторъ приписываетъ французскимъ парламентамъ, особенно Парижскому, который былъ неоднократно изгоняемъ изъ Парижа, то за протестъ по религіозному вопросу, то за оппозицію противъ финансовыхъ и административныхъ мѣропріятій правительства.

Переходя ко второй задачѣ своей лекціи,—показать значеніе дореволюціоннаго періода въ исторіи общеевропейской,—лекторъ останавливаетъ свое вниманіе на такъ назыв. „просвѣтительной" литературѣ XVIII в. Въ ея развитіи онъ отмѣчаетъ 3 отдѣльныхъ теченія или направленія: 1-е, во главѣ котораго стоитъ Вольтеръ и Монтескье, характеризуется заимствованнымъ изъ Англіи деизмомъ и поклоненіемъ англійскимъ политическимъ учрежденіямъ; 2-е—матеріалистическое, проводится энциклопедистами съ Дидро во главѣ; 3-е, имѣющее своимъ вождемъ Ж. Ж. Руссо, является реакціоннымъ по отношенію къ религіи и радикальнымъ въ вопросахъ политики. Лекторъ переходитъ затѣмъ къ характеристикѣ „просвѣтительныхъ идей", какъ онѣ выражены были представителями 3-хъ указанныхъ направленій—Вольтеромъ, Монтескье, Дидро и Руссо. Характеристикой политическихъ идей Руссо лекторъ заканчиваетъ свою лекцію.

Диспуты.

29-го ноября 1892 г. въ часъ дня, въ залѣ торжественныхъ собраній Университета св. Владимира состоялась публичная защита г. Павлуцкимъ диссертаціи „Коринѳскій архитектурный орденъ", представленной для полученія степени магистра исторіи и теоріи искусствъ. Оффиціальными оппонентами назначены были профессора Праховъ, Сонни и Кулаковскій. Свѣдѣнія о диспутѣ заимствуемъ изъ отчета, напечатаннаго въ № 333 „Кіевлянина".

Въ своей вступительной рѣчи диспутантъ указалъ на то, что

онъ не считаетъ Каллимаха, которому преданіе въ лицѣ Витрувія приписываетъ изобрѣтеніе коринеской капители, родоначальникомъ коринескаго стиля. Преданія нельзя считать непреложнымъ историческимъ извѣстіемъ. Это не больше, какъ легенда, которую слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что Каллимахъ, какъ искусный чеканщикъ и золотыхъ дѣлъ мастеръ, произвелъ смѣлую реформу въ коринескомъ стилѣ, зародыши котораго надо искать въ Египтѣ, откуда онъ проникъ въ Грецію черезъ посредство финикіянъ. По мнѣнію диспутанта, финикійскій цвѣточный букетъ, орнаментъ семитическаго происхожденія, есть первоначальный мотивъ, изъ котораго образовалась коринеская капитель второго, болѣе сложнаго типа. Далѣе коринескій орденъ усвоилъ строительные члены, начало которыхъ лежало въ іонических постройкахъ. Къ элементамъ, унаслѣдованнымъ отъ іонической архитектуры, присоединялись вновь созданные мотивы, не находящіе себѣ аналогіи въ другихъ орденахъ греческаго зодчества. Первый дошедшій до насъ образецъ коринеской капители въ храмѣ Аполлона Эпикурія въ Вассахъ представляетъ собою простую и робкую технику и принадлежитъ къ древнѣйшимъ, архаическимъ памятникамъ. Капители Эпидавра, храма Аполлона близъ Милета, Филиппейона въ Олимпіи и памятника Лизикрата въ Аеинахъ являютъ собою дальнѣйшія послѣдовательныя ступени въ развитіи коринескаго зодчества. Греко-коринеская капитель достигаетъ своей полной зрѣлости въ храмѣ Зевса въ Аеинахъ. Коринескіе памятники Греціи, относящіеся къ римскому времени, въ своихъ капителяхъ представляютъ дальнѣйшее усовершенствованіе типа, принадлежащаго капители храма Зевса въ Аеинахъ. Коринескій орденъ достигъ наивысшаго блеска и наибольшей художественной полноты въ Римѣ, но въ послѣднее время римской имперіи стремленіе къ декоративности пагубно повліяло на благородный характеръ и красоту формъ коринескаго зодчества. Изъ Рима коринескій стиль распространился по всей Европѣ и оказалъ громадное вліяніе на развитіе искусства. Кромѣ изложеннаго, диспутантъ указалъ на то, что изслѣдованію постепеннаго развитія коринескаго стиля до сихъ поръ не было посвящено ни одного спеціальнаго труда. О коринескомъ стилѣ говорили въ связи съ другими стилями. Г. Павлуцкій, посвятивъ свою работу исторіи коринескаго стиля, видитъ въ этомъ особый ея интересъ.

Первымъ возражалъ диспутанту проф. Праховъ. Въ началѣ оппонентъ указалъ на то, что книга г. Павлуцкаго, при крайней несистематичности изложенія, производитъ впечатлѣніе далеко незаконченной научной работы. Невозможно класть предѣлъ развитію коринескаго стиля въ памятникахъ римскаго зодчества, такъ какъ коринескій стиль оказалъ громадное вліяніе на позднѣйшее развитіе искусства,

на что вполнѣ правильно указалъ диспутантъ въ своей рѣчи, но не коснулся этого въ своей книгѣ. Затѣмъ проф. Праховъ высказалъ такое положеніе: человѣкъ, ищущій ученой степени, долженъ обнаружить полную научную зрѣлость. Въ чемъ состоитъ научная зрѣлость? А въ томъ,—говоритъ проф. Праховъ,—что человѣкъ, претендующій на нее, обязанъ обнаружить всестороннее знакомство со всѣмъ тѣмъ, что сдѣлано другими изслѣдователями по интересующему его научному вопросу, долженъ обладать способностью дѣлать логическіе выводы изъ научныхъ фактовъ, добытыхъ другими, и, наконецъ, долженъ обладать творческою способностью, которая дала бы ему возможность сказать новое слово въ изслѣдуемой имъ научной области. По мнѣнію проф. Прахова, работа Павлуцкаго совершенно не удовлетворяетъ такимъ требованіямъ научной зрѣлости. Г. Павлуцкій, по мнѣнію оппонента, незнакомъ съ нѣкоторыми трудами по избранному имъ вопросу и написалъ свою диссертацію по общеизвѣстнымъ учебникамъ. Проф. Праховъ излагаетъ содержаніе второй главы „Коринескаго архитектурнаго ордена" и спрашиваетъ диспутанта: „Что вамъ принадлежитъ здѣсь?"—и самъ отвѣчаетъ: „Вамъ ничего не принадлежитъ здѣсь. Все, что здѣсь изложено, есть пересказъ содержанія брошюры Зибеля". Далѣе проф. Праховъ утверждаетъ, что основное положеніе диссертаціи г. Павлуцкаго, доказывающаго, что Каллимаха не слѣдуетъ считать родоначальникомъ коринескаго стиля, принадлежитъ не ему, а другимъ изслѣдователямъ. Хотя г. Павлуцкій ставитъ себѣ въ заслугу то обстоятельство, что онъ выдѣлилъ коринескій стиль и независимо отъ другихъ греческихъ орденовъ занялся изслѣдованіемъ исторіи его развитія, но оппонентъ видитъ въ этомъ не заслугу, а крупный промахъ, такъ какъ выяснить всѣ особенности коринескаго стиля невозможно безъ ясной параллели со стилями іоническимъ и дорическимъ. Отъ этихъ общихъ замѣчаній проф. А. В. Праховъ перешелъ къ указаніямъ на промахи диспутанта въ частностяхъ. Здѣсь онъ, между прочимъ, остановился на томъ, что диспутантъ часто не пользуется приводимыми въ книгѣ цитатами, которыя, такимъ образомъ, являются излишнимъ бременемъ. Языкъ книги туманенъ и неясенъ, изобилуетъ множествомъ неточностей, которыя, по замѣчанію оппонента, можно объяснить только такъ: „lapsus linguae". Несмотря на то, что диспутантъ по своей спеціальности классикъ, онъ часто обнаруживаетъ непростительныя неточности въ переводахъ съ греческаго. Такихъ неточностей особенно много въ переводѣ приведеннаго въ книгѣ отрывка греческой надписи, введенію котораго въ текстъ книги диспутантъ придаетъ особенно важное значеніе. Диспутъ длился уже больше двухъ часовъ, а А. В. Праховъ все еще не обнаруживалъ намѣренія направить его къ концу, а напротивъ того, потребовалъ

зажечь свѣчи и нѣсколько разъ оговорился, что онъ только въ началѣ своихъ возраженій и что главная сущность ихъ впереди. Деканъ историко-филологическаго факультета раза два подходилъ къ оппоненту и просилъ сократить возраженія, но проф. Праховъ отвѣчалъ, что онъ никакъ не можетъ этого сдѣлать и готовъ просить о назначеніи второго засѣданія. Наконецъ, деканъ еще разъ обратился къ оппоненту съ той же просьбой, и проф. Праховъ согласился высказать свои окончательные выводы о книгѣ г. Павлуцкаго, заявивъ при этомъ, что онъ будетъ еще говорить о ней въ подробной статьѣ. Въ заключительномъ резюме проф. Праховъ замѣтилъ, что книга г. Павлуцкаго представляетъ собою слабую компиляцію общеизвѣстныхъ работъ, принадлежащихъ далеко не авторитетнымъ авторамъ.

Возражая проф. Прахову, г. Павлуцкій говорилъ, что онъ по возможности воспользовался всѣмъ литературнымъ матеріаломъ, находившимся въ его распоряженіи, и что проф. Праховъ ссылается на нѣкоторыя работы, которыя появились послѣ выхода въ свѣтъ его диссертаціи.

Вторымъ возражалъ проф. Сонни. Второй оппонентъ находитъ, что работа г. Павлуцкаго, по своей темѣ, заслуживаетъ полнаго сочувствія. Проф. Сонни признаетъ, что вопросъ о происхожденіи коринескаго ордена разработанъ диспутантомъ самостоятельно, и въ виду этого работа его имѣетъ серьезное значеніе. Въ то же время оппонентъ находитъ, что книга страдаетъ длиннотами, и авторъ ея слишкомъ часто грѣшитъ неточностями въ переводахъ съ греческаго.

Третій оппонентъ, проф. Кулаковскій, за позднимъ временемъ, ограничился немногими замѣчаніями. Проф. Кулаковскій не согласенъ съ той постановкой вопроса о научной зрѣлости, какую сдѣлалъ проф. Праховъ, и признаетъ, что къ молодому ученому никакъ нельзя примѣнять требованій полной научной эрудиціи. Если къ работѣ г. Павлуцкаго не прилагать такихъ строгихъ требованій, а отнестись къ ней съ большей снисходительностью, какъ къ работѣ молодого ученаго, въ ней можно найти не мало положительныхъ достоинствъ. Проф. Кулаковскій, подобно двумъ первымъ оппонентамъ, сдѣлалъ нѣкоторыя замѣчанія, касавшіяся погрѣшностей метода въ пользованіи матеріаломъ.

Защита диссертаціи признана была факультетомъ удовлетворительной, и г. Павлуцкій большинствомъ голосовъ былъ удостоенъ искомой степени.

— Въ воскресенье 20-го марта 1894 года, въ актовомъ залѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, въ 1 часъ дня, прив.-доц. Г. В. Форстенъ публично защищалъ диссертацію, представленную имъ для соисканія степени доктора всеобщей исторіи.

Степень магистра Г. В. Форстенъ получилъ въ 1894 г. за сочиненіе „Борьба изъ-за господства на Балтійскомъ морѣ въ XV и XVI столѣтіяхъ“. Изслѣдованіе, по поводу котораго происходилъ диспутъ, состоитъ изъ двухъ большихъ томовъ и озаглавлено: „Балтійскій вопросъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ“. Въ первомъ томѣ (XV + 717 стр.) содержатся „Борьба изъ-за Ливоніи“, во второмъ (IX + 630 стр.) —„Борьба Швеціи съ Польшей и Габсбургскимъ домомъ“. (30-ти-лѣтняя война). Публикѣ, которой собралось очень много, были предложены 19 „положеній“ диссертаціи. Оффиціальными оппонентами были: проф. Н. И. Карѣевъ и проф. С. Ѳ. Платоновъ. Послѣ прочтенія секретаремъ факультета традиціоннаго „curriculum vitae“, котораго здѣсь не помѣщаемъ, такъ какъ Г. В. Форстенъ уже не впервые выступаетъ съ защитой диссертаціи, докторантъ обратился къ публикѣ съ слѣдующей рѣчью, которую, по возможности, передаемъ вполнѣ точно.

Мм. Гг.! Трудъ мой, который я—быть можетъ, съ излишнею смѣлостью—рѣшился представить для соисканія степени доктора всеобщей исторіи, трактуетъ, какъ показываетъ само заглавіе, о вопросѣ, который можетъ быть разсматриваемъ двояко — или со стороны экономической важности его, или со стороны политико-дипломатической. Я остановился исключительно только на второмъ моментѣ. Мой трудъ, такимъ образомъ, является строго-фактическимъ трудомъ и продуктомъ политической, дипломатической исторіи, а не культурной. Между тѣмъ, тема могла бы дать массу матеріала и для второй. Кто не знаетъ мотивовъ, заставившихъ меня выдвинуть исключительно только политико-дипломатическую сторону интереснаго вопроса, подумаетъ, пожалуй, что я стою на односторонней точкѣ зрѣнія, прежде господствовавшей въ Германіи, что культурная исторія не заслуживаетъ вниманія историка, что raison d'être только за политической исторіей. Но я далекъ отъ этого: если я оставилъ безъ вниманія культурную сторону балтійскаго вопроса, т.-е. соціальную и экономическую, то только потому, что я съ нею мало знакомъ. Я позволю себѣ въ двухъ-трехъ словахъ высказаться объ исторіи и культурной исторіи въ виду того, что въ настоящее время и у насъ, и на западѣ—а въ особенности во Франціи—исключительно увлекаются второй, какъ четверть вѣка тому назадъ увлекались лишь первой; теперь даже пренебрегаютъ политической исторіей; дѣлаютъ это, конечно, по преимуществу молодые историки, которымъ въ ихъ юношескомъ увлеченіи ничего не стоитъ кинуть пренебрежительное слово даже по адресу великаго Ранке; но дѣлаютъ это и историки съ именами; дѣлаютъ это издатели всемірныхъ историческихъ очерковъ, знающіе господствующіе вкусы и надѣющіеся поймать легковѣрныхъ на такую удочку. Кто не знаетъ такъ назы-

ваемыхъ „проспектовъ“, къ какимъ прибѣгаютъ коллективные авторы всемірной исторіи?!' Прочтите хоть вступительное слово новаго предпріятія такого рода—Lavisse et Rambaud—которые обѣщаютъ читателямъ больше, чѣмъ презрительное histoire-bataille...

Исторія и культурная исторія — вотъ два слова, опредѣленіе и отношеніе которыхъ другъ къ другу въ настоящее время вызываютъ самыя разнорѣчивыя мнѣнія. Съ перваго раза казалось бы, что исторія—общее понятіе, а культурная исторія—только особая вѣтвь или форма исторіи; но названія той или другой изъ наукъ не всегда вполнѣ точны, не всегда они исчерпываютъ все содержаніе ихъ; названія многихъ наукъ даны имъ въ такой періодъ ихъ существованія, когда онѣ еще не достигли совершеннаго своего развитія. Въ виду древности исторической науки опредѣленіе ея не должно бы вызывать споровъ; культурная же исторія—наука новая, и въ опредѣленіи ея существуетъ большая неясность: и исторія и культурная исторія имѣютъ своихъ сторонниковъ, полемизирующихъ между собой и впадающихъ въ крайность. Не мало такихъ культуръ-историковъ, которые совершенно игнорируютъ политическую жизнь народовъ и говорятъ, что войны и мирные трактаты не имѣютъ никакого значенія на духовное развитіе народовъ, что народы часто переживали лучшія времена въ управленіе самыхъ недостойныхъ монарховъ. Представители противнаго лагеря разсуждаютъ такъ: писать культурныя исторіи стало модою; вмѣсто исторіи государствъ, ухватились за исторіи народовъ, цѣлью которыхъ (т.-е. исторій) показать, какъ въ различныя эпохи текла домашняя жизнь народовъ. Присоедините, говорятъ они, къ такого рода исторіи еще нѣсколько фразъ о народѣ, о необходимости любить этотъ народъ, такъ чего добраго удастся убѣдить массы въ совершенной безполезности исторіи законодательствъ, различныхъ учрежденій, войнъ, мирныхъ трактатовъ и т. д.; все это, какъ лишній балластъ, будетъ откинуто.

Культурной исторіи отводится мѣсто ancillae historiae, второстепенной части ея. Но это совершенно ненаучно. Культурная исторія должна быть такой же самостоятельной наукой, какъ и государственная, политическая исторія. „Культурная исторія нашего времени, говоритъ Бидерманъ, есть результатъ потребности въ болѣе широкомъ и свободномъ пониманіи всего даннаго матеріала“. Слово „исторія“—понятіе слишкомъ широкое; первоначально это греческое слово означало разсказъ вообще; въ эллинскую эпоху ему уже приписывали значеніе разсказа о важнѣйшихъ событіяхъ государственной жизни народовъ. Ограниченіе значенія исторіи пошло еще дальше, и подъ ἱστορία стали разумѣть исключительно лишь политическую исторію, разсказъ о го-

сударственныхъ людяхъ, войнахъ и т. д. Христіанство породило рядомъ съ политическою и церковную исторію.

Новое время во всеоружіи исторической критики пошло дальше; глубокое изученіе исторіи, какъ науки, раскрыло человѣчеству много новыхъ сторонъ; разносторонность нашей науки стала еще болѣе очевидной, развилось нѣсколько спеціальныхъ отраслей ея, стоящихъ въ самой тѣсной связи съ государственной жизнью народовъ.

Усиленное развитіе философскихъ наукъ и естествознанія, замѣчаемое въ новѣйшее время, всего болѣе выдвинуло наружу значеніе культурной исторіи. Знаменитый германскій ученый Зибель въ своемъ изслѣдованіи „Ueber den Stand der neueren deutschen Geschichtsschreibung" говоритъ: „самое характерное явленіе въ исторіографіи нашего времени—это культурная исторія. До новѣйшаго времени вниманіе историковъ было исключительно обращено на придворную исторію, на исторію войнъ и государей; исторіей права и церкви занимались только съ практическими цѣлями. Въ наше время стали впервые обращать вниманіе на культурное состояніе того или другого народа вообще. Исторія экономическихъ сношеній отдѣльныхъ государствъ между собой становится столь же важной, какъ и исторія дипломатическихъ сношеній. Исторія языка и литературы пріобрѣтаетъ такой же интересъ, какъ и исторія военно-политическая; исторія церкви и права, какъ результаты одной національной жизни, вводится въ одну общую раму. Вниманіе юридической школы—Савиньи, Эйхгорна и др.—обращено было на уничтоженіе исключительности въ исторіи; братья Гриммъ создали исторію языка, филологію; Ранке съ ему одному свойственнымъ мастерствомъ показалъ, что борьбу религіозныхъ началъ можно сдѣлать средоточіемъ національной исторіи. Изолировать политическую исторію отъ остальной исторіи—значитъ впасть въ крайность". Культурная исторія должна имѣть свой raison d'être, какъ и другія науки, возникшія сравнительно въ недавнее время. Изъ этихъ наукъ на первомъ планѣ стоитъ антропологія,—наука о человѣкѣ,—языкознаніе, богословіе, исторія литературы, искусствъ, этнографія, этнологія и сравнительная археологія. Послѣдняя занимается исключительно матеріальной культурой народовъ. Какова же задача культурной исторіи? Она должна знакомить насъ не только съ тѣмъ, какъ люди жили, одѣвались, ѣли, какъ они проводили день, но и показать намъ всю человѣческую жизнь во всей ея совокупности, во всѣхъ ея проявленіяхъ, самихъ по себѣ незначительныхъ, но взятыхъ вмѣстѣ — въ высшей степени характерныхъ. Культурная исторія не можетъ оставить безъ вниманія и политическую сторону, государственныя системы и учрежденія, такъ какъ государственное развитіе народа—самый характерный представитель культуры того или другого народа. Культуръ-историкъ

беретъ изъ политической исторіи уже готовые результаты изслѣдованій, то же дѣлаетъ онъ съ антропологіей, этнологіей и др. вѣтвями историческаго развитія народа. Такъ точно и историкъ долженъ постоянно обращаться къ результатамъ, добытымъ культуръ-историками.

Такимъ образомъ смотрѣть на исторію и культурную исторію, какъ на соперницъ, выдвигать одну передъ другой, давать которой-нибудь изъ нихъ исключительное преимущество, свидѣтельствуетъ о совершенной ненаучности. Та и другая преслѣдуютъ свои высокія задачи, въ одинаковой степени необходимыя для исторіи человѣчества; у каждой свой запасъ матеріаловъ, у каждой свой методъ изслѣдованія. Соединить въ себѣ культуръ-историка и политическаго историка невозможно одному человѣку; поэтому, повторяю, мы должны примкнуть къ одному изъ двухъ лагерей, но безъ малѣйшей злобы и пристрастія. Ничего нѣтъ хуже, какъ когда политическій историкъ считаетъ нужнымъ въ видѣ гарнира вставить въ свой трудъ кое-что и изъ культуры, когда факты культурной исторіи вплетаются въ политическую исторію, какъ элементъ второстепенный. Каждая наука должна итти рядомъ съ другой, по своему пути, вліяя на другую.

Я остановился на политической и дипломатической сторонѣ балтійскаго вопроса. Онъ представляетъ для насъ, русскихъ, особенный интересъ, такъ какъ съ его исторіей связаны наиболѣе любопытные моменты нашей исторіи въ 16 — 18 столѣтіяхъ; имъ опредѣлялись наши отношенія къ сосѣднимъ государствамъ — Скандинавскимъ, Польшѣ и Германіи. Настоящій трудъ мой занятъ тѣмъ періодомъ развитія балтійскаго вопроса, когда характеръ его становится универсальнымъ, почему и изученіе его сопряжено съ громаднымъ трудомъ. Приходится заглядывать въ исторію всѣхъ государствъ, постоянно имѣть въ виду ходъ европейской исторіи. Тема, однимъ словомъ, самая подходящая для доктора всеобщей исторіи. И говорить нечего, что отъ изслѣдователя такого широкаго вопроса нельзя требовать равномѣрности въ частяхъ: одни моменты разработаны по необходимости подробнѣе и всестороннѣй другихъ. Спеціалистъ по исторіи Запада не можетъ избѣжать и пробѣловъ по исторіи Россіи и Польши, имѣющихъ своихъ спеціальныхъ изслѣдователей. Для выполненія такой широкой задачи, какъ наша, необходима предварительная работа цѣлой арміи историковъ. Когда весь матеріалъ будетъ разобранъ ими, возможна станетъ общая философская оцѣнка всего вопроса.

Главное вниманіе настоящаго труда сосредоточено на Швеціи, Даніи и Германіи. Исторія послѣдней за разбираемый періодъ времени представляетъ именно то, что сказалъ о ней одинъ нѣмецкій критикъ: она представляетъ непереплетенную, истрепанную книгу, которую трудно и непріятно читать; постоянно приходится отыскивать

перепутанныя страницы; связь въ головѣ читателя прерывается, и заголовокъ съ оглавленіемъ часто лежитъ въ серединѣ книги. Бо́льшую стройность представляетъ каждое изъ скандинавскихъ государствъ, отдѣльно взятыхъ. Но взаимныя ихъ отношенія, запутываемыя все болѣе и болѣе вмѣшательствомъ новыхъ факторовъ балтійской борьбы, опять-таки требуютъ серьезнаго и спокойнаго изученія. Тутъ мудрено становиться à vol de l'oiseau; здѣсь необходимо ближе подойти къ фактамъ, глубже проанализировать ихъ, стать лицомъ къ лицу съ дѣятелями эпохи, стать въ самый центръ жизненнаго водоворота.

Историку не приходится ни хвалить, ни хулить, а только показывать факты въ ихъ настоящемъ видѣ, безъ прикрасъ и тенденціи; исторія не имѣетъ въ виду ни обращать своихъ слушателей на путь добродѣтели, ни поучать ихъ. „Не ея дѣло, говоритъ одинъ изслѣдователь, возбуждать любовь или ненависть, исправлять сердца или просвѣщать умы. Хороши ли, дурны ли факты — историку нѣтъ до того дѣла; онъ не призванъ спасать души людей; у него нѣтъ иного долга, иного желанія, какъ уничтожить разстояніе времени, поставить читателя лицомъ къ лицу съ самими явленіями, сдѣлать его согражданиномъ описываемыхъ имъ лицъ и современникомъ событій, о которыхъ онъ повѣствуетъ. Пусть вслѣдъ за нимъ приходятъ моралисты и разсуждаютъ о выставленныхъ передъ ними картинахъ; его задача окончена, онъ уступаетъ имъ мѣсто и удаляется". Приведенныя слова принадлежатъ Тэну. Объективность — conditio sine qua non историческаго изслѣдованія. Она должна выражаться у историка въ отсутствіи искаженій, передѣлокъ и личнаго интереса къ описываемымъ дѣламъ. Объ абсолютной объективности не можетъ быть и рѣчи; совершенное устраненіе личности писателя немыслимо. Субъективизмъ выражается въ соединеніи и освѣщеніи фактовъ. „Объективность отрицаетъ партійность", она требуетъ справедливаго сужденія, исключаетъ всякую тенденцію, какъ политическую, такъ и религіозную. Разсказъ историка не долженъ быть ни въ какомъ случаѣ отраженіемъ какой-либо заинтересованной партіи.

Нельзя къ явленіямъ прошлаго примѣнять современныхъ масштабовъ. Историческій дѣятель долженъ оцѣниваться въ связи съ его временемъ, понятіями и общественными условіями. Изслѣдователь, однако, не можетъ быть чуждъ извѣстныхъ философскихъ, религіозныхъ и политическихъ мнѣній. Историкъ не можетъ быть нейтральнымъ, ибо историческіе факты и вопросы—не нейтральны, жизнь—не нейтральна, а разнообразна и многообразна: жизнь свидѣтельствуетъ о доктринахъ. Есть вопросы, которые не могутъ быть окончательно и разъ навсегда установлены. Каждая теорія имѣетъ своихъ страстныхъ адвокатовъ и страстныхъ предвозвѣстниковъ. Самъ Ранке

указывалъ, какое громадное вліяніе производятъ на него современныя событія. Характеръ эпохи и національныя стремленія непремѣнно отражаются на историческихъ трудахъ. Историкъ не можетъ уйти изъ своего времени; даже становясь, повидимому, выше его, онъ только раздѣляетъ передовые идеалы своей же эпохи. Участіе и симпатіи въ историкѣ не противорѣчатъ любви къ истинѣ; и отъ истинной объективности до пассивнаго равнодушія очень далеко; спокойствіе, равнодушіе создаетъ только такія вещи, которыя оставляютъ и смотрящихъ на нихъ равнодушными. „Если, сказалъ однажды въ своей лекціи одинъ изъ моихъ университетскихъ профессоровъ, человѣкъ выкачаетъ изъ себя все, что въ немъ есть живого, все, что въ немъ составляетъ плоть и кровь, то онъ дѣлается уже совсѣмъ не способнымъ къ наукѣ, бездарнымъ и неумѣющимъ видѣть того, что видитъ обыкновенный человѣкъ". Посему безъ симпатій, безъ историческихъ предразсудковъ нѣтъ ученаго человѣка. Тутъ ограниченность и сила. Покойный Мауренбрехеръ мѣтко характеризовалъ корифея объективной исторической науки — Ранке, — сказавши о немъ: „Ranke ist umparteisch, doch nicht parteilos". Всякое настоящее есть невольный наслѣдникъ прошедшаго. Настоящее не можетъ ни отказаться отъ наслѣдства, ни принять его только sub beneficio inventarii. Оно должно принять его безусловно и цѣликомъ, со всѣми его долгами. Примѣнять къ прошедшимъ временамъ современную нравственную мѣрку—значитъ впасть въ самыя грубыя ошибки. Характеризовать дѣятеля, вырвавши его изъ эпохи, въ какую онъ жилъ, — лучшій пріемъ искаженія историческихъ дѣятелей; изолировать историческихъ дѣятелей и разсматривать ихъ такъ, какъ это дѣлаетъ натуралистъ съ насѣкомыми—вовсе не историческій пріемъ".

Ни одна наука не склонна такъ легко впадать въ дилеттантизмъ, какъ исторія; благодаря своей общедоступности, исторія то и дѣло становится предметомъ всевозможныхъ экспериментовъ со стороны представителей разныхъ наукъ и даже любителей. За примѣрами итти не далеко: кто не знаетъ „Іоанна Грознаго", Ковалевскаго, „Крушенія монархіи во Франціи", Любимова или „Карла V", Юрьева?

Что мой трудъ полонъ недостатковъ — не подлежитъ сомнѣнію. Авторъ всегда самъ чувствуетъ ихъ; мнѣ приходятъ на память слова одного нѣмецкаго историка: „niemand kann gewiss von meinen Mängeln mehr überzeugt sein als ich selbst". Они глубоко вѣрны. Я желалъ бы только, чтобы меня не упрекнули въ тенденціозности и недобросовѣстности. Принося глубокую благодарность факультету за ту матеріальную и духовную поддержку, которой онъ меня окружалъ съ самой студенческой скамьи и съ особеннымъ удовольствіемъ предвкушая возраженія—какъ въ мою пользу, если таковыя будутъ, такъ

и противъ меня — моихъ глубокоуважаемыхъ оппонентовъ, я найду себѣ нѣкоторое утѣшеніе въ слѣдующихъ словахъ: „il est si difficile de produire une chose même médiocre, il est facile de sentir la mèdiocrité".—По окончаніи рѣчи начались пренія.

Первый оффиціальный оппонентъ, проф. Н. И. Карѣевъ, началъ съ указанія на солидную величину труда, представленнаго диспутантомъ. Г. В. Форстенъ работалъ надъ нимъ въ теченіе 9 лѣтъ; въ основаніе труда положено огромное количество архивнаго матеріала и большая историческая литература. Состоя изъ 2-хъ томовъ (около 1300 стран.), изслѣдованіе Г. В. Форстена содержитъ въ себѣ много примѣчаній. Автору пришлось разсматривать не одну страну, а исторію нѣсколькихъ государствъ (Скандинавскія государства, Польша и Москва), приходилось распутывать общеевропейскую политику, что значительно усложнило его работу. Наконецъ, задачу своего изслѣдованія авторъ намѣтилъ широко, такъ какъ поставилъ вопросъ на всемірно-историческую точку зрѣнія, коснувшись не только политическихъ и религіозныхъ вопросовъ, но и торговыхъ, коммерческихъ. Всѣ указанныя качества книги даютъ автору право на полученіе искомой докторской степени.

Переходя къ возраженіямъ, проф. Н. И. Карѣевъ замѣтилъ, что самъ диссертантъ, повидимому, ожидаетъ упрековъ со стороны польскихъ и русскихъ историковъ. Одинъ изъ существенныхъ недостатковъ книги Г. В. Форстена и заключается, по мнѣнію оппонента, въ пробѣлахъ со стороны польской исторіи. Исторія Скандинавскихъ государствъ выдвинута, дѣйствительно, на первый планъ, но за то польская исторія отодвинута на второстепенный планъ. Впрочемъ, самъ авторъ говоритъ, что ему не удалось изучить польскихъ источниковъ (т. I, стр. 40), а кромѣ того, онъ незнакомъ и съ громадной литературой о XVI вѣкѣ. Оппонентъ, при этомъ, назвалъ нѣсколько извѣстныхъ польскихъ трудовъ, которыми г. Форстенъ совсѣмъ не воспользовался [1]). Не справившись съ источниками на польскомъ языкѣ, диспутантъ, однако, не обратилъ должнаго вниманія и на тѣ польскіе

[1]) Romanowski, Jan. Wojna Zygmunta Augusta z Zakonem inflanckim r. 1557. Rocznik Tow. przyjaciól nauk poznańskiego 1860.

Krasiński Władysław. Przyczynek do historyi dyplomacyi w Polsce. Krakow. 1872.

Szujski Jozef. Stosunki dyplomatyczne Zygmunta Augusta z Austryą.

Karwowski Stanislaw. Wcielenie Inflant do Litwy i Polski. 1858—61. Poznán 1873.

Pawiński Adolf. Stefan Batory pod Gdańskiem w. z. 1576—79. Zrodła dziejowe.

Kamieński, B. Negocyacye ze Szwecyją o pokoj 1556—708.

Sokolowski August. Polityka polska za Zygmunta III. 1878 и др.

источники, которые существуютъ на латинскомъ языкѣ. Отсюда у автора многое не выяснено, а это онъ могъ бы сдѣлать. Разсказывая объ отношеніяхъ Сигизмунда II къ Максимильяну, г. Форстенъ говоритъ, что Сигизмундъ ради *нарвскаго плаванія* рѣшился отправить къ императору посла (Красинскаго), котораго снабдилъ тремя инструкціями. Объ этихъ-то инструкціяхъ автору мало извѣстно, такъ какъ онъ не пользовался извѣстной „Библіотекой ординаціи" Красинскаго, гдѣ онѣ напечатаны [1]). Затѣмъ, Сигизмундъ вовсе не ради нарвскаго плаванія отправилъ пословъ: были и другія соображенія, о которыхъ диспутантъ не упомянулъ. Вопросъ объ отношеніяхъ Сигизмунда къ Данцигу авторъ раскрываетъ на основаніи документовъ данцигскаго архива, но отношенія эти вполнѣ могутъ быть уяснены только и при помощи польскихъ источниковъ, отсутствіе которыхъ въ изслѣдованіи Г. В. Форстена рѣзко замѣтно. По словамъ автора, отношеніе Сигизмунда къ Данцигу было строгое и неумолимое (I, 38; ср. I, 317, 409). По мнѣнію оппонента—оно было дипломатическимъ: когда жители Данцига сожгли въ 1569 г. крейсерскую флотилію, то Сигизмундъ вмѣсто того, чтобы наказать эту измѣну и поддержать авторитетъ королевской власти, уладилъ дѣло чрезъ своихъ коммиссаровъ (Объ этомъ см. Бобржинскій II, 122). Послѣ небольшихъ преній по этому вопросу, оппонентъ продолжалъ свои возраженія, указавъ на ложность, по его мнѣнію, взгляда г. Форстена на значеніе сандомірскаго соглашенія. Послѣднее было скорѣе союзомъ политическимъ, явилось актомъ самообороны начавшейся реакціи, что давно установлено историками польской реформаціи, а книги о послѣдней вѣдь существуютъ и на русскомъ языкѣ (труды проф. Любовича и Жуковича и книжка самого оппонента). По словамъ автора, „послѣ сандомірскаго соглашенія пробилъ послѣдній часъ романизму и только іезуиты спасли правовѣріе въ Польшѣ" (I, 39). Если бы диспутантъ воспользовался послѣднимъ трудомъ Любовича (Начало католической реакціи и упадокъ реформаціи въ Польшѣ), то едва-ли высказалъ бы такую мысль: іезуиты въ эту пору не играли главной роли, здѣсь можно отмѣтить, вѣрнѣе, слабость протестантизма. Точно также, авторъ не воспользовался работой проф. Любовича „Альбрехтъ, герцогъ Прусскій, и реформація въ Польшѣ", говоря о поддержкѣ Альбрехтомъ антикатолическаго движенія въ Пруссіи. Изданіе извѣстнаго эдикта въ 1557 г. Сигизмундомъ II г. Форстенъ объясняетъ тѣмъ, что Сигизмундъ боялся усиленія протестантизма въ Польшѣ, съ присоединеніемъ Ливоніи (I, 77). При этомъ, авторъ ссылается на соч. проф. Любовича „Исторія ре-

---

[1]) Красинскій. Biblioteka Ordynacyi Krasinskich (Akta polskie: korrespondencye Fr. Krasinskiego).

формаціи въ Польшѣ" (стр. 190—191), но ссылка не подтверждаетъ взгляда автора. Если бы диспутантъ познакомился съ этимъ эдиктомъ, то увидѣлъ бы, что эдиктъ этотъ былъ изданъ не изъ боязни Сигизмунда, а вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ епископовъ и вслѣдствіе уступчивости Сигизмунда по отношенію къ протестантамъ. Далѣе, проф. Н. И. Карѣевъ высказалъ нѣсколько частныхъ замѣчаній, сводившихся къ тому, что авторъ недостаточно внимательно отнесся въ своей книгѣ къ фактамъ изъ польской исторіи. Между прочимъ, г. Форстенъ обнаружилъ полное незнакомство съ внутреннимъ бытомъ Польши и съ его терминологіей (называя, напр., сеймики ландтагами и т. п.).

Отношеніе Польши къ Ливонскому вопросу у докторанта не выяснено съ достаточной полнотой, именно благодаря отсутствію польскихъ источниковъ. По мнѣнію автора, „главной цѣлью своей внѣшней политики Сигизмундъ II Августъ поставилъ утвержденіе въ Ливоніи" (I, 241), но на 246 стр. оказывается, что данцигскіе послы называютъ Сигизмунда равнодушнымъ къ Ливонскимъ событіямъ (I, 246), что снова опровергается уже самимъ авторомъ на 247 стр. Причину замедленія Ливонской войны авторъ объясняетъ несочувствіемъ шляхты къ внѣшней политикѣ Сигизмунда (I, 250), но на 331 стр. говоритъ, что „у Польши не было никакихъ средствъ для успѣшнаго веденія войны", что Польшѣ надлежало рѣшать много *внутреннихъ* вопросовъ, прежде чѣмъ думать о войнѣ. Мѣсто это скомкано у автора, и онъ умалчиваетъ объ этихъ „внутреннихъ" вопросахъ. Въ своихъ замѣчаніяхъ оппонентъ подчеркнулъ, что г. Форстенъ пользовался донесеніями данцигскихъ пословъ, которые и останавливались на нерѣшительности Сигизмунда, но автору совсѣмъ осталось неизвѣстнымъ, что говорилось *поляками* на сеймахъ (I, 246). Точно также, говоря о Петроковскомъ сеймѣ 1562 г., авторъ (I, 318—319) пользуется данцигскими архивами, а между тѣмъ, для этого времени есть превосходный источникъ — дневникъ этого сейма [1]), имѣющій громадное значеніе, такъ какъ въ немъ полно изображена внѣшняя политика того времени. Не зная подобныхъ дневниковъ, авторъ и не могъ дать отвѣта, какихъ мнѣній держались поляки на этомъ сеймѣ: свои соображенія ему приходилось дѣлать на основаніи данцигскихъ архивовъ, да и то съ оговорками—„если вѣрить донесеніямъ данцигскихъ пословъ" (I, 322, 328).

Скандинавская исторія интересуетъ, видимо, изслѣдователя болѣе всего. Но и здѣсь можно найти неясности и неточности. На 1-й

[1]) Dzialyński Żrodłopisma do dziejow unii k. polskiej w. k. Litewskiego. Poznań. 1856.

же стран. I-го т. авторъ говоритъ: „съ этихъ поръ“, т. е. послѣ шпейерскаго мира 1544 г., начинается внутреннее развитіе скандинавскихъ государствъ, какъ будто бы до этого времени развитія ихъ не было. Внутренней исторіей страны, однако, авторъ совсѣмъ не интересуется. Такъ, говоря о шведскомъ королѣ Эрихѣ XIV, изслѣдователь (намѣренно) не касается его внутреннихъ преобразованій (I, 38). Въ смыслѣ изложенія авторъ часто допускаетъ странности: шведскихъ королей онъ называетъ самодержавными (I, 25, 29, 30, 31, 34 и др.), не поясняя, въ какомъ смыслѣ ихъ можно называть такъ; смѣшиваетъ областную и ленную реформы, злоупотребляя терминомъ „централизація“ (I, 25, 51, 52—53), чѣмъ обнаруживаетъ малое знакомство и съ внутреннимъ бытомъ скандинавскихъ государствъ, и съ общими понятіями, каковы феодализмъ, централизація и т. п. Дань, которую платилъ Дерптъ Іоанну Грозному, авторъ называетъ десятиной истинной вѣры (I, 86), переводя, такимъ образомъ, слово „zins“; между тѣмъ, слово это означаетъ „цензъ“, „оброкъ“, а не десятую часть. Указавъ на другія неточности въ диссертаціи г. Форстена, проф. Карѣевъ перешелъ отъ частностей къ общему взгляду на его трудъ

Соглашаясь съ авторомъ, что поставленный имъ вопросъ весьма сложенъ (II, стр. VII), что разобраться во всѣхъ этихъ „дрязгахъ“ довольно трудно, оппонентъ замѣтилъ, что автору слѣдовало сдѣлать примѣнительно ко всему труду то, что самъ онъ говоритъ о послѣдней части своего сочиненія. „Изслѣдователь теряется въ массѣ матеріала, необходимо выдѣлить изъ всего этого сложнаго политическаго и дипломатическаго періода лишь тѣ моменты, которые освѣщаютъ отношеніе сѣверныхъ державъ къ балтійскому вопросу“ (II, 450). То, что авторъ сказалъ объ изслѣдователѣ, можно сказать о читателѣ: послѣдній находится въ положеніи изслѣдователя и теряется въ книгѣ г. Форстена. Объясняется это тѣмъ, что авторъ недостаточно рельефно выдвинулъ главное и существенное на первый планъ. Облегчить положеніе читателя авторъ могъ бы двумя путями, или отбросивъ массу матеріала, которая не идетъ къ дѣлу, или сдѣлавъ введенія въ каждую главу, обобщенія, итоги. По первому пути авторъ не пошелъ: вѣроятно, ему было жаль архивнаго матеріала, который онъ и оставилъ въ сыромъ видѣ. Второго— итоговъ, обобщеній—въ книгѣ, къ сожалѣнію, читатель не находитъ. Читатель не можетъ схватить архитектурныя линіи зданія: онѣ заслонены лѣсами и строительнымъ матеріаломъ; даже модель зданія ускользаетъ отъ ищущаго взора. Между тѣмъ изслѣдователь могъ бы хоть нѣсколько помочь читателю. Разсматривая почти цѣлое столѣтіе (1544—1648), автору нужно было разбить его на части, разсортировать факты по степени ихъ важности,

а не по количеству матеріала. Вотъ почему нерѣдко авторъ говоритъ о крупныхъ фактахъ мало, а о мелкихъ подробно только потому, что о нихъ много есть въ его источникахъ. Часто авторъ подробно останавливается на неудавшихся проектахъ и планахъ, на непринятыхъ предложеніяхъ и безрезультатныхъ переговорахъ, ничего не характеризующихъ и имѣющихъ значеніе простого балласта. Существеннымъ недостаткомъ труда г. Форстена является, по мнѣнію оппонента, его *недоработанность*. Приходится сызнова продѣлывать все, что дѣлалъ авторъ, чтобы свести итоги изслѣдованнымъ фактамъ, такъ какъ самъ авторъ не оперировалъ надъ громаднымъ матеріаломъ. Систематизація фактовъ у автора есть, но связь между ними хронологическая: онъ держится послѣдовательности, а не причинности. Самое изложеніе у автора—догматическое; *диссертаціи*, критики, разсужденія—у него нѣтъ; часто даже трудно узнать, чтò принадлежитъ автору и чтò сдѣлано другими. Отсутствіе критическаго изслѣдованія и научный аргументаціи иногда просто поражаютъ. Послѣднее возраженіе проф. Карѣева касалось вопроса коммерческихъ или, какъ постоянно выражается авторъ, „коммерсіальныхъ" интересовъ въ сочиненіи. Авторъ разработалъ исторію политики и отношеній вѣроисповѣдныхъ, но у него оставлены въ сторонѣ интересы коммерческіе: на нихъ онъ ссылается, говоря, что они играли въ эту пору большую роль, но въ сочиненіи это совсѣмъ не доказано. Промышленность, торговля, финансы—не освѣщены въ книгѣ ни съ какой стороны, а между тѣмъ, тѣ же архивы (съ данцигскимъ между прочимъ) даютъ матеріалъ для этой темы. На первомъ планѣ выдвинуты мелкія дипломатическія интриги.

Согласившись во многомъ съ оппонентомъ, диспутантъ замѣтилъ, что онъ—не спеціалистъ по польской исторіи и выразилъ сожалѣніе, что не знаетъ польскаго языка. Что же касается до построенія его сочиненія, до незавиднаго положенія читателя его книги, то это его мало интересуетъ. Напрасно оппонентъ думаетъ, что ему, диспутанту, было жаль выбрасывать архивный матеріалъ: его еще достаточно есть. Всѣ подробности, продолжалъ диспутантъ, одинаково важны для него. Принципъ автора—разсмотрѣть, по возможности, все, изложить Ливонскую войну до мелочей, какъ можно обстоятельнѣе. Если и недосказаны нѣкоторые пункты, то дѣлалось это для того, чтобы избѣжать повторенія уже извѣстнаго. Наконецъ, въ недобросовѣстности ужъ никакъ нельзя упрекнуть автора: у него нѣтъ ни одного чужого слова безъ ссылки. Въ заключеніе, диспутантъ, поблагодаривъ проф. Карѣева за указанія, сдѣланныя имъ, выразилъ надежду и дальше заниматься въ той же области, воспользовавшись его указаніями.

Второй оппонентъ, проф. С. Ѳ. Платоновъ, прежде всего вспомнилъ того профессора, подъ вліяніемъ котораго сложились ученые вкусы диспутанта и выработана была самая тема его диссертаціи—именно профессора Василія Васильевича Бауера, памятнаго петербургскимъ студентамъ-филологамъ 70-хъ и 80-хъ годовъ. Какъ преподаватель, В. В. Бауеръ возбуждалъ живой интересъ къ предмету, давалъ опредѣленные взгляды на эпохи, которыя излагалъ, и на задачи, которыя предлежатъ русскому изслѣдователю событій западно-европейскихъ. Лучшія традиціи аудиторіи В. В. Бауера оживаютъ въ его ученикѣ Г. В. Форстенѣ, и потому ученая и преподавательская дѣятельность докторанта особенно понятна и дорога для его университетскихъ сверстниковъ, къ которымъ причисляетъ себя и оппонентъ. Переходя, затѣмъ, къ диссертаціи, оппонентъ указалъ на то, что очень точная ея общая оцѣнка дана была самимъ авторомъ въ только что произнесенной имъ вступительной къ диспуту рѣчи: широта и сложность темы, неравномѣрность въ разработкѣ различныхъ входящихъ въ тему сюжетовъ и различныхъ источниковъ и, наконецъ, стремленіе къ объективности въ отношеніи къ странамъ, фактамъ и лицамъ—вѣрно подмѣченныя авторомъ существенныя черты его труда. Къ чести автора можно сказать, что неравномѣрность въ обработкѣ различныхъ частей его труда никогда не бывала слѣдствіемъ ученаго равнодушія или безсилія. Авторъ былъ въ трудномъ положеніи въ томъ смыслѣ, что не всегда могъ въ своемъ изученіи опираться на монографіи или на печатные сборники документовъ, и часто самъ бывалъ вынужденъ разыскивать и собирать матеріалы; очень естественно, что собиратель въ немъ иногда оттѣснялъ на второй планъ „изслѣдователя“, и изложеніе въ такомъ случаѣ обращалось въ послѣдовательный пересказъ содержанія документовъ. Но къ неменьшей чести Г. В. Форстена должно сказать, что и въ такихъ, наименѣе выработанныхъ частяхъ труда, онъ является строгимъ прагматикомъ, выдерживая единство и цѣльность взгляда на лица и событія. Такимъ образомъ, и здѣсь, какъ и въ другихъ частяхъ его работы, его объективность „не сводится къ безличію и безъидейности“.

Лучшимъ оправданіемъ такого отзыва могутъ служить тѣ страницы книги, которыя посвящены оцѣнкѣ Грознаго, какъ политика: у Г. В. Форстена на Грознаго очень опредѣленный и выдержанный взглядъ (I, 41, 96, 288 и др.). Однако, было бы несправедливо, по мнѣнію оппонента, утверждать, что диспутантъ всегда торжествовалъ надъ тѣми трудностями, какія представляли ему обширность или необработанность матеріала: особенно часто подавлялъ его именно русскій историческій матеріалъ, и авторъ даже просто отказывался отъ операцій надъ нимъ, допуская небрежности и прямые промахи и

въ самомъ изложеніи, и въ передачѣ мелочей, и въ вещахъ болѣе или менѣе существенныхъ. Относительно изложенія оппонентъ сослался на стр. 58 и 63 II-го тома, гдѣ говорится о „наброскѣ инструкціи московскому царю“ (!) отъ ганзетага (съ пропускомъ словъ „der gesanten“) и гдѣ митрополитъ московскій называется патріархомъ, хотя цитируемый авторомъ источникъ не ошибается въ санѣ. Относительно невѣрной передачи частностей оппонентъ указалъ, между прочимъ, на то, что русскія имена XVI и XVII вв., легко возстановляемыя по русскимъ документамъ, передаются въ неточныхъ, прямо невѣроятныхъ формахъ [1]). Не говоря о случайныхъ неточностяхъ, въ родѣ той, что имя соловецкаго игумена Антонія передѣлывается въ Антонина (II, 87), у автора находимъ несуществующую фамилію князей Романовыхъ [2]) (I, 292), вмѣсто Ромодановскихъ, и частое извращеніе географическихъ названій—потому только, что авторъ не считалъ нужнымъ дѣлать справки въ русскихъ документахъ. Послѣднее обстоятельство, игнорированіе русскаго матеріала, доводитъ автора до прямыхъ промаховъ. Излагая, напримѣръ, кампанію 1558 года, г. Форстенъ не пользуется русской (Никоновскою) лѣтописью, ограничиваясь однимъ упоминаніемъ о ней въ примѣчаніи (I, 88). Говоря о событіяхъ 1559 года, онъ не пользуется „разрядами“, хотя ихъ знаетъ и хотя въ нихъ находятся болѣе точныя данныя по интересующимъ его подробностямъ (I, 104). Разсказъ кн. А. М. Курбскаго о Ливонской войнѣ онъ оставляетъ совсѣмъ въ сторонѣ, а между тѣмъ въ этомъ разсказѣ есть для автора цѣнныя показанія (напр. о Фонъ-Белѣ).

Наконецъ, оппонентъ съ особеннымъ удареніемъ указалъ на то, что докторантъ сдѣлалъ прямую ошибку, не воспользовавшись иностранными (шведскими, датскими, любскими) грамотами въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, и вообще русскими архивными матеріалами. На двухъ примѣрахъ—на вопросѣ о городѣ Корелѣ въ 1596 г. и на посольствѣ Матсена и Сване въ 1598 г.—оппонентъ остановился для того, чтобы показать, что русскіе архивы могли дать г. Форстену новыя и точныя свѣдѣнія.

Рѣчь свою оппонентъ закончилъ общимъ замѣчаніемъ о важномъ значеніи для русской исторической литературы труда Г. В. Форстена: большой запасъ новыхъ фактовъ, хорошо сведенныхъ и по большей

---

[1]) То же самое проф. Карѣевымъ было замѣчено и относительно передачи собственныхъ именъ польскихъ.

[2]) На послѣднее замѣчаніе диспутантъ съ живостью возразилъ, что „это, должно быть, какой-нибудь нѣмецъ напуталъ“, которымъ онъ пользовался, какъ источникомъ.

части строго провѣренныхъ, указанія на мало извѣстную у насъ скандинавскую историческую литературу, личные выводы и мнѣнія автора—все это составляетъ пріобрѣтеніе для русской исторіографіи. (Отчетъ о диспутѣ Г. В. Форстена составленъ П. А. К—скимъ).

— Въ воскресенье, 20 ноября 1894 года, профессоръ Варшавскаго университета П. А. Кулаковскій защищалъ въ актовой залѣ С.-Петербургскаго университета диссертацію подъ заглавіемъ: „Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія", представленную имъ для полученія степени доктора славянской филологіи. Оффиціальными оппонентами были профессора: В. И. Ламанскій и А. И. Соболевскій.

Диссертантъ извѣстенъ, какъ въ спеціальной, такъ и въ общей литературѣ своими многочисленными изслѣдованіями по славянской филологіи и статьями, посвященными разработкѣ славянскаго вопроса. Изъ нихъ назовемъ: „Вукъ Караджичъ. Его значеніе въ сербской литературѣ" (магистерская диссертація г. Кулаковскаго защищенная имъ въ Московскомъ университетѣ), „Праздникъ Слава у сербовъ" („Русск. Вѣстн."), „Вопросъ объ единомъ литературномъ языкѣ у славянъ" („Меѳодіевскій Сборникъ") и друг. Ученикъ профессоровъ Бодянскаго и Безсонова, П. А. Кулаковскій, по окончаніи курса въ 1870 г. въ Московскомъ университетѣ, сперва учительствовалъ въ гимназіяхъ, затѣмъ отправился заграницу для спеціальныхъ изслѣдованій славянскихъ нарѣчій. По возвращеніи онъ былъ командированъ министерствомъ народнаго просвѣщенія въ Сербію для занятія въ только-что учрежденной въ 1878 году бѣлградской Великой Школѣ каѳедры русскаго языка и словесности. Послѣ защиты дисертаціи въ 1882 году на степень магистра славянской филологіи, читалъ съ 1884 г. лекціи русскаго языка въ Варшавскомъ университетѣ, съ 1886 г. по октябрь 1892 г. редактировалъ „Варшавскій Дневникъ" и съ 1892 г. занимаетъ каѳедру славянскихъ нарѣчій въ Варшавскомъ университетѣ.

Передъ началомъ диспута П. А. Кулаковскій обратился къ собравшимся съ рѣчью, сущность которой состояла въ слѣдующемъ. Отмѣтивъ значеніе разработки исторіи возрожденія славянъ, диспутантъ указалъ на все возрастающій интересъ къ славянамъ въ Западной Европѣ и ихъ роль въ отношеніяхъ европейскаго запада къ Россіи. Затѣмъ онъ охарактеризовалъ положеніе славянъ въ началѣ ихъ возрожденія. По его мнѣнію, въ ту пору у славянъ не было не только сознанія ихъ общности, но не было даже сознанія единства въ отдѣльныхъ частяхъ одного и того же племени. Общія имена народности были мало извѣстны въ жизни,—населеніе охотнѣе различало себя или по мѣстности, гдѣ жило, или по вѣроисповѣданію, или

по какому-нибудь характерному признаку своего діалекта. Поэтому славянскихъ разновидностей было весьма много, и общее именованіе, предполагающее болѣе ясное національное самосознаніе, лично распространяется только при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Возрожденіе славянъ въ дѣйствительности началось во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Оно сопровождалось быстрымъ развитіемъ государственной жизни Россіи (выступленіемъ ея на поприще общеевропейской политики) и паденіемъ польскаго государства. Другія славянскія народности въ ту пору были лишены всякой политической силы, и почти не было надеждъ на воскрешеніе ихъ значенія. Интересъ къ нимъ былъ только археологическій.—Къ концу XVIII в. падаетъ польское государство, не вынесши своей роли, навязанной ему западной Европою, быть барьеромъ между нею и Россіей, и германскій міръ поспѣшилъ воспользоваться печальнымъ положеніемъ польскаго народа и раздробить по частямъ его территорію, ибо Польша оказалась для него уже ненужною по своей слабости. Одновременно съ этимъ начинается возрожденіе славянъ. Оно носитъ строго народный, демократическій характеръ. Диспутантъ отмѣтилъ два основныхъ типа возрожденія славянъ. Тамъ, гдѣ славяне были угнетены и подчинены только физически и матеріально, они возрождались прежде всего политически и вступали со своими завоевателями въ кровавую борьбу за независимость или сами по себѣ, или при помощи другихъ, отстаивая права своей народности. Но тамъ, гдѣ сила чужого господства опиралась на культурныхъ основахъ, на школѣ и гражданственности, — славяне должны были искать силъ и средствъ для борьбы въ томъ же оружіи, какимъ располагали ихъ завоеватели. Поэтому борьба ихъ за народность приняла въ началѣ видъ борьбы за право языка и его самостоятельное развитіе. Возрожденіе сербовъ и болгаръ, вообще славянъ Балканскаго полуострова, принадлежитъ первому типу. Первые признаки сербскаго возрожденія относятся къ концу XVIII в. Блестящій рядъ плановъ въ началѣ XIX в. отвоевалъ народу свободу въ одной изъ сербскихъ областей, а поддержка и защита Россіи въ извѣстной степени обезпечили свободу и независимость внутренняго развитія части сербскаго племени. Для борьбы съ турками сербы не нуждались въ орудіяхъ культуры, ибо въ культурномъ отношеніи они были выше своихъ завоевателей, и первые вожди сербовъ были люди неграмотные. Возрожденіе болгаръ какъ политическое, такъ и литературное совершилось недавно и при ближайшемъ участіи Россіи. Дѣятельность угрорусса Венелина, путешествовавшаго въ 1830 году по Болгаріи на средства Россійской Академіи, можно сказать, открыла болгаръ не только для другихъ, но и для самихъ болгаръ. Политическое воз-

рожденіе болгаръ произошло 16 лѣтъ тому назадъ, благодаря прямому участію Россіи. Иначе совершалось возрожденіе западныхъ и югозападныхъ славянъ, находившихся подъ властью германо-романскаго міра и культуры. У чеховъ въ послѣдней четверти XVIII в. являются первые провозвѣстники народнаго возрожденія, начинавшагося воскрешеніемъ литературы и языка. Является тогда же и интересъ къ изученію другихъ славянъ. Но этотъ интересъ къ народности бытъ археологическій. Языкомъ этой ученой литературы былъ языкъ латинскій или нѣмецкій, и первые дѣятели литературнаго чешскаго возрожденія были словаки. Въ 1783 г. въ Пресбургѣ возникла первая газета на чешскомъ языкѣ: Presburske Slovenské noviny, подъ редакціей словака Яна Выскиденскаго, а въ 1785 г.— популярно-научное изданіе: Stare noviny liternihonmeni въ Зволенѣ, подъ редакціей словака Андрея Плахія. Разработка историческаго и литературнаго матеріала, особенно ученая дѣятельность Добровскаго подняла у чеховъ національное самосознаніе. Явилось стремленіе создать особую литературу на чешскомъ языкѣ, для чего нужно было приспособить самый языкъ, изгнанный изъ употребленія въ высшихъ и среднихъ кругахъ, но сохранившійся въ народныхъ массахъ. Отъ литературнаго возрожденія чехи стали стремиться къ политическому и вообще національному. — Возрожденіе словенцевъ въ началѣ носитъ почти исключительно грамматическій и славянскій характеръ,—на излишнее обиліе этихъ работъ указывалъ уже Челяковскій. Возрожденіе словенцевъ впервые отмѣчено Водникомъ, пѣвцомъ „Воскрешенной Иллиріи", при основанія Наполеономъ I — особаго управленія для „Иллирскихъ провинцій". Обыкновенно каждая славянская народность старалась поднять одинъ изъ своихъ главныхъ діалектовъ до литературнаго употребленія. Въ этомъ отношенія возрожденіе хорватовъ имѣетъ своеобразный характеръ. Оно началось борьбою хорватовъ съ мадьярами за права народности. Борьба эта изъ парламентской нерѣдко грозила перейти на поле кровавыхъ столкновеній, и первая ея стадія завершилась въ битвахъ 1848—49 годовъ. Подъ „правами народности", изъ-за которыхъ началась эта борьба, сначала понимались лишь права привилегированныхъ классовъ. Воспитанная въ строгой католической школѣ и твердо отстаивавшая привилегію высшаго класса, хорватская интеллигенція вела борьбу съ мадьярами за права латинскаго языка, который считался даже lingua patria. Только въ 1847 г. удалось устранить этотъ языкъ изъ сеймовъ. Хорватское возрожденіе совершилось подъ защитою и прикрытіемъ теоріи Иллиризма, объединявшей всѣхъ юго-славянъ подъ именемъ Иллировъ. Оно охватило Далматію, Славонію и Хорватію, но главная дѣятельность вождей этого возрожденія сосредоточилась въ

провинціальной Хорватіи. Они поняли невозможность подъема своего мѣстнаго нарѣчія до степени языка литературы и приняли штокавское, сербско-далматическое, какъ языкъ общей литературы сербо-хорватской. Это оправдывалось ученіемъ Коллара о четырехъ главныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ и иллирской теоріей, а также и практическимъ расчетомъ выйти за тѣсную область небольшой Хорватіи. Можно было предполагать, что со временемъ произойдетъ полное сліяніе всѣхъ точныхъ и юго-западныхъ славянъ въ одной литературѣ, что проповѣдывалъ иллиризмъ. Провинціальные хорваты, отрекшись отъ обработки своего нарѣчія, создали для себя замѣтное положеніе на славянскомъ юго-западѣ. Иллирское движеніе носитъ характеръ демократическій. Если Иллиризмъ не достигъ всѣхъ своихъ цѣлей (политическихъ, объединенія въ языкѣ Болгаръ и Славянъ съ Сербами и Хорватами), то все же главная цѣль была почти достигнута; выработалось единство литературнаго языка для всѣхъ областей отъ крайнихъ восточныхъ границъ сербскаго племени до побережій Адріатики и западныхъ предѣловъ Хорватіи.

Положенія, извлеченныя изъ диссертаціи, слѣдующія:

1. Возрожденіе Хорватовъ произошло подъ тѣми же воздѣйствіями, при какихъ совершалось и у другихъ Славянъ: оно—въ связи съ общимъ ростомъ идеи національности въ Европѣ, и его сила и быстрота объясняются возвышеніемъ Россіи, какъ славянской державы. Толчокъ ему былъ данъ стремленіемъ Мадьяръ создать сильное мадьярское государство съ мадьярскимъ языкомъ, какъ общимъ для всѣхъ его народностей, для чего было нужно уничтоженіе правъ на національное развитіе всѣхъ другихъ народовъ Венгріи, по преимуществу Славянъ.

2. Въ то время какъ хорватскіе привилегированные классы отстаивали права латинскаго языка, какъ языка общегосударственнаго для всей Венгріи, въ хорватскихъ странахъ явилась мысль о возможности подъема народнаго языка до степени языка школы, учрежденій и литературы.

3. Возвышеніе мѣстнаго нарѣчія провинціальной Хорватіи на такую степень было невозможно по причинѣ малочисленности населенія, имъ пользующагося, а принятіе одинаковаго литературнаго языка со Словенцами не могло бы осуществиться и по причинамъ политическимъ.

4. Литературное возрожденіе Хорватовъ совершилось подъ покровомъ и защитою широкой идеи—объединенія Юго-славянъ въ литературѣ, благодаря иллирской теоріи, считавшей древнихъ Иллировъ Славянами и объединявшей въ понятіи *Иллиры* всѣхъ Славянъ

юга. Это ученіе было распространене задолго до начала дѣятельности Гая.

5. Необходимость выработать единство правописанія, столь важное для литературнаго объединенія близкихъ по языку и историческимъ судьбамъ народностей, была сознана также раньше Гая, но Гай первый указалъ правильный практическій выходъ изъ этого положенія раздробленности для Юго-славянъ, пишущихъ латиницею.

6. Людевитъ Гай имѣетъ значеніе, какъ практическій дѣятель, инициаторъ и проповѣдникъ ученій Иллиризма, и первый принялъ штокавское нарѣчіе, какъ языкъ новой словесности, общей для всѣхъ юго-западныхъ Славянъ.

7. Отношеніе Словенцевъ и Сербовъ къ иллирской теоріи было различно. Первые не могли принять въ литературу сербско-далматинско-хорватское нарѣчіе въ виду условій своего національнаго развитія, вторые не могли принять именованія себя *Иллирами* въ виду особенностей своего политическаго положенія.

8. Реформы Гая относительно языка литературы и правописанія у хорватскихъ Славянъ произошли подъ вліяніемъ ученія Коллара о славянской взаимности.

9. На иллирское возрожденіе вліяли ученые труды Шафарика и общеславянскій характеръ литературной дѣятельности Коллара, подъ воздѣйствіемъ которыхъ иллирскіе дѣятели и писатели развивали свои положенія объ единствѣ Юго-славянъ и общности ихъ литературнаго языка. Этимъ объясняется интересъ къ изученію народа, его быта, языка и преданій въ иллирскій періодъ литературы. Такое направленіе содѣйствовало въ Хорватіи демократическому перевороту, послѣдовавшему въ ея строѣ въ концѣ сороковыхъ годовъ.

10. Въ періодъ Иллиризма не только создалась и развилась новая хорватская литература, но и произошло культурное возрожденіе Хорватовъ во всѣхъ отношеніяхъ. Явилось стремленіе къ сближенію съ восточнымъ православнымъ Славянствомъ,—преимущественно съ Сербами.—Гай особенно много сдѣлалъ для этого въ первую половину иллирскаго періода,—отъ начала изданія *Иллирскихъ Новинъ* и *Даницы* до запрещенія употребленія словъ: *Иллиры, иллирскій* (11 января 1843 г.).

11. Сотрудники Гая и современные ему дѣятели литературы создали образцы во всѣхъ главныхъ видахъ словесности. Литературныя произведенія носили патріотическій характеръ съ политическою тенденціею и содѣйствовали общему подъему народнаго самосознанія у Хорватовъ.

12. Главнѣйшій результатъ Иллиризма—объединеніе Сербовъ и Хорватовъ въ языкѣ и литературѣ. Словенцы въ своей литературѣ

постепенно сближаются съ этимъ общимъ языкомъ двухъ болѣе сильныхъ народностей Славянскаго юга.

Первый официальный оппонентъ В. И. Ламанскій высказалъ лестную похвалу труду диспутанта, очень цѣнному вкладу въ науку, представляющему несомнѣнно лучшее, что написано объ Иллиризмѣ, отмѣтивъ при этомъ, что самая тема, избранная авторомъ, опредѣляетъ важное значеніе и интересъ его работы, такъ какъ извѣстно, какую выдающуюся роль играли Хорваты въ судьбахъ Австро-Венгріи и въ старину, и въ то время.

Далѣе оппонентъ указалъ на тѣ недостатки и пробѣлы, которые онъ замѣтилъ въ книгѣ г. Кулаковскаго.

Довольно существеннымъ пробѣломъ онъ считаетъ то, что авторъ, приступая къ изложенію своей темы, не познакомилъ читателей съ тогдашнимъ положеніемъ Хорватіи, много отличающимся отъ нынѣшняго. Надо было выяснить что представляла собой тогдашняя собственная Хорватія (провинція)—страна маленькая, съ малочисленнымъ, бѣднымъ, угнетеннымъ въ крѣпостной зависимости и мало культурнымъ населеніемъ. Такое введеніе освѣтило бы значительно въ глазахъ читателя-неспеціалиста вопросъ объ интересномъ движеніи. Съ этимъ замѣчаніемъ согласился и диспутантъ.

Далѣе, по мнѣнію проф. Ламанскаго, въ принятіи Хорватами штокавскаго языка въ литературу въ видахъ литературнаго объединенія юго-западныхъ славянъ нельзя видѣть особеннаго самопожертвованія и самоотреченія, ибо это было дѣло лишь немногихъ представителей ихъ интеллигенціи.

Въ отзывахъ автора о хорватскихъ писателяхъ и литературѣ того времени оппонентъ видитъ иногда слишкомъ преувеличенныя похвалы (напр. о ст. Вразѣ), не совсѣмъ-де умѣстныя въ русскомъ сочиненіи, въ которомъ можно бы ждать болѣе строгаго отношенія и взгляда. Впрочемъ, съ этимъ упрекомъ авторъ не могъ вполнѣ согласиться.

Наконецъ, оппонентъ остановился подробнѣе на личности Л. Гая, этой центральной фигуры въ исторіи иллирскаго движенія, находя, что г. Кулаковскій слишкомъ ее возвеличилъ и идеализировалъ. Оппонентъ указалъ по личнымъ воспоминаніямъ своимъ на рядъ свидѣтельствъ современниковъ, рисующихъ нравственный характеръ и внутреннія побужденія Гая въ очень некрасивомъ свѣтѣ. Онъ сослался, между прочимъ на извѣстные ему частные отзывы такихъ достойныхъ русскихъ людей и славянскихъ дѣятелей (покойныхъ), какъ протоіерей Раевскій, Фрейгангъ и Ѳ. В. Чижовъ, изъ частнаго письма котораго проф. Ламанскій и прочелъ тутъ же выдержку.

Вторымъ официальнымъ оппонентомъ выступаетъ проф. А. И.

Соболевскій. Онъ началъ и кончилъ свои возраженія столь же лестнымъ отзывомъ о диссертаціи П. А. Кулаковскаго, этой первой и единственной поучительной и прекрасной книгѣ о такъ называемомъ Иллиризмѣ. Перечисляя замѣченные имъ недочеты въ этомъ трудѣ, онъ нашелъ, что авторъ придалъ этому національному и литературному движенію слишкомъ самостоятельный характеръ (по его происхожденію и развитію), каковой оппонентъ за нимъ отрицалъ, сопоставляя его съ національнымъ возрожденіемъ въ Галиціи, еще болѣе раннимъ въ Чехіи, и усматривая подражаніе въ начинаніяхъ и дѣйствіяхъ хорватскихъ патріотовъ. Эти дѣйствія представляются ему какъ бы списанными, въ нихъ слишкомъ мало своего.

Затѣмъ проф. Соболевскій упрекнулъ диспутанта въ томъ, что онъ, имѣя на первомъ планѣ литературное возрожденіе Хорватовъ, очень подробно разъясняетъ политическую сторону движенія, а литературнымъ явленіямъ не всегда отводитъ достаточно мѣста, не достаточно характеризуетъ и выясняетъ литературное развитіе и особенно тѣ литературныя вліянія, которыя въ ту пору господствовали у Хорватовъ. Ссылки и указанія автора часто слишкомъ общи: говоря, напримѣръ, о переводахъ изъ иностранныхъ литературъ, онъ не отмѣчаетъ съ достаточной полнотой, чтò именно переводилось, а это между тѣмъ важно для характеристики литературнаго движенія. Наконецъ, оппонентъ отмѣтилъ нѣсколько мелкихъ неточностей въ книгѣ.

Въ заключеніе изъ публики выступило нѣсколько постороннихъ лицъ съ своими замѣчаніями—хорватъ г. Геруцъ и двое слушателей Спб. университета черногорецъ (г. Томичъ) и албанецъ. Замѣчанія эти состояли, главнымъ образомъ, въ выраженіи искреннихъ похвалъ и признательности (всѣ лица южнаго словянства) автору за обогащеніе славянской науки столь капитальнымъ трудомъ, притомъ написаннымъ вполнѣ объективно и безпристрасно. Впрочемъ замѣчаніе студента-серба касалось и самаго существа вопроса объ илларскомъ движеніи, въ которомъ онъ старался оттѣнить роль и значеніе собственно сербскаго элемента.

Отчетъ о занятіяхъ исторической коммиссіи учебнаго отдѣла при Московскомъ Обществѣ Распространенія Техническихъ Знаній.

Засѣданіе 10 февраля 1892 г. *В. А. Фуксъ* прочелъ свою „Подробную схему по исторіи Востока“, расчитанную на прохожденіе въ 6 уроковъ и приспособленную скорѣе для III класса, чѣмъ для IV.

Е. Н. Щепкинъ предложилъ исключить изъ курса древней исто-

ріи Востока—исторію евреевъ, которая гораздо подробнѣе проходится догматически на урокахъ Закона Божія, а здѣсь ограничиться лишь немногими крупными фактами внѣшней и бытовой исторіи ихъ, съ цѣлью освѣтить Библію уже какъ историческій источникъ.

Затѣмъ *Р. Ю. Випперъ* прочелъ изложеніе исторіи индусовъ, какъ онъ ее обычно трактуетъ на своихъ урокахъ. Красная нить единственнаго посвящаемаго исторіи Индіи часа—религіозное развитіе индусовъ. Ведійскій періодъ излагается коротко, браминскій же и буддійскій подробнѣе; обращено вниманіе на развитіе кастъ, униженное положеніе низшихъ изъ нихъ, на кастовое неравенство душъ даже въ загробной жизни, на развитіе аскетизма, проповѣдь Сакья-Муни и упорную борьбу брамановъ съ буддизмомъ.

Е. Н. Щепкинъ въ своихъ возраженіяхъ указалъ на то, что исторія индусовъ важна для характеристики пра-арійской культуры—главнымъ образомъ, естественной религіи и родового строя, общаго всѣмъ аріямъ до ихъ разселенія. Поэтому важны въ исторіи Индіи не послѣдніе періоды, а первый, ведійскій, какъ болѣе близкій къ эпохѣ разселенія арійцевъ. Собраніе, по предложенію *Р. Ю. Виппера*, признало оба варіанта урока по исторіи Индіи—имѣющими за себя солидныя основанія и заслуживающими равнаго вниманія.

Засѣданіе 24 февраля. Е. Н. Щепкинъ сдѣлалъ устный докладъ о принятыхъ въ Англіи учебникахъ и учебныхъ пособіяхъ по исторіи, нѣкоторыя изъ которыхъ и демонстрировалъ собранію.

Засѣданіе 16 марта Е. Н. Щепкинъ доложилъ свою „максимальную" схему по новой исторіи Англіи [1]). Рѣшено обсуждать ее по періодамъ. Относительно эпохи Тюдоровъ—*В. А. Фуксъ* указалъ, что надо рельефнѣе отмѣтить національное направленіе политики Тюдоровъ и мѣстныя условія, вліянія на выработку отношеній между церковью и государствомъ, а проф. *П. Г. Виноградовъ* находилъ нужнымъ подробнѣе охарактеризовать англиканизмъ, при Генрихѣ VIII болѣе подчеркнуть секуляризацію церковныхъ имуществъ, благодаря которой создался новый слой дворянства, а образованіе джентри отнести въ исторію Среднихъ Вѣковъ и разсказывать объ этомъ въ связи съ образованіемъ парламента и столѣтней войной.

По эпохѣ Стюартовъ—*А. Ѳ. Гартвигомъ* предложено охарактеризовать понятія Іакова I о своей власти отрывкомъ какой-либо изъ его рѣчей въ парламентѣ (съ чѣмъ референтъ согласился). *С. Ѳ. Фортунатовъ*—предложилъ кое-что выпустить для облегченія учащихся; изъ Petition of right привести два требованія—налогахъ и арестахъ; возможно яснѣе обозначить преобладаніе пресвитеріанъ въ парламентѣ,

[1]) Статья эта была помѣщена въ „Историческомъ Обозрѣніи (т. VI).

а индепендентовъ въ войскѣ; указать на непарламентскій образъ правленія Кромвеля, облегчившій реставрацію; упомянуть о поднесеніи Кромвелю короны и о Вербонскомъ парламентѣ. *П. Г. Виноградовъ* находилъ нужнымъ говорить подробнѣе о сектантахъ: квэкерахъ и милленаріяхъ. *В. А. Фуксъ* указалъ на главныя положенія, которыя должны быть усвоены учениками объ этомъ періодѣ, это: 1) антинаціональная внутренняя и внѣшняя политика Стюартовъ; 2) религіозный характеръ англійской революціи; 3) важное значеніе личности Кромвеля. Въ изложеніи революціи 1688 г. *С. Ѳ. Фортунатовъ* предложилъ выдвинуть процессъ епископовъ, внесшій разладъ между коренными принципами торизма, преданностью англиканству и королю,—и заставившій торіевъ пожертвовать послѣднимъ во имя перваго и соединиться съ своими врагами—вигами для изгнанія Іакова II.

Въ томъ же засѣданіи *О. П. Герасимовъ* сдѣлалъ устный докладъ о преподаваніи исторіи Греціи въ эпоху греко-персидскихъ войнъ; выборъ фактовъ въ его программѣ мало отличается отъ общепринятаго, но, по его мнѣнію, для общаго освѣщенія эпохи надо выяснить два вопроса: 1) *Какое мѣсто вообще въ учебникѣ должно занимать описаніе войнъ?* По мнѣнію докладчика, войнамъ въ учебникѣ вообще отводится слишкомъ много мѣста, особенно же—въ исторіи грековъ и римлянъ. 2) *Вопросъ о героизмѣ Грековъ.* Героизмъ надо представить явленіемъ мѣстнымъ, связаннымъ съ городскимъ устройствомъ. Надо выяснить дурное состояніе персидскихъ войскъ, недостатокъ у нихъ провіанта, потерю кораблей. О битвахъ Мараѳонской и Саламинской надо говорить короче, чѣмъ въ принятыхъ учебникахъ; до Мараѳона не упоминать ни одного похода; за то надо выдвинуть періодъ объединенія въ связи съ первоначальной организаціей Делосскаго союза, и дѣятельность Кимона, а превращеніе аѳинскихъ союзниковъ въ подданныхъ отнести къ времени Перикла.

П. Г. Виноградовъ въ преніяхъ указалъ, что объясненіе успѣха войны патріотизмомъ грековъ имѣетъ за себя основанія, такъ какъ подъемъ духа былъ, дѣйствительно, замѣчательный. Хотя панэллинскаго патріотизма еще не было, но сознаніе единства уже существовало. Надо постоянно указывать на зависимость силы войска Персовъ отъ ихъ флота: разбитъ флотъ, гибнетъ и войско. Въ изложеніи греко-персидскихъ войнъ вообще важны культурныя черты: сплоченный строй греческихъ городовыхъ ополченій—и раздробленное, разсыпающееся персидское войско. Въ разсказѣ о войнахъ вообще всегда выдвигается важный историческій законъ: война есть сплачивающій элементъ, что и проявилось въ греческой исторіи.

С. Ѳ. Фортунатовъ предложилъ поставить патріотизмъ Аѳинъ въ

связь съ ихъ демократической организацiей и указать, что аристократы сносились съ Персами. Докладчикъ согласился съ этими замѣчанiями.

Засѣданiе 13 апрѣля. В. М. Михайловскiй сдѣлалъ сообщенiе объ „Основныхъ началахъ преподаванiя исторiи въ американскихъ школахъ". Какъ и въ Англiи, цѣлью преподаванiя исторiи въ Америкѣ ставится—объясненiе учащимся прошедшаго и настоящаго родины, подготовленiе изъ нихъ хорошихъ гражданъ и политически-развитыхъ дѣятелей. Въ курсъ исторiи введены слѣдующiе отдѣлы: исторiя евреевъ, грековъ, римлянъ, Англiи и Америки; исторiя среднихъ вѣковъ вовсе не проходится по причинѣ ея трудности для учащихся. Кромѣ того, существуетъ особый пропедевтическiй курсъ, посвященный мѣстной исторiи и имѣющiй цѣлью возбудить интересъ къ предмету живымъ изложенiемъ фактовъ. Затѣмъ, докладчикъ остановился на изданномъ Стэнли Холлемъ (Stanley Hall) сборникѣ, въ которомъ различными авторами отмѣчены недостатки въ постановкѣ преподаванiя исторiи и указаны мѣры къ подъему уровня этого преподаванiя. Къ числу слабыхъ сторонъ дѣла относятся: недостаточная подготовка многихъ преподавателей, обремененiе ихъ уроками, недостатокъ учебнаго времени; механичность метода преподаванiя—и въ результатѣ—нелюбовь учениковъ къ предмету. Въ числѣ желательныхъ методическихъ прiемовъ намѣчены: 1) чтенiе руководства всѣмъ классомъ съ помощью учителя; 2) чтенiе отрывковъ изъ историческихъ писателей; 3) изученiе исторической карты; 4) чтенiе поэтической литературы и изученiе стихотворенiй съ историческимъ содержанiемъ; 5) самостоятельная работа учениковъ—въ видѣ отысканiя параллельныхъ явленiй въ древней и новой исторiи; 6) отвѣты на вопросы учителя, составляемые учениками на основанiи чтенiя научныхъ сочиненiй, и совмѣстное обсужденiе такихъ отвѣтовъ; 7) составленiе учителями конспектовъ, какъ руководствъ при занятiяхъ,—съ указанiемъ на литературу вопросовъ; 8) устройство классныхъ библiотекъ изъ подходящихъ сочиненiй; 9) черченiе карты и т. д. Вообще, замѣтно, что составители сборника обращаютъ мало вниманiя на учебникъ, а болѣе всего—на самостоятельное чтенiе учениковъ и переработку ими воспринимаемаго матерiала.

Въ томъ же засѣданiи *М. К. Любавскiй* прочелъ начало своего „Опыта программы для руководства при преподаванiи русской исторiи". Неудовлетворительные результаты отъ преподаванiя исторiи въ средней школѣ зависятъ, по мнѣнiю референта, между прочимъ, отъ слѣдующихъ трехъ причинъ: 1) историческiя обобщенiя и выводы не стоятъ въ связи съ матерiаломъ учебника, а даются отдѣльно и помимо сообщаемыхъ въ учебникѣ фактовъ; 2) ученики сами не участвуютъ въ полученiи этихъ обобщенiй и выводовъ; 3) при препода-

ваніи нѣтъ строгаго плана и экономіи, такъ что дается много лишняго, за то иногда нѣтъ необходимаго. Для исправленія перваго недостатка въ учебникѣ долженъ быть на лицо весь матеріалъ, необходимый для выводовъ и обобщеній, намѣченныхъ по строго обдуманному плану; при этомъ, конечно, разказъ учителя отнюдь не исключается. Во-вторыхъ, ученики должны *сами* подъ руководствомъ учителя дѣлать эти выводы и обобщенія на основаніи хорошо изученнаго матеріала; причемъ всѣ пункты выводовъ должны быть заранѣе строго расчитаны, такъ чтобы въ концѣ у учениковъ составилось осмысленное представленіе объ историческомъ процессѣ. Третій недостатокъ можно исправить переработкой существующихъ учебниковъ. „Опытъ программы" составляется изъ ряда сгруппированныхъ по отдѣламъ вопросовъ, охватывающихъ собою все содержаніе русской исторіи, и объясненій къ нимъ, въ которыхъ указано, что изъ матеріала, нужнаго для отвѣта на вопросъ, есть въ учебникахъ и какихъ именно,— чего нѣтъ и что, слѣдовательно, должно быть въ нихъ внесено, чтобы сдѣлать ихъ болѣе отвѣчающими цѣли. Всего вопросовъ около 140, раздѣленныхъ на слѣдующія группы:

1) Колонизація, 2) Этнографическій составъ населенія, 3) Политическая исторія, 4) Верховная власть на Руси и ея носители, 5) Управленіе въ Россіи, 6) Сословія въ Россіи, 7) Церковь, значеніе и положеніе духовенства, 8) Матеріальная и духовная культура.

Чтеніе вопросовъ и объясненій отложено за позднимъ временемъ до дальнѣйшихъ засѣданій.

Въ *засѣданіи 27 апрѣля* происходили выборы бюро.

За отказомъ предсѣдателя А. И. Поливанова, товарища предсѣдателя В. Н. Беркута и секретаря Р. Ю. Виппера войти въ составъ бюро на слѣдующій 189³/₄ академическій годъ избраны: предсѣдателемъ—проф. П. Г. Виноградовъ, товарищемъ предсѣдателя М. К. Любавскій, секретарями: О. П. Герасимовъ, С. В. Зенченко и А. А. Кизеветтеръ.

Въ засѣданіи 28 сентября проф. *П. Г. Виноградовъ* прочелъ рефератъ о планѣ „книги для чтенія по всеобщей исторіи". Изъ трехъ задачъ, поставленныхъ себѣ секціею, (составленіе 1) нормальной программы, 2) желательнаго учебника, 3) книги для чтенія, или христоматіи),—по мнѣнію референта, только послѣдняя можетъ быть разрѣшена непосредственно секціею. Къ внутреннимъ побужденіямъ въ этомъ случаѣ присоединяется и внѣшній поводъ—назначеніе Учен. Комит. при Мин. Нар. Просв. преміи за книгу для чтенія по средневѣковой исторіи.

Поэтому референтъ предложилъ секціи организоваться для составленія книги для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ.

Книга должна состоять изъ ряда болѣе или менѣе живо изложен-

ныхъ очерковъ, пріуроченныхъ къ замѣчательнымъ личностямъ, съ библіографическимъ и педагогическимъ указателемъ. Для составленія хрестоматіи образуется 4 подкомиссіи, соотвѣтственно 4 отдѣламъ програмы (см. прилагаемую програму).

Открывшіяся затѣмъ пренія вращались, главнымъ образомъ, около двухъ вопросовъ:

1) Можно ли вводить въ книгу для чтенія отрывки изъ источниковъ, напр., изъ варварскихъ правдъ?

2) Нужны ли указанія библіографическія и педагогическія (примѣрныя темы для сочиненій)?

По первому вопросу было признано неудобнымъ вносить въ книгу слишкомъ большое число отрывковъ изъ источниковъ, потому что это затруднило бы учениковъ и безъ особой нужды увеличило бы цѣну книги. Второй вопросъ рѣшенъ утвердительно. Библіографическій указатель въ концѣ книги признанъ необходимымъ для преподавателей. Примѣрныя темы также всего удобнѣе выбрать самимъ составителемъ книги. Особенно важно имѣть подобныя темы учителямъ русскаго языка, которые часто не знаютъ, какими историческими свѣдѣніями располагаютъ ихъ ученики.

По поводу плана хрестоматіи были сдѣланы возраженія *М. С. Корелинымъ*, который находилъ неудобнымъ включать въ книгу по среднимъ вѣкамъ эпоху возрожденія: средняя исторія должна заканчиваться разрушеніемъ средневѣкоовго быта. *П. Г. Виноградовъ* возразилъ на это, что если мы римскую имперію и христіанство, разрушившее античное міровоззрѣніе, вносимъ въ древнюю исторію, съ такимъ же правомъ можетъ быть отнесено къ средневѣковой культурѣ Возрожденіе, которое ее разрушило.

Большинствомъ голосовъ принятъ планъ проф. Виноградова.

Внѣшняя организація дѣла составленія хрестоматіи была установлена слѣдующая: изъ комиссіи выдѣлились 4 подкоммиссіи, по одной для каждаго отдѣла „хрестоматіи". Онѣ должны были распредѣлить матеріалъ и по мѣрѣ обработки его дѣлать доклады комиссіи. Въ засѣданіи 12 октября была организована еще одна подкоммиссія, спеціально для подготовки статей по исторіи славянскихъ народовъ. Въ эти 5 подкоммиссій, засѣданія которыхъ происходили еженедѣльно, вошли почти всѣ члены исторической секціи.

Приложеніе къ протоколу засѣданія 28 сентября 1892 года.

Предложенія П. Г. Виноградова, принятыя секціей:

1) Секція образуется для составленія книги для чтенія по Исторіи Среднихъ Вѣковъ.

2) Книга для чтенія должна состоять изъ ряда живоизложенныхъ очерковъ. Кромѣ того, въ нее войдутъ библіографическія и педагогическія указанія (примѣрныя темы для сочиненій).

3) Ближайшее засѣданіе секціи будетъ посвящено составленію пяти комиссій для разработки матеріала по хрестоматіи.

Планъ распредѣленія матеріала. (Раздѣленіе на четыре основныхъ отдѣла принято секціей).

I. Образованіе средневѣковаго міра.
   1. Переселеніе народовъ.
   2. Имперія VI—VIII в.в.
   3. Исламъ.
   4. Каролингская монархія.

II. Феодальная эпоха.
   1. Феодализмъ.
   2. Папство и имперія.
   3. Крестовые походы.
   4. Средневѣковая культура.

III. Новыя государства.
   1. Англія.
   2. Франція.
   3. Пиренейскій полуостровъ.
   4. Италія.
   5. Германія.
   6. Скандинавскія государства.
   7. Славяне.
   8. Византія и мусульманскій міръ.

IV. Возрожденіе.
   1. Церковь.
   2. Литература.
   3. Изобрѣтенія и открытія.

Засѣданіе 12 октября. Обсуждался вопросъ перваго отдѣла христоматіи по средневѣковой исторіи (образованіе средневѣковаго міра). Пренія сосредоточивались около вопроса о хронологическихъ рамкахъ книги. Е. Н. Щепкинъ предложилъ начать христоматію характеристикой діоклетіано-константиновской монархіи. При этомъ средневѣковая исторія открывалась бы двумя капитальными фактами—утвержденіемъ христіанства и бюрократической реформой. Въ пользу такого распредѣленія матеріала говоритъ и примѣръ новѣйшихъ учебниковъ (французскихъ), которые начинаютъ средніе вѣка имперіей IV вѣка. П. Г. Виноградовъ находилъ болѣе удобнымъ отнести имперію IV вѣка и утвержденіе христіанства къ древней исторіи, какъ ея естественное заключеніе, а средніе вѣка начинать

переселеніемъ народовъ. Кромѣ того, при схемѣ Е. Н. Щепкина трудно указать хронологически точно начало среднихъ вѣковъ: будетъ ли исходной точкой правленіе Діоклетіана или никейскій соборъ или, наконецъ, правленіе Θеодосія Великаго? Затѣмъ, нужно принимать въ расчетъ и то, что книга для чтенія не должна быть слишкомъ обширна, иначе она будетъ неудобна для школы; поэтому лучше начинать не слишкомъ ранней эпохой. Коммиссія согласилась съ мнѣніемъ проф. Виноградова.

По тѣмъ же основаніямъ коммиссія отклонила предложеніе С. П. Моравскаго—помѣстить характеристику имперіи V вѣка.

Остальная часть засѣданія была посвящена организаціоннымъ вопросамъ.

Засѣданіе 2 ноября. М. К. Любавскій приступилъ къ чтенію своего реферата: „Опытъ программы для руководства при преподаваніи русской исторіи". Повторивъ сначала ту часть реферата, которая уже была прочитана въ засѣданіи 13 апрѣля 1892 года, докладчикъ прочелъ рядъ вопросовъ, относившихся къ исторіи управленія, сопровождая ихъ своими объясненіями.

Отложивъ разсмотрѣніе прочитанной части реферата до слѣдующаго засѣданія, собраніе обсудило лишь нѣкоторые вопросы общаго характера, затронутые во введеніи: 1) какой характеръ должно имѣть *изложеніе* учебника, конспективный или распространенный и 2) какого рода *матеріалъ* долженъ быть преимущественно вводимъ въ содержаніе учебника: факты или общіе выводы?

М. К. Любавскій и М. П. Боголѣповъ доказывали необходимость подробнаго изложенія: ходъ событій не будетъ запоминаться безъ детальнаго, конкретнаго разсказа о нихъ. Притомъ же, усвоивая подробное изложеніе, ученикъ пріучается къ связной рѣчи и знакомится съ исторической терминологіей.

О. П. Герасимовъ именно это находилъ нежелательнымъ: ученики должны не усвоивать готовые обороты, а привыкать къ самостоятельному изложенію мыслей. Общіе выводы и фактическій матеріалъ одинаково необходимо входятъ въ содержаніе учебника, но изложеніе выводовъ должно быть подробнѣе изложенія фактовъ, потому что факты легко запоминаются изъ живого классскаго разсказа учителя, а выводы постоянно приходится ученикамъ напоминать. П. Г. Виноградовъ высказался въ пользу изложенія средняго между краткимъ конспектомъ (напримѣръ Гербста) и подробнымъ разсказомъ (новѣйшіе французскіе учебники), причемъ конспективность должна достигаться не отрывочностью изложенія, а строгимъ выборомъ сообщаемыхъ фактовъ.

Въ засѣданіи 16 ноября коммиссія перешла къ обсужденію

отдѣльныхъ вопросовъ, поставленныхъ въ рефератѣ М. К. Любавскаго. П. Н. Милюковымъ было сдѣлано замѣчаніе общаго характера о необходимости расчленить многіе поставленные референтомъ вопросы на рядъ болѣе подробныхъ, отдѣльныхъ вопросовъ, которые бы ближе указывали на историческій матеріалъ, обусловливающій предполагаемые отвѣты на нихъ учениковъ. Затѣмъ, относительно 3-й части реферата („политическая исторія"), по 9-му вопросу („Какія обстоятельства способствовали собиранію сѣверо-восточной Руси подъ властію Москвы")? А. А. Кизеветтеръ предложилъ подчеркнуть отсутствіе солидарности между удѣльными князьями и удѣльными обществами въ моментъ паденія удѣловъ. По 17-му вопросу, „какія причины породили явленія смутнаго времени въ московскомъ государствѣ?".—П. Н. Милюковъ не согласился съ указаніемъ М. К. Любавскаго на отсутствіе самодѣятельности мѣстныхъ обществъ и господство административной централизаціи, какъ на причину означенныхъ явленій: смутное время какъ-разъ представляетъ примѣры живучести отрицаемой референтомъ самодѣятельности общества.

Обсужденіе доклада М. К. Любавскаго продолжалось и въ засѣданіи *30 ноября*. Обсуждались вопросы по отдѣлу: „Верховная власть на Руси и ея носители". По первому вопросу: „Чѣмъ отличалась власть московскаго государя отъ власти древне-русскихъ князей, и какъ произошло это отличіе?", П. Г. Виноградовъ обратилъ вниманіе на то, что при такомъ противоположеніи московскихъ государей древне-русскимъ князьямъ выпадаетъ переходная форма—типъ князей суздальскихъ и владимирскихъ. Референтъ отвѣтилъ, что онъ, имѣя вь виду схему Сергѣевича, признаетъ необходимымъ рѣзкое противопоставленіе отмѣченныхъ имъ типовъ, самый же вопросъ предлагаетъ формулировать точнѣе, такимъ образомъ; „Чѣмъ отличалась власть южно-русскихъ князей XI—XII в. отъ власти московскаго великаго князя XIV вѣка?".

По 4-му вопросу: „что новаго внесъ въ идею русской самодержавной власти Петръ Великій?",—П. Г. Виноградовъ остановился на томъ, въ какой степени можно связать Петра съ западнымъ теченіемъ, приведшимъ къ просвѣщенному абсолютизму. Е. Н. Щепкинъ возразилъ, что и до знакомства съ западными идеями дѣятельность Петра отличалась тѣмъ же характеромъ, и считалъ общее направленіе его дѣятельности фактомъ его личной психологіи. П. Н. Милюковъ отмѣтилъ возможность вліянія Гордона въ дѣлѣ ознакомленія Петра съ западными идеями. П. Г. Виноградовъ полагалъ, что возможно указать, какъ на результатъ западнаго вліянія, на перемѣщеніе основанія царской власти, выразившееся внѣшнимъ образомъ въ отмѣнѣ придворнаго церемоніала. Сущность власти,—работа на пользу

государства,—выдвигается на первое мѣсто, внѣшнія формы отступаютъ на второй планъ.

Изъ слѣдующаго отдѣла вопросовъ („Объ управленіи въ Россіи") пренія возбудилъ вопросъ 1-й: „когда возникли приказы въ древней Россіи, какое учрежденіе замѣнило ихъ въ XVIII и XIX в.в. и какая между ними разница?". Е. Н. Щепкинъ замѣтилъ, что слѣдовало бы упомянуть объ отношеніи приказовъ къ Боярской Думѣ. П. Г. Виноградовъ указалъ на то, что и на западѣ, и у насъ переходъ отъ вотчиннаго управленія къ бюрократіи,—въ данномъ случаѣ отъ приказовъ къ министерствамъ,—стоитъ въ связи съ общимъ развитіемъ государственнаго строя. Коллегія только переходная форма, поэтому нѣтъ надобности подробно на ней останавливаться: слѣдуетъ выдвинуть крайніе моменты развитія,—приказы и министерства. Съ этимъ не согласился П. Н. Милюковъ, который приписывалъ коллегіямъ болѣе самостоятельное значеніе, указывая на связь учрежденія и исторіи коллегій съ реформами областного управленія.

Въ засѣданіи 14 декабря продолжалось обсужденіе отдѣла „Управленіе въ Россіи". Пренія возбудилъ 7-й вопросъ: „что новаго внесли въ мѣстное управленіе реформы Александра II?" Возникли два вопроса: 1) нужно ли говорить о перемѣнахъ, осуществившихся въ царствованіе Александра III? 2) Насколько подробно слѣдуетъ излагать реформы Александра II? Первый вопросъ былъ рѣшенъ всѣми утвердительно, а относительно второго произошло разногласіе: Е. Н. Щепкинъ и В. Н. Беркутъ считали необходимымъ наивозможно краткое изложеніе, причемъ первый указывалъ на трудность этого отдѣла, а второй на то, что подробное изложеніе его отниметъ мѣсто у изложенія болѣе раннихъ періодовъ, что нежелательно, такъ какъ недочетъ въ свѣдѣніяхъ по новѣйшей исторіи пополнится учениками послѣ, а недочетъ въ свѣдѣніяхъ по болѣе раннимъ періодамъ никогда. На это были сдѣланы возраженія П. Г. Виноградовымъ и О. П. Герасимовымъ, которые считали необходимымъ очень подробное изложеніе реформъ Александра II и Александра III въ виду того, что это даетъ ученикамъ полное и ясное представленіе объ учрежденіяхъ, съ которыми имъ придется имѣть дѣло въ жизни; надѣяться же на то, что они познакомятся съ ними сами впослѣдствіи, рискованно.

По поводу 11-го вопроса: „когда въ Россіи издавались собранія законовъ и какъ создавались русскіе законы?"—А. А. Кизеветтеромъ указано было на необходимость упомянуть уставныя грамоты въ связи съ судебниками, а М. Н. Покровскимъ—на необходимость остановиться на весьма характерной псковской грамотѣ.

По окончаніи обсужденія реферата М. К. Любавскаго, С. П. Моравскій доложилъ о дѣятельности 1-й подкомиссіи, изъ числа

организованныхъ для составленія книги для чтенія (христоматіи) по среднимъ вѣкамъ. Затѣмъ имъ же былъ прочитанъ планъ статьи „о германцахъ",, составленной имъ для этой христоматіи [1]).

Предметомъ засѣданія *8 февраля 1893 г.* были вопросы, стоявшіе въ связи съ составленіемъ книги для чтенія. М. П. Боголѣповъ указывалъ на то, что отдѣльныя статьи не должны быть велики (3—4 страницы формата хрестоматіи Гуревича), чтобы каждую изъ нихъ можно было прочесть въ классѣ. П. Г. Виноградовъ замѣтилъ, что сверхъ класснаго остается еще домашнее, внѣклассное чтеніе, гдѣ размѣръ статьи не имѣетъ рѣшающаго значенія; впрочемъ, по возможности, большія статьи будутъ раздѣляться на ихъ естественныя составныя части. Затѣмъ, Е. Н. Щепкинъ доложилъ о результатахъ работъ второй подкоммиссіи („Феодальная эпоха"), а Н. Г. Тарасовъ прочелъ готовый текстъ своей статьи „О романскомъ стилѣ архитектуры".

Засѣданіе 22 февраля. Обсуждался проектъ статьи А. Е. Крымскаго „Магометъ и происхожденіе Ислама", предназначенной для помѣщенія въ „Христоматіи". По прочтеніи авторомъ плана статьи, П. Г. Виноградовъ указалъ на то, что спорные пункты сводятся къ тремъ главнымъ: 1) въ какой степени должна быть дана патологическая характеристика Магомета? 2) Слѣдуетъ ли проводить рѣзкую

---

[1]) Планъ 1-го отдѣла „Книги для чтенія".

гл. 1-я *Германцы.*

1) Бытъ германцевъ по Цезарю и Тациту.

2) Германское язычество и принятіе христіанства. (Язычество, біографія Вонифація, отрывки изъ Эдды).

3) Аларихъ.

4) Меровингское общество.

5) Теодорихъ В.

6) Варварскія правды.

(Таксы за обиды и увѣчья, месть и выкупъ, судопроизводство-ордаліи, судебные поединки, соприсяжничество; рабы, знать, картина судебныхъ засѣданій по Григорію Турскому).

гл. 2-я *Имперія и Папство.*

1) Григорій I; 2) Юстиніанъ; 3) Иконоборство.

гл. 3-я *Исламъ.*

1) Магометъ, 2) Коранъ, 3) Арабская культура, 4) Сцены завоеванія.

гл. 4-я *Каролинги.*

1) Личность и культурная дѣятельность Карла Великаго.

2) Восточная политика Карла (Саксы, Славяне, Авары).

3) Возстановленіе западной Имперіи.

4) Капитуляріи.

грань между обманомъ и самообманомъ при трудности ихъ разграниченія? 3) Оцѣнка роли Магомета въ развитіи Ислама. Относительно перваго вопроса пришли къ заключенію, что слѣдуетъ, не опредѣляя точно болѣзни Магомета, подчеркнуть нѣкоторыя характерныя черты ея: присутствіе сознанія въ моментъ припадка и наклонность больныхъ такого рода считать дѣйствительностью произведенія своей фантазіи. Пренія по второму вопросу въ сущности сосредоточились на томъ, принимать или не принимать мнѣніе Шпренгера (одного изъ біографовъ Магомета), что основатель Ислама не стѣснялся прибѣгать къ обману. О. П. Виноградовъ и П. Г. Герасимовъ указывали на то, что факты, приводимые Шпренгеромъ, получаютъ совсѣмъ иное освѣщеніе, если принять въ расчетъ болѣзненное состояніе Магомета. Но большинство коммиссіи находило, что, даже и съ этой оговоркой, приходится признать мнѣніе Шпренгера достаточно обоснованнымъ. Точно также и по 3-му вопросу, о роли Магомета, какъ основателя Ислама (референтъ, вслѣдъ за нѣкоторыми новѣйшими изслѣдованіями, выдвигаетъ на первый планъ личность Омара), коммиссія не пришла къ соглашенію. Окончательное обсужденіе этихъ вопросовъ было отложено до представленія г. Крымскимъ статьи о Коранѣ, когда болѣе выяснится значеніе перваго періода въ развитіи магометанства.

Засѣданіе 15 марта. Предметомъ обсужденія были тѣ вопросы изъ доклада М. К. Любавскаго, которые касаются исторіи матеріальной культуры русскаго народа.

По поводу перваго вопроса: „Что̀ препятствовало успѣшному развитію главнаго промысла русскаго народа—земледѣлія?“,—референту было указано (П. Н. Милюковымъ и П. Г. Виноградовымъ) на то, что въ предложенной имъ программѣ чувствуется отсутствіе положительной характеристики развитія экономическаго быта. Факторы, задерживавшіе развитіе, отмѣчены, а самый процессъ остается въ тѣни. Поэтому предложено было въ началѣ обсуждаемаго отдѣла вставить вопросъ: „въ какой послѣдовательности развивались въ Россіи формы экономическаго быта?“, въ отвѣтѣ на который должно быть изображено постепенное распространеніе земельной обработки, причемъ должно быть выяснено, что отсутствіе земледѣльческаго капитала было не причиной, а слѣдствіемъ несовершенства земледѣльческой культуры.

Относительно второго вопроса: „почему туго развивалась въ Россіи обработывающая промышленность и какія мѣры принимало русское правительство для ея развитія?“—П. Г. Виноградовъ указалъ, что желательно бо̀льшее выясненіе тѣхъ условій, которыя вытекали изъ органическаго развитія, напр., вліянія всемірной конкурренціи и т. п. П. Н. Милюковъ считалъ желательнымъ указаніе на отно-

шеніе различныхъ формъ промышленности къ текущимъ потребностямъ населенія, причемъ, напримѣръ, можно было бы отмѣтить преобладаніе въ древней Руси кустарной промышленности какъ болѣе соотвѣтствующей тогдашнему экономическому быту, а въ новомъ періодѣ—бóльшее вліяніе правительства (петровскія фабрики). Слѣдовало бы указать и на количественный ростъ фабрикъ.

Въ засѣданіи 26 апрѣля обсуждались вопросы по отдѣлу „Духовная культура“. П. Г. Виноградовъ находилъ, что сравнительную миѳологію, референтъ въ началѣ отдѣла поставилъ первобытныя вѣрованія, удобнѣе отнести ко всеобщей исторіи. Кромѣ того, не слѣдуетъ, какъ это сдѣлано въ вопросахъ г. Любавскаго, отдѣлять вѣрованія отъ языка: сравнительная миѳологія и сравнительное языковѣдѣніе слишкомъ тѣсны между собою. На это референтъ отвѣтилъ, что онъ отнесъ сравнительную миѳологію къ курсу русской исторіи потому, что считаетъ необходимымъ проходить ее въ старшихъ классахъ, когда у учениковъ изъ предшествующихъ курсовъ скопится достаточный матеріалъ. В. Н. Ивановскій спросилъ, въ какомъ объемѣ предполагаетъ М. К. Любавскій проходить миѳологію. Референтъ отвѣтилъ, что онъ считаетъ необходимымъ остановиться только на развитіи миѳологіи природы. Далѣе П. Г. Виноградовъ замѣтилъ, что при выясненіи отсталости Россіи въ культурномъ отношеніи необходимо подчеркнуть, что разнообразіе географическаго устройства Западной Европы являлось крайне важнымъ факторомъ въ ускореніи ея развитія.

Въ преніяхъ, кромѣ того, принимали участіе П. Н. Милюковъ, М. И. Владиславлевъ, В. Н. Сторожевъ и В. О. Эйнгорнъ.

По окончаніи обсужденія доклада М. К. Любавскаго было приступлено къ выбору бюро на слѣдующій 1893—1894 годъ. Единогласно были избраны: предсѣдателемъ П. Г. Виноградовъ, товарищемъ предсѣдателя М. К. Любавскій, секретаремъ С. В. Зенченко. Вмѣсто отказавшихся отъ секретарства О. П. Герасимова и А. А. Кизеветтера, были избраны В. Н. Ивановскій и М. Н. Покровскій.

Первыя два засѣданія послѣ каникулъ 20 сентября и 18 октября были посвящены подробному докладу о ходѣ работъ по составленію „книги для чтенія“ (христоматіи) и организаціоннымъ вопросамъ, связаннымъ съ этимъ главнымъ предпріятіемъ коммиссіи въ истекшемъ году. Постороннихъ сообщеній на этихъ засѣданіяхъ дѣлаемо не было, главнымъ образомъ, потому, что всѣ наличные члены секціи работали въ подкоммиссіяхъ, организованныхъ для составленія „христоматіи“. Какъ выяснилось изъ доклада, большая часть намѣченныхъ статей уже поступила, и составъ христоматіи окончательно опредѣлился.

Книга будетъ готова, въ рукописи, въ теченіе первой половины 1894 года.

Въ засѣданіи *8 ноября 1893 года* П. Г. Виноградовъ сообщилъ коммиссіи о нѣкоторыхъ вновь поступившихъ статьяхъ „книги для чтенія". Затѣмъ, С. П. Моравскій прочелъ подробный планъ своей статьи о бытѣ Германцевъ до переселенія народовъ, въ виду того, что статья эта значительно расширена сравнительно съ первоначальнымъ проектомъ („Германцы по Цезарю и Тациту") и получила болѣе принципіальный характеръ, вслѣдствіе попутнаго разъясненія формъ первобытной культуры вообще. По поводу плана были сдѣланы замѣчанія П. Г. Виноградовымъ, П. Н. Милюковымъ, А. Ѳ. Гартвигомъ и другими.

Предметомъ засѣданія *13 декабря* были также статьи, предназначенныя для помѣщенія въ „христоматіи". Сначала П. Н. Милюковъ прочелъ составленный имъ очеркъ о „Древнѣйшемъ бытѣ Славянъ", затѣмъ Н. И. Романовъ — планъ своей статьи— „Симонъ де-Монфоръ".

Статья П, Н. Милюкова начинается характеристикой древнѣйшаго быта славянъ на основаніи тѣхъ переживаній, какія мы находимъ въ бытѣ современныхъ представителей славянскаго племени, наименѣе затронутыхъ внѣшними вліяніями; главнымъ источникомъ служило здѣсь обычное право Черногоріи и Сербіи. Затѣмъ слѣдуетъ очеркъ разложенія этого древнѣйшаго родового быта и образованія государственныхъ отношеній у болѣе развитыхъ славянскихъ народностей. Статья заканчивается общей характеристикой славянства на основаніи даннаго въ предшествующемъ изложеніи матеріала; основная мысль этой характеристики—отсутствіе у славянъ какихъ-либо постоянныхъ общенаціональныхъ свойствъ: племенной характеръ измѣнялся въ зависимости отъ окружающей обстановки.

По поводу перваго отдѣла сдѣлали нѣсколько замѣчаній П. Г. Виноградовъ и С. П. Моравскій. Сущность ихъ сводилась къ тому, что въ ретроспективной характеристикѣ родового быта авторъ ставитъ рядомъ съ архаическими чертами — факты новѣйшаго происхожденія (напримѣръ, назначеніе воеводъ отъ правительства), не выдѣляя ихъ въ особую группу. П. Н. Милюковъ отвѣтилъ, что это сдѣлано имъ съ намѣреніемъ, чтобы оттѣнить постепенное измѣненіе архаическихъ формъ подъ вліяніемъ новыхъ факторовъ. А. Ѳ. Гартвигъ сдѣлалъ нѣкоторыя возраженія противъ схемы родового быта, предложенной авторомъ. Характеристика славянскаго *города* вызвала замѣчаніе П. Г. Виноградова, который находилъ не вполнѣ удачнымъ выбранный авторомъ примѣръ,—Штеттинъ; авторъ самъ указываетъ, что *торговля* у славянъ была мало развита, между тѣмъ Штеттинъ именно круп-

ный *торговый* центръ. С. П. Моравскій возражалъ противъ общаго вывода: нельзя противополагать постоянныя и перемѣнныя свойства народа, потому что безусловно постоянныхъ свойствъ нѣтъ, есть лишь болѣе или менѣе прочныя.

Кромѣ того были предложены нѣкоторыя редакціонныя поправки А. К. Кедровымъ и другими.

Пренія, возникшія по поводу сообщенія Н. И. Романова, — о Симонѣ де Монфорѣ сосредоточивались, главнымъ образомъ, около вопроса: въ какомъ видѣ ввести въ статью текстъ Великой Хартіи. Рѣшено было помѣстить только то, что наиболѣе важно для послѣдующаго развитія, опустивъ все характеризующее лишь направленіе движенія, но не его результаты.

Разныя извѣстія.

Въ Кіевѣ издается ежемѣсячный спеціальный журналъ „Кіевская Старина", посвященный разработкѣ прошлаго южной Россіи и, сверхъ того, не мало статей, даже большихъ сочиненій по исторіи и вспомогательнымъ наукамъ помѣщается въ органахъ двухъ мѣстныхъ высшихъ учебныхъ заведеній—университета и духовной академіи.

„Кіевская Старина", основанная въ 1882 году покойнымъ Ѳ. Г. Лебединцевымъ, закончила одиннадцатый годъ своего существованія, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, въ какія она была поставлена. Хотя „Кіевская Старина" и носитъ названіе историческаго журнала, но она даетъ мѣсто и статьямъ этнографическаго и филологическаго содержанія. Каждая книжка журнала распадается на три отдѣла: *а*) статьи, *б*) документы, извѣстія и замѣтки и *в*) библіографія; въ приложеніи (въ концѣ книжки) печатаются сырые матеріалы; къ книжкамъ прилагаются портреты и рисунки. Мы не будемъ останавливаться на замѣткахъ и библіографіи и укажемъ только на статьи, помѣщенныя въ 12-ти книжкахъ 1892 года.

По мѣстной археологіи въ „Кіевской Старинѣ" напечатаны двѣ статьи г. Н. Бѣляшевскаго—„Раскопки на Княжьей горѣ въ 1891 году" (№ 1) и „Нѣсколько словъ о переживаніяхъ въ области внѣшней культуры" (№ 4); первая представляетъ отчетъ автора о раскопкахъ на Княжьей горѣ, на берегу Днѣпра, въ 8-ми верстахъ отъ гор. Канева, Кіевской губерніи, во второй авторъ указываетъ на тожественность многихъ предметовъ, добытыхъ имъ при этихъ раскопкахъ съ предметами, употребляющимися и теперь въ крестьянскомъ быту. Въ статьѣ „Археологическія раскопки близъ гор. Лубенъ полтавской губ., въ урочищѣ Лысая гора" (№ 11) г. В. Ляскоронскій даетъ краткое

описаніе добытаго изъ кургановъ Лысой горы археологическаго матеріала. Къ археологіи же относится и статья В. Соколова „Бѣлозерское городище на Днѣпрѣ" (№ 8).

Древнему періоду русской исторіи посвящены двѣ статьи по церковной исторіи: П. Л. „Михаилъ, митрополитъ кіевскій XII вѣка" (№ 12) и „По поводу 900-лѣтія черниговской архіерейской каѳедры" (№№ 9 и 10), въ которой разсказана судьба Черниговскихъ Спасскаго собора и монастырей Елецкаго и Ильинскаго-Троицкаго. Къ церковной же исторіи относится и очеркъ г. Ѳ. Кудринскаго „Судьба экзарха Никифора въ Западной Россіи" (№№ 6 и 7). Въ статьѣ г. Эйнгорна „Иванъ Андреевичъ Шмайковскій, протопопъ глуховскій и его сношенія съ московскимъ правительствомъ (1653—1673)" (№ 10), обрисована личность одного изъ сторонниковъ московскаго правительства изъ среды малорусскаго духовенства.

Къ исторіи южно-русскаго духовенства XVIII вѣка относятся три статьи: «Помѣщики и духовенство въ юго-западномъ краѣ въ концѣ прошлаго столѣтія" В. Храневича (№ 9), основанная на документахъ архива волынской духовной консисторіи, „Протоіерей Алексѣй Андріевскій (эпизодъ 1789 года)" В. Б. Антоновича (№ 1), въ которой разсказана печальная судьба одного уніатскаго священника, обратившагося въ православіе, и „Архіепископъ Викторъ Садковскій" протоіерея П. Орловскаго (№ 7), посвященная біографіи этого виднаго дѣятеля конца прошлаго столѣтія.

„Возсоединеніе уніатовъ въ мѣст. Ратномъ въ 1838 году" (№ 3) разсказано Ѳ. Кудринскимъ на основаніи записокъ митрополита Іосифа (Сѣмашки) и черновыхъ бумагъ архимандрита Іероѳея, главнаго дѣятеля при этомъ возсоединеніи. Въ статьѣ г. Клебановскаго „Богуславскій монастырь и его тяжелые дни (1808—1860 г.г.) (№ 8) изложена исторія борьбы монастыря съ графами Браницкими за монастырскія земли". О порядкахъ и ученіи въ нынѣ упраздненномъ уманскомъ базиліанскомъ училищѣ въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія сообщаются свѣдѣнія въ небольшомъ отрывкѣ изъ воспоминаній священника Никифора Хмѣлевскаго (№ 8).

Къ исторіи Малороссіи въ XVIII вѣкѣ относятся слѣдующія статьи проф. И. В. Лучицкаго: „Гетманъ Мазепа и остерскія земли" (№ 1), представляющая эпизодъ изъ исторіи борьбы сёлъ и городовъ за земли; М. Грушевскаго „Барская околичная шляхта до конца XVIII вѣка" (№ 2), гдѣ, на основаніи архивныхъ документовъ, авторъ говоритъ объ этнографическомъ составѣ и правахъ этой шляхты; Ѳ. Николайчика „Родина Калнишевскаго" (№ 5), Д. Миллера „Голштинскіе наборы въ Малороссіи" (№ 9), Б. Храневича „Присяга на вѣрность императору Павлу въ Западномъ краѣ" (№ 7); въ №№ 2, 3

и 5 закончено описаніе „путешествія импер. Екатерины II въ южную Россію въ 1787 году" Е. В. Есипова. «Бытовая картинка изъ жизни Слободской Украины XVIII вѣка» дана проф. Багалѣемъ въ статьѣ „И. А. Каразинъ и его колоколъ" (№ 11).

Въ статьѣ Л. Синицкаго „Малороссія по разсказамъ путешественниковъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія" (№ 2) извлечены данныя, относящіяся до Малороссіи изъ описаній путешествій Зуева, Шаликова, П. Сумарокова, О. фонъ-Гуна, А. Левшина и А. Глаголева. Безпокойное настроеніе, овладѣвшее администраціею и населеніемъ Кіева и юго-западнаго края въ 1811—1812 гг., описано въ статьѣ Ор. Левицкаго „Тревожные годы" (№№ 11 и 12).

Изъ статей историко-литературнаго характера отмѣтимъ рядъ статей П. И. Янитецкаго о малорусскихъ думахъ (№№ 1—12) и статью С. Р. „Харьковская журналистика начала настоящаго столѣтія" (№ 8), авторъ которой пользовался, однако, далеко не всѣми харьковскими журналами того времени.

Современной малорусской этнографіи посвященъ рядъ статей проф. Сумцова (№№1—12), въ которыхъ даются очерки дѣятельности современныхъ малорусскихъ этнографовъ. Очерки эти иногда носятъ характеръ сухихъ библіографическихъ указателей.

Мы перейдемъ теперь къ обозрѣнію воспоминаній и записокъ, напечатанныхъ въ „Кіевской Старинѣ" за 1892 годъ. Матеріалы этого рода, играющіе главную роль въ прочихъ нашихъ историческихъ журналахъ въ „Кіевской Старинѣ", стоятъ на второмъ планѣ.

Наиболѣе интереса представляютъ „Отрывки изъ записокъ А. А. Солтановскаго" (№№ 4, 9, 11 и 12); въ нихъ описанъ кіевскій университетъ 40-хъ годовъ и Ровенская гимназія, гдѣ авторъ былъ учителемъ въ 50-хъ и 60-хъ годахъ. Въ напечатанныхъ частяхъ записокъ Михаила Чайковскаго (Садыкъ-паши) (№№ 8 и 10) разсказывается о пребываніи его въ Турціи. Въ краткихъ „Запискахъ А. П. Рудыковскаго" (№ 4) описано пребываніе автора въ кіевской бурсѣ въ началѣ настоящаго столѣтія, его скитанія по выходѣ изъ академіи и военная служба; описано все это сухо и безцвѣтно. Картинка воспитанія въ провинціальныхъ пансіонахъ для дѣвицъ въ эпоху 30-хъ годовъ обрисована въ статейкѣ „Въ двухъ пансіонахъ" И. М. Кибальчичъ (№ 6). Дѣтскія воспоминанія Б. Цозванскаго „Картины моего прошлаго" (№№ 2—4) относятся къ 50-мъ годамъ и къ кіевской губерніи.

Въ приложеніяхъ къ „Кіевской Старинѣ" оконченъ печатаніемъ 1-й выпускъ „Дневника" генеральнаго подскарбія, Якова Марковича (до 1725 года включительно) (№№ 1—12); „Дневникъ" издается безъ пропусковъ и съ сохраненіемъ особенностей языка, чѣмъ это изданіе и отличается отъ изданія 1859 года; предисловіе къ „Дневнику" и

примѣчанія принадлежатъ А. М. Лазаревскому. Кромѣ того, въ приложеніяхъ напечатаны „Акты бориспольскаго мѣйскаго уряда 1612—1699 г.г." съ предисловіемъ А. В. Стороженка.

— Подробныя свѣдѣнія о новомъ Историческомъ Обществѣ при Московскомъ университетѣ будутъ сообщены въ слѣдующемъ томѣ „Историческаго Обозрѣнія" [1]).

[1]) Бо́льшая часть настоящей хроники предназначена была еще въ VII томъ „Историческаго Обозрѣнія", но не попала туда по недостатку мѣста.

ОТДѢЛЪ II.

Объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ съ точки зрѣнія интересовъ общаго образованія [1]).

Моей темой будетъ вопросъ объ отношеніи исторіи, *какъ общеобразовательнаго предмета*, къ другимъ наукамъ, *взятымъ съ той же точки зрѣнія*. Я нарочно подчеркиваю и то, что буду разсматривать исторію, какъ общеобразовательный предметъ, и то, что съ той же точки зрѣнія намѣренъ взять и другія науки. Дѣло въ томъ, что вопросъ объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ будетъ представляться намъ различно, смотря по тому, кого мы будемъ имѣть въ виду, разрѣшая этотъ вопросъ; именно, будемъ ли мы имѣть въ виду лицъ, спеціально занимающихся разработкою исторической науки и нуждающихся въ знаніяхъ, которыя добываются учеными другихъ спеціальностей, или будемъ имѣть въ виду людей, стремящихся къ общему образованію и съ этою цѣлью обращающихся вообще къ научному чтенію и въ частности къ чтенію историческому. Интересы и условія общаго образованія, съ одной стороны, и задачи и средства научной работы, съ другой— далеко не одно и то же. Историку и въ своей наукѣ, и въ другихъ наукахъ нужно знать многое такое, безъ чего легко можетъ обойтись простой любитель историческаго чтенія. Отсюда и то, что поставленный нами вопросъ объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ будетъ имѣть одно значеніе для ученаго спеціалиста и другое значеніе для обыкновеннаго читателя. Вотъ именно такого обыкновеннаго читателя историческихъ книгъ я и имѣю въ виду, ставя свой вопросъ. За послѣднее время мнѣ уже не разъ приходилось высказывать свои мысли объ особомъ значеніи историческаго чтенія въ дѣлѣ общаго образованія, *получаемаго путемъ самостоятельнаго ознакомленія съ данными и выводами разныхъ наукъ* [2]). Подчеркиваю и то, что буду говорить не о

[1]) Рефератъ, читанный въ педагогической секціи Историческаго Общества 13 апрѣля 1895 г.

[2]) См. двѣ статьи мои „Объ общемъ значеніи историческаго образованія“, помѣщенныя въ „Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ“, а также

томъ общемъ образованіи, которое дается среднею школою, въ ней начинаясь и въ ней же и кончаясь. Нѣтъ, рѣчь у меня будетъ идти о такъ называемомъ самообразованіи. Если вообще средняя школа не можетъ дать своимъ воспитанникамъ всего того, что нужно знать образованному человѣку, то въ частности было бы особенно печально, если бы все историческое знаніе и пониманіе нашего культурнаго класса, изъ коего выходятъ и наши общественные дѣятели на разныхъ поприщахъ жизни, ограничивалось содержаніемъ и освѣщеніемъ школьныхъ учебниковъ исторіи. Ознакомленіе съ исторіей, взятой въ качествѣ общеобразовательнаго предмета, въ средней школѣ должно только начинаться, чтобы продолжаться потомъ всю жизнь. Кто понимаетъ важность исторіи и кто пріобрѣтетъ вкусъ и привычку къ историческому чтенію, тотъ никогда не будетъ считать свое историческое образованіе вполнѣ законченнымъ. Пять-шесть лѣтъ школьныхъ занятій исторіей по учебнику и кое-какимъ „книжкамъ для чтенія" должны быть лишь фундаментомъ для дальнѣйшаго самостоятельнаго ознакомленія съ исторіей. Какъ общеобразовательный предметъ, эта наука имѣетъ неизмѣримо бо́льшее значеніе внѣ школы, нежели въ школѣ, не такъ, какъ, положимъ, математика или грамматика, которыя внѣ школы могутъ интересовать только спеціалистовъ.—Ставя вопросъ объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ съ точки зрѣнія интересовъ и условій общаго образованія, мы притомъ должны были бы страшно съузить этотъ вопросъ. Въ средней школѣ многія науки не преподаются, да и не могутъ преподаваться. Назовемъ хотя бы философію, психологію, этику, соціологію, политическую экономію, юриспруденцію, политику, т.-е. все такія науки, которыя изучаются въ университетахъ или же ознакомленіе съ которыми можетъ происходить только по окончаніи курса средней школы, путемъ самообразованія. Съ другой стороны, въ средней школѣ всѣ науки, какія ей доступны, подчиняются извѣстнымъ педагогическимъ требованіямъ, благодаря чему являются не столько науками, сколько предметами преподаванія. Понятно, что вопросъ объ отношеніи исторіи, взятой въ качествѣ школьнаго предмета, къ другимъ такимъ же предметамъ не можетъ имѣть того широкаго значенія, какое получаетъ на почвѣ интересовъ и условій самообразованія. Итакъ, я устраняю изъ обсужденія нашего вопроса и точку зрѣнія строго ученую, и точку зрѣнія чисто педагогическую, чтобы держаться главнымъ образомъ точки зрѣнія общеобразовательной, которая, конечно, не должна, однако, противорѣчить ни тому, что составляетъ научную сторону вопроса, ни тому, что можно было бы назвать его педагогическою стороною.

Я могъ бы, конечно, для полноты, какъ говорится, коснуться и того мѣста, какое занимаетъ или должна занимать исторія въ средней школѣ, но

главу VI „Писемъ къ учащейся молодежи о самообразованіи" и главу VII „Бесѣдъ о выработкѣ міросозерцанія". Первыя двѣ статьи были первоначально помѣщены въ „Историческомъ Обозрѣніи", тт. III и VII.

это отвлекло бы меня далеко отъ главной темы. Я ограничусь въ этомъ отношеніи лишь сообщеніемъ объ одномъ интересномъ фактѣ, оставшемся мало кому извѣстнымъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, московское дворянство, предполагавшее основать новый дѣвичій институтъ, обратилось къ извѣстному ученому Ѳ. И. Буслаеву съ просьбою выработать учебный планъ для этого новаго училища. Въ числѣ лицъ, къ которымъ Ѳ. И. Буслаевъ обратился за содѣйствіемъ по составленію программъ отдѣльныхъ предметовъ преподаванія, пришлось быть и мнѣ. Я тѣмъ охотнѣе отозвался на это предложеніе, что, по мысли названнаго лица, въ основу всего преподаванія должна была лечь исторія. Наши программы и общія соображенія, положенныя въ ихъ основу, были потомъ напечатаны отдѣльной книгой, которая, сколько я знаю, въ продажу не поступала и осталась извѣстной лишь тѣмъ, кто находился въ томъ или другомъ соприкосновеніи со всѣмъ этимъ дѣломъ [1]). Проф. Буслаевъ считалъ возможнымъ концентрировать около исторіи нѣсколько предметовъ преподаванія, которые обыкновенно проходятся каждый самъ по себѣ, внѣ всякаго отношенія къ исторіи и безъ связи съ другими предметами. Именно онъ стремится пріурочить къ исторической послѣдовательности, коею должна руководиться и послѣдовательность сообщенія знаній учащимся, разные предметы или отдѣльныя части предметовъ, проходимые обыкновенно въ иныхъ порядкахъ. „Пусть, говоритъ онъ, будетъ исторія главною наукой и центромъ, къ которому должны сходиться прочіе предметы преподаванія. Эта наука есть сокровищница всего, что, будучи наслоено въ цивилизаціи въ теченіе вѣковъ, наконецъ окрѣпло и утвердилось въ составѣ современной образованности". Извѣстно, что историческое преподаваніе начинается у насъ, собственно говоря, на урокахъ закона Божія. Священная исторія соединяется съ первыми уроками исторіи Востока: Вавилона и Месопотаміи вообще, Палестины, Египта. Проф. Буслаевъ хотѣлъ бы, чтобы и усвоеніе географическихъ знаній шло въ порядкѣ расширенія исторической сцены, находя ненормальнымъ, чтобы, напр., исторія древняго Востока проходилась ранѣе географіи Азіи, какъ это дѣлается или дѣлалось въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ программѣ всеобщей и русской географіи объемъ и содержаніе уроковъ этого предмета даже прямо „опредѣляется курсомъ исторіи". „Подробно и обстоятельно, говоритъ составитель программы, излагается на урокахъ географіи только то, что необходимо для познанія народовъ и странъ въ ихъ историческомъ развитіи и потому постоянно согласуется преподаваніе географіи съ программами по всеобщей и русской исторіи. Что же касается до всего остальнаго, то это ограничивается общими обозрѣніями съ указаніемъ только самыхъ крупныхъ особенностей, характеризующихъ страну и народъ. Такъ какъ, сказано далѣе, исторію народа проходить невозможно безъ знанія страны, гдѣ онъ живетъ и

[1]) Учебный планъ предполагаемаго московскаго дворянскаго института для благородныхъ дѣвицъ. М. 1886.

дѣйствуетъ, а также и географическая мѣстность можетъ получить бо́льшій интересъ по народу, ее населяющему, то въ дидактическихъ интересахъ преподаванія точка отправленія въ географическомъ курсѣ опредѣляется данными, съ которыхъ начинается преподаваніе исторіи". Этимъ рекомендуется изложеніе географическаго курса „не по отдѣламъ и параграфамъ учебника, а по распредѣленію народовъ и странъ, принятому въ программахъ всеобщей и русской исторіи". Въ концѣ курса предполагался общій обзоръ современнаго состоянія человѣчества. Тѣмъ же принципомъ проф. Буслаевъ руководствуется и при прохожденіи такихъ частей закона Божія, какова исторія церкви. Послѣдній предметъ у него, какъ самъ онъ выражается, „сливается съ исторіей цивилизаціи" (хотя спеціальная программа закона Божія, напечатанная подъ общей редакціей проф. Буслаева, но составленная духовнымъ лицомъ, и не принаровлена къ общему плану). Особенно ратуетъ проф. Буслаевъ, чтобы изученіе литературы совершалось историческимъ путемъ и было опять-таки пріурочено къ курсу исторіи. „Вообще, говоритъ онъ, раздѣленіе на перегородки того, что въ жизни народа происходитъ въ совокупности, вредитъ пониманію, раздѣляя и разсѣивая мысль. Надобно стараться, чтобы книга, т.-е. учебникъ, какъ можно менѣе заслоняла собою жизнь". Въ частности почтенный академикъ настаиваетъ на томъ, чтобы и исторія русской литературы, и исторія русской церкви проходились параллельно съ курсомъ отечественной исторіи. Наконецъ, и вопросъ о мѣстѣ отечественной исторіи онъ рѣшаетъ на основаніи общаго принципа. „Въ Италіи, говоритъ онъ, во Франціи, въ Германіи, даже отчасти и въ Англіи вслѣдъ за древнею исторіей можно начинать исторію отечественную, потому что въ этихъ странахъ свое, родное, сливается въ одно нераздѣльное цѣлое съ исторіею всеобщею, съ исторіей цивилизаціи. Исторія Россіи начинается только съ IX вѣка, когда на Западѣ уже были положены главнѣйшія основы обновленной христіанствомъ исторіи народовъ. Эта система, опредѣляемая самымъ существомъ исторіи цивилизаціи, должна быть положена и въ основу для распредѣленія историческаго курса въ русскихъ школахъ", т. е. „у насъ, въ Россіи, которая моложе другихъ народовъ Европы и которая со временъ Петра Великаго должна была воспріять западное вліяніе". Составляя свою программу по всеобщей и русской исторіи, я въ объяснительной запискѣ къ ней сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о томъ, какъ можно было бы пріурочить къ отдѣльнымъ частямъ курса исторіи тѣ или другіе отдѣлы закона Божія, географіи и словесности. Общая идея проф. Буслаева мнѣ очень понравилась, и лишь потому я принялъ участіе въ выработкѣ учебной программы исторіи по этой идеѣ, хотя отчасти и предвидѣлъ, что на практикѣ весь планъ концентраціи преподаванія около исторіи, быть можетъ, и не осуществится. Не берусь судить и вообще, насколько общія условія школьнаго преподаванія и педагогическія требованія позволяли бы послѣдовательно провести этотъ принципъ на практикѣ, но это не касается самого принципа, какъ такового. Важность концентраціи преподаванія давно сдѣлалась общимъ

мѣстомъ многихъ педагогическихъ писателей. Извѣстно даже, что на педагогическую необходимость концентраціи (хотя и въ иномъ смыслѣ) ссылались и авторы учебныхъ плановъ нашей классической гимназіи, отводя наибольшее количество времени на уроки древнихъ языковъ. Мысль Ѳ. И. Буслаева именно тѣмъ и замѣчательна, что онъ нашелъ возможнымъ концентрировать около исторіи разные предметы среднеучебнаго курса за исключеніемъ, разумѣется, такихъ, какъ математика, физика, космографія, естественная исторія. Я думаю, что и вообще въ дѣлѣ гуманитарнаго образованія, получаемаго внѣ школы путемъ самостоятельнаго чтенія, исторія могла была бы занять, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ наукамъ, изучающимъ духовный и общественный міръ человѣка, такое же центральное положеніе.

За послѣднее время сильно оживились толки о самообразованіи, о его цѣли, о его способахъ, о программахъ самообразовательнаго чтенія. Настоящая моя статья стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ, что самому мнѣ уже пришлось высказать по этому вопросу въ „Письмахъ къ учащейся молодежи о самообразованіи" и въ „Бесѣдахъ о выработкѣ міросозерцанія", причемъ въ обѣихъ этихъ книжкахъ я старался выставить на видъ особую важность историческаго образованія. Я вовсе не думаю повторять теперь то, что было тамъ сказано по этому вопросу. Мнѣ хотѣлось бы только разборомъ вопроса объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ дополнить то, что было уже раньше говорено объ особомъ значеніи историческаго образованія, указавъ попутно на то, какъ само историческое образованіе нуждается въ разнообразныхъ знаніяхъ, заимствованныхъ изъ другихъ наукъ.

Скажу и о поводѣ, вызвавшемъ мою настоящую статью. Осенью прошлаго года образовалась изъ спеціалистовъ разныхъ наукъ коммиссія для выработки программы самообразовательнаго чтенія [1]). Въ такой программѣ существуетъ настоятельная необходимость, которая до сихъ поръ удовлетворялась разными, большею частью неумѣло и односторонне составленными списками книгъ. Быстрый успѣхъ программъ, изданныхъ московской коммиссіей для организаціи домашняго чтенія, указываетъ на то, какъ сильна потребность читающей публики въ подобнаго рода программахъ и спискахъ. Петербургская коммиссія поставила своею задачею выработать общую, такъ сказать, энциклопедическую программу, исходя изъ того принципа, что главною задачею систематическаго общеобразовательнаго чтенія должно быть усвоеніе современныхъ научныхъ данныхъ и выводовъ для выработки теоретическаго и нравственно-общественнаго міросозерцанія, и что литературныя указанія должны быть согласованы не только съ указанною цѣлью, но и съ предполагаемою у громаднаго большинства читателей степенью знанія и пониманія. Въ настоящее время эта программа выработана и своевременно будетъ напечатана. Замѣчу, что я уча-

---

[1]) Въ приложеніи къ этому реферату сообщаются свѣдѣнія о самой коммиссіи и приводятся самыя программы, ею выработанныя.

ствовалъ въ составленіи програмны вопросовъ всеобщей исторіи, и что эту послѣднюю програму напечаталъ уже въ приложеніи къ „Бесѣдамъ о выработкѣ міросозерцанія“ и къ „Письмамъ о самообразованіи“, начиная съ третьяго ихъ изданія. Теперь вполнѣ выяснился характеръ энциклопедической програмы, какъ она составилась изъ частныхъ програмъ, принятыхъ послѣ обсужденія всѣми участвовавшими въ ихъ выработкѣ спеціалистами. Хотя въ ней отведено широкое мѣсто естествознанію, однако, на первое мѣсто по числу рекомендуемыхъ книгъ выдвинулись въ ней науки гуманитарныя (со включеніемъ въ нихъ философіи и обществовѣдѣнія. Это разъ. Во-вторыхъ, среди наукъ гуманитарныхъ особенно видное мѣсто заняла исторія и въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, какъ отдѣльнаго предмета, и въ смыслѣ историческаго изученія того, что составляетъ спеціальный предметъ философскаго, литературнаго, политическаго и экономическаго образованія. Въ-третьихъ, тотъ же принципъ историзма играетъ видную роль и въ тѣхъ частяхъ програмы, которыя относятся къ спеціальнымъ областямъ естествознанія. Послѣднее можетъ заключаться или въ общихъ теоріяхъ, формулирующихъ въ концѣ-концовъ законы разныхъ категорій явленій (напр., физика, химія), или въ научныхъ описаніяхъ разнаго класса естественныхъ предметовъ (напр., зоологія, ботаника), или въ построеніяхъ прошлаго природы и тѣхъ фазисовъ, чрезъ которые проходило ея развитіе, начиная съ образованія звѣздъ и планетъ и кончая появленіемъ высшихъ животныхъ, нынѣ существующихъ на землѣ. Послѣднее отношеніе къ природѣ и есть отношеніе историческое. Конечно, общая програма по естествознанію должна заключать въ себѣ и чисто теоретическую, и чисто описательную части всей этой широкой научной области, но разъ въ програмѣ этой отводится мѣсто, и притомъ довольно видное мѣсто исторіи солнечной системы, исторіи земного шара, исторіи населяющихъ его организмовъ, мы не можемъ не отмѣтить того, что историческое изученіе дѣйствительности, играющее весьма видную роль въ гуманитарныхъ частяхъ програмы, играетъ не маловажную роль и въ частяхъ натуралистическихъ. Тѣмъ болѣе все это замѣчательно, что составители програмъ отнюдь не задавались такою цѣлью, чтобы концентрировать всѣ знанія около историческаго элемента въ широкомъ смыслѣ этого слова. Если бы они задались такою цѣлью, они, конечно, послѣдовательнѣе провели бы историческій принципъ въ самомъ построеніи програмы, расположивъ ее, напр., по слѣдующей схемѣ: образованіе солнечной системы, исторія земного шара, появленіе на немъ органической жизни и исторія ея развитія, первобытное состояніе человѣка, исторія его культурной и соціальной жизни. Если тѣмъ не менѣе въ програмѣ историческая точка зрѣнія играетъ важную роль, то это зависитъ уже отъ того направленія, какое въ XIX вѣкѣ приняли отдѣльныя науки,—зависитъ, слѣдовательно, отъ самихъ наукъ въ ихъ современномъ состояніи. Важность той роли, какую въ настоящее время историческая точка зрѣнія играетъ въ отдѣльныхъ наукахъ, все болѣе и болѣе сознается представителями научной мысли въ разныхъ

областяхъ знанія. Исторія научнаго движенія XIX вѣка даетъ этому вѣку такое же право называться историческимъ, какое имѣетъ XVIII вѣкъ, чтобы называться философскимъ. Лишь наше столѣтіе поставило на историческую почву изученіе языка, литературы, искусства, философіи и религіи, которыя прежде разсматривались исключительно съ тѣхъ или другихъ отвлеченныхъ точекъ зрѣнія,—логическихъ, эстетическихъ, метафизическихъ, этическихъ,—причемъ весьма часто съ дѣйствительными фактами всѣхъ перечисленныхъ категорій не считались, полагаясь на одну дедукцію изъ догматическихъ принциповъ. Въ нашемъ же столѣтіи поставлены были на ту же почву историческаго изученія право и народное хозяйство, что выразилось даже въ образованіи особыхъ историческихъ школъ въ юриспруденціи и въ политической экономіи. Въ XIX же вѣкѣ въ общее философское пониманіе былъ внесенъ принципъ эволюціи, развитія, и весь міръ былъ понятъ и въ идеалистическомъ, и въ реалистическомъ направленіяхъ философіи, какъ развитіе, т. е. какъ процессъ, имѣющій свою исторію, а не какъ неподвижное, всегда себѣ равное бытіе. Наконецъ, главнымъ образомъ въ нашемъ же столѣтіи великій принципъ эволюціи былъ примѣненъ къ пониманію природы, какъ тоже исторіи измѣняющихся формъ матеріи, начиная съ первобытной туманности и кончая современнымъ состояніемъ этой матеріи въ формахъ отдѣльныхъ небесныхъ тѣлъ, къ коимъ относится и нашъ земной шаръ, и въ формахъ растительныхъ и животныхъ организмовъ, населяющихъ нашу землю. Религіозное и философское мышленіе всѣхъ народовъ міра начиналось съ космогоніи, сливавшейся съ миѳическими преданіями о первыхъ людяхъ и ихъ потомствѣ. Задача исторіи міра и исторіи человѣка такимъ образомъ была поставлена на самой зарѣ культурной жизни человѣчества. Современная наука взялась самымъ дѣятельнымъ образомъ за рѣшеніе этой задачи, примѣнивъ главнымъ образомъ историческую точку зрѣнія и историческій методъ къ изученію тѣхъ сторонъ жизни природы и человѣка, которыя еще не такъ давно изучались исключительно лишь въ современномъ ихъ состояніи или совершенно абстрактно, такъ сказать, внѣ условій времени и мѣста. Невольно и съ чисто научной, съ философской точки зрѣнія ставишь поэтому вопросъ объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ. Теперь оно—одно, въ прошломъ столѣтіи и раньше было совсѣмъ другое. Но я уже оговорился, что съ этой стороны вопроса я касаться не намѣренъ. Я ставлю другой вопросъ, а именно, о томъ, нельзя ли было бы какимъ-нибудь образомъ, не противорѣча ни педагогическимъ, ни научнымъ требованіямъ и—мало того—даже въ прямомъ согласіи съ ними, концентрировать всю широкую область общеобразовательнаго чтенія около исторіи, поднявъ послѣднюю на степень всеобщей науки о томъ, какъ жилъ и живетъ, что̀ думало и думаетъ, что̀ узнало и что̀ знаетъ человѣчество. Я думаю, что сдѣлать это можно, и что такая концентрація была бы въ полномъ согласіи и съ вѣчными запросами человѣческаго духа, и съ тѣмъ общимъ историческимъ направленіемъ, которые въ нашъ вѣкъ все болѣе и болѣе проникаютъ

въ отдѣльныя науки за исключеніемъ лишь очень немногихъ, изучающихъ непреложные законы, въ родѣ математики, механики, физики и химіи. Конечно, я не стану, однако, утверждать, что такая концентрація есть нѣчто единственно возможное и потому общеобязательное.

Отношенія между исторіей и другими науками могутъ быть весьма различныя. Прежде всего они опредѣляются тѣмъ мѣстомъ, какое занимаетъ исторія въ классификаціи наукъ. Послѣднія дѣлятся на науки естественныя, имѣющія своимъ предметомъ природу и человѣка, какъ часть природы, и на науки гуманитарныя, изучающія міръ человѣка, взятаго съ духовной и общественной сторонъ человѣческаго бытія. Исторія, конечно, относится къ наукамъ гуманитарнымъ. Но эти науки, далѣе, могутъ изучать человѣка или въ его индивидуальномъ существованіи, или въ его культурномъ и соціальномъ состояніи. Разумѣется, предметомъ исторіи является не личная, а общественная жизнь человѣка. Сама эта жизнь въ свою очередь можетъ изучаться въ общей своей основѣ, въ тѣхъ законахъ, которые управляютъ причинностью и развитіемъ культурно-соціальныхъ фактовъ, гдѣ бы то ни было и когда бы то было, или же можетъ изучаться въ конкретныхъ своихъ проявленіяхъ, представляющихся намъ съ ихъ пространственными и временными опредѣленіями. Общество и историческая жизнь абстрактно изучаются соціологіей съ общими теоріями духовной культуры, народнаго хозяйства, права, государства и историческаго процесса; данныя же общества, т. е. опредѣленные народы и государства и культурно-соціальныя явленія, существующія или существовавшія въ данныхъ мѣстахъ и въ данныя времена, изучаются такими науками, какъ этнографія, политическая географія, статистика и т. п., причемъ мы имѣемъ дѣло или съ фактами настоящаго, съ современностью, или съ фактами прошлаго. Вотъ именно это послѣднее мѣсто и принадлежитъ исторіи. Все, что̀ было сказано до сихъ поръ для опредѣленія мѣста исторіи въ общей классификаціи наукъ, я позволю себѣ представить въ слѣдующей табличкѣ:

		Естествознаніе.	Гуманитарныя науки.	
Науки о законахъ явленій.		Механика, физика, химія, біологія.	Психологія и соціологія съ ихъ теоретическими подраздѣленіями.	I
Науки о явленіяхъ.	Прошлое.	Исторія природы.	Исторія человѣчества.	II
	Настоящее.	Астрономія, физическая географія, ботаника, зоологія, антропологія.	Этнографія, политическая географія, статистика и т. п.	III
		A.	B.	

Эта табличка можетъ дать наглядное представленіе о томъ мѣстѣ, какое занимаетъ исторія среди другихъ наукъ. То, что абстрактно изучается психологіей и соціологіей съ общими теоріями духовной культуры, народнаго хозяйства, государства и историческаго процесса, и то, что конкретно въ настоящемъ изучается этнографіей, политической географіей, статистикой и т. п., то же самое именно изучаетъ исторія конкретно и въ прошломъ. Отсюда видна тѣсная связь исторіи съ другими гуманитарными науками. Коллективная психологія и соціологія, общія теоріи духовной культуры, народнаго хозяйства, права, государства обрабатываютъ тотъ же фактическій матеріалъ, съ какимъ имѣетъ дѣло и исторія. Вся разница въ томъ, что всѣ выше названныя науки ставятъ своею задачею открытіе общихъ законовъ, коими управляются культурныя и соціальныя явленія въ своемъ возникновеніи и развитіи; исторія же воспроизводитъ самыя эти явленія въ ихъ дѣйствительной послѣдовательности—причинной и эволюціонной, имѣя между прочимъ своею задачею объяснить прошлымъ настоящее, знаніе и пониманіе котораго было бы немыслимо безъ такого объясненія. Въ сущности сегодняшнее настоящее, т. е. то, что мы теперь называемъ современностью, завтра, т. е. въ болѣе или менѣе недалекомъ будущемъ сдѣлается само прошлымъ, иначе говоря, предметомъ исторіи. Другими словами, знаніе совершеннаго состоянія человѣчества есть не что иное, какъ завершеніе того, что даетъ намъ исторія, и въ сущности есть только два способа изучать духовный и соціальный міръ человѣчества, способъ теоретическій и способъ историческій. Въ настоящее время не существуетъ той рѣзкой грани, которая въ былыя времена отдѣляла теоретиковъ отъ историковъ: экономистъ, юристъ, политикъ и т. п. долженъ быть до извѣстной степени историкомъ, а историкъ — экономистомъ, юристомъ, политикомъ и т. д. Чистыя теоріи общества, народнаго хозяйства, права, государства безъ историческихъ иллюстрацій, безъ обобщеній, сдѣланныхъ на основаніи историческаго матеріала, безъ внесенія въ общія представленія объ обществѣ, народномъ хозяйствѣ, правѣ, государствѣ, понятія историческаго развитія, однимъ словомъ, соціологія, политическая экономія, юриспруденція, политика, лишенныя историческаго элемента, не могутъ дать намъ полнаго знанія и пониманія всего того, что составляетъ предметъ ихъ изученія. Съ другой стороны, исторія человѣчества изучаетъ всѣ стороны культурной и соціальной жизни, а именно, религію (съ миѳологіей), философію, науку, литературу, искусство, народное хозяйство, право, государство, и быть можетъ, ни одна другая наука такъ хорошо не приспособлена къ тому, чтобы вводить въ знаніе и пониманіе отдѣльныхъ сторонъ культурной и соціальной жизни, взятыхъ въ ихъ совокупности. Замѣчу, что и въ спеціальномъ изученіи философіи, литературы, народной экономіи и т. п. историческій матеріалъ, историческая точка зрѣнія, историческій методъ играютъ весьма важную роль. Итакъ, исторія, имѣя самостоятельный интересъ, какъ изображеніе прежней жизни человѣчества, въ то же время помогаетъ намъ знать и понимать, съ

одной стороны, окружающую насъ, современную намъ дѣйствительность, съ другой стороны, то, что̀ такое общество, культура, народное хозяйство, право, государство вообще и какъ вообще происходитъ ихъ развитіе, какъ совершаются измѣненія въ ихъ основныхъ признакахъ и внѣшнихъ формахъ.

Такова связь съ исторіей (II) тѣхъ наукъ (I и III), которыя въ нашей табличкѣ входятъ въ категорію, отмѣченную буквой *B*. Но у исторіи существуетъ связь и съ науками категоріи, отмѣченной буквою А, и именно, съ тѣми науками, которыя мы обозначили, какъ исторію природы (II). Исторія человѣчества есть продолженіе, конечно, и нынѣ еще совершающейся исторіи природы. Послѣднею занимаются научная космогонія, геологія, палеонтологія въ смыслѣ исторій солнечной системы, земного шара, органической жизни на землѣ съ исторіей выдѣленія человѣка изъ царства животныхъ. Исторія природы обусловила собою исторію человѣчества, создавъ разныя сцены этой исторіи и поставивъ на нихъ разныхъ актеровъ. Въ настоящее время наше знаніе прошлыхъ временъ стремится перешагнуть за порогъ исторической жизни и связать доисторическое существованіе человѣка, уже выработавшаго нача̀ла культурнаго и соціальнаго быта, съ предполагаемымъ чисто зоологическимъ его состояніемъ. Жизнь народовъ обусловлена природою населяемыхъ ими странъ, топографическими и климатическими ихъ особенностями, ихъ флорой и фауной, обусловлена и физическими и психическими свойствами самихъ этихъ народовъ, т.-е. ихъ происхожденіемъ отъ разныхъ расъ, на которыя распадается родъ человѣческій. Поэтому и тѣ естественныя науки (А III), которыя изучаютъ настоящее, т.-е. физическая географія съ географіей растеній и животныхъ и съ антропологіей равнымъ образомъ имѣетъ тѣсное отношеніе къ исторіи, тѣмъ болѣе, что науки второй и третьей клѣтокъ отдѣла А различаются между собою тѣмъ, что изучаютъ въ сущности одну и ту же землю съ ея растительнымъ, животнымъ и людскимъ населеніемъ, но однѣ—въ прошломъ, а другія—въ настоящемъ. Но мы уже видѣли по отношенію къ наукамъ гуманитарнымъ, что настоящее есть лишь завершеніе прошлаго, а такъ какъ измѣненія въ устройствѣ поверхности и въ климатическихъ условіяхъ отдѣльныхъ странъ, въ ихъ флорѣ и фаунѣ и въ расовыхъ свойствахъ народовъ происходятъ гораздо медленнѣе перемѣнъ историческихъ, то во многихъ отношеніяхъ знаніе того, что собою представляетъ природа въ настоящее время, можетъ быть намъ пригоднымъ и для изученія естественныхъ условій исторической жизни народовъ и въ болѣе или менѣе отдаленномъ прошломъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ историческое образованіе предполагаетъ обладаніе извѣстными естественнонаучными знаніями. Изъ трехъ категорій, на которыя мы раздѣлили естественныя науки, лишь одна (А I) осталась внѣ всякаго отношенія къ исторіи. Но отношенія исторіи къ другимъ наукамъ не исчерпываются тѣми, какія мы намѣтили, расположивъ разныя науки въ одну общую систему.

Пока мы разсматривали главнымъ образомъ историческое отношеніе къ разнаго рода *предметамъ*, которые изучаются другими науками или въ ихъ

современномъ состоянiи, или въ ихъ общихъ свойствахъ и основныхъ признакахъ, независимо отъ мѣста и времени ихъ существованiя. Но историческое отношенiе можетъ существовать не только къ *предметамъ наукъ*, но и къ самимъ *наукамъ*, изучающимъ эти *предметы*. Возьмемъ для примѣра народное хозяйство. Оно можетъ быть предметомъ политической экономiи, какъ абстрактной теорiи, изучающей законы экономическихъ явленiй; оно, далѣе, можетъ быть предметомъ статистики въ смыслѣ изображенiя современнаго хозяйственнаго быта той или другой стороны; наконецъ, оно можетъ быть предметомъ экономической исторiи, т.-е. исторiи народно-хозяйственнаго быта, исторiи экономическихъ формъ. Но исторически можно изучать не только существовавшiя раньше экономическiя *формы*, но и существовавшiя раньше экономическiя *ученiя*, или *теорiи*. То же самое и въ области политики: рядомъ съ абстрактнымъ изученiемъ природы государства и его формъ и рядомъ съ научнымъ описанiемъ современныхъ государствъ мы имѣемъ исторiю политическихъ формъ; но историческое отношенiе къ вопросамъ политики не можетъ ограничиваться одними государственными *формами*, существовавшими въ прежнiя времена, не дополняясь изученiемъ политическихъ *ученiй*, или *теорiй*, какiя прежде существовали. Эта двойственность предмета историческаго изученiя, двойственность самихъ *явленiй* жизни и *идей*, какiя объ этихъ явленiяхъ имѣли люди, можетъ быть легко обнаружена и въ другихъ наукахъ. Историческая юриспруденцiя изучаетъ въ прошломъ или самое право, или юридическiя теорiи, т.-е. ученiя о правѣ. Еще и еще примѣры. Историкъ литературы имѣетъ дѣло или съ самой литературой, т.-е. съ произведенiями, которыя мы называемъ литературными, или съ литературными теорiями. Въ исторiи искусства то же самое: рядомъ съ художественными памятниками мы имѣемъ еще дѣло съ эстетическими теорiями. Тотъ же параллелизмъ проявляется и въ области естествознанiя. Одно—вообще исторiя самой природы, другое—исторiя естественныхъ наукъ. Въ частности поставимъ рядомъ, съ одной стороны, космогонiю и геологiю, съ другой—исторiю космогоническихъ и геологическихъ представленiй, исторiю астрономическихъ и геологическихъ знанiй. Сама исторiя, какъ наука, имѣетъ тоже свою исторiю, существующую рядомъ съ исторiей человѣчества, которую эта наука изучаетъ. Въ общемъ итогѣ я говорю, слѣдовательно, объ исторiи наукъ и научныхъ теорiй, въ которой между исторiей и другими науками устанавливается особаго рода отношенiе, отличное отъ разсмотрѣннаго раньше. Если бы я имѣлъ въ виду чисто научную, а не общеобразовательную сторону вопроса, я бы распространился здѣсь о томъ важномъ значенiи, какое должно имѣть для ученаго каждый отдѣльной спецiальности изученiе исторiи его науки, но я это пропускаю, какъ и раньше совершенно обошелъ молчанiемъ всѣ случаи, когда историку для своихъ спецiальныхъ цѣлей приходится обращаться къ помощи другихъ наукъ. Я остановлюсь лишь на вопросѣ о томъ, какое значенiе можетъ имѣть въ дѣлѣ общаго образованiя ознакомленiе съ исторiей наукъ и научныхъ теорiй.

Между науками гуманитарными и естествознаніемъ по интересующему насъ предмету существуетъ большая разница. Каковы бы ни были наши представленія о томъ, какъ совершаются процессы природы, эти процессы совершаются такъ или иначе вполнѣ независимо отъ того, что мы о нихъ думаемъ. Другими словами, человѣческія теоріи не оказываютъ ни малѣйшаго вліянія на ходъ самой природы. Иное дѣло въ исторіи человѣчества. Сколько бы ни было рокового, стихійнаго, безсознательнаго и непреднамѣреннаго въ развитіи культурно-соціальныхъ формъ, нельзя не признать, что въ измѣненіи этихъ формъ участвуютъ и человѣческія мысли и намѣренія, касающіяся этихъ формъ и весьма часто складывающіяся въ цѣлыя теоріи. Съ другой стороны, содержаніе научныхъ теорій, имѣющихъ своимъ предметомъ явленія природы, не находится въ непосредственной связи съ культурно-соціальными состояніями тѣхъ эпохъ, когда эти теоріи появляются, тогда какъ содержаніе, напр., теорій политическихъ и экономическихъ всегда самымъ рельефнымъ образомъ отражаетъ на себѣ переживавшуюся минуту, злобу дня, преобладающій интересъ эпохи. Отсюда несомнѣнно болѣе тѣсная связь общей исторіи съ исторіей гуманитарныхъ и соціальныхъ наукъ и болѣе тѣсная связь послѣдней съ первою, чѣмъ то можно было бы сказать о взаимныхъ отношеніяхъ между общей исторіей и исторіей естествознанія. И понятно—почему: общественныя теоріи, конечно, стоятъ въ болѣе тѣсной связи съ общественною жизнью, чѣмъ теоріи объ явленіяхъ природы. Историку экономическихъ или политическихъ теорій въ гораздо большей степени нужно знать исторію той жизни, которая породила эти теоріи, нежели историку теорій физическихъ или химическихъ, на коихъ не отражается содержаніе общественной жизни. Общему историку, съ другой стороны, неизмѣримо важнѣе знать исторію экономическихъ и политическихъ ученій, прямо своимъ содержаніемъ вліявшихъ на изучаемую имъ жизнь, нежели исторію теорій физики или химіи, непосредственнаго вліянія на эту жизнь не оказывавшихъ. Вотъ почему для того, кто въ цѣляхъ общаго образованія изучаетъ теоріи общественныхъ наукъ, въ высшей степени необходимо брать эти теоріи въ ихъ историческомъ развитіи, въ ихъ связи съ общей исторіей, съ исторіей той жизни, которая ихъ порождала и на которую онѣ оказывали свое вліяніе. Безъ историческаго отношенія, напр., къ экономическимъ и политическимъ теоріямъ легко впасть въ догматическое къ нимъ отношеніе и не выработать въ себѣ способности плодотворнаго примѣненія теоріи къ практикѣ, требующаго постоянной провѣрки отвлеченныхъ положеній данными реальной жизни. Скажу коротко. Отсутствіе въ историческомъ образованіи свѣдѣній изъ исторіи экономическихъ и политическихъ теорій или теорій моральныхъ и соціальныхъ составляло бы въ высшей степени важный пробѣлъ, гораздо болѣе важный, чѣмъ отсутствіе знаній, касающихся исторіи естествознанія. Точно также если образованный человѣкъ, знающій современныя ученія естествознанія, лишенъ всякихъ свѣдѣній по исторіи отдѣльныхъ естественныхъ наукъ, то это далеко не такая бѣда, какъ если бы тотъ же

образованный человѣкъ, обладая знаніемъ современныхъ ученій въ области экономики или политики, совершенно не зналъ прошлаго этихъ наукъ. Прибавлю еще, что изученіе исторіи теорій, оторванныхъ отъ жизни, которая ихъ породила, было бы изученіемъ чисто отвлеченнымъ. Такъ можно изучать, напр., исторію математики, но нельзя изучать исторію политической экономіи или политики,—лишнее указаніе на важность общаго историческаго образованія.

Внесеніе исторической точки зрѣнія или историческаго метода въ ознакомленіе съ теоріями отдѣльныхъ наукъ обусловливается не только большею или меньшею близостью этихъ теорій съ самою историческою жизнью, продуктами и факторами коей онѣ являются, но и степенью выработанности самыхъ теорій. Давно замѣчено, что чѣмъ ближе та или другая наука къ идеалу совершенства, тѣмъ менѣе приходится въ ней говорить объ исторіи отдѣльныхъ вопросовъ. Разъ вопросъ рѣшенъ окончательно и безповоротно, т.-е. разъ существуетъ вполнѣ выработанная теорія, исторія вопроса нисколько не уяснитъ дѣла. Если, съ другой стороны, теоретическій вопросъ все еще вызываетъ споры, приходится разъяснять его путемъ сопоставленія различныхъ по вопросу мнѣній, а такъ какъ разногласіе началось не сегодня и сегодняшніе противники повторяютъ или развиваютъ далѣе мнѣнія, которыя высказывались и вчера, и позавчера, и въ прошломъ году или въ прошломъ столѣтіи, и въ прежнихъ вѣкахъ, то вопросъ и переходитъ прямо на историческую почву. Въ этомъ смыслѣ многія теоріи прямо приходится усвоивать главнымъ образомъ путемъ историческаго ихъ изученія. Вотъ что, напр., говоритъ объ этомъ авторъ одной изъ программъ философіи, изданныхъ московской коммиссіей для организаціи домашняго чтенія. „Что касается вопроса о томъ, *какъ слѣдуетъ изучать философскія науки?*—то рѣшеніе его зависитъ отъ того, въ какомъ состояніи находится въ настоящее время каждая изъ философскихъ наукъ. Разсматривая ихъ съ этой точки зрѣнія, мы видимъ, во-первыхъ, что *логика* и *психологія* организовались въ отдѣльныя самостоятельныя науки, а потому могутъ быть изучаемы въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ находятся въ настоящее время; во-вторыхъ, что такія науки, какъ *этика*, *метафизика* и *теорія познанія* представляютъ собой только выраженіе мнѣній того или другого философа, а потому должны изучаться не иначе, какъ въ курсѣ исторіи философіи". Это замѣчаніе приложимо не къ одной отвлеченной философіи. То же самое можетъ быть сказано также и объ ученіяхъ политическихъ и экономическихъ. „Особенно, — говоритъ, напр., проф. Чупровъ въ своихъ „Лекціяхъ по исторіи политической экономіи", — особенно важно считаться съ исторической преемственностью идей въ общественныхъ наукахъ. Когда механикъ или астрономъ изучаетъ исторію своихъ наукъ, это есть лишь удовлетвореніе научной любознательности; ученый, обладающій полнымъ знаніемъ законовъ природы, можетъ свысока смотрѣть на прежнія неудачныя попытки постигнуть эти законы. Не то въ общественныхъ наукахъ: онѣ до сихъ поръ не пришли еще къ завершенію; въ нихъ истина раскрывается человѣчеству

медленно и по частямъ; уму человѣческому нерѣдко приходится идти здѣсь ощупью, бросаясь изъ одной крайности въ другую. Неудивительно поэтому, что нерѣдко старыя теоріи, сданныя, повидимому, въ архивъ, снова всплываютъ на поверхность жизни. Эта связь послѣдующаго съ предшествующимъ дѣлаетъ особенно важнымъ въ экономической литературѣ преемство идей, смѣнявшихъ одна другую въ ходѣ исторіи". Далѣе, говоритъ онъ, „экономическія теоріи, касающіяся практическихъ, матеріальныхъ нуждъ человѣка и человѣческаго общества, имѣютъ ту особенность, что онѣ находятся въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ жизнью. Общественный бытъ страны и народа кладетъ неизгладимую печать и на взгляды ученыхъ. Современная политическая экономія составляетъ прямой результатъ и вѣрное отраженіе тѣхъ перемѣнъ, которыя въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій произошли въ строѣ хозяйственной жизни и въ организаціи промышленности. Каждая изъ крупныхъ системъ была или выраженіемъ нуждъ, вызванныхъ совершившимися перемѣнами, или проявленіемъ протеста противъ вызванныхъ ими бѣдствій; теорія являлась или помощницей, или противницей того, что совершалось въ жизни. Эта тѣсная связь теоріи съ жизнью побуждаетъ изучать первую не иначе, какъ параллельно съ послѣднею".

Такимъ образомъ само состояніе нѣкоторыхъ наукъ положительно требуетъ историческаго къ нимъ отношенія. Въ этомъ смыслѣ я считаю особенно важными исторію философіи, въ частности исторію теоріи познанія и исторію этики, далѣе, исторію политическихъ теорій и исторію экономическихъ ученій, поскольку все это касается пониманія моральной и соціальной жизни человѣка. Не отрицая значенія исторіи ученій физическихъ, химическихъ, біологическихъ, съ одной стороны, лингвистическихъ, эстетическихъ, педагогическихъ, съ другой, я лишь отмѣчаю меньшую ихъ въ дѣлѣ выработки міросозерцанія важность, вытекающую изъ бо́льшей ихъ спеціальности сравнительно съ вопросами познанія, нравственности и общежитія.

Тутъ намъ представляется вопросъ: нельзя ли положить историческій путь въ основу ознакомленія вообще съ теоріями всѣхъ наукъ? Въ дѣлѣ усвоенія данныхъ и выводовъ каждой науки нельзя не обращать вниманія на порядокъ или систему, въ какихъ излагаются эти данныя и выводы. Для такихъ наукъ, какъ географія или исторія, вопросъ рѣшается порядкомъ пространства или времени, который и кладется въ основу системы излагаемыхъ фактовъ. Въ другихъ наукахъ въ родѣ ботаники или зоологіи система слѣдуетъ классификаціи растеній или животныхъ. Но я имѣю здѣсь въ виду не тѣ науки, въ коихъ преобладаютъ элементы описанія или повѣствованія, а науки, содержаніе коихъ сводится къ общимъ законамъ, къ отвлеченнымъ теоріямъ и т. п. Въ этихъ наукахъ система изложенія строится главнымъ образомъ на основаніяхъ логическихъ, образцомъ чего можетъ служить математика. Въ той исторической послѣдовательности, съ какою наукѣ дѣлались доступными отдѣльныя страны, отдѣльные виды растеній и животныхъ, памятники прошед-

шей жизни, историческіе факты, нѣтъ никакой логики, и если бы кто-либо сталъ знакомить съ зоологіей не въ порядкѣ естественной классификаціи, а въ томъ порядкѣ, въ какомъ дѣлались извѣстными, подвергались наблюденію, становились предметомъ описанія или изслѣдованія отдѣльные виды царства животныхъ, то въ результатѣ получился бы чисто хаотическій безпорядокъ. Иначе дѣло обстоитъ съ науками, въ коихъ формулируются чистыя теоріи. Въ послѣдовательности научныхъ открытій теоретическаго характера, въ послѣдовательной смѣнѣ общихъ ученій, въ послѣдовательной выработкѣ цѣльной теоріи путемъ послѣдовательной же постановки вопросовъ и послѣдовательнаго ихъ рѣшенія есть своя логика, т.-е. исторію каждой такой науки можно представить, какъ своего рода логическій процессъ, который не утратитъ вполнѣ своей логичности даже въ томъ случаѣ, если кое-что въ указанныхъ послѣдовательностяхъ будетъ зависѣть не отъ внутренняго развитія самой науки, а отъ случайныхъ открытій, какими богата исторія естествознанія, или отъ вліяній, идущихъ со стороны культурно-соціальной среды, многочисленные примѣры чего представляетъ намъ исторія наукъ философскихъ и общественныхъ. Въ извѣстныхъ случаяхъ ознакомленіе съ основными научными проблемами, которыя легко было бы изложить въ опредѣленномъ логическомъ порядкѣ, гораздо удобнѣе пріобрѣтать путемъ историческаго изученія ихъ постановокъ и рѣшеній. Такимъ именно образомъ московская коммиссія для организаціи домашняго чтенія, какъ мы видѣли, рекомендуетъ знакомиться со многими вопросами философіи. На той же точкѣ зрѣнія стоитъ и наша программа философскаго образованія. Въ своихъ „Бесѣдахъ о выработкѣ міросозерцанія" я примѣнилъ тотъ же принципъ къ гносеологіи въ смыслѣ философской теоріи познанія. „Такъ какъ, сказано тамъ между прочимъ, на первыхъ порахъ гносеологическіе вопросы могли быть поставлены въ наиболѣе простой и удобопонятной формѣ и углублялись лишь съ теченіемъ времени и съ развитіемъ критической мысли, то для перваго знакомства съ этими вопросами историческій путь ихъ усвоенія представляется намъ наиболѣе легкимъ, удобнымъ и цѣлесообразнымъ. Гносеологическіе вопросы въ той развитой формѣ, въ какой они ставятся новѣйшей философіей, никогда сами собою никому въ голову не придутъ, и можно даже быть довольно образованнымъ человѣкомъ и весьма ученымъ спеціалистомъ, оставаясь въ области вопросовъ теоріи познанія на точкѣ зрѣнія философовъ древнѣйшаго періода, не задававшихся этими вопросами. Съ другой стороны, не повторивъ въ своемъ умѣ при помощи философіи исторіи всего того мыслительнаго процесса, посредствомъ коего философія пришла къ современной постановкѣ и рѣшеніямъ указанныхъ вопросовъ, трудно, а подчасъ и прямо невозможно понять надлежащимъ образомъ основныя проблемы гносеологіи. Въ школѣ ученику объясняютъ систему Коперника, и для того, чтобы онъ ее понялъ, нѣтъ надобности разсказывать ему, какія существовали космографическія представленія до Коперника, начиная (въ обратномъ порядкѣ) системой Птоломея и кончая наивными представленіями о чемъ-ни-

будь въ родѣ трехъ китовъ, держащихъ на себѣ землю. Гносеологія—другое дѣло: тутъ, хотя бы самымъ бѣглымъ образомъ, приходится разъяснять дѣло, переходя отъ простѣйшихъ постановокъ вопроса къ постановкамъ болѣе сложнымъ, что въ сущности есть путь историческій, какъ бы ни былъ онъ замаскированъ неисторическою формою изложенія". Но то, что въ дисциплинахъ такого рода, какъ теорія познанія, является даже необходимостью, представляетъ изъ себя возможность по отношенію къ другимъ наукамъ, въ исторіи которыхъ наблюдается извѣстная, если можно такъ выразиться, правильность развитія. Въ интересахъ полнаго понимания современныхъ научныхъ теорій въ высшей степени важно знать, какъ онѣ постепенно вырабатывались, какъ складывались онѣ изъ отдѣльныхъ ученій, какимъ путемъ послѣднія переходили однѣ въ другія, примѣненіе какихъ методовъ и точекъ зрѣнія приводило къ научнымъ результатамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ какое вліяніе оказывали новыя теоріи на общую исторію человѣческаго міросозерцанія. Я думаю, что нѣкоторыя науки можно излагать въ порядкѣ послѣдовательности наиболѣе крупныхъ теорій. Другой вопросъ—насколько это удобно при элементарномъ ознакомленіи съ тою или другою наукою, но если бы дѣло шло лишь о болѣе серьезномъ въ общеобразовательныхъ цѣляхъ ознакомленіи съ тѣми или другими науками, историческія изложенія, въ коихъ были бы выдвинуты на первый планъ главные моменты развитія научныхъ теорій съ подробными характеристиками ученій, вполнѣ упрочившихся въ наукѣ, могли бы имѣть двоякаго рода значеніе: въ историческомъ изложеніи читатель получилъ бы все, что ему нужно знать о теоріяхъ той или другой науки въ ея современномъ состояніи, и въ то же время его историческія знанія обогатились бы новымъ матеріаломъ, и онъ могъ бы видѣть, какъ создалось современное состояніе человѣчества не только въ отношеніяхъ культурномъ и соціальномъ вообще, но и въ частности въ отношеніи научномъ. Въ настоящее время наука представляетъ изъ себя одну изъ величайшихъ культурныхъ и соціальныхъ силъ. Если высочайшимъ идеаломъ общаго образованія, на практикѣ, конечно, трудно достижимымъ является знаніе и пониманіе всего того, что доступно знанію и пониманію современниковъ, то настоящее обладаніе такимъ знаніемъ и пониманіемъ немыслимо, если мы будемъ брать научныя теоріи внѣ ихъ историческаго развитія и ихъ значенія въ исторической жизни. Послѣднее, конечно, можетъ быть вполнѣ оцѣнено лишь общею исторіей, но общей исторіи нельзя входить въ детали развитія отдѣльныхъ наукъ, и это съ удобствомъ можетъ быть сдѣлано лишь при помощи ознакомленія съ этими науками путемъ историческаго ихъ изложенія.

Каждая наука въ своей теоретической части состоитъ изъ отдѣльныхъ ученій, возникшихъ въ разное время, зависящихъ одни отъ другихъ въ смыслѣ естественной послѣдовательности ихъ возникновенія, связанныхъ весьма часто съ именемъ того или другого ученаго, той или другой школы. Эти отдѣльныя ученія могутъ быть изложены или въ той системѣ, которая вытекаетъ изъ

самой сути дѣла, или въ историческомъ порядкѣ своего возникновенія. Я не говорю, чтобы всегда удобно было замѣнить изложеніе систематическое (въ болѣе узкомъ значеніи слова) изложеніемъ историческимъ, но я думаю, что одно другимъ должно дополняться. Усвоеніе однихъ научныхъ теорій удобнѣе, быть можетъ, начинать въ историческомъ ихъ изложеніи, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что тотъ же матеріалъ не долженъ быть предложенъ и въ извѣстной логической системѣ. Съ другой стороны, невозможность первоначальнаго ознакомленія съ другими науками историческимъ путемъ отнюдь не должна препятствовать тому, что бы въ заключеніе нельзя было знакомиться еще, хотя бы въ краткомъ очеркѣ, съ исторіей развитія той или другой изъ такихъ наукъ. Въ первомъ отношеніи, напр., признавая вполнѣ удобнымъ историческое изученіе проблемъ этики въ общемъ курсѣ исторіи философіи, я допускаю и иной путь ознакомленія съ разными способами рѣшенія вопросовъ этики, беру именно эти способы не въ той послѣдовательности, въ какой они другъ друга смѣняли, а въ тѣхъ пунктахъ сходствъ и различій, между ними существующихъ, которые позволяютъ классифицировать этическія доктрины, т.-е. распредѣлять ихъ между нѣсколькими основными типами съ указаніями на тѣ аргументы *pro* и *contra*, какіе могутъ быть выставлены по отношенію къ каждому такому типу. Во всякомъ случаѣ исторія этики, составляющая одну изъ весьма важныхъ сторонъ исторіи философіи, должна быть резюмирована въ подобномъ сравнительномъ разсмотрѣніи. Но то же самое я сказалъ бы и о гносеологіи. Другими словами, въ общеобразовательномъ ознакомленіи съ каждою теоретическою наукою долженъ быть историческій элементъ. Весь вопросъ заключается въ томъ, должно ли это ознакомленіе совершаться преимущественно историческимъ путемъ, причемъ изложеніе науки въ ея современномъ состояніи должно быть лишь заключительною главою ея исторіи, или же историческій очеркъ долженъ быть только краткимъ предисловіемъ (или послѣсловіемъ) къ чисто систематическому изложенію науки. Но вопросъ этотъ рѣшается уже въ зависимости отъ бо́льшей или меньшей связи той или другой науки съ общественною жизнью, отъ бо́льшей или меньшей выработанности самой науки, наконецъ, отъ чисто дидактическихъ соображеній, которыя, конечно, будутъ не одни и тѣ же по отношенію къ отдѣльнымъ наукамъ. Мнѣ хотѣлось только отмѣтить и возможность, и важность историческаго изученія научныхъ теорій въ смыслѣ достиженія тѣхъ цѣлей, какія слѣдуетъ ставить общему образованію.

О важности ознакомленія съ научными теоріями при помощи историческаго ихъ изложенія я скажу еще два-три слова особо. Въ понятіе духовной культуры, развитіе коей составляетъ одну изъ существеннѣйшихъ сторонъ историческаго процесса, входитъ между прочимъ и наука. Въ общей исторіи рядомъ съ исторіей религіи, философіи, литературы, искусства должна найти свое мѣсто и исторія науки. Если, однако, справедливо найдено, что исторія литературы не можетъ состоять въ одномъ перечисленіи именъ авторовъ и названій ихъ произведеній, въ біографіяхъ первыхъ и въ общихъ приговорахъ о другихъ, безъ

ознакомленія съ самими литературными произведеніями, хотя бы только въ болѣе подробной передачѣ ихъ содержанія, то равнымъ образомъ и исторія науки безъ пониманія тѣхъ предметовъ, о коихъ идетъ рѣчь, когда, напр., говорятъ о Коперникѣ, Ньютонѣ, Дарвинѣ и т. п., превратилась бы въ безсодержательное перечисленіе фактовъ безъ научнаго ихъ освѣщенія. Чтобы знать, напр., вліяніе, какое оказано было тѣмъ или другимъ научнымъ открытіемъ на исторію культуры, нужно имѣть понятіе о самой сущности этого открытія, т.-е. быть знакомымъ съ содержаніемъ теоріи, которая обязана ему своимъ происхожденіемъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ РЕФЕРАТУ Н. И. КАРѢЕВА.

I. Отдѣлъ для содѣйствія самообразованію въ Комитетѣ Педагогическаго Музея военно-учебныхъ заведеній.

Въ послѣдніе годы въ Англіи и Америкѣ началось широкое движеніе съ цѣлью содѣйствовать самообразованію тѣхъ лицъ, которыя не могли получить систематическаго университетскаго образованія. Починъ этому важному дѣлу положенъ и въ Россіи открытіемъ въ Москвѣ осенью 1894 г. дѣятельности Коммиссіи по организаціи домашняго чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ Общества Распространенія Техническихъ знаній. Одновременно съ этимъ, въ ноябрѣ 1894 г., при Педагогическомъ Музеѣ въ С.-Петербургѣ, благодаря сочувствію этому дѣлу г. директора Музея А. Н. Макарова, былъ учрежденъ особый „Отдѣлъ для содѣйствія самообразованію“, въ составъ котораго вошли слѣдующія лица: М. А. Антоновичъ, В. Л. Беренштамъ, И. И. Боргманъ, П. Ѳ. Каптеревъ, Н. А. Карышевъ, Н. И. Карѣевъ, Н. А. Котляревскій, Н. А. Меншуткинъ, В. А. Мякотинъ, И. П. Павловъ, Л. Ѳ. Пантелѣевъ, А. М. Скабичевскій, В. И. Семевскій, В. Д. Сиповскій, Н. А. Рубакинъ, Н. П. фанъ-деръ-Флитъ и В. Г. Яроцкій. Предсѣдательствуетъ въ Отдѣлѣ директоръ Музея А. Н. Макаровъ, товарищемъ предсѣдателя избранъ Н. И. Карѣевъ, а секретаремъ В. И. Семевскій.

Отдѣлъ имѣетъ цѣлью содѣйствовать самообразованію пользующихся его указаніями лицъ. Съ этою цѣлью онъ

1) составляетъ и печатаетъ въ общее свѣдѣніе программы какъ по естествознанію, такъ и по гуманитарнымъ наукамъ въ двухъ циклахъ: а) одну энциклопедическую программу, въ которой по каждой наукѣ указываются лишь важнѣйшіе вопросы, знакомство съ которыми необходимо для каждаго образованнаго человѣка, желающаго составить себѣ опредѣленное міросозерцаніе, при чемъ однакоже Отдѣлъ не дѣлаетъ обязательнымъ тотъ поря-

докъ изученія, какой указанъ въ общей энциклопедической программѣ, и б) отдѣльныя программы по тѣмъ же наукамъ. Программы эти сопровождаются указаніями на литературу предмета, преимущественно на русскомъ языкѣ и лишь въ крайнемъ случаѣ на языкахъ иностранныхъ, причемъ предполагается знакомство съ курсомъ среднихъ учебныхъ заведеній. Сверхъ того, составляются еще по мѣрѣ обращенія къ Отдѣлу за указаніями программы по извѣстнымъ вопросамъ, напр., объ общинномъ землевладѣніи, переселеніяхъ и проч. съ болѣе подробнымъ указаніемъ на литературу предмета.

2) Кромѣ закрытыхъ своихъ совѣщаній, Отдѣлъ устраиваетъ и публичныя собранія, въ которыхъ дѣлаются сообщенія о ходѣ популяризаціи науки на Западѣ и въ Россіи, разбираются сочиненія, входящія въ программу дѣятельности Отдѣла, читаются рефераты по вопросамъ, включеннымъ въ эти программы и т. п., а также устраиваетъ и общедоступныя публичныя лекціи на общихъ основаніяхъ. Въ нѣкоторыхъ наукахъ, какъ напр. въ физикѣ и химіи, это признано особенно нужнымъ для успѣшнаго достиженія цѣли Отдѣла въ виду необходимости опытнаго ознакомленія съ предметомъ.

3) Отдѣлъ сносится лично и письменно съ лицами, желающими пользоваться его указаніями и живущими какъ въ Петербургѣ, такъ и въ провинціи, и

4) издаетъ оригинальныя и переводныя сочиненія, а также сборники статей, соотвѣтствующіе цѣли Отдѣла. Кромѣ того, членъ Отдѣла В. Д. Сиповскій изъявилъ готовность открыть страницы редактируемаго имъ журнала „Образованіе" для печатанія того, что Отдѣлъ сочтетъ необходимымъ огласить въ общее свѣдѣніе.

Отдѣлъ для содѣйствія самообразованію въ цѣломъ рядѣ засѣданій, съ ноября 1894 по апрѣль 1895 г., подъ предсѣдательствомъ Н. И. Карѣева, разсмотрѣлъ и одобрилъ къ печатанію:

А. Общую энциклопедическую программу (съ объяснительными къ ней примѣчаніями), въ составленіи которой принимали участіе слѣдующія лица: по философіи П. Ѳ. Каптеревъ, по физикѣ И. И. Боргманъ и П. П. Фанъ-деръ-Флитъ, по химіи Н. А. Меншуткинъ, по астрономіи, геологіи, физической географіи, ботаникѣ, зоологіи, общей физіологіи и физической антропологіи М. А. Антоновичъ и Н. А. Рубакинъ, по анатоміи и физіологіи человѣка И. П. Павловъ, по соціологіи и философіи исторіи Н. И. Карѣевъ, по государственному праву и общей теоріи права Н. И. Карѣевъ при содѣйствіи С. А. Муромцева, по политической экономіи Н. А. Карышевъ и В. Г. Яроцкій, по всеобщей исторіи Н. И. Карѣевъ и В. Л. Беренштамъ, по русской исторіи В. А. Мякотинъ, В. И. Семевскій и В. Д. Сиповскій, по всеобщей и русской литературѣ Н. А. Котляревскій и А. М. Скабичевскій.

В. Отдѣльную программу по политической экономіи, составленную Н. А. Карышевымъ и В. Г. Яроцкимъ, и

В. Отдѣльную программу по русской исторіи, составленную В. И. Семевскимъ при содѣйствіи В. А. Мякотина и В. Д. Сиповскаго.

Лица, желающія пользоваться указаніями Отдѣла могутъ обращаться къ членамъ его лично или письменно. Письменныя обращенія адресуются въ С.-Петербургъ, уголъ Пантелеймонской и Фонтанки, Педагогическій Музей въ Отдѣлъ для содѣйствія самообразованію. Съ 15 мая по 15 сентября сношенія съ Отдѣломъ прекращаются.

II. Объяснительная записка къ общей энциклопедической программѣ.

Всѣ отдѣльныя программы съ указаніями книгъ по разнымъ наукамъ и частнымъ вопросамъ знанія должны составлять одно цѣлое. Составители этихъ программъ и списковъ имѣли въ виду не столько каждую науку, взятую въ отдѣльности, сколько всю область научнаго знанія, распадающуюся на отдѣльныя науки. Цѣлью этихъ составителей вовсе не было указывать на то, какимъ образомъ люди, не получившіе университетскаго образованія, могли бы посредствомъ самостоятельнаго чтенія пріобрѣсти знанія, служащія предметомъ преподаванія на отдѣльныхъ факультетахъ. Послѣдніе въ концѣ-концовъ суть все-таки спеціальныя школы, въ которыхъ изучаются лишь нѣкоторыя науки, тогда какъ идеаломъ общаго образованія является усвоеніе всѣхъ основныхъ данныхъ и главнѣйшихъ выводовъ современнаго научнаго знанія. Конечно предлагаемыми программами и списками книгъ могутъ пользоваться лица, получившія только одно среднее образованіе, разъ они не задаются цѣлью изучить самостоятельно въ объемѣ университетскаго курса всѣ науки, преподаваемыя на отдѣльныхъ факультетахъ. Но совершенно также программы и списки самостоятельнаго чтенія предназначены и для тѣхъ, которые, получая или получивъ высшее спеціальное образованіе, чувствуютъ потребность въ расширеніи этого своего образованія путемъ ознакомленія съ науками, оставшимися имъ неизвѣстными. Если читателямъ съ среднимъ образованіемъ придется, чтобы достигнуть своей цѣли, выполнить всю предлагаемую программу, то людямъ, получившимъ или получающимъ высшее образованіе, не представится надобности слѣдовать всей этой программѣ. Напр., натуралисту нечего будетъ обращаться къ тѣмъ отдѣламъ программы, которые болѣе или менѣе соотвѣтствуютъ кругу знаній, сообщаемыхъ на физико-математическихъ факультетахъ, и т. п.

Располагая программу въ извѣстномъ порядкѣ, составители вовсе не имѣли въ виду опредѣлять этимъ порядкомъ ту послѣдовательность, въ какой необходимо пріобрѣтать знанія, сообщаемыя отдѣльными науками, хотя въ частныхъ случаяхъ и можно установить извѣстный порядокъ, въ силу котораго удобнѣе проходить одно раньше, другое позже. Едва-ли было бы осуществимо на практикѣ требованіе строгой послѣдовательности въ выполненіи всей программы. Общій интересъ къ знанію всегда проявляется въ видѣ особаго въ каждую данную минуту интереса къ тѣмъ или другимъ предме-

тамъ, къ тѣмъ или другимъ вопросамъ. Здѣсь все зависитъ отъ индивидуальности читателя, и важно только, чтобы читатель, стремящійся дѣйствительно къ общему образованію, усвоилъ наиболѣе существенное всѣхъ главныхъ наукъ, въ какомъ бы то ни было порядкѣ, лишь бы послѣдній не находился въ явномъ противорѣчіи съ здравымъ смысломъ. Очень часто ознакомленіе съ тою или другою наукою само наводитъ на необходимость пріобрѣтенія хотя бы и самыхъ элементарныхъ знаній изъ другихъ наукъ. Напр., тотъ, кто заинтересуется психологіей, естественно и необходимо долженъ перейти отъ нея къ физіологіи, а отъ этой послѣдней къ элементамъ анатоміи и химіи. Вообще, можно только рекомендовать одно — начинать въ каждой отдѣльной наукѣ съ болѣе общаго, въ которой только и могутъ получить весь свой смыслъ частности. Въ этомъ отношеніи особое значеніе должно принадлежать основнымъ вопросамъ философіи, какъ наиболѣе общей науки, охватывающей собою и міръ природы, и міръ человѣка.

Общая энциклопедическая программа, которую пришлось составить изъ частныхъ программъ, принадлежащихъ разнымъ авторамъ, конечно, не можетъ отличаться совершенною стройностью. Тѣмъ не менѣе, соединяя эти отдѣльныя части въ одно цѣлое, необходимо было держаться,—насколько это было возможно, не передѣлывая отдѣльныхъ программъ,—нѣкотораго общаго порядка. Въ виду того, что философія охватываетъ собою важнѣйшія проблеммы бытія и мышленія, она и поставлена въ самомъ началѣ программы. Въ дальнѣйшемъ—съ нѣкоторыми только отступленіями—сохраняется порядокъ знаменитой классификаціи наукъ Огюста Конта. Извѣстно, что этотъ философъ расположилъ основныя науки по степени убывающей общности и возрастающей сложности тѣхъ явленій, коими занимаются эти науки. Первою въ ряду наукъ онъ поставилъ математику, изслѣдующую наиболѣе общія условія пространственнаго и количественнаго существованія предметовъ. Въ нашей программѣ математика отсутствуетъ, такъ какъ принято, что средне-учебнаго курса этой науки совершенно достаточно для цѣлей общаго образованія. За математикою у Конта слѣдуютъ небесная механика, физика и химія, какъ три абстрактныя науки, имѣющія своимъ предметомъ неорганизованную матерію. Намъ пришлось устранить небесную механику, какъ науку, требующую высшихъ математическихъ познаній. Что же касается до описательной астрономіи, то мы поставили ее послѣ физики и химіи и передъ геологіей на основаніи двухъ соображеній. Уже послѣ Конта въ астрономіи возникли такія части (астро-физика, спектральный анализъ), которыя предполагаютъ физическія и химическія знанія. Съ другой стороны, съ астрономіей тѣсно связаны гипотезы о происхожденіи солнечной системы, служащія, такъ сказать, необходимымъ вступленіемъ въ геологію, какъ исторію нашей планеты. Отсюда и получился нашъ рядъ наукъ о неорганической природѣ: физика, химія, астрономія и геологія. Двѣ первыя суть по терминологіи Конта науки абстрактныя, изучающія общіе законы неорганической природы, двѣ вторыя—

науки конкретныя, примѣняющія эти общіе законы къ отдѣльнымъ предметамъ, каковы въ данномъ случаѣ звѣздное небо, наша солнечная система и земной шаръ. Въ связи съ геологіей поставлена у насъ и физическая географія.

Механика, физика и химія изучаютъ въ убывающей общности и возрастающей сложности то, что на языкѣ современной науки называется силами природы и веществомъ. Въ контовскомъ ряду наукъ за химіей естественно слѣдуетъ біологія, какъ наука о тѣхъ явленіяхъ, совокупность которыхъ носитъ названіе органической жизни. Въ нашей программѣ она представлена ботаникой и зоологіей съ анатоміей и физіологіей животныхъ, причемъ изъ зоологіи выдѣлена въ особую научную дисциплину антропологія въ смыслѣ зоологіи человѣка. Въ этой программѣ обращено должное вниманіе на современное эволюціонное ученіе, представляющее исторію органической жизни на землѣ, какъ развитіе высшихъ растительныхъ и животныхъ формъ изъ низшихъ.

Въ органическихъ существахъ, какъ явленія сравнительно съ явленіями біологическими менѣе общія и болѣе сложныя, возникаютъ явленія психическія, составляющія предметъ психологіи. Одна изъ ошибокъ Ог. Конта заключалась въ томъ, что онъ считалъ психологію простымъ придаткомъ біологіи, понимая притомъ первую изъ названныхъ наукъ въ смыслѣ давно оставленной серьезными учеными френологіи. Уже Милль и Спенсеръ указали на эту ошибку Конта и отвели психологіи самостоятельное мѣсто послѣ біологіи. Въ нашей программѣ однако психологія и тѣсно связанная съ нею этика соединены съ философіей въ виду ихъ особенной близости. Къ сожалѣнію, психологія до сихъ поръ мало разрабатывала тѣ явленія психическаго взаимодѣйствія между отдѣльными индивидуумами, которыя составляютъ переходъ отъ явленій душевной жизни къ явленіямъ жизни общественной. За то въ настоящее время большіе успѣхи сдѣлала такъ называемая психофизіологія, представляющая собою переходъ отъ біологіи (физіологія) къ психологіи. Прибавимъ еще, что эволюціонная теорія примѣняется въ настоящее время и къ исторіи психической жизни на землѣ отъ первыхъ ея проявленій у низшихъ животныхъ и кончая человѣкомъ.

Наименѣе общими, но за то наиболѣе сложными представляются намъ явленія общественной жизни, извѣстныя формы которой мы уже встрѣчаемъ въ животномъ мірѣ. Контовскій рядъ наукъ замыкается поэтому абстрактной наукой объ обществѣ, которая съ легкой руки Конта носитъ названіе соціологіи. Главный предметъ соціологіи — строеніе, дѣятельность и развитіе человѣческаго общества, отвлеченно взятаго. Отдѣльныя стороны общественной жизни, называемыя государствомъ, правомъ и народнымъ хозяйствомъ, изучаютъ болѣе старыя, чѣмъ соціологія, науки, именно: политика, юриспруденція и экономика, общимъ теоріямъ которыхъ въ нашей программѣ отведено самостоятельное мѣсто рядомъ съ основными вопросами соціологіи. Современное

научное міросозерцаніе исходитъ изъ того принципа, что общественныя явленія совершаются такъ же закономѣрно, какъ и явленія, происходящія въ природѣ. Задача соціологіи заключается въ томъ, чтобы открывать законы причинности и развитія общественныхъ явленій. Это, выражаясь терминомъ Конта, есть наука абстрактная. Дѣйствительную общественную жизнь, какъ она происходила въ разныхъ странахъ, у разныхъ народовъ и въ разныя времена, изучаетъ исторія. Въ нашей программѣ она и поставлена въ концѣ, причемъ изученію главнѣйшихъ историческихъ эпохъ предпосылается ознакомленіе съ до-историческимъ бытомъ, такъ сказать связывающимъ исторію человѣчества съ исторіей предыдущихъ фазисовъ развитія жизни на землѣ. Какъ отдѣльная историческая наука, выдѣлена въ нашей программѣ исторія литературы. Сдѣлано это въ виду того, что общее образованіе достигается не только научнымъ, но и литературнымъ чтеніемъ, непосредственное же знакомство съ литературными произведеніями разныхъ народовъ и эпохъ лишь тогда можетъ достигнуть всего своего значенія, когда соединяется съ изученіемъ не только исторіи вообще, но въ частности и исторіи литературы.

Что касается до прилагаемыхъ списковъ произведеній всеобщей и русской литературы, то въ нихъ составители ограничились самымъ, по ихъ мнѣнію, необходимымъ. Конечно, въ этихъ спискахъ можно указать немало пробѣловъ, но пробѣлы могутъ быть обнаружены и въ научныхъ программахъ. Дѣло въ томъ, однако, что при всемъ стремленіи къ тому, чтобы количество необходимыхъ для самообразованія книгъ не превышало извѣстной нормы, въ результатѣ получилось такихъ книгъ немало, если даже не считать ни параллельныхъ указаній, ни указаній на книги, которыя рекомендуются для желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ тѣмъ или другимъ предметомъ. Вообще, на выполненіе всей энциклопедической программы должно потребоваться не мало времени, но и сами составители затруднились бы сказать, сколько времени на это потребовалось бы: все тутъ зависитъ отъ индивидуальности самого читателя и отъ тѣхъ жизненныхъ условій, въ какія онъ поставленъ. Имѣя въ виду, такъ сказать, средняго читателя, который въ большинствѣ случаевъ не владѣетъ въ достаточной мѣрѣ иностранными языками, составители списковъ книгъ ограничились указаніями на русскія (оригинальныя и переводныя) сочиненія.

III. Энциклопедическая программа.

1) *Философія.*

Изъ отдѣльныхъ вѣтвей, составляющихъ философію—метафизики, теоріи познанія, логики, психологіи, этики и др.—наибольшее значеніе для самообразованія имѣютъ исторія философіи и психологія. Исторія философіи, пока-

зывая возникновеніе, условія развитія и основное единство философскихъ проблемъ и системъ, непосредственно вводитъ въ философское мышленіе, значительно содѣйствуя расширенію и просвѣтителю міровоззрѣнія каждаго мыслящаго человѣка. Безъ знакомства съ исторіей философіи усвоеніе другихъ вѣтвей философіи будетъ крайне затруднительно. Психологія важна въ кругу философскихъ предметовъ тѣмъ, что она служитъ общей основой нѣкоторыхъ философскихъ дисциплинъ, каковы: эстетика, этика, логика. Безъ знакомства съ общими психологическими началами усвоеніе этихъ дисциплинъ будетъ такъ же затруднительно, какъ безъ знакомства съ исторіей философіи усвоеніе метафизики или теоріи познанія.

Сообразно съ временемъ, которое находится въ распоряженіи для чтенія произведеній историко-философскаго содержанія, и съ подготовкой, ознакомленіе съ исторіей философіи можетъ быть раздѣлено на первоначальное, болѣе краткое и элементарное, и дальнѣйшее, болѣе пространное и основательное. Для перваго знакомства съ исторіей философіи съ пользою могутъ служить: Фуллье, Исторія философіи. Переводъ Николаева. Москва, 1894 г. или A. Weber, Histoire de la philosophie européenne. Paris, 1886 г. 4 ed. (есть русскій переводъ этой книги, сдѣланный подъ редакціей проф. Козлова, 1882 г., но переводъ этотъ не вполнѣ удовлетворителенъ). Для болѣе подробнаго знакомства съ исторіей философіи и ея литературой могутъ служить: Виндельбанда, Исторія древней философіи. Спб. 1894 г. и Фалькенберга, Исторія новой философіи. Спб. 1894 г. Обѣ книги переведены подъ редакціей проф. Введенскаго.

Такъ какъ знакомство съ исторіей философіи должно содѣйствовать просвѣтлѣнію и расширенію собственнаго міровоззрѣнія, то весьма полезно общее знакомство съ исторіей философіи пополнить критическимъ разборомъ главнѣйшихъ вопросовъ и направленій историко-философской мысли и въ частности вопроса о началахъ нравственной дѣятельности человѣка. Для этой цѣли могутъ служить: Паульсена, Введеніе въ философію. Переводъ подъ редакціей Преображенскаго. Москва, 1894 г.—сочиненіе, богатое содержаніемъ и хорошо написанное, несмотря на трудность трактуемыхъ вопросовъ (введеніе о сущности и значеніи философіи общедоступно);—Вундта, Этика. Спб. 1888 г. (Отдѣлъ второй—философскія системы морали) или A. Fouillée, Critique des systèmes de morale contemporains. Paris, 2 ed. (есть русскій переводъ, не вполнѣ удовлетворительный); Цигель. Что такое нравственность?

Для ознакомленія съ психологіей могутъ служить: Снегиревъ, Психологія. 1893 г. или Гефдингъ, Очерки психологіи. 1892 г.

Первое изъ названныхъ сочиненій читается легче второго.

Обширный запасъ фактическаго психологическаго матеріала можно найти въ сочиненіи Бэна, Психологія. 2-е изд. Спб. 1887 г.—переводъ легкостью не отличается.

Сводъ экспериментальныхъ данныхъ новѣйшей физіологической психологіи

можно найти въ книжкѣ Цигена, Физіологическая психологія. Переводъ подъ редакціею Чижа. Спб. 1893 г.—изложеніе сжатое.

Общія понятія о задачахъ психологіи, ея методахъ и главныхъ элементахъ можно почерпнуть въ книгѣ Льюиса, Изученіе психологіи. Ея предметъ, область и методъ. Переводъ подъ редакціей Боборыкина. Москва, 1880.

2) Физика.

Для ознакомленія съ общими воззрѣніями современной физики, можно рекомендовать:

Тиндаль. Статьи и рѣчи или

Гельмгольцъ: Научныя статьи и рѣчи. Статьи Гельмгольца не всѣ переведены на русскій языкъ; отдѣльно появились статьи „О взаимодѣйствіи силъ природы", „Законъ сохраненія энергіи", „О глазѣ и зрѣніи" и переводъ перваго изданія статей. Желательно имѣть полный переводъ новаго изданія его статей; то же нужно сказать и о статьяхъ Тиндаля.

Гольдгаммеръ: Наши свѣдѣнія объ эфирѣ. (Записки Казанскаго Универс. за 1891 г.).

Вальфуръ Стюартъ: Сохраненіе энергіи.

Фикъ: Силы природы въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

По отдѣльнымъ частямъ физики можно рекомендовать курсы:

Тиндаль. Теплота, какъ видъ движенія.

Тиндаль. Звукъ.

Столѣтовъ: Введеніе въ акустику и оптику. За отсутствіемъ эквивалентныхъ курсовъ по другимъ частямъ физики, для пополненія свѣдѣній можно рекомендовать:

Курсъ физики для среднихъ учебныхъ заведеній Краевича, посмертное (12-ое) изданіе 1894 г. подъ редакціей Ефимова или Начальную физику Любимова (хотя и устарѣлую, но важную по свѣдѣніямъ изъ исторіи физики) и статьи по отдѣльнымъ вопросамъ:

Воргманъ. Магнитный потокъ и его дѣйствіе.

Гертцъ. Объ отношеніи между свѣтомъ и электричествомъ.

Бойсъ. Мыльные пузыри.

3) Химія.

Составить программу систематическаго чтенія, съ цѣлью самообразованія по химіи, представляется весьма труднымъ. Подобно большинству естественныхъ наукъ, химія не входитъ въ кругъ предметовъ гимназическаго преподаванія, и потому при составленіи програмы, нужно имѣть въ виду лицъ, для которыхъ неизвѣстны первыя основанія науки. Приходится начинать чтеніе съ ознакомленія съ необходимѣйшими фактами, изъ которыхъ выведены законы химіи, какъ науки о составѣ, свойствахъ и превращеніяхъ вещества.

Для перваго чтенія по химіи, указываемъ на нѣсколько лекцій А. М. Бутлерова, изданныхъ подъ заглавіемъ: *Начальныя основанія химіи.*

Указавъ на это первое сочиненіе, считаемъ необходимымъ сдѣлать оговорку. Для изученія химіи, нужно ознакомиться съ характерными особенностями химическаго явленія, съ методой, употребительной вообще въ естествознаніи для изученія явленій природы, и въ частности съ экспериментальными пріемами и приборами, которые для этой цѣли примѣняетъ химія. Неподготовленный гимназіей, читатель едва-ли правильно будетъ понимать книжное изложеніе химическихъ истинъ; не видавъ химическихъ приборовъ, нельзя себѣ ихъ правильно представить, равно какъ теченіе опыта. Поэтому, желающему ознакомиться съ химіей, считаемъ нужнымъ указать, что весьма цѣлесообразно сначала прослушать экспериментальный курсъ введенія въ изученіе химіи, въ размѣрѣ 10—12 лекцій и въ томъ объемѣ, который примѣрно покрываетъ собою указанное выше сочиненіе Бутлерова.

Подготовивъ себя указаннымъ способомъ, можно приступить къ чтенію элементарныхъ учебниковъ для восполненія наиважнѣйшихъ основныхъ химическихъ фактовъ. Рекомендуемъ прочесть Вюрца *Элементарный курсъ новой химіи* или же А. Потылицына *Начальный учебникъ химіи.* Къ сожалѣнію, этотъ учебникъ составленъ по программѣ химіи въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, а потому имѣетъ въ виду не исключительно общеобразовательныя цѣли.

По прочтеніи одного изъ указанныхъ руководствъ рекомендуемъ прочесть *Краткій учебникъ химіи Роско,* въ которомъ органическая химія изложена въ нѣсколько большемъ объемѣ, чѣмъ въ предшествующихъ сочиненіяхъ. Учебникъ Роско выдержалъ нѣсколько изданій на русскомъ языкѣ. Они уступаютъ однако послѣднимъ англійскимъ изданіямъ, а въ особенности послѣднему нѣмецкому изданію, редактированному професоромъ Классеномъ.

Русская химическая литература въ *Основахъ химіи* Д. Менделѣева, обладаетъ сочиненіемъ, равнымъ которому нѣтъ у другихъ народовъ. Это сочиненіе наиболѣе глубоко захватываетъ и наиболѣе сильно освѣщаетъ всѣ вопросы философіи химіи. Чтеніе его весьма трудно для начинающаго; тѣмъ не менѣе чтеніе этого сочиненія мы поставили бы цѣлью желающимъ ознакомиться съ химіей: оно доставитъ имъ высокое наслажденіе и окажетъ значительное вліяніе на расширеніе умственнаго кругозора.

4) Астрономія.

Локаеръ, Почему таковъ составъ земли? Три лекціи, помѣщенныя въ книжкѣ „Общедоступный Космосъ".

Локаеръ, Астрономія. Изъ серіи первоначальныхъ учебниковъ.

Клейнъ, Астрономическіе вечера.

Предтеченскій, Звѣздный міръ.

Изложеніе гипотезы Лапласа объ образованіи солнечной системы у Реклю „Земля". Выпускъ 1-й.

5) *Исторія земли (геологія).*

Изученію геологіи должно предшествовать знакомство съ физической географіей. Для этого рекомендуется А. Гейки, Физическая географія (изъ серіи первоначальныхъ учебниковъ).

Изложеніе общихъ геологическихъ фактовъ и выводовъ можно найти въ слѣдующихъ сочиненіяхъ:

А. Карпинскій, Очеркъ физико-географическихъ условій европейской Россіи въ минувшіе геологическіе періоды. Приложеніе къ LV тому Записокъ Академіи Наукъ, 1887, № 8.

А. Гейки, Геологія (изъ серіи первоначальныхъ учебниковъ).

Д. Пэджъ, Философія геологіи.

П. А. Ососковъ, Жигули и известнякъ, которымъ мостятъ улицы Самары.—Самара, 1893.

Уильямсонъ, Послѣдовательность жизни на землѣ. Помѣщено въ книгѣ подъ общимъ заглавіемъ: „Общедоступный Космосъ". Спб. 1878.

Котта, Геологія настоящаго времени. Спб. 1874.

Соколовъ, Прошлое и настоящее земли. Спб. 1890.

Послѣднія шесть книгъ могутъ быть замѣнены одною: Агаѳоновъ. Прошедшее и настоящее земли.

Въ видахъ общаго образованія не представляется необходимымъ изучать всѣ геологическіе періоды, которые прежде назывались *формаціями*, а теперь обыкновенно называются *системами*. Достаточно знать названія этихъ системъ и ихъ историческую послѣдовательность. Перечисленіе этихъ системъ можно найти въ какомъ-нибудь изъ слѣдующихъ руководствъ по геологіи: Карла Фохта, Лайелля, Иностранцева и въ Физической геологіи Мушкетова. Можно ограничиться изученіемъ только двухъ характерныхъ системъ, каменноугольной и мѣловой по какому нибудь изъ указанныхъ руководствъ. См. также Гексли, Образованіе каменнаго угля, въ „Природѣ", 1874, 2 кн. Его же, исторія мѣла въ „Мірѣ Божіемъ", 1893, № 12. Наконецъ, необходимо изучить такъ называемый въ геологіи *ледниковый періодъ* и познакомиться съ геологическою дѣятельностью ледниковъ. Руководствомъ могутъ служить, кромѣ названныхъ выше учебниковъ геологіи, еще слѣдующія сочиненія:

Гельмгольцъ, Популярныя и научныя статьи (статья „Ледъ и ледники").

Тиндаль, Тепло и холодъ (популярныя лекціи; лекція третья).

Вмѣсто обѣихъ этихъ книгъ, можно ограничиться одною:

М. А. Антоновичъ, Ледниковая гипотеза и ледниковыя явленія въ Финляндіи и Повѣнецкомъ уѣздѣ. Двѣ статьи въ Горномъ Журналѣ 1878, февраль и мартъ.

6) *Ботаника и зоологія.*

Общимъ введеніемъ къ нимъ можетъ служить книга:

Клодъ Бернаръ, Жизненныя явленія, общія животнымъ и растеніямъ, Спб. 1878.

Ботаника.

Тимирязевъ, Жизнь растенія. 3-е изданіе.

Бородинъ, Краткій учебникъ ботаники. 3-е изданіе.

Ауэрсвальдъ и Россмеслеръ, Ботаническія бесѣды (рекомендуется въ видѣ дополненія).

Зоологія.

Мензбиръ, Введеніе въ изученіе зоологіи или

Гётте, Зоологія—наука о животныхъ.

Прейеръ, Элементы общей физіологіи.

Гердъ. Учебникъ зоологіи (дополнительное чтеніе).

Для изученія вопроса о происхожденіи видовъ слѣдуетъ прочитать:

Тимирязевъ, Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. 3-е изданіе. Москва. 1894.

7) *Анатомія и физіологія животныхъ.*

Предполагаемая программа чтенія для самостоятельнаго первоначальнаго ознакомленія съ анатоміею и физіологіею животныхъ совершенно исключаетъ особыя, хотя бы и элементарныя, руководства по анатоміи, какъ книги, всегда заключающія въ себѣ массу неинтересныхъ да и ненужныхъ для читателя неспеціалиста подробностей. Анатомическія свѣдѣнія въ нужной мѣрѣ сообщаются отдѣльными частями при соотвѣтствующихъ отдѣлахъ физіологіи въ ниже рекомендуемыхъ книгахъ.—Затѣмъ программа ограничивается болѣе или менѣе цѣльными руководствами по физіологіи, оставляя въ сторонѣ какъ отдѣльныя статьи, такъ и цѣлыя книжки по различнымъ вопросамъ и отдѣламъ физіологіи, такъ какъ прежде всего идетъ дѣло о полученіи общаго представленія о строеніи и дѣятельности животнаго тѣла.

На этихъ основаніяхъ рекомендуются слѣдующія книги:

1) Лекціи зоологіи проф. Поля Бера. Анатомія и физіологія. Переводъ съ французскаго. 1891.

2) Физіологическія письма Карла Фогта. Переводъ съ нѣмецкаго. 1863.

3) Физіологія растительныхъ процессовъ проф. И. Сѣченова. Публичныя лекціи, напечатанныя въ „Вѣстникѣ Европы“, за 1870 г. и затѣмъ вышедшія отдѣльной книжкой.

4) Очерки анатоміи и физіологіи человѣка проф. Э. Брандта. Публичныя лекціи, 1873.

5) Уроки элементарной физіологіи Т. Гексли. Переводъ съ англійскаго. 1868.

6) Элементарный учебникъ анатоміи и физіологіи человѣка проф. М. Дюваля и П. Константена. Переводъ съ французскаго. 1893.

7) Физіологія обыденной жизни Г. Льюиса. Переводъ съ англійскаго. 1867.

Всѣ перечисленныя книги написаны свѣдущими и талантливыми людьми, но все же между ними могутъ быть установлены извѣстныя различія.

Наиболѣе приспособлены для самостоятельнаго чтенія первыя три книги нашего списка. Книги строго ограничиваются кругомъ доступныхъ читателю общихъ свѣдѣній; исключены всѣ лишнія подробности, изложеніе богато удачными, весьма облегчающими пониманіе, сравненіями; рѣчи большею частію придана оживленная, возбуждающая бодрость читателя форма.—По полнотѣ и современности выдвигается книга Поля Вера. Публичныя лекціи проф. Сѣченова, къ сожалѣнію, составляютъ только половину физіологіи.

Очерки проф. Брандта, хотя представляютъ собою публичныя лекціи, написаны довольно сухо и безъ пропорціональности въ отдѣльныхъ главахъ; кое-что очень сжато, другое занимаетъ большее, чѣмъ слѣдуетъ мѣсто.

Книга проф. Гексли носитъ на себѣ характеръ учебника, мало озабоченнаго поддержаніемъ энергіи и интереса въ читателѣ посредствомъ формы изложенія. Къ сожалѣнію, и переводъ нельзя похвалить.

Книга проф. Дюваля и Константена есть чистый учебникъ, но отличный. Читателю-неспеціалисту не только можно, но и должно мелкій шрифтъ выпускать, чтобы не запутаться въ подробностяхъ и спорныхъ теоретическихъ соображеніяхъ.

Книга Льюиса занимаетъ особенное мѣсто, будучи вполнѣ оригинальной. Это, конечно,—общедоступная, популярная книга. Авторъ предполагаетъ предъ собою совершенно незнакомаго съ физіологіею читателя и потому все начинаетъ съ начала. Кромѣ того, онъ постоянно дѣлаетъ экскурсіи въ жизнь, приводя научныя данныя въ связь съ явленіями обыденной жизни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторъ посвящаетъ читателя въ исторію важнѣйшихъ открытій физіологіи и даже ведетъ его въ свою лабораторію, гдѣ рѣшаетъ съ нимъ опытами отдѣльные вопросы, вступая въ полемику съ разными авторами-физіологами. Все это дѣлаетъ трудъ Льюиса въ высшей степени занимательнымъ. Нельзя не рекомендовать такую книгу, хотя было бы лучше передъ нею прочитать что-нибудь изъ вышеперечисленныхъ книгъ.

8) *Антропологія* (*зоологическая*).

Дарвинъ, Происхожденіе человѣка. Переводъ Сѣченова. Изъ первой части первыя *семь* главъ, а изъ второй послѣднія *три* главы, XIX, XX, XXI.

Гексли, О положеніи человѣка въ ряду органическихъ существъ.—Эта книга состоитъ изъ трехъ статей; существенна только вторая статья: „Объ отношеніи человѣка къ низшимъ животнымъ".

Изъ Антропологіи Топинара двѣ статьи, о расахъ и объ измѣреніяхъ черепа. Русскій переводъ вполнѣ неудовлетворителенъ и потому лучше читать это сочиненіе во французскомъ подлинникѣ.

Статья Мечникова. Очеркъ воззрѣній на человѣка и природу, „Вѣстникъ Европы", 1877 г. № 4.

Роменсъ, Эволюція ума (англійское сочиненіе; желателенъ русскій переводъ).

Роменсъ, Объ умѣ животныхъ.

9) *Соціологія.*

Такъ какъ соціологія представляетъ изъ себя науку, весьма далекую отъ того, чтобы можно было указать на какой-либо общій, полный и систематическій ея курсъ, то въ своей программѣ мы ограничиваемся лишь указаніемъ на нѣкоторые основные вопросы этой науки, относя въ то же время многое изъ этой области къ спеціальнымъ общественнымъ наукамъ, каковыми являются политическая экономія, юриспруденція и государственное право. Въ связь съ соціологіей мы ставимъ и теорію исторіи (по другой терминологіи философію исторіи), которая должна быть не чѣмъ инымъ, какъ общимъ ученіемъ о развитіи общества и объ исторической дѣятельности его членовъ.

1) Соціологія, какъ наука, изучающая законы, коими управляются общественныя явленія.

2) Научный и этическій элементъ соціологіи.

3) Отношеніе соціологіи къ біологіи и психологіи (дарвинизмъ въ соціологіи, органическая теорія общества, коллективная психологія).

4) Отношеніе соціологіи къ другимъ общественнымъ наукамъ (въ частности вопросъ объ экономическомъ матеріализмѣ).

5) Зависимость исторіи отъ природныхъ условій.

6) Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи.

7) Что такое прогрессъ?

1) Г. Г. Льюисъ и Д. С. Милль. Огюстъ Контъ и положительная философія (вторая часть соч. Льюиса).

Д. С. Милль. Система логики (т. II, кн. 6. Логика нравственныхъ наукъ).

Г. Спенсеръ. Объ изученіи соціологіи.

Н. Карѣевъ. Основные вопросы философіи исторіи (т. II, кн. III, гл. 1).

Эспинасъ. Соціальная жизнь животныхъ (вступленіе).

2) Н. Карѣевъ. Историко-философскіе и соціологическіе этюды (статьи „О субъективизмѣ въ соціологіи" и „Философія, исторія и теорія прогресса") или

Его же. Основные вопросы философіи исторіи, т. I, кн. II, гл. 1, 4 и 5.

3) Н. Михайловскій. Дарвинизмъ въ соціологіи и Общество, недѣлимое и организмъ (въ „Сочиненіяхъ").

С. Южаковъ. Соціологическіе этюды.

Н. Карѣевъ. Общество и организмъ (въ Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ).

Его же. Основные вопросы философіи исторіи (т. II, кн. III, гл. 3).

Г. Спенсеръ. Основы соціологіи.

4) Льюисъ и Милль. Огюстъ Контъ (мѣсто о классификаціи наукъ).

Н. Карѣевъ. Основные вопросы философіи исторіи (т. II, кн. III, гл. 2).

Его же. Экономическій матеріализмъ въ исторіи (въ Ист.-фил. и соц. этюдахъ).

5) Бокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи (часть I, глава 2).

Н. Карѣевъ. Основные вопросы (т. II, кн. III, гл. 4).

6) *Тамъ же*, т. II, кн. IV, гл. 1.

Н. Михайловскій. Герои и толпа (въ „Сочиненіяхъ").

Н. Карѣевъ. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи.

П. Николаевъ. Активный прогрессъ.

7) Н. Карѣевъ. Идея прогресса въ ея историческомъ развитіи (въ Ист.-фил. и соц. этюдахъ).

Н. Михайловскій. Что такое прогрессъ? (въ „Сочиненіяхъ"; ср. статью „Формула прогресса г. Михайловскаго" въ От. Зап. за 1870 г.).

Н. Карѣевъ. Основные вопросы философіи исторіи (т. II, кн. IV, гл. II и III).

10) Юриспруденція и государствовѣдѣніе.

Изъ всѣхъ юридическихъ наукъ въ энциклопедической программѣ мы даемъ мѣсто только двумъ. Первая изъ нихъ представляетъ изъ себя то, что среди предметовъ юридическаго факультета нашихъ университетовъ называется энциклопедіей права: въ настоящее время у лучшихъ представителей этой каѳедры энциклопедія права все болѣе и болѣе превращается въ общую теорію права (подобно тому, какъ политическая экономія есть общая теорія народнаго хозяйства). Другою юридическою наукою въ программѣ нашей является такъ называемое государственное право въ смыслѣ, во-первыхъ, общей теоріи государства, а во-вторыхъ, научнаго описанія и анализа современнаго государственнаго устройства наиболѣе важныхъ зап.-европейскихъ державъ, равно какъ и государственнаго устройства Россіи.

1) Общая теорія права и юридическія науки.

Что такое право?

Отношеніе права къ народному хозяйству и государству.

Основные вопросы общей теоріи права.

2) Общая теорія государства.

Русское государственное право.

Западно-европейскія конституціи (съ конституціей Сѣверо-американскихъ штатовъ).

1) Н. Коркуновъ. Лекціи по общей теоріи права.

Р. Іерингъ. Цѣль въ правѣ и Борьба за право.

Ю. Гамбаровъ. Общественный интересъ въ правѣ.

2) А. Градовскій. Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ.

Его же. Русское государственное право или

Н. Коркуновъ. Сравнительный очеркъ государственнаго права иностранныхъ державъ.

Его же. Русское государственное право.

Дайси. Основы государственнаго права Англіи.

Милль. О свободѣ.

Э. Лабулэ. Государство и его предѣлы.

11) *Политическая экономія.*

1) Ап. Карелинъ. Краткое изложеніе политической экономіи. Спб. 1894 или Н. Карышевъ. Экономическія бесѣды. Изд. 3-е. М. 1893.

2) А. И. Чупровъ. Политическая экономія. М. 1892 или (въ случаѣ невозможности достать эту книгу)

А. А. Исаевъ. Начала политической экономіи. Изд. 2-е. Спб. 1895.

3) Изъ курса И. И. Иванюкова. Политическая экономія. М. 1895—
—глава: IV „Мелкое и крупное производства",
V „Общинное землевладѣніе"
VI „Семейная форма производства" и
VII „Капиталистическая форма хозяйственныхъ предпріятій".

4) Н. И. Зиберъ—Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ. Спб. 1885. Стр. 76—108, 153—275, 325—440, 473—598.

5) А. И. Чупровъ. Исторія политической экономіи. М. 1892.

6) Ап. Карелинъ. Общинное землевладѣніе въ Россіи, Спб. 1893.

7) А. Ланге. Рабочій вопросъ. Спб. 1892.

8) Николай—онъ. Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. Спб. 1893.

Занятія по политической экономіи рекомендуется начать съ чтенія краткаго учебника, схематически излагающаго систематику предмета и содержаніе каждаго его отдѣла. Для такого подготовительнаго чтенія пригодны курсъ г. Карелина и книжка г. Карышева. Въ первомъ изъ нихъ обращаютъ на себя преимущественное вниманіе прикладныя части, знакомящія попутно съ многими интересными фактами хозяйственной жизни Россіи; во второй имѣется вопрос-

никъ, могущій служить важнымъ подспорьемъ начинающему для усвоенія предмета. Лучше всего — соединить оба учебника, пополняя теоретическія главы г. Карышева прикладными частями работы г. Карелина.

Послѣ этого вступительнаго знакомства съ предметомъ является возможнымъ приступить къ болѣе подробному изученію политической экономіи по курсу г. Чупрова. Сжатость изложенія, строго выдержанная система и ясность языка выдвигаютъ этотъ курсъ изъ среди другихъ, почему онъ предпочтительно и рекомендуется, какъ необходимое пособіе. Но такъ какъ названной книги въ настоящее время въ продажѣ болѣе не имѣется, то (до появленія новаго ея изданія) для лицъ, которымъ не удается ею воспользоваться, предлагается курсъ г. Исаева. Если бы объемъ этой книги оказался слишкомъ великъ сообразно времени, которое изучающій могъ бы употребить на теоретическую экономію, то можно бы рекомендовать ограничиться въ этомъ мѣстѣ программы однѣми теоретическими главами названной работы, оставляя прикладныя до болѣе подробнаго знакомства съ экономической литературой.— Далѣе, какимъ-бы курсомъ ни пришлось воспользоваться—г. Чупрова, или г. Исаева—во всякомъ случаѣ представляется полезнымъ дополнить предшествующее чтеніе указанными четырьмя главами учебника г. Иванюкова, въ которыхъ изложено подробное ученіе о двухъ капитальныхъ вопросахъ политической экономіи—о формахъ производства и объ общинномъ землевладѣніи. Наконецъ, такое изученіе теоріи предмета должно бы быть совершено еще болѣе подробнымъ изложеніемъ работъ двухъ величайшихъ представителей трудовой теоріи въ ихъ преемственной связи,—изложеніемъ, сдѣланнымъ весьма талантливо въ указанной книжкѣ Зибера.

Далѣе, желательно, чтобы изучающій политическую экономію, кромѣ современнаго состоянія науки, ознакомился съ постепеннымъ развитіемъ экономическихъ ученій, обусловливаемыхъ измѣняющимися условіями хозяйственнаго быта народовъ. Изученіе этого процесса помогаетъ отнестись сознательнѣе къ той ступени развитія теоріи, которая характеризуетъ переживаемую эпоху. Для сказанной цѣли рекомендуется краткій курсъ исторіи политической экономіи г. Чупрова, отличающійся тѣмъ, что ростъ экономической мысли поставленъ въ немъ во многихъ случаяхъ въ связь съ характерными фактами хозяйственной жизни нѣкоторыхъ странъ.

Сказаннымъ заключается кругъ тѣхъ руководствъ, которыя рекомендуются для первоначальнаго знакомства съ общей частью предмета. Но занятія политической экономіей не могутъ исчерпываться послѣдней и должны быть дополнены ознакомленіемъ хотя бы съ главнѣйшими прикладными ея частями. Таковыми представляются двѣ области, составляющія въ настоящее время важнѣйшіе пункты, около которыхъ сосредоточено вниманіе и теоріи экономіи, и хозяйственной политики—земельныя отношенія и рабочій вопросъ. Для ознакомленія съ крупнѣйшимъ вопросомъ первой области рекомендуется книга г. Карелина объ общинномъ землевладѣніи, изобилующая многими литературными

ссылками и систематизирующая матеріалъ, относящійся къ предмету изслѣдованія; для ознакомленія съ второй областью желательно внимательное чтеніе упомянутой книги Ланга.—Наконецъ, солидный трудъ г. Николая—она, объединяя названныя прикладныя части экономіи въ примѣненіи въ частности къ Россіи, доставитъ читателю массу высоко интересныхъ обобщеній для сознательнаго отношенія къ текущимъ процессамъ хозяйственной жизни нашей страны.

12) *Всеобщая исторія.*

Программа по всеобщей исторіи далеко не охватываетъ всѣхъ частей этого громаднаго предмета. Для общаго обозрѣнія всеобщей исторіи въ цѣломъ рекомендуется повтореніе ея по какому-либо учебнику (Виноградовъ. Учебникъ всеобщей исторіи древній міръ и средніе вѣка. Гуревичъ. Исторія Греціи и Рима въ замѣну первой части учебника Виноградова. В. Шульгинъ. Курсъ новой исторіи или болѣе подробно въ Лекціяхъ по всемірной исторіи Петрова, т. III—IV. Григоровичъ. Новѣйшая исторія). Въ предлагаемой нами программѣ выбраны лишь нѣкоторые, наиболѣе важные, вопросы и эпохи всемірной исторіи съ указаніемъ на книги, коими слѣдуетъ пользоваться для ознакомленія съ этими эпохами. Для обобщенія знаній, какія могутъ быть получены путемъ чтенія указываемыхъ книгъ, весьма полезно въ концѣ прочитать два-три сочиненія съ характеромъ историко-философскимъ (Гизо. Исторія цивилизаціи въ Европѣ. Карѣевъ. Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени. Дрэперъ. Исторія умственнаго развитія Европы). Что касается до общихъ вопросовъ теоріи исторіи, то они обозначаются въ связи съ соціологіей [1]).

1) Доисторическій быть: Липпертъ. Исторія культуры и Тэйлоръ. Антропологія.

2) Культурный и соціальный быть древняго Востока: Н. Карѣевъ. Введеніе въ курсъ исторіи древняго Востока.—Масперо. Историческія чтенія (Египетъ и Ассирія).—Ольденбергъ. Будда.

3) Общественный и государственный строй античнаго міра: Н. Карѣевъ. Введеніе въ курсъ исторіи древняго міра.—Фюстель де Куланжъ. Гражданская община античнаго міра.

4) Историческое значеніе Римской имперіи: Ешевскій. Римскій центръ и его провинціи (въ „Сочиненіяхъ").

5) Паденіе язычества и торжество христіанства: Ешевскій. Очерки христіанства и язычества (въ „Сочиненіяхъ") или М. Корелинъ. Культурный

---

[1]) Болѣе полная и подробная программа по всеобщей исторіи съ указаніями на литературу предмета появится въ свое время.

кризисъ въ Римской имперіи (въ „Рус. Мысли"; выйдетъ отдѣльной книжкой).— Буасье. Паденіе язычества.

6) Феодальное общество и государство: Н. Карѣевъ. Введеніе въ курсъ исторіи среднихъ вѣковъ.—Н. Карѣевъ. Исторія западной Европы въ новое время [1]), т. I, гл. 4—11, 13—19.—Гизо. Исторія цивилизаціи во Франціи (вторая половина: феодальная эпоха).—Фриманъ и Стебсъ. Опыты по исторіи англійской конституціи.—Брайсъ. Священная Римская имперія.

7) Средневѣковое міросозерцаніе: И. З. Е., т. I, гл. 22—26.—В. Герье (статьи въ „Вѣстн. Европы"; будутъ переизданы отдѣльно).—Г. Бызинскій Папство и Священная Римская имперія.

8) Гуманизмъ: И. З. Е., т. I, гл. 26—33.—М. Корелинъ. Гуманизмъ (статья въ IX т. Энциклопедическаго словаря Брокгауза и Ефрона).—Буркгардтъ. Культура Возрожденія въ Италіи.

9) Реформація: И. З. Е., т. I, гл. 35—39 и т. II, гл. 2—26 или Гейсеръ. Исторія реформаціи (главы I—VI) со вступительною статьею В. М. Михайловскаго (Предвѣстники и предшественники реформаціи въ XIV и XV вѣкѣ).

10) Развитіе представительной системы въ Англіи: И. З. Е., т. I, гл. 7—9; т. II, гл. 32—38, 44—46 и т. III, гл. 5—6 или А. Градовскій. Государственное право важнѣйшихъ европейскихъ державъ (т. I: часть историческая. Кн. I: развитіе англійской конституціи).—Исторія первой англ. революціи изложена и въ „Реформаціи" Гейсера (глава XIII).

11) Экономическая исторія новаго времени: Зевортъ. Исторія новаго времени (однѣ дополнительныя главы проф. И. В. Лучицкаго). См. также въ разныхъ мѣстахъ И. З. Е., гдѣ экономической исторіи отведено надлежащее мѣсто.

12) Просвѣщеніе XVIII вѣка: И. З. Е., т. II, гл. 46 и т. III, гл. 11—17 или (подробнѣе) Геттнеръ. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка, т. II, а также книги Морлея (о Вольтерѣ, о Руссо и о Дидро).—А. Шаховъ. Гете и его время.

13) Французская революція: И. З. Е., т. III, гл.2—4, 7—9, 29—42 и т. IV, гл. 2 или одна изъ популярныхъ исторій французской революціи Минье, Гейсера, Карно. Сверхъ того: И. Тэнъ. Происхожденіе современной Франціи, т. I и А. Сорель. Европа и французская революція, т. I.

14) XIX вѣкъ: И. З. Е., т. IV, гл. 5 — 27 (доведена до 1830 г. и будетъ продолжена до 1871 г.).—Файфъ. Исторія XIX вѣка или Веберъ. Всемірная исторія, т. XIV—XV (особенно съ 1830 г.) — П. Осокинъ. Поли-

---

[1]) Университетскіе курсы, предназначенные и для самообразованія. Изъ этой книги, которая въ дальнѣйшемъ обозначается инициалами „И. З. С.", указывается здѣсь далеко не все. Отдѣльныя части И. З. Е. или замѣняются, или дополняются другими книгами.

тическія движенія въ Европѣ въ первой половинѣ нашего вѣка.—А. Шаховъ. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX в.

13) Русская Исторія.

Предлагаемая программа далеко не имѣетъ своею цѣлью охватить все содержаніе русской исторіи. Такая цѣль не соотвѣтствовала бы прежде всего общему плану коммиссіи, въ силу котораго въ первыя программы вносятся лишь наиболѣе существенные и важные вопросы изъ области каждой отдѣльной науки. Но помимо этого общаго соображенія при составленіи данной программы приходилось считаться и съ однимъ спеціальнымъ затрудненіемъ. Какъ ни богата въ настоящее время литература русской исторіи монографическими изслѣдованіями, но въ ней чрезвычайно мало трудовъ, посвященныхъ выясненію основныхъ сторонъ исторической жизни русскаго народа и въ то же время доступныхъ для публики. Содержаніе программы опредѣлилось въ виду этого не только взглядами ея составителей, но и фактической разработанностью тѣхъ или иныхъ темъ въ литературѣ.

Въ зависимости отъ указанныхъ причинъ программа намѣчаетъ три основные вопроса русской исторіи: экономическій и общественный строй Россіи, ея государственныя учрежденія и ея умственную культуру, предлагая прослѣдить развитіе этихъ сторонъ жизни въ рамкахъ главнѣйшихъ періодовъ, на которые обыкновенно дѣлится русская исторія: кіевскаго или удѣльно-вѣчевого, московскаго, петербургскаго и новѣйшаго (съ 60-хъ годовъ нашего вѣка). Къ сожалѣнію, въ нашей литературѣ не имѣется пока ни одного труда, охватывающаго эти вопросы въ одной общей картинѣ. Для лицъ, имѣющихъ возможность пользоваться общественными библіотеками, такой недостатокъ можетъ быть отчасти восполненъ нѣкоторыми изъ университетскихъ курсовъ. Такую общую картину даютъ именно курсы проф. Ключевскаго и пр.-доц. Милюкова, причемъ послѣдній изъ нихъ можетъ быть замѣненъ статьями того же автора, начавшими печататься въ нынѣшнемъ году въ журналѣ „Міръ Божій" н. з.: „Очерки русской культуры". На случай невозможности достать названные курсы указывается еще читанный В. А. Мякотинымъ въ Александровскомъ лицеѣ въ 1891—92 гг. курсъ русской исторіи, главное содержаніе котораго относится къ XVIII вѣку, но гдѣ есть и введеніе, охватывающее XVI—XVII вв. Пособіемъ для изученія вопросовъ сословнаго и государственнаго быта Россіи могутъ служить также труды по исторіи русскаго права. Отдѣлы о населеніи, верховной власти и управленіи въ книгѣ пр. Сергѣевича дадутъ читателю представленіе о развитіи сословій и государственныхъ учрежденій Россіи на всемъ протяженіи ея жизни. Для кіевскаго и московскаго періодовъ такимъ же пособіемъ въ изученіе этихъ вопросовъ могутъ служить указанныя главы книги проф. Владимірскаго-Буданова. Общественный бытъ московскаго государства, равно какъ государственныя учреж-

денія этого періода можно изучить, пользуясь книгой проф. Ключевскаго „Боярская Дума". Исторію крестьянъ въ древнѣйшій и московскій періодъ изображаетъ книга Бѣляева, нѣкоторыя поправки къ которой дадутъ указанныя ниже пособія. Характеристику умственной жизни народа въ эти періоды читатель найдетъ въ руководствѣ Знаменскаго и первой главѣ XIII тома Исторіи Россіи Соловьева. Государственныя учрежденія XVIII—XIX вѣковъ обрисованы въ отмѣченныхъ курсахъ исторіи и исторіи права. Развитіе сословныхъ отношеній въ этомъ періодѣ можно изучить, пользуясь трудами гг. Побѣдоносцева (для начала его) и Бѣляева (съ Петра В.) для знакомства съ исторіей крестьянъ и книгой проф. Романовича-Славатинскаго — для дворянства, причемъ въ послѣдней наиболѣе важны 4 первыя главы. Развитіе освободительныхъ теченій въ русскомъ обществѣ XVIII—XIX вв. представлено въ сжатомъ видѣ въ введеніи къ труду В. И. Семевскаго, и въ литографированномъ университетскомъ курсѣ того же автора, гдѣ имѣются и важныя дополненія къ картинѣ положенія крестьянства. Болѣе подробную обрисовку одного изъ наиболѣе важныхъ моментовъ этого періода, именно начала XIX столѣтія, читатель найдетъ въ книгѣ Пыпина: „Общественное движеніе", а другой трудъ того же автора дастъ ему общую картину русской литературы въ 40—50-хъ гг.

Изученіе реформъ царствованія Александра II рекомендуется начать съ книги, посвященной изображенію важнѣйшей изъ нихъ — уничтоженію крѣпостного права. Трудъ г. Иванюкова введетъ читателя въ исторію этой реформы и познакомитъ его съ общимъ характеромъ эпохи реформъ, съ настроеніемъ правительства и общества. Работы гг. Головачева и Джаншіева (послѣдняя въ указанныхъ частяхъ) могутъ сообщить знакомство съ остальными реформами. Собственно исторія умственной культуры этого періода—въ программѣ по исторіи литературы.

Главнѣйшіе вопросы русской исторіи.

Политическое устройство древней Руси въ удѣльно-вѣчевой періодъ.

Экономическій строй Россіи за этотъ періодъ.

Образованіе царской власти и органовъ центральнаго управленія въ Москвѣ.

Служилое сословіе и закрѣпощеніе крестьянъ.

Религіозная жизнь народа и появленіе раскола.

Преобразованія высшаго управленія въ XVIII и XIX вв.

Развитіе крѣпостного права и подготовка освобожденія крестьянъ.

Паденіе крѣпостного права и другія реформы имп. Александра II.

Литература:

Ключевскій. Лекціи русской исторіи (литографированныя; доведены до первой четверти XIX вѣка).

Милюковъ. Введеніе въ курсъ русской исторіи.

Мякотинъ. Лекціи по русской исторіи (печатныя, но не имѣющіяся въ продажѣ. XVI—XVIII вв.).

Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія (отдѣлы о населеніи, верховной власти и управленіи).

Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права (часть I, періодъ I и II).

Ключевскій. Боярская дума (для не имѣющихъ его лекцій).

Знаменскій. Руководство церковной исторіи.

Бѣляевъ. Крестьяне на Руси (до Уложенія и послѣ Петра В.).

Побѣдоносцевъ. Историческія изслѣдованія (изслѣдованіе о крѣпостномъ правѣ XVII—XVIII вв.).

Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XIII, гл. 1.

Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи въ XVIII в.

Пыпинъ. Общественное движеніе при Александрѣ I, изд. 2-е. Спб. 1885 (кромѣ главы 6-й: о масонскихъ ложахъ).

Пыпинъ. Характеристика литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ гг. (глава: Народность оффиціальная).

Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и XIX вв., т. I, введеніе, и литографированныя лекціи о крестьянскомъ вопросѣ.

Иванюковъ. Паденіе крѣпостного права.

Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ.

Джаншіевъ. Изъ эпохи великихъ реформъ, изд. 5-е (отд. I, гл. 1— освобожденіе крестьянъ, отд. II — отмѣна тѣлесныхъ наказаній, отд. III — университетская автономія, отд. IV — земская реформа, отд. V — цензурная реформа, отд. VI, гл. 8 — судебная реформа, отд. VII — общая воинская повинность).

Для лицъ, желающихъ пополнить и освѣжить вынесенный изъ школы запасъ фактическихъ свѣдѣній, могутъ быть указаны:

Костомаровъ. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей.

Сиповскій. Родная Старина.

Водовозовъ. Очерки русской исторіи XVIII вѣка.

14) *Исторія литературы.*

Предлагаемая общая программа по исторіи всеобщей и русской словесности имѣетъ главнымъ образомъ въ виду пополнить недочеты нашего средняго образованія въ области литературы.

Въ программу литературы иностранной вошли самыя общія руководства и нѣсколько руководящихъ статей. Главное, на что должно быть обращено

вниманіе, это — ознакомленіе съ самими памятниками словесности, списокъ которыхъ къ программѣ приложенъ.

Что касается литературы русской, то цѣль нашей программы была — восполнить наиболѣе важный пробѣлъ нашего средняго образованія, а именно отсутствіе знаній по исторіи русской мысли и поэтическаго творчества за *текущее* столѣтіе. Поэтому въ программѣ отведено древней русской словесности значительно меньшее мѣсто, чѣмъ словесности новой. Въ основаніе программы положены всѣ главныя сочиненія общаго характера по исторіи литературныхъ теченій въ Россіи въ XIX вѣкѣ, чтеніе которыхъ должно *предшествовать* ознакомленію съ самими памятниками литературы. Эти памятники подобраны также съ тою цѣлью, чтобы служить поясненіемъ главнѣйшихъ моментовъ въ исторіи русской жизни и русскаго самосознанія, начиная съ 50-хъ годовъ нашего столѣтія.

Программа по всеобщей литературѣ.

Руководства.

Греція. Коршъ. Всеобщая исторія литературы. Вторая часть перваго тома.

Римъ. Модестовъ. Исторія римской литературы.

Средніе вѣка. (Болдаковъ). Исторія французской литературы по Деможо, Обертену и др.

Веселовскій, Александръ. Данте. Вѣст. Европы. 1866.

Возрожденіе. Тэнъ. Развитіе политической и гражданской свободы въ Англіи въ связи съ развитіемъ литературы.

Женэ. Шекспиръ.

Веселовскій. Александръ Раблэ. Вѣст. Европы.

XVII вѣкъ во Франціи. Веселовскій, Алексѣй. Мольеръ (Этюды и характеристики).

XVIII вѣкъ въ Англіи. Геттнеръ. Исторія англійской литературы.

XVIII вѣкъ во Франціи. Морлей. Руссо.

Морлей. Вольтеръ.

Веселовскій, Алексѣй. Бомарше (Этюды и характеристики).

XVIII вѣкъ въ Германіи. Геттнеръ. Исторія нѣмецкой литературы. Т. III.

Чернышевскій. Лессингъ (Эстетика).

Шаховъ. Гёте и его время.

Льюисъ. Жизнь Гёте.

XIX вѣкъ въ Англіи. Тэнъ. Новѣйшая англійская литература въ ея современныхъ представителяхъ.

Брандесъ. Главныя теченія литературы XIX столѣтія. Англійская литература.

Спасовичъ. Байронъ (2-й томъ Сочиненій).

XIX вѣкъ во Франціи. Шаховъ. Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка.

Скабичевскій. Французскіе романтики. Отечеств. Записки, 1880. № 1, 2, 5, 7, 11, 12.

Брандесъ. Бальзакъ. Русская Мысль, 1886.

Памятники.

Эсхилъ. Прометей.
Софоклъ. Эдипъ царь.
Антигона.
Эврипидъ. Медея.
Аристофанъ. Облака.
Ювеналъ. Сатиры.
Данте. Адъ.
Сервантесъ. Донъ-Кихотъ.
Мольеръ. Тартюфъ.
Скупой.
Мизантропъ.
Шекспиръ. Гамлетъ.
Лиръ.
Отелло.
Макбетъ.
Ричардъ III.
Вольтеръ. Повѣсти и разсказы.
Лессингъ. Натанъ Мудрый.
Гёте. Вертеръ.
Гёцъ фонъ-Берлихингенъ.
Фаустъ (1-я часть).
Эгмонтъ.
Шиллеръ. Донъ-Карлосъ.
Вильгельмъ Телль.
Гейне. Книга пѣсенъ.
Германія.
Reisebilder.
Байронъ. Чайльдъ-Гарольдъ.
Манфредъ.
Каинъ.
Донъ-Жуанъ.
Диккенсъ. Пиквикскій клубъ.
Давидъ Копперфильдъ.
Теккерей. Ярмарка тщеславія.
Гюго. Несчастные.
1793-ій годъ.
Ж. Зандъ. Орасъ.
Мопра.
Флоріани.
Гюгеновъ.
Бальзакъ. Е. Гранде.
Флоберъ. М. Бовари.
Доде. Короли въ изгнаніи.
Руместанъ.
Зола. Жерминаль.
Шпильгагенъ. Одинъ въ полѣ не воинъ.
Мицкевичъ. Панъ Тадеушъ.
Оржешко. Надъ Нѣманомъ.
Ханъ.
Мейеръ Юзефовичъ.
Сенкевичъ. Наброски углемъ.
Болеславъ Прусъ. На форпостѣ.

Програма по Русской литературѣ.

Руководства.

Порфирьевъ. Исторія русской словесности = Галаховъ. Исторія русской словесности.

Водовозовъ. Новая русская литература.
Венгеровъ. Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ.
Добролюбовъ. Собесѣдникъ любителей русскаго слова. (Сочиненія Т. I).
Русская сатира въ вѣкъ Екатерины. (Сочиненія Т. I).
Стоюнинъ. А. С. Пушкинъ.
Бѣлинскій. Собраніе сочиненій, Т. VIII-ой.
Скабичевскій. Сорокъ лѣтъ русской критики (Сочиненія Т. I).
Чернышевскій. Очерки гоголевскаго періода.
Анненковъ. Замѣчательное десятилѣтіе (Очерки и Воспоминанія Т. III).
Пыпинъ. Историческіе очерки. Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20-хъ до 50-хъ годовъ.
Добролюбовъ. Темное царство (Сочиненія Т. III).
Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ (Сочиненія Т. III).
Когда же придетъ настоящій день (Сочиненія Т. III).
Что такое Обломовщина (Сочиненія Т. II).
Скабичевскій. Исторія новѣйшей русской литературы.
Михайловскій. Жестокій талантъ.
Критическіе опыты. Л. Н. Толстой.
Герои безвременья.
Дашкевичъ. Отзывъ о сочиненіи г. Петрова „Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія".

Памятники.

Искандеръ. Кто виноватъ.
Раздумье.
Сорока-Воровка.
Аксаковъ, С. Семейная хроника.
Дѣтскіе годы Багрова внука.
Тургеневъ. Записки охотника.
Рудинъ.
Дворянское гнѣздо.
Отцы и Дѣти.
Дымъ.
Новь.
Стихотворенія въ прозѣ.
Григоровичъ. Антонъ Горемыка.
Переселенцы.
Достоевскій. Село Степанчиково.
Неточка Незванова.
Записки изъ Мертваго дома.
Преступленіе и наказаніе.
Писемскій. Горькая судьбина.
Тысяча душъ.
Островскій. Свои люди—сочтемся.
Бѣдность не порокъ.
Бѣдная невѣста.
Тяжелые дни.
Лѣсъ.
Волки и овцы.
Толстой. Дѣтство и Отрочество.
Поликушка.
Севастополь.
Война и миръ.
Анна Каренина.
Смерть Ивана Ильича.
Власть тьмы.
Хозяинъ и работникъ.
Салтыковъ. Губернскіе очерки.

История одного города.
Господа Головлевы.
Помпадуры и Помпадурши.
Письма къ тетенькѣ.
Современная Идиллія.
Ташкентцы.
Мелочи жизни.
Пошехонская старина.
Помяловскій. Очерки бурсы.
Мѣщанское счастіе.
Молотовъ.
Слѣпцовъ. Трудное время.
Рѣшетниковъ. Подлиповцы.
Свой хлѣбъ.
Златовратскій. Устои.
Печерскій. Въ лѣсахъ.
Крестовскій (псевдонимъ). Первая борьба.
Альбомъ.
Михайловъ. Жизнь Шупова, его родныхъ и знакомыхъ.
Успенскій Глѣбъ. Нравы Растеряевой улицы.
Разореніе.
Власть земли.
Больная совѣсть.
Скучающая публика.

Дохнуть некогда.
Нужда пѣсенки поетъ.
Боборыкинъ. Поумнѣлъ.
На ущербѣ.
Станюковичъ. Морскіе разсказы.
Гаршинъ. 3 книжки разсказовъ.
Короленко. Очерки и разсказы.
Маминъ-Сибирякъ. Уральскіе разсказы.
Чеховъ. Бабье царство.
Скучная исторія.
Палата № 6.
Майковъ. Антологія.
Два міра.
Три смерти.
Полонскій. Стихотворенія 1841—1855 г.
Толстой А. Донъ Жуанъ.
Драматическая Трилогія.
Никитинъ. Стихотворенія.
Плещеевъ. Стихотворенія.
Некрасовъ. Стихотворенія.
Надсонъ. Стихотворенія.
Кулишъ. Черна Рада.
Марко-Вовчокъ. Оповіданія.
Шевченко. Кобзарь.

IV. Спеціальныя програмы.

А. Русская исторія.

При составленіи програмы чтеній по русской исторіи мы имѣли въ виду указать главныя пособія для ознакомленія съ важнѣйшими сторонами нашей прошлой жизни, но только пособія, доступныя по своему содержанію для читателя неспеціалиста. Поэтому мы заранѣе отклоняемъ общій упрекъ въ неполнотѣ нашихъ библіографическихъ указаній (хотя, конечно, отдѣльныя упущенія возможны): какъ и составители програмъ по другимъ наукамъ, мы стремились не къ тому, чтобы обременить читателя множествомъ книгъ и статей, а желали, наоборотъ, обратить его вниманіе лишь на наиболѣе важные труды по перечисленнымъ въ програмѣ вопросамъ.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ общихъ обзоровъ русской исторіи, написанныхъ популярно и въ то же время научно. Въ энциклопедической програмѣ были указаны лекціи проф. Ключевскаго, излагающія внутреннюю исторію Россіи въ порядкѣ хронологическомъ, лекціи проф. Милюкова „Введеніе въ курсъ русской исторіи", читанныя на московскихъ педагогическихъ курсахъ въ 1892—94 гг. и представляющія, такъ сказать, продольные разрѣзы нашего прошлаго, т.-е. обозрѣніе главнѣйшихъ вопросовъ русской исторіи въ порядкѣ систематическомъ (несмотря на сжатость изложенія, эти талантливыя лекціи нельзя не признать большимъ шагомъ впередъ въ дѣлѣ научнаго преподаванія русской исторіи) и лекціи В. А. Мякотина (XVI—XVIII в.), но, къ сожалѣнію, всѣ эти курсы въ продажѣ не находятся и слѣдовательно могутъ быть доступны развѣ посѣтителямъ публичныхъ библіотекъ Петербурга и Москвы [1]). Отсутствіе общедоступныхъ обзоровъ русской исторіи отчасти восполняется хорошими руководствами по исторіи права и церкви, указанными и въ энциклопедической програмѣ, и въ нижеслѣдующей отдѣльной програмѣ по русской исторіи. Но тѣмъ не менѣе является, конечно, необходимость въ ознакомленіи съ монографіями, перечисленными подъ соотвѣтственными рубриками.

Число указанныхъ въ програмѣ вопросовъ могло бы быть нѣсколько увеличено, если бы въ нашей научной литературѣ можно было указать доступныя для неспеціалиста книги или статьи относительно нѣкоторыхъ явленій прошлой жизни Россіи. Такъ, напримѣръ, мы не внесли въ програму вопроса о ростѣ населенія, такъ какъ не можемъ указать ничего вполнѣ доступнаго, кромѣ соотвѣтственнаго очерка П. Н. Милюкова. Нѣтъ также въ програмѣ вопроса о государственныхъ финансахъ, такъ какъ по опыту убѣдились, что почтенные труды по этому предмету такихъ ученыхъ, какъ гг. Лаппо-Данилевскій [2]) и Милюковъ [3]), не осиливаются неспеціалистами [4]). Нѣтъ у насъ также особаго вопроса по исторіи школьнаго образованія въ Россіи, такъ какъ, при всемъ обиліи монографій по исторіи отдѣльныхъ учебныхъ заведеній (среднихъ и высшихъ), мы, за исключеніемъ указанной у насъ книги Владимірскаго-Буданова, не имѣемъ обобщающихъ по этому предмету сочиненій [5]). Затѣмъ библіографическія указанія по названнымъ

---

[1]) Впрочемъ лекціи П. Н. Милюкова начали печататься въ переработанномъ видѣ подъ заглавіемъ: „Очерки изъ исторіи русской культуры" въ журналѣ „Міръ Божій", 1895 г.

[2]) „Организація прямого обложенія въ Московскомъ государствѣ".

[3]) „Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства" и „Государственное хозяйство Россіи первой четверти XVIII ст. и реформа Петра Великаго". Спб. 1892 г.

[4]) По исторіи государственныхъ долговъ Росссіи можно указать книгу г. Вржескаго. Спб. 1884 г.

[5]) Для исторіи народнаго образованія укажемъ еще статью того же автора въ „Жур. Мин. Н. Пр.," 1873 г., №№ 10 и 11, 1874 г. №№ 4, 5.

въ программѣ вопросамъ могли бы быть, конечно, увеличены, но, повторяемъ, мы считаемъ это обременительнымъ для неспеціалистовъ, желающихъ ознакомиться лишь съ главнѣйшими вопросами русской исторіи. Что же касается болѣе подробныхъ указаній по нѣкоторымъ отдѣльнымъ вопросамъ, наиболѣе интересующимъ читателей, то они будутъ со временемъ даны въ особыхъ еще болѣе спеціальныхъ программахъ по этимъ вопросамъ.

1. Удѣльно-вѣчевая Русь. Новгородъ и Псковъ.

Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія (отдѣлъ о вѣчѣ и князѣ).

Владимірскій-Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права, изд. 2-е (отдѣлъ о власти въ I періодѣ).

Костомаровъ. Сѣверно-русскія народоправства, т. II.

Никитскій. Очеркъ внутренней исторіи Пскова (кромѣ I главы).

2. Колонизація и промыслы населенія въ древней Руси.

Ешевскій. Статья о колонизаціи въ собраніи его сочиненій, т. 3-й.

Бестужевъ-Рюминъ. О колонизаціи великорусскаго племени въ „Журн. Мин. Нар. Просв.“ 1867 г. № 6.

Милюковъ. Очерки изъ исторіи русской культуры. „Міръ Божій“ 1895 г. № 4.

Аристовъ. Промышленность древней Руси.

3. Возвышеніе Москвы.

Костомаровъ. Начало единодержавія древней Россіи (Монографіи, т. XII или „Вѣстникъ Европы“ 1870 г. №№ 11 и 12).

4. Исторія крестьянъ до прикрѣпленія включительно.

Бѣляевъ. Крестьяне на Руси.

Ключевскій. Лекціи по древней Русской Исторіи (литограф.).

Соколовскій. Экономическій бытъ крестьянъ предъ прикрѣпленіемъ.

5. Служилое сословіе, вотчины, помѣстья и мѣстничество.

Ключевскій. Лекціи по Русской Исторіи (литограф.).

— Боярская Дума, изд. 2-е.

Сергѣевичъ. Русскія Историческія Древности, т. I.

6. Земскіе соборы.

Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія (гл. II, Отдѣлъ о верховной власти или въ „Сборникѣ Государственныхъ знаній“ т. II).

Ключевскій. Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси. „Русская Мысль“ 1890 г. № 1, 1891 г., № 1, 1892 г. № 1.

7. Крестьяне въ XVII вѣкѣ.

Бѣляевъ. Крестьяне на Руси.

Побѣдоносцевъ. Историческія изслѣдованія.

Костомаровъ. Бунтъ Стеньки Разина (Монографіи, т. II).

8. Малороссія въ XVII вѣкѣ.

Левицкій. Очеркъ внутренней исторіи Малороссіи во второй половинѣ XVII вѣка. 1875.

Антоновичъ, В. Б. Изслѣдованія о казакахъ въ Архивѣ Юго-западной Россіи, изд. Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ, ч. III, т. 1 и 2.

Мякотинъ. Прикрѣпленіе крестьянъ лѣвобережной Малороссіи. „Русское Богатство“ 1894. № 2.

9. Домашній бытъ русскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Костомаровъ. Домашній бытъ великорусскаго народа.

Жмакинъ. Митрополитъ Даніилъ (глава о русскомъ обществѣ въ XVI в.).

Иконниковъ. Русская женщина наканунѣ реформы Петра Великаго.

Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царицъ, гл. 1 и 2.

10. Западныя вліянія въ XVII вѣкѣ

Ключевскій. Лекціи по Русской Исторіи (литограф.).

Иконниковъ. Ближній бояринъ Ординъ-Нащокинъ. „Русская Старина“ 1883 г. №№ 10 и 11.

Пыпинъ. Московская старина. Поиски за европейскимъ знаніемъ „Вѣстн. Европы“ 1885 г. №3

Пыпинъ. Послѣднія времена московской Руси „Вѣст. Евр.“ 1894 г. № 10.

11. Роль церкви въ древней Руси и начало раскола.

Знаменскій. Руководство къ церковной исторіи.

Щаповъ. Русскій расколъ старообрядства.

Мякотинъ. Протопопъ Аввакумъ (въ Біографич. библіотекѣ Павленкова).

Костомаровъ. Исторія раскола у раскольниковъ. (Монографіи т. XII).

Каптеревъ. Отношенія Россіи къ Востоку въ XVI и XVII в. М. 1885.

Милюковъ. Введеніе въ курсъ русской исторіи. Лекціи, читанныя на московскихъ педагогическихъ курсахъ 1893—1894 гг., стр. 1—67.

12. Внутренній бытъ Великороссіи въ первой половинѣ XVIII вѣка.

Владимірскій-Будановъ. Государство и народное образованіе въ Россіи въ XVIII вѣкѣ. Ярославль. 1874 г.

Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи.

Побѣдоносцевъ. Историческія изслѣдованія.

Знаменскій. Приходское духовенство.

— Руководство къ церковной исторіи.

Пригара. Опытъ историческаго изслѣдованія городскихъ обывателей въ Восточной Россіи. Т. I. 1868.

13. Планы верховниковъ и дворянства въ 1730 году.

Милюковъ. Попытка государственныхъ реформъ при воцареніи императрицы Анны въ „Сборникѣ въ пользу воскресныхъ школъ“. 1894 г.

14. Расколъ съ начала XVIII вѣка.

Нильскій. Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ т. I и II.

Щаповъ. Земство и расколъ.

Харламовъ. Странники. „Русская Мысль“ 1884 г. № 5.

— Духоборцы. „Русская Мысль“ 1884 г. № 11 и 12.

Юзовъ. Русскіе диссиденты.
Костомаровъ. Молокане. Монографіи, т. XII.
Кутеповъ. Хлысты и скопцы. Казань. 1882.

15. Коммиссія для составленія Новаго Уложенія.

Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдованія (ч. II, гл. 2 въ отдѣлѣ о верховной власти) или его же статья: „Откуда неудачи Екатерининской законодательной коммиссіи“ въ „Вѣстникѣ Европы“ 1878 г., № 1.

Семевскій, В. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. I, гл. 7 и 9.

16. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во второй половинѣ XVIII в. [1])

*Семевскій. Крестьяне при Екатеринѣ II, т. 1. Спб. 1881. (Введеніе. Крестьяне крѣпостные и поссессіонные). Введеніе полнѣе въ „Русской Мысли“ 1881 г. № 2.

Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, т. I.

* — Горнозаводскіе крестьяне на Уралѣ 1760—1764. „Вѣстникъ Европы“ 1877. №№ 1—2.

*Семевскій. Казенные крестьяне при Екатеринѣ II. „Русская Старина“ 1879. №№ 1—6.

*Семевскій. Крестьяне вотчинъ духовенства во второй половинѣ XVIII в. „Русская Мысль“ 1892, №№ 9—10.

*Семевскій. Пожалованіе населенныхъ имѣній при Екатеринѣ II. „Отечественныя записки“ 1877 г. № 8.

*Семевскій. Пожалованіе населенныхъ имѣній при Павлѣ. „Русская Мысль“, 1872 г. № 12.

17. Пугачевщина.

Дубровинъ. Пугачевъ и его сообщники. Спб. 1884, 3 тома.

18. Общественный и домашній бытъ дворянства, духовенства и горожанъ во второй половинѣ XVIII вѣка.

Романовичъ-Славатинскій. Дворянство въ Россіи.
Знаменскій. Приходское духовенство.
— Руководство къ церковной исторіи.

Семевскій. Лекціи: „Исторія крестьянскаго сословія въ связи съ исторіей внутренняго быта XVIII и первой половины XIX вѣка“ (литограф.). (Главы о бытѣ дворянъ и горожанъ).

19. Малороссія и казачество въ XVIII вѣкѣ.

Мякотинъ. Прикрѣпленіе крестьянъ въ лѣвобережной Малороссіи въ XVIII вѣкѣ. „Русское Богатство“, 1894 г. №№ 2—4.

Лазаревскій. Малороссійскіе посполитые крестьяне. „Труды Черниговскаго статистическаго комитета“, т. I.

Лучицкій. Займанщина и формы землевладѣнія въ Малороссіи. „Юридическій Вѣстникъ“ 1890 г. № 3.

Эварницкій. Исторія Запорожской Сѣчи, т. I. 1892.

---

[1]) Для неимѣющихъ возможности читать всѣ отмѣченныя звѣздочкой монографіи авторъ составилъ небольшую статью, въ которой изложилъ главные выводы изъ своихъ трудовъ о бытѣ крестьянъ этого времени. Статья эта будетъ скоро напечатана.

20. Первые годы царствованія Александра I.

Пыпинъ. Общественное движеніе при Александрѣ I, изд. 2-е 1885 г.
Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I, т. I, приложенія.

21. Характеристика Сперанскаго и его дѣятельности.

Пыпинъ. Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I.
Южаковъ. М. М. Сперанскій (въ „Біографической библіотекѣ" Павленкова).

22. Аракчеевъ и военныя поселенія.

Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I, т. 5, гл. 63 и т. 6-й гл. 71.
Богдановичъ. Графъ Аракчеевъ и военныя населенія. Изд. „Русской Старины".
Богдановичъ. Бунтъ военныхъ поселянъ 1831 г. Изд. „Русс. Старины".

23. Вторая половина царствованія императора Александра I.

Пыпинъ. Общественное движеніе при Александрѣ I, изд. 2-е.
Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I, т. V, гл. 67, т. VI, гл. 78, 80 и 81.
Скабичевскій. Очерки исторіи цензуры. 1892 г.
Знаменскій. Чтенія изъ исторіи русской церкви за время царствованія императора Александра I.

24. Крестьяне и крестьянскій вопросъ въ первой половинѣ XIX вѣка.

Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ XVIII и первой половинѣ XIX в. т. I и II.
Заблоцкій-Десятовскій. Графъ Киселевъ и его время (т. II, перв. полов.).
Шашковъ. Крѣпостные крестьяне предъ освобожденіемъ. „Слово". 1881 г. № 4.
Славутинскій. Генералъ Измайловъ и его дворня. „Древняя и Новая Россія" 1876 г. №№ 9—12.
Щепотьевъ. Къ исторіи разрушенія сложныхъ формъ общиннаго землевладѣнія на сѣверѣ. „Русская Мысль". 1883, № 12.

25. Царствованіе императора Николая I.

Пыпинъ. Характеристики литературныхъ мнѣній отъ 20 до 50-хъ годовъ, изданіе 2-е.
Скабичевскій. Сочиненія т. 1. („Сорокъ лѣтъ русской критики" и „Три человѣка 40-хъ гг.").
Скабичевскій. Очерки исторіи русской цензуры. 1892 г.
Анненковъ. Замѣчательное десятилѣтіе (1838—1848) въ собраніи сочиненій Анненкова, отд. III или въ „Вѣстникѣ Европы" 1880 г. №№ 1—5.
Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка. 2 тома.
Станкевичъ. Т. Н. Грановскій.

26. Освобожденіе крестьянъ при Александрѣ II и другія реформы шестидесятыхъ годовъ.

Иванюковъ. Паденіе крѣпостного права.
Головачевъ. Десять лѣтъ реформъ.

Окалонъ. Земскіе вопросы. 1892 г.
Ходскій. Земля и земледѣлецъ, т. II.
Скабичевскій. Очерки исторіи русской цензуры.
Семевскій. Крѣпостное право и крестьянскій вопросъ въ произведеніяхъ Салтыкова. „Сборникъ Правовѣд. и Общественныхъ знаній“. 1893 т. I.

В. Политическая экономія.

Спеціальная програма по политической экономіи имѣетъ цѣлью дать читателю возможность, съ одной стороны, изучить теорію науки, а съ другой — прослѣдить историческое развитіе и современное положеніе главнѣйшихъ основъ хозяйственнаго быта народовъ. Въ зависимости отъ этихъ двухъ задачъ програма дѣлится на три большіе отдѣла. Первый ограничивается методологіей и основными теоретическими сочиненіями, представляя собой какъ-бы догматическую часть предмета; второй—составленъ изъ сочиненій и изслѣдованій, очерчивающихъ: а) исторію и развитіе экономическихъ ученій и б) исторію хозяйственной жизни въ ея существеннѣйшихъ проявленіяхъ; наконецъ, третій отдѣлъ, составляютъ изслѣдованія, знакомящія спеціально съ народно-хозяйственнымъ строемъ Россіи.

Первый теоретическій отдѣлъ начинается трактатомъ по методологіи политической экономіи, чтеніе котораго должно предшествовать изученію предмета по существу. Книга Менгера полнѣе работы г. Левитскаго, но написана менѣе доступно, чѣмъ послѣдняя.

Теоретическій курсъ науки открывается чтеніемъ книги г. Чупрова, которая знакомитъ читателя съ ея системой и сжато сообщаетъ ея матеріалъ на современной ступени ея развитія. Въ виду того, что книги этой въ продажѣ уже не имѣется, до появленія второго ея изданія для лицъ, не имѣющихъ возможности ею воспользоваться, рекомендуется взамѣнъ трудъ г. Исаева.— Послѣ такого предварительнаго ознакомленія съ системой экономіи во всей ея полнотѣ можно приступить къ чтенію авторовъ. На первомъ мѣстѣ должны стоять сочиненія Рикардо, для лучшаго усвоенія которыхъ, рекомендуется воспользоваться вопросникомъ, помѣщеннымъ въ изданіи Московской коммиссіи по организаціи домашняго чтенія [1]).— Затѣмъ слѣдуетъ курсъ Д. С. Милля, этого величайшаго систематизатора школы Ад. Смита, сочиненія Маркса и Родбертуса. Названныхъ сочиненій можно считать достаточнымъ для основательнаго знакомства съ современнымъ развитіемъ основныхъ чертъ теоретической экономіи.

Второй отдѣлъ програмы начинается исторіей экономическихъ ученій. Учебникъ г. Чупрова является наилучшимъ сжатымъ введеніемъ въ эту область, такъ какъ онъ охватываетъ вкратцѣ всѣ періоды и ставитъ развитіе ученій въ связь съ нѣкоторыми сторонами хозяйственнаго быта нѣкоторыхъ

[1]) Програмы домашняго чтенія въ 1894—95 годы, стр. 105—110.

странъ (главнымъ образомъ—Англіи). На случай невозможности пользоваться книжкой г. Чупрова, предлагается переводъ книжки Ингрэма, оставляющей, однако, желать многаго по полнотѣ.—Болѣе подробно ознакомиться съ исторіею хозяйственной литературы можно: a) для періода до Ад. Смита — по 1-му тому сочиненія Kautz'a, не переведенному на русскій языкъ и написанному довольно тяжело, b) а для періода послѣ Ад. Смита—по книгамъ Гильдебранда, Иванюкова и Зибера; первая изъ нихъ, нѣсколько устарѣла и страдаетъ пробѣлами, вторая значительно полнѣе и современнѣе, третья (въ теоретическихъ главахъ) подробно знакомитъ съ развитіемъ трудовой теоріи въ лицѣ двухъ величайшихъ ея представителей. — Наконецъ, книги Шеффле, Ант. Менгера, Меринга и Лавеле знакомятъ въ существенныхъ чертахъ, съ экономической теоріей соціализма; послѣдняя изъ нихъ имѣетъ крупные пробѣлы, но рекомендуется, какъ единственная, заслуживающая вниманія, работа на русскомъ языкѣ по этому предмету. — Сказанными сочиненіями заканчивается исторія экономической литературы.

Знакомство съ исторіей хозяйственнаго быта естественно начать съ быта первобытныхъ народовъ. Работы Зибера, Мена и Лавеле раскрываютъ картину примитивныхъ хозяйственныхъ отношеній. Изслѣдованіе Родбертуса даетъ возможность прослѣдить экономику Рима, а книги Бланки и Бюхера, пополняя свѣдѣнія о хозяйственномъ бытѣ античнаго міра, слѣдятъ за развитіемъ экономическихъ отношеній въ послѣдующее время и даютъ описаніе натуральнаго хозяйства и начала промышленнаго развитія въ средніе вѣка. Характерную иллюстрацію земельныхъ отношеній въ тотъ же періодъ сообщаютъ изслѣдованія Нассе и Виноградова. — Крупный переломъ экономическихъ отношеній, имѣвшій мѣсто на рубежѣ среднихъ и новыхъ вѣковъ, отчетливо изложенъ въ историческихъ главахъ названнаго уже выше сочиненія Зибера, а дальнѣйшая исторія хозяйственнаго быта новаго времени достаточно ясно очерчивается работами Гельда, г. Янжула и г. Карѣева.—Переходя, наконецъ, къ XIX вѣку, сообщается рядъ изслѣдованій и статей, характеризующихъ современное состояніе двухъ главнѣйшихъ вопросовъ хозяйственнаго быта — рабочаго и земельнаго. — Въ заключеніе этого отдѣла для лицъ, владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ, рекомендуется 16 статей изъ словаря Конрада, служащихъ весьма цѣннымъ дополненіемъ соотвѣтственныхъ отдѣловъ программы.

Третій отдѣлъ начинается двумя сочиненіями г. Семевскаго, рисующими хозяйственный бытъ русскихъ крѣпостныхъ до ихъ освобожденія. Статья г. Мякотина преслѣдуетъ ту же цѣль по отношенію къ Малороссіи. Книга г. Иванюкова раскрываетъ процессъ паденія крѣпостного права, а работы г. Ходскаго, кн. Васильчикова и Янсона знакомятъ съ земельными отношеніями крестьянъ всѣхъ разрядовъ въ періодъ послѣ земельнаго устройства послѣднихъ въ 1861, 1865 и 1866 годахъ съ послѣдующими измѣненіями и дополненіями. Книга г. Карышева дополняетъ этотъ обзоръ русскаго землевла-

дѣнія свѣдѣніями о пользованіи крестьянами внѣнадѣльными землями. Работа г. В. В. знакомитъ съ тѣми процессами, которые совершаются въ крестьянскомъ земледѣліи. Статья г. Фортунатова отчасти освѣщаетъ вопросъ о постановкѣ сельскихъ рабочихъ, а его книга даетъ суммарныя свѣдѣнія о современномъ положеніи русскаго земледѣлія.—Крупная работа г. Николая—она наиболѣе полно и всесторонне разсматриваетъ всѣ факторы хозяйственной жизни Россіи въ ихъ взаимодѣйствіи въ переживаемое время.—Далѣе, представляется для русскаго читателя необходимымъ подробно ознакомиться съ господствующей у насъ формой пользованія крестьянами своей землей — съ общиннымъ землевладѣніемъ. Работы гг. Соколовскаго и Приклонскаго характеризуютъ нашу сѣверную общину, г. Орлова—общину центральныхъ губерній, г. Трирогова—общину на Волгѣ, г. Лучицкаго—общину въ Малороссіи, г. Соколовскаго и г. Щербины—общину казацкую и новороссійскую г. Кауфмана—общину въ Сибири. Небольшая книга г. Карелина и обширный трудъ г. В. В. даютъ очеркъ почти всѣхъ изслѣдованныхъ разновидностей общины и какъ бы суммируютъ выводы вышеназванныхъ изслѣдованій. Извѣстное сочиненіе г. Посникова подробно разбираетъ возраженія, направленныя противъ общиннаго землевладѣнія, а статьи г. Карышева и Котелянскаго дополняютъ это параллелями хозяйствъ общиннаго и подворнаго типа.—Въ нѣкоторыхъ главахъ книги г. Ядринцева читатель найдетъ характеристику главнѣйшихъ хозяйственныхъ чертъ Сибири.—Работа г. Исаева, хотя и нѣсколько устарѣвшая и книжка г. В. В. даютъ общія понятія объ артеляхъ. Свѣдѣнія о кустарной промышленности наиболѣе сжато и систематично изложены въ небольшой книжкѣ г. В. В., посвященной этому предмету. Книги гг. Святловскаго, Дементьева и Янжула и статья г. Марусина раскрываютъ характерныя черты нашего фабричнаго быта, а статьи г. Карышева даютъ статистическіе итоги русской индустріи до начала 90-хъ годовъ. Наконецъ, извѣстная работа г. Григорьева представляетъ наилучшее изслѣдованіе нашего переселенческаго движенія.

I Теорія.

*1) Карлъ-Менгеръ. Изслѣдованія о методахъ соціальныхъ наукъ и политической экономіи въ особенности.—СПб. 1894. Перев. подъ редак. Гурьева, или Левитскій.—Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ. Ярослав. 1890.

2) А. И. Чупровъ. Политическая экономія. М. 1892, или (въ случаѣ невозможности достать эту книгу).

*А. А. Исаевъ. Начала политической экономіи. СПб. 1891.

3) Сочиненія Давида Рикардо, перев. Н. Зибера, СПб. 1882.—Главы I—VII, XIX—XXIV, XXVI, XXX, XXXI, „О покровительствѣ земледѣлію“ и приложенія переводчика.

Примѣчаніе. Для усвоенія этой книги рекомендуется вопросникъ къ соч. Рикардо, составленный проф. Чупровымъ.

4) Д. С. Милль. Основанія политической экономіи. СПб. 1865.

5) К. Марксъ. Капиталъ, т. I. СПб. 1872.

6) Rodbertus-Iagetzow. Zur Beleuchtung der socialen Frage.—Berlin 1875.
7) „ „ Das Kapital.—Berlin 1884.

II. Исторія экономическихъ ученій и хозяйственнаго быта.

1) А. И. Чупровъ. Исторія политической экономіи. М. 1892, или (въ случаѣ невозможности достать эту книгу)

*Джонъ Ингрэмъ. Исторія политической экономіи. — Перев. подъ ред. Янжула М. 1891.

2) Iulius Kautz. Die geschichtliche Entwickelung der Nationaloekonomik und ihrer Literatur. B. I (Buch I, II und III). Wien 1860.

3) Гильдебрандъ. Политическая экономія настоящаго и будущаго. Перев. Щепкина. М. 1860.

4) Иванюковъ. Основныя положенія теоріи экономической политики съ Ад. Смита до настоящаго времени. 3-е Изд. М. 1891.

5) Зиберъ. Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ. Глава I—VIII и XII—XIII. СПб. 1885.

6) Schaeffle. Quintessenz des Socialismus. 8 Aufl. 1884.

7) Ant. Menger. Das Recht auf den vollen Arbeitsertrag. Stuttgart. 1891. 2 Aufl.

8) Mehring. Die deutsche Socialdemocratie, ihre Geschichte und Theorie.— 3 Aufl. 1879.—Русское переложеніе 1-й изд. этой книги см. „Вѣстникъ Европы“ 1879 № 1: А-въ—„Соціальное движеніе въ Германіи“.

9) Лавелэ. Современный соціализмъ. СПб. 1882.

10) Зиберъ. Очерки первобытной культуры. М. 1883. Главы I — VII, и IX—X.

11) Мэнъ. Деревенскія общины Востока и Запада.

12) E. de Laveleye. De la proprieté et ses formes primitives. Paris. Послѣднее изданіе 1891 г.—Имѣется русскій переводъ этой книги.

13) Родбертусъ.—Изслѣдованія въ области національной экономіи классической древности. Перев. подъ редакц. Тарасова. Вып. I — IV. Ярославль 1881, 1884, 1887.

14) Ад. Бланки.—Исторія политической экономіи въ Европѣ. Перев. Бибикова. СПб. 1869. Т. I-й.

15) Karl Bücher. Die Entstehung der Volkswirthschaft.—Tübingen. 1883.— Первые два этюда: I Die Entstehung der Volkwirthschaft и II Die gewerblichen Betriebsysteme in ihren geschichtlichen Entwickelung—стр. 1—118.

16) Ковалевскій. Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ. М. 1880.

17) Нассе. Сельская община въ Англіи „Ежегодникъ Демидовскаго Лицея“ 1875.

18) Виноградовъ. Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка. СПб. 1887 г.—стр. 107—185, 214—219, 243—259.

19) Зиберъ.—Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ. СПб. 1885. Главы IX, X и XI.

20) Held,—Zwei Bücher zur socialen Geschicte Englands. Leipzig. 1881. Zweites Buch, Capitel I—VI, S. 407—666.

21) Э. Зевортъ. Исторія новаго времени, Кіевъ, 1883, главы: въ XVI в. 5, 6 и 7, къ XVII и XVIII—7, 8, 9.

22) Янжулъ. Англійская свободная торговля, т. I и II. М. 1881 и 1882.

23) Карѣевъ. Крестьяне во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в. М. 1879.

24) Карѣевъ. Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ. Варшава. 1881.

25) Ланге. Рабочій вопросъ. СПб. 1892.

26) Яроцкій. Экономическая отвѣтственность предпринимателей. 1887, ч. I.

27) Яроцкій. Страхованіе рабочихъ. Спб. 1896.

28) Сидней Веббъ и Коксъ. 8 часовой рабочій день. СПб. 1892.

29) Brentano. Arbeitsverhältnisse gemäss dem heutigen Recht. 1877.

30) Georg Adler. Die Geschichte der ersten Socialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland. Breslau. 1885.

31) Leon Smith. Les coalitions et les grèves. 1886.

32) Lexis. Gewerkvereine und Unternehmungsbände in Frankreich. 1880.

33) Гольденвейзеръ. Соціальныя теченія и реформы XIX в. въ Англіи. Кіевъ. 1891.

34) Миклашевскій. Рабочій вопросъ и соціальное законодательство въ Германіи. „Сборникъ Правовѣдѣнія“, т. III.

35) W. Stieda. Die deutsche Hausindustrie. Leipzig. 1889.

36) А. Исаевъ. Промышленныя товарищества во Франціи и Германіи. 1879.

37) Озеровъ. Общества потребителей. СПб. 1894. ч. I. Общества потребителей на Западѣ, стр. 13—98.

38) Эрвинъ Нассе. Земледѣліе и аграрныя отношенія въ Англіи. Ярослав. 1893.

39) Владѣніе и пользованіе землей въ разныхъ странахъ. СПб. 1871.

40) Ходскій. Земля и земледѣлецъ, т. I. СПб. 1891. Главы III — VII.

41) Карышевъ. Статьи „Землевладѣніе“, „Землепользованіе“ и „Земледѣльческіе рабочіе“ въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза и Ефрона т. XII, вып. 23-й.

42) Lorenz von Stein. Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft.—Stuttgart. 1881.

43) Каблуковъ. Вопросъ о сельско-хозяйственныхъ рабочихъ въ Англіи. М. 1884.

44) Мануиловъ. Аренда земель въ Ирландіи. М. 1895.

45) Статьи въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften (herausgegeben von Conrad, Elster, Lexis u. Loening) 6 Bände, Iena 1890—1894:

1) Gewerbe von Bücher, B. III S. 922.
2) Gewerkvereine in einzelnen Staaten (разныхъ авторовъ) B. IV. S. 7.
3) Zunftwesen von Stieda. B. VI. S. 878.
4) Hanse von Schäfer, B. IV S. 386.
5) Arbeiterschutzgesetzgebung (разныхъ авторовъ) B. I S. 400.
6) Sociale Reformbestrebungen (разныхъ авторовъ) B. V S. 741.
7) Socialismus und Kommunismus von Georg Adler, B. V S. 769.
8) Socialdemocratie. von Georg Adler.—B. V. S. 707.
9) Agrargeschichte von Lamprecht. B. I. S. 51.
10) Naturalwirthschaft. von Lexis B. V S. 15.
11) Allmenden von Bücher, B. I S. 181.
12) Feldgemeinschaft von Aug. Meitzen, B. III S. 368.
13) Geschichte des Grundbesitzes von Lamprecht. B. IV S. 139,
14) Latifundien von Conrad. B. IV. S. 971.
15) Bauernbefreiung (разныхъ авторовъ) B. II S. 182.
16) Erbpacht von Paasche, B. III S. 284.

III. Изслѣдованіе хозяйственнаго быта Россіи.

1) В. И. Семевскій. Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Спб. 1881.

2) В. И. Семевскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII в. и первой четверти XIX в. Спб. 1888, т. I; главы I. III—VII, XI—XXVIII, т. II гл. II—III, VI—XIII, XVI—XX.

3) Мякотинъ. Прикрѣпленіе крестьянъ въ Малороссіи. „Русское Богатство" 1894 г. №№ 2, 3 и 4.

4) Иванюковъ. Паденіе крѣпостного права въ Россіи. М. 1882.

5) Ходскій. Земля и земледѣлецъ. Т. II. Спб. 1891.

6) Кн. Васильчиковъ. Землевладѣніе и земледѣліе. Спб. 1876. Т. I гл. IX.

7) Янсонъ. О крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ. Изд. 2-е. Спб. 1881.

8) Карышевъ. Крестьянскія внѣ-надѣльныя аренды.—Итоги экономич. изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. II. Дерптъ. 1892.

9) В. В. Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Спб. 1892.

10) Фортунатовъ. Поденная плата въ русскомъ земледѣліи—„Русская Мысль" 1883. VI.

11) Фортунатовъ. Сельско-хозяйственная статистика европейской Россіи. М. 1893.

12) Николай—онъ. Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства. Спб. 1893.

13) Соколовскій. Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи. Спб. 1877.

14) Приклонскій. Народная жизнь на сѣверѣ. М. 1884. Главы IV—IX.

15) В. И. Орловъ. Формы крестьянскаго землевладѣнія. М. 1879.—Сборникъ стат. свѣдѣн. по Московской губ. т. IV, вып. I.

16) Трироговъ. Община и подать. Спб.

17) Лучицкій. Займанщина и формы заимочнаго владѣнія въ Малороссіи.—Юридич. Вѣстникъ, 1890, т. I, стр. 391.

18) Соколовскій. Экономическій бытъ крестьянъ передъ прикрѣпленіемъ. Спб. 1878.

19) Щербина. Община Верхнеднѣпровскаго уѣзда.—„Русская Мысль" 1880 № 4.

20) Кауфманъ. Застывшая исторія общины.—„Вѣстникъ Европы" 1893. № 6 стр. 497.

21) А. Карелинъ. Общинное землевладѣніе въ Россіи.—Спб. 1893.

22) В. В. Крестьянская община.—Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I. М. 1892.

23) Посниковъ. Общинное землевладѣніе. Т. I и II. Одесса. 1877 и 1878.

24) Карышевъ. Подворное и общинное хозяйство. „Русское Богатство" 1894 № 1 и 6.

25) Котелянскій. Очерки подворной Россіи.—„Отеч. Зап." 1878 № 2 и 8, 1879 № 1.

26) Ядринцевъ. Сибирь, какъ колонія. Спб. 1892. Изд. 2-е. Главы V (стр. 137—145), VII, X, XI.

27) В. В. Очерки кустарной промышленности въ Россіи. Спб. 1886.

28) В. В. Артель въ кустарномъ промыслѣ. Спб. 1895.

29) Исаевъ. Артели въ Россіи. Спб. 1881.
30) Святловскій. Фабричный рабочій. Варшава. 1889.
31) Дементьевъ. Фабрика. М. 1893.
32) Янжулъ. Фабричный бытъ рабочихъ Московской губ. М. 1884.
33) Марусинъ. Фабрично-заводскій трудъ въ Россіи. „Сѣверн. Вѣсти." 1891 № 10 и 11.
34) Карышевъ. Русская фабрично-заводская промышленность въ 1885—1891 гг. „Руское Богатство" 1894 № 11 и 12.
35) Григорьевъ. Переселенія крестьянъ Рязанской губ.—М. 1885.

Отчетъ о состояніи и дѣятельонсти Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ за 1894 годъ [1]).

Общество вступило въ четвертый годъ своего существованія въ количествѣ 273 дѣйствительныхъ членовъ и 1 члена соревнователя. Въ теченіе этого года умерло три члена: Н. М. Ядринцевъ, Е. И. Утинъ и Д. Ѳ. Масловскій и поступило 4 новыхъ члена. Въ обществѣ такимъ образомъ къ концу отчетнаго года числилось: 274 дѣйствительныхъ члена и 1 членъ соревнователь. Въ составѣ комитета также произошли перемѣны: въ силу § 20 Устава выбыли: С. Л. Пташицкій и С. Л. Степановъ и на общемъ собраніи 15 декабря 1893 года избраны были П. Д. Погодинъ и В. И. Семевскій. Въ нынѣшнемъ году въ силу того же § 20 Устава выбываютъ: А. С. Лаппо-Данилевскій и Г. В. Форстенъ, кромѣ П. Д. Погодина, выбывающаго по случаю отъѣзда заграницу.

Средства Общества въ нынѣшнемъ отчетномъ году (съ 1 декабря 1893 г. по 15 декабря 1894 г.) опредѣляются нижеслѣдующими данными:

ПРИХОДЪ.

А. Остатокъ отъ прошлаго года	416 р. 97 к.
В. Поступленіе 1893—1894 гг.:	
1) Членскіе взносы: 53 пятирублевыхъ . . .	265 „ — „
„ „ 1 сторублевый	100 „ — „
Итого . . .	365 р. — к.
2) Отъ Университета на изданіе Историческаго Обозрѣнія	300 р. — к.
3) Отъ продажи экземпляровъ Историческаго Обозрѣнія (т. I—VII)	592 „ 50 „
Итого поступленій за 1893—1894 гг.	1257 р. 50 к.
Итого поступленій за истекшій годъ съ остаткомъ.	1674 р. 47 к.

[1]) Протоколы засѣданій Общества будутъ за недостаткомъ мѣста помѣщены въ т. IX „Историческаго Обозрѣнія".

РАСХОДЪ.

1) На изданіе Историческаго Обозрѣнія. . .	626 р. — к.
Гонораръ А. И. Браудо.	50 „ — „
Итого	676 р. — к.
2) Почтовые расходы.	26 р. 81 к.
3) Вознагражденіе А. К. Кириллову за письмоводство	60 „ — „
4) Расходы по библіотекѣ Общества	— „ 50 „
Итого	87 р. 31 к.
5) Мелкіе расходы.	5 р. — к.
Итого расходовъ въ отчетномъ году . . .	768 р. 31 к.
Въ остаткѣ къ 15 декабря 1894 г. . .	489 „ 19 „
Долгу на Обществѣ по типографіи числится	661 р. 80 к.

Въ библіотекѣ Общества къ 1-му декабря 1894 г. числилось: а) книгъ брошюръ и оттисковъ 428 названій въ 661 томѣ и в) періодическихъ изданій 30. Въ отчетномъ году составъ библіотеки продолжалъ пополняться, благодаря пожертвованіямъ частныхъ лицъ и учрежденій, а также взаимному обмѣну, въ который Общество вступало съ разными учрежденіями и редакціями. Пожертвованія сдѣланы были слѣдующими лицами и учрежденіями: гг. Виноградовымъ, Карѣевымъ, А. К., Крейсбергомъ, Кулаковскимъ, Левитскимъ, Лучицкимъ, Пантелѣевымъ, Пискорскимъ, Погодинымъ, Посниковымъ, Савеловымъ, Сторожевымъ и Шуваковымъ, а также Нижегородской архивной коммиссіей, редакціей Muzeum'a и редакціей изданій Ординаціи Красинскихъ. Обмѣнъ на изданія Общества происходилъ съ редакціями слѣдующихъ русскихъ и иностранныхъ журналовъ: Вопросы философіи и психологіи, Сѣверный Вѣстникъ, Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, Ученыя Записки Казанскаго Университета, Записки Нео-Филологическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ, Записки Императорскаго Новороссійскаго Университета, Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, Записки Имп. Харьковскаго Университета, Варшавскія Университетскія Извѣстія, Кіевскія Университетскія Извѣстія, Извѣстія Общества археологіи, исторіи и этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ, Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи, Книговѣдѣніе, Этнографическое Обозрѣніе, Отчетъ о дѣятельности Петровскаго Общества изслѣдователей Астраханскаго края, Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества, Кіевская Старина, Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей, Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца; Ateneum, Kwartalnik Historiczny, Cesky Lid, Casopis Musea Ceskeho, Muzeum czasopismo Towarzystwa Nauczycieli szkol

wyższych, Przegląd polski, Przegląg powszechny, Deutsche Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Такимъ образомъ въ отчетномъ году поступило въ библіотеку общества: а) книгъ и брошюръ: 28 названій въ 45 книгахъ; в) періодическихъ изданій 27.

Съ 1 декабря 1892 г. по 15 декабря 1893 года было VII общихъ собраній членовъ Общества. Научныя сообщенія, читанныя на этихъ собраніяхъ, сдѣланы были слѣдующими лицами: А. С. Лаппо-Данилевскимъ: Нѣсколько словъ о научныхъ заслугахъ д-ра Ингвальда-Ундсета; В. И. Семевскимъ: Нѣсколько словъ въ память Н. М. Ядринцева; В. А. Мякотинымъ: О прикрѣпленіи крестьянства лѣвобережной Малороссіи въ XVIII вѣкѣ; Н. Д. Чечулинымъ: Проектъ государственнаго совѣта при Екатеринѣ II; В. В. Новодворскимъ: О Репеллѣ и его значеніи въ польской исторіографіи; В. И. Модестовымъ: Вопросъ объ источникахъ историческихъ сочиненій Тацита; В. И. Семевскимъ: Изъ прошлаго рабочихъ на золотыхъ промыслахъ Сибири на основаніи архивнаго матеріала 1860-хъ годовъ; Н. И. Карѣевымъ: О новой исторической теоріи съ экономическимъ оттѣнкомъ и А. М. Ону: О чтеніи и критикѣ текста въ новой исторіи. Кромѣ рефератовъ, читаны были сообщенія о новыхъ книгахъ: Н. А. Колоколовымъ о книгѣ о. Пирлинга: Papes et tsars и В. А. Мякотинымъ о книгѣ А. Лазаревскаго: Описаніе Старой Малороссіи т. II (Полкъ Нѣжинскій).

Педагогическая секція Общества собиралась въ отчетномъ году два раза для слушанія и обсужденія рефератовъ Я. Г. Гуревича «Историческія параллели въ ряду письменныхъ работъ по исторіи въ среднеучебныхъ заведеніяхъ» и С. Л. Степанова объ учебникѣ древней исторіи проф. Виноградова.

По примѣру прошлыхъ лѣтъ Общество продолжало издавать подъ редакціей Н. И. Карѣева Историческое Обозрѣніе. За недостаткомъ денежныхъ средствъ пришлось ограничиться изданіемъ одного VII тома, отложивъ выпускъ въ свѣтъ VIII тома на будущій 1895 годъ.

Составъ Комитета Историческаго Общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Николай Ивановичъ *Карѣевъ* (В. О., 10 л., д. 9).

Товарищъ предсѣдателя Василій Ивановичъ *Семевскій* (В. О., 2 л., д. № 11).

Секретарь Венедиктъ Александровичъ *Мякотинъ* (Коломенская, 15).

Казначей Александръ Исаевичъ *Браудо* (Николаевская, 39).

Библіотекарь Александръ Михайловичъ *Ону* (В. Конюшенная, 1).

Иванъ Михайловичъ *Гревсъ*.

Александръ Сергѣевичъ *Лаппо-Данилевскій* (В. О., Большой просп., д. № 4).

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

восемь томовъ „Историческаго Обозрѣнія“, издаваемаго Историческимъ Обществомъ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ подъ редакціей **Н. И. Карѣева**. Цѣна за I томъ 2 р. 50 к., за II—VI по 2 р. за VII — 1 р. 50 к., за VIII — 2 р. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича. С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 линія, № 28.

ДЕВЯТЫЙ ТОМЪ

„Историческаго Обозрѣнія“ предположено выпуститить въ свѣтъ въ концѣ 1895 года.

Тамъ же продается книга, изданная „Историческимъ Обществомъ“:

ЛИЧНЫЕ МЕМУАРЫ
Г-жи РОЛАНЪ.

Переводъ съ французскаго Н. Г. Вернадской.
С.-Петербургъ, 1893 г. Цѣна 1 р.

Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ типографіи М. М. Стасюлевича.
Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.

3 2044 022 673 131